

Евразийский юридический журнал

№ 8 (87) 2015

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидулович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова – РЭА)

ТОЛСТОПАТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы сновные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 16.08.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И., Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889 e-mail: eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian law journal

№ 8 (87) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV RASHID HUSEYNOVICH, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV PAVEL NIKOLAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BURENINA IRINA VALERYEVNA, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHAYKIN MARK MIKHAYLOVICH, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

LUKOV VALERY ANDREEVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEV YURY NIKOLAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV KASIM SYRBAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

NECHEVIN DMITRIY CONSTANTINOVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ROMANOVSKAYA VERA BORISOVNA, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV ASYLBEK YARYMOWICH, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

TITOV VADIM ALEKSANDROVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

VALEEV REVOL MIRGALIMOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV OLEG ALEKSANDROVICH, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 16.08.2015
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.
Desktop publishing –
Brylev S.O.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов - РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Академия наук Республики Башкортостан)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимирович

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габделисламович, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, LL.D Editorial board members
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
Peoples Friendship University of Russia (PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy,
Associate Professor Ufa State Petroleum Technological University

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
Academy of Sciences of Republic of Baskortostan

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Associate Professor Saratov State
Law Academy

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolievna, Ph.D. in Law, Associate Professor
Saint-Petersburg State University

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Associate Professor Saratov State
Law Academy

HUSEYNOV Oktay Ramazanovich, Ph.D. in Law

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IZMAILOVA Evgeniya Nikolaevna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor

KONNOVA Elena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Senior Researcher

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

MURZAGILDIN Nail Tashtimirovich

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

TRAPEZNIKOV Valery Anatolievich, Ph.D. in Law

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelslamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Рыбаков В. А.:

Современное гражданское право: пути оптимального развития

Интервью с В. А. Рыбаковым, доктором юридических наук, ведущим научным сотрудником Научного центра экономического правосудия Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации..... 8

Михайлова И. А.

О профессоре В. А. Рыбакове 10

Синельникова В. Н.

О профессоре В. А. Рыбакове 10

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Понаморенко В. Е.

О путях оптимизации ПОД /ФТ в банковской системе России в условиях евразийской интеграции 11

Назарян Г. С.

Национальные интересы Армении в интеграционных процессах ЕЭС и ЕС..... 14

Струков К. В.

Теоретико-философские основы евразийской интеграции 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Черниченко С. В.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации 21

Смбатян А. С.

Классификация мер как причин возникновения споров ВТО (Часть I) 28

Содилов Ш. Д.

Практика применения дипломатической защиты при решении вопроса об экстрадиции иностранных граждан 34

Хамидова М. Ф.

Принцип комплементарности Международного уголовного суда – правильный подход в отношении преступления агрессии? 36

Кабанов В. Л.

Вклад Межамериканского суда по правам человека в защиту прав детей 38

Конева А. Е., Солнцев А. М.

Интеграция государств юга Африки 43

Алиев Ш. М.

Правовые последствия начала и окончания международных вооруженных конфликтов 47

Савченко С. А.

Процесс взаимодействия норм и принципов международного и национального права..... 54

Повалов К. А.

История создания специального суда по Сьерра-Леоне: роль НПО..... 57

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Лелётина А. В.

Соотношение обязательств Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности, принятых в рамках Всемирной торговой организации и Евразийского Экономического Союза..... 63

Елисеева Е. Г.

Эволюция института доверительной собственности (траста) в странах континентального права..... 70

Занибеков М. М.

Интеллектуальная собственность в международной коммерции..... 74

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кротов А. В.

Пределы государственного суверенитета в постановлении Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ 78

Алексеева Т. В.

Некоторые аспекты медиации в странах Европейского Союза..... 81

Созыкина Е. Э.

Причины реформы европейской патентной системы 84

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Кривенький А. И.

Принципы международного частного права 89

Антонов В. Ф.

Применение доктрины публичного порядка: вопросы теории 97

Залибекова Д. З., Касимова Д. М.

Налоговое регулирование инвестиционной и инновационной деятельности за рубежом 101

Илюхина С. С., Галушкин А. А.

Роль и место таможенных органов РФ во внешнеэкономической деятельности 103

Илюхина С. С.

Анализ взаимодействия таможенных органов РФ и участников ВЭД в международной цепи поставки товаров 106

Климовская Л. Р.

К вопросу о реализации прав трансграничных пациентов на медицинское обслуживание в контексте директивы европейского парламента и совета ЕС 2011/24/EU 108

Шиянов А. В.

Статус транснациональных корпораций как участников международных энергетических отношений 112

Шумаев В. А., Коровяковский Д. Г., Илюхина С. С.

Таможенные инструменты защиты экономики Российской Федерации 117

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Бабаханова Мехрибан Эльдар гызы

Счетная палата Королевства Норвегии как орган парламентского контроля 119

ПРАВО СТРАН СНГ

Богданов В. В., Габдрахманов Ф. В., Корнеева О. В.

Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним, в России, Белоруссии и Казахстане: сравнительно-правовой анализ 121

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Исмаилов Ш. М.

Вопросы совершенствования правового статуса субъектов предпринимательской деятельности 126

Панченко В. Ю., Краснова В. А.

Правовой эксперимент как средство недопущения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов 131

Магомедрасулова Р. Б.

Социальная ценность права 136

Мусаева А. Г.

Характерные отличия государства (публично-правового образования) от иных субъектов права 138

Фастович Г. Г.

Эффективность государственного механизма: правовые средства, критерии, перспективы исследования 140

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Миронова О. А.

Основные исторические этапы развития взаимоотношений государства и православной церкви 143

Прохоров В. В.

Органы милиции Крымской АССР в период сплошной коллективизации (1929-1932 гг.) 147

Бекишиев А. А.

Истоки развития предпринимательского права 150

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Остапович И. Ю.

Роль практики Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении единства и согласованности действующих правовых норм 152

Ибаев Р. К., Омарова З. Н.

Национальный признак российского федерализма 155

Чикотина Н. В.

Некоторые проблемы конституционно-правового статуса регионального парламента 157

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Белова И. А., Акимов М. Ю.

Актуальная практика регионального взаимодействия органов местного самоуправления с представителями малого бизнеса 160

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Петюкова О. Н.

Предметно-структурная характеристика государственно-конфессионального правоотношения как разновидности административного правоотношения 164

Писцов А. В., Петров А. И.

Изменение структуры программы подготовки водителей категории «В» как резерв повышения безопасности дорожного движения 168

Рахчева Ю. Н.

Результат строительных работ как объект удержания 171

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Гузев Ю. А.

Передача прав на результаты интеллектуальной деятельности с участием иностранных лиц..... 174

Азизова П. М.

Понятие правоспособности граждан (физических лиц) на современном этапе 177

Мусаева А. Г., Азизова П. М.

Граждане (физические лица) как субъекты гражданского права..... 179

Мухтаров М. Г.

Имя гражданина как средство его индивидуализации в гражданском обществе..... 181

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

Шайдуллин Р. Р.

Иск как средство защиты прав граждан участвующих в долевом строительстве жилья..... 183

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Бышков П. А.

К вопросу о понятии и правовой классификации энергетических ресурсов 186

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Болтанова Е. С., Мельникова В. Г.

Международные стандарты в сфере обеспечения права граждан на экологическую информацию..... 189

БАНКОВСКОЕ ПРАВО

Винникова И. В.

Банковский надзор и финансовый контроль: соотношение понятий 191

Светлова В. В. Задачи комплексной информационной системы обеспечения экономической безопасности коммерческих банков	194	
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		
Абдулазизова П. Г. Правовая основа муниципальных налогов как финансовой основы бюджетов местного уровня	199	
Бабаева Д. Г. Совершенствование и развитие налогового федерализма в Российской Федерации	201	
Гюльмагомедова Г. А. Аспекты налогового регулирования малого предпринимательства	203	
Залибекова Д. З. Проблемы ответственности за нарушение бюджетного законодательства	205	
Касимова Д. М. Особенности инвестиционной деятельности как объекта налогового регулирования	207	
Пирова Р. Н. Правовое регулирование налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц	209	
Расулова З. Д. Проблемы правового регулирования института налогового консультирования в Российской Федерации	211	
Судейманова А. Ш. Правовые механизмы совершенствования налога на доходы физических лиц	213	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		
Ибрагимов А. Х. Некоторые вопросы уголовно-правового анализа объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ	215	
Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимов А. Х. Некоторые вопросы уголовно-правового анализа особенностей классификации и типологии жертв преступлений против жизни и здоровья человека	217	
Абдулмуслимова Л. Г. К вопросу классификации и типологии жертвы преступлений против жизни и здоровья человека	219	
Петров А. И. О возможностях повышения качества расследования преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями	221	
Евсикова Е. В., Жигулина В. В. Защитное предписание как основная мера предупреждения домашнего насилия	224	
Шахбанова Х. М., Изюмов И. В. Разделение уголовного преследования на публичное, частно-публичное, частное и особенности производства по данным категориям уголовных дел	227	
ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО		
Заидова М. У., Кельбялиев К. Р. Некоторые аспекты злостного уклонения родителя от уплаты средств на содержание детей	229	
Резяпов А. А. Применение иных мер процессуального принуждения к несовершеннолетним свидетелям	231	
КРИМИНАЛИСТИКА		
Галушкин А. А. Некоторые особенности оперативно-розыскной методики раскрытия и расследования преступлений организованных преступных сообществ	234	
Горкина Е. В. О некоторых аспектах научной организации труда следователя	236	
Журавленко Н. И., Михайлова Я. С. Методология расчета неопределенности исходов преступлений экономической направленности при осуществлении оперативно-розыскного прогнозирования	239	
Кунбутаев Н. И. Преступления в сфере экономической деятельности	242	
Минязева Т. Ф., Гамидов Р. Т. Проблема криминологической обусловленности уголовного законодательства о террористической деятельности	244	
Баширова А. К., Юсупкадиева С. Н. Опосредованная проверка показаний на месте: за и против	248	
Юсупкадиева С. Н., Зубairoва А. Б. Теоретические аспекты планирования расследования преступлений	251	
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР		
Алиев Х. О., Заидова М. У. Исторический очерк развития прокуратуры как органа прокурорского надзора в РФ	253	
Алиев Х. О., Шахбанова Х. М. Задачи прокуратуры по координации борьбы правоохранительных органов с преступностью	255	
Чечко О. Л. Ведомственное регулирование противодействия коррупции прокуратурой Российской Федерации	256	
Юсупкадиева С. Н., Гамидов А. М. Роль и значение участия прокурора в судебном разбирательстве	259	
СУДОПРОИЗВОДСТВО		
Магомедова Х. Х. Соотношение нотариальной и судебной форм защиты наследственных прав	261	
АДВОКАТУРА		
Поташник И. М. Вопросы тактики защиты по уголовным делам	263	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА		
Ланченко В. Ю., Шушпанов К. С. Неправомерные ограничения прав человека и юридические препятствия в их реализации: распознавание и преодоление	265	
Абдуллабекова А. Э. Институт уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан	271	
Заидова М. У. Эвтаназия: проблемы применения	273	
Самусевич А. Г., Мамедов Э. Ф. Качество законодательства в механизме обеспечения прав личности	275	
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО		
Ибрагимов А. Ш. Правовое регулирование в сфере противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму в России	278	
ПРАВО И ОБРАЗОВАНИЕ		
Абдуллабекова А. Э., Каримулаева Э. М. Проблема формирования правового воспитания в современной школе	280	
Коровяковский Д. Г. Правовая глобализация как условие развития образования и педагогических методик	282	
Кузнецова К. В. Прогнозирование в системе маркетинга образовательных услуг	284	
Нестерчук О. А. Отражение права на высшее образование в современной государственной образовательной политике	286	
КУЛЬТУРА И ПРАВО		
Пронин А. А. Российское законодательство в сфере культуры	289	
ЭКОНОМИКА И ПРАВО		
Касимова Д. М. Стратегия инвестиционного развития Республики Дагестан	296	
Ибрагимов А. Х. Проблемы совершенствования формирования федерального бюджета	298	
Расулова З. Д. Основные пути решения проблемы уклонения от уплаты налогов	300	
Пирова Р. Н. Правовые механизмы налогообложения аграрного сектора экономики	302	
Мусина Д. Р., Соловьева И. А. Государственное регулирование ценообразования на нефтепродукты в Российской Федерации	304	
ПОЛИТИКА И ПРАВО		
Гришин О. Е. Константность политической системы: технологии разрушения	307	
Ибаев Р. К. Цели социального государства на примере Российской Федерации	310	
Лабыгина А. В. Институционализация социального государства в контексте права человека на достойное существование: теоретико-правовой анализ	312	
Лебедев М. В. Политическая модернизация в социальной сфере России	316	
Мельников А. Г. Мировой опыт развития парламентаризма: компаративистский анализ	319	
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО		
Замятин П. В. Развитие урбанистических концепций в СССР	323	
Фаттахов Т. А., Николаюк Е. А. Ценностные ориентиры как фактор рискованного поведения молодежи	328	
ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО		
Бондаренко Г. В. Метафизика победы	335	
Атаева П. А. Структура философии права	338	
Белоногов Г. Е., Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Экология как философия выживания в XXI веке	340	
Смакаев А. Ф. Противоречия в духовной жизни современного российского общества: потребность человека против духа «потребительства»	344	
ПОЛИЦИИ МИРА		
Бирюков П. Н. Полиция Японии: общие положения	346	
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		351
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		352

PERSONA GRATA

Rybakov V. A.: <i>Modern civil law: the path of optimal development</i> Interview with Ph. D. in Law, leading researcher of the Scientific Centre for Economic Justice of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation V. A. Rybakov.....	8
Mikhailova I. A. About professor V. A. Rybakov.....	10
Sinelnikova V. N. About professor V. A. Rybakov.....	10

EURASIAN INTEGRATION

Ponamorenko V. E. <i>About the ways of optimization of AML/CFT in the Russian banking system in the context of the Eurasian integration.....</i>	11
Nazaryan G. S. <i>Armenia's national interests in the integration processes of the EU and EEC.....</i>	14
Strukov K. V. <i>Theoretical and philosophical foundations of the Eurasian integration.....</i>	17

INTERNATIONAL LAW

Chernichenko S. V. <i>Universally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation.....</i>	21
Smbatyan A. S. <i>Classification of measures as the cause of WTO disputes (Part I).....</i>	28
Sodikov Sh. D. <i>Practice in the application of diplomatic protection when deciding on the extradition of foreign nationals.....</i>	34
Hamidova M. F. <i>The principle of complementarity of the ICC – the right approach in relation to the crime of aggression?.....</i>	36
Kabanov V. L. <i>The contribution of the Inter-American Court of Human Rights to protection of the rights of children.....</i>	38
Koneva A. E., Solntsev A. M. <i>Integration in the South Africa.....</i>	43
Aliiev Sh. M. <i>Legal effects of the outbreak and termination of international armed conflict.....</i>	47
Savchenko S. A. <i>Interacting process of rules and principles in international and national law.....</i>	54
Povalov K. A. <i>History of the Special Court for Sierra Leone: the role of NGOs.....</i>	57

INTERNATIONAL ECONOMICAL LAW

Leletina A. V. <i>The Relationship between obligations of the Russian Federation in the area of intellectual property protection in the World Trade Organization and the Eurasian Economic Union.....</i>	63
Eliseeva E. G. <i>Evolution of institute of trust in civil law countries.....</i>	70
Zanibekov M. M. <i>Intellectual property in international commerce.....</i>	74

EUROPEAN LAW

Krotov A. V. <i>The limits of state sovereignty in the judgments of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation.....</i>	78
Alekseeva T. V. <i>Certain aspects of mediation in the European Union.....</i>	81
Sozykina E. E. <i>Reasons behind EU patent law reform.....</i>	84

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Krivenkiy A. I. <i>Principles of private international law.....</i>	89
Antonov V. F. <i>Application of the doctrine of public policy: theoretical issue.....</i>	97
Zalibekova D. Z., Kasimova D. M. <i>Tax regulation of investment and innovation activities abroad.....</i>	101
Ilyukhina S. S., Galushkin A. A. <i>Role and place of customs authorities of the Russian Federation in the foreign economic activity.....</i>	103
Ilyukhina S. S. <i>The interaction of customs authorities of the Russian Federation and participants of foreign trade activities in the international chain of goods delivery analysis.....</i>	106
Klimovskaya L. R. <i>To the question of implementation of cross-border patients' rights to medical care in context of Directive 2011/24/EU.....</i>	108
Shiyarov A. V. <i>Status of multinational corporations as participants of the international energy relations.....</i>	112
Shumayev V. A., Korovyakovskiy D. G., Ilyukhina S. S. <i>Customs instruments of the economy of the Russian Federation protection.....</i>	117

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Babakhanova M. E. <i>Office of the Auditor General (Riksrevisjonen) as a parliamentary control organ in Norway.....</i>	119
---	-----

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Bogdanov V. V., Gabdrakhmanov F. V., Korneeva O. V. <i>Types of penalties imposed on minors in Russia, Belarus and Kazakhstan: comparative and legal analysis.....</i>	121
--	-----

THEORY OF STATE AND LAW

Ismailov Sh. M. <i>Issues of improving the legal status of subjects of business.....</i>	126
Panchenko V. Yu., Krasnova V. A. <i>Legal experiment as an instrument of prevention of legal barriers to implementation of rights and legitimate interests.....</i>	131
Magomedrasulova R. B. <i>The social value of law.....</i>	136
Musaeva A. G. <i>Differences between the state (public law entity) and other legal entities.....</i>	138
Fastovich G. G. <i>The efficiency of state mechanism: legal tools, criteria, research prospects.....</i>	140

HISTORY OF STATE AND LAW

Mironova O. A. <i>Main historical stages of development of relations between the state and the Orthodox Church.....</i>	143
Prokhorov V. V. <i>Militia organs of the Crimean ASSR in the period of complete collectivization (1929-1932).....</i>	147
Bekishiev A. A. <i>The origins of business law development.....</i>	150

CONSTITUTIONAL LAW

Ostapovich I. Yu. <i>Role of practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring unity and coherence of the existing precepts of law.....</i>	152
Ibaev R. K., Omarova Z. N. <i>National basis of the Russian federalism.....</i>	155
Chikotina N. V. <i>Some problems of constitutional and legal status of the regional parliament.....</i>	157

MUNICIPAL LAW

Belova I. A., Akimov M. Yu. <i>Current practices of regional cooperation of local government with representatives of small business.....</i>	160
--	-----

ADMINISTRATIVE LAW

Petyukova O. N. <i>Subject-structural characteristics of state-religious relations as a kind of administrative relations.....</i>	164
Pistov A. V., Petrov A. I. <i>Restructuring of the category «b» training program as a reserve for road safety increasing.....</i>	168
Rakhcheva Yu. N. <i>Building work result as a retention object.....</i>	171

CIVIL LAW

Guzeev Yu. A. <i>Transfer of rights to results of intellectual activity with participation of foreign persons.....</i>	174
Azizova P. M. <i>The concept of legal capacity of citizens (physical persons) at the present stage.....</i>	177
Musaeva A. G., Azizova P. M. <i>Citizens (physical persons) as subjects of civil law.....</i>	179
Mukhtarov M. G. <i>The name of a citizen as a means of their individualization in civil society.....</i>	181

HOUSING LAW

Shaidullin R. R. <i>Lawsuit as a means of protection of citizens participating in shared housing.....</i>	183
---	-----

NATURE RESOURCES LAW

Byshkov P. A. <i>On the concept and legal classification of energy resources.....</i>	186
---	-----

ECOLOGICAL LAW

Boltanova E. S., Melnikova V. G. <i>International standards in the sphere of ensuring the right of citizens to environmental information.....</i>	189
---	-----

BANKING LAW

Vinnikova I. V. <i>Banking supervision and financial control: concept correspondence.....</i>	191
Svetlova V. V. <i>Objectives of integrated informational system for economic safety of commercial banks.....</i>	194

TAX LAW

Abdulazizova P. G. <i>The legal basis for municipal taxes as the financial basis of local level budgets.....</i>	199
Babaeva D. G. <i>Improvement and development of tax federalism in the Russian Federation.....</i>	201

Gyulmagomedova G. A. Aspects of tax regulation of small business.....	203	SECURITY AND LAW	
Zalibekova D. Z. Problems of a liability for violation of the budget law.....	205	Ibragimova A. Sh. Legal regulation in the field of combatting religious and political extremism and terrorism in Russia.....	278
Kasimova D. M. Features of investing activities as an object of tax regulation.....	207	LAW AND EDUCATION	
Pirova R. N. Legal regulation of tax deductions under the tax on incomes of physical persons.....	209	Abdullabekova A. E., Karimulaeva E. M. Problem of formation of legal education in modern school.....	280
Rasulova Z. D. The problems of the legal regulation of tax advisory services in the Russian Federation.....	211	Korovyakovskly D. G. Legal globalization as condition of a development of education and pedagogical techniques.....	282
Suleymanova S. A. Legal mechanisms to improve the tax on incomes of physical persons.....	213	Kuznetsova K. V. Forecasting in the marketing of educational services.....	284
CRIMINAL LAW		Nesterchuk O. A. Reflection of the right for the higher education in modern state educational policy.....	286
Ibragimova Kh. A. Some issues of criminal legal analysis of the objective element of the crime under the Article 285 of the Criminal Code of the RF.....	215	CULTURE AND LAW	
Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A. Some issues of criminal legal analysis of classification and typology of victims of crimes against life and health.....	217	Pronin A. A. The Russian legislation in the sphere of culture.....	289
Abdulmuslimova L. G. Revisiting classification and typology of victim of crime against life and health.....	219	ECONOMICS AND LAW	
Petrov A. I. About opportunities of improvement of investigation quality of the crimes connected with road accidents.....	221	Kasimova D. M. Strategy of investment development of the Republic of Dagestan.....	296
Evsikova E. V., Zhigulina V. V. Restraining order as a basic measure for preventing domestic violence.....	224	Ibragimova A. Kh. Issues of improving the formation of the federal budget.....	298
Shakhbanova Kh. M., Izyumov I. V. Separation of prosecution into public, private and public, private, and features of proceedings in such categories of criminal cases.....	227	Rasulova Z. D. Key workarounds for tax evasion.....	300
JUVENILE LAW		Pirova R. N. Legal mechanisms of taxation of the agricultural sector.....	302
Zaidova M. U., Kelbaliev K. R. Some aspects of malicious parent's evasion from payment of child support.....	229	Musina D. R., Solovyova I. A. State regulation of pricing for petroleum products in the Russian Federation.....	304
Rezyapov A. A. Use of other coercive procedural measures to minors witnesses.....	231	POLICY AND LAW	
CRIMINALISTICS		Grishin O. E. Constancy of the political system: technology of destruction.....	307
Galushkin A. A. Some features of the operational search technique of the disclosure and investigation of crimes committed by the organized criminal communities.....	234	Ibaev R. K. Objectives of social state by the example of the Russian Federation.....	310
Gorkina E. V. Some aspects of the scientific organization of investigator's labor.....	236	Labygina A. V. The institutionalization of the welfare state in the context of the human right to a decent life: theoretical and legal analysis.....	312
Zhuravlenko N. I., Mikhailova Ya. S. Methodology for calculating the uncertain outcome of economic crimes in carrying out operational investigative prediction.....	239	Lebedev M. V. Political modernization in the social sphere of Russia.....	316
Kunbutaev T. N.-I. Crimes in the sphere of economic activity.....	242	Melnikov A. G. World experience of parliamentary development: comparative analysis.....	319
Minyazeva T. F., Gamidov R. T. The problem criminological conditioning of criminal law on terrorist activities.....	244	SOCIOLOGY AND LAW	
Bashirova A. K., Yusupkadieva S. N. Indirect verification of testimony on site: pro et contra.....	248	Zamyatin P. V. The urban development concepts in the USSR.....	323
Yusupkadieva S. N., Zubairova A. B. Theoretical aspects of planning the investigation of crimes.....	251	Fattakhov T. A., Nikolayuk E. A. Values orientations as a factor of youth's risk behavior.....	328
PROSECUTOR'S SUPERVISION		PHILOSOPHY AND LAW	
Aliiev Kh. O., Zaidova M. U. Historical overview of the development of the Prosecutor's Office as a body of public prosecutor's supervision in the Russian Federation.....	253	Bondarenko G. V. Metaphysics of victory.....	335
Aliiev Kh. O., Shakhbanova Kh. M. Tasks of prosecutor's office in coordination of fight of law-enforcement bodies against crime.....	255	Ataeva P. A. The structure of the philosophy of law.....	338
Chechko O. L. Departmental regulation of anti-corruption by Prosecutor's Office of the Russian Federation.....	256	Belonogov G. E., Bondarenko A. V., Lukiyarov M. Yu. Ecology as a philosophy of human survival in the twenty-first century.....	340
Yusupkadieva S. N., Gamidov A. M. The role and importance of participation of the prosecutor in the trial.....	259	Smakaev A. F. Contradictions in spiritual life of modern Russian society: need of the person against spirit of «consumerism».....	344
JUDICIARY		THE POLICE OF WORLD	
Magomedova Kh. Kh. The ratio of notarial and judicial forms of inheritance rights protection.....	261	Biryukov P. N. The police of Japan: general provisions.....	346
ADVOCACY		INFORMATION FOR AUTHORS.....	351
Potashnik I. M. Questions of protection tactics on criminal cases.....	263	ABOUT THE AUTHORS.....	352
HUMAN RIGHTS			
Panchenko V. Yu., Shushpanov K. S. Unlawful restrictions of human rights and legal barriers in their implementation: recognition and overcoming.....	265		
Abdullabekova A. E. Institute of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Dagestan.....	271		
Zaidova M. U. Euthanasia: application problems.....	273		
Samusevich A. G., Mamedov E. F. The quality of legislation in the mechanism of ensuring the rights of the individual.....	275		

В. А. Рыбаков:

СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ПУТИ ОПТИМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Интервью с доктором юридических наук, ведущим научным сотрудником Научного центра экономического правосудия Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации В. А. Рыбаковым

V. A. Rybakov:

MODERN CIVIL LAW: THE PATH OF OPTIMAL DEVELOPMENT

Interview with Ph. D. in Law, leading researcher of the Scientific Centre for Economic Justice of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation V. A. Rybakov

В. А. Рыбаков

Визитная карточка:

Вячеслав Александрович Рыбаков – выпускник Саратовского юридического института имени Д. И. Курского. В 1973–1976 годах работал в органах прокуратуры. В 1979 г. окончил аспирантуру Саратовского юридического института имени Д. И. Курского, защитил кандидатскую диссертацию, в 1993 г. – докторскую диссертацию, и 21 июня 1995 г. решением Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию ему было присвоено звание профессора.

С 1976 по 1981 г. работал в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского; с 1981 по 2002 г. – в Рязанской высшей школе МВД СССР (Академии ФСИН России); с 2002 по 2006 г. – во Всероссийской государственной налоговой академии; с 2006 по 2013 г. – в Московском государственном областном социально-гуманитарном институте; с 2013 по 2015 г. – в Рязанском государственном институте имени С. А. Есенина; с 2015 г. – в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научного центра экономического правосудия.

Действительный член Петровской академии наук и искусств; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации; мастер спорта СССР; полковник в отставке.

Под научным руководством В. А. Рыбакова было защищено 45 кандидатских диссертаций, и десять из подготовленных им кандидатов юридических наук впоследствии успешно защитили докторские диссертации. Им опубликовано около 300 научных работ общим объемом 330 п.л. С середины 80-х годов В. А. Рыбаков основательно занимается исследованием проблем формирования гражданско-правовой активности, собственности и права собственности, теории функций гражданского права. Итогом таких исследований явились следующие основные монографии: «Позитивная юридическая ответственность (воспитательные аспекты)», «Роль гражданского права в формировании правосознания граждан», «Проблемы формирования гражданско-правовой активности», «Собственность и право собственности» (в соавторстве с В. А. Тарховым), «О системе собственности», «Функции гражданско-правового регулирования», «Избранные труды по гражданскому праву», «Социальная функция права собственности» (в соавторстве с В. Н. Соловьевым), «Теория функций гражданского права: методологические и воспитательные аспекты». Всего им издана 31 книга.

– **Уважаемый Вячеслав Александрович, первый вопрос Вам как известному представителю отечественной цивилистики: нельзя ли вкратце рассказать об основных проблемах, не нашедших в настоящее время своего разрешения, в этой отрасли российской науки?**

– К числу таких проблем следует отнести определение перспектив и направлений дальнейшего развития цивилистической науки в русле современных тенденций гражданско-правовой доктрины. От этого зависит и дальнейшее формирование гражданского законодательства, а стало быть, и оптимальное регулирование общественных отношений, являющихся предметом гражданского права. Жизнь показала, что стабильность и правопреемственность гражданского законодательства во многом зависит от его неразрывной связи с наукой гражданского права. В целом же система права должна находить свою опору и отражение в системе законодательства, а в конечном итоге они должны совпадать.

Что касается доктрины гражданского права, то она в настоящее время нередко подвергается критике определенной частью молодого поколения отечественных цивилистов, требующих пересмотра многих ее параметров. Стала культивироваться проидалистическая концепция методологии частного права. Предан забвению диалектический материализм. В конечном счете провозглашается, что для цивилистической доктрины необходимы и важны «чистые конструкции», освобожденные от наслоений фактической неразумности. Проявление конструкции идеального образования – высшая цель доктрины. Доктрина гражданского права суть наука по каталогизации правовых конструкций, идеальных построений.

Что можно сказать по этому поводу? Из подобных методологических подходов, заимствованных из западных образцов, и родилась сомнительная концепция о едином праве собственности, полностью игнорирующая множественность форм и видов собственности и (самое главное) – не учитывающая собственный российский опыт, национальные традиции и правовую идеологию. Данная концепция не учитывает давно доказанную истину: право само по себе ничего не дает, а только санкционирует существующие отношения.

– **А каково же, на Ваш взгляд, оптимальное направление исследования сложнейших проблем права собственности?**

– Убежден, что доктринальные и концептуальные проблемы собственности целесообразно исследовать в рамках плюралистической модели форм собственности. Плюрализм форм собственности, к стати, закрепленный российским законодательством, более адекватно характеризует и раскрывает современные сложнейшие отношения собственности и права собственности, дает возможность их научной классификации, а также конкретное представление о собственности как целостной и системной категории, представляющей собой единство закономерно существующих и взаимосвязанных частей: типов, форм и видов собственности. Такой подход принципиально отвергает концепцию о едином праве собственности.

– **Что Вы думаете о конвергенции частного и публичного права с позиции доктринального исследования проблем права собственности?**

– Безусловно, подобное исследование важно проводить в рамках существующей системы права, в которой всесторонне функционирует такая фундаментальная отрасль, как гражданское право. Именно эта отрасль берет на себя основную мис-

Вячеслав Александрович Рыбаков

В. А. Рыбаков с коллегами по кафедре

сию по регулированию отношений собственности. Право собственности является важным институтом гражданского права, и раскрыть сущность права собственности, разобраться в его субъективном и объективном аспектах, установить особенности содержания, возникновения, осуществления и прекращения, а также выявить правовой режим объектов можно только в рамках цивилистической конструкции. Допускается методологическая ошибка, когда этот институт объявляется межотраслевым. Например, необоснованно утверждается, что налоговые отношения равнозначны отношениям собственности. Дело в том, что изъятие налоговых платежей невозможно осуществлять по правилам ст. 35 Конституции РФ. Другое дело – изъятие имущества, находящегося в частной собственности, в пользу государства по правилам гражданского законодательства. При взимании налога речь не идет об изъятии имущества из частной собственности в государственную. Согласно указанной конституционной норме никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Отрасль гражданского права не может быть «растворена» и «обезличена» в частном праве, как это иногда пытаются сделать. Более того, в рамках конвергенции частного и публичного права нередко ставится задача разрушить и придать забвению всю систему российского права, оставив две основные ветви права – публичное и частное, содержащие нормы комплексных отраслей законодательства. В связи с отмеченными тенденциями хотелось бы подчеркнуть, что частное и публичное право являются лишь общими знаменателями соответствующих отраслей в российской системе права, которые органически интегрируют их, придавая им более четкую системность и стройность, создавая условия для оптимального законодательного обеспечения развития публичных и частных отношений.

– Какова роль Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации в совершенствовании современной правовой политики?

– Концепция является своеобразным локомотивом развития всей системы российского законодательства, способным оказать положительное воздействие, в конечном счете, на всю российскую правовую политику. Это связано с магистральными направлениями и положениями Концепции, существенно расширяющими круг и содержание гражданских прав субъектов, правовую свободу собственников, стабильность и гарантированность товарно-денежных связей, а также отношений в сфере интеллектуальной деятельности. Подобной Концепции

нет ни в одной другой отраслевой науке. Цивилисты показали достойный пример.

Концепция глубоко научна и фундаментальна, выработана коллективом крупных и известных ученых. Вот их имена: Ю. К. Толстой, В. Ф. Яковлев, А. Л. Маковский, В. В. Витрянский, Е. А. Суханов и другие, а всего 18 докторов и 25 кандидатов юридических наук.

И последнее, о главном. Оптимальное развитие гражданского законодательства должно осуществляться с максимальным учетом предмета и принципов гражданского права, а также его метода и функций. Именно они формируют особенности отраслевого режима гражданско-правового регулирования и определяют характер и направленность развития гражданского законодательства. Возьмем, для примера, гражданско-правовой метод, имеющий дозволительный, правонаделительный характер. Без его учета невозможно решить проблему соотношения частного и публичного элементов при регулировании отношений собственности.

– Что бы Вы хотели пожелать читателям «Евразийского юридического журнала»?

– «Евразийский юридический» журнал является авторитетным изданием, публикующим на своих страницах самые актуальные проблемы юриспруденции. Желаю и дальше продолжать кропотливую работу по ознакомлению читателей с последними достижениями права, в том числе, и в области гражданского права.

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович – кандидат философских наук, заместитель главного редактора Евразийского юридического журнала.

Лукиянов Михаил Юрьевич – кандидат политических наук, ответственный редактор Евразийского юридического журнала.

Михайлова И. А.

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Mikhailova I. A.

Ph. D. in Law, professor of Civil and Entrepreneurial Law sub-faculty of the Russian State Academy of Intellectual Property

За те тридцать лет, что я знаю В. А. Рыбакова, он стал для меня не только замечательным коллегой, но и близким другом. Его научный путь и вклад в отечественную цивилистическую науку вызывают искреннее восхищение, но не меньшее восхищение вызывают его уникальные душевные качества, его великодушие и доброта, наиболее трогательно проявляющиеся по отношению к старшим коллегам. Так, сорок с лишним лет (целую жизнь!) он окружал сыновней заботой своего научного руководителя профессора В. А. Тархова, помогал решать все его многочисленные проблемы, ежегодно навещал, выезжая в Саратов, организовал незабываемое празднование его 90-летнего юбилея и достойно проводил в последний путь.

Так же трогательно он заботился о бывшем начальнике кафедры гражданско-правовых дисциплин Высшей школы МВД СССР, участнике ВОВ Г. В. Воронкове, который после выхода в отставку долго и очень тяжело болел и просто не мог обойтись без всесторонней помощи Вячеслава Александровича.

Такое благодарное, уважительное и трепетное отношение к старшим коллегам и неизменная доброжелательность ко всем окружающим не только вызывают искреннее восхищение у многочисленных друзей, коллег и учеников Вячеслава Александровича, но и учат более внимательно и заботливо относиться к нашим учителям, ко всем представителям старшего поколения.

Спасибо Вам за все, дорогой Вячеслав Александрович, за Ваше удивительное великодушие и душевную щедрость! Долгих и счастливых Вам лет жизни, наполненных наукой, дружбой и счастьем!

Михайлова И. А.

Синельникова В. Н.

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ «Высшая школа экономики»

Sinelnikova V. N.

Ph. D. in Law, professor of Civil and Entrepreneurial Law sub-faculty of the National Research University «Higher School of Economics»

Вначале я познакомилась с трудами Вячеслава Александровича, которые привлекли мое внимание новизной идей, последовательностью изложения материала, логичной аргументацией авторских концепций и уважительным отношением к мнению других ученых.

Затем, когда у меня появились ученики (аспиранты), которые писали диссертации по проблемам, связанным с правом собственности, они, как правило, сверяли свои научные позиции с точкой зрения профессора В. А. Рыбакова.

Диссертационный совет Российской государственной академии интеллектуальной собственности, членом которого я являюсь, неоднократно приглашал Вячеслава Александровича в качестве официального оппонента. И каждый раз он выполнял эти обязанности не только очень ответственно, выверяя каждое свое замечание или рекомендацию, но и по-доброму, я бы сказала, по-отечески относясь к соискателю ученой степени. Отзывы профессора Рыбакова свидетельствуют о его высочайшей научной квалификации и показывают его уважение к молодым ученым, которые иногда вступают с ним в очень горячие дискуссии.

Научные труды Вячеслава Александровича известны нескольким поколениям российских цивилистов и теоретиков, среди таких работ уместно вспомнить его монографии: «Собственность и право собственности» (в соавторстве с В. А. Тарховым), «О системе собственности: цивилистический очерк», «Позитивная юридическая ответственность (воспитательные аспекты)», «Роль гражданского права в формировании правосознания граждан», «Проблемы формирования гражданско-правовой активности». Можно сказать, эти работы стали настольными книгами, как для студентов, так и для практических работников.

Под его руководством защищено несколько десятков кандидатских диссертаций, некоторые ученики профессора Рыбакова успешно защитили докторские диссертации. Поэтому можно с полной уверенностью констатировать, что Вячеславу Александровичу удалось создать цивилистическую школу профессора Рыбакова. Исследования ученых школы В. А. Рыбакова отличаются единым концептуальным подходом, органическим сочетанием классических положений науки гражданского права, теории государства и права с новаторскими идеями, логической стройностью и последовательностью изложения. Ученики с благодарностью говорят о Вячеславе Александровиче как о мудром руководителе, ценят его талант ученого и добавляют, что это человек, у которого всегда можно найти помощь и поддержку.

От всей души поздравляю Вас, уважаемый Вячеслав Александрович, с юбилеем, желаю всех земных благ и успехов в научной и педагогической деятельности. Пусть на Вашем пути всегда светит солнце! Счастья полную чашу за труд и отзывчивость Вашу!

Синельникова В. Н.

Понаморенко В. Е.

О ПУТЯХ ОПТИМИЗАЦИИ ПОД/ФТ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Целью настоящей статьи является рассмотрение современного состояния, проблем и перспектив развития системы ПОД/ФТ в контексте евразийской интеграции, новых вызовов в области ПОД/ФТ для банковской системы России и путей оптимизации противодействия отмыванию преступных доходов в банковской системе России.

Ключевые слова: ПОД/ФТ, риск ОД/ФТ, банковская интеграция, ЕАЭС, банковская система, евразийская интеграция.

Ponomorenko V. E.

ABOUT THE WAYS OF OPTIMIZATION OF AML/CFT IN THE RUSSIAN BANKING SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN INTEGRATION

The purpose of this article is to review the current state, problems and prospects of AML/CFT system development in the context of Eurasian integration, the new challenges in AML/CFT for the Russian banking system and ways to optimize money laundering combating in the Russian banking system.

Keywords: AML/CFT, ML/TF risk, banking integration, EEU, banking system, Eurasian integration.

Одной из важнейших проблем отечественной банковской системы является традиционно высокий уровень вовлеченности кредитных организаций в незаконные финансовые операции, который к тому же стимулируется как текущей экономической и политической ситуацией (экономической стагнацией, высокой волатильностью на валютном рынке, внешними финансовыми санкциями), так и, к сожалению, дополнительными возможностями, открывающимися перед правонарушителями вследствие недостаточного учета риска ОД/ФТ в процессе евразийской интеграции.

Термин «незаконные финансовые операции», введенный Федеральным законом № 134-ФЗ¹, охватывает финансовые операции, находящиеся на стыке регулирования различными, хоть и близкими, отраслями законодательства: банковского, валютного, антиотмывочного, налогового, таможенного, фондового. Отсюда в современных политико-экономических условиях все большее значение обретает комплексный финансовый контроль трансграничных операций, в котором одна из главных ролей отводится Банку России.

Очевидно, что современная картина незаконных финансовых операций в банковском секторе во многом детерминирована особенностями региональной экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств, группы БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества.

Евразийская интеграция, помимо очевидных позитивных черт, несет в себе определенные риски и сдерживающие факторы. В качестве таких рисков можно выделить риски вовлечения участников финансовых рынков государств — членов ЕАЭС (прежде всего банков) в совершение незаконных финансовых операций (в том числе операции по ОД/ФТ).

Реализация схем ОД/ФТ через финансовые организации обусловлена, на наш взгляд, недостаточным учетом риска ОД/ФТ в процессе интеграции финансовых рынков на евразийском пространстве.

Как известно, 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе. Несмотря на то, что в Договор, как результат кодификации договорной базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, оказались инкорпорированы базовые соглашения, касающиеся

валютной сферы и финансовых рынков², этого не произошло с договорами в сфере ПОД/ФТ³.

Более того, Договор о ЕАЭС в текущей редакции **вообще не затрагивает вопросы ПОД/ФТ**, что, безусловно, вызывает недоумение, но, с другой стороны, открывает перспективы нормотворчества в данной сфере.

Думается, что это произошло по причинам:

— недостаточной координации между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ);

— отсутствия в ЕЭК структурных подразделений, занимающихся проблематикой гармонизации законодательства в сфере ПОД/ФТ;

— отсутствия экспертов в сфере ПОД/ФТ в консультативных органах и рабочих группах при ЕЭК (в частности, в Консультативном комитете по финансовым рынкам при Коллегии ЕЭК);

— отсутствия должного внимания к аспекту ПОД/ФТ при гармонизации смежного с ПОД/ФТ законодательства, и прежде всего валютного законодательства и законодательства о финансовых рынках.

Гармонизация законодательства в области ПОД/ФТ и выработка единой политики государств — членов ЕАЭС в обла-

Понаморенко В. Е.

1 Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2013. — № 26. — Ст. 3207.

2 Соглашение о торговле услугами и инвестициях — в Раздел XV Договора о ЕАЭС и Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС); Соглашение о создании условий для обеспечения свободного движения капитала и Соглашение о согласованных принципах валютной политики — в Раздел XIV Договора о ЕАЭС и Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики (Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС); Соглашение о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках государств — участников Единого экономического пространства — в Раздел XVI Договора о ЕАЭС и Протокол по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС).

3 Поэтому Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 19 декабря 2011 г., как и Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 5 июля 2010 г., фактически остались во втором эшелоне правовых актов ЕАЭС.

сти ПОД/ФТ сегодня сталкиваются со многими сложностями объективного и субъективного характера.

Препятствиями для решения данных проблем, на наш взгляд, являются:

- объективные различия в объемах и темпах развития экономик государств — членов ЕАЭС и ЕврАзЭС, что создает различные условия и формы ОД/ФТ, также обуславливает разные экономические возможности государств по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма;

- высокая доля теневой экономики в государствах — членах ЕАЭС, высокий уровень оффшоризации экономик;

- недостаточно интенсивное сотрудничество между ЕАЭС и ЕАГ в правовой, кадровой, информационной сферах;

- разный уровень развития юридической техники в государствах — членах ЕАЭС, в том числе техники систематизации законодательства.

Риски ОД/ФТ (как и в целом риски совершения незаконных финансовых операций) в банковском секторе целесообразно, как нам представляется, высветить на более общем фоне реформ в банковском секторе.

В последние несколько лет банковская система России подвергается *одновременному* внедрению различных регулятивных практик, заимствованных из опыта зарубежных стран. Создаваемая сложная и изменчивая регулятивная среда объективно повышает риски совершения незаконных финансовых операций со стороны кредитных организаций и уменьшает (вследствие объективно обусловленной потери качества надзора в переходный период) возможности регулятора противостоять им. К таким регулятивным практикам можно отнести, в частности:

- интегрированный финансовый надзор (мегарегулирование);
- макропруденциальный надзор (политика финансовой стабильности);

- оверсайт (наблюдение и надзор в национальной платежной системе);

- смену «монетарного якоря» с валютного курса на инфляцию с продолжающимся, тем не менее, дальнейшим «плаванием» монетарных целей Банка России.

Данные нововведения осуществляются в условиях многослойного кризиса, в котором (в качестве «слоев») можно выделить шлейф мирового финансового кризиса, обусловленную внутренними причинами экономическую рецессию, внешние финансовые санкции, валютную турбулентность.

Кроме того, внедрение названных практик происходит на фоне имплементации в банковское законодательство *глобальных* финансовых стандартов (Базель III, МСФО, Рекомендаций ФАТФ и др.), а также на фоне очередного витка *региональной* финансовой интеграции: сближения банковской практики и гармонизации банковского законодательства государств — членов ЕАЭС.

Мы полагаем, что регулятивные «потери», связанные с этим многофакторным процессом, равно как и жажда банков компенсировать возникающие по разным (макро- и микро-экономическим) причинам финансовые проблемы создают благоприятную ситуацию для совершения незаконных финансовых операций, прежде всего в области ОД/ФТ.

Как было сказано выше, одним из главных триггеров роста таких операций являются интеграционные процессы на евразийском пространстве.

В качестве **примеров реализации риска ОД/ФТ в трансграничных банковских операциях** в последние годы можно назвать:

- вовлечение банков в отмывочные схемы на основе псевдоимпорта (в т.ч. «белорусско-казахстанская схема»)⁴;

- обналичивание денег с использованием банков государств постсоветского пространства (в т.ч. «эстонская схема»)⁵;

- вовлечение банков в неформальные схемы денежных переводов («модернизированная хавала»)⁶;

- вовлечение банков в незаконные схемы псевдопоставки ценных бумаг.

Основным **источником риска ОД/ФТ** в осуществлении трансграничных операций выступают корреспондентские банковские услуги на крупные суммы при ограниченной информации об отправителях денежных переводов и источнике денежных средств.

Особенности **оценки риска ОД/ФТ** в этих операциях обусловлены:

- конкуренцией право порядков различных интеграционных группировок, также государств, входящих в одну группировку;

- необходимостью учета несинхронности между интеграцией в области финансовых рынков и интеграцией в области ПОД/ФТ;

- необходимостью **снижения клиентских и страновых рисков** за счет взаимного проникновения банковских услуг, создания единого правового поля, интегрированного надзора, повышения качества взаимодействия между регуляторами.

В связи со сказанным сформулируем **несколько блоков предложений** по оптимизации противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма в банковском секторе в контексте интеграционных процессов, происходящих на евразийском пространстве.

Предложения по оптимизации и синхронизации интеграционных процессов в финансовой сфере с деятельностью специализированных международных групп и организаций, национальных регуляторов в области ПОД/ФТ:

1. Национальным подразделениям финансовой разведки (ПФР) при участии центральных банков и иных финансовых регуляторов рекомендуется выявлять и *типологизировать* факты использования «узких мест» интеграционных моделей в целях ОД/ФТ.

2. Органам интеграционных объединений (прежде всего ЕЭК) рекомендуется рассматривать риски ОД/ФТ в контексте *интеграционных рисков* и принимать в связи с этим меры правового, методологического и институционального характера по снижению (противодействию повышению) риска ОД/ФТ в рамках интеграционного процесса.

3. Создать в рамках Департамента финансовой политики ЕЭК подразделение, занимающееся проблематикой гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС в области ПОД/ФТ.

4. Включить в план гармонизации финансового законодательства государств — членов ЕАЭС пункт по гармонизации законодательства в области ПОД/ФТ. Методологически и по срокам увязать гармонизацию в области финансовых рынков с гармонизацией в области ПОД/ФТ.

5. Рекомендовать органам ЕАЭС (с привлечением национальных ПФР, центральных банков и иных финансовых регуляторов) создать площадку (форум, совет, рабочую группу), в рамках которой организовать регулярную коммуникацию с частным сектором государств — членов ЕАЭС по вопросам ПОД/ФТ.

6. Повысить внимание к проблематике ПОД/ФТ в рамках *Финансово-банковского совета СНГ* и *Банковского форума БРИКС*, в том числе посредством формирования пула экспертов в области ПОД/ФТ от частного сектора.

7. Усилить координацию между ЕАГ, Департаментом финансовой политики ЕЭК, Советом глав ПФР СНГ. ЕАГ рекомендуется на регулярной основе привлекать на мероприятия ЕАГ представителей ЕЭК⁷.

4 См.: Письмо Банка России от 03.10.2014 № 168-Т, Письмо Банка России от 10.06.2013 № 104-Т, Письмо Банка России от 19.06.2013 № 110-Т.

5 Доклад ЕАГ «Легализация преступных доходов и финансирование террористической деятельности с использованием наличных де-

нежных средств и денежных инструментов» (июнь, 2012).

6 Доклад ФАТФ «Роль систем «хавала» и других провайдеров аналогичных услуг в ОД/ФТ» (окт, 2013).

7 Целесообразно выработать правовые основы, формы и направления взаимодействия между ЕАЭС и ЕАГ. Это позволит синхро-

Совершенствование законодательства в части противодействия незаконным практикам обналичивания денежных средств:

1. Осуществлять дальнейшую имплементацию в законодательство РФ 32-й рекомендации ФАТФ, посвященной курьерам наличных, в целях успешного прохождения 4-го раунда взаимных оценок ФАТФ⁸.

2. Активизировать совершенствование денежного законодательства, что включает в себя:

2.1. Необходимость юридикации понятий «деньги», «наличные деньги», «безналичные деньги», «электронные деньги», «денежная эмиссия», «денежное обращение», «монетарная политика», «монетарная деятельность» (с учетом позитивного зарубежного опыта – прежде всего ЕС и Республики Казахстан)⁹.

2.2. Необходимость нормативной регламентации порядка налично-денежной эмиссии и безналичной эмиссии. Сегодня данные процедуры находятся по сути вне рамок прямого правового регулирования, а значит и не порождают субъективных прав, юридических обязанностей и юридической ответственности для участников эмиссионного процесса.

3. Продолжить совершенствование банковского законодательства на предмет повышения качества процедур контроля за операциями с наличностью в банках, небанковских кредитных организациях и некредитных финансовых организациях.

4. Активизировать взаимодействие между Банком России, Минфином и Росфинмониторингом в части выявления типологий отмывания преступных доходов и финансирования терроризма посредством операций с наличностью, и их опубликования на площадке ЕАГ.

III. Предложения по организации системы подготовки кадров в сфере ПОД/ФТ для банковского сектора России

В последние годы по причине, прежде всего, «переформатирования» банковского сектора (и финансового рынка в целом) всех стран СНГ, ЕАЭС и ЕАГ под требования новой редакции Рекомендаций ФАТФ резко возрос спрос на специалистов в сфере ПОД/ФТ (прежде всего в банковском секторе).

В этих условиях особенно заметным является факт отсутствия в стране системы подготовки специалистов в области ПОД/ФТ в финансовом и нефинансовом секторах экономики. Важной вехой является создание *сетевого Института в сфере ПОД/ФТ* – объединения структурных подразделений вузов, научно-образовательных и методических центров¹⁰.

В Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации имеется существенный **задел по тематике ПОД/ФТ**: имеются кадры, обладающие опытом практической и исследовательской работы в области ПОД/ФТ; тематика ПОД/ФТ все больше становится предметом диссертационных исследований, издаются монографии, научные статьи по проблематике ПОД/ФТ; активизи-

ровано взаимодействие на экспертном уровне с ЕАГ; развивается взаимодействие с Департаментом финансовой политики ЕЭК. Перспективным представляется развитие сотрудничества *Департамента финансового мониторинга и валютного контроля Банка России и Финансового университета* в области ПОД/ФТ.

Таким образом, сегодня Финансовый университет при Правительстве РФ имеет возможность занять **центральное место** на рынке подготовки кадров для подразделений финансового мониторинга в кредитных организациях и некредитных финансовых организациях¹¹. Реализация данных возможностей позволит Финансовому университету стать лидирующим учебным заведением *на евразийском пространстве* по подготовке кадров в области ПОД/ФТ.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.
 2. Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 19 декабря 2011 г.
 3. Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 5 июля 2010 года.
 4. Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2013. — № 26. — Ст. 3207.
 5. Письмо Банка России от 03.10.2014 № 168-Т «О повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов» // Вестник Банка России. — 08.10.2014. — № 93.
 6. Письмо Банка России от 10.06.2013 №104-Т «О повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов» // Вестник Банка России. — 19.06.2013. — № 33.
 7. Письмо Банка России от 19.06.2013 №110-Т «О повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов» // Вестник Банка России. — 26.06.2013. — № 35.
 8. Доклад ЕАГ «Легализация преступных доходов и финансирование террористической деятельности с использованием наличных денежных средств и денежных инструментов» (июнь, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eurasiangroup.org/WGTYR_2012_10_rus.pdf
 9. Доклад ФАТФ «Роль систем «хавала» и других провайдеров аналогичных услуг в ОД/ФТ» (окт, 2013) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Rol_Havaly_v_ODFT_FATF_2013.pdf
- 8 Это важно также в целях предотвращения использования неформальных схем денежных переводов (в том числе хавалы).
- 9 В этой связи видится целесообразным принять ранее существовавший закон о денежной системе Российской Федерации.
- 10 Основу формирования сетевого Института в сфере ПОД/ФТ в Российской Федерации составляют *Международный учебно-методический центр финансового мониторинга (МУМЦФМ)* и ведущие вузы по подготовке кадров в области IT-технологий, экономики и финансов, международного и национального права, международных отношений: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, Дипломатическая Академия при Министерстве Иностранных Дел РФ.
- 11 Эти возможности могут быть реализованы, среди прочего, по следующим направлениям: 1) создание *научного центра*, специализирующегося на исследовании проблем противодействия незаконным финансовым операциям на финансовых рынках и, в частности, проблематики ПОД/ФТ; 2) формирование первой в стране *научной школы* в области ПОД/ФТ; 3) создание в перспективе *образовательной кафедры*, готовящей специалистов в сфере ПОД/ФТ, с учетом того, что образовательный стандарт по ПОД/ФТ уже находится в стадии разработки.

Назарян Г. С.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ АРМЕНИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЕЭС И ЕС

Интеграционные процессы, которые соответствуют национальным интересам страны и созданы на основе международного права, равноправия и взаимного уважения суверенитета государств, важны для любого демократического государства. В стратегии национальной безопасности Армении отмечается, что и военное сотрудничество с отдельными странами, и членство в различных локальных и международных организациях направлено на обеспечение национальных интересов и национальной безопасности Армении. Перед Арменией стоял вопрос об интеграции с ЕЭС и ЕС, страна предпочтительно отдавала предпочтение первому, поскольку это диктуют национальные и военно-политические интересы страны.

Ключевые слова: интеграционный процесс, ЕвразЭС, безопасность, национальный интерес, военно-политический интерес, военно-техническое сотрудничество, стратегические отношения.

Nazaryan G. S.

ARMENIA'S NATIONAL INTERESTS IN THE INTEGRATION PROCESSES OF THE EU AND EEC

The integration processes corresponding to the national interests of the country, which have been created on the basis of the international law, equality and mutual respect of the sovereignty of the states, are important for any democratic state. It is mentioned in the strategy of the national security of Armenia that both the military cooperation with individual countries and membership in various local and international organizations are aimed at ensuring the national interests and the national security of Armenia. An issue of integration into the Eurasian Economic Union and the EU was put before Armenia. Our country preferred the first one, because it is dictated by the national and military-political interests of the country.

Keywords: the integration process, the Eurasian Economic Union, safety, national interest, military-political interest, military-technical cooperation, strategic relations.

Политика любого государства начинается тогда, когда интересы превращаются в конкретные цели. И цель, и выгода выражают общественные нужды, ожидания и представления. Основным различием является то, что выгода осознается, а цель предполагает осуществление определенных действий с помощью государственных и общественных институциональных механизмов. При нынешних геополитических процессах невозможно рассмотрение национальных интересов одним форматом, поскольку обеспечение национальной безопасности предполагает экономические, военно-политические, социо- и этнокультурные составляющие. Итак, в системе разнообразных интересов особенное место занимает национальный интерес. И определение основных национальных интересов в политике государственной безопасности Армении имеет первостепенную важность¹. Согласно резолюции Г. Моргентгау, «внешнеполитические интересы должны определяться в контексте национальных интересов и защищаться государством. Можно однозначно констатировать, что если внешняя политика определяется моральными нормами и отодвигает национальные интересы на задний план, то при нынешних международных отношениях становится очевидным выражение политики национального самоубийства»².

1 Կարապետյան Ա., Հայաստանի ազգային շահերը Եվրասիական (ԵվրասԷՄ) եվ Եվրոպական ինտեգրման շրջանակներում, 7.04.2013, «Նորավախր» ԳԿՀ, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=7024 (дата обращения: 10.09.2015).

2 Մարգարյան Մ. Գ., Ազգային շահերի արդիականացումը ՀՀ անվտանգության ապահովման քաղաքականության գործընթացում, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://raber.asj-oa.am/6042/1/2011-3_\(106\).pdf](http://raber.asj-oa.am/6042/1/2011-3_(106).pdf) (дата обращения: 10.09.2015). С. 440.

Назарян Г. С.

Хотя стратегия национальной безопасности делит основные угрозы на две группы – внешние и внутренние, необходимо запомнить, что такие деления имеют условный характер и что группы угроз тесно связаны. В стратегии национальной безопасности Армении отмечается, что и военное сотрудничество с отдельными странами, и членство в различных локальных и международных организациях направлено на обеспечение национальных интересов и национальной безопасности Армении.

Вообще, в современном мире включенность государства в разные интеграционные процессы означает, что оно участвует в принятии решений и в различных проектах, связано общими обязательствами. Интеграционные процессы, которые соответствуют национальным интересам страны и созданы на основе международного права, равноправия и взаимного уважения суверенитета государств, важны для любого демократического государства.

Национальные интересы Армении требуют тесной интеграции и с европейскими, и с евразийскими территориями, поскольку Армения имеет закрытые границы со своими двумя граничащими соседями. Также сотрудничество в рамках Закавказья не имеет будущего, поскольку Армения, Грузия и Азербайджан глобальными мировыми силами не рассматриваются как единое.

Из-за соперничества глобальных сил на этой территории появляются новые разделительные линии. Восприятие Закавказья как единого целого тоже претерпело изменение, и в этом большую роль играют внешнеполитические предпочтения трех закавказских государств.

В стратегии национальной безопасности основными компонентами обеспечения военно-политической безопасности Армении декларированы двусторонние стратегические союз-

нические отношения с Россией, что также включает сотрудничество в военно-технической и оборонительной сферах, членство в ОДКБ, двустороннее военное сотрудничество с НАТО, международными организациями безопасности, в том числе и ОБСЕ.

Во время обсуждения интеграции европейскими структурами безопасности на первый план выдвигается спорный вопрос: членство Армении в НАТО. Членство в НАТО вытекает из долгосрочных интересов Армении, по истечении времени и при наличии необходимых условий (речь идет об урегулировании Нагорнокарабахского конфликта) Армения изменит свое отношение к этой проблеме и установит тесные взаимоотношения с Североатлантическим союзом, как Грузия и частично Азербайджан. Одновременно национальные интересы Армении держат ее в системе безопасности, возглавляемой Россией. Выучив уроки истории и учитывая особенности своих географических соседей, Армения не может не оставаться единственным территориальным союзником России, интересы которой диктуют держать Армению подальше от НАТО.

Не исключено, что Армения могла бы быть более готова в вопросе о членстве НАТО, если бы была уверена, что это защитит ее от агрессивных намерений некоторых соседних государств, однако исторический опыт показывает, что нахождение в одной системе безопасности не спасает от военных действий друг против друга. То есть на данном этапе, когда в регионе неурегулированные конфликты и отношения, НАТО не может обеспечить достаточные гарантии безопасности Армении. Вспомним пример Турции и Греции, они обе являются членами НАТО, но это не спасло от агрессии Турции на Кипре.

Сложное геополитическое и непростое военно-политическое состояние Закавказья, объективная оценка собственного экономического, военного и политического потенциала и предопределяют готовность Армении участвовать в глубоких интеграционных процессах. Не случайно то, что страна начала интегрироваться в системах безопасности сразу после приобретения независимости, и 15 мая 1992 г. страна подписала ДКБ. Подписание ДКБ было обусловлено острой необходимостью создания системы безопасности, что должно было стать сдерживающим фактором для соседних стран, чтобы те не воспользовались случаем и не решились разрешить свои старые пограничные и политические проблемы.

Стержневым государством и ОДКБ, и ЕЭС является Россия, которая является стратегическим партнером Армении и гарантирует безопасность северных границ страны (в городе Гюмри размещена 102-я база). В интеграционных процессах ЕЭС полезно и необходимо использование приобретенного опыта в рамках СНГ и ОДКБ, но надо также учитывать, что на плоскость новой интеграции перемещаются все неразрешенные проблемы. Кроме того, интеграционные процессы всегда взаимосвязаны, внешнеполитические ориентиры соседних стран не всегда одинаковы, и иногда они имеют противоположную направленность с Ереваном³.

Чтобы оценить важность в участии того или иного интеграционного процесса или предпочтения того или иного направления, надо уточнить основы безопасности страны и основные угрозы военной безопасности.

Основу безопасности Армении, помимо Армии Армении и Оборонительной Армии НКР, составляют членство в ОДКБ, военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с РФ, российская 102-я база в Гюмри и корпус «Армения» Федеральной службы безопасности РФ.

Основными угрозами безопасности Армении являются неразрешенный карабахский конфликт, милитаризация соседних стран, активная внешняя политика Турции (активный член НАТО) и т.д. Именно этими вопросами объясняется то, что если в общественном мнении армян нет особых разногласий по поводу взаимовыгодного сотрудничества и интеграции с европейскими экономическими и политическими структурами, то нельзя сказать то же самое об углублении сотрудничества с НАТО, что могло бы предположить членство в организации в дальнейшем. То есть если интеграция в ЕС и ОБСЕ не спорный вопрос, то с НАТО дело обстоит иначе. Не секрет, что сотрудничество с международными организациями, такими как ЕС, ОБСЕ, НАТО и другие, служит устранению как внешних, так и внутренних угроз новых независимых государств, и если оно не служит этой основной цели, то такое сотрудничество можно считать бессмысленной формальностью, что отнюдь не вытекает из интересов страны.

На данном этапе Турция и Азербайджан едины в решении карабахского конфликта, то есть они стремятся вернуть в состав Азербайджана эти исконно армянские территории, которые вошли в состав Азербайджана только благодаря сотрудничеству кемалистов и большевиков. А российские военные силы и военный союз, возглавляемой Россией, сдерживают агрессию двух соседних стран и являются гарантом безопасности на международной арене. Становится абсолютно очевидным, что национальные интересы Армении напрямую говорят в пользу интеграции с ЕврАзЭС.

Интеграционные процессы ЕврАзЭС формируют более глобальную систему, которая в состоянии обеспечивать безопасность своих членов. То есть в результате изучения среды и оценки угроз формируются новые реалии, готовые дать отпор любой агрессии. Отметим, что в рамках военно-технического сотрудничества поддержка России имеет постоянный характер и не дает повода для критики.

Есть еще один важный вопрос, который мог напрямую влиять на дружеские и взаимовыгодные армяно-иранские отношения. Хотя успешный швейцарский договор весны 2015 г. частично решил иранскую проблему, но на момент присоединения Армении к ЕЭС Иран на Западе считался вражеским государством, и ассоциированные отношения с ЕС могли потребовать, чтобы Армения тоже присоединилась к западным экономическим санкциям против Ирана, что могло бы отрицательно повлиять на ситуацию Армении.

С точки зрения национальных интересов Армении было бы выгодно развивать тесные связи с обоими блоками, однако главным препятствием этого направления является позиция некоторых европейских и американских деятелей, которые противопоставляют европейскую интеграцию евразийской. Достаточно вспомнить заявление Хилари Клинтон, что США в евразийской интеграции находят прямую угрозу восстановления СССР и будут всячески противодействовать этому⁴. И если ЕС заманивает с точки зрения экономики и политики,

3 Հայաստանի Հանրապետության ազգային անվտանգության ռազմավարություն, (Հավանության է արժանացել 22 Նախագահին առնչվող ազգային անվտանգության խորհրդի 2007թ. հունվարի 26-ի նիստում) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinearm.pdf (дата обращения: 10.09.2015)

4 Ինտեգրացիան ընդդեմ անվտանգության. Եվրասիական տնտեսական միությանը (մաքսային միությանը) միանալու Հայաստանի որոշման պատճառների ուսումնասիրություն [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tcpablog.files.wordpress.com/2014/12/brief1.pdf> (дата обращения: 10.09.2015)

то о глобальной защите и безопасности нельзя сказать то же самое, поскольку эта структура, хотя отдельные ее члены делают какие-то шаги, полностью зависит от США, которые продолжают свое военное присутствие в Европе и не собираются уступить свои позиции.

Таким образом, анализируя национальные интересы Армении с точки зрения интеграционных процессов, становится очевидно, что обеспечение безопасности страны напрямую зависит от РФ и что страна должна быть с ЕвразЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Ինտեգրացիան ընդդեմ անվտանգության. Եվրասիական տնտեսական միությանը (մաքսային միությանը) միանալու Հայաստանի որոշման պատճառների ուսումնասիրություն [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tcpablog.files.wordpress.com/2014/12/brief1.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).
2. Կարապետյան Ա., Հայաստանի ազգային շահերը Եվրասիական (Եվրագլու) եվ Եվրոպական ինտեգրման ջրջանակներում, 7.04.2013, «Նորավանք» ԳԿՀ, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=7024 (дата обращения: 10.09.2015).
3. Հայաստանի Հանրապետության ազգային անվտանգության ուղղվածություն, (Հավանության է արժանացել ՀՀ Նախագահին առընթեր ազգային անվտանգության խորհրդի 2007թ. հունվարի 26-ի նիստում) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinarm.pdf (дата обращения: 10.09.2015).
4. Մարգարյան Ս. Գ., Ազգային շահերի արդիականացումը ՀՀ անվտանգության ապահովման քաղաքականության

գործընթացում, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://raber.asj-oa.am/6042/1/2011-3_\(106\).pdf](http://raber.asj-oa.am/6042/1/2011-3_(106).pdf) (дата обращения: 10.09.2015).

5. Մարգարյան Ս., Ռազմաքաղաքական համագործակցության ինտիմները եվ հեռանկարները եվրասիական ինտեգրման համատեքստում, «Նորավանք» ԳԿՀ, փետրվար 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.soyuzinfo.am/arm/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=108 (дата обращения: 10.09.2015).
6. Քոչարյան Ս., Հայաստանի Հանրապետության ինտեգրումը եվրոպական անվտանգության համակարգին [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 10.09.2015). [http://raber.asj-oa.am/5613/1/2012-1_\(116\).pdf](http://raber.asj-oa.am/5613/1/2012-1_(116).pdf)
7. Атоян В. К. Внешнеполитический выбор Армении: политика обеспечения максимальной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirperemen.net/content/vneshnepoliticheskii-vybor-armenii-politika-obespecheniya-maksimalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 10.09.2015)
8. Карапетян А. В. Национальные интересы Армении в рамках Евразийской и европейской интеграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fondres.ru/index.php/tochka-zreniya/94-tochka-zreniya/289-natsionalnye-interesy-armenii-v-ramkakh-evrazijskoj-i-evropejskoj-integratsii> (дата обращения: 10.09.2015)
9. Налбандян Э. Армению перед выбором поставил Евросоюз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.verelq.am/ru/node/2020> (дата обращения: 20.07.2015).
10. Morgentau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. – N. Y., 1949.

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межвузовском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Преподаватель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН). Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член Всемирной ассоциации международного права. Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации. Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обзор», «Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. – член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. – член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казакстан и т.д.) опубликовано более 300 работ.

А.Х. Абашидзе

**ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ
МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Москва
2012

Струков К. В. ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

В статье рассмотрены идеи, используемые в качестве теоретико-философских предпосылок и основ для проведения международной экономической интеграции на территории Евразии с учетом современных реалий и политики Российской Федерации.

Ключевые слова: Евразия, международная интеграция, евразийство, многополярность.

Strukov K. V. THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE EURASIAN INTEGRATION

The article considers the ideas used as theoretical and philosophical presuppositions and foundations for international economic integration in Eurasia with due consideration of current realities and policy of the Russian Federation.

Keywords: Eurasia, international integration, Eurasianism, multipolarity.

Струков К. В.

По справедливому замечанию эксперта журнала «Международная жизнь» Владислава Гулевича, создание мощного межгосударственного объединения невозможно без выстраивания системы духовно-культурных ценностей, признаваемой всеми участниками интеграционного процесса¹. Аналогичный вывод следует и из анализа декларативных документов, изданием которых неизменно сопровождается функционирование подавляющего большинства межгосударственных объединений. Данное утверждение мы обоснуем на примере Европейского союза: преамбула Договора о Европейском союзе преисполнена космополитической риторики в духе либерально-демократических ценностей, провозглашения культурно-исторического единства европейских держав, стремящихся, в соответствии с документом, к укреплению межгосударственного сотрудничества во благо своих народов².

Вне всяких сомнений, обстоятельства свидетельствуют о высокой доле вероятности того, что при запуске и развитии каких-либо интеграционных процессов в той или иной форме будет вставать вопрос о теоретико-философских основах международного проекта, что актуально, в том числе, для процесса евразийской интеграции.

Первые четко сформулированные теоретико-философские основы евразийской интеграции были заложены в начале XX в. представителями белой эмиграции. У истоков нового движения, получившего название «евразийство», стояли образованнейшие люди своего времени: филолог и лингвист кн. Николай Сергеевич Трубецкой, географ и экономист Петр Николаевич Савицкий, музыковед и литературный критик Петр Петрович Сувчинский, историк культуры и богослов Георгий Васильевич Флоровский, а также ряд других ключевых фигур данного направления мысли³. Первоначальным импульсом для зарождения движения послужила программ-

ная книга князя Николая Сергеевича Трубецкого под названием «Европа и человечество», вышедшая в 1920 г. в Софии. В данном литературном труде Николай Сергеевич Трубецкой, руководствуясь диалектическим методом Фридриха Вильгельма Гегеля, радикально противопоставляет интересы европейской цивилизации интересам всего остального мира, по мнению философа, исторически призванного объединиться перед лицом всеобщего «кошмара европеизации» и единым фронтом отстаивать свое право на культурную самобытность и суверенитет⁴. Сильная, нестандартно оформленная идея антагонистического противопоставления меркантильных интересов Запада духовно-культурным интересам всего остального мира, крайне заинтересовала ряд представителей русской интеллигенции, что способствовало формированию евразийского кружка. Основные работы первых евразийцев нашли свое материальное воплощение в восьми «евразийских сборниках»: «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения. Книга 1» (1921 г., София)⁵; «На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2» (1922 г., Берлин)⁶; «Россия и Латинство. Сборник статей» (1923 г., Берлин)⁷; «Евразийский временник. Книга третья» (1923 г., Берлин)⁸; «Евразийский временник. Книга четвертая» (1925 г., Париж)⁹; «Евразийский временник. Книга пятая» (1927 г., Париж)¹⁰; «Евразийский Сборник. Книга шестая. Политика, философия, руссиеведение» (1929 г.,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-33-01214 («Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ»).

1 См.: Владислав Гулевич Гносеологические основы интеграции евразийского пространства // Международная конференция «Евразийский вектор развития: проблемы и перспективы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/i/yalta2012.pdf>
2 Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) // СПС «Гарант».
3 Подробнее см.: Дугин А. Г. Философия Политики. – М.: Арктогея-Центр, 2004.

4 Струков К. В. Идея космополитизма европейской культуры в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» // Политика, государство и право. – 2014. – № 9.

5 Широков О. С. Исход к Востоку. Философия евразийства. – М.: Добросвет, 2008.

6 На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2. Берлин, Евразийское книгоизд-во 1922 г. [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека nevmenandr.net. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/index.php>

7 Россия и Латинство. Сборник статей. Берлин, Евразийское книгоизд-во 1923 г. [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека nevmenandr.net. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/index.php>

8 Евразийский временник. Книга третья. – Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1923.

9 Евразийский временник. Книга четвертая. – Париж: Евразийское книгоизд-во, 1925.

10 Евразийский временник. Книга пятая. – Париж: Евразийское книгоизд-во, 1927.

Прага)¹¹; «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая» (1931 г., Париж)¹².

Разумеется, в советскую эпоху взгляды и идеи евразийцев, носившие ярко выраженный антикоммунистический характер, не могли не только лечь в основу международных интеграционных процессов, осуществляемых Россией, но даже найти значительное число сторонников. Единственный, кто, по нашему мнению, в контексте советской России середины 40-х годов достоин быть упомянут в качестве прямого последователя первых евразийцев, в силу его неоспоримого вклада в теоретико-философские основы будущей евразийской интеграции, это историк Лев Николаевич Гумилев. Свои взгляды по вопросу евразийской интеграции он изложил в ряде исторических работ, среди которых наиболее фундаментальными можно назвать литературный труд «Древняя Русь и Великая степь»¹³, а также работу «От Руси до России»¹⁴. Вслед за первыми евразийцами, Л. В. Гумилев, путем применения исторического метода, оценивает роль взаимодействия России с восточными государствами Евразии, в том числе при построении новых межгосударственных образований, как позитивную и predeterminedенную для России.

Теоретико-философские идеи авторов вышеуказанных «евразийских сборников», а также Л. В. Гумилева мы рассматриваем в качестве основы классического евразийства. Несомненная заслуга этих авторов состоит в том, что они заложили фундамент для формирования российской геополитической школы, ориентированной на самобытность России, ее культурные, территориальные, национальные особенности, в совокупности с философским обоснованием исторически predeterminedенной необходимости сотрудничества России с азиатскими государствами ради общей выгоды и против более сильных соперников. Вслед за Н. Я. Данилевским и О. Шпенглером евразийцы взяли на вооружение концепцию России как самобытной цивилизации. Развивая идеи славянофила И. В. Кириевского, утверждавшего, что Россия как специфическое государство возникло в результате сочетания культур леса и степи¹⁵, евразийцы рассматривали монголо-татарский период русской истории в качестве важнейшего фактора становления русской государственности как великой континентальной империи, являющейся правопреемницей империи Чингисхана, одновременно указывая на то неоспоримое, по их мнению, обстоятельство, что русские княжества времен Киевской Руси, избравшие альтернативный «европейский путь» развития, впоследствии утратили свою политико-экономическую мощь, войдя в состав иных государственных образований, в том числе Великого княжества Московского, – нового оплота православного христианства, правопреемника Византии, Киевской Руси и, что немаловажно, государства чингизидов¹⁶. Отсюда, по мнению евразийцев, для России как раз и следует историческая predeterminedенность в вопросе о необходимости выстраивания тесного интеграционного сотрудничества с восточными

государствами Евразии. Отсюда же, по их мнению, следуют и антагонистические противоречия России с Западным миром, под влиянием идей и проблем которого Россия была втянута в череду вооруженных конфликтов и состояние гражданской войны. Идею большевизма, как производную от теоретико-философских построений К. Маркса, евразийцы считали также чуждой русскому духу, как и «европеизированную», на их взгляд, идею монархизма времен последнего российского императора. В этой связи евразийцы предсказывали крах и будущую идеологическую реконструкцию коммунистического интеграционного проекта большевиков, радуя за возможность и необходимость проведения международной интеграции с азиатскими государствами на теоретико-философских основах евразийства¹⁷ (в том числе экономической интеграции, посредством развития и использования торгово-экономического потенциала «внутренних» территорий Евразии, не относящихся к «внешним» морским путям континента)¹⁸.

Возрождение практического интереса к идеям классического евразийства наблюдается с конца XX в. и в первую очередь связано с философом А. Г. Дугиным. Иногда получившаяся в ходе переосмысления трудов первых евразийцев система философских идей именуется «неоевразийством», в этой связи самого Александра Гельевича, по нашему мнению, можно именовать «первым неоевразийцем». Среди работ А. Г. Дугина, посвященных данному вопросу, можно назвать: «Основы геополитики»¹⁹, «Основы Евразийства»²⁰, «Русская вещь»²¹, «Мистерии Евразии»²², «Философия Политики»²³. Наряду с концептуальным сохранением отношения к вопросу о необходимом и логически predeterminedенном интеграционном сотрудничестве восточных государств Евразии и России с точки зрения теоретико-философских основ евразийской интеграции, в данном контексте важно отметить изменение отношения к Западному миру, который начинает рассматриваться «первым неоевразийцем» в качестве многоуровневого образования, дифференцированного как минимум на «атлантическую» часть, включающую США и Великобританию, и «континентальную» часть, включающую континентальную Европу. При этом континентальная часть Западного мира начинает рассматриваться в качестве геополитически нейтральной по отношению к России явления, могущего, при определенных условиях, стать по отношению к России явлением положительным, из чего делается вывод о необходимости налаживания интеграционного сотрудничества с континентальными европейскими державами и невозможности выстраивания такого сотрудничества с «государствами моря», имеющими свои собственные геополитические интересы в Евразии. Кроме того, неоевразийство предполагает обеспечение органичной целостности постсоветского пространства на основе новой славяно-тюркской интеграции. Помимо развития теоретико-философских основ евразийской интеграции в политической плоскости, аналогичные умозрительные построения начинают наблюдаться и в экономической сфере, что выразилось в развитии идей Иогана Готлиба Фихте, Даниэля Фридриха Ли-

11 Евразийский сборник. Книга шестая. Политика, философия, рос-сиеведение. – Прага, Евразийское книгоизд-во, 1929.

12 Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая. – Париж: Евразийское книгоизд-во 1931 г.

13 Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989.

14 Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М., 1992 г.

15 Кириевский И. В. Полное собрание сочинений в двух томах. – М.: Типография Императорского Московского Университета 1911 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Одинцовского благочиния Московской епархии. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/kireevski_t1/

16 См.: Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999 г.

17 См.: Трубецкой Н. С. Русская проблема [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека nevmenandr.net. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/index.php>

18 См.: Савицкий П. Н. Степь и оседлость [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека nevmenandr.net. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/index.php>

19 Дугин А. Г. Основы геополитики. – М., 1997.

20 Дугин А. Г. Основы Евразийства. – М.: Арктогея-Центр, 2002.

21 Дугин А. Г. Русская вещь в 2 т. – М., Арктогея-Центр, 2001.

22 Дугин А. Г. Мистерии Евразии. – М., 1996.

23 Дугин А. Г. Философия Политики. – М.: Арктогея-Центр, 2004.

ста, а также подхода к «континентальной экономике» классических евразийцев и разработке понятия «экономика третьего пути», суть которого заключается в синтезе идей коммунизма и капитализма, что предполагает: 1) прямую зависимость степени развития экономики от степени развития духовно-культурной надстройки общества; 2) необходимость сочетания государственного регулирования экономических процессов со свободой рыночной конкуренции; 3) регионализацию экономики с учетом культурно-исторических и географических особенностей каждой конкретной местности, с последующим выстраиванием единого и взаимовыгодного интегративного экономического пространства, доступного всем участникам рынка²⁴.

По нашему мнению, наряду с пониманием неоевразийства в узком смысле в качестве совокупности геополитических идей А. Г. Дугина, неоевразийство можно понимать и в широком смысле, в качестве совокупности работ иных исследователей, которые пытаются развить идеи классических евразийцев, применительно к тем или иным реалиям XXI века (в том числе применительно к процессам международной интеграции). В плеяде таких идеологов особого внимания заслуживает личность Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева. С основными взглядами казахского политического деятеля на вопрос евразийской интеграции можно ознакомиться в сборнике его лекций и официальных выступлений: «Когда мысль материальна»²⁵.

Во многом именно деятельность Нурсултана Абишевича (в том числе в рамках научной работы), наряду с важнейшим вкладом российского и белорусского руководства, позволила начать процесс евразийской экономической интеграции постсоветского пространства. Говоря о позициях лидеров основных стран – участниц евразийского интеграционного проекта, следует сказать, что они были оформлены в последовательно вышедших статьях российской газеты «Известия»: «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» под авторством В. В. Путина²⁶; «О судьбах нашей интеграции» под авторством А. Г. Лукашенко²⁷; «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» под авторством Н. А. Назарбаева²⁸. Примечательно, что основные идеи авторов настоящих статей являются схожими. Во главе угла евразийской интеграции ставится эффективное межгосударственное экономическое сотрудничество, построение которого во имя материального благополучия граждан стран-участниц возможно благодаря их многолетнему культурно-историческому взаимодействию. Важно также отметить, что значительное внимание в указанных статьях уделяется вопросу о необходимости и целесообразности углубления взаимовыгодного сотрудничества стран – участниц «евразийского проекта» с Европейским союзом и многими государствами АТР; обозначаются контуры возможного лозунга построения единого экономического пространства: «от Лиссабона до Владивостока». Немаловажно, на наш взгляд, что авторы статей поднимают вопрос об утра- те системой однополярного мира элементов справедливости

и актуальности, а также вопрос о необходимости ее замены многополярной системой мироустройства, способной более объективно отразить реалии XXI в.

Таким образом, говоря в данном контексте о теоретико-философских основах евразийской интеграции с позиции современной Российской Федерации, очень важно подчеркнуть многоаспектность такой интеграции, обусловленную спецификой культурно-исторического развития России в совокупности с ее геополитическими особенностями, о которых мы скажем чуть ниже.

Как известно, Россия занимает около 1/3 части территории Евразии. Эти территории богаты природными ресурсами, кроме того, через них пролегают многие стратегически важные торговые пути, издревле соединяющие страны Европы и Азии, с которыми Россия столетиями выстраивала культурные отношения. Из этого следует, что объективно Европа, Россия и Азия заинтересованы в тесном, взаимовыгодном сотрудничестве по очень широкому спектру вопросов. Кроме того, немаловажно то обстоятельство, что они способны к такому сотрудничеству на цивилизованных началах, не раз демонстрируя это своими практическими действиями. Данный вывод подтверждается на основе анализа состава первых участников ЕврАзЭС, в числе которых, наряду с Россией и Казахстаном, оказалась Белоруссия, – страна, целиком расположенная в Восточной Европе. На основе приведенных обстоятельств можно констатировать, что говоря о теоретико-философских основах евразийской интеграции, имеется как минимум два основных вектора ее развития: западный и восточный. Стоит также сказать, что оба указанных вектора, по нашему мнению, не находятся в ситуации их антагонистического противоречия друг другу, гарантией чему выступает общий для всех стран Евразии интерес в налаживании эффективной логистической системы на континенте, бесперебойно обеспечивающей прохождение многомиллиардных торговых потоков. Российской Федерации в указанном процессе выстраивания великой континентальной системы торговли между Европой и Азией, с учетом имеющихся в ее распоряжении ресурсов, территорий и культурно-исторических связей с соседними народами, по праву уготовано место «Хартленда», в связи с чем она может выступить в роли основного коммерческого посредника между большинством взаимодействующих между собой европейских и азиатских государств, эффективно используя это посредничество в своих собственных экономических интересах. Венцом данного процесса, по нашему мнению, может стать создание грандиозной континентальной оси экономики Евразии: Европейский союз – Евразийский союз – Шанхайская организация сотрудничества, эффективно функционирующей во благо всех государств указанной оси.

Таким образом, «евразийскую интеграцию» можно понимать как в узком смысле: в качестве «процесса экономического сближения государств, образовавшихся после распада СССР», так и в широком смысле, как процесс выстраивания единого континентального экономического пространства Евразии «от Лиссабона до Владивостока».

В данном контексте, по нашему мнению, следует обратить дополнительное внимание на то обстоятельство, что отличительной особенностью современной трактовки теоретико-философских основ евразийской интеграции является отход от прямого противопоставления Европе, которую страны-участницы евразийского экономического проекта хотят видеть в качестве равноправного и надежного экономического партнера на континентальном рынке Евразии, а также констатировать исторически предопределенный факт углубления экономико-

24 См.: Дугин А. Г. Философия Политики. – М.: Арктогея-Центр, 2004 г.

25 См.: Назарбаев Н. А. Когда мысль материальна: Монография. – Алматы: Художественная литература, 2012.

26 Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 03 окт.

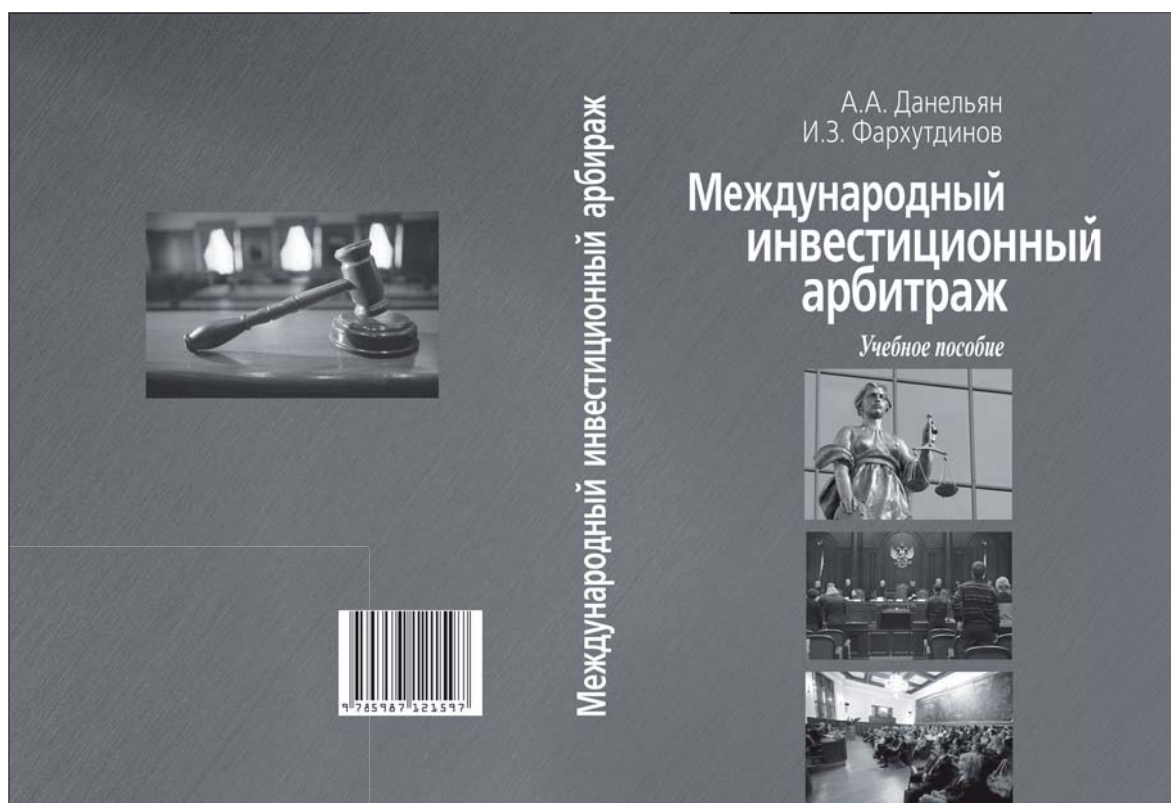
27 Лукашенко А. Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. – 2011. – 17 окт.

28 Назарбаев Н. А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. – 2011. – 25 окт.

политического сотрудничества между постсоветскими странами и расширения такого сотрудничества с рядом восточных государств, прежде всего Китайской Народной Республикой²⁹.

Пристатейный библиографический список

1. Гулевич В. Гносеологические основы интеграции евразийского пространства // Международная конференция «Евразийский вектор развития: проблемы и перспективы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/i/yalta2012.pdf>.
 2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989.
 3. Гумилев Л. Н. От Руси до России. – М., 1992.
 4. Дугин А. Г. Мистерии Евразии. – М., 1996.
 5. Дугин А. Г. Основы геополитики. – М., 1997.
 6. Дугин А. Г. Основы Евразийства. – М.: Арктогея – Центр, 2002 г.
 7. Дугин А. Г. Русская вещь: В 2 т. – М.: Арктогея-Центр, 2001.
 8. Дугин А. Г. Философия Политики. – М.: Арктогея-Центр, 2004.
 9. Евразийский временник. Книга пятая. – Париж, Евразийское книгоизд-во, 1927.
 10. Евразийский временник. Книга третья. – Берлин, Евразийское книгоизд-во, 1923.
 11. Евразийский временник. Книга четвертая. – Париж, Евразийское книгоизд-во, 1925 г.
 12. Кириевский И. В. Полное собрание сочинений в двух томах. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911 г.
 13. Лукашенко А. Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. – 2011. – 17 окт.
 14. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. – 1995. – № 4.
 15. На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2. – Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1922.
 16. Назарбаев Н. А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. – 2011. – 25 окт.
 17. Назарбаев Н. А. Когда мысль материальна: Монография. – Алматы: Художественная литература, 2012.
 18. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 03 окт.
 19. Россия и Латинство. Сборник статей. – Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1923.
 20. Струков К. В. Идея космополитизма европейской культуры в книге Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» // Политика, государство и право. – 2014. – № 9.
 21. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая. – Париж: Евразийское книгоизд-во, 1931.
 22. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999.
 23. Широков О. С. Исход к Востоку. Философия евразийства. – М.: Добросвет, 2008.
- 29 Статья подготовлена в рамках научного проекта РГНФ 15-33-01214 «Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации).

Черниченко С. В.

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Если исходить из того, что международное право объективно может регулировать только межгосударственные отношения (теория объективного дуализма), то российская правовая система должна включать нормы (и принципы) международного права и правила международных договоров в трансформированном виде. То, что выглядит как общепризнанные нормы и правила международных договоров, в действительности предназначено для регулирования отношений во внутрисоюзной сфере как именно вопрос, относящийся к приоритету того или иного положения российского права.

В то же время эти принципы, нормы и правила договоров России выступают как регулятор межгосударственных отношений России с другими субъектами международного права на международно-правовом уровне, составляя часть международно-правовой системы. Здесь в любом случае необходимо придерживаться принципа *pacta sunt servanda*, независимо от иерархии российских правовых актов.

Ключевые слова: правовая система, императивные нормы, общепризнанные принципы и нормы, серьезные нарушения императивных норм, тяжкие нарушения императивных норм, приоритет международных договоров.

Черниченко С. В.

Chernichenko S. V.

UNIVERSALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL TREATIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

If to proceed from the fact that international law objectively can regulate only inter-state relations (the theory of objective dualism), the Russian legal system must include norms (and principles) of international law and the rules of international treaties as transformed. All that looks as universally recognized norms and rules of international treaties in fact is intended for regulating the relations in the inner sphere. They preserve in this sphere exactly as the questions relating to the priority of one or another provision of the Russian law.

At the same time these principles and norms, and the rules of the treaties of Russia come out as a regulator of inter-state relations of Russia with other subjects of international law at the international law level, becoming part of the international legal system. Here in any case one should adhere to the principle of *pacta sunt servanda* irrespective of the hierarchy of Russian legal acts.

Keywords: legal system, peremptory norms, universally recognized principles and norms, serious breach of imperative norms, grave violations of peremptory norms, priority of international treaties.

В отечественной доктрине широко распространено мнение, что принципы и нормы международного права – однопорядковые понятия. Принципы – это тоже нормы, но имеющие наиболее общий характер, наиболее важные. Есть и другие точки зрения по вопросу о значении термина «принцип», но их не стоит рассматривать, так как ст. 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации явно имеет в виду толкование понятия «принцип» как означающее норму.

В ст. 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации говорится о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Можно ли считать, что они сохраняют свой международно-правовой характер, став частью правовой системы России? Попробуем на это ответить.

В международно-правовой литературе уже обращалось внимание на логическое несоответствие объединения в понятии правовой системы норм (и принципов) международного права и международных договоров¹. Нормы (и принципы, если считать принципы тоже нормами) должны характеризовать содержание того, что понимается под правовой системой. Нормы должны, прежде всего, образовывать правовую систему. Без норм правовая система существовать не может. Международные договоры – это одна из форм воплощения международно-правовых норм. Сами по себе международные договоры как источники международ-

ного права не могут быть частью правовой системы. Ее частью служит то, что составляет содержание договоров.

Встречается мнение, что правовая система включает наряду с нормами правосознание и практику правоприменения. Такое толкование является слишком широким и неопределенным. Значительная доля правосознания, т.е. представление о том, каким должно быть право и каким оно является, не приводит к оценке действующего права или к планам правотворчества. Уже поэтому правосознание не следует считать элементом правовой системы. Правосознание как таковое не имеет нормативной основы. Об этом приблизительно писал И. А. Ильин: «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением»². Он добавляет, что оно «генетически предшествует всякому правотворчеству»³.

Что касается правоприменения, то здесь надо ориентироваться не на стадию применения норм права, т.е. на юридическую практику в буквальном смысле, а на то, как выглядит право в свете интерпретации практики, как «образ» права, диктуемый практикой. Е. Т. Усенко считал, что правовая система – научное понятие, нормативно не урегулированное и едва ли уместное в Конституции⁴. Но дело здесь не в нормативном урегулировании, а в некорректности понятия. В конце

2 Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. в десяти томах. – Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 155.

3 Там же. – С. 155–156.

4 Усенко Е. Т. Указ. соч. С. 159–168.

1 Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. – М.: НОРМА, 2004. – С. 159–160.

концов, можно было бы сказать, что общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации составляют право России. Это было бы то же самое со всеми недостатками соответствующей формулировки.

Как бы ни толковать понятие правовой системы, необходимо выяснить, все ли общепризнанные нормы международного права обладают качеством императивности (включая и принципы).

Императивные нормы – нормы, отступление от которых межгосударственное сообщество признает недопустимым. Если обратиться к ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., то легко можно увидеть, что в ней не говорится обо всех аспектах, свойственных императивным нормам международного права. Статья 53 предусматривает: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»⁵. Итак, во-первых, ст. 53 предусматривает, что последствием договора, заключенного в противоречии с императивной нормой, является его ничтожность, и, во-вторых, что императивная норма признается таковой межгосударственным сообществом в целом. Можно считать тем самым, что императивная норма содержит обязательство *erga omnes*, хотя прямо на это в ст. 53 не указывается.

Статья 53 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. почти дословно повторяет ст. 53 Венской конвенции 1969 г. (с учетом разницы в предмете Конвенции)⁶. Надо иметь в виду, что под международными организациями подразумеваются межправительственные организации. В русском тексте Конвенции 1986 г. в качестве последствия договора, противостоящего императивной норме, сказано, что он является недействительным, а не ничтожным. В английском тексте Конвенции в этом случае употребляется слово «void», что можно перевести и как ничтожный, и как недействительный (смысл от такого перевода не меняется).

Ссылки в обеих Конвенциях на императивные нормы позволяют думать, что само понятие императивных норм существует помимо Конвенций. Несомненно, правило о недопустимости заключения договоров, противоречащих императивной норме, относится не только к договорам, охватываемым этими Конвенциями. Устные договоры или договоры между иными субъектами международного права (народами, ставшими по ряду причин субъектами международного права) также не должны противоречить императивным нормам. Это норма международного *обычного* права⁷. Венские конвенции 1969 г. и 1986 г. зафиксировали в договорном порядке определенные аспекты этой более общей нормы международного обычного права. Уместно вспомнить ст. 40 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые

были приняты к сведению Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 56/89 от 12 декабря 2001 г.⁸

В ст. 40 предусматривается следующее: «Настоящая глава применяется к международной ответственности, которую влечет за собой серьезное нарушение (*serious breach*) государством обязательства, вытекающего из императивной нормы международного права»⁹. Ссылки на Венские конвенции здесь нет. И хотя в ст. 40 говорится только об ответственности государств, само понятие императивных норм не «привязано» к каким-либо договорам.

То же самое почти можно сказать о статьях, касающихся ответственности международных организаций за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм международного права¹⁰. Правильным будет и вывод, что любые нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм, должны влечь за собой ответственность нарушителя – субъекта международного права. Таким образом, одной из самых общих императивных норм обычного международного права выглядит правило о недопустимости заключения *любых* международных договоров между *любыми* субъектами международного права или *совершения иных действий (или бездействий)* в сфере межгосударственных отношений, противоречащих ей. Тогда совершение указанных действий (бездействий), включая и заключение международных договоров, противоречащих императивным нормам, противоправно, а тяжесть ответственности в принципе должна определяться степенью серьезности нарушения императивных норм.

Не затрагивая пока вопроса о серьезности нарушений *jus cogens*, можно считать, что не все общепризнанные нормы (и принципы) международного права обладают императивностью (когентностью). По-видимому, это становится ясным, руководствуясь хотя бы грамматическим толкованием ст. 15 (часть 4) Конституции РФ. Термин «императивные нормы» (*jus cogens*) имеет специальный характер и поэтому не слишком подходит для разъяснения его значения в Конституции. Общепризнанные принципы и нормы явно охватывают не только те нормы, отступать от которых недопустимо в договорном порядке. В. Л. Толстых прав, отмечая, что под «общепризнанными принципами и нормами международного права» следует понимать любые международные обычаи, в том числе закрепляющие нормы *jus cogens*¹¹.

В ст. 15 Конституции РФ о международных обычаях ничего не говорится. Но понятно, что международные договоры должны соседствовать с международными обычаями. Кстати, было бы более верным употреблять выражение «международно-правовой обычай». Термин «международный обычай» как источник международного права просто освящен практикой. Надо помнить, что общепризнанные нормы и принципы должны восприниматься и как нормы, и как источники международного права.

Термин «международный обычай» имеет два значения. Оба друг с другом неразрывно связаны. Те общепризнанные нормы (и принципы) международного права, которые не имеют императивности, относятся к *jus dispositivum*, свидетельству-

5 Действующее международное право в трех томах. – Т. 1. – М.: Изд-во МНИМП, 1996. – С. 359–360.

6 Там же. – С. 393.

7 Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 78–89.

8 Резолюция и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на пятьдесят шестой сессии 12 сентября– 24 декабря 2001 г. – Т. 2. – ООН, Нью-Йорк, 2002. – С. 589–597.

9 Там же. – С. 594.

10 Доклад Комиссии международного права. Шестидесят третья сессия. 26 апреля – 3 июня и 4 июля – 12 августа 2011 г. Дополнение (A/66/10). – ООН, Нью-Йорк; 2011. – С. 68–69.

11 Толстых В. Л. Курс международного права. – М., Волтерс Клувер, 2009. – С. 227.

ют о возможности противоречия им, отступления от них в договорном порядке, но только если это не наносит ущерба третьим странам. Значение общепризнанности в таких случаях сводится именно к этому. Одностороннее отступление наверняка будет *нарушением* общепризнанного характера соответствующих норм. Потеряется и природа их *норм*. Если вообразить, что два государства заключили договор, ограничивающий на территории друг друга неприкосновенность личности дипломатов, их представляющих, не касающаяся дипломатов третьих государств, то это было бы отступлением от общепризнанной нормы, но допустимой, правомерной. Если государство лишит неприкосновенности личности своих дипломатов, находящихся за рубежом, то это будет входить в компетенцию данного государства, и такое решение не будет нарушением какой-либо нормы международного права. Если же государство в одностороннем порядке попытается лишить личной неприкосновенности дипломатов других государств на его территории, это будет грубейшим нарушением общепризнанной нормы международного права, хотя и не *jus cogens*, так как претензию могут заявить государства, чьи дипломаты пострадали.

Приведенные соображения, несмотря на их гипотетический характер, показывают, в чем различие между общепризнанностью диспозитивной и императивной нормы международного права безотносительно к Конституции Российской Федерации. В отличие от *jus dispositivum* императивные нормы содержат обязательства *erga omnes*, т.е. в отношении всего межгосударственного сообщества и в отношении каждого его члена. Иными словами, любой участник межгосударственного общения, прежде всего государство, вправе заявить о своей претензии по поводу нарушения *jus cogens* независимо от того, пострадал ли он в результате такого нарушения.

В то же время нельзя догматически подходить к императивным нормам. Действительно, есть нормы международного права, отступление от которых невозможно ни при каких условиях. Такое отступление в любом случае будет представлять собой нарушение международного права. В качестве примера приведем запрещение прибегать к пыткам. Но есть и нормы, безусловно относящиеся к императивным, отступление от которых не будет восприниматься как нарушение международного права. Так, нельзя отрицать, что право на жизнь знает некоторые исключения: в отношении террористов, выступающих против государства с оружием в руках, при самообороне, против неприятеля в случае вооруженного нападения на государство и т.д. Было бы правильным не считать их исключением. Это скорее условия, которые рисуют картину, устанавливающую рамки применения права на жизнь (гипотезу и диспозицию).

Отличие императивных норм международного права от других общепризнанных обычных норм международного права заключается в том, что от последних можно отступать в договорном порядке, как указывалось выше. Сходство тех и других заметно в том, что они не препятствуют устанавливать режим, более благоприятный для партнеров, чем предусмотрено общепризнанными нормами.

То же самое можно сказать и об обычных нормах международного права, которые охватывают государства определенного региона или группу государств, объединенных по каким-либо иным общим признакам. Если мы имеем в виду просто общепризнанные в этих пределах нормы, то от них можно отступать в договорном порядке. Этим все сказано. Если же мы имеем в виду региональные или им подобные нормы императивного плана, то они не исключают установление для участ-

ников более благоприятного режима при условии, что они не противоречат императивным нормам глобального плана.

Проблема, с которой постоянно сталкиваются исследователи и практики – стремление дать приблизительный перечень императивных норм международного права и тем самым обязательств *erga omnes*. Можно с уверенностью утверждать, что основные принципы международного права – императивные нормы. Допустимо только спорить об объеме их императивности. Но это уже вопрос о сфере действия таких принципов.

Возвращаясь к проблеме серьезности нарушений императивных норм, обратим внимание на то, что Комиссия международного права не раскрывает критерии таких нарушений. Вряд ли это вообще можно сделать. Все зависит, в конечном счете, от позиций прежде всего государств, которые диктуются их политикой.

Нужно, тем не менее, рассмотреть общий подход государств к тяжести международных правонарушений. Есть, видимо, такие нарушения императивных норм, которые не попадают в категорию серьезных правонарушений. В статьях об ответственности государств за международно-противоправные действия не выделяются нарушения императивных норм, не носящих серьезного характера, о которых говорится в ст. 40. В принципе, разумеется, любое нарушение международного права должно влечь за собой международно-правовую ответственность субъектов международного права. Но нарушения императивных норм должно за собой влечь недействительность (ничтожность) заключенных в противоречии с ними международных договоров и т.д., о чем указывалось выше. Что касается серьезных нарушений императивных норм, тяжесть ответственности за них должна быть выше. Согласно п. 2 ст. 40 предусматривается, что нарушение такого обязательства является серьезным, если оно сопряжено с грубым или систематическим невыполнением обязательства ответственным государством. Трудно это считать критериями *серьезности* таких нарушений. Больше подходит для обозначения этого слово «ориентир». Все же есть определенный общий подход к тяжести нарушений международного права с точки зрения того, что такие нарушения противоречат самым серьезным образом императивным нормам. Это – деление их на международные преступления и прочие серьезные нарушения императивных норм, не говоря о других нарушениях императивных норм менее серьезного характера. Здесь, конечно, тоже присутствует политика, но сама классификация нарушений международного права в зависимости от степени их серьезности – область международного права.

До того как приводить соображения относительно понятия международного преступления, желательно уделить внимание термину «*remedies*», что приблизительно можно перевести как средства правовой защиты (или возложение ответственности). В одной из работ в области международного права прав человека об этом термине сказано, что нет эквивалента такому термину на других официальных языках ООН (автор Д. Шелтон). Выделяется два значения указанного понятия: либо это процесс предоставления правовой защиты (возложения ответственности), либо это сам акт такой защиты (возложения). При этом делается ссылка и на других авторов¹².

Если принять термин «возложение ответственности» как более определенный и более ясный, чем термин «средства правовой защиты», можно сказать, что возложение ответ-

12 Shelton D. Remedies in International Human Rights Law. – New York, Oxford University Press, 2010. – P. 7.

ственности предшествует ответственности как таковой. В ст. 31 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния говорится, что ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием (в английском тексте – «full reparation»). «Репарация» используется в английском тексте в широком значении, как «возмещение». Логично полагать, что решать вопрос об ответственности государств (так же как и других субъектов международного права) за деяния, нарушающие международное право, необходимо после того, как решен вопрос о возможности возложения ответственности на нарушителя. Только после этого можно ставить вопрос о формах ответственности – реституции, компенсации и сатисфакции.

На первый взгляд необязательно задерживаться на значении термина «возложение ответственности». Д. Шелтон очень скупо высказывается по ст. 40 статей, подготовленных Комиссией международного права, возможно, потому, что в американской доктрине иногда скептически относятся к понятию императивных норм международного права за серьезность нарушений¹³. Но рассуждая о серьезности их нарушений и о международных преступлениях, было бы правильным связать их с обязательством *erga omnes*. Следовательно, любое государство (или любой субъект международного права, которого это может коснуться в силу распространения на него соответствующих обязательств) вправе предъявить претензию к нарушителю, независимо от того, пострадало ли оно от такого нарушения непосредственно (как уже указывалось ранее).

Представляются заслуживающими внимания сообщения, высказанные в упомянутой работе, несмотря на их краткость, по статьям 40 и 41. Подчеркивается «важность поддержания господства права в интересах международного сообщества в целом» и «справедливость возложения ответственности как цели возмещения пострадавшим от нарушения обязательств»¹⁴. Следует согласиться с тем, что статьи рассматривают возмещения (*reparations*) «скорее в многостороннем контексте, чем исключительно как вопрос двусторонний, с ударением на восстановление и поддержание господства права и разработку последствий серьезного нарушения императивной нормы»¹⁵. Далее утверждается, что статьи показывают: «...цели и масштаб возмещений ограничен возложением ответственности, исключая санкции или наказание как за наказуемые ущербы»¹⁶. Наконец, проводится мысль, что статьи требуют полного возмещения, «но предусматривается некоторая гибкость, включающая элемент пропорциональности или принятие во внимание равных соображений при предоставлении возмещений»¹⁷.

Чтобы ни понимать под санкциями или наказанием (выражение, не очень подходящее для международно-правовой ответственности государств, как, впрочем, и для других участников межгосударственных отношений, способных быть субъектами международного права), возложение ответственности имеет смысл как прелюдия к определению международно-правовой ответственности, ее форм. Без этого возложение ответственности становится беспредметным. Это не означает реального наступления ответственности во всех случаях. Но это вопрос об эффективности международного права в той или

иной период истории, о том, насколько оправданы надежды на господство международного права, т.е. вопрос социологический.

Можем констатировать, что императивные нормы бывают трех категорий: нормы, не являющиеся столь серьезными, выделение которых требует особого внимания; нормы, нарушение которых свидетельствует об их серьезности; и нормы, нарушение которых относится к международным преступлениям, тяжким нарушениям международного права (*grave breach of international law*). Такое деление отчасти условно, так как любые нарушения императивных норм могут носить разную степень серьезности. Могут быть достаточно масштабные императивные нормы, в первостепенной важности которых никто не сомневается, но серьезность нарушений которых, незначительна. *Нельзя представить, что совершение международных преступлений бывает незначительным.*

Нормативного закрепления перечня международных преступлений нет, как и нет перечня возможных нарушений вообще императивных норм. Все же есть доктринальные представления о том, что следует относить к международным преступлениям. В получившей широкую известность ст. 19 проекта статей об ответственности государств, предварительного одобрения Комиссией международного права по докладу Р. Аго, предлагалось определение международных преступлений, которое часто цитируется¹⁸. Поэтому, не желая повторяться, отметим в нем то, что требует пристального внимания. Во-первых, в ст. 19 указывается, что это действие государства, нарушающее международное право, во-вторых, что оно направлено против жизненно важных интересов международного сообщества, в-третьих, что оно рассматривается как особо опасное, как преступление перед международным сообществом в целом. Термин «международное преступление» носит характер метафоры. Это не преступление в уголовно-правовом смысле. В ст. 19 перечисляются не виды, а категории международных преступлений. Виды международных преступлений упоминаются как примеры (агрессия, геноцид), что находит свое подтверждение в приговоре Нюрнбергского трибунала. Так что и в практическом плане некоторые международные преступления уже названы.

Комиссия международного права отказалась все-таки заниматься определением международных преступлений, используя дважды (в 2001 и 2011 гг.) более осторожную формулировку об ответственности за серьезные нарушения императивных норм.

Необходимость выделения среди серьезных нарушений императивных норм таких тяжких нарушений как международные преступления остается. И. И. Лукашук признал: «... не всякое нарушение императивных норм может быть достаточно серьезным, чтобы быть квалифицированным как преступление»¹⁹.

Часто международным преступлением называют деяния индивидов, признанные общественно опасными в международном масштабе, влекущими уголовную ответственность и требующими сотрудничества между государствами. Несмотря на распространенность и такого значения термина «международное преступление», целесообразно не смешивать одно с другим, употребляя разные наименования для разных явлений. Поэтому логично различать международные преступле-

13 Shelton D. Op.cit. – P. 84–86.

14 Ibid. – P. 86.

15 Ibid.

16 Ibid.

17 Ibid.

18 Ежегодник Комиссии международного права. 1980. – Т. II, часть вторая. – ООН, Нью-Йорк, 1981. – С. 32.

19 Лукашук И. И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 268.

ния именно как деяния государств (и в принципе других субъектов международного права) в отличие от деяний индивидов. В последнем случае, если использовать выражение приговора Нюрнбергского трибунала, вполне удачна следующая формулировка: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями...»²⁰. В том же значении употребляется выражение «преступление согласно международному праву» или «преступления по международному праву» (*crime under international law*). Подобные деяния могут совершаться лицами, действующими в официальном качестве. Тогда они прямо связаны с международными преступлениями (агрессией, геноцидом как государственной политикой, военными преступлениями как государственной политикой и т.п.). Они могут совершаться и частными лицами (например, пиратство). Тогда они не имеют отношения к международным преступлениям в том понимании, которое было дано выше.

Надо также иметь в виду, что преступления *против международного права*, если они рассматриваются в международном судебном органе, не превращают индивидов в субъектов международного права. Государства, создавшие такой орган, принимают на себя обязательство в отношении друг друга обеспечить прямой доступ соответствующим индивидам в данный орган.

Поскольку императивные нормы международного права в любом случае должны соблюдаться, закономерен вопрос: если ст. 15 (4) предусматривает приоритет при применении правил договора по сравнению с правилами, установленными законом, то договор, противоречащий императивным нормам, не должен заключаться, или он будет ничтожным (недействительным). Тогда положение о приоритете правил, установленных договором, не должно применяться в отношении императивных норм.

Существует еще один вопрос, нуждающийся в разъяснении. Есть мнение, что международные обычаи должны обладать приоритетом, как и международные договоры, и в отношении законов. Такой вывод аргументируется тем, что имеется равенство международных договоров и международных обычаев в рамках международного правопорядка. Если придерживаться ст. 15 Конституции, то следует рассуждать несколько иначе. В ст. 15 предусматривается приоритет при применении *правил*, установленных договором, по сравнению с *правилами*, установленными *законом*. Иными словами, приоритет предусматривается в отношении *норм договора* по сравнению с *нормами закона*. Сравниваются не источники права (закон и договор), а их содержание – правила, нормы. На самом деле положение о приоритете международных договоров, или более правильно, норм международных договоров не распространяется на императивные нормы, как указывалось ранее. Вывод о приоритете международных обычаев выглядит, поэтому, неточным. Об условном приоритете других *обычных норм* международного права уже сказано.

Нельзя пройти мимо вопроса, который уже обсуждался много раз в отечественной международно-правовой литературе, о толковании понятия «закон» в ст. 15 (4). Под словом закон следует понимать закон, принятый Федеральным Собранием или вообще законодательный акт, принятый на более низком уровне, или же право Российской Федерации? Право в этом случае звучит слишком теоретически. Споры разворачиваются вокруг того, имеется ли в виду закон в буквальном смысле или же законодательный акт. Как будто бы, законодательный

акт. Но в то же время в Конституции сделан акцент не на законе и договоре, а на правилах закона и договора, т.е. на нормах. Только ли, однако, на нормах? Ведь и закон, и договор могут содержать правила, имеющие однократное применение. Очевидно, правила, о которых идет речь в ст. 15 (4), нуждаются в расширительном толковании. Они могут относиться и к нормам, и к правилам, имеющим разовое применение. Особенно это касается международных договоров. Положения такого рода не отражают, естественно, императивные нормы международного права, но не должны им противоречить.

Привлекает внимание также и проблема расхождения законов и подзаконных актов с положениями того или иного международного договора. Пленум Верховного Суда России дважды занимался этой проблемой. В Постановлениях Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 и от 31 октября 1995 г. № 8 дается толкование ст. 15 (4). Их часто цитируют. Не повторяя эти цитаты, отметим обобщение, которое сделал Б.И. Осминин, только в более кратком виде, следуя сложившейся практике²¹.

Решения о международных договорах, согласие на обязательность которых для России принято в форме федерального закона, обладают приоритетом по отношению к законам и всем подзаконным актам; решения о международных договорах, согласие на обязательность которых для России принято Президентом, обладают приоритетом по отношению к указам и распоряжениям Президента, а также по отношению ко всем нижестоящим правовым актам; решения о международных договорах, согласие на обязательность для России которых принято Правительством, обладают приоритетом в применении по отношению к постановлениям и распоряжениям Правительства, а также по отношению к актам федеральных органов исполнительной власти; решения о международных договорах межведомственного характера пользуются приоритетом в применении только по отношению к актам федерального органа исполнительной власти (уполномоченной организации), принявшего решение о заключении договора.

В схему, предложенную Б. И. Осмининим, следовало бы внести некоторые уточнения: говорить не о приоритете договоров, а о правилах договоров.

Отдельно необходимо сказать о Конституции России в свете ее участия в международных договорах. Принято считать, что в случае расхождения международного договора с Конституцией России суды обязаны применять Конституцию. Это скорее презумпция: участие России в международном договоре предполагает, что договор не противоречит Конституции. Если договор заключен до принятия Конституции и имеет важное значение, его интерпретация должна осуществляться в духе соответствия с Конституцией.

Есть точка зрения, что международные договоры Российской Федерации обладают приоритетом над нормами внутреннего права России, включая и нормы Конституции²². Надо представить себе, что происходит, когда нормы международного права оказываются в сфере действия российского права, предназначены для регулирования внутрисударственных отношений.

С позиций *объективного дуализма* международное право в состоянии регулировать только межгосударственные отношения, а внутрисударственное – только внутрисударствен-

21 Осминин Б. И. Заключение и имплементация международных договоров и внутрисударственное право. – Москва, Берлин: Инфатроник Медиа, 2010. – С. 328–329.

22 Иваненко В. С. Международные договоры России как нормативно-правовые акты // Российский ежегодник международного права. 2013. – СПб.: «Россия – Нева», 2014. – С. 49.

ные. Третьего не дано. Нормы международного права, переходя к регулированию внутрисударственных отношений, претерпевают метаморфозу, называемую трансформацией. Иногда ее называют иначе. Не в названии дело. Просто термин «трансформация» распространен, особенно среди тех, кто причисляет себя к сторонникам последовательного дуализма, теории соотношения международного права и внутрисударственного права, сводящейся к тому, что границы между тем и другим существуют объективно. Процесс трансформации не приводит к тому, что нормы международного права переходят к регулированию внутрисударственных отношений. Они так и остаются регуляторами межгосударственных отношений. Появляются с целью осуществления соответствующих норм международного права нормы внутрисударственного права (или приспособляются уже имеющиеся). Это может происходить по-разному, в частности, путем «перенесения» норм договоров во внутрисударственное право, что выглядит и как инкорпорация договоров в законодательство того или иного государства. Все зависит от законодательства.

Не слишком убедительна позиция авторов, которые полагают, что международные договоры России составляют часть российского права, но не законодательства. Так, И. И. Лукашук считает: «...договор может быть частью права, может обладать силой закона, но не может быть отнесен к законодательству. Международные нормы занимают особое место в праве страны. ... А если сам договор расходится с постановлением правительства или иного органа? Ответ как бы презюмируется: если договор обладает приоритетом применения в отношении закона, то тем более это относится к иным правовым актам. Поэтому было бы предпочтительным говорить не о законе, а о праве государства»²³.

Международные договоры России в трансформированном виде неизбежно являются источниками российского права и одновременно должны рассматриваться как часть российского законодательства. Международный договор, ратифицированный, становится во внутренней сфере России таким же законом, как и обычный закон, принятый Федеральным Собранием и подписанный Президентом. Вопрос о том, какой закон имеет приоритет при его применении, решается с учетом международных обязательств России, по усмотрению законодателя в соответствии с Конституцией. Опасения по поводу того, что приравнение международного договора к закону может создать условия, при которых последующий закон в состоянии отменить правило о приоритете международного договора, неосновательны. Статья 15 (4) Конституции этого не допускает. Если рассматривать данную статью, то правила договора, которые превратились в часть российского законодательства, стали законом, начинают пользоваться приоритетом именно в этом случае, применяются во внутрисударственной сфере, т.е. уже как закон. Возникает вопрос лишь о том, какому закону отдать предпочтение. Конституция отвечает на него однозначно. Закон может носить наименование и кодекса, и положения, и договора. То же самое нужно сказать и о подзаконных актах (вернее, о правилах таких актов, когда они предусматривают правила, нашедшие фиксацию в договорах, не требующих ратификации, если равняться на иерархию источников российского права).

Общепризнанные принципы и нормы международного права (императивные и диспозитивные) действительно переходят в сферу *внутрисударственного права России*, поскольку они не нуждаются в оформлении в виде законов и составляют

именно часть российского права, а не законодательства. Региональные нормы и нормы, обязывающие Россию, которые не могут рассматриваться как региональные (групповые, условно говоря) тоже должны считаться частью российского права. Кроме того, правило договоров, не инкорпорированных в российское право (допустим, в связи с тем, что они были приняты задолго до принятия Конституции и продолжают действовать и по сей день) вполне могут рассматриваться как часть российского права, но не законодательства, в первую очередь, когда на них ссылаются, поскольку они не влекут за собой принятия какого-либо законодательного акта, но, так или иначе, означают появление в российском праве норм, существование которых обусловлено наличием конкретных норм международного права.

Если думать, что общепризнанные принципы и нормы международного права, как и договоры России (точнее, правила договоров), входят в российскую правовую систему согласно Конституции Российской Федерации, то о собственно международном праве говорить нельзя. Все это относится к области внутрисударственной, предназначено для регулирования внутрисударственных отношений (неважно, каких – чисто внутрисударственных, попадающих в орбиту национального права, или транснациональных, не включаемых в национальную систему права). Это не международное право. Транснациональные нормы – нормы, которые допускаются законодательством при составлении, например, контрактов между международными служащими и межправительственными организациями. Государство отказывается от применимости к этим контрактам своего национального права. Чтобы не развивать дальше тезис о транснациональном праве, отметим только, что это тоже область внутрисударственного правового регулирования, область международного частного права.

Если исходить из того, что международное право объективно может регулировать только межгосударственные отношения (*теория объективного дуализма*), то российская правовая система (поддерживая то понимание правовой системы, которое было изложено выше) будет включать нормы и принципы международного права (в том числе и договорные нормы) в *трансформированном* виде. То, что производит впечатление общепризнанных принципов и норм международного права и правил договоров России, на самом деле предназначено для регулирования отношений во внутрисударственной сфере, как вопрос, относящийся к приоритету трансформированных принципов и норм, т.е. тех или иных положений российского права. Было бы также правильным заметить, что, обсуждая вопрос о трансформации, видимо, надо иметь в виду и уровень международных обычаев, подвергающихся трансформации. Все они, скорее всего, могут рассматриваться как приравненные к закону с точки зрения иерархии внутрисударственных источников права.

Возникает серьезная проблема. Статья 46 Венской конвенции о праве международных договоров не знает деления договоров, которое свойственно законодательству России. Она предусматривает: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось его внутреннего права особо важного значения»²⁴.

24 Действующее международное право в трех томах. Т. 1. – М.: Изд. МНИМП, 1996. – С. 358.

23 Лукашук И. И. Указ. соч. – С. 97–98.

Следовательно, договоры должны соблюдаться независимо от их уровня в российском праве, согласно ст. 46 Венской конвенции и принципу *pacta sunt servanda*.

Законодательство России тем самым создает условия для нарушения определенной категории международных договоров России или же для нарушения некоторых законодательных актов России, если вопреки законодательству России правила тех или иных договоров России будут исполняться. Возможность такой коллизии отмечали российские авторы. Среди них следует, прежде всего, назвать Б. И. Осминина и А. Н. Морозова, которые выступают за соблюдение международных договоров любого уровня²⁵. Конечно, ряд рассматриваемых ими ситуаций носили характер предположений, но не исключены полностью. Заключение Россией международных договоров должно предотвращать их возникновение. Другого пути нет.

Настороженность может вызвать, в частности, фраза из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г.: «Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере... отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям»²⁶.

Не комментируя постановление Суда, было бы желательным сделать больший акцент на необходимость выполнения международно-правовых обязательств России, а не на возможность упомянутых коллизий. Нельзя воспринимать эту фразу как стремление оставлять на усмотрение Российской Федерации вопрос об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека.

Разумеется, никому не придет в голову исправлять Конституцию, заключая международный договор, или выходить из Венской конвенции о праве международных договоров. Допустимо в каждом конкретном случае прибегать к толкованию договора или законодательства, чтобы устранить возникающие трудности. Прекращение действия договора, не подлежащего ратификации, если он расходится с законом, – не всегда лучший выход из положения. Политически это может привести к «потере лица» Россией как партнера, представляющего для России интерес при решении важных вопросов. Необходимо также помнить, что заключение договора, противоречащего императивным нормам, порождает его ничтожность.

Пристатейный библиографический список

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г./Действующее международное право в трех томах. Т. 1. – М.: Изд-во МНИМП, 1996.
2. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 мая

1986 г./Действующее международное право в трех томах. Т. 1. – М.: Изд-во МНИМП, 1996.

3. Вылегжанин А. Н., Калмкарян Р. А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. – 2012. – № 6.
4. Доклад Комиссии международного права. Шестидесят третья сессия. 26 апреля – 3 июня и 4 июня – 12 августа 2011 г. Дополнение (A/66/10). – ООН, Нью-Йорк, 2011.
5. Ежегодник Комиссии международного права. 1980. Т. II, часть вторая. – ООН, Нью-Йорк, 1981.
6. Иваненко В. С. Международные договоры России как нормативные акты // Российский ежегодник международного права. 2013. – СПб.: «Россия-Нева», 2014.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания / Собр. соч. в десяти томах. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994.
8. Лукашук И. И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
9. Нюрнбергский процесс. Т. VII. – М.: Госюриздат, 1961.
10. Осминин Б. И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. – Москва, Берлин: Инфатроник Медиа, 2010.
11. Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на пятьдесят шестой сессии 12 сентября – 24 декабря 2001. Т. 2. – ООН, Нью-Йорк, 2008.
12. СЗ РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.
13. Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Выполнение международных договоров Российской Федерацией. – М.: НОРМА, 2011.
14. Толстых В. Л. Курс международного права. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
15. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. – М.: НОРМА, 2004.
16. Shelton D. Remedies in the International Human Rights Law. – New York, Oxford University Press, 2010.

²⁵ Осминин Б. И. Указ. соч. – С. 310–364; Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. – М.: НОРМА, 2011. – С. 70 – 102.

²⁶ СЗ РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658. – С. 11948.

Смбатян А. С.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР КАК ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ СПОРОВ ВТО (ЧАСТЬ I)

В праве ВТО одним из ключевых является понятие «мера». Именно мера обуславливает выявление нарушения обязательств членом ВТО, аннулирование либо сокращение выгод, определяет запрос на консультации, запрос на учреждение третьей группы, наступательную позицию в споре. Диапазон мер чрезвычайно широк. Он включает рекомендательные, неписаные, однокомпонентные, многокомпонентные, потенциальные и многие другие меры. Убедительность позиции заявителя не в последнюю очередь зависит от того, как именно сформулированы меры, являющиеся предметом спора.

Ключевые слова: ВТО, споры, основания, мера, аннулирование, жалоба, выгода, ГАТТ, Статья XXIII.

Smbatyan A. S.

CLASSIFICATION OF MEASURES AS THE CAUSE OF WTO DISPUTES (PART I)

Measure is one of the key notions in WTO law. It is a measure preconditioning the identification of violation of WTO obligations, nullification or impairment of benefits, preparation of request for consultations, panel request and written submissions. The range of measures is extremely wide. It includes non-binding, unwritten, multicomponent, one-component, potential and other types of measures. The strength of the arguments of the complaining party not least of all depends on the formulation of measures at issue.

Keywords: WTO, disputes, grounds, measure, nullification, complaint, benefit, GATT, Article XXIII.

Смбатян А. С.

Введение

Право Всемирной Торговой Организации представляет собой одну из самых увлекательных и захватывающих своей сложностью областей международного публичного права. Право ВТО не только результат нормотворчества отдельно взятой международной организации. Оно существует, в том числе, в умах юристов, мужчин и женщин, теоретиков и практиков, которые занимаются ВТО. Позиции спорящих сторон нередко предопределяют развитие права ВТО. Даже в ответах на вопросы третьей группы одна из сторон либо даже третья сторона может изложить поражающий своей смелостью и одновременно рациональностью абсолютный новый подход. Казалось бы, сказанное *obiter dictum*. Со временем, однако, такой подход может устояться в практике ВТО, стать общепризнанным, обрести качество нормативности. Именно благодаря такой открытости и поступательности право ВТО претерпевает революционные изменения. Каждое новое решение ОРС ВТО способно провозгласить совершенно новый принцип или концепцию, не перечеркивая при этом предыдущие. Все возможно. Ничто не исключено. Торговые отношения сложны и многогранны, развиваются стремительно. Право ВТО должно поспевать за их развитием с тем, чтобы не только адекватно отражать изменения, но и регулировать соответствующие отношения. Именно в этом, на наш взгляд, ценность права ВТО. В его открытости, способности саморазвитию. Живое, действующее право. Право не в позитивистском, но в самом широком, интегративном понимании. Право, в котором правоприменение и правосознание являются его неотъемлемыми и важнейшими составляющими. Право, в котором практика подталкивает теорию в ее развитии, способствует выработке прогрессивных теоретических положений и разработок. Мощный вклад в развитие права ВТО вносят также ученые. Их задача не только теоретически обосновать то, что уже сложилось на практике, но и сделать шаг на опережение этого развития. С тем, что сформулированные теоретические положения служили основой для самых разнообразных ситуаций, чем, как известно, весьма богаты международные торговые отношения.

В этой связи возникает вопрос, имеющий большое практическое значение: если право ВТО постоянно развивается и меняется, как же определить, какие именно действия (бездействие) представляют собой нарушение права ВТО, точнее, нарушение обязательств, которые государства-члены берут на себя согласно соглашениям системы ВТО и протоколам о присоединении к ВТО? Что именно становится причиной возникновения споров? Ответ может звучать примерно так: в случае доказанности, любое действие (бездействие) может вести к нарушению обязательств в рамках ВТО. Не вступивший в силу закон может стать причиной спора. Нормативная установка, существующая исключительно в умах чиновников («в таких случаях нужно поступать таким образом»), может стать основанием подачи жалобы в ОРС ВТО. Действия частных компаний на рынке того или иного товара могут привести к межгосударственному спору. Рекомендации чиновников в адрес промышленности, высказанные ими на внутренних совещаниях, могут стать причиной подачи против страны иска в ОРС ВТО. Эти вопросы являются предметом настоящей статьи. Автором будет рассмотрена, в частности, концепция аннулирования или сокращения выгод, категории споров, рассматриваемых Органом по разрешению споров ВТО, предложена классификация мер как причин и одновременно оснований возникновения споров ВТО. Сами меры во всем их многообразии будут рассмотрены во второй части статьи.

Концепция аннулирования либо сокращения выгод

Общим для всех соглашений системы ВТО основанием подачи жалоб (включая по умолчанию протоколы о присоединении государств после 1 января 1995 г.) в Орган по разрешению споров ВТО (далее – ОРС ВТО), является аннулирование либо сокращение выгод. Для наглядности приведем пример из практики разрешения споров ГАТТ.

В 1986 г. ЕС, Канада и Мексика подали жалобу на действия США в связи с тем, что США в нарушение Статьи III ГАТТ ввели дифференцированные ставки налогов на бензин

отечественного и импортного производства¹. США утверждали, что повышение пошлин было незначительным, а эффект от такого повышения на торговлю был минимальным либо нулевым. По мнению США, независимо от того, противоречило ли введение дифференцированных налоговых ставок первому предложению Статьи III:2 или же нет, такое незначительное различие не могло приводить к аннулированию или сокращению выгод, вытекающих для ЕС, Канады и Мексики из ГАТТ. В ответ на это Третейская группа отметила, что в рамках процедуры разрешения споров ГАТТ Договаривающиеся Стороны неоднократно ссылались на то, что меры, противоречащие ГАТТ, не оказывают неблагоприятного эффекта на торговлю, и, соответственно, не приводят к аннулированию или сокращению выгод. Однако в истории ГАТТ не было ни одного прецедента, чтобы Договаривающаяся Сторона ГАТТ могла бы успешно опровергнуть презумпцию о том, что мера, нарушающая обязательства, приводит к аннулированию или сокращению выгод. Третейская группа отметила, что поскольку Договаривающиеся Стороны в очевидной форме не определились относительно того, является ли презумпция о том, что незаконные меры приводят к аннулированию или сокращению выгод, опровержимой, то на практике эта презумпция является неопровержимой, при отсутствии доказательства в пользу противного. Третейская группа также пришла к выводу, что демонстрация того, что мера, нарушающая положения Статьи III:2 ГАТТ, не оказывает, либо оказывает незначительный эффект на торговлю, не является достаточным доказательством того, что выгоды, вытекающие из данной Статьи, не аннулируются либо не сокращаются даже при том, что такое опровержение в принципе допустимо².

Из этого следует, что экономически просчитываемое неблагоприятное влияние меры на рынок вовсе не является фактором, наличие которого обязательно для установления, аннулирования либо сокращения выгод. Меры в принципе могут не оказывать на рынок соответствующего товара реального экономического либо иного воздействия. Сам факт нарушения обязательств, вне зависимости от наступивших экономических последствий, является достаточным основанием для вывода об аннулировании либо сокращении выгод.

За весь период существования ГАТТ/ВТО презумпция аннулирования либо сокращения выгод ни разу не была опровергнута. В настоящее время данная презумпция закреплена в ст. 3.8 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров ВТО (далее – ДРС), которая гласит: «В случаях нарушения обязательств, принятых на основе охваченного соглашения, возбуждаемое дело считается *prima facie* делом об аннулировании или сокращении выгод». Это означает, что обычно имеется презумпция того, что нарушение правил влечет неблагоприятные последствия для других Членов, являющихся сторонами этого охваченного соглашения, и в таких случаях Член, на которого подана жалоба, должен опровергнуть обвинение».

Содержательно понятие выгод, вытекающих из обязательств, гораздо шире текстуального значения самих обязательств. Выгоды включают, в том числе, такие факторы, как ожидания конкурентных условий на рынке, гарантии эффективного доступа на рынки, новые коммерческие возможности

и пр.³ Третейские группы ВТО не раз отмечали, что целью правил ГАТТ является защита законных ожиданий стран-членов, касающихся конкурентных отношений между их товарами и товарами других стран членов, таким образом, чтобы они не только обеспечивали защиту существующей торговли, но также создавали условия предсказуемости, необходимые для планирования будущей торговли⁴. Тезис о предсказуемости торговли в системе ВТО чрезвычайно важен. По сути, предсказуемость торговли является самостоятельной, автономной выгодой, на защиту которой, прежде всего, и нацелены многосторонние правила международной торговли.

Основания жалоб в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле

Статья XXIII ГАТТ содержит шесть оснований подачи жалоб:

1. Аннулирование или сокращение выгод в результате невыполнения другой Договаривающейся Стороной (далее для простоты восприятия – «членом ВТО») своих обязательств по ГАТТ – жалоба в связи с нарушением (*violation complaint*).

2. Аннулирование или сокращение выгод в результате применения другим членом ВТО любой меры, независимо от того, находится она или нет в противоречии с его обязательствами по ГАТТ – жалоба в связи с отсутствием нарушения (*non-violation complaint*).

3. Аннулирование или сокращение выгод в результате любой другой ситуации – ситуационная жалоба (*situation complaint*).

4. Затруднение достижения любой цели в результате невыполнения другим членом ВТО своих обязательств по ГАТТ (*impediment in attainment of any objective resulting in violation*).

5. Затруднение достижения любой цели в результате применения другим членом ВТО любой меры, независимо от того, находится она или нет в противоречии с его обязательствами по ГАТТ (*impediment in attainment of any objective resulting in non-violation*).

6. Затруднение достижения любой цели в результате любой другой ситуации (*impediment in attainment of any objective resulting in any other situation*).

Большинство многосторонних торговых соглашений, перечисленных в Приложении 1А Соглашения ВТО, содержат ссылку на Статьи XXII и XXIII ГАТТ или перефразируют предусмотренные ими критерии. Это, однако, не предполагает автоматического применения соответствующих положений ГАТТ. Например, невыполнение обязательств по соглашению в этом случае подразумевает именно соответствующее соглашение, а не ГАТТ 1994. Далее, выгода, о которой идет речь, должна быть выгодой, вытекающей из такого соглашения, но не из ГАТТ. Например, в Статье 30 Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам (далее – «ССКМ») дается ссылка на Статьи XXII и XXIII ГАТТ 1994. При этом в Статье 4 ССКМ предусматривается иное регулирование непосредственно в отношении запрещенных субсидий в соответствии с определением Статьи 3 (экспортные субсидии и субсидирование замещения импорта) ввиду отсутствия требования аннулирования или сокращения выгоды.

1 United States – Taxes on Petroleum and Certain Imported Substances, доклад группы, одобрен 17 июня 1987 г., 34th BISD 136 (1988).

2 GATT BISD, 34th Supp. P. 136 at 155.

3 См.: *EEC – Citrus Products*, L/5776, paras. 4.36 and 4.37, not adopted; and *Japan – Semiconductors*, BISD 35S/116, concerned the conditions of competition between imports from other countries.

4 Panel Report, *US – Section 301 Trade Act*, paras. 7.84-7.85; Panel Report, *Colombia – Ports of Entry*, para.7.236; Panel Report, *India – Patents (US)*, para.7.30; Panel Report, *US – Shrimp (Article 21.5 Malaysia)*, para.7.44.

Процессуальные особенности доказывания мер по основаниям Статьи XXIII ГАТТ, принятия докладов и выполнения принятых рекомендаций

1. При подаче жалобы, связанной с нарушением, истец доказывает наличие *prima facie case*, после чего бремя доказательства переносится на ответчика.

2. При подаче жалобы, не связанной с нарушением, бремя доказательства лежит на истце, который должен предоставить «подробное обоснование в поддержку любой жалобы в отношении меры, не нарушающей положений соответствующего охваченного соглашения»⁵. Обязательства приведения меры в соответствие по ГАТТ у ответчика не возникает⁶. Должно быть найдено взаимоприемлемое решение вопроса, включающее, по согласованию сторон, компенсацию⁷.

3. При подаче ситуационной жалобы бремя доказательства лежит на истце, который должен предоставить «подробное обоснование в поддержку любого аргумента». К рассмотрению доклада третьей группы (Апелляционного органа) с целью его принятия, контроля над выполнением рекомендаций и их выполнения применяются Правила и процедуры урегулирования споров, содержащиеся в Решении от 12 апреля 1989 г. (BISD 36S/61-67). Это означает, среди прочего, что к процедуре принятия доклада применяется правило *позитивного консенсуса*.

4. Ни Договоренность о разрешении споров, ни какие-либо иные документы ГАТТ/ВТО не содержат стандартов доказательств по спорам, в основе которых лежит «затруднение достижения любой цели». Можно с определенной долей уверенности предположить, что бремя доказательства по таким спорам распределяется по аналогии со спорами, в основе которых лежит аннулирование или сокращение выгод. То есть, ключевым является вопрос о том, является ли затруднение достижения цели результатом меры, которая нарушает обязательства в рамках ГАТТ, не нарушает таковых или же является результатом наличия любой другой ситуации. В истории ГАТТ «затруднение достижения любой цели» становилось предметом разбирательства, но доказано не было⁸.

В эпоху ГАТТ сложилось «понимание», что жалобы по основаниям пп. «b» и «c» ст. XXIII ГАТТ могут подаваться только в исключительных случаях⁹. Однако это не более чем понимание, не обладающее качеством нормативности. За весь период существования системы ГАТТ/ВТО ситуационная жалоба ни разу не была подана.

Материально-правовые аспекты жалоб по Статье XXIII ГАТТ

Жалобы в связи с нарушением обязательств

Данная категория споров представляется достаточно понятной и не требует дополнительных разъяснений.

Жалобы в связи с отсутствием нарушений обязательств

5 Статья 26(1)(a) Договоренности о разрешении споров.

6 В истории были случаи, когда Группа все же рекомендовала ответчику конкретные меры, считая, что в данном конкретном случае такие меры в наибольшей степени способствовали бы устранению аннулирования или сокращения выгод. См.: *The Australian Subsidy on Ammonium Sulphate* BISD II/188.

7 Ст. 26(1)(b-d).

8 См: European Communities – Refunds on Exports of Sugar, Report of the Panel adopted on 6 November 1979, (L/4833 - 26S/290).

9 См., например: *EEC – Oilseeds*, BISD 37S/86, paras. 114,118. ЕЭС постановило, что «обращение к концепции “ненарушения” в соответствии со Статьей XXIII:1(b) должно происходить в исключительных случаях, поскольку в противном случае мировая торговля погрязнет в ненадежности и неопределенности».

Идея, сама философия Статьи XXIII:1(b) ГАТТ заключается в том, что мера может аннулировать либо сокращать ожидания улучшенных конкурентных условий и коммерческих возможностей¹⁰. Это значительно расширяет охват мер, которые могут быть оспорены по Статье XXIII:1(b) ГАТТ. В рамках этой статьи ключевым является концепция «разумных ожиданий». Только мера, которая разумно не была ожидаема заявителем, может вести к аннулированию либо сокращению выгод¹¹.

Первым делом, рассмотренным на основании Статьи XXIII(1)(b), был спор между Австралией и Чили, который возник в 1952 г.¹²

Во время Второй мировой войны Австралия предоставляла субсидии дистрибьюторам удобрений в целях установления контроля над ценами, по которым товар продается австралийским фермерам. Субсидии предоставлялись как на приобретение удобрений происхождением из Австралии, так и происхождением из Чили. В 1947 г. Австралия отменила импортную пошлину на удобрения. В 1949 г. Австралия прекратила субсидирование дистрибьюторов, которые занимались распространением удобрений производства Чили, но продолжала субсидировать дистрибьюторов удобрений австралийских производителей. Несмотря на то, что пошлина на импорт удобрений из Чили по-прежнему не взималась, в результате прекращения субсидирования австралийские производители получили 25-процентное ценовое преимущество над чилийскими производителями.

Чили обратилось с жалобой в ГАТТ, указывая на то, что такое изменение условий конкуренции ведет к аннулированию или сокращению выгод, которые были предоставлены Чили в 1947 г. в виде нулевой ставки импортной пошлины. Рабочая группа ГАТТ с этим согласилась и отметила следующее: принимая во внимание все относящиеся к делу обстоятельства и положения Генерального соглашения на момент проведения переговоров о снижении пошлин на удобрения, правительство Чили не могло разумно ожидать, что правительство Австралии примет меры, которые приведут к нарушению условий конкуренции между удобрениями отечественного и чилийского производства. Рабочая группа рекомендовала Австралии принять меры по устранению конкурентного неравенства, которое явилось результатом прекращения субсидирования одного вида товара, при сохранении субсидирования закупок другого.

Разногласия между США и ЕЭС по поводу импортных пошлин на семена масличных культур¹³ являет собой пример еще одного интересного спора, в основе которого лежала мера, не нарушающая предусмотренных ГАТТ обязательств. США обратились с жалобой на действия ЕЭС, в которой утверждали, что после того как со стороны ЕЭС была предоставлена тарифная уступка в виде нулевой ставки на ввоз семян масличных культур, ЕЭС ввели в действие программу сельскохозяйственной поддержки. После принятия этой программы европейским производителям стало выгоднее производить семена масличных культур, чем раньше, т.к. программа предус-

10 См. Panel Report on *Japan – Measures Affecting Consumer Photographic Film and Paper*, adopted on 22 April 1998, WT/DS44/R, para. 10.35. See also *EC – Asbestos (AB)*, para. 185.

11 См.: Appellate Body Report, *India – Patents I*; WT/DS50/AB/R, para. 97; Non-Violation Complaints and the TRIPS Agreement. IP/C/W/124, 28 January 1999.

12 *Australian Subsidy on Ammonium Sulphate*, II BISD 188 (1952).

13 *EEC – Payments and Subsidies Paid to Processors and Producers of Oilseeds and Related Animal-Feed Proteins*, 37th Supp. BISD 86, adopted on January 25, 1990.

матривала предоставление субсидий. Как следствие, выгоды, которые США ожидали получить в результате введения нулевой импортной пошлины, были сокращены. В ответ на это ЕС утверждали, что ожидания о непредоставлении субсидий не могут быть законными даже после предоставления тарифной уступки, потому что Статьи III:8(b) и XVI:1 ГАТТ явным образом признают право на предоставление субсидий.

Третьей группой не согласилась с такой аргументацией и отметила, что предметом спора являются субсидии, которые полностью защищают производителей от воздействия, которое могут оказывать импортируемые товары, и таким образом не позволяют тарифной уступке оказывать какое-либо влияние на условия конкуренции между отечественными и иностранными семенами масличных культур. По мнению третьей группы, основная ценность тарифной уступки заключается в том, что она гарантирует улучшенный доступ на рынок посредством создания более благоприятных условий ценовой конкуренции. Договаривающиеся Стороны проводят переговоры именно с целью получения таких преимуществ. Поэтому они должны быть уверены в том, что при проведении переговоров о тарифных уступках могут основываться на ожидании, что ценовой эффект, который последует после получения тарифной уступки, не будет систематически нивелироваться.

Изначально Договаривающиеся Стороны ГАТТ 1947 исходили из того, что жалобы, не связанные с нарушением, ограничиваются мерами, вытекающими из *тарифных уступок*. Однако в результате развития права ГАТТ/ВТО устоялось иное понимание: меры, не нарушающие предусмотренных ГАТТ обязательств, могут вести к аннулированию либо сокращению любых выгод, а не только вытекающих из тарифных уступок, что было разъяснено Секретариатом ВТО:¹⁴ «На практике “выгода” по соглашению, которая, по утверждению заявителей по спорам, не связанным с нарушениями обязательств, была аннулирована либо сокращена, как правило, представляла собой выгоду от тарифных уступок», [однако] четыре доклада групп, рассматривавших споры, не связанные с нарушением обязательств, не были основаны на аннулировании либо сокращении выгод, предусмотренных конкретными тарифными уступками: *ЕЭС – Цитрусы*¹⁵; *Япония – Полупроводники*¹⁶; *США – Освобождение от обязательств в отношении сельскохозяйственной продукции*¹⁷; и *Корея – Государственные закупки*¹⁸.

У споров, не связанных с нарушением обязательств, есть очень хорошие перспективы. При грамотном обосновании под эту категорию споров можно подвести множество мер самого широкого спектра действия. В юриспруденции ВТО для этого достаточно зацепок. Так, в деле «*Япония – Фотопленка*» Группа отметила, что «промышленная политика Члена ВТО, преследующая цель повышения эффективности определенного сектора, может, при некоторых обстоятельствах, изменить конкурентные отношения на рынке между отечественными и импортными товарами таким образом, что это может послужить основанием для жалобы по Статье XXIII:1(b). Например, в контексте наци-

ональной системы распределения вполне вероятна ситуация, когда мера, не нарушающая правил ГАТТ, применяется таким образом, что фактически приводит к диспропорциональному изменению рыночных условий для импортных товаров. В этом отношении необходимо иметь в виду, что тарифные уступки никогда не рассматривались как гарантии объемов торговли, но, как объясняется ниже, скорее как механизм формирования ожиданий в области конкурентных отношений»¹⁹. То есть сама политика государства, не нарушающая его обязательств в рамках ГАТТ, может, тем не менее, стать причиной возникновения международного спора. И истец может такой спор выиграть.

Таким образом, в вопросе наступления ответственности государств-членов право ВТО идет гораздо дальше общего международного права. Как известно, Статья 2 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (Резолюция Генеральной Ассамблеи 56/83) в качестве элементов международно-противоправного деяния государства закрепляет: «Международно-противоправное деяние государства имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: а) присваивается государству по международному праву; и б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства». В то время как ответственность по праву ВТО может наступать в результате совершения действия (бездействия), не представляющего собой нарушения обязательств члена ВТО.

Представляется важным также упомянуть возможность совмещения в одном споре двух типов жалоб: в формулировке меры и связанных с ней претензий могут содержаться альтернативные линии нападения по двум разным основаниям Статьи XXIII ГАТТ.

Ситуационные жалобы

Из подготовительных документов, предшествовавших заключению ГАТТ 1947, следует, что под «любой другой ситуацией» имелись в виду, прежде всего, макроэкономические потрясения. Например, если имеют место такие факторы, как «мировое падение спроса; если недостаток конкретной валюты создает для всех нас трудности, связанные с платежным балансом; если мы будем снова испытывать существенные колебания цен на сырьевые товары, что приведет к разрушительным последствиям для отдельных экономик...»²⁰. Аналогичная точка зрения была высказана и позднее, в 1954–1955 гг. во время заседаний Гаванской подкомиссии в ходе обсуждения вопросов применения количественных ограничений, организационных и функциональных вопросов²¹.

В рамках ГАТТ было несколько запросов на учреждение групп в связи с наличием ситуаций, подпадающих под п. «с» ст. XXIII²², однако по существу разбирательств по ним не было. Например, в споре «*Япония – Аннулирование или сокращение выгод ЕЭС, вытекающих из Генерального соглашения и Затруднение достижения целей ГАТТ*» оспариваемые ЕЭС меры были сформулированы крайне широко и неопределенно, касались в целом экономической политики Японии, ввиду чего причинно-следственная связь между «ситуацией», с одной стороны, и аннулированием или сокращением выгод и затруднением

14 Non-Violation Complaints and the TRIPS Agreement. Note by the Secretariat. IP/C/W/124. 28 January 1999.

15 EEC – Citrus Products L/5776, not adopted.

16 Panel Report, *Japan – Semi-conductors*, BISD 35S/116.

17 Panel Report, *United States – Restrictions on the Importation of Sugar and Sugar-containing Products Applied under the 1955 Waiver and under the headnote to the Schedule of Tariff Concessions*, adopted on 7 November 1990, BISD 37S/228.

18 Panel Report, *Korea – Measures Affecting Government Procurement*, WT/DS163.

19 Panel Report on *Japan – Measures Affecting Consumer Photographic Film and Paper*, adopted on 22 April 1998, WT/DS44/R, para.10.38.

20 EPCT/A/PV/5 p.14, цит. в *Analytical Index* (WTO, 1995) вместе с другой информацией, изложенной в данном разделе, относящейся к применению подпункта 1(c) Статьи XXIII, at p.668-671.

21 Ibid.

22 См.: L/4107, L/5479.

достижения цели ГАТТ, с другой, в запросе не просматривалась²³.

Затруднение достижения целей ГАТТ

Довольно любопытное основание жалобы. Так, в споре «Япония – Полупроводники» ЕЭС утверждали, что введенная Японией система мониторинга экспорта «противоречила самой философии и целям Генерального соглашения», а именно, что «одной из целей преамбулы к Генеральному соглашению было “существенное снижение тарифов и других барьеров торговле”, и что такое снижение включало в себя расширение производства и обмена товарами. ... Для достижения этих целей было необходимо, чтобы ни одна из договаривающихся сторон не допускала манипулирования системой посредством введения произвольных, односторонних ограничений экспорта, особенно в тех областях, где они добились существенного превосходства с точки зрения концентрации производства товаров первой необходимости»²⁴.

По существу «затруднение достижения целей ГАТТ» до сих пор не было предметом разбирательства третейскими группами ГАТТ. В этой связи стандарты доказательств по данному основанию практикой разрешения споров не выработаны. Ситуация не изменилась и после учреждения ВТО. Хотя «затруднение достижения целей ГАТТ» указывалось в запросах на консультации, предметно данный вопрос ОРС ВТО ни разу не изучался²⁵. Из этого следует, что данное основание подачи жалобы если и не является «*tabula rasa*», то все же предоставляет широкие возможности для поиска новых средств обоснования нарушения прав и интересов членов ВТО. Как представляется, успешность такого обоснования целиком и полностью зависит от силы и убедительности правовой аргументации.

Основания жалоб в рамках Генерального соглашения по торговле услугами

Статья XXIII ГАТС предусматривает два основания подачи жалоб:

1. Аннулирование либо сокращение выгод в результате нарушения членом ВТО своих общих либо специфических обязательств.

2. Аннулирование либо сокращение выгод, которые член ВТО разумно ожидал для себя извлечь из специфических обязательств другого члена, наступившее в результате применения любой меры, не противоречащей положениям ГАТС.

Из этого следует два крайне важных практических вывода. Во-первых, аннулирование либо сокращение выгод, вытекающих из общих обязательств по ГАТС, произошедшее в результате мер, не нарушающих таких обязательств, не может быть обжаловано. В рамках категории споров, не связанных с нарушением, могут быть оспорены только меры, ведущие к аннулированию либо сокращению выгод, предусмотренных специфическими обязательствами по ГАТС. Во-вторых, ГАТС

в принципе не предусматривает таких оснований подачи жалоб, как ситуационные жалобы и затруднение достижения одной из целей ГАТС.

Логика и последовательность изложения аргументации

Аргументация в рамках любой категории споров в рамках ВТО выстраивается, как правило, в следующей последовательности:

1. Доказательства наличия выгод, которые, по мнению заявителя, были аннулированы либо сокращены (доказательство затруднения достижения одной из целей ГАТТ).

2. Доказательство наличия оспариваемой меры.

3. Доказательство наличия причинно-следственной связи между мерой, с одной стороны, и аннулированием или сокращением выгод (затруднением достижений одной из целей ГАТТ), с другой.

Понятие «мера» по праву ВТО

Ключевым на всех этапах отношений, возникающих в связи с предполагаемым спором, на стадии самого разбирательства и стадии имплементации принятых рекомендаций, является понятие «мера». Именно мера обуславливает выявление нарушения обязательств, установление аннулирования либо сокращения выгод, факт затруднения достижения одной из целей ГАТТ. Именно мера находится в центре внимания на стадии подготовки запроса на консультации, запроса на учреждение третейской группы, подготовки письменного представления и возражений на него, на этапах непосредственно рассмотрения спора и имплементации рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа. Любопытно, что при всей своей важности понятие «мера» в соглашениях системы ВТО не раскрывается. Разве что в Статье XXVIII(а) ГАТС изложен небольшой иллюстративный перечень мер: «мера» означает любую меру члена либо в форме закона, постановления, правила, процедуры, решения, административного действия или в любой другой форме».

В целях процедуры разрешения споров ВТО любое действие или упущение со стороны члена ВТО может считаться мерой, введенной таким членом²⁶.

В отношении «мер», подлежащих рассмотрению в рамках процедуры разрешения споров ВТО, можно выделить два элемента:

(1) должна существовать связь между ответчиком и мерой, таким образом, чтобы такая мера – будь то действие или упущение – могла быть признана действием или упущением ответчика (мера должна приписываться ему);

(2) мера должна быть источником предполагаемого неблагоприятного воздействия, которое, в свою очередь, должно быть результатом существования или действия именно этой меры²⁷.

Диапазон «мер» по праву ВТО чрезвычайно широк, что в отдельных случаях значительно усложняет их доказывание. Если, например, мера представляет собой налог, установленный в отношении импортируемой продукции и не взимаемый с аналогичной отечественной продукции, то такая мера является простым и понятным нарушением Статьи III ГАТТ: налог и есть мера. Ничего не нужно додумывать. В случае же, если мера представляет собой политику либо практику государства, и притом неписаную, а еще и многокомпонентную, то доказательство такой меры требует не только глубокого знания права ВТО, но и серьезного

23 *Japan – Nullification and Impairment of Benefits and Impediment to the Attainment of GATT Objectives*, L/5479, C/M/167.

24 Panel Report, *Japan – Semi-conductors*, BISD 35S/116, 137-138.

25 См.: запрос Европейских сообществ на учреждение третейской группы в деле *United States – The Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act (WT/DS38/2)*; запрос Европейских сообществ на консультации в деле *United States – Measure Affecting Government Procurement (WT/DS88/1 and WT/DS88/3)*; запрос Аргентины на консультации в деле *United States – Tariff Rate Quota for Imports of Groundnuts (WT/DS111/1)*; запрос Канады на учреждение третейской группы в деле *European Communities – Measures Affecting Asbestos and Products Containing Asbestos (WT/DS135/3)*; и запрос Европейских сообществ на консультации в деле *United States – Sections 301-310 of the Trade Act of 1974 (WT/DS152/1)*.

26 Appellate Body Report, *US – Corrosion-Resistant Steel Sunset Review*, paras. 81–82.

27 Appellate Body Report, *US – Gambling*, paras. 121–123.

Классификация мер по праву ВТО

Основание классификации		Разновидности мер
1	Форма выражения меры	1) писаная; 2) неписаная.
2	Формальная юридическая сила меры	1) юридически обязательные; 2) юридически не обязательные.
3	Тип меры	1) меры как таковые; 2) меры в применении; 3) другие меры (непрерывное поведение, продолжающееся применение и пр.).
4	Механизм действия меры	1) юридическое действие; 2) фактическое действие.
5	Правовая форма меры	1) закон; 2) правило, норма; 3) административная процедура; 4) административная практика; 5) судебная практика; 6) методология; 7) другие.
6	Субъект, применяющий меру	1) член ВТО – государство, отдельная таможенная территория; 2) иной субъект, действия которого приписываются члену ВТО.
7	Правовые последствия меры	1) нарушает обязательства члена в рамках ВТО; 2) не нарушает обязательства члена в рамках ВТО.
8	Воздействие меры	1) прямое воздействие; 2) косвенное воздействие.
9	Неблагоприятные последствия меры	1) экономически просчитываемые последствия; 2) иные последствия, не просчитываемые экономически.
10	Структура меры	1) однокомпонентные меры; 2) многокомпонентные меры.
11	Действие меры во времени	1) действующие меры; 2) истекшие меры; 3) не вступившие в силу меры; 4) потенциальные меры.
12	Характер предписания	1) меры, предписывающие правоприменительным органам строго определенное поведение; 2) меры, предусматривающие вариативность поведения правоприменительных органов.
13	Применимость исключений из обязательств	1) меры, подпадающие под исключения из обязательств; 2) меры, не подпадающие под исключения из обязательств.

интеллектуального напряжения, чаще всего коллективно. Несмотря на то, что в рамках ГАТТ/ВТО приняты сотни многостраничных решений, нередко возникают ситуации, когда в практике не было случая, аналогичного оспариваемому. Это фактически означает, что при формулировании наступательной позиции не на что опереться, кроме как на собственные знание и интуитивное понимание того, что именно убедит третейскую группу в обоснованности позиции заявителя. Причинно-следственные связи между мерой и последствиями должны быть четкими. Сама мера должна быть прописана безупречно. Любой пробел, неточность ее описания может свести на нет все усилия. Привести к проигрышу.

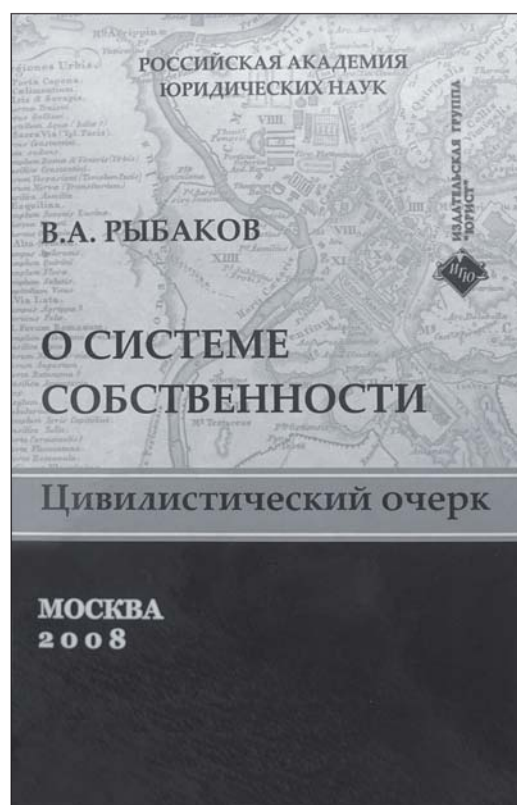
Ниже приводится классификация мер. Каждая разновидность меры подробно анализируется во второй части статьи. Представляется важным подчеркнуть, что предлагаемая автором классификация не является исчерпывающей. Она охватывает меры, которые были предметом разбирательства ГАТТ/ВТО на текущий момент. Однако с каждым новым спором могут появиться новые меры, поскольку мера – это открытая, саморазвивающаяся концепция.

Продолжение следует.

Пристатейный библиографический список

- Смбатян А. С. Международные торговые споры в ГАТТ/ВТО: избранные решения (1952-2005 гг.). – М.: ВолтерсКлувер, 2006.
- Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. – М., Статут, 2012.
- Трунк-Федорова М. П. Разрешение споров в рамках Всемирной торговой организации. – СПб., СПбГУ, 2005.

- Шумилов В. М. Право ВТО. Учебник. – М. Юрайт, 2013.
- Шумилов В. М. Международное экономическое право. Учебник. 6-е издание. – М., Юрайт, 2013.

Содиков Ш. Д.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ЭКСТРАДИЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются вопросы применения дипломатической защиты при экстрадиции иностранных граждан. Особое внимание уделяется изучению позиций Европейского суда по правам человека относительно вопросов экстрадиции.

Ключевые слова: дипломатическая защита, Европейский суд по правам человека, экстрадиция.

Sodikov Sh. D.

PRACTICE IN THE APPLICATION OF DIPLOMATIC PROTECTION WHEN DECIDING ON THE EXTRADITION OF FOREIGN NATIONALS

The article is devoted to the application of diplomatic protection for the extradition of foreign nationals. Special attention is paid to the study of the positions of the European court of human rights on extradition matters.

Keywords: diplomatic protection, European court of human rights, extradition.

Содиков Ш. Д.

Глобализация, предполагающая интенсификацию угроз транснационального характера, в том числе и преступности, актуализирует вопрос о принципах и практике взаимодействия государств в борьбе с преступностью. Одной из важнейших проблем в этом контексте является проблема экстрадиции иностранных граждан и их дипломатическая защита.

Установление общих правил и процедур при сотрудничестве различных государств в борьбе с преступностью не всегда возможно осуществить, поскольку в этом вопросе сталкиваются интересы суверенных государств, которые придерживаются различных, а подчас и диаметрально противоположных подходов к возникшей проблематике.

Существующие международные соглашения об экстрадиции преследуют цель обеспечить неотвратимость наказания лиц, виновных в совершении преступного деяния. Одним из самых актуальных вопросов существующих исследований по этой проблематике является вопрос о правовых основаниях для отказа в экстрадиции, а также совершенствование процедур невыдачи. Эта проблема находится на стыке двух систем права – внутригосударственного и международного (базируется на нормах обеих систем).

В этом вопросе актуальным является знание принципов, связанных с экстрадицией, содержащихся в отдельных отраслях права. В России экстрадиционная деятельность входит в компетенцию Генеральной прокуратуры, а решение о выдаче лиц другим государствам отнесено к ведению ее управлений.

Экстрадиционная практика основывается на принципах сотрудничества, которые зафиксированы в различных двухсторонних и многосторонних международных договорах (Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.; Европейская конвенция о выдаче 1957 г., регламентирующая процедуру экстрадиции с Испанией, Францией и Болгарией; двухсторонние договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам применяются при разрешении требований Латвии, Китая, Азербайджана, Литвы и других государств)¹.

Практика показывает, что ключевой роли Европейская конвенция о выдаче не имеет. К этому добавляется и то обстоятельство, что в странах Евросоюза действуют достаточно жесткие миграционные правила и строгий регистрационный учет пребывающих иностранцев, что не способствует выбору европейских стран в качестве убежища.

Далее хотелось бы отметить, что действующий в России мораторий на исполнение смертного приговора судов без отмены в УК РФ исключительной меры наказания представляет собой преграду для выдачи российских граждан. Так, например, в 1990-е годы бывший военный Ю. Бирюченко убил двух солдат, но, тем не менее, был признан невменяемым и направлен, по решению суда, на лечение. Однако после этого он создал в Санкт-Петербурге охранное агентство, которое имело криминальную направленность. Когда правоохранительные органы попытались ликвидировать эту структуру, Ю. Бирюченко вместе со своим сообщником бежал в Чехию, где он попросил политическое убежище.

По требованию Российской Федерации власти Чешской республики взяли Бирюченко и его сообщника под стражу, однако решение об экстрадиции не принималось. Власти Чехии требовали от Генеральной прокуратуры России дополнительных гарантий неприменения к выдаваемым исключительной меры наказания. И все же путем дипломатических переговоров в феврале 2002 г. Ю. Бирюченко был выдан России.

Рассмотрим также случай необоснованного уклонения от принятия решения о выдаче, которое не было предусмотрено условиями международных договоров России. В качестве примера можно привести случай с процедурой выдачи исполнителя убийства предпринимателя С. Крижана, а также его сына. Обвиняемый был заключен под стражу в Германии в соответствии с требованиями России. Однако Германия заявила о несоответствии международным стандартам условий содержания под стражей в российских следственных изоляторах, что представлялось главной причиной затягивания сроков выдачи (хотя это не было предусмотрено Европейской конвенцией о выдаче, регламентирующей практику взаимодействия России и Германии).

Также можно привести пример, когда государство может отказать в выдаче своих граждан. Так, Россия отказала в выдаче Армении имеющего российское гражданство А. Тадевосяна.

Среди граждан постсоветского пространства нередки случаи отказа в выдаче по причине приобретения гражданства Российской Федерации. Невыдача этой категории граждан нередко бывает связана с совершением этими лицами нового преступления уже после переселения на территорию Российской Федерации. По этой причине Россия отказала в выдаче целой группы лиц властям Украины, Армении и Узбекистана. Необходимо также отметить, что беженцы и бипатриды де-факто приравнены к собственным гражданам Российской Федерации. Широко трактуется ст. 3 Закона о гражданстве Российской Федерации, в которой говорится о двойном гражданстве. Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации отказа-

1 Содиков Ш. Д. Проблемы дипломатической защиты задержанного лица в качестве подозреваемого // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 118–120.

лась выдать Армении двух граждан, преследуемых за воинские преступления на том основании, что они имели статус беженцев в Российской Федерации. С Арменией у России нет договора, регулирующего сотрудничество по вопросам беженцев.

Помимо этого, стороны далеко не всегда применяют к обвиняемым государственные акты об амнистии. Так, Российская Федерация не удовлетворила требование Республики Азербайджан о выдаче Мусаева, обвиняемого в дезертирстве в военное время, несмотря на то, что он подпадал под действие акта «Об амнистии в связи с Днем государственной независимости» от 17 октября 1997 г.²

Согласно применяемой Генеральной прокуратурой России практике, заранее предпрешенным является отказ в экстрадиции иностранцев, которые после совершения уголовных преступлений скрываются от преследования на территории России и обращаются при этом с просьбой о предоставлении им убежища. Тогда как позиция России в вопросах выдачи по политическим мотивам, а также в связи с преступлениями по политическим мотивам неоднозначна. С одной стороны, при подписании Европейской конвенции о выдаче она подтвердила факт непризнания политического характера преступлений и выдачу за совершение преступлений по политическим мотивам, а с другой – государство связано конституционным запретом.

Таким образом, практика невыдачи иностранных граждан, совершивших преступление на территории России, создает предпосылки для формирования скрытой преступности на территории Российской Федерации.

Не допускается выдача в государство лиц в случае признания серьезности угроз о том, что лицо, потенциально подлежащее экстрадиции, может стать жертвой применения пыток или бесчеловечного обращения и наказания. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) при анализе таких ситуаций часто апеллирует к докладам независимых источников таких правозащитных организаций, как «Хьюман Райтс Вотч», «Международная амнистия», УВКД ООН, а также данных правительственных источников³.

Позиция непосредственно ЕСПЧ различна по странам и зависит от ситуации с правами человека в стране исхода (условия содержания под стражей, наличие справедливого судебного разбирательства, ценности дипломатических гарантий, принадлежность к преследуемой группе и др.).

Определенный интерес и трудности вызывает ситуация с Туркменистаном, режим правления которого помимо резко выраженных авторитарных тенденций характеризуется высокой степенью «герметичности». В частности, у экспертов и аналитиков нет объективной информации о положении в тюрьмах Туркменистана. В случае с делом по экстрадиции заявителей в Туркменистан («Рябкин против России») ЕСПЧ отметил, что, по имеющимся данным, в Туркменистане крайне плохие условия содержания под стражей, а также наблюдаются факты жестокого обращения и пыток, что и предопределило отношение ЕСПЧ к вопросу о выдаче Рябкина.

Кстати, в деле «Колесник против России» (№ 26876/08 от 17.06.2010 г.) ЕСПЧ занял идентичную позицию, заявив, что выдача в Туркменистан по уголовным делам может повлечь целый каскад нарушений прав человека.

Аналогичной позиции ЕСПЧ придерживался и в вопросах выдачи граждан Таджикистана. В ЕСПЧ также отмечали плохое содержание граждан и многочисленные нарушения прав человека в этой стране. Например, в деле «Хайдаров против России» (№ 21005.09 от 20.05.2010 г.) по экстрадиции в Республику Таджикистан обвинения в отношении заявителя были объявлены политически мотивированными (так как Хайдаров был узбек по национальности). Иными словами,

заявитель утверждал, что риск подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане в связи с его узбекским происхождением возрастает. Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные суды должным образом не изучили материалы, представленные по делу о выдаче заявителя. В итоге суд встал на сторону заявителя.

В еще одном случае суд запретил выдачу участника религиозной организации «Хизб-утТахрир», признанной во многих государствах экстремистской («Гафаров против России» № 25404/09 от 21.10.2010 г.). Суд вновь пришел к выводу о том, что российские власти не рассмотрели надлежащим образом опасения заявителя в отношении ст. 3 Конвенции.

В некоторых случаях ЕСПЧ может принять утверждение о том, что факт содержания под стражей подозреваемого в уголовном преступлении дает возможность для опасений обращения по ст. 3 Конвенции. Так в деле «Кабулов против Украины» (№ 41015/04 от 19.11.2009 г.) на основании многочисленных и достоверных сообщений о пытках и жестоким обращении с задержанными в Казахстане ЕСПЧ принял сторону заявителя. Однако встречается и диаметрально противоположные решения («Джакисбергенов против Украины» от 10.02.2011 г., жалоба № 12343/10), когда суд не признал нарушение ст. 3 Конвенции при экстрадиции Джакисбергенова в Казахстан.

Далее отметим, что ЕСПЧ неоднократно высказывался по вопросам ценности дипломатических гарантий/заверений. В частности, ЕСПЧ выдвигает определенный объем требований к таким гарантиям. Указывается, что дипломатические гарантии против пыток, данные со стороны представителей государства, применяющих эти пытки нужно рассматривать с предельной осторожностью. Так, например, в деле «Саади против Италии» ЕСПЧ установил, что дипломатические гарантии не могут обеспечить достаточную защиту от риска плохого обращения. Тем более что в данном случае надежные источники сообщают о методах, резко противоречащих принципам Конвенции, на которые власти склонны зачастую не обращать внимания⁴.

Следует отметить, что форма и используемые в заверениях формулировки чрезвычайно важны. Так, неправильность оформления гарантий может сделать их бессмысленными. В уже рассмотренном выше деле «Хайдаров против России» ЕСПЧ указал, что несоблюдение формальных требований может поставить под сомнение ценность таких заверений. Дипломатические гарантии, которые были предоставлены, не были должным образом заверены.

Безусловно, каждое из дел следует рассматривать на основе индивидуальных особенностей страны, а также с учетом риска для конкретного заявителя, однако в том случае, где имеются весомые аргументы против экстрадиции, средства дипломатической защиты далеко не всегда способны кардинально поменять ситуацию.

Пристатейный библиографический список

1. Ведель И. А. Дипломатическая защита и смежные формы защиты прав граждан за рубежом // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2013. – Т. 9. – Вып. 1.
2. Лукашук И. И. Международное право. – М.: Издательство БЕК, 1997.
3. Матвеева Т. Д. Актуальные проблемы прогрессивного развития международного права в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 5.
4. Соди́ков Ш. Д. Проблемы дипломатической защиты задержанного лица в качестве подозреваемого // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4.

2 Лукашук И. И. Международное право. – М.: Издательство БЕК, 1997. – С. 213.

3 Ведель И. А. Дипломатическая защита и смежные формы защиты прав граждан за рубежом // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2013. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 109–115.

4 Матвеева Т. Д. Актуальные проблемы прогрессивного развития международного права в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 29–33.

Хамидова М. Ф.

ПРИНЦИП КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА – ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДХОД В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ АГРЕССИИ?

В данной статье рассмотрен вопрос применения МУС принципа комплементарности, в отношении преступления агрессии, а также проблема чрезмерно усердных национальных преследований преступления агрессии.

Ключевые слова: Римский статут, международный уголовный суд, принцип комплементарности; пре-ступление агрессии.

Hamidova M. F.

THE PRINCIPLE OF COMPLEMENTARITY OF THE ICC – THE RIGHT APPROACH IN RELATION TO THE CRIME OF AGGRESSION?

This article describes the issue of applying the principle of complementarity of the ICC applying to the crime of aggression, and the problem of overzealous national prosecutions of the crime of aggression.

Keywords: the Rome Statute, international criminal court, complementarity regime; the crime of aggression.

Хамидова М. Ф.

Создатели Статута Международного уголовного суда (далее – МУС) предусмотрели проведение Конференции по обзору Статута через семь лет после его вступления в силу. Данная Конференция состоялась 31 мая – 11 июня 2010 г. в столице Уганды Кампале. По итогам проведения данной Конференции Ассамблея государств-участников приняла поправки в Статут относительно определения преступления агрессии и условия применения МУС своей юрисдикции в отношении этого преступления¹.

Хотя соглашение об определении преступления агрессии и условия применения МУС своей юрисдикции относительно данного преступления было достигнуто лишь в результате длительных переговоров, государствами не был обсужден вопрос о том, следует ли отнести преступление агрессии к комплементарному режиму Суда, или может быть, есть основания применять по отношению к преступлению агрессии приоритетный режим. Представляется, что общим подходом во время переговоров относительно принятия определения преступления агрессии было как можно в минимальном размере вносить изменения в текст Статута, чтобы не нарушить его целостность. В результате существующий в Статуте режим комплементарности остается неизменным и будет применяться и в отношении преступления агрессии. Однако существуют серьезные основания сомневаться в том, что комплементарность является правильным подходом относительно преступления агрессии.

Положения ст. 17 Римского статута устанавливают, что национальное расследование или преследование делает дело «неприемлемым» для МУС, если в отношении дела ведется или уже было проведено расследование или преследование национальным судом государства, обладающего в отношении его юрисдикцией, за исключением случаев, когда государство «не желает» или «не способно» вести расследование или уголовное преследование. Иными словами, юрисдикция нацио-

нальных судов упреждает юрисдикцию МУС, если те желают и способны вести расследование дела.

По смыслу текста ст. 17 Статута², он был разработан для рассмотрения и разрешения следующих ситуаций: 1) фиктивные судебные процессы, когда государство «не желает» провести должное уголовное преследование – ситуация, для предупреждения, которой и был создан МТБЮ³; 2) национальная судебная система «не способна» действовать, потому что, например, полностью разорена – ситуация, для предупреждения которой и был создан МУТР⁴.

Возникает интересный вопрос – будет ли ст. 17 Статута также охватывать ситуации, когда национальные суды «слишком охотно или чрезмерно усердно» будут преследовать виновных, т.е. имеются в виду ситуации, когда национальные суды не в состоянии проводить справедливое и беспристрастное расследование из-за «чрезмерного усердия или старания» преследовать виновного. Это можно также рассмотреть как проблему «правосудия победителя». Вопрос заключается в том, что будет ли охватывать ст. 17 Статута ситуации, когда национальное преследование чрезмерно усердное или старательное, что будет относить его к такому критерию как отсутствие надлежащего национального преследования и делает его приемлемым для МУС? Иными словами, является ли дело приемлемым для МУС согласно ст. 17 Статута, если государство, осуществляя свою юрисдикцию, не предоставит ответчику

1 Резолюция RC/ Res. 6 Преступление агрессии. Приложение I: Поправки к Римскому статуту Международного уголовного суда по преступлению агрессии // International Criminal Court/ Assembly of State Parties/ Review Conference. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www2.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6-Rus.pdf.

2 Текст Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2726–2768.

3 Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, от 25 мая 1993 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2711–2719.

4 Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, от 8 ноября 1994 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2719–2726.

надлежащее судебное разбирательство. В этом случае разбирательство не проводится независимо или беспристрастно, но это не из-за того, что национальное преследование было фиктивным. Скорее наоборот – национальное преследование является «чрезмерно усердным». Следует отметить, что это – не сугубо теоретический вопрос. Задержание Саиф-аль-Ислама Каддафи и восьмерых бывших высокопоставленных чиновников режима Каддафи (все они признаны виновными в совершении военных преступлений при попытке подавить восстание 2011 г.) органами национального преследования Ливии, несмотря на наличие ордера на арест МУС в отношении этих лиц, делает этот вопрос весьма актуальным и на практике⁵.

Как было отмечено выше, по смыслу ст. 17 Статута «нежелание» охватывает всего три ситуации: 1) когда национальные суды преследования имеют целью оградить лицо от правосудия; 2) имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства; 3) судебное разбирательство не проводилось независимо и беспристрастно. Достаточно ясно, что случаи «чрезмерно старательного» национального преследования не охватываются первыми двумя ситуациями критерия «нежелания». Национальные судебные разбирательства не будут ограждать лицо от правосудия, а также не будут необоснованно задерживать судебное разбирательство, скорее наоборот, может иметь место необоснованная спешка с разбирательством. Случай «чрезмерно усердного или старательного» национального преследования может подходить под третью ситуацию критерия «нежелания», когда судебное разбирательство не проводилось независимо и беспристрастно, однако трудно утверждать, что чрезмерно усердные национальные преследования подпадают по смыслу под термин «нежелание».

Точно так же случаи «чрезмерно усердного» национального преследования не подпадают под критерии «неспособности», поскольку в таких случаях национальная судебная система не развалена и государство не испытывает трудностей для получения в свое распоряжение обвиняемого либо необходимые доказательства и свидетельские показания. Также национальные суды в состоянии осуществлять судебное разбирательство, только вот они осуществляют его в ненадлежащей правовой процедуре, т.е. старанием, не требуемым для процесса.

Факторы, определяющие приемлемость дела в МУС, предусмотренные ст. 17 Римского статута, не отображают решение проблемы национальных судебных преследований, которые не в достаточной мере могут обеспечить гарантии проведения надлежащего процесса в связи с чрезмерным усердствованием в преследовании. Тем не менее, международное правосудие не должно быть исключительно ради устранения безнаказанности за совершение тяжких преступлений, но и должно осуществлять это путем проведения справедливых и беспристрастных судебных разбирательств. Указанная проблема особенно остро проявляется в отношении преступления агрессии. Не трудно себе представить мстительные национальные суды, выносящие судебное решение в отношении вражеского руководителя, обвиняемого в совершении преступления агрессии. Государства – участники Римского статута серьезно не обсуждали вопрос отнесения преступления агрессии к предмету «комплементарного» или «приоритетного»

режима, однако вполне возможно, что в будущем они захотят сделать это. Государства – участники могут рассмотреть вопрос отнесения преступления агрессии к предмету «приоритетного» режима, либо внесения изменений в ст. 17 Статута, по крайней мере в отношении преступления агрессии, для того чтобы решить проблему национальных судебных преследований, не являющихся независимыми и беспристрастными из-за чрезмерного усердствования в преследовании, для того чтобы такие дела оставались приемлемым перед МУС. Таким образом, преследование преступления агрессии в МУС является более предпочтительным, чем преследование указанного преступления в национальном суде. Римский статут должен иметь достаточно инструментов для того, чтобы преследование преступления агрессии осуществлялось в МУС (в случае наличия юрисдикции Суда), особенно в тех случаях, когда есть опасения, указанные выше, связанные с национальными судебными разбирательствами.

Пристатейный библиографический список

1. Резолюция RC/ Res. 6 Преступление агрессии. Приложение I: Поправки к Римскому статуту Международного уголовного суда по преступлению агрессии // International Criminal Court/ Assembly of State Parties/ Review Conference. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6-Rus.pdf.
2. Текст Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2726–2768.
3. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, от 25 мая 1993 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2711–2719.
4. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, от 8 ноября 1994 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2719–2726.
5. 28 июля 2015 г. Ливийский суд заочно приговорил к смертной казни Саиф –аль –Ислама Каддафи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/105888>. дата обращения: 20.08.2015.

⁵ 28 июля 2015 г. Ливийский суд заочно приговорил к смертной казни Саиф –аль –Ислама Каддафи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/105888>. дата обращения: 20.08.2015.

Кабанов В. Л. ВКЛАД МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЗАЩИТУ ПРАВ ДЕТЕЙ

В данной статье мы проведем анализ практики Межамериканского суда по правам человека (МСПЧ) в сфере защиты прав детей. Мы изучим понимание ребенка Судом, признание его в качестве субъекта прав. В статье будут рассмотрены различные аспекты обязанности семьи, общества и государства в сфере охраны детей, а также руководящие принципы защиты детей и их прав, которые были рассмотрены и установлены МСПЧ.

Ключевые слова: права человека, права уязвимых групп, принцип наилучших интересов ребенка, межамериканская система защиты прав человека.

Kabanov V. L. THE CONTRIBUTION OF THE INTER-AMERICAN COURT OF HUMAN RIGHTS TO PROTECTION OF THE RIGHTS OF CHILDREN

In this article we will analyze the practice of the Inter-American Court of Human Rights (IAHR) in the field of children's rights. This article will examine various aspects of the responsibilities of the family, society and the state in the field of child protection, as well as guidelines to protect children and their rights, which were reviewed and set by IAHR.

Keywords: human rights, the rights of vulnerable groups, the principle of the best interests of the child, the Inter-American Human Rights System.

Кабанов В. Л.

Хотя международное сообщество начало проявлять интерес к вопросам прав детей еще в эпоху Лиги Наций, только при принятии Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г. на повестку дня был вынесен вопрос об уязвимости детей, нуждающийся в четком международном регулировании и защите. Генеральная Ассамблея ООН 20 ноября 1959 г. приняла Декларацию прав ребенка, которая, несмотря на отсутствие юридически обязывающих последствий, содержала десять принципов, признающих права ребенка, как мальчиков, так и девочек, без дискриминации, на равные возможности всестороннего физического, социального, морального и интеллектуального развития.

Впоследствии в международно-правовые договоры, такие, как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., также были включены права детей. Далее большой вклад внесла Международная организация труда (МОТ), в рамках которой были разработаны международные акты как обязательного характера¹, так и рекомендательного². Наконец, 20 ноября 1989 г. была принята

Конвенция ООН о правах ребенка³, которую на данный момент ратифицировали все государства мира за исключением США и Сомали. В 2000 г. к Конвенции были приняты два протокола — Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, и Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Таким образом, на сегодняшний день Конвенция с двумя протоколами охватывает весь спектр прав ребенка — гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права.

Конвенция ООН послужила стимулом развития в рамках региональных правозащитных систем своих правоприменительных подходов к защите прав детей⁴, в т.ч. Европе⁵ и Африке⁶, в рамках настоящей статьи хотелось бы осветить ситуацию в Америке.

1 К примеру, Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 138 МОТ «О минимальном возрасте для приема на работу» от 26 июня 1973 г.; Конвенция МОТ № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» от 17 июня 1999 г.; Межамериканская конвенция о коллизии законов в отношении несовершеннолетних от 24 мая 1984 г.; Межамериканская конвенция о реституции в отношении несовершеннолетних от 15 июля 1989 г.; Межамериканская конвенция о международной торговле несовершеннолетними от 18 марта 1994 г. Подробнее см.: Гликман О. В. Механизм контроля за соблюдением обязательств государств — членов Международной Организации Труда (МОТ) // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. — М.: Современная экономика и право. — 2003. — № 4. — С. 51.

2 К примеру, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.), Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (1986 г.); Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тю-

ремным заключением (Токийские правила, 1990 г.); Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г.) и др.

3 Подробнее см.: Кабанов В. Л. История разработки конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. к 25-летию со дня принятия // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12.

4 Абашидзе А. Х., Алисиевич Е. С., Солнцев А. М. Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012.

5 Кабанов В. Л. Реализация принципа обеспечения наилучших интересов ребенка в практике Европейского суда по правам человека по разрешению дел, касающихся международного похищения детей // Образование. Наука. Научные кадры. — 2014. — № 6. — С. 106—109.

6 Кабанов В. Л. Реализация принципа обеспечения наилучших интересов ребенка в практике африканской системы защиты прав человека // Вестник УФА. — 2015. — № 3; Солнцев А. М. Участие детей в вооруженных конфликтах на африканском континенте: проблема возмещения ущерба и восстановления прав // Актуальные вопросы международного права в Африке: материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. — М.: РУДН, 2012. — С. 199—208.

В документах, составляющих основу межамериканской системы защиты прав человека, содержатся лишь отдельные положения, направленные на защиту прав детей: Декларация прав и обязанностей человека (Богота, 2 мая 1948 г.) (ст. 7.), Американская конвенция о правах человека или «Пакт Сан-Хосе» (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.) (ст. 19)⁷, и Дополнительный протокол об экономических, социальных и культурных правах к Американской конвенции, или «Сан-Сальвадорский протокол» (Сан-Сальвадор, 17 ноября 1988 г.) (ст. 16)⁸. Названные документы, хоть и оказали влияние на рассмотрение вопроса о правах ребенка в межамериканской системе защиты прав человека, но не отражают в полной мере положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. Данный факт послужил причиной того, что институт защиты прав детей в межамериканской системе защиты прав человека развивается преимущественно благодаря судебной практике Межамериканского суда по правам человека (МСПЧ) начиная с 1999 г.

Также отметим, что на институциональном уровне в этой части света создан Межамериканский институт детей и подростков, а при Межамериканской комиссии по правам человека действует Специальный докладчик по вопросам детей.

Понятие «ребенок» в практике Межамериканского суда по правам человека

Прежде чем изучить практику Межамериканского суда в отношении защиты прав детей, мы полагаем разумным исследовать то, как Суд определяет понимание ребенка. Одним из основных моментов в данном вопросе является то, что Межамериканский суд по правам человека неоднократно признавал положения Конвенции о правах ребенка 1989 г. частью международного обычного права, особенно учитывая, что все латиноамериканские государства ее ратифицировали. В таком смысле Суд применяет нормы Конвенции 1989 г. через свое понимание, и интерпретирует смысл и направленность положений, связанных с правами ребенка, содержащихся в Американской конвенции о правах человека 1969 г. Таким образом, Суд постановил, что: «Конвенция о правах ребенка была ратифицирована почти всеми государствами — членами Организации американских государств, что отражает достаточное международное единодушие (*opinio iuris communis*) в отношении принципов и установлений, содержащихся в указанном документе, который отражает текущее развитие в этой области»⁹. Далее, исходя из вышесказанного, Суд заключил следующее: «...существование всеобъемлющего *corpus iuris* по защите прав детей в международном праве (частью которого является Конвенция о правах ребенка (...)), которое должно быть Судом использовано в качестве источника права, чтобы установить “содержание и сферу охвата” обязательств, которые государства принимают на себя по статье 19 Американской конвенции...». Представляется, что если Суд обраща-

ется к Конвенции о правах ребенка, чтобы определить, что именно следует понимать под «ребенком» в рамках спора, то тем больше оснований прибегать к этой Конвенции и другим соответствующим международным договорам при осуществлении своей консультативной функции, которая имеет дело с интерпретацией не только положений Конвенции, но также иных договоров, касающихся защиты прав человека в американских государствах¹⁰. При этом чуть раньше Суд отметил: «Чтобы установить сферу охвата и составные элементы ст. 19 Американской конвенции (Суд) должен учитывать все соответствующие положения Конвенции о правах ребенка (...), т.к. они являются частью всеобъемлющего международного *corpus iuris* в вопросе защиты прав детей, которое должен уважать Суд»¹¹.

В связи с вышеизложенным, Межамериканский суд по правам человека предложил объединить определение, содержащееся в Конвенции о правах ребенка 1989 г., и им принятое, выразив следующее: «Статья 19 Американской конвенции, предусматривающая принятие специальных защитных мер в вопросах защиты детей, не дает понятие ребенка. Статья 1 Конвенции о правах ребенка отмечает, что “ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия”. На данный момент Суд не учитывает различные иные определения, относящиеся к населению в возрасте до восемнадцати лет. В некоторых из доводов, высказанных сторонами в судопроизводстве, соответствующих этому мнению, разница между ребенком и несовершеннолетним была отмечена с определенных точек зрения. Для целей настоящего консультативного заключения разница определяется между людьми старше и моложе 18 лет»¹².

Таким образом, с учетом международных стандартов и международного критерия, поддержанного Судом и в других делах, понятие «ребенок» включает каждого человека, не достигшего 18-летнего возраста. При этом чуть ранее МСПЧ в своем решении отметил: «Статья 19 Конвенции не дает определение понятию “ребенок”. Однако в статье 1 Конвенция о правах ребенка закрепляет, что человеческое существо, не достигшее возраста 18 лет, считается ребенком. В соответствии с этим критерием только три жертвы обладали статусом ребенка, остальным было отказано в присвоении статуса»¹³.

С другой стороны, Межамериканский суд четко указал, что развитие прав ребенка определило ребенка не только «объектом охраны» со стороны государства, семьи и общества, но и как «субъекта прав», несмотря на то, что в международном праве для их защиты выработано недостаточно процедурных возможностей.

В частности, Суд отметил следующее: «Взросление предполагает возможность полной реализации своих прав, иначе говоря, способность действовать. Это означает, что человек может непосредственно и лично осуществлять свои субъективные права, а также в полной мере нести правовые обязанности и осуществлять другие действия личного или наследственного характера. Не каждый обладает данной способностью: дети, в значительной степени, лишены этой способности. От име-

7 Статья 19 «Права ребенка»: «Каждый ребенок имеет право на меры защиты, необходимые с учетом его статуса несовершеннолетнего, со стороны его семьи, общества и государства».

8 Статья 16: «Каждый ребенок, независимо от происхождения, имеет право на защиту в соответствии со своим статусом несовершеннолетнего со стороны семьи, общества и государства. Каждый ребенок имеет право расти под ответственностью родителей, исключая чрезвычайные обстоятельства, признанные в судебном порядке, малолетний ребенок не должен быть разделен с матерью. Каждый ребенок имеет право на свободное и всестороннее образование, по меньшей мере, начальное, и право на продолжение своего обучения в более высоких ступенях образовательной системы».

9 Консультативное заключение МСПЧ «Правовое состояние и права ребенка» (28 августа 2002 г.), п. 29 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oas.org/en/iachr/children/decisions/ia_court_hr.asp.

10 Там же, пункты 24 и 30.

11 См.: решение МСПЧ по делу «Уличные дети» (Villagrán-Morales et al.) v. Guatemala от 19 ноября 1999 г., п. 148 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oas.org/en/iachr/children/decisions/ia_court_hr.asp

12 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 38, 40 и 42.

13 См.: решение по делу «Уличные дети» от 19 ноября 1999 г., п. 188.

ни лиц, не способных осуществлять свои права, действуют их родители, или, в случае их отсутствия, представители опеки и попечительства. Тем не менее, все они являются субъектами права, носителями неотъемлемых прав, которые присущи каждому человеку»¹⁴.

Исходя из вышесказанного, очевидно признание того, что Суд наделяет ребенка правосубъектностью и провозглашает неотъемлемость прав ребенка на международном уровне.

Более того, Межамериканский суд ясно разъяснил, что дети не только обладают правами, принадлежащими всем людям (как детям, так и взрослым), но также «специальными правами, вытекающими из особенностей их положения» вместе с соответствующими «обязанностями семьи, общества и государства»¹⁵. Наконец, Суд установил, что особые права, предоставляемые несовершеннолетним, по отношению к взрослым, не являются *per se* дискриминационными¹⁶.

Субъекты, обязанные предоставлять особую защиту детям

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что с момента, когда ребенок становится «субъектом специальных прав, вытекающих из особенностей его положения», семья, общество и государство, в свою очередь, наделяются обязанностями по защите детей»¹⁷.

Действительно, Суд передает семье «основную ответственность по защите детей». Именно семья должна обеспечивать лучшей защитой ребенка от жестокого обращения, невнимания и эксплуатации. Кроме того, семья как основной и естественный элемент общества, ответственный за начальную социальную интеграцию ребенка, имеет право на защиту со стороны общества и государства. Это означает, что семья, в качестве основной ячейки общества и естественного источника для развития и благополучия всех ее членов, особенно детей и молодежи, должна получать помощь и защиту, таким образом, чтобы она сама могла полностью осуществлять возложенные на нее обществом обязанности¹⁸.

Так, в 2010 г. Суд установил, что имело место насильственное исчезновение политического лидера коренного народа майя *Читей Нека*, осуществленное боевиками в Гватемале. В данном случае государство не смогло выполнить свое обязательство защитить семью, т.к. исчезновение привело к распаду семьи *Читей Нека*, исключению одного из родителей и созданию препятствий для дальнейшего развития детей (*Элизо, Эстермерио, Педро, Энкамасон и Марио Розауры*), исключая тем самым единое существование детей и родителей. Более того, в деле индейской семьи, в которой знания от родителей передаются детям устно таким образом, нарушается право на культурную жизнь¹⁹.

Вместе с тем в решении от 24 февраля 2012 г. по делу «*Atala Riffo y Niñas v. Chile*» Суд отметил, что в Американской конвенции нет исключительного понимания семьи. Суд пошел по пути критики «традиционной» модели семьи. Идея семейной жизни, по его мнению, не сводится только к браку и должна включать прочие семейные связи за пределами су-

пружеских. Впервые в истории Межамериканский суд вынес решение, связанное с сексуальной ориентацией заявителя: он признал не соответствующим Американской конвенции по правам человека решение Верховного Суда Чили о передаче бывшему мужу г-жи *Атала Риффо* опеки над их общими детьми ввиду нетрадиционной сексуальной ориентации матери детей. Межамериканский суд признал государство-ответчика ответственным за нарушения права на равенство и недопустимость дискриминации, права на уважение частной и семейной жизни, а также нарушение судебных гарантий и правовой защиты. По мнению Суда, в данном деле принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка был использован чилийскими судами для целей дискриминации по признаку сексуальной ориентации. На наш взгляд, Суд слишком расширительно трактовал договор, навязывая суверенному государству новое видение «семьи», что идет вразрез с национальным законодательством Чили и прямо не закреплено в межамериканской системе защиты прав человека.

Именно в связи с вышеизложенным Суд постановил, что государство должно воздерживаться от необоснованного вмешательства в семейные отношения, а ребенок имеет право расти под ответственностью своих родителей, которые призваны удовлетворить его материальные, эмоциональные и психологические потребности. Ребенка не следует, за исключением чрезвычайных обстоятельств и оправданных на ограниченное время, разлучать с родителями²⁰. Суд в деле «*Las Dos Erres*» установил, что разлучение детей с их семьями, в некоторых случаях, является нарушением права на семью²¹. В данном деле несовершеннолетний *Рамиро Азорио* (шести лет) во время резни 25 человек в районе *Las Dos Erres* в декабре 1982 г. был похищен *Сантосом Лопесом Алонсо* из гватемальской военной группы «каибилес», который забрал его домой, а позже зарегистрировал под своей фамилией, разучив тем самым с биологическими родителями на 18 лет. Государство при этом не сделало никаких попыток восстановить семью, даже после того, как стал известен факт нарушения права на семью *Рамиро Азорио*²².

В том же ключе Межамериканский суд установил, что община и общество, к которому принадлежит ребенок, несут обязанность защищать его и помогать семье осуществлять заботу и защиту ребенка, обеспечение его физического и психического благополучия²³.

Суд дал разъяснения в вопросе обязанности защиты детей со стороны государства. По мнению Суда, государство обязано организовать правительственный аппарат и все соответствующие структуры, посредством которых осуществляется государственная власть, таким образом, чтобы юридически обеспечить свободную и полную реализацию прав человека. Суд установил, среди прочих обязанностей государства, следующие: а) обязанность государства обеспечить ребенку защиту и заботу, необходимые для достижения его благополучия, принимая во внимание права и обязанности родителей, опекунов или других лиц, ответственных за ребенка; б) обязанность обеспечить соблюдение учреждениями, службами и другими ор-

14 Консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», п. 41.

15 Там же. п. 54.

16 Там же. п. 55.

17 См.: дело «*Mapiripán Massacre v. Colombia*» (15.09.2005), пункт 152; дело «*Juvenile Reeducation Institute v. Paraguay*» (2.09.2004), п. 147.

18 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 62, 66–68.

19 См.: дело «*Chitay Nech et al. v. Guatemala*» (25.05.2010), пункты 2, 153, 157–164, 170.

20 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 62, 71, 75–77 и 88.

21 См.: дело «*Las Dos Erres*» *Massacre v. Guatemala*» (24.11.2009), пункты 2, 179–180, 187, 190 и 198.

22 В том же духе, были решены следующие дела: «*Gelman v. Uruguay*» (24.02.2011), пункты 125–126; «*Forneron e hija v. Argentina*» (27.04.2012), пункты 47.

23 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 62 и 67.

ганами, ответственными за заботу и защиту детей, исполнение своих функций; в) обязанность принимать все надлежащие законодательные, административные и иные меры для осуществления прав ребенка, закрепленные в международных документах; г) обязанность принимать меры на основе имеющихся ресурсов для постепенной реализации ребенком своих экономических, социальных и культурных прав; и д) обязанность по содействию, в самом широком смысле, развития и прочности семьи, в том числе больших семей²⁴.

Принципы защиты прав детей в практике Межамериканского суда по правам человека

Суд указал в своей практике существование, по меньшей мере, трех основополагающих принципов защиты детей, с указанием их содержания и области охвата: принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, принцип особой защиты и принцип всесторонней защиты. Рассмотрим их подробнее.

Принцип обеспечения наилучших интересов ребенка. В соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленным в многочисленных международных документах²⁵, Межамериканский суд отметил, что это регулятивный принцип всего законодательства о правах ребенка, как действующего в настоящее время, так и для принятия будущих норм в этой области²⁶. Суд также установил, что этот принцип относится не только к нормам о правах ребенка, но и к решениям и действиям, предпринимающимся государственными или частными органами, судами, административными органами и другими учреждениями, занимающимися вопросами несовершеннолетних лиц²⁷. Суд даже расширил принадлежность принципа наилучших интересов ребенка применительно к решениям и мерам, принимаемым в обществе и семье по отношению к ребенку²⁸. Следовательно, именно этот принцип считается главным в регулировании всех аспектов жизни и прав ребенка²⁹. Основной целью принципа наилучших интересов ребенка, по мнению Суда, является обеспечение защиты и содействия всестороннему развитию детей, с учетом их способностей³⁰. С другой стороны, принцип наилучших интересов ребенка не исходит от самого ребенка, но прорабатывается извне: лицо, ответственное за ребенка, общество или орган, действуют в соответствии с данным постулатом. Суд определил, что наилучшие интересы ребенка не могут быть использованы в качестве средства дискриминации матери или отца по причине половой ориентации, как мы писали выше. Следовательно, судья не вправе учитывать этот момент при рассмотрении дел о выплате алиментов или назначении опеки над ребенком³¹.

Принцип особой защиты. Сегодня в международном праве прав человека уделяется повышенное внимание уязвимым группам населения. Суд неоднократно подтверждал необходимость государства, общества и семьи обеспечить «защиту

или специальную заботу» для детей³². Данное требование проистекает из определенной ситуации слабости и беспомощности, в которой находятся дети³³. Особая защита должна пониматься как «дополнительная и дополняющая» права ребенка, необходимая для обеспечения соблюдения наилучших интересов ребенка³⁴. Межамериканский суд заявил следующее: «...следует отметить, что для обеспечения, насколько это возможно, наилучших интересов ребенка, преамбула Конвенции о правах ребенка закрепляет необходимость “специальной заботы” за детьми, а в статье 19 Конвенции указано, что ребенок должен быть обеспечен “специальными мерами защиты”. В обоих случаях необходимость принятия этих мер или особого ухода происходит от особенного положения детей, учитывая их слабость, незрелость или неопытность. В заключение, мы должны взвесить не только требование специальных мер, но и особенность положения, в котором находится ребенок»³⁵. При этом Суд подчеркнул, что ст. 19 Американской конвенции должна пониматься как дополнительное право к тем, кто по причине физического и эмоционального развития нуждается в мерах специальной защиты. Так в деле против Парагвая Суд постановил, касательно детей, что «...государство должно подтвердить свою специальную позицию гаранта защиты и принимать специальные меры». В данном случае парагвайские власти несли ответственность за коренной народ, проживавший традиционно на территории района Чако³⁶. Народ был выселен с исконной земли исторического проживания, и как результат, оказался в ненадлежащих условиях существования, что повлекло случаи смерти (включая детей), истощения, подрыва здоровья и т.д.³⁷

Целью специальной защиты является достижение целостного развития детей, в том числе, физического, психического и нравственного. Тогда как «особая защита», на первый взгляд, подразумевает общую обязанность, она приобретает специфическое и конкретное содержание при анализе прав или конкретных ситуаций. Так, например, ограничения накладываются на основе принципа гласности судопроизводства в отношении несовершеннолетних, или специальный уход или лечение, которое должно предоставляться в ходе процедуры или судебного разбирательства (к примеру, предоставление специальных консультаций или передача специальным судам, в добавок к тем, что занимаются вопросами взрослых). Дети также нуждаются в специальной заботе в особенно критических ситуациях, например, когда от них отказались, они больны, находятся в заключении, беженцы, перемещенные лица в условиях вооруженного конфликта, либо торговли или принадлежности к меньшинствам или коренным народам. Так, в деле «Cotton Field» Суд установил нарушение со стороны Мексики, которая не предоставила меры по защите граждан в отношении семнадцатилетней *Лауры Рамос Моаррес* и пятнадцатилетней *Эсмальды Херрера Монреаль*, которые были изнасилованы и убиты на хлопковом поле в Сьюидад Ху-

24 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 62–67.

25 См.: Freeman M. Article 3: The Best Interests of the Child. A commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. – Martinus Nijhoff Publishers, 2007.

26 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 56 и 57.

27 Там же. п. 58.

28 Там же. п. 65.

29 См.: дело «Girls Yean and Bosico vs. Dominican Republic» (8.09.2005), пункт 134; дело «Ituango Massacres» v. Colombia (1.07.2006), п. 244.

30 См.: дело «Bulacio v. Argentina» (18.09.2003), п. 134; дело «Gómez Paquiyauri Brothers v. Peru» (8.07.2004), п. 163; дело «Juvenile Reeducation Institute», п. 160; дело «Girls Yean and Bosico», п. 134.

31 См.: дело «Atala Rifo and Niñas v. Chile» (24.02.2012), п. 110.

32 Ramírez G. S, Mariscal I. de G. Panorama Internacional sobre Justicia Penal. – UNAM, México, 2007. – P. 51.

33 См.: консультативное заключение «Правовое состояние и права ребенка», пункты 53 и 57; дело «Caracazo v. Venezuela» (29.08.2002), п. 102; дело «Mapiripán Massacre», п. 152; дело «Ituango Massacres», п. 244.

34 См.: дело «Girls Yean and Bosico», п. 133; дело «Juvenile Reeducation Institute», п. 147.

35 См.: «Правовое положение и права ребенка», пункты 60 и 61.

36 Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: учебник. – М: РУДН, 2015.

37 В деле «Sawhoyamaya Indigenous Community v. Paraguay» (29.03.2006 г.), п. 73.

арез, несмотря на широко известные случаи убийства женщин и девочек в этом городе³⁸.

Схожее дело «Tiu-Tojín v. Guatemala»³⁹, в котором Суд отметил влияние внутренних вооруженных конфликтов в стране на создание ситуации для осуществления многократных нарушений прав детей, включая насильственные исчезновения, особенно среди коренного населения майя (83,3%), что и случилось с *Хосефой Тиу Тохин*, которую увезли на военную базу с матерью и более никаких сведений о них не появлялось. Право на особую правовую защиту нарушалось и в деле «Las Dos Erres» (пункты 213–216), о котором мы упоминали выше.

Принцип всесторонней защиты. В связи с двумя вышеуказанными принципами, Суд подтвердил третий руководящий принцип: право детей на развитие и всеобъемлющую защиту, которая определяется как «право ребенка на развитие всех своих способностей, возможность достичь свое предназначение и реализацию своего жизненного плана»⁴⁰.

Как видно из вышеизложенного, Межамериканскому суду по правам человека удалось разработать соответствующее прецедентное право в отношении защиты прав детей, а также разработать юридическое содержание определенных

руководящих принципов в этой сфере. Тем не менее судебная практика начала разрабатываться в течение последних семнадцати лет, но, несомненно, она будет расширяться и укрепляться в дальнейшем, внося существенный вклад в защиту детей, как особенно уязвимой части нашего населения.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: Учебник. — М.: РУДН, 2015.
2. Абашидзе А. Х., Алисиевич Е. С., Солнцев А. М. Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012.
3. Кабанов В. Л. История разработки конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. к 25-летию со дня принятия // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12.
4. Beloff M. Quince Años de Vigencia de la Convención sobre Derechos del Niño en Argentina // La Aplicación de los Tratados sobre Derechos Humanos en el Ámbito Local / ed. by Abramovich V., Bovino A., Courtis C. CELS, Buenos Aires, 2007.
5. Freeman Michael. Article 3: The Best Interests of the Child. A commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. Martinus Nijhoff Publishers, 2007.
6. Gonzáles Contró M. Derechos Humanos de los Niños. UNAM, México, 2008.

38 См.: González et al. («Cotton Field») v. Mexico, Judgment (6 November 2009), пункты 2, 165, 167, 403, 404 и 408.

39 См.: дело «Tiu-Tojín v. Guatemala» (26.11.2008), п. 40, 41, 48 и 50.

40 Beloff M. Quince Años de Vigencia de la Convención sobre Derechos del Niño en Argentina // La Aplicación de los Tratados sobre Derechos Humanos en el Ámbito Local / ed. by Abramovich V., Bovino A., Courtis C. CELS, Buenos Aires, 2007. — P. 272; Gonzáles Contró M. Derechos Humanos de los Niños. — UNAM, México, 2008. — P. 23.

Копылов Михаил Николаевич – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов, руководитель отделения «Юриспруденция» Института международных программ Российского университета дружбы народов, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), академик Российской экологической академии (РЭА), академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ).

Копылов Станислав Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов.

Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и практики Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

**М.Н. КОПЫЛОВ
С.М. КОПЫЛОВ
С.М.А. МОХАММАД**

**КРАТКИЙ
ОЧЕРК ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ПРАВА**

Конева А. Е., Солнцев А. М.
ИНТЕГРАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЮГА АФРИКИ

В статье рассматривается международно-правовой статус Южноафриканского сообщества развития (САДК), объединяющего все 15 государств Юга Африки. Рассматривается соотношение САДК и Южноафриканского таможенного союза (САКУ), а также дается анализ международного сотрудничества САДК и Российской Федерации.

Ключевые слова: Юг Африки, САДК, САКУ, международная интеграция, международное право.

Koneva A. E., Soltsev A. M.
INTEGRATION IN THE SOUTH AFRICA

The article examines the international legal status of the Southern African Development Community (SADC), which unites all 15 states of South Africa. The authors examined the correlation between SADC and the Southern African Customs Union (SACU), and analyses the international cooperation between the SADC and the Russian Federation.

Keywords: South Africa, SADC, SACU, international integration, international law.

Южноафриканское сообщество развития (САДК)¹ представляет собой субрегиональное интеграционное объединение в Южной Африке, целью которого является создание зоны свободной торговли на территории государств-членов. САДК было создано в результате преобразования в 1992 г. Координационной Конференции по развитию Юга Африки, учрежденной в 1980 г. 9 странами субрегиона.

В состав САДК входит 15 государств: Ангола, Ботсвана, ЮАР, Лесото, Свазиленд, Намибия, Зимбабве, Мозамбик, Малави, Мадагаскар², Танзания, Замбия, Маврикий, Демократическая Республика Конго и Республика Сейшельские Острова (вышла из состава в 2004 г. и присоединилась снова в 2008 г.)³. Указанные государства весьма разнятся между собой, причем не только размером территорий, уровнем дохода на душу населения, численностью населения, размером их внутренних рынков, обеспеченностью природными ресурсами, социальной и политической ситуацией в стране, но также и правовыми системами⁴.

Штаб-квартира САДК расположена в г. Габороне (Ботсвана).

Учредительным актом САДК является Договор САДК, который был подписан в Виндхуке (Намибия) в августе 1992 г.⁵ В соответствии с п. 1 ст. 5 Договора САДК целями организации являются: обеспечение развития и экономического роста, сокращение масштабов нищеты, повышение уровня и качества жизни народа региона Южной Африки и поддержка социально незащищенных слоев населения посредством укрепления региональной интеграции; развитие общих политических ценностей, систем и институтов; поддержание мира и безопасности; поощрение самостоятельного экономического развития на основе коллективной самообеспеченности и взаимозависимости государств-членов; обеспечение взаимодополняемости национальных и региональных стратегий и программ; поощрение и максимальное увеличение производительной занятости и использования ресурсов региона; рациональное использование природных ресурсов и эффективная защита

окружающей среды; укрепление исторических, социальных и культурных связей между людьми региона.

В соответствии со ст. 4 Учредительного договора САДК к организационным принципам, которым обязаны следовать государства-члены, относятся: суверенное равенство всех государств-членов; солидарность, мир и безопасность; уважение прав человека, демократия и верховенство права; справедливость, баланс и взаимная выгода; мирное разрешение споров. Интересно, что на нарушение положения именно этой статьи ссылались главы государств – членов САДК, принимая решение о приостановлении членства Мадагаскара после государственного переворота в 2009 г.⁶

Договор САДК предусматривал учреждение ряда институциональных механизмов организации. Впоследствии в рамках внеочередного саммита глав государств и правительств САДК 9 марта 2001 г. в Виндхуке (Намибия) было принято решение внести в Учредительный договор поправки, касающиеся изменения институциональной основы САДК в целях преодоления сложностей, связанных с преобразованием Координационной Конференции в Сообщество. Согласно внесенным в Договор САДК поправкам институциональную основу организации составляют следующие механизмы: Саммит глав государств и правительств САДК; Орган по вопросам политики, обороны и безопасности (заседающий в со-

Конева А. Е.

Солнцев А. М.

1 The Southern African Development Community (SADC).

2 Членство Мадагаскара было приостановлено в 2009 г. в связи с неконституционной сменой власти. Членство Мадагаскара в организации было восстановлено в 2014 г.

3 Isaksen J., Tjonneland E. N. Assessing the Restructuring of SADC – Positions, Policies and Progress // CMI Report. – 2001. – P. 12.

4 Isaksen J. Restructuring SADC – Progress and Problems // CMI Report. – 2002. – P. 22.

5 Treaty of the Southern African Development Community (SADC), 17.07.1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iss.co.za/AF/RegOrg/unity_to_union/pdfs/sadc/8SADC_Treaty.pdf.

6 Communiqué of the Extraordinary Summit of SADC Heads of State and Government, 30 March 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sadc.int/files/8213/5292/8385/SADC_Extraordinary_Summit_March_2009.pdf.

7 Высший орган САДК, который принимает на основе консенсуса решения по основным вопросам стратегии и тактики действий Сообщества, руководит его рабочими органами, назначает Исполнительного секретаря и его заместителя. Обычно саммиты проводятся ежегодно, но также практикуются внеочередные встречи на высшем уровне.

стве трех председателей)⁸; Совет Министров⁹; Секретариат¹⁰; Трибунал¹¹; Отраслевые министерские комитеты¹²; Постоянный комитет официальных лиц¹³; Национальные комитеты САДК¹⁴; Парламентский Форум¹⁵.

Договор САДК был также дополнен в 2003 г. Соглашением, предусматривающим внедрение Регионального индикативного стратегического плана САДК¹⁶, который обозначил ряд долгосрочных целей в области социального и человеческого развития, которые, как представляется, во многом соответствуют Целям развития тысячелетия, предусмотренным в Декларации тысячелетия 2005 г., а также призван обеспечить стратегическое руководство в отношении реализации проектов, программ и мероприятий САДК.

Региональный индикативный стратегический план САДК предусматривает ряд целей, которые необходимо достигнуть в рамках интеграционных процессов, реализуемых в регионе Южной Африки, а также сроки их осуществления: 1) создание зоны свободной торговли к 2008 г.; 2) создание таможенного союза к 2010 г.; 3) создание общего рынка к 2015 г.; 4) создание валютного союза к 2016 г.; 5) введение единой валюты и преобразование САДК в экономический союз к 2018 г.

В целях обеспечения единого руководства и согласованности в деятельности государств – членов САДК в различных направлениях функционирования организации в рамках Сообщества принимаются различные международно-правовые акты, включая протоколы САДК, принятые в форме международных договоров, которые регулируют сотрудничество государств – членов Сообщества в различных сферах его компетенции¹⁷. Протоколы являются международными инструментами, с помощью которых реализуются положения Учредительного договора САДК, и имеют юридически обязательную силу. Протокол вступает в силу после того, как его ратифицировали две трети государств – членов САДК.

В целях улучшения экономического благосостояния стран-участниц и повышения уровня жизни людей, проживающих в его странах, САДК разрабатывает и реализует мно-

жество программ в различных сферах общественной жизни, к числу которых относятся: политика, оборона и безопасность; экономическое развитие; управление рисками стихийных бедствий; развитие инфраструктуры; здравоохранение; сельское хозяйство и продовольственная безопасность; природные ресурсы; метеорология и климат; социальное и человеческое развитие; ликвидация бедности и политический диалог¹⁸.

Права человека сегодня стали одним из основных критериев оценки экономической развитости и благополучия в данном регионе и с каждым днем они играют все большую роль в деятельности САДК и региона Африки в целом. Хотя защита и поощрение прав человека не относится к основным целям САДК, в рамках этой организации ведется активная правозащитная деятельность, которая развивается по нескольким направлениям¹⁹.

САДК разработал и принял немалое количество международных документов юридически обязательного и рекомендательного характера в таких сферах осуществления Целей развития тысячелетия, как борьба с ВИЧ/СПИД²⁰, распространение малярии и других серьезных заболеваний, сокращение детской смертности²¹, ликвидация нищеты и голода²², обеспечение доступа к достаточному питанию²³, проведение общей политики в области здравоохранения²⁴, образования и трудоустройства²⁵, а также усиление участия граждан в процессах принятия решений и укрепления демократических практик и деятельности демократических институтов²⁶. Кроме того, значительные усилия государств – членов САДК направлены на поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин²⁷. Важнейшим достижением в этой сфере является разработка и принятие Протокола САДК по гендерному равенству и развитию 2008 г.²⁸, зафиксировавшего 23 прогрессивные цели, которые должны быть достигнуты к 2015 г. в сфере ограничения насилия в отношении женщин и детей, необходимости обеспечения свободного доступа женщин к работе и занятости руководящих должностей, уравнивания семейных прав и обязанностей мужчины и женщины.

Говоря о правозащитной деятельности, реализуемой в рамках САДК, нельзя обойти вниманием судебный орган Сообщества – Трибунал САДК. Главы государств – членов САДК приняли Протокол о Трибунале САДК и его Правила проце-

8 Занимается разработкой общей внешней политики в регионе, предотвращением и урегулированием внутри- и межгосударственных кризисов в регионе, включая проведение миротворческих операций, ликвидацию последствий стихийных бедствий, а также подготовку и проведение совместных учений государствами – членами Сообщества.

9 Совет министров осуществляет надзор за функционированием и развитием Сообщества и обеспечивает эффективное осуществление стратегий, программ и проектов САДК.

10 Главный исполнительный орган, отвечающий за стратегическое планирование, координацию и управление программами САДК.

11 В 2010 г. на Саммите глав государств и правительств САДК было принято решение о приостановлении деятельности Трибунала, а на Саммите в 2012 г. было решено создать новый Трибунал с более ограниченной юрисдикцией.

12 Данные комитеты, состоящие из министров государств-членов, осуществляют наблюдение за деятельностью САДК в основных сферах интеграции, контролируют выполнение Регионального индикативного стратегического плана 2003 г. в их соответствующих областях компетенции, а также предоставляют консультационные услуги Совету министров САДК.

13 Технический консультативный комитет, действующий при Совете министров САДК, заседает два раза в год.

14 Комитеты учреждаются в каждом государстве – члене САДК и включают представителей правительств, частного сектора и организаций гражданского общества. Эти комитеты вносят вклад в разработку региональной политики и стратегий САДК на национальном уровне, а также координируют и контролируют реализацию программ организации на национальном уровне. Состоят из Межпарламентский орган, состоящий из более чем 3500 членов парламентов всех государств САДК.

16 Regional Indicative Strategic Development Plan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sadc.int/documents-publications/show/Regional_Indicative_Strategic_Development_Plan.pdf.

17 SADC Protocols [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sadc.int/about-sadc/overview/sa-protocols/>.

18 Themes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sadc.int/themes/>.

19 См: Конева А. Е. Правозащитная деятельность Сообщества развития Южной Африки // Африка: слагаемые современного развития: Ежегодник – 2014: сб. статей / Под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева, Е. А. Долгинова. – М: РУДН, 2014. – С. 155–171.

20 Декларация по борьбе с ВИЧ/СПИД в регионе САДК 2003 г.

21 Региональный индикативный стратегический план САДК 2003 г.

22 Декларация по искоренению нищеты и устойчивому развитию 2008 г. В Декларации подтверждена приверженность стран САДК региональному плану борьбы с бедностью и учрежден специальный региональный орган по мониторингу хода реализации соответствующих программ. Создан фонд развития САДК для активизации сотрудничества и приграничной торговли.

23 Декларация о сельском хозяйстве и продовольственной безопасности 2004 г.

24 Политика в области здравоохранения САДК 2000 г.; Протокол о здоровье 1999 г.

25 Протокол о развитии образования и профессиональной подготовки в САДК 1997 г.; Хартия об основных социальных правах человека 2003 г.

26 Протокол САДК по вопросам политики, обороны и безопасности 2001 г.; Принципы и руководства САДК по проведению демократических выборов 2004 г.

27 Декларация САДК по вопросам гендерных отношений и развития в 1997 г. и Приложение к ней по вопросам насилия 1998 г.

28 SADC Protocol on Gender and Development (17 August 2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sadc.int/files/8713/5292/8364/Protocol_on_Gender_and_Development_2008.pdf. Вступил в силу в 2013 г.

дуры в 2000 г.²⁹, согласно которым Трибунал САДК мог толковать положения Договора САДК 1992 г., протоколы к нему, более того, юрисдикция суда распространяется на все вопросы, регулируемые другими соглашениями, заключенными в рамках Сообщества и признающими юрисдикцию Трибунала (ст. 14 Протокола). Суд мог рассматривать споры между государствами и индивидуальными лицами или юридическими лицами при условии исчерпания всех возможных внутренних средств правовой защиты.

Дела о нарушении конкретных прав человека не упоминаются в указанных учредительных документах, однако судьи Трибунала САДК усмотрели компетенцию суда рассматривать индивидуальные жалобы на нарушение прав человека путем толкования положений Протокола в совокупности с преамбулой Учредительного договора и его статьями.

Трибунал САДК рассмотрел ряд споров, связанных с защитой прав человека³⁰, что в конечном счете вызвало критику его деятельности со стороны некоторых государств – членов САДК, в особенности Зимбабве, и привело к тому, что деятельность Трибунала была де-факто приостановлена в 2010 г. на саммите глав государств и правительств САДК, а 17 августа 2012 г. саммит САДК в Мапуту (Мозамбик) принял решение о создании нового Трибунала, мандат которого должен ограничиваться интерпретацией Учредительного договора САДК и протоколов, касающихся споров между государствами – членами САДК.

Представляется, что государствам – членам САДК в настоящий момент при определении полномочий Трибунала САДК следует вступить в открытый и честный диалог с целью достичь согласия относительно соотношения и обеспечения баланса между принципами суверенитета, регионализма, выполнения международных обязательств, верховенства закона и защиты прав человека.

Как указывалось ранее, главная цель САДК – это либерализация торговых связей государств-членов. Сообщество существенно продвинулось на пути создания зоны свободной торговли. В настоящее время в САДК осуществлено значительное снижение таможенных пошлин, и достигнут существенный прогресс в устранении нетарифных ограничений во взаимных торговых связях³¹. Вместе с тем следует отметить, что региональная интеграция является необходимой предпосылкой более эффективной экологической политики, так как окружающая среда распространяется за пределы национальных границ³².

За последние годы взаимосвязь между охраной окружающей среды и экономическим развитием стала большей ввиду развернувшейся дискуссии мирового сообщества по вопросу устойчивого развития. Эта взаимосвязь представляется взаимобусловленной при условии, что экономическое развитие может осуществляться только с учетом благоприятного состояния окружающей среды. И наоборот, меры по защите окружающей среды могут иметь большой эффект для экономического роста, так как результатами экономического роста могут быть повышение доступности природных ресурсов, сокращение нищеты и повышение уровня жизни. Здесь принцип устойчивого развития направлен на сбалансирование таких сфер, как экономика, охрана окружающей среды и социальные вопросы.

В рамках САДК был принят целый ряд международных документов, касающихся защиты окружающей среды, в т.ч. протоколы САДК. Укажем наиболее важные протоколы САДК, направленные на защиту и сохранение окружающей среды в субрегионе³³: Протокол об энергетике от 24 августа 1996 г. (вступил в силу 17 апреля 1998 г.), Протокол о добыче полезных ископаемых от 8 сентября 1997 г. (вступил в силу 10 февраля 2000 г.), Протокол о туризме 1998 г. (вступил в силу 26 ноября 2000 г.), Протокол о сохранении дикой природы от 14 августа 1999 г. (вступил в силу 30 ноября 2003 г.), Протокол о здравоохранении от 18 августа 1999 г. (вступил в силу 14 августа 2004 г.), Протокол о рыболовстве от 14 августа 2001 г. (вступил в силу 8 августа 2003 г.), Протокол о лесных ресурсах от 3 августа 2002 г. (вступил в силу 17 июля 2009 г.), Пересмотренный протокол о трансграничных водотоках от 7 августа 2000 г. (в силу не вступил). Рассмотрим подробнее указанные протоколы САДК.

Следует также отметить и наличие рекомендательных актов САДК, вносящих существенный вклад в защиту окружающей среды этого африканского субрегиона: Стратегический план развития САДК с региональными индикаторами на 2005–2020 годы (2003)³⁴, Декларация САДК по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности 2004 г.³⁵ и др.

При рассмотрении деятельности САДК как организации, обеспечивающей платформу для региональной интеграции на Юге Африки, нельзя обойти вниманием вопрос о функционировании Южноафриканского таможенного союза (САКУ)³⁶ – одного из старейших таможенных союзов в мире. САКУ был основан в 1910 г. по Соглашению о таможенном союзе между Южно-Африканским Союзом (*Union of South Africa*), Бечуаналендом (*the High Commission Territories of Bechuanaland* – сейчас Ботсвана), Басутолендом (*Basutoland* – сейчас Лесото) и Свазилендом (*Swaziland*). С установлением независимости данных территорий было подписано новое соглашение – Соглашение о Южноафриканском таможенном союзе от 11 декабря 1969 г.³⁷ – между ЮАР, Ботсваной, Лесото и Свазилендом. После установления независимости Намибии в 1990 г. и завершения политики апартеида в ЮАР участники Союза в 1994 г. иници-

29 Protocol on Tribunal in Southern African Development Community and Rules of Procedure of the Southern African Development Community Tribunal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sadc.int/files/1413/5292/8369/Protocol_on_the_Tribunal_and_Rules_thereof2000.pdf.

30 Поводом для принятия решения о приостановлении функционирования Трибунала и создания нового судебного органа стало постановление Трибунала САДК по делу «*Майк Кэмбелл против Зимбабве*», которое было инициировано белым фермером, чьи земли были отчуждены в рамках проводимой правительством Зимбабве государственной земельной реформы. В своем решении в 2008 г. Трибунал постановил, что г-н Кэмбелл и другие землевладельцы были лишены права на справедливое судебное разбирательство в своей стране. Более того, Трибунал постановил, что метод осуществления реформы, проводимой правительством Зимбабве, является дискриминационным, так как больше притесняет права белых фермеров. Трибунал признал за истцами право на справедливую компенсацию за отчужденные земли. См.: Конева А. Е., Солнцев А. М. Трибунал САДК: вчера, сегодня, завтра // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 2. – С. 42–46.

31 Архангельская А. А. Внешняя политика демократической ЮАР: Монография. – М., 2012. – С. 89.

32 Солнцев А. М., Базадзе Д. М. Субрегиональные механизмы защиты прав человека в Африке // Африка в поисках источников мира и развития: Ежегодник – 2013: Сб. статей / Под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева, Е. А. Долгинова. – М.: РУДН, 2013. – С. 116–134.

33 Southern African Development Community. Protocols [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sadc.int/documents-publications/protocols> (дата обращения: 01.09.2014).

34 Regional Indicative Strategic Development Plan (RISDP) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sadc.int/about-sadc/overview/strategic-pl/regional-indicative-strategic-development-plan> (дата обращения: 01.09.2014).

35 Dar-es-Salaam Declaration on Agriculture and Food Security in the SADC Region URL: http://www.sadc.int/files/6913/5292/8377/Declaration_on_Agriculture_Food_Security_2004.pdf (дата обращения: 01.09.2014).

36 The Southern African Customs Union (SACU) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sacu.int/>.

37 1969 Southern African Customs Union (SACU) Agreement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sacu.int/show.php?id=565> (дата обращения: 01.09.2014).

ировали переговоры с целью выработки нового соглашения, которое было принято в 2002 г.³⁸

В целом можно отметить, что САКУ потребовалось много лет для создания соответствующих институциональных структур – Совета министров, Комиссии таможенного союза, Комитета технических связей и Секретариата³⁹. Определением политики Таможенного союза занимается только Совет министров. Соглашение 2002 г. предусматривало учреждение 7 структур, некоторые из них – тарифный совет, национальные тарифные органы и *ad hoc* трибунал – находятся в стадии формирования.

В 2010 г. главы государств и правительств САКУ достигли договоренности по общей концепции и рабочей программе консолидации таможенного союза⁴⁰. Одним из главных аспектов соглашения является институционализация саммита глав государств и правительств как инструмента укрепления союза. Такие отрасли, как горнодобывающая, переработка сельскохозяйственной продукции, текстильная и автомобильная промышленность, были определены в качестве приоритетов сотрудничества⁴¹.

Вместе с тем вопрос о региональной интеграции Юга Африки не является частью этой программы, что, по мнению ряда ученых, лишней раз показывает, что САКУ – это союз, не нацеленный на усиление региональной интеграции, поскольку САКУ изначально не создавался для достижения региональной интеграции Юга Африки⁴¹.

Более того, учитывая тот факт, что все государства – члены САКУ одновременно входят и в САДК, можно говорить о проблеме двойного членства в региональных экономических союзах, которое приводит к усложнению процессов координации и согласования их политики и программ⁴².

В этой ситуации некоторым экспертам представляется, что наиболее эффективный способ содействовать региональной и континентальной интеграции – это действовать через САДК, тем более что эта организация признана Африканским союзом (АС), а САКУ АС не считает элементом системы континентальной интеграции⁴³. Соответственно, на их взгляд, САКУ должен расстаться со своим статусом «подразделения САДК»⁴⁴ и интегрироваться в него. При этом САКУ в целях поддержки более широкой региональной интеграции под эгидой САДК необходимо сконцентрировать свои человеческие, природные, материальные и финансовые ресурсы на содействии САДК – эффективному региональному экономическому сообществу в деле достижения региональной интеграции.

Российская Федерация осуществляет сотрудничество с САДК, которое характеризуется позитивной динамикой. В марте 1999 г. посол России в Ботсване был аккредитован в качестве официального российского представителя при Исполнительном секретариате САДК. 30 августа – 3 сентября 2003 г. был осуществлен рабочий визит в Россию Исполнительного

секретаря Сообщества П. Рамсами, ставший первым шагом подобного уровня в наших отношениях с африканскими интеграционными объединениями. В ходе визита была достигнута договоренность о проведении на регулярной основе политических консультаций по линии МИД России и Исполнительного секретариата Сообщества. Был подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и САДК об основах взаимоотношений и сотрудничестве, в котором зафиксировано намерение сторон способствовать развитию политических контактов, укреплению взаимовыгодных связей между Россией и Сообществом, а также отдельными входящими в него государствами в таких областях, как образование, научно-техническое сотрудничество, здравоохранение, сельское хозяйство, транспорт и связь, разведка и разработка минеральных и других ресурсов, энергетика, экология, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, культура.

В феврале 2015 г. в Москве состоялась встреча Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова с исполнительным секретарем САДК Стергоменой Такс, по итогам которой стороны условились подготовить совместные предложения по наращиванию практического взаимодействия по ряду направлений, включая политическое, торгово-экономическое, гуманитарное сотрудничество, в том числе в контексте договоренностей, достигнутых в ходе встречи Лаврова с министрами иностранных дел государств – членов Сообщества «на полях» 69-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке в сентябре 2014 г.⁴⁵

Более того, изучение правовых основ функционирования САДК представляется важным для РФ, поскольку ЮАР, будучи государством – членом САДК, является одновременно и членом БРИКС, которая в свете текущей международно-правовой обстановки является важнейшим для России международным клубом. При осуществлении международных проектов на территории ЮАР необходимо учитывать положения международных договоров и протоколов, принятых в рамках САДК, в том числе и при разработке природных ресурсов ЮАР. Вместе с тем странам БРИКС стоит аналитически подойти к международно-правовой базе САДК, оценить, насколько она может быть использована для опыта их национальных правовых систем.

Пристатейный библиографический список

38 2002 Southern African Customs Union (SACU) Agreement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sacu.int/show.php?id=566> (дата обращения: 01.09.2014).

39 См.: About SACU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sacu.int/show.php?id=396> (дата обращения: 01.09.2014).

40 Макгетланенг С. Региональная интеграция на Юге Африки: САКУ или САДК? // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 10. – С. 53–58.

41 Там же.

42 UN Economic Commission for Africa. The Drivers of Regional Integration for Africa's Development: Assessing Regional Integration in Africa: Rationalizing Regional Economic Communities. Addis Ababa: Economic Community Commission for Africa, 2004. – P. 7.

43 Макгетланенг С. Региональная интеграция на Юге Африки: САКУ или САДК? // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 10. – С. 53–58.

44 Address by His Excellency Nifikepuno Pohamba, President of Namibia, on the occasion of the launch of SACU's Centenary Celebrations on 22 April, 2010. Windhoek, Namibia. SACU Annual Report 2009/10: Implementing a Common Agenda towards Regional Integration in Southern Africa. – Windhoek: SACU. – P. 64.

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 2 (45).

2. Солнцев А. М., Базадзе Д. М. Субрегиональные механизмы защиты прав человека в Африке // Африка в поисках источников мира и развития: Ежегодник – 2013: Сб. статей / Под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева, Е. А. Долгинова. – М.: РУДН, 2013.

3. Конева А. Е., Солнцев А. М. Трибунал САДК: вчера, сегодня, завтра // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 2.

4. Конева А. Е. Правозащитная деятельность Сообщества развития Южной Африки // Африка: слагаемые современного развития: Ежегодник – 2014: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева, Е. А. Долгинова. – М.: РУДН, 2014.

5. Kameel Premhid, Bob Fights Back: Robert Mugabe and the Sadc Tribunal, 11 July 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voices.news24.com/kameel-premhid/2013/07/bob-fights-back/#.Ud7nip00L-Bw.email> (дата обращения: 01.09.2014).

45 Глава МИД РФ встретился в Москве с исполнительным секретарем САДК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150211/1047129565.html> (дата обращения: 01.09.2014).

Алиев Ш. М.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В рамках настоящей статьи автор анализирует и выявляет те правовые последствия для государств, к которым приводит ситуация международного вооруженного конфликта.

Ключевые слова: разрыв дипломатических и консульских отношений, действие международных договоров, Держава-Покровительница, репатриация военнопленных.

Aliev Sh. M.

LEGAL EFFECTS OF THE OUTBREAK AND TERMINATION OF INTERNATIONAL ARMED CONFLICT

In this article the author analyzes and determines legal effects for the states resulting from the international armed conflict.

Keywords: rupture of the diplomatic and consular relations, validity of international treaties, Protecting Power, repatriation of prisoners of war.

Алиев Ш. М.

Любая война представляет собой международный вооруженный конфликт, но далеко не каждый международный вооруженный конфликт считается войной в международно-правовом смысле. Их отличают различные юридические последствия, которые могут наступить в ходе ведения боевых действий сторонами конфликта.

Правовым последствиям начала и окончания состояния войны посвящено значительное число исследований как в отечественной, так и в зарубежной международно-правовой литературе¹. В то же время доктриной остаются практически не затронутыми правовые последствия начала и окончания международных вооруженных конфликтов, несмотря на имеющийся массив международно-правовых норм и сложившуюся межгосударственную практику.

Правовой порог для начала международного вооруженного конфликта четко обозначен и практически не вызывает разногласий². Он заключается в моменте первого применения силы между вооруженными силами двух государств³, которое

кладет начало применению Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I 1977 г. во всей их полноте.

Одним из следствий начала международного вооруженного конфликта может выступать **разрыв дипломатических и консульских отношений между враждующими государствами**. Однако в отличие от объявления войны, где разрыв дипломатических отношений является обязательным следствием возникшего состояния, в ситуации международного вооруженного конфликта такое происходит далеко не всегда. В этом плане для современной международной практики государств характерно двойственное отношение: в отдельных случаях возможны прекращение дипломатических и консульских отношений, в отдельных ситуациях – сохранение консульских отношений. Не исключены и случаи продолжения существования нормальных дипломатических отношений.

Однако договорные нормы о прекращении дипломатических и консульских отношений во время вооруженных конфликтов отсутствуют, за исключением одной статьи в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. Так, в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. государство пребывания даже в случае вооруженного конфликта должно «уважать и охранять помещения представительства вместе с его имуществом и архивами»⁴. При этом аккредитуемому государству предоставляется право вверить охрану помещений, имущества и архивов представительства, а также защиту своих интересов и интересов своих граждан «третьему государству, приемлемому для государства пребывания». Аналогичные правила закреплены и в ст. 27 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г.⁵

Поскольку данные Конвенции являются результатом кодификации существовавших ранее обычаев дипломатической и консульской практики, то, следовательно, положения о разрыве дипломатических и консульских отношений не относятся даже к обычным нормам международного права, иначе они

1 См., например: Алешин В. В. Международное право вооруженных конфликтов. – М., 2007; Арцибасов И. Н. Международное право (законы и обычаи войны). – М., 1975; Арцибасов И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. – М., 1989; Грабарь В. Э. Объявление войны в современном международном праве. – СПб., 1904; Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. – М., 1976; Соколов В. А. Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами. – Саратов, 1965; Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. – М., 2000; Л. Оппенгейм. Международное право. Т. II. П/т I. М., 1949; Ч. Хайд. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. В 5 т. – Т. 5. – М., 1950; R. Baxter. The legal consequences of the unlawful use of force under the Charter // Proceedings of American Society of International Law 1968; R. Baxter. The duties of combatants and the conduct of hostilities (Law of the Hague) / in International Dimensions of Humanitarian law. – Geneva, 1988; R. Colb. Le droit international des conflits armés. Basel, Brussels. 2003; I. Detter. The Law of War. – Cambridge, 2002.

2 См., например: Э. Дж. Карсуэлл. Классификация конфликта: дилемма, стоящая перед военнослужащим // Международный журнал Красного Креста. – 2009. Март. – С. 143.

3 См. общую ст. 2 четырех Женевских конвенций и Jean Pictet. Commentary on the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva. 1952. – P. 32. См. также ст. 1 Дополнительного протокола I от 8 июня 1977 г.

4 Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года / Действующее международное право: Документы в 2 т. Т. 1 / Составители Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М., 2007. – С. 474.

5 Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года / Действующее международное право: Документы в 2 т. Т. 1 / Составители Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М., 2007. – С. 552.

были бы кодифицированы и включены в соответствующие Конвенции.

Тем не менее они включают в себя нормы о защите дипломатического персонала, в соответствии с которыми дипломатическому персоналу разрешается покинуть государство пребывания, которое принимает меры для его безопасности. Защиту интересов воюющего государства и его граждан берет на себя нейтральное государство, поддерживающее дипломатические и консульские отношения с двумя воюющими державами.

Исходя из практики межгосударственных отношений, возникновение более 200 международных вооруженных конфликтов за всю послевоенную историю (с 1945 г.) очень редко приводило к разрыву дипломатических отношений. Нам известны два таких случая: когда в результате действий аргентинских вооруженных сил на территории Фолклендских (Мальвинских) островов Великобритания 2 апреля 1982 г. объявила о разрыве дипломатических отношений с Аргентиной; разрыв дипломатических отношений между Россией и Грузией в ходе вооруженного конфликта в августе 2008 г.

В подавляющем же большинстве случаев воюющие стороны продолжали поддерживать дипломатические отношения.

Так, например, в ходе второго индо-пакистанского конфликта 1965 г. ни Индия, ни Пакистан не заявляли о разрыве дипломатических отношений между ними. Такая же ситуация наблюдалась и во время ирано-иракского вооруженного конфликта 1980—1988 гг.

В настоящее время Швейцария осуществляет представительство интересов 6 государств: США в Кубе и Кубы в США, Ирана в Египте, США в Иране, России в Грузии и Грузии в России⁶. Но в основе своей, за исключением представительства интересов США в Иране, остальные носят более формальный характер и касаются лишь регулирования консульских вопросов.

Тем самым анализ практики государств показывает, что начало международного вооруженного конфликта, в отличие от войны, необязательно влечет за собой разрыв дипломатических и консульских отношений. Как правило, в большинстве случаев имеет место сохранение консульских отношений или продолжение дипломатических отношений на уровне посольств. В случае же международного вооруженного конфликта каждая из противоборствующих сторон получает соответствующие международно-правовые гарантии соблюдения и уважения их интересов, а также интересов своих граждан посредством института дипломатической защиты.

Действие международных договоров. Если при объявлении состояния войны подразумевалось прекращение действия договоров мирного времени, то в случае возникновения международного вооруженного конфликта вопрос о действии международных договоров на протяжении долгого периода оставался неясным.

Заметим, что вопрос о прекращении или приостановлении действия международных договоров во время вооруженных конфликтов не нашел отражения в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., таким образом, в международном праве отсутствует конвенционная норма о действии договоров во время вооруженных конфликтов. Кон-

венция содержит лишь одно упоминание о таком случае в ст. 73, где говорится о том, что ее положения «не предпрещают ни одного из вопросов, которые могут возникнуть в отношении договора... из начала военных действий между государствами».

Указанная проблема была включена в повестку дня заседаний Комиссии международного права ООН с 2004 г.⁷. На 60-й сессии в 2008 г. Комиссия приняла свод из 18 проектов статей и приложение к ним, посвященные последствиям вооруженных конфликтов для международных договоров.

В ст. 3 Проекта сформулирован базовый постулат, согласно которому «существование вооруженного конфликта *ipso facto* не прекращает и не приостанавливает действие договоров между государствами – сторонами конфликта» и между «государством – стороной вооруженного конфликта и государством, которое не является его стороной»⁸.

Аналогичные взгляды в международно-правовой доктрине имели достаточное распространение и ранее. Так, Л. Оппенгейм утверждает, что «довольно широко распространено мнение о том, что война никоим образом не аннулирует каждый договор»⁹. А. Макнэйр, выражая по существу британскую точку зрения, заявляет: «Таким образом, ясно, что война *per se* не прекращает довоенные договорные обязательства в отношениях между противоборствующими воюющими сторонами»¹⁰. Х. Бриттс отметил следующее: «Наша первая – и самая важная – норма заключается в том, что сам факт начала вооруженного конфликта (будь то объявленная или необъявленная война) *ipso facto* не прекращает и не приостанавливает действие договоров в отношениях между сторонами конфликта. Эта норма утвердилась в международном праве»¹¹.

Подобная практика находит подтверждение и в решениях национальных судов. Например, в решении по делу «Общество распространения Евангелия против г. Нью-Хейвен» 1823 г. Верховный Суд США постановил, что «договоры, в которых предусматриваются постоянные права и общие положения и указывается, что они предполагают постоянное действие, и в случае войны, и в случае мира, и не прекращают свое действие с возникновением войны, а самое большее – лишь временно прекращают действовать на период войны»¹².

В деле «Карнут против Соединенных Штатов» 1929 г. Верховный Суд Соединенных Штатов, касаясь ст. III Договора Джэя 1794 г. между Великобританией и Соединенными Штатами, подтвердил и развил свое более раннее постановление: «Право по данному вопросу находится в стадии становления и, пытаюсь сформулировать принципы общего характера, суды должны действовать осмотрительно. Однако, по-видимому, существует общее мнение о том, что, по крайней мере, нижеследующие договорные обязательства остаются в силе: положения, касающиеся линии поведения в состоянии войны; договоры о цессии, границах, и т.д.; положения, предоставляющие право гражданам или подданным одной из Высоких Договаривающихся сторон продолжать иметь во владении или передавать участки земли на территории другой стороны;

6 Данные приводятся по материалам сайта Федерального бюро по иностранным делам Швейцарии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eda.admin.ch/eda/en/home/topics/peace/peace/confre/goch/protpr.html> (дата обращения: 31.07.2012).

7 Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Пятьдесят девятая сессия, Дополнение №10. Документ ООН А/59/10 (2004).

8 См.: Текст проекта статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров. Документ ООН А/66/10 (2011). – С. 89.

9 Л. Оппенгейм. Международное право. Т. II. П/т I. – М., 1949. – С. 302.

10 А. McNair. The Law of Treaties. – Oxford, 1961. – P. 697.

11 См.: *Annuaire de l'Institut de droit international*. – 1983. – Vol. 61 (I). – P. 8, 9; См. также: Briggs H. The Law of Nations. – L., 1953. – P. 938.

12 Цитируется по: Текст проекта статей. Документ ООН А/66/10. – С. 216.

и, в целом, положения, представляющие собой завершенные акты. С другой стороны, договоры о дружбе, союзе и аналогичные им документы, имеющие политический характер, объект которых состоит в «поощрении развития гармоничных отношений между нациями», рассматриваются в целом как принадлежащие к категории договорных положений, которые полностью аннулируются с началом войны»¹³.

На основе анализа и обобщения международно-правовой доктрины и соответствующей судебной практики Комиссия пришла к выводу, что «по нормам современного международного права существование вооруженного конфликта *ipso facto* не прекращает и не приостанавливает действия существующих соглашений, несмотря на то, что ряд таких соглашений могут на деле прекращаться или приостанавливаться ввиду их природы, как, например, торговые соглашения»¹⁴.

Для определения возможности прекращения или приостановления действия международного договора, либо выхода из него должны приниматься во внимание следующие факторы: а) характер договора, в частности, его предмет, его объект и цель, его содержание и количество сторон договора; б) характеристики вооруженного конфликта, такие как его территориальное распространение, его масштабы и интенсивность, его продолжительность и, в случае немеждународного вооруженного конфликта, также степень внешнего участия» (ст. 6 Проекта).

В тоже время не должно вызывать сомнений, что прекращение договора, приостановление или выход из него вследствие вооруженного конфликта не затрагивают обязанность государства выполнять любое содержащееся в договоре обязательство, которое имеет для него силу в соответствии с международным правом, независимо от договора.

Само существование международного вооруженного конфликта не влияет на способность воюющих сторон заключать международные договоры. Согласно ч. 2 ст. 8 Проекта государства могут заключать соглашения, влекущие «прекращение или приостановление действующего между ними договора или его части в ситуациях вооруженного конфликта, или могут договариваться о внесении в него поправок или изменений».

Если государство намеревается прекратить действие договора или выйти из него, то оно уведомляет о таком намерении противную сторону или его депозитария. Если не предусмотрено иное, то данное уведомление вступает в силу по получении его стороной или сторонами конфликта¹⁵.

Комиссия в приложении к Проекту статей сформировала ориентировочный перечень договоров, предмет которых в ходе вооруженного конфликта продолжает свое действие либо в полном объеме, либо частично. Иным словами,

такие договоры не прекращают свое действие в ситуации международного вооруженного конфликта. К ним относятся:

- 1) многосторонние нормоустановительные договоры¹⁶;
- 2) договоры о международном уголовном правосудии;
- 3) договоры о дружбе, торговле и мореплавании и соглашения, касающиеся прав частных лиц;
- 4) договоры о международной защите прав человека;
- 5) договоры, касающиеся международной охраны окружающей среды;
- 6) договоры, касающиеся международных водотоков и относящихся к ним сооружений и объектов;
- 7) договоры, касающиеся водоносных горизонтов и относящихся к ним сооружений и объектов;
- 8) договоры, являющиеся учредительными актами международных организаций;
- 9) договоры, касающиеся урегулирования международных споров мирными средствами, включая использование согласительной процедуры, посредничества, арбитража и урегулирование в судебном порядке;
- 10) договоры о дипломатических и консульских сношениях¹⁷.

Следствием такого ориентировочного списка является установление ряда оспоримых презумпций, основанных на предмете таких договоров: предмет договора создает впечатление о том, что этот договор продолжает действовать во время вооруженного конфликта. Хотя акцент сделан на категориях договоров, вполне возможно, что только предмет конкретных положений договора является условием продолжения его действия.

Представленный перечень является ориентировочным, что и указано в ст. 7 Проекта, изложенный порядок перечисления категорий никак не подразумевает установления порядка их приоритетности.

Держава-покровительница. В ходе международного вооруженного конфликта каждая из сторон может обратиться к третьему государству с просьбой о защите своих интересов и интересов граждан. Такой институт получил название института Державы-покровительницы. Особая роль данного института подтверждается ст. 8, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., которая указывает на то, что данные международные акты «будут применяться при содействии и под контролем держав-покровительниц, на которых возложена охрана интересов сторон, находящихся в конфликте».

Под Державой-покровительницей следует понимать нейтральное государство, которому другое государство (державы происхождения) поручает контролировать и содействовать выполнению положений Женевских конвенций и Дополнительного протокола I в отношении гражданских лиц и военнопленных¹⁸.

¹³ Там же.

¹⁴ Russian-German Commercial Treaty case, German Reichsgericht, 23 May 1925, Annual, Digest of Public International Law Cases (AD) 1925–1926, No. 331. См. также Rosso

v. Marro, Tribunal civil de Grasse, 18 January 1945, *ibid.*, 1943–1945, No. 104, and Bussi

v. Menetti, France, Cour de cassation (Chambre civile), 5 November 1943, *ibid.*,

1943–1945, No. 103. См. также: Текст проекта статей. Документ ООН А/66/10. — С. 217.

¹⁵ См.: Текст проекта статей. Документ ООН А/66/10. — С. 222. Данное положение основано на ст. 65 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., хотя и адаптировано под вооруженные конфликты.

¹⁶ Под ними подразумеваются договоры, которые образуют нормы международного права в целях будущего регулирования будущего поведения сторон, не создавая при этом международного режима, статуса или системы. В качестве примера здесь можно привести Гаагскую конвенцию II об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам 1907 г., а также иные международно-правовые акты подобного рода. В тоже время сам термин «нормоустановительные» носит весьма неопределенный характер и не имеет четких контуров определения. См.: Текст проекта статей. Документ ООН А/66/10. — С. 123–127.

¹⁷ Там же. — С. 208.

¹⁸ См.: Commentary I Geneva convention. P. 86; Э. Давид. Указ. соч. — С. 433–434.

Начало действий Державы-покровительницы предполагает наличие двух, а иногда трех соглашений между заинтересованными государствами.

Государство, которое собираются выбрать в качестве Державы-покровительницы, не может взять на себя осуществление доверяемого ему мандата без согласия державы, по отношению к которой должна протекать его деятельность. Как правило, она даже старается заключить с этим государством официальный договор, гарантирующий для нее возможность удовлетворительно выполнить задачи, которые ей хотят доверить.

Согласно п. 4 ст. 5 Дополнительного протокола I, если «Держава-покровительница либо не назначена, либо не действует, стороны, находящиеся в конфликте, без промедления принимают предложение, которое может быть сделано Международным Комитетом Красного Креста или любой другой организацией, предоставляющей все гарантии беспристрастности и эффективности, действовать в качестве субститута после соответствующих консультаций с вышеупомянутыми сторонами и с учетом результатов этих консультаций».

Многие положения Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I 1977 г. закрепляют функции Державы-покровительницы. Так, в соответствии со статьями 62, 63, 66, 69, 75, 77, 120 и 122 III Женевской конвенции, статьями 83, 137 IV Женевской конвенции Держава-покровительница должна способствовать установлению связи между воюющими сторонами и отдельными лицами, находящимися по разные стороны линии фронта. Держава-покровительница может оказывать помощь покровительствуемым лицам (статьи 39, 98 IV Конвенции), а также должна выступать в роли ходатая за этих лиц в ходе судебного рассмотрения их дел (ст. 105 III Конвенции, статьи 71, 72 и 74 IV Конвенции, а также ст. 45 Дополнительного протокола I). Статья 126 III Женевской конвенции и ст. 143 IV Женевской конвенции, касающиеся посещения лагерей для военнопленных и гражданских интернированных, предполагают: свободу выбора мест для посещения; возможность беседовать с военнопленными и гражданскими интернированными без свидетелей; устранение любого ограничения этих посещений, кроме как в силу «настоятельной военной необходимости».

Как пишет Э. Давид, если эти предписания «и не надеются Державы-покровительницы и их субститутов... правом проведения расследования *post factum*, они все же разрешают им отчитываться о фактах, которые они констатировали, а значит, и некоторым образом их устанавливая»¹⁹.

С момента принятия Женевских конвенций 1949 г. институт Державы-покровительницы и ее субститута применялся крайне редко. Ф. Бюньон приводит пять таких случаев: во время кризиса в зоне Суэцкого канала 1956 г. между Египтом, с одной стороны, и Францией и Великобританией – с другой²⁰; во время франко-туниского конфликта в Бизерте в июле 1961 г.²¹; в ходе португало-индийского конфликта в Гоа

1961 г.²²; во время индо-пакистанского конфликта 1971 г.²³; во время конфликта между Аргентиной и Великобританией из-за Фолклендских (Мальвинских) островов 1982 г.²⁴

Однако источники, приводимые Ф. Бюньоном, позволяют утверждать, что соответствующие государства выполняли лишь представительство интересов сторон и не были назначены формально в качестве Держав-покровительниц в соответствии с положениями Конвенций, что приводит к смешению института Державы-покровительницы с институтом защиты интересов дипломатическим представительством. В отношении ситуации с Фолклендским конфликтом 1982 г. эту точку зрения подтверждает С. Жюно²⁵.

При этом Ф. Бюньон констатирует, что даже в этих пяти случаях Державы-покровительницы не всегда были в состоянии взять на себя выполнение всех предусмотренных конвенциями задач и выполнять свои функции в интересах всех воюющих сторон²⁶. Аналогичную позицию выражает и М. Сагер²⁷.

В большинстве из перечисленных выше конфликтов, по справедливому замечанию Э. Давида, именно МККК «осуществлял большинство гуманитарных функций, отводимых обычно Державам-покровительницам»²⁸.

Изложенное позволяет сделать вывод, что международно-правовая практика не знает случаев применения института Державы-покровительницы после Второй мировой войны.

Справочное бюро по делам военнопленных и Центральное справочное агентство. Статья 122 III Женевской конвенции и ст. 136 IV Женевской конвенции устанавливают, что с самого начала конфликта и во всех случаях оккупации каждая из сторон конфликта учреждает Справочное бюро по делам военнопленных, находящихся в ее власти. Каждая из сторон конфликта в кратчайший срок обязана сообщить Бюро сведения о всех случаях перемещения, освобождения, репатриации, побегов, госпитализации, смерти попавшего в ее власть неприятеля.

В отличие от справочных бюро, формируемых на территории участвующих в вооруженном конфликте сторон, Центральное справочное агентство по делам военнопленных учреждается «в нейтральной стране» (абз. 1 ст. 123 III Женевской конвенции, ст. 140 IV Женевской конвенции). В то же время Конвенция предоставила право МККК предлагать заинтересованным государствам организовать подобное агентство в случае, если он сочтет это необходимым.

Указанную выше статью Конвенции следует понимать таким образом: в случае возникновения ситуации международного вооруженного конфликта Центральное агентство создается в обязательном порядке, и МККК может предложить помощь в его создании, если сочтет это необходимым.

19 Э. Давид. Указ. соч. — С. 436.

20 Швейцария представляла интересы Великобритании и Франции в Египте, а Индия была уполномочена представлять интересы Египта в указанных странах. Однако ни одна из Держав-покровительниц не представляла ни интересы Египта в Израиле, ни Израиля в Египте. См.: Keesing' contemporary archives of world events. 1956. P. 15181. Здесь и далее: Ф. Бюньон. Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны. — М., 2005. — С. 1156—1157.

21 Швеция обеспечивала защиту туниских интересов во Франции, Швейцария обеспечивала представительство интересов Франции в Тунисе. См.: Keesing' contemporary archives of world events, 1961. — P. 18343A.

22 Объединенная Арабская Республика защищала интересы Индии в Португалии, а Бразилия защищала португальские интересы в Индии после разрыва дипломатических отношений в 1955 г. См.: Keesing' contemporary archives of world events, 1961. — P. 18635B.

23 Оба государства назначили в качестве державы-покровительницы Швейцарию, хотя в отношениях между Пакистаном и Бангладеш она выполняла только миссию добрых услуг. См.: Keesing' contemporary archives of world events, 1972. — P. 25054A.

24 Бюньон Ф. Указ. соч. — С. 1157.

25 Junod S. Protection of the victims of armed conflict Falkland-Malvinas Islands, 1982: International humanitarian law and humanitarian action. — Geneva, 1984. — P. 20—21.

26 См.: Бюньон Ф. Указ. соч. — С. 1156.

27 См.: Сагер М. Контрольные механизмы в международном гуманитарном праве // Советский журнал международного права. — 1991. — № 3—4. — С. 31.

28 Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. — М., 2000. — С. 435.

Стороны конфликта не обязаны принимать его предложение только при условии, что они договорились между собой о том, чтобы поручить создание Агентства другой организации или государству. В противном же случае стороны обязаны принять предложение МККК.

Окончание международного вооруженного конфликта. Соответствующие нормы Женевских конвенций и Дополнительного протокола I прекращают применяться по завершении международного вооруженного конфликта. Однако это вовсе не означает, что они прекращают свое действие именно по окончании боевых действий. Некоторые положения могут по-прежнему регулировать ситуации, явившиеся следствием конфликта.

Статья 6 IV Женевской конвенции и п. «б» ст. 3 Дополнительного протокола I закрепляют, что применение данных соглашений прекращается «после общего окончания военных действий». Обычно, как отмечается в комментариях к Конвенциям, речь может идти о т.н. «последнем залпе» или о заключении перемирия, подписании акта о капитуляции или подчинении (дебелляция)²⁹. Однако для ситуации международного вооруженного конфликта не является характерным его завершение подписанием последних двух актов, поскольку таковые связаны исключительно с наличием состояния войны между противоборствующими сторонами.

Практика показывает, что основной формой окончания международного вооруженного конфликта является соглашение об общем перемирии. Причем наименование такого соглашения может быть различным (соглашение об общем перемирии, соглашение о прекращении огня, соглашение о прекращении военных действий и т.п.), что никоим образом не влияет на юридическую силу и значимость документа.

Обычно в рамках заключаемого соглашения стороны могут рассмотреть вопрос об установлении демаркационной линии с целью разграничения дислокации военных подразделений. Так, 20 февраля 1964 г. по окончании алжиро-марокканского пограничного конфликта 1963 г., было заключено Соглашение об отводе войск на позиции, занимаемые ими до начала конфликта, и о создании демилитаризованной зоны, что означало соблюдение принципа статус-кво³⁰.

Аналогичный пункт изложен в ст. 3 иордано-израильского Общего соглашения о прекращении огня от 3 апреля 1949 г., которая гласит: «Никакое подразделение наземных или военно-воздушных сил любой страны не должно пересекать линии или позиции, занимаемые в данный момент передовыми подразделениями ее наземных войск»³¹.

Женевские соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме от 20 июля 1954 г. определили демаркационную линию, проходящую вдоль 17-й параллели. Согласно ч. 1 ст. 1 Соглашения на север от линии отводились подразделения вьетнамской армии, а на юг – вооруженные силы Франции³².

В целом, определение демаркационной линии, хотя и присутствует в большинстве аналогичных соглашений, все

же является факультативным условием при решении возникающих в связи с прекращением боевых действий вопросов. Отсюда представляется верным положение Соглашения о перемирии между Египтом и Израилем от 24 февраля 1949 г., в соответствии с которым «основным назначением демаркационной линии перемирия является установление черты, за которую вооруженные силы сторон не имеют права переходить»³³.

Подобные соглашения могут заключаться как от имени глав государств и правительств, так и главнокомандующими вооруженных сил сторон, примером чему является Соглашение между Главнокомандующим вооруженными силами ООН, с одной стороны, и Верховным командующим Корейской народной армии и Командующим китайскими народными добровольцами, с другой стороны, о военном перемирии в Корее от 27 июля 1953 г.³⁴

С целью ослабления напряженности между воюющими сторонами при установлении демаркационной линии могут формироваться демилитаризованные зоны. Как правило, назначением таких зон является способствовать «предотвращению инцидентов, могущих привести к возобновлению боевых действий». Основным условием для эффективного действия зоны является полный вывод войск на установленное расстояние к определенному периоду времени. По истечении указанного периода любой доступ вооруженных сил в зону квалифицируется как нарушение условий перемирия³⁵. К примеру, Соглашение о военном перемирии в Корее установило срок в 72 часа для вывода войск, а также 45 дней для создания безопасных путей в демилитаризованную зону, снятия минных полей, проволочных заграждений и других препятствий.

Как верно отметил Э. Давид, еще одним из примеров продолжения действия норм Конвенций и Протоколов являются случаи применения мин и их ликвидации. Мины, «установленные во время конфликта и способные поражать людей после окончания боев, является своего рода военной операцией и к ним по-прежнему применяются положения Конвенции»³⁶. Так, Комиссия по репарациям ООН, созданная в связи с иракско-кувейтским конфликтом 1991 г.³⁷, решила, что лица, подорвавшиеся на минах после 2 марта 1991 г., то есть после официального прекращения боевых действий, вправе требовать возмещения ущерба³⁸.

Относительно оккупированных территорий ст. 6 IV Женевской конвенции о защите гражданского населения предусматривает, что применение Конвенции на оккупированной территории прекращается через год после общего окончания военных действий, за исключением отдельных положений, касающихся защиты населения и интернированных лиц.

29 См.: Commentary to the Geneva conventions. — P. 69.

30 См.: Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. — М., 1999. — С. 150; Helen Charap Metz, ed. Algeria: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1994 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://countrystudies.us/algeria/> (дата обращения: 16.07.2012).

31 Jordanian-Israeli General Armistice Agreement. April 3, 1949 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/arm03.asp (дата обращения: 17.07.2012).

32 Agreement on the Cessation of Hostilities in Viet-Nam. July 20, 1954 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/incho01.asp (дата обращения: 17.07.2012).

33 Israel-Egypt Armistice Agreement of 24 February 1949 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.il/MFA/Foreign+Relations/Israels+Foreign+Relations+since+1947/1947-1974/Israel-Egypt+Armistice+Agreement.htm> (дата обращения: 17.07.2012).

34 Agreement between the Commander-in-chief, United Nations command on the one hand, and the Supreme commander of the Korean peoples army and the Commander of the Chinese people's volunteers, on the other hand, concerning a military armistice in Korea. 27 JUNE 1953 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=85&page=transcript> (дата обращения: 10.03.2013).

35 См.: Алешин В. В. Международное право вооруженных конфликтов. — М., 2007. — С. 98.

36 Э. Давид. Указ. соч. — С. 178.

37 См.: резолюция 687 СБ ООН от 3 апреля 1991 года. Документ ООН S/Res 687.

38 См.: Документ ООН S/Ac.26/1994/1; Э. Давид. Указ. соч. — С. 179.

Пунктом «б» ст. 3 Дополнительного протокола I годовой срок был отменен: «Применение Конвенций и настоящего Протокола на территории сторон, находящихся в конфликте, прекращается с общим прекращением военных действий, а на оккупированной территории — по прекращении оккупации».

Репатриация военнопленных. Согласно нормам Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I 1977 г. немедленно после окончания боевых действий военнопленные подлежат освобождению и репатриации, за исключением случаев их осуждения за иные общеуголовные преступления. Но до полного освобождения указанных лиц по отношению к ним применяются положения Конвенций и Протокола в части обращения с военнопленными. При этом необходимо учитывать, что репатриация военнопленных может быть произведена как до окончания боевых действий, так и после завершения международного вооруженного конфликта или же прекращения состояния войны.

Статья 118 III Женевской конвенции закрепила правило, согласно которому «военнопленные освобождаются и репатрируются тотчас же по прекращении военных действий». При отсутствии каких-либо постановлений по данному вопросу в соглашении о прекращении военных действий между сторонами конфликта, либо при отсутствии такого соглашения держащая в плену Держава сама составит и осуществит план репатриации, о чем обязательно должно быть сообщено военнопленным. Соответствующие расходы по репатриации будут распределены между сторонами следующим образом: 1) «если обе Державы граничат между собой, на Державу, за которой числятся военнопленные, будут возложены расходы по репатриации военнопленных, начиная от границы держащей в плену Державы»; 2) «если обе эти Державы не граничат между собой, на держащую в плену Державу будут возложены расходы по транспортировке военнопленных на ее территории до границы или до ближайшего к территории Державы, за которой они числятся, порта отправления» (абз. 5 ст. 118).

Заключение подобных соглашений не может служить оправданием задержки в репатриации военнопленных.

Примером репатриации до окончания боевых действий могут служить подписанные 11 февраля 1945 г. в ходе Крымской (Ялтинской) конференции соглашения между СССР и США и СССР и Великобританией относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками указанных государств. В соответствии со ст. 1 соглашений все советские граждане, а также подданные союзных государств «будут незамедлительно после их освобождения отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно до момента передачи их... властям в пунктах, согласованных между этими властями»³⁹.

Однако практика Второй мировой войны и последующих международных вооруженных конфликтов свидетельствует, что государства затягивали решение данного вопроса вплоть до заключения мирного договора или же двустороннего соглашения о прекращении боевых действий. Подтверждением данному тезису служат примеры репатриации немецких и японских военнопленных из СССР после окончания Второй мировой войны⁴⁰.

Несмотря на прогрессивный характер изложенных норм Конвенции, на практике часто возникали вопросы при ее толковании: как понимать выражение «прекращение военных действий», в частности, если они заканчиваются посредством заключения соглашения о перемирии или прекращении огня, которое в любой момент может быть нарушено противоборствующими сторонами? Должны ли в таком случае стороны освобождать военнопленных при наличии возможности вновь участвовать освобожденным военнопленным в боевых действиях? Каковы обязательства держащей в плену Державы в случае, если военнопленные начнут возражать против репатриации? Следует ли в этом случае использовать принуждение для возврата таких военнопленных на родину?

Последний вопрос наиболее остро возник в ходе иракско-кувейтского конфликта 1991 г. Многие иракские военнопленные, захваченные в ходе конфликта, возражали против того, чтобы об их пленении уведомили государство, гражданами которого они являются, или их родственников. Они дали согласие сообщить сведения о себе только после того, как получили заверения о том, что эти сведения не будут направлены в Ирак. В ходе конференции в г. Эр-Рияде 7 марта 1991 г. представители Ирака, Саудовской Аравии, Кувейта, США, Великобритании и Франции пришли к соглашению том, что о пленных, отказывающихся от репатриации, не будет направлено никаких уведомлений ни государству принадлежности, ни их близким⁴¹. Указанные лица были размещены в лагере Рафха⁴².

Юристы МККК считают, что репатриация военнопленных связана с фактическим окончанием боев. Следовательно, любое перемирие и прекращение боев на неопределенный срок влечет за собой обязательство освободить и репатриировать пленных. В отношении использования принуждения юристы МККК высказываются отрицательно, не допуская оказания какого-либо давления на военнопленных в случае их отказа от репатриации⁴³.

Стороны конфликта вправе для проведения операций по освобождению и репатриации пленных привлекать третью сторону, которой может выступать как государство, так и международная организация. Так, МККК принимал участие в таких операциях в ходе большинства международных вооруженных конфликтов, например, во время арабо-израильского конфликта 1967 г., конфликта между Сальвадором и Гондурасом 1969 г., индо-пакистанского конфликта 1971 г. (правда, в общей репатриации участия не принимал), ирано-иракского конфликта 1980–1988 гг. и др. Большая часть этих операций была осуществлена под эгидой МККК, на котором лежала ответственность за их проведение, он же предоставлял, полностью или частично, материально-технические средства и в большинстве случаев брал на себя координацию операций⁴⁴.

www.hrono.info/statii/2009/hlbstv_kgb.php (дата обращения: 9.04.2013); НКСГ-50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва-Красногорск, 7–9 сентября 1993 г. — Красногорск, 1994. — С. 101.; См.: Хавкин Борис. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. — 2006. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Chavkin06.pdf> (дата обращения: 9.04.2013); Касатонова Е. Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. — М., 2005. — С. 180–182.

41 Бюньон Ф. Указ. соч. — С. 747.

42 См.: ICRC. Rapport d'activite. — 1991. — P. 102.

43 Бюньон Ф. Указ. соч. — С. 916.

44 Там же. — С. 939.

39 Соглашения между союзными государствами по делам военнопленных и гражданских лиц этих государств // Известия. 14.02.1945; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. — М., 1996. — С. 516.

40 См.: Реабилитация: Как это было. Март 1953 — февраль 1956. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. — М., 2000. Данные приводятся по: Хлобустов О. М. Андропов: КГБ СССР. 1954–1991 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://>

«Вследствие того, что после окончания боевых действий в числе интернированных лиц находятся лица, задержанные во время международного вооруженного конфликта, Женевские конвенции (I, 5; III, 5; IV, 6) закрепляют, что их положения будут применяться к этим лицам до момента их окончательного освобождения и окончательной репатриации. Дополнительный протокол I (ст. 3b) провозглашает тот же принцип, но предусматривает и еще одну возможность: репатриирование этих лиц или их устройство в стране, которую они выберут. Например, несмотря на то, что американская интервенция в Панаме в декабре 1989 г. – январе 1990 г. длилась всего лишь несколько недель, захваченные в плен в результате конфликта и помещенные в тюрьму панамские военные, в частности глава государства генерал Норьега, против которого США заведено уголовное дело за контрабанду наркотиков, сохраняют статус военнопленных, и МККК настаивает на своем праве их посещать в соответствии со ст. 126 Женевской конвенции III⁴⁵.

Таким образом, изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы: при международном вооруженном конфликте, в отличие от случаев объявления состояния войны, не происходит в обязательном порядке разрыва дипломатических и консульских отношений. Международно-правовой практике известны единичные случаи прекращения таких отношений. В основном речь идет о разрыве дипломатических отношений, но с сохранением консульских сношений. При этом международное право гарантирует даже в случае вооруженного конфликта обеспечение сохранности помещений, архивов дипломатических представительств и консульских учреждений, защиту интересов государства и его граждан. В случае необходимости каждое из противоборствующих сторон может поручить представительство своих интересов и интересов своих граждан третьему государству, приемлемому для государства пребывания.

Относительно влияния международного вооруженного конфликта на международные договоры следует отметить, что практикой выработано правило, согласно которому существование вооруженного конфликта не прекращает и не приостанавливает действие договоров между государствами – сторонами конфликта, а также между государством – стороной конфликта и третьим государством, не участвующим в нем.

Для того чтобы прекратить действие того или иного международного договора либо выйти из него, должны быть приняты во внимание такие факторы, как характер договора, его цель, а также масштаб, степень интенсивности конфликта и пр. В тоже время прекращение договора или выход из него не затрагивает выполнение государством международного обязательства, содержащегося в международном договоре, в соответствии с иными нормами международного права.

В ходе международного вооруженного конфликта каждая из сторон может обратиться к третьему государству с просьбой о защите своих интересов и интересов граждан. Такой институт получил название института Державы-покровительницы. Начало действий Державы-покровительницы предполагает наличие двух, а иногда трех соглашений между заинтересованными государствами.

Она действует по поручению и, как правило, может основываться лишь на правах, принадлежащих тому государству, которое она представляет. Международно-правовая практика знает единичные случаи применения института Державы-покровительницы после Второй мировой войны.

С момента начала международного вооруженного конфликта стороны учреждают каждый в пределах своей территории Справочные бюро по делам военнопленных, основной задачей которых является сбор сведений о случаях перемещения, освобождения, госпитализации и репатриации военнопленного, попавшего во власть неприятельской стороны. Центральное справочное агентство по делам военнопленных учреждается в нейтральной стране и концентрирует все сведения о военнопленных, которые оно может получить как официальным, так и частным путем.

Как в мирное время, так и с началом боевых действий стороны, находящиеся в конфликте, посредством специального соглашения создают безопасные зоны в целях ограждения жертв вооруженного конфликта.

В отличие от форм прекращения состояния войны, непосредственные боевые действия завершаются подписанием соглашения о перемирии или же соглашения о прекращении огня. Однако нормы Женевских конвенций и Дополнительного протокола I прекращают свое применение после завершения оккупации и разрешения всех вопросов, связанных с возвращением интернированных лиц стороне конфликта.

45 См.: CICR. Rapport d'activite. – 1992. – P. 130.

Савченко С. А.

ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОРМ И ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Перед наукой и практикой стоит актуальная проблема механизма взаимодействия международного и национального права. Представляется возможным современное определение универсальных процедур и условий такого взаимодействия. В работе отражены авторские точки зрения на применение норм и принципов международного права во внутрисударственной сфере.

Ключевые слова: принципы права, приоритет закона, правовые системы, международные стандарты, трансформация норм права.

Savchenko S. A.

INTERACTING PROCESS OF RULES AND PRINCIPLES IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

One of the urgent issues of the present day science and practice is a mechanism of interaction between the international and national law. It seems possible to give a modern definition for some universal procedures and provisions of such cooperation. The article presents the author's standpoint on application of rules and principles of the international law within the internal affairs.

Keywords: law principles, priority of law, legal systems, international standards, transformation of rules of law.

Савченко С. А.

Конституционное право впервые после принятия Конституции России 1993 г. формируется под воздействием международно-правовых институтов. Возникло множество общественных отношений, которые подлежат совместному регулированию нормами международного и внутрисударственного права. Правовой основой этого служит ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой составной частью правовой системы являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. При коллизиях между нормами национального законодательства и нормами международных договоров применяются последние.

Конституции зарубежных стран по-разному регулируют этот важнейший вопрос иерархии законодательства. В некоторых государствах (Бельгия, Нидерланды) заключенные ими международные договоры имеют верховенство над национальным правом, включая конституцию. В других (Греция, Кипр, Португалия) признается верховенство международных договоров над законами страны, как предшествующими присоединению к договору, так и последующими. В третьих странах (Австрия, Венгрия) международные договоры приравниваются по силе к закону. В четвертых странах – признается верховенство лишь некоторых видов международных договоров, например, касающихся прав и свобод граждан¹.

Конституция России признает приоритет международных договоров Российской Федерации (ратифицированных и вступивших в силу) над законами страны при правоприменении (ч. 4 ст. 15). В связи с этим важное значение имеет положение ст. 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», согласно которому, если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для России возможно в форме федерального закона только после внесения соот-

ветствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке. При этом Конституционный Суд РФ может использовать по инициативе правомочных субъектов полномочие проверять конституционность как не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров, так и, в определенных пределах, федеральных законов о ратификации международных договоров².

Названная конституционная норма, определив составляющие правовой системы России, дала новое направление в развитии конституционного процесса, поставив перед наукой и практикой актуальную проблему механизма взаимодействия международного и национального права. В правоприменительном процессе он представляет собой согласованное взаимодействие двух систем, направленных на урегулирование одних и тех же отношений. Тем самым существенно расширяется само понятие конституционного процесса, включающее регулирование правовых процедур, позволяющих гарантировать взаимодействие норм международного и национального законодательства в целях формирования единой непротиворечивой правовой системы. Представляется возможным определить эту часть как конституционный субстантивный процесс, определяющий универсальные процедуры и условия взаимодействия международных и национальных институтов.

Лауреат Нобелевской премии Ф. А. Хайек полагает, что «конституция должна полностью состоять из организационных правил и касаться материального (субстантивного) права в смысле универсальных правил справедливого поведения лишь путем установления самых общих атрибутов этого права, тем самым, вручая правительству полномочия прибегать к принуждению для его соблюдения.

Но хотя Конституция и должна определить, что относится к субстантивному праву, распределяя в заданных пределах власть между различными частями учреждаемой ею организации, детальное развитие субстантивного права она оставля-

1 См. подробнее: Экономидес К. Взаимоотношения между международным правом и внутренним законодательством. Изд. Совета Европы, 1994. – С. 14–16.

2 См.: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М., 2006. – С. 518.

ет законодателям и судебной практике. Конституция представляет собой своего рода надстройку, защищающую закон и гарантирующую непрерывный процесс его развития. Она также предотвращает смешение двух функций власти: обязанности следить за соблюдением правил, на которых зиждется естественный порядок общества, и обязанности использовать находящиеся в распоряжении власти материальные средства для предоставления некоторых услуг индивидам и группам»³.

Эти процедуры осуществляются в рамках правовой деятельности, состоящей в разработке и принятии нормативных актов, а также их исполнении с учетом требований международного и национального права в РФ. Данную задачу выполняют законодательные, исполнительные, контрольные и правоохранительные органы государства. В частности, в этом процессе участвуют Федеральное Собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ, Министерство иностранных дел РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, иные судебные органы и органы субъектов РФ.

В условиях федеративного государства действие норм международного права обеспечивается двумя путями: а) напрямую «по цепочке» федеральных органов, когда министерства и ведомства обеспечивают их выполнение через свои подчиненные структуры и инстанции; б) на уровне субъектов Российской Федерации, когда их органы государственной власти обеспечивают их выполнение в рамках своей компетенции. Отсюда вытекает необходимость существования двух уровней правового регулирования обеспечения действия норм международного права: федерального и субъектов Федерации.

Субъекты Федерации в порядке реализации конституционного положения (п. «о.» ст. 72 Конституции РФ) по предметам совместного ведения с Россией «выполнение международных договоров Российской Федерации» предусматривают в своем законодательстве соответствующие нормы. Этот вопрос регулируется прежде всего в конституциях (уставах) субъектов. Однако «основные законы» субъектов идут дальше, упоминая и общепризнанные принципы и нормы международного права.

В конституциях и уставах субъектов Российской Федерации отражается вопрос выполнения международных обязательств России: гражданам гарантируются права и свободы в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права, гарантируются права малочисленных и коренных народов согласно общепризнанным нормам и международным договорам, граждане вправе иметь двойное гражданство на основе международных договоров РФ, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ⁴.

Отдельно в юридической литературе обсуждается самостоятельный аспект – выполнение собственных соглашений с иностранными государствами и членами федераций зарубежных стран. Практически все уставы и конституции субъектов РФ предусматривают право соответствующего субъекта быть самостоятельным участником международных связей, заключать международные договоры и соглашения.

В ряде уставов и конституций отражается положение, что собственные международные соглашения являются составной частью правовой системы субъекта РФ, следовательно, подлежат такой же защите и выполнению, как и собственные законы (например, в Тюменской области, в Нижегородской области, в Республике Башкортостан и др.) приняты специальные законы о заключении, выполнении и прекращении международных соглашений⁵.

Региональные законы «обходят молчанием» органы местного самоуправления в вопросе выполнения международных договоров Российской Федерации. Законы и иные нормативные акты, устанавливающие правовой режим в той или иной сфере, закрепляют и соответствующие полномочия органов местного самоуправления. Кроме этого, они нередко содержат отсылочные нормы к международному праву или нормы о приоритете договоров, которые, безусловно, напрямую «связывают» и данные органы. Органы местного самоуправления не обязаны ожидать определенных указаний или ориентиров от государственных органов или региональной власти. Принимая местные нормативные акты, они должны вписать их не только в федеральное законодательство, но и в законодательство соответствующего субъекта РФ⁶.

Рассмотрим подробнее первую группу процедур адаптации международных принципов и норм для их применения во внутригосударственных отношениях.

Международное право закрепляет и раскрывает содержание принципа добросовестного выполнения международных обязательств, а внутригосударственное право обеспечивает его реализацию на внутригосударственном уровне.

Существует две точки зрения: одни ученые допускают непосредственное применение международного права в федеративных государствах, другие утверждают, что международное право, нормы международных договоров не могут применяться компетентными органами, если они не инкорпорированы или не трансформированы в национальное право. В отечественной международно-правовой доктрине были выдвинуты две теории приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка: теория трансформации и теория имплементации, отличающиеся друг от друга.

Суть трансформации состоит в том, что применение норм международного права в рамках внутреннего правопорядка какого-либо государства возможна только в случае придания этим международно-правовым нормам силы национального закона посредством издания внутригосударственного правового акта.

Механизм имплементации международно-правовых норм включает в себя определенную совокупность правовых и институциональных средств, используемых субъектами международного права на международном и национальном уровнях с целью реализации предписаний норм международного права. Механизм должен включать организационные и правовые формы деятельности соответствующих органов государства по осуществлению правотворчества и правоприменения⁷.

Термин «имплементация» ассоциируется с реализацией права, с деятельностью, представляющей собой его осуществ-

3 Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева / Под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – С. 443.

4 См.: Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1998. – С. 128–129.

5 См.: Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1998. – С.130.

6 Там же. – С. 131.

7 См.: Волова Л. И. Международные договоры в правовых системах федеративных государств. – Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2004.

вление. Когда говорят о национально-правовой имплементации международного права, речь идет именно об осуществлении международного права⁸.

Принципы международного права – это нормы международного права, имеющие обязательный характер для субъектов⁹. По мнению Н. А. Ушакова, «основные принципы международного права – это такие нормы общего характера, в соответствии с которыми должны устанавливаться все остальные его нормы»¹⁰.

Основные международные принципы зафиксированы в Уставе ООН, а также в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.

Проявляется тенденция, предопределяемая Конституцией, направленная на адаптацию общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему. Этим целям служит полномочие Конституционного Суда проверять конституционность не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции). Без признания такого международного договора конституционным не может быть завершена процедура вступления его в силу для Российской Федерации. Противоречащие Конституции РФ международные договоры либо их отдельные положения не подлежат введению в действие и применению.

Особая роль в решении этого вопроса отводится Конституционному Суду Российской Федерации, который в процессе судебного конституционного контроля правомочен разъяснять вопрос о том, какие нормы международных договоров необходимо применять и в каких случаях.

Органы *судебной власти* также должны принимать активное участие в реализации международных обязательств России, способствовать их соблюдению и препятствовать их нарушению. Все виды судов обязаны при необходимости применять в своей деятельности нормы международного права. Конституция РФ, отнеся международные договоры к правовой системе РФ, сделала это возможным, но, как показывает практика, суды редко применяют международное право в своей деятельности.

Судам отводится особая роль в толковании норм международного права. В деятельности суда сталкиваются предписания двух систем права. Как часть механизма взаимодействия международного и национального права, суд должен применять нормы международного права в контексте национальной правовой системы в соответствии с ее целями и принципами, а также процессуальными нормами. Для того чтобы верно применить норму международного права, ее следует должным образом истолковать. В случае толкования норм международного права суд адаптирует нормы *одной правовой системы к условиям и отношениям, регулируемым обычно нормами другой правовой системы*.

Примером является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных

договоров Российской Федерации», в котором указывается, что толкование судом международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (Раздел 3, статьи 31–33).

Кроме того, судьи могут обращаться за разъяснением в Правовой департамент МИД РФ, в Министерство юстиции РФ¹¹.

Таким образом, *согласованное взаимодействие двух систем международного и национального права объективно обуславливает расширение конституционного права путем включения правовых процедур, позволяющих сформировать единую непротиворечивую правовую систему. Конституционный субстантивный процесс* определяет эти универсальные процедуры и условия взаимодействия международных и национальных институтов.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.
2. Волова Л. И. Международные договоры в правовых системах федеративных государств. – Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2004.
3. Гавердовский А. С. Имплементация норм международного права. – Киев: Вища школа, 1980.
4. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М., 2006.
5. Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1998.
6. Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1998.
7. Ушаков Н. А. Международное право: Основные термины и понятия. – М., 1996.
8. Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева / Под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006.
9. Экономидес К. Взаимоотношения между международным правом и внутренним законодательством. Изд. Совета Европы, 1994.

8 См.: Гавердовский А. С. Имплементация норм международного права. – Киев: Вища школа, 1980. – С. 62.

9 См.: Там же. – С. 27.

10 См.: Ушаков Н. А. Международное право: Основные термины и понятия. – М., 1996. – С. 7.

11 Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

Повалов К. А.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУДА ПО СЬЕРРА-ЛЕОНЕ: РОЛЬ НПО

В статье рассматривается история учреждения Специального суда по Сьерра-Леоне, отмечается особая роль национальных и международных НПО в этом процессе.

Ключевые слова: международное уголовное право, международное гуманитарное право, гибридные трибуналы, Сьерра-Леоне.

Povalov K. A.

HISTORY OF THE SPECIAL COURT FOR SIERRA LEONE: THE ROLE OF NGOS

The article examines the history of establishment of the Special Court for Sierra Leone. The author points out the special role of national and international NGOs in this process.

Keywords: international criminal law, international humanitarian law, hybrid tribunals, Sierra Leone.

Повалов К. А.

За последние 25 лет произошел небывалый рост количества международных судов. Это явление в правовой доктрине получило наименование «пролиферация»¹. Даже в текущем 2015 г. были призывы к учреждению Трибунала по крушению Boeing над территорией Украины (проф. А. Х. Абашидзе и проф. А. А. Клишас выступили с резкой критикой этой идеи²) и Специального смешанного трибунала в Шри-Ланке в связи с затянувшейся гражданской войной³. Роль международного сообщества в последние годы резко изменилась относительно создания и осуществления эффективных процессов по привлечению к ответственности индивидов за совершенные международные преступления. В рамках настоящей статьи производится попытка обозначить роль и ожидания международного и национального гражданского общества в отношении деятельности Специального суда по Сьерра-Леоне.

В западноафриканском государстве Сьерра-Леоне в период с 1991 г. по 2002 г. между силами правительства и Объединённого революционного фронта (ОРФ) бушевала гражданская война. В течение 11 лет не раз менялось правительство страны, в неё вводились военные контингенты других государств, миротворцы ООН, появлялись новые повстанческие группировки. По итогам мирного договора главой страны стал ставленник центра *Ахмед Кабба*, а представители мятежников получили 4 министерских кресла и амнистию по всем правонарушениям, кроме международных преступлений. Во время войны были отмечены многочисленные случаи крайней жестокости по отношению к мирным жителям, в основном со стороны ОРФ.

В 2000 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1315 об организации Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ). Суд заседает во Фритауне, дополнительные офисы находятся также в Гааге и Нью-Йорке⁴.

Однако идея создания СССР пришла не сразу. До 2000 г. главным официальным ответом на преступления, совершенные во время конфликта в Сьерра-Леоне, было создание Комиссии по установлению истины и примирения, которая была наделена мандатом Ломейским мирным соглашением (Ломейским соглашением) от 7 июля 1999 г.⁵ (ст. 6 и ст. 26). Для многих – в том числе и для правительства Сьерра-Леоне во главе с президентом *Ахмадом Теджан Кабба* это казалось прагматичным решением. Всего за шесть месяцев до Ломейского соглашения ОРФ и участвовавшему в мятеже Революционному совету вооружённых сил (РСВС) удалось захватить Фритаун и все были сосредоточены на том, как положить конец конфликту и убийствам и восстановить мир. Стремление создать международный уголовный трибунал было небольшим в первую очередь из-за значительных затрат на Международные трибуналы по бывшей Югославии (МТБЮ) и Руанде (МТР), а также из-за опасений, что разговоры о создании такого трибунала будут препятствовать приходу мятежников к столу переговоров, если не поощрять их на еще большие ужасы, чем уже зафиксированные в течение предыдущих лет. Даже те, кто выступал за привлечение к ответственности за совершенные преступления, в то время не были готовы к ускорению этого процесса, по крайней мере, не за счет дальнейшего кровопролития.

В самой Сьерра-Леоне гражданское общество, не говоря уже о правительстве и обществе в целом, несколько разделилось. Были те, кто в полной мере поддерживал Комиссию по установлению истины и примирения как средство для прекращения насилия и восстановления мира. Тем не менее были и те, кто считал, что, хотя Комиссия была полезна и необходима в стремлении примирить страну, ее было недостаточно ни для того, чтобы убедить лидера ОРФ *Фоду Санко* и других сложить оружие, ни для того, чтобы самостоятельно обеспечить ту справедливость, в которой нуждалась Сьерра-Леоне, чтобы преодолеть ужасные страдания, выпавшие на долю гражданского населения. Эти люди, несторонники Комиссии

1 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. — М: РУДН, 2012.

2 СФ: Нидерланды хотят обосновать продление санкций против России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150721/1140713329.html>

3 Новости ООН, 16.09.2015 г. «Представитель ООН предложил создать смешанный трибунал по Шри-Ланке» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24455#.Vf7OQxG8Pgc>

4 Марусин И. С. Специальный Суд по Сьерра-Леоне - новый орган международной уголовной юстиции // Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 145–156.

5 Peace Agreement between the Government of Sierra Leone and the Revolutionary United Front of Sierra Leone (Lome, 1999). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sierra-leone.org/lomeaccord.html>. Отметим, что проф. А. Б. Мезяев указывал, что Комиссия вполне смогла бы без Суда справиться с проблемой установления постконфликтного мира: О судебных процессах против глав государств [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/35445>.

по установлению истины и примирения, попытались убедить правительство не включать амнистию в Ломейское соглашение и предоставить возможность для уголовного преследования в будущем. В конечном счете, хотя эти аргументы и имели некоторый резонанс, в попытке обеспечить быстрый, но долгосрочный мир было принято решение сосредоточиться на работе Комиссии по установлению истины и примирения и обеспечить амнистию для всех участников конфликта.

К сожалению, те, кто опасался, что решения, принятые в июле 1999 г., не предотвратят дальнейшего насилия, оказались правы. Хотя боевые действия были приостановлены сразу же после подписания мирного соглашения и возвращения посредников в Сьерра-Леоне, вскоре вооруженный конфликт опять продолжился. На этот раз как в Сьерра-Леоне, так и в международном гражданском обществе голоса, требующие принять больше мер, становились все громче и сильнее⁶. Это продолжалось до июня 2000 г., когда правительство Сьерра-Леоне попросило помощи ООН в создании Специального суда для преследования в уголовном порядке ответственных за нарушения, совершенные в ходе конфликта в Сьерра-Леоне. Это привело к тому, что Совет Безопасности ООН рекомендовал Генеральному секретарю ООН заключить соглашение с правительством Сьерра-Леоне с той целью, чтобы начать процесс.

Гражданское общество Сьерра-Леоне и, в частности, те, кто во время переговоров о Ломейском мирном соглашении выступали против амнистии и за уголовную ответственность, в целом благосклонно восприняли новости о Резолюции Совета Безопасности ООН. Они с энтузиазмом откликнулись на запрос на консультации во время визита Управления по правовым вопросам ООН во Фритаун в сентябре 2000 г. в рамках первого раунда переговоров по соглашению об учреждении Специального суда. В то время было несколько пока еще нерешенных и спорных вопросов, и гражданское общество желало выразить свои взгляды на их счет. Эти вопросы, по поводу которых мнение гражданского общества разделилось, включали в себя временную юрисдикцию суда, которая, как многие считали, была, так сказать, «фритаун-центристской» и не учитывала некоторые из самых печально известных инцидентов, произошедших во время конфликта; исключение миротворцев из-под юрисдикции суда, учитывающая поведение некоторых войск Группы мониторинга Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКМОГ) и полное отсутствие ответственности за их действия; а также включение детей в возрасте старше пятнадцати лет в юрисдикцию суда⁷. Последний пункт был воспринят многими либо как нечто предложенное правительством Сьерра-Леоне (на чем оно настаивало)⁸, либо как что-то, что было учтено, потому что этого хотело гражданское общество в целом⁹. Тем не менее, это положение зародилось в ООН и уже было включено в первый проект Соглаше-

ния и Статута по Специальному суду, который был получен правительством Сьерра-Леоне и лег в основу первых переговоров между двумя сторонами еще до того, как ООН встретила с правительством или гражданским обществом во Фритауне во время первого визита в Сентябрь 2000 г.¹⁰

Все эти вопросы должны были быть вновь подняты гражданским обществом – и, иногда в настойчивой форме, правительством Сьерра-Леоне совместно с ООН (особенно это касается вопроса о временной юрисдикции суда)¹¹, – но единственным различием между первоначальным проектом и принятым в конечном итоге Соглашением и Статутом стал отказ от Палаты по делам несовершеннолетних, которая, как многие считали, принуждала бы Специальный суд в уголовном порядке преследовать людей, которым на момент предполагаемого совершения преступлений было младше восемнадцати лет, независимо от того, лежала ли на них главная ответственность за те преступления или нет. В конечном счете, гражданское общество и первый прокурор Специального суда поставили крест на этой идее, и ни один человек, которому на момент предполагаемого совершения преступления было меньше восемнадцати лет, ни разу не был представлен перед Специальным судом¹².

Сразу после принятия резолюции 1315 Совета Безопасности ООН от 10 августа 2000 г. международное сообщество быстро и благоприятно отреагировало на идею создания СССЛ. Несколько НПО выступили с заявлениями, приветствуя изменения, а также выражая свое мнение относительно того, что Суд должен представлять из себя и каким образом работать, в том числе, приводя в пример несколько уроков из опыта работы МТБЮ и МТР¹³. Стоит напомнить, что на тот момент Римский статут Международного уголовного суда был принят совсем недавно (в июле 1998 г.) и еще не вступил в силу, что делало политическую волю в пользу прекращения безнаказанности, по крайней мере на первый взгляд, более рискованной, чем сейчас. Кроме того, переговоры по учреждению Чрезвычайных судебных палат в Камбодже были сорваны, и многие опасались, что переговоры о соглашении по Специальному суду могут пойти тем же путем¹⁴, особенно учитывая продол-

6 См. Human Rights Watch, Sierra Leone: US Urged to Support Criminal Tribunal (May 19, 2000) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrw.org/news/2000/05/19/sierra-leone-us-urged-support-criminal-tribunal> (last visited Apr. 8, 2012)

7 См. Nicol-Wilson M. Accountability for Human Rights Abuses — The United Nations' Special Court for Sierra Leone // Australian International Law Journal. № 159. 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/AUIntLawJl/2001/8.pdf>.

8 Sieff M. A “Special Court” for Sierra Leone’s War Crimes (2001) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.globalpolicy.org/component/content/article/203-sierra-leone/39438.html (дата обращения: 01.09.2015).

9 Rep. of the Secretary-General on the Establishment of a Special Court for Sierra Leone, U.N. Doc. 8/ 2000/ 195, at 35 (Oct. 4, 2000).

10 Smith A. A Response to a “Special Court” for Sierra Leone’s War Crimes (2001) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.globalpolicy.org/component/content/article/203/39439.html (дата обращения: 01.09.2015).

11 11th Rep. of the Secretary-General on the United Nations Mission in Sierra Leone, U.N. Doc. 8/ 2001/ 857, at 48 (Sept. 7, 2001).

12 Данное решение подверглось критике, см., например: Romero A. J. The Special Court for Sierra Leone and the Juvenile Soldier Dilemma // Northwestern Journal of International Human Rights. — 2004. — Vol. 2. — № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njihr/vol2/iss1/8> (дата обращения: 01.09.2015).

13 См. Human Rights Watch, U.N. Action on Sierra Leone Court Welcomed (Aug. 15, 2000) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrw.org/news/2000/08/14/un-action-sierra-leone-court-welcomed> (дата обращения: 01.09.2015).

14 Для описания сложностей, возникших во время переговоров по соглашению об учреждении Чрезвычайных судебных палат в Камбодже см. Shraga D. The Second Generation of UN-Based Tribunals: A Diversity of Mixed Jurisdictions // Internationalized Criminal Courts: Sierra Leone, East Timor, Kosovo, and Cambodia / ed. by Cesare P.R. Romano, André Nollkaemper, and Jann K. Kleffner. — Oxford, 2004. — P. 15; Ложников И. С. О проекте соглашения между ООН и правительством Камбоджи о преследовании за преступления, совершенные в период демократической Кампучии // Международное

жающиеся боевые действия в Сьерра-Леоне и беспокойства, что справедливость станет препятствием на пути к прекращению конфликта. Были также опасения по поводу того, как Специальный суд будет взаимодействовать с Комиссией по установлению истины и примирения или какое влияние это окажет на создание Комиссии, которое еще только должно было состояться, несмотря на постановление, выпущенное в предыдущем году¹⁵. Более того, многие организации¹⁶, а также лично Генеральный секретарь ООН и правительство Сьерра-Леоне выразили озабоченность в отношении механизма добровольного финансирования, на котором настаивал Совет Безопасности ООН, по-видимому, в ответ на огромные бесконечные расходы на МТБЮ и МТР¹⁷.

Другая реакция гражданского общества на информацию, что Соглашение по Специальному суду вскоре должно быть заключено, пришла более неординарным способом, а именно прикомандированием юристов с целью помочь правительству Сьерра-Леоне в ходе переговоров¹⁸.

В 1998 г. международная НПО «Нет мира без справедливости» (НМБС) начала свою «Программу судебной помощи» на Дипломатической конференции в Риме по Международному уголовному суду. Программа была разработана с целью обеспечить небольшие делегации технической помощью в проведении переговоров путем направления к ним юридических советников как для распространения юридических знаний, так и для того, чтобы дать делегациям возможность участвовать в нескольких дискуссиях, которые проходили одновременно. Предоставленные организацией делегациям на безвозмездной основе прикомандированные юридические советники получили инструкции и предоставили отчетность руководителям своих делегаций. За шесть недель конференции туда было откомандировано тридцать четыре юридических советника, и по просьбе нескольких делегаций НМБС продолжила командировать юрисконсультов для подготовительных комитетов, которые работали над «Элементам преступлений» и «Правилами процедуры и доказывания» Международного уголовного суда.

Будучи одной из делегаций, принимающих прикомандированных юридических советников, в Сьерра-Леоне уже знали о поддержке, которую страны, испытывающие нехватку технических знаний и человеческих ресурсов, могли получить

от «Программы судебной помощи». Таким образом, когда появилась вероятность, что переговоры по СССЛ продолжатся, Сьерра-Леоне попросила НМБП расширить свою «Программу судебной помощи» путем направления штатного советника в Миссию в Нью-Йорк и двух советников в Управление Генерального прокурора и Министра юстиции во Фритаун¹⁹. Советники начали работу в августе 2000 г. и продолжали службу в этом качестве до конца 2003 г., таким образом, курируя все переговоры с ООН, включая переговоры по Миссии по планированию Специального суда в январе 2002 г., в течение которой было подписано Соглашение об учреждении Специального суда, переговоры о создании и начальных действиях Суда, а также переговоры по соглашению о штаб-квартире СССЛ.

Как и во время работы «Программы судебной помощи» в ходе переговоров по Международному уголовному суду, прикомандированные юридические советники принимали указания, подчинялись и отчитывались Заместителю постоянного представителя Сьерра-Леоне (посол *Аллиеу И. Кану*) в Нью-Йорке и Генеральному прокурору и Министру юстиции во Фритауне (*Соломон Е. Берева*). Тем не менее, несмотря на то, что юридические советники были интегрированы в государственные структуры, значительная роль в содействии активному участию Сьерра-Леоне в переговорах по Специальному суду, в подготовке почвы для создания Специального суда и взаимодействия со Специальным судом после его учреждения принадлежит инициативе гражданского общества.

В Сьерра-Леоне международное и национальное гражданское общество собралось в начале 2001 г., чтобы начать процесс подготовки к учреждению Специального суда. Это происходило на Конференции по привлечению к ответственности за нарушения международного гуманитарного права, организованной во Фритауне НМБС в Конференц-центре Лагунда 20–22 февраля 2001 г.²⁰ Эта Конференция собрала представителей власти и гражданского общества со всей страны с целью обсудить процессы отчетности Сьерра-Леоне и то, как участники хотели бы видеть их работу, включая Специальный суд, Комиссию по установлению истины и примирения и взаимодействие между этими учреждениями, а также то, как традиционное правосудие или суды обычного права могли бы быть интегрированы в эти механизмы или работать совместно с ними. Пять рабочих групп занимались вопросами, общими для всех механизмов: для международных трибуналов, комиссий по установлению истины и примирению и национальных судов. Целью этих сессий было определить суть проблем и разработать конкретные пути решения этих проблем, отталкиваясь от решений, принятых по отношению к другим механизмам. Работа пяти рабочих групп конференции охватывала вопросы ведения процесса и наказания; агитационных кампаний и прозрачности; документации и защитных мер; назначения судей и комиссаров, финансирования; высшего верховного руководства и традиционного правосудия, или судов обычного права.

Одно из ключевых нововведений инициативы гражданского общества заключалось в том, чтобы на Конференцию

публичное и частное право. — 2004. — № 5. — С. 38–42; Каюмова А. Р. Чрезвычайные судебные палаты Камбоджи в качестве трибунала с гибридной юрисдикцией // Современное право. — 2009. — № 2. — С. 113–116.

15 См. Amnesty International, Sierra Leone: Ending Impunity — An Opportunity Not to Be Missed (July 25, 2000) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/AFRS1/060/2000/en/60faeca4-de9a-udd-b378-99b26579b978/af-r510602000en.html> (дата обращения: 01.09.2015).

16 См. Amnesty International, The UN Security Council Must Make the Special Court Effective and Viable (Feb. 13, 2001) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/AFR51/001/2001/en/23646266-dc3d-11dd-a4f4-6f07ed3e68c6/af-r510012001en.html> (дата обращения: 01.09.2015).

17 Обсуждения стоимости международных судов и трибуналов по отношению к результатам их деятельности, см. Zacklin R. The Failings of Ad Hoc International Tribunals // Journal of International Criminal Justice. — Vol. 2. — Iss. 2. — P. 545.

18 Доклад НМБС о Миссии в Сьерра-Леоне (Октябрь 2000, июль и декабрь 2001) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.npwj.org/ICC/Sierra-Leone-Program.html> (дата обращения: 01.09.2015).

19 См. Sierra Leone Program [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.npwj.org/ICC/Sierra-Leone-Program.html> (дата обращения: 01.09.2015).

20 Доклад с Конференции во Фритауне по привлечению к ответственности за нарушения международного гуманитарного права в Сьерра-Леоне [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.npwj.org/sites/default/files/ressources/File/SLConferenceReportoor.pdf> (дата обращения: 01.09.2015).

приехали члены Совета Безопасности ООН, некоторые из которых впоследствии станут главными членами Комитета по управлению Специального суда. Целью привлечения членов Совета Безопасности было дать им возможность воочию увидеть потенциальные последствия решений, которые они принимали в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. До этого многие люди, связанные с принятием решений о Специальном суде, о том, как он должен функционировать и о его бюджете, не имели значительных знаний и опыта в области постконфликтных ситуаций в целом и в Сьерра-Леоне, в частности. Члены Совета Безопасности ООН собрались в Сьерра-Леоне, и благодаря участию в дискуссиях Конференции, в пленарном заседании и в ходе заседания рабочих групп, они получили представление о том, как на самом деле обстоят дела на местах.

Еще одним результатом Конференции была рекомендация гражданскому обществу Сьерра-Леоне принимать активное участие в подготовке к созданию суда и Комиссии по установлению истины и примирения. Участники конференции отметили, что существовала острая потребность в участии народа Сьерра-Леоне в работе различных механизмов ответственности. Они также согласились, что одним из способов достижения этого чувства причастности людей к процессу была реализация эффективной агитационной кампании по всей стране с целью проинформировать общественность о сущности и методах работы Комиссии и Специального суда. Опираясь на уроки, извлеченные из работы других механизмов, особенно МТБЮ, участники Конференции были уверены в том, что Специальный суд не будет испытывать тех же проблем физической отдаленности и недоступности, конечной бесполезности МТБЮ для людей из бывшей Югославии (что было очень очевидным в то время, так как президента Милошевича только должны были отправить в Гаагу) и политизации судебного процесса. Они также стремились обеспечить, чтобы Специальный суд и Комиссия были представлены для страны в виде комплексного процесса привлечения к ответственности, и выгодно использовать сильные стороны, которые каждый механизм может принести в общий процесс.

Следуя рекомендациям Конференции по привлечению к ответственности за нарушения международного гуманитарного права с марта по июнь 2001 г. НМБС организовала серию обучающих семинаров во Фритауне, предназначенных для гражданского общества, юристов, средств массовой информации и т. д.²¹ Эти семинары были разработаны для достижения следующих двух целей: во-первых, начать распространение информации о Специальном суде среди всех заинтересованных лиц и вовлечь их в процесс; во-вторых, выявить заинтересованных лиц и организации для формирования национальной коалиции, чтобы гражданское общество могло проводить агитационную кампанию Специального суда самостоятельно, а также подготовиться к работе со Специальным судом, когда он будет создан и начнет функционировать. На шестнадцать четырехчасовых семинаров было привлечено в общей сложности 313 участников, средняя посещаемость каждого семинара варьировалась от 15 до 20 человек. Участниками были представители самых разных организаций и учреждений, в том числе организаций по правам человека и организаций гражданского общества, журналисты и другие заинтересованные лица; проводились «специальные сессии», предназначенные для конкретных целевых групп, таких, как сотрудники и ко-

миссары Национальной комиссии по разоружению, демобилизации и реинтеграции (НКРДР), Комиссии по укреплению мира (КПК) и Национальной комиссии за демократию и права человека (НКДПЧ), ведущие журналисты и редакторы, представители бывших воюющих сторон и высшее верховное руководство.

Главным результатом этих семинаров, особенно первых тренингов в марте 2001 г., стало создание Рабочей группы по учреждению Специального суда (РГСС), что являлось еще одной ключевой рекомендацией Конференции по привлечению к ответственности за нарушения международного гуманитарного права. РГСС провела свое первое совещание 7 апреля 2001 г. Девятнадцать организаций собрались вместе в субботу утром, чтобы решить, как они будут осуществлять свою работу. Встречи Рабочей группы проводились один раз в две недели и число участников этих заседаний выросло в общей сложности до тридцати девяти членов на момент проведения выборов Национального исполнительного комитета РГСС.

С апреля по июнь 2001 г. РГСС осуществляла свою работу с помощью подгрупп²², ориентированных на разработку конкретных идей и методов агитации определенных целевых групп. Работа этих подгрупп раз в две недели принималась на пленарных заседаниях Рабочей группы. В течение этого времени и до выборов в июне 2001 г., а также официального учреждения РГСС в качестве национальной коалиции, работающей с целью осуществления правосудия и привлечения к ответственности, НМБС выступала в роли секретариата РГСС. После официального учреждения Рабочей группы, НМБС и РГСС продолжали выпускать агитационные материалы, а именно брошюру the Special Court Times, а также транслировать еженедельное радио-шоу «Special Court Hour» о Специальном суде и о вопросах ответственности за нарушения в целом. Программа выходила на радио «UNAMSIL», станции, управляемой Миссией ООН в Сьерра-Леоне. НМБС и РГСС также продолжали вести агитационную деятельность, направленную на конкретные целевые группы во Фритауне и других городах.

РГСС позже сменит свое название на Коалицию за справедливость и ответственность (КСО). Хотя в работе РГСС, а позднее КСО, были некоторые трудности, как коалиция так таковая²³ и КСО, и организации – члены первоначальной Рабочей группы в течение следующего десятилетия продолжали играть важную роль в стремлении распространить информацию о СССЛ, когда он уже был учрежден, а также в работе по более широким вопросам подотчетности, включая Меж-

22 Работа подгрупп была направлена на следующие сферы: дети; бывшие участники боевых действий; средства массовой информации; мирные граждане и организации гражданского общества; сотрудники органов правопорядка. Позднее была сформирована шестая подгруппа с целью изучения потенциальных источников финансирования и распределения бюджета на различные виды деятельности, планируемые каждой подгруппой и одобренные РГСС.

23 Основные трудности включали в себя противоречия между Рабочей группой Комиссии по установлению истины и примирения и Рабочей группой по учреждению Специального суда; проблемы в отношении финансирования работы коалиции и ее членов; сложности в работе Секретариата РГСС, функционирующего под руководством своих членов, а не в качестве отдельной организации, что часто вызывает проблемы для коалиций гражданского общества в целом.

21 Доклад НМБС о Миссии в Сьерра-Леоне (июль, декабрь 2001 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.npwj.org/ICC/Sierra-Leone-Program.html> (дата обращения: 01.09.2015).

дународный уголовный суд²⁴. Хотя попытки оценить все, что было сделано РГСС и КСО, начиная с 2001 г., выходят за рамки настоящей статьи, их существование и их своевременный и устойчивый интерес к работе СССЛ и к обеспечению его соответствия требованиям Сьерра-Леоне оказало положительное влияние на работу Суда и на создание Интерактивного форума Специального суда, учрежденного в ранние годы существования СССЛ²⁵.

В итоге Специальный суд по Сьерра-Леоне был официально учрежден 16 января 2002 г., когда Соглашение об его учреждении было подписано во Фритауне Хансом Кореллом, представителем ООН, и Соломоном Берева, представителем Республики Сьерра-Леоне. Первый прокурор Дэвид Крейн был назначен на должность 17 апреля 2002 г., а первый Секретарь суда, покойный Робин Винсент, — 10 июня 2002 г., что позволило Суду официально открыть свои двери 1 июля 2002 г. Председатели и основной персонал Суда появятся вскоре после этого²⁶. Реакция международного гражданского общества была несколько сдержанной, так как большинство организаций в начале года уже выступили с публичными заявлениями, приветствующими создание Суда и предоставляющими политические рекомендации о том, как суд должен осуществлять свою работу. Тем не менее ожидания относительно Суда и в международном, и в национальном гражданском обществе были очень высокими. В Сьерра-Леоне был предложен ряд инициатив с целью помочь предоставить гарантии, что Суд оправдает надежды и будет отвечать потребностям и интересам жителей Сьерра-Леоне.

В числе многих внешних проявлений обязательств СССЛ быть судом для жителей Сьерра-Леоне возникли первые проблемы, касающиеся Специального суда и юристов Сьерра-Леоне. Специальный суд изначально нанял на работу юристов из-за рубежа, в частности, тех, кто имел опыт работы и был экспертом в области международного гуманитарного и уголовного права. С практической точки зрения, это было логичным выбором, потому что, хоть юристы Сьерра-Леоне были (и являются) очень сильными и энергичными, большинству из них не хватало навыков и экспертных знаний в области международного права в целом и процессуального международного уголовного права в частности. Тем не менее, тот факт, что несколько адвокатов Сьерра-Леоне были включены в штат сотрудников суда в течение первых этапов найма, стал поводом для беспокойств и критики. Ситуация рассматривалась как упущенная возможность передачи полезных навыков и знаний, которые впоследствии могли бы быть эффективно использованы в собственных судах Сьерра-Леоне²⁷. Суд также терял хорошую возможность извлечь выгоду из тех пре-

имуществ, которые на ранних стадиях могли предоставить сотрудники из Сьерра-Леоне, в частности, это касается знаний местных законов, языка и обычаев, которые позволяют им принимать во внимание факторы, на которые международные сотрудники могут не обратить внимания²⁸.

С 2002 по 2004 г. НМБС работала с гражданским обществом по всей стране, чтобы собрать информацию о том, что произошло во время конфликта как во временном, так и в географическом отношении, то есть, с 1991 г. по 2002 г. и практически в каждом из 149 племен Сьерра-Леоне. Программа «Обзор Конфликта» выбрала участников гражданского общества со всей страны, названных архивариусами «Обзора Конфликта», которых обучили интервьюированию ключевых лиц, то есть людей, которые хорошо знали о том, что произошло на их территории во время конфликта, прямых жертв и свидетелей событий в ходе конфликта. К концу проекта информация, полученная архивариусами «Обзора Конфликта» от ключевых лиц, представляла собой более 400 записей, в каждой из которых было в среднем 30 страниц, в общей сложности описывающих около 5500 отдельных инцидентов. Записи содержали в себе случаи предполагаемых нарушений международного гуманитарного права, а также ключевую стратегическую и другую информацию.

Эта информация наряду с материалами из открытых источников была загружена в базу данных, которая подвергалась тщательной проверке с целью гарантировать ее точность; это позволило аналитическому инструменту составить фактический анализ того, что произошло на всей территории Сьерра-Леоне. Фактический анализ позволил провести правовой анализ событий в соответствии с материально-правовыми нормами Специального суда, в результате чего был издан отчет, на нескольких тысячах страниц которого содержалась информация, рассказывающая, насколько это было возможно, о событиях на территории каждого племени в период между 1991 и 2002 гг. Окончательный доклад был представлен Комиссии по установлению истины и примирению и передан в качестве доказательств в Специальный суд по Сьерра-Леоне, где он помог предоставить полезную информацию, в частности, о событиях, которые имели отношение к делу, но находились за пределами временной юрисдикции СССЛ²⁹.

Самое главное, Программа «Обзор Конфликта» и ее итоговый отчет были предназначены для дополнения и укрепления работы самого Специального суда. Одной из целей было предоставить некоторую форму признания страданий людей до начала временной юрисдикции СССЛ от 30 ноября 1996 г., которая оказалась одним из самых спорных вопросов о суде и его учреждении. Другой целью было вовлечь жителей Сьерра-Леоне в работу по привлечению к ответственности, чтобы увеличить количество людей, затронутых деятельностью Специального суда, пусть даже относительно, и укрепить чувство расширения прав путем предоставления возможности, с помощью которой они могли бы сделать что-то на самом деле важное.

24 Кроме того, несколько индивидуальных членов — основателей РГСС позже работали в суде, в частности, в Отделе распространения информации, координаторами агитационной деятельности и руководителями районной агитации.

25 Ежегодный доклад Специального суда по Сьерра-Леоне 2002-2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sc-sl.org/LinkClick.aspx?fileticket=NRhchHrch%3D&tabid=176> (дата обращения: 01.09.2015).

26 Первый ежегодный доклад Специального суда по Сьерра-Леоне [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sc-sl.org/LinkClick.aspx?fileticket=NRthbHrch%3D&tabid=176> (дата обращения: 01.09.2015).

27 Gupta S. The Not So Special Court for Sierra Leone // *New INTERNATIONALIST MAG.*, Issue 427 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newint.org/columns/essays/2009/11/01/special-court-sierra-leone/> (дата обращения: 01.09.2015).

28 Cassese A. The Role of Internationalized Courts and Tribunals in the Fight against International Criminality // *Internationalized Criminal Courts: Sierra Leone, East Timor, Kosovo, and Cambodia* / ed. by Cesare P. R. Romano, André Nollkaemper, and Jann K. Kleffner. — Oxford, 2004.

29 Trial Chamber I's Decision on Prosecution's Request to Admit into Evidence Certain Documents Pursuant to Rules 92bis and 89(C), of July 14, 2005, in *Prosecutor v. Sam Hinga Norman, Moinina Fofana and Allieu Kondewa*, Case No. SCSL-04-14-T.

Во время непосредственного этапа становления суда и спустя десятилетие его работы, гражданское общество Сьерра-Леоне продолжает играть ключевую роль в информационно-агитационной работе суда, которая впоследствии распространилась на гражданское общество Либерии, так как Суд начал осуществлять просветительскую работу и там. Во время первых месяцев работы СССЛ, гражданское общество страны и организация «Нет мира без справедливости» тесно сотрудничали друг с другом в ходе агитационной деятельности — как в планировании ее концепции, так и в претворении в жизнь.

В течение десятилетия национальное и международное гражданское общество продолжало мониторинг работы Суда и тесное сотрудничество с ним по его внесудебным функциям, включая агитационную деятельность, наследие для судебной системы в целом и проблемы жертв конфликта. Это осуществлялось посредством тесных партнерских отношений между Отделом распространения информации суда и гражданским обществом Сьерра-Леоне и Либерии; семинаров и конференций, проводимых в стране с помощью иностранных участников; деятельности, направленной на финансирование суда, а также с помощью критического анализа и рекомендаций по вопросам политики на разных этапах жизни Суда, включая, например, рекомендации относительно местоположения судебного процесса над бывшим президентом Либерии Чарльзом Тэйлором³⁰. Гражданское общество также будет играть важную роль в завершении существования суда, проведя опрос о влиянии и наследии Специального суда, который будет осуществлен НМБС, «Манифестом 99», «Коалицией за справедливость и ответственность», Институтом международного права Сьерра-Леоне и сетью НПО Либерии³¹ (после принятия окончательного решения суда по делу Тейлора). Гражданское общество Сьерра-Леоне также планирует продолжать играть важную роль в Остаточном Механизме суда как с помощью консультаций по его планированию, так и через непосредственное участие в его работе после его учреждения.

Хоть и не всегда находя согласие по всем вопросам, национальное и международное гражданское общество, а также способность СССЛ соответствовать требованиям жителей Сьерра-Леоне с первых дней и до настоящего момента играли роль, которая, в конечном итоге, привела к созданию механизма привлечения к ответственности, более соответствующему потребностям людей, для которых он создавался, чем любой другой суд или трибунал на сегодняшний день. Многие из этого стало результатом агитаторской работы, проведенной судом и гражданским обществом, которая не только помогла предоставить людям Сьерра-Леоне и Либерии информацию о

суде, но также создала необходимый канал для передачи суду данных о потребностях и ожиданиях людей³².

Гражданское общество не довольствовалось ролью пассивного игрока при обсуждении идеи создания СССЛ. Эта роль гражданского общества в отношении Специального суда получила широкую поддержку и способствовала укреплению роли гражданского общества в деятельности других органов международного правосудия, в частности, Международного уголовного суда³³.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. — М.: РУДН, 2012.
 2. Марусин И. С. Специальный Суд по Сьерра-Леоне — новый орган международной уголовной юстиции // Правоведение. — 2003. — № 2.
 3. Cassese A. The Role of Internationalized Courts and Tribunals in the Fight against International Criminality // Internationalized Criminal Courts: Sierra Leone, East Timor, Kosovo, and Cambodia / ed. by Cesare P.R. Romano, André Nollkaemper, and Jann K. Kleffner. — Oxford, 2004.
 4. Nicol-Wilson M. Accountability for Human Rights Abuses — The United Nations' Special Court for Sierra Leone // Australian International Law Journal. — 2001. — № 159 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/AUIntLawJl/2001/8.pdf>.
 5. Shraga D. The Second Generation of UN-Based Tribunals: A Diversity of Mixed Jurisdictions // Internationalized Criminal Courts: Sierra Leone, East Timor, Kosovo, and Cambodia / ed. by Cesare P.R. Romano, André Nollkaemper, and Jann K. Kleffner. — Oxford, 2004.
-
- 30 См. NPWJ, Statement by No Peace Without Justice on the transfer of Charles Taylor to The Hague (Apr. 5, 2006), <http://www.npwj.org/ICC/Statement-No-Peace-Without-Justice-transfer-Charles-Taylor-Hague.html> (last visited Apr. 8, 2012). См. также Amnesty International, Special Court Ruling — No Immunity for Former Liberian President Charles Taylor (June 2, 2004) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/AFR44/018/2004/en/a26ea0ac-d5c7-11dd-bb24-1fb85fe8fa05/af440182004en.html> (дата обращения: 01.09.2015).
- 31 См. Sierra Leone: NPWJ Meets with Key Stakeholders to Discuss SCSL Impact and Foster Adoption of ICC Implementing Legislation (Feb. 24, 2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.npwj.org/ICC/Sierra-Leone-NPWJ-meets-with-key-stakeholders-discuss-SCSL-impact-and-foster-adoption-ICC-Implement> (дата обращения: 01.09.2015).
- 32 Stromseth I. Strengthening Demand for the Rule of Law in Post-Conflict Societies // Minnesota Journal of International Law. — 2009. — Vol.18. — P. 415, 422–23.
- 33 См. подробнее: Pace W., Schense I. The Role of Non-Governmental Organizations // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary-Volume 1 / ed. by A. Cassese et al., 2002.

Лелётина А. В.

СООТНОШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье анализируются проблемы соотношения международно-правовых обязательств Российской Федерации, принятых в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в сфере охраны интеллектуальной собственности. Демонстрируются различия между ними как классической международной организацией и региональным интеграционным объединением. Делаются выводы о необходимости соответствия правил ЕАЭС (международных договоров и решений органов) правилам ВТО (международным договорам и решениям органов) в сфере охраны интеллектуальной собственности, при этом допускаются отдельные исключения и отступления в определённых случаях. В случае несогласованности обязательств в сфере охраны интеллектуальной собственности из участия в ЕАЭС с обязательствами в рамках ВТО, обязательства, принятые Российской Федерации в рамках ВТО, подлежат приоритетному исполнению. Национальное законодательство Российской Федерации должно соответствовать правилам ВТО в случае несогласованности обязательств из участия в ЕАЭС с обязательствами в рамках ВТО.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, региональная экономическая интеграция, Всемирная торговая организация (ВТО), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Договор о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС), Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы.

Лелётина А. В.

Leletina A. V.

THE RELATIONSHIP BETWEEN OBLIGATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE AREA OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN THE WORLD TRADE ORGANIZATION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article analyzes the problem of the relationship between international legal obligations of the Russian Federation assumed in the World Trade Organization (WTO) and the Eurasian Economic Community (EAEU) in the area of intellectual property protection. It demonstrates the difference between them as a classic international organization and regional integrational union. The author makes conclusion that the EAEU rules (international treaties and decisions of bodies) have to conform with the WTO rules (international treaties and decisions of bodies) in the area of intellectual property protection, at the same time it allows certain exceptions and deviations in some cases. In the case of inconsistency the EAEU obligations with the WTO obligations in the area of intellectual property protection, commitments, assumed by the Russian Federation in the WTO framework, shall be discharged in priority. National legislation of the Russian Federation has to comply with the WTO rules in the case of inconsistency of the EAEU obligations with the WTO obligations.

Keywords: intellectual property, Regional Economic Integration, the World Trade Organization (WTO), the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), the Eurasian Economic Union (EAEU), Treaty on the Eurasian Economic Union (Treaty on the EAEU), Treaty on the Functioning of the Customs Union in the framework of the Multilateral Trading System.

Наиболее актуальными и неоднозначными проблемами развития современной международной системы в целом и международной системы охраны интеллектуальной собственности в частности являются проблемы соотношения международно-правовых обязательств, возникающих из одновременного участия государства в классической международной организации и региональном интеграционном объединении, сферы регулирования которых пересекаются. Это связано с существенными различиями в целях и задачах создания, порядке деятельности интеграционных объединений, с особым характером состава участников, степенью взаимосвязей между государствами-участниками, более обширными объёмами передаваемых полномочий и их предметной составляющей, особенностями нормативно-правовых установлений, подходами к осуществлению правового регулирования, системой и структурой органов, их компетенцией, типами принимаемых ими решений и порядком их принятия и исполнения, установлением особых правовых режимов перемещения товаров, услуг, финансовых средств, рабочей силы в рамках таких объединений.

Как известно, правовая природа интеграционных объединений неоднозначно оценивается в научной литературе

по международному праву в связи с международно-правовой уникальностью данных образований. Рассуждая, например, о правовом статусе Европейского Союза, являющегося ярким примером регионального интеграционного объединения, А. Я. Капустин указывает на то, что: «В самом общем виде все подходы можно разделить на два основных: государственно-правовой подход, трактующий ЕС как новую историческую разновидность федерации (конфедерации), и международно-правовой подход, стремящийся выразить правовую природу ЕС в категориях теории международного права»¹.

Вызывает интерес мнение Т. Н. Нешатаевой относительно первой категории подходов: «...сравнение международного института с государством (федеративным, унитарным, конфедеративным)» является «относящимся к области научных предположений, так как в настоящее время отсутствует практика развития международных организаций в суверенное государство»².

1 См. подробнее: Капустин А. Я. Европейский Союз // Международное право: учебник / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Т. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 929-931.

2 Нешатаева Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. Июнь 2014. № 6. С. 110.

Отсутствие на сегодняшний день такой практики не означает, что это невозможно в будущем, но, учитывая особенности создания и деятельности существующих в современном мире региональных интеграционных объединений, более корректным и соответствующим действительному состоянию дел представляется международно-правовой подход к пониманию и определению правовой природы интеграционных объединений в связи с тем, что интеграционным объединениям свойственны ряд ключевых признаков, присущих международной организации, например: создание в соответствии с международным правом, на основе международного договора для реализации установленных целей, наличие определённой организационной структуры, наличие собственных прав и обязанностей, т.е. обладание автономией воли, отличной от воли государств-членов, и др.

Интеграционное регулирование устанавливается в рамках того или иного интеграционного объединения и так же, как и в случае классической международной организации, предполагает заключение международных договоров, но наряду с этим связано и с передачей части национальных полномочий на уровень интеграционного объединения³.

Важно также понимать, что проблема соотношения обязательств государства из участия в классической международной организации и региональном интеграционном объединении является весьма сложной и не может быть решена путём применения соответствующих положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Используемая при разрешении отдельных спорных ситуаций ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. устанавливает правила разрешения коллизий иного рода – между последовательно заключёнными договорами, относящимися к одному и тому же вопросу.

Таковыми образованиями, компетенции и обязательства из участия в которых для Российской Федерации пересекаются, в том числе в сфере охраны интеллектуальной собственности, являются Всемирная торговая организация (далее – ВТО) и созданный на базе Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (далее – Таможенный союз) и Единого экономического пространства Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) (действует на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС)⁴).

ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции (п. 2 ст. 1 Договора о ЕАЭС)⁵.

В связи с пересечением компетенций в правовом регулировании сферы охраны интеллектуальной собственности в

рамках ВТО и ЕАЭС на первый план выходят важные правовые проблемы, касающиеся соотношения различных международных договоров и вытекающих из них международно-правовых обязательств государств, являющихся одновременными участниками соотносимых актов⁶.

В свете вышесказанного необходимо разобраться, как соотносить обязательства, имеющиеся у России в части регулирования интеллектуальной собственности, в связи с одновременным участием в ВТО и ЕАЭС, а именно ответить на следующие основные вопросы, которые могут возникать в ходе правоприменения:

1. Должны ли правила ЕАЭС (международные договоры и решения органов), регулирующие сферу охраны интеллектуальной собственности, соответствовать правилам ВТО в аналогичной сфере? Какие обязательства в сфере охраны интеллектуальной собственности, вытекающие из участия Российской Федерации в ВТО или ЕАЭС, подлежат приоритетному исполнению в случае несогласованности между ними?

2. Правилам ВТО или ЕАЭС должно соответствовать национальное законодательство Российской Федерации в случае несогласованности между ними?

В рамках ЕАЭС регулирование сферы охраны интеллектуальной собственности осуществлено двумя различными способами: путём гармонизации правового регулирования защиты прав интеллектуальной собственности и передачи части национальных полномочий на уровень интеграционного объединения.

В настоящее время основным документом, гармонизирующим правовое регулирование сферы охраны интеллектуальной собственности государств-членов Союза, является Договор о ЕАЭС, включающий Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС) (далее – Протокол об интеллектуальной собственности), который создаёт условия для благоприятных торговых отношений и обеспечения должного уровня охраны прав интеллектуальной собственности в процессе осуществления этих отношений.

К национальным полномочиям, переданным на уровень ЕАЭС от государств-членов, в настоящее время относится таможенная охрана прав интеллектуальной собственности. Соответствующее основное регулирование устанавливается Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г.⁷ Между государствами-членами действуют и другие международные договоры⁸. Например, Соглашение о Едином таможенном реестре объектов интеллектуальной соб-

3 А. И. Абдуллин, рассуждая об уровнях регулирования сферы охраны интеллектуальной собственности, даже вводит специальный термин, характеризующий актуальное состояние правового регулирования этой области: «Ныне, в начале XXI в., можно говорить уже о так называемой полисистемности правовой охраны результатов творческой деятельности, включающей несколько уровней – международный универсальный, международный региональный и национальный уровни правовой охраны интеллектуальной собственности» (Абдуллин А. И. Правовая охрана интеллектуальной собственности и роль международных организаций в её развитии (на примере ООН и её специализированных учреждений) // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 138).

4 Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 16.01.2015 г.

5 Интересно обратить внимание на то, что нормативное закрепление получил уже упоминавшийся ранее международно-правовой подход к объяснению правовой природы региональных интеграционных объединений.

6 В настоящей статье акцент делается на рассмотрении общих проблем соотношения международно-правовых обязательств государств в сфере охраны интеллектуальной собственности в рамках ВТО и ЕАЭС. Предпринята попытка определить общие правила соотношения, с использованием которых могут быть разрешены возникающие частные вопросы соотношения конкретных норм, обязательств.

7 Собрание законодательства РФ. 13 декабря 2010 г. № 50. Ст. 6615. Россия ратифицировала Договор Федеральным законом от 02.06.2010 г. № 114-ФЗ (Российская газета. № 121. 04.06.2010).

8 В соответствии с п. 1 ст. 101 Договора о ЕАЭС до вступления в силу Таможенного кодекса ЕАЭС таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключёнными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в право Союза (иными положениями ст. 101 Договора ЕАЭС установлены отдельные правила применения актов, направленных на осуществление таможенного регулирования в ЕАЭС).

ственности государств-членов Таможенного союза от 21 мая 2010 г.⁹

В данной сфере могут приниматься также решения Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), которые носят обязательный характер и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов Союза (п. 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС))¹⁰.

Эти и другие международные договоры и акты органов ЕАЭС направлены на создание единой системы охраны прав интеллектуальной собственности в рамках Союза.

Принципиально важным для понимания основ взаимодействия государств-членов ЕАЭС и правил исполнения ими отдельных международно-правовых обязательств до и после присоединения к ВТО является Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г.¹¹ (далее – Договор о функционировании).

Первоначально Договор о функционировании закреплял основополагающие правила построения отношений между государствами-участниками в период одновременного сотрудничества в рамках ВТО и Таможенного союза, созданного в соответствии с Договором о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 г.¹²

С момента вступления в силу Договора о ЕАЭС в соответствии с Протоколом о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы (Приложение № 31 к Договору о ЕАЭС) (далее – Протокол о функционировании) Договор о функционировании будет применяться к соответствующим отношениям в рамках Союза. Действие Протокола о функционировании будет распространяться и на вступившие впоследствии в Союз государства.

Содержание Протокола о функционировании привело к появлению множества вопросов: что понимается под формулировкой «соответствующие отношения»? какие отношения должны считаться «соответствующими»? почему в тексте Договора о ЕАЭС не закреплены положения о необходимости обеспечения соответствия нормам права ВТО и о приоритете этих норм над положениями международных договоров, заключённых в рамках ЕАЭС, аналогичные или подобные тем, которые включены в текст Договора о функционировании

в отношении Таможенного союза, и лишь сделана неоднозначная ссылка на Договор о функционировании? должны ли действовать правила соотношения юридических обязательств государств, имеющих в связи с участием в региональном интеграционном объединении и появившихся в связи с вступлением в ВТО, а также обязательства государств-участников, не являющихся в настоящее время членами ВТО, которые действовали в рамках Таможенного союза в соответствии с Договором о функционировании?

В связи с этими вопросами обращает на себя внимание также и тот факт, что так называемого общего ориентира на соответствие норм права ЕАЭС нормам права ВТО и установления приоритета вторых над первыми в случае противоречия, как это сделано в Договоре о функционировании, в Договоре о ЕАЭС не содержится. В текст Договора о ЕАЭС включены лишь формулировка преамбулы о том, что государства-участники принимают во внимание нормы, правила и принципы ВТО, а также специальные положения по отдельным направлениям (например, в отношении экспорта товаров государств-членов на рынки третьих стран (ст. 41 Договора о ЕАЭС), объема тарифной квоты (п. 9 Приложения № 6 к Договору о ЕАЭС) и др.).

Несмотря на отсутствие в Договоре о ЕАЭС такого «общего ориентира», необходимо определиться со значением понятия «соответствующие отношения», которое введено Протоколом о функционировании, и исходя из этого дать ответы на поставленные вопросы.

Представляется, что при ответе на вопрос о значении понятия «соответствующие отношения» необходимо ориентироваться на цель, объект и предмет регулирования Договора о функционировании.

Как известно, цель – это результаты, которых стремятся достичь государства, заключая международный договор. В данном случае основной целью является определение корреляции норм права ВТО и регионального объединения и установление правил о приоритете применения в случае возникновения противоречий. Объектом договора являются отношения, связанные с разрешением вопросов, возникающих в связи с одновременным участием государств в региональном интеграционном объединении и ВТО. Предмет регулирования – права и обязанности государств-членов в связи с одновременным участием в региональном интеграционном объединении и ВТО.

В связи с этим «соответствующими» необходимо считать те отношения, которые являются объектом Договора о функционировании. Это означает, что все правила, ранее установленные для государств-участников Таможенного союза Договором о функционировании, действуют и в отношении государств-членов ЕАЭС.

В Преамбуле Договора о функционировании определены основные начала построения взаимоотношений государств-членов в рамках параллельного участия в ВТО и интеграционном объединении, которые, суммируя, можно свести к закреплению идеи направленности на эффективное функционирование регионального интеграционного объединения в соответствии с правилами и обязательствами в рамках ВТО.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Договора о функционировании с даты присоединения любого государства Таможенного союза к ВТО, положения Соглашения об учреждении ВТО, как они определены в Протоколе о присоединении, включающем обязательства, взятые в качестве условия присоединения к ВТО, становятся частью правовой системы Таможенного союза. При последующем присоединении к ВТО другой страны Та-

9 Бюллетень международных договоров. № 6. Июнь 2012. Соглашение ратифицировано Россией Федеральным законом от 15.11.2010 г. № 303-ФЗ (Российская газета. № 262. 19.11.2010).

10 В качестве примера такого решения Комиссии можно привести Решение Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 290 «О Регламенте взаимодействия таможенных органов государств-членов Таможенного союза по вопросам ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» (в соответствии со ст. 39 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. Договор о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г. прекратил действие и, соответственно, упразднена Комиссия Таможенного союза, которую и заменила Евразийская экономическая комиссия. С даты вступления в силу Договора о ЕАЭС Комиссия, учреждённая в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г., осуществляет свою деятельность в соответствии с Договором о ЕАЭС).

11 СПС «КонсультантПлюс». Договор ратифицирован Россией Федеральным законом от 19.10.2011 г. № 282-ФЗ (Российская газета. № 237. 21.10.2011). В соответствии с Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2011 г. № 11 данный документ вступил в силу с даты присоединения России к ВТО, т.е. с 22 августа 2012 г.

12 С даты вступления в силу Договора о ЕАЭС Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 г. утратил силу (см. Приложение № 33 к Договору о ЕАЭС).

моженного союза её аналогичные обязательства также становятся частью правовой системы Таможенного союза (п. 3 ст. 1 Договора о функционировании).

В тексте Договора о функционировании неоднократно используется термин «правовая система Таможенного союза». В связи с прекращением существования Таможенного союза как отдельного интеграционного объединения «правовой системы Таможенного союза» также больше не существует. Вместе с тем на нормативном уровне не установлено, заменяется ли чем-либо этот институт. Представляется логичным предположить, что нормативные документы, ранее действовавшие в рамках Таможенного союза и продолжающие действовать в рамках ЕАЭС, входят в право ЕАЭС в соответствии со ст. 99 Договора о ЕАЭС¹³. В связи с этим указанные выше положения Соглашения об учреждении ВТО и обязательства государств-членов становятся частью права ЕАЭС.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Договора о функционировании государства-члены должны принять меры для приведения права интеграционного объединения в соответствие с Соглашением об учреждении ВТО как это зафиксировано в Протоколе о присоединении каждого из государств-членов к ВТО (включая обязательства каждого из государств-членов, принятые в качестве одного из условий его присоединения к ВТО).

Причём в дальнейшем при заключении международных договоров в рамках интеграционного объединения, принятии и применении актов его органами государства-члены также должны обеспечивать соответствие таких договоров и актов Соглашению об учреждении ВТО (п. 4 ст. 2 Договора о функционировании).

Представляется, что право интеграционного объединения должно находиться в соответствии не только с Соглашением об учреждении ВТО, но и с решениями органов ВТО.

Как видно из вышеприведённого, установлен приоритет норм ВТО не только в отношении заключённых международных договоров в рамках ЕАЭС и принятых органами ЕАЭС решений, но и тех, которые будут заключены и приняты в будущем.

До того момента, как эти меры будут приняты, положения Соглашения об учреждении ВТО (включая обязательства, принятые государствами-членами в качестве условий их присоединения к ВТО) имеют приоритет над соответствующими положениями международных договоров, заключённых в рамках интеграционного объединения, и решений, принятых его органами (п. 1 ст. 2 Договора о функционировании).

Таким образом, установлен приоритет норм ВТО над международными договорами ЕАЭС и решениями органов ЕАЭС (как уже заключёнными международными договорами и принятыми органами решениями, так и теми, которые будут заключены и приняты в будущем). В связи с отсутствием определения в п. 1 конкретных сроков приведения права ЕАЭС в соответствие с правом ВТО формулировка «до того как эти меры приняты» имеет особое значение.

Вызывает сомнение обоснованность формулировки положения п. 2 ст. 2 Договора о функционировании, в соответствии с которой права и обязательства государств-членов интеграционного объединения, вытекающие из Соглашения об учреждении ВТО (как они определены в Протоколах о присоединении каждого из государств-членов к ВТО, включая обязательства, взятые в качестве условия присоединения государства-члена к

ВТО, которые становятся частью права интеграционного объединения), не подлежат отмене или ограничению по решению органов интеграционного объединения, включая Суд ЕАЭС, или международным договором, заключённым между государствами-членами интеграционного объединения.

Возможно ли вхождение международно-правовых обязательств государства, приобретённых в связи с участием в одной международной организации (в данном случае ВТО), в право или правовую систему другой международной организации (ЕАЭС)? Такое введение норм права ВТО в право ЕАЭС напоминает включение норм международного права в правовую систему государства (как, например, определено ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в отношении российской правовой системы). Вместе с тем подобная ситуация вызывает сомнения в случае, когда речь идёт о двух международных организациях, даже несмотря на имеющиеся между ними различия.

Представляется, что основная цель данного пункта Договора о функционировании – чётко определить невозможность изменения обязательств государств из участия в ВТО по решению органов ЕАЭС, т.е. обязательств, принятых в рамках одной международной организации, по решению органов другой международной организации. Такая ситуация в принципе не может допускаться без специального решения государств-членов обеих организаций.

Важным положением ст. 2 является также правило, в соответствии с которым в случае если отдельные нормы права интеграционного объединения являются более либеральными по сравнению с Соглашением об учреждении ВТО, но не противоречат ему, то Сторонами обеспечивается применение таких норм для целей эффективного функционирования Союза и развития международной торговли (п. 3).

Из этих общих правил, направленных на обеспечение соответствия нормативно-правовой базы интеграционного объединения многосторонним торговым соглашениям ВТО, есть исключения, допускаемые согласно п. 5 ст. 2 Договора о функционировании. Указанные выше положения ст. 2 применяются с учётом отступлений, установленных п. 6 ст. 1, в соответствии с которым государство интеграционного объединения, не являющееся членом ВТО, имеет право отступать от положений Соглашения об учреждении ВТО, включая обязательства, принятые вступившей в ВТО страной и ставшие частью права Союза, в части:

- 1) в которой право Союза и решения его органов требуют корректировки в соответствии со ст. 2, и/или
- 2) если такие правоотношения автономно регулируются в рамках её национальной правовой системы¹⁴.

Что подразумевается под термином «отступление»? Какие отступления могут быть допустимы для государств-членов интеграционного объединения, не являющихся до настоящего времени членами ВТО? Означает ли это, что международным договором, заключённым в рамках Союза, или решением органа Союза могут быть установлены иные правила регулирования сферы охраны интеллектуальной собственности, нежели правовыми документами ВТО (в том числе более низкий уровень охраны)? Что стоит за данным положением?

Последовательно отвечая на поставленные вопросы, необходимо обратить внимание на следующее. Представляется,

13 Необходимо иметь в виду, что понятие «правовая система» шире понятия «право», но Договором о ЕАЭС введён именно термин «право Союза».

14 В таких случаях предусмотрено обязательство извещать Комиссию о характере и объёме таких отступлений. После вступления в ВТО любое указанное отступление будет разрешено, только если оно прямо предусмотрено условиями присоединения этого государства к ВТО (п. 6 ст. 1 Договора о функционировании).

что под термином «отступление» в данном контексте понимается отклонение от установленных норм и правил, т.е. возможность применения государствами-членами ЕАЭС, не являющимися членами ВТО, положений международных договоров и решений органов в рамках Союза, устанавливающих иные правила регулирования, нежели установлены в правовых документах ВТО (в том числе закрепляющие более низкий уровень охраны), до момента внесения изменений в такие акты в соответствии со ст. 2 Договора о функционировании или вступления государства в ВТО и принятия соответствующих международно-правовых обязательств.

Такие положения могут применяться только государствами ЕАЭС, не являющимися членами ВТО, а те государства, которые являются членами ВТО (в настоящее время это Россия, Армения и Киргизии), должны применять положения национального права, закрепляющие уровень охраны, соответствующий правовым документам системы ВТО. После присоединения всех государств-членов ЕАЭС к ВТО международные договоры и решения органов Союза должны будут полностью соответствовать регулированию, установленному в рамках ВТО.

Видимо, данное положение направлено на то, чтобы дать государствам-членам ЕАЭС, не являющимся в настоящее время членами ВТО, время для адаптации и приведения в соответствие с правом ВТО своего национального законодательства и практики, а, соответственно, и возможность до момента вступления в организацию пользоваться «щадящими» правовыми режимами, которые могут устанавливать более «мягкие» обязательства и более низкий уровень охраны прав интеллектуальной собственности по сравнению с актами ВТО (в случае наличия таких обязательств в международных договорах и решениях органов в рамках ЕАЭС).

Кроме того, важно подчеркнуть, что в соответствии с положениями Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к ВТО¹⁵ Россия приняла на себя обязательства, обеспечивающие, что её обязательства в ВТО будут полностью исполняться, включая обязательства в тех областях, на которые распространяется компетенция органов Таможенного союза, и положения права ВТО будут иметь преимущественную силу (см. пп. 178, 184-186, 1447 Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к ВТО). Представляется логичным распространить действие этого положения и на обязательства из участия России в ЕАЭС, созданного на базе Таможенного союза.

Резюмируя вышесказанное, основным правилом соотношения обязательств из одновременного участия государств в ЕАЭС и ВТО, согласованном государствами-членами в Договоре о функционировании и Протоколе о функционировании, является обязательство о соответствии международных договоров и решений органов ЕАЭС договорам и решениям органов ВТО¹⁶, в случае несоответствия – безусловный приоритет за правилами ВТО, за исключением тех отступлений, которые предусмотрены для государств ЕАЭС, не являющихся членами ВТО, (п. 6 ст. 1 Договора о функционировании) и возможности применения отдельных норм права ЕАЭС, которые являются более либеральными по сравнению с Соглашением об учреждении ВТО, но не противоречат ему (ст. 2 п. 3 Договора о функционировании). В связи с этим обязательства в сфере охраны интеллектуальной собственности, вытекающие

из участия страны в ВТО, подлежат приоритетному исполнению государством-членом ЕАЭС в случае несогласованности с обязательствами из участия в ЕАЭС.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что национальное законодательство Российской Федерации должно соответствовать правилам ВТО в случае несогласованности между правилами ВТО и ЕАЭС.

В связи с этим обращает на себя внимание отсутствие в п. 3 ст. 90 Договора о ЕАЭС указания на ТРИПС как на «основополагающий международный договор», в соответствии с которым государства-члены ЕАЭС должны осуществлять регулирование деятельности в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, наряду с перечисленными в этом пункте международными договорами¹⁷.

Вместе с тем данный подход не соотносится с правом ВТО и может носить лишь временный характер.

К «основополагающим международным договорам», закреплённым в п. 3 ст. 90 Договора о ЕАЭС, для целей экономической интеграции вполне оправданно отнести и ТРИПС в связи со значимостью торговли как одного из центральных направлений развития экономической интеграции, в том числе в части обеспечения охраны интеллектуальной собственности в процессе осуществления торговых отношений, универсальным характером договора по составу участников¹⁸, установлением регулирования в отношении правоприменительных механизмов обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности, которое в период, предшествовавший ТРИПС, не закреплялось в международно-правовых актах, посвящённых регулированию данной сферы.

Возможно, такой подход бесспорен, и государства-члены ЕАЭС не должны учитывать требования ТРИПС при осуществлении правового регулирования сферы охраны интеллектуальной собственности?

Как уже указывалось выше, в настоящее время ответ на этот вопрос должен зависеть от того, является ли государство-член ЕАЭС членом ВТО. Видимо, отсутствие указания на необходимость соответствия ТРИПС обусловлено тем, что Беларусь и Казахстан на данный момент не являются членами ВТО и только ведут переговоры о присоединении¹⁹. Вместе с тем к моменту вступления в ВТО каждое из государств должно будет обеспечить соответствие правовых актов, действие которых распространяется на соответствующие правоотношения, ТРИПС; а к моменту, когда все государства-члены ЕАЭС станут полноправными участниками ВТО, такое соответствие должно быть обеспечено и на интеграционном уровне²⁰.

17 Интересно обратить внимание на то, что Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 9 декабря 2010 г., действовавшее в рамках Таможенного союза и фактически заменённое соответствующими положениями Договора о ЕАЭС, содержало общую ссылку на ТРИПС.

18 По состоянию на 26.04.2015 г. членами ВТО, а, соответственно, и ТРИПС, являются 161 государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (последняя дата обращения – 30.07.2015 г.).

19 27 июля 2015 г. на заседании Генерального совета ВТО был подписан Протокол о присоединении Казахстана к ВТО. До 31 октября 2015 г. документ должен пройти процедуру ратификации и вступит в силу в течение 30 дней после уведомления Генерального директора ВТО о проведении процедуры ратификации (по информации, размещённой на официальном сайте ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news15_e/acc_kaz_27jul15_e.htm (последняя дата обращения – 04.08.2015 г.)).

20 Как показывает сопоставление соответствующих положений Договора о ЕАЭС и ТРИПС регулирование охраны интеллектуальной

15 СПС «КонсультантПлюс».

16 Речь идёт как о действующих международных договорах и решениях органов ЕАЭС, так и о тех, которые будут приняты впоследствии.

В Протоколе об интеллектуальной собственности, устанавливающем в развитие положений основного текста Договора о ЕАЭС определённое регулирование в отношении конкретных прав интеллектуальной собственности, содержатся лишь частные ссылки и указания на необходимость соответствия отдельным положениям ТРИПС²¹, что не может рассматриваться достаточным, особенно с момента вступления всех государств-членов ЕАЭС в ВТО.

В рамках ВТО в ТРИПС для сферы охраны интеллектуальной собственности, в отличие от сфер торговли товарами и услугами (ст. XXIV Генерального соглашения по торговле товарами и ст. V Генерального соглашения по торговле услугами соответственно), не закреплено каких-либо правил участия членов ВТО в региональных интеграционных объединениях, в рамках которых регулируются вопросы охраны интеллектуальной собственности²². Единственное изъятие, касающееся участия в таких объединениях, может подпадать под исключение из режима наибольшего благоприятствования, которое установлено в ст. 4 (d) ТРИПС²³. Действие этого положения ТРИПС не распространяется на правовое регулирование в рамках ЕАЭС.

Вместе с тем представляется, что правило, установленное в п. 1 ст. 1 ТРИПС, должно быть распространено и на регулирование, установленное в рамках интеграционного объединения²⁴.

собственности в рамках ЕАЭС не в полной мере соответствует требованиям ВТО. В связи с этим работа по приведению интеграционного регулирования в соответствие с правилами ВТО должна продолжаться.

21 См. п. 4 и п. 9 Протокола об интеллектуальной собственности (о сроках охраны отдельных авторских и смежных прав).

22 Вместе с тем исходя из этого неверно делать вывод о том, что в соответствии с ТРИПС члены организации не могут участвовать в региональных интеграционных объединениях, в рамках которых осуществляется регулирование сферы охраны интеллектуальной собственности. Такая возможность имеется в связи с отсутствием запрета, а также в связи с тем обстоятельством, что многосторонние торговые соглашения ВТО принимаются единой системой (или, как часто пишут в научной литературе, единым «пакетом» (как в смысле возможности присоединения только ко всем многосторонним торговым соглашениям одновременно (речь идёт о соглашениях и связанных с ними правовых документов, включённых в Приложения 1, 2 и 3 к Соглашению об учреждении ВТО), так и в содержательном плане)), и если в рамках торговли товарами и услугами специальное регулирование для целей участия членов ВТО в региональных интеграционных объединениях предусмотрено, то для сферы охраны интеллектуальной собственности оно просто не установлено (помимо одного исключения).

23 В соответствии со ст. 4 ТРИПС, устанавливающей режим наибольшего благоприятствования, «освобожденными от этого обязательства являются любые преимущество, льгота, привилегия или иммунитет, предоставленные членом:... d) вытекающие из международных соглашений, имеющих отношение к охране интеллектуальной собственности, которые вступили в силу до вступления в силу Соглашения об учреждении ВТО, при условии, что о таких соглашениях уведомляется Совет по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и что они не устанавливают произвольной или необоснованной дискриминации в отношении граждан других членов».

24 В оригинальном англоязычном тексте ТРИПС используется формулировка о возможности установления членами более высокого уровня охраны «in their law» (термин «law» используется именно в единственном числе). На русский язык данная фраза обычно переводится как «в своих национальных законах» (см., например, перевод, осуществлённый СПС «КонсультантПлюс», перевод, размещённый на сайте ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wto.ru (<http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13>) (последняя дата обращения – 30.07.2015 г.)) (даже несмотря на то, что в таком случае в оригинальном тексте ТРИПС должно было использоваться множественное число – («laws»), которое фактиче-

Косвенное подтверждение этому можно найти и в практике разрешения споров. Например, при рассмотрении дела Turkey – Textiles группа по разрешению спора установила, что «...двустороннее соглашение между двумя членами... не изменяет правовую природу рассматриваемых мер или применение соответствующих положений ГАТТ/ВТО»²⁵.

ТРИПС вводит минимальный уровень охраны, который должен обеспечиваться членами ВТО. В соответствии с п. 1 ст. 1 ТРИПС члены ВТО могут устанавливать более высокий уровень охраны, чем требуется в соответствии с ТРИПС, при условии, что это не противоречит положениям Соглашения.

Такой «более высокий уровень охраны» может быть установлен также и договорами, заключёнными в рамках регионального интеграционного объединения²⁶ (при условии соответствия ТРИПС и не меньший, чем в ТРИПС). Обычно одной из основных целей участия членов ВТО в региональных интеграционных объединениях как раз и является установление в отношениях между ними более высокого уровня охраны, чем предусмотрен ТРИПС (так называемый уровень охраны TRIPS-plus). Такой «более высокий уровень охраны» может касаться, например, включения в сферу охраны объектов и прав интеллектуальной собственности, не предусмотренных ТРИПС, увеличения сроков охраны тех или иных прав по сравнению с установленным в ТРИПС и др.

Примером положения TRIPS-plus может служить раздел X Протокола об интеллектуальной собственности (пп. 30-33), которым закрепляется правовая охрана такого объекта интеллектуальной собственности, не предусмотренного ТРИПС, как селекционное достижение.

Пунктом 13 Протокола об интеллектуальной собственности закреплён десятилетний срок действия первоначальной регистрации товарного знака, в отличие от предусмотренного ст. 18 ТРИПС срока – не менее семи лет.

В связи с этим после присоединения к ВТО Беларуси и Казахстана интеграционное регулирование так же, как и национальное, должно будет соответствовать правилам ТРИПС; может устанавливаться и более высокий уровень охраны, чем предусмотрен ТРИПС, однако, соответствующий требованиям ТРИПС. Данный вывод коррелирует с принципом *pari passu sunt servanda*, одним из важных компонентов которого является то, что «государства не должны заключать международные договоры, которые вступали бы в противоречие с их обязательствами, взятыми ранее по тому же вопросу по действующим договорам с другими государствами»²⁷.

ски отсутствует). Одним из переводов слова «law» действительно является «закон», но есть также и другие варианты, в том числе – «право». Представляется, что в данном контексте «law» может быть истолковано в широком смысле как право, которое регулирует отношения в рамках государства (т.е. не только собственно национальное право, но также и нормы права интеграционного объединения, действие которых распространяется на то или иное государство). В связи с этим представляется правильным распространять действие п. 1 ст. 1 ТРИПС и на акты ЕАЭС (как международные договоры, так и решения органов).

25 Panel Report по делу Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products, para. 9.178 (WT/DS34/R, 31.05.1999).

26 И не только в случае, когда на уровень интеграционного объединения передаётся осуществление части национальных полномочий. Как, например, в ситуации ЕАЭС, когда отдельное таможенное регулирование вопросов охраны интеллектуальной собственности от каждого государства-члена передано на уровень интеграционного объединения.

27 Талалаев А. Н. Право международных договоров (договоры с участием международных организаций). М., 1989. С. 201.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1) правила ЕАЭС (международные договоры и акты органов), регулирующие сферу охраны интеллектуальной собственности, должны соответствовать правилам ВТО в аналогичной сфере. Соответствовать нормам ВТО должны не только уже принятые и вступившие в силу международные договоры и акты органов ЕАЭС, но также и последующие документы. Это особенно актуально в связи с тем, что процесс формирования нормативной правовой базы охраны интеллектуальной собственности в рамках Союза будет продолжаться;

2) до момента вступления всех государств-членов ЕАЭС в ВТО на интеграционном уровне могут устанавливаться иные правила регулирования сферы охраны интеллектуальной собственности, в том числе и более низкий уровень охраны, чем предусмотренный ТРИПС, за исключением регулирования таможенных правоотношений²⁸;

3) такие правила могут применяться только государствами ЕАЭС, не являющимися членами ВТО, а Россия, Армения и Киргизия, являясь членами ВТО, должны применять положения национального права, закрепляющие уровень охраны, соответствующий правилам ВТО;

4) российское национальное законодательство в сфере охраны интеллектуальной собственности должно соответствовать правилам ВТО в этой сфере в случае несогласованности правил ЕАЭС с правилами ВТО;

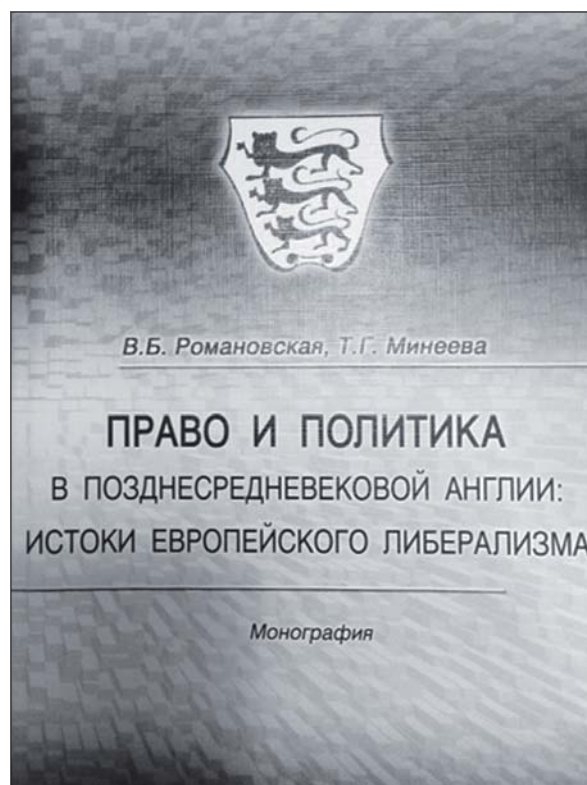
5) являясь членом ВТО, Россия должна приоритетно исполнять обязательства в сфере охраны интеллектуальной собственности, вытекающие из участия страны в ВТО, в случае несогласованности их с обязательствами в аналогичной сфере из участия в ЕАЭС²⁹;

6) с момента вступления всех государств-членов ЕАЭС в ВТО должно быть обеспечено соответствие правил ЕАЭС, регулирующих сферу охраны интеллектуальной собственности, правилам ВТО в аналогичной сфере³⁰;

7) для целей эффективного функционирования ЕАЭС и развития международной торговли возможно применение следующего правила, предусмотренного п. 3 ст. 2 Договора о функционировании: в случае если отдельные нормы ЕАЭС являются более либеральными по сравнению с Соглашением об учреждении ВТО, но не противоречат ему, то государствами-членами обеспечивается применение таких норм.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллин А. И. Правовая охрана интеллектуальной собственности и роль международных организаций в её развитии (на примере ООН и её специализированных учреждений) // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3.
2. Капустин А. Я. Европейский Союз // Международное право: учебник / отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Т. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
3. Нешатаева Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. Июнь 2014. № 6.
4. Талалаев А. Н. Право международных договоров (договоры с участием международных организаций). М., 1989.

28 В связи с тем, что полномочия по регулированию таможенных правоотношений переданы на уровень ЕАЭС, а Россия, Армения и Киргизия являются членами ВТО, то правила, регулирующие данные отношения, должны соответствовать правилам ВТО уже в настоящее время, до вступления в ВТО всех государств-членов ЕАЭС.

29 В соответствии с п. 2 ст. 90 Договора о ЕАЭС государства-члены могут предусматривать в своем законодательстве нормы, которые обеспечивают больший уровень охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, чем это предусматривается в международных договорах и актах, составляющих право Союза.

30 Данные правила касаются как положений, устанавливающих правовое регулирование отношений, регулирование которых передано на уровень интеграционного объединения, так и положений, направленных на гармонизацию правового регулирования государств-членов ЕАЭС.

Елисеева Е. Г.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ТРАСТА) В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА

В статье приводится краткая история развития и сущность такого уникального института общего права, как доверительная собственность или траст, который был сформирован в силу исторических специфических обстоятельств, вызванных общественным устройством Англии. Также затрагиваются темы классификации трастов, условий их деятельности и потенциального использования в странах континентального права, с учетом мнений известных ученых и зарубежного опыта.

Ключевые слова: доверительная собственность, траст, классификация трастов, общее право, бенефициар, доверительный собственник, доверительное управление имуществом.

Eliseeva E. G.

EVOLUTION OF INSTITUTE OF TRUST IN CIVIL LAW COUNTRIES

The article describes the brief history of evolution and essence of trust as a unique institution of the common law, which was shaped by virtue of peculiar historical circumstances associated with the social structure of England. The article also reveals the existing classifications of trusts, conditions of their operation, as well as their potential usage in civil law countries with the consideration of the well-known scholars and foreign experience.

Keywords: trust, classification of trusts, common law, beneficiary, trustee, trust administration of property.

Одной из тенденций последних лет правовой политики многих государств является использование зарубежного опыта в целях совершенствования национального законодательства и регулирования тех аспектов, которые ранее такого регулирования не имели, в то время как динамичное развитие современного бизнеса на фоне активной глобализации, затрагивающей все сферы человеческой деятельности, неизменно заставляет обращать внимание на институты права, используемые в зарубежной практике, в частности, в системе общего права. Одним из таких институтов является доверительная собственность или траст, история которого насчитывает более тысячи лет.

Актуальность изучения траста стимулируется его ведущей ролью в системе общего права и агрессивной международной экспансией, однако этот институт, несмотря на его активное использование в мировой бизнес-практике, во многом остается чуждым в странах континентального права.

По мнению английских юристов, траст оптимально обеспечивает и защищает интересы прежде всего лиц с достатком выше среднего уровня. Передача имущества в доверительную собственность обеспечивает профессиональное управление имуществом и получение максимального дохода от его использования при минимизации рисков. Кроме того, при передаче имущества по наследству или при его продаже учредитель траста и бенефициары избегают уплаты соответствующих налогов¹.

Считается, что право доверительной собственности (use, а затем trust) – уникальное явление в мировой правовой действительности. Основная часть правоведов, исследовавших историю доверительной собственности (траста), сходится во мнении, что доверительная собственность в своей первоначальной форме (use) появилась в XII–XIII вв. в Англии, то есть сразу же вслед за возникновением общего права. Ее появление обычно связывают с необходимостью преодоления разного рода ограничений и запретов на отчуждение земель, в частности, в пользу церкви, которые были свойственны английскому феодальному устройству общества, а также с особенностями наследования земель, так как земля могла перейти в собственность лишь наследника по закону. Этот институт сформиро-

Елисеева Е. Г.

вался изначально в виде практики неформальных имущественных (чаще всего, земельных) отношений, получивших впоследствии защиту по праву справедливости (law of equity)².

Ограничения обходились (с конца XIV в.) путем передачи собственности в доверительное управление в пользу третьего лица: полноценный собственник выступал в качестве доверителя, который обязывал одного или нескольких доверенных лиц, также полноправных (trustee), управлять его имуществом — после смерти, в отсутствие и т. п. — в интересах других лиц, получающих все выгоды управления. Доверенное лицо управляло имуществом по собственному усмотрению, могло им полностью располагать, никому не отчитываясь.

Тот факт, что доверительная собственность сопутствует общему праву во все периоды его существования и что структура и функции траста являются сходными во всех странах общего права, позволяет рассматривать доверительную собственность как правовое явление, неизбежно свойственное общему праву³.

Законы, регулирующие создание и деятельность трастов, были созданы как в Англии, так и в странах с англосаксонской правовой системой – США, Австралия, Кипре, в государствах, бывших ранее частью Британской империи, а также в странах, которые и сейчас относятся к юрисдикции Великобритании, хотя и имеют собственное законодательство (о. Мэн, Гибралтар, Британские Виргинские острова и т.д.).

Во многих трудах подчеркивается своеобразие английской правовой системы, которое и сделало возможным появление доверительной собственности. В свое время Г. Ф. Шершеневич, анализируя английскую правовую систему, указывал: «Развитие английского права шло самостоятельным путем, независимо от римского и канонического. Поэтому оно представляет особенности в прошедшем и в настоящее время сравнительно с правом континентальных государств. История источников права в Англии тесно связана с историей судебной организации»⁴.

1 Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.

2 Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011.

3 Жданов А. А. Возникновение и эволюция доверительной собственности в Общем праве // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 189–198.

4 Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Девятое издание. – М., 1911. – С. 36.

Сам принцип траста остался неизменным на протяжении веков. Хорошо разработанное законодательство, вобравшее в себя опыт разрешения многочисленных судебных исков, явилось причиной того, что траст превратился в одно из наиболее гибких и удобных средств управления имуществом и являет собой яркий пример искусного приспособления этого института, появившегося под влиянием конкретно-исторических специфических обстоятельств, порожденных феодальным общественным устройством Англии в средние века, для удовлетворения современных потребностей⁵. Применение доверительной собственности в странах, относящихся к англо-американской правовой системе, получило чрезвычайно широкое распространение в самых различных сферах имущественного оборота.

Сущность отношений доверительной собственности (траста) по англо-американскому праву состоит в том, что одно лицо — учредитель доверительной собственности (основатель), являющееся собственником имущества (settlor), передает свое имущество другому лицу — доверительному собственнику (trustee) для управления в интересах указанного им лица — бенефициара (beneficiary). При этом собственник имущества — учредитель траста в качестве бенефициара может назначить самого себя. Не исключаются ситуации, когда собственник назначает себя даже в качестве доверительного собственника (trustee). При этом объектом траста может быть любое имущество, как движимое, так и недвижимое, за исключением имущества, прямо запрещаемого законодательством страны учреждения доверительной собственности.

Необходимо отметить, что основатель вправе передать своё имущество как при жизни (прижизненный траст), так и предусмотреть такую передачу после своей смерти (завещательный траст). Доверительный собственник несёт ответственность за выполнение условий трастового соглашения и, как правило, получает широкие полномочия по управлению имуществом основателя, но также может получить особые инструкции по распределению трастового дохода и капитала между бенефициарами при наступлении некоторых заведомо предусмотренных основателем условий. Такие условия, как правило, включаются основателем в так называемое письмо-пожелание (letter of wishes), адресуемое доверительному собственнику, и в котором основатель вправе предусмотреть условия замены доверительного собственника, оговорить вопрос о передаче этого права другому лицу и т. п.

Доверительная собственность, при всем разнообразии ее видов, имеет два основополагающих и существенных признака, которые создают доверительную собственность как таковую: имущество, составляющее так называемый trust fund, и цель, для которой это имущество предназначено⁶.

Если говорить о видах траста, то, по мнению З. Э. Беневоленской, именно момент и обстоятельства учреждения (возникновения) доверительной собственности являются классифицирующим признаком для разграничения ее видов. Например, разграничение доверительной собственности на основные виды — явно выраженную доверительную собственность (express trust), подразумеваемую доверительную собственность (implied trust), доверительную собственность, подразумеваемую по закону (constructive trust, resulting trust), благотворительную собственность (charitable trust, non-charitable (commercial) trust) — зависит от оснований возникновения доверительной собственности. Основанием же классификации на явно выраженную доверительную собственность

(express trust) и подразумеваемую доверительную собственность (implied trust) является именно характер выражения воли учредителем доверительной собственности⁷.

В качестве бенефициара может выступать не только конкретное лицо, назначенное собственником, но и неопределенный круг лиц. По такой схеме, в частности, учреждаются благотворительные трасты (charitable trusts), которые устанавливаются в целях создания учреждений культуры, здравоохранения и т. п. Такие трасты зачастую называют публичными (public trust) и они противопоставляются частным трастам (private trust), поскольку действуют в общественных интересах⁸.

Помимо благотворительных трастов, учреждаемых в пользу неограниченного круга лиц, существуют и так называемые в Англии и Канаде дискреционные трасты (discretionary trusts). Бенефициары таких трастов, как и уровень выплат им, не фиксирован, а определяется путем применения определенных критериев, установленных основателем траста. Такой тип траста в Новой Зеландии и Австралии называется семейным. В случае если такой траст является завещательным, то обычно основатель оформляет письмо-пожелание, однако такой документ не является императивным. Дискреционные трасты могут быть лишь явно выраженными.

Важное значение имеет возникающая в силу закона такая форма доверительной собственности, как конструктивная собственность (constructive trust, resulting trust). Эта форма доверительной собственности предназначена для обслуживания особо доверительных, фидуциарных отношений, возникающих в тех случаях, когда одно лицо ведет дела другого, например, в отношениях между принципалом и агентом, компанией и ее директорами, членами партнерства, клиентом и адвокатом, опекуном и подопечным и т. п. Более того, наличие отношений доверительной собственности презюмируется во всех случаях, когда одно лицо, действующее в интересах другого, получает возможность обогатиться за его счет. В подобной ситуации признание существования между ними трастовых отношений служит средством предотвращения неосновательного обогащения.

С точки зрения содержания таких правоотношений следует отметить, что доверительный собственник выступает в имущественном обороте от своего имени как собственник имущества, независимо от оснований их возникновения (по закону или в силу договора). Он вправе использовать имущество и распоряжаться им, заключая любые сделки. Исключение составляет лишь правомочие на отчуждение указанного имущества, предоставленного доверительному собственнику законом или договором.

Управляя переданным в траст имуществом, доверительный собственник должен отчитываться перед бенефициаром. Кроме того, на доверительном собственнике лежит обязанность передать бенефициару все выгоды, полученные от использования имущества, потребовав для себя лишь возмещение фактических затрат и расходов, связанных с управлением имуществом, если иное не предусмотрено договором. Преимущества бенефициария по отношению к третьим лицам и принято обобщенно именовать «собственностью по справедливости» (equitable ownership). Принцип обособления имущества траста от другого имущества управляющего траста (trustee) имеет то же основание, поскольку с точки зрения права справедливости (equity) имущество траста ему не принадлежит⁹.

5 Договор доверительного управления имуществом / Витрянский В. В. — М.: Статут, 2002.

6 Беневоленская З. Э. Определение, классификация видов и квалифицирующие признаки доверительной собственности (траста) по праву Великобритании // Журнал российского права. — 2008. — № 9. — С. 118–126.

7 Там же.

8 Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1992. — С. 236.

9 Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа

В английском праве до настоящего времени действует презумпция безвозмездности осуществления доверительным собственником своих обязанностей, если договором не предусмотрено иное, но по праву США выполнение доверительным собственником указанных обязанностей осуществляется на возмездной основе. В случае возмездного характера таких отношений, услуги доверительного собственника оплачиваются бенефициаром или основателем доверительной собственности.

В настоящее время институт доверительной собственности широко используется для организации крупных корпораций и холдинговых компаний. Начало этому процессу было положено в 1892 г., когда в США был организован Standard Oil Trust: акционеры сорока нефтяных компаний заключили соглашение о передаче всех имеющихся у них акций уполномоченным лицам — доверительным собственникам, взамен чего они получили особые сертификаты, удостоверяющие их взаимоотношения с доверительными собственниками, которые, в свою очередь, приняли на себя обязанности, связанные с ведением дел компании к наибольшей выгоде учредителей траста¹⁰.

Примечательно то, что в России изначально планировалось пойти аналогичным путем: Указом Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)»¹¹ предлагалось ввести понятие траста в отечественный гражданский оборот. Указ предусматривал, что до вступления в силу нового ГК РФ «передаче в траст подлежат исключительно пакеты акций акционерных обществ, созданных при приватизации государственных предприятий» (п. 21). Считается, что существенное противоречие траста российскому вещному праву привело к невозможности применения в России данного института, и с вступлением в 1996 г. в действие части второй ГК РФ Указ № 2296 фактически утратил свое действие (хотя и не был формально отменен) и был заменен на институт доверительного управления имуществом.

Тематика доверительной собственности затрагивалась профессором В. А. Дозорцевым в комментарии к части второй ГК РФ, изданном после введения в действие норм о доверительном управлении имуществом. По мнению В. А. Дозорцева, доверительная собственность, являясь порождением и элементом «права справедливости», т.е. особой ветви английского права, неработоспособна вне соответствующей правовой системы. Сходной позиции придерживается Л. Ю. Михеева — автор монографии «Доверительное управление имуществом в Российской Федерации. Комментарий законодательства». В своей работе Л. Ю. Михеева признала, что идеи доверительной собственности (траста) в той или иной степени воспринимаются правовыми порядками стран романо-германской правовой группы. При этом она отмечала, что законодательства стран континентальной правовой системы не прибегают к «расщеплению» неделимого права собственности. А раз не происходит «расщепления» права собственности, то не может возникнуть и конструкция траста в том виде, в каком она существует в английской правовой системе¹².

Специалисты континентального права фокусируются по большей мере именно на практической стороне вопроса, анализируя потенциал применения института траста в различ-

ных сферах, в том числе в наследственных, семейных и обязательственных отношениях.

Доказательством проникновения и распространения этого института в континентальной части является подписание Гаагской конвенции «О праве, применимом к трастам, и их признанию» (01.07.1985)¹³, вступившей в действие в январе 1992 г. и подписанной в разное время 12 государствами, среди которых Франция, Италия, Нидерланды, Швейцария и т.д., то есть государства континентального права.

В ст. 2 Конвенции перечислены общие характеристики, присущие институту траста. Авторы Конвенции не ставили перед собой задачу дать четкое определение трасту, этот вопрос остается дискуссионным до сих пор даже в среде общего права.

Приведенные в Конвенции основные черты правовой категории, именуемой трастом, позволяют включить в сферу действия положений Конвенции не только классические англо-американские трасты, но и схожие с ними конструкции, возникшие в праве таких стран, как Аргентина, Венесуэла, Египет, Израиль, Панама, Шри-Ланка, Южная Африка, Япония, а также в канадской провинции Квебек и американском штате Луизиана.

Конвенция, не имея цели имплементировать институт траста во внутреннее законодательство континентальных стран, создает основу для обобщенного понимания трастов и в дальнейшем — для материально-правовой унификации в сфере доверительной собственности¹⁴.

Вопрос о квалификации траста, в том числе для определения применимого к трасту права, носит дискуссионный характер и в России. В нашей стране в силу отсутствия в действующем законодательстве каких-либо положений о трастах вопрос об их квалификации может получить разрешение в судебной практике, например, в руководящих указаниях ВАС РФ. Однако до настоящего времени высшие судебные инстанции еще не выразили своего отношения к данному институту, несмотря на его активное использование в практике отечественных лиц¹⁵. Данная ситуация может неблагоприятно сказываться не только на частном бизнесе, но и на интересах государства, чей бюджет в силу отсутствия регулирования теряет ряд выплат.

Российским бизнесменам, участвующим в создании трастов, однако необходимо принимать во внимание возможные риски, связанные с противоречиями между применимым иностранным и российским законодательством, существующими на данный момент. Ярким примером таких противоречий может служить рассмотренное в прошлом году английским судом дело по иску одного из крупных российских бизнесменов. Из материалов дела следовало, что бизнесмен и его супруга, являясь гражданами России и состоя в браке, зарегистрированном по российскому законодательству, приобрели недвижимость в Лондоне, которая должна была стать основным местом проживания жены. Указанная недвижимость была передана в дискреционный траст, в котором муж был указан в качестве одного из бенефициаров. После расторжения брака доверительные управляющие траста приняли решение об исключении мужа из состава бенефициаров траста. Муж обжаловал это решение в английском суде, требуя признания за ним права на 50% бенефициарной доли в трасте, т.к. согласно российскому семейному законодательству, в соответствии с которым был заключен брак, он имел право на половину со-

Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О. А. Хазова. — М.: Волтерс Клувер, 2006.

10 The Dismantling of The Standard Oil Trust [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.linco.org/standardoil.html> (дата посещения 01.05.2015).

11 Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 03.01.1994. — № 1. — Ст. 6.

12 Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. — М.: Инфотропик Медиа, 2012.

13 Convention on the Law Applicable to Trusts and on Their Recognition [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hcch.net/upload/conventions/txt30en.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

14 Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. — М.: Инфотропик Медиа, 2012.

15 Канашевский В. А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. — 2013. — № 4. — С. 63–67.

вместного имущества, приобретенного в период брака. Английский суд вынужден был принять решение о применимом праве в данном споре: английское право (по месту нахождения спорного объекта недвижимости) или российское право (по месту заключения брака). Суд признал применимым российское право. Однако в силу того, что российское право не признает концепцию бенефициарности в трасте, муж не смог воспользоваться правом на совместное имущество, предусмотренное российским семейным законодательством, и в результате утратил права на спорный объект недвижимости.

На основании изложенного представляется крайне целесообразным обращаться за профессиональной помощью к консультантам, имеющим практический опыт построения бизнес-структур, включающих в себя трасты, в качестве эффективных элементов достижения поставленных целей и задач¹⁶.

Итак, доверительную собственность можно рассматривать как способ регулирования имущественных отношений, суть которого состоит в признании имущественного права за лицом, не являющимся управомоченным по общему праву. Такие правоотношения представляют собой уникальное явление общего права, основанное на особенностях культурного и социального развития в странах общего права и привлекающее всё большее внимание правоведов и представителей бизнеса стран континентального права. Иностранная практика показывает, что этот институт, будучи достаточно гибким, может использоваться и в отношениях, регулируемых нормами континентального права, а при существующих экономических рисках трасты будут широко использоваться в обеих правовых системах, а сфера их использования будет только расширяться.

Ожидается, что процесс взаимного влияния институтов общего и континентального права продолжится. Так, например, вступившая в силу в сентябре 2014 г. новая редакция гл. 4 ГК РФ, посвященная юридическим лицам, закрепила совершенно новое для российского права деление хозяйственных обществ на публичные и непубличные, более привычное в США, и, таким образом, был сделан определенный шаг к переходу к американским правовым конструкциям. Еще ранее Постановлением Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П¹⁷ ознаменовался новый этап в развитии отечественного налогового права в частности и всего российского права в целом. Данным Постановлением Конституционный Суд РФ легализовал активно применявшийся арбитражными судами в течение последнего десятилетия институт судебного прецедента как источника права вообще и налогового права в частности. Можно сколько угодно спорить с вышеназванным решением Конституционного Суда РФ, но факт остается фактом: с 21 января 2010 г. Россия де-юре стала страной прецедентного права¹⁸.

Несмотря на включение в ГК РФ норм о доверительном управлении имуществом, предполагаемом аналоге исследуемого института, внимание к нему российских юристов и представителей бизнеса не ослабевает. Он всё чаще и чаще используется при приобретении движимого и недвижимого имущества за границей, передаваемого затем в управление

доверительным собственникам. Представляется необходимым дальнейшее изучение накопленного практического опыта коллег из стран континентального права, где институт траста уже нашел свое применение, с целью анализа потенциально его использования в России в интересах и бизнеса, и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»» // Собрание законодательства РФ. – 08.02.2010. – № 6. – Ст. 699 (Постановление).
 2. Беневоленская З. Э. Определение, классификация видов и квалифицирующие признаки доверительной собственности (траста) по праву Великобритании // Журнал российского права. – 2008. – № 9.
 3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011.
 4. Гражданское и торговое право капиталистических государств: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1992.
 5. Договор доверительного управления имуществом / Витрянский В. В. – М.: Статут, 2002.
 6. Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О. А. Хазова. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
 7. Жданов А. А. Возникновение и эволюция доверительной собственности в Общем праве // Правоведение. – 2001. – № 6.
 8. Канашевский В. А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. – 2013. – № 4.
 9. Скворцов А. Введение в трасты: структура, формы, основные виды бизнес-использования // СПС Консультант Плюс, 2013.
 10. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.
 11. Цветков И. Прецедент создан // Российская Бизнес-газета. № 750 (17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/05/18/nalogi-spory.html> (дата посещения 19.09.2015)
 12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Девятое издание. – М., 1911.
 13. Convention on the Law Applicable to Trusts and on Their Recognition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hcch.net/upload/conventions/txt30en.pdf> (дата посещения 01.05.2015).
 14. The Dismantling of The Standard Oil Trust [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linfo.org/standardoil.html> (дата посещения 01.05.2015).
- ¹⁶ Скворцов А. Введение в трасты: структура, формы, основные виды бизнес-использования // СПС Консультант Плюс, 2013.
- ¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»» // Собрание законодательства РФ. – 08.02.2010. – № 6. – Ст. 699 (Постановление).
- ¹⁸ Цветков И. Прецедент создан // Российская Бизнес-газета. – № 750 (17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/05/18/nalogi-spory.html> (дата посещения 19.09.2015).

Занибеков М. М.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММЕРЦИИ

В статье рассматривается поэтапное становление интеллектуальной собственности в рамках международных торговых отношений. По итогам проведенного анализа автор выделяет основные аспекты взаимодействия данных институтов и вносит предложения по усовершенствованию правового регулирования отношений, возникающих в результате такого взаимодействия.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, международная торговля, глобализация, ГАТТ, ТРИПС, ВТО, ИНКОТЕРМС.

Zanibekov M. M.

INTELLECTUAL PROPERTY IN INTERNATIONAL COMMERCE

The article deals with the gradual emergence of intellectual property in international trade relations. Based on this analysis the author identifies the main aspects of cooperation between these institutions and makes proposals to improve the legal regulation of relations arising from such interaction.

Keywords: intellectual property, international trade, globalization, GATT, TRIPS, WTO, Incoterms.

Занибеков М. М.

Международные торговые отношения предопределяют развитие государств во всех существующих областях: активное и успешное участие в международной коммерции предоставляет государству широкие возможности всеобъемлющего сотрудничества существующих сфер отношений.

Международная торговля движется по пути своего становления и совершенствования по мере увеличения трансграничного обмена товарами, услугами и капиталом.

Указанный фактор развития, показал значительный и резкий рост в послевоенный период 1945–1960 гг. — количество международных торговых операций возросло в сравнении с национальным ростом во многих странах по самым скромным подсчетам в два раза.

При этом следует понимать, что причиной такого резкого роста явились также структурные изменения в экономике практически всех стран — смена социально-экономического строя и переход к экономике знаний (знания — торговый актив). Данные изменения мирового масштаба продиктовали новые условия для последующей адаптации государств: участники международного торгового сообщества, занимающиеся экспортом («продавцы»), следуя интересам национального бизнеса, оказывали давление на «страны-потребители», которые имели на тот момент слаборазвитое законодательство по охране прав на интеллектуальную собственность. Такое воздействие с учетом интересов «продавцов» выразилось в обязательном для «стран-потребителей» порядке принятия условий о внесении изменений в свое национальное законодательство в сфере интеллектуальной собственности. Изменения касались в своей большей части предоставления на законодательном уровне охраны интересов правообладателей.

Экономика знаний обуславливает новое значение технологий и инноваций как на национальном, так и на международном уровне. Инновации в форме объектов интеллектуальной собственности становятся таким же экономически важным активом, как труд или капитал, и являются предметом торговых отношений между резидентами разных стран. Представляется интересным мнение М. В. Гуровой¹ о том, что торговля объектами интеллектуальной собственности, по

сути, представляет собой передачу прав на новое знание. Под передачей прав в контексте интеллектуальной собственности понимается согласие владельца на продажу всех его исключительных прав интеллектуальной собственности и приобретение этих прав покупателем, независимо от того, является ли он физическим или юридическим лицом.

Очевидно, что система международной торговли и интеллектуальная собственность не могли существовать в разрыве.

Конец XX — начало XXI веков ознаменованы для участников мировой торговой арены как начало новой эпохи в развитии международной торговли, результата всемирной глобализации. Однако такое положение вещей подразумевало адаптацию международного правового регулирования (в том числе международных правовых обычаев) под сменяющуюся структуру международных отношений. На заре этой эпохи возник ряд фундаментальных вопросов, требующих особого подхода к их решению. К примеру, можно назвать следующие: какие конкретно действия должны предпринять каждое отдельное государство на национальном уровне и мировое сообщество в целях дальнейшего развития института охраны прав на объекты интеллектуальной собственности? С помощью каких критериев можно определять взаимодействие торговой системы и интеллектуальной собственности в точках их соприкосновения? Каким образом установить на нормативно-правовом уровне баланс между интересами создателей интеллектуальных ценностей и их пользователями?

Можно сказать, что решение этих и многих других вопросов в сфере права на результаты интеллектуальной деятельности проходило в рамках дебатов мирового уровня, перед участниками которых стояла задача рассмотрения данных вопросов через различные призмы: культурную, экономическую, политическую и гуманитарную. Ситуация осложнялась тем, что в мировом сообществе отсутствовали аналитики в данной области, способные спрогнозировать дальнейшее развитие международных отношений по итогам принятия того или иного решения.

По итогу, наиболее обсуждаемой стала следующая дилемма:

- максимизировать экономическую выгоду каждой конкретной страны, региона, отрасли, сектора, предприятия или физического лица путем разработки и использования прав на объекты интеллектуальной собственности;

¹ Гурова М. В. Интеллектуальная собственность в инновационном развитии мировой экономики: Дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2010.

• использовать инновационные и творческие способности субъектов на улучшение условий жизни человека посредством положений, касающихся предоставления и возможности эффективного осуществления прав на объекты интеллектуальной собственности.

Дилемма подразумевает определенный выбор одной из двух предложенных позиций, однако, как оказалось, трудность такого выбора возможно несколько облегчить: было принято более демократичное нетривиальное решение, вобравшее в себя отдельные черты обоих предложенных разнонаправленных вариантов решения. Тем самым была предпринята попытка достижения разумного баланса между потребностью общества в получении и использовании результатов интеллектуальной деятельности и заинтересованностью авторов и инвесторов в справедливом вознаграждении за творческий труд и вложенные капиталы — что в качестве «золотой середины» выделяет И. А. Близнец² в своих научных трудах.

На наш взгляд, в обстановке, когда отдельные государства, компании или лица обладают более обширными возможностями на использование результатов интеллектуальной деятельности в сравнении с другими, одним из основных остается вопрос о том, каким образом обеспечить, чтобы каждый в этой взаимозависимой международной системе получал доступ к объектам интеллектуальной собственности в разумные сроки и по разумной цене, при этом одновременно поддерживать постоянное развитие инноваций и творчества во всем мире, не нарушая охрану прав интеллектуальной собственности. Последняя является необходимой не только с юридической точки зрения. В поддержку данной точки зрения также выступают экономисты³, подвергая сомнению тот факт, что свободные рыночные силы в одиночку обеспечат достаточный стимул для инновационного творчества. В таких условиях новатор не сможет в полной мере получить выгоду от своего открытия. Поэтому они утверждают, что для стимуляции процесса инновационного роста необходимо предоставление охраны прав интеллектуальной собственности, а также субсидирование со стороны государства, что можно в определенной мере наблюдать в практическом применении на сегодняшний день.

Другими словами, результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат отдельному лицу, должны помимо того, что приносить ему выгоду, также быть полезными обществу в целом. М. В. Гурова⁴ усматривает в этом противоречие, заключающееся в том, что права интеллектуальной собственности, составляющие главную институциональную предпосылку рыночной оценки заслуг авторов и их вклада в развитие знаний, могут препятствовать быстрому распространению новых знаний в интересах всего мирового сообщества в целом. Как уже было отмечено, для стимулирования потенциальных создателей инноваций к изобретательской деятельности необходимо принятие мер по защите прав интеллектуальной собственности, а для инновационного развития экономики важным фактором является распространенность и доступность результатов такой деятельности. В масштабах мировой экономики эта проблема предстает в виде преодоления инновационного разрыва между

развитыми и развивающимися странами. В качестве решения данной проблемы наиболее эффективным представляется создание на наднациональном уровне рабочих механизмов международного регулирования отношений интеллектуальной собственности с отнесением полномочий по контролю таких механизмов определенному международному органу (ВОИС, ВТО).

Если обратиться к анализу изменений, имевших место в процессе международной торговли товарами и услугами, берущей свое начало еще с незапамятных времен, можно определить, что в сегодняшних реалиях данный процесс выглядит несколько иначе, чем его прообраз. Если первоначально перед международным сообществом стояла задача правового урегулирования процесса обмена готовыми товарами и услугами, то сегодня речь идет зачастую о многоэтапном процессе производства товаров и предоставления услуг: стадии проектирования, производства, распределения товаров и предоставления услуг могут проходить на территории различных государств. Помимо этого, стремительный процесс глобализации сталкивает нас с такой ранее неизвестной системой, как интегрированная мировая экономика, которая делает понятия экспорта и импорта несоответствующими тем, какими они были нам известны в первоначальном виде. Однако не следует забывать и о внедренном в мировой рынок новом элементе — интеллектуальной собственности (в данном случае выступающей не в роли объекта торговли, а в роли обязательного дополнения к нему) — теперь международная торговля товарами и услугами проходит с обязательным (под угрозой санкций) учетом прав интеллектуальной собственности третьих лиц.

Проводя уместную, на наш взгляд, аналогию с понятием международного частного права, данным М. М. Богуславским⁵, как совокупности правовых норм, регулирующих гражданско-правовые, трудовые и иные частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, можно дать следующее определение международной торговли товарами и услугами через призму обозначенных выше изменений — система международных отношений в области межгосударственного обмена товарами и услугами, осложненная элементом интеллектуальной собственности.

Как известно, правила, регулирующие международную торговлю, имеют свое закрепление на международном и национальном уровнях. На международном уровне принимаются документы в рамках международных организаций (Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития и др.), заключаются межгосударственные многосторонние (либо двусторонние) соглашения в рамках определенного вопроса, однако регулирование ощутимой части международных торговых операций остается за национальным договорным правом отдельных государств (не являющихся членами международных организаций и не имеющих международных соглашений в данной области), также не следует забывать о международных торговых обычаях, которым тоже отведена своя немаловажная роль в международной торговле. Справедливо будет сделать вывод о том, что на сегодняшний день система правового регулирования отношений в области международной торговли не является универсальной, иначе говоря, отсутствует единый документ, обладающий юридической силой на всей территории международной торговой арены, что заметно препятствует эффективному правовому регулированию в данной сфере. К

2 Близнец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование: Дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003.

3 Hoekman B., Kostecki M. The Political Economy of the World Trading System: From GATT to WTO. — Oxford, 1995.

4 Гурова М. В. Интеллектуальная собственность в инновационном развитии мировой экономики: Дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2010.

5 Богуславский М. М. Международное частное право. — М., 2012.

решению данной проблемы приведет процесс унификации международного законодательства.

Первым документом в области международной торговли, ее краеугольным камнем принято считать Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), которое первоначально рассматривалось лишь как часть всеобъемлющего соглашения в рамках новой международной торговой организации (МТО, устав которой так и не был ратифицирован). Данное соглашение было подписано по результатам Гаванской конференции по торговле и занятости 1946 г. Историю ГАТТ принято упрощенно делить на три фазы: первая — с 1947 г. до Торквейского раунда (фокусировалась на том, какие именно товары подлежат регулированию и замораживанию существующих тарифов); вторая — с 1959 по 1979 г., включала три раунда (снижение тарифов) и третья, Уругвайский раунд с 1986 по 1994 г. (расширение ГАТТ до таких новых областей, как интеллектуальная собственность, услуги, капитал и сельское хозяйство; зарождение ВТО). Особенную актуальность для РФ (учитывая вступление РФ во Всемирную торговую организацию (ВТО) 22 августа 2012 г.) имеют документы, принятые именно на этом, последнем этапе.

Согласимся с суждением Института мировой экономики Петерсона касаясь того, что включение норм по интеллектуальной собственности в систему международной торговли явилось переломным моментом⁶. В частности, речь идет о принятии по результатам Уругвайского раунда Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которое расширило сферу действия торгового режима. Следует заметить, что здесь можно наблюдать изменение структуры и характера материально-правовых норм. Если до подписания ТРИПС международные торговые нормы были сфокусированы на предостережениях, очерчивающих рамки возможных действий для государств-участников (например, запрет на установление тарифов и квот, ограничивающих международную торговлю), то нормы ТРИПС уже предусматривают совершение определенных действий (в части предоставления охраны прав интеллектуальной собственности). Положения ТРИПС носят императивный характер, они вводят минимальные стандарты для предоставления охраны прав интеллектуальной собственности, которых обязаны придерживаться государства-участники под угрозой введения в отношении них санкций.

Анализ ТРИПС как международного документа, имеющего определенный успех, показывает, что у него наряду со сторонниками также имеются противники, утверждающие, что данному соглашению не должно быть места в системе международной торговли. Многие обозреватели также указывают на тот факт, что данное соглашение создало прецедент расширения вопросов, регулируемых ВТО, и тем самым дало возможность включения в этот список таких вопросов, как экологические и трудовые стандарты⁷.

Изначально противники данных нововведений ставили под сомнение резонансность таких структурных изменений, ссылаясь на ряд сложностей, с которыми пришлось столкнуться государствам — участникам ТРИПС⁸. Многие государства на момент принятия данного соглашения не имели вовсе в своем внутреннем законодательстве норм об интеллектуальной

собственности, другие при наличии таких норм все же имели отличную систему от той, которая предлагалась (под угрозой санкций) ТРИПС. Другими словами, ТРИПС вводило новые стандарты, требовавшие от государств-участников установления на своей территории нового режима функционирования системы интеллектуальной собственности, причем с этого момента государства-участники лишались возможности внесения каких-либо изменений, которые обладали бы менее строгими стандартами, если это даже противоречит интересам государства.

Свободный обмен товарами, услугами, капиталом и объектами интеллектуальной собственности является оптимальным вариантом для создания благоприятных условий развития экономики государств. В подтверждение чему можно привести в пример точку зрения Д. Гервейза, который подчеркивает, что наложение каких бы то ни было ограничений, будь то стандарты охраны прав интеллектуальной собственности либо стандарты безопасности и здравоохранения, приводит к снижению объемов торговли, соответственно, ингибируя торговлю, эти ограничения делают экономику государства неконкурентоспособной⁹. Ученые и практики, поддерживающие эту точку зрения, выступают против включения стандартов интеллектуальной собственности в торговые соглашения, открывающие международные рынки государствам-участникам. Они полагают, что введение таких стандартов в международные торговые соглашения и процедуры их обеспечения было и остается неверным шагом, в частности касаясь ВТО, члены которой находятся на разных уровнях развития (речь идет не только об экономическом развитии). Таким образом, согласно их исследованиям, нарушен баланс между правами, интересами инноваторов и потребителей (покупателей), с передачей преимущества инноваторам, в частности, особенно пострадали в данном случае потребители развивающихся государств. Предполагается, что статус-кво должен быть восстановлен путем внесения соответствующих изменений в международные соглашения, однако в данном случае остается не совсем понятным, какие конкретно коррективы в международные соглашения следует внести для рационализации сложившейся ситуации без риска ее усугубления.

Согласно другому научному исследованию К. Финк и К. Маскуса, посвященному данной тематике, отсутствие стандартов интеллектуальной собственности могло привести к негативным для международной торговли последствиям¹⁰. В таких условиях количество совместных международных предприятий, лицензионных соглашений, обмена технологиями было бы несравнимо меньшим, и соответственно был бы снижен спрос на международном рынке. Сторонники этой точки зрения считают, что введение единых международных стандартов и принятие общих мер по охране прав интеллектуальной собственности будет являться залогом постоянного инновационного роста и общего благосостояния мирового сообщества.

Следует отметить, что помимо ТРИПС существует ряд других международных документов, которые, пусть даже не самым непосредственным способом, однако относятся к перемещению результатов интеллектуальной деятельности через границы государств (например, основополагающие Парижская конвенция 1967 г., Бернская конвенция 1971 г., Римская

6 Официальный сайт Института мировой экономики Петерсона. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.iese.com

7 John M. Curtis. Intellectual property rights and international trade: an overview, 2012.

8 Matthews D. Globalizing Intellectual Property Rights: The TRIPS Agreement, 2002.

9 Gervais D. The Internationalization of Intellectual Property: New Challenges from the Very Old and the Very New, 2002.

10 Fink C., Maskus K. Intellectual Property and Development: Lessons from Recent Economic Research. — Oxford, 2005.

конвенция 1961 г. и разработанные в рамках ВОИС интернет-договоры).

Таким образом, интеллектуальная собственность взаимодействует с системой международной торговли:

- в качестве основного объекта торговли (результаты интеллектуальной деятельности);
- в качестве фактора, который необходимо учитывать при торговле товарами и услугами (права интеллектуальной собственности третьих лиц).

На наш взгляд, включение положений об интеллектуальной собственности в международные торговые соглашения произвело неоднозначный эффект на международную торговлю. В частности, нельзя с достаточной долей уверенности утверждать, что введенные стандарты интеллектуальной собственности имели какой-то определенный эффект на международные отношения в области торговли. Объективнее будет выглядеть исследование путем рассмотрения достигнутого таким правовым новшеством результата в рамках какого-то определенного государства, либо экономического сектора, т.к. существует целый ряд факторов, в зависимости от которых он будет различаться. Здесь можно назвать следующие обстоятельства: развитость институтов права определенного государства, умение адаптироваться под сменяющиеся стандарты, опытность менеджмента и т.д. Однако, если подводить итоги по данному вопросу, однозначно следует оценить работу по введению интеллектуальной собственности в коммерческий оборот на международном рынке как в целом положительную, по результатам которой участники международной торговли имеют возможность оперировать набором специальных правовых инструментов для защиты своих прав и интересов, открыты новые возможности для развития потенциала экономической активности государств.

Умелое и правильное управление правовыми инструментами позволяет участникам международной торговли избавиться от непредвиденных рисков. В связи с чем всегда существует необходимость создания таких упрощенных правовых механизмов, при которых даже непрофессиональные участники рынка имели бы возможность их использования без особых сложностей.

Ярким примером такой юридической практики по упрощению правовых инструментов являются ИНКОТЕРМС — международные правила по толкованию наиболее широко используемых торговых терминов в области внешней торговли.

Представляется эффективным разработать по аналогии международные правила по толкованию торговых терминов для объектов интеллектуальной собственности. С учетом накопленного опыта возможно создать универсальные торговые термины, которые саккумулируют все наиболее широко используемые условия заключения договоров. Для участников международной торговли достаточно будет определить соответствующий торговый термин.

Внедрение в торговую практику таких терминов:

- значительно облегчит организацию процесса обмена объектами интеллектуальной собственности, сведя к минимуму процесс «нормотворчества» при заключении договора;
- сведет к минимуму возможность допущения правовых ошибок при заключении договора;
- упростит процедуру рассмотрения судебных споров в данной области;
- предоставит сторонам возможность реально оценивать риски и потенциальную выгоду от заключаемого договора;

- сделает торговлю объектами интеллектуальной собственности более привлекательной, что будет служить очередным стимулом для создателей интеллектуальных ценностей.

Следует понимать, что наблюдающаяся на сегодняшний день тенденция по стремительному увеличению объемов международных торговых сделок в сфере интеллектуальной собственности подводит к выводу о том, что комплекс мер по урегулированию отношений в данной области будет еще неоднократно являться предметом дискуссий на международных площадках.

Пристатейный библиографический список

1. Блинец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003.
2. Блинец И. А. Право интеллектуальной собственности. – М., 2013.
3. Богуславский М. М. Международное частное право. – М., 2012.
4. Гурова М. В. Интеллектуальная собственность в инновационном развитии мировой экономики: Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2010.
5. Еременко В. И. Внешнеторговая деятельность и интеллектуальная собственность. – М.: 2008.
6. Fink C.б Maskus K. Intellectual Property and Development: Lessons from Recent Economic Research. – Oxford, 2005.
7. Gervais D. The Internationalization of Intellectual Property: New Challenges from the Very Old and the Very New, 2002.
8. Hoekman B., Kosteci M. The Political Economy of the World Trading System: From GATT to WTO. – Oxford, 1995.
9. John M. Curtis. Intellectual property rights and international trade: an overview, 2012.
10. Matthews D. Globalizing Intellectual Property Rights: The TRIPs Agreement, 2002.

Кротов А. В.

ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

В статье рассматривается влияние процессов глобализации на суверенитет российского государства.

Европейский суд по правам человека в ряде принятых им постановлений вынес решение о несоответствии норм Конституции Российской Федерации положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, после чего Конституционный Суд РФ принял Постановление, в котором указал на неприменение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в случае противоречий их по отношению к Конституции России. Автором сделана попытка разрешения сложившейся правовой коллизии.

Ключевые слова: суверенитет государства, Европейский суд по правам человека, Конституция России, Конституционный Суд.

Кротов А. В.

Krotov A. V.

THE LIMITS OF STATE SOVEREIGNTY IN THE JUDGMENTS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS, THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the impact of globalization on the sovereignty of the Russian state.

European Court of Human Rights in a number of judgments has ruled on discrepancy between the norms of the Russian Constitution and the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, then the Constitutional Court of the Russian Federation adopted a Resolution in which it pointed to non-application of the provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the event of their conflict in relation to the Russian Constitution. The author made an attempt to resolve the legal conflict.

Keywords: the sovereignty of the state, the European Court of Human Rights, the Constitution of Russia, the Constitutional Court.

В процессы глобализации в настоящее время вовлечены практически все государства мира, и причиной этого в большей степени является не универсализация прав, а экономические и информационные факторы.

Важность процессов глобализации, имеющих, несомненно, как позитивные, так и негативные стороны, неоднократно подчеркивалась в России президентом РФ В. В. Путиным (например, в Указе Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹, Указе Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»²).

По мнению автора, первая причина глобализации, ее фатализма, это процессы координирования мировой экономики после Второй мировой войны, далее генезис глобализации продолжила развивающаяся свобода информации, онтогенез которой посредством технического прогресса продолжается по настоящее время.

Развитие системы универсальных прав на международном уровне скорее опосредует указанные факторы.

Создание сети Интернет представило свободе информации поистине безграничные возможности реализации, независимые от действий государства, что представило глобализации новый мощный стимул к развитию.

В современных условиях государство стало менее самостоятельным в принятии решений, делегировав часть своих полномочий наднациональным структурам.

Общепринято, что состояние дел с соблюдением прав и свобод человека в том или ином государстве может быть предметом международной защиты.

На фоне таких ограничений необходимо учесть, что суверенитет, в том числе и государственный, не исчезает, он просто адаптируется к современным реалиям.

Государственный суверенитет российского государства закреплен в качестве основополагающего принципа государственного устройства в Конституции РФ.

Абсолютный отказ от суверенитета государства невозможен в принципе, ведь без суверенитета нет как такового государства, возможно лишь частичное ограничение такого суверенитета, причем безусловно с учетом воли непосредственно самого государства, и соответственно его граждан.

Примеры попыток ограничения суверенитета РФ мы видим в некоторых постановлениях Европейского суда по правам человека.

В марте 2012 г. ЕСПЧ было вынесено постановление по делу «Константин Маркин против Российской Федерации»³.

В указанном деле рассматривалась жалоба Маркина К., ранее обращавшегося с заявлением в Конституционный Суд РФ, который в своем Постановлении от 15.01.2009 г.⁴ указал,

1 Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2012).

2 Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. – 19 мая. – № 88.

3 Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=283631>

4 Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституцион-

что обжалуемые Маркиным на предмет соответствия Конституции РФ положения ФЗ «О статусе военнослужащих», Положения о порядке прохождения военной службы, не противоречат Конституции Российской Федерации, Конвенции МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 г.

ЕСПЧ в свою очередь признал, что по делу нарушены права заявителя, установленные в статьях 8, 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, опровергнув таким образом выводы Конституционного Суда РФ.

Показательным также стало дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации», рассмотренное ЕСПЧ 4 июля 2013 года⁵, в котором впервые ЕСПЧ были признаны противоречащими Конвенции некоторые положения Конституции РФ.

Рассмотрев материалы жалобы, ЕСПЧ отразил в своем постановлении в полной мере принципы глобализации и универсальности прав человека, признав фактически выводы национальных судов РФ инверсией положений Конвенции и постановлений ЕСПЧ, а также ряда норм Венской конвенции о праве международных договоров, Международного пакта о гражданских и политических правах.

Такое открытое противостояние между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ в деле «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» повлекло за собой принятие Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

В соответствии с указанным Постановлением Конституционного Суда РФ, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации.

Если Европейский суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции... Соответственно, постановление Европейского суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысла этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств... Не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал Конституции Российской Федерации, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточно высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции Российской Федерации⁶.

Отметим, что, к сожалению, политика вторглась в область прав человека настолько сильно, что происходит инверсия основных постулатов прав и свобод человека, а глобализация стала нести не только блага, но и определенный деструктив.

Нельзя в данном случае винить какую либо одну сторону конфликта, идеала как правовой, так и государственной системы не существует, однако поиск выхода из сложившейся ситуации необходимо искать с помощью диалога, а не путем альтернативных вариантов толкования в сущности аналогичных правовых норм, имеющих единую цель по обеспечению защиты и реализации прав и свобод человека, которые по своему определению в информационном глобальном обществе не являются статичными.

ных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>

5 Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 27 июля. – № 30. – Ст. 4658.

Для России наилучшим путем развития, по мнению автора, представляется беспорное активное участие в глобализационных процессах, основанное на принципах соблюдения норм умеренного культурного релятивизма.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2012).
2. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. – 19 мая. – № 88.
3. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=283631>
4. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе

военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>

5. Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 27 июля. – № 30. – Ст. 4658.

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРЭКОПРАВО

Алексеева Т. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье раскрываются вопросы, касающиеся видов и методов международной медиации в странах Европейского союза, выделяются общие этапы процесса медиации, а также обозначаются разные точки зрения на процесс медиации и роль медиатора в этом процессе.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, медиация, посредничество, конфликт, виды медиации, методы медиации, процесс медиации, роль медиатора.

Alekseeva T. V.

CERTAIN ASPECTS OF MEDIATION IN THE EUROPEAN UNION

The article focuses on issues related to types and procedures of international mediation in the European Union, identifying common stages of the mediation process and providing a number of perspectives on the process of mediation and the role of mediator in this process.

Keywords: alternative dispute resolution, mediation, interagency, conflict, mediation types, mediation procedures, mediation process, role of mediator.

Алексеева Т. В.

Примирительные методы урегулирования споров, появившиеся еще в первобытном обществе для предотвращения конфликтов, убийств и насилия, а впоследствии – средневековых междоусобиц, принимают в современном обществе различные формы, как судебные, так и внесудебные.

К числу внесудебных альтернативных способов разрешения споров (Alternative Dispute Resolution, или ADR) относятся и международная медиация, получившая широкое признание и, как следствие, часто используемая, так как позволяет предотвратить развитие негативных последствий для спорящих сторон уже на начальной стадии и избежать дорогого и продолжительного судебного разбирательства.

В Европейском союзе (далее – ЕС) медиация рассматривается как добровольное волеизъявление сторон привлечь независимую сторону с целью самостоятельного решения возникшего спора, в ходе которого медиатор сохраняет собственную беспристрастность и конфиденциальность информации¹.

В современном понимании термин «медиация» (лат. mediatio – посредничество, середина) закрепился во второй половине XX в.: посредничество в споре между людьми, государствами и иными участниками спора или конфликта, а также форма внесудебного разрешения споров с помощью третьей нейтральной, беспристрастной стороны – медиатора – с целью поиска взаимовыгодного решения конфликта для его сторон.

Впервые, и в большей степени, данный вид внесудебной практики успешно начал применяться в США. В настоящее время медиация широко используется в таких странах, как Канада, Австралия, Китай, а также Великобритания, Австрия, Франция и другие страны ЕС.

Международная практика свидетельствует об эффективности применения медиации. Генеральной Ассамблеей ООН всем государствам рекомендован Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре, принятый Комиссией ООН по праву международной торговли, с тем, чтобы они рассмотрели возможность его принятия в целях обеспечения единообразия законодательства о процедурах урегулирования споров в международной коммерческой согласительной практике. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 24 января 2003 г. № A/RES/57/18 отмечается, что согласительная процедура, или посредническая деятельность,

применяется в международной и национальной практике в качестве альтернативы судебному разбирательству². Следует отметить также ст. 33 Устава Организации Объединенных Наций, где медиация (посредничество) признана как средство мирного разрешения споров. В настоящее время принят целый ряд международных нормативных актов, регулирующих процедуру медиации.

В странах ЕС медиация, как способ разрешения спора (конфликта), возникшего в результате каких-либо правоотношений (семейные, трудовые, экономические, гражданские и т.д.), применяется гораздо чаще по сравнению с иными внесудебными альтернативными способами урегулирования споров, например, такими, как переговоры, примирение сторон, независимое разрешение, мини-процесс, досудебное совещание или упрощенный суд присяжных.

При рассмотрении соотношения судебного процесса и медиации выделяют три вида медиации:

– *частная* – полностью независимая от судебного разбирательства и применяется без последующего судебного процесса;

– *сопущующая судебному разбирательству* – инициируется самим судом, но протекает без дальнейшего судебного участия в разрешении конфликта;

– *судебное посредничество* – проводится в ходе судебного разбирательства и включает консультации и помощь юристконсультов и адвокатов, однако исключает участие судьи, наделенного правовыми судебными полномочиями³.

Данная классификация медиации соответствует ее применению в конфликтах и спорах, однако следует отметить и другие виды медиации.

Например, британский исследователь Дэвид Ричбелл разделяет медиацию на «медиацию спора» и «медиацию сделки». Медиация спора применяется именно когда спор (конфликт) уже возник. Медиация сделки применяется, когда спора (конфликта) не существует, с целью избежать его возникновения в будущем. В медиации сделки медиатор помо-

1 Steffek F. Mediation in the European Union: An Introduction. – LLM (Cambridge), 2012. – P. 1.

2 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24.01.2003 № A/RES/57/18 «Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о международной коммерческой согласительной процедуре».

3 Steffek F. Mediation in the European Union: An Introduction. LLM. – Cambridge, 2012. – P. 1.

гает сторонам провести переговоры таким образом, чтобы заключить максимально выгодную для всех сделку. Медиатор не заинтересован в исходе сделки и выполняет по большей части функцию содействия сторонам, при этом выявляя и сглаживая различия их переговорного стиля, напоминая о наличии важных для каждой из сторон аспектов сделки, создавая и поддерживая атмосферу доверия. В ходе такой медиации рождаются новые отношения, скрепленные позитивными эмоциями от договоренности и детальной проработкой интересов, которые могут быть реализованы только в медиации⁴.

Французский медиатор Жан-Франсуа Сикс выделяет следующие четыре вида медиации:

– *творческая медиация* – создает новые отношения и делает их взаимовыгодными;

– *обновляющая медиация* – улучшает уже существующие отношения, которые по тем или иным причинам были охлаждены или прерваны;

– *превентивная медиация* – предупреждает уже зарождающийся конфликт, пока у его потенциальных участников еще есть конструктивные отношения;

– *лечащая медиация* – разрешает конфликт⁵.

Указанные примеры дают основание утверждать, что в странах ЕС медиация рассматривается не только как способ альтернативного разрешения споров в уже возникшем конфликте, но и как способ, используемый для предотвращения возникновения спора (конфликта) в будущем, что, безусловно, расширяет границы применения медиации. Однако в настоящий момент научную разработанность и законодательное закрепление получила «медиация спора», как называет ее Дэвид Ричбелл, или «лечащая медиация», как определяет ее Жан-Франсуа Сикс. Что же касается возможности применения медиации не только в конфликтах, но и вообще в отношениях, связях, которые нуждаются в обновлении, улучшении, открытии новых перспектив, то это – будущее медиации, но это будущее начинается уже сегодня.

Необходимо отметить, что процессуальная гибкость процедуры медиации позволяет применять посредничество в различных ситуациях. Однако именно поэтому четкое регулирование методов медиации в мире отсутствует. Законодательства практически всех стран ЕС сознательно отказались от попытки регулирования методов как таковых. Сами спорящие стороны, а также посредники (медиаторы) обладают правом выбора наиболее подходящих способов для решения спорных ситуаций в каждом конкретном случае, создавая прецеденты. Более того, в зависимости от сферы применения (семейный спор, конфликт международных компаний и т.д.) могут применяться различные инструменты (методы) примирения.

Как наиболее общие можно выделить следующие этапы процесса медиации:

1) вступление и представление сторон: включает в себя составление соглашения о медиации, представление сторон, прояснение самой процедуры медиации и ролей каждой из сторон, определение вознаграждения (если таковое будет) посреднику и некоторых дополнительных положений (конфиденциальность и т.д.);

2) сбор информации и данных;

3) прояснение и определение интересов каждой из сторон на основе собранной информации;

4) разработка решений, при которых стороны стремятся к урегулированию конфликта, а медиатор выступает третьей стороной, задача которой – содействовать процессу переговоров и предоставлять ответные оценочные данные;

5) заключение по итогам заседания, которое письменно оформляется в виде соглашения или протокола и затем имеет законную силу⁶.

В рамках ЕС медиация применяется для решения разного рода конфликтов, например: потребительские споры, торговые споры, развод (распад семьи), трудовые конфликты, банкротство, конфликты с участием государства в области публичных правоотношений, споры в сфере налогообложения, взаимоотношения преступник-жертва, конфликты в интернет-среде. При этом допускается участие в разрешении спора двух и более сторон.

Подходы к медиации в ЕС различны, и это обуславливает необходимость их теоретико-практического объединения и последующей классификации в отношении прецедентов, сфер и условий применения посредничества в регулировании различных правоотношений для совершенствования судебного законодательства и практики правоприменения, а также создания базы данных для будущей профессиональной подготовки посредников и повышения качества оказываемых услуг.

В настоящее время процесс медиации рассматривается в странах ЕС с точки зрения, во-первых, взаимодействия спорящих сторон и, во-вторых, вмешательства посредника в процесс разрешения споров.

В первом случае в процессе взаимодействия спорящих сторон выделяются три этапа: 1) позиционирование и разработка соглашения; 2) объединительный этап по определению интересов каждой из сторон; 3) «трансформативный» или восстановительный этап с выстраиванием взаимовыгодного диалога с целью разрешения конфликта⁷. При этом каждый из этапов имеет свои особенности и ценность для всего процесса в целом.

Во втором случае акцент делается на роли посредника в медиации, который становится участником всего процесса, а следовательно, регулирует его и активно влияет на исход спора. В этом случае особую важность приобретает профессиональная подготовка посредника и его образование. Как правило, посредники ориентируются на создание условий для самостоятельного разрешения сторонами возникших спорных моментов, при этом контролируя и направляя процесс их разрешения, оказывая юридическое и иное сопровождение всей сделки по требованию каждой или обеих из сторон.

Таким образом, посредники выступают в качестве помощников, наставников и советников, которые полностью сохраняют нейтралитет и беспристрастность в процессе разрешения спора, опираясь исключительно на опыт и положение о том, что сторонам легче договориться о чем-либо, если решение принимается ими самостоятельно, а не навязывается извне.

Помимо первого подхода к роли и позиции медиатора в процессе медиации, существует иная тенденция, которая предполагает участие медиатора в качестве ускорителя разрешения спора, а не независимого эксперта. Такая методика считается более эффективной, так как посредники используют в большей степени психологический метод для улучшения

4 Ричбелл Д. Медиация в строительном и девелоперском бизнесе. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2011. – С. 192–197.

5 Jean-François Six «Le Temps des médiateurs», edition Seuil, 1990. – P. 164.

6 Steffek F. Mediation in the European Union: An Introduction. LLM. – Cambridge, 2012. – P. 3.

7 Nadja Alexander. The Mediation Meta Model: Understanding Practice Around the World // The Conflict Resolution Quarterly. – 2008. – P. 5.

взаимодействия сторон, например, мотивируют участников к поиску и созданию новых способов решения спорных вопросов на основе их собственной заинтересованности и личных убеждений, эмпатии и стремления к взаимовыгодному компромиссу⁸.

Однако в обоих случаях посредник должен полностью сохранять нейтральную позицию и полагаться исключительно на закон, который достаточно полно предписывает возможные пути решения различных спорных (конфликтных) моментов.

Австралийский исследователь Н. Александер предложил следующую схему, отражающую процесс медиации на практике (эта точка зрения нашла свою поддержку в научных кругах ЕС):

На основе данной схемы исследователь показывает возможную практическую пользу медиации как инструмента регулирования не только самого спора, но и поведения участников конфликта: опытный медиатор меняет степень своего вмешательства в процесс разрешения спора, а также свою роль – от вовлеченного советника до независимого нейтрального эксперта – как в ходе диалога между сторонами, так и в течение всего процесса переговоров на любой их стадии, предоставляя участникам возможность самостоятельного выхода из кризиса, либо оказывая юридическое и иное сопровождение, а также создает условия для поиска возможного решения (ряда решений)⁹.

На сегодняшний день можно констатировать, что медиации как одному из основных внесудебных способов разрешения правовых конфликтов уделяется серьезное внимание в научной среде и законодательстве стран ЕС.

В первую очередь это связано с тем, что в современных условиях глобального европейского рынка особую ценность приобрели гармоничные международные связи и отношения как межгосударственного, так и личного характера. Вследствие этого мирное урегулирование спорных договорных и иных правоотношений привело к необходимости внесения медиации в систему внесудебных методов разрешения конфликтов, официально закрепленных в судебном законодательстве стран ЕС.

Популяризация данного метода разрешения споров в странах ЕС связана с конфиденциальностью процедуры медиации, готовностью сторон спора к компромиссам, возможностью сохранить деловые связи между ними и взаимной выгодой.

В Российской Федерации медиация продолжает находиться на первоначальном этапе своего развития. Причиной тому служит и несовершенство законодательства, и

сложившийся менталитет граждан, и недоверие к внесудебным институтам урегулирования конфликтов. Однако введение Федерального закона от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» однозначно дало импульс к более широкому применению данной процедуры в разрешении правовых споров. Использование зарубежного опыта, в том числе стран ЕС, несомненно, поможет усовершенствовать и развить медиацию в Российской Федерации, как один из основных способов альтернативного разрешения споров.

Пристатейный библиографический список

1. Директива № 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах».
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24.01.2003 № A/RES/57/18 «Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о международной коммерческой согласительной процедуре».
3. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.).
4. Ричбелл Д. Медиация в строительном и девелоперском бизнесе. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2011.
5. Felix Steffek. Mediation in the European Union: An Introduction. – LLM (Cambridge), 2012.
6. Nadja Alexander. International Comparative Mediation: Legal Perspectives, 2009.
7. Nadja Alexander. The Mediation Meta Model: Understanding Practice Around the World // The Conflict Resolution Quarterly. – 2008.
8. Nadja Alexander. Global Trends in Mediation. – 2nd ed., 2006.
9. Klaus P. Berger, Private Dispute Resolution in International Business – Negotiation, Mediation, Arbitration. – 2nd ed., 2009.
10. Jean-François Six «Le Temps des médiateurs», edition Seuil, 1990.

⁸ Там же. – С. 6.

⁹ Там же. – С. 20.

Созыкина Е. Э.

ПРИЧИНЫ РЕФОРМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ

17 декабря 2012 г. Европейская комиссия приняла регламенты, имплементирующие механизм продвинутого сотрудничества в целях создания унитарной патентной защиты. К концу 2015 г. планируется запустить работу Единого европейского патентного суда. К действующим на сегодняшний день Европейскому патенту и национальному патенту добавится Единый европейский патент. В данной статье рассмотрены две основные проблемы патентного права ЕС, которые стали причинами реформы: проблема параллельного рассмотрения возражений на выданный Европейский патент в Европейском патентном ведомстве (ЕПВ) и судебных споров в национальных судах государств – членов Европейской патентной конвенции (ЕПК) об отмене или изменении Европейского патента, возникающих в первые девять месяцев после выдачи патента, и вторая проблема – проблема параллельных патентных споров о нарушении патентных прав в национальных судах государств – членов ЕПК. По мнению автора, существующая в ЕС процедура защиты патентных прав не может способствовать успешному научно-техническому развитию. Данная позиция подтверждена судебной практикой и петициями акторов рынка ЕС, которые приведены в статье.

Ключевые слова: реформа патентного законодательства ЕС, европейский патент, Европейское патентное ведомство, Европейская патентная конвенция, выбор «удобного» суда, расходы на валидирование патента, разрешение патентных споров в ЕС.

Созыкина Е. Э.

Sozykina E. E.

REASONS BEHIND EU PATENT LAW REFORM

On December 17, 2012 the European Commission adopted regulations implementing enhanced cooperation mechanism in order to create a unitary patent protection. By the end of 2015 it is planned to start operation of the Unified Patent Court. The Unified Patent will be added to the existing European patent and a national patent.

This article deals with two main issues of EU patent law which caused the reform: the problem of the parallel consideration of objections to European patent issue in the European Patent Office (EPO) and litigations in national courts of the European Patent Convention (EPC) member states on the abolition or amendment of the European patent arising in the first nine months after the issue of the patent, and the second problem is the problem of parallel patent litigation on patent infringement in the national courts of the EPC member states. According to the author, the current EU procedure for the enforcement of patent rights can not facilitate the successful scientific and technological development. This position is confirmed by court practice and petitions of the EU market actors, which are given in the article.

Keywords: reform of EU patent law, European patent, European Patent Office, European Patent Convention, forum shopping, costs for patent validation, patent dispute resolution in the EU.

Получение Европейского патента

В отличие от объектов авторского права, которым для получения защиты не нужна регистрация, объекты промышленной собственности должны быть зарегистрированы. Соответствующий охранный документ – патент – подтверждает права на данный объект интеллектуальной собственности в течение определенного срока и на определенной территории. Территориальные границы защиты ограничены той патентной системой, к которой решил обратиться правообладатель.

На сегодняшний момент в ЕС существует два вида патентов. Это национальный патент и Европейский патент, который представляет собой «связку» национальных патентов государств, где была испрошена защита. Обработкой заявок на европейские патенты и последующими действиями с этими патентами занимается Европейское патентное ведомство (далее – ЕПВ). Создание ЕПВ и процедуры выдачи и аннулирования патентов регулируются Европейской патентной конвенцией. В настоящее время членами Конвенции являются 38 государств. Производство по выдаче патента начинается единой заявкой на выдачу патента, с указанием стран, где испрашивается защита. Европейский патент представляет собой «связку» патентов государств, предоставивших защиту. Патент, выданный через ЕПВ, эквивалентен национальному патенту соответствующих государств. Таким образом, независимо от того, каким органом выдан патент – национальным патентным ведомством или ЕПВ, объем исключительных прав,

которые получает правообладатель, определяется национальным правом. Национальное право также определяет объем права собственности на патент и способы введения в гражданский оборот (как и может ли патент быть отчужден, передан в залог, может ли на него быть обращено взыскание, каким объемом прав обладает лицензиат и так далее)¹.

Критика Европейской патентной системы неоднократно поднималась в ходе публичных слушаний². На сегодняшний день система является своего рода налогом на инновационную деятельность. Валидирование патента в 13 странах составляет приблизительно 13 000 евро, в США, для сравнения, 1 800 евро. При этом такая сумма в США покрывает территорию всех штатов. Расходы на поддержание патента в силе в ЕС в 6 раз больше, чем в США или Японии³.

Современная патентная система ЕС фрагментирована. Процедура получения патента достаточно унифицирована,

- 1 Ullrich H. The property aspects of the European Patent with unitary effect: a national perspective for a European prospect? Max Planck Institute for Intellectual Property and Competition Law, P. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ip.mpg.de/en/pub/academic_body/acad_staff/hanns_ullrich.cfm
- 2 The Parliamentary History of the European “Unitary Patent” by Ingve Björn Stjerna. Verbatim protocol of the public meetings in the European Parliament and its Legal Affairs Committee, English version. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stjerna.de/index_en_htm_files/140615%20Wortprotokoll_EN.pdf
- 3 См. там же: Raffaele Baldassarre speech. – С. 149.

однако когда дело доходит до аннулирования патента либо до судебной защиты нарушенных патентных прав, возникает целый ряд проблем, о которых речь далее.

Оспаривание выданных ЕПВ патентов

ЕПК предусматривает механизм оспаривания выданных патентов в административном порядке, такой процесс может быть инициирован любой третьей стороной в течение девяти месяцев со дня выдачи патента. Если протест в отношении выданного патента не был подан в течение этого девятимесячного срока, последующее оспаривание патента будет подчиняться национальным правилам того государства, где патентные права реализуются. Третьи стороны будут вынуждены оспаривать патентные права в каждом соответствующем национальном суде по отдельности. Процесс оспаривания патента в ЕПВ осуществляется в Отделе рассмотрения возражений (далее – ОРВ). Отдел состоит из трех технически квалифицированных экспертов, из которых по крайней мере два не принимали участие в процедуре выдачи патента, по которому подано возражение (ст. 19(2) ЕПК). Основания для возражения перечислены в ст. 100 ЕПК:

(i) предмет европейского патента не патентоспособен в смысле статей 52–57⁴;

(ii) европейский патент не раскрывает изобретение с ясностью и полнотой, достаточной для его понимания специалистом этой сферы;

(iii) предмет европейского патента выходит за пределы цели и содержания, определенных в заявке.

Если возражение соответствует требованиям ст. 102(1) ЕПК, патент (по результатам рассмотрения возражения) либо может сохранить существовавшую защиту, либо будет отозван. Результаты обжалования патентов являются частыми основаниями апелляций как со стороны патентодержателя, так и со стороны его оппонента.

Случаи опротестования выданных патентов достаточно часты. Для получения полной картины можно привести сведения о патентных заявках, поданных в ЕПК в период между 1980 и 2010 гг. Приведенная статистика была получена из PATSTAT⁵ и содержит данные (собранные и структурированные в таблице (ЕЕЕ-РРАТ))⁶ о заявленном изобретении, о заявителе. Итак, в этот период было подано 2 196 980⁷ патентных заявок, из них было выдано 1 099 533 патента в период между 1980 и 2007 гг. При этом часть из этих заявок до сих пор находится на рассмотрении (данные на 2011 г.). Например, из всех поданных заявок в 2007 г. 70% патентов на март 2011 все еще находились на экспертизе. Из 1 044 069 выданных патентов на первый квартал 2011 г. в отношении 64 946 выданных патентов были поданы возражения, что составляет 6.22% от всех выданных патентов за весь период (1980–2010). И данный процент оставался стабильным на протяжении всех 90-х. Многие европей-

ские практикующие юристы отмечают длительный срок рассмотрения возражений, который может достигать нескольких лет. Так, в деле IPCOM GmbH & Co Kg v HTC [компания Айпи Ком ГМБХ к компании ЭйчТиСи]⁸ судья Флойд [Lord Justice Floyd] отметил, что процедура, которая приводится в исполнение десятилетиями, не может способствовать нуждам столь стремительно развивающейся индустрии. Судья Флойд отметил, что процедура опротестования Европейского патента должна быть подвержена критике на соответствие ст. 6 ЕКПЧ, которая гарантирует каждому, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях, справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом. Так, например, в деле Cubist Pharmaceuticals Inc Decision T0612/09⁹ решение об аннулировании патента ЕПВ было вынесено 19 января 2009 г., а слушания по апелляции состоялись 10 апреля 2013 г. Итоговое решение было вынесено на следующий день, 11 апреля 2013 г. Процедура апелляции длилась более 4 лет. В самом решении ЕПВ объясняет столь длительный срок рассмотрения апелляции загруженностью Ведомства.

Несмотря на то, что многие национальные суды не разрешают инициировать параллельное рассмотрение спора об ограничении или отмене патента, ЕВК не создает препятствий для заявителя возражения выбрать между ЕПВ или национальным судом до истечения девятимесячного срока. Немецкие суды не рассматривают споры об отмене и нарушении патента совместно. Для вынесения решения о нарушении патентных прав суды Германии применяют тест на «качество» патента, чтобы оценить вероятность того, что патент будет отменен ЕПВ, при этом не принимая решения о действительности или недействительности патента. Здесь следует заметить, что в немецком суде процесс опротестования патента, по которому вменяется нарушение, займет несколько лет. То есть суды Германии в значительной степени ориентируются на решение ЕПВ.

Разница последствий принятых решений значительна, и решения, принятые на разных уровнях, могут противоречить друг другу. Так, если ЕПВ принял решение отозвать патент, национальный суд восстановит его уже не сможет. И наоборот, если национальный суд не аннулировал патент, ЕПВ может принять решение об его аннулировании. Патент, не аннулированный ЕПВ, может быть аннулирован национальным судом на территории этого государства. И наоборот, патент, аннулированный национальным судом, не может уже быть восстановлен на территории этого государства через ЕПВ. Как отмечено ранее, наличие таких параллельных процессов чаще всего обусловлено достаточно длительными сроками рассмотрения возражений в ЕПВ, которые в среднем могут достигать от 3 до 5 лет. Описанные выше ситуации возможны и приводят к чрезмерным судебным расходам и потерянному времени. Нельзя также сказать, что процедура опротестования патента в ЕПВ общедоступна – сумма расходов составит от 6.000 до 50.000 евро, а в случае ведения параллельного национального процесса сумма расходов увеличится более чем в два раза (в зависимости от страны)¹⁰.

4 См. также статьи 52–57; ст. 52(1), 54 и 55: если предмет патентования не содержит элемент новизны, промышленной применимости и соответствующий изобретательский уровень не может быть запатентован.

5 Информация о PATSTAT (База данных по патентной статистике во всем мире) по состоянию на 18 сентября 2011 года доступна здесь: http://www.epo.org/searching/subscription/raw/product-14-24_de.html (дата обращения: 20.09.2015).

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forums.epo.org/epo-worldwide-patent-statistical-database/topic2087.html> (дата обращения: 20.09.2015).

7 von Graevenitz G., Wagner S., Harhoff D. Incidence and Growth of Patent Thickets – The Impact of Technological Opportunities and Complexity // The Journal of Industrial Economics. – Vol. 61, Issue 3, September 2013. – P. 521–563.

8 IPCOM GmbH & Co Kg v HTC Europe Co Ltd & Others [2013] EWCA Civ 1496.

9 T 0612/09 (Daptomycin/CUBIST PHARMACEUTICALS) of 11.4.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.epo.org/law-practice/case-law-appeals/recent/t090612eu1.html> (дата обращения: 20.09.2015).

10 Malwina Mejer and Bruno van Pottelsberghe de la Potterie, Economic incongruities in the European patent system; January 2009.

Национальные суды государств – членов ЕПК, безусловно, знакомы с этой проблемой. Наиболее интересная практика выработана судами Великобритании, которая и будет приведена ниже. Она значительно отличается от подхода немецких судов, описанного выше.

В 2008 г. в решении по делу Glaxo Group Ltd к Genentech Inc [компания Граксо Груп к компании Генетех] апелляционный суд Великобритании сформулировал первые рекомендации национальным судам на случай возникновения риска параллельного процесса: «В случае, если есть достаточные основания полагать, что национальный суд разрешит спор значительно быстрее, чем ЕПВ, нет необходимости приостанавливать рассмотрение возражения в национальном суде до вынесения решения ЕПВ»¹¹. В данном деле было также отмечено, что патентные споры отличаются от обычных коммерческих споров и споров о защите нарушенных патентных прав. Особое значение должно придаваться коммерческой составляющей – “business needs to know where it stands”, говорится в рекомендации. Ведь, как правило, вопрос о действительности патента возникает не из праздного любопытства, а с целью использовать собственный патент или выводить продукт на рынок. В данном случае длительный процесс приведет не только к расходам, но и к убыткам.

Дальнейшее развитие рекомендаций национальным судам было дано в деле IPrCom GmbH & Co KG v HTC Europe Co Limited [компания АйПиКом ГМБХ к компании ЭйчТиСи]¹².

IPrCom владеет Европейским патентом на технологию доступа к сети в зависимости от класса пользователя. Данная технология способна обеспечивать высокий уровень безопасности мобильных телекоммуникационных систем. На данный момент смартфоны Nokia [Нокиа] и HTC используют аналоги этой технологии, которые не совсем соответствуют Универсальной мобильной телекоммуникационной системе [UMTS], дабы не выплачивать IPrCom лицензионные взносы.

Данный патент был выдан 17 марта 2010 г. В течение девяти месяцев после выдачи патента в ЕПВ поступило 4 возражения, включая возражение Nokia от 18 августа 2010 г. и возражение HTC от 17 декабря 2010 г. Помимо возражения, Nokia подала иск об отмене данного патента в патентный суд Великобритании 9 апреля 2010 г. IPrCom подали встречный иск о нарушении патентных прав. Среди требований Nokia были также требования о РИНД¹³. 16 июня 2011 г. судом Великобритании патент был признан действительным и важным для Универсальной мобильной телекоммуникационной системы, Nokia была признана нарушившей патент, здесь же были рассмотрены вопросы о недискриминационном лицензировании. 10 мая 2012 г. было отказано в принятии апелляционной жалобы.

Выиграв дело, IPrCom направили HTC требование о заключении лицензионного соглашения. HTC отказалась и попыталась обойти подсудность суда Великобритании и подала иск о недействительности этого же патента в Италию¹⁴ с целью протянуть разрешение спора национальными судами до вынесения решения ЕПВ. Однако 20 января 2012 г. иск в Италии

был отозван и суды Великобритании «вернули» свою юрисдикцию.

Тем временем рассмотрение возражения в ЕПВ продолжалось, и 25 апреля 2012 г. было вынесено решение об отмене патента. IPrCom подали возражение на решение ЕПВ. 11 мая 2012 г. НТС ходатайствовали о приостановлении производства по делу до вынесения решения по апелляции ЕПВ. Суд Великобритании принял решение рассмотреть дела Nokia и НТС в части лицензионных условий (в случае если ЕПВ примет решение о действительности патента), безотносительно к тому, нарушили они патент IPrCom или нет. НТС и Nokia согласились участвовать в обсуждении возможных недискриминационных условий лицензии. Ходатайство о приостановлении основного производства было удовлетворено, разрешение спора было назначено на декабрь 2013 г. Решение ЕПВ должно было быть вынесено в марте 2013 г. НТС согласились принять условия лицензионного соглашения до вынесения решения ЕПВ.

7 марта 2013 г. ЕПВ заседание было отложено, для дополнительного изучения патента. Следующее заседание назначили через 9 месяцев. Тем временем НТС ходатайствовали о повторном отложении основного заседания в суде Великобритании и в суде 1 инстанции получили отказ. Апелляционную жалобу также не приняли. В феврале 2014 г. ЕПВ признало патент действительным, но все же отсеко некоторые пункты.

Решение апелляционного суда по данному делу крайне интересно. В нем проанализирована предыдущая практика английских судов и даны рекомендации, на основании которых можно сформулировать следующий подход.

Не стоит допускать параллельных процессов просто потому, что ЕПК разрешает это. Решение о допущении параллельного процесса должно быть принято специализированным национальным патентным судом с учетом конкретных обстоятельств дела. При этом необходимо помнить, что национальные суды могут оценивать действительность только национальной части Европейского патента. Исключительной юрисдикцией суды обладают только в отношении вопросов о нарушении патентных прав. При вынесении подобного решения необходимо соблюсти баланс потенциальных судебных расходов и возможных убытков от непринятия иска к производству, а также баланс интересов. Необходимо удостовериться, что отказ в национальном процессе не лишит стороны тех привилегий и прав, которыми они наделены национальным правом или ЕПВ.

Действительно, достичь абсолютной определенности в разрешении спора невозможно до тех пор, пока он не будет окончательно разрешен в ЕПВ. Однако чем раньше будет достигнута хотя бы какая-то доля определенности, тем лучше для экономических интересов сторон. Несмотря на то, что процесс в национальном суде не ставит точку в разрешении спора, разъяснение ключевых разногласий может способствовать мирному урегулированию спора.

Интересный фактор, который учитывает право ЕС и который также нашел отражение в апелляционном решении IPrCom к НТС – публичный или общественный интерес. Думаем, в российском законодательстве аналогом может являться защита прав потребителя, хотя право ЕС склонно к более широкому толкованию. Так как стороны судебного разбирательства не в состоянии детально предугадать исход дела, их объемы инвестирования в инновацию или товар, основанный на данном патенте, уменьшатся, и выгода общества от внедрения

11 Glaxo Group Limited v. Genentech Inc and Biogen Idec Inc, Court of Appeal, London, UK, 31 January 2008, Case No. [2008] EWCA Civ 23, пункт 70.

12 IPrCom GmbH & Co Kg v HTC Europe Co Ltd & Others [2013] EWCA Civ 1496.

13 RAND (Reasonable and non-discriminatory) / РИНД (Разумное и не дискриминационное лицензирование).

14 Подробнее об «итальянской торпедо» – см Савельев А. И. Электронная коммерция в России и зарубежом: правовое регулирование. – М.: Статут, 2014. – С. 45.

новой технологии отложится¹⁵. В случаях если общественный интерес значительно ущемляется, этот фактор может значительно повлиять на решение принять к производству иск. Так, технология, защищенная патентом IPrcom, крайне важна для экстренных служб, так как позволяет подключаться даже к самым перегруженным сетям в экстренных ситуациях.

Бремя доказывания недопустимости национального процесса лежит на стороне, которая возражает. В остальных случаях суд соблюдает баланс интересов. Факт того, что патентообладатель требует компенсации за нарушение патентных прав, подлежит внимательному рассмотрению. Так как, по общему правилу, такая компенсация не подлежит возмещению в случае решения ЕПВ об отмене или изменении патента.

Таким образом, споры об аннулировании патентов являются исключением из общего правила *lis pendens*, действующего в ЕС, устанавливающего приоритет за судом, куда спор поступил первым по времени. После признания ЕПВ патента действительным, вопрос о параллельности споров между ЕПВ и национальными судами снимается и возникает другой: о параллельности национальных споров между одними и теми же сторонами по одному и тому же патенту.

Параллельные национальные патентные споры

Решение ЕПВ о действительности патента IPrcom дало толчок новым судебным процессам о нарушении патентных прав, которые находятся в исключительной юрисдикции национальных судов. Так, в апреле 2012 г. суд Дюссельдорфа признал компанию Vodafone нарушающей данный патент¹⁶. А вот в 2014 г. Apple и НТС выиграли споры в суде Мангейма¹⁷, в 2014 г. Nokia также выиграла спор в Карлсруэ¹⁸. Таким образом, суды одной страны, могут признать нарушение, другой – нет.

Разрешение патентных споров в ЕС фрагментировано. В некоторых странах есть специализированные суды (в судах Испании и Нидерландов есть специализированные подразделения), в некоторых нет (Бельгия). Особняком, как уже отмечалось выше, стоит Германия – иски о действительности патента и нарушении патентных прав разделены, а соответствующие суды находятся в разных городах¹⁹. Стоимость разрешения споров также значительно разнится – от 50,000–100,000 евро для дела средней длительности в Бельгии или Испании до 150,000–1,500,000 фунтов для аналогичного дела в Великобритании. Различны и сроки рассмотрения дела: от 12 месяцев в Нидерландах до 24–36 в Бельгии и 27 в Италии²⁰.

15 von Graevenitz G., Wagner S., Harhoff D. Incidence and Growth of Patent Thickets – The Impact of Technological Opportunities and Complexity // *The Journal of Industrial Economics*. – Vol. 61, Issue 3, September 2013. – P. 521–563.

16 April 2012, File ref. 4b O 273/10.

17 Apple fends off \$2.2 billion IPrcom claims [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldipreview.com/news/apple-fends-off-2-2-billion-ipcom-claims-6310> (дата обращения: 20.09.2015).

18 OLG Karlsruhe weist Patentklage von IPrcom gegen Nokia ab [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zdnet.de/88198380/olg-karlsruhe-weist-patentklage-von-ipcom-gegen-nokia-ab/> (дата обращения: 20.09.2015).

19 European Council, Towards an Enhanced Patent Litigation System and a Community Patent—How to Take Discussions Further, Document WD 11622/07 PI 135 (Jul. 12, 2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/07/st11/st11622.en07.pdf> (дата обращения: 20.09.2015).

20 Stuart J. H. Graham, Van Zeebroeck N. Comparing patent litigation across Europe: a first look, 2014 Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University Stanford Technology Law Review 655 (2014) P. 657 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litigation-essentials.lexisnexis.com/webcd/app?action=DocumentDisplay&crowlid=1&doctype=cite&docid=17+Stan.+Tech.+L.+Rev.+655&srctype=s>

Товары и услуги перемещаются в пространстве свободно-го рынка ЕС. В данном контексте нарушение патента может быть следующим: компания (условно) может нарушить патент в нескольких государствах-членах либо компания, ведущая хозяйственную деятельность в любом другом государстве, может нарушить патент в государстве-члене.

В соответствии с Регламентом ЕС № 44/2001 от 22 декабря 200 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам»²¹ национальные суды осуществляют исключительную юрисдикцию над спорами о действительности национальных патентов. Невозможно аннулировать немецкий патент решением суда Дании, даже если этот патент является частью патентной «связки» Европейского патента, выданного ЕПВ.

И наоборот, споры о нарушении прав часто носят международный характер. Нарушитель и обладатель часто находятся в разных юрисдикциях. По общему правилу, истец может подать иск по месту domicilia ответчика. Однако если нарушение происходит на территории другой страны, возникает неопределенность.

Например, французская компания нарушает на территории Бельгии бельгийский патент, принадлежащий немецкой компании. Так как иск подается по domicilio нарушителя – то есть во Францию, суд Франции будет не правомочен решать вопрос о действительности патента, а только о его нарушении. Такое положение процессуального законодательства ЕС приводит к тому, что в вышеописанных ситуациях суды могут отказать принимать иски о недействительности патентов. Чего в отношении исков о нарушении патентных прав практически не происходит. Таким образом, нет препятствий к тому, чтобы спор, касающийся одного и того же патента (по искам о недействительности патента и его нарушении) был рассмотрен в различных государствах-членах. Это возвращает нас обратно к проблеме параллельных процессов, описанной в первой части статьи.

Примером такой фрагментации могут служить недавние патентные споры Samsung и Apple. В период с 2011 по 2013 гг. Samsung Electronics и Apple вели параллельно несколько судебных споров в различных юрисдикциях в ЕС, что привело к различным решениям и различным размерам компенсаций. В августе 2011 г. в Нидерландах Samsung запретили реализовывать ряд электронных устройств, которые суд признал нарушающими Европейский патент Apple²². В октябре 2011 г. Samsung подал иск во Франции и в Италии о нарушении iPhone 4S Apple патента Samsung (покрывающего территорию Франции и Италии) на 3G технологию. В апреле 2013 г. Федеральный патентный суд Германии в рамках данного спора признал данный патент Samsung недействительным. Таким образом, в последнее время успех патентных споров в ЕС сводится к поиску наиболее «удобного» суда (*forum shopping*)²³, что является некоторой лазейкой в конкурентной борьбе компаний.

mi&srcid=3B15&key=9b2f213a6f995553b13a02e9ac52b01a (дата обращения: 20.09.2015).

21 Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters.

22 O'Brien Ch. Apple Wins Patent Ruling Against Samsung // *L.A. TIMES*, Aug. 9, 2013 (reporting a preliminary \$1 billion patent infringement verdict for Apple in the United States, and additional patent litigation in Germany, Japan, Korea, and the Netherlands) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.latimes.com/2013/aug/09/business/la-fi-apple-legalcases-20130810>.

23 Graham S. J. H., Van Zeebroeck N. Comparing patent litigation across Europe: a first look, 2014 Board of Trustees of the Leland Stanford Ju-

Дорогое, длительное и неоднозначное разрешение патентных споров в ЕС стало одной из основных причин создания Единого европейского суда, начало работы которого назначено на середину этого, 2015 года.

17 декабря 2012 г. Европейская комиссия приняла Регламенты, имплементирующие механизм продвинутого сотрудничества в целях создания унитарной патентной защиты²⁴. В проект соглашений входит создание Единого европейского суда и Единого европейского патента. Предполагается отнести к исключительной подсудности суда дела о нарушении Единого европейского патента и Европейского патента. Единый европейский суд объединит центральное подразделение (с постоянным местом расположения в Париже, Мюнхене и Лондоне) и локальные и региональные суды. Апелляционный суд, где можно будет обжаловать решение суда первой инстанции, предполагается открыть в Люксембурге. В большинстве случаев заявитель либо истец будет иметь возможность выбрать между национальным судом и центральным подразделением. В ст. 32 Соглашения о создании Единого европейского суда²⁵ представлен перечень дел, которые будут подсудны данному суду. Среди них есть те, что сейчас подсудны национальным. Можно предположить, что реформа действительно разгрузит национальные суды и улучшит работу патентной системы ЕС.

С этим согласны крупнейшие акторы единого рынка ЕС. 25 февраля 2014 г. коалиция из более чем 40 компаний, среди них BlackBerry, Apple Inc., Cisco Systems Inc., Deutsche Telekom AG, Google Inc., Hewlett-Packard Company, Intel Corporation, Microsoft Corporation и другие²⁶, выступили с поддержкой инициативы создания Единого патентного суда ЕС и участвуют в формировании единых процессуальных правил рассмотрения патентных споров. Так, компания Google в своем Европейском блоге опубликовала: «Существующие правила позволяют недобросовестному патентообладателю защищать права на патент, который в конце концов оказывается недействительным. Мы считаем, что качество патента должно быть проверено прежде, чем он нанесет удар по 500 миллионам европейских потребителей»²⁷. Действительно, с таким утверждением сложно не согласиться. Ведь патентная монополия предполагает добросовестное поведение ее обладателя. А запутанная система защиты прав лишь заставляет лишь заставляет его действовать в обратном направлении.

nior University Stanford Technology Law Review 655 (2014) P. 657 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litigation-essentials.lexisnexis.com/webcd/app?action=DocumentDisplay&crawlid=1&doctype=cite&docid=17+Stan.+Tech.+L.+Rev.+655&srctype=smi&rcid=3B15&key=9b2f213a6f995553b13a02e9ac52b01a> (дата обращения: 20.09.2015).

24 Regulation (EU) No 1257/2012 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection; Council Regulation (EU) No 1260/2012 of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection with regard to the applicable translation arrangements.

25 Agreement on a Unified Patent Court 2013/C 175/01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42013A0620\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42013A0620(01)) (дата обращения: 20.09.2015).

26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.microsoft.com/global/eu/RenderingAssets/pdf/3201.2013%2009%2026%20-%20UPC%20-%20Industry%20Open%20Letter.pdf>

27 Curbing patent trolling in Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://googlepolicyeuropa.blogspot.de/2014/02/curbing-patent-trolling-in-europe.html>

Пристатейный библиографический список

1. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – М.: Статут, 2014.
2. Agreement on a Unified Patent Court 2013/C 175/01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42013A0620\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:42013A0620(01)) (дата обращения: 20.09.2015).
3. Chris O'Brien, Apple Wins Patent Ruling Against Samsung, L.A. TIMES, Aug. 9, 2013 (reporting a preliminary \$1 billion patent infringement verdict for Apple in the United States, and additional patent litigation in Germany, Japan, Korea, and the Netherlands) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.latimes.com/2013/aug/09/business/la-fi-apple-legalcases-20130810>.
4. Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters.
5. COUNCIL REGULATION (EU) No 1260/2012 of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection with regard to the applicable translation arrangements.
6. Council Regulation (EU) No 1260/2012 of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection with regard to the applicable translation arrangements.
7. European Council, Towards an Enhanced Patent Litigation System and a Community Patent – How to Take Discussions Further, Document WD 11622/07 PI 135 (Jul. 12, 2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/07/st11/st11622.en07.pdf>; (дата обращения: 20.09.2015).
8. Georg von Graevenitz, Stefan Wagner, Dietmar Harhoff, Incidence and Growth of Patent Thickets – The Impact of Technological Opportunities and Complexity, The Journal of Industrial Economics Volume 61, Issue 3, September 2013.
9. Glaxo Group Limited v. Genentech Inc and Biogen Idec Inc, Court of Appeal, London, UK, 31 January 2008, Case No. [2008] EWCA Civ 23, пункт 70.
10. Graham S. J.H., Van Zeebroeck N. Comparing patent litigation across Europe: a first look, 2014 Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University Stanford Technology Law Review 655 (2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litigation-essentials.lexisnexis.com/webcd/app?action=DocumentDisplay&crawlid=1&doctype=cite&docid=17+Stan.+Tech.+L.+Rev.+655&srctype=smi&rcid=3B15&key=9b2f213a6f995553b13a02e9ac52b01a> (дата обращения: 20.09.2015).
11. Hanns Ullrich, The property aspects of the European Patent with unitary effect: a national perspective for a european prospect? Max Planck Institute for Intellectual Property and Competition Law.
12. IPCom GmbH & Co Kg v HTC Europe Co Ltd & Others [2013] EWCA Civ 1496.
13. Malwina Mejer and Bruno van Pottelsberghe de la Potterie, Economic incongruities in the European patent system; January 2009.
14. Regulation (EU) No 1257/2012 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection.

Кривенький А. И.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В статье впервые в обобщенном виде сделана попытка сформулировать основные принципы МЧП и осветить их роль и значение в правовом регулировании гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Анализ данных принципов, в силу международной составляющей МЧП, осуществляется на фоне их соотношения и взаимодействия с основными принципами международного права. На основе анализа ряда дискуссионных положений обосновывается авторское определение основных принципов МЧП и излагается вывод о наличии в международном частном праве основных и отраслевых (специальных) принципов со своим содержанием и действием.

Ключевые слова: основные принципы, отраслевые (специальные) принципы, соотношение, взаимоотношение, критерии, общеобязательные, публичный порядок, императивные нормы, правопорядок.

Krivenkiy A. I.

PRINCIPLES OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

The article for the first time presents an effort to formulate main principles of private international law (PIL), and enlighten their impact and significance in the legal regulation of the civil-law relations complicated by an international element. Due to the international component of the PIL the analysis of these principles is carried out against a background of their correlation and interaction with main principles of international law. The article gives prove to the author's definition of the main PIL principles based on the analysis of a range of debatable issues. A conclusion shows that in private international law there are main and sectoral (special) principles with their own content and force.

Keywords: main principles, sectoral (special) principles, correlation, interrelation, criteria, obligatory, public policy, peremptory rules, law and order.

Особым звеном в структуре права являются правовые принципы. Эта аксиома в одинаковой мере присуща как для национальной, так и для международной системы права, а также отдельных отраслей данных систем права. Но когда речь идет о принципах международного частного права, то в силу двух ее составляющих – международной и частноправовой – неизбежно возникают два основных вопроса: во-первых, об основах соотношения международного и международного частного права и, во-вторых, о соотношении принципов той и другой систем права.

В юридической литературе вопрос соотношения международного и международного частного права обсуждается не одно столетие. Это объективно существующий вопрос, представляющий собой «частный случай проблемы соотношения международного и внутригосударственного права»¹.

Но «изучение международного и национального права в сравнительном плане порождает вопрос о том, являются ли они достаточно разделенными и самостоятельными правовыми системами»². Взаимоотношение как научная категория предполагает наличие самостоятельных элементов. И если мы говорим о соотношении двух данных систем, то это имманентно означает признание их самостоятельными. Поэтому мы исходим из дуалистической концепции соотношения национальной и международной систем права. И, несмотря на их общие черты, находящие свое конкретное проявление «на уровне норм, составляющих основу международного и национального права, а также на уровне отдельных институтов, форм реализации, юридических и иных гарантий, различных отраслей права»³, и «исходную» общность, так как «они высту-

Кривенький А. И.

пают под единым названием права»⁴, международная и национальная системы права – два относительно самостоятельных правопорядка. Подчеркнем – именно относительно самостоятельные, так как и международная, и национальные системы права взаимозависимы, они постоянно взаимодействуют, дополняя друг с друга.

Продолжая разговор о соотношении международного и международного частного права, со слов А. А. Рубанова, «как частный случай», мы, руководствуясь доктриной и практикой международного частного права, исходим из самостоятельности МЧП как отрасли национальной системы права.

Однако так считают далеко не все, в том числе известные цивилисты в среде научной общественности. Сошлемся на университетский учебник, в котором о месте международного частного права в правовой системе говорится: «Международно-правовая составляющая данной правовой системы, строго говоря, вообще не позволяет полностью включать ее в какую-либо национальную правовую систему. Вместе с тем международное частное право, безусловно, осуществляет частноправовое регулирование отношений, входящих в его состав»⁵.

Приходится констатировать, что подобные утверждения возвращают нас в период становления международного частного права как науки и отрасли права в России во второй половине XIX в. Тогда большинство ученых придерживалось международно-правовой природы МЧП. Среди таких ученых-юристов были Дмитрий Иванович Меер (очерк по МЧП в труде: «Русское гражданское право. Чтения Д. И. Меера. Общая часть. Выпуск 1. Типография Казанского университета, Казань, 1858 г.), Николай Иванович Иванов («Основания частной международной юрисдикции», СПб., 1858 г.), Фридрих Фронгольд

1 Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М., 1964. – С. 80.

2 Марченко М. Н. Теория государства и прав 2-е изд. Издательство Проспект. Издательство Московского университета. – М., 2009. – С.467.

3 Марченко М. Н. Теория государства и права. – С. 485.

4 Там же. – С. 477.

5 Гражданское право. Учебник // Под ред. Е. А. Суханова. Изд. 3-е. – Т. 1. Wolters kluwer. – М.: 2010. – С. 19.

(Федор Федорович) Мартенс («Современное международное право цивилизованных народов», С-Пб., 1883 г.).

Одним из самых последовательных сторонников международно-правовой природы МЧП был профессор Сергей Борисович Крылов – автор одного из первых учебников по международному частному праву (вышел в 1930 г.) «В международном договорном праве, – пишет он в этом учебнике, – должно быть усмотрено основное содержание международного частного права. Утверждать, что международное частное право не есть международное право, значит не видеть в нем ничего, кроме коллизионных норм тех или иных отдельных законодательств. Между тем лишь изучение международных договоров дает содержание подлинного международного частного права... В споре “интернационалистов”, отстаивающих международную природу международного частного права, и ее отрицателей, “националистов”, следует поэтому встать на сторону интернационалистов, международников»⁶.

Справедливости ради заметим, что еще в конце XIX в., т.е. в пору становления МЧП в России, были в среде российских ученых также сторонники цивилистической природы МЧП. Так, Кронид Иванович Малышев, автор теории русского коллизионного права, писал: международное частное право «не что иное, как часть гражданского права, т.е. теория гражданских отношений в международном быту»⁷. Но для международного частного права, также отмечал К. И. Малышев, «важно не только русское право, но и материалы сравнительного правоведения, и международные соглашения»⁸. Цивилистической точки зрения на природу МЧП придерживался один из самых плодовитых ученых-коллизонистов начала XX в. Михаил Исаакович Брун. Он опубликовал более 20 научных работ по международному частному праву⁹, читал учебный курс по МЧП в Московском высшем коммерческом училище. «Как нет единого всемирного гражданского права, – писал М. И. Брун, – а существуют отдельные гражданские правовые порядки, так нет и единого международного частного права. Существует французское международное частное право, германское, русское. В этой множественности систем коллизионных норм лежит дальнейшее отличие международного частного права от международного права»¹⁰. Эту же точку зрения на природу и место МЧП в национальной системе права разделял и видный юрист граф Борис Эдуардович Нольде. Международное частное право – право коллизионное, составляющее «часть внутреннего права того или иного государства», отмечал Б. Э. Нольде¹¹.

Первым учебником по международному частному праву в советское время, в основе которого лежит цивилистическая концепция природы МЧП, стал труд профессора Ленинградского института народного хозяйства Александра Николаевича Макарова¹². «Под международным частным правом надлежит понимать, – писал он, – совокупность правовых норм, определяющих пространственные пределы действия разноместных

гражданских законов»¹³. Эта концепция природы МЧП была закреплена и в трудах патриарха советского (российского) международного частного права Лазаря Адольфовича Лунца, лауреата Государственной премии, труды которого и ныне являются пока никем не превзойденным наследием¹⁴.

Подведем итог. Международное частное право по своей природе и принадлежности, несмотря на его международную составляющую, относится к национальной системе права конкретного государства¹⁵. Этому есть свои доказательства. Во-первых, нормы МЧП формулируются и устанавливаются, в отличие от норм международного публичного права, в рамках национального законодательства, которое при всей важности международных договоров является его основным источником. Во-вторых, спорные вопросы, возникающие в сфере регулирования МЧП, разрешаются в конечном счете национальными судами и арбитражами того государства, в котором они возникли. В-третьих, по общему правилу, отношения, регулируемые нормами МЧП, взаимоотношений двух государств непосредственно не затрагивают, поскольку они невластные, т.е. никоим образом не связаны с властной деятельностью.

Тем не менее процесс соотношения и взаимодействия международного частного и международного публичного права как самостоятельных систем осуществляется постоянно, как на уровне доктрин, так и принципов.

Переходя к рассмотрению основной проблемы, обозначенной в заглавии статьи, заметим, что для правовой системы России принципы права – «это руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе. Принципы права определяют пути совершенствования правовых норм, выступая в качестве руководящих идей для законодателя»¹⁶. Именно благодаря принципам национальная правовая система «адаптируется к важнейшим интересам и потребностям человека в обществе, становится совместимой с ними»¹⁷. В отечественной системе права принято различать *общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы*.

Существует единодушие исследователей в том, что это объективно присущие праву качества¹⁸. В национальной системе права перечень общеправовых принципов «варьируется в зависимости от позиции того или иного исследователя»¹⁹. Так, наиболее обширный перечень (и в основном схожий с перечнем общеправовых принципов, выделяемых В. К. Бабаевым и В. Н. Синоковым) предлагают В. И. Леушин и В. Д. Перевалов: «Принцип справедливости, принцип уважения прав человека, принцип равноправия, принцип законности, принцип правосудия»²⁰. Наряду с перечисленными, можно назвать принципы, получившие наименование *правовых аксиом*: закон обратной силы не имеет; все, что законом не запрещено, дозволено; никто не может быть судьей в своем собственном деле; и т.д.²¹.

13 Там же, С. 7–8.

14 Курс международного частного права. В трех томах (общая часть; особенная часть, международный гражданский процесс). – М.: «Юридическая литература», 1973.

15 Данную точку зрения разделяет подавляющее большинство известных в России и за рубежом ученых: И. С. Перетерский, М. М. Богуславский, М. И. Брагинский, И. А. Грингольц, В. П. Звеков, С. Н. Лебедев, Л. А. Лунц, Г. К. Матвеев, А. А. Маковский, В. С. Поздняков, М. Г. Розенберг, Е. Т. Усенко и др.

16 Любашин В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. Изд. 2-е. – Ростов-на-Дону. Феникс, 2010. – С. 375.

17 Там же.

18 Там же. – С. 375.

19 Там же.

20 Там же. – С. 376.

21 Теория государства и права // Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М.: 1997. – С. 239–240.

6 Крылов С. Б. Международное частное право: пособие к лекциям. – М.: «Прибой», 1930. – С. 21.

7 Малышев К. И. Курс общего гражданского права. – СПб., 1878. – С. 11–12.

8 Там же. – С. 129.

9 Среди них самые значимые: «Очерки истории конфликтного права» (1914 г.); «Введение в международное частное право» (1915 г.) и др.

10 Брун М. И. Введение в международное частное право. – М., 1915. – С. 12.

11 Нольде Б. Э. «Очерк частного международного права». (для энциклопедии). – СПб., 1912.

12 Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. – М.: «Книгодел», 1924.

Для современной международной системы права также характерно наличие «норм особого рода – *основных принципов*»²². «Они пронизывают структуру международного права, регламентируя характер связей ее элементов, и определяющим образом влияют на механизм взаимодействия этого права с иными социальными системами и, прежде всего, с системой межгосударственных отношений»²³. Собственно, термин «принцип международного права» давно был известен доктрине и практике. Под данным термином понимались «либо наиболее общие нормы права, либо принципы-идеи»²⁴. «Но существует и особая категория принципов, отличающихся от всех иных, – *основные принципы международного права*»²⁵. Они не только называются нормами, но обладают высшей юридической силой – *jus cogens*. В теории и практике этот статус основных принципов широко признан»²⁶.

«Международное публичное и международное частное право имеют единые основные начала – общие принципы, – отмечает Л. Н. Галенская, – требования которых одинаково обязательны для соблюдения всеми участниками международных отношений»²⁷. Именно Л. Н. Галенской принадлежит первая публикация, в которой рассмотрено действие общих принципов международного права в сфере международного частного права, хотя и не исчерпывающе, но достаточно полно (по крайней мере, в плане постановки проблемы – А. К.)²⁸. На единство основных исходных начал международного и международного частного права обращал внимание Л. А. Лунц. Он отмечал: «Ряд основных начал международного публичного имеет определяющее значение и для международного частного права»²⁹. В силу особой важности этой проблемы ее, как-то в своем ключе, освещают и другие исследователи³⁰.

В связи с этим возникают два вопроса, которые, насколько нам известно, пока публично не ставились в науке международного частного права:

а) как согласуется обязательность общих принципов международного публичного права для международного частного права с общими принципами самого МЧП?

22 Курс международного права в семи томах. Т. 2. Основные принципы международного права // Под ред. И. И. Лукашука. – М.: «Наука» 1989.

23 Там же.

24 Там же.

25 Принцип суверенного равенства государств; принцип неприменения силы и угрозы силой; принцип невмешательства во внутренние дела; принцип уважения прав человека и основных свобод; принцип равноправия народов и право распоряжаться своей судьбой; принцип нерушимости государственных границ; принцип территориальной целостности государств; принцип мирного урегулирования споров; принцип сотрудничества государств; принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

26 Курс международного права в семи томах. – Т. 2. Основные принципы международного частного права // Под ред. И. И. Лукашука. – М.: «Юридическая литература», 1981.

27 Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. – 1995. – № 5(10). – С. 3.

28 См.: Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Международное частное право. – 1995. – № 4(10). – С. 3–11; 1996. – № 5(11). – С. 3–12.

29 Лунц Л. А. Международное частное право. – М., 1970. – С. 35.

30 Перетерский И. С. Система международного частного права // Советское государство и право. – 1946. – № 8-9; Храбсков В. Г. Соотношение международного публичного и международного частного права в русской дореволюционной доктрине // Правоведение. – 1979. – № 3; Кузнецов М. Н. Некоторые особенности развития международного частного права // Советский ежегодник международного права. – М., 1991; Богуславский М. М. Международное частное право. – М., 1994. – С. 12.

б) какие *основные принципы* присущи международному частному праву?

Заметим, что еще в пору становления международного частного права анализ его принципов всегда увязывался с правовым пространством международного публичного права. Так, французский ученый Пилле доказывал, что «в международном праве лежат основные принципы международного частного права». «И с того самого момента, – отмечал далее Пилле, – как государства и их подданные обратились к международному общению... ..на всем пространстве этого общения различные суверенитеты встречаются и взаимно друг в друга проникают»³¹. Правильным будет сказать, что в процессе «проникновения» суверенитетов проникновение друг в друга принципов международного и международного частного права – дело техники.

В настоящее время в международном частном праве специалисты выделяют *общие, основные и отраслевые (специальные) принципы*. Многие из них к общим принципам МЧП единодушно относят *международную вежливость, «национальный режим», «режим наибольшего благоприятствования», взаимность и реторсии*. На наш взгляд, Л. П. Ануфриева подвергла этот перечень разноплановых понятий серьезной и справедливой критике, верно полагая, что первый из них – моральная категория и потому не может быть принципом МЧП, второй и третий – отраслевые принципы международного частного права, а четвертый – конкретные правовые приемы, выполняющие служебную роль по отношению к методам МЧП³².

И. В. Гетьман-Павлова выделяет *общие, основные и специальные принципы* МЧП. Одна из немногих, она дает определение общих принципов международного частного права. Это – «*определенные постоянные правила, вытекающие из требований рационального урегулирования наиболее типичных случаев (особенно в сфере коллизионного права)*». Без какого-либо упоминания о критериях, И. В. Гетьман-Павлова относит к общим принципам МЧП следующие: *принцип невозможности передачи другому лицу больше прав, чем сам имеешь; принцип справедливости и доброй совести; принцип незлоупотребления правом и охраны приобретенных прав; бремя доказывания лежит на истце; специальный закон имеет преимущество перед общим*³³.

В отношении формулировок И. В. Гетьман-Павловой общих принципов международного частного права невольно возникают следующие сомнения. Выше отмечалось, что в теории права общие принципы выделяются в национальной и международной системах права³⁴. Семантически это верно именно потому, что общие принципы являются обязательными для всех самостоятельных отраслей права, входящих как в международную, так и в национальную системы права. Поэтому, рассуждая логически, вряд ли будет правильным выделять общие принципы, а вот основные однозначно выделять необходимо. Как нам представляется, это не аналогичные по смыслу категории, хотя в юридической литературе они нередко не разграничиваются.

31 Цит. по Брун М. И. Введение в международное частное право. – Петербург, 1915. – С. 37.

32 Ануфриева Л. П. Международное частное право. Общая часть. – М., 2000. – С. 103–122.

33 Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право. Учебник. – М.: ЭКСМО, 2009. – С. 37.

34 См.: Курс международного права в семи томах. – Т. 2; Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 262; Любшиц В. Я. и др. Теория государства и права. – С. 375.

С другой стороны, к формулировкам общих принципов в МЧП, изложенных И. В. Гетьман-Павловой, можно предъявить следующие претензии. Во-первых, они не связаны со спецификой МЧП как правом коллизионным; во-вторых, не вполне соответствуют определению общих принципов, данных самим автором; в-третьих, формулировки первого и второго носят морально-нравственный, а не правовой характер; третий действительно соответствует гражданскому отраслевому принципу (см. ст. 1 ГК РФ); а четвертый – вообще относится к сфере процессуального, а не материального права. Выделять основные и специальные правовые принципы из сферы коллизионного, процессуального права, а не материального права – это не более чем фантастика. Любые принципы, как обобщающие характеристики, в национальной и международной системах права являются только материально-правовыми.

Основные принципы, предлагаемые И. В. Гетьман-Павловой, скорее всего, относятся к отраслевым (специальным) принципам международного частного права. В самом деле, принцип *свободного выбора сторонами права, подлежащего применению* (перекликается с принципом «автономии воли»); принцип *locus regit formam actus* (применим к формальным требованиям правовых актов); принцип *legis rei sitae* (применим относительно прав к недвижимым и движимым вещам), и только четвертый принцип, с которым согласна И. В. Гетьман-Павлова, (сформулирован П. Каленским), *обязанность государств в определенных случаях применять иностранное право*, действительно, следует называть основным³⁵.

Т. И. Нешатаева применительно к международному частному праву формулирует основные принципы, составляющие, по ее утверждению, *основные начала МЧП*. Среди них: принцип *взаимного сотрудничества государств по применению материальных и процессуальных норм МЧП (взаимность)*; принцип *недискриминации иностранных физических и юридических лиц в МЧП*; принцип *защиты международного и национального публичного порядка (оговорка о публичном порядке)*; принцип *применения мер ответственности за нарушение общепризнанных принципов МЧП (реторсии)*.

Некорректность формулировок Т. И. Нешатаевой первого и последнего общих принципов МЧП с акцентом на взаимность и реторсии состоит в том, что, как уже отмечалось, это не более чем правовые приемы по отношению к методам международного частного права³⁶. Что же касается принципа защиты публичного порядка, то здесь необходима ясность. Ведь сам публичный порядок является отраслевым принципом, защищающим национальный правопорядок, поэтому защищать саму защиту национального правопорядка – явный перебор.

Полагаем, что наиболее удачно, со ссылкой на VI раздел части III ГК РФ, сформулированы *основные принципы* международного частного права Г. К. Дмитриевой: принцип *суверенного равенства национальных правовых систем государств*; принцип *защиты отечественного правопорядка*; принцип *наиболее тесной связи правоотношения с определенным правопорядком*.

Таким образом, общими усилиями исследователей международного частного права сформулированы *основные* его принципы. Именно такую формулировку считаем необходимым закрепить в науке международного частного права. Но не все основные принципы, предложенные названными учеными, приемлемы в одинаковой степени. На наш взгляд, соответствующими теории и практике международного частного права как

права коллизионного можно считать следующие *основные принципы*:

1. Принцип «автономии воли» сторон (принцип диспозитивности);
2. Принцип наиболее тесной связи;
3. Принцип суверенного равенства национальных правовых систем;
4. Принцип защиты отечественного правопорядка;
5. Принцип недискриминации иностранных физических и юридических лиц;
6. Принцип обязательности в отдельных случаях применять иностранное право;
7. Принцип приоритета норм международного договора в отношении норм национального законодательства.

Пожалуй, самым сложным при выделении общих принципов международного частного права являются те критерии, на основании которых они определяются. На наш взгляд, основными критериями в этом случае могут быть:

- 1) содержание принципов;
- 2) выполнение ими определенных основополагающих регулятивных функций:

Оговоримся, что речь идет о принципах-нормах, а не о принципах-идеях. Итак, содержание принципов-норм включает в себя следующие элементы:

- а) принципы-нормы – это «основополагающие нормы с широчайшим кругом адресатов, нормы категорические, нормы обязывающие и одновременно запрещающие»³⁷;
- б) эти принципы имеют значение руководящих, основополагающих норм, обязательных для всех субъектов;
- в) они синтезированно отражают сущностные свойства отрасли права и в то же время «нормативное содержание данной отрасли права»³⁸;
- г) одновременно, отмечал С. С. Алексеев, принципы права – это всегда идеи, уже реализованные в праве. Они представляют собой определенное нормативное требование, выраженное в юридических нормах³⁹.

Следовательно, в юридической литературе понятие содержания принципов-норм имеет достаточно широкую трактовку. Оно не ограничивается их приложением к нормативной сфере права, а распространяет их значение и на организацию правового регулирования в целом. Можно сказать, что принципы способны выполнять следующие основополагающие регулятивные функции:

- а) направлять развитие и функционирование всей правовой системы или отрасли права;
- б) определять линии судебной и иной юридической практики;
- в) способствовать устранению пробелов в праве;
- г) отменять устаревшие и способствовать принятию новых юридических норм.

Руководствуясь изложенными критериями, рассмотрим содержание и действие каждого в отдельности основного принципа международного частного права.

1. Принцип «автономии воли» сторон (*lex voluntatis*) был предложен и обоснован представителем французской школы конфликтного права Ш. Дюмуленом в XVI в. и долгое вре-

37 Бобров Л. Р. Современное международное право (объективные предпосылки и социальное значение). – Л.: изд. ЛГУ, 1962. – С. 73.

38 Пушмин Э. А. О понятиях основных принципов современного общего международного права // Советский ежегодник международного права. 1979. – М.: «Наука», 1980. – С. 76.

39 Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х томах. Т. 1. – М.: «Юридическая литература», 1981. – С. 98.

35 Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право. – С. 36–37.

36 Ануфриева Л. П. Международное частное право. Общая часть. – С. 103–122.

мя находился в забвении. Но к концу XIX в. был признан во многих национальных правовых порядках и стал широко использоваться как коллизионный принцип определения применимого права в договорных отношениях. Долгое время вопрос о том, следует ли относить «автономию воли» к коллизионным принципам или к самостоятельным категориям (специальным принципам) МЧП, исследователи решали по-разному. Парадоксальным выглядит факт, что один из самых широко употребляемых в международном частном праве терминов первоначально не включался в разряд основополагающих идей МЧП, исходных начал данной отрасли права и правоведения, т.е. как «принцип». В действительности категория *lex voluntatis*, означающая применение права того государства, которое выберут сами стороны – участники частного правоотношения, является одной из главных *идей* МЧП, имеющих самостоятельное регулятивное и нормообразующее значение. Следовательно, под *lex voluntatis* следует понимать *основной принцип*, признанный наукой МЧП, практикой и закрепленную в законодательстве возможность избрать применимое право непосредственно сторонами правоотношения договорного характера.

Как же соотносится основной принцип «автономии воли» с принципом диспозитивности?

В процессе регулирования отношений международного частного права обычно применяются диспозитивные, реже императивные, материально-правовые нормы. Такого же характера применяются и коллизионные нормы, определяющие выбор применимого права при отсутствии унифицированных материально-правовых норм. Следовательно, принцип диспозитивности и принцип «автономии воли» сторон – это, хотя и несколько отличающиеся оттенками понятия, но обозначающие в международном частном праве одно и то же – законодательно предоставляемую сторонам возможность самостоятельно регулировать возникшие между ними отношения.

Добавим к сказанному следующее. Кроме вопроса о выборе применимого права, *lex voluntatis* приветствуется и в отношениях процессуального характера (при определении подсудности, в арбитражном производстве, в мировых соглашениях и др.) Здесь уместно следующее разъяснение. В национальном гражданском праве возможность свободно распоряжаться процессуальными правами сторон всегда называется принципом диспозитивности, а в международном гражданском процессе как институте МЧП то же самое действие называется «автономией воли» сторон, хотя, откровенно говоря, содержание, вкладываемое в данную категорию, несколько иное. Так, в материальном праве МЧП «автономия воли» есть право избирать применимую правовую систему, а в процессуальном праве – прежде всего возможность устанавливать договорную подсудность.

Таким образом, в международном частном праве принцип «автономии воли» сторон (принцип диспозитивности) означает право сторон в договорных отношениях самостоятельно избрать применимое к договору право, а также устанавливать договорную подсудность, включая международный коммерческий арбитраж.

В заключение следует объяснить проблему, которая логически вытекает из изложенной характеристики «автономии воли», с одной стороны, как основного принципа МЧП, с другой, как правила выбора права (коллизионная привязка).

Как диспозитивное правило, *lex voluntatis*, безусловно, является основным принципом МЧП, а как правило выбора права – коллизионной привязкой, закрепленной в ст. 1210 Гражданского кодекса России. Из данной статьи вытекает,

что воля сторон в выборе права при договорных отношениях пользуется приоритетом. Что касается иных правил выбора права, предусмотренных в других статьях ГК РФ, то они применяются только при отсутствии соглашения сторон.

Это двойственное функционирование «автономии воли» многие специалисты по международному частному праву воспринимают как вполне естественное состояние.

2. *Принцип наиболее тесной связи (proper law)*. Первоначально данный принцип оформился в англо-американском праве как способ выбора компетентного правового порядка для договорных обязательств (*proper law of the contract*), а к концу XX в. был закреплен в теории и практике международного частного права многих государств (Австрии, Германии, Румынии, Швейцарии и др.).

Как основной принцип международного частного права, «он определяет главное назначение разрешения коллизии права: процесс выбора компетентного правового порядка должен основываться на идее прииска права, с которым конкретное отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано»⁴⁰. Причем при выборе права следует принимать «всю совокупность фактических обстоятельств конкретного отношения»⁴¹. Впервые данный принцип получил закрепление в Законе Австрии о международном частном праве 1978 г. Правило первого параграфа Закона требует применение к отношениям с иностранным составом правового порядка, с которым имеется наиболее тесная связь. Устанавливается также, «что все коллизионные нормы данного Закона следует считать проявлением данного принципа»⁴².

Как же обстоит дело с закреплением данного принципа в российском законодательстве?

Формально он в качестве основного принципа не закреплен, в том числе и в VII разделе части третьей ГК РФ. Вместе с тем данный раздел реально определяет его как основополагающее начало (п. 2 ст. 1186 ГК РФ), применимое для регулирования всех отношений, отягощенных иностранным элементом. Звучит это так: если при использовании коллизионных норм невозможно определить право, подлежащее применению, применяется правовой порядок страны, с которым данное правоотношение наиболее тесно связано. Значение данного принципа состоит в том, что он определяет общее направление регулирования всех отношений, осложненных иностранным элементом.

В качестве положительного момента следует сказать, что раздел VII части третьей ГК РФ все же закрепил принцип наиболее тесной связи в качестве основного направления регламентации договорных обязательств, формирующихся в условиях международного обмена. Содержание другой статьи раздела VII – ст. 1211 «позволяет сформулировать еще одно важное назначение принципа наиболее тесной связи: он корректирует применение коллизионных норм, устанавливает пределы их применения»⁴³. Так, если внешнеэкономический контракт реально связан с правом только одного государства, в то время как применение коллизионной нормы ведет к выбору права другого государства, то она не может быть применена, а применяется право страны, с которым договор реально связан.

40 Международное частное право Учебник. 3-е изд. // Ответ. ред. Г. К. Дмитриева. – М.: «ПРОСПЕКТ» 2010. – С. 33.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же. – С. 35.

3. *Принцип суверенного равенства национальных правовых систем.* В основе данного принципа лежит основной принцип международного права суверенного равенства государств. Право так же суверенно, как национальная экономика, культура, информационное пространство и др. Национальное право государства действует в пределах своей территории, оно суверенно, как суверенно государство. Поэтому незыблемым правилом для государств является невмешательство друг друга в дело формирования своей правовой системы и ее свободное функционирование в пределах территории государства.

Для международного частного права суверенное равенство правовых систем имеет судьбоносное значение, так как является предпосылкой его зарождения и существования. Международная торговля зародилась спонтанно и раньше правовых норм по ее регламентации. Но с возникновением в суверенных государствах своего гражданского права появилась потребность в определении его действия не только на своей территории, но и за ее пределами на территории других государств. Но такое действие неизбежно приводит к появлению коллизий между разноместными законами, которые можно разрешить только с помощью специально приспособленного для этого отрасли международного частного права.

Принцип суверенного равенства важен и с точки зрения применения в необходимых случаях иностранного права, ибо без такого применения невозможны международный экономический и гражданский оборот.

Отказ в применении норм иностранного права «возможен только на основании публичного порядка, что, как правило, предусматривается в гражданском законодательстве. Заметим, что в Российской Федерации иностранное право может применяться не на условиях взаимности, а при наличии прямого предписания законодательства. Обычно подобные предписания содержатся в коллизионных нормах национального правопорядка.

4. *Принцип защиты отечественного правопорядка.* Два института международного частного права обеспечивают наиболее надежную защиту национального правопорядка: *оговорка о публичном порядке и институт императивных норм.* Оба они закреплены соответственно в статьях 1193 и 1192 ГК РФ.

Как справедливо заметила Г. К. Дмитриева, «публичный порядок – это устои правовой системы, коренные интересы общества и государства, основы морали»⁴⁴. Избранное коллизионной нормой иностранное право применяется не в правовом вакууме, а в государстве с собственным правопорядком, что не может не влиять на конечные результаты такого применения. И если применение иностранного права нарушает основополагающие принципы национального правопорядка, то оно не будет применено, т.е. иностранный закон не будет признан в силу его противоречия публичному порядку государства коллизионной нормы.

Каков же выход из такой тупиковой ситуации?

Он состоит в применении отечественного права по аналогии закона или аналогии права, так как отношение с иностранным составом не может остаться не урегулированным, а права и интересы сторон не защищенными. Причем это касается как российского физического или юридического лица, так и иностранного, которые в силу диспозитивности МЧП равны во всем.

Действие императивных норм российского права вне зависимости от того, что отечественная коллизионная норма отослала к иностранному правопорядку, также обеспечивает

защиту национального права. Но таким образом применяются не все императивные нормы национального правопорядка, а лишь те, применение которых обусловлено в самих этих нормах. Например, обязательное соблюдение простой письменной формы внешнеэкономического договора под страхом признания ее недействительной⁴⁵.

5. *Принцип недискриминации иностранных физических и юридических лиц.* Как никакой другой, данный принцип связан, как минимум, с двумя основными принципами международного права, предусматривающими, что государство должно руководствоваться ими «не только при заключении международного договора, но и в своих односторонних актах, затрагивающих интересы других субъектов (их юридических лиц и граждан), в том числе и в своем законодательстве»⁴⁶. Данное положение закреплено в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.)

Так, в соответствии с основным принципом международного права о невмешательстве в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, вытекает невмешательство невластных субъектов (физических и юридических лиц) международного частного права в дела друг друга. Но и государство не может регламентировать деятельность иностранных физических и юридических лиц на национальной территории без соблюдения их прав и интересов. И лишь устанавливаемый государством контроль за деятельностью юридических лиц является вмешательством в их дела, так как это вполне оправданная практика, получившая распространение в государствах мирового сообщества.

Рассматриваемый принцип тесно взаимодействует в международном частном праве с принципом угрозы силой или использования силы. Так, физические лица не должны, например, «вмешиваться в дела наследователя при составлении завещания, диктовать выбор супруга в брачных делах и т.д.», а юридические лица «при заключении внешнеэкономических сделок не имеют права выдвигать требования, касающиеся изменения устава партнера, изменений видов деятельности и пр.»⁴⁷.

В рамках международного частного права предусмотрено равенство субъектов, соблюдение прав и интересов отечественных и иностранных физических и юридических лиц как одно из важнейших предпосылок успешной работы в сфере гражданско-правовых, семейных, международных частных трудовых отношений. Такое равенство предусмотрено на уровне законодательства государств, субъекты которых вступают в вышеназванные отношения. Равенство иностранных и отечественных лиц, согласно «национальному режиму», в России поднято на конституционный уровень. В ст. 63 Конституции РФ закреплено положение, что иностранные граждане наделяются правами и несут равную ответственность наряду с российскими гражданами. Специальный принцип МЧП – «национального режима» – закреплен в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ГК РФ, других гражданско-правовых актах. Принцип «национального режима» предоставляется иностранным физическим и юридическим лицам в одностороннем порядке и может быть отменен лишь на основе федерального закона или международного договора.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Международное частное право. – 1995. – № 4 (10). – С. 5.

⁴⁷ Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права. – С. 6.

6. Принцип обязательности в отдельных случаях применять иностранное право. Только международное частное право обладает особенностью применять при регулировании отношений с наличием иностранного состава не только нормы отечественного, но и иностранного права. Коллизионная норма отсылает к иностранному правопорядку в том случае, если нет подходящего материально-правового закона национального права или международной конвенции, содержащих унифицированные материально-правовые нормы.

Но обусловлено ли применение иностранного права, к которому отсылает коллизионная норма российского законодательства, взаимностью, или правило его применения может быть иное? Должен ли суд РФ устанавливать после отсылки коллизионной нормы к иностранному правопорядку, применяется ли российское право в соответствующей стране? И в связи с этим решить, применять иностранное право или отказать в его применении?

Российское законодательство дает однозначный ответ на эти вопросы. Применение иностранного права в Российской Федерации носит безусловный характер. Иначе российский суд будет применять иностранное право вне зависимости от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к аналогичным отношениям с иностранным составом право страны суда, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законом этого государства. Между прочим, заметим, что многие государства применяют иностранное право только на условиях упомянутого здесь специального правового института взаимности. Специфика этого института состоит в том, что взаимность не ограничивается применением только коллизионных норм, а включает и вопросы применения материально-правовых норм, определяющих правовое положение иностранных физических и юридических лиц, исходя из национального режима и режима наибольшего благоприятствования⁴⁸.

Проблема применения иностранного права усложняется тем, что это право должно применяться во враждебной ему правовой среде. В связи с этим в процессе применения иностранного права возникают сложные юридико-технические вопросы, которые приходится решать, как правило, в суде того государства, где они возникли. Одними из наиболее сложных явлений в ходе применения иностранного права являются *обратная отсылка и отсылка к закону третьей страны*.

На первый взгляд, происхождение этого явления можно объяснить довольно просто: является ли отсылка коллизионной нормы к иностранному праву отсылкой не только к материальному, но и к коллизионным нормам.

Если отсылка осуществляется и к коллизионным нормам, то поиск применимого права должен быть продолжен, но уже в направлении, указываемом иностранной коллизионной нормой. Этот поиск ведется либо к материальному праву государства, к которому принадлежит это коллизионное правило, либо обратно к закону страны суда, либо к закону третьей страны⁴⁹. Если обратная отсылка или отсылка к праву третьей страны принимается, то применяется материальное право страны суда или третьего государства. Если обратная отсылка или отсылка к закону третьего государства не принимается, то проблема решается в суде того государства, суд которого объявит свою судебную юрисдикцию.

В российском законодательстве общая норма, определяющая отношение к обратной отсылке, закреплена в разделе VII части третьей ГК РФ.

Важное значение в решении проблемы обратной отсылки имеют и некоторые федеральные законы. К примеру, Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» (ст. 28) гласит: «Любое указание на право или систему права какого-либо государства должно толковаться как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам». Исходя из отечественной доктрины, можно в заключение сделать следующий вывод: при отсылке отечественной коллизионной нормы к иностранному правопорядку, но он отказывается регулировать соответствующее отношение, то применяется собственное право.

7. Принцип приоритета норм международного договора в отношении норм национального законодательства. Исходным положением для выяснения существа данного принципа является норма ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, где указано: «...международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Исходя из данного конституционного положения, нормы международных договоров могут применяться для регулирования внутренних гражданско-правовых, семейных, трудовых отношений с иностранным составом или непосредственно, или путем соответствующего внутригосударственного правового акта, принятого для осуществления положений указанного международного договора⁵⁰.

Включение, согласно конституционному положению, общепризнанных принципов, норм международного права и норм международных договоров в правовую систему России снимает проблему *трансформации* международно-правовых норм во внутреннее право в целом, включая и международное частное право.

Но проблема применения международно-правовых норм для регулирования внутренних, в том числе отношений международного частного права, не снята в науке МЧП.

Например, Г. К. Дмитриева пишет: «...для осуществления норм международных договоров *им следует придать силу национального права* (выделено мною – А. К.) Это делает их юридически обязательными для участников частноправовых отношений. Юридический механизм данного процесса предусматривается внутренним правом государства и обычно именуется *трансформацией* международно-правовых норм в национально-правовые»⁵¹.

Критикуя концепцию трансформации, мы далеки от утверждения, что международные договоры, являющиеся источником МЧП, становятся обязательными и действуют для нашего государства помимо его воли «собственной силой», *proprio vigore*⁵². «С включением таких международных договоров РФ в состав российской правовой системы правила этих договоров *приобретают функции внутренних правовых норм* и могут применяться к частноправовым отношениям, не меняя

50 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

51 Международное частное право / Отв. ред. Дмитриева Г. К. – С. 67–68. Заметим, что Г. К. Дмитриева не одинока в признании данной концепции в доктрине МЧП. Ее разделяют М. М. Богуславский, В. П. Звекон, С. Б. Лебедев, А. Л. Маковский и др.

52 Международное частное право // Отв. ред. Н. И. Марьшева. – С. 22.

48 Международное частное право / Отв. ред. Н. И. Марьшева. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 68.

49 Международное частное право // Отв. ред. Н. И. Марьшева. – С. 75.

своей изначальной природы, как международно-правовые нормы»⁵³. Можно сослаться, например, на нормы Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., которые при заключении такого вида договора с иностранным физическим или юридическим лицом при необходимости могут применяться контрагентами непосредственно без какого-либо процесса трансформации. В равной мере это относится ко всем международным конвенциям, содержащим унифицированные материальные, коллизионные или процессуальные нормы, предназначенные для регулирования частноправовых отношений, формирующихся в условиях международной жизни.

Однако приоритет норм международных договоров в отношении норм национального права России в целом, в том числе и норм международного частного права, имеет свои пределы. Так, если в ходе регулирования частноправовых отношений возникает коллизия между нормами международного договора и нормами Конституции Российской Федерации, то применяются нормы Конституции РФ.

Спорным, однако, является вопрос о приоритете норм международных договоров в отношении норм конституционных федеральных законов РФ, так как они обычно принимаются в развитие положений Конституции России и в особом порядке, установленном самим Основным законом. Как нам представляется, эта дискуссия не имеет принципиального значения, ибо нормы конституционного федерального закона и нормы самой Конституции имеют различную юридическую силу. Каким бы важным ни был конституционный закон, его нормы формулируются для конкретной отрасли права, а не для всей национальной правовой системы, и не имеют такого общеобязательного значения, которое имеют нормы Конституции.

Анализируя механизм приоритетного действия норм международных договоров России в отношении норм внутреннего права, заметим, что они имеют свои особенности. Во-первых, как и любые другие международные договоры, они порождают обязательства для субъектов, заключивших их. Во-вторых, субъекты международного права формулируют нормы этих договоров таким образом, чтобы они создавали условия для действий граждан и юридических лиц, а не самих государств, за исключением случаев, когда само государство является субъектом международного частного права. В-третьих, нормы международных договоров применяются для регулирования отношений международного частного права с учетом целей международного договора РФ.

Таким образом, с одной стороны, международное публичное и международное частное право имеют единые основные начала – *общие принципы*, требования которых обязательны для соблюдения всеми участниками международных отношений. С другой стороны, само международное частное право, в силу своей национальной и вненациональной (международной) устремленности, имеет свои собственные *общие принципы*, обязательные только для субъектов МЧП. Однако закономерным является то, что их действие неразрывно связано с действием общих принципов международного публичного права.

Но для международного частного права, как особой, ни с какой другой не сравнимой, правовой отрасли, присущи не только *общие*, но и *специальные (отраслевые) правовые принципы*, о чем пойдет речь в продолжении данной публикации.

Пристатейный библиографический список

8. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х т. – Т. 1. – М.: «Юридическая литература», 1981.
9. Ануфриева Л. П. Международное частное право. Общая часть. – М.: Проспект, 2000.
10. Бобров Л. Р. Современное право (объективные предпосылки и социальное значение). – Л.: Изд. ЛГУ, 1962.
11. Богуславский М. М. Международное частное право. – М., 1994.
12. Брун М. И. Введение в международное частное право. – М., 1915.
13. Галенская Л. Н. Действие основных принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. – 1995. – № 5 (10); 1996. – № 6 (11).
14. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: Учебник. 2-е изд. – М.: Эксмо, 2009.
15. Гражданское право. Учебник // Под. ред. Е. А. Суханова. Изд. 3-е. – М.: Wolters kluwer, 2010.
16. Курс международного права в семи томах. Т. 2. Основные принципы международного частного права // Под. ред. И. И. Лукашука. – М.: «Юридическая литература», 1981.
17. Крылов С. Б. Международное частное право: пособие к лекциям. – М.: Прибой, 1930.
18. Кузнецов М. Н. Некоторые особенности развития международного частного права // Советский ежегодник международного права. – М., 1991.
19. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. – Ростов-на-Дону. Феникс, 2010.
20. Лунц Л. А. Международное частное право: В трех томах. – Т. 1. Общая часть. Юридическая литература. – М., 1973.
21. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. – М.: Книгодел, 1924.
22. Малышев К. И. Курс общего гражданского права. – СПб., 1878.
23. Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е изд. – М.: Изд. Проспект. Изд. Московского университета, 2009.
24. Международное частное право. Учебник // Отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2010.
25. Международное частное право / Отв. ред. Н. И. Марычева. – М., 2000.
26. Нольде Б. Э. Очерк частного международного права. – СПб., 1912.
27. Перетерский И. С. Система международного частного права // Советское государство и право. – 1946. – № 8-9.
28. Пушкин Э. А. О понятиях основных принципов современного общего международного права // Советский ежегодник международного права. 1979. – М.: Наука, 1980.
29. Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия правовых систем. – М.: 1964.
30. Храбсков В. Г. Соотношение международного права и международного частного права в русской дореволюционной доктрине // Правоведение. – 1979. – № 3.

53 Там же. – С. 22–23.

Антонов В. Ф.

ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В представленной статье раскрываются основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений на основании их противоречия основам сложившегося правопорядка. Как правило, основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений связаны с общественной и публичной значимостью правовых запретов, обеспечивающих построение экономической, политической и правовой системы государства.

Ключевые слова: публичный порядок, основы правопорядка, международное право, экономика, правовое регулирование, конституционные права, общественные отношения.

Antonov V. F.

APPLICATION OF THE DOCTRINE OF PUBLIC POLICY: THEORETICAL ISSUE

In this article the grounds for refusal of recognition and enforcement of foreign judgments basing on their collisions with the fundamentals of applicable law and order are being revealed. As a rule the grounds for refusal of recognition and enforcement of foreign judgments are associated with social and public significance of legal prohibitions which provide formation of economic, political and legal system of government.

Keywords: public policy, fundamentals of law and order, international law, economics, legal control, constitutional rights, social relations.

В последнее время при рассмотрении международных споров особую актуальность приобретают вопросы применения оговорки о публичном порядке, активно используемой российскими судами при оспаривании решений иностранных судов. Как правило, основания отказа в признании и приведении в исполнение соответствующих судебных решений связаны с общественной и публичной значимостью правовых запретов и предписаний, обеспечивающих построение экономической, политической и правовой системы государства. Увеличивающееся количество международных споров обуславливает необходимость совершенствования законодательных механизмов, позволяющих учитывать приоритетные интересы государства в сложившейся системе правового регулирования.

Сама проблема признания и применения иностранного права изначально связана с чрезвычайно широким простором судебного усмотрения. По мнению ряда специалистов, свободное человеческое поведение влечет настолько быстрое изменение общественных систем и структур, что законодательное закрепление элементов *ordre public* не всегда адекватно и своевременно может отразить изменение общественных приоритетов и ценностных ориентаций. Появляющийся в результате этого разрыв между законом и действительностью становится уделом раздумий судьи¹. В современных условиях только судья имеет возможность вынести квалифицированное решение по вопросам, требующим всестороннего юридического анализа. В целях разрешения возникающих противоречий судья обязан произвести оценку сложившейся ситуации и отразить это в соответствующих процессуальных решениях.

Использование оговорки о публичном порядке изначально связано с тем, что при отсутствии соответствующей правовой нормы правоприменительный орган обязан восполнить законодательный пробел имеющимися правовыми средствами (как правило, посредством применения аналогии права). При этом выносимое решение обуславливается нравственными установками, историческими и культурными традициями, а

Антонов В. Ф.

также некоторыми иными факторами неправового характера. Таким образом, публичный порядок складывается из двух взаимосвязанных элементов: правовой доктрины и конкретных правоприменительных предписаний, формирующихся под ее влиянием. Отдавая предпочтение судебному усмотрению, законодатель полагается на правосознание судьи, непосредственно исследующего обстоятельства дела. При отсутствии необходимых законодательных предписаний у правоприменителя появляется обязанность применения правовой доктрины, исходящей из фундаментальных принципов российского права.

На уровне монографических исследований приводится множество определений публичного порядка, раскрывающих его наиболее существенные элементы. Г. К. Дмитриева, анализируя содержание публичного порядка, к его основным элементам относит: а) основополагающие, фундаментальные принципы российского права, прежде всего конституционные, а также частноправовые и гражданско-процессуальные; б) общепринятые принципы морали, на которые опирается российский правопорядок; в) законные интересы российских граждан и юридических лиц, российского общества и государства, защита которых – основная задача правовой системы страны; г) общепризнанные принципы и нормы международного права, являющиеся частью российской правовой системы, включая международно-правовые стандарты прав человека².

В. В. Кудашкин считает, что проблема публичного порядка может быть рассмотрена только с использованием системного подхода. Публичный порядок охватывает не законы, не отдельные общественные отношения, не правоотношения, а общественные отношения в системе внутренних государственных отношений³. Ю. Г. Богатина на основе анализа отечественных и зарубежных источников выделяет наиболее характерные черты публичного порядка. Во-первых, *ordre public* подразумевает

¹ Международное частное право и международный гражданский процесс: Учеб. курс в 3 ч. – М., 2004. – С. 63.

² Международное частное право / Под ред. д.ю.н., профессора Г. К. Дмитриевой. – М.: Проспект, 2004. – С. 184.

³ Кудашкин В. В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 70.

наличие неких установленных правил, норм, требований, которые являются основополагающими для существования и поддержания всей социальной структуры данного общества. Поскольку формирование *ordre public* происходило на основе принципов, поддерживающих определенные общественные устои, строй жизни и формы межлического общения, мораль и представления о нравственности являются второй отличительной чертой *ordre public*. Третьей отличительной чертой *ordre public* является его относительно территориальный характер⁴.

В современных исследованиях доктрина публичного порядка рассматривается в контексте религиозных, политических, социально-этических представлений, влияющих на формирование судебной практики. Подобные взгляды основываются на том представлении, что право является вторичным явлением по отношению к отдельным общественным и политическим доктринам. Для принятия окончательного решения о несоответствии иностранной нормы публичному порядку принимаются во внимание фундаментальные ценности, на основе которых осуществляется правовое принуждение. В данном случае степень расхождения сложившихся ценностей должна быть настолько существенной, что правовая защита соответствующих имущественных и личных неимущественных интересов становится в известной степени «нелегитимной».

В целом решение о применении оговорки о публичном порядке складывается из двух логически взаимосвязанных операций: а) выявление правоотношений, относящихся к публичному порядку; б) вынесение решения о противоречии оспариваемой нормы сложившемуся публичному порядку. Причем наибольшие трудности вызывает разрешение второго вопроса, поскольку всегда необходимо выяснить существенность такого расхождения. Необходимо отметить, что в некоторых странах законодатель оговаривает основания вынесения подобного решения. Так, например, в Германии решение об отказе в применении иностранного права выносится в тех случаях, когда различие между политическими и социальными концепциями, на которых покоится соответственно германское и иностранное право, настолько существенно, что применение иностранного права могло бы непосредственно угрожать основам германской государственной или хозяйственной жизни⁵.

Современная концепция публичного порядка сформировалась на основе цивилистической доктрины добрых нравов, предполагавшей недействительность договоров, не соответствующих правопорядку и общественной нравственности. В современной литературе преобладает мнение о том, что добрые нравы присоединяются к понятию «публичного порядка», поскольку исторически утверждались в качестве его устоев, и, следовательно, составляют с ними единое целое⁶. По устоявшемуся мнению добрые нравы сливаются с публичным порядком при необходимости регулирования нравственных аспектов гражданского оборота. Таким образом, публичный порядок выступает в качестве соподчиненного понятия, включающего предписание о необходимости соблюдения требова-

ний морали и нравственности. С учетом изложенного добрые нравы формируют представления о ценностях, учитываемых в процессе регулирования сложившейся системы рыночных отношений.

Достаточно устойчивые представления о сущности и назначении публичного порядка сложились в рамках французской правовой доктрины. По мнению французских исследователей, необходимо различать публичный порядок в его изначальном, старинном значении (наполненный политическим – *ordre public politique* или моральным – *bonnes moeurs* содержанием) и более позднем, свойственном в основном современному периоду развития права (публичный порядок с экономическим или социальным содержанием *ordre public economique et social*)⁷. По общепризнанному мнению, первоначально публичный порядок был направлен решение трех основных задач: на охрану индивидуальной свободы, на обеспечение суверенитета государства и прочности семьи, а также на соблюдение общих правил морали. Однако позднее под влиянием усиления государственного регулирования экономики добавилось две новые сферы: социальный публичный порядок, направленный на то, чтобы сглаживать классовое неравенство, и экономический публичный порядок, направленный на создание управляемой экономики⁸.

В первом случае публичный порядок предполагает применение понятия добрых нравов в первоначальном значении, в каком оно использовалось римскими юристами в целях поддержания стабильности гражданского оборота. В этой интерпретации добрые нравы направлены на исполнение требований, олицетворяющих общественную нравственность, поскольку являются обязательными для каждого участника гражданских правоотношений. В этом случае правила добрых нравов представляет собой дополнение норм публичного порядка, устанавливающих обязанность приоритетной защиты государственных и семейных ценностей. *Ordre public economique et social* применяется в более широком спектре общественных отношений, касающихся потребительских договоров, условий аренды, обязательного страхования, трудовых договоров и т.п. В этом значении публичный порядок понимается как исполнение требований государственных и муниципальных органов, деятельность которых изначально направлена на предотвращение социальных конфликтов, а также решение экономических вопросов.

Во многих правовых системах сохраняется позитивная концепция публичного порядка, предполагающая разделение сложившейся системы правоотношений на национальный публичный порядок, проявляющийся в конкретных законодательных актах, и международный публичный порядок, применяемый при регулировании международных отношений. Национальный публичный порядок исходит из необходимости выделения специального перечня публичных законов, регулирующих наиболее значимые правоотношения. Так, французский юрист Пилле усматривал в публичном порядке совокупность законов, обеспечивающих «социальное равновесие». К подобным законам он относил нормы уголовного, административного права, законы о права на недвижимость во Франции, законы о денежном обращении, а также правила морали⁹.

4 Богатина Ю. Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. – М.: Статут, 2010. – С. 30–31.

5 Лунц Л. А. Курс международного частного права. – М., Спарк, 2002. – С. 274.

6 Щенникова Л. В. Добрые нравы как категория гражданского права // Нотариальный вестник. – 2012. – № 3. – С. 57.; Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. – М.: Иностранная литература, 1958. – С. 158.

7 Хужокова И. М. Доктрина добрых нравов и публичного порядка в договорном праве. – М., 2011. – С. 63.

8 Саватье Р. Теория Обязательств. Юридический и экономический очерк. – М.: Издательство «Прогресс», 1972. – С. 202.

9 Лунц Л. А. Курс международного частного права. – М.: Спарк, 2002. – С. 270.

В зарубежных правовых системах позитивная концепция публичного порядка применяется при необходимости регулирования экономических отношений в условиях свободного рынка. Так, в соответствии с традиционной концепцией европейского публичного порядка договоры, создающие монопольное или олигопольное положение, признаются недействительными на основании правил экономического публичного порядка, кроме тех случаев, когда считают полезным включить эти монополии в систему управления экономикой¹⁰. На основании доктрины публичного порядка пресекаются ценовые сговоры, устраняются последствия демпинговых соглашений, налагаются запреты на установление доминирующего положения и пр. В договорных отношениях публичный порядок предполагает соблюдения условий действительности договора (касающихся правомочий по отчуждению имущества, составлению документов, подтверждающих переход имущественных прав и пр.).

Как правило, позитивная концепция публичного порядка применяется при административном регулировании предпринимательской деятельности. Так, например, во Франции законодательные механизмы и требования финансового контроля применяются с целью поддержания экономического публичного порядка. Под влиянием доктрины публичного порядка в хозяйственные договоры включаются условия о недопустимости повышения ставки кредитования, о соблюдении условий трансфертного ценообразования, об ограничении платы за пользование транспортными услугами, о регулировании деятельности транспортных организаций, об оказании социальных услуг семьям с низким достатком, об обеспечении рентабельности жилищного строительства и пр.

Российское законодательство использует негативную оговорку о публичном порядке, предполагающую сопоставление решения иностранного суда с принципами российского права. В соответствии с законодательными предписаниями подлежащая применению норма иностранного права в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку). При этом необходимо учитывать, что основания ограничения основных прав и свобод человека и гражданина исчерпывающим образом сформулированы в Конституции РФ. Указанные ограничения допускаются на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55 Конституции РФ).

В арбитражной практике под публичным порядком принято понимать основы правопорядка, включающие в себя «помимо основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавших российское гражданское общество, и основополагающие принципы российского права»¹¹. В первую очередь речь идет об основополагающих принципах правовой системы, к числу которых принято относить: принцип добросовестности при исполнении обязательств, принцип неприкосновенности частной собственности, принцип беспрепятственного распоряжения гражданскими правами, принцип восстановительной природы гражданской ответственности и пр. В дан-

ном случае необходимо учитывать, что принципы правового регулирования формируются под воздействием ценностных установок, оказывающих влияние на отправление правосудия.

Высший Арбитражный суд Российской Федерации в специальном информационном письме сформулировал развернутое определение публичного порядка, под которым следует понимать такие фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства¹². В данном случае высшая императивность правовой нормы обуславливается повышенной значимостью отношений, подлежащих урегулированию. Спорные отношения непременно должны являться существенной частью экономической, политической и правовой системы, что порождает правовые основания отказа в признании и приведении в исполнение соответствующего решения иностранного суда.

В современной литературе высказывается мнение о необходимости разграничения оговорки о публичном порядке и императивных норм соответствующего правопорядка, затрагивающих сферу международного частного права. На основании указанных правовых норм устанавливаются валютные ограничения, порядок въезда и выезда физических лиц, порядок допуска иностранных юридических лиц к соответствующим сферам деятельности, ограничения недобросовестной конкуренции, антимонопольного регулирования¹³. Между тем, основания установления подобного рода ограничений в юридической литературе, как правило, не раскрываются. При применении указанных предписаний большинство юристов исходят из юридического анализа императивной нормы, устраняющей действие коллизионной нормы.

Большинство современных исследователей полагают, что императивные нормы применяются в плоскости представлений о публичном порядке. По мнению Ю. Г. Морозовой, институт норм непосредственного применения защищает нормативный (законодательно закрепленный) *ordre public*, который имеет существенное значение для обеспечения национальной безопасности. Подобные представления аргументируются тем, что публичный порядок может быть представлен в виде принципов права (негативный вариант) и в виде норм, имеющих прямое действие (позитивная концепция *ordre public*)¹⁴. О. А. Алексеева полагает, что оговорка о публичном порядке является своеобразным защитным механизмом *ordre public*. При этом, помимо такого способа защиты публичного порядка, существует еще один, исторически более поздний, – установление сверхимперативных норм¹⁵.

Анализ законодательства и правоприменительной практики показывает, что нормы непосредственного применения выполняют функцию конкретизации публичного порядка в отдельных сферах правового регулирования. Из предписаний гражданского кодекса следует, что основанием применения

10 Саватье Р. Теория Обязательств. Юридический и экономический очерк. – М., 1972. – С. 207.

11 См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10 июня 2009 г. по делу № А56-41368/2008.

12 Информационное письмо президиума ВАС от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений».

13 Ануфриева Л. П. Международное частное право. – Т. 1. – М., 2002. – С. 228.

14 Морозова Ю. Г. Оговорка в публичном порядке в международном частном праве: Понятие и современный порядок применения: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2001.

15 Алексеева О. А. Публичный порядок в международном частном праве // Закон. – 2007. – № 2. – С. 98–99.

оговорки о публичном порядке является неурегулированность вопроса нормами позитивного права. Соответственно, при наличии нормативного акта, непосредственно регулирующего соответствующую сферу правоотношений, применяется императивная норма. В современных условиях к нормам непосредственного применения правомерно относить правовые предписания, закрепляющие порядок приватизации недвижимого имущества, особенности управления коммерческой организацией с государственным участием; порядок заключения и исполнения государственных контрактов и пр.

Судебная практика исходит из расширенного понимания публичного порядка, обуславливающего возможность отказа в признании решения иностранного суда, противоречащего основополагающим направлениям государственной политики. В одном из постановлений Президиума ФАС указывалось, что нарушающими российский публичный порядок могут признаваться такие решения третейского суда, исполнение которых делает невозможным деятельность государственных предприятий в сфере государственной безопасности, в социальной сфере, в сфере производства отдельных видов продукции, изъятых из оборота или ограниченно оборотоспособной¹⁶. Наиболее значимыми элементами публичного порядка являются законодательные особенности регулирования некоторых видов предпринимательской деятельности, система регистрации прав на недвижимое имущество, условия лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности и пр.

Таким образом, в качестве основ правопорядка правомерно рассматривать основополагающие социально-политические и нравственные устои общества, проявляющиеся в различных сферах законодательного регулирования. При этом отдельные элементы публичного порядка могут проявляться в конкретных законодательных актах, содержащих нормы непосредственного применения. Развитие международной торговли обуславливает необходимость обращения к

традиционному понятию публичного порядка, отражающего взаимосвязанность и взаимосогласованность основных направлений государственной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева О. А. Публичный порядок в международном частном праве // Закон. – 2007. – № 2.
2. Ануфриева Л. П. Международное частное право. Т. 1. – М., 2002.
3. Богатина Ю. Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. – М.: Статут, 2010.
4. Кудашкин В. В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка // Законодательство и экономика. – 2004.
5. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. – М.: Издательство «Иностранная литература», 1958.
6. Лунц Л. А. Курс международного частного права. – М.: Спарк, 2002.
7. Международное частное право / Под ред. д.ю.н., профессора Г. К. Дмитриевой. – М.: Проспект, 2004.
8. Международное частное право и международный гражданский процесс: Учеб. курс. – М., 2004.
9. Морозова Ю. Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2001.
10. Саватье Р. Теория Обязательств. Юридический и экономический очерк. – М., Издательство «Прогресс», 1972.
11. Хужокова И. М. Доктрина добрых нравов и публичного порядка в договорном праве. – М., 2011.
12. Щенникова Л. В. Добрые нравы как категория гражданского права // Нотариальный вестник. – 2012. – № 3.

16 Постановление Президиума ВАС РФ от 29.03.2012 N 16882/11 по делу N А40-41184/2011-50-359.

Залибекова Д. З., Касимова Д. М.

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

В статье анализируется опыт государственного регулирования инновационной деятельности в развитых странах как важнейший инструмент развития экономики, как фактор обеспечения долгосрочной национальной конкурентоспособности и устойчивого повышения благосостояния населения.

Ключевые слова: инновационная деятельность, стимулирование инновационных процессов, налоговая льгота, налоговый кредит.

Zalibekova D. Z., Kasimova D. M.

TAX REGULATION OF INVESTMENT AND INNOVATION ACTIVITIES ABROAD

The article analyzes the experience of state regulation of innovative activity in the developed countries as a major instrument for economic development, as a factor in the long-term national competitiveness and sustainable well-being of the population.

Keywords: innovative activity, stimulation of innovative processes, tax credit, a tax credit.

Государство осуществляет регулирование инновационной деятельности прямыми и косвенными методами. К прямым методам государственного регулирования относятся: финансирование НИОКР и инновационных проектов из бюджета, правовое регулирование, формирование инновационной инфраструктуры.

Косвенные методы регулирования инновационной деятельности за рубежом направлены, с одной стороны, на стимулирование инновационных процессов, а с другой – на создание благоприятных экономических условий и социально-политического климата для научно-технического развития.

В России в целях стимулирования спроса на изобретения, научные исследования, опытно-конструкторские разработки, промышленные образцы, полезные модели в среде малого бизнеса, а также развития инфраструктуры для полноценного функционирования инновационной экономики (института патентных поверенных, компаний, осуществляющих юридическую защиту указанных прав) законодателем предусмотрены налоговые вычеты и для специального налогового режима¹.

Они основаны на том, что государство прямо не ограничивает самостоятельности предприятий в принятии хозяйственных решений. Воздействие этих методов успешно, если они способствуют формированию общественных, а не индивидуальных условий хозяйствования. Среди косвенных методов управления традиционно выделяются налоговое и амортизационное регулирование, кредитная и финансовая политика, ценовое регулирование, политика протекционизма, либерализация налогового и амортизационного законодательства.

Важнейшую роль играют налоговые льготы, используемые для поощрения тех направлений деятельности корпораций, которые желательны с точки зрения государства, в том числе льготы, направленные на стимулирование научно-технического прогресса, экспорта и деловой активности инновационного бизнеса.

Налоговое регулирование инновационной деятельности используется практически во всех странах.

Залибекова Д. З.

Касимова Д. М.

Налоговое регулирование осуществляется через:

- предоставление налоговых льгот, которое реализуется путем льготного налогообложения прибыли, сокращения налогооблагаемой базы, уменьшения налоговых ставок, вычетов из налоговых платежей. Льготное налогообложение прибыли осуществляется отнесением различного рода инновационных затрат на издержки производства. Так, в США расходы компаний на НИОКР, проводимые за свой счет, приравниваются к издержкам производства;
- предоставление льгот по уплате налога на прибыль, а именно: уменьшение налогооблагаемой прибыли на сумму средств, направленных на перевооружение, реконструкцию, расширение и обновление производства;
- уменьшение налогооблагаемой прибыли на сумму средств, направленных фирмами на проведение НИОКР;
- предоставление исследовательского и инвестиционного налогового кредита, т.е. отсрочку налоговых платежей в части затрат из прибыли на инновационные цели;
- уменьшение налога на прирост инновационных затрат;
- освобождение в течение нескольких лет от уплаты налога на прибыль, полученную от реализации инвестиционных проектов;
- уменьшение налогооблагаемой прибыли на сумму стоимости приборов и оборудования, передаваемым учебным заведениям, научно-исследовательским организациям.

Налоговые инструменты, стимулирующие инвестиции в сферу НИОКР со стороны частного бизнеса, непосредственно связаны с налогом на прибыль и делятся на две категории:

- налоговые льготы. В этом случае фирмам, инвестирующим средства на проведение научных исследований и разработок, разрешается вычесть эти расходы из налогооблагаемого дохода или прибыли, затрачиваемой на НИОКР;

1 Залибекова Д. З. Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

– налоговый кредит – предоставление отсрочки налоговых платежей с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов.

Существуют два основных различия между налоговыми льготами и налоговым кредитом: 1) величина налоговых льгот зависит от дохода и нормы прибыли, в то время как налоговый кредит напрямую от них не зависит; 2) в обычных условиях неиспользованные налоговые льготы могут быть перенесены на другой период и компенсированы будущими налогами, в то время как неиспользованный налоговый кредит требует дополнительных организационных усилий для контроля за его целевым использованием в каждом конкретном случае. В последние годы в практике налогового стимулирования НИОКР в зарубежных странах произошло заметное смещение акцентов от пользования налоговыми льготами в сторону налоговых кредитов².

Существует большое многообразие в практике использования этих двух инструментов. Одни позволяют увеличить расходы на исследования и разработки за счет уменьшения налогов. Такой подход, например, характерен для Франции и США. При этом основная идея состоит в том, чтобы поддерживать дополнительные усилия компаний на проведение НИОКР, а не общие затраты. Другие – выделяют только особые виды НИОКР, на которые распространяются налоговые льготы. В Нидерландах, например, обеспечивается поддержка только трудовых затрат на НИОКР. Это – попытка остановить транснациональные компании, которые стремятся перенести свои исследования в страны с низким уровнем трудовых затрат. Наконец, третий подход заключается в предоставлении компаниям налогового кредита в денежной форме, независимо от факта получения ими прибыли (такой опыт характерен для Канады).

Еще одна группа налоговых инструментов связана с поддержкой начинающих компаний на ранних стадиях развития. В этой сфере обычно используется широкое разнообразие используемых инструментов, включая прямую и косвенную поддержку, а также широкий спектр налоговых льгот.

За рубежом льготы на НИОКР даются чаще в виде скидок с расходов компаний на эти цели. Существуют два вида налоговых скидок – объемные и приростные. Объемная скидка дает льготу пропорционально размерам затрат. Так, например, в США, Великобритании, Канаде, Бельгии, Швеции, Италии 100% расходов на НИОКР вычитается из налогооблагаемых доходов компаний. В Австралии (частные компании) – 150%. В ряде стран, таких как Нидерланды, Норвегия, Австрия, Малайзия предприятия энергетических отраслей полностью исключают расходы на НИОКР из прибыли до налогообложения.

Приростная скидка определяется исходя из достигнутой компанией увеличения затрат на НИОКР по сравнению с уровнем базового года или среднего за какой-то период. Эта скидка действует после того, как указанные расходы были произведены. Максимальная скидка – 50% имеет место во Франции. В Канаде, США, Японии и Тайване она составляет 20%. Однако и здесь имеется ряд ограничений.

Существует и практика установления потолка размера списания налогов по скидкам на НИОКР. В Японии и Южной Корее он не должен превышать 10% от суммы корпоративного налога. А в Канаде, Испании и на Тайване потолок существенно выше – соответственно 75, 35 и 50%. В Австралии, Франции,

Италии и Нидерландах установлен стоимостной предел налоговой скидки.

В целях активизации инновационной активности за рубежом государство нередко стимулирует и подготовку кадров. Так, во Франции 25% прироста расходов на подготовку кадров освобождаются от налогов (там, где безработица велика, эти затраты не облагаются налогами).

Основным направлением налоговой политики зарубежных стран является стимулирование развития определенных территорий, что способствует экономическому подъему и созданию новых рабочих мест. Налоговые стимулы создаются центральными, региональными и местными органами власти и представлены налоговыми каникулами, специальными ставками, освобождением от налогов для новых инвестиций, субсидиями или кредитами под низкий процент.

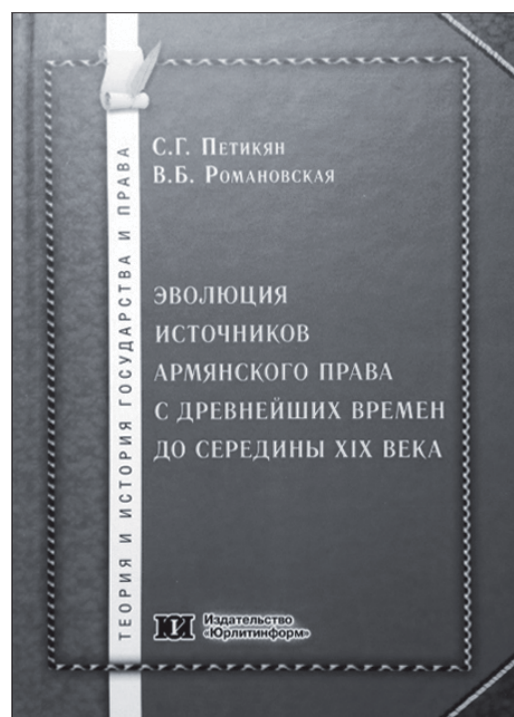
Анализ показывает, что в большинстве стран, добившихся успехов в экономическом и социальном развитии, решаются следующие задачи:

установление налоговых ставок на уровне ниже среднемировых, отказ от прогрессивной системы налогообложения для основной массы получателей доходов;

установление таких правил расчета налогооблагаемой базы, при которых инвестиции в производство и производительное накопление граждан и предприятий фактически полностью освобождаются от налогообложения.

Пристатейный библиографический список

1. Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.
2. Николаева Н. И. Мировая экономика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

2 Николаева Н. И. Мировая экономика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 510.

Илюхина С. С., Галушкин А. А.

РОЛЬ И МЕСТО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РФ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье раскрыты роль и место таможенных органов во внешнеэкономической деятельности, проведен анализ внешнеэкономической деятельности, рассмотрен План деятельности Федеральной таможенной службы на период 2013–2018 годов.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, таможенные органы, участники ВЭД, торговые партнеры, преференции, барьер, информационное взаимодействие.

Ilyukhina S. S., Galushkin A. A.

ROLE AND PLACE OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

In this article the role and place of customs authorities in foreign economic activity are revealed, the analysis of foreign economic activity is carried out, the Plan of activity of the Federal Customs Service for 2013–2018 is considered.

Keywords: foreign economic activity, customs authorities, participants of foreign trade activities, trade partners, preferences, barrier, information exchange.

Регулирование внешнеэкономических отношений является неотъемлемой функцией любого государства¹², стремящегося обеспечить свою политическую независимость и экономическую безопасность. По мере интеграции России в мировое хозяйство внешнеэкономическая деятельность становится все более важным и результирующим фактором ее экономической жизни. Формируется принципиально новая сфера предпринимательства, направленная на самостоятельное освоение внешнего рынка и подчиняющаяся в своей деятельности законам мировой экономики. Масштабы, объемы и эффективность ВЭД в большой степени зависят от уровня и качества организации процессов и процедур, регулирующих внешнюю торговлю, предпринимательство и другие формы взаимодействия предприятий и организаций из различных стран. Поэтому государство и осуществляет регулирование ВЭД, используя различные инструменты и методы. В условиях глобализации мировой экономики, интеграции российской экономики в международное экономическое пространство, присоединения к Всемирной торговой организации возрастает роль и значение государственного регулирования внешнеторговой деятельности. Поэтому Всемирная таможенная организация считает показателями высокого уровня развития государственного регулирования внешнеторговой деятельности наличие необходимой правовой базы, отвечающей требованиям сегодняшнего времени, новейших информационных технологий, развитой инфраструктуры и высококвалифицированных кадров.

В 2013 г. в соответствии с Указом Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 г. № 596 утвержден План деятельности Федеральной таможенной службы на период 2013–2018 годов, где определены конкретные мероприятия, в том числе по снижению адми-

нистративных барьеров, расширению сферы использования информационных технологий, защите интеллектуальной собственности. На сегодняшний день применяются отраслевой и субъектно-ориентированный подходы. В рамках применения отраслевого подхода в перечень организаций, деятельность которых характеризуется низким уровнем риска нарушения таможенного законодательства, включено 256 организаций. Это крупные промышленные предприятия, реализующие инвестиционные проекты, автопроизводители, импортеры мяса и рыбы, которые соответствуют 13 определенным условиям. В отношении их товаров осуществляется выборочный таможенный контроль. Этими компаниями за 2014 год оформлено 7,5% деклараций, их доля перечислений в федеральный бюджет таможенных платежей при импорте составляет 11%.

При субъектно-ориентированном подходе в категорировании участников ВЭД, занимающихся импортом, применяются 40 критериев, которые рассчитываются автоматически с использованием информационных ресурсов Федеральной таможенной службы России и Федеральной налоговой службы России. В отношении импортеров с позитивной таможенной историей ФТС России упрощает процедуры и сокращает время операций. Их товары должностные лица таможенных органов контролируют выборочно, на основе генератора случайных чисел. Количество таких компаний-импортеров больше 2000. Хотя они составляют около 3% от общего количества участников ВЭД, занимающихся импортом товаров, но при этом ими оформляется свыше 40% от общего количества импортных таможенных деклараций, а их доля перечислений в федеральный бюджет таможенных платежей при импорте превышает 50% от общей суммы. В 2014 г. достигнуты конкретные результаты реализации дорожной карты «Совершенствование таможенного администрирования»: время, необходимое для проведения таможенными органами государственного контроля в пункте пропуска на границе Таможенного союза, сократилось в среднем на 40 минут и составляет 40–45 минут, более 90% товаров оформляются в течение 24 часов, а товары, не облагаемые вывозными пошлинами, – не более 4 часов. В 2014 г. ФТС России продолжила активную работу по защите правообладателей. На основании заявлений

1 Коровяковский Д. Г. Подготовка служащих по специальности «Таможенное дело» на постсоветском пространстве: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Азербайджан, Литва // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 41. – С. 44–53.

2 Кудряшев А. О. Роль и место таможенных органов в обеспечении безопасности товаров, ввозимых в Российскую Федерацию // Таможенное обозрение. – 2008. – С. 223.

правообладателей ФТС России ведет таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, в котором на 1 декабря 2014 г. содержалось более трех тысяч объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих как зарубежным, так и российским компаниям. Среди них – 3021 товарный знак, 30 объектов авторского права, 2 наименования мест происхождения товаров. Более 50% общего объема товарных знаков принадлежит отечественным правообладателям, среди которых значительная доля приходится на российские кондитерские фабрики, а также на крупнейшие производственные предприятия, производящие различный ассортимент продукции от автозапчастей до грузовых автомобилей.

Основным торговым партнером по импорту остается Китай. На его долю приходилось 26% от всего импорта по стоимостным показателям. На втором месте – Вьетнам (15%) и на третьем – США – 9%. Тенденции декларирования товаров с предоставлением тарифных преференций в 2014 г. аналогичны 2013 г.: основной объем товаров, выпущенных с предоставлением тарифных преференций, составляют товары – страны происхождения которых заявлялись государства – участники СНГ (2014 г. – 81,4%, 2013 г. – 90,3%); основной объем товаров из государств – участников СНГ приходится на овощи, фрукты и зелень групп 07-08, 12 ТН ВЭД ТС, одежду групп 61-62 ТН ВЭД ТС, а также охлажденную рыбу группы 03 ТН ВЭД ТС; основной объем товаров, оформленных с предоставлением тарифных преференций из развивающихся стран, приходится на фрукты, овощи и цветы из Таиланда (2014 г. – 95,2%, 2013 г. – 90,7%), из наименее развитых стран – это товары из Эфиопии.

Государственное регулирование стало одним из важнейших инструментов улучшения эффективности внешне-торговой деятельности³⁴ и макроэкономической ситуации в Российской Федерации в целом. В то же время дальнейшее поступательное развитие ВЭД России, уменьшение потенциальных угроз личности, обществу и государству, вызванных перемещением запрещенных либо ограниченных к ввозу на территорию Российской Федерации товаров или незаконным перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации невозможно без решения следующих проблем: достижения качественно нового уровня информатизации государственных контролирующих органов, обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации, оптимизации принятия решений на всех уровнях при ввозе товаров на территорию Российской Федерации, снижения субъективного фактора, достижения оптимального соотношения между количеством сил и средств государственного контроля и эффективностью его проведения, гармонизации и унификации законодательства Российской Федерации в области ВЭД с международными стандартами, укрепления законности и правопорядка в сфере ВЭД, предотвращения коррупции в государственных контролирующих органах, укрепления кадрового потенциала и повышения социального статуса должностных лиц контролирующих органов, создания надлежащих условий труда и материального обеспечения, отвечающих современным требованиям, для должностных лиц

и работников, осуществляющих государственный контроль в сфере ВЭД.

Проблема обеспечения безопасности ввозимых товаров является одной из центральных проблем⁵ из стратегически значимых для развития ВЭД Российской Федерации и государства в целом. Эта проблема не существует сама по себе, она тесно связана со всеми направлениями деятельности государственных контролирующих органов, коренной задачей которых является обеспечение реализации политики Российской Федерации в области внешней торговли. Высокая значимость⁶ такой функции государственных органов, как обеспечение безопасности ввозимых товаров, объясняется тем, что она активно влияет на развитие в той или иной сфере жизнедеятельности. К тому же уровень обеспечения безопасности ввозимых товаров определяется уровнем развития потребительского рынка и системы контролирующих органов. Однако высокий уровень развития еще не гарантирует столь же высокого уровня безопасности, в том числе и в сфере импорта. Всемирной торговой организацией планируется принятие пакета Рамочных стандартов безопасности и облегчения мировой торговли, которые базируются на четырех принципах: предварительный обмен данными о товарных поставках в автоматическом режиме, применение системы анализа и управления рисками, создание на границе условий для физического контроля транспортных средств и контейнеров, создание сильных партнерских отношений с бизнес-сообществом.

Реализация перечисленных принципов предполагает установление и развитие мощной системы информационного взаимодействия⁷⁸ таможенной службы с иными государственными органами, зарубежными таможенными службами, участниками внешнеэкономической деятельности и иными национальными и зарубежными ведомствами и организациями. В связи со вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию информационное взаимодействие таможенных органов с внешними организациями является важнейшим направлением повышения уровня их информационной обеспеченности для повышения эффективности таможенного контроля. Таким образом, таможенная система является одним из базисных институтов национальной экономики, так как обеспечивает огромную долю финансовых поступлений в бюджет, и является одним из наиболее совершенных инструментов регулирования внешнеэкономической политики государства.

3 Коровяковский Д. Г. Правовое регулирование понятия «Таможенная информация» в Российской Федерации и в Республике Беларусь: сравнительно-правовая характеристика // Таможенное дело. – 2012. – № 1. – С. 18–23.

4 Титова Н. К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 2. – С. 16–20.

5 Титова Н. К. Формы участия институтов гражданского общества в правотворческой и правоприменительной деятельности государства // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2014. – № 12.

6 Коровяковский Д. Г. О подготовке специалистов по альтернативным способам разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в России // Таможенное дело. – 2014. – № 2. – С. 27–29.

7 Галушкин А. А. К вопросу о свободе распространения информации и защите от информационной опасности на современном этапе // В сборнике: Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности Материалы III международной научно-практической конференции. – МГОГИ, Орехово-Зуево, 2015. – С. 15.

8 Галушкин А. А. К вопросу об информационных войнах и информационной безопасности на современном этапе // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – Рязань, 2015. – С. 245–248.

Пристатейный библиографический список

1. Галушкин А. А. К вопросу о свободе распространения информации и защите от информационной опасности на современном этапе // В сборнике: Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности Материалы III международной научно-практической конференции. – МГОГИ, Орехово-Зуево, 2015.
2. Галушкин А. А. К вопросу об информационных войнах и информационной безопасности на современном этапе // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – Рязань, 2015.
3. Коровяковский Д. Г. О подготовке специалистов по альтернативным способам разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в России // Таможенное дело. – 2014. – № 2.
4. Коровяковский Д. Г. Подготовка служащих по специальности «Таможенное дело» на постсоветском пространстве: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Азербайджан, Литва // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 41.
5. Коровяковский Д. Г. Правовое регулирование понятия «Таможенная информация» в Российской Федерации и в Республике Беларусь: сравнительно-правовая характеристика // Таможенное дело. – 2012. – № 1.
6. Кудряшев А. О. Роль и место таможенных органов в обеспечении безопасности товаров, ввозимых в Российскую Федерацию // Таможенное обозрение. – 2008.
7. Титова Н. К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 2.
8. Титова Н. К. Формы участия институтов гражданского общества в правотворческой и правоприменительной деятельности государства // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2014. – № 12.

Илюхина С. С.

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РФ И УЧАСТНИКОВ ВЭД В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦЕПИ ПОСТАВКИ ТОВАРОВ

В данной статье проанализировано взаимодействие таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности в международной цепи поставки товаров. А именно, определены основные направления и субъекты взаимодействия. Представлена расширенная классификация субъектов внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: таможенный орган, участник внешнеэкономической деятельности, Таможенный кодекс, Таможенный союз, логистические провайдеры, таможенный представитель, декларант.

Ilyukhina S. S.

THE INTERACTION OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PARTICIPANTS OF FOREIGN TRADE ACTIVITIES IN THE INTERNATIONAL CHAIN OF GOODS DELIVERY ANALYSIS

This article analyzes the interaction of customs bodies and participants of foreign economic activity in the international supply chain. Namely, the main directions and subjects of interaction are identified. The expanded classification of foreign economic activity is given.

Keywords: customs authority, a participant of foreign economic activity, Customs Code, Customs Union, logistics providers, customs representative, the declarant.

Одним из институтов регулирования международной торговли, непосредственно оказывающим влияние на международные цепи поставок, являются таможенные органы¹. Специфика деятельности участника внешнеэкономической деятельности подразумевает перемещение товаров через таможенную границу, а, следовательно – взаимодействие с таможенными органами. В рамках такого взаимодействия имеется множество особенностей, обусловленных сложностью таможенного регулирования. Очевидным является еще и тот факт, что неэффективное взаимодействие приводит к росту затрат как участников ВЭД, так и государства в целом.

Перемещение товаров через таможенную границу государства основывается на основополагающих положениях, которые закреплены в Таможенном кодексе Таможенного союза (далее – ТК ТС):

Все лица на равных основаниях имеют право на перемещение товаров через таможенную границу.

Товары перемещаются через таможенную границу в порядке, установленном таможенным законодательством Таможенного союза.

Товары, перемещаемые через таможенную границу, подлежат таможенному контролю.

Товары перемещаются через таможенную границу в определенных местах, которыми являются пункты пропуска через государственные (таможенные) границы государств – членов Таможенного союза либо иные места, определенные законодательством государств – членов Таможенного союза.

Как и любые управленческие отношения, отношения между таможенными органами и участниками ВЭД имеют строго определенную структуру, то есть составные части. Такими частями являются: субъекты (участники) отношений, формы и порядок взаимодействия между ними.

В ТК ТС выделены следующие категории субъектов ВЭД: таможенные органы, декларант, таможенный представитель, специалист по таможенным операциям, таможенный перевозчик, владелец склада временного хранения, владелец тамо-

женного склада, владелец магазина беспошлинной торговли, физические лица.

Более расширенная классификация субъектов ВЭД может включать: международные организации, имеющие отношение к таможенному делу, государство в лице законодательных органов (осуществляют нормативное регулирование внешнеэкономической деятельности как внутри страны, так и на межправительственном и межгосударственном уровнях), государство в лице контролирующих органов (Федеральная налоговая служба, Федеральная служба безопасности, Ространснадзор, Россельхознадзор, Роспотребнадзор, Росавтодор), агенты валютного контроля, другие организации, которые прямо или косвенно связаны с перемещением товаров в цепи поставок (логистические провайдеры, экспедиторы, страховые организации).

Центральное место в системе ВЭД занимают государство в лице таможенных органов и декларанты (участники ВЭД). Данные субъекты ВЭД являются необходимым звеном, без которого невозможно организовать внешнеэкономическую деятельность.

Условно все аспекты взаимодействия участников ВЭД с таможенными органами можно объединить в следующие основные направления:

- регистрационные процедуры;
- информирование и консультирование. Система информирования и консультирования призвана обеспечить правильное понимание требований таможенного законодательства и таможенной политики участниками ВЭД.

Подобная практика позволяет сократить количество недоразумений²³, которые могут возникнуть в процессе взаи-

¹ Таможенное право. Учебник / Под ред. Х. А. Андриашина. – М: Юстицинформ, 2006.

² Коровяковский Д. Г. Правовое регулирование понятия «Таможенная информация» в Российской Федерации и в Республике Беларусь: сравнительно-правовая характеристика // Таможенное дело. – 2012. – № 1. – С. 18–23.

³ Галушкин А. А. Преступления и правонарушения в сфере компьютерной информации, связи и эксплуатации сетей телекоммуникаций в государствах – участниках СНГ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6 (85). – С. 103–106.

действия участников ВЭД с таможенными органами⁴, вызванных незнанием или непониманием норм таможенного законодательства, а следовательно, в целом повышает качество такого взаимодействия;

совместные заседания. Практика показала, что создавать важнейшие документы, регламентирующие работу бизнес-сообщества, и при этом не учитывать принципов построения различных видов бизнеса нецелесообразно. Подобные встречи проводятся, как правило, на высших уровнях системы таможенных органов и позволяют эффективно выявлять актуальные проблемы таможенной действительности и находить решения, приемлемые как для участников ВЭД, так и для таможенных органов;

предоставление государственных услуг. На сегодняшний день это: принятие предварительных решений по классификации и стране происхождения товаров; ведение реестров банков, таможенных представителей, владельцев таможенных складов, владельцев магазинов беспошлинной торговли, владельцев складов временного хранения, объектов интеллектуальной собственности, таможенных перевозчиков, уполномоченных экономических операторов; информирование об актах Российской Федерации в области таможенного дела и консультирование по вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов;

обжалование решений, действий (бездействия) таможенных органов и их должностных лиц. Любое лицо вправе обжаловать решение, действие (бездействие) таможенного органа или его должностного лица, если таким решением, действием (бездействием), по мнению этого лица, нарушены его права, свободы или законные интересы, ему созданы препятствия к их реализации либо незаконно возложена на него какая-либо обязанность;

совершение таможенных операций.

Практика свидетельствует⁵, что наряду с подавляющим большинством участников ВЭД, которые стараются добросовестно выполнять требования, установленные государством в отношении порядка осуществления ВЭД, имеется определенная часть ее участников, которые с умыслом или по незнанию допускают ошибки или не выполняют отдельные нормы и правила. Это приводит к большим потерям федеральных доходов, к дезорганизации работы таможенных органов и других государственных ведомств.

Данный факт обязывает вводить контроль⁶⁷ за прохождением каждого транспортного средства в рамках всей международной цепи поставки товаров, переходить на логистические методы обслуживания грузопотоков на основе синхронного взаимодействия всех видов транспорта, перегрузочных комплексов, таможенных и других государственных служб.

Существующий механизм⁸ взаимодействия таможенных органов и участников ВЭД⁹ находится в фазе активного развития. Дальнейший выбор пути, по которому будет выстраиваться новая идеология таможенного администрирования, имеет очень важное значение как для государства, так и для бизнес-сообщества.

Поскольку совершенствование таможенного администрирования выступает важным условием повышения эффективности движения товаров в международной цепи поставок товаров, а также в связи с процессами интегрирования Российской Федерации в международные таможенные организации, актуальным становится изучение имеющегося опыта и передовых практик в мировом сообществе в указанной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (в ред. протокола от 26.06.1999).
2. Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли. Всемирная таможенная организация (в ред. Протокола от 23.06.2005).
3. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 29.11.2010. – № 48. – Ст. 6252.
4. Таможенное право. Учебник / Под ред. Х. А. Андриашина. – М: Юстицинформ, 2006.

4 Коровяковский Д. Г. Подготовка служащих по специальности «Таможенное дело» на постсоветском пространстве: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Азербайджан, Литва // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 41. – С. 44–53.

5 Титова Н. К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 2. – С. 16–20.

6 Галушкин А. А. Современные угрозы информационной жизни российского общества // Образование и право. – 2015. – № 5 (69). – С. 58–65.

7 Галушкин А. А. Развитие информационных технологий и информационные угрозы // Современное право. – 2015. – № 4. – С. 41–46.

8 Коровяковский Д. Г. О подготовке специалистов по альтернативным способам разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в России // Таможенное дело. – 2014. – № 2. – С. 27–29.

9 Титова Н. К. Формы участия институтов гражданского общества в правотворческой и правоприменительной деятельности государства // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2014. – № 12.

Климовская Л. Р.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПАЦИЕНТОВ НА МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИРЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА ЕС 2011/24/EU

В настоящей статье автор анализирует некоторые положения Директивы Европейского союза о правах пациентов в трансграничном здравоохранении, принятой в соответствии с последней практикой суда ЕС. Автором затрагиваются вопросы правового статуса пациента, понятие трансграничного здравоохранения, долгосрочного медицинского ухода, создание национальных контактных пунктов по предоставлению информации о лечебных учреждениях пациентам.

Ключевые слова: трансграничное здравоохранение, права пациентов, Директива о правах пациентов, Европейский союз.

Klimovskaya L. R.

TO THE QUESTION OF IMPLEMENTATION OF CROSS-BORDER PATIENTS' RIGHTS TO MEDICAL CARE IN CONTEXT OF DIRECTIVE 2011/24/EU

The author analyzes some provisions of Directive of European Union of Patients' Rights in Cross-Border Healthcare. It was adopted in order to codify the latest innovations made by European Court of Justice. Authors draw the attention to several issues regulated by the Directive: legal status of patients, the meaning of "cross-border healthcare", long-term healthcare, establishing National Contact Points in Member-States for providing necessary information about health providers to the patients.

Keywords: cross-border healthcare, patients' rights, Directive of Patients' Rights, European Union.

Настоящее исследование проводится в целях последующего сравнительно-правового анализа законодательства Европейского союза (далее – ЕС) о защите прав трансграничных пациентов с законодательством Союзного государства (РФ и Беларуси), а также Евразийского экономического союза.

Правовые нормы институтов ЕС о защите прав пациентов в аспекте оказания медицинской помощи на территории различных государств ЕС стали разрабатываться по мере углубления их отношений в различных сферах, в том числе в сфере здравоохранения. Ранее доступ и получение медицинской помощи гражданами ЕС на территории другого государства-члена регулировались исключительно Регламентом 1408/71¹ о применении систем социальной защиты к наемным работникам, samozанятым лицам и членам их семей при передвижении в Сообществе и принятым в соответствии с ним Регламентом 883/2004² о координации систем социальной защиты. Данные акты предоставляют право на получение срочной медицинской помощи на всей территории ЕС. Регламент 883/2004 также содержит норму, которая предоставляет право на получение медицинской и врачебной помощи на территории другого государства, если необходимое лечение недоступно на территории государства гражданства. Позднее Европейский суд принял целый ряд знаковых решений³, расширивших права пациентов в области трансграничного здравоохранения, в соответствии с которыми в 2011 г. была принята Директива

Европейского парламента и Совета ЕС о правах пациентов в трансграничном здравоохранении (далее – Директива).

Директива вступила в силу 24 апреля 2011 г., периодом трансформации в национальное законодательство государств – членов Союза был назначен срок до 25 октября 2013 г.⁴

Директива установила новые положения для обеспечения высококачественного и эффективного медицинского обслуживания при получении такового на территории другого государства – члена ЕС, развития сотрудничества в области здравоохранения между государствами-членами, введено правило по возмещению пациентам денежных средств, потраченных на лечение.

В данной статье нам хотелось бы обратить внимание на обстоятельства, которые в будущем могут привести к формированию новой практики Европейского суда: такие, как правовой статус пациента, понятие «трансграничное здравоохранение», долгосрочный медицинский уход, право на информацию в рамках программы создания национальных контактных пунктов по предоставлению информации для пациентов и механизм работы такой программы.

Директива относится к такой сфере, как применение прав пациентов в сфере трансграничного здравоохранения. Термин, как таковой, вызывает много вопросов, и так и не получил конкретного определения в литературе, которая вышла в свете принятия Директивы о защите прав пациентов⁵.

Климовская Л. Р.

1 Regulation (EEC) No 1408/71 of the Council of 14 June 1971 on the application of social security schemes to employed persons and their families moving within the Community [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31971R1408:en:HTML> (дата обращения: 20.09.2014).

2 Regulation (EC) No 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the coordination of social security systems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:166:0001:0123:en:PDF> (дата обращения: 20.09.2014).

3 Sieveking K. ECJ Rulings on Health Care Services and their Effects on the Freedom of Cross-Border Patient mobility in the EU // European Journal of Migration and Law. – 2007. – No. 9. – P. 25–51.

4 Statement by Health Commissioner, Tonio Borg, on the entry into force of the Directive on Patients' Rights in Cross-border Healthcare European Commission – MEMO/13/932 25/10/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-932_en.htm (дата обращения: 15.04.2014).

5 Quinn P., de Hert P. The Patients Rights Directive (2011/24/EU) – Providing (some) rights to EU residents seeking healthcare in other Member States // Computer Law & Security Review. – 2011. – No. 27. – P. 497–502; Peeters M. Free Movement of Patients: Directive 2011/24 on the Application of Patients' Rights in Cross-Border Healthcare // European Journal of Health Law. – 2012. – No. 19. – P. 29–60; Taylor S. Cross-Border Patients and Informed Choices on Treatment in English and French Law and the Patients' Rights Directive // European Journal of Health Law. – 2012. – No. 19. – P. 467–484.

Директива не разъясняет понятие «права пациентов», впрочем, в самом праве ЕС до сих пор нет четкого определения прав пациентов⁶. В ранних версиях законопроекта не упоминалось о правах пациентов, была лишь ссылка на систему здравоохранения в трансграничном аспекте – Директива о безопасном, высококачественном и эффективном здравоохранении в трансграничном аспекте⁷.

Однако, когда речь заходит о правовом статусе пациента, необходимо упомянуть такой акт, как Европейская хартия прав пациентов. Она была представлена в Брюсселе 15 ноября 2002 г. «Сообществом активных граждан», одобрена Европейской комиссией 18 апреля 2008 г. Хартия содержит 14 основных прав пациентов, вытекающих из фундаментального права каждого человека – права на здоровье: право на профилактические меры, на доступность медицинской помощи, право на информацию, на свободу выбора, на безопасность и т.д.⁸ При этом мы видим совершенно другой подход: новые нормы права были разработаны не законодателем, но являлись выражением воли общественности. Хотя Хартия не имеет юридической силы как таковой, она имеет преимущество в том, что призвана разъяснить, на какие права могут рассчитывать граждане ЕС в качестве пациентов⁹.

Известный специалист в области европейского медицинского права профессор Герман Нис считает, что прямая ссылка в Директиве на права пациентов является ошибочной, так как данный акт не раскрывает содержания прав пациентов¹⁰. Также в литературе упоминается, что Директива признает некоторые ценности и принципы в сфере защиты прав пациентов, но не рассматривает права пациентов в контексте самих прав, которыми обладают пациенты¹¹. Эта дискуссия связана, прежде всего, со смыслом п. 1 ст. 4 Директивы, в соответствии с которой медицинская помощь пациентам (гражданам другого государства – члена ЕС) должна быть оказана в соответствии с принципами универсальности, справедливости и солидарности доступа к высококвалифицированной медицинской помощи¹². Диспозиция статьи основывается на заключении Совета Министров ЕС об общих ценностях и принципах ЕС в области здравоохранения¹³.

Другой известный специалист господин Де ла Роса¹⁴ высказал мнение, что Директива содержит многочисленные ссылки на европейские ценности в области здравоохранения, в то же время возникает закономерный вопрос, в какой мере права пациентов в области трансграничного здравоохранения передают эти ценности. Таким образом, преобразование некоторых значений в права является весьма сомнительным¹⁵. Но есть и другие мнения, так, М. Питерс склоняется к тому, что положения Директивы следует рассматривать гораздо шире, нежели только с точки зрения обязательства возмещения пациентам денежных средств, потраченных на лечение за границей (права пациентов, сформированные практикой суда ЕС). В расширенном аспекте можно провести связь между основными принципами, которые сформулированы в виде обязательств государств-членов в отношении пациентов, такими, как право на выбор врача и лечебного учреждения, право на информацию и т.д. Таким образом, положения Директивы могут распространяться на все категории пациентов, как местных, так и иностранных¹⁶.

В то время, как отдельные ученые считают, что Директива улучшает положение прав пациентов существенно, другие спорят и говорят о том, что в Директиве «права пациентов» используются в качестве отвлекающего маневра для того, чтобы урегулировать и скоординировать оказание медицинских услуг, чего в принципе не удалось добиться ранее принятыми нормативно-правовыми актами¹⁷.

Понятие «трансграничное здравоохранение» является достаточно спорным, к примеру, Директива об услугах на внутреннем рынке¹⁸ подразумевает под внутренним рынком всю территорию Союза. Все услуги, оказываемые в рамках ЕС, независимо от того, носят ли они трансграничный характер или нет, можно рассматривать как услуги, оказываемые на внутреннем рынке, регулируемые нормами вторичного права ЕС.

Директива о защите прав пациентов, однако, не содержит ссылки ни на услуги, ни на внутренний рынок. Законодатель намеренно избегает этих терминов и говорит только о здравоохранении. Таким образом, Директива регулирует только те отношения в области здравоохранения, отличающиеся трансграничным характером¹⁹.

В литературе была высказана точка зрения, что использование термина «внутренние границы» в Европейском про странстве зависит от каждого конкретного случая²⁰. В связи с этим понятие «трансграничное здравоохранение» не следует воспринимать слишком буквально. Анализ дефиниции «пациент» в ст. 3(h) Директивы свидетельствует о том, что универсальный характер, единство правового статуса последнего относится конкретно к сфере трансграничного здравоохранения, и это, по мнению некоторых авторов, означает, что Директива применяется не только к «мобильным», но и к так называемым «внутренним» пациентам²¹.

6 Pieters D. The Social Security: An Introduction to the Basic Principles. – Kluwer Law International; BV, The Netherlands, 2006. – P. 85–93; Palm W., Figueras J., Ernst K. and van Ginneken E. Cross-border Health Care in the European Union, Mapping and Analyzing Practices and Policies. – Brussels: European Observatory on Health Systems and Policies, 2011. – P. 34.

7 Questions and Answers on the Draft Directive on the application of patients' rights in cross-border healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-08-473_en.htm?locale=en (дата обращения: 15.04.2014).

8 Европейская Хартия прав пациентов. Представлена в Брюсселе 15 ноября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cop.health-rights.org/ru/teaching/51/European-charter-of-patient-s-rights> (дата обращения: 15.12.2014)

9 Hervey T. K. EU Law and National Health Policies: Problem or Opportunity? // Health Economics, Policy and Law. – 2007. – P. 6.

10 Nys H. The Transposition of the Directive on Patients' Rights in Cross-Care Healthcare in National Law by the Member-States: Still a lot of Effort to be made and questions to be answered // European Journal of Health Law. – 2014. – Vol. 21. – P. 1–14.

11 Sokol T., Mintas-Hodak L., Abramovic.A. Patient Mobility Directive: One Step Forward or Two Steps Back for Cross-Border Healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Sokol_-_Patient_Mobility_Directive%5B1%5D.pdf (дата обращения: 20.06.2014).

12 Directive 2011/24/EU of the European Parliament and of the Council of 9 March 2011 on the application of patients' rights in cross-border healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011L0024> (дата обращения: 18.09.2014).

13 Nys H. Op. Cit. – P. 8.

14 De la Rosa S. The Directive on Cross-Border Healthcare or the Art of Codifying Complex Case Law.//Common Market Law Review. – 2012. – Vol. 49. – No. 1. – P. 34–38.

15 Ibid. – P. 36.

16 Peeters M. Op.Cit. – P. 56.

17 Nys H. Op.Cit. – P. 9.

18 Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on the services in the internal market [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32006L0123> (дата обращения: 30.01.2015)

19 Quenn P., de Hert P. Op. Cit. – P. 500.

20 bid. – P.501.

21 Palm W. and Baeten R. The quality and safety paradox in the patients' rights directive // European Journal Public Health. – 2011. – Vol. 21. –No. 3. – P. 273; Baeten R. and Palm W., Preserving general interest in healthcare through secondary and soft EU law: the case of the Patients' Rights Directive' in U. Neergaard et. al. (eds). // Social Services of General Interest in the EU. – The Hague: Asser Press, 2013. – P. 391.

Кроме того, из ст. 5с Директивы вытекает, что Директива не ограничилась областью применения только в отношении мобильных пациентов. Это положение требует, чтобы при прохождении медицинского лечения в другом государстве – члене ЕС пациенту было оказано лечение в такой же мере и такого же качества, как если бы он проходил лечение на территории государства принадлежности. Это предполагает, что Директива в последующем будет распространяться и на тех пациентов, которые проходят лечение в государстве принадлежности (то есть качество оказываемых медицинских услуг повысится в соответствии с требованиями ЕС, но будет доступно как гражданам страны, так и иностранным пациентам)²². Доказательством тому могут служить национальные правовые акты, принятые государствами-членами в соответствии с Директивой. Так, например, в Люксембурге в соответствии с Директивой был принят закон «О правах и обязанностях пациентов»²³. В Греции был принят Закон 3918/2011, в соответствии с которым была образована Национальная организация здравоохранения, выполняющая контрольно-надзорные функции по контролю качества медицинских услуг, предоставляемых национальными медицинскими учреждениями²⁴.

Проблематика реализации прав пациента в разрезе трансграничного здравоохранения тесным образом связана с вопросами правового регулирования оказания услуг в сфере стационарного ухода. Не все услуги медицинского характера, предоставленные в другом государстве – члене ЕС, подпадают под действие Директивы и, таким образом, деньги, потраченные на такое лечение, не будут возмещены. К таким услугам относятся:

а) области такого медицинского ухода, целью которого является поддержание удовлетворительного состояния пациента, носящего долговременный характер (услуги сиделки и т.д.)²⁵;

б) случаи, в которых требуется трансплантация органов²⁶;

в) государственные программы по вакцинации населения²⁷.

Данный подход, по мнению профессора Германа Ниса, считается вполне оправданным, так как социальная помощь и поддержка пациентов после прохождения лечения не являются частью системы здравоохранения²⁸. Положения Директивы не будут применяться в отношении ситуаций, когда требуется постоянный уход для поддержания жизнедеятельности пациента. Любая услуга, носящая долгосрочный характер, исключается из сферы действия Директивы²⁹. Более того, некоторые ученые отмечают, что дискриминационный характер Директивы выражен в том, что она «умалчивает» о правовом положении хронически больных пациентов и пациентов, которые нуждаются в более сложных формах социально-медицинского обеспечения. Эта проблема может привести к выработке новой практики Европейского суда³⁰.

Одним из фундаментальных прав пациента независимо от его национально-правового либо международно-правового статуса является право на информацию. Это право четко отражено в Директиве³¹. Важным элементом механизма реализации

пациентом права на информацию является правовое определение субъектов, обеспечивающих предоставление полной и достоверной информации о медицинских учреждениях, о характере предоставляемых ими услуг, о личных правах пациента, о процедурах подачи жалоб и разрешения конфликтных ситуаций, о порядке возмещения ущерба. Такими субъектами являются национальные контактные точки³² о трансграничном здравоохранении (далее – НКТ), создающиеся в рамках программы «Горизонт-2020»³³, функционирующие на территории каждого государства-члена. Надзорные полномочия в отношении данных субъектов осуществляет Европейская комиссия. Важно отметить, что государства – члены ЕС должны убедиться в том, что НКТ находятся во взаимодействии с организациями по защите прав пациентов, медицинскими учреждениями и страховыми компаниями³⁴.

НКТ играют очень важную роль в процессе информационного обеспечения. Де Ла Роса справедливо указывает на то, что в Директиве достаточно четко регламентируется деятельность этих субъектов, что является весьма положительным аспектом в обеспечении их эффективности. В то же время де Ла Роса обращает внимание на то, что чрезмерная регламентация может рассматриваться и как злоупотребление со стороны ЕС, связанное с выходом за пределы своей компетенции и недопустимым вмешательством в компетенцию государств-членов³⁵.

По состоянию на 25 октября 2013 г. (окончание периода трансформации Директивы в национальное законодательство государств-членов) только Германия и Ирландия создали национальные контактные пункты, которые содержат всю информацию как для внутренних пациентов (своих граждан), так и для пациентов из-за рубежа³⁶. На данный момент НКТ созданы во всех государствах – членах ЕС, но во многих государствах в качестве таковых действуют всего лишь адреса электронной почты, куда все заинтересованные пациенты могут направить письмо, а общая информация не представлена³⁷.

Авторы акта об имплементации Директивы в Нидерландах справедливо указывают на то, что Директива не вносит ясности относительно языка, на котором должна быть представлена информация для пациентов³⁸. Статья 4.5. Директивы определяет, что государства-члены обязаны предоставить информацию на официальном государственном языке. В то же время следует обратиться к ст. 6.5 Директивы, в которой закреплена норма о том, что информация должна быть легкодоступна. Закономерно возникает вопрос, не нарушает ли норма ст. 4.5. Директивы право пациента на информацию? Безусловно, право на информацию теряет всякий смысл, если для реализации данного права используется неудобная форма донесения информации, в частности, на языке, которым лицо не владеет. Отсюда вытекает вывод о том, что информация

22 Nys. H. Op. Cit. – P. 10.

23 Schwebag M. Implementation of the cross-border care directive in EU Member States: Luxembourg // European Journal of Health law. – 2014. – Vol. 21. – P. 56–64.

24 Vidalis T. and Kyraikaki I. Cross-Border Healthcare: Directive 2011/24 and the Greek Law // European Journal of Health law. – 2014. – Vol. 21. – P. 33–45.

25 Directive 2011/24/EU Recital 40.

26 Nys H. Organ transplantation and the proposed directive on cross-border care // European Journal of Health law. – 2010. – Vol. 17. – P. 427–431.

27 Directive 2011/24/EU Op. Cit.

28 De la Rosa. Op.Cit. – P. 36.

29 Quinn P. and De Hert P.Op. Cit. – P. 501.

30 Ibid. – P. 502.

31 De la Rosa. Op. Cit. P. 37.

32 National Contact Points [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/research/participants/portal/desktop/en/support/national_contact_points.html (дата обращения: 20.02.2015).

33 Horizon 2020. The EU Framework Programme for Research and Innovation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/> (дата обращения: 07.03.2015).

34 Delnoij D. and Sauter W.Patient information under the EU Patients' Rights Directive. // European Journal of Public Health. – 2011. – P. 271.

35 De la Rosa S. Op. Cit. – P. 37.

36 Herman Nys. The Transposition of the Directive on Patients' Rights in Cross-Care Healthcare in National Law by the Member-States: Still a lot of Effort to be made and questions to be answered. – P. 7.

37 Data of National Contact Points on Cross-Border Healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/health/cross_border_care/docs/cbhc_ncp_en.pdf (дата обращения: 15.03.2015).

38 Bongers L. M. H., Townend D. M. R. The Implementation of the Directive on the Application of Patients' Rights in Cross-Border Healthcare in the Netherlands // European Journal of Health Law. – 2014. – No. 21. – P. 65–78.

должна быть предоставлена на том языке, на котором говорит большинство граждан ЕС, а именно – на английском³⁹.

В заключение необходимо отметить, что Директива о защите прав пациентов, несмотря на некоторые недостатки, является весьма важным законодательным актом в области здравоохранения ЕС. Посредством того, что Директива разъясняет права пациентов, она в дальнейшей перспективе приведет к гармонизации предоставления медицинских услуг, правильной интерпретации и применения прав пациентов в ЕС.

Разработанные в рамках ЕС правовое регулирование и практика оказания медицинских услуг резидентам ЕС, независимо от места их нахождения – на территории любого государства-члена, могут быть использованы в качестве определенной модели другими международными организациями.

Пристатейный библиографический список

1. Европейская хартия прав пациентов. Представлена в Брюсселе 15 ноября 2002 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cop.health-rights.org/ru/teaching/51/European-charter-of-patient-s-rights> (дата обращения: 15.12.2014).
2. Directive 2011/24/EU of the European Parliament and of the Council of 9 March 2011 on the application of patients' rights in cross-border healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011L0024> (дата обращения: 18.09.2014).
3. Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on the services in the internal market [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32006L0123> (дата обращения: 30.01.2015).
4. Regulation (EEC) No 1408/71 of the Council of 14 June 1971 on the application of social security schemes to employed persons and their families moving within the Community [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31971R1408:en:HTML> (дата обращения: 20.09.2014).
5. Regulation (EC) No 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2009 on the coordination of social security systems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:166:0001:0123:en:PDF> (дата обращения: 20.09.2014).
6. Baeten R. and Palm W., Preserving general interest in healthcare through secondary and soft EU law: the case of the Patients' Rights Directive' in U. Neergaard et. al. (eds). // Social Services of General Interest in the EU. – The Hague: Asser Press, 2013.
7. Bongers L. M. H., Townend D. M. R. The Implementation of the Directive on the Application of Patients' Rights in Cross-Border Healthcare in the Netherlands // European Journal of Health Law. – 2014. – No.21.
8. De la Rosa S. The Directive on Cross-Border Healthcare or the Art of Codifying Complex Case Law // Common Market Law Review. – 2012. – Vol. 49(1).
9. Delnoij D. and Sauter W. Patient information under the EU Patients' Rights Directive // European Journal of Public Health. – 2011.
10. Hervey T. K. EU Law and National Health Policies: Problem or Opportunity? // Health Economics, Policy and Law, 2007.
11. Horizon 2020. The EU Framework Programme for Research and Innovation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/> (дата обращения: 07.03.2015)
12. National Contact Points [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/research/participants/portal/desktop/en/support/national_contact_points.html (дата обращения: 20.02.2015)
13. Nys. H. The Transposition of the Directive on Patients' Rights in Cross-Care Healthcare in National Law by the Member-States: Still a lot of Effort to be made and questions to be answered// European Journal of Health Law. – 2014. – Vol. 21.
14. Nys H. Organ transplantation and the proposed directive on cross-border care // European Journal of Health law. – 2010. – Vol. 17.
15. Palm W. and Baeten R. The quality and safety paradox in the patients' rights directive // European Journal Public Health. – 2011. – Vol. 21. – No. 3.
16. Pieters D. The Social Security: An Introduction to the Basic Principles // Kluwer Law Internationa; BV, The Netherlands, 2006.
17. Palm W., Figueras J., Ernst K. and van Ginneken E. Cross-border Health Care in the European Union, Mapping and Analyzing Practices and Policies // Brussels: European Observatory on Health Systems and Policies, 2011.
18. Peeters M. Free Movement of Patients: Directive 2011/24 on the Application of Patients' Rights in Cross-Border Healthcare// European Journal of Health Law. – 2012. – No. 19.
19. Quinn P., de Hert P. The Patients Rights Directive (2011/24/EU) – Providing (some) rights to EU residents seeking healthcare in other Member States // Computer Law & Security Review. – 2011. – No. 27.
20. Questions and Answers on the Draft Directive on the application of patients' rights in cross-border healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-08-473_en.htm?locale=en (дата обращения: 15.04.2014).
21. Sieveking K. ECJ Rulings on Health Care Services and their Effects on the Freedom of Cross-Border Patient mobility in the EU // European Journal of migration of Law. – 2007. – No.9.
22. Sokol T., Mintas-Hodak L., Abramovic A. Patient Mobility Directive: One Step Forward or Two Steps Back for Cross-Border Healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Sokol_-_Patient_Mobility_Directive%5B1%5D.pdf (дата обращения: 20.06.2014).
23. Schwebag M. Implementation of the cross-border care directive in EU Member States: Luxembourg // European Journal of Health law. – 2014. – Vol. 21.
24. Statement by Health Commissioner, Tonio Borg, on the entry into force of the Directive on Patients' Rights in Cross-border Healthcare European Commission – MEMO/13/932 25/10/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-932_en.htm (дата обращения: 15.04.2014).
25. Taylor S. Cross-Border Patients and Informed Choices on Treatment in English and French Law and the Patients' Rights Directive // European Journal of Health Law. – 2012. – No. 19.
26. Vidalis T. and Kyraikaki I. Cross-Border Healthcare: Directive 2011/24 and the Greek Law // European Journal of Health law. – 2014. – Vol. 21.

39 Herman Nys. The Transposition of the Directive on Patients' Rights in Cross-Care Healthcare in National Law by the Member-States: Still a lot of Effort to be made and questions to be answered. – P. 10.

Шиянов А. В.

СТАТУС ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ КАК УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье исследуются вопросы, связанные с участием ТНК в энергетических отношениях, урегулированных международным правом. Автор придерживается господствующего в отечественной науке международного права подхода к юридической природе изучаемого феномена. На основе анализа норм «мягкого права» делается вывод о наличии международных стандартов, формирующих юридический статус ТНК в энергетической сфере международных экономических отношений.

Ключевые слова: энергетика, транснациональный, корпорация, правоотношение, правосубъектность, декларация, стандарт.

Shiyanov A. V.

STATUS OF MULTINATIONAL CORPORATIONS AS PARTICIPANTS OF THE INTERNATIONAL ENERGY RELATIONS

In article the questions connected with participation of the multinational corporations in power relations, governed by international law are investigated. The author adheres to dominating approach in domestic science of international law to the legal nature of a studied phenomenon. On the basis of the analysis of the “soft law” norms the conclusion about presence of the international standards forming the legal status of the multinational corporation in power sphere of the international economic relations is made.

Keywords: power, transnational, corporation, legal relationship, legal standing, declaration, standard.

К категории крупнейших корпораций по рыночной капитализации и величине зарубежных активов традиционно относятся «Royal Dutch/Shell Group», «British Petroleum Company Plc», «ExxonMobil», «Total», получающие колоссальную прибыль в нефтегазовом секторе. Достаточно успешно с зарубежными корпорациями конкурируют российские «Газпром», «Лукойл» и «Роснефть». К деятельности таких корпораций приковано внимание различных отраслей юриспруденции, фокусирующихся на отдельных аспектах трансграничной деятельности корпоративных структур, включая науку международного права. Данная область юридических знаний располагает методологией, позволяющей установить соответствующие аспекты правового статуса таких корпоративных структур как основных участников международных энергетических отношений.

В контексте предлагаемого исследования под международными энергетическими отношениями понимается совокупность связей, складывающихся в процессе международной деятельности, связанной с разведкой, добычей, производством, переработкой, хранением, транспортировкой, распределением, торговлей и потреблением энергетических ресурсов. Такие отношения следует считать важнейшей частью системы современных международных экономических отношений, представляющих собой совокупность властных и невластных глобальных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Международные энергетические отношения регулируются комплексом правовых норм различной системной и отраслевой принадлежности, но в рамках данного исследования интерес представляют персональные аспекты применения международно-правовых норм, ответ на вопрос о месте которых в системе современного международного права требует отдельного изучения.

В качестве исходного постулата для установления международно-правовых основ участия корпоративных структур в энергетических отношениях необходимо принять следующее. Субъекты международного права, прежде всего, государ-

Шиянов А. В.

ства сами для себя создают обязательные правила участия в международных энергетических отношениях и обеспечивают их выполнение международно-правовыми средствами. Помимо этого, государства устанавливают права и обязанности для субъектов внутригосударственного права по мере роста значимости их деятельности для международного правопорядка, придавая им в ряде случаев статус участников отношений, регулируемых не только международным частным, но и международным правом. К числу таковых, безусловно, относятся транснациональные корпорации (ТНК), ведущие разнообразную деятельность в топливно-энергетическом секторе экономики, активно содействуя его глобализации. Одним из первых прецедентов, поставивших вопрос о правовом статусе ТНК, стало широко известное дело «Бельгия против Испании», связанное с защитой интересов бельгийских акционеров канадской компании «Barcelona Traction, Light and Power Company, Ltd», дочерние предприятия которой генерировали электроэнергию на территории Испании¹. Позднее достоянием общественности стали случаи, когда «Royal Dutch Sell» и «Техасо» обвинялись в нарушении прав коренных народов и разрушительном воздействии на окружающую среду в стране пребывания, а «British Petroleum» привлекалась к ответственности за причинение экологического ущерба прибрежным государствам от аварии на нефтедобывающей установке².

Отметим, что термин «транснациональная корпорация» изначально обозначал национальных компании, вступавшие в трансграничные отношения посредством учреждения за рубежом зависимых структур. Современные ТНК представляют собой взаимосвязанные группы компаний, действующие в международных масштабах, которые корректнее называть

1 Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда 1948 – 1991 гг. – Нью-Йорк, 1993. – С. 95–98.

2 Amao, Olufemi O. Corporate Social Responsibility, Multinational Corporations and the Law in Nigeria: Controlling Multinationals in Host States // Journal of African Law. – 2008. – Vol. 52. – № 1. – P. 89–113.

«транснациональными корпоративными группами». Органы ООН понятие ТНК используют для обозначения корпораций, независимо от страны происхождения и формы собственности, объединяющих отделения различной юридической формы и сферы деятельности в двух или более странах, функционирующих в рамках системы принятия решений, реализующих общую стратегию посредством одного или нескольких директивных центров, с которыми отделения связаны через право собственности или иным способом, позволяющим оказывать существенное влияние, разделять информацию, ресурсы и ответственность³. Менее формализованное определение предполагает наличие группы субъектов экономической деятельности, производящих свои операции в двух или более странах, независимо от того, в какой юридической форме они выступают, находятся ли в своей собственной стране или стране, в которой осуществляются операции, независимо от того, осуществляют ли они свою деятельность в индивидуально или коллективно⁴.

Наряду с термином «ТНК» используется понятие «многонациональное предприятие» (МНП), учитывающее наличие имущественного комплекса, подчиняющегося единому управлению. К примеру, в резолюциях Международной организации труда (МОТ) и декларациях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) используется термин «МНП», распространяющийся на государственные, смешанные или частные корпорации, в собственности или под контролем которых за пределами страны их базирования находятся производство, распределение, обслуживание и другие сферы, каждая из которых учреждена в соответствии с законами нескольких стран, связанных общим управленческим и финансовым контролем и осуществляющих интегрированную политику⁵.

Приведённые определения дают основания вслед за авторами обстоятельных исследований выделить важнейшие юридические критерии выделения ТНК как участника международных энергетических отношений. Подразумевается возможность существования корпоративных структур, действующих в топливно-энергетическом секторе, построенных на любой форме собственности. Соответствующие ТНК имеют отделения в двух или более странах, учреждённые в разрешённой организационно-правовой форме. Успешность деятельности обусловлена особой системой принятия решений, в рамках которой функционируют все отделения, позволяющей проводить согласованную политику. Действует один или не-

сколько центров принятия решений, правовыми средствами определяющих стратегию деятельности структуры в целом⁶.

В качестве основного критерия к определению данного феномена необходимо принять единое управление, заключающееся в наличии центра, вырабатывающего общую политику и принимающего решения, обязательные для всех подразделений, входящих в ТНК. С точки зрения международного права организационными элементами ТНК являются материнская компания, дочерние компании и филиалы. Материнской компанией признаётся головное предприятие, как правило, представляющее собой предпринимательскую корпорацию, владеющее активами других юридических лиц, находящихся за пределами страны ее учреждения. Дочерней является компания, учреждённая на основе закона государства места создания, деятельность которой контролируется иностранным инвестором, владеющим долей в уставном капитале. В ТНК входят филиалы как зарубежные обособленные подразделения материнской или дочерней компании, личным законом которых считается личный статут соответствующей компании. Центром принятия решений в ТНК является место нахождения совета директоров, правления и иных исполнительных и распорядительных органов головной компании.

Структуре современных ТНК, участвующих в международных энергетических правоотношениях, свойственно большое многообразие форм в зависимости от характера производственной деятельности, количества стран пребывания и стран базирования. В настоящее время гораздо легче возможно перенести центры принятия решений из одного государства в другое, пользуясь свободой учреждения юридических лиц и гарантиями для прямых капиталовложений. В связи «головная компания – дочернее общество» всё чаще включаются промежуточные звенья в виде холдинговых компаний, аффилированных лиц, зарегистрированных в оффшорных или иных благоприятных юрисдикциях, которые не занимаются производственной деятельностью, а лишь владеют акциями дочерних обществ. Посредством заключаемых между отделениями ТНК договоров устанавливается дополнительный способ подчинения⁷.

ТНК следует отличать от иных юридических форм концентрации капитала, таких, как международное юридическое лицо, под которым понимается предприятие, учреждённое на основе международного договора с применением одной или нескольких национальных правовых систем, или международное совместное предприятие, объединяющее для осуществления хозяйственной деятельности юридические лица и иные организации, принадлежащие как к правопорядку государства места осуществления такой деятельности, так и к иным правовым системам. В энергетических отношениях, как и в иных разновидностях международных экономических связей, не исключены случаи, когда такие образования одновременно входят в ТНК, что не дает оснований для смешения названных категорий⁸.

Сохраняет актуальность деление ТНК в зависимости от юридического характера связей между структурными подразделениями на инкорпорированные и неинкорпорированные. В основе неинкорпорированных ТНК лежат договоры, предусматривающие широкие права по контролю одного контр-

3 Code of Conduct on Transnational Corporations. General Assembly. Report of the Economic and Social Council. A/45/848. December 14 1990. 24.

4 Проект норм об ответственности транснациональных корпораций и других коммерческих предприятий в отношении прав человека: документ ООН E/CN.4/SUB.2/2003/12 (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1294916> (дата обращения: 10.09.2015 г.).

5 Трёхсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики (Женева, ноябрь 2000 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/-moscow/areas/standards/tripartite_declaration.pdf (дата обращения: 10.09.2015 г.); Декларация ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях (Париж, 25 мая 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/daf/internationalinvestment/guidelinesformultinational-enterprises/48004323.pdf> (дата обращения: 10.09.2015 г.).

6 Лысенко Д. Л. Проблема правового статуса транснациональных корпораций: международно-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 12.

7 Amao, Olufemi O. Ibidem. – P. 100.

8 Лысенко Д. Л. Указ. соч. – С. 13.

агента за текущими операциями и отчетностью другого. В международных энергетических отношениях преобладают инкорпорированные ТНК, в основе которых лежит участие в капитале дочерних компаний, позволяющее материнской корпорации или двум холдинговым компаниям единолично или на паритетных началах назначать большинство членов органов управления дочерних компаний и осуществлять контроль в иных формах⁹.

В рассматриваемом контексте немаловажное значение имеет классификация ТНК, основанная на производственной направленности контролируемых предприятий. К примеру, осуществляя транспортировку, распределение, выработку или хранение энергоресурсов, наряду с их добычей или поставкой потребителям, ТНК относится к вертикально интегрированным предприятиям. Если в состав ТНК помимо предприятий, занимающихся добычей, транспортировкой, распределением, поставкой или хранением энергоресурсов, включены подразделения, осуществляющие деятельность вне топливно-энергетического сектора, такое объединение является горизонтально интегрированным предприятием.

Представляется возможным классифицировать энергетические ТНК по форме собственности на частные и государственные. Головная компания в ТНК первого типа представляет собой классическую публичную корпорацию, доли которой принадлежат широкому кругу иностранных собственников, владеющих пакетами акций, не превышающими нескольких процентов, контролирующую производственную деятельность зарубежных зависимых компаний, что характерно для высокоразвитых стран. Функции управления в ТНК второго типа выполняет предприятие, как правило, имеющее форму частной или государственной корпорации, получившее привилегированное или монопольное право на разработку природных месторождений и экспорт сырьевых энергоресурсов, где основным или единственным акционером является правительство развивающейся страны, обладающее правом собственности на все зарубежные активы, используемые для сбыта продукции.

Адекватная оценка места ТНК в системе международных энергетических отношений требует ответа на вопрос о наличии у соответствующих корпоративных структур предусмотренной международным правом возможности иметь права и обязанности и своими действиями приобретать и осуществлять их. Как известно, наличие международной правоспособности позволяет тем или иным юридическим лицам вступать в качестве субъектов международного права во все без исключения международные отношения. В связи с этим следует обобщить и сопоставить подходы к международной правовой сущности ТНК, выработанные зарубежной и отечественной наукой.

Зарубежная наука отмечает, что ТНК являются основными операторами в системе международных экономических отношений, юридическая личность которых позволяет обойти многие правовые запреты, что приводит к амбивалентным последствиям. Обращаясь к вопросу международной правосубъектности, европейские авторы не признают за ТНК такого качества¹⁰. Научные школы, основанные на традициях общего права, выдвигают подходы, представляющие ТНК субъектами современного международного или иного, специально конструируемого права. Так, в соответствии с концеп-

цией транснационального права, регулирующего действия и события, переходящие через государственные границы, включающего и частные, и публичные правовые нормы, субъектами являются наряду с государствами и организациями государств индивиды и корпорации. Частные корпорации могут быть субъектами международного права сотрудничества, являющегося частью международного права. Вывод о международной правосубъектности ТНК делается на основании некоторых международных документов и факта наличия доступа в международные органы по разрешению споров. Имеются концепции, в соответствии с которыми ТНК предоставляется международная правосубъектность на основании инвестиционных контрактов, заключаемых ими с государствами¹¹.

В некоторых отечественных исследованиях выдвигается предположение, что ТНК располагают некоторыми элементами международной правосубъектности, базирующимися на известной внешней обособленности, персонифицированности, способности вырабатывать, выражать и осуществлять свою автономную волю, участвовать в разработке норм международного права¹². В трудах авторитетных специалистов в области международного инвестиционного права (МИП) высказано мнение о том, что ТНК, наряду с другими иностранными инвесторами, относятся к участникам комплекса публично-правовых и частноправовых отношений, регулируемых МИП как отраслью международного экономического права (МЭП) в широком смысле, и одновременно выступают в качестве субъектов МИП¹³. Авторы, позитивно оценивающие концепцию транснационального права, отмечают, что ТНК могут обладать транснациональной правосубъектностью, обладая правами и обязанностями, предоставленными международным частным и международным административным правом как межсистемными и надотраслевыми нормативными образованиями современного права¹⁴.

Большинство российских юристов-международников сдержанно относятся к концепции трансграничного права и высказывают сомнения относительно наличия у ТНК международной правоспособности, что является одним из весомых аргументов для признания данной концепции несостоятельной¹⁵. Отечественная доктрина признаёт ТНК участниками отношений, регулируемых МЭП, представляющим собой отрасль международного права, принципы и нормы которой регулируют экономические связи между государствами и другими субъектами международного права, включая и энергетическое сотрудничество¹⁶. Указывается, что одним из приоритетных направлений развития МЭП, объединяющего нормы, устанавливаемые государствами и обязательные для всех участников межгосударственных и транснациональных

11 См., например: Backer, Larry Cata. Rights and Accountability in Development ('RAID') v Das Air and Global Witness v Afrimex. Small Steps Towards an Autonomous Transnational Legal System for the Regulation of Multinational Corporations // Melbourne Journal of International Law. – 2009. – Vol. 10.

12 Каширкина А. А. Тенденции развития международной правосубъектности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

13 См., например: Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс: Учебник. – М., 2010. – С. 46.

14 Нефёдов Б. И. Межсистемные надотраслевые образования в праве: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2012. – С. 11–13.

15 Берандзе М. Р. Концепция транснационального права в международном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 14.

16 Вельяминов Г. М. Международное право: опыт. – М., 2015. – С. 540–551; 744–760.

9 Amao, Olufemi O. Ibidem. – P. 102.

10 Виттгум В. Г., Боте М., Дольцер Р. и др. Международное право [пер. с нем.] – М., 2011. (автор раздела – К. Хайльброннер). – С. 226.

экономических отношений, является определение правового статуса негосударственных субъектов, таких как ТНК¹⁷.

В настоящее время международно-правовая регламентация различных аспектов деятельности ТНК осуществляется на основе Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. и иных решений органов и учреждений системы ООН. Правовой статус ТНК формируется нормами рекомендательных решений международных межправительственных организаций, не создающими юридических прав и обязанностей, такими, как Трёхсторонняя декларация принципов МОН, касающихся МНП и социальной политики 1977 г. (с изменениями от 1987, 1995 и 2000 гг.), Декларация ОЭСР о международных инвестициях и МНП 1976 г. (с изменениями от 2000 и 2011 гг.) и Нормы об ответственности ТНК и других коммерческих предприятий в области прав человека 2003 г., опубликованные Комиссией по защите прав человека ООН.

Наличие лишь норм «мягкого права» объясняется невозможностью компромисса между интересами высокоразвитых стран, на территории которых преимущественно находятся центры управления, и развивающихся стран, на территории которых действуют подконтрольные предприятия, придерживающихся разных взглядов относительно характера обязательных международно-правовых основ деятельности ТНК. Вместе с тем следует согласиться, что положения названных и других актов, в случае их восприятия на практике большинством принимающих ТНК стран и стран базирования, могут трансформироваться в обязательные нормы международного права в качестве обычая, или инкорпорироваться в международные соглашения заинтересованных государств. До этого момента такие нормы остаются правилами «ответственного делового поведения», напоминающими о международных стандартах, которые ТНК предлагается соблюдать как этические нормы или исходя из сугубо прагматических соображений¹⁸.

Исследуя вопрос о международной правосубъектности ТНК, необходимо признать таковые главными операторами, в том числе, международных энергетических отношений, не относя их к субъектам международного права. Следует согласиться с исследователями, считающими, что существует потенциальная возможность приобретения всеми ТНК международной правосубъектности, если международными нормами, имеющими обязательную юридическую силу, им будут предоставлены определённые права и обязанности¹⁹.

Существующему положению в международно-правовой системе соответствует предположение, что все участники отношений, урегулированных международным правом, включая ТНК независимо от сферы деятельности, имеют обязательства, к примеру, в области охраны окружающей среды и соблюдения прав человека, и должны воздерживаться от действий, которые могут привести к их нарушению²⁰. Подчёркивается, что каждое государство полномочно в пределах своей юрисдикции обеспечивать, чтобы деятельность ТНК не противоречила его правопорядку, частью которого являются международные обязательства. Следовательно, на него может быть возложена ответственность за их действия, если оно не

предотвращает правонарушений и не наказывает виновных. Но выводы о необходимости разработки механизмов привлечения ТНК к международно-правовой ответственности за нарушения отдельных норм международного права нуждаются в более обстоятельной аргументации²¹.

Тем не менее в рамках данного исследования целесообразно привести перечень стандартов ответственного делового поведения, которых следует придерживаться ТНК, участвующим в международных энергетических правоотношениях. В качестве добровольных международных обязательств ТНК нормы «мягкого права» рекомендуют:

1) уважать правопорядок и социально-экономическую политику стран, в которых осуществляется деятельность, особенно развивающихся и наименее развитых, права местных общин, придерживаться норм, обеспечивающих защиту прав человека во всех других отношениях и не допускать их нарушения;

2) не извлекать выгоду из нарушений гуманитарного права и других международных преступлений, реализовывать меры безопасности с соблюдением норм международного права и законов страны их осуществления, не сотрудничать с лицами, охраняемыми фирмами, службами государственной безопасности, виновными или обвиняемыми в совершении преступлений;

3) обеспечивать своевременное и регулярное предоставление достоверной и подтверждённой информации относительно деятельности, структуры, финансового положения, производительности, имущества и порядка принятия решений, включая сведения социального и экологического характера;

4) не стремиться к получению выгод путём предложений, принятия и вымогательства взяток, не поощрять коррупционное поведение, избегать случаев, когда производимая продукция или оказываемые правительству услуги используются в противоправных целях, не осуществлять незаконных взносов в пользу кандидатов на государственные должности;

5) не допускать дискриминации в трудовых отношениях, не использовать принудительный труд, труд заключённых, не нанимать детей и несовершеннолетних за исключением легких видов работ, обеспечивать безопасные и гигиеничные условия труда, соблюдать права трудящихся на отдых, справедливую оплату труда, свободу ассоциаций и коллективную защиту своих интересов;

6) действуя в соответствии с правилами маркетинга, обеспечивать безопасность и надлежащее качество производимых товаров и предоставляемых услуг, распространять достоверную и доступную для потребителей информацию о ценах, составе, использовании, экологических характеристиках и хранении товаров в сравнении с продукцией иных производителей;

7) действовать в соответствии с национальным экологическим правопорядком и международными нормами об охране окружающей среды, здоровья населения, биоэтике и устойчивом развитии, а также внедрять технологии, разрабатывать и продвигать продукцию, сокращающую выбросы парниковых газов, сберегающие энергию и природные ресурсы;

8) содействовать с соблюдением прав на интеллектуальную собственность развитию технических нововведений, распространять технологии к обоюдной пользе для разработчиков и потребителей, способствовать росту общественного благосостояния посредством лицензионных контрактов и иных способов укрепления инновационного потенциала дочерних компаний и контрагентов;

17 Толочко О. Н. Международное экономическое право и имплементация его норм в национальную правовую систему (на примере Республики Беларусь): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2013. – С. 9–12.

18 Глухенький С. Х. Негосударственные субъекты в современном международном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 16–19.

19 Лысенко Д. Л. Указ. соч. – С. 16.

20 Backer, Larry Cata. Ibidem. – P. 7.

21 Натапов С. Л. Привлечение к ответственности транснациональных корпораций за нарушение норм международного права в области прав человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 14–17.

9) придерживаться конкурентных правил, воздерживаться от заключения монопольных соглашений, приобретать преимущества в результате действий, существенно снижающих уровень конкуренции действий в пределах государств, в которых осуществляются операции, так и за рубежом, если это приводит к негативным последствиям для внутренних потребителей;

10) осуществлять своевременные платежи в счет погашения налоговых обязательств в странах, в которых осуществляется хозяйственная деятельность, предоставлять компетентным органам сведения, необходимые для адекватного определения величины взимаемых налогов и подтверждающие соответствие практики трансфертного ценообразования принципам налогообложения.

11) включать международные стандарты в контракты и сделки с партнёрами, быть открытыми для проверок на предмет соблюдения правил надлежащей деятельности со стороны заинтересованных международных и национальных учреждений, принимать меры по незамедлительному и адекватному возмещению материального ущерба, причинённого вследствие их несоблюдения.

В отечественной литературе приводятся примеры действующих под эгидой международных организаций процедур по регулированию ситуаций, возникающих связи с применением международных стандартов. Так государства – члены ОЭСР создают национальные контактные центры по сбору и распространению информации, подотчётные Комитету по международным инвестициям и МНП, в обязанности которых входит разъяснение Руководящих принципов по обращению принимающего государства, неправительственных организаций или самих МНП. В составе Комитета по правовым вопросам и международным стандартам МОТ функционирует подкомитет по МНП, принимающий совместно с Международным бюро труда запросы правительств и национальных союзов работников и работодателей о толковании Трёхсторонней декларации²². Однако характер составляемых ответов даёт основания рассматривать названные процедуры в качестве мер, способствующих имплементации соответствующих «мягких норм» международного права, которые могут быть использованы и в рамках отношений энергетической направленности.

Основной вывод, который позволяет сделать проведённое исследование, состоит в констатации того, что ТНК, являясь основными операторами международных энергетических отношений, имеют юридические возможности для контроля над всем циклом сложившихся связей. Ввиду особой важности топливно-энергетического комплекса для международной экономической системы, на ТНК, специализирующиеся на добыче, производстве, поставках и снабжении потребителей энергоресурсами, распространяются приёмы и способы международно-правового регулирования, рекомендуемые ТНК соблюдать обязанности корпоративных участников международных экономических отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Хартия экономических прав и обязанностей государств. Принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions-/rights_and_duties.shtml (дата обращения: 10.09.2015 г.).
2. Проект норм об ответственности транснациональных корпораций и других коммерческих предприятий в отношении прав человека: документ ООН E/

CN.4/SUB.2/2003/12 (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/-norm/norm.asp?normID=1294916> (дата обращения: 10.09.2015 г.).

3. Трёхсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики (Женева, ноябрь 2000 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/areas/standards/tripartite_declaration.pdf (дата обращения: 10.09.2015 г.).
4. Декларация ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях (Париж, 25 мая 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/daf/internationalinvestment/guidelines-formultinationalenterprises/48004323.pdf> (дата обращения: 10.09.2015 г.).
5. Берандзе М. Р. Концепция транснационального права в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
6. Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. – М., 2015.
7. Витцтум В.Г., Боте М., Дольцер Р. и др. Международное право [пер. с нем.]. – М., 2011. (автор раздела – К. Хайльброннер).
8. Глухенький С. Х. Негосударственные субъекты в современном международном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
9. Каширкина А. А. Тенденции развития международной правосубъектности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
10. Лысенко Д. Л. Проблема правового статуса транснациональных корпораций: международно-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
11. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда за 1948 – 1991 гг. – Нью-Йорк, 1993.
12. Натапов С. Л. Привлечение к ответственности транснациональных корпораций за нарушение норм международного права в области прав человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
13. Нефёдов Б. И. Межсистемные надотраслевые образования в праве: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2012.
14. Толочко О. Н. Международное экономическое право и имплементация его норм в национальную правовую систему (на примере Республики Беларусь): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2013.
15. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс: Учебник. – М., 2010.
16. Шумилов В. М. Международное экономическое право: Учебник для магистров. – М., 2011.
17. Amao, Olufemi O. Corporate Social Responsibility, Multinational Corporations and the Law in Nigeria: Controlling Multinationals in Host States // Journal of African Law. – 2008. – Vol. 52. – № 1.
18. Backer, Larry Cata. Rights and Accountability in Development ('RAID') v Das Air and Global Witness v Afrimex. Small Steps Towards an Autonomous Transnational Legal System for the Regulation of Multinational Corporations // Melbourne Journal of International Law. – 2009. – Vol. 10.
19. Code of Conduct on Transnational Corporations. General Assembly. Report of the Economic and Social Council. A/45/848. December 14 1990.

²² Шумилов В. М. Международное экономическое право: Учеб. для магистров. – М., 2011. – С. 237–247.

Шумаев В. А., Коровяковский Д. Г., Илюхина С. С.

ТАМОЖЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья знакомит читателя с основными таможенными инструментами, результатами их действия, способами защиты. Выявлены недостатки существующей системы тарифного регулирования и даны рекомендации по её совершенствованию.

Ключевые слова: таможенный тариф, нетарифное регулирование, производитель, импорт, экспорт, конкурентоспособность.

Shumaev V. A., Korovyakovskiy D. G., Ilyukhina S. S.

CUSTOMS INSTRUMENTS OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION PROTECTION

The article acquaints the reader with the main customs tools, results of their action, ways of protection. Shortcomings of the existing system of tariff regulation are revealed and recommendations about its improvement are made.

Keywords: customs tariff, non-tariff regulation, producer, import, export, competitiveness.

Эффективно действующий механизм таможенного тарифного и нетарифного регулирования является неотъемлемым условием защиты экономических интересов страны. Проблема совершенствования системы импортного тарифа России в целях повышения эффективности защиты национальных товаропроизводителей¹ продолжает оставаться актуальной в условиях рыночной экономики. К тарифным инструментам следует отнести сам таможенный тариф, а также методы определения и контроля таможенной стоимости товаров, страны происхождения товаров, порядок уплаты таможенных платежей и предоставления тарифных льгот. Таможенный тариф Российской Федерации представляет собой свод ставок таможенных пошлин, применяемых к товарам, перемещаемым через таможенную границу РФ и систематизированным в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности².

Среди основных функций таможенного тарифа особо выделяются протекционистская и фискальная функции. Протекционистская функция связана с защитой национальных товаропроизводителей. Взимание таможенных пошлин с импортных товаров увеличивает стоимость последних при реализации на внутреннем рынке, снижая их конкурентоспособность³. Соответственно повышается конкурентоспособность аналогичных товаров, производимых национальной промышленностью и сельским хозяйством. Фискальная функция таможенного тарифа обеспечивает поступление средств в доходную часть бюджета страны. Кроме вышеназванных функций таможенный тариф, влияя на внутренние цены, до определенной степени содействует развитию национального производства и экспорта. Вследствие удорожания импортных товаров за счет таможенных пошлин повышается общий уровень цен на такие товары, одновременно повышается конкурентоспособность национальных товаров на внутренних и внешних рынках. Таможенный тариф в ряде случаев может быть использован для развития экспорта путем односторон-

него установления низких или нулевых ставок в отношении отдельных товаров, необходимых для изготовления экспортной продукции. В целях защиты экономических интересов Российской Федерации к ввозимым товарам могут одновременно применяться особые виды пошлин: специальные, антидемпинговые и компенсационные. При перемещении товаров через таможенную границу РФ, и в других случаях, установленных Таможенным кодексом, уплачиваются таможенные платежи. Следует отметить, что государственное регулирование внешнеэкономической деятельности можно осуществлять не только посредством изменения таможенных пошлин, но и варьируя величину других налогов и сборов. Основой для начисления таможенной пошлины, акцизов и таможенных сборов является таможенная стоимость товаров, определяемая в соответствии с Законом РФ «О таможенном тарифе». Не изменяя уровня ставок таможенных платежей, можно за счет изменения правил определения таможенной стоимости значительно увеличить или уменьшить их сумму за счет включения или исключения из налогооблагаемой базы каких-либо дополнительных элементов затрат. К нетарифным средствам⁴ и мерам государственного регулирования относится запрещение ввоза (вывоза), эмбарго, лицензирование, квотирование, сертификация и другие ограничения на перемещение товаров через таможенную границу РФ.

Осуществление мер тарифной защиты внутреннего рынка не обходится без применения тарифной эскалации, то есть прогрессивного повышения уровня таможенного обложения товаров в зависимости от степени их переработки (уровня передела). Иными словами, чем выше процентный рост ставки ввозной таможенной пошлины по мере продвижения от сырья к готовой продукции, тем выше уровень защиты производителей от внешней конкуренции. Тарифная эскалация выступает стимулирующим фактором ввоза в страну сырья и полуфабрикатов. Таким образом, для обеспечения необходимого уровня защиты интересов национальных производителей при взаимодействии с мировым торговым рынком используется механизм тарифной эскалации⁵. Один из главных недостатков существующей в настоящее время в России системы тарифов состоит в слабой дифференциации. Так, таможенный тариф РФ представляет собой совокупность всего

1 Титова Н. К. Формы участия институтов гражданского общества в правотворческой и правоприменительной деятельности государства // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2014. – № 12.

2 Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

3 Титова Н. К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2015. – № 2. – С. 16–20.

4 Галушкин А. А. К вопросу об устойчивом развитии экономики // Вестник Международного института информатизации и государственного управления им. П. А. Столыпина. – 2013. – № 4. – С. 72.

5 Закон РФ от 21 мая 1993 г. № 5003 - 1 «О таможенном тарифе» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

шести уровней адвалорных и десяти уровней комбинированных и специфических тарифов. В развитых же странах степень дифференциации ставок на несколько порядков выше. Существенным недостатком отечественной тарифной системы является недостаточно высокая степень их эскалации (повышение ставок в зависимости от степени переработки ввозимой продукции), ограничивающая возможности более действенной защиты отечественных производителей готовой продукции.

В структуре российских тарифов доминируют адвалорные пошлины, на которые приходится до 85% общего числа применяемых в России импортных тарифов, в то время как на долю комбинированных и специфических тарифов – примерно 15%. При этом соотношение между специфическими и комбинированными ставками составляет в России 1:7, в то время как в промышленно развитых странах оно составляет 1:1,5–1:2. Исходя из мирового опыта и отечественной практики, представляется целесообразным более активно использовать комбинированные и специфические тарифы. Создание единой автоматизированной системы сбора, хранения и обработки информации позволит в режиме реального времени отслеживать всю цепочку поставки товара и совместно с другими контрольными органами принимать своевременные, оперативные решения. Необходимо совершенствование таможенных процедур, резкое сокращение времени на их прохождение, возврат НДС отечественным производителям, импортирующим оборудование. Задачи государственной внешнеторговой политики, воплощаемой в системе импортных тарифов, состоят не столько в том, чтобы пополнять казну, сколько в том, чтобы эффективно содействовать национальному инновационному развитию, разумно защищать интересы отечественных производителей. В России установление и корректировка таможенных пошлин является функцией правительства. Учитывая то, что таможенные пошлины являются разновидностью налогов, их базисные ставки должны бы утверждать законодательная власть по представлению правительства, оставляя ему определенные возможности для изменения этих ставок. Подобный механизм действует в США и в некоторых других государствах⁶. Этот опыт целесообразно использовать в России. В системе таможенных отношений ещё имеют место криминальная, коррупционная и теневая составляющие. Распространение получили так называемые «серые» схемы оформления таможенных документов («растаможивания»), полное или частичное освобождение от таможенных платежей и налогов, незаконное применение системы преференций в отношении различных промышленных, финансовых, торговых и иных корпоративных групп. Ликвидация «серых» схем и других злоупотреблений в таможенной сфере позволила бы не только оздоровить моральный климат хозяйствования в стране, но и обеспечить весьма существенные дополнительные доходы бюджета⁷. Следует отметить, что в стране проводится работа по формированию эффективной тарифной системы, ориентированной на решение задач модернизации, структурной перестройки и роста конкурентоспособности российской экономики. За рубежом имеется положительный опыт таможенного регулирования, кото-

рый рекомендуется использовать в российской практике. Дальнейшее совершенствование таможенного регулирования экономики России целесообразно провести в следующих направлениях. Методы таможенно-тарифной защиты отраслей должны применяться в тесной увязке с методами нетарифной защиты. В частности, в отраслях должны быть разработаны долгосрочные программы перехода на современные технические и экологические стандарты, как это делается за рубежом. Кроме того, таможенно-тарифная политика в отраслях должна разрабатываться с учетом возможности применения ответных мер, в частности, компенсационных и антидемпинговых.

Требуется установление более действенной защиты от импорта недостаточно качественных продуктов питания, приносящих вред населению. Предлагается создать и усовершенствовать стандарты на продовольственные товары, исключив добавки, вредные и несвойственные данной продукции ингредиенты. Установить заградительные пошлины на поставку таких товаров, как пальмовое масло, а также на товары, являющиеся не натуральными. Указанные стандарты должны действовать как на отечественных, так и на зарубежных производителей. Поставляемые из-за рубежа натуральные продукты по всей вероятности будут дороже аналогичных отечественных и менее конкурентоспособны на российском рынке. Это будет способствовать развитию отечественного производства натуральных продуктов питания. Вместе с тем импортная деятельность иностранных инвесторов требует специального контроля, поскольку в российской практике нередки случаи, когда под видом ввоза тех или иных товаров по льготным тарифам, якобы для производственных нужд, ввозятся товары для перепродажи на внутреннем рынке. Как известно, создание филиалов крупных иностранных компаний за рубежом – весьма распространенный в мировой практике способ обхода ввозных таможенных пошлин. Такая практика особенно характерна для совместных предприятий с участием иностранного и российского капитала. Действия подобных фирм должны быть прозрачными и включены в работу по мониторингу.

Пристатейный библиографический список

1. Захаров Д. Е., Ранюк В. В., Шумаев В. А. Инструменты регулирования товарных потоков на внешних и внутренних рынках / Д. Е. Захаров, В. В. Ранюк, В. А. Шумаев // Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция (РИСК). – 2010. – № 2.

6 Грудцына Л. Ю., Галушкин А. А. Развитие гражданского общества в аспекте конвергенции частного и публичного права // Право и управление. XXI век. – 2014. – № 2. – С. 20–27.

7 Захаров Д. Е., Ранюк В. В., Шумаев В. А. Инструменты регулирования товарных потоков на внешних и внутренних рынках / Д. Е. Захаров, В. В. Ранюк, В. А. Шумаев // Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция (РИСК). – 2010. – № 2. – С. 124–127.

Бабаханова М. Э.

СЧЕТНАЯ ПАЛАТА КОРОЛЕВСТВА НОРВЕГИИ КАК ОРГАН ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ

В статье раскрываются основы работы финансового контрольного органа Норвегии – Генерального аудитора. На основе Конституции Норвегии, Закона о Генеральном аудиторе устанавливаются четкие границы проведения проверок и контроля за функционированием исполнительных органов власти со стороны Генерального аудитора Норвегии.

Ключевые слова: аудитор, контроль, парламент, ответственность.

Babakhanova M. E.

OFFICE OF THE AUDITOR GENERAL (RIKSREVISJONEN) AS A PARLIAMENTARY CONTROL ORGAN IN NORWAY

The article describes the basics of the functioning of financial supervisory authority of Norway – the Auditor General. On the basis of the Norwegian Constitution, the Act on General Auditor, precise verge of inspection and control over the functioning of the executive branch by the Auditor General of Norway is set.

Keywords: aditor, control, parliamenet, accountability.

The OAG's duties are

- auditing the central government accounts and all accounts submitted by central government agencies and other authorities that are obliged to submit accounts to the central government, including government corporations, public administrative bodies that have been granted special powers, government funds and other bodies or undertakings where this is stipulated in separate legislation (financial auditing);

- carrying out systematic analyses of the economy, productivity, goal attainment and effects on the basis of the Storting's decisions and intentions (performance auditing);

- monitoring the management of the State's proprietary interests in companies, etc. (corporate control);

- contributing through auditing to the prevention and detection of irregularities and errors;

- advising the government administration in order to prevent future errors and omissions.

Through its audits, the OAG shall contribute to the prevention and detection of irregularities and errors. On special agreement the OAG can take on international auditing, monitoring or capacity building assignments. The Storting can instruct the OAG to initiate specific investigations.

The general framework conditions for the OAG are set out in the Act and Instructions relating to the activities of the Office of the Auditor General (Act No 21 of 7 May 2004 relating to the Auditor General and the Instructions concerning the activities of the Office of the Auditor General of 11 March 2004).

Article 10 of the Regulations for Financial Management in Government state that undertakings with executive responsibility for wholly-owned private limited companies, state-owned enterprises, special law companies or other independent legal entities wholly or part-owned by government shall produce written guidelines on the manner in which control and supervisory authority shall be exercised vis-a-vis each company or group of companies. A copy of the guidelines shall be filed with the Office of the Auditor General.

The State must, within applicable laws and rules, administrate its ownership interests in conformance with general principles of good corporate governance with special emphasis on ensuring:

- a) that the corporate legal form, the company's articles of association, financing and composition of the board are appropriate for the company's objects and ownership;

- b) that exercise of ownership guarantees the equal treatment of all shareholders and underpins a clear division of authority and responsibility between the owning parties and the board;

- c) that goals set for the company are achieved;

- d) that the board functions satisfactorily.

Management, monitoring and supervision and associated guidelines must be adjusted with the State's shareholding, the characteristics of the company, risk and significance.

One important principle in relation to limited companies, state-owned enterprises and special law companies is that the State's liability is limited to subscribed equity.

Formally, the Office of the Auditor General is an auxiliary organ of the Storting. It has not itself the competence to approve (by far) the Government's accounts, but shall submit these to the Storting with opinion. This is thought to follow from Grl. § 75 k, and is further defined in the State Audit Act, § 1, letter b. According to § 1, letter c the Office of the Auditor General has however expertise to decide over the so-called special accounts from subordinate state authorities. In the draft new law for the Office of the Auditor General it is suggested that this decision competence will be repealed, so that all public accounts for the future must be approved by the Storting.

The rationale is that it is only the Storting that can hold ministers accountable and the Office of Auditor General's "presumptions" are ancient in principle related to the ministers' constitutional responsibilities. The decisions forms are "pass", "can pass" and "for observation". The first two implies that the accounts can be approved, so the ministers constitutionally speaking are free from liability. In the form "can pass" is, however, a criticism, whose strength will be apparent from the premises, and which may lead to subsequent parliamentary accountability of the ministers. The form "for observation" means that the relationship is not ready for final decision, and this can also be a critique. In addition, the Office of the Auditor General reports on matters not initially intended to be the basis for minister responsibility (orientation issues).

The formal relationship between audit control and ministers' constitutional responsibility is a relic from pre-parliamentary time. The Office of the Auditor General has in reality always, but especially after 1884 been an organ not only for the Storting's constitutional (legal) control, but also for the parliamentary (political) control of the Government. And thereof is that the Office of the Auditor General actual function as control body is even more detached from the formal point. Although it is formally a support agency of the Storting's control of the ministers, it actually has always functioned more as an independent body aimed primarily at the administration. This follows firstly because of the Storting until recently, in practice almost never used the audit reports as a basis for accountability of ministers. Secondly, it follows from the Auditor General's procedures for investigating and reporting. Unlike the Storting the Office of the Auditor General shall not go to the ministers, but may require their information directly from the administration and from individual officials and civil servants. (See chapter 20.5.2 of the Office of the Auditor General's right of access, and chapter 21.6.5 about the right to demand explanations. The right of access has in recent years been a controversial topic.)

Before the reports are submitted to the Storting they go to the affected government agency, and it is the "department's" conditions that are commented, not the "ministers". Neither the minister nor the civil service department are mentioned by name. The Office of Auditor General operates institutional criticism, not personal criticism.

OAGN's independence

- OAGN is independent from the central government administration, and reports to the Storting;
- OAGN enjoys full independence, including appointments and budgets;
- OAGN should be competent and objective, i.e. politically neutral;
- The Storting appoints an external auditor to audit the OAGN;
- This independence from the executive is very important for the credibility of the audit function.

In recent years, the Auditor General, in practice, has begun to function more as a direct premise supplier for the Storting's control, so that the reports now more than ever form the basis for further parliamentary review and critique. To some extent, the Office of the Auditor General that way has become more "parliamentary". This is a fundamental and practical important development, which we will later come back to. But this regards only the most important and contentious individual cases. The more ordinary audit work still functions as a process between the Auditor and the administration, rather isolated from the Storting's own control activities.

Although the Office of the Auditor General is formally an auxiliary organ, it has always been a fundamental requirement for it to perform its work in an independent manner, without the Storting looking into the investigation and assessing the individual cases. This principle must constitutionally be inferred by the Constitution § 75 k, although it is unclear how wide it lasts. The issue has only come up in recent years. Previously, there was no tradition that the Storting would affect the work of the Office of the Auditor General. But in 1993, for the first time, a formal instruction was adopted to examine an individual case, (chapter 13.6.3) and subsequently the Standing Committee on Scrutiny and Constitutional Affairs has increasingly started to send informal signals in cases where they want investigation.

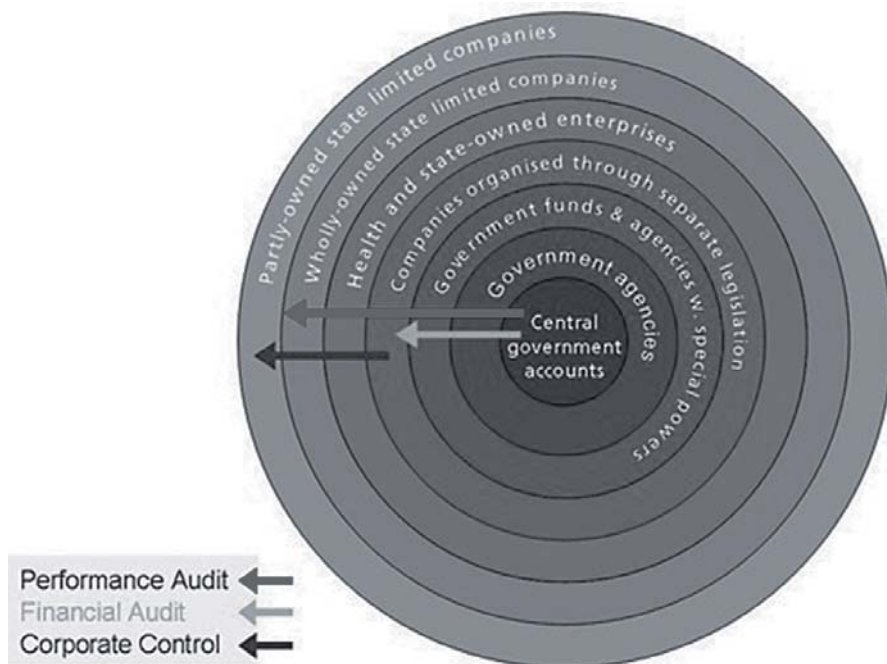
According to the Constitution § 75 k it is the Auditor General's role to "analyse the State's accountancy" but this has never been considered as a hindrance to that it also may be given other tasks. The traditional audit examination has always been the Office of the Auditor General's main task. But from the 1960's, it has also driven "corporate control" of the minister's management of state interests in companies, state enterprises etc. And from the beginning of the 1980s it has developed the critical "performance audit", defined as "the systematic examination of economy, productivity, and effectiveness on the basis of the decisions and assumptions of the Storting." This is partly a control with the administration's efficiency, but also if the Government meets the "Storting's conditions". And this is an audit form that is of far greater parliamentary interest than the traditional financial audit.

The Office of the Auditor General reports to the Storting through an annual main document, Doc. nr. 1, which is extensive, and where individual cases have tended to get lost in the crowd. In 1994 Doc. nr. 3 series was introduced, with individual reports of particularly important cases. This was an important practical reform that allows individual cases now being handled separately by the Standing Committee on Scrutiny and Constitutional Affairs, with its own setting and debate.

The last time the Storting of principle discussed the Office of the Auditor General's position was in 1977, during the processing of the Ingvaldsen Committee's report. This debate laid the foundation for the development of corporate control and management audit. On the other hand, it did not in the first place brought with it that the Storting began to focus more on the audit reports. This came first in the 1990s as a more gradual development, which has not yet been properly discussed by the Storting, despite the fact that it raises fundamental constitutional

and political issues. Such a debate is now in the offing. In 1997, the Office of the Auditor General itself took the initiative of a review of the old State Audit Act (*statsrevisjonsloven*) of 1918, which today is hopelessly outdated. Originally this was intended as a forensic audit, but along the way the work has also led to principal issues coming up, and to some extent it is addressed in this the proposed new laws and regulations which were published in December 2000. At the same time the Storting has become more aware that there have been fundamental changes in the Auditor General's role as a parliamentary body, and during spring 2000, this was included as a central point of the mandate of the committee which is now set up to examine the Storting's control function.

Scope of the OAG's auditing and monitoring

The figure illustrates the OAG's tasks (Auditor General Act, section 9): At the core is the main task of monitoring the central government accounts. The colour fades with the distance from the centre. This illustrates how within the financial regulations of the central government are followed fully and to the letter. When moving away from the centre, the application of the government regulations diminishes. The three types of audits both supplement each other and overlap.

Summing up all above we can say about the Office of Auditor General of Norway that:

- The function of the OAGN is a crucial pillar in the public financial management system in Norway.
- The OAGN's independence from the executive is very important for the credibility of the audit function.
- There are many shared interests between the OAGN and the Ministry of Finance.
- There is a constructive dialogue between the OAGN and the executive on audit findings and corresponding problems.

References

1. Act No 21 of 7 May 2004 relating to the Office of the Auditor General.
2. Instructions no 700 of 11 March 2004 concerning the activities of the Office of the Auditor General.
3. Constitution of Norway, 1814.
4. Sejersted F. Kontroll og konstitusjon. – Oslo, 2002.
5. Perspectives on the role of the Office of the Auditor General of Norway. URL: http://www.regjeringen.no/upload/FIN/Taler/te/OAG_16092008.pdf
6. Stortinget. URL: www.stortinget.no

Богданов В. В., Габдрахманов Ф. В., Корнеева О. В.
ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, В РОССИИ, БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ видов уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним, в России, Белоруссии и Казахстане. Отмечается, что уголовное законодательство этих стран одинаково учло требования международного законодательства в части гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних. Это предопределило схожесть подходов национальных законодательств в вопросах сужения круга уголовных наказаний, снижения верхних и нижних пределов наказаний.

Ключевые слова: несовершеннолетние, Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, уголовное право, уголовное наказание, основные виды наказаний, дополнительные виды наказаний.

Bogdanov V. V., Gabdrakhmanov F. V., Korneeva O. V.
TYPES OF PENALTIES IMPOSED ON MINORS IN RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS

The authors conducted a comparative and legal analysis of types of criminal penalties imposed on minors in Russia, Belarus and Kazakhstan. It is noted that the criminal legislation of these countries identically incorporated requirements of the international legislation in a part of humanization of criminal liability of minors. It predetermined similarity of approaches of national legislations in questions of narrowing a circle of criminal penalties, decreasing the top and lower limits of penalties.

Keywords: minors, the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, criminal law, criminal penalty, main types of penalties, additional types of penalties.

Проблема уголовной ответственности несовершеннолетних актуальна для всех стран мира. Национальные законодательства отчетливо развиваются по пути гуманизации положения детей, вступивших в конфликт с уголовным законом. Исследование этого данного вопроса на примере Российской Федерации (далее – РФ), Республики Беларусь (далее – РБ) и Республики Казахстан (далее – РК) позволяет судить о степени защищенности прав ребенка на большей части территории постсоветского пространства.

В уголовном законодательстве вышеуказанных стран были учтены требования международного законодательства (Конвенция о правах ребенка 1989 г., Пекинские правила 1985 г. и др.) о том, что к лицам, не достигшим до совершения преступления восемнадцатилетнего возраста, не применяется смертная казнь, а также пожизненное тюремное заключение, не предусматривающего возможности освобождения. Помимо существенного ограничения видов уголовных наказаний были снижены их верхние и нижние пределы, прежде всего лишения свободы.

Проведенный анализ статистических данных позволяет определить структуру назначения наказания. Так, в 2014 г. в РФ было осуждено 23586 несовершеннолетних, в том числе к реальному лишению свободы – 3953 чел. (17%), к лишению свободы условно – 10176 чел. (43%), условно к иным видам наказаний – 343 чел. (1,5%), ограничению свободы – 630 чел. (2,7%), обязательным работам – 3974 чел. (17%), штрафу в качестве основного наказания – 2253 чел. (10%), дополнительному – 238 чел (1%)¹ и т.д.

Наиболее мягким видом уголовного наказания для несовершеннолетних является штраф, который в РФ и РБ может применяться еще и как дополнительный вид наказания. Раз-

личается он по своему размеру, способу исчисления, возможности взыскания с родителей, иногда увязывается с наличием у несовершеннолетнего заработка или иного дохода. Например, в РБ и РК штраф назначается только при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. В РБ размер штрафа не может превышать двадцатикратного размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, а за корыстное преступление – стократного размера такой базовой величины (ч. 1 ст. 111 УК), в РК штраф назначается в размере от десяти до двухсот пятидесяти месячных расчетных показателей (ч. 3 ст. 81 УК).

В РФ штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или

Богданов В. В.

Габдрахманов Ф. В.

Корнеева О. В.

1 Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 мес. 2014 г. (форма №12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item> (дата обращения: 30.07.2015).

иною дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев (ч. 2 ст. 88 УК). Так, Судебная коллегия снизила осужденному Ю. размер назначенного в виде дополнительного наказания штрафа с 200 000 до 30 000 рублей как по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ, так и по совокупности преступлений, поскольку он являлся несовершеннолетним².

Особенностью УК РФ является возможность взыскания штрафа с родителей, усыновителей, иных законных представителей с их согласия. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – постановление ПВС РФ от 1.02.2011 № 1) указал, что такое решение может быть принято и по их ходатайству после вступления приговора в законную силу³. Так, из материалов дела видно, что мать осужденного Ф. участия в судебном заседании не принимала, ходатайств о взыскании с нее штрафа не подавала. Коллегия исключила из резолютивной части указания суда на взыскание штрафа с матери несовершеннолетнего Ф. в случае отсутствия у него денежных средств⁴.

В уголовном законе РФ за штрафом следует такое наказание, как лишение права заниматься определенной деятельностью, которое может быть назначено несовершеннолетним в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. В качестве основного вида наказания лишение права заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от одного года до пяти лет, а в качестве дополнительного – на срок от шести месяцев до трех лет (статьи 44, 45, 47 УК).

В уголовном законе РК лишение права заниматься определенной деятельностью назначается несовершеннолетним на срок от одного года до двух лет (ч. 2 ст. 81 УК), а в уголовном законе РБ – достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора на срок от одного года до трех лет (ст. 112 УК).

Следующим видом уголовного наказания для несовершеннолетних в УК РФ являются обязательные работы, которые заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями (ст. 49 УК). Несовершеннолетним обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов и заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время (ст. 88 УК). Работы должны быть посильными для несовершеннолетнего, т.е. соответствовать его физическим возможностям. При решении вопроса о том, являются ли обязательные работы посильными, следует руководствоваться ст. 265 Трудового кодекса РФ и Перечнем тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда

лиц моложе 18 лет⁵. Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет – трех часов в день (ч. 3 ст. 88 УК).

Обязательные работы в УК РФ и общественные работы в УК РК и РБ практически совпадают по своим признакам. В РБ они заключаются в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ. Общественные работы назначаются достигшим шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от тридцати до ста восьмидесяти часов (взрослым – от 60 до 240 часов) и заключаются в выполнении работ, посильных для такого лица. Продолжительность исполнения данного вида наказания не может превышать трех часов в день и трех дней в неделю. Осужденными, получающими образование либо имеющими постоянное место работы, общественные работы отбываются в свободное от учебы или основной работы время (ст. 109, 110 УК РБ). В РК привлечение к общественным работам назначается на срок от сорока до ста пятидесяти часов, заключается в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняется им в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до шестнадцати лет не может превышать два часа в день, а лицами в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – три часа в день (43, ч. 5 ст. 81 УК).

Исправительные работы для несовершеннолетних предусмотрены в уголовных кодексах РФ, РБ и РК. Назначение исправительных работ различается по срокам исполнения, размеру удержаний, возрасту несовершеннолетнего осужденного, наличию постоянного места работы и др.

Согласно ч. 1 ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного. Размер удержаний составляет от 5 до 20 %. По общему правилу, исправительные работы могут быть назначены несовершеннолетнему, достигшему возраста 16 лет, на срок от двух месяцев до одного года, а в случаях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 63 Трудового кодекса РФ, и несовершеннолетнему, достигшему возраста 15 и 14 лет соответственно. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда указала, что назначая наказание в виде исправительных работ, суд не учел, что преступление А. совершил в возрасте 14 лет, является учащимся средней общеобразовательной школы, при этом не выяснялось наличие либо отсутствие условий, указанных в ч. 2 и ч. 3 ст. 63 ТК РФ. Приговор изменен и А. назначено наказание в виде обязательных работ⁶.

В Белоруссии исправительные работы назначаются лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от двух месяцев до одного года по месту работы. Из заработка осужденного к исправительным работам производится удержание в доход государства в раз-

2 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2005 г. по делу № 18-004-96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=112264 (дата обращения: 21.07.2012).

3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. от 2.04.2013 № 6) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?id=7732 (дата обращения: 28.07.2015).

4 Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 04 июня 2010 года № 22-5659/2010 // Бюллетень судебной практики Свердловского областного суда по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (второй квартал 2010 года).

5 Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова и др.; / Под ред. А. В. Галаховой. – М.: Норма, 2014.

6 Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=444&cl=1 (дата обращения: 6.04.2014).

мере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до пятнадцати процентов (ч. 1, 2 ст. 52 УК).

В Казахстане исправительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду по основному месту работы с вычетом из его заработка в доход государства денежного взыскания в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей. Исправительные работы назначаются несовершеннолетним, имеющим самостоятельный заработок или иной постоянный доход, в размере от десяти до двухсот пятидесяти месячных расчетных показателей (ч. 1 ст. 42, ч. 4 ст. 81 УК).

Следующим видом уголовного наказания для несовершеннолетних является ограничение свободы, которое в РФ назначается в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет (ч. 5 ст. 88 УК). Ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному определенных ограничений, содержание которых раскрыто в ч. 1 ст. 53 УК. Например, не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования и др. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что, хотя ст. 53 УК РФ не содержит особенностей применения наказания в виде ограничения свободы в отношении лиц, которым ко времени совершения преступления не исполнилось восемнадцати лет, в ст. 88 УК РФ указано, что данный вид наказания назначается несовершеннолетним осужденным в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет. Иных случаев назначения в законе не предусмотрено⁷.

В РБ ограничение свободы состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания (ст. 55 УК), в РК – в установлении пробационного контроля за осужденным и отбывается по месту жительства осужденного без изоляции от общества (ч.1 ст. 44 УК). В РК в 2014 г. ювенальными судами больше применялось ограничение свободы (50%)⁸. В РК ограничение свободы назначается несовершеннолетним на срок до двух лет (ч. 1 ст. 81 УК), в РБ – от шести месяцев до трех лет без направления в исправительное учреждение открытого типа (ч. 3, 5 ст. 55, ст. 114¹ УК). Пленум Верховного Суда РБ разъяснил судам, что ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа может назначаться, когда исправление виновного может быть достигнуто без его удаления с места постоянного жительства: в семье, трудовом коллективе, в учебном заведении. При этом следует учитывать предшествовавшее осуждению отношение обвиняемого к труду и поведение в быту, наличие иждивенцев, нуждающихся в заботе и помощи с его стороны, иные заслуживающие внимания обстоятельства⁹.

Согласно ст. 114 УК РБ арест назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, на срок от одного до двух месяцев. При этом Н. Ф. Ахраменка отмечает, что оторванный от учебного процесса подросток по

отбытию наказания получит дополнительные проблемы в школе, которые скажутся на его последующем поведении не самым лучшим образом¹⁰. В УК РФ норма об аресте в отношении несовершеннолетних сохранялась до конца 2009 г., то есть момента замены ограничением свободы. В УК РК арест несовершеннолетним не назначается.

В РФ наиболее распространенным видом наказания продолжает оставаться лишение свободы, удельный вес которого в 2014 г. с основным лишением свободы достигал 60%.

Исследователями обоснованно ставится вопрос о целесообразности назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы. Э. В. Лядов подчеркивает, что основной целью законодателя и правоприменителя должна быть не изоляция лица, совершившего преступление, и особенно несовершеннолетнего, а применение к нему соответствующего наказания для осознания последним противоправности содеянного и предупреждения с его стороны совершения нового преступления¹¹. Э. А. Абдуллаев полагает, что суды в любом случае должны всячески воздержаться от назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы¹².

Законодательство РФ, РБ и РК устанавливают определенные ограничения при назначении несовершеннолетним лишения свободы на определенный срок. Ограничения связаны с возрастом несовершеннолетнего, категорией преступления, его объектом, совершением преступления впервые и др. Максимальные сроки лишения свободы для несовершеннолетних зависят от категории преступлений, возраста несовершеннолетнего в момент совершения преступления, назначения наказания по совокупности преступлений или приговоров. В РФ минимальный срок лишения свободы равен двум месяцам, максимальный – не может превышать десяти лет. В РБ сроки лишения свободы несовершеннолетним варьируются от шести месяцев до семнадцати лет (ч. 1 ст. 57, ч. 5 ст. 116 УК), в РК – от шести месяцев до двенадцати лет (ч. 3 ст. 46, ч. 7 ст. 81 УК).

Верховный Суд РК указал, что суд вправе принять решение о назначении несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы только тогда, когда исправление и перевоспитание его невозможно без изоляции от общества с указанием в приговоре мотивов принятого решения. Следует искоренить факты необоснованного назначения несовершеннолетним лишения свободы на длительный срок¹³.

Пленум Верховного Суда РБ разъяснил судам, что в ч. 2 ст. 115 УК в зависимости от категории преступлений установлены ограничения только по назначению максимальных сроков в виде лишения свободы лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет¹⁴. Так, лицу, совершившему особо тяжкое преступление, сопряженное с умышленным по-

7 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 января 2014 г. № 56-АПУ13-42 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 11.

8 Анализ деятельности специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних. Астана, 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sud.gov.kz/rus/printpdf/47095> (дата обращения: 26.07.2015).

9 Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. № 18 «О практике назначения судами наказания в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tammby.narod.ru/belarus-PPVS/18-2007.htm> (дата обращения: 28.07.2015).

10 Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007.

11 Лядов Э. В. Особенности применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, к несовершеннолетним // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1 (80). – С. 165–168.

12 Абдуллаев Э. А. Отбывание наказания несовершеннолетними в Азербайджане // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4 (47). – С. 119–120.

13 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 апреля 2002 года № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P0200006S_ (дата посещения: 26.07.2015).

14 Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 (с изм. от 25.03.2015) (п. 20) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/non18/ (дата обращения: 26.07.2015).

сягательством на жизнь человека либо с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, срок наказания в виде лишения свободы не может превышать двенадцати лет. Окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности приговоров несовершеннолетнему не может быть назначено на срок более семнадцати лет (ч. 5 ст. 116 УК РБ).

Так, приговором областного суда РБ двоим подросткам 16 лет назначено наказание: по пп. 2, 4, 6, 12 и 15 ч. 2 ст. 139 УК – в виде лишения свободы на срок 12 лет каждому; по ч. 2 ст. 207 УК – в виде лишения свободы на срок 6 лет каждому; по ч. 2 ст. 208 УК – в виде лишения свободы на срок 4 года каждому; по ч. 3 ст. 208 УК – в виде лишения свободы на срок 8 лет каждому; по пп. 1, 2, 3, 4, 7 ч. 2 ст. 291 УК – в виде лишения свободы на срок 7 лет каждому. В соответствии с ч. 1 ст. 71 УК, **по повторности** преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 ст. 208 УК, путем поглощения менее строгого наказания более строгим обвиняемым назначено наказание в виде лишения свободы на срок **8 лет каждому**. В соответствии с ч. 3 ст. 72 УК **по совокупности** преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний обвиняемым назначено **окончательно** наказание в виде лишения свободы на срок **13 лет каждому** с отбыванием наказания в воспитательной колонии¹⁵.

Статьи 115, 116 УК РБ, регулирующие назначение наказания несовершеннолетним, предусматривают в сравнении с аналогичными статьями УК РФ и УК РК более дифференцированный подход при установлении максимальных сроков лишения свободы (3, 7, 10, 12, 15, 17 лет) в зависимости от возраста несовершеннолетнего, категории совершенного преступления, наличия совокупности преступлений или приговоров, что в большей степени способствует индивидуализации наказания.

Верховный Суд РК в нормативном постановлении от 25 июня 2015 г. указал, что несовершеннолетним при назначении наказания в виде лишения свободы срок лишения свободы как за одно уголовное правонарушение, так и за их совокупность, а также при совокупности приговоров не может превышать десяти лет. Лишение свободы свыше указанного срока несовершеннолетним может назначаться только за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, или акт терроризма либо по совокупности уголовных правонарушений, одним из которых является убийство при отягчающих обстоятельствах, или акт терроризма. В этом случае срок лишения свободы, назначенный по совокупности преступлений и совокупности приговоров, не может быть свыше двенадцати лет¹⁶.

В уголовном законодательстве РФ, РК и РБ предусмотрены ограничения при назначении несовершеннолетним лишения свободы и его сроков. Они обусловлены категорией и объектом совершенного преступления, возрастом несовершеннолетнего, отнесением его к лицам, впервые совершившим преступления. Например, в РБ лицу, впервые совершившему в возрасте до семнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, наказание в виде лишения свободы не назначается (ч. 1 ст. 115 УК). В РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несо-

вершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые (ч. 5 ст. 88 УК). В УК РК ограничение не связано со словом «впервые», но зависит от непосредственного объекта преступления. Так, согласно ч. 7 ст. 81 УК РК несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой тяжести или преступление средней тяжести, не связанное с причинением смерти, лишение свободы не назначается.

Что включает в себя слово «впервые» в уголовном законодательстве РБ, РК и РФ? Государства подходят к этому вопросу по-разному. В РБ несовершеннолетний признается впервые совершившим преступление, если предыдущее общественно опасное деяние было совершено им до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо за это деяние истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, или судимость была погашена или снята в установленном законом порядке¹⁷. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 указал, что впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу, или судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке. На наш взгляд, это разъяснение относит слово «впервые» не к числу совершенных несовершеннолетним преступлений (в таком понимании их может быть безграничное множество), а к личности (он не должен иметь судимость).

Так, пятнадцатилетний К. имел судимость по приговору от 03 марта 2011 года. Преступления средней тяжести совершены им 07 октября, 04 ноября и 07 ноября, 20 ноября, 24 ноября 2010 года, то есть до постановления вышеуказанного приговора. Следовательно, К. совершил эти преступления в возрасте 15 лет впервые, поэтому ему не могло быть назначено наказание за данные преступления в виде лишения свободы¹⁸.

В комментарии к УК РК под словом «впервые» понимается, «что до этого лицо не совершало какого-либо другого преступления, а если совершало и понесло наказание, то судимость за него была снята или погашена»¹⁹.

В РФ при назначении несовершеннолетнему осужденному наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину (ч. 6.1. ст. 88 УК).

Так, назначая несовершеннолетнему С. по пп. «б», «д» ч. 2 ст. 132 УК РФ 2 года лишения свободы, суд указал на применение положений ст. 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако фактически назначил наказание без учета данных положений. Низший предел, установленный санкцией ч. 2 ст. 132 УК РФ, составляет 4 года, а с учетом положений ч. 6.1 ст. 88 УК РФ – 2 года. Судебной коллегией приговор в отношении С. изменен, наказание снижено до 1 года 10 месяцев лишения свободы²⁰.

17 Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 (с изм. от 25.03.2015) (п. 19) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/non18/ (дата обращения: 26.07.2015).

18 Обзор судебной практики рассмотрения судами Приморского края уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kraevoy.rpm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=307 (дата обращения: 4.06.2015).

19 Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/T97000167/_t970167.htm (дата обращения: 27.05.2014).

20 Бюллетень судебной практики Свердловского областного суда по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (четвертый

15 Приговор Могилевского областного суда Республики Беларусь от 18.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/justice/pres_office/f30d91a9553f0ad8.html (дата обращения: 30.07.2015).

16 Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 25 июня 2015 года № 4 «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P15000004S#z29> (дата обращения: 26.07.2015).

Вывод. Сравнительный анализ уголовного законодательства России, Белоруссии и Казахстана показывает одинаковые подходы данных стран при решении вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних. Это предопределило схожесть национальных законодательств в вопросах гуманизации наказания, сужения круга уголовных наказаний, снижении верхних и нижних пределов наказаний. Например, несовершеннолетним не назначаются смертная казнь, пожизненное лишение свободы, длительные сроки лишения свободы. Ограничения при назначении несовершеннолетним лишения свободы обусловлены категорией и объектом совершенного преступления, возрастом несовершеннолетнего, отношением к категории лиц, впервые совершивших преступления.

Отмечается, что УК РБ в сравнении с УК РК и УК РФ предусматривает более дифференцированный подход при установлении несовершеннолетним максимальных сроков лишения свободы (3, 7, 10, 12, 15, 17 лет) в зависимости от их возраста, категории совершенного преступления, наличия совокупности преступлений или приговоров, что способствует максимально-му учету принципа индивидуализации наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 12 мес. 2014 г. (форма №12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index> (дата обращения: 30.07.2015).
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2005 № 18-004-96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 21.07.2012).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. от 2.04.2013 № 6) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7732 (дата обращения: 28.07.2015).
4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 04 июня 2010 года № 22-5659/2010 // Бюллетень судебной практики Свердловского областного суда по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (2 кв. 2010 г.).
5. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова и др.; под ред. А. В. Галаховой. – М.: Норма, 2014.
6. Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=444&cl=1 (дата обращения: 6.04.2014).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 января 2014 г. № 56-АПУ13-42 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 11.
8. Анализ деятельности специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних. Астана, 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sud.gov.kz/rus/content/za-2015-god> (дата обращения: 26.07.2015).

9. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. № 18 «О практике назначения судами наказания в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tammyby.narod.ru/belarus-PPVS/18-2007.htm> (дата обращения: 28.07.2015).
10. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007.
11. Лядов Э. В. Особенности применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, к несовершеннолетним // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1(80).
12. Абдуллаев, Э. А. Отбывание наказания несовершеннолетними в Азербайджане // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4 (47).
13. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 апреля 2002 года № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P02000006S_ (дата обращения: 26.07.2015).
14. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 (с изм. от 25.03.2015) (п. 20) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_ (дата обращения: 26.07.2015).
15. Приговор Могилевского областного суда Республики Беларусь от 18.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/justice/pres_office/f30d91a9553f0ad8.html (дата обращения: 30.07.2015).
16. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 25 июня 2015 года № 4 «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000004S#z29> (дата обращения: 26.07.2015).
17. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/non18/ (дата обращения: 26.07.2015).
18. Обзор судебной практики рассмотрения судами Приморского края уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2012 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=307 (дата обращения: 4.06.2015).
19. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/T970000167_t970167.htm (дата обращения: 27.05.2014).
20. Бюллетень судебной практики Свердловского областного суда по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (четвертый квартал 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=95&page (дата обращения: 14.10.2012).

Исмаилов Ш. М.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена одной из актуальных проблем предпринимательской деятельности – проблеме правового статуса субъектов предпринимательства. Автор на основании анализа теоретических и практических составляющих проблемы, нормативного материала, посвященного регулированию правового статуса субъектов предпринимательской деятельности, предлагает конкретные предложения по решению этих проблем.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, субъекты предпринимательства, риск, правовой статус, законодательство.

Ismailov Sh. M.

ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF BUSINESS

The article is devoted to one of the most pressing business problems – the problem of legal status of business entities. The author based on the analysis of theoretical and practical components of the problem, regulatory material on the regulation of the legal status of business entities, provides concrete proposals to address these issues.

Keywords: entrepreneurship, business entities, risk, legal status, legislation.

Исмаилов Ш. М.

Повышение роли предпринимательства и частного сектора в экономическом развитии Таджикистана обусловило вхождение в рынок множества хозяйствующих субъектов (индивидуальных и коллективных), осуществляющих предпринимательскую деятельность, направленную на получение прибыли.

Социально-экономическое значение всех субъектов предпринимательства в Таджикистане особенно повысилось в последние годы в связи с ужесточением условий для деятельности трудовых мигрантов в соседних странах, а также с воздействием внешнего экономического кризиса на экономику страны. Согласно оценкам АБР и МВФ темпы экономического роста страны, ранее составлявшие ежегодно в среднем 7%, в связи со снижением финансовых средств от мигрантов в 2015–2016 гг. могут снизиться до 4% (что подтверждается показателями снижения темпов валового внутреннего продукта и снижения объема импорта товаров за январь – февраль месяц 2015 г.).

Это требует от правительства страны ускорения осуществляемых структурных и иных реформ, в первую очередь реформ, направленных на поддержку предпринимательской деятельности и инвестиций, в том числе посредством совершенствования правового статуса субъектов предпринимательской деятельности.

В национальном праве понятие «субъект предпринимательской деятельности» впервые появилось в Законе Республики Таджикистан от 25 июня 1993 г. «О предприятиях»¹, в преамбуле которого отмечено: «Настоящий закон определяет общие правовые, экономические и социальные основы создания и функционирования предприятий в условиях многообразия форм собственности, регламентирует права и ответственность субъектов предпринимательства. Положения настоящего Закона действуют на всей территории Республики Таджикистан и распространяются на всех участников предпринимательской деятельности, зарегистрированных в качестве юридических лиц». При этом в указанном законе данное понятие не было раскрыто, неявно субъект предпринимательской деятельности приравнивается к участнику предпринимательской деятельности, зарегистрированному в форме юридического лица.

Гражданским кодексом Республики Таджикистан, принятым Законом Республики Таджикистан № 802 от 30 июня 1999 г., определено, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке². Подобное определение предпринимательства приведено в новой редакции Закона Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. № 1107 «О государственной защите и поддержке предпринимательства»³ (далее – базовый закон). Указанные определения только в незначительной степени отличаются от понятия предпринимательской деятельности, определенного Законом СССР от 2 апреля 1991 г. № 2079-1 «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР»⁴.

Отсутствие в действующем законодательстве приемлемого понятия «субъект предпринимательской деятельности» свидетельствует о том, что несмотря на обилие публикаций по данному вопросу, эта правовая категория исследована недостаточно (подобная ситуация отмечается также в одном из последних российских учебников по предпринимательскому праву)⁵.

Вместо этого исследователи чаще всего определяют субъектов предпринимательского права (лиц, участвующих в предпринимательской деятельности). Так, В. В. Лаптевым субъекты предпринимательского права определяются как носители прав и обязанностей в области осуществления и регулирования предпринимательской деятельности⁶. По В. В. Ру-

1 Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1993. – № 14. – Ст. 279.

2 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 6. – Ст. 153.

3 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – № 7.

4 Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 16. – Ст. 442.

5 Предпринимательское право России: Учеб. для бакалавров / В. С. Бельх, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко и др; отв. ред. В. С. Бельх. – Москва: Проспект, 2015 – С. 73.

6 Лаптев В. В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. – М., 1997. – С. 39–41.

мыниной, субъект предпринимательского права — это лицо, которое в силу присущих ему признаков может быть участником предпринимательского правоотношения⁷.

В свою очередь С. Э. Жилинский утверждает, что изучение статуса (прав, обязанностей, ответственности) субъекта предпринимательской деятельности предполагает предварительное познание статуса субъекта права и субъекта гражданского права, правовой режим которых полностью распространяется и на субъектов предпринимательской деятельности по известной триаде: общее (субъект права), особенное (субъект гражданского права) и отдельное (субъект предпринимательской деятельности). Другими словами, прежде чем быть субъектом предпринимательской деятельности, лицо является субъектом гражданского права. Субъект предпринимательской деятельности — это такой субъект гражданского права, который на свой риск осуществляет самостоятельную деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли от пользования имуществом, продажи товара, выполнения работ или оказания услуг, и который зарегистрирован в этом качестве в установленном законом порядке⁸.

Здесь необходимо вкратце остановиться на проблеме риска в предпринимательской деятельности, поскольку риск — это неотъемлемый спутник предпринимателя, основная характеристика его субъективной составляющей.

Идея риска И. А. Покровским сформулирована кратко: «Всякий, кто действует, должен нести на себе риск за все случайные последствия своей деятельности»⁹.

По В. А. Ойгензихту, «риск — субъективная категория, которая существует параллельно с виной, но может существовать и совместно с ней, как психическое отношение субъектов к результату собственных действий, или действий других лиц, а также к результату объективно-случайных, либо случайно-невозможных действий (событий), выражающихся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых имущественных последствий»¹⁰.

Понятие «риск» как составная часть предпринимательской деятельности входит в общее понятие «предпринимательская деятельность» и в таком виде отражено в законодательстве. «Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой *риск* деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»¹¹. В этой связи профессор И. В. Ершова отмечает: «Предпринимательская деятельность сопряжена с риском... Предпринимательский риск — мощный стимул к успешной работе»¹².

О. А. Кабышев определил понятие предпринимательского риска как деятельность предпринимателя на рынке в

ситуации неопределенности относительно вероятного получения прибыли или убытков, когда принимающий решение, не будучи в состоянии однозначно предвидеть, добьется он прибыли или понесет убытки, оказывается перед выбором какого-либо из альтернативных вариантов решения¹³. В. С. Белых под предпринимательским риском понимает «потенциальную возможность (опасность) наступления или ненаступления события (совокупности событий), повлекшего неблагоприятные имущественные последствия для деятельности предпринимателя»¹⁴.

Если быть кратким, под предпринимательским риском мы должны понимать действие субъекта, сопряженное с потенциальной опасностью ненаступления желаемого результата и потери прибыли.

К субъектам предпринимательской деятельности ст. 5 базового закона отнесены:

— физические лица (граждане Республики Таджикистан, иностранные граждане и лица без гражданства), занимающиеся предпринимательством;

— юридические лица (коммерческие организации резидентов и нерезидентов, филиалы и представительства иностранных юридических лиц), занимающиеся предпринимательством.

Определяя физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, как индивидуальных предпринимателей, ГК РТ приравнивает предпринимательские организации к коммерческим (фактически, только торговым) организациям, что, наверно, не совсем корректно.

Кроме того, из указанной нормы следует, что законодательство ограничивает перечень субъектов предпринимательской деятельности.

Так, по факту, кроме индивидуальной предпринимательской деятельности физических лиц, предпринимательской деятельностью могут заниматься также объединения граждан (коллективные предприниматели, партнеры).

В базовом законе к субъектам предпринимательской деятельности не отнесены некоммерческие организации (учреждения, религиозные организации, общественные объединения, политические партии и пр.), осуществляющие предпринимательскую деятельность. Например, деятельность микрозаемных фондов полностью является предпринимательской. Статьей 8 Налогового кодекса Республики Таджикистан устанавливается, что в части, в которой некоммерческие организации осуществляют предпринимательскую деятельность, их деятельность подлежит налогообложению.

Более того, Законом Республики Таджикистан от 28 июля 2006 г. № 198 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁵, регулирующем конкурентные условия деятельности субъектов предпринимательства, устанавливаются ограничения на деятельность всех хозяйствующих субъектов, хотя в качестве признаков нарушения конкуренции используются последствия их предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 132 ГК РТ, учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или

7 Румынина В. В. Правовое обеспечение профессиональной деятельности. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — С. 14–15.

8 Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): Учеб. для вузов. — 3-е изд., изм. и доп. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА-М), 2001. — С. 75–76.

9 Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 2000. — С. 286.

10 Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. — Душанбе. Ирфон, 1972. — С. 77.

11 Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Часть 1, Ст. 1, пункт 3. Душанбе, 2009. Точно такое определение предпринимательской деятельности содержит ст. 2 ГК Российской Федерации.

12 Ершова И. В. Предпринимательское право. — М.: Юриспруденция, 2009. — С. 18.

13 Кабышев О. А. Предпринимательский риск: правовые вопросы: Автореф. дисс...канд. юрид. наук. — М., 1996. — С. 5.

14 Цит. по кн.: Ершова И. В. Предпринимательское право. — М.: Юриспруденция, 2009. — С. 19.

15 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2006. — № 7. — Ст. 346.

частично. Фактически, кроме осуществления управленческих и социально-культурных функций, в Таджикистане государственные учреждения создаются также для выполнения других работ, финансируемых главным образом государством (содержание автомобильных дорог, лесное хозяйство и пр.), которые ранее исполнялись коммерческими организациями, что некорректно.

К субъектам предпринимательской деятельности относятся также коллективные образования, обладающие или не обладающие статусом юридического лица (финансово-промышленные группы, холдинги, совместная деятельность и пр.)¹⁶.

Кроме того, базовым законом отнесены к субъектам предпринимательства только филиалы и представительства иностранных юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а филиалы и представительства других юридических лиц – не отнесены. Действительно, в соответствии со ст. 56 ГК РТ такие филиалы и представительства не являются юридическим лицом и действуют от имени создавшего их юридического лица. Однако со стороны создавшего их юридического лица они наделяются имуществом, которое, как правило, отражается в отдельном балансе. Указанные обособленные подразделения юридического лица вправе иметь банковские счета в кредитных организациях. В соответствии с Налоговым кодексом отдельные налоги, связанные с их деятельностью, уплачиваются в бюджет по месту их расположения. В связи с этим можно сделать вывод о том, что филиалы и представительства юридического лица также являются субъектами предпринимательской деятельности.

Отдельные нормы национального законодательства в отношении возможности органам государственной и местной власти заниматься предпринимательской деятельностью носят несколько спорный характер. В частности, ст. 6 Закона Республики Таджикистан от 28 июля 2006 г. № 198 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» запрещается совмещение функций органов управления с функциями хозяйствующих субъектов, наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами указанных органов. Однако это запрещение может потерять силу в случаях, предусмотренных законодательством.

Также запрещается объединение юридических лиц и органов государственной власти с целью монополизации производства или реализации товаров. При этом отсюда следует, что вне монопольных целей такое объединение законом может быть допущено.

В то же время законодательство (ст. 12 Закона Республики Таджикистан «Об акционерных обществах», ст. 8 Закона Республики Таджикистан «Об обществе с ограниченной ответственностью») запрещает государственным органам выступать учредителями субъектов предпринимательской деятельности, если иное не установлено законом.

Общей конституционной целью государства, в том числе при регулировании предпринимательской и иной деятельности, является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека¹⁷. В связи с этим считаем, что государство и его органы не могут заниматься предпринимательской деятельностью, направленной

на получение прибыли от этой деятельности. Государство и его органы имеют совсем иные цели в сфере предпринимательства, в частности, направленные на регулирование предпринимательской деятельности, создание новых рабочих мест в целях обеспечения занятости населения, государственную защиту и поддержку предпринимательства и т.д., при этом не могут непосредственно осуществлять предпринимательскую деятельность, что должно быть четко отражено в законодательных актах.

К общим признакам субъектов предпринимательской деятельности, как правило, относят¹⁸:

– наличие комплексной правосубъектности, которая охватывает как частноправовые, так и публично-правовые аспекты предпринимательской деятельности;

– наличие обособленного имущества, принадлежащего субъекту предпринимательской деятельности на праве собственности или иных имущественных правах;

– самостоятельную имущественную ответственность, основанную на наличии обособленного имущества;

– сочетание ведения хозяйствующими субъектами предпринимательской деятельности и руководства ею, сочетание публичным образованием государственных функций регулирования и контроля за предпринимательской деятельностью с функцией собственника государственного имущества;

– легитимное вхождение в предпринимательство и приобретение статуса юридического лица, индивидуального предпринимателя, осуществляемое посредством государственной регистрации и получения, при необходимости, соответствующих лицензий и разрешений.

Кроме того, выделяются следующие признаки субъекта предпринимательской деятельности, созданного в форме коммерческой организации:

– организационное единство (наличие определенной структуры и организации субъекта);

– наличие фирменного наименования, которое индивидуализирует субъект в правовых отношениях и не может повторяться. В этих целях ст. 34 Закона Республики Таджикистан от 19 мая 2009 г. № 508 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹⁹ в качестве основания для отказа в государственной регистрации установлено: «3) если по идентичным наименованием в Республике Таджикистан зарегистрировано другое юридическое лицо». Это с учетом ст. 1126 ГК РТ, определившей фирменное наименование юридического лица в качестве объекта права интеллектуальной собственности, что дает такому юридическому лицу исключительное право на свое фирменное наименование.

Базовым законом определено, что предпринимательство может осуществляться в следующих формах: с образованием юридического лица; без образования юридического лица; с использованием наёмного труда; без использования наёмного труда.

Субъекты предпринимательства для целей государственного регулирования подразделяются на следующие виды: малое, среднее и крупное. При этом к субъектам малого предпринимательства базовым законом отнесены индивидуальные предприниматели и юридические лица, оборот средств которых за год не превышает 500.000 сомони (за исключением лиц,

16 Предпринимательское право России: Учеб. для бакалавров / В. С. Белых, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко и др; отв. ред. В. С. Белых. – Москва: Проспект, 2015 – С. 75.

17 Статья 1 Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе: Издательство «Шарки озо», 2009. – С. 34.

18 Предпринимательское право / Отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. – Москва: Проспект, 2015. – С. 76–80.

19 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 5. – Ст. 316.

осуществляющих производство подакцизных товаров, поставку алюминия первичного, банковскую и страховую деятельность, деятельность, связанную с управлением инвестиционными фондами, и профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг).

Соответственно, к субъектам среднего предпринимательства относятся юридические лица, оборот средств которых за год составляет от 500.000 сомони до 15.000.000 сомони, а к субъектам крупного предпринимательства – свыше 15.000.000 сомони.

С учетом такой позиции к субъектам предпринимательской деятельности обычно относят индивидуальных предпринимателей, коммерческие организации и некоммерческие организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Все виды субъектов предпринимательской деятельности важны для национальной экономики и занимают в ней определенные ниши.

Налоговым кодексом для целей налогообложения установлены следующие признаки физического лица – индивидуального предпринимателя, функционирующего на основании патента:

- государственная регистрация предпринимателя осуществляется по месту деятельности;
- допускаемые виды деятельности и фиксированные размеры уплачиваемых налогов (подходного налога и социального налога, включаемых в стоимость патента) определяются Правительством страны;
- деятельность осуществляется непосредственно самим предпринимателем без найма рабочей силы и без осуществления внешнеэкономической деятельности;
- сумма налогов вносится предпринимателем предварительно (в авансовом порядке);
- предприниматель освобождается от ведения бухгалтерского учета, представления налоговой отчетности и применения контрольно-кассовых машин;
- валовой доход предпринимателя за календарный год не может превышать пороговый доход – 100.000 сомони;
- в случае превышения порогового дохода предприниматель должен прекратить свою деятельность и использование данного налогового режима.

Индивидуальные предприниматели, функционирующие на основании свидетельства, имеют следующие характеризующие признаки:

- государственная регистрация предпринимателя осуществляется по месту жительства;
- допускается осуществление всех видов деятельности, за исключением деятельности, определенной Правительством страны;
- допускается наем рабочей силы и осуществление внешнеэкономической деятельности;
- налогообложение субъектов осуществляется по упрощенным налоговым режимам;
- валовой доход предпринимателя за календарный год не может превышать пороговый доход – 500.000 сомони;
- в случае превышения порогового дохода предприниматель должен прекратить свою деятельность и использование соответствующего упрощенного налогового режима.

Подобные признаки определены также для субъектов малого предпринимательства – юридических лиц, сельскохозяйственных производителей, субъектов игорного бизнеса, облагаемых налогами по упрощенной системе.

ГК РТ устанавливает, что граждане, без образования юридического лица осуществляющие предпринимательскую

деятельность без государственной регистрации, не вправе ссылаться в отношении заключенных ими сделок на то, что они не являются предпринимателями. По собственным обязательствам индивидуальный предприниматель отвечает всем своим имуществом, за исключением имущества, на которое по закону не может быть обращено взыскание.

Различные установленные законодательством требования в отношении юридических лиц, а также недостаточное развитие рынка ценных бумаг и кредитной инфраструктуры в Таджикистане обусловили преобладание выбора организационно-правовой формы «общество с ограниченной ответственностью» действующими коммерческими, в том числе достаточно крупными, организациями.

Кроме того, большая часть таких обществ фактически имеют единого (одного) учредителя, однако по результатам своей деятельности несут ограниченную ответственность (в отличие от индивидуальных предпринимателей). В США индивидуальный предприниматель – это индивидуальная собственность (the sole proprietorship). Собственник несет неограниченную ответственность своим имуществом по долгам его предприятия. В Англии – это единоличный предприниматель (the sole trader). Его ответственность также неограничена. Во Франции – это единоличное предприятие (entreprise individuelle). По долгам такого предприятия собственник также отвечает всем своим имуществом²⁰.

Для предпринимательской деятельности в форме юридического лица (в первую очередь, в форме обществ) национальным законодательством предусмотрен единый порядок их управления (органов управления), а также единые антимонопольные требования, вне зависимости от числа участников (акционеров), их состава и размера уставного капитала, что, наверно, не совсем правильно.

Считаем, что правовые формы, избранные субъектами предпринимательства при вхождении в рынок, организация их управления, а также предусмотренные для них режимы налогообложения и иные меры государственного регулирования не должны оказывать негативного воздействия на их предпринимательскую деятельность. Результаты такой предпринимательской деятельности должны зависеть от деятельности (дохода, прибыли) и имущества самих субъектов предпринимательства, а не от избранной формы предпринимательства и воздействия различных методов государственного регулирования. В этой связи может быть полезным изучение форм предпринимательства, установленных в законодательстве развитых рыночных стран.

Для обеспечения устойчивости деятельности субъектов предпринимательства Таджикистана в нынешний кризисный период необходимо скорейшим образом провести правовые реформы, решающие указанные выше проблемы вхождения в рынок (начало предпринимательской деятельности) и функционирования всех форм предпринимательства (индивидуальной или коллективной), создать, по мере возможности, равные условия деятельности для всех предпринимателей, повысить доступность информации государственных органов для предпринимателей, обеспечить обмен информацией между государственными органами, а также прозрачность и

20 Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. нормативных актов: гражданские и торговые кодексы: Учеб. пособие / Под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. – М., 1986; Германское право. Часть II. Торговое уложение и другие законы // Современное зарубежное и международное частное право. – М., 1996; Единообразный торговый кодекс США // Современное зарубежное и международное частное право. – М., 1996;

предсказуемость контрольной и иной деятельности государственных органов.

Кроме того, в кризисных условиях с учетом опыта других соседних государств желательно сократить расходы государственного бюджета, максимально снизить расходы предпринимателей, связанные с исполнением требований государственных органов, объявить мораторий на повышение ставок действующих налогов, повысить контроль за деятельностью государственных предприятий и учреждений.

Пристатейный библиографический список

1. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 6.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2006. – № 7.
3. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 5.
4. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – № 7.
5. Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1993. – № 14.
6. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 16.
7. Германское право. Часть II. Торговое уложение и другие законы // Современное зарубежное и международное частное право. – М., 1996.
8. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. нормативных актов: гражданские и торговые кодексы: Учебное пособие / Под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. – М., 1986.
9. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Часть 1. – Душанбе, 2009.
10. Единообразный торговый кодекс США // Современное зарубежное и международное частное право. – М., 1996.
11. Ершова И. В. Предпринимательское право. – М.: Юриспруденция, 2009.
12. Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): Учеб. для вузов. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА - М).
13. Кабышев О. А. Предпринимательский риск: правовые вопросы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.
14. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе: Издательство «Шарки озода», 2009.
15. Лаптев В. В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. – М., 1997.
16. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, Ирфон, 1972.
17. Предпринимательское право / Отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. – М.: Проспект, 2015.
18. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2000.
19. Предпринимательское право России: Учеб. для бакалавров / В. С. Белых, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко и др.; отв. ред. В. С. Белых. – Москва: Проспект, 2015.
20. Румынина В. В. Правовое обеспечение профессиональной деятельности. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.

<p>АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ</p> <p>Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Буюнова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Волкова Н.С., к.ю.н., научный секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Еремина О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Петюкова О.Н., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Райлян А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Серета А.В.</p>	<p>Социальная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования</p>	<p>BUSINES COURT ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <p>СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ</p> <p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p> <p>Ежемесячное пособие на ребенка</p> <p>Материнский (семейный) капитал</p> <p>Условия и порядок предоставления жилья</p> <p>Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям</p> <p>Правоприменительная практика</p> <p>Зарубежный опыт</p>
<p>BUSINES COURT</p> <p>ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОР» 119571, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9 Тел./факс (499) 749-77-16 www.del-dvor.ru del_dvor@bk.ru</p> <p>9 785915 501583</p>		

Панченко В. Ю., Краснова В. А.

ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО НЕДОПУЩЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕПЯТСТВИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ*

В статье правовой эксперимент рассматривается как действенный инструмент предотвращения возникновения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Авторы приходят к выводам о том, что тогда как в широком смысле под правовыми экспериментами следует понимать любые социальные (экономические, организационные и т.п.) эксперименты, которые регулируются правом (т.е. речь идет о правовой форме иных по своей природе экспериментов в обществе), в узком смысле собственно правовыми экспериментами (в понятийном значении этого термина) являются апробации изменений в правовой жизни, когда результат зависит именно от юридических условий, а предметом выступает правовая деятельность и ее отдельные виды, где в качестве средств используются правовые средства. Эксперименты правореализационного и правоприменительного (в т.ч. правоинтерпретационного) характера, когда нормы права как тексты формальных источников права остаются неизменными, зачастую носят не целенаправленный и программируемый (отвечающий всем правилам проведения эксперимента), а фактический характер, экспериментирование в правовой жизни приобретает характер поиска оптимального решения того или иного типа ситуаций, однако не отвечает всем признакам такового, прежде всего по наличию «обратной связи» и возможности сравнения результатов тех или иных решений. Правовые эксперименты могут выступать важнейшим средством недопущения и выявления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, будучи нацелены на совершенствование реализации права, оптимизацию правового регулирования; имея в качестве эталона модель правового регулирования, обеспечивающую беспрепятственную реализацию прав и законных интересов; обладая свойством регулятивного воздействия, но не имея охранительного характера; позволяя выявлять неправомерные интересы и цели субъектов права, лежащих в основе юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Правотворческие и правоприменительные эксперименты в правовой жизни российского общества должны проводиться научно обоснованно, системно, последовательно, поскольку правовой эксперимент выступает средством правовой политики, обладает всеми его признаками.

Ключевые слова: правовой эксперимент, правовые средства, юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, правовое регулирование, правовая политика, правовая жизнь.

Panchenko V. Yu., Krasnova V. A.

LEGAL EXPERIMENT AS AN INSTRUMENT OF PREVENTION OF LEGAL BARRIERS TO IMPLEMENTATION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

The article investigates a legal experiment as a working instrument of prevention of legal barriers to implementation of rights and legitimate interests. The authors come to conclusions that while in general meaning legal experiments could be described as any social (economic, organizational, etc.) experiments, which are regulated by law (i.e. the experiments that have a legal form, but another nature), in special meaning legal experiments themselves (according to the definition of the term) represent approbation of changes in legal life, results of which depend exceptionally on the legal conditions and the object is connected with legal activity in its various types, where legal instruments are involved. The experiments in the sphere of rights implementation and law enforcement (including legal interpretation), when legal norms as texts of formal sources of law remain the same, are often not purposeful and programmed (what is actually required to carry any experiment out), but factual; the experimentation in legal life is becoming the search for the most optimal solution for different cases, but does not satisfy all its features, because it provides a feedback connection and an opportunity to compare the results of particular decisions. Legal experiments could act as the most important instruments of prevention and identification of legal barriers to implementation of rights and legitimate interests, being aimed at improvement of rights implementation, and optimization of legal regulation; having as an example the model of legal regulation, which provides unobstructed implementation of rights and legitimate interests; obtaining the regulatory nature, not the preventive one; helping to detect unlawful interests and aims of legal subjects that causes occurrence of legal barriers to implementation of rights and legitimate interests. Law making and law enforcement experiments must be conducted within the legal life of Russian society in scientifically substantiated, systematic and gradual way, since the legal experiment itself is an instrument of legal policy, satisfying all its necessary qualifications.

Keywords: legal experiment, legal instruments, legal barriers to implementation of rights and legitimate interests, legal regulation, legal policy, legal life.

Социальный эксперимент может быть охарактеризован как эмпирический метод исследования, так как он необходимо предполагает наблюдение и предметно-орудийную практическую деятельность по изменению предметов материального мира. Социальный эксперимент, будучи особым методом по-

знания, оказывает реальное воздействие на жизнь людей, способен изменять субъектно-объектные свойства человека¹.

Особой разновидностью социальных экспериментов выступают правовые эксперименты.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект №14-33-01293.

1 См.: Логиновских Т. А. Социальный эксперимент как форма инновационной практики: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. – С. 6.

Панченко В. Ю.

Краснова В. А.

Под правовым экспериментом понимается организованная компетентными органами апробация предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия². Правовой эксперимент рассматривается как важный инструмент в повышении эффективности правового регулирования общественных отношений, позволяющий избежать правотворческих ошибок, которые могут привести к серьезным негативным социально-экономическим последствиям, выбрать наиболее перспективный вариант правотворческого решения, и выступает одним из средств реализации принципа научности правотворческой деятельности³.

Правовые эксперименты могут быть утопическими, когда они «работают» на достижение цели, противоречащей закономерностям общественного развития, либо возлагают на правовые средства такой социально-преобразовательный потенциал, которым последние в принципе не обладают (правовой идеализм), либо реальными (реалистическими), в основе которых лежат образы будущей социальной реальности, представленной в различных формах конструктивных связей и отношений; они проводятся в различных областях социальной жизни, их целью выступает исследование инновационных процессов на практике; они максимально приближены к реальной жизни, адекватно отражают те социальные связи и отношения, явления действительности, которые необходимо исследовать и преобразовать в ходе эксперимента; их особенностью является локальность, ограниченность во времени и пространстве⁴.

В широком смысле под правовыми экспериментами следует понимать любые социальные (экономические, организационные и т.п.) эксперименты, которые регулируются правом (т.е. речь идет о правовой форме иных по своей природе экспериментов в обществе).

Так, в последнее десятилетие в различных регионах России были осуществлены и реализуются до сих пор многочисленные пилотные проекты, целью которых является предварительное изучение ситуации, экспериментальная проверка правильности разработанных решений по изменению хозяйственной практики и готовности к реализации и осуществлению полномасштабного реформирования в различных отраслях и сферах. Например, в Республике Татарстан в 2010 г. создан фонд финансирования капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на базе Государственного казенного учреждения «Главное инвестиционно-строительное управление Республики Татарстан», утвержден Порядок накопления и использования денежных средств этого фонда. Программа пилотного проекта в 2010 г. была выполнена, была доказана действенность разработанного механизма⁵. На сегодняшний момент результаты такого эксперимента вводятся во всех регионах Российской Федерации.

В 2008 г. в трех регионах России (Кемеровской, Самарской и Калужской областях) осуществлены пилотные проекты по созданию единого кадастра недвижимости, которые позволили выстроить систему налогообложения недвижимости, а также сделали информацию о земельных участках более доступной. Новый кадастр послужил базой для формирования единого налога на недвижимость, который объединил сразу три налога: земельный налог, налог на имущество физических лиц и на имущество юридических лиц⁶. В настоящее время результаты данного проекта распространились на всей территории Российской Федерации.

В соответствии с поручением Президента России от 22 августа 2013 г. № Пр-2191 и поручением Губернатора Ростовской области от 25 сентября 2013 г. Правительством Ростовской области совместно с Агентством стратегических инициатив реализуется пилотный проект по сокращению прохождения разрешительных процедур в сфере земельных отношений и строительства, включая подключение к объектам коммунальной и инженерной инфраструктуры (далее – пилотный проект). Пилотный проект направлен на снижение административных барьеров и улучшение предпринимательского климата в Ростовской области. По результатам принятых в 2014 г. Правительством Ростовской области решений, в целях успешного внедрения пилотного проекта на всей территории области муниципалитетам рекомендовано принять нормативные акты о создании рабочих групп по мониторингу и сопровождению пилотного проекта и опубликовать на сайтах муниципалитетов контактные данные лиц, ответственных за его реализацию⁷.

В качестве примеров правового эксперимента в литературе приводят введение Единого государственного экзамена⁸ и множество других. Однако возникает закономерный вопрос о том, в чем заключается собственно правовое содержание данных видов социальных экспериментов, кроме внешней формы, правового регулирования иных по своей природе видов человеческой деятельности (экономической, образовательной и др.).

Поэтому в узком смысле собственно правовыми экспериментами (в понятийном значении этого термина) являются апробации изменений в правовой жизни, когда результат зависит именно от юридических условий, а предметом выступает правовая деятельность и ее отдельные виды, а в качестве средств используются правовые средства. Это не означает, что иные условия, имеющие неправовую природу, не оказывают влияния на изменения в правовой сфере жизни общества, однако такое влияние вторично, влияние правовой жизни на иные сферы общественных отношений оказывается более значимым, нежели обратное.

Одним из наиболее интересных правовых экспериментов новейшего периода стал эксперимент по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам. Данный правовой эксперимент являлся федеральным, основным, проективным, последова-

2 См., напр.: Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / Под ред. В. И. Никитинского и И. С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 26.

3 Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 14.

4 См.: Логиновских Т. А. Указ. соч. – С. 52–53.

5 Файзуллин И. Э. Реальная модернизация коммунального хозяйства: из опыта работы Республики Татарстан // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gkh.ru/journals/4133/61206/> (дата обращения: 04.03.2015).

6 Кадастр недвижимости станет инструментом налогообложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ocenchik.ru/news/258.html> (дата обращения: 04.03.2015).

7 Инвестиционный портал Ростовской области: Пилотный проект «Сокращение прохождения разрешительных процедур в сфере земельных отношений и строительства, включая подключение к объектам коммунальной и инженерной инфраструктуры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://invest-don.com/ru/new_element_287/ (дата обращения: 04.03.2015).

8 Ельцов В. Н. Указ. соч. – С. 68.

тельным, решающим, среднесрочным правовым экспериментом в сфере юстиции. Во исполнение поручений Президента РФ от 25 октября 2004 г. № ПР-1730 и от 21 марта 2005 г. № ПР-464 было принято постановление Правительства РФ от 22 августа 2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам»⁹.

Путем правового эксперимента осуществлялось и развитие системы ювенальной юстиции, когда в ряде регионов с 1999 по 2005 г. реализовывались пилотные проекты Программы развития ООН «Поддержка осуществления правосудия по делам несовершеннолетних в Российской Федерации», «Развитие правосудия в отдельных регионах Российской Федерации»: были созданы службы социальных работников в Ростовской и Саратовской областях, в Санкт-Петербурге. В ряде регионов, участвовавших в эксперименте, апробирование элементов ювенальных технологий не получило дальнейшего развития в связи с окончанием финансирования проектов¹⁰, в других выработанные и проверенные технологии работы успешно используются по сей день.

Аналогичным образом в Беларуси в порядке правового эксперимента была апробирована внесудебная медиация¹¹, в России этого сделано не было, хотя многих проблем с внедрением медиации можно было бы избежать¹².

Пилотные проекты в правовой жизни общества, в основе которых лежат методы эксперимента, позволяют увидеть

на локальных участках правовой жизни определенные недостатки, упущения, неточности в правовом регулировании, своевременно внести соответствующие корректировки. В ряде случаев анализ и оценка пилотных правовых проектов может показать, что в настоящий момент регион, группа регионов, страна в целом просто не готовы к успешному внедрению того или иного правового регулирования в качестве общеобязательного, выявить необходимость выхода за пределы собственно правового эксперимента, ориентировать на поиск других средств – проведение организационно-экономических мероприятий, от которых зависит эффективность реализации подвсегошихся эксперименту правовых положений.

В юридической литературе правовой эксперимент, как правило, рассматривается как результат правотворческой деятельности¹³.

В то же время в недостаточной степени исследуются эксперименты правореализационного и правоприменительного (в т.ч. правоинтерпретационного) характера, когда нормы права как тексты формальных источников права остаются неизменными, но в рамках правоприменительного усмотрения меняется практика их применения – судебная, административная и иная, либо субъекты права искусственно создают правовые ситуации для выяснения того, какое правоприменительное решение будет принято в том или ином случае.

Это не случайно, поскольку правореализационные и правоприменительные эксперименты зачастую носят не целенаправленный и программируемый (отвечающий всем правилам проведения эксперимента), а фактический характер, экспериментирование в правовой жизни приобретает характер поиска оптимального решения того или иного типа ситуаций, однако не отвечает всем признакам такового, прежде всего по наличию «обратной связи» и возможности сравнения результатов тех или иных решений.

Понимая под юридической практикой объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел¹⁴, можно заключить, что типичным примером фактического правового экспериментирования является различие в практике применения того или иного положения нормативного акта в разных регионах, разных федеральных арбитражных округах до того момента, пока высшая судебная инстанция не высказала свою правовую позицию по этому вопросу. Последнюю же в этом случае можно рассматривать, хотя и с известной долей условности, в качестве субъекта правового эксперимента, который, формируя позицию, обобщает те или иные тенденции, сложившиеся в юридической практике.

Так, суды лишили закон о лизинге его сути – обязанности полного возмещения инвестиционных затрат. В судебной практике применения гражданского законодательства, регулирующего коммерческие отношения, не так часты принципиальные повороты, ниспровергающие теоретические основы, если это не обусловлено изменением самого законодательства.

9 Постановление Правительства РФ от 22 авг. 2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 35. – Ст. 3615.

10 Первые шаги ювенальной юстиции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/pervye-shagi-juvenalnoj-justitsii-v-rossii> (дата обращения: 04.03.2015).

11 Концепция правового эксперимента (пилотного проекта) развития внесудебной медиации как средства урегулирования правовых и иных конфликтов была разработана в начале 2011 г. Основными целями пилотного проекта являлись: апробирование на практике внесудебной медиации, определение ее эффективности и перспектив развития наряду с уже зарекомендовавшим себя судебным примирением, а также создание корпуса белорусских профессиональных медиаторов. В целом внесудебными медиаторами и рекомендуемыми лицами в рамках пилотного проекта проведено свыше 200 примирительных процедур, из которых более половины завершены примирением сторон. Главным итогом эксперимента по развитию медиации в Беларуси можно считать обретение уверенности в возможности параллельного функционирования в системе хозяйственного судопроизводства как судебных, так и внесудебных медиаторов. Внесудебные медиаторы могут дополнять судебных и, отвечая задачам хозяйственного судопроизводства, способствовать урегулированию наиболее сложных хозяйственных споров. См.: Медиации быть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://union.by/event/orgstructur/e8b3184a9c62f79a.html> (дата обращения: 04.03.2015).

12 Верховный Суд РФ в результате обобщения практики применения закона о медиации, пришел, в частности, к выводам о том, что процессуальными препятствиями для более частого и эффективного использования института примирения в гражданском и арбитражном процессе являются короткие сроки рассмотрения дел, небольшие размеры государственной пошлины, уменьшение судами расходов на оплату услуг представителя, отсутствие института обязательной медиации, отсутствие у судей права направлять лиц, участвующих в деле, на обязательное прохождение процедуры медиации, неурегулированность процессуальным законодательством вопроса о течении процессуальных сроков на период прохождения сторонами процедуры медиации. См.: Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 апр. 2015 г.) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

13 Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. – 1966. – № 1. – С. 17–23; Никитинский В. И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. – 1967. – № 6. – С. 26–34; Смирнов О. В. Социально-правовой эксперимент и регулирование общественных отношений // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 21–28.

14 Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. I. – М.: «Юридическая литература», 1981. – С. 340.

Сейчас отмечается именно такой принципиальный поворот в применении законодательства при разрешении споров о лизинге. Резкое изменение арбитражной практики произошло в 2009 г., и оно не было вызвано объективными причинами, потому что законодательство не изменялось. В период кризиса суды повернулись в сторону лизингополучателей. Суды стали принимать решения о взыскании денежных средств с лизинговых компаний – кредиторов в пользу лизингополучателей – должников¹⁵.

28 июня 2012 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». В пункте 2 указанного Постановления содержится не совсем определенная информация об отнесении страхования к регулированию Закона «О защите прав потребителей». Произошел буквально революционный переворот в судебной практике по гражданским спорам о взыскании страховых выплат, но в ходе практики страховые компании не брали во внимание данный пункт закона, а суды обязывали к возмещению всех затрат¹⁶.

Неодинаково в судебной практике решалась и проблема признания права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок за профессиональными участниками рынка взыскания задолженности – коллекторскими агентствами, а также вопрос об определении размера компенсации при нарушении права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебных актов в разумный срок. Размеры взыскиваемых компенсаций существенно различаются¹⁷. Так, размер компенсации, присуждаемой судами общей юрисдикции, также колеблется между 10 000 руб. и 120 000 руб.¹⁸

Такое фактическое правовое экспериментирование было бы гораздо более эффективным в случае, если бы отвечало всем требованиям, предъявляемым к экспериментам как познавательным средствам, прежде всего по наличию контрольной группы общественных отношений, не подвергавшейся изменениям, и связанной с этим возможности сравнения результатов, выявления факторов, способствующих либо препятствующих поставленным правовым целям.

Правовые эксперименты могут выступать важнейшим средством недопущения и выявления юридических препятствий в реализации конституционных прав и законных интересов в силу следующего.

Во-первых, правовые эксперименты, несмотря на свой, в основном, правотворческий характер, нацелены на совершенствование реализации права, оптимизацию правового регулирования.

Во-вторых, как и в любом социальном экспериментировании, для правового эксперимента необходим эталон – такая модель правового регулирования той или иной области обще-

ственных отношений, которая выражает общие свойства процессов правовой жизни и обладает качественно новой, высшей структурной организацией, более совершенной формой, максимумом практической полезности. Эталон создает противоречащую ситуацию в реальной правовой жизни¹⁹. Думается, есть все основания для признания в качестве эталона правовых экспериментов беспрепятственной реализации прав и законных интересов.

В-третьих, правовые эксперименты в плане правового воздействия на общественные отношения могут быть только регулятивного (позитивно-воздействующего) свойства, предоставлять субъектам права, участвующим в них, дополнительные правовые средства и механизмы реализации прав и законных интересов, но не могут носить охранительного (негативно-воздействующего) характера, поскольку в этом случае нарушается принцип юридического равенства.

В-четвертых, сама организация правовых экспериментов может служить средством выявления лежащих в основе юридических препятствий в реализации прав и законных интересов неправомерных интересов и целей различных субъектов права, их групп, когда последние оказывают сопротивление для экспериментального, а затем и повсеместного внедрения нового правового регулирования.

Правотворческие и правоприменительные эксперименты в правовой жизни российского общества должны проводиться научно-обоснованно, системно, последовательно²⁰, поскольку правовой эксперимент выступает средством правовой политики, обладает всеми его признаками, относится к группе специальных средств правовой политики наряду с концепциями, программами, юридической техникой, планированием, прогнозированием, правовым мониторингом, правовой экспертизой, систематизацией законодательства и т.д., которые призваны организовать правовую жизнь общества²¹.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. I. – М.: «Юридическая литература», 1981.
2. Гилянская Г. Суды лишили закон о лизинге его сути – обязанности полного возмещения инвестиционных затрат // Бухгалтерские вести. – 2011. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2011/02/03/Lizing_izmenenie_sudebno/ (дата обращения: 04.03.2015).
3. Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.
4. Инвестиционный портал Ростовской области: Пилотный проект «Сокращение прохождения разре-

19 См. об этом применительно к социальному эксперименту: Логиновских Т. А. Указ. соч. – С. 29.

20 По определению А. В. Малько, с которым мы солидарны, «правовая политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности». См.: Малько А. В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 42.

21 См., напр.: Панченко В. Ю., Петров А. А., Деменишин А. В. Правовая политика: базовый курс: учеб. пособие. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – С. 47.

15 Гилянская Г. Суды лишили закон о лизинге его сути – обязанности полного возмещения инвестиционных затрат // Бухгалтерские вести. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2011/02/03/Lizing_izmenenie_sudebno/ (дата обращения: 04.03.2015).

16 Солдатенко В. Ю. Изменение судебной практики по ОСАГО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravogrub.ru/cases/20820.html/> (дата обращения: 04.03.2015).

17 Решетникова И. В., Сирота Е. Г. Закон о компенсации: первый правоприменительный опыт. URL: <http://www.center-bereg.ru/01195.html> (дата обращения: 04.03.2015).

18 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 г. (утв. Президиумом ВС РФ 28.09.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

- шительных процедур в сфере земельных отношений и строительства, включая подключение к объектам коммунальной и инженерной инфраструктуры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://invest-don.com/ru/new_element_287/ (дата обращения: 04.03.2015).
5. Кадастр недвижимости станет инструментом налогообложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ocenchik.ru/news/258.html> (дата обращения: 04.03.2015).
 6. Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. – 1966. – № 1.
 7. Логиновских Т. А. Социальный эксперимент как форма инновационной практики: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011.
 8. Малько А. В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012.
 9. Медиации быть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://union.by/event/orgstruktur/e8b3184a9c62f79a.html> (дата обращения: 04.03.2015).
 10. Никитинский В. И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. – 1967. – № 6.
 11. О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам: Постановление Правительства РФ от 22 авг. 2005 г. № 534 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 35. – Ст. 3615.
 12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 г. (утв. Президиумом ВС РФ 28.09.2011). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 13. Панченко В. Ю., Петров А. А., Деменишин А. В. Правовая политика: базовый курс: учеб. пособие. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.
 14. Первые шаги ювенальной юстиции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/pervye-shagi-juvenalnoj-justitsii-v-rossii> (дата обращения: 04.03.2015).
 15. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / Под ред. В. И. Никитинского и И. С. Самоценко. – М.: Юрид. лит., 1988.
 16. Решетникова И. В., Сирота Е. Г. Закон о компенсации: первый правоприменительный опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/o1195.html> (дата обращения: 04.03.2015).
 17. Смирнов О. В. Социально правовой эксперимент и регулирование общественных отношений // Советское государство и право. – 1973. – № 11.
 18. Солдатенко В. Ю. Изменение судебной практики по ОСАГО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravorub.ru/cases/20820.html/> (дата обращения: 04.03.2015).
 19. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 апр. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 20. Файзуллин И. Э. Реальная модернизация коммунального хозяйства: из опыта работы Республики Татарстан // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера. – 2012. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gkh.ru/journals/4133/61206/> (дата обращения: 04.03.2015).

Абашидзе Аслам Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоник (Греция), Европейском межуниверситетском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН). Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член Всемирной ассоциации международного права. Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации. Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обзорватели». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. – член и вице-председатель Комитета по законности, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. – член Рабочей группы по провозглашению задержанием Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казакстан и т.д.) опубликовано более 300 работ.

**ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВОЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

А.Х. Абашидзе

Москва 2012

Магомедрасулова Р. Б. СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВА

В настоящей статье проведен анализ понятия социальной ценности права как составляющей части человеческой цивилизации, его инструментальной и собственной ценности. В статье также раскрыты понятие и основные свойства (признаки) права, определены сущность права, его стороны и проявления, как меры свободы и ответственности в обществе.

Ключевые слова: право, нормы, социальная ценность, общество, индивид.

Magomedrasulova R. B. THE SOCIAL VALUE OF LAW

In the present article the concept of social value of law as a part of human civilization, its instrumental and inherent value are analyzed. The author also discloses the concept and basic properties (characteristics) of law, defines the essence of law, its aspects and manifestations, as a measure of freedom and responsibility in society.

Keywords: law, norms, social values, society, individual.

Магомедрасулова Р. Б.

Наше общество является продуктом взаимодействия людей, представляющим собой сложную, саморазвивающуюся систему связей индивидов, объединенных экономическими, семейными, групповыми, этническими, сословными и тому подобными отношениями и интересами. При всей сложности структуры общества и разнообразии его составных частей общество не может существовать без упорядочения и стабилизации хотя бы тех отношений, которые связаны с разделением труда и хозяйственной деятельностью. Таким феноменом, организующим, регулирующим и упорядочивающим общественные отношения, является право.

Право — один из видов регуляторов общественных отношений; система общеобязательных, формально-определённых, гарантированных государством правил поведения, регулирующих общественные отношения. Право — безусловно, величайшее изобретение человечества, не менее значимое для его развития, чем колесо или компьютер. И, стало быть, является одной из высших человеческих ценностей.

Право по своим свойствам — такой социальный феномен, который вызван потребностью внести в социальную жизнь нормативные начала, организованность и порядок, основанные на началах социальной свободы, активности, ответственности, и потому по своей природе оно сопротивляется произволу и беззаконию. В современных исторических условиях становится все яснее, что право перестанет выполнять свою регулятивную и стабилизирующую роль, т. е. утратит свою значимость, социальную ценность, если будет пониматься всеми, особенно в государственных структурах, по-разному. И новый импульс к поиску того, что представляет собой право или чем оно должно быть, дает закрепленная в Конституции страны ориентация на построение правового государства. И вовсе не случайно во все исторические эпохи реакционные политические режимы на деле неизменно выступали в качестве противников права и законности. Именно как явление, противостоящее произволу и беззаконию и в то же время обеспечивающее простор для упорядоченной социальной свободы и активности, право само по себе — занимает высокозначимое место в социальной жизни, выступает как фактор социального прогресса. При этом, понятно, собственная ценность права прямо обусловлена его социальной природой и весьма существенно зависит от этапа развития общества, стадии цивилизации, характера политического режима и соответственно от стадии его

«гуманитарного восхождения» — движения от права сильного к праву гражданского общества.

Конкретное определение права зависит от типа правового понимания, которого придерживается тот или иной учёный (то есть его представлений о праве). В то же время определения различных школ позволяют наиболее полно представить право. Поэтому для развития правовой науки особенно важен плюрализм, которого не всегда удаётся добиться в силу традиционной близости этой отрасли знаний к государственной власти.

В некоторых определениях или контекстах право может сливаться с системой права (объективным правом или просто с законодательством), либо с правовой системой.

При этом право как система права находит выражение в источниках права, а её правовое содержание определяется нормами права. Когда же говорится о праве как о правовой системе, помимо системы права обычно подразумеваются и другие правовые явления: правовая культура, правосознание и правореализация.

В связи с развитием направления философской мысли, называемого аксиологией (учением о ценностях), стало возможным охарактеризовать место и роль права в жизни общества более четко и основательно.

Право в обществе в условиях цивилизации с аксиологической точки зрения — это не только необходимость, средство социального регулирования, но и социальная ценность, социальное благо.

Исходным для понимания права в этом качестве являются его особенности как институционального образования. Благодаря своей институциональности право обладает рядом высокозначимых свойств — общеобязательной нормативностью, формальной определенностью, высокой обеспеченностью и другими, раскрывающими его миссию существенной социальной силы общества, носителя значительной социальной энергии.

Право — это обусловленная природой человека и общества и выражающая свободу личности система регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения. Основное назначение права заключается в том, чтобы быть мощным социально-нормативным регулятором, определите-

лем возможного и обязательного поведения индивидов и их коллективных образований.

Причем обязательность права, в отличие от всех других социальных регуляторов, обеспечивается возможностью государственного принуждения, правовые положения становятся для всех тех, к кому относятся, общеобязательным правилом (нормой) поведения.

Эти основные характеристики права и составляют сущность права, его устойчивое ядро, какими бы ни были эти правила у тех или иных народов, в те или иные времена. Право имеет закономерные связи с экономикой, политикой, нравственностью и особенно глубокие связи с государством. Все эти связи так или иначе выражаются в его признаках. Право построено на трех «китах». Это нравственность, государство, экономика. Принципы права можно определить как руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе. Принципы права определяют пути совершенствования правовых норм, выступая в качестве руководящих идей для законодателя. Сущность и социальное значение права проявляются в его функциях. Функции права — обусловленные социальным назначением права направления правового воздействия на общественные отношения. Функции права есть наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные отношения, в которых раскрывается общечеловеческая и классовая природа и социальное назначение права. В юридической науке понятие «функция» характеризует социальную роль государства и права. Почти вековой опыт активного использования понятия «функция права» на сегодняшний день не позволяет констатировать наличие единого взгляда на эту проблему. Если синтезировать многочисленные точки зрения, то можно сделать вывод, что под функцией права понимают либо социальное назначение права, либо его направления правового воздействия на общественные отношения, либо и то, и другое вместе взятое. Выделяют две группы функций права:

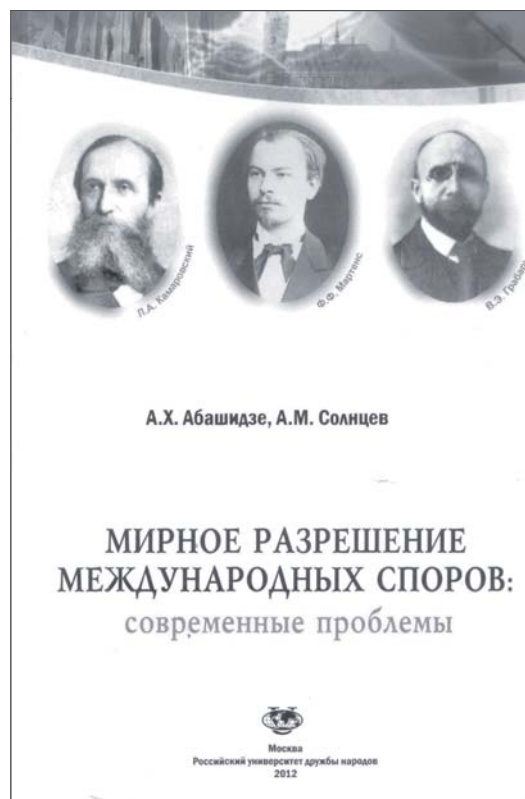
1. Общесоциальные функции;
2. Специально-юридические функции.

Развитие ценности права, конкретных правовых ценностей выражается в правовом прогрессе, т. е. в прогрессе самого права. Таким образом, можно утверждать, что социальная ценность права не исчерпывается возможностями или способностями, заложенными в его свойствах.

Не менее существенно то, что право во второй своей ипостаси представляет собой глубинный элемент общественной жизни, не только призванный реализовать ряд основополагающих требований цивилизованного общества, но и вбирающий в себя ценности цивилизации и культуры. Более того, он сам становится такой в высшей степени значимой ценностью, что решающим образом зависит от стадии «восхождения» права, характера и глубины его гуманитарного содержания. Это связано как раз с характеристикой права в качестве социального феномена, обладающего инструментальной и собственной ценностью. В российском обществе существует острая потребность в том, чтобы право выступало в качестве исторического преемника позитивных правовых ценностей, достижений юридической культуры, всего того, что может обеспечить совершенный, развитый характер социального регулирования в его движении к современному гражданскому обществу.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллабекова А. Э., Магомедрасулова Р. Б. Особенности развития правовой системы в советский период // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
2. Бондаренко В. Н. Онтологические пределы права (постановка проблемы) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10.
3. Бондаренко В. Н. Принципы философского постижения права // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 2.
4. Магомедрасулова Р. Б. Внутригосударственное политическое пространство (сравнительный анализ концепций) // Известия Сочинского государственного университета. — 2013. — № 3.
5. Алексеев В. В. Теория права. — М., 2005.
6. Лазарев В. В. Общая теория права и государства. — М., Юрист, 2006.
7. Лившиц Р. З. Теория права. — М., 2014.
8. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений. — М., 1996.

Мусаева А. Г.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ ГОСУДАРСТВА (ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ) ОТ ИНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

В современной юридической науке субъекты права объединены понятием «лицо». Чаще всего в этом качестве выступают физические и юридические лица. В данной статье раскрываются особенности других субъектов гражданского права, в частности государства Российской Федерации (публично-правовое образование) как субъекта гражданского права.

Ключевые слова: Российская Федерация, государство, субъекты права, физические и юридические лица, публично-правовое образование.

Musaeva A. G.

DIFFERENCES BETWEEN THE STATE (PUBLIC LAW ENTITY) AND OTHER LEGAL ENTITIES

In modern legal science the subjects of law are unified under the concept of person. Most often physical and legal persons act in this capacity. This article describes the characteristics of other subjects of civil law, in particular the state of the Russian Federation (public law entity) as a subject of civil law.

Keywords: Russian Federation, the state, the subjects of law, natural and legal persons, public legal education.

Мусаева А. Г.

Одним из важных вопросов в праве является вопрос о субъекте права, который имеет определенные права, обязанности и интересы. Соответственно, рассмотрение интереса только как психологического явления сужает круг его носителей до физических лиц, которым свойственно проявление сознания, и их сообществам, в которых могут формироваться согласованные интересы. Однако для юридической области субъектами вполне могут являться и отдельные организации, именуемые юридическими лицами, органами и т.д.

Субъекты в частном праве объединены понятием «лицо». В данной категории, соответственно, выделяются юридические и физические, а также публичные образования, являющиеся особыми субъектами. В перечне объектов гражданского правоотношения наряду с гражданами и юридическими лицами (ст. 2.124 ГК), выделяется особая категория субъектов гражданского права: Российская Федерация и ее субъекты — республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские и сельские поселения и другие муниципальные образования — составляют наряду с физическими и юридическими лицами еще одну группу субъектов гражданского права. Государство, государственные и муниципальные образования являются носителями таких гражданских прав, как право собственности. Они могут быть стороной договоров, регулируемых нормами гражданского права, например, стороной договора дарения, по которому гражданин передает в собственность государства какие-либо ценности или произведения искусства. К государству гражданские права могут переходить и иным путем, в частности, по праву наследования по закону или по завещанию.

Во всех этих случаях от имени Российской Федерации и ее субъектов действуют органы государственной власти, например, Министерство финансов Российской Федерации, комитеты по управлению государственным имуществом, а от имени муниципальных образований — органы местного самоуправления в пределах своей компетенции. В отдельных случаях от имени государства, государственных и муниципальных образований могут выступать юридические лица и граждане (ст. 125 ч. 1 ГК РФ).

Государство как носитель суверенитета едино и неделимо (не может существовать двух суверенов на одной и той же территории). Соответственно, государство в гражданском обороте может рассматриваться как единый и единственный субъект.

В то же время Российская Федерация является многоуровневым образованием. Это связано как с множественностью функций, выполняемых государством в современную эпоху, так и с особенностями именно Российской Федерации, колоссальные размеры территории которой и многообразие культуры и быта населяющих ее людей уникальны. Рассматривать государство только как единого и неделимого субъекта ни в публичном, ни в гражданском праве при таких обстоятельствах нельзя. Государство подразделяется на субъекты различных еровней — Российскую Федерацию, субъекты Федерации и муниципальные образования (города, районы, села, поселки, деревни и т.д.).

Подобная многоуровневость должна учитываться при анализе правосубъектности государства и государственных (муниципальных) образований. Но она важна не всегда. Гражданское законодательство исходит из того, что в целом участие государства и его частей в гражданском обороте строится на одинаковых принципах. Имеются, однако, и различия. Поэтому в дальнейшем сказанное о государстве распространяется на все государственные (муниципальные) образования, если иное особо не оговорено.

Государство как носитель власти. Государство, как и другие субъекты гражданского права, может участвовать в гражданско-правовых отношениях. И в этом смысле оно обладает правоспособностью. Однако его правоспособность обладает рядом особенностей, связанных с тем, что оно является также и главным субъектом публичного права, носителем власти. Эти особенности концентрированно выражают свойство суверенности, присущее государству.

Государство осуществляет власть. Но функция властвования свойственна и другим субъектам. Властвует работодатель над своими работниками, родители над своими детьми, сообщества над своими членами. Однако среди них государство выделяется как единственная власть, обладающая суверенитетом. На определенной территории повеления государства преобладают.

дают над всеми иными властными велениями. Это преобладание воплощается в независимости государства от кого бы то ни было и составляет главный признак его суверенитета.

Суверенитет имеет как внутреннее, так и внешнее проявление. В пределах своей территории государство олицетворяет наивысшую власть. Никто не может вмешиваться во внутренние дела государства, если только иное не вытекает из общих принципов международного права. Вне суверенитет проявляется как независимость данного государства от других государств и иных субъектов международного права.

Государство как суверен обладает свойствами, которые превращают его в особого субъекта гражданского права.

Это особое положение отражает две противоположные тенденции. С одной стороны, необходимость уравнивания государства в отношениях с субъектами частного права, не обладающими властными полномочиями, а с другой — использование этих полномочий для направления хозяйственного развития в определенное русло. Первая тенденция отражена в ГК в качестве общего принципа. Согласно п. 1 ст. 124 ГК государство участвует в гражданско-правовых отношениях на равных с другими субъектами началах. Иными словами, оно заранее отказывается от своего особого положения как суверена в частно-правовых отношениях. И тем не менее во многих других нормах Кодекса (см., напр. ст. 445 ГК) и в иных правовых актах полномочия государства по вмешательству в гражданско-правовые отношения достаточно широки.

Государство как лицо. В этом качестве оно существует в рамках как публичного, так и частного права. При этом для современного правопонимания характерно отрицание заимствования частноправовых конструкций для характеристики публично-правовых феноменов и наоборот. То, что государство является субъектом публично-правовых отношений, особых сомнений не вызывает. В данных отношениях оно действует не как частноправовой субъект, и потому нельзя заимствовать какие-либо гражданско-правовые характеристики для описания государства как субъекта публичного права. В рамках этих отношений государство выступает как носитель публичной власти.

В отношениях, регулируемых частным правом, государство не обладает властными полномочиями. Здесь оно подчинено общим принципам гражданского права. Таким образом, происходит своеобразное «расщепление» личности государства в зависимости от природы отношений, в которых оно участвует.

И тем не менее властная (публично-правовая) сущность государства дает о себе знать и в гражданском праве. Она выражается в особом характере государства как субъекта гражданского права, поскольку оно, будучи организацией, не признается тем не менее юридическим лицом. В этом специфика правового положения государства в российском гражданском праве, где классификация субъектов предстает как трехчленная — физические лица, юридические лица и особое лицо — государство. Подчеркивая особенность государства как субъекта частного права, его тем самым выводят из общего ряда субъектов. Вместе с тем конструкция «особого лица» таит в себе и ряд проблем.

Следуя этой трактовке, необходимо пояснять, в чем состоят особенности государства как субъекта гражданского права. Однако законодатель идет по иному пути, распространяя на государство нормы, которые определяют участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов (п. 2 ст. 124 ГК). Таким образом, государство приравнено к юридическому лицу, но не названо таковым.

Правоспособность государства не может быть тождественна правоспособности различных физических и юридических лиц. В чем-то она шире, а в чем-то — уже. Ряд возможностей может принадлежать только государству, например, приобретать имущество, не имеющее наследников, или выпускать государственные ценные бумаги. Выделена также особая сфера отношений, в которые, исходя из их природы, могут вступать и другие субъекты гражданского права, однако это им прямо запрещено. Такая сфера обычно называется государственной монополией. Например, устанавливается государственная монополия на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров. В то же время некоторые возможности, например, передавать имущество по наследству, заключать отдельные виды договоров (договор коммерческой концессии и др.), иметь свое имя, ему недоступны. Однако это только количественные различия. Но есть и различия качественные.

Поэтому правоспособность государства можно назвать целевой — она вытекает из той функции носителя публичной власти, которую в интересах всего общества выполняет государство. Таким образом, государство, вступая в гражданский оборот, должно следовать своему предназначению. Оно не может, к примеру, наживаться на своих гражданах, неосновательно освобождать себя от ответственности и т. д. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). Ряд обязанностей государства, касающихся его участия в гражданском обороте, вытекают и из других норм Конституции.

Государство как таковое не способно своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, а также создавать и исполнять обязанности. От его имени всегда действуют государственные органы, как являющиеся юридическими лицами, так и не признанные таковыми, в рамках которых действуют должностные лица. Именно их сознание и воля позволяют действовать государству как субъекту права.

Подводя итог, следует отметить, что исследование природы и содержания интереса публичных образований представляет собой весьма серьезную проблему теории права. Но и без детального анализа очевидно, что он носит диалектически противоречивый характер, содержит в себе глобальные, национальные (общественные) и частные компоненты.

Интересы данных лиц порой оказываются тесно переплетенными до такой степени, что в ряде случаев сложно понять, является то или иное поведение субъекта права направленным на реализацию частного интереса, или же осуществляется в интересах всего общества. Так, современное государство оказывается связанным не только внутренними социальными факторами, но и влиянием социальности и экономики в мировом масштабе.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулгамидова Д. А. Специфика правового статуса юридического лица // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 3.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. — М.: Юрид. лит., 1982. — Т. 2.
3. Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. — Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1972.
4. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система — общие вопросы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.

Фастович Г. Г.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА: ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА, КРИТЕРИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы развития института эффективности государственного механизма. Автор обращает внимание на правовые средства, выступающие основными звеньями государственно-правового механизма, обеспечивая его результативность. Уделено внимание основным критериям и перспективам оптимизации российского государственного механизма.

Ключевые слова: государственный механизм, эффективность права, правовые средства, государственная политика, интересы общества.

Fastovich G. G.

THE EFFICIENCY OF STATE MECHANISM: LEGAL TOOLS, CRITERIA, RESEARCH PROSPECTS

In this article the issues of development of the institute of state mechanism efficiency are considered. Author pays attention to legal tools which are the basic elements of state-legal mechanism that provide its performance. The attention is also paid to the main criteria and to the prospects for optimization of the Russian state mechanism.

Keywords: state mechanism, the efficiency of law, legal tools, state policy, the interests of society.

Фастович Г. Г.

Российская Федерация в настоящий момент переживает период радикальных преобразований государственного и общественного устройства. Кризисные явления в политической и экономической сферах, в области национально-государственных отношений вызвали необходимость проведения дальнейшего исследования правовых основ функционирования государственной власти и состояния гражданского общества. В этой связи перед наукой теории права и государства неизбежно встают вопросы о том, что представляет собой эффективное действие механизма государства? Какими основными чертами и признаками должно обладать такое состояние государственного механизма? Какова его роль в построении правового государства и место в этой модели свободно функционирующего гражданского общества?

В свою очередь, проблема эффективности государственного механизма, определение критериев такой эффективности, качественное состояние правовой государственности привлекает внимание многих ученых-юристов¹. Очевидно, это вызвано не только стремлением найти теоретическое решение этой проблемы, но и необходимостью определить новые подходы к развитию российской правовой системы. Так, развитие государства, его основных правовых начал невозможно без совершенствования таких правовых институтов, как: правовая культура человека, правовая инициатива личности, демократия, возможность участия граждан в управлении делами государства.

Научный поиск эффективности государственного механизма позволяет установить обновленные качества форм, методов, средств деятельности государства, рационального преобразования российского общества. Кроме прочего, правовая жизнь современной России требует методологического осмысления вопросов совершенствования государственного механизма, в результате чего происходит и переориентация теоретической модели частно-государственного партнерства. Назрела необходимость в качественно новом категориальном аппарате при исследовании института государственного механизма. Важно задействовать такие методы, как историко-правовой, социологический, статистический. Эти методы позволят рассмотреть государственный механизм в динамике, путем определения его места в контексте развития политической и экономической системы, укрепления основ российской правовой системы в пределах правовой карты мира.

Степень эффективности механизма государства, его преимущества и недостатки по сравнению с другими правовыми категориями находятся в прямой зависимости от состояния гражданского общества, системности правотворчества и состояния правовой культуры общества. Динамика эффективной деятельности государства определяется легитимностью и состоянием доверия граждан к государственной власти, а ее уровень соизмеряется качеством механизма правового регулирования и достижением социальных благ, законных интересов людей. Но, с другой стороны, эффективное государство способно выступить ценностью правовой системы общества, компонентом системы обеспечения естественных прав человека и гражданина. Такое качество государства можно расценивать как гарантию правового порядка и развитого гражданского общества.

Сегодня назрела потребность в обновленной теории таких правовых средств, как «государственный механизм», «эффективность права», «критерии эффективности», «законность», «функции государства». Эти сформированные в прошлом столетии дефиниции уже не в полной мере соответствуют представлениям и социальным ожиданиям российской общественности. Следствием и качественными показателями разрыва

¹ См., напр.: Затонский В. А. Эффективная государственность // Вестник Самарской государственной экономической академии. – 2003. – № 1. – С. 36–45; Малько А. В., Затонский В. А. Ответственность публичной власти как способ повышения эффективности российской государственности // Правоведение. – 2008. – № 1. – С. 32–39; Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // История государства и права. – 2009. – № 4. – С. 12–24; Тепляшин И. В., Фастович Г. Г. Место и роль органов местного самоуправления в эффективной деятельности государственного механизма современной России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 12. – С. 21–24 и др.

«устаревшей теории» и современной правовой действительности является недостаточное внимание юридической науки к этим вопросам и институтам.

«Эффективный» означает «действенный, приводящий к нужному результату». Эффективность правового регулирования можно рассматривать как степень результативности объективного права и выполнение целевых установок (правовых норм, текущего законодательства). Существенным моментом эффективности выступают качественные критерии правотворческой деятельности, степень влияния законов и иных правовых норм на установление правопорядка, на гарантированную реальную защиту прав и свобод человека. Далее процесс правового регулирования в обществе начинается с постановки целей. Эффективность правовой нормы определяется тем, насколько ее реализация способствует достижению целей, поставленных перед правовым регулированием². При этом цели служат исходным фактором, детерминирующим процесс правового воздействия. Именно с постановки целей начинается этап правотворчества, законодательной деятельности. Вместе с тем цель – это идеальный образ, субъективная форма будущей действительности, которая является гарантом укрепления конституционного устройства в государстве и поддержания достигнутого уровня правопорядка.

Наряду с этим для эффективной реализации цели необходимы соответствующие средства. Как отмечал Гегель, цель «смыкает себя через некоторое средство с объективностью... Цель есть всеобщее, руководящее, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых соответствует этим целям»³. Следует отметить, что через средства цель приобретает реальную, конкретную форму реализации, а следовательно, обеспечивает конкретную меру эффективности государственного механизма. Правовые средства подразделяются на общие и специфические. Качественными показателями общих средств являются формальная определенность, нормативность, общеобязательность, обеспеченность государственного принуждения, а к специфическим средствам следует отнести гражданско-административные и уголовно-правовые методы правового регулирования общественных отношений⁴.

Кроме того, соотношение между целями и средствами носит диалектический характер. В ходе своего осуществления цель превращается в средство и продолжает свое действие, при этом, чем полнее цель воплощается в средствах, тем эффективнее ее правовое воздействие. Сама же диалектика перехода составляет существенный момент в познании критериев эффективности государственного механизма⁵.

При анализе эффективности правового воздействия принципиально важно, помимо цели и средств, выявить иные критерии, позволяющие определить реальную степень эффективности и ее качественные показатели на разных стадиях юридического процесса, т.е. как на стадии правотворчества, так и на стадии правоприменения. В данном аспекте важно рассматривать определение права – как совокупность правовых норм, обеспеченных принуждением государства. Крите-

рием, определяющим эффективность правового воздействия, служит степень реализации нормы права. Этот критерий показывает, что эффективность права зависит от системы взаимосвязанных и взаимозависимых норм права, изучающийся в научном синкретическом направлении.

Весь процесс правотворчества начинается с формулирования законодателем представления о социальных ценностях и его целенаправленного стремления придать естественному праву форму закона. Ценностный критерий призван показать новый подход к оценке цели и правового средства⁶. В данном случае специфической чертой цели является не просто идеальный, мысленный образ нормы права, а ее социально-ценностная основа. Правовые средства, будучи материализованной формой цели, также содержат в себе ценностные признаки и черты. Структурными элементами этого правопонимания являются не только естественное и позитивное право в их взаимосвязи и взаимообусловленности, но и правовые принципы, правовая политика, динамика права, его реализация, практическое регулирование общественных отношений. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов ослабляет, разрушает право, вследствие чего оно утрачивает эффективность как практический регулятор поведения людей.

Системный критерий (включающий в себя ценностные ориентиры) позволяет выделить такие качества права, необходимые для обеспечения эффективности правового воздействия, как иерархическая структура (приоритет в этой структуре принадлежит естественному праву, социальным ценностям), обусловленность статистических и динамических элементов права целым. Так, Д. А. Керимов обращает внимание на то, что «ныне многие законы и иные правовые акты не соблюдаются, не исполняются, игнорируются кем угодно и когда угодно», т.е. «царит правовой беспредел» и что особенно тревожно, это сказывается на росте преступности и в свою очередь является следствием глобального кризиса в жизнедеятельности общества⁷. Можно сделать вывод, что развитие правовой системы, и в том числе таких ее структурных компонентов, как правотворчество и правореализация, возможно только в том случае, если она выступает как целостностное многообразие, где приоритетное место предоставляется интересам общества.

Следующим критерием эффективности государственного механизма выступает организация и осуществление эффективной законодательной деятельности. Соблюдение этого условия принципиально важно, так как современная правовая ситуация характеризуется низким уровнем эффективности принятых законов. Такое положение объясняется рядом причин: во-первых, парламент РФ не в полной мере реализует свою основную задачу – т.е. принятие законов, а в большей степени ориентируется в своей деятельности на политические и организационные вопросы, во-вторых, при прохождении законопроектов имеется практика «указного законодательства»⁸. Так, например, граждане не всегда в состоянии отследить хаотический калейдоскоп нормотворчества, понять и осмыслить принятые законы.

В качестве критерия также следует рассмотреть и общественный контроль за деятельностью государственных органов. Так, например, анализ действующего законодательства

2 Никитский В. И. К изучению эффективности действующего законодательства // Правоведение. – 1971. – № 4. – С. 15; Баранов В. М. Истинность норм советского права // Проблемы теории и практики. – Саратов, 1989. – С. 34.

3 Гегель Г. В. Собрание сочинений. – М., 1984. – Т. 1. – С. 48.

4 Малько А. В. Общая теория государства и права. – М., 1998. – Т. 2. – С. 155, 455–457.

5 Калинин А. Ю. Эффективность правового регулирования как оценочный фактор адекватности процессов правообразования // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 9. – С. 20.

6 Жинкин С. А. О плюрализме в исследовании проблем эффективности права // История государства и права. – 2009. – № 11. – С. 39

7 Керимов Д. А. Методология права. – М., 2000. – С. 302.

8 Поленгша С. К. Качество закона и эффективность законодательства. – М., 1993. – С. 37.

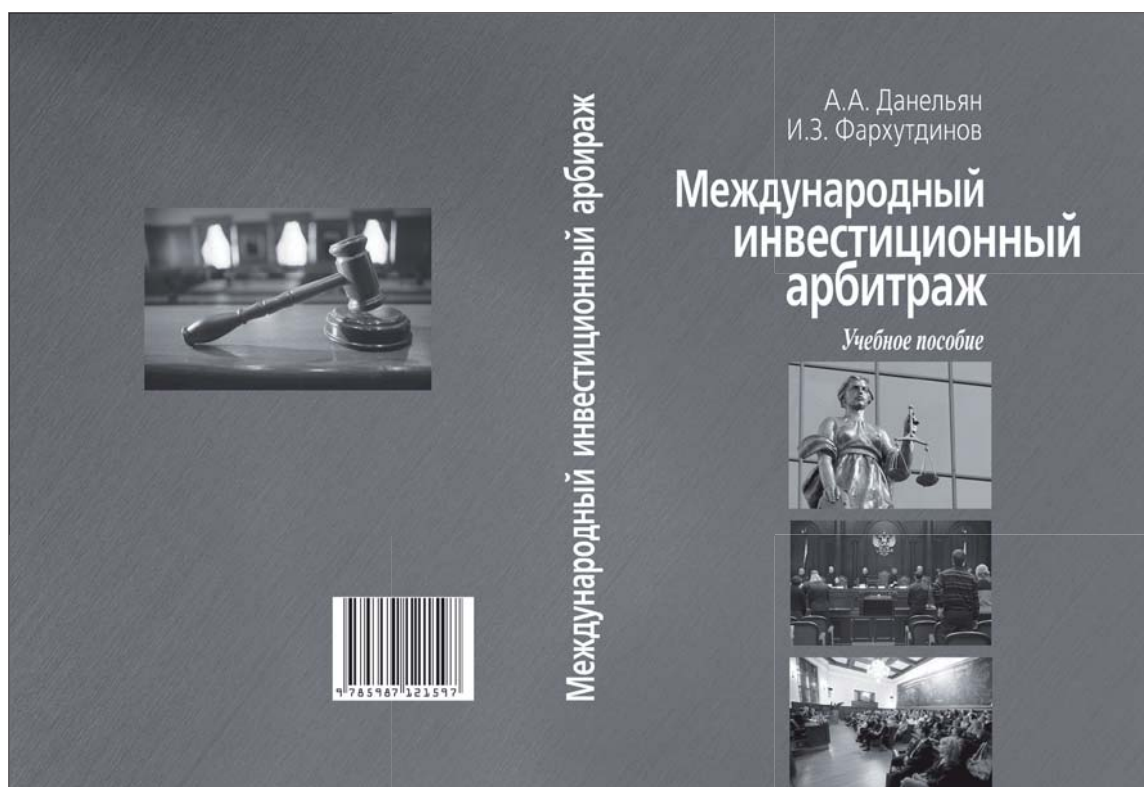
позволяет сделать вывод о том, что деятельность Общественной палаты Российской Федерации не в полной мере реализует ее функции и полномочия. Перспективным является рассмотрение вопроса о социально-правовом статусе лиц, включенных в управление делами государства, в т.ч. осуществляющих общественный контроль и включенных в механизм противодействия коррупции⁹. В этом плане исследование вопросов сотрудничества государства и институтов гражданского общества может выступить особым критерием эффективности самого государственного механизма.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы обратить внимание на то, что реформирование государственного механизма может стать приоритетным направлением государственной политики современной России. Проводимые реформы в области государственного механизма должны быть целостными, системными и последовательными, в результате чего будет достигнута демократизация и эффективность государственного управления, выработка новых методов работы государственных органов, осуществляющих свою деятельность в соответствии с принципами правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Затонский В. А. Эффективная государственность // Вестник Самарской государственной экономической академии. – 2003. – № 1.
2. Малько А. В., Затонский В. А. Ответственность публичной власти как способ повышения эффективности
3. Тепляшин И. В., Фастович Г. Г. Место и роль органов местного самоуправления в эффективной деятельности государственного механизма современной России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 12.
4. Никитский В. И. К изучению эффективности действующего законодательства // Правоведение. – 1971. – №4.
5. Баранов В. М. Истинность норм советского права // Проблемы теории и практики. – Саратов, 1989.
6. Гегель Г. В. Собрание сочинений. – М., 1984. – Т. 1.
7. Малько А. В. Общая теория государства и права. – М., 1998. – Т. 2.
8. Калинин А. Ю. Эффективность правового регулирования как оценочный фактор адекватности процессов правообразования // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 9.
9. Жинкин С. А. О плюрализме в исследовании проблем эффективности права // История государства и права. – 2009. – № 11.
10. Керимов Д. А. Методология права. – М., 2000.
11. Поленгша С. К. Качество закона и эффективность законодательства. – М., 1993.
12. Тепляшин И. В. Некоторые аспекты формирования института социально-правовой ответственности представителей гражданского общества, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства РФ о противодействии коррупции // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 2.

9 Тепляшин И. В. Некоторые аспекты формирования института социально-правовой ответственности представителей гражданского общества, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства РФ о противодействии коррупции // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 2. – С. 26–28.

Миронова О. А.

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Статья посвящена анализу основных исторических этапов развития взаимоотношений государства и православной церкви от принятия христианства до новейшего периода. Исследование построено на основе анализа взаимоотношений государства и церкви с момента принятия христианства, и далее в патриарший период, синодальный период, советский, постсоветский и современный периоды. Рассмотрены исторические модели государственно-религиозных отношений в России (Российской империи). В заключение сделан вывод, о том, что вся история развития отечественной культуры находится в глубокой и неразрывной связи с православием.

Ключевые слова: взаимодействие, церковь, государство, каноническое право, светское право, Соборы, Византия, Киевская Русь, Россия.

Mironova O. A.

MAIN HISTORICAL STAGES OF DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE ORTHODOX CHURCH

The article deals with historical stages analysis of the development of relations between the state and the Orthodox Church from the establishment of the Christianity till modern period. The study is based on the analysis of relations between the state and the church on the stage of Christianity adoption, and later in the patriarchal period, the synodal period, the Soviet, post-Soviet and modern periods. Historical models of state-religious relations in Russia are considered. To sum up, it was concluded that the entire history of the national culture development is in close and entire link with the orthodoxy.

Keywords: interaction, church, government, canon law, secular law, Cathedrals, Byzantine, Kiev Russia, Russia.

Вся история развития отечественной культуры находится в глубокой и неразрывной связи с православием. Известно, что культура всегда развивается и зависит от культуры, в нем она зарождается и им она определяется, как воплощение глубинного религиозного замысла. Для судьбы Руси определяющим был выбор веры, сделанный святым князем Владимиром, который и определил неповторимость религиозной и национальной культуры восточнославянских народов.

Проблема определения роли церкви в построении государственно-властных отношений широко освещена в современной историографии, прежде всего в работах С. М. Воробьева¹, А. А. Дорской², Игумена Мефодия (К. В. Илюточкин)³, А. В. Карташева⁴, Н. М. Никольского⁵, В. Цыпина⁶ и др.

В соответствии с летописями христианство, в форме православного вероучения, официально было признано государственной религией Древнерусского (Киевского) государства в 988 г. Это событие в отечественной литературе принято счи-

тать началом правовых отношений между церковью и государством⁷.

В своей государствообразующей деятельности православная церковь в Древнерусском государстве использовала многовековой опыт христианской церкви, опыт ее гармоничного взаимодействия с государственной властью, и в частности ту взаимозависимость, согласованность государственного закона и церковного канона, сложившуюся в Византийской империи. Русская православная церковь, получив свое начало от католической Восточной церкви, от нее же приняла основные принципы своего внутреннего и внешнего устройства. Русская православная церковь стала фактически своеобразным каналом, с помощью которого знания и опыт веков приходили на Древнюю Русь и усваивались великокняжеской властью сначала в Киеве, затем во Владимире и в Москве⁸.

Нормативной основой государственного и церковного строительства на Руси выступило византийское право. С. С. Алексеев подчеркивает, что именно оно стало сердцевинной самобытной русской цивилизации⁹. В сфере религиозной жизни византийское право характеризовалось теснейшим союзом государства и церкви¹⁰.

Первым опытом самостоятельного русского законодательства стал Устав св. Владимира, который фактически определил состояние церкви в новом для нее государстве. Одновременно он наметил возможные пути и формы взаимодействия

1 Воробьев С. М. Роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне: факты и противоречия // История государства и права. — 2015. — № 9. — С. 10—14.

2 Дорская А. А. Понятие светского государства в России: историко-правовой анализ // История государства и права. — 2014. — № 7. — С. 42—46.

3 Игумен Мефодий (Илюточкин К. В.) Источники канонического права Русской Православной Церкви в советский период // История государства и права. — 2015. — № 4. — С. 56—60.

4 Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.

5 Никольский Н. М., Круглов А. А. История русской церкви. — Минск: Беларусь, 1990.

6 Цыпин В. История Русской православной церкви, 1917-1990. Учебное пособие для православных духовных семинарий. — М.: Изд. дом «Хроника», 1994.

7 Радугин А. А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: Курс лекций. — 2-е изд. — М.: Центр, 2000. — С. 143; Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997.

8 Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. — М.: Наука, 1990. — С. 112.

9 Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М.: Норма, 2002.

10 Павлова С. В. Симфония властей: историко-теоретический аспект // Актуальные проблемы истории и теории российского права. — 2002. — № 1. — С. 42.

Миронова О. А.

государственной и церковной властей в деле нравственного воспитания народа. Стоит заметить, что, как и в византийском праве, церковные каноны в Древней Руси были важнейшей составляющей светской правовой системы. Так, церковные уставы, а также сборники церковных законов, пришедшие из Византии, упоминаются среди важнейших нормативно-правовых актов Древнерусского государства – среди договоров Руси с Византией (911, 944 и 971 гг.), а также Русской Правдой¹¹.

Следовательно, введение христианства на Руси по своему значению вполне может быть названо религиозно-политической революцией: этот акт означал замену традиционной структуры княжеско-жреческих взаимоотношений новой моделью церковно-государственных отношений.

Восприняв византийскую идею «симфонии властей», Русь определила для себя вопросы практического взаимодействия церкви и государства – в разделении их сфер и в органическом согласовании их целей и усилий. Более того, церковь стала участницей формирования некоторых государственных и правовых институтов (суд, право, съезды князей и церковных иерархов), используя при этом многовековой опыт церкви и продолжив, таким образом, византийскую традицию отношений церкви и государства.

Очевидно, что православие с его идеями первенства божественного над человеческим, духовного над материальным и земным стало самым значительным фактором, который оказал влияние на правовую систему и правовую культуру Древней Руси. Одна из определяющих для развития правовой культуры идей – идея создания человека «по подобию своему», «по образу Божию» – получила в дальнейшем свое выражение в том, что сегодня именуется достоинством личности¹². Правовые идеи древнерусской эпохи сложились во многом благодаря церковному праву, что и само по себе было важным компонентом правовой системы Древнерусского (Киевского) государства¹³.

В условиях средневековья дух «симфонии» глубоко пронизывал весь строй отношений православной церкви и Русского государства. Как представители государственной власти не могли уклониться от участия в обсуждении вопросов церковных, так и духовенство признавало за собой право участвовать в решении проблем государства.

Исследователь Н. В. Сеницына выделяет в XV–XVI вв. три важных периода, когда принцип симфонии был особенно конструктивным и плодотворным, а идеал приближался к осуществлению на практике. Это время святительства епископа Иона (с 1448 г. – Митрополит), когда согласованные действия церковной и светской власти позволили отказаться от Флорентийской унии – это и начало царствования Ивана IV и время митрополита Макария (1547–1563 гг.), когда в России началась эпоха царства, и зарождались земские соборы. И, наконец, третий период – с момента утверждения патриаршества¹⁴.

Во времена Ивана Грозного окончательно сформировалось представление об ответственности носителя высшей государственной власти перед Богом, что стало практически единственным фактором, который сдерживал деспотизм царя.

Осознание необходимости рано или поздно отвечать перед Господом стало отечественным дополнением к концепции «симфонии властей».

В это время создается «Степенная книга царского родословия», в которой вся история Руси была представлена в непрерывном взаимодействии церковной и светской властей, как торжество симфонии¹⁵. Институциональной формой, воплотившей в жизнь идеал симфонии, стали земские соборы.

Кроме земских соборов, созывалось и церковные, которые также принимали решения, важные не только для жизни церкви, но и для развития всего Российского государства. Среди них выделяется Стоглавый собор (1551 г.). Это был «собор примирения», который понимается как символический акт возвращения единства народу и царю, утраченного в смуте первых лет правления Ивана IV. Первый Земский собор в Москве стал небывалым в европейской истории актом покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах. Покаяние было взаимным – народ тоже каялся в грехах перед властью. Как показали дальнейшие события в России, это превратило соборы в инструмент борьбы со всякой смутой путем утверждения всенародного государственно-церковного единства.

Начиная со Стоглавого собора (1551 г.) формирование «симфонических» церковно-государственных отношений вступило в завершающую стадию. Высший орган церковной власти – Священный собор – вошел в полном составе в «верхнюю палату» Земского собора¹⁶. Царь принимал активное участие как при подготовке собора, так и на его заседаниях. Он давал государственную санкцию соборным постановлениям¹⁷.

Большинство соборов созывалось для предотвращения анархии в период междоусобия и подтверждения религиозно-мистического единства народа и царя. Духовная основа соборности, конечно же, нисколько не мешала решению практических вопросов. С позиций «симфонии властей» особую роль сыграл знаменитый собор 1613 г., положивший начало новой династии русских царей.

Начиная со Смутных времен именно православная церковь стала хранителем государственных традиций. Важным доктринальным положением канонического и одновременно государственного права стал провозглашенный патриархом Гермогеном в 1612 г. тезис о том, что Россией может править только православный государь¹⁸. Это важное положение стало одним из оснований для избрания на царский престол Михаила Романова. Михаил правил страной в тесном сотрудничестве и полном согласии со своим отцом – патриархом Филаретом, который носил титул «Великого государя», ведал внешними и внутренними делами и нередко даже подписывал государственные документы вместо царя¹⁹.

Соборное Уложение 1649 г. продолжило тенденцию нормативного ограничения церковного землевладения (такие ограничения ранее были введены соборами 1572, 1580 и 1584 гг.)²⁰.

11 Исаев И. А. История государства и права России: Учеб. пособие. – М.: Проспект, 2002. – С. 17.

12 Папаян Р. А. Христианские корни современного права. – М.: Норма, 2002. – С. 32–33.

13 Федоренко Т. Вплив християнського світогляду на правосвідомість та правову культуру Київської Русі (кінець X – перша третина XIII ст.) // Право України. – 2001. – № 8. – С. 114–115.

14 Сеницына Н. В. Симфония священства и царства // Исторический вестник. – 2000. – № 9–10.

15 Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 161.

16 Исаев И. А. История государства и права России: Учеб. пособие. – М.: Проспект, 2002. – С. 50–55.

17 Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: Собр. соч. в 2 т. – М.: Наука, 1992. – Т. 1. – С. 439.

18 Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. – М.: Гардарики, 2000. – С. 84.

19 Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: Собр. соч. в 2 т. – М.: Наука, 1991. – Т. 2. – С. 95.

20 Исаев И. А. История государства и права России: Учеб. пособие. – М.: Проспект, 2002. – С. 101.

Царь Алексей Михайлович во второй половине царствования ориентировался на западные модели государственно-го устройства и государственно-церковных отношений²¹. Он склонялся к идее подчинения церкви интересам государства. Позиция патриарха Никона, который отстаивал право церкви на участие в управлении государственными делами и на принципах «симфонии властей», явно не соответствовала воле монарха. Это в конечном итоге и привело Никона к политическому краху. В 1658 г. он оставил должность и ушел в монастырь, хотя формально к 1666 г. оставался патриархом. Большой Московский собор в 1666 г. лишил его сана за самовольное оставление патриаршей кафедры, хотя в следующем году реформы Никона в богослужении были приняты Собором²².

Свержение патриарха Никона было проявлением общей тенденции к усилению государственной власти и ее отделению от власти церковной. Норму взаимоотношений церковной и государственной власти Большой Московский собор (1666–1667 гг.) выразил так: царь имеет преимущество в делах политических, а патриарх – в церковных. Принятые собором правила власти царской и церковной позволяли царю в случае конфликта с патриархом просто устранить последнего.

Начиная с XVII в. в европейских странах проявляется тенденция к пересмотру сложившихся отношений между церковью и государством. И в католических, и в протестантских государствах особый акцент делается на укреплении суверенитета светской власти, что соответствовало логике формирования государств-наций. Несмотря на определенное обособление от европейской цивилизации, при правлении Петра I православная церковь также оказывается вовлеченной в этот процесс. Реформы Петра I касались практически всех сторон жизни страны. Церковная реформа была едва ли не наиболее последовательной и принципиальной, представляя собой властный и резкий опыт государственной секуляризации²³.

Активное участие в разработке церковной реформы Петра I принимал архиепископ Феофан Прокопович, который предпринимает попытку теоретически обосновать новую триаду «Бог-государство-самодержец», поставив целью легитимацию власти самодержца не только с помощью божественного, но и природного, то есть независимого от церкви права.

Содержание церковной реформы Петра I заключалось в отмене патриаршества и введении государственного управления православной церковью. В 1718 г. с этой целью была создана Духовная коллегия, которая в 1720 г. получила новое название – Святейший Правительствующий Синод – и нормативно-правовое основание своей деятельности – «Духовный регламент». Члены Святейшего синода были государственными служащими. Показательно, что они не избирались, а назначались царем и обязаны были присягать на верность царю. Присяга была отменена только в 1901 г.²⁴ Принятие Духовного регламента означало, что государственная власть прямо вмешивалась в сферу канонического права и во внутреннюю жизнь церкви.

После смерти Петра I Святейший синод был разделен на два департамента: первый состоял из иерархов и занимался духовными делами, второй включал лиц светского звания (практически это была администрация церкви, занимающая

ся финансами, экономикой, судом). В отношении религиозных сект политика была сложной, государство рассматривало церковь как часть самого себя и вплоть до XIX в. религиозная оппозиция воспринималась прежде всего как политическая и, соответственно, преследовалась.

В XIX в. царская власть рассматривала свое призвание в церковных делах как охрану православия от посягательств со стороны иноверцев, свидетельством чего является институт преступлений против православия в уголовном праве, и защита православных за пределами России. Так, защита православных святынь и православных верующих стала одним из приоритетов во внешней политике и отношениях, например, с Османской империей.

Правление последнего российского императора Николая II характеризовалось возрождением традиции в отношениях государства и церкви, по крайней мере, декларацией желаний вернуть Россию к идеалам Святой Руси, восстановить на их основе внутреннее единство общества, и наконец, поиском путей возрождения патриаршества (при этом на место патриарха Николай II предлагал себя)²⁵.

Революционные события 1917 г. коренным образом изменили отношения государства и церкви. В ходе Февральской революции к власти пришли силы, стоявшие на позициях секулярного государства, а в октябре 1917 г. – силы, которые исповедовали атеизм и отрицали закон Божий. Попытку сохранить хотя бы на уровне доктрины принцип «симфонии властей» сделал Поместный собор 1917–1918 гг., на котором было заявлено, что церковь не связана ни с одним государственным устройством, она служит вере, а не политике. Эта позиция была лояльной по отношению к советской власти, но не спасла церковь от гонений.

Победа советской власти ознаменовала собой начало дехристианизации России, разрушение многовекового устройства внешней жизни церковных общин, а по сути и всего строя жизни российского общества. С приходом к власти большевиков церковь подверглась жестоким гонениям, многие священнослужители погибли в годы гражданской войны, а религиозно мыслящие ученые и философы высланы. Провозглашение принципа отделения церкви от государства в малой степени способствовало решению проблемы поиска новых путей взаимного общения. Основы отношений советского государства и церкви были заложены в первые годы ее существования, претерпев лишь незначительные изменения в течение ее семидесятилетней истории. Фундаментом для принятия нормативных актов в области государственно-церковной политики служили не реальные потребности общества, а идеологические установки марксизма и политические решения правящей коммунистической партии.

Определенная трансформация государственной политики в отношении церкви начала происходить только во второй половине 1980-х годов, накануне празднования тысячелетия крещения Руси²⁶.

В 1988 г. Поместным собором был принят новый Устав об управлении Русской Православной Церкви, который продолжил линию собора 1917–1918 гг. на нормализацию церковной жизни после синодального периода и советских гонений²⁷.

21 Уткин А. И. Там же. – С. 90–91.

22 Яковлев А. И. Лекции по истории христианской церкви. – М.: Паломник, 2006. – С. 238.

23 Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия / Репринт, воспроизв. изд. 1937 г. – Вильнюс, 1991. – С. 82.

24 Яковлев А. И. Лекции по истории христианской церкви. – М.: Паломник, 2006. – С. 248.

25 Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – М.: Терра, 1992. – С. 276.

26 Будзилович І. Особливості розвитку державності, права і функцій церкви у Київській Русі (аналітичний нарис) // Право України. – 1999. – № 1. – С. 126.

27 Варьяс М. Ю. Краткий курс церковного права: Учеб. пособие. – М.: МЗ Пресс, 2001. – С. 85.

Первым законодательным актом (и последним соответствующим актом советского периода), который отразил изменения в церковно-государственных отношениях, стал Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.)²⁸. Этим законом церковь была наделена определенными правами, ослаблен государственный контроль за ее деятельностью, предоставлена возможность внешней церковной деятельности после 70-летнего перерыва. Церкви предоставили право юридического лица (ст. 13) и разрешили становиться владельцем используемого ею или переданного ей имущества (ст. 18). Церкви возвратили право заниматься благотворительной (ст. 23), а также производственной и хозяйственной деятельностью (ст. 19), были сняты многие ограничения на осуществление богослужения, религиозных обрядов, церемоний (ст. 21)²⁹.

Взаимоотношения государства и церкви на современном этапе развития страны определяются согласно Конституции Российской Федерации, Гражданскому кодексу Российской Федерации, Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях». На основании Конституции Россия провозглашается светским государством, основными принципами которого являются: отделение религиозных объединений от государства и равенство их перед законом. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: история развития российской государственности находится в глубокой и неразрывной связи с православием.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2002.
2. Будзилович І. Особливості розвитку державності, права і функцій церкви у Київській Русі (аналітичний нарис) // Право України. – 1999. – № 1.
3. Варьяс М. Ю. Краткий курс церковного права: Учеб. пособие. – М.: МЗ Пресс, 2001.
4. Воробьев С. М. Роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне: факты и противоречия // История государства и права. – 2015. – № 9.
5. Дорская А. А. Понятие светского государства в России: историко-правовой анализ // История государства и права. – 2014. – № 7.
6. Игумен Мефодий (Илюточкин К. В.) Источники канонического права Русской Православной Церкви в советский период // История государства и права. – 2015. – № 4.
7. Исаев И. А. История государства и права России: Учеб. пособие. – М.: Проспект, 2002.
8. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.
9. Миронова О. О. Основні історичні етапи розвитку взаємовідносин держави і православної церкви — Методологічні проблеми історико-правових досліджень: матеріали ХХІІІ Міжнародної історико-правової конференції 24–26 вересня 2010. — Київ; Сімферополь: «ДОЛЯ», 2011. — С. 387–399.
10. Никольский Н. М., Круглов А. А. История русской церкви. – Минск: Беларусь, 1990.
11. О свободе совести и религиозных организациях: Закон СССР от 1 октября 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 41. – Ст. 813.
12. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – М.: Terra, 1992.
13. Павлова С. В. Симфония властей: историко-теоретический аспект // Актуальные проблемы истории и теории российского права. – 2002. – № 1.
14. Папаян Р. А. Христианские корни современного права. – М.: Норма, 2002.
15. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 6. – Вып. 1.
16. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия / Репринт, воспроизв. изд. 1937 г. – Вильнюс, 1991.
17. Радугин А. А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: Курс лекций. – 2-е изд. – М.: Центр, 2000.
18. Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997.
19. Сеницына Н. В. Симфония священства и царства // Исторический вестник. – 2000. – № 9–10.
20. Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. – М.: Гардарики, 2000.
21. Федоренко Т. Вплив християнського світогляду на правосвідомість та правову культуру Київської Русі (кінець X – перша третина XIII ст.) // Право України. – 2001. – № 8.
22. Цыпин В. История Русской православной церкви, 1917–1990: Учеб. пособие для православных духовных семинарий. – М.: Изд. дом «Хроника», 1994.
23. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. – М.: Наука, 1990.

28 О свободе совести и религиозных организациях: Закон СССР от 1 октября 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 41. – Ст. 813.

29 Миронова О. О. Основні історичні етапи розвитку взаємовідносин держави і православної церкви — Методологічні проблеми історико-правових досліджень: матеріали ХХІІІ Міжнародної історико-правової конференції 24–26 вересня 2010. — Київ; Сімферополь: «ДОЛЯ», 2011. — С. 387–399.

Прохоров В. В.
ОРГАНЫ МИЛИЦИИ КРЫМСКОЙ АССР В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1929–1932 гг.)

В статье раскрывается организация органов внутренних дел Крымской АССР в 1929–1932 гг. Особое внимание автор уделяет комплексу условий и причин, повлиявших на реорганизацию системы органов внутренних дел автономии в указанный период, их внутреннюю структуру; основные и вспомогательные функции органов рабоче-крестьянской милиции.

Ключевые слова и фразы: органы внутренних дел, рабоче-крестьянская милиция, охрана общественного порядка.

Prokhorov V. V.
MILITIA ORGANS OF THE CRIMEAN ASSR IN THE PERIOD OF COMPLETE
COLLECTIVIZATION (1929–1932)

The article deals with the organization of the Interior organs of the Crimean ASSR in 1929–1932. The author pays special attention to a number of terms and conditions which led to creation and reorganization of Interior organs system of the autonomy in the afore-mentioned period, their internal structure; main and supportive functions of the organs of workers-peasants militia.

Keywords: interior organs, workers-peasants militia, Protection of Public Order.

Прохоров В. В.

Актуальность данной статьи обусловлена потребностью фундаментальной разработки исторических аспектов организационного развития правоохранительных органов Российской Федерации. Одной из сторон изучения данной проблематики является объективное освещение истории реорганизации системы органов внутренних дел (ОВД) Крыма в 1929–1932 гг.

Новизна данной статьи состоит в первую очередь, в постановке самой проблемы и решении ряда конкретных исследовательских задач, касающихся организационного построения ОВД автономии, как вооруженного органа исполнительной власти. В представленной работе, на основе архивных документов и материалов, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, автором исследуются некоторые стороны исторического развития республиканских органов внутренних дел в 1929–1932 гг.

Целью работы является создание комплексной, целостной и научной картины периода реформирования внутренней структуры органов рабоче-крестьянской милиции (РКМ) Крымской АССР.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – один из самых ярких и в то же время трагических периодов в истории Советского Союза. Победа И. В. Сталина во внутрипартийной борьбе положила начало формированию административно-командной системы в СССР, что в свою очередь послужило первым шагом к построению тоталитарного государства. Именно в эти годы в стране начинаются трудности, связанные с индустриализацией и принудительной коллективизацией сельского хозяйства, а в экономике начинаются негативные процессы, направленные на ликвидацию НЭПа.

Очередной этап в развитии экономики государства поставил вопрос о формах и методах строительства социалистического общества. В руководстве страны постепенно сложились два взгляда на стратегию экономического развития социалистического государства. Идею регулируемого рынка с обязательным использованием товарно-денежных отношений в народном хозяйстве отстаивали Бухарин, Рыков, Томский и другие. Противоположного взгляда на пути экономического развития страны придерживались Сталин, Куйбышев, Моло-

тов. Последние исходили из того, что необходимо было форсировать развитие тяжелой промышленности и в первую очередь, за счет сельского хозяйства.

Осуществление промышленного развития методами Сталина и его единомышленников означало переход к директивному планированию. Новый хозяйственный механизм, который стал утверждаться в конце 1920-х – начале 1930-х гг., полностью лишал экономической самостоятельности союзные республики. В СССР создавалась командная экономика с высшей степенью централизации управления народным хозяйством.

Реконструкция народного хозяйства требовала большого количества нового оборудования. Произвести его на старых машиностроительных заводах внутри Союза ССР было невозможно. Поэтому оставался один путь – приобретать оборудование за границей. Для этого нужна была твердая валюта, которую давала только пшеница – традиционный экспортный товар дореволюционной царской России. Все, таким образом, упиралось в хлебозаготовки, от увеличения которых во многом зависели темпы индустриального развития страны.

К концу 1929 г. НЭП сменяется репрессивной политикой в отношении зажиточных деревенских слоев с принудительным объединением имущества всех других категорий крестьян в колхозах.

В начале 1930 г. в средствах массовой информации прозвучал призыв большевиков «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и, в конце концов, смести его с лица земли». 30 января того же года Политбюро утверждает Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В нем предусматривалось провести конфискацию у кулаков орудий производства, скота, хозяйственных и жилых построек и многое другое. Летом 1930 г., выступая на XVI съезде ВКП (б), И. В. Сталин указывал на то, что: «Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления...».¹

¹ Сталин И.В. Сочинения: в 13-и т. – М.: Политическая литература, 1949–1951. – Т.12. – С. 353.

Исходя из выработанной стратегии, партийное руководство страны планировало в своей деятельности в полной мере опереться на реформированный и наделенный широкими полномочиями правоохранительный аппарат, одним из звеньев которого являлась рабоче-крестьянская милиция.

В декабре 1930 г. с целью усиления охраны общественного порядка (ООП) и борьбы с преступностью было признано целесообразным включить управления РКМ в систему Объединенного Главного Политического Управления (ОГПУ) и его органы на местах, ликвидировав при этом наркоматы внутренних дел союзных и автономных республик.

В структуре ОГПУ образовывалась главная инспекция по руководству деятельностью органами рабоче-крестьянской милицией.² Параллельно с этим управления коммунальным хозяйством и управления РКМ передавались в ведение Советов Народных Комиссаров (СНК, Совнаркомов), а Главное управление местами заключения (ГУМЗ) в Народный комиссариат юстиции. Формально этому процессу было своё объяснение. Со 2-й половины 1920-х гг. повсеместно в стране отмечается рост уголовных преступлений вообще и тяжких в частности. В Крымской АССР, к примеру, в 1-й половине 1927 г. количество преступлений (по сравнению с аналогичным периодом 1926 г.) увеличилось на 54,4%, а раскрываемость упала на 0,3%.³

Проводимые во всесоюзном масштабе мероприятия по реорганизации органов РКМ не обошли стороной и Крым. В конце 1930 г. на полуострове разворачивается работа по созданию в составе СНК Крымской АССР НКВД республики. В январе следующего года положение и штаты наркомата были представлены на утверждение Президиуму КрымЦИКа.

Согласно проекту положения, структуру наркомата внутренних дел должны были составлять:

- управление делами;
- управление кадрами;
- административно-организационное управление;
- управление РКМ;
- управление уголовного розыска (УР);
- управление местами заключения;
- управление коммунальным хозяйством.

В свою очередь, управление коммунальным подразделением на плано-экономическое бюро, коммунальную инспекцию и отдел пожарной охраны.

В феврале 1931 г. председатель СНК Крымской АССР А.А. Самединов утверждает Положение о Главном управлении милиции и уголовного розыска Крыма. Согласно принятого положения Главмилиция и уголовный розыск находились в непосредственном подчинении правительства автономии.

Во главе Главного управления РКМ полуострова находился начальник управления, входивший в состав СНК республики с правом совещательного голоса. Начальника Главмилиции, в свою очередь, в должности утверждал непосредственно Совнарком Крыма. Кандидатуры начальников отдела УР и отдела милиции также утверждал Совнарком, но уже по представлению начальника Главмилиции.

Главное управление милиции Крымской АССР:

1) осуществляло контроль и общее руководство деятельностью всех городских и районных управлений и служб;

2) претворяло в жизнь все постановления и распоряжения правительства РСФСР и Крыма по вопросам установления революционного порядка и общественной безопасности;

3) издавало в пределах своей компетенции инструкции, циркуляры и приказы;

4) боролось с уголовной преступностью и руководило этой работой на всей территории полуострова;

5) рассматривало жалобы на действия подведомственных учреждений.

Кроме общего руководства, Главмилиция автономии отвечала за:

а) разработку мероприятий по привлечению гражданского населения к работе органов РКМ;

б) наблюдение за правильностью наложения административных взысканий;

в) руководство разрешительной работой органов милиции;

г) проведение мероприятий по ООП;

д) руководство деятельностью ведомственной милиции;

е) определение порядка прохождения службы в ОВД;

ж) разработку структур и штатов местных управлений РКМ;

з) осуществление розыска преступников, раскрытие преступлений и регистрацию уголовных дел;

и) организацию и совершенствование служебного собаководства;

к) разработку и осуществление мероприятий по улучшению быта и материально-технического обеспечения ОВД и многое другое.⁴

В состав Главмилиции Крыма входило пять подразделений:

- первый отдел;
- отдел милиции;
- отдел УР;
- инспекция снабжения;
- общая канцелярия.

Местными органами Главмилиции являлись управления РКМ городов и районов автономии – на правах отделов городских и районных исполкомов. Во главе районных управлений РКМ находились начальники управлений, назначаемые райисполкомами.

В августе 1932 г. правительство Крымской АССР утвердило в должности начальника Главмилиции Крыма, члена ВКП (б) с 1918 г., бывшего начальника Харьковского областного УРКМ – Г.Ф. Самойлова.⁵

С декабря 1932 г. Главмилиция Крыма стала подчиняться вновь образованному общесоюзному органу – Главному управлению рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) при ОГПУ СССР. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР утверждают Положение о ГУРКМ при ОГПУ СССР. Согласно новому положению РКМ выводилась из непосредственного ведения правительств союзных и автономных республик и полностью передавалась в ОГПУ СССР. Начальник ГУРКМ становился одним из заместителей председателя ОГПУ.

При этом на органы ОГПУ по-прежнему возлагались задачи по дальнейшему укреплению органов милиции и УР руководящими кадрами, улучшению финансового и бытового

2 Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. – С. 81.

3 Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 489. Оп. 1. Д. 334. Л. 140.

4 ГАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 805. Л. 13.

5 Прохоров В.В. Милиция Крымской АССР как составная часть ГПУ и НКВД автономии (1930-1941 гг.) // Крымский юридический вестник, 2010. Вып. 2 (9), Ч.1. – С. 294.

положения сотрудников, повышению служебной и исполнительской дисциплины.⁶

К положительным сторонам этих нововведений следует отнести: улучшение работы РКМ по ООП (так, за 9 месяцев 1931 г. только по г. Севастополю и Севастопольскому району за нарушение общественного порядка было привлечено к ответственности 2 770 человек) и росту показателей по охране социалистической собственности. К отрицательным сторонам следовало отнести: значительный процент дисциплинарных нарушений среди личного состава органов милиции, несоблюдение сроков проведения следственных действий и низкий процент раскрываемости преступлений.⁷

Таким образом, на протяжении 1929–1932 гг. в структуре органов рабоче-крестьянской милиции Крымской АССР постоянно происходили качественные и количественные изменения, которые проводились с целью поиска лучшего организационного построения органов внутренних дел. Проводимая работа способствовала приобретению необходимого опыта в деле организации службы, укрепления охраны общественного порядка на полуострове и улучшения борьбы с уголовной преступностью.

6 Советская милиция: история и современность (1917-1987) / под. ред. А.В. Власова. – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 35.

7 ГАРК, Ф. 4093. Оп. 4. Д. 45. Л. 48.

Пристатейный библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 489. Оп. 1. Д. 334.
2. ГАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 805.
3. ГАРК. Ф. 4093. Оп. 4. Д. 45.
4. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. – С. 81.
5. Прохоров В. В. Милиция Крымской АССР как составная часть ГПУ и НКВД автономии (1930-1941 гг.) // Крымский юридический вестник, 2010. Вып. 2 (9), Ч.1. – С. 294.
6. Советская милиция: история и современность (1917-1987) / под. ред. А.В. Власова. – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 35.
7. Сталин И. В. Сочинения: в 13-и т. – М.: Политическая литература, 1949-1951. – Т. 12. – С. 353.

Бекишиев А. А.

ИСТОКИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

В статье рассмотрены вопросы развития и становления предпринимательского права как отрасли гражданского права не только в российской юридической науке, но и в историко-правовых учениях представителей западноевропейских и античных научных школ. Определены основные признаки данного вида хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: право, отрасль права, предпринимательская деятельность, античность, эпоха Возрождения, предприниматель.

Bekishiev A. A.

THE ORIGINS OF BUSINESS LAW DEVELOPMENT

In the article questions of formation and development of business law as a branch of civil law are analyzed both in the Russian legal science and in historical and legal doctrines of the Western European and antique scientific schools. The main characteristics of this type of economic activity are identified.

Keywords: law, branch of law, entrepreneurial activity, antiquity, the Renaissance, the entrepreneur.

Бекишиев А. А.

Всестороннее правовое регулирование предпринимательской деятельности и широкое изучение предпринимательского права становятся важными факторами успеха проводимых в стране экономических реформ.

Предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Предпринимательское право отражает основные аспекты правового регулирования как предпринимательской деятельности, так и деятельности предпринимателей. Предпринимательское право включает основы правового механизма регулирования предпринимательской деятельности, представляющего комплекс имущественных отношений (по субъектам, объектам, договорным обязательствам и др.), в выработке навыков применения законодательства при решении правовых вопросов, касающихся деятельности предпринимателей.

Как отрасль права предпринимательское право представляет собой совокупность норм, регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности, а также тесно связанные с ними отношения (предшествующие, сопутствующие, сменяющие), в том числе отношения по государственному регулированию предпринимательской деятельности. Также предпринимательское право можно рассматривать как отрасль законодательства (совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность), как науку (систему знаний о предпринимательском праве, истории и тенденциях его развития) и как учебную дисциплину (систему обобщенных знаний о предпринимательском праве как отрасли права, нормативной базе предпринимательского права и практике ее применения, а также о науке предпринимательского права).

В римском праве «предпринимательство» рассматривалось как занятие, дело, деятельность, особенно коммерческая. Под предпринимателем понимался арендатор, человек, ведущий общественное строительство. В средние века понятие «предприниматель» употреблялось в нескольких смыслах. Прежде всего, к ним относили лиц, занимавшихся внешней торговлей. Один из первых примеров такого предпринима-

тельства дает Марко Поло, путешественник, стоявший у истоков развития торговли между Европой и Китаем. Отправляясь в путешествие торговец (предприниматель) подписывал контракт с купцом (банком) на продажу товаров. Хотя во время такого путешествия на долю предпринимателя выпадали различные физические и моральные испытания, по его окончании он был вынужден 75% своей прибыли отдавать купцу (банку). К предпринимателям также относили организаторов парадов, балаганов и представлений. Кроме того, это понятие использовалось применительно к руководителям крупных производственных и строительных проектов. Глава такого проекта ничем ни рисковал — он всего лишь руководил всеми работами по его организации, используя предоставленные ему финансовые, материальные и торговые ресурсы.

Понятие предпринимательского риска получает свое развитие в XVII в., когда предпринимателем стали называть человека, заключившего с государством контракт на выполнение работ или на поставку определенной продукции. Поскольку стоимость контракта была ранее оговорена, размеры прибыли или убытков определяла удачливость самих предпринимателей. В экономической литературе понятие «предприниматель» впервые появилось во Всеобщем словаре коммерции, изданном в Париже в 1723 г., где под ним понимался человек, берущий на себя «обязательство по производству или строительству объекта».

В качестве научного термина понятие «предприниматель» появилось в работах известного английского экономиста начала XVIII в. Ричарда Кантильона. Он разработал первую концепцию предпринимательства, а под предпринимателем понимал человека, действующего в условиях риска, в связи с тем, что торговцы, фермеры, ремесленники и прочие мелкие собственники покупают по определенной цене, а продают по неизвестной.

Француз К. Бодо пошел дальше Р. Кантильона. Он отмечает, что предприниматель должен обладать определенным интеллектом, т. е. различной информацией и знаниями. Другой французский экономист Тюрго считал, что предприниматель должен обладать не только определенной информацией, но и капиталом. Он отмечал, что капитал служит основой всей экономики, прибыль — цель успеха предпринимателя, основа развития производства.

А. Маршалл и его последователи большое внимание уделяли организаторской функции предпринимателя и считали, что не каждый желающий может быть предпринимателем, выделяя предпринимательские способности.

Любая нация гордится плодами деятельности своих предпринимателей. Но любая нация и каждый ее отдельный представитель гордятся и своей причастностью к воплощению какой-либо конкретной предпринимательской идеи. Предпринимательство как одна из конкретных форм проявления общественных отношений способствует не только повышению материального и духовного потенциала общества, не только создает благоприятную почву для практической реализации способностей и талантов каждого индивида, но и ведет к единению нации, сохранению ее национального духа и национальной гордости.

Что касается российской юридической науки, то истоки науки хозяйственного и предпринимательского права берут своё начало в трудах виднейших российских учёных-юристов XVIII — начала XIX вв., связавших свою жизнь и творчество с Московским университетом.

К. Д. Ушинский, окончивший юридический факультет Московского университета, в своих работах (середина XIX в.) впервые в правовой науке обосновывал необходимость выделения из гражданского права в качестве самостоятельной правовой отрасли хозяйственного права. Следует также учитывать, что проблемы правового регулирования предпринимательства в Российской империи исследовались учёными в сферах гражданского, торгового, финансового, земельного права, что свидетельствовало о комплексной природе науки и отрасли предпринимательского права.

В 1876 г. профессор Н. О. Нерсесов в целях специального изучения проблем правового регулирования предпринимательской деятельности основывает в Московском университете кафедру торгового права и впервые в университете приступает к чтению лекций по торговому праву, а позднее (в 1896 г.) публикует книгу «Торговое право».

Заметный вклад в формирование идей предпринимательского права внёс И. И. Янжул, в конце XIX — начале XX в. профессор Московского университета, получивший образование в сфере права, экономики и финансов в Москве, Лондоне, Лейпциге и Дрездене, в своих трудах особое внимание уделял вопросам правового регулирования предпринимательства в Российской империи и, прежде всего, в сфере производственной деятельности (конец XIX — начало XX в.), а также ставил вопрос о неразрывном сочетании частноправовых и публично-правовых начал в регулировании предпринимательских (торговых, промышленных, земельных и т. п.) отношений.

Следует отметить, что научные идеи предпринимательского права также получили своё развитие в работах других величайших учёных, жизнь и творчество которых не связаны с Московским университетом, но о которых необходимо упомянуть: П. П. Цитовича («Учение о предпринимательской прибыли» (Киев, 1889); «Очерки по теории торгового права» (СПб., 1902)); Г. Ф. Шершеневича («Курс торгового права» (М., 1908)), а также А. И. Каминки («Акционерные компании. Юридическое исследование» (СПб. 1902); «Предпринимательские союзы (очерки картельного права)» (СПб., 1909); «Основы предпринимательского права» (Петроград, 1917)).

В дореволюционной России развивалось международное и частное торговое право. Существование частного торгового права явилось результатом возникновения внутри государства многочисленных и сложных юридических отношений между частными лицами по поводу торговли. Торговое право опре-

делялось как совокупность норм частного права, имеющих ближайшее соприкосновение с торговым оборотом. В качестве источников русского торгового права можно назвать Устав торговый, Устав о промышленности, Устав кредитный, Устав о векселях, Общий устав российских железных дорог, Положение о государственном промысловом налоге, Устав судопроизводства торгового. В дореволюционной российской науке не было единого мнения о месте торгового права среди иных отраслей. Так, несмотря на существование самостоятельных источников и специфичность предмета правового регулирования, торговое право дореволюционной России Г. Ф. Шершеневичем рассматривалось не в качестве самостоятельной отрасли, а как специальная часть гражданского права. При этом Г. Ф. Шершеневич отмечал «стремление торгового права к обособлению в научном и законодательном отношении». Вместе с тем такие виднейшие ученые, как П. П. Цитович и А. И. Каминка, признавали торговое право самостоятельной отраслью русского права. После революции 1917 г. экономическая и политическая ситуация в стране коренным образом изменилась. Начала складываться плановая экономика, хозяйственная деятельность осуществлялась в основном государственными предприятиями. Возникла необходимость формирования принципиально нового типа законодательства, адекватного крайне специфическим социально-экономическим условиям. Зародилась и начала развиваться концепция хозяйственного права. Однако наука хозяйственного права неодинаково трактовала правовое регулирование хозяйственной деятельности в разные периоды истории.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева Д. Г., Андреева Л. В., Андреев В. К. Российское предпринимательское право / Под ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. — М., 2010.
2. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система — общие вопросы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
3. Предпринимательство: Учеб. для вузов / Под ред. В. Я. Горфинкеля, Г. Б. Поляка, В. А. Швандара. — 4-е изд. перераб. и доп. — М., 2005.
4. Савелов В. П. Хозяйственное (предпринимательское) право: Учеб. курс. — М., 2006.

Остапович И. Ю.

РОЛЬ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕДИНСТВА И СОГЛАСОВАННОСТИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРАВОВЫХ НОРМ

В статье рассмотрена практика Конституционного Суда Российской Федерации и показана её роль в системе российского права. Отмечено, что Конституционный Суд своими решениями оказывает согласованное влияние не только на законодателя, но и на единство правоприменительной практики.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, единство правовых норм, законодатель, правоприменитель.

Ostapovich I. Yu.

ROLE OF PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENSURING UNITY AND COHERENCE OF THE EXISTING PRECEPTS OF LAW

In article practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is considered and its role in system of Russian law is shown. It is noted that the Constitutional Court by its decisions has the coordinated impact not only on the legislator, but also on a unity of law enforcement practice.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, unity of precepts of law, legislator, law enforcement official.

Остапович И. Ю.

В современных условиях не вызывает сомнения существенный рост влияния решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) на развитие конституционно-правовой доктрины, нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также единство и согласованность правовых норм. Нормативность некоторых его решений может влечь как непосредственное применение, так и корректировку действующего законодательства на основе решений КС РФ.

Большинство российских конституционалистов связывает это с исключительной прерогативой Конституционного Суда РФ в части правовой охраны российской Конституции¹. В настоящей статье рассмотрим два аспекта деятельности Конституционного Суда РФ, оказывающих влияние на обеспечение единства и согласованности правовых норм: 1) признание положений действующего законодательства не соответствующими Конституции РФ; 2) выявление конституционно-правового смысла отдельных положений проверяемого акта при условии признания их не противоречащими основному закону. В свою очередь, анализ постановлений и определений, принятых Конституционным Судом РФ, позволяет разделить указанные аспекты на несколько групп.

Во-первых, решения, в которых положения действующего законодательства признаются несоответствующими Конституции РФ по смыслу нормы, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой. Из таких постановлений Конституционного Суда РФ можно сделать вывод о том, что в количественном отношении эта группа доминирует над остальными, составляя 48% от общего числа. В данном случае федеральному законодателю рекомендуется внести изменения, с помощью которых будет создан правовой режим, характеризующийся большей степенью определенности.

Так, например, в Постановлении от 11 апреля 2011 г. № 4-П Конституционный Суд исследовал правовые основы передачи после вступления в силу Жилищного кодекса РФ общежитий в подведомственность органов местного самоуправ-

ления и возможность заключения с жильцами договоров социального найма.

Согласно сформулированной правовой позиции, праву на жилище корреспондирует обязанность государственных органов создавать условия для его реализации, в том числе путем предоставления жилья бесплатно. Оспариваемая норма не позволяет применять правила о договоре социального найма к отношениям пользования жилыми помещениями, которые находились в общежитиях и были переданы в ведение органов местного самоуправления. Не предусматривает рассматриваемая норма и заключения договора социального найма, если граждане были вселены в них после введения в действие Жилищного кодекса РФ, и само общежитие было передано в муниципальную собственность после 1 марта 2005 г. В связи с этим положения ст. 7 ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в этой части были признаны не соответствующими Конституции РФ².

Действия законодателя при исполнении рассмотренного постановления – определить круг субъектов, с которыми может быть заключен договор социального найма в отношении указанных жилых помещений. В данном случае можно говорить о нормативности как вынесенного постановления, так и содержащейся в нем правовой позиции. Постановление является окончательным и общеобязательным, устанавливает формальную определенность в отношении ограничений в заключении договора социального найма жилого помещения. Правовая позиция, в свою очередь, раскрывает принципы временного правового регулирования части жилищных правоотношений. Так, до внесения изменений в жилищное законодательство государство должно гарантировать равенство прав граждан, проживающих в общежитиях, независимо от даты их вселения или передачи общежития на баланс органов местного самоуправления. В связи с этим договоры социального найма с такими субъектами должны заключаться. Именно так

1 См.: Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Проспект, 2009. – С. 18.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2011 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой граждан А. С. Епанечникова и Е. Ю. Епанечниковой // Российская газета. – 2011. – 22 апр.

федеральный законодатель изменил правовую норму, т.е. в соответствии с решением КС РФ³.

Во-вторых, решения, в которых положения действующего законодательства признаются несоответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они позволяют во взаимосвязи с другой нормой, ущемлять права. Таких постановлений около 37% среди всего массива.

Рассмотрим пример. Так, в Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П Конституционный Суд РФ указал, что не соответствует Конституции РФ положение ч. 1 ст. 188 УК РФ, позволяющее при привлечении к уголовной ответственности определять крупный размер контрабанды, исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которая законом разрешена для ввоза без декларирования. Вследствие этого указанное положение, определенное КС РФ, утрачивает силу, не подлежит применению, а основанные на нем решения судов должны быть пересмотрены⁴. Федеральному законодателю в данном решении не было предписано внести изменения в ст. 188 УК РФ, однако правовая позиция Конституционного Суда РФ была в будущем учтена при совершенствовании положений УК о контрабанде.

Так, спустя два года (апрель 2010 г.) крупный размер в был определен УК РФ в сумме 1 млн 500 тыс. руб. В декабре 2011 г. ст. 188 исключена из УК РФ, в двух других статьях – 226.1 и 229.1 – была установлена ответственность за контрабанду специальных предметов (оружия, наркотиков). В июне 2013 г. установлена самостоятельная ответственность за контрабанду наличных денежных средств в ст. 200.1 УК РФ. В ней крупный размер незаконно перемещенных денежных средств определен более точно и без возможности двусмысленного толкования.

Возможно, указание в резолютивной части постановления конкретных способов устранения правовой неопределенности повлекло бы более быстрое внесение изменений в УК РФ. В данном случае при соблюдении условий об всеобщности и окончательности правило поведения (уголовно-правовой запрет) подверглось частичной модернизации.

В-третьих, решения, в которых положения действующего законодательства признаются не соответствующими Конституции РФ, но при этом выявляется конституционно-правовой смысл определенного положения закона, которому придается всеобщность. Таких постановлений меньше, их около 9% из всех принятых. Рассмотрим одно из них.

7 ноября 2012 г. в Постановлении № 24-П Конституционный Суд РФ, ссылаясь на ранее сформулированные правовые позиции, указал следующее. В силу верховенства и прямого действия Конституции РФ, КС РФ не может быть лишен возможности устанавливать конституционный режим применения нормы, которая признана им не противоречащей Конституции РФ. Эта возможность необходима для того, чтобы исключить неконституционное истолкование этой нормы в правоприменении⁵. При том, что такая норма сохраняет юри-

дическую силу и действует (и, соответственно, подлежит применению) именно в пределах ее конституционно-правовой интерпретации. Она может действовать и применяться только в нормативном единстве с подтвердившим ее конституционность решением Конституционного Суда РФ. В данном случае нормативность решения заключается в новом, конкретизирующем конституционно-правовом правиле поведения.

Иное понимание последствий конституционно-правового истолкования нормы означало бы возможность ее применения в противоречие Конституции РФ и не соответствовало бы правовой природе и юридической силе решений Конституционного Суда РФ. В данном случае возможные действия законодателя сведены к минимуму. Более того, он вообще может не предпринимать никаких действий, поскольку сама норма не признана утратившей силу.

Данный пример демонстрирует специфическое направление деятельности Конституционного Суда РФ в части обеспечения единой системы нормотворчества. По сути, реализуя эту задачу, он создает правовую позицию, в рамках которой правовая норма получает новую интерпретацию. Ни правовая позиция, ни само решение (постановление) не являются нормативными правовыми актами, но при этом его нормативность превосходит юридическую силу закона.

В-четвертых, решения, в которых положения закона частично признаются не противоречащими, а частично – не соответствующими Конституции РФ. Так, например, в Постановлении № 20-П от 10 октября 2013 г. Конституционный Суд РФ указал, что конституционной природой избирательных прав предопределяется обязанность государства создавать условия, которые обеспечивали бы адекватную реализацию гражданами права на участие в управлении делами государства⁶. Непосредственно в Конституции РФ установлено, что «...не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда».

Достаточно интересным в данном контексте представляется и следующее обстоятельство. 4 июля 2013 г. Европейский суд по правам человека в решении по делу «Анчугтов и Гладков против России» признал, что именно указанные положения российской Конституции входят в противоречие со ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо урегулировать данную коллизию путем политического процесса, либо путем дачи официального толкования Конституции. В отношении этого решения было сформулировано особое мнение судьей Конституционного Суда России С. Д. Князевым, в котором указывалось, что ЕСПЧ в данном случае не учитывает внутригосударственную иерархию правовых норм и прямое действие российской Конституции⁷.

3 О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»: Федер. закон от 02.10.2012 № 159-ФЗ [принят Гос. Думой 21.09.2012] // Российская газета. – 2012. – 5 окт.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламзян // Российская газета. – 2008. – 07 июня.

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 07.11.2012 № 24-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О со-

циальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» в истолковании, приданном ее положениям в правоприменительной практике после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в связи с жалобой гражданина Р. Инамова // Российская газета. – 2012. – 16 нояб.

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 г. № 20-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – 16 окт.

7 См.: Князев С. Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 5–12.

Анализируя запреты на занятие должностей, установленные в связи с наличием судимости для разных категорий лиц, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что все они, за исключением запрета быть избранным, являются законодательно обоснованными, связанными с особой правовой природой совершенного преступления или занимаемой должности.

В резолютивной части постановления КС РФ оспариваемая норма, во-первых, признана соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой может применяться для занятия такими лицами выборных публичных должностей после отбытия ими наказания. Во-вторых, она признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой ей установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан РФ, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений.

В целях обеспечения единства правовых норм в постановлении Конституционного Суда РФ сформулированы две обязывающие рекомендации федеральному законодателю. Во-первых, незамедлительно внести надлежащие изменения в положения ФЗ РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Во-вторых, – установить процессуальные гарантии, обеспечивающие возможность восстановления пассивного избирательного права граждан, судимость которых снята или погашена (Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 г. № 20-П).

Отдельно необходимо упомянуть о делах, рассмотренных Конституционным Судом РФ, в которых несоответствие проверяемых положений обосновано их нормативным единством. Указанное единство устанавливалось Конституционным Судом РФ между положениями законов разной отраслевой принадлежности (в частности, Уголовным и Гражданским кодексами РФ⁸) или же между положениями закона и нормативного правового акта органа исполнительной власти⁹.

В своих постановлениях Конституционный Суд РФ неоднократно упоминает о том, что правовые нормы должны соответствовать критериям определенности, ясности, недвусмысленности (постановление от 27 февраля 2003 г. № 1-П, постановление от 14 ноября 2005 г. № 10-П и др.). При этом положения закона, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения.

В конечном итоге, указывает Конституционный Суд РФ, это ведет к нарушению конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 5 июля 2001 г. № 11-П, от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 6 апреля 2004 г. № 7-П, от 21 января 2010 г. № 1-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П и др.).

Таким образом, установив общность правового регулирования, Конституционный Суд РФ формулирует позицию, на основании которой должны быть внесены изменения в действующее законодательство. При этом нормативность решений Конституционного Суда РФ ограничивает свободу усмотрения законодателя при изменении правового регулирования. Выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл правовой нормы является обязательным не только для законодателя, но и для правоприменителя и не может быть отвергнут или преодолен в законодательной и правоприменительной практике. Поэтому можно сделать вывод о том, что принимая активное участие в единстве и согласованности действующих правовых норм Конституционный Суд РФ занимает ключевое место в системе права и получает специфическое воплощение, обусловленное особым статусом органа конституционного контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Дидикин А. Б. Роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в развитии науки конституционного права и конституционно-правовой доктрины // Современное право. – 2008. – № 11.
2. Князев С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. – 2013. – № 12.
3. Маклаков В. В. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Проспект, 2009.
4. Митюков М. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде России: некоторые политико-правовые дискуссии при разработке и принятии. – Saarbrücken: LAP.
5. Невинский В. В. Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти: избранные научные труды. – М.: Формула права, 2012.
6. Остапович И. Ю. Органы конституционного контроля на постсоветском пространстве: на примере Конституционного Суда Республики Беларусь, Конституционного Совета Республики Казахстан и Конституционного Суда Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 2 (81).

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева // Российская газета. – 2015. – 20 апр.

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 // Российская газета. – 2004. – 14 апр.

Ибаев Р. К., Омарова З. Н.
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Данная статья посвящена проблемам федерализма в России. Федеративное государство – это устойчивая и благополучная форма государственного устройства. Он также является инструментом для сохранения государств от распада. Некоторые признаки федерализма давно уже применяются во многих унитарных странах. Россия – это одна из родоначальниц федерализма. Федерализм можно характеризовать так же, как демократию в самоопределении народов.

Ключевые слова: конституция, федеративное государство, федерализм, национальный признак, модель федерализма, федеральный договор.

Ibaev R. K., Omarova Z. N.
NATIONAL BASIS OF THE RUSSIAN FEDERALISM

This article deals with the problems of federalism in Russia. The federal state is a stable and safe form of government. It is also a tool for the preservation of the state of decay. Some signs of federalism have long been used in many unitary countries. Russia is one of the ancestors of federalism. Federalism can be characterized as well as democracy in the self-determination of peoples.

Keywords: constitution, a federal state, federalism, national trait, model of federalism, a federal contract.

Россия – это федеративное государство, где федерализм построен по национальному признаку. И это самый предпочтительный вариант государственного устройства, ведь в России в данный момент проживают около 200 национальностей и этносов, которые различаются друг от друга по языку, религии, культуре и расе.

Нельзя не отметить и тот факт, что важную роль наряду с Конституцией РФ играет и Федеральный договор. «Федерализм – это инструмент, объединяющий народы России и, наконец, федерализм спас Россию от развала, а точнее Федеративный договор от 31 марта 1992 г. стал надежным механизмом для укрепления и обновления федеративных отношений между центром и регионами. Другими словами также можно сказать, что унитаризация и развал это синонимы»¹.

Федерализм в России строился снизу, а не сверху, как, например, в США и в некоторых других государствах. Самоопределяться или нет решали народы России сами и сами выбирали форму субъекта федерации (трудовая коммуна, автономная область, автономная республика). «Российская Федерация – это федеративное государство, созданное по воле ее многонационального народа»². Россия с момента своего возникновения обречена была стать многонациональным государством.

Федерализм – это форма государственного устройства, присущая только сильным и демократическим государствам. В слабых и тоталитарных странах такой формы государственного устройства не бывает. Тоталитаризм уничтожает федерализм, так как он является одной из форм демократии. Так было, например, в Германии в 1933 г., когда к власти пришли нацисты.

На нынешнем этапе развития России опасно требовать объявления унитаризма и роспуска национально-государственных образований. Единство и стабильность Российской государственности заключается в учете интересов всех народов и

Ибаев Р. К.

Омарова З. Н.

территорий страны. Нежелание идти по этому пути и неспособность идти по пути федерализма – это и есть главная причина развала нашей страны. Еще Александр I пытался использовать принцип федерализма в совершенствовании государственного устройства России. Национальный вопрос всегда был болезненным и проблемным вопросом для правительства России. Большевики в полной мере осознали острую актуальность этой проблемы и использовали ее для своих целей в политической борьбе. Одними из первых большевистских актов были Декларация прав народов России и декларация «Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока». В них излагались такие требования, как равенство и суверенность народов России, право народов России на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, свободу совести, верований, обычаев и т.д. Эти акты были очень прогрессивными и популярными как в России, так и во всем мире.

Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила Россию федерацией. В марте того же года центром была сделана попытка сформировать автономию в рамках федерации. Так была создана Татаро-Башкирская Советская Республика. Но в мае 1920 г. она распалась на две республики. Федеральный центр таких попыток больше не предпринимал, и национально-государственные образования возникали самостоятельно без вмешательства центра. Федеративное устройство страны служит гарантией обеспечения территориальной целостности страны.

Конституция Российской Федерации 1993 г. (ст. 1) закрепила федеративное устройство страны, состоящей из равноправных субъектов Российской Федерации. Равноправными стали края, области, города федерального значения, а не только национально-государственные образования. Следует отметить, что не во всех федеративных государствах такое положение

1 Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: 2000. – Ст. 93.

2 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. – М.: Юрист, 2008.

ние. Российский федерализм строится с учетом исторического опыта взаимоотношений центра и регионов. Несмотря на петроту национально-государственных образований, все субъекты федерации равны между собой, будь то республика или автономный округ. В этом заключается принцип взаимоотношений федерального центра и регионов.

С этим совпадает и мнение такого ученого, как Ш. Ш. Ягудина: «Главная цель национальной политики Российской Федерации – это равноправное и свободное развитие в составе такого многонационального государства, как Российская Федерация. Это благоприятные и гарантированные законами Российской Федерации условия в составе многонационального народа России. Национальная политика вырабатывается на основе тщательного научного анализа, изучения и обобщения этнополитологией исторической практики развития наций. Федерализм представляет собой не только форму государственного устройства, но и принцип взаимоотношений федерального центра и субъектов федерации. Взаимоотношения федерального центра и субъектов федерации в последние годы формировались в условиях укрепления вертикали власти и в новом веке уже несли на себе отпечаток унитарности. Вместе с тем новейший опыт развития федеративных отношений в России позволил использовать во благо многонационального населения нашей страны огромный потенциал саморазвития Российского государства в самостоятельности и разнообразии его национальных окраин, которые отличаются друг от друга не только национальным, но и религиозным отличием».

Новый российский федерализм – явление новое, развивающееся, а потому открытое для совершенствования и с учетом накопленного отечественного и зарубежного опыта. Этот тезис, отражающий один из важных аспектов субсидиарности, на наш взгляд, естественен, очевиден и бесспорен. Вот почему с позиций научного анализа нельзя согласиться с доводами о том, что существующая модель российского федерализма идеальна для разнообразных и контрастных условий России, неизменна, что эта модель адекватно отражает эти условия и не может корректироваться, в том числе и самой жизнью, политико-правовой практикой.

Любая модель федерализма, в том числе и российская, построенная по национальному признаку служит интересам людей и народов, способствует их прогрессу и процветанию. И этот аспект, на наш взгляд, также мало кто отрицает, хотя есть и исключения³.

Важнейшей правовой основой российского федерализма является Конституция Российской Федерации. Применительно к теме в ней, отражая объективную реальность страны, в основы конституционного строя возведены равноуровневость субъектов Федерации, их различные статус и, естественно, статусные полномочия. Такие основополагающие и общепризнанные принципы построения федерации, как определение человека, его прав и свобод высшей ценностью. Такие, как равноправие и самоопределение народов, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий, полнота государственной власти субъектов Российской Федерации.

Российская модель федерализма впитала в себя все самое лучшее как из отечественного, так и из зарубежного опыта. Это идеально новая модель федерализма, учитывающая интересы всех народов. Таким образом, не будет лишним отметить, что

российский общественный деятель С. Е. Шишков тоже обращает внимание на эти обстоятельства: «Современный российский федерализм – это социально-практическая идеология единства русского народа, главное социально-политическое требование времени, которое переживает страна, это предельно конкретная, основанная на идее прав народа, форма реализации общественного договора, без которой невозможно развитие правового государства, гражданского общества, свободной экономики. Российский федерализм как качественно новый этап развития федерализма, утверждающий идею прав народа, открывает также путь к справедливому федерализму, учитывающему национальные, конфессиональные и экономические интересы всех народов, проживающих в стране. Таким образом, федеративное устройство России именно в таком виде, который существует в данный момент, служит сохранению многообразия различных народов и единства страны».

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: 2000. – Ст. 93.
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. – М.:Юрист, 2008.
3. Ягудин Ш. Ш. Федерализм: российское и швейцарское измерения. – Казань, 2001. – Ст. 13.

3 Ягудин Ш. Ш. Федерализм: российское и швейцарское измерения. – Казань, 2001. – Ст. 13.

Чикотина Н. В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА

Автор анализирует конституционно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Анализируется компетенция регионального парламента, его место в системе органов государственной власти субъекта Федерации. Выделяется в качестве самостоятельного элемента конституционно-правового статуса регионального парламента порядок его формирования.

Ключевые слова: парламента, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Федерации, выборы, конституционно-правовой статус, компетенция.

Chikotina N. V.

SOME PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE REGIONAL PARLIAMENT

The author analyzes the constitutional and legal status of the legislative (representative) body of state power of subject of the Russian Federation. The competence of the regional parliament, its place in the system of state authorities of the Federation are analyzed. A procedure of formation of the regional parliament as a separate element of its constitutional and legal status is singled out.

Keywords: parliament, the legislative (representative) body of state power of the subject of the Federation, election, the constitutional and legal status, competence.

Чикотина Н. В.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 г. государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти. Система органов государственной власти субъектов Федерации устанавливается самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом.

В настоящее время таким законом является Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон) с последующими изменениями и дополнениями. Систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации образуют органы, которые условно можно разделить на обязательные и образуемые субъектом Федерации самостоятельно, а, следовательно, организация и деятельность последних обеспечивается за счет собственных средств и ресурсов субъекта Федерации.

К числу обязательных органов государственной власти, которые должны быть образованы в субъекте Российской Федерации, следует отнести законодательный (представительный) и высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации. Однако, хотя Конституцией (Уставом) субъекта Российской Федерации может быть установлена должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, фактически данная должность является обязательной и без нее, по нашему мнению, сложно представить себе полноценную систему высших органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации согласно ч. 1 ст. 4 вышеуказанного закона является постоянно

действующим, высшим и единственным органом законодательной власти. Следует отметить, что перечень обязательных органов государственной власти субъекта открывает именно региональный парламента. Полагаем, что это подчеркивает важность и приоритетность высшего органа народного представительства, обладающего законодательной функцией на территории соответствующего субъекта Федерации. На наш взгляд, несмотря на некоторые различия и региональную специфику, конституционно-правовой статус законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации, термины «региональный парламента», «законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации», «парламент субъекта Федерации» и «законодательный орган власти субъекта Федерации» и т.д. и т.п. имеют одно смысловое значение и могут использоваться в одном контексте.

Анализируя конституционно-правовой статус регионального парламента, необходимо исходить из характеристики элементов, образующих его статус. К числу основных элементов относятся принципы организации и деятельности, компетенция, порядок образования регионального парламента. Следовательно, конституционно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации можно определить как совокупность юридических норм, регламентирующих процедуру его образования, основу его организации и деятельности, внутреннюю структуру, устанавливающих компетенцию и принципы взаимоотношений с иными органами государственной власти. Особенности правового статуса регионального парламента позволяют определить его место и значение в системе органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Нельзя не согласиться с М. В. Демидовым, что при определении правового статуса органов государственной власти необходимо исходить, прежде всего, «из функционального предназначения органа государственной власти, основанного на принципе разделения властей. Только структурированная на основе такого подхода система государственных органов спо-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

собна обеспечить сбалансированное и эффективное осуществление государственной власти»².

Принцип разделения властей, положенный в основу взаимоотношений законодательного и исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации, обеспечивает сбалансированность полномочий и исключает сосредоточение всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица. Именно положение регионального парламента, по мнению М. В. Баглая, определяется принципом разделения властей. Роль законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Федерации кажется менее заметной, поскольку самые принципиальные вопросы государственной жизни регулируются федеральным законодательством, а в решении насущных проблем региона доминирующую роль играет исполнительная власть³.

Место регионального парламента в системе высших органов государственной власти субъекта Федерации определяется не только осуществляемыми им функциями, но и сложившейся системой организации органов государственной власти (то есть формой правления), которая раскрывает: способы формирования (образования); принципы управления; структуру высших органов государственной власти; модели разграничения компетенции между высшими органами государственной власти; степень участия населения в формировании высших органов государственной власти; ответственность субъекта, наделенного верховной властью, перед населением⁴. И. С. Назарова также считает, что «исходным в комплексе конструктивных особенностей представительной природы законодательной власти является форма правления. От формы правления зависят статусные характеристики парламента, объем его компетенции, формы взаимодействия с исполнительной властью, наличие (или отсутствие) механизмов влияния на эту власть, возможность досрочного прекращения полномочий и др.»⁵.

В связи с этим региональный парламента играет определенную роль в политической жизни субъекта Федерации. Ведь по своему назначению законодательный орган субъекта Федерации должен представлять собой политическую арену, на которой противостоят друг другу различные идеологии тех или иных общественно-политических сил региона. Парламент субъекта Федерации является площадкой, на которой обсуждаются социально-экономические проекты и решаются жизненно важные вопросы региона. При необходимости региональный парламента принимает соответствующие нормативно-правовые акты различной юридической силы, используя свои прерогативы как высшего законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Однако известно, что помимо собственно представительской и законодательной функции, региональный парламента выполняет и контрольно-надзорную функцию над деятельностью органов исполнительной власти субъекта Федерации. Обращает на себя внимание тот факт, что конституционно-

правовой статус регионального парламента как контрольно-го органа государственной власти закрепляется в некоторых конституциях субъектов Российской Федерации (Республика Удмуртия, Республика Саха (Якутия)). В других субъектах Федерации контрольные полномочия региональных парламента закрепляются в законах субъектах, а не в конституциях (уставах).

По нашему глубокому убеждению, контрольно-надзорная функция над деятельностью органов исполнительной власти субъекта Федерации является неотъемлемым признаком, наряду с законодательной и представительской функцией регионального парламента. И деятельность регионального парламента не должна сводиться только к осуществлению законодательной и представительской функций.

В настоящее время процедуры парламентарного контроля определены статьями различных федеральных законов, причем в конкретных сферах общественных отношений⁶. Думается, что контролирующие функции законодателей должны быть прописаны более четко и компактно изложены в специальном федеральном законе, а также в конституции (уставе) или другом акте субъекта Российской Федерации. Необходимо, чтобы региональный парламента рассматривался не только как законодательный и представительный орган субъекта Федерации, но и как контрольно-надзорная инстанция, осуществляющая контроль за деятельностью исполнительной власти по соблюдению и исполнению законов. М. В. Демидов верно подмечает, что, как показывает практика, «пока еще обсуждение таких отчетов не всегда сопровождается должной оценкой деятельности высшего органа исполнительной власти за отчетный период со стороны депутатского корпуса. Нередки случаи, когда отчет носит характер обычной информации о деятельности высшего исполнительного органа субъекта без каких-либо правовых последствий»⁷.

Компетенция регионального парламента устанавливается федеральным законодательством и исчерпывающим образом определяется законодательством соответствующего субъекта Федерации. Принятие нормативно-правовых актов, решение кадровых вопросов, утверждение, назначение, и другие организационно-функциональные полномочия направлены на обеспечение жизнедеятельности органов государственной власти субъекта, а также на решения проблем социально-экономического характера тех или иных категорий граждан.

Однако, по нашему мнению, к числу самостоятельных элементов конституционно-правового статуса регионального парламента следует отнести выборы депутатов. Ведь именно от того, какая избирательная система будет использоваться в процессе избрания депутатского корпуса, зависит эффективность выполнения функциональных полномочий парламента региона. Ведь политические партии, выражающие интересы граждан и различных общественных сил, представляют социально-экономическими программы, направленные на совершенствование организации и деятельности государственной власти субъекта Федерации и, прежде всего, на решение социальных и иных проблем региона.

В настоящее время используется смешанная избирательная система для избрания депутатов законодательного органа субъекта Федерации. Сложившаяся практика свидетельствует, что не менее половины депутатских мест распределяются среди партийного списка, то есть формируются по пропорциональной системе, а вторая половина депутатов избирается по мажоритарной системе относительного большинства. При этом в соответствии с ч. 4 ст. 4 Федерального закона говорится

2 Демидов М. В. Законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса и организации и деятельности // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 35.

3 См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. – 5-е изд. и доп. – М.: Норма, 2006. – С. 714.

4 Авдеев Д. А. Особенности российской формы правления // Государство и право. – 2010. – № 12. – С. 14.

5 Назарова И. С. Теоретико-правовые аспекты концепции представительного характера законодательной власти современного государства // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 29.

6 Там же.

7 Демидов М. В. Указ. соч. – С. 33.

о том, что не менее 25 % депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации должны избираться по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями. Данное правило не распространяется на законодательные органы государственной власти городов федерального значения.

Смешанная избирательная система является наиболее предпочтительной при избрании депутатов регионального парламента, так как она, во-первых, учитывает партийный принцип формирования депутатского корпуса, что дает определенный посыл для развития политическим партиям и предоставляет возможность гражданам Российской Федерации участвовать в управлении делами государства на региональном уровне и, во-вторых, предоставляет возможность гражданам непосредственно реализовывать свое пассивное избирательное право. Однако, как нам кажется, соотношение депутатов, избранных по мажоритарной системе относительного большинства, должно быть фактически большим по сравнению с депутатами, выдвигаемыми партийными списками, которые, кстати, носят закрытый характер, что является недостатком пропорциональной избирательной системы. Это, по мнению В. В. Никитина, показывает «уязвимость ее перед политическими технологиями, обезличенность части депутатского корпуса, процветание партийной коррупции»⁸. Также необходимо учитывать тот факт, что использование вида той или иной избирательной системы предопределяет заинтересованность граждан реализовывать свое активное и пассивное избирательное права.

В юридической литературе высказываются иные критические замечания относительно пропорциональной системы как таковой. В частности, по мнению М. С. Саликова, «отсутствие опыта участия в политической жизни в условиях многопартийной системы... будет способствовать обезличиванию власти, еще большему отдалению ее от рядовых граждан»⁹. Б. И. Макаренко считает, что общественность еще не готова к переходу на пропорциональную систему формирования депутатов, поскольку в стране отсутствует устойчивая партийная система, способная адекватно отражать интересы и реализовывать свои программы¹⁰.

По верному замечанию А. А. Горбачева, А. К. Сквикова, формирование депутатского корпуса по пропорциональной избирательной системе ограничивает возможности граждан, политических партий в выходе на уровень принятия политических решений¹¹.

Помимо собственно избирательных систем, используемых при выборах регионального парламента, не стоит забывать такую особенность формирования парламента субъекта, как квотирование, хотя имеющее исключительный характер. В частности, согласно Закону от 18 июня 2003 г. № 34-ОЗ «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» из общей численности депутатов Думы пятого созыва

(35 человек) избраны: 18 депутатов по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутых избирательными объединениями; 14 депутатов избраны по одномандатным избирательным округам; 3 депутата – по многомандатному избирательному округу, которым является территория Ханты-Мансийского автономного округа – Югры («квота представительства коренных малочисленных народов Севера»).

Вышесказанное позволяет утверждать, что не стоит сбрасывать со счетов такой выделяемый нами элемент правового статуса законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, как выборность и его значение в деятельности регионального парламента.

Таким образом, конституционно-правовой статус регионального парламента включает в себя элементы, которые предопределяют не только его правовое положение в системе государственной власти региона, но и позволяют определить те или иные существенные свойства функциональной деятельности органа законодательной власти субъекта Федерации. Правовой статус парламента субъекта Российской Федерации должен соответствовать выполняемым его основным функциям: представительской, законодательной и контрольно-надзорной. Это возможно лишь в случае законодательного обеспечения организации и деятельности рассматриваемого нами органа власти.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 11.
2. Авдеев Д. А. Особенности российской формы правления // Государство и право. – 2010. – № 12.
3. Горбачев А. А., Сквиков А. К. Тенденции и противоречия в процессе формирования Российского парламентаризма // Право и политика. – 2011. – № 5 (137).
4. Ерыгина В. И. Теоретические проблемы парламентаризма в истории политико-правовой мысли России конца XIX–XX в. // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7.
5. Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
6. Макаренко Б. И. Верна ли будет пропорция? // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2004. – № 1 (32).
7. Муллагалеева Р. Р. Правовое регулирование взаимодействия Государственной Думы Российской Федерации с законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации // Современное право. – 2014. – № 6.
8. Саликов М. С. Централизм и демократия: проблемы поиска баланса // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы. Материалы международной научной конференции. Москва, 7–9 апреля 2005 г. / Под ред. С. А. Авакьяна. – М.: ТК Велби, 2006.
9. Синцов Г. Б. О месте законодательной власти в системе разделения властей Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 4.
10. Степанова А. А. Конституционные цели и законодательство об организации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3.
- 8 Никитин В. В. Влияние избирательной системы на процесс трансформации общества и опыт РФ: Дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02 / Институт МЭ и МО РАН. – М., 2000.
- 9 Саликов М. С. Централизм и демократия: проблемы поиска баланса // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы. Материалы международной научной конференции. Москва, 7–9 апреля 2005 г. / Под ред. С. А. Авакьяна. – М.: ТК Велби, 2006. – С. 77.
- 10 Макаренко Б. И. Верна ли будет пропорция? // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2004. – № 1 (32). – С. 6.
- 11 Горбачев А. А., Сквиков А. К. Тенденции и противоречия в процессе формирования Российского парламентаризма // Право и политика. – 2011. – № 5 (137). – С. 761.

Белова И. А., Акимов М. Ю.

АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МАЛОГО БИЗНЕСА

В статье рассматривается вопрос взаимодействия органов местного самоуправления с представителями малого бизнеса на примере муниципального образования городского округа субъекта Российской Федерации. Анализ ситуации развития малого бизнеса доказывает, что это одна из наиболее динамично развивающихся сфер экономики региона. В то же время, многочисленными научными исследованиями подтверждается противоречивость общественных отношений института публичной власти и представителей малого бизнеса.

В работе делаются ссылки на нормативно-правовые акты муниципального образования субъекта Российской Федерации, содействующие реализации полномочий органов местного самоуправления по взаимодействию с представителями малого бизнеса. Приведенные в статье итоги социально-экономического развития города подтверждают устойчивость развития малого бизнеса на уровне муниципального образования.

Ключевые слова: полномочия органов местного самоуправления, исполнительно-распорядительный орган муниципального образования, взаимодействие органов местного самоуправления и бизнеса.

Belova I. A., Akimov M. Yu.

CURRENT PRACTICES OF REGIONAL COOPERATION OF LOCAL GOVERNMENT WITH REPRESENTATIVES OF SMALL BUSINESS

The article discusses the interaction of local authorities with the representatives of small business on the example of the municipality of the urban district of the Russian Federation. Analysis of the situation of small business development proves that it is one of the fastest growing sectors of the economy of the region. At the same time, numerous scientific studies confirm the contradictory social relations between the institute of public authorities and small businesses. In this paper, reference is made to the regulations of the municipality of the Russian Federation to facilitate the implementation of the powers of local self-management for interaction with representatives of small business. The results of socio-economic development of the city confirms the stability of small business development at the municipal level.

Keywords: the powers of local authorities, executive body of the municipality, cooperation of local governments and businesses.

Местное самоуправление в Российской Федерации, как элемент гражданского общества через органы местного самоуправления вступает в общественные отношения с представителями бизнеса.

Проведенный теоретический анализ концептуальных подходов А. А. Аузана¹ к модели гражданского общества в России; исследований В. Н. Никонова² о российском и советском массовом сознании; работ Н. В. Петрова³ о государстве, бизнесе и гражданском обществе; трудов В. Б. Звоновского⁴ о социокультурном факторе административного ресурса в российских провинциях; исследований М. Г. Делягина⁵ о бизнесе, власти и обществе; Г. М. Заболотной⁶ о региональной политике и других, позволяет сделать выводы о противоречивости

1 Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Auzan.pdf>

2 См.: Никонов В. Н. Российское и советское в массовом сознании // Современная российская политика: Курс лекций / Под ред. В. Н. Никонова. – М.: ОЛМА. – Пресс, 2003.

3 См.: Петров Н. В., Титков А. С. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

4 См.: Звоновский В. Б. Социология пространства повседневности. – Самара: «Самарский университет», 2000.

5 Делягин М. Г. Бизнес, власть, общество: три сосны Российской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/delyagini.htm>.

6 См.: Заболотная Г. М. Социально-политическое пространство региона: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – Тюмень: ТГУ, 2003.

Белова И. А.

Акимов М. Ю.

общественных отношений института публичной власти и представителей бизнеса:

– взаимодействие власти и бизнеса взаимообусловлены взаимовыгодным интересом. Интересы бизнеса заключаются в том, что бы власть была эффективной. Неэффективная власть способна подчинить бизнес себе, «способна задушить творческий потенциал» бизнеса, а затем и потенциал и всего общества, как это имело место при социализме. По оценке интегрального рейтинга «Ведение бизнеса – 2012» за 2011 год Россия находится на 120 месте из 183 по комфортности ведения бизнеса и наличия административных барьеров;

– бизнес активнее института публичной власти, вследствие чего власть ориентируется на выстраивание отношения с ним. В этой сфере бизнеса имеются значительные резервы для эффективного решения многих наболевших городских проблем и повышения качества жизни населения области⁷.

По мнению М. Г. Делягина, «...эти отношения нельзя понять без третьей вершины «общественного треугольника»

7 См.: Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – №6 (16); Белова И. А., Акимов М. Ю. Институциональные условия развития механизмов взаимодействия власти и бизнеса // Научное обозрение. – 2014. – №12. Часть 3; Ларченко И. А. Способы сотрудничества власти и бизнеса: анализ региональных аспектов взаимодействия // Вестник самарского государственного университета. – 2013. – №2 (103); Ларченко И. Н., Акимов М. Ю. Социальные механизмы в практике развития системы профессионального образования // Научное обозрение. – 2014. – № 8. Часть 2.

– населения, этого великого и, при нормальной ситуации, безмолвствующего субъекта политической жизни...»⁸.

Опираясь на население, власть получает возможность говорить с бизнесом от имени всего общества, выполняя «свою функцию стратегического планирования».

Поставленные новые крупные национальные задачи порождают у общества вполне оправданные ожидания, и оно ждет от бизнеса не только новых идей, но и предложений по их претворению в жизнь.

Главной проблемой, сдерживающей сегодня развитие бизнеса, по данным многочисленных социологических исследований и опросов представителей малого бизнеса является несовершенство законодательства, налогообложения и финансово-кредитных механизмов.

Особо следует отметить, что развитие бизнеса сдерживается многочисленными административными барьерами, особенно при регистрации предприятий, лицензировании видов деятельности, выделении производственных и торговых помещений, осуществлении контролирующими организациями контрольно-ревизионных функций и т.п.

Рассмотрим, как выстраиваются взаимоотношения института публичной власти и представителей бизнеса на примере Тюменского региона. Губернатор Тюменской области В. В. Якушев в статье «Бизнес и власть: партнерство ради будущего» отмечает, что «система взаимодействия власти и бизнеса в Тюменской области основана на принципах социального партнерства...». По его мнению, власть в регионе призвана создавать условия для развития всех сфер жизни, а задача бизнеса – расширяться и действовать в заданных условиях. От бизнеса в регионе ожидают:

- помощи в решении важных проблем занятости населения региона;
- помощи в решении социальных вопросов региона;
- выполнение обязательств перед бюджетом всех уровней и работниками.

Однако, в рамках долгосрочных ориентиров инновационного развития Российской Федерации, от бизнеса также ждут «...обеспечение активного участия в определении и финансировании приоритетов научно-технического развития, в том числе путем формирования технологических платформ...»⁹.

Принимая во внимания региональные исследования в сфере муниципального права тюменских ученых-юристов Г. Н. Чеботарева¹⁰, А. А. Шишкина¹¹, обратимся к описанию полномочий органов местного самоуправления на примере муниципального образования городского округа города Тюмени.

Деятельность Администрации города Тюмени как исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, осуществляющего работу по поддержке малого бизнеса, обеспечивается в рамках Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

8 Делягин М. Г. Бизнес, власть, общество: три сосны Российской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/delyagini.htm>.

9 Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение: [утверждено Правительством РФ 8 декабря 2011 г., № 2227-р] / Интернет-портал Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/9282/>.

10 См.: Чеботарев Г. Н. Развитие конституционных основ местного самоуправления в Российской Федерации. Монография. – Тюмень, 1995.

11 См.: Шишкин А. А. Правовые проблемы управления муниципальной собственностью в Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Тюмень, 1999.

Полномочия Администрации города Тюмени в области экономического развития, развития малого и среднего предпринимательства закреплены ст. 42 Устава города Тюмени. Перечислим их:

- осуществление реализации политики города Тюмени в сфере развития малого и среднего предпринимательства;
- создание условий для расширения рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, содействие развитию малого и среднего предпринимательства, оказание поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, благотворительной деятельности и добровольчеству.

Рассмотрим результаты реализации полномочий Администрации города Тюмени, как исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, в области развития малого и среднего предпринимательства за январь – декабрь 2014 года.

Так, на основе анализа документов за счет денежных средств бюджета города Тюмени 24 субъектам малого и среднего предпринимательства оказана муниципальная финансовая поддержка в форме субсидии на возмещение затрат по приобретению оборудования, проведению аттестации рабочих мест, сдаче отчетности в электронном виде, созданию сайта, обучению, на общую сумму 6 500 тыс. рублей.

По состоянию на 01.01.2015 года в целях оказания имущественной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства для осуществления предпринимательской деятельности передано в пользование 239 объектов муниципальной собственности.

Одной из действенных мер по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства является размещение муниципального заказа среди субъектов малого предпринимательства. Доля совокупного годового объема закупок товаров, работ, услуг для муниципальных нужд у субъектов малого предпринимательства, осуществленных в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в совокупном годовом объеме закупок товаров, работ, услуг для муниципальных нужд, предусмотренном планом-графиком закупок товаров, работ, услуг для муниципальных нужд, в 2014 году составила 18,2%.

Основные показатели развития малого и среднего предпринимательства:

- число субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 01.01.2015 года – 47 695 ед. (100,9% к 2013 году), в том числе, юридических лиц – 26 837 ед. (99,0% к 2013 году), индивидуальных предпринимателей – 20 858 ед. (103,5% к 2013 году);

- численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (с учетом вторичной занятости) по состоянию на 01.01.2015 года составила 123,94 тыс. человек (101,1% к 2013 году).

В структуру Администрации города Тюмени в соответствии с п. 3, 4 главы 5 Устава города Тюмени могут входить отраслевые (функциональные) и территориальные органы Администрации города Тюмени, то в положениях о функциональных органах (департаментах) отражены функции в части взаимодействия их с представителями малого бизнеса. К таким отраслевым (функциональным) органам Администрации города Тюмени относятся:

- департамент экономики и стратегического развития Администрации города Тюмени;

– департамент имущественных отношений Администрации города Тюмени и 12 других департаментов Администрации города Тюмени;

– органы специальной компетенции МКУ «Муниципальные закупки города Тюмени»; МКУ «Комитет по рекламе».

В муниципальном образовании городском округе городе Тюмени реализуется Муниципальная программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в городе Тюмени на 2015-2017 годы».

Ведется реестр субъектов малого бизнеса, как получателей поддержки, оказываемой органами местного самоуправления. Количество получателей поддержки представителей бизнеса увеличится к 2017 году до 1100 единиц с 950 единиц в 2014 году. Доля совокупного годового объема закупок товаров, работ, услуг для муниципальных нужд у субъектов малого бизнеса сохранится на уровне 2014 года – 15%. Доля расходов на субсидирование затрат субъектов малого и среднего в общих расходах на реализацию Программы изменится до 67% к 2017 году с 67,9% в 2014 году.

В целях содействия развитию малого и среднего предпринимательства в городе Тюмени, в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹², руководствуясь статьей 58 Устава города Тюмени¹² определен порядок создания координационных или совещательных органов в области развития малого бизнеса. Создан координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства в городе Тюмени. Положение о Координационном совете по развитию малого и среднего предпринимательства утверждено Постановлением администрации города Тюмени от 17.04.2008 № 42-пк. Принимаемые Советом решения носят рекомендательный характер.

Реализуются в полном объеме полномочия Администрации города Тюмени как исполнительно-распорядительного органа муниципального образования в части осуществления функции по формированию официальной статистической информации в установленной сфере деятельности, документированной информации по установленным формам, а также информации, полученной в связи с осуществлением ими контрольно-надзорных и других административных полномочий в отношении малого бизнеса.

Обеспечивается возмещение затрат представителям малого бизнеса по приобретению и установке программного обеспечения, средств криптографической защиты информации и электронной подписи по переходу на сдачу отчетности в органы государственной власти Российской Федерации в электронном виде с использованием электронной подписи: Управление Федеральной налоговой службы России по Тюменской области; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области; Отделение Пенсионного фонда России по Тюменской области; Тюменское региональное отделение Фонда социального страхования российской Федерации и др.

Реализуются в полной мере полномочия в части муниципальной финансовой и имущественной поддержке представителей малого бизнеса.

Определен перечень видов деятельности по 39 наименованиям, по которым представители малого бизнеса могут получить субсидии.

Субсидия предоставляется в соответствии постановлением Администрации города Тюмени от 20.05.2013 № 38-пк «Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги по оказанию муниципальной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства». Имущественная поддержка оказываться органами местного самоуправления представителями малого бизнеса в обязательном порядке.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы государственной власти полномочны осуществлять правовое регулирование прав органов местного самоуправления, осуществление исполнительно-распорядительных функций в отношении органов местного самоуправления и т.п. В части реализации данного полномочия возможна финансовая поддержка представителей малого бизнеса за счет средств областного бюджета.

Данный механизм отражен в Постановлении Правительства Тюменской области от 24.12.2012 № 555-п «О порядке предоставления субсидий на реализацию инновационных проектов, получивших поддержку ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере»; Постановлении Правительства Тюменской области от 01.04.2008 № 97-п «О Порядке предоставления субсидий субъектам малого предпринимательства Тюменской области, осуществляющим инновационную деятельность, на создание опытного образца технологической инновации».

Следует обратить особое внимание на реализацию полномочий органов местного самоуправления в части создания благоприятных условий для малого бизнеса путем учреждения некоммерческих организаций (бизнес-центр, фонды поддержки, бизнес-инкубаторы) в целях удовлетворения потребностей населения и обосновать сложность в реализации полномочий в этой сфере.

Нормативно-правовые акты органов местного самоуправления в этой сфере можно подразделить на два основных вида:

– нормативно-правовые акты представительных органов местного самоуправления, регулирующие установление порядка и распоряжения муниципальной собственностью. Подтверждающим примером может быть Распоряжение Администрации города Тюмени от 05.11.2014 г. № 824-рк «Об утверждении муниципальной программы «Повышение эффективности управления и распоряжения муниципальной собственностью города Тюмени на 2015 - 2017 годы»;

– нормативно-правовые акты представительных органов местного самоуправления, регулирующие порядок принятия решений о создании (учреждении), реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий и учреждений.

Так, в соответствии с постановлением Администрации города Тюмени 23.12.2010 г. № 140-пк утвержден Порядок создания, реорганизации, ликвидации муниципальных унитарных предприятий и муниципальных учреждений, изменения типа муниципальных учреждений, а также утверждения уставов муниципальных унитарных предприятий и муниципальных учреждений и внесения в них изменений.

В порядке отмечено, что Учредителем предприятия от имени муниципального образования городской округ город Тюмень выступает Администрация города либо уполномоченный ею отраслевой (функциональный), территориальный орган Администрации города Тюмени.

В качестве подтверждающего примера приведем Распоряжение Администрации города Тюмени от 17.03.2003 г. «О создании Тюменского муниципального унитарного предприятия «Расчетно-информационный центр».

Полномочия Администрации города Тюмени как исполнительно-распорядительного органа муниципального образо-

12 Устав муниципального образования городской округ город Тюмень (Устав города Тюмени), принят Решением Тюменской городской Думы 16 марта 2005 г. №162 (в ред. Решений Тюменской городской Думы от 27.03.2014 №, от 25.12.2014 № / Официальный портал Администрации города Тюмени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tyumen-city.ru/gorodtyumeny/ustavgoroda/>.

вания по заключению муниципальных контрактов на основе муниципального заказа с представителями малого бизнеса реализуются в полном объеме, о чем свидетельствуют итоги социально-экономического развития города Тюмени, а также планируемые к реализации показатели заключенных контрактов.

В соответствии со ст.36 главы 5 Устава города Тюмени Тюменская городская Дума по представлению Главы Администрации города Тюмени принимает решение об учреждении отраслевых (функциональных) и территориальных органов Администрации города Тюмени, то есть содействует образованию соответствующих органов местного самоуправления, ответственных за проведение соответствующей промышленной, инвестиционной, предпринимательской политики в муниципальном образовании, а также формирование при органах местного самоуправления контрольных, консультационных, координационных органов с участием представителей малого бизнеса.

Информирование населения города Тюмени о проводимых в городе социально-экономических реформах, предоставление оперативной информации о социально-экономическом развитии города, ходе реализации национальных проектов, а также для обмена мнениями и предложениями по улучшению работы в данном направлении осуществляет департамент экономики и стратегического развития Администрации города Тюмени. Посещаемость официального сайта информационной поддержки малого бизнеса увеличилась до 80 000 посещений к 2017 году с 70 000 в 2014 году.

Важным направлением взаимодействия органов местного самоуправления и представителей малого бизнеса является вовлечение их нормотворческий процесс, в подготовку изменений в нормативно-правовую базу малого предпринимательства, экспертизу проектов законов, их общественное обсуждение.

Отраслевой (функциональный) орган местного самоуправления – департамент экономики и стратегического развития содействует в соответствии с Постановлением Администрации города Тюмени от 12.07.2010 № 74 «Об общественной экспертизе проектов муниципальных нормативных правовых актов в области развития малого и среднего предпринимательства» проведению муниципальных правовых актов.

Общественная экспертиза проектов муниципальных актов проводится Координационным советом в целях обеспечения участия представителей субъектов малого и среднего предпринимательства, некоммерческих организаций, выражающих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства, в решении вопросов, направленных на создание условий для развития малого и среднего предпринимательства.

Следует отметить, в целях обеспечения реализации совместных мероприятий по защите прав и законных интересов субъектов малого и среднего предпринимательства было заключено Соглашение об информационном взаимодействии Администрации города Тюмени с уполномоченным по защите прав предпринимателей в Тюменской области 12.02.2014 года. В рамках соглашения осуществляются реализация полномочий Администрации города Тюмени как исполнительно-распорядительного органа муниципального образования и уполномоченного по защите прав предпринимателей в тюменской области. Данное соглашение о сотрудничестве, принятое на заседании Координационного совета по развитию малого и среднего предпринимательства в городе Тюмени содействует реализации полномочий органов местного самоуправления по взаимодействию с представителями малого бизнеса.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод. Органы местного самоуправления муниципаль-

ного образования городского округа оказывают содействие развитию различных форм взаимодействия с представителями малого бизнеса. В муниципальном образовании имеются достаточные правовые условия и возможности развития малого бизнеса, повышения его социальной эффективности и ответственности. Описанная практика взаимодействия может стать основой планирования законодательных изменений с представителями предпринимательского сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – №6 (16).
2. Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Auzan.pdf>.
3. Белова И. А., Акимов М. Ю. Институциональные условия развития механизмов взаимодействия власти и бизнеса // Научное обозрение. – 2014. – №12. Часть 3.
4. Делягин М. Г. Бизнес, власть, общество: три сосны Российской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/delyagin1.htm>.
5. Заболотная Г. М. Социально-политическое пространство региона: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – Тюмень: ТГУ, 2003.
6. Звоновский В. Б. Социология пространства повседневности. – Самара: «Самарский университет», 2000.
7. Ларченко И. А. Способы сотрудничества власти и бизнеса: анализ региональных аспектов взаимодействия // Вестник самарского государственного университета. – 2013. – №2 (103).
8. Ларченко И. Н., Акимов М. Ю. Социальные механизмы в практике развития системы профессионального образования // Научное обозрение. – 2014. – № 8. Часть 2.
9. Никонов В. Н. Российское и советское в массовом сознании // Современная российская политика: Курс лекций / Под ред. В. Н. Никонова. – М.: ОЛМА. – Пресс, 2003.
10. Петров Н. В., Титков А. С. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
11. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение: [утверждено Правительством РФ 8 декабря 2011 г., № 2227-р] / Интернет-портал Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/9282/>.
12. Устав муниципального образования городской округ город Тюмень (Устав города Тюмени), принят Решением Тюменской городской Думы 16 марта 2005 г. №162 (в ред. Решений Тюменской городской Думы от 27.03.2014 №, от 25.12.2014 № / Официальный портал Администрации города Тюмени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tyumen-city.ru/gorodtyumeny/ustavgoroda/>.
13. Чеботарев Г. Н. Развитие конституционных основ местного самоуправления в Российской Федерации. Монография. – Тюмень, 1995.
14. Шишкин А. А. Правовые проблемы управления муниципальной собственностью в Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Тюмень, 1999.

Петюкова О. Н.

ПРЕДМЕТНО-СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

В статье содержится правовая характеристика государственно-конфессиональных правоотношений, являющихся разновидностью административных правоотношений. Особое внимание в работе уделено различным доктринальным подходам по обозначенной проблематике.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные правоотношения, религиозные организации, органы исполнительной власти, наука административного права.

Petyukova O. N.

SUBJECT-STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF STATE-RELIGIOUS RELATIONS AS A KIND OF ADMINISTRATIVE RELATIONS

The article contains a legal description of state-religious relations, which are a kind of administrative relations. Particular attention is paid to different doctrinal approaches to the designated topic.

Keywords: state-religious relations, religious organizations, the executive authorities, the science of administrative law.

Петюкова О. Н.

В настоящее время существенно возросла роль правового регулирования государственно-конфессиональных правоотношений в Российской Федерации, пока не соответствующего общему уровню развития законодательства, регулирующего административные правоотношения.

Очевидно, что прежде чем приступить к совершенствованию механизма административно-правового регулирования в сфере свободы совести и вероисповедания, необходимо разобраться в правовой природе государственно-конфессиональных отношений, являющихся разновидностью административных правоотношений.

П. П. Серков обращает внимание на тот факт, что часто в работах правоведов правоотношение рассматривается как абстрактная правовая категория. Необходим юридический анализ конкретных ситуаций через призму механизма правоотношения соответствующего вида, тем более что административное правоотношение представляет собой динамичную правовую субстанцию¹.

Представляется актуальным изучение предметно-структурной характеристики административных правоотношений в целом и государственно-конфессиональных правоотношений в частности.

Особенности административных правоотношений как предмета административного права охарактеризованы в трудах Ю. М. Козлова, М. А. Лапиной, Л. Л. Попова, В. Д. Сорокина, Ю. Н. Старилова, П. П. Серкова, Ю. А. Тихомирова, С. Н. Братановского, А. В. Мелехина и других ученых-административистов.

Непосредственным предметом правового регулирования являются многообразные действия, деятельность участников этих отношений².

Под административными правоотношениями понимаются урегулированные административно-правовыми нормами управленческие общественные отношения. Эти общественные отношения складываются в процессе организации и

деятельности органов исполнительной власти, в более широком понимании – в процессе осуществления государственно-управленческой деятельности³.

Как указывает А. В. Мелехин, административные правоотношения возникают в процессе обеспечения публичной администрацией конституционных прав и обязанностей граждан и юридических лиц, а также иных отношений, связанных с ее деятельностью или при осуществлении административного судопроизводства⁴.

Подчеркивая комплексный характер административных правоотношений, правоведы относят к ним отношения, складывающиеся в процессе государственного управления и местного самоуправления, а также внутриорганизационной и административно-юрисдикционной деятельности иных государственных органов⁵.

При этом, как отмечает М. А. Лапина, административно-деликтные правоотношения занимают в общей массе административных правоотношений примерно одну треть или еще меньше, а львиную долю составляют регулятивные отношения в сфере государственного управления⁶.

Правовую природу служебных отношений подробно рассматривают М. В. Пресняков и С. Е. Чаннов⁷.

Как известно, наряду с отношениями, возникающими внутри органа (органов) исполнительной власти (внутриорганизационными), выделяют внешние отношения, связанные с непосредственным воздействием при помощи государственно-властных полномочий на объекты, не входящие в систему органов исполнительной власти, к которым можно отнести и религиозные объединения.

В административно-правовом регулировании нуждается не только внешняя деятельность религиозных объединений

1 Серков П. П. Административная ответственность и правоотношение // Административное право и процесс. – 2011. – № 9. – С. 28–31.

2 Общая теория государства и права / Под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 2001. – С. 135.

3 Административное право: Учебник / Под ред. Л. Л. Попова. – М., 2005. – С. 21.

4 Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2009.

5 Административное право России: Курс лекций / Под ред. д.ю.н. И. Ш. Кияхсанова. – М.: Изд-во БФМосУ МВД России, 2003. – С. 27.

6 Лапина М. А. Структура административных правоотношений // Административное право и процесс. – 2009. – № 2.

7 Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика / Под ред. Г. Н. Комковой. – Саратов: Научная книга, 2008.

как коллективных субъектов административного права, но и часть внутренних взаимоотношений, возникающих между участниками религиозных объединений.

При этом следует отметить некоторую схожесть внутриорганизационных служебных отношений, складывающихся внутри органа исполнительной власти, и внутриорганизационных отношений, складывающихся внутри церковных организаций на основе корпоративных норм, сущность которых заключается в церковном служении. И те, и другие отношения не подвергаются в полной мере регламентации трудовым законодательством.

Характеризуя государственно-конфессиональные правоотношения как предмет административного права, следует отметить, что они представляют собой общественные отношения, урегулированные нормами административного права, которые складываются в ходе осуществления государственными органами исполнительной власти функций управления в сфере реализации свободы совести.

В зависимости от предметной области реализации можно выделить государственно-конфессиональные правоотношения, возникающие в процессе:

- регистрации создания, реорганизации, ликвидации религиозных организаций;
- передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, его совместного использования государством и религиозными объединениями;
- налогообложения религиозных организаций с учетом их правового статуса;
- сотрудничества органов государственной власти и религиозных объединений в области образования, социального служения, благотворительности, духовно-нравственного и патриотического воспитания населения;
- осуществления контроля за исполнением законодательства в сфере свободы совести;
- ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение законодательства о свободе совести⁸.

По мнению К. С. Бельского, в предмет административного права входят не только собственно управленческие общественные отношения и отношения в области административной юстиции, но и полицейские отношения (организационно-полицейские, надзорно-контрольные и административно-принудительные отношения с участием правоохранительных органов)⁹.

Похожей точки зрения придерживаются Д. П. Звоненко, А. Ю. Малумов, Г. Ю. Малумов, выделяя особую группу отношений по обеспечению соблюдения общественного порядка и безопасности¹⁰.

Административное воздействие системы органов внутренних дел на правоотношения в сфере свободы совести заключается в применении ими в процессе исполнительно-распорядительной деятельности предусмотренных законом средств и методов государственного управления, создающих условия для соблюдения установленного правопорядка.

Как считает С. Е. Пролетенкова, одной из причин недостаточной готовности государства пресечь и ликвидировать угро-

зу экстремистских проявлений религиозной направленности являются серьезные недостатки в правовой регламентации административно-правового статуса субъектов противодействия экстремистской деятельности, его недостаточная правовая определенность, что не позволяет им противодействовать религиозному экстремизму в полном объеме¹¹.

А. В. Мелехин справедливо отмечает, что в Классификаторе правовых актов, утвержденном Указом Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511¹², «административное законодательство» как самостоятельная отрасль отсутствует. Правовые акты разбросаны по разным классификационным группам, составляя законодательство в области культуры, здравоохранения, охраны окружающей среды, обороны, безопасности и т.д.¹³ Нормативные правовые акты о свободе совести и религиозных объединениях оказались в разделе «Конституционный строй».

Административное право часто понимается как управленческое право. Оно регулирует разнообразные по своему содержанию правоотношения. В свою очередь административное законодательство объединяет широчайший комплекс разнородных по своему содержанию нормативных правовых актов, не поддающихся кодификации.

В науке административного права сформулированы следующие признаки административных правоотношений:

- 1) являются властеотношениями, в процессе возникновения, изменения и прекращения которых реализуется государственное управление;
- 2) одной из сторон отношений, как правило, выступает субъект административной власти, наделенный государственными властными полномочиями;
- 3) складываются преимущественно в сфере государственного управления, государство посредством своих исполнительных органов осуществляет управление общественными процессами и явлениями;
- 4) возникают по инициативе любой из сторон. Согласие или желание второй стороны не является обязательным условием их возникновения, к примеру, в случаях применения мер административной ответственности за совершение правонарушений;
- 5) между сторонами административных правоотношений возможны споры. При этом разрешение споров между сторонами, как правило, осуществляется в административном порядке.

Административно-правовая ответственность одной из сторон наступает не перед второй стороной правоотношения, а непосредственно перед государством в лице его органа (должностного лица), поскольку нарушаются публично-правовые интересы в сфере исполнительной власти.

С. Н. Братановский выделяет в качестве особенности административных правоотношений их организационный характер, ведь государственное управление сводится к осуществлению функций, направленных на организацию совместной деятельности людей¹⁴.

8 Петюкова О. Н. Государственно-конфессиональные правоотношения как предмет административного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4.

9 Бельский К. С. Полицейское право: Лекционный курс / Под ред. канд. юр. наук А. В. Куракина. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2004.

10 Звоненко Д. П., Малумов А. Ю., Малумов Г. Ю. Административное право: Учебник. – М.: Юстицинформ, 2007. – С. 2.

11 Пролетенкова С. Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д.ю.н. – М., 2013.

12 Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 (ред. от 28.06.2005) «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 20.03.2000. – № 12. – Ст. 1260.

13 Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2009.

14 Братановский С. Н. Административное право: Учебник. – М.: Директ-Медиа, 2013.

Полемизируя с М. А. Лапиной¹⁵, П. П. Серков отмечает, что несмотря на схожесть, понятий «состав» и «структура», они не являются тождественными. Понятие «состав» определяется как совокупность частей, элементов, образующих что-либо целое, а под понятием «структура» понимают строение, взаимное расположение частей, составляющих одно целое. Поэтому, характеризуя административное правоотношение, нужно говорить о его структуре. Тем более что юридическая наука связывает понятие «состав» с преступлением и административным правонарушением¹⁶.

Структура правоотношения в целом, в том числе административного правоотношения, включает в себя субъект, объект и содержание правоотношения. Содержание административного правоотношения составляют взаимные, корреспондирующие субъективные права и юридические обязанности сторон правоотношения¹⁷.

По мнению С. С. Алексеева, к элементам правоотношения относятся его участники, их права и обязанности, поведение, а также объект правоотношения¹⁸.

Д. Н. Бахрах разделяет материальную сторону (поведение субъектов) и юридическую сторону (субъективные юридические права и обязанности)¹⁹.

Субъектами административного отношения могут быть два и более участника, в числе которых имеется субъект, наделенный специальной компетенцией в области государственного управления.

Стороной административного правоотношения может быть и индивидуальный, и коллективный субъект, обладающий административной правосубъектностью.

Административно-правовой статус субъектов административных правоотношений подразумевает наличие у них прав, обязанностей, ограничений, запретов, ответственности.

По вопросу об объекте административного правоотношения (то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности субъектов) мнения ученых разделились. Некоторые из них (А. В. Мелехин, Ю. М. Козлов, Р. О. Халфина и др.) признают поведение людей в качестве единственного объекта правоотношения. Воля, сознание и опосредованное ими поведение субъектов в сфере реализации исполнительной власти – это то, на что воздействует административное правоотношение.

Другие исследователи (В. М. Манохин, Г. И. Петров и др.) наряду с поведением людей, являющимся объектом неимущественных отношений, называют материальные ценности и вещи в качестве объекта имущественных правоотношений.

Ю. Н. Старилов объектом административного правоотношения считает действия (решения) субъектов административного права, их положительное или негативное поведение. А содержание административных правоотношений он определяет как права, обязанности, запреты, ограничения субъек-

тов административного права, а также процессуально-правовой режим их осуществления, исполнения, соблюдения или правовой защиты²⁰.

Определяя объект административно-правовых отношений как действия сторон, А. П. Корнев вещи, продукты творческой деятельности, личные нематериальные блага называет предметом административных правоотношений²¹.

Особое значение для возникновения, изменения и прекращения административных правоотношений имеет наступление условий, предусмотренных административно-правовыми нормами. В то время как действия, будь то правомерные или неправомерные – результат активного волеизъявления субъекта, события не зависят от воли людей.

Правомерные действия всегда соответствуют требованиям административно-правовых норм. В качестве юридических фактов выступают правомерные и неправомерные действия. Примером распространенного вида правомерных действий служат правовые акты субъектов исполнительной власти.

Неправомерные действия не соответствуют требованиям административно-правовых норм, влекут за собой юрисдикционные правоотношения.

Административные правоотношения регламентируются преимущественно такими способами правового регулирования, как: предписание (возложение прямой юридической обязанности совершать те или иные действия в условиях, предусмотренных правовой нормой) и запрет (возложение прямой юридической обязанности не совершать те или иные действия в условиях, предусмотренных правовой нормой под угрозой применения мер дисциплинарного или административного принуждения).

Элементы диспозитивности в государственном управлении в сфере свободы совести и вероисповедания отчетливо проявляются в практике заключения соглашений о сотрудничестве между исполнительными органами власти и религиозными организациями. Дозволение рассматривается как юридическое разрешение совершать в условиях, предусмотренных правовой нормой, те или иные действия либо воздержаться от их совершения по своему усмотрению.

Комплекс мер государственного управления в области свободы совести и вероисповедания, на наш взгляд, должен реализовываться с учетом следующих факторов:

1. Управленческое воздействие органов исполнительной власти должно быть целенаправленным и базироваться на концептуальных основах правовой политики государственно-конфессионального взаимодействия;

2. Система федеральных и региональных органов исполнительной власти, реализующих законодательство о свободе совести и вероисповедания, должна быть упорядочена с целью оптимизации управленческих функций и эффективного взаимодействия государственных органов между собой и с религиозными объединениями;

3. Государственно-конфессиональные правоотношения должны строиться на основе конституционных принципов свободы совести и вероисповеданий, светскости российского государства, а не с учетом политической конъюнктуры или субъективных предпочтений региональных властей;

15 Лапина М. А. Структура административных правоотношений // Административное право и процесс. – 2009. – № 2. – С. 2–5.

16 Серков П. П. Административная ответственность и правоотношение // Административное право и процесс. – 2011. – № 9. – С. 28–31.

17 Бабаев В. П. Правоотношение. – Краснодар, 1998. – С. 5–6; Корнев А. П. Административное право России: Учебник: В 3 ч. Ч. 1. – М., 1999. – С. 54–59; Бахрах Д. Н. Административное право России. – М., 2000; Старилов Ю. Н. Курс общего административного права: В 3 т. Т. 1. – М.: Норма, 2002. – С. 47; Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2009 и др.

18 Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1982. – Т. 2. – С. 98–100.

19 Бахрах Д. Н. Административное право России. – М., 2000. – С. 47.

20 Старилов Ю. Н. Курс общего административного права: В 3 т. – Т. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – М.: Норма, 2002. – С. 407.

21 Корнев А. П. Административное право России: Учебник: В 3-х частях. Ч. I. – М.: МЮИ МВД России; Изд-во «Цит-М», 1999. – С. 54–59.

4. Государство должно поощрять деятельность социально-ориентированных религиозных организаций, в свою очередь, органы государственной власти в своей деятельности должны учитывать инициативы религиозных организаций, направленные на решение социально значимых проблем в сфере охраны исторического наследия, культуры, социальной защиты населения и др. В этой связи требуется переосмысление регулятивных возможностей государственно-конфессиональных соглашений о сотрудничестве.

5. Преодоление проявлений религиозного экстремизма, а также меры превентивного характера должны осуществляться органами государственной власти при непосредственном участии религиозных объединений с опорой на позитивный потенциал их духовного авторитета.

Пристатейный библиографический список

1. Административное право России: Курс лекций / Под ред. д.ю.н. И. Ш. Киясханова. – М.: Изд-во БФМосУ МВД России, 2003.
2. Административное право: Учебник / Под ред. Л. Л. Попова. – М., 2005.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1982. – Т. 2.
4. Бабаев В. П. Правоотношение. – Краснодар, 1998.
5. Бахрах Д. Н. Административное право России. – М., 2000.
6. Бельский К. С. Полицейское право: Лекционный курс / Под ред. канд. юр. наук А. В. Куракина. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2004.
7. Братановский С. Н. Административное право: Учебник. – М.: Директ-Медиа, 2013.
8. Звоненко Д. П., Малумов А. Ю., Малумов Г. Ю. Административное право: Учебник. – М.: Юстицинформ, 2007.
9. Корнев А. П. Административное право России: Учебник: В 3 ч. Ч. 1. – М., 1999.
10. Лапина М. А. Структура административных правоотношений // Административное право и процесс. – 2009. – № 2.
11. Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций // СПС «КонсультантПлюс», 2009.
12. Общая теория государства и права / Под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 2001.
13. Петюкова О. Н. Государственно-конфессиональные правоотношения как предмет административного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4.
14. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика / Под ред. Г. Н. Комковой. – Саратов: Научная книга, 2008.
15. Пролетенкова С. Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д.ю.н. – М., 2013.
16. Серков П. П. Административная ответственность и правоотношение // Административное право и процесс. – 2011. – № 9.
17. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права: В 3 т. – Т. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – М.: Норма, 2002.
18. Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 (ред. от 28.06.2005) «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 20.03.2000. – № 12. – Ст. 1260.

Писцов А. В., Петров А. И.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ КАТЕГОРИИ «В» КАК РЕЗЕРВ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Федеральная целевая программа по безопасности дорожного движения определяет необходимость снижения смертности в результате ДТП на 8 тыс. чел. в год к 2020 г. по сравнению с 2012 г. Амбициозность данной задачи вынуждает резко повысить качество подготовки водителей в автошколах. Курс обучения водителей на право управления транспортным средством категории «В» составляет 190 часов, из которых 56 часов отводится на обучение практическим навыкам управления автомобилем. Теоретический курс распределяется на шесть блоков подготовки, распределение часовой нагрузки между которыми не всегда оптимально. В статье приведены результаты социологического опроса респондентов с различным уровнем опыта управления автомобилем на предмет важности различных дисциплин с позиций их влияния на безопасность. Установлено, что с ростом опыта у интервьюируемых меняется представление о важности тех или иных дисциплин.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, подготовка водителей, структура учебного курса, социологические исследования.

Pistsov A. V. Petrov A. I.

RESTRUCTURING OF THE CATEGORY "B" TRAINING PROGRAM AS A RESERVE FOR ROAD SAFETY INCREASING

Federal target program on road safety defines the need to reduce the number of road deaths on 8 thousand people per year by 2020 as compared to 2012. Ambitiousness of this problem forces rapid improvement of the driver training quality in driving schools. Training course for category "B" drivers consist of 190 hours, 56 hours of which are devoted to practical training. The theoretical course is divided into six training blocks and hour load distribution between them is not always optimal. The article presents the results of poll respondents with different levels of driving experience on the subject of the importance of various disciplines from positions of their impact on safety. It was found that with increasing experience of the interviewees idea of the importance of various disciplines was changing.

Keywords: road safety, driver training, the structure of the training course, sociological studies.

Правительство РФ своим постановлением от 3.10.2013 г. № 864 утвердило Федеральную целевую программу «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах». Целью данной ФЦП по БДД является сокращение к 2020 г. смертности от дорожно-транспортных происшествий (ДТП) на 8 тыс. человек в год (28,8 %) по сравнению с ситуацией 2012 г. Среди большого числа мероприятий, рассматриваемых в данном документе, достаточно серьезное внимание уделяется вопросам совершенствования качества подготовки водителей. Тем не менее, анализ статистики автотранспортных преступлений показывает, что степень виновности водителей в совершении ДТП является приоритетной¹.

В табл. 1 приводятся общероссийские данные² по распределению ДТП, погибших и раненых в этих происшествиях в 2014 г. по трем основным группам факторов влияния – по вине водителя³, по причине технического отказа

транспортного средства⁴, по причине неудовлетворительных дорожных условий⁵.

Данные табл. 1 позволяют сделать принципиальный вывод о том, что именно человеческий фактор является критически слабым звеном в формировании автотранспортной аварийности, очевидно, в не последнюю очередь по причине слабой профессиональной подготовки водителей. Этот же вывод можно найти в этих работах⁶.

Проанализируем структуру современной программы подготовки водителей. Согласно Приказу № 1408 от

Писцов А. В.

Петров А. И.

– 2015. – № 7.

1 См.: Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6; 2. Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015; Петров А. И., Бальчугова Д. А. Качественный портрет участника ДТП: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014; Петров А. И., Бальчугова Д. А. Количественный и качественный анализ причин ДТП с ущербом для жизни и здоровья потерпевших: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 2 Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gibdd.ru/stat> 3 См.: Петров А. И. О необходимости внесения изменений в статью 264 Уголовного кодекса РФ // Евразийский юридический журнал.

4 См.: Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6; Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 5 Писцов А. В., Эртман Ю. А., Резник Л. Г. Приспособленность регулируемых пересечений к удовлетворению транспортного спроса в переменных условиях городского движения // Научно-технический вестник Поволжья. – Казань, 2014. – № 3. 6 Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015; Петров А. И., Бальчугова Д. А. Качественный портрет участника ДТП: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014; Петров А. И., Бальчугова Д. А. Количественный и качественный анализ причин ДТП с ущербом для жизни и здоровья потерпевших: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

Таблица 1. Анализ причин возникновения ДТП с жертвами в РФ в 2014 г. [9]

Фактор влияния	Количество ДТП с жертвами в РФ, ед.		Количество погибших в ДТП, чел.		Количество раненых в ДТП, чел.	
	Абсолют. значение	% от общего числа*	Абсолют. значение	% от общего числа	Абсолют. значение	% от общего числа
Всего в РФ в 2014 г.	199720	100	26963	100	251785	100
По вине водителя транспортного средства	175862	88,0	23143	85,8	230617	91,5
По причине технического отказа	1905	0,9	418	1,5	2714	1,0
По причине неудовлетворительных дорожных условий	51573	25,8	7038	26,1	64795	25,7

* Примечание. Сумма % больше 100, т.к. у большинства ДТП было более одной причины.

Таблица 2. Структура Программ подготовки водителей категории «В» в СССР (до 1992 г.) и в РФ (2015 г.)*

Название дисциплины	Количество часов, отводимое Программой профессионального обучения на подготовку водителя категории В			
	в СССР (до 1992 г.)		в РФ в настоящее время	
	Всего часов	%	Всего часов	%
Устройство автомобиля	436	62,2	32	16,8
Основы законодательства в сфере дорожного движения	80	11,4	42	22,1
Основы управления транспортными средствами	60	8,6	14	7,3
Основы экономики труда и производства	30	4,3	14	7,3
Психофизиологические основы деятельности водителя	14	2	12	6,3
Первая помощь при ДТП	8	1,1	16	8,4
Всего теоретический курс	В сумме 628	В сумме 89,6	В сумме 130	В сумме 68,2
Курс практического вождения	70	10	56	29,4
Экзамен	2	0,4	4	2,4
Всего часов на обучение	В сумме 700	100	В сумме 190	100

26.12.2013 г. типовая Программа профессионального обучения водителей транспортных средств категории «В» должна составлять 190 часов и включать 130 часов теоретической подготовки и 56 часов практического вождения (еще 4 часа отводится на сдачу квалификационного экзамена)⁷. Надо отметить, что в СССР (до 1992 г.) на обучение водителя категории «В» отводилось 700 часов (628 часов теории, 70 часов практического вождения и 2 часа на экзамен). Структура дисциплин, преподаваемых в автошколах в советское время и сегодня, приведена в табл. 2. Количество практической нагрузки изменилось незначительно, однако теоретическая часть системы подготовки водителей претерпела существенные изменения. Условно расценовка обучения изменилась следующим образом (табл. 2).

Анализ данных табл. 2 показывает, что в последние годы не только значительно снизилось число часов, отводимых на подготовку водителей, но и изменилась сама структура Про-

граммы подготовки. Возникает вопрос – насколько рационально сегодня распределяется время на профессиональную подготовку между дисциплинами в рамках того баланса времени, что сегодня отводится на обучение общественно опасному навыку управления автомобилем?

Для ответа на этот вопрос был проведен социологический опрос среди следующих групп респондентов: «обучающиеся в автошколах» (26 чел.), «автолюбители со стажем до 3х лет» (33 чел.), «автолюбители со стажем от 3х до 10 лет» (34 чел.), «автолюбители со стажем более 10 лет» (47 чел.), «работники автотранспортной отрасли» (53 чел.). Общее число респондентов составило 193 человека. Всем им было задано задание «Распределите, пожалуйста, важность изучаемых в автошколе дисциплин в % от 100». Результаты опроса были обработаны в программе Statistica, распределение ответов респондентов по каждой группе опрашиваемых подчиняется нормальному закону. В качестве итогового ответа респондентов принималось значение математического ожидания процента степени влияния данной дисциплины.

Анализ данных табл. 3 позволяет увидеть интересную тенденцию смещения акцентов в понимании важности различных дисциплин при росте стажа управления автомобилем. В частности, в ходе анализа результатов исследования было замечено, что опытные водители в большей степени, чем начинающие, отмечают важность таких дисциплин, как «Основы управления транспортными средствами» и «Психофизиологические основы деятельности водителя». При этом абсолютно все водители отмечают приоритетную важность этих дис-

⁷ Приказ Минобрнауки России от 26.12.2013 № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» [Электронный ресурс.] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165639/4336d7d2cc4bc1897377fec2866e2e52739d6e4b/

* Приказ Минобрнауки России от 26.12.2013 № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» [Электронный ресурс.] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165639/4336d7d2cc4bc1897377fec2866e2e52739d6e4b/

Таблица 3. Ответы респондентов о степени важности различных дисциплин, преподаваемых в автошколах (Математическое ожидание распределения ответов респондентов)

Название дисциплины	Важность дисциплин, в % от 100				
	Группа респондентов / Количество респондентов				
	Обучающиеся в автошколах / 26 чел.	Автолюбители со стажем до 3х лет / 33 чел.	Автолюбители со стажем 3-10 лет / 34чел.	Автолюбители со стажем более 10 лет / 47 чел.	Работники транспортной отрасли / 53 чел.
Устройство автомобиля	12,1	12,5	14,2	12,3	10,9
Основы законодательства в сфере дорожного движения	26,9	25,4	19,9	19,1	16,2
Основы управления транспортными средствами	18,4	23,3	24,2	25,4	26,7
Основы экономики труда и производства	13	5,2	7,9	6,2	6,7
Психофизиологические основы деятельности водителя	19,3	21,4	21,5	22,9	24,9
Первая помощь при ДТП	10,3	12,2	12,3	14,1	14,6

дисциплин относительно предмета «Основы экономики труда и производства». Однако данные табл. 2 позволяют понять, что сегодня эти дисциплины в учебном плане подготовки водителя категории «В» имеют практически одинаковый приоритет.

В целом, отмечены следующие тенденции изменения отношения респондентов к дисциплинам, преподаваемым в автошколах.

1. Значимость дисциплины «Устройство автомобиля» растет с увеличением опыта вождения, достигая своего максимума у водителей со стажем от 3 до 10 лет, затем снижается.

2. Постепенное снижение важности дисциплины «Основы законодательства в сфере дорожного движения», непосредственно связанной с изучением правил дорожного движения, обуславливается недооценкой Правил у водителей с высоким стажем, что является следствием накопленного опыта в части практического вождения на дорогах.

3. Случайность распределения значений оценки важности дисциплины «Основы экономики труда и производства» говорит о ее узкой спецификации, необходимой людям, непосредственно работающим на предприятии водителями или лицами, связанными с дорожным движением. Для всех остальных данная дисциплина, очевидно, не очень важна.

4. По мере увеличения общего стажа управления автомобилем респонденты в большей степени отмечали значимость дисциплины «Психофизиологические основы деятельности водителя».

5. Понимание важности навыков в оказании первой помощи при ДТП также растет параллельно росту стажа управления автомобилем.

С учетом вышесказанного необходимо резюмировать следующее.

1. Структура распределения времени на изучение дисциплин Программы профессионального обучения на подготовку водителя категории «В» все еще является не оптимальной.

2. При сохранении общей суммы часов на теоретическую подготовку водителя категории «В» в размере 130 часов, целесообразно было бы несколько уменьшить число часов на изучение Устройство автомобиля (до 20 часов) и Основ экономики труда и производства (до 8 часов). 18 сэкономленных часов необходимо распределить между дисциплинами «Основы управления транспортными средствами» и «Психофизиологические основы деятельности водителя», доведя количество часов по каждой из этих дисциплин до 22 часов.

3. Повышение объема и качества подготовки водителей категории «В» именно по этим двум дисциплинам является залогом роста квалификации водителей и повышения безопасности дорожного движения.

Пристатейный библиографический список

1. Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6.
2. Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3.
3. Петров А. И. О необходимости внесения изменений в статью 264 Уголовного кодекса РФ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.
4. Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
5. Петров А. И., Бальчугова Д. А. Качественный портрет участника ДТП: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
6. Петров А. И., Бальчугова Д. А. Количественный и качественный анализ причин ДТП с ущербом для жизни и здоровья потерпевших: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
7. Писцов А. В., Эртман Ю. А., Резник Л. Г. Приспособленность регулируемых пересечений к удовлетворению транспортного спроса в переменных условиях городского движения // Научно-технический вестник Поволжья. -Казань, 2014. -№ 3.
8. Приказ Минобрнауки России от 26.12.2013 № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» [Электронный ресурс.] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165639/4336d7d2cc4bc1897377fec2866e2e52739d6e4b/
9. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://gibdd.ru/stat>

Рахчева Ю. Н.

РЕЗУЛЬТАТ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК ОБЪЕКТ УДЕРЖАНИЯ

В статье рассматриваются особенности удержания результата строительных работ, их теоретические и практические аспекты. Также освещаются некоторые проблемы, связанные с реализацией на практике прав на удержание строительных работ. Предметом исследования явились правовые нормы, регламентирующие порядок удержания результата строительных работ, научные труды отечественных цивилистов, а также материалы правоприменительной практики.

Ключевые слова: удержание, удержание результата работ, удержание недвижимой вещи, удержание результата строительных работ, виды результатов строительных работ.

Rakhcheva Yu. N.

BUILDING WORK RESULT AS A RETENTION OBJECT

This article examines characteristics of the building work result retention, its theoretical and practical aspects. Some problems associated with the enforcement of building work retention rights are also covered. The subject of the research includes the legal norms regulating the retention right enforcement procedure in respect of the building work result, scientific works of the Russian civil law scholars, as well as the materials of the law enforcement practice.

Keywords: retention, retention of work result, retention of immovable work result, retention of building work result, types of building work result.

Рахчева Ю. Н.

Удержание само по себе является обеспечительной мерой, призванной стимулировать должника надлежаще исполнять взятые на себя обязательства, а также гарантировать кредитору исполнение основного обязательства, в том числе это относится к отношениям, возникшим из договора строительного подряда.

Подрядные отношения регулируются главой 37 ГК РФ. Так, согласно ст. 740 ГК РФ «по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену»¹.

При этом право подрядчика на удержание закреплено в ст. 712 ГК РФ, согласно которой «при неисполнении заказчиком обязанности уплатить установленную цену либо иную сумму, причитающуюся подрядчику в связи с выполнением договора подряда, подрядчик имеет право на удержание в соответствии со статьями 359 и 360 настоящего Кодекса результата работ, а также принадлежащих заказчику оборудования, переданной для переработки (обработки) вещи, остатка неиспользованного материала и другого оказавшегося у него имущества заказчика до уплаты заказчиком соответствующих сумм»².

Таким образом, из ст. 712 ГК РФ следует, что объектом удержания может выступать как результат работ, так и принадлежащее заказчику и переданное подрядчику оборудование, подлежащее переработке (обработке) вещь, остаток неиспользованного материала и другое имущество заказчика.

С учетом вышесказанного, объекты удержания можно разделить на две основные группы, к первой группе объектов

отнести: оборудование, материалы, подлежащую переработке (обработке) вещь, а также прочее имущество заказчика, а ко второй группе отнести результаты работ. При этом результаты работ могут быть как движимыми вещами, так и недвижимыми. Недвижимая же вещь – это результат строительных работ, обоснование этого вывода будет приведено ниже.

Так, понятие недвижимого имущества закреплено в ст. 1 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», а именно: «Недвижимое имущество (недвижимость), права на которое подлежат государственной регистрации в соответствии с настоящим Федеральным законом, – земельные участки, участки недр и все объекты, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоизмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, жилые и нежилые помещения, предприятия как имущественные комплексы»³.

Таким образом, результатом работ в нашем случае будет являться здание, сооружение или помещение, понятия которых приведены в Федеральном законе от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Так, согласно подп. 6, 14 и 23 п. 2 ст. 2 указанного ФЗ «здание – результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных; помещение – часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями; сооружение – результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

3 Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015) // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – № 30. – Ст. 3594.

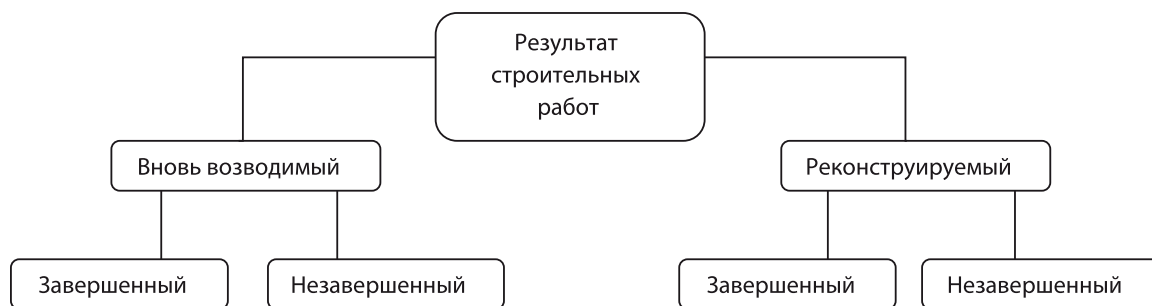

Рисунок № 1. Виды результата строительных работ.

систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов»⁴ (выделено нами. – Ю. Р.).

Итак, результат строительных работ – это недвижимая вещь, создаваемая подрядчиком по договору строительного подряда и являющаяся объектом удержания в порядке, предусмотренном ст. 712 ГК РФ.

При этом результат строительных работ как объект удержания можно классифицировать на определенные виды, которые также являются объектами удержания и приведены на Рисунке № 1.

Таким образом, как видно на Рисунке № 1, результат работ может быть либо вновь возводимый, например, строительство жилого дома, либо реконструируемый, например, капитальный ремонт здания. При этом оба вида результатов работ могут быть либо завершенными, либо незавершенными.

Однако на практике реализовать право на удержание недвижимого имущества не так-то просто.

Одним из спорных вопросов остается вопрос, можно ли удерживать недвижимую вещь, право на которую не зарегистрировано в установленном порядке?

Так, по мнению Е. А. Суханова: «Не исключено удержание недвижимой вещи (например, арендованного здания), причем право ее удержания возникает независимо от его государственной регистрации»⁵.

Аналогичного мнения придерживаются Н. В. Южанин и В. А. Рыбаков, которые считают, что «применение удержания к недвижимости возможно в силу существующего законодательства и государственной регистрации такой сделки не требуется. Считаем в полной мере возможным применение удержания как к движимым вещам, так и к недвижимым, и никаких законодательных поправок в этом аспекте не нужно, напротив, законодательная поправка в ст. 359 ГК РФ удержания только движимого имущества создала бы массу противоречий»⁶.

Противоположной точки зрения придерживаются М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, которые отмечают: «Вместе с тем осуществление кредитором права удержания с после-

дующим обращением взыскания на удерживаемое имущество представляет собой гражданско-правовую сделку. Сделки с землей и другим недвижимым имуществом подлежат обязательной государственной регистрации (ст. 164 ГК), что противоречит существу правоотношений, возникающих при осуществлении кредитором права удержания имущества. Да и ст. 131 ГК, а также другие законы не включают право удержания в перечень обременений недвижимого имущества, подлежащих государственной регистрации. На наш взгляд, изложенные обстоятельства не позволяют включать в круг вещей, которые могут служить предметом удержания, недвижимое имущество»⁷.

При этом и судебная практика крайне противоречива в поставленном вопросе. С одной стороны, существует практика, подтверждающая, что незарегистрированный объект удерживать нельзя.

Например, в Постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2013 по делу № А66-8606/2012 установлено, что «объект недвижимости, который удерживается истцом, представляет собой незаконченный строительством 16-квартирный жилой дом со встроенными офисными помещениями. В настоящее время по строительству дома выполнено порядка 37% строительных работ. Право на удержание подрядчиком результата незавершенной работы гражданским законодательством не предусмотрено. В силу статей 130, 219 Гражданского кодекса Российской Федерации незавершенное строительство является недвижимым имуществом, право собственности на которое возникает с момента государственной регистрации... Поскольку право собственности на спорный объект незавершенного строительства не зарегистрировано и собственник объекта незавершенного строительства в установленном порядке не определен, обращение взыскания на такое имущество путем его реализации также невозможно. Довод о правомерности удержания подрядчиком результата подрядных работ также подлежит отклонению»⁸.

С другой стороны, встречается практика, которая подтверждает, что в случае регистрации права за заказчиком, подрядчик уже не вправе удерживать объект.

Например, в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2009 № 18АП-11322/2009 по делу № А76-15882/2009 «удержание рассматривается как право кредитора, которое возникает при наличии юридического факта – неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должника по оплате подлежащей передаче ему вещи. Принимая во

4 Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2010. – № 1. – Ст. 5.

5 Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. – Т. II: Обязательственное право. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – С. 129.

6 Южанин Н. В., Рыбаков В. А. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств // Арбитражный и гражданский процесс. – 2002. – № 2.

7 Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1.

8 Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2013 по делу № А66-8606/2012 // Архив Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда.

внимание ссылку ответчика о применении удержания в качестве обеспечительной меры, следует учитывать, кому принадлежит удерживаемая недвижимая вещь. Поскольку в данном случае право собственности было зарегистрировано за заказчиком, подрядчик был не вправе удерживать вещь, право собственности на которую было зарегистрировано Заказчиком. В данной ситуации Генподрядчик мог действовать только исходя из статьи 328 Гражданского кодекса, в соответствии с которой в случае неисполнения стороной своего обязательства, другая сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе такое исполнение приостановить либо отказаться от исполнения и потребовать возмещения убытков»⁹.

Таким образом, в одном случае суд отказал по причине того, что право собственности не было зарегистрировано и собственник имущества не установлен, при этом во втором случае суд отказал по причине того, что собственник установлен и зарегистрировал свое право на имущество.

Однако, несмотря на неоднозначную судебную практику, наиболее верной представляется позиция Е. А. Суханова, Н. В. Южанина и В. А. Рыбакова, которые в поставленном вопросе придерживаются возможности удержания недвижимого имущества независимо от государственной регистрации прав на него.

В данном вопросе важно установить факт того, что результат работ принадлежит заказчику. Здесь следует обратить внимание на то, что результат работ передается заказчику по соответствующему акту сдачи-приемки результата работ. Так, согласно п. 4 ст. 753 ГК РФ «сдача результата работ подрядчиком и приемка его заказчиком оформляются актом, подписанным обеими сторонами»¹⁰.

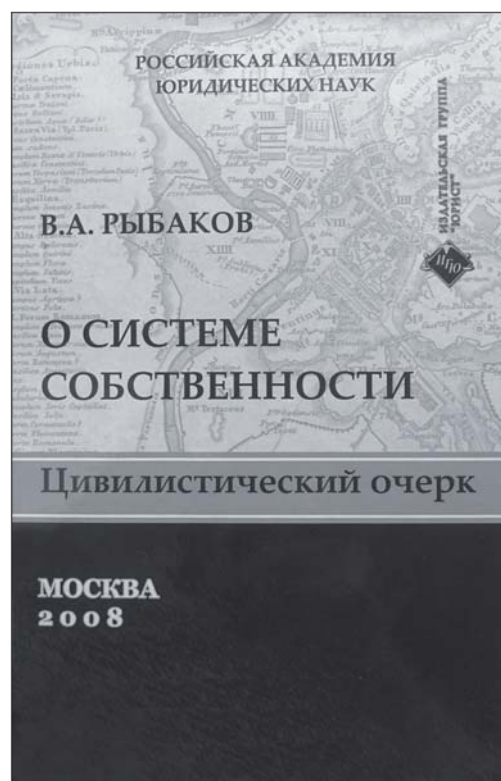
При этом следует отметить, что с подписанием акта сдачи-приемки результата работ стоимость имущества учитывается на балансе заказчика, откуда вытекают имущественные права заказчика на этот результат работ, а также связанные с ним обязанности. Так, согласно ст. 741 ГК РФ после приемки объекта заказчиком, к нему переходит риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства.

Более того, если заказчик не примет у подрядчика результат работ, то создаваемый объект, даже пусть на принадлежащем заказчику земельном участке, не может быть расценен как полученный на законных основаниях. В результате того, что заказчик не понес фактических расходов на его создание, полученный результат работ будет являться ничем иным, как неосновательным обогащением согласно ст. 1102 ГК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что у заказчика возникает право на результат работ с момента приемки по акту сдачи-приемки результата работ. После чего у заказчика возникает не только обязанность по его оплате, но и возникают соответствующие права на результат работ. Заказчик уже на этом этапе может владеть, пользоваться и распоряжаться результатом работ вне зависимости от государственной регистрации прав на него.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015) // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – № 30. – Ст. 3594.
3. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2010. – № 1. – Ст. 5.
4. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2013 по делу N А66-8606/2012 // Архив Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда.
5. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2009 № 18АП-11322/2009 по делу N А76-15882/2009 // Архив Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1.
7. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. – Т. II: Обязательственное право - 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011.
8. Южанин Н. В., Рыбаков В. А. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств // Арбитражный и гражданский процесс. – 2002. – № 2.

9 Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2009 № 18АП-11322/2009 по делу № А76-15882/2009 // Архив Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда.
 10 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.

Гузев Ю. А.

ПЕРЕДАЧА ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ

Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности с участием иностранных лиц. Рассмотрены различные подходы к передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности в отечественной и зарубежной литературе. Автор уделит внимание также коалиционным вопросам определения применимого права к договорам о передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности с участием иностранных лиц.

Ключевые слова: передача прав на результаты интеллектуальной деятельности с участием иностранных лиц, договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор.

Guzeev Yu. A.

TRANSFER OF RIGHTS TO RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY WITH PARTICIPATION OF FOREIGN PERSONS

The article is devoted to theoretical aspects of the transfer of rights to results of intellectual activity with participation of foreign persons. Consideration is given to various approaches to the transfer of rights to results of intellectual activity in domestic and foreign literature. The author has also focused attention on coalition matters of determining the law applicable to contracts for the transfer of rights to results of intellectual activity with participation of foreign persons.

Keywords: transfer of rights to results of intellectual activity with participation of foreign persons, assignment agreement, license agreement.

Гузев Ю. А.

Результаты интеллектуальной деятельности приобретают особую значимость в современном гражданском обороте. Заметной и в целом закономерной тенденцией последнего времени является усложнение отношений по передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности в силу участия в качестве одной из сторон иностранного лица. Отмечая эту тенденцию, зарубежные авторы справедливо говорят о том, что «интеллектуальная собственность становится все более глобальным товаром: в силу своего нематериального характера, объекты интеллектуальной собственности идеально подходят для трансграничного перемещения»¹.

Нематериальный характер результатов интеллектуальной деятельности определяет существенную специфику применительно к договорным конструкциям, опосредующим отношения по передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности с участием иностранных лиц.

В соответствии со ст. 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее — ГК РФ) на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (интеллектуальная собственность) признаются интеллектуальные права, которые включают *исключительное право*, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и др.).

Несмотря на то, что законодательством предусмотрены различные способы распоряжения исключительным правом (основное требование к которым: способ распоряжения не должен противоречить закону и существу исключительного права), представляется, что наиболее распространенным и соответствующим современным рыночным отношениям является договорный способ распоряжения исключительным

правом путем передачи принадлежащего права в различном объеме, исходя из существа обязательства.

Передача прав на результаты интеллектуальной деятельности является собирательным понятием, «наиболее общим для различных договорных конструкций, общеправовых способов передачи и наилучшим образом отражает их суть»³.

Аналогичной позиции придерживаются и некоторые зарубежные авторы, используя термин «transfer» как общее обозначение для двух различных видов договорных конструкций: уступка/отчуждение («assignment») и собственно лицензирование («license») ⁴. Отдельные авторы используют термин «передача прав» более узко: только применительно к случаям уступки/отчуждения прав («assignment of rights») ⁵.

Институт передачи права на результаты интеллектуальной деятельности охватывает собой следующие модели передачи прав в зависимости от объема передаваемых прав:

1. Передача прав на результаты интеллектуальной деятельности в полном объеме: договор об отчуждении исключительного права (1234 ГК РФ). А. А. Скворцов именует передачу прав в данном объеме как «полную уступку исключительных прав»⁶.

В соответствии со ст. 1234 ГК РФ по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне (приобретателю).

1 Seville C. EU Intellectual Property Law and Policy. — Edvard Elgar Publishing, 2009. — P. 1.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. — 22.12.2006. — № 289.

3 Шахназаров Б. А. Трансграничная передача прав на объекты промышленной собственности: Монография. — Москва: Проспект, 2012. — С. 20.

4 Poltorak A. I., Lerner P. J. Essentials of Licensing Intellectual Property, 2004. P. 16; US Intellectual Property Law and Policy / Ed. by Hugh Hansen, 2006. — P. 100.

5 Bainbridge D. Intellectual Property. — 9th ed. — Pearson, 2012. — P. 73.

6 Скворцов А. А. Договоры о передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М. 2008. — С. 72.

2. Передача прав на результаты интеллектуальной деятельности в частичном (ограниченном) объеме: лицензионный договор (ст. 1235 ГК РФ).

Согласно ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона — обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах.

Лицензионные договоры могут быть исключительными и неисключительными. Существуют сублицензионные, смешанные, открытые, принудительные и другие виды лицензионных договоров⁷. Заключение лицензионного договора не влечет перехода исключительного права к лицензиату.

3. Передача прав общеправовыми способами: наследство, реорганизация юридического лица, обращение взыскания на имущество правообладателя и иные способы⁸.

В зависимости от объекта исключительных прав, в отношении которого такие права передаются, а именно:

- произведения науки, литературы искусства;
- смежные права;
- программы для ЭВМ;
- топологии интегральных микросхем;
- средства индивидуализации,
- объекты промышленной собственности;

различные договорные конструкции приобретают определенные особенности, например в отношении промышленной собственности — необходимость государственной регистрации таких прав. Применительно к средствам индивидуализации возможно заключение договоров франчайзинга, коммерческой концессии.

Как уже отмечалось, участие в качестве одной из сторон в правоотношении по передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности иностранного лица ведет к усложнению такого правоотношения иностранным элементом, а следовательно, возникновению вопроса о праве, применимом к такому договору.

В силу принципа автономии воли стороны такого договора вправе самостоятельно выбрать право, применимое к тому договору, при этом исходя из «пригодности» этого права для регулирования лицензионного договора, его соответствия ожидаемым интересам сторон⁹.

Такое право признается большинством правовых систем. Как отмечает В. А. Канашевский, обычно в качестве применимого права стороны избирают¹⁰:

- а) право одной из сторон договора;
- б) право той страны, в которой будет использоваться объект лицензионного договора;
- в) право страны суда;
- г) право третьей страны, чьи положения о лицензионном договоре являются более разработанными и приемлемыми для сторон.

Также стороны могут подчинить отдельные части договора различным правовым системам.

Коллизионное регулирование отношений передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности в Российской Федерации содержится в Разделе VI ГК РФ «Международное частное право»¹¹. Стоит отметить, что Федеральным законом от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены существенные изменения в ст. 1211 ГК РФ, содержащую правила определения права, применимого к договору, в частности:

договор об отчуждении исключительного права — в отношении договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации применяется право страны, на территории которой действует передаваемое приобретателю исключительное право, а если оно действует на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя (п. 7 ст. 1211 ГК РФ);

лицензионный договор — в отношении лицензионного договора применяется право страны, на территории которой лицензиату разрешается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а если такое использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара (п. 8 ст. 1211 ГК РФ);

договор коммерческой концессии — в отношении договора коммерческой концессии применяется право страны, на территории которой пользователю разрешается использование комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав, либо, если данное использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя (п. 6 ст. 1211 ГК РФ).

В зарубежных странах предпринят несколько другой подход: положения о применимом праве в отношении интеллектуальной собственности изложены обобщенно, без выделения конкретных видов договоров.

Так, например, Швейцарский закон о международном частном праве 1987 г. в силу ст. 122 (2) устанавливает, что к «договорам в области интеллектуальной собственности применяется право страны обычного места пребывания стороны, передающей или предоставляющей права интеллектуальной собственности»¹².

В странах Европейского союза в соответствии с Регламентом Европейского союза о праве, применимом к договорным обязательствам (Регламент Рим I¹³), при отсутствии выбора права, в соответствии со ст. 4 (2) договор регулируется правом страны, где находится обычное место жительства стороны, которая должна осуществить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора.

Согласно канадскому общему праву, стороны вправе выбрать надлежащие права к их договорным обязательствам. В

11 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. — 2001. — 28 ноября. — № 233.

12 Международное частное право: Иностранное законодательство / Предисл. А. Л. Маковского; сост. и научн. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. — М.: «Статут», 2000. — С. 652.

13 Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0593&from=EN> (дата обращения 08.06.2015).

7 Международное частное право: Учеб. для бакалавров / Отв. ред. Г. К. Дмитриева. — Москва: Проспект, 2015. — С. 339.

8 Шахназаров Б. А. Указ. соч. — С. 23.

9 Канашевский В. А. Международное частное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. — М.: Междунар. отношения, 2009.

10 Канашевский В. А. Коллизионное регулирование лицензионных договоров в России и зарубежных странах // Журнал российского права. — 2013. — № 2.

случае если стороны не избрали применимое право к договору, оно будет определено исходя из критерия наиболее тесной связи. Аналогичное правило содержит и Гражданский кодекс Квебека¹⁴.

В большинстве промышленно и технологически развитых стран Азии (Япония¹⁵, Южная Корея, Тайвань) действует принцип автономии воли сторон, позволяющий избрать применимое право к правоотношениям из договора по передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности. При этом в случае отсутствия выбора права, к договору будет применяться право исходя из принципа наиболее тесной связи. Данный принцип в настоящее время характерен для всех перечисленных азиатских государств. Он является следствием влияния англо-американского подхода к разрешению коллизионной проблемы и является весьма удачным, учитывая предыдущие подходы этих стран.

Так, например, в Тайване до принятия изменений в закон о международном частном праве, в отсутствие выбора применимого права суд должен был следовать за цепочкой коллизионных привязок¹⁶:

- гражданство сторон;
- место заключения договора;
- место направления оферты;
- домицилий оферента.

Отмечается, что данные коллизионные привязки в силу своей чрезмерной жесткости не подходили для большинства видов договоров, в связи с чем назрела необходимость изменения подхода¹⁷.

Подводя итог предпринятому исследованию, следует обозначить несколько важных замечаний, заслуживающих внимания.

1. Термин «передача прав» на результаты интеллектуальной деятельности является обобщающим понятием для различных моделей и договорных конструкций, опосредующих отношения по передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности в различном объеме: полном, частичном (ограниченном), а также передачу прав общеправовыми средствами.

2. Исходя из особенностей объекта исключительных прав, различные договорные конструкции приобретают определенные особенности.

3. Наличие иностранного элемента в качестве стороны договора ведет к усложнению правоотношения иностранным элементом, следовательно, применению правил международного частного права.

4. Абсолютное большинство стран не имеют каких-либо определенных условий касаясь выбора применимого права в отношении договоров о передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности. Практическим следствием этого является то, что в таких случаях применяются общие положения международного частного права применительно к коллизионному регулированию отношений интеллектуальной собственности.

5. Принцип автономии воли сторон является общепризнанным достижением, поскольку позволяет сторонам договориться и избрать наиболее подходящее право к своему договору, избегая неопределенностей и необходимости обращаться к коллизионным нормам.

Пристатейный библиографический список

1. Канашевский В.А. Коллизионное регулирование лицензионных договоров в России и зарубежных странах // Журнал российского права. — 2013. — № 2.
2. Канашевский В. А. Международное частное право: Учебник. Изд. 2-е, доп. — М.: Междунар. отношения, 2009.
3. Международное частное право: Иностранное законодательство / Предисл. А. Л. Маковского; сост. и научн. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. — М.: «Статут», 2000. (Серия: «Современное зарубежное и международное частное право»);
4. Международное частное право: Учеб. для бакалавров / Отв. ред. Г. К. Дмитриева. — Москва: Проспект, 2015.
5. Скворцов А. А. Договоры о передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
6. Шахназаров Б. А. Трансграничная передача прав на объекты промышленной собственности: монография. — Москва: Проспект, 2012.
7. Bainbridge D. Intellectual Property. — 9th ed. — Pearson, 2012.
8. Intellectual Property and Private International Law: Comparative Perspectives / Ed. by Toshiyuki Kono, 2012.
9. Poltorak A. I., Lerner P. J. Essentials of Licensing Intellectual Property, 2004.
10. Seville C. EU Intellectual Property Law and Policy, Edward Elgar Publishing, 2009.
11. US Intellectual Property Law and Policy / Ed. by Hugh Hansen, 2006;

14 Intellectual Property and Private International Law: Comparative Perspectives / Ed. by Toshiyuki Kono, 2012. — P. 165.

15 Act on the General Rules of Application of Laws. Law No. 10 of 1898 (as newly titled and amended 21 June 2006) (Электронный ресурс). — Режим доступа: http://blog.hawaii.edu/aplpj/files/2011/11/APLPJ_08.1_anderson.pdf (Дата обращения: 10.06.2015)

16 Toshiyuki Kono (ed). Op. Cit. 177.

17 Ibid.

Азизова П. М.

ПОНЯТИЕ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН (ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ) НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье автор дает обобщенную характеристику понятию правоспособности граждан (физических лиц) в РФ на современном этапе. Проанализированы характерные особенности данной проблемы, автор обозначает основные подходы к рассмотрению проблемы гражданской правоспособности и защиты прав человека в современной юридической науке.

Ключевые слова: РФ, государство, гражданин, субъект права, правоспособность, право, права.

Azizova P. M.

THE CONCEPT OF LEGAL CAPACITY OF CITIZENS (PHYSICAL PERSONS) AT THE PRESENT STAGE

In this article the author gives a generalized description of the concept of legal capacity of citizens (physical persons) in the Russian Federation at the present stage. The characteristics of this problem are analyzed, the author identifies the main approaches to the problem of civil capacity and protection of human rights in modern legal science.

Keywords: Russia, government, citizen, subject of law, legal capacity, law, rights.

Азизова П. М.

Правоспособность — способность иметь гражданские права и нести обязанности (п. 1 ст. 17 ГК).

Следовательно, правоспособность означает способность быть субъектом этих прав и обязанностей, возможность иметь любое право или обязанность из предусмотренных или допускаемых законом. Ценность данной категории заключается в том, что только при наличии правоспособности возможно возникновение конкретных субъективных прав и обязанностей. Она — необходимая общая предпосылка их возникновения и тем самым их реализации.

Правоспособность признается за всеми гражданами страны. Она возникает в момент рождения человека и прекращается с его смертью. Следовательно, правоспособность неотделима от человека, он правоспособен в течение всей жизни независимо от возраста и состояния здоровья.

Однако отсюда нельзя делать вывод о том, будто правоспособность — естественное свойство человека, подобно зрению, слуху и т. п. Хотя правоспособность и возникает в момент рождения, она приобретает не от природы, а в силу закона, т. е. представляет собой общественно-юридическое свойство, определенную юридическую возможность. В истории были времена, когда большие группы людей в силу действовавших тогда законов были полностью или почти полностью лишены правоспособности (например, рабы при рабовладельческом строе).

В юридической литературе гражданская правоспособность часто рассматривается как определенное качество (или свойство), присущее гражданину¹. Это качество, как вытекает из закона, заключается в способности иметь права и обязанности. Способность же означает не что иное, как юридическую возможность: лицо способно, т. е. может иметь права и обязанности. Поскольку такая возможность предусмотрена и обеспечивается законом, она представляет собой определенное субъективное право каждого конкретного лица. «Правоспособность, — писал С. Н. Братусь, — это право быть субъектом права и обязанностей». Правоспособность — установленная законом способность лица или организации обладать правами и обязанностями. Современным базовым принципом большинства правовых систем мира

является признание равной гражданской правоспособности всех граждан независимо от пола, имущественного положения, расы и т. д. Правоспособность приобретает с рождением и исчезает со смертью.

Ранее гражданским законодательством некоторых стран предусматривалась возможность лишения человека всех гражданских прав — гражданская смерть. В настоящее время использование таких мер вышло из широкого правоприменительного оборота.

В Российской Федерации гражданская правоспособность гражданина признаётся в равной мере за всеми гражданами. Содержание гражданской правоспособности граждан указано в ст. 18 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Граждане могут иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных, охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права».

Правоспособность нельзя отождествлять с естественными правами человека. Правоспособность не принадлежит человеку от природы, ею человека наделяет государство, и объем ее также определяется государством.

Правоспособность связана с гражданством. Приобретая гражданство, человек становится субъектом права данного государства. Неслучайно поэтому в Гражданском кодексе РФ говорится не о правоспособности физических лиц (т. е. людей) вообще, а именно о правоспособности граждан. Прежде всего гражданам Российской Федерации предоставляется гражданская правоспособность в полном объеме¹.

Кроме граждан РФ, субъектами гражданского права могут быть иностранцы — лица, обладающие гражданством иностранного государства и не имеющие гражданства РФ, и лица

без гражданства, т.е. не принадлежащие к гражданству РФ и не имеющие доказательств принадлежности к гражданству другого государства. Согласно ст. 1196 ГК иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных законом.

Статья 2 ГК РФ закрепляет за иностранцами безусловный, т.е. не требующий взаимности со стороны государства иностранного гражданина, национальный режим. Суть его состоит в том, что права иностранцев на территории России определяются в принципе российскими законами, а не законодательством государства, к которому принадлежит иностранец. Презумпция безусловности означает, что для ограничения прав иностранцев необходимо прямое указание российского закона. Из предоставления иностранцам национального режима одновременно следует, что иностранец в РФ не может претендовать на какие-либо иные гражданские права, кроме тех, которые предоставлены по нашему законодательству гражданам РФ; иностранец не может требовать предоставления ему привилегий или установления изъятий из российского закона, т.е. иностранец не может обладать более широкими правами, чем граждане нашей страны.

Установив для иностранных граждан и лиц без гражданства национальный режим, закон допускает изъятия из этого правила, ограничивающие их правоспособность по сравнению с правоспособностью граждан Российской Федерации.

Так, согласно Федеральному закону от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»² членами производственного сельскохозяйственного кооператива могут быть только граждане Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулазизова П. Г. Тенденции совершенствования современного законодательства // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
2. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной правовой системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
3. Абдуллабекова А. Э., Магомедрасулова Р. Б. Особенности развития правовой системы в советский период // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. — 6-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев. — М., 2006.
5. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система — общие вопросы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
6. Ханмурзаев Р. Б. Традиционные факторы в формировании правовой системы России X—XIX вв. // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.

Мусаева А. Г., Азизова П. М.

ГРАЖДАНЕ (ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА) КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В данной статье авторы раскрывают ряд интересных аспектов, связанных с определением понятия «гражданин» (физические лица) как субъект гражданского права. Проанализированы характерные особенности данной проблемы, авторы обозначают существующие в современной юридической науке основные подходы при рассмотрении определения гражданина как лица, принадлежащего на правовой основе к определенному государству, которое имеет определенную правоспособность, наделено правами, свободами и обременено обязанностями.

Ключевые слова: РФ, государство, гражданин, субъект права, правоспособность, право, права.

Musaeva A. G., Azizova P. M.

CITIZENS (PHYSICAL PERSONS) AS SUBJECTS OF CIVIL LAW

In this article, the authors reveal a number of interesting aspects related to the definition of the citizen (physical person) as the subject of civil law. The characteristics of this problem are analyzed, the authors refer to existing in the modern legal science basic approaches when considering the definition of the citizen as a person belonging to the legal framework to a particular state which has a legal personality, vested with the rights, freedoms and burdened with responsibilities.

Keywords: Russia, government, citizen, subject of law, legal capacity, law, rights.

Одним из важнейших понятий науки гражданского права и гражданского законодательства является понятие субъектов права, т.е. лиц, выступающих в качестве участников имущественных и личных неимущественных отношений, регулируемых этой отраслью права.

Понятие лица родовое. Оно относится ко всем субъектам гражданских прав. В ГК РФ подраздел второй раздела первого именуется «Лица» и включает три главы, одна из которых имеет название «Граждане (физические лица)» и посвящена индивидуальным субъектам гражданского права, а две другие посвящены юридическим лицам и участию Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством.

К числу субъектов гражданско-правовых отношений по нашему законодательству относятся, в первую очередь, люди – члены общества. Вместе с тем нередко говорят о гражданско-правовом положении личности, о правах человека и гражданина. Какое из названных понятий наиболее соответствует понятию субъекта гражданского права?

Употребление понятия «личность» для указанных целей было бы неточным, поскольку личность с точки зрения психологии и философии – такой субъект общественных отношений, который обладает определенным уровнем психического развития. Качества личности присущи психически здоровому человеку, достигшему определенного возраста, способному в силу интеллектуальных и духовных качеств быть участником общественных отношений, формировать свою позицию, отвечать за поступки. Следовательно, не каждого человека можно считать личностью. Понятие «личность» является более узким по сравнению с понятием «человек». Как правильно подчеркивается в юридической литературе, личностью не рождаются, а ею становятся.

Признание субъектами гражданского права только личностей означало бы непризнание субъектами людей, которые не обладают качеством личности (малолетние, душевнобольные). Подобное решение явно противоречило бы гражданскому законодательству, признающему субъектом гражданского права каждого человека независимо от его возраста и состояния здоровья.

Понятие «человек» в смысле субъекта права широко употребляется в различных международных документах и в законодательстве. Так, в ст. 6 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., записано, что «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности».

Человек – субъект множества прав и обязанностей, в том числе и гражданских. Однако гражданское законодательство Российской Федерации для обозначения человека как субъекта гражданских прав и обязанностей употребляет другое понятие – «гражданин». Представляется, что это понятие характеризует человека не как «члена человеческой семьи», а как лицо, состоящее в определенной связи с государством. Следовательно, гражданин – понятие юридическое.

Гражданство определяет постоянную политико-правовую связь лица и государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях. Отсюда вытекает, что гражданское законодательство, употребляя понятие «граждане», имеет в виду граждан данного государства – Российской Федерации.

Но на территории государства всегда проживают люди, которые являются гражданами других государств (иностранцы), а также люди, не имеющие определенного гражданства – апатриды. Они подчиняются правопорядку, существующему в данном государстве, имеют определенные права и обязанности. Однако гражданами данного государства, например Российской Федерации, они не являются и, следовательно, не подпадают под понятие «граждане».

В международных соглашениях, а также в законодательстве многих стран понятие «граждане» не употребляется, а используется понятие «физические лица», которое имеет более широкое содержание, поскольку охватывает всех людей как участников гражданских и других правоотношений

Мусаева А. Г.

Азизова П. М.

на территории данной страны (или стран). Например, в Германском гражданском уложении соответствующая глава в разделе «Лица» именуется «Физические лица». В названном законе употребляется понятие «человек», но не в значении «гражданин». Следовательно, Германское гражданское уложение имеет в виду человека вообще, физическое лицо. Понятие «физическое лицо» употребляется и в законодательстве многих других стран, причем понятие «граждане» при этом не употребляется. С этой точки зрения представляет интерес Гражданский кодекс Франции, который для обозначения субъекта права – человека использует понятия «француз» и «иностранец».

В законодательстве нашей страны люди как субъекты гражданского права долгое время именовались «граждане» (статьи 9–12 ГК РСФСР 1964 г.). В Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г., использовалась формулировка «граждане» и в скобках «физические лица». Эта формулировка используется и в ГК РФ 1994 г., в том числе в названии главы третьей.

Можно ли из приведенного положения ГК сделать вывод, что понятия «граждане» и «физические лица» однозначны? Представляется, что такой вывод был бы ошибочным, поскольку названные понятия, хотя близки по содержанию, но вместе с тем они, как было показано, существенно различаются. Употребляя понятие «граждане», закон имеет в виду людей, состоящих в гражданстве РФ. Но закон учитывает, что кроме граждан в пределах РФ находятся и люди, не являющиеся ее гражданами. Именно поэтому ГК употребляет также и понятие «физические лица», в числе которых не только граждане, но и другие лица – не граждане.

Представляется, что такое двойственное обозначение одного и того же явления объясняется желанием законодателя не отказываться от традиционного, привычного словоупотребления. Вместе с тем оно позволяет достаточно четко разграничивать при регулировании имущественных и личных неимущественных отношений рассматриваемые понятия: если в норме закона содержится понятие «граждане», то это должно означать, что речь идет только о гражданах РФ, если же закон употребляет понятие «физические лица», то имеются в виду и граждане РФ, и иностранные граждане, и лица без гражданства. Нередко закон употребляет термин «лицо» без определения «физическое» (например, абз. 2 п. 1 ст. 66; п. 2 ст. 69; п. 1 ст. 1087 ГК и др.). Учитывая международный опыт, можно предположить, что в будущем и наше законодательство перейдет при обозначении индивидуальных субъектов права на единое словоупотребление – «физические лица». Гражданин (физическое лицо) как участник гражданских правоотношений обладает рядом общественных и естественных признаков и свойств, которые определенным образом индивидуализируют его и влияют на его правовое положение. К таким признакам и свойствам следует отнести: имя, гражданство, место жительства, возраст, семейное положение, пол.

Имя гражданина – это средство индивидуализации его как участника гражданских правоотношений. Право на имя является личным правом гражданина.

Сведения об имени заносятся в актовую запись о рождении ребенка. Имя гражданина включает в себя фамилию, собственное имя и отчество. Фамилия ребенка определяется фамилией родителей (при разных фамилиях родителей – фамилией отца или матери). Собственное имя ребенку дается с согласия родителей. Отчество присваивается по собственному имени отца. Если отцовство не установлено – отчество ребен-

ка записывается по указанию матери. Гражданин вправе переменить имя, полученное при рождении. Закон допускает использование псевдонима (вымышленного имени).

Не допускается приобретение прав и обязанностей под именем другого лица. Гражданин, имя которого было неправомерно использовано, вправе потребовать возмещения вреда, причиненного вследствие такого использования.

Гражданство – это устойчивая правовая связь между лицом и РФ, выражающаяся в совокупности взаимных прав и обязанностей (ФЗ «О гражданстве»).

Основания приобретения гражданства: по рождению, принятие в гражданство (общий и упрощенный порядок), восстановление в гражданстве.

Основания прекращения: выход из гражданства, оптация.

Местом жительства гражданина признается место нахождения (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, либо населенный пункт, где этот гражданин постоянно или преимущественно проживает, а при невозможности установить такое место – место жительства (при его отсутствии – место пребывания), указанное в документе, удостоверяющем личность, либо другом документе о регистрации, либо место нахождения имущества этого лица.

Местом жительства несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов.

Свободный выбор места жительства – одно из важнейших конституционных прав человека.

Точное определение места жительства гражданина имеет юридическое значение, поскольку с ним законодательство связывает ряд важных юридических последствий. В частности, денежные обязательства исполняются в месте жительства кредитора, иные обязательства исполняются в месте жительства должника, местом открытия наследства по общему правилу считается последнее место жительства наследодателя и т.д.

Помимо рассмотренных, для индивидуализации физического лица как субъекта гражданского права могут иметь значение и другие качества и признаки, если для этого имеются основания, предусмотренные законом. Первостепенное значение имеют качества правоспособности и дееспособности.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулазизова П. Г. Тенденции совершенствования современного законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
2. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной правовой системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
3. Абдуллабекова А. Э., Магомедрасулова Р. Б. Особенности развития правовой системы в советский период // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. – 6-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев. – М., 2006.
5. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система – общие вопросы // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
6. Ханмурзаев Р. Б. Традиционные факторы в формировании правовой системы России X–XIX вв. // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.

Мухтаров М. Г.

ИМЯ ГРАЖДАНИНА КАК СРЕДСТВО ЕГО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье мы исследуем содержание категории «индивидуализация физических лиц», в частности, пытаемся определить значение имени человека как одного из основных средств индивидуализации. Ведь имя в обществе долгое время было и остается основным средством индивидуализации личности, являясь обозначением личности.

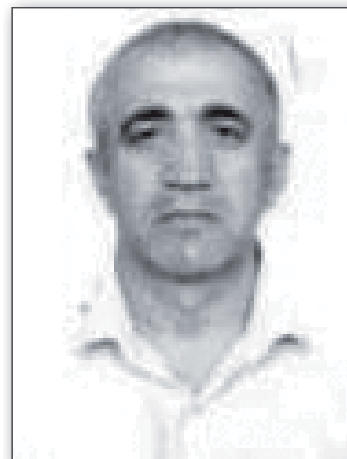
Ключевые слова: РФ, ГК РФ, гражданин, индивидуализация в гражданском обществе, право на имя.

Mukhtarov M. G.

THE NAME OF A CITIZEN AS A MEANS OF THEIR INDIVIDUALIZATION IN CIVIL SOCIETY

In this article, we investigate the content of the category "individualization of physical persons", in particular try to determine significance of a person's name as a major means of individualization. After all, the name in society has long been and remains the primary means of individualization of person, which is the symbol of person.

Keywords: Russian Federation, Civil Code of Russia, a citizen, individualization in civil society, the right to a name.

Мухтаров М. Г.

Средство индивидуализации — обозначение, служащее для различения товаров, услуг, предприятий, организаций и других объектов в сфере хозяйственного оборота. В данной статье мы исследуем содержание категории «индивидуализация физических лиц», в частности пытаемся определить значение имени человека как одного из основных средств индивидуализации. Ведь имя в обществе долгое время было и остается основным средством индивидуализации личности, являясь обозначением личности. Право на имя является личным правом гражданина.

Сведения об имени заносятся в актовую запись о рождении ребенка. Имя гражданина включает в себя фамилию, собственное имя и отчество. Фамилия ребенка определяется фамилией родителей (при разных фамилиях родителей — фамилией отца или матери). Имя — отличительный признак любого гражданина, способ его обозначения. Под своим именем гражданин выступает как участник гражданских правоотношений, обладатель принадлежащих ему прав и тех обязанностей, которые он должен выполнять.

Часть 1 ст. 19 гл. 3 ГК РФ (1 января 1995 г.) «Имя гражданина» закрепляет право каждого гражданина на приобретение и изменение собственного имени. Так, п. 1. ст. 19 гласит, что «гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя)».

Собственное имя ребенку дается с согласия родителей. Пункт 2 ст. 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», п. 2 ст. 58 СК РФ гласит, что соглашение родителей — необходимое условие для присвоения ребёнку собственного имени.

Законодательство России не содержит каких-либо оснований для отказа в регистрации любого избранного родителями собственного имени ребёнка. Законодатель, наделяя родителей правом выбора имени ребёнку и не закрепляя при этом каких-либо границ их усмотрения, исходит из презумпции разумности и добросовестности родителей, полагая, что

они должны руководствоваться не только и не столько своими интересами, сколько интересами ребёнка.

Но практика предыдущих годов, особенно советского периода, показала, что родители не всегда добросовестно использовали это право, нарекая детей несуразными аббревиатурами типа ВИЛ, ЛЕНКОМ, и т.д. К счастью, закон предусмотрел такой исход дела и согласно п. 2 ст. 19 ГК РФ «гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом. Перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем». Перемена имени возможна: при вступлении гражданина в брак, прекращении брака путем развода, при признании брака недействительным, установлении отцовства, расторжении брака родителей, при усыновлении. Во всех этих случаях действуют правила, предусмотренные семейным законодательством, Законом «Об актах гражданского состояния». Изменение имени, фамилии, отчества несовершеннолетнего допускается и в случае его усыновления. Одним из основных документов при усыновлении является свидетельство о рождении ребенка, подлежащего усыновлению, где уже обозначены его имя, отчество, фамилия. После усыновления по просьбе усыновителя усыновленному могут быть присвоены другое имя, отчество и фамилия усыновителя. При усыновлении ребенка лицом, не состоящим в браке, имя, фамилия отца (матери) записываются по его указанию. Если ребенка усыновляют супруги, имеющие разные фамилии, то усыновленному присваивается фамилия одного из них. Всякого рода разногласия на этот счет свидетельствуют не в пользу будущего усыновления. Поскольку представление ребенка о своих имени, отчестве, фамилии ассоциируется у него с собственным «я», постольку важно считаться с мнением несовершеннолетнего, достигшего 10-летнего возраста, о предстоящей перемене его имени. Мало того, его согласие (несогласие) на изменение имени, отчества, фамилии обязательно. Исключение составляют случаи, когда усыновляемый считает усыновителя своим родителем, ничего не зная о природе существующих отношений. Перемена имени, фамилии, отчества возможна лишь при усыновлении, когда полностью прекращается правовая связь ребенка с родителями (одним из

них). Устройство несовершеннолетнего на опеку (попечительство), в приемную семью не дает оснований для изменения имени, отчества, фамилии несовершеннолетнего. Не влечет за собой никаких изменений в свидетельстве о рождении ребенка и лишение судом родителей родительских прав. При отмене усыновления возникает проблема сохранения приобретенного ребенком после усыновления имени, отчества, фамилии. Она решается судом в зависимости от интересов ребенка с учетом его желания. Возврат к прежним имени, отчеству, фамилии допускается лишь с согласия усыновленного, достигшего 10-летнего возраста. При отмене усыновления после достижения усыновленным совершеннолетия перемена его имени, отчества и фамилии осуществляется в соответствии с правилами Закона «Об актах гражданского состояния».

Если после изменения гражданином своих имени, отчества, фамилии почему-либо нет возможности внести соответствующие изменения в правоустанавливающий документ, допускается установление судом в порядке особого производства факта принадлежности правоустанавливающих документов лицу, имя, отчество или фамилия которого, указанные в документе, не совпадают с именем, отчеством или фамилией этого лица по паспорту или свидетельству о рождении. При этом суд не вправе устанавливать в своем решении тождество имен, отчеств и фамилий лиц, по-разному именуемых в различных документах.

Содержание права на имя включает в себя:

1) правомочие по владению именем – гражданин обладает определенным именем, закреплённым в официальных документах и зарегистрированным в органе ЗАГС;

2) правомочие по пользованию именем – возможность гражданина требовать от других лиц, чтобы они называли его надлежащим образом; скрывать своё имя, выступая в предусмотренных законом случаях анонимно или под псевдонимом; давать разрешение на использование своего имени другими лицами безвозмездно или возмездно;

3) правомочие по распоряжению именем – возможность переменить (изменить) имя, разрешить в завещании использовать своё имя наследнику.

Право на имя – один из существенных элементов субъективного авторского права. Поэтому в пп. 2 и 3 ст. 19 ГК устанавливается, что гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом.

Имя, полученное гражданином при рождении, а также перемена имени подлежат регистрации в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния. В порядке и случаях, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя).

Возможны случаи, когда право на имя охраняется одновременно с другими личными неимущественными правами, которые регулируются гражданским правом. Если, например, право на имя нарушается в связи с нарушением чести и достоинства гражданина, то его защита осуществляется посредством защиты чести и достоинства.

В связи с этим в п. 5 ст. 19 ГК подчеркивается, что при искажении либо использовании имени гражданина способами или в форме, которые затрагивают его честь, достоинство или деловую репутацию, применяются правила, предусмотренные ст. 152 ГК. Вред, причиненный гражданину в результате нарушения его права на имя или псевдоним, подлежит возмещению в соответствии с настоящим Кодексом.

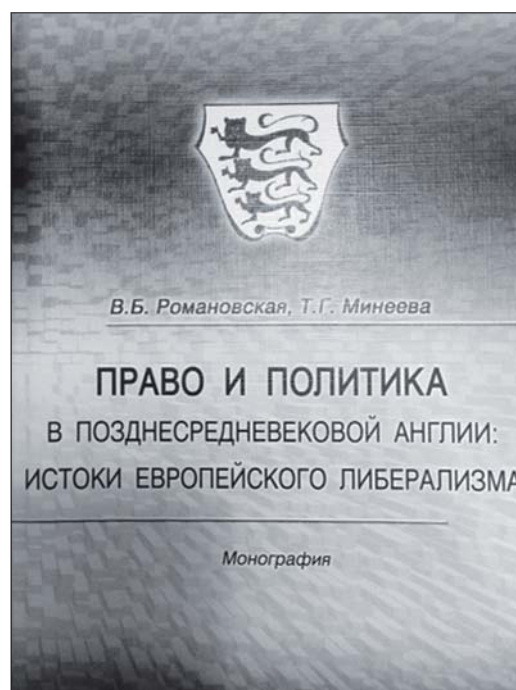
При искажении имени гражданина либо при использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию,

гражданин вправе требовать опровержения, возмещения причиненного ему вреда, а также компенсации морального вреда.

Вместе с тем право на имя имеет важный аспект, не позволяющий свести его только к вышеуказанным случаям. Дело в том, что, будучи правом строго личного характера, право на имя нуждается в гражданско-правовом регулировании как с точки зрения правил его использования самими обладателем в гражданском обороте (поскольку это важно для его стабильности и определённости), так и с точки зрения охраны от использования его третьими лицами без законных оснований.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулазизова П. Г. Тенденции совершенствования современного законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
2. Абдуллабекова А. Э., Магомедрасулова Р. Б. Особенности развития правовой системы в советский период // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
3. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной правовой системы Российской Федерации – 2015. – № 6.
4. Бондаренко Г. В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7.
5. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. – 6-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев. – М., 2006.
6. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система – общие опросы // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
7. Проблема развития мира, человека и общества: традиции и современность. Сб. науч. раб. / Под ред. М. С. Кунафина, Г. В. Бондаренко. – Уфа, 2004.
8. Ханмурзаев Р. Б. Традиционные факторы в формировании правовой системы России X–XIX вв. // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.

Шайдуллин Р. Р.

ИСК КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

В статье раскрывается проблематика, касающаяся судебной защиты прав граждан, участвующих в долевом строительстве жилья. В статье уделяется внимание процессуальной природе иска, приводятся предпосылки для подачи искового заявления с учетом анализа судебной практики с обозначением наиболее частых нарушений прав граждан со стороны застройщика. Особое внимание уделяется условиям, при которых возможна реализация их прав на судебную защиту.

Ключевые слова: исковое заявление, долевое строительство, жилье, суд, дольщики, застройщики, гражданский процесс.

Shaidullin R. R.

LAWSUIT AS A MEANS OF PROTECTION OF CITIZENS PARTICIPATING IN SHARED HOUSING

The article deals with issues relating to judicial protection of the rights of citizens participating in the joint construction of housing. The article focuses on the procedural nature of the claim, provides the preconditions for filing a claim based on an analysis of judicial practice with the designation of the most frequent violations of human rights by the developer. Particular attention is paid to the conditions under which realization of their right to judicial protection is possible.

Keywords: claim, shared construction, housing, the court, real estate investors, developers civil procedure.

Проблема «обманутых дольщиков» на сегодняшний день остается острой. Так, по данным Министерства регионального развития, на 2015 г. количество обманутых дольщиков составляет более 70,915 тыс. граждан, имеются 684 проблемных объекта в 62 субъектах РФ. К уже имевшимся регионам добавились Республика Крым и город Севастополь, где, впрочем, число пострадавших невелико¹. Такая ситуация отчасти связана с проблемой гражданско-правовой ответственности, и именно от ее эффективности зависит реализация прав участников долевого строительства. Распространенным обстоятельством применения такой ответственности является неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств по договору долевого участия, причинившее имущественный вред другой стороне договора. Мы придерживаемся мнения, что гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с долевым строительством жилья, может быть определена как установленные законом или договором неблагоприятные последствия (санкции), соединенные с имущественным обременением и обеспеченные возможностью государственного принуждения, наступающие для стороны, не исполнившей или ненадлежащим образом исполнившей свои обязательства.

По действующему законодательству реализация санкций возможна как в добровольном порядке, так и в форме властного акта государственного органа.

Добровольный порядок предусматривает, что стороны, участвующие в долевом строительстве, реализуют свои права самостоятельно.

Во втором случае уже нужно говорить о процессуальном средстве защиты, которая регламентирована процессуальным правом (ГПК РФ и АПК РФ). Проще говоря, данный способ защиты характеризуется как процессуальная (судебная) защита прав и (или) интересов прав граждан, участвующих в долевом строительстве жилья, посредством реализации санкций, содержащихся в материальном праве. Прежде всего, данное средство защиты базируется на пп.1 и 2 ст. 46 Конституции

РФ, которые закрепляют право каждого на судебную защиту, в частности истца и других лиц, участвующих в деле и интересы которых суд обязан защищать в полном объеме.

Иск можно рассматривать как обращение заинтересованного лица к суду с требованием о защите субъективного права или охраняемого законом интереса. При всем этом иск должен содержать конкретные факты нарушения или угрозы нарушения прав, свобод или законных интересов истца, а также обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие это. В литературе присутствует точка зрения, в соответствии с которой понятие иска содержит в себе как процессуальную (требование к суду о защите права и интереса), так и материально-правовую (требование истца к ответчику) стороны². Отдельно подчеркивается мысль, что право на иск распадается на две составляющие: право на его предъявление и право на его удовлетворение³. Данная трактовка, на наш взгляд, является спорной. Мы полагаем, что право на удовлетворение иска относится к области материального, а не процессуального права, а право на предъявление иска имеет процессуальную природу. Данный вывод можно подтвердить названиями гл. 13 АПК РФ, гл. 12 ГПК РФ, регулирующих подачу и принятие судом искового заявления.

Мы считаем, что право на иск – это субъективное процессуальное право, выраженное в предъявлении материально-правового требования одного лица другому и его рассмотрении в определенном процессуальном порядке. Право на предъявление иска возникает при наличии определенных условий (предпосылок), которые проверяются судом общей юрисдикции для принятия искового заявления к производству. В случае отсутствия у лица субъективного или материального права, суд, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, уже на этапе предъявления иска может отказать в принятии

1 Число обманутых дольщиков в РФ к началу 2015 г составило более 70 тыс чел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://giarealty.ru/news/20150121/404190709.html> (дата обращения: 02.09.2015 г.).

2 Добровольский А. А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). – М.: Моск. гос. ун-т, 1965. – С. 42; Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. – М.: Моск. гос. ун-т, 1979. – С. 17–18.

3 Гражданский процесс: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – М.: Проспект, 1999. – С. 166; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Норма, 2008. – С. 592–605.

заявления по мотиву отсутствия субъективного или материального права.

Таким образом, предпосылки для подачи иска – это те обстоятельства, с наличием или отсутствием которых связано возникновение и сохранение права на иск, состоящий из юридических фактов гражданского процессуального права. Реализация права на подачу иска должна включать себя условия, обозначенные в главе 12 ГПК РФ и главе 13 АПК РФ, позволяющие истцу предполагать, что его исковые требования будут удовлетворены (ст. 131 ГПК и ст. 125 АПК РФ).

Отсутствие хотя бы одной из предпосылок ведет к отказу в принятии искового заявления или прекращению дела. Таким образом, предпосылки обуславливают наличие у граждан, участвующих в долевом строительстве жилья, права на предъявление иска в суд, которое должно реализовываться определенным образом. Практическое значение условий реализации права граждан, участвующих в долевом строительстве жилья, на предъявление иска заключается в процессуальных последствиях их несоблюдения (возврат искового заявления (ст. 135 ГПК РФ, ст. 129 АПК РФ), оставление искового заявления без рассмотрения (статьи 222, 223 ГПК РФ, ст. 149 АПК РФ)). Таким образом, мы можем выделить следующие предпосылки права на предъявление иска в суд участником долевого строительства:

– подведомственность (исковое заявление должно подлежать рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства);

– юридическая заинтересованность лица в исходе дела;

– отсутствие вступившего в законную силу решения суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или определения суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон;

– отсутствие ставшего обязательным для сторон и принятого по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решения третейского суда, кроме случая, когда суд общей юрисдикции отказал в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда.

На основе действующего законодательства также можно выделить следующие условия реализации права граждан, участвующих в долевом строительстве жилья, на предъявление иска в суд:

1) подсудность дела суду и по общему правилу иски, связанные с взысканием денежных средств (неустойка, компенсация морального вреда), не содержащие требований о праве на объекты долевого строительства, предъявляются по выбору истца по месту нахождения истца или ответчика, или же по месту исполнения договора. Что касается исков, касающихся прав на объекты незавершенного строительства, то они предъявляются по месту нахождения данного объекта⁴;

2) процессуальная дееспособность истца, которой он наделяется с целью защиты своих прав и интересов как участника материальных правоотношений. Согласно п. 1 ст. 37 ГПК РФ способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет, и организациям;

3) отсутствие в производстве другого суда дела по тождественному спору – означает, что иск подлежит возвращению или оставлению без рассмотрения, если будет установлено, что другой суд принял заявление по тождественному спору к производству, назначил его рассмотрение или уже рассматривает по существу⁵;

4) отсутствие в производстве третейского суда дела по тождественному спору. В данном случае суд устанавливает наличие соглашения сторон о передаче данного спора на рассмотрение и разрешение третейского суда и поступление от ответчика до начала рассмотрения дела по существу возражения относительно рассмотрения и разрешения спора в суде. По нашему мнению, такую информацию суд может получить, изучив сам текст договора (например, договор долевого участия в строительстве) или получив иную информацию, свидетельствующую о рассмотрении дела в третейском суде⁶;

5) соблюдение сторонами досудебного порядка урегулирования спора (например, соблюдения претензионного порядка разрешения спора).

Отдельно можно сказать что ст. 222 ГПК РФ содержит указания на еще несколько оснований для оставления иска без рассмотрения, в случае если стороны не явились в суд по вторичному вызову и не просили о разбирательстве дела в их отсутствие и если истец, не просивший о разбирательстве дела в его отсутствие, не явился в суд по вторичному вызову, а ответчик не требует рассмотрения дела по существу. По нашему мнению, в данном случае, оставляя исковое заявление без рассмотрения, суд реализует свое право на применение санкции.

В целом необходимо констатировать, что в современных реалиях иск является одним из важнейших средств защиты прав граждан, участвующих в долевом строительстве жилья. Проведенный нами анализ судебной практики показал, что распространенными спорами в сфере долевого строительства являются следующие иски участников долевого строительства к застройщикам, а именно:

иски связанные с заключением нескольких договоров участия в долевом строительстве в отношении одного и того же объекта; уклонением от государственной регистрации договора участия в долевом строительстве; отказом застройщика передать объект долевого строительства участнику, уклонение от передачи объекта долевого строительства после сдачи многоквартирного дома в эксплуатацию; просрочкой передачи объекта (жилого помещения) участнику долевого строительства; передачей объекта долевого строительства в размере меньшем, чем был предусмотрен договором с участником долевого строительства; передачей объекта долевого строительства с недостатками (отступлениями от условий договора, проектной документации, обязательных требований и т.д.); необоснованным односторонним отказом застройщика от договора. Из анализа вышеприведенных нарушений мы можем сделать вывод, что иски выражают именно материальное требование.

Как мы видим, в последнее время судебная система начала оказывать значительное влияние на формирование комфортного инвестиционного климата как в стране, так и в

4 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2013 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г. // Бюллетень ВС РФ. – 2014. – № 5. – С. 47.

5 Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2006 г. N КА-А40/3680-06 по делу № А40-83369/05-148-665 // СПС КонсультантПлюс.; Определение Московского областного суда от 29 апреля 2008 г. по делу N 33-9526 // СПС КонсультантПлюс.

6 Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3019.

отдельно взятом ее регионе, что позволяет успешно решать самые злободневные проблемы, в частности проблемы обманутых дольщиков, которые уже не являются просто гражданско-правовым спором, а стали политической проблемой из-за огромного и, к сожалению, все возрастающего количества обманутых граждан, вложивших свои средства в строительство квартир в новостройках.

Таким образом, под иском граждан, участвующих в долевом строительстве, следует понимать письменное заявление, обоснованное ссылкой на фактические обстоятельства требования к суду, принятое им к производству, и предоставление государственной помощи в реализации в отношении одного (нескольких) ответчиков требования, принадлежащего лицу и в интересах которого заявлено требование.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 29.06.2015).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3019.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2006 г. № КА-А40/3680-06 по делу N А40-83369/05-148-665 // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Московского областного суда от 29 апреля 2008 г. по делу № 33-9526 // СПС КонсультантПлюс.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2013 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г. // Бюллетень ВС РФ. – 2014. – № 5.
8. Гражданский процесс: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – М.: Проспект, 1999.
9. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Норма, 2008.
10. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). – М.: Моск. гос. ун-т, 1965.
11. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. – М.: Моск. гос. ун-т, 1979.
12. Число обманутых дольщиков в РФ к началу 2015 г. составило более 70 тыс. чел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riarealty.ru/news/20150121/404190709.html> (дата обращения 02.09.2015).

<p>АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ</p> <p>Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Буннова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Волкова Н.С., к.ю.н., научный секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Ермина О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Петюкова О.Н., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Райлян А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Серета А.В.</p>	<p>Социальная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования</p>	<p>BUSINES COURT ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <p>СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ</p> <p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p> <p>Ежемесячное пособие на ребенка</p> <p>Материнский (семейный) капитал</p> <p>Условия и порядок предоставления жилья</p> <p>Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям</p> <p>Правоприменительная практика</p> <p>Зарубежный опыт</p>
<p>BUSINES COURT</p> <p>ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОР» 119571, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9 Тел./факс (499) 749-77-16 www.del-dvor.ru del_dvor@bk.ru</p> <p>9 785915 501583</p>		

Бышков П. А.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В настоящей статье автором проводится анализ российского законодательства, регулирующего использование и охрану энергетических ресурсов. Рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия энергетических ресурсов. Исследуются проблемы классификации энергетических ресурсов.

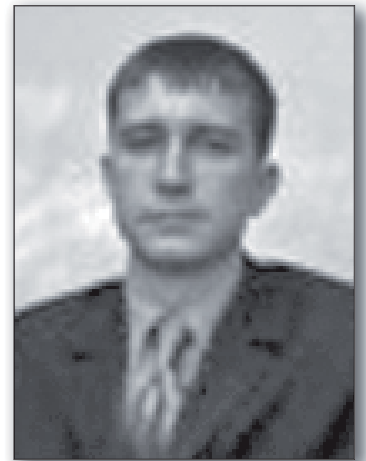
Ключевые слова: энергетические ресурсы, полезные ископаемые, первичные энергетические ресурсы, возобновляемые источники энергии, вторичные энергетические ресурсы.

Byshkov P. A.

ON THE CONCEPT AND LEGAL CLASSIFICATION OF ENERGY RESOURCES

In this article the author analyzes the Russian legislation regulating the use and conservation of energy resources. The problems associated with the definition of energy resources are considered. The problems of classification of energy resources are researched.

Keywords: energy resources, minerals, primary energy resources, renewable energy resources, secondary energy resources.

Бышков П. А.

Российская Федерация располагает огромным запасом разнообразных энергетических ресурсов, позволяющих полностью удовлетворить потребности промышленности и населения страны в энергии, являясь одновременно с этим одним из главных экспортеров энергетических ресурсов в мире. При этом следует отметить, что многие энергетические ресурсы по своей природе относятся к невозобновляемым, встречаются достаточно редко или неравномерно распределены по территории России.

Данные обстоятельства указывают на важность и необходимость совершенствования законодательства для наиболее эффективного регулирования рационального использования и охраны энергетических ресурсов.

В настоящее время ведется подготовка изменений в федеральное законодательство, регулирующее использование энергетических ресурсов. Это тем более своевременно, что один из основных нормативных правовых актов, регулирующих добычу природных ресурсов – Закон «О недрах»¹ был принят еще в 1992 г. Кроме того, поправки вносятся в такие федеральные законы, как Федеральный закон «Об электроэнергетике»², Федеральный закон «О теплоснабжении»³, Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ и другие законы. Все эти факторы предопределили необходимость теоретической разработки проблем, связанных с рациональным использованием энергетических ресурсов.

Одной из существенных проблем является определение понятия такого материального объекта права, как энергетические ресурсы.

Действующее законодательство содержит ряд упоминаемых об энергетических ресурсах, рассмотрим их более подробно. Так, Закон «О недрах» в ст. 1.2 вводит понятие «энергетические ресурсы», но не раскрывает его: «Недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации»⁵.

При этом в соответствии с преамбулой Закона «О недрах» «...недра являются частью земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения...»⁶. Учитывая совершенствование действующих и создание новых технологий исследования недр, их количественная и качественная оценка (глубина освоения, объемы, запасы полезных ископаемых) является динамичной категорией. При этом следует отметить, что не все энергетические ресурсы находятся в земной коре, поэтому не могут регулироваться данным законом.

Более полное представление об энергетических ресурсах дает Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В ст. 2, содержащей основные понятия, используемые в обозначенном Федеральном законе, вводятся два следующих определения. Энергетический ресурс – «носитель энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия или другой вид энергии)» и вторичный энергетический ресурс – «энергетический ресурс, полученный в виде отходов производства и потребления или побочных про-

1 Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. – 06.03.1995. – № 10. – Ст. 823.

2 Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 31.03.2003. – № 13. – Ст. 1177.

3 Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2010. – № 31. – Ст. 4159.

4 Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.11.2009. – № 48. – Ст. 5711.

5 Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. – 06.03.1995. – № 10. – Ст. 823.

6 Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. – 06.03.1995. – № 10. – Ст. 823.

дуктов в результате осуществления технологического процесса или использования оборудования, функциональное назначение которого не связано с производством соответствующего вида энергетического ресурса»⁷.

Кроме того, п. 1 ст. 2 Федерального закона «О теплоснабжении» вводится определение тепловой энергии как «энергетического ресурса, при потреблении которого изменяются термодинамические параметры теплоносителей (температура, давление)»⁸.

К еще одному виду энергетических ресурсов следует отнести возобновляемые источники энергии, которыми согласно ст. 3 Федерального закона «Об электроэнергетике» считаются:

- энергия ветра;
- энергия солнца;
- энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях;
- энергия приливов (в данном случае для получения энергии используется перепад уровней воды, образующийся во время прилива и отлива);
- энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов;
- геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей;
- низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей;
- биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья;
- отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива;
- биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов;
- газ, образующийся на угольных разработках⁹.

Обращаясь к международному праву, следует отметить следующее. Наиболее полный перечень энергетических ресурсов, которые рассматриваются через призму энергетических материалов и продуктов, содержит Договор к Энергетической хартии 1994 г.¹⁰, подписанный, но не ратифицированный Российской Федерацией. Данный документ в ст. 18 содержит принцип государственного суверенитета над энергетическими ресурсами, а также содействия недискриминационному доступу к ним. В Приложении ЕМ Договора к Энергетической хартии «Энергетические материалы и продукты» приводится список энергетических ресурсов: ресурсы, используемые в ядерной энергетике (руды и концентраты урановые или ториевые; уран природный и его соединения); уголь каменный, газ природный, нефть и нефтепродукты, электроэнергия и другие виды энергии (древесина топливная в виде отрезков стволов, поленьев, сучьев, вязанок хвороста или аналогичных видах; уголь древесный (включая уголь, полученный из скорлупы или орехов, агломерированный или неагломерированный)).

Данное понятие является определяющим в понимании «хозяйственной деятельности в энергетическом секторе» и означает хозяйственную деятельность, относящуюся к разведке, добыче, переработке, производству, хранению, транспортировке по суше, передаче, распределению, торговле, сбыту или продаже энергетических материалов и продуктов.

Перечень топливно-энергетических ресурсов содержится в приложении к Соглашению о совместной разработке топливно-энергетического баланса государств – членов Евразийского экономического сообщества¹¹. Данный список включает в себя нефть, автомобильный бензин, дизельное топливо, топочный мазут, природный и попутный газ, уголь и электроэнергию. Данные виды энергетических ресурсов приводились в документе, необходимом для утверждения совместного и национального топливно-энергетических балансов государств – членов бывшего ЕврАзЭС, и поэтому не включают в себя, например, урановые руды.

В доктрине права вопрос об энергетических ресурсах и их классификации часто рассматривается исследователями. Ставится важный вопрос, в какой мере общественные отношения по поводу энергетических ресурсов охватываются нормами природоресурсного права и насколько применимы к энергетическим ресурсам общие принципы правового регулирования использования природных ресурсов. Как отмечает один из крупных российских исследователей в сфере правового регулирования энергетических ресурсов П. Г. Лахно, «понятие “энергия” является составным: “ерг” (эрг) – вторая часть этого термина собственно означает действие (работу), а приставка “эн”, производная от первоначального “ин” – “в”, подчеркивает направленность этого действия вовнутрь системы, т.е. внешний характер проявления силы (действия), прикладываемой к системе и вызывающей ее движение... Термин “энергия” используется и применяется не только в естественных науках, но имеет и более общее философское значение. Энергия есть всякое действие, осуществление, в противовес потенции (potentia) как возможности, а энергетика по большому счету – система, реализующая имеющийся потенциал, преобразующая его в энергию, в действия, направленные на достижение желаемого результата»¹².

Еще один отечественный исследователь С. С. Селиверстов видит неоднозначным ответ на вопрос о том, включаются ли энергетические ресурсы в своей совокупности в понятие «природные ресурсы» или выходят за их рамки¹³.

Австралийский правовед А. Брэдбрук определяет энергетический ресурс путем непосредственного перечисления первичных и вторичных источников энергии. К таким он относит нефть, природный газ, уголь, уран, солнечную энергию, энергию ветра, волн, приливов и отливов, гидроэнергетику, биомассу, водородное топливо, геотермальную энергию и электроэнергию. К источникам энергии он относит также отдельные виды самой энергии. Природные ресурсы, содержащие в себе потенциальную или действующую энергию, определяются как энергоносители¹⁴.

7 Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.11.2009. – № 48. – Ст. 5711.

8 Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2010. – № 31. – Ст. 4159.

9 Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 31.03.2003. – № 13. – Ст. 1177.

10 Договор к Энергетической хартии и связанные с ним документы. – Брюссель: Секретариат Энергетической хартии, 2004.

11 Соглашению о совместной разработке топливно-энергетического баланса государств – членов Евразийского экономического сообщества // Бюллетень международных договоров. – 2008. – № 8. – С. 6–10.

12 Лахно П. Г. Энергия, энергетика и право // Энергетическое право. – 2006. – № 1(6).

13 Селиверстов С. С. К вопросу о понятии энергетического права // Энергетическое право. – 2008. – № 1. – С. 53.

14 Bradbrook A. Energy Law as an Academic Discipline // Journal of Energy Natural Resources Law. – 1996. – Vol. 14. – P. 194.

В целях совершенствования правового регулирования рационального использования энергетических ресурсов необходимо установить их правовую классификацию. В основе классификации могут находиться различные критерии. Так, естественные науки подразделяют природные и энергетические ресурсы исходя из их физико-химических свойств. В геологии и экономике природопользования главным критерием является степень изученности и экономической эффективности их использования.

Следует отметить, что российское законодательство подразделяет полезные ископаемые на общераспространенные и необщераспространенные. Как отмечалось ранее в юридической литературе, для правовой классификации видов полезных ископаемых первостепенную роль играет их экономическая значимость. Не вызывает сомнения, что при делении полезных ископаемых на общераспространенные и необщераспространенные учитывается их экономическое значение для хозяйства. Кроме того, для такого деления не менее важным обстоятельством является фактическое распространение того или иного полезного ископаемого. Так, песок (кроме формовочного, стекольного, кварцевого) можно обнаружить почти везде, он имеет общее распространение, для обнаружения его не требуется проведения затратных поисково-разведочных работ. Все это учитывается при классификации полезных ископаемых. При этом данную схему классификации не всегда возможно применять для энергетических ресурсов.

Кроме того, такие природные ресурсы, как нефть, газ и уголь, залегающие в недрах, по своей правовой характеристике отличаются от извлеченных нефти, газа и угля. В первом случае они представляют собой природные ресурсы *in situ*, правовой статус которых регулируется законодательством о недрах, а во втором случае – это товар, в отношении которого законодательство о недрах не применяется, при этом может применяться административное, гражданское, таможенное, транспортное и иное законодательство, регулирующие вопросы правового режима, перехода права собственности на них и их перемещения как товара. Важно отметить, что являясь природными ресурсами *in situ* и товаром, нефть, газ и уголь

не перестают быть источниками энергии, то есть энергетическими ресурсами. Правовой статус энергетических ресурсов распространяется на них и в тот момент, когда они являются находящимися в недрах природными ресурсами, и когда они, будучи добытыми из недр, выступают как товар.

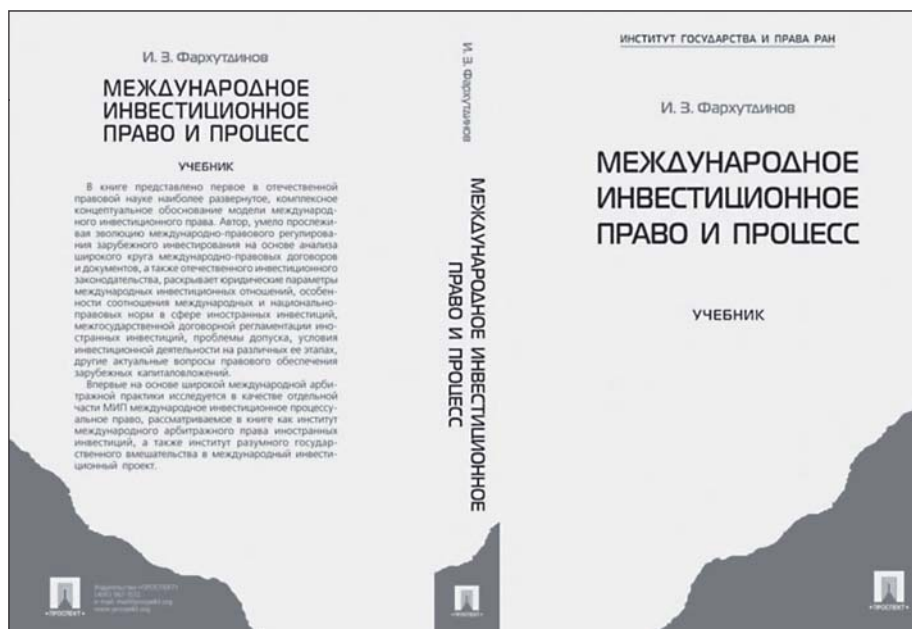
Подводя итог, необходимо отметить, что энергетические ресурсы следует разделить на несколько групп. Первичные энергетические ресурсы – природные ресурсы, которые непосредственно могут быть использованы в качестве топлива (нефть, природный газ, уголь) или для производства различных видов энергии. Возобновляемые источники энергии – ресурсы, которые производятся естественно, постоянно возобновляются природой (солнце, естественное движение воды и воздуха, геотермальные воды, биологическая масса, которые могут быть преобразованы в несколько видов энергии)¹⁵.

Вторичные энергетические ресурсы – ресурсы, полученные в виде побочного продукта основного производства (энергия тепла, ядерная энергия, электричество и другие).

Правильное определение видов энергетических ресурсов, а также их научно обоснованная правовая классификация имеют первостепенное значение для установления наиболее эффективного правового режима энергетических ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Лахно П.Г. Энергия, энергетика и право // Энергетическое право. – 2006. – № 1(6).
 2. Селиверстов С. С. К вопросу о понятии энергетического права // Энергетическое право. – 2008. – № 1.
 3. Симонян А. С., Солнцев А. М. Международное сотрудничество в сфере использования возобновляемых источников энергии // Энергетическое право. – 2011. – № 1.
 4. Bradbrook A. Energy Law as an Academic Discipline // Journal of Energy Natural Resources Law. – 1996. – Vol. 14.
- 15 Симонян А. С., Солнцев А. М. Международное сотрудничество в сфере использования возобновляемых источников энергии // Энергетическое право. – 2011. – № 1. – С. 43–46.

Болтанова Е. С., Мельникова В. Г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ

В статье рассматриваются международные нормы, определяющие механизмы реализации прав граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и участие общественности в принятии экологически значимых решений, и анализируются пути повышения эффективности реализации рассматриваемых прав в условиях развития информационного общества, повышения уровня открытости органов государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экологические права, экологическая информация, информационная открытость.

Boltanova E. S., Melnikova V. G.

INTERNATIONAL STANDARDS IN THE SPHERE OF ENSURING THE RIGHT OF CITIZENS TO ENVIRONMENTAL INFORMATION

The article considers international norms defining mechanisms for implementing the citizens' right to accurate information about the state of the environment and public participation in environmental decision-making, and explores ways to improve implementation of the rights under the conditions of development of information society, increasing the level of openness of public authorities and local self-government.

Keywords: environment, environmental law, environmental information, information transparency.

Создание информационного общества на основе эффективного диалога органов власти с гражданами, общественными объединениями и предпринимательским сообществом является условием обеспечения экологических прав граждан. Сформировать информационное общество невозможно силами одних только органов государственной власти, а также исключительно путем создания информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, развивая соответствующие сервисы в различных областях общественной жизни. Требуется вовлечь институты гражданского общества в совместную работу по формированию и развитию информационного общества (См.: Концепцию открытости федеральных органов исполнительной власти, утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 г. № 93-р).

Важно отметить, что согласно десятому принципу Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (г. Рио-де-Жанейро, 14.06.1992 г.) «экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне. Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации»¹. Соответствующие положения закреплены также в Руководящих принципах по обеспечению доступа к экологической информации и участию общественности в процессе принятия решений в области охраны окружающей среды (приняты в г. Софии 23.10.1995 г. – 25.10.1995 г.)².

В целях обеспечения права на получение достоверной, быстрой, своевременной и полной информации о состоянии окружающей среды и природных ресурсов на 10-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный закон о доступе к экологической информации (принят в г. Санкт-Петербурге 06.12.1997 г. Постановлением 10-7)³. В данном законе дается легальное определение экологической информации, суть которого сводится к тому, что это та информация, которая затрагивает экологические права граждан и их законные интересы в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Здесь можно привести слова С. А. Боголюбова: «Информационные права граждан находятся в тесной взаимосвязи с эко-

логическими и, более того, способствуют реализации экологических прав»⁴.

На международном уровне права на экологическую информацию и участие в принятии экологически значимых решений получили детальную проработку в Орхусской конвенции⁵, к которой Российская Федерация не присоединилась, но, как отмечает О. Л. Дубовик, «тем не менее, ввела подавляющее большинство ее положений в федеральное законодательство»⁶. С учетом существующих намерений России по расширению международного экологического сотрудничества такие действия («опережающего нормотворчества») можно только приветствовать.

Право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды закреплено в Конституции РФ (ст. 42)⁷, в ст. 3 ФЗ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Соответственно, в нормативно-правовых актах Российской Федерации на уровне принципов имплементированы международные стандарты в сфере прав граждан на информацию о состоянии окружающей среды и на участие граждан в принятии экологически значимых решений. Необходимо более детальная регламентация в отечественном законодательстве механизмов реализации рассматриваемых прав с учетом современных возможностей, обусловленных в том числе уровнем развития информационных технологий. Органы государственной власти должны обеспечивать на регулярной основе сбор, обновление и опубликование необходимой

Болтанова Е. С.

Мельникова В. Г.

1 Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. – М.: БЕК, 1996. – С. 135–138.

2 Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс.

3 Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 1998. – № 16. – С. 130–139.

4 Боголюбов С. А. Защита экологических прав. – М., 1996. – С. 60.

5 Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Заключена в г. Орхус 25.06.1998 г. / СПС КонсультантПлюс.

6 Дубовик О. Л. Механизм имплементации экологического права Европейского союза в национальное законодательство об охране окружающей среды стран-участниц // Экологическое право. – 2014. – № 4. – С. 25–31.

7 Что свидетельствует о важнейшей информационной составляющей экологической деятельности (по сути, любой хозяйственной деятельности человека).

экологической информации. Государства должны принимать меры не только по повышению уровня транспарентности своих систем экологической информации, но и по повышению их актуальности.

В настоящее время одной из острых для юридической науки задач является разработка положений, позволяющих создать нормативно-правовую базу для результативной системы информационного взаимодействия государства, предпринимательского сообщества, гражданского общества, на основе информационной открытости деятельности публичных органов и равного доступа граждан к экологической информации, к участию в принятии экологически значимых решений. Развитие механизмов электронной демократии, открытых данных, информационной обеспеченности публичных слушаний и иных процедур принятия решений публичными органами с участием населения (в т.ч. с учетом его мнения) позволяет повысить эффективность государственного и муниципального управления, свидетельствует о «прозрачности» деятельности органов государственной власти в сфере обеспечения охраны природы и рационального использования ее компонентов, говорит о стране как о демократическом, правовом и социальном государстве, а также позволяет решать иные стоящие перед государством и обществом задачи.

В России взят курс на доступность, информационную открытость органов государственной власти и органов местного самоуправления, но в настоящее время правовое регулирование в данной сфере несколько фрагментарно. Пока определяются общие концептуальные рамки повышения информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления и «делаются первые шаги» по применению указанных механизмов для реализации гражданами своего права на благоприятную окружающую среду, а также смежных прав, законных интересов в экологической сфере.

Информационно-технические (в какой-то степени) мероприятия требуют правового опосредования и закрепления их процедур в нормативных правовых актах, что обеспечит их последовательное и безошибочное внедрение на практике. В настоящее время необходимо комплексное изучение и обеспечение согласованности информационного и экологического законодательства на основе системного подхода к правовому регулированию информационной открытости органов государственного управления в сфере охраны окружающей среды, механизмов принятия экологически значимых решений, обеспечивающих участие представителей общественности, информационного взаимодействия для удовлетворения различных интересов в сфере экологии.

В то же время принятые XX в. нормативные правовые акты в сфере экологии не всегда способны обеспечить информационные потребности общества в XXI в. Между тем, в Концепции правовой информатизации России, утвержденной Указом Президента от 28.06.1993 г. № 966, было констатировано, что стремительное качественное обновление общества, становление рыночной экономики, построение демократического правового государства – эти и многие другие проблемы выдвигают на первый план решение глобальной задачи – формирования в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего правовую информированность всех структур общества и каждого гражданина.

В силу высокой значимости для общества экологической информации, заинтересованности граждан в сохранении благоприятной окружающей среды в теоретическом и практическом плане необходимо разработать механизмы широкого информирования общественности о планах органов государственной власти, местного самоуправления, принимаемых ими решениях, обеспечить их публичное обсуждение и дальнейший мониторинг правоприменения. Существующие в настоящее время способы участия общественности (при проведении общественной экологической экспертизы, осуществлении общественной экологического контроля, участии общественности в ОВОС и др.) были включены в законодательство в 1990-х годах и могут быть значительно усовершенствованы с внедрением современных информационно-правовых технологий. В частности, одним из направлений совершенствования механизма реализации права граждан на получение достоверной информации о со-

стоянии окружающей среды может стать развитие практики размещения такой информации органами государственной власти в формате «открытых данных». Государственные органы располагают значительными объемами данных о состоянии окружающей среды, и размещение их в формате открытых данных, своевременное обновление и доступность машинной обработки позволяют коренным образом повысить доступность таких данных для граждан и обеспечить к ним оперативный доступ.

В настоящее время в науке параллельно ведутся отдельные исследования по самостоятельным направлениям: представителями административного и информационного права изучаются механизмы совершенствования системы государственного и муниципального управления, в т.ч. в части информационной открытости, представителями экологического права – механизмы правового обеспечения прав граждан на доступ к экологически значимой информации, на участие в принятии экологически значимых решений. Сегодня существует потребность в объединении усилий представителей различных направлений для системного исследования с учетом отечественного и международного опыта возможных информационно-правовых механизмов и инструментов в экологической сфере с целью предложения законодателю и правоприменителю их общей концепции и отдельных видов. Такие механизмы должны обеспечивать свободный (открытый) и равный доступ граждан к актуальной, своевременной экологической информации, активное вовлечение граждан и общественных объединений в реализацию экологической политики (путем обсуждения проектов нормативных правовых актов, затрагивающих экологические права граждан, участия в общественных структурах при органах власти и др.), в принятии экологически значимых решений.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» / САПП РФ. – 1994. – № 6. – Ст. 436.
2. Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 г. № 93-р / СЗ РФ. – 2014. – № 5. – Ст. 547.
3. Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. – М.: БЕК, 1996.
4. Руководящие принципы по обеспечению доступа к экологической информации и участию общественности в процессе принятия решений в области охраны окружающей среды (Приняты в г. Софии 23.10.1995 г. – 25.10.1995 г.) / СПС «Консультант».
5. Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 1998. – № 16.
6. Боголюбов С. А. Защита экологических прав. – М., 1996.
7. Высторобец Е. А. Право на благоприятную окружающую среду // Федеральный вестник экологического права. ЭКОС-информ. – 2005. – № 5.
8. Высторобец Е. А., Тронин С. Е. Правовое регулирование обращения с экологической информацией // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 7.
9. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Заключена в г. Орхус 25.06.1998 г. / СПС «КонсультантПлюс».
10. Дубовик О. Л. Механизм имплементации экологического права Европейского союза в национальное законодательство об охране окружающей среды стран-участниц // Экологическое право. – 2014. – № 4.
11. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
12. Экологическая доктрина Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р / СЗ РФ. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.

Винникова И. В.

БАНКОВСКИЙ НАДЗОР И ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Статья посвящена исследованию понятий финансового контроля и банковского надзора, анализу отличительных и схожих аспектов, характерных для каждого из них. Рассматриваются подходы к определению контроля и надзора в целом, а также, анализируется соотношение финансового контроля и банковского надзора с учетом правовой терминологии действующего законодательства РФ.

Ключевые слова: контроль, надзор, финансовый контроль, банковский надзор, соотношение.

Vinnikova I. V.

BANKING SUPERVISION AND FINANCIAL CONTROL: CONCEPTS CORRESPONDENCE

The article is devoted to the study of financial control and banking supervision concepts, the analysis of the differences and similarities that are particular to each of them. Besides the author examines different approaches to the control and supervision definition and analyzes the correspondence of the concepts of control and supervision taking into consideration the legal terminology of the Russian law.

Keywords: control, supervision, financial control, banking supervision, correspondence.

Винникова И. В.

Анализ понятий «контроль» и «надзор» и, соответственно, различия контрольной и надзорной деятельности остаются актуальной теоретической проблемой, связанной с исследованием полномочий надзорных органов. Сложность процесса четкого разграничения данных терминов связана, прежде всего, с тем, что они имеют практически одинаковые словарные значения: контроль – это проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора, а надзор, в свою очередь, определяется как наблюдение с целью присмотра, проверки¹.

В.П. Беляев определяет контроль как форму юридической деятельности, при которой управомоченные органы и лица в рамках контрольного производства для получения юридически значимых результатов и оказания (обеспечения) регулирующего воздействия осуществляют на подконтрольных объектах сбор и проверку информации о фактическом выполнении нормативных предписаний, соблюдении требований нормативных и правовых актов и непосредственно принимают меры по предупреждению и пресечению допущенных нарушений (отклонений) в целях обеспечения охраны интересов общества и государства, защиты прав и свобод граждан².

В. Г. Афанасьев рассматривает контроль как форму управленческой деятельности по выполнению принятых решений и полагает, что «контроль – это труд по наблюдению и проверке соответствия процесса функционирования объекта принятым управленческим решениям – законам, планам, нормам, стандартам, правилам, приказам и т.д.; выявлению результатов воздействия субъекта на объект, допущенных отклонений от требований управленческих решений, от принятых принципов организации и регулирования. Выявляя отклонения и их причины, работники контроля определяют пути корректирования организации объекта управления, способов воздействия на объект с целью преодоления отклонений, устранения препятствий на пути оптимального функционирования системы»³.

Другие авторы, например Ю. А. Данилевский, предлагают рассматривать контроль со следующих позиций: во-первых,

как неотъемлемую часть управленческой деятельности специфического вида, во-вторых, как источник информации, обеспечивающий процесс принятия управленческих решений, в-третьих, как систему проверки фактического состояния хозяйствующего субъекта с целью подтверждения правомерности его деятельности и, в-четвертых, как механизм обратной связи, посредством которого управляющая система получает необходимую информацию о действительном состоянии управляемого объекта⁴.

Д. Н. Бахрах включает в понятие контроля как наблюдение за законностью и целесообразностью деятельности, так и оценку ее с правовых, научных, социально-политических, организационно-технических позиций. Однако автор отмечает, что для того, чтобы оградить свободу граждан и организаций от чрезмерной государственной опеки, в случаях, когда между субъектами власти и подвластными субъектами нет организационной подчиненности, субъекты власти наделяются лишь надзорными полномочиями, которые ограничивают вмешательство государства в оперативную деятельность субъектов, не несущих ответственности за последствия такого вмешательства⁵.

Л. А. Попов и Д. М. Овсянко, придерживаясь аналогичного подхода к разграничению понятий «контроль» и «надзор», определяют надзор как особый вид государственной управленческой деятельности, осуществляемый специальными органами исполнительной власти в отношении организационно не подчиненных им органов, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан по поводу исполнения ими общеобязательных норм, правил, стандартов, требований с использованием комплекса мер административного принуждения с целью предупреждения, выявления и пресечения правонарушений, восстановления установленного порядка и привлечения виновных к административной ответственности⁶. Несмотря на попытку полностью разграничить указанные понятия, авторы, тем не менее, признают, что в некоторых случаях (например, применительно к деятельности налоговых

1 Ожегов С. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, 2014. – С. 662, 868.

2 Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: Дис.... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 24.

3 Афанасьев В. Г. Системность и общество. – М.: Полииздат, 1980. – С. 47.

4 Данилевский Ю. А. Финансовый контроль в обновленном бюджетном процессе. – М.: Финансы, 2006. – С. 71.

5 Бахрах Д. Н. Административное право России. – М.: Норма: Инфра-М, 2014. – С. 98.

6 Овсянко Д. М., Попов Л. Л. Административное право. – М.: Юристъ, 2013. – С. 158.

органов) трудно отличить контрольные функции от надзорных.

По утверждению В. М. Савицкого, надзор является формой контрольной функции. По его мнению, «сущность всякого надзора заключается в наблюдении за тем, чтобы соответствующие органы и лица в точности выполняли возложенные на них задачи, соблюдали установленный законом порядок отправления порученных им обязанностей и чтобы в случае нарушения этого порядка были приняты меры к восстановлению законности и привлечению виновных к надлежащей ответственности»⁷.

Анализ определений позволяет говорить, что большинство исследователей не проводят существенных различий между надзором и контролем, которые бы позволили утверждать, что это два абсолютно разных самостоятельных феномена. Более того, можно говорить о совпадении большинства признаков контроля и надзора: отсутствие организационной подчиненности, наличие специального объекта деятельности, которым являются нормативные акты, содержащие определенные требования, стандарты и т.д.; их соблюдение организациями, гражданами, предоставление права применения мер принуждения.

Среди представителей других отраслей права, в том числе и финансового, также нет единой позиции по вопросу соотношения понятий «контроля» и «надзора». Контроль как форма правовой деятельности был предметом комплексного исследования в работах таких ученых, как Е. Ю. Грачева, М. В. Карасева, А. Н. Козырин, С. О. Шохин и др.⁸

Анализ работ представителей финансового права позволяет выделить следующие основные подходы к пониманию контроля. Во-первых, следует указать, что ряд исследователей рассматривают контроль как процесс. Например, Н. И. Химичева определяет финансовый контроль как контроль за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и субъектов местного самоуправления в целях эффективного социально-экономического развития страны и отдельных регионов. Автор особо подчеркивает значимость финансового контроля, которая заключается в соблюдении установленного правопорядка в процессе финансовой деятельности и экономической обоснованности осуществляемых действий, которые должны соответствовать задачам государства⁹.

Н. Д. Погосян прямо указывает, что «контроль в сфере финансов можно определить как совокупность регулярных и непрерывных процессов, посредством которых их участники в легитимной форме обеспечивают эффективное функционирование государственного сектора, а также деятельность иных хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности»¹⁰.

Иную позицию занимает Е. Ю. Грачева, которая определяет финансовый контроль как регламентированную нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных субъектов по проверке соблюдения законности всеми субъектами в процессе осуществления финансовой деятельности для достижения в обществе социально значимых целей и задач. Финансовый контроль, по справедливому мнению автора, является необхо-

димым условием функционирования государства, поскольку существование финансового контроля объективно обусловлено наличием контрольной функции, присущей финансам¹¹.

Точку зрения Е. Ю. Грачевой на контроль как деятельность разделяет и А. Н. Козырин. Исследуя объект и цель контроля, автор характеризует финансовый контроль, прежде всего, как осуществляемую с использованием специфических организационных форм и методов деятельность государственных органов, а иногда и негосударственных органов, которые на законодательном уровне наделены определенными полномочиями в целях установления законности и достоверности финансовых операций, объективной оценки экономической эффективности финансово-хозяйственной деятельности и выявления резервов ее повышения, увеличения доходных поступлений в бюджет и сохранности государственной собственности¹².

Из этих подходов следует, что финансовый контроль представляет собой один из видов государственного контроля и осуществляется на всех стадиях финансовой деятельности, то есть в процессе собирания, распределения (перераспределения) и использования фондов денежных средств. Он направлен на проверку соблюдения финансового законодательства и целесообразности деятельности всех государственных и муниципальных органов власти¹³.

По мнению С. О. Шохина, финансовый контроль – многоаспектная межотраслевая система наблюдения наделенных контрольными функциями государственных и общественных органов за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий, учреждений и организаций с целью объективной оценки экономической эффективности этой деятельности, установления законности и целесообразности хозяйственных и финансовых операций и выявления резервов доходов государственного бюджета¹⁴.

Следует отметить, что в теории финансового права сформировалась устойчивая и обоснованная научная точка зрения на финансовый контроль как форму управленческой деятельности, в составе которой выделяются два основных вида контроля – государственный и негосударственный финансовый контроль, причем указанные два вида контроля, в свою очередь, классифицируются на определенные подвиды с учетом его оснований.

Относительно понятия «банковского надзора» анализ также показывает, что, как и определение «финансового контроля», оно продолжает оставаться дискуссионным. В соответствии со ст. 4 Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» банковский надзор – это надзор за деятельностью кредитных организаций и банковских групп. Тем не менее в научной литературе споры по данному вопросу продолжают существовать, и существует несколько подходов к правовому понятию «банковского надзора».

А. Г. Братко рассматривает банковский надзор в широком и узком аспектах, признавая регулирование составной частью, или средством банковского надзора в его широком смысле. Банковский надзор представляется ему как средство обеспечения пруденциального регулирования. Это надзор в узком смысле слова, т.е. надзор за деятельностью кредитных организаций как частью банковской системы. Анализируя надзорные функции Банка России, А. Г. Братко в банковском надзоре определил две составляющие: финансовую, проявляющуюся в управлении рисками в банковской системе посредством проверок финансового положения кредитных организаций,

7 Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. – М., 1994. – С. 27.

8 Грачева Е. Ю. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: Монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013; Финансовое право / Отв. ред. М. В. Карасева. – М., 2014. – С. 161–188; Козырин А. Н. Нормативно-правовое регулирование государственного финансового контроля в Российской Федерации. – М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014; Шохин С. О. Правовое обеспечение деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации: Проблемы и перспективы: Дис... д-ра юрид. наук. – М., 1999; др.

9 Химичева Н. И. Финансовое право: Учебник. – М.: Изд-во Норма, 2013. – С. 83.

10 Погосян Н. Д. Счетная палата Российской Федерации: конституционно-правовой статус: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – С. 109.

11 Финансовое право: Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой. – М., Проспект, 2014. – С. 34–35.

12 Козырин А. Н. Публичные финансы и финансовое право. М.: Центр публично-правовых исследований, 2009. – С. 48.

13 Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. Дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2000. – С. 235.

14 Шохин С. О. Указ. соч. – С. 6; Шохин С. О. Новый этап в развитии финансового контроля // Юрист. – 2013. – № 19. – С. 33.

и юридическую, т.е. соблюдение кредитными организациями законодательства¹⁵.

Л. Т. Казакбиева предлагает определять банковский надзор как наблюдение Банка России (дистанционное и контактное) за исполнением и соблюдением кредитными организациями банковского законодательства, установленных Банком России нормативных актов (в том числе финансовых нормативов и правил бухгалтерского учета и отчетности), а также применение мер государственного принуждения за нарушения банковского законодательства¹⁶.

Т. Э. Рождественская, указывая на спорность определения Л. Т. Казакбиевой и фактическое отнесение ею банковского надзора к внутриведомственному контролю, предлагает рассматривать банковский надзор как вид публично-правовой деятельности, реализуемой центральным банком и (или) специальным публично-правовым органом (или несколькими органами), нацеленной на поддержание стабильности и развитие банковской системы страны и, как следствие, поддержание стабильности всей финансовой системы и национальной денежной единицы, а также (хотя исторически эта цель была сформулирована ранее всего) на защиту интересов вкладчиков и кредиторов¹⁷. Разделяя позицию автора, также считаем, что в современных условиях банковский надзор является неотъемлемой составляющей банковской системы, и, соответственно, финансовой системы страны.

При этом Т. Э. Рождественская, анализируя банковское законодательство, допускает, что контроль и надзор можно рассматривать как однопорядковые правовые и управленческие явления, поскольку Банк России одновременно является как органом банковского надзора, так и органом валютного контроля.

С точки зрения Т. Э. Рождественской, понятие надзор и контроль не идентичны друг другу. Различие между этими двумя понятиями автор определяет в том, что надзор как вид публично-правовой деятельности входит в общую систему контроля. Об этом свидетельствуют основы теории управления, которая говорит, что именно контроль является элементом системы управления и, в частности, государственного управления¹⁸.

Интересным представляется подход М. А. Голубитченко, которая при рассмотрении категории банковского надзора вводит новое понятие – финансово-банковский надзор. Автор трактует его как комплексную, планомерно осуществляемую деятельность Банка России, представляющую собой систему организационно-процессуальных мероприятий, направленных на проведение регулярного наблюдения и инспектирования соответствия деятельности кредитных (банковских) и некредитных финансовых организаций требованиям финансового и банковского законодательства. Банковский надзор, по мнению автора, является видом именно финансово-банковского надзора, а не финансового контроля¹⁹.

Разведение понятий контроля и надзора представляет определенную сложность, особенно в рамках превалирующего подхода, при котором ученые рассматривают проблему соотношения этих понятий, пытаясь решить ее, в первую очередь, на основе законодательства, а такой подход «изначально обречен на неудачу», поскольку законодатель не имеет четкого представления о различии контроля и надзора и произвольно использует их в процессе правотворчества при закреплении правового статуса государственного органа и его контрольно-надзорных функций.

Данное обстоятельство особенно наглядно демонстрирует анализ действующего законодательства, исходя из которого следует, что в правовой терминологии эти понятия

употребляют как тождественные, в большинстве случаев взаимозаменяемые. Например, в проекте Федерального закона «О федеральном, региональном и муниципальном контроле в Российской Федерации»²⁰ уже в самом обосновании проблемы, на которую направлен данный закон, не разводятся понятия контроля и надзора, а указываются как тождественные.

Подводя итог, следует отметить, что определения и контроля, и надзора, по сути, сходные и имеют лишь незначительные различия. Во-первых, контроль и надзор представляют собой деятельность соответствующих уполномоченных органов. Во-вторых, цели деятельности, с нашей точки зрения, идентичны: это обеспечение законности и безопасности. В определении контроля содержится указание на иные цели особого порядка, под которыми подразумевают такой порядок деятельности, для осуществления которого требуется получение специального разрешения органов государственной власти или органов местного самоуправления, а также иные средства и методы воздействия на участников данной деятельности для достижения установленных целей. Поскольку осуществление банковских операций возможно только на основании лицензии, выдаваемой Банком России при соблюдении кредитной организацией жестких требований, предъявляемых к ней Банком России, то банковский надзор можно отнести к деятельности, имеющей цели особого порядка, что свидетельствует о совпадении целей деятельности контроля и надзора, в частности, банковского.

Применительно к банковскому надзору можно говорить, что он охватывает только такой элемент финансового контроля, как проверка результата, т.е. соблюдается или нет действующее законодательство, без обсуждения и правовой оценки возможных причин невыполнения нормативно-правового акта. Учитывая данное обстоятельство, представляется убедительной позиция, что банковский надзор – это вид финансового контроля, своего рода суженный контроль, но суженный лишь в отношении сферы его приложения. В то же время банковский надзор тождественен и даже в большинстве случаев идентичен банковскому контролю, который наряду с валютным, налоговым и бюджетным контролем следует отнести к видам финансового контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Административное право России. – М.: Норма: Инфра-М, 2014.
2. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006.
3. Братко А. Г. Банковское право России. – М.: Изд-во Юрайт, 2015.
4. Казакбиева Л. Т. Банковский надзор как финансово-правовая категория: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004.
5. Мюллер Х. И. О банковском надзоре в странах с рыночной ориентацией // Деньги и кредит. – 1990. – № 3.
6. Рождественская Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: теоретико-правовые основы: Монография. – М., 2012.
7. Финансовое право: Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой. – М., Проспект, 2014.
8. Шохин С. О. Правовое обеспечение деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации: Проблемы и перспективы: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.

15 Братко А. Г. Банковское право России. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – С. 310.

16 Казакбиева Л. Т. Банковский надзор как финансово-правовая категория: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 9.

17 Рождественская Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: теоретико-правовые основы: Монография. – М., 2012. – С. 16.

18 Рождественская Т. Э. Указ. соч. – С. 5–7.

19 Голубитченко М. А. Финансово-правовое регулирование банковского надзора (российский и международно-правовой опыт): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 11.

20 Единный портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов общественного обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.regulation.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2015).

Светлова В. В.

ЗАДАЧИ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Анализ состояния обеспечения экономической безопасности в банковской сфере обнаружил неэффективность и разрозненность мер по ее обеспечению. На основании этого выявлено, что обеспечение экономической безопасности должно реализовываться посредством комплексного подхода.

Ключевые слова: риски, банковская сфера, экономическая безопасность, управление рисками, финансовая деятельность.

Svetlova V. V.

OBJECTIVES OF INTEGRATED INFORMATIONAL SYSTEM FOR ECONOMIC SAFETY OF COMMERCIAL BANKS

Analysis of the state of economic security in banking discovered inefficiency and fragmentation of measures for its maintenance. Based on this, it is revealed that the economic security should be implemented through a comprehensive approach.

Keywords: risk, banking, economic security, risk management, financial activities.

Светлова В. В.

В России на современном этапе развития экономических отношений выходят на новый виток направления по совершенствованию механизма обеспечения экономической безопасности банковской деятельности. За последнее время усиленное внимание в сфере экономической безопасности банковской сферы уделялось:

- исследованию организационно-управленческих аспектов;
- совершенствованию методов управления банковскими рисками;
- преодолению криминализации отношений в банковской сфере России;
- оценке экономической безопасности банковской деятельности.

Однако, анализ состояния обеспечения экономической безопасности в банковской сфере обнаружил неэффективность и разрозненность мер по ее обеспечению.

Проблемы экономической безопасности коммерческих банков в Российской Федерации в последние годы являются объектом повышенного внимания ученых и практиков России. Однако, несмотря на пристальное внимание, остаются недостаточно разработанными отдельные теоретические и прикладные вопросы формирования концепции экономической безопасности коммерческого банка. Отсюда вытекает необходимость в дальнейших исследованиях в части концептуального обоснования новой парадигмы системы обеспечения экономической безопасности коммерческого банка.

Вопросы безопасности деятельности на современном этапе развития экономических отношений являются приоритетным направлением в деятельности и развитии любой экономической системы. Аспекты экономической безопасности экономических субъектов рассмотрены в работах российских ученых: М. А. Бендикова, Л. П. Гончаренко, А. В. Калины, А. С. Корезина, Т. Е. Кочергина, В. В. Криворотова, А. В. Крысина, О. И. Лаврушина, А. А. Одинцова, Е. А. Олейникова, А. Г. Светлакова, В. К. Сенчагова, А. Е. Суглобова, С. А. Хмелева, В. В. Шлыкова, В.И. Ярочкина и др.¹.

Рассмотрим основные определения понятия экономической безопасности (таблица 1).

Для верификации императива исследования следует кратко уточнить значение понятия экономической безопасности. По нашему мнению, под экономической безопасно-

стью банковской среды необходимо понимать эффективную деятельность банков, способствующую повышению финансовой устойчивости, конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности в непредсказуемых рыночных условиях и отвечающую стандартам экономической безопасности страны.

Отсутствие единого понятия и обуславливают неоднозначность исследований в части экономической безопасности любого экономического субъекта, определяют сущность информационных потоков и их влияние на дальнейшее развитие банковской сферы. Как мы уже отмечали, построение системы экономической безопасности коммерческого банка невозможно без информационного потока.

Утечка информации по деятельности банка способствует повышению как внутренних, так и внешних угроз. Поэтому информационные потоки финансово-хозяйственной деятельности банков должны быть защищены от вторжения и хищения коммерческой информации. В противном случае утечка информационных, бухгалтерских, управленческих и других данных связанных с коммерческой деятельностью ослабит экономическую мощь банковской структуры.

Бухгалтерские информационные системы коммерческого банка способствуют реализации функций управления, таких как планирование, учет, контроль, анализ и прогнозирование. Данная система может быть организована по различным уровням в зависимости от масштабов банка. При этом каждый уровень организации бухгалтерской информации банка отвечает за различные функции (рисунок 1).

Для оперативности работы, на каждом уровне создаются и используются специальное программное обеспечение и автоматизированные рабочие места специалистов-экономистов, бухгалтеров, финансистов, аналитиков, взаимодействующие между собой. Использование специального программного обеспечения позволяет автоматизировать комплекс учетных и аналитических задач, задач внутреннего контроля, повысить эффективность деятельности бухгалтерских систем и значительно упрощает управление бухгалтерским учетом, повышает доступ к бухгалтерской информации, ускоряет процесс принятия управленческих решений менеджментом коммерческого банка. Но в то же время повышает риск утечки информации, что снижает экономическую безопасность коммерческих банков.

Важность комплексных информационных бухгалтерских систем для обеспечения экономической безопасности заключается в том, что бухгалтерскую информацию могут использо-

¹ См.: Риск менеджмент в коммерческом банке: монография/коллектив авторов; под ред. И.В. Ларионовой. – М.: КНОРУС, 2014. – 456 с.

Таблица 1. – Дефиниции понятия экономической безопасности в экономической литературе

№	Автор	Определение
1	Крысин А.	Защищенность деятельности организации от отрицательных влияний внешней среды, а также как способность быстро устранить разновариантные угрозы или приспособиться к существующим условиям, которые не сказываются отрицательно на его деятельности
2	Забродский В.	Экономическая безопасность – «количественная и качественная характеристика свойств фирмы, отражающая способность «самовывживания» и развития в условиях возникновения внешней и внутренней экономической угрозы. Экономическая безопасность фирмы определяется совокупностью факторов, отражающих независимость, устойчивость, возможности роста, обеспечения экономических интересов и т. д.
3	Шихов А.	Экономическая безопасность предприятия – это состояние защищенности жизненно важных интересов предприятия от реальных и потенциальных источников опасности или экономических угроз
4	Тамбовцев В. Л.	Экономическая безопасность – это состояние предприятия, которое означает, что вероятность нежелательного изменения каких-либо качеств, параметров принадлежащего ему имущества и затрагивающей его внешней среды невелика (меньше определенного предела). В зависимости от того, какое сочетание параметров жизнедеятельности предприятия является для него желательным, будет меняться и конкретное наполнение понятия «нежелательные изменения». В общем случае к ним относятся те, которые отдалают предприятие от его желаемого состояния
5	Бендиков М. А.	Под экономической безопасностью предприятия (хозяйствующего субъекта) следует понимать защищенность его научно-технического, технологического, производственного и кадрового потенциала от прямых (активных) или косвенных (пассивных) экономических угроз, например, связанных с неэффективной научно-промышленной политикой государства или формированием неблагоприятной внешней среды, и способность к его воспроизводству
6	Владиминова Т.	Экономическая безопасность – это механизм минимизации потерь и сохранения контроля над собственностью, в качестве способов обеспечения экономической безопасности предлагается построение системы защиты экономических интересов, в которой основное внимание уделено вопросам борьбы с недобросовестной конкуренцией, обеспечению информационной безопасности и правовой защите интеллектуальной собственности
7	Шлыков В.	Экономическая безопасность – это защита экономических интересов хозяйствующих субъектов. В этом вопросе важным является поиск правильного соотношения между вероятными потерями при нарушении экономических интересов предприятия и допустимой величиной затрат для предотвращения или минимизации потерь
8	Суглобов А. Е., Хмелев С. А.	Экономическая безопасность предприятия – система, обеспечивающая конкурентные преимущества предприятия посредством эффективного использования ресурсов (материальных, трудовых, финансовых, инвестиционных) на основе интерпретации всесторонней информации, формируемой в комплексной учетно-информационной системе.

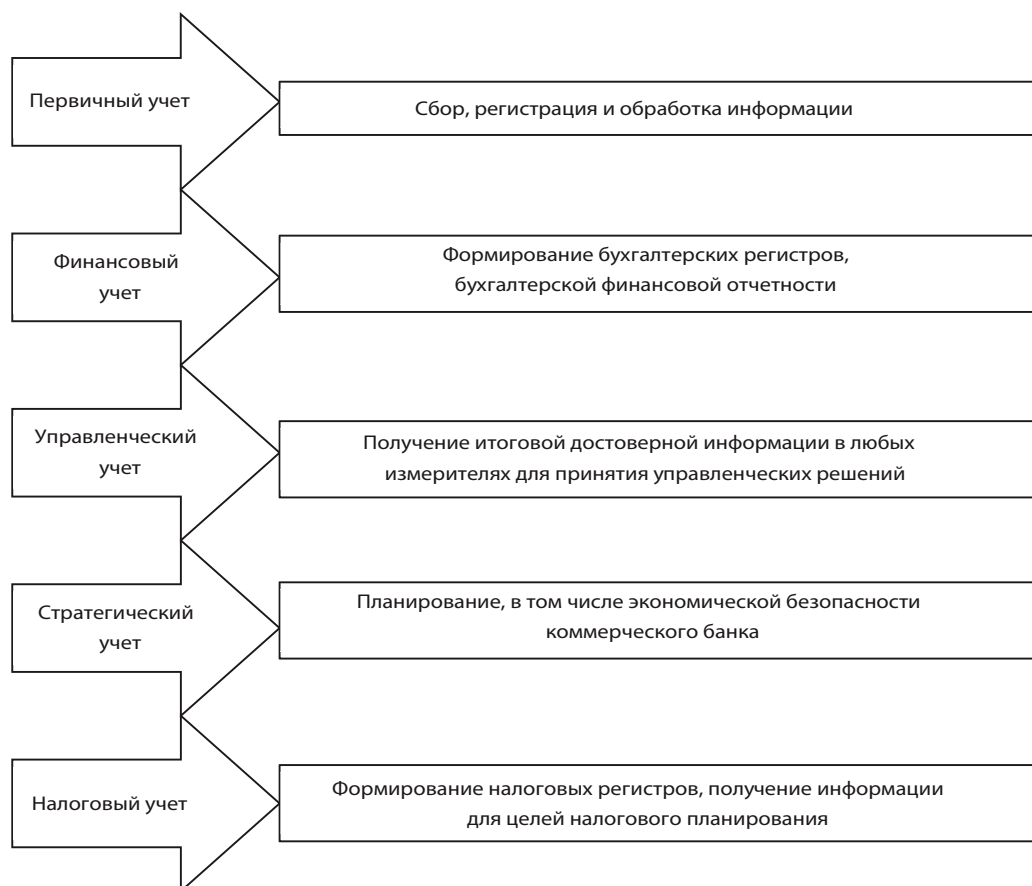

Рисунок 1 – Уровни и функции организации бухгалтерской информации

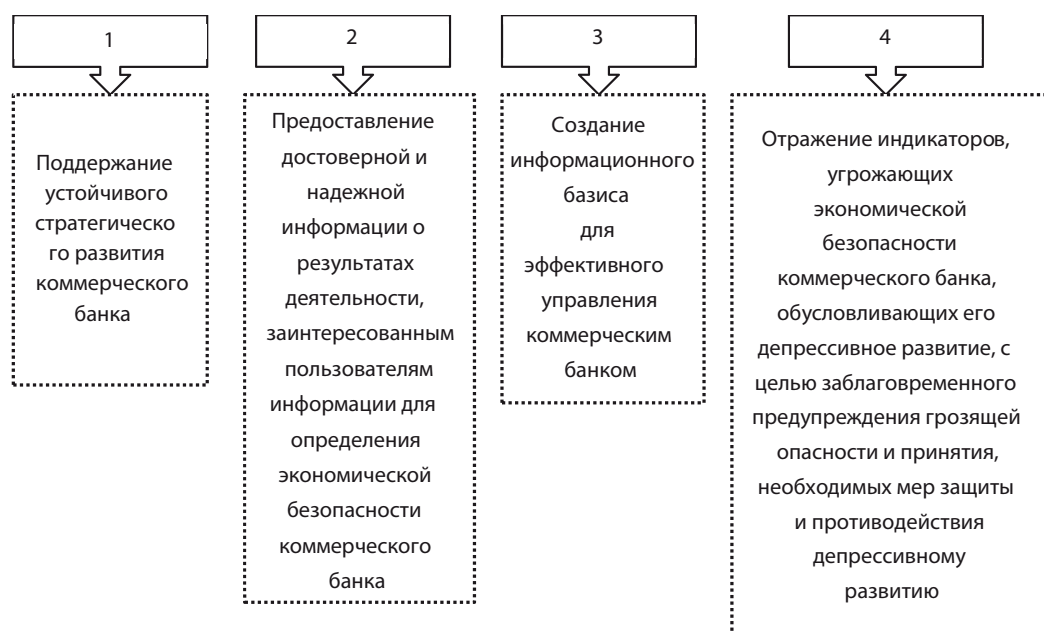

Рисунок 2 – Задачи комплексной информационной системы обеспечения экономической безопасности коммерческого банка

вать акционеры, инвесторы, кредиторы и клиенты для оценивания стабильности коммерческого банка и его фактического состояния, а еще аудиторы и налоговые органы при проверке правильности учёта, а также налоговых отчислений, способствующих повышению экономической безопасности страны.

В целом можно сделать вывод, что современная, эффективная комплексная и защищённая информационная система направлена на обеспечение экономической безопасности коммерческого банка, поддерживаемая информационными ресурсами финансового, управленческого, стратегического и налогового учета. Задачи комплексной информационной системы представлены на рисунке 2.

Создание в коммерческом банке комплексной информационной системы позволит достичь требования системности и комплексности организации процесса управления коммерческим банком в рамках концепции экономической безопасности. Следует отметить, что информация также является важнейшим элементом системы управления рисками, влияющими на деятельность коммерческого банка.

В зарубежной и отечественной литературе вопросы обеспечения экономической безопасности на уровне коммерческих банков рассматриваются преимущественно в рамках концепции риск-менеджмента. Риск менеджмент – система (процесс), направленная на идентификацию, измерение и уменьшение потенциальных потерь в деятельности коммерческого банка².

Вместе с тем, еще не достаточно полно исследованы вопросы формирования единых методологических основ экономической безопасности банковской деятельности, разработки системы критериев и оценок ее обеспечения, построения механизмов преодоления криминализации отношений в банковской сфере³.

В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ информация – это различные сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления⁴.

Для реализации конкурентных преимуществ банка, особое значение в рамках информационно-аналитической работы имеет экономическая разведка, включающая легальные методы и инструменты сбора и анализа информации.

Илинич Е.В. в своей диссертации предложила основные направления деятельности экономической разведки по выявлению реальных и потенциальных источников опасности для банка (рис. 3)⁵.

Значимой стороной формирования Концепции экономической безопасности банковской деятельности является то, что подразделения безопасности должны осуществлять свою деятельность, как в условиях обычной деятельности, так и кризисной ситуации. Согласно данным правоохранительных органов это связано с экономической угрозой со стороны криминальности в банковской сфере, что обуславливает актуальность разработки противодействий со стороны подразделений безопасности банков. Привлечение правоохранительных органов в условиях кризисной ситуации может послужить единственным способом отражения угроз, связанных с деятельностью криминальных элементов, в связи с чем, острым вопросом встаёт необходимость развития механизмов взаимодействия с правоохранительными органами.

На наш взгляд первоочередным в данном взаимодействии должно стать создание единых баз данных о видах и способах совершения преступлений и правонарушений в банковской сфере, а также обеспечение доступа к этим базам данных руководителям подразделений безопасности банков. Это позволило бы активизировать действия банков по отражению угроз экономической безопасности банковской деятельности.

Определяя значимость информационных потоков в развитии любого экономического субъекта, следует отметить, что за счет создания информационной прозрачности в сфере кредитных операций формирование кредитных бюро могло бы улучшить работу банков по обеспечению собственной экономической безопасности. Вследствие этого, на первых ступенях возможного негативного развития событий, снизится уровень кредитного риска, а как следствие этого не изменится уровень финансовой устойчивости банка.

Исследуя финансовую деятельность в банковской сфере выявлено, что уже на протяжении многих десятилетий важная роль в реализации Концепции экономической безопасности банков принадлежит формированию системы управления

2 Nikiforova E.V. Paradigm of public reporting of economic entities. World Applied Sciences Journal. 2014. № 29. С. 59.

3 См.: Воронцова А.И. Основные подходы к оценке признаков несостоятельности (банкротства) организации в современных условиях // Вопросы региональной экономики. 2014. Т. 18. № 1. С. 21-26.

4 Федеральный закон № 115-ФЗ от 07.08.2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (действующая редакция от 04.06.2014 г.).

5 См.: Воронцова А.И. Указ. соч. С. 21-26.

Рисунок 3 – Основные направления деятельности экономической разведки по выявлению реальных и потенциальных источников опасности для банка

банковскими рисками. Единого мнения по определению этапов управления рисками в банковской сфере не разработано, так как каждый коммерческий банк имеет свою специфику и соответственно масштабность.

А. В. Шеметев разрабатывая комплексное управление рисками в системе риск-менеджмента компании определяет «Разработка, развитие и использование систем анализа рисков подобного типа призвано разрешить важную проблему: выделить основные рисковые проблемы того или иного сегмента экономики в целом, для чего требуются именно комплексные системы анализа и оценки рисков. Аккумуляция рисков автоматически переводит компанию в разряд экономически неустойчивых и имеющих внутреннюю топологию нестабильности в условиях резких кризисных изменений внешней среды»⁶.

Учитывая данный факт и его воздействие на банковскую сферу, нами предложена комплексная модель управления рисками в банковской деятельности.

В предложенной комплексной модели управления рисками банковской среды, блок «Выбор методов управления рисками» можно расширить за счёт конкретизации экономических методов (рисунок 5).

Е. В. Илинич в своей диссертации определяет основные направления совершенствования подходов к управлению финансовыми рисками – это использование методик Value-at-risk, управление через GAP, система скоринговой оценки кредитоспособности клиента, метод внутренних рейтингов и др.⁷.

Исследуя проблемы экономической безопасности деятельности банков, не стоит забывать о мерах по преодолению криминализации отношений в банковской сфере. Особое внимание при этом уделяется вопросам по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Всему этому препятствует формирование системы внутреннего контроля, релевантной вопросам обеспечения экономической безопасности банковской деятельности.

Основной и самый сложный блок внедрения системы внутреннего контроля банка направлен на разработку критериев выявления и признаков подозрительных сделок, характерных для легализации преступных доходов, в связи с чем, на этапах проведения идентификации и изучения подозрительных банковских операций каждому коммерческому банку следует обратить внимание на признаки выявления подозрительных сделок.

Совершенствуя направление обеспечения экономической безопасности, необходимо разработать методы оценки экономической безопасности банковской деятельности, так как достоверная оценка экономической безопасности является важным инструментом, позволяющим выявить направления работы банка, требующие повышенного внимания, а также определить эффективность принимаемых мер по обеспечению безопасности.

Качество обеспечения экономической безопасности в банковской среде выявляется за счёт проведения аудита безопасности, предполагающего проверку соблюдения конкретных процедур, принципов или правил обеспечения безопасности коммерческой деятельности в банке. Аудит позволяет выявить слабые места в обеспечении экономической безопасности банковской деятельности.

Наряду с аудитом безопасности разрабатываются и применяются количественные методы оценки экономической безопасности на основе определения системы ее индикаторов, позволяющих количественно оценить угрозу банковской деятельности, с тем, чтобы выявить наиболее слабые места в обеспечении экономической безопасности и принять обоснованные управленческие решения. Посредством ранжирования возникающих угроз осуществляется построение системы индикаторов определяющих и минимизирующих угрозы экономической безопасности банковской деятельности. Стоит заметить, что такая система формируется индивидуально для каждого банка, так как мы уже отмечали, данные экономические субъекты не аналогичны.

Также эффективность выбранных методов управления рисками определяется с помощью применения экономических индикаторов и комплексного использования финансовых показателей. Под экономическими индикаторами рассматриваются обязательные нормативы деятельности банка, устанавливаемые Центробанком России, а пороговыми значениями данных индикаторов являются допустимые размеры указанных нормативов. На основании использования методов комплексного использования финансовых показателей, выявляются негативные тенденции в деятельности банка, предотвращается возможный ущерб или нивелирование последствий реализации риска. К комплексным финансовым показателям эффективности управления рисками следует отнести рост показателей:

- рентабельность капитала банка;
- доходность и прибыльность активов;
- эффективность использования привлеченных ресурсов;
- стабильность доходов;
- коэффициент эффективности использования активов;
- коэффициент надежности;
- коэффициент иммобилизации.

6 См.: Микаелян Г. М., Суглобов А. Е. Значение бюджетирования для построения эффективной системы внутреннего контроля в региональных банках [Текст] // Вопросы региональной экономики. 2013. Т.14. №1. С. 102-109.

7 См.: Воронцова А.И. Указ. соч. С. 21-26.

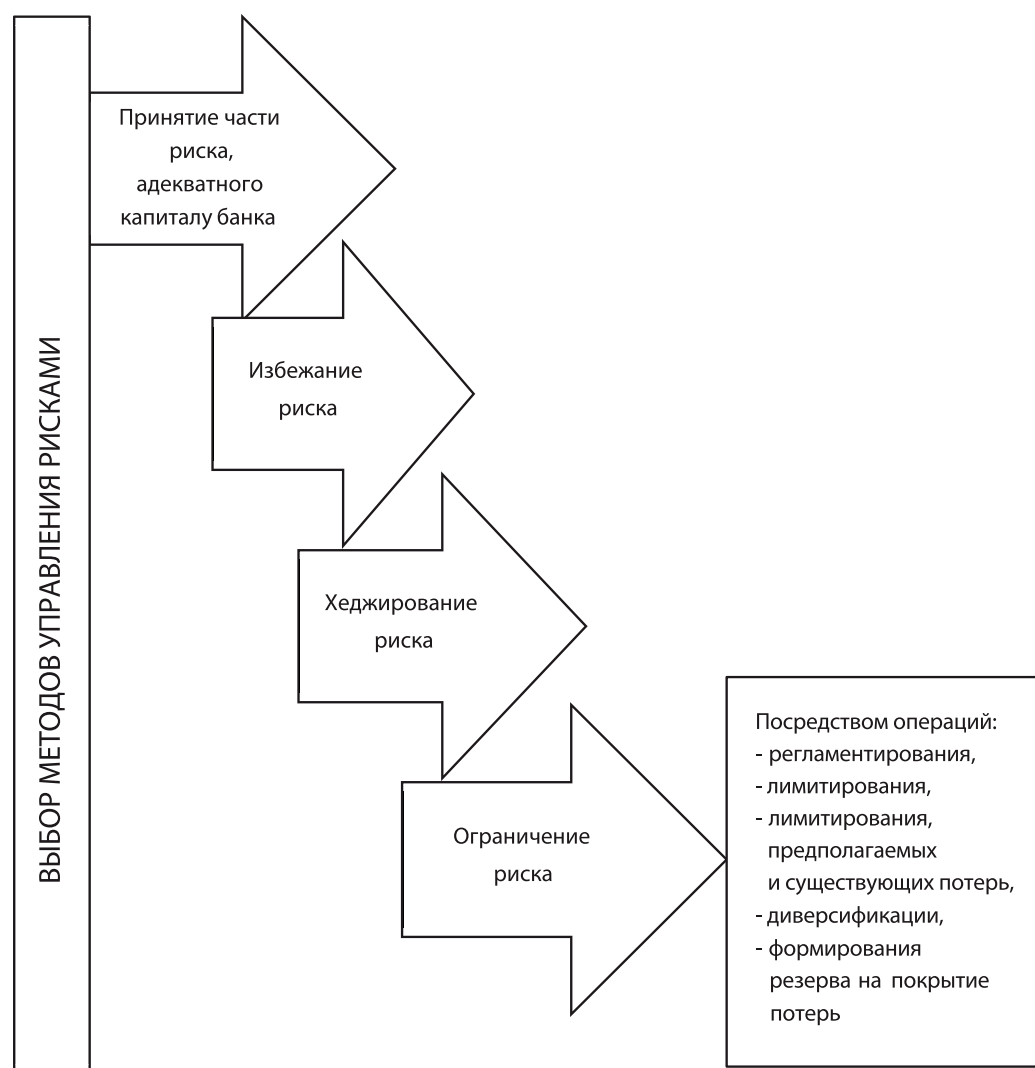

Рисунок 5 – Экономические методы управления рисками банковской сферы

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что только от эффективности мер по защите каждого элемента банковской деятельности от угроз внутреннего и внешнего воздействия зависит уровень экономической безопасности банка.

В статье исследованы сущность, содержание и механизмы обеспечения экономической безопасности в сфере банковской деятельности, обоснован и разработан комплексный подход к обеспечению экономической безопасности в сфере банковской деятельности, учитывающий использование конкретных экономических методов и показателей для минимизации рисков, обеспечивающих возможность повышения финансовой устойчивости банка.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон № 115-ФЗ от 07.08.2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (действующая редакция от 04.06.2014 г.).
2. Воронцова А. И. Основные подходы к оценке признаков несостоятельности (банкротства) организации в современных условиях // Вопросы региональной экономики. 2014. Т. 18. № 1. С. 21-26.
3. Илинич Е. В. Экономическая безопасность в сфере банковской деятельности. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disser Cat. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/ekonomicheskaya-bezopasnost-v-sfere-bankovskoi-deyatelnosti#ixzz37NOin5uL>
4. Микаелян Г. М., Суглобов А. Е. Значение бюджетирования для построения эффективной системы внутреннего контроля в региональных банках [Текст] // Вопросы региональной экономики. 2013. Т. 14. №1. С. 102-109.
5. Риск менеджмент в коммерческом банке: монография/коллектив авторов; под ред. И. В. Ларионовой. М.: КНОРУС, 2014. 456 с.
6. Суглобов А. Е., Хмелев С. А., Орлова Е. А. Экономическая безопасность предприятия: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 271 с.
7. Шеметев А. В. Комплексное управление рисками в системе риск-менеджмента компании Научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3004>
8. Шнайдер В. В., Ещенко Е. С. Угроза банкротства и особенности финансового оздоровления в современных условиях. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 3 (25). С. 394-396.
9. Шнайдер О. В., Усачев С. А. К вопросу анализа и оценки финансового состояния в условиях рыночной экономики. Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2010. № 4. С. 50-52.
10. Nikiforova E.V. Paradigm of public reporting of economic entities. World Applied Sciences Journal. 2014. № 29. 667 с.

Абдулазизова П. Г.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА МУНИЦИПАЛЬНЫХ НАЛОГОВ КАК ФИНАНСОВОЙ ОСНОВЫ БЮДЖЕТОВ МЕСТНОГО УРОВНЯ

В статье рассматриваются вопросы самостоятельного экономического развития субъектов Российской Федерации, административных районов в составе этих субъектов. Самостоятельность бюджетов обеспечивается наличием собственных источников доходов и закрепленных в законодательном порядке регулирующих доходов местных бюджетов и правом определять направления их использования. Важным источником поступлений в бюджет являются местные налоги и сборы.

Ключевые слова: местный бюджет, муниципальные налоги, органы местного самоуправления, налоговая система, налоговые органы.

Abdulazizova P. G.

THE LEGAL BASIS FOR MUNICIPAL TAXES AS THE FINANCIAL BASIS OF LOCAL LEVEL BUDGETS

The article deals with the questions of independent economic development of subjects of the Russian Federation, administrative areas within these subjects. Independence of the budgets is provided by their own sources of revenue and regulating revenues of local budgets enshrined in law and the right to determine directions of their use. Important sources of revenues are local taxes and fees.

Keywords: local budget, municipal taxes, local government, tax system, tax authorities.

С момента перехода к рыночным отношениям возросла роль местных бюджетов, поскольку их формирование и использование непосредственно связаны с решением основных задач социально-экономических преобразований.

В условиях самостоятельного экономического развития субъектов Российской Федерации, административных районов в составе этих субъектов принципиальное значение приобретает вопрос, связанный с их самофинансированием.

Одной из задач современного государства является обеспечение максимально приближенного к населению оказания услуг в социальной и экономической сферах.

Основная роль в реализации этих целей принадлежит органам местного самоуправления, которые призваны непосредственно отвечать за эффективное социально-экономическое развитие подведомственных им территорий.

Органы местного самоуправления являются одним из важнейших элементов организации современных государств и играют решающую роль в достижении социального благополучия населения.

Однако эффективность их деятельности в регулировании экономической ситуации на территориях напрямую связана с наличием у местных органов финансовых средств, достаточных как для решения местных проблем, так и для эффективного участия в реализации общегосударственной политики в сфере социального и экономического развития.

Самостоятельность бюджетов обеспечивается наличием собственных источников доходов и закрепленных в законодательном порядке регулирующих доходов местных бюджетов и правом определять направления их использования. Важным источником поступлений в бюджет являются местные налоги и сборы.

В Российской Федерации местные налоги представляют собой обязательные платежи, устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации представительными органами местного самоуправления и взимаемые на территории муниципального образования.

Абдулазизова П. Г.

Представительные органы местного самоуправления вправе устанавливать местные налоги и сборы и предоставлять льготы по их уплате в соответствии с федеральными законами, а также в соответствии с законодательством РФ принимать решения об установлении или отмене местного налога и сбора, о внесении изменений в порядок его уплаты. Органы местного самоуправления вправе получать в местный бюджет предусмотренные законами РФ и законами субъектов РФ налоги с филиалов и представительств, головные предприятия которых расположены вне территории данного муниципального образования. Население муниципального образования может непосредственно принимать решения о разовых добровольных сборах средств граждан в соответствии с уставом муниципального образования (средства самообложения), которые используются исключительно по целевому назначению.

В связи с противоречивостью публичных и частных интересов в сфере налогообложения, государство, защищая публичные (общественные) интересы, вынуждено применять специальный механизм взаимодействия с налогоплательщиками, который, в конечном счете, призван обеспечить надлежащее поведение каждого лица по исполнению им налоговой обязанности¹.

Местные налоги и сборы являются составной частью налоговой системы РФ, имеют ярко выраженный фискальный характер и предназначены для финансового обеспечения обязательными платежами бюджетных расходов муниципальных образований. Однако муниципальные налоги и сборы имеют ряд характерных признаков, отличающих их от государственных (федеральных и региональных) налогов:

– поступления по этим платежам используются на нужды того муниципального образования, в пределах которого они собраны или поступили от объектов налогообложения, принадлежащих муниципальному образованию;

1 Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

– муниципальные налоги полностью и непосредственно зачисляются в местные бюджеты по месту поступления. Федеральные налоги и налоги субъектов РФ распределяются между всеми звеньями бюджетной системы и идут на образование доходов Российской Федерации, субъектов РФ и местных бюджетов;

– организация введения и взимания данных платежей возложена на органы местного самоуправления;

– использование поступлений от местных налогов и сборов находится под контролем органов местного самоуправления;

– наличие у органов местного самоуправления более широкой компетенции по правовому регулированию местных налогов и сборов в сравнении с другими платежами налоговой системы. Органам местного самоуправления предоставляются широкие права, а именно: изменять ставки некоторых платежей в сторону понижения; устанавливать дополнительные льготы для тех или иных групп налогоплательщиков.

Местные налоги позволяют более полно учитывать местные потребности и виды расходов местных бюджетов.

В муниципальных образованиях действуют налоговые органы по районам и городам без районного деления, которые несут основную нагрузку по контролю за исполнением налогового законодательства всеми физическими и юридическими лицами на подведомственной территории. В соответствии с Налоговым кодексом РФ они обеспечивают учет налогоплательщиков, правильность начисления ими налогов и платежей, а также поступление средств в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды. Они также контролируют своевременность предоставления плательщиками бухгалтерских отчетов, налоговых деклараций и других документов, связанных с исчислением и перечислением платежей в бюджет. Кроме того, на аналитические отделы этих подразделений возложены обязанности по составлению отчетности, анализу экономической ситуации и предоставлению районным и городским финансовым органам сведений о фактически поступивших в бюджет суммах.

В отделе по налогообложению физических лиц в больших муниципальных образованиях может быть выделен отдел местных и прочих налогов с физических лиц со следующими функциями:

- 1) проверки исполнения обязанностей по местным и иным налогам с физических лиц;
- 2) представительства инспекции в судебных рассмотрении по вопросам, относящимся к деятельности отдела;
- 3) проведение камеральных проверок налогоплательщиков;
- 4) возврат или зачет излишне уплаченных сумм (налога, сбора, пени)².

Вместе с тем обеспечение реальной независимости местного самоуправления в качестве основного источника их доходов предполагает именно поступления от местных налогов и сборов, самостоятельно управляемых органами местного самоуправления. Существует проблема недостаточности собственных доходов на местном уровне.

Налог на землю и налог на имущество физических лиц – по мнению многих экономистов, самые сложные и не собираемые налоги.

В сельской местности, не являющейся пригородной, земля не становится серьезным источником налоговых доходов

местного бюджета. В итоге рыночная стоимость многих земель настолько невелика, что их переоценка при кадастровом учете, сократив бремя для налогоплательщиков, одновременно сократит и доходы бюджета.

Основной проблемой местного налогообложения является дефицит местных бюджетов и формирование их доходной части за счет отчислений от федеральных и региональных налогов, доля которых в бюджете составляет более 90%. Существуют также следующие проблемы функционирования местной налоговой системы:

1. Наличие федеральных льгот по земельному налогу.
2. Наличие препятствий по формированию налогооблагаемой базы местных налогов.
3. Несовершенство системы администрирования местных налогов

Для решения этих проблем необходимо упорядочивание процессов оценки налогооблагаемой базы по местным налогам.

Пристатейный библиографический список

1. Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.
2. Мишустин М. В. Совершенствование налогового администрирования – фактор повышения эффективности работы налоговых органов // Финансы. – 2013. – № 6.

2 Мишустин М. В. Совершенствование налогового администрирования – фактор повышения эффективности работы налоговых органов // Финансы. – 2013. – № 6. – С. 29.

Бабаева Д. Г.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЛОГОВОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы развития налогового федерализма в РФ. Россия, являясь государством федеративного типа, одним из важнейших направлений развития своей правовой системы имеет широкий пласт правовых, экономических и политических отношений, находящихся в сфере действия принципа федерализма. Ключевое значение в современных условиях для обеспечения финансовой безопасности России как федеративного государства имеют обеспечение экономической безопасности, усиление экономических связей между территориями, обеспечение их устойчивого развития и защита единства экономического пространства на всей территории Российской Федерации.

Ключевые слова: федерализм, финансовая безопасность, налог, бюджетно-налоговая система, дотации, финансовые ресурсы, бюджетная система.

Babaeva D. G.

IMPROVEMENT AND DEVELOPMENT OF TAX FEDERALISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problem of tax federalism in Russia. One of the main directions of development of legal system of Russia as a state of a federal type is a wide layer of legal, economic and political relations within the scope of the principle of federalism. Key importance in the present conditions to ensure the financial security of Russia as a federal state belongs to economic security, strengthening of economic relations between the territories and ensuring their sustainable development and protection of the common economic space across the Russian Federation.

Keywords: federalism, financial security, tax, budget and tax system, subsidies, financial resources, budgetary system.

Закреплённый в Конституции принцип федеративного устройства России выступает той исходной точкой, которая, преломляясь в различных аспектах, создает базис для последующего правового регулирования всех сфер общественных отношений. Федерализм невозможно рассматривать в отрыве от сущностной категории финансовых отношений, пронизывающих весь государственный механизм. Федеративные отношения внутри любого государства сложны, объёмны и многогранны.

Несмотря на более чем двадцатилетнюю историю развития бюджетно-налоговых отношений в России задача построения эффективной модели распределения государственно-властных полномочий между федеральным центром, субъектами РФ и муниципальными образованиями до сих пор не решена в полной мере. Это обусловлено как всё ещё недостаточной степенью теоретической разработанности вопроса, так и возникающими затруднениями практического характера при организации построения федеративных отношений в РФ.

Налоговая система современного государства является эффективным и универсальным механизмом для регулирования макроэкономических процессов, протекающих в обществе. Кроме того, важнейшим элементом экономической безопасности является финансовая безопасность, ассоциирующаяся с обеспечением устойчивости финансовой системы и прежде всего бюджетно-налоговой системы, составляющей основу функционирования любого государства. При помощи налогов государство может стимулировать инвестиционную активность, реализовывать финансово-экономическую политику, поддерживать экономическое развитие, осуществлять социальное регулирование и даже решать политические задачи. От эффективности, сбалансированности и способности налоговой системы решать актуальные задачи, встающие на повестке дня, зависят и те экономические условия, в которых будет развиваться государство. Эта связь является двусторонней, то есть, с одной стороны, налоговая система должна учитывать экономическую конъюнктуру, сложившуюся в го-

Бабаева Д. Г.

сударстве, а с другой стороны налоговая система в любом государстве выступает одним из основных инструментов, при помощи которого власть формирует экономические реалии страны.

В отношении сущности налога существуют различные точки зрения, в частности, налог рассматривают, в том числе, и в качестве сложного социального института, имеющего длительную историю. Он непосредственно отражает уровень общественного развития в культурной, экономической, политической и иных сферах. В тоже время налог оказывает мощное обратное воздействие на состояние политической и экономической системы.

Государственная налоговая политика должна исходить из баланса между объемом налоговых поступлений, аккумулируемых в бюджетах бюджетной системы государства, который должен быть достаточным для полноценного выполнения государством своих функций, и финансовыми потребностями экономических субъектов. Взимание налогов – один из важнейших признаков государства и одновременно необходимое условие его существования. В условиях капиталистического способа производства и рыночных отношений ни одно мероприятие в государстве невозможно реализовать без материальной поддержки. Современные государства для пополнения своей казны используют и другие виды поступлений и платежей. Но на первое место среди них по своему значению и объему выступают налоги.

Налоговый федерализм является частью бюджетного федерализма. В этой связи можно оперировать термином «бюджетно-налоговый федерализм». Показывая тесную неразрывную взаимосвязь бюджетного и налогового федерализма, однако, можно и отдельно говорить о бюджетном и о налоговом федерализме, но при этом налоговый федерализм нельзя перестать считать составной частью бюджетного федерализма. Финансовую безопасность можно обеспечить, создав определенные условия для работы финансовой системы, благодаря которым не будет возможности для незаконного использова-

ния финансовых средств, направления их и использования в незаконных областях. Такие явления, как нестабильная финансовая система, плохо развитая инфраструктура рынка ценных бумаг, большой внутренний и внешний долг, неэффективная бюджетная и налоговая системы, упадок в сфере инвестиций, разбалансированное развитие макроэкономики и ее низкие показатели, являются большими рисками и угрожают финансовой безопасностью страны¹.

Под принципом налогового федерализма следует понимать законодательно закрепленный порядок регулирования общественных отношений, связанных с разграничением полномочий между всеми публично-правовыми образованиями в составе Российской Федерации по установлению и введению налогов и сборов и осуществлению контроля за их уплатой, с сохранением при этом единой на территории всего государства системы налогов. Иными словами, осуществляется законодательная организация налоговых потоков в соответствии с иерархическими уровнями власти. Принцип налогового федерализма вытекает из норм ч. 3 ст. 75 Конституции РФ, в соответствии с которой система налогов, взимаемых в федеральный бюджет, и общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации устанавливаются федеральным законом. Концепция налогово-бюджетного устройства в федеративном государстве заключается в установлении в нормах положительного права налоговых источников доходов и полномочий по бюджетной вертикали, способов перераспределения бюджетных ресурсов между бюджетами бюджетной системы. Важнейшим аспектом анализа сущности налогового федерализма является то, что он находит своё отражение практически во всей налогово-бюджетной системе страны.

При разграничении налоговых полномочий между федерацией и её составными частями необходимо отметить, что создаваемая модель налогового федерализма должна быть стабильной, и в ней должна быть реализована закономерность, в соответствии с которой чем больше налог зависит от экономической конъюнктуры, тем выше должен быть уровень власти, за которым должны закрепляться соответствующие налоговые каналы и полномочия по их введению и взиманию. Общественно-политическая мысль выработала несколько подходов к разделению налогов в федеративном государстве. Первый подход заключается в закреплении налогов за определенным уровнем власти и разграничении полномочий по взиманию налогов. Каждая территория вводит свои собственные налоги и сборы самостоятельно, или на федеральном уровне закрепляется исчерпывающий перечень налогов и сборов. Таким образом, реализуется неполное разделение прав и ответственности различных уровней власти в установлении налогов. Второй подход предусматривает, что в бюджеты каждого уровня государственной (муниципальной) власти подлежит зачислению формализованная в законодательстве доля суммы конкретного налога, которая должна быть собрана на соответствующей территории, исходя из общей для всех налогоплательщиков налоговой ставки. И, наконец, существует третий подход, в соответствии с которым осуществляется соединение в рамках определенного вида общегосударственного налога нескольких ставок, самостоятельно устанавливаемых элементами федерации.

Роль, которую налоговый федерализм играет в национальном правовом порядке, можно определить как создание такого механизма федеративных отношений, который обеспечил бы недопущение конфликтов между федеральным центром и элементами федерации или же между самими элементами федерации посредством разграничения и распределения налоговых источников доходов на основе единого подхода, с учетом интересов, существующих в рамках федерации политико-территориальных элементов.

Проблема отношений регионов и федерального центра уже на протяжении длительного времени остается одной из наиболее значимых и в российской политике. Цивилизованная трансформация российского федерализма возможна только через создание эффективной модели взаимоотношений регионов и федерального центра страны².

В России из-за больших различий в уровне экономического потенциала регионов существует объективная необходимость в определенном выравнивании доходов бюджетов через механизм межбюджетных трансфертов. Выравнивающие процессы ставят субфедеральные власти в зависимость от дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, порождают у них иждивенческие настроения и приводят к нерациональному перераспределению финансовых ресурсов в процессе создания общественных благ. Данной практике подчинено и соответствующее асимметричное распределение налогов по уровням бюджетной системы. Изменение подхода к формированию налоговых полномочий позволит повысить заинтересованность региональных и муниципальных органов власти в эффективном управлении собственным налоговым потенциалом, обеспечит надёжность их финансового положения.

Пристатейный библиографический список

1. Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.
2. Соколов А. А. Теория налогов. – М.: ООО «ЮрИнфоР-Пресс», 2013.

1 Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

2 Соколов А. А. Теория налогов. – М.: ООО «ЮрИнфоР-Пресс», 2013.

Гюльмагомедова Г. А.

АСПЕКТЫ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются аспекты правового регулирования малого бизнеса. Сегодня одним из важнейших направлений преобразований экономики в стране является необходимость развития малого предпринимательства. Современные проблемы малого предпринимательства необходимо рассматривать именно в контексте экономико-правовых преобразований, поскольку от того, в каком состоянии находится современная российская экономика и правовая сфера, зависит успешность развития всего малого предпринимательства в целом.

Ключевые слова: малое предпринимательство, экономико-правовое регулирование, специальные налоговые режимы, налоговое регулирование, экономика.

Gyulmagomedova G. A.

ASPECTS OF TAX REGULATION OF SMALL BUSINESS

The article discusses the aspects of legal regulation of small business. Today one of the most important directions of transformation of the economy in the country is the need for development of small business. Modern problems of small business should be seen in the context of economic and legal reforms, as the condition of modern Russian economy and legal sphere determine the successful development of small business in general.

Keywords: small business, economic and legal regulation, special tax regimes, tax regulations, economy.

Гюльмагомедова Г. А.

Процесс развития малого предпринимательства в Российской Федерации является одним из самых важных направлений в решении социально-экономических проблем на федеральном, региональном и местном уровне. Малое предпринимательство позволяет продвигать экономику любой страны по мере своих возможностей. Современные проблемы малого предпринимательства необходимо рассматривать именно в контексте экономико-правовых преобразований, поскольку от того, в каком состоянии находится современная российская экономика и правовая сфера, зависит успешность развития всего малого предпринимательства в целом.

Развитие малого предпринимательства невозможно без его поддержки со стороны государства. Важную роль в области стимулирования малого бизнеса играет система налогообложения, которая как минимум не должна тормозить развитие предпринимательства. При этом упрощение процедуры подачи налоговой отчетности и снижение налоговой нагрузки должны сопровождаться и увеличением доли налоговых поступлений. Такая задача может быть решена лишь при максимально возможном вовлечении предпринимателей в легальный бизнес.

На сегодняшний день для России присущ количественный способ критериального разграничения предприятий по масштабам их деятельности, что закреплено Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, который заменил собой Федеральный Закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» № 88-ФЗ от 14 июня 1995 г.

В законе впервые в нашей стране был узаконен статус малого предприятия. Одним из ключевых нововведений, установленных в Федеральном законе, является принципиально новый подход к критериям выделения субъектов малого предпринимательства.

Критерием отнесения субъектов хозяйствования к субъектам малого предпринимательства также является предельная выручка от реализации товаров, работ, услуг

без учета НДС за предшествующий календарный год. Были установлены новые предельные значения выручки, которые распространяются на правоотношения, возникшие с 1 января 2013 г.

Так, в соответствии с указанным Федеральным законом для отнесения предприятия к малому нужно принимать во внимание три критерия: численность работников, участие других организаций в уставном капитале предприятия и выручку от реализации товаров, работ, услуг.

Особенность российского законодательства, а также менталитета предпринимателей требует необходимости установления такого критериального показателя, который в дальнейшем позволит разделять малый, средний и крупный бизнес в реалиях современности.

В современной России органы власти уделяют большое внимание развитию малого бизнеса как основе становления рыночной экономики.

Малые предприятия не являются уменьшенной моделью или промежуточным этапом в развитии крупной фирмы, а представляют собой особую модель со специфическими чертами и законами развития, со своими достоинствами и недостатками.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» были закреплены точные критерии отнесения предприятий к малому бизнесу, что лишь в теории разграничивает предприятия в зависимости от их размерности. Однако на практике применение такого разграничения отсутствует, за исключением ведения статистического учета таких организаций. Несмотря на незавершенный процесс оформления субъектов малого предпринимательства в качестве единой и устойчивой социальной группы действенным и эффективным инструментом решения социальных проблем в ближайшем будущем является развитие малого бизнеса.

Общая налоговая система сейчас должна двигаться по направлению к многообразию используемых налоговых регуляторов, с целью организации максимально благоприятного

климата для воплощения стимулирующей функции налогообложения¹.

Эффективная организация налогообложения и прогнозирование возможных налоговых рисков оказывают большую помощь в достижении стабильного финансового положения малых предприятий, так как позволяют избежать больших убытков в процессе их финансово-хозяйственной деятельности.

Постепенное развитие малого бизнеса даже в непростых условиях экономики говорит о внутреннем потенциале данной сферы экономики. Субъекты малого предпринимательства становятся полноценными участниками рынка в условиях конкуренции и играют при этом весомую роль в общественном разделении труда. Малый бизнес – это неотъемлемая часть материально-производственной сферы общественных отношений, где данные предприятия служат непосредственными производителями товаров, работ, услуг.

Малый бизнес рассматривался как предпринимательская деятельность, связанная с повышенным риском, основанная на использовании инновационных идей, целью которой является увеличение прибыли за счет производства и реализации товаров, при этом закреплена обязанность по соблюдению норм законодательства, а также необходимость соответствия критериям отнесения к малому предпринимательству.

Налоговое регулирование осуществляется через предоставление налоговых льгот, которое реализуется путем льготного налогообложения прибыли, сокращения налогооблагаемой базы, уменьшения налоговых ставок, вычетов из налоговых платежей. Льготное налогообложение прибыли осуществляется отнесением различного рода инновационных затрат на издержки производства².

Одним и главнейших направлений государственной политики в сфере малого бизнеса стало создание наиболее благоприятствующих развитию малого предприятия экономических, финансовых, социальных условий. Установление специальных налоговых режимов, которые предполагают упрощение порядка налогообложения, а также снижение количества форм налоговой отчетности является одним из способов государственной поддержки малого бизнеса.

Упрощенная система, единый налог на вмененный доход и патентная система существенно снижают налоговую нагрузку на малые предприятия. Основой всех этих указанных режимов налогообложения является замена уплаты установленных законодательством Российской Федерации налогов уплатой единого налога, который рассчитывается по результатам хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за отчетный период.

В нынешнее время оптимизация налогообложения малых предприятий является важнейшей составляющей финансового менеджмента предприятий. Целью оптимизации является достижение экономии финансовых ресурсов за счет снижения платежей в бюджет и внебюджетные фонды.

Для выбора оптимального режима налогообложения предприятию необходимо сравнить специальные налоговые режимы и выявить условия, при которых каждый из режимов выгоднее всего применять. Такие налоговые прогнозы очень важны при планировании работы предприятия в целом.

Использование патента выгодно, только когда доход, который предприниматель планирует заработать, гораздо больше, чем потенциальный доход, что установлен для патента в конкретном регионе. Если же предполагаемая прибыль будет равняться сумме потенциально возможного дохода для патента, либо еще меньше, предпринимателю нужно применять упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения «доходы».

Для упрощенной системы налогообложения с объектом «доходы, уменьшенные на величину расходов» важно, какие доходы получила организация. Чем выше финансовый результат, тем больше сумма налога. Следовательно, при высокой доходности организации должны предпочесть единый налог на вмененный доход упрощенной системе.

Единый налог на вмененный доход может быть невыгоден, в том случае если доходы предприятия резко понизятся и станут меньше установленного вмененного дохода. Можно сделать вывод, что, если доходы предприятия незначительно превышают расходы, для организации может быть выгоднее применение упрощенной системы с объектом «доходы минус расходы», чем уплата единого налога на вмененный доход. Малый бизнес является своего рода двигателем как экономики России, так и экономики развитых стран. Это связано в первую очередь с тем, что он являет собой определенную инновационную структуру: это наиболее массовая, динамичная и гибкая форма деловой активности. Именно поэтому государство уделяет большое внимание поддержке развития малого бизнеса, и главным инструментом являются специальные налоговые режимы. Специальные налоговые режимы положительно влияют на развитие малого бизнеса в стране, следовательно, в этой области можно ожидать дальнейших изменений и реформирования.

Пристатейный библиографический список

1. Бессонов И. С. Функционирование малого бизнеса в России и развитых странах мира // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2012. – № 6.
2. Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

1 Бессонов И. С. Функционирование малого бизнеса в России и развитых странах мира // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2012. – № 6.

2 Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

Залибекова Д. З.

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается система мер юридической ответственности за нарушение положений бюджетного законодательства. Речь идет о специальных санкциях, дополняющих действующие меры административного, уголовного, материального характера.

Ключевые слова: бюджетное законодательство, административная ответственность, финансовая ответственность, счетная палата, казначейство.

Zalibekova D. Z.

PROBLEMS OF LIABILITY FOR VIOLATION OF THE BUDGET LAW

In the article, the system of measures of legal liability for violation of budget legislation is considered. These are special sanctions to complement the existing measures of administrative, criminal and material nature.

Keywords: budgetary legislation, administrative responsibility, financial responsibility, Court of Auditors, the Treasury.

Залибекова Д. З.

В связи с бурным развитием бюджетного законодательства РФ в последние годы новое наполнение получают многие институты бюджетного права, в том числе институт ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

До недавнего времени правовые нормы об ответственности в бюджетной сфере не были кодифицированы. Лишь с принятием Бюджетного кодекса РФ ситуация существенно изменилась: часть четвертая Кодекса посвящена ответственности за нарушение бюджетного законодательства РФ. Кроме того, в РФ введен в действие Кодекс РФ об административных правонарушениях (принят ГД ФС РФ 20.12.2001, действующая редакция от 02.05.2015), в гл. 15 которого предусмотрена ответственность за совершение нескольких административных правонарушений в области финансов (бюджета).

Заслуга Бюджетного кодекса в том, что в нем сделана попытка определить систему мер юридической ответственности за нарушение положений бюджетного законодательства. Речь идет о специальных санкциях, дополняющих действующие меры административного, уголовного, материального характера.

Нарушения в области существующего бюджетного законодательства представляют собой сегодня одну из важных проблем функционирования этой государственной системы. Поэтому законодательства различных стран всегда устанавливают довольно жесткие условия для исполнения бюджетных обязательств и, соответственно, ответственность за нарушения бюджетной дисциплины.

Главная задача бюджетного законодательства как раз и состоит в том, чтобы установить систему адекватных мер ответственности в области бюджетных отношений. Эти меры могут носить характер административных, материальных и даже уголовных санкций.

Закон, прежде всего, точно определяет виды нарушений бюджетного законодательства, за которые виновные должны быть привлечены к ответственности:

- преднамеренное сознательное неисполнение действующего законодательства;
- нецелевое расходование средств (направление средств на финансирование программ, которые не внесены в бюджет для инвестирования в рамках конкретного периода);

– отказ от перечисления или же неполное перечисление бюджетных ресурсов на реализацию проектов, предусмотренных законом о бюджете;

– задержки с подачей отчетов, а также иных документов и сведений, которые дают представление о ходе исполнения бюджета;

– нарушение порядка и правил ведения отчетно-учетной документации, несоответствие подписи и данных, содержащихся в данных документах¹.

Фактическим основанием для финансовой ответственности является бюджетное правонарушение – виновное нарушение бюджетного законодательства, бюджетного процесса, за которое Бюджетным кодексом РФ установлена ответственность.

Между тем в Уголовном кодексе РФ специальный запрет установлен только в отношении нецелевого использования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов².

Анализ норм бюджетного законодательства и исследований указанных вопросов позволяет отметить, что бюджетное право не считает субъективное состояние правонарушителя обязательным основанием ответственности, т.е. состав бюджетного правонарушения обладает своеобразной трехэлементной структурой: объект, объективная сторона, субъект. Несмотря на то, что бюджетное законодательство не содержит указаний на виновность правонарушителя, его вина предполагается. Так, нецелевое использование бюджетных средств, как и, например, их несвоевременный возврат, могут иметь место только в форме умысла или неосторожности.

Бюджетное законодательство не содержит норм, которые в систематизированном виде определяли бы именно меры финансовой ответственности за нарушение бюджетного законодательства. Статья 282 БК РФ содержит открытый перечень

- 1 Бюджетный кодекс Российской Федерации БК РФ / Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (принят ГД ФС РФ 17.07.1998) (ред. от 29.11.2010) (с изм., внес. ФЗ от 29.11.2014 № 313-ФЗ, вст. в силу с 01.01.2015 г., за искл. изм., внес. в п.1 ст.58, вст. в силу с 01.01.2015 г.). // СПС «Консультант Плюс».
- 2 Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20 сентября 2014 года). Комментарии к изменениям, принятым в 2014–2015 гг. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2015.

мер принуждения, применяемых к нарушителям бюджетного законодательства.

Таким образом, нарушения бюджетного законодательства могут повлечь за собой применение и мер юридической ответственности, и других мер принуждения, не имеющих характера наказания.

Юридическая ответственность в бюджетном праве является одной из мер принуждения, применяемой к лицам, не исполняющим или исполняющим ненадлежащим образом правовые предписания, содержащиеся в нормах Бюджетного кодекса РФ. Ответственность за нарушение бюджетного законодательства для нарушителя всегда связана с определенными лишениями имущественного, личного или организационного характера. Юридическая ответственность – это наиболее жесткая реакция государства на нарушение правовых норм. Единственным правовым основанием для ее применения является совершение лицом правонарушения, т.е. общественно вредного, противоправного виновного деяния.

По сравнению с ранее действовавшим законодательством нормы Бюджетного кодекса, посвященные проблемам ответственности за нарушения бюджетного законодательства, выглядят шагом вперед. Тем не менее соответствующая часть Бюджетного кодекса (часть IV) представляется самой слабой его частью.

В настоящее время вопросы привлечения к ответственности за нарушение бюджетного законодательства регулируются двумя основными законодательными актами: Бюджетным кодексом РФ и Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Совершенно неудовлетворительны нормы Кодекса, касающиеся процедур привлечения к ответственности за бюджетные правонарушения. В соответствии со ст. 284 БК правом применения мер принуждения за бюджетные правонарушения обладают руководители органов Федерального казначейства и их заместители. При этом под мерами принуждения в Кодексе понимаются и собственно штрафы за бюджетные правонарушения, и принудительные меры, направленные на предупреждение и пресечение бюджетных правонарушений, которые нельзя рассматривать в качестве наказания за бюджетные правонарушения.

Указанные меры принуждения применяются на основе постановления, подписанного руководителем органа Федерального казначейства, которое, в свою очередь, принимается на основе акта проверки получателя бюджетных средств, подписанного должностным лицом органа федерального казначейства, либо на основании заключения должностного лица органа федерального казначейства об истечении срока возврата бюджетных средств или платы за пользование ими.

В связи с этими формулировками кодекса возникает целый ряд вопросов. Во-первых, почему в качестве органов, полномочных применять меры принуждения, называются только органы Федерального казначейства. Ведь, например, право блокировки расходов принадлежит к исключительной компетенции Министра финансов РФ, а Закон «О Счетной палате Российской Федерации» предоставляет ей право при неоднократном неисполнении предписаний Счетной палаты приостанавливать операции по счетам проверяемых предприятий, учреждений и организаций. Можно, конечно, предположить, что в интересах бюджетополучателей разработчики Бюджетного кодекса намеренно решили ограничить число государственных органов, полномочных применять меры принуждения. Но тогда, по крайней мере, следовало предусмотреть, что постановления руководителей органов

федерального казначейства о применении мер принуждения могут приниматься на основе актов проверок, проводимых не только органами казначейства, но и контрольными органами Минфина, и Счетной палатой. В противном случае наделение этих органов контрольными полномочиями теряет всякий смысл, так как обнаруженные в процессе проводимых этими органами ревизий нарушения бюджетного законодательства не могут быть пресечены³.

Необходимо усилить режим административной и гражданско-правовой ответственности по статьям 298 и 299 БК РФ за нарушения при предоставлении бюджетных кредитов, ссуд, гарантий и инвестиций.

Для предотвращения правонарушений при финансировании расходов, не предусмотренных бюджетом, целесообразно исключить из Бюджетного кодекса норму о возможности предоставления субсидий и субвенций негосударственным юридическим лицам в случаях, предусмотренных федеральными целевыми программами или законами.

Пристатейный библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2014, с изм. от 08.03.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20 сентября 2014 года). Комментарии к изменениям, принятым в 2014–2015 гг. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2015.
3. Деменкова Н. Г. Вопросы привлечения к административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Российская юстиция. – 2012. – № 7.

3 Деменкова Н. Г. Вопросы привлечения к административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Российская юстиция. – 2012. – № 7. – С. 14–15.

Касимова Д. М.

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТА НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются основные факторы развития инвестиционного климата. Важным рычагом, способствующим подъему экономики, в значительной степени является эффективная инвестиционная деятельность. Для развивающейся экономики Российской Федерации в последнее время был характерен достаточно высокий уровень налогообложения.

Ключевые слова: инвестиция, льгота, инвестиционный потенциал, налогообложение, налоговая система, инвестиционная деятельность.

Kasimova D. M.

FEATURES OF INVESTING ACTIVITIES AS AN OBJECT OF TAX REGULATION

The article examines the main factors of development of the investment climate. Effective investment performance serves as an important lever contributing to economic recovery. Developing economy of the Russian Federation in recent years was characterized by a sufficiently high level of taxation.

Keywords: investment, benefit, investment potential, taxation, the tax system, investment activity.

Касимова Д. М.

Инвестиционная ситуация в России на текущем этапе ее экономического развития характеризуется, с одной стороны, выходом из кризисной ситуации, а с другой – отсутствием в достаточном объеме инвестиций. Экономисты отмечают, что позитивным является вовлечение в сферу производства новых механизмов его планирования и регулирования, первоначальные попытки проектного финансирования, появление законодательной базы. При этом, несмотря на некоторые положительные перемены, произошедшие в экономике России, объемы инвестиций не имеют постоянной динамики роста, и значительная часть промышленных организаций нуждается в обновлении материальной базы¹.

Одним из главных факторов общеэкономической ситуации в стране является инвестиционный климат, который, в свою очередь, имеет значение для инвестирования. И важным рычагом, способствующим подъему экономики, в значительной степени способствует эффективная инвестиционная деятельность. Ее цели могут быть различными: расширение собственной предпринимательской деятельности за счет накопления финансовых и материальных ресурсов, приобретение новых предприятий, диверсификация в результате освоения неизведанных областей бизнеса, снижение издержек обращения по причине роста объемов производства.

Основу инвестиционного климата, прежде всего, составляет полная и четко отрегулированная нормативно-законодательная база.

Главными источниками права в России являются: Конституция РФ, Кодексы РФ, законодательные акты РФ, республик, краев, областей, органов местного самоуправления. К настоящему моменту удалось сформировать достаточно обширную правовую базу, регуливающую инвестиционную деятельность.

В первую очередь, это статьи 8 и 34 Конституции РФ, согласно которым в Российской Федерации гарантируется свобода экономической деятельности, и каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Экономисты, рассматривая указанные законодательные акты с позиций их соответствия рыночным отношениям, отмечают расширительную трактовку инвестиционной деятельности как вложения инвестиций (инвестирование) и совокупность практических действий по их реализации в целях получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта. В данном случае инвестиционная деятельность рассматривается как необходимое условие и как разновидность предпринимательства, необходимой предпосылкой которого является процесс накопления денежных ресурсов и получение прибыли.

В современных условиях инновационных преобразований экономики повышение эффективности инвестиционного развития регионов, создание благоприятного инвестиционного климата становится одной из основных задач, которая включает выбор источников инвестиций, создание необходимой нормативно-правовой базы, определение органов, ответственных за реализацию инвестиционной политики и привлечение инвестиций, организацию работы с инвесторами и т.д.²

Представляется, что ключевое внимание должно быть уделено тем направлениям и отраслям народного хозяйства, развитие которых способно оказать проецирующее и мультиплицирующее действие на смежные области и секторы экономики. В этом случае акцентированное воздействие на узловые точки экономического роста активизирует цепную реакцию и позволит вовлечь в инвестиционный и воспроизводственный процесс большее число хозяйствующих субъектов.

Оптимальное решение поставленной задачи видится в формировании, поддержке и развитии межотраслевых комплексов на территории региона. Межотраслевой комплекс представляет собой интеграционную структуру, характеризующую взаимодействие различных отраслей и их элементов, разных стадий производства и распределения продукта.

В интересах всестороннего развития экономики регионов и социальной среды целесообразно формирование такого межотраслевого комплекса, который будет удовлетворять следующим условиям: доступность необходимой ресурсной базы; возможность широкого территориального распростра-

1 Абыкаев Н. А., Бочаров В. В. Инвестиционный потенциал и экономический рост (методологический аспект) // Экономист. – 2012. – № 6. – С. 58–66.

2 Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

нения и размещения структурных элементов комплекса; возможность диверсификации предлагаемого продукта, расширения ассортимента товаров и услуг, улучшение их качества; направленность на удовлетворение спроса широкого круга потребителей независимо от их социально-имущественного положения.

Для развивающейся экономики Российской Федерации в последнее время был характерен достаточно высокий уровень налогообложения. И это несмотря на исключительно широкое распространение налоговых льгот. Причем льготы постоянно изменяются, пересматриваются, отменяются, сокращаются и т. д. Как показывает опыт, значительная часть этих льгот экономистами и бухгалтерами не используется по причине неясного представления о порядке их применения, а также соответствующей учетной работы, т. е. при высоком уровне регламентации льгот их эффективность крайне незначительна.

Политическое руководство страны осознало необходимость радикального преобразования налоговой системы. В области социальной политики и модернизации экономики определены приоритетные задачи. Доминанта макроэкономической политики – налоговая реформа. В рамках её осуществления должны быть достигнуты следующие цели:

– ослабление общего налогового бремени на законопослушных налогоплательщиков путём более равномерного распределения налоговой нагрузки на всех налогоплательщиков;

– усиление справедливости налоговой системы за счёт выравнивания условий налогообложения для всех налогоплательщиков;

– упрощение налоговой системы за счёт установления исчерпывающего перечня налогов и сборов с сокращением их общего числа;

– обеспечение стабильности налоговой системы;

– существенное повышение уровня собираемости налогов и сборов.

Таким образом, можно утверждать, что должна быть достигнута задача согласования долгосрочных интересов государства, цивилизованных предприятий и большинства населения.

При этом реформа предполагает создание стройной системы налогового регулирования, целью которой будет уравновешивание общественных, корпоративных и личных экономических интересов участников налоговых правоотношений. В качестве методов налогового регулирования можно назвать систему налогового стимулирования, оптимизацию налоговых ставок, систему налоговых льгот и меры санкционного действия.

Как отмечают экономисты, пакет законодательных актов, который был принят в последнее время, своей целью имеет оптимизацию инвестиционного климата, так как предусматривает создание более благоприятного налогового режима деятельности инвесторов, новую систему амортизации, и должен способствовать увеличению оборотных средств и росту инвестиций предприятий.

В целях совершенствования такой составляющей инвестиционного механизма, как предоставление налоговых льгот, необходимо их упорядочение, что предполагает, во-первых, классификацию налоговых льгот.

Проведенный анализ показывает, что в Налоговом кодексе отсутствует полный перечень видов налоговых льгот, а также, если следовать логике законодателей, таковыми не признаются общие для многих налогоплательщиков налоговые вычеты и скидки, что противоречит общепринятому подходу

к понятию налоговых льгот как инструменту налогового регулирования. Общие налоговые вычеты и скидки, так же как и другие виды налоговых льгот, в том числе специальные или частные, имеют ту или иную регулирующую направленность (стимулирующую, инвестиционную, социальную и т. д.). Кроме того, по мнению специалистов, законодатели Кодекса не связывают с налоговыми льготами ни отсрочку (рассрочку) налогов, ни инвестиционный налоговый кредит; они рассматривают их лишь как возможные способы изменения срока исполнения налогового обязательства, что лишает эти, по существу, льготы регулирующей функции. Результатом такого ошибочного, на наш взгляд, теоретического подхода явилось законодательное ограничение стимулирующих возможностей отсрочек, налоговых и инвестиционных налоговых кредитов как форм налогового льготирования. К тому же на определенный период времени и отсрочка (рассрочка) платежа, и налоговый кредит предполагают для пользователя уменьшение налогового обязательства, что вполне соответствует понятию налоговой льготы согласно Кодексу.

Пристатейный библиографический список

1. Абыкаев Н. А., Бочаров В. В. Инвестиционный потенциал и экономический рост (методологический аспект) // Экономист. – 2012. – № 6.
2. Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

Пирова Р. Н.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПО НАЛОГУ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются способы оптимизации и совершенствования налога на доходы физических лиц посредством применения налоговых вычетов. В настоящее время происходит процесс переориентации НДФЛ от преобладания фискальной к преобладанию социальной функции. При этом механизм исчисления и уплаты НДФЛ постоянно совершенствуется, в том числе за счет повышения роли налоговых вычетов.

Ключевые слова: налог на доходы физических лиц, налоговые вычеты, налоговая база, налоговая политика, налогоплательщик.

Pirova R. N.

LEGAL REGULATION OF TAX DEDUCTIONS UNDER THE TAX ON INCOMES OF PHYSICAL PERSONS

The article discusses ways to optimize and improve the tax on incomes of physical persons by means of tax deductions. Currently there is a process of retargeting the personal income tax from fiscal to social function dominance. The mechanism of calculation and payment of personal income tax is constantly being improved, including by enhancing the role of tax deductions.

Keywords: income tax on individuals, tax deductions, tax base, tax policy, taxpayer.

Пирова Р. Н.

Исходя из анализа норм налогового законодательства, посвященных регламентации налоговых вычетов по НДФЛ, последние можно определить как законодательно установленные изъятия из налоговой базы, применяющиеся по основаниям, закрытый перечень которых установлен Налоговым кодексом РФ.

Экономико-правовое назначение и сущность вычетов различны:

– стандартные налоговые вычеты представляют собой сумму необлагаемого минимума дохода налогоплательщика;

– социальные вычеты призваны возместить государством части расходов налогоплательщика на социальные нужды;

– имущественные вычеты имеют разное назначение. Так, имущественный вычет по полученным доходам от продажи имущества позволяет уменьшить сумму этого дохода в целях налогообложения, а имущественный вычет по расходам налогоплательщика на приобретение или строительство жилья позволяет налогоплательщику вернуть часть произведенных расходов на эти цели;

– профессиональный вычет уменьшает налоговую базу на произведенные расходы, связанные с профессиональной деятельностью, в целях исчисления налога по итогам за налоговый (отчетный) период.

Стандартные вычеты, установленные для чернобыльцев, Героев СССР, участников ВОВ, инвалидов и иных льготников, в размере 3000 и 500 рублей, по нашему мнению, следует повысить до 20 000 и 10 000 рублей соответственно. Совместное налогообложение доходов семьи позволяет более эффективно использовать предоставляемые вычеты. Происходящие изменения в области реализации налоговой политики должны совершенствовать действующий механизм исчисления и взимания НДФЛ, а также порядок его администрирования.

Помимо стандартных вычетов существуют также социальные, имущественные и профессиональные, им посвящены статьи 219–221 НК РФ.

Социальные налоговые вычеты предоставляются налогоплательщикам, которые в налоговом периоде понесли определенные расходы. Социальный вычет предоставляется по следующим основаниям:

- 1) по расходам на благотворительные цели и пожертвования;
- 2) по расходам на обучение;
- 3) по расходам на лечение;
- 4) по расходам на негосударственное пенсионное обеспечение и добровольное пенсионное страхование;
- 5) по расходам на уплату дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии.

Как правило, социальные вычеты предоставляются в размере понесенных расходов, но при условии, что эти расходы не превышают максимально установленную НК РФ сумму вычетов. Налогоплательщик также вправе воспользоваться несколькими социальными вычетами. Для получения социального вычета налогоплательщику необходимо обратиться в налоговый орган по окончании календарного года, в котором были понесены указанные расходы.

Основанием для предоставления социального налогового вычета является налоговая декларация по форме 3-НДФЛ. При проверке декларации, налоговые органы могут запросить подтверждающие документы о произведенных расходах.

Законопроект № 576534-5 «О внесении изменений в главу 23 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» предусматривает увеличение социальных налоговых вычетов, которые касаются социально-значимых областей жизнедеятельности граждан, таких как здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение.

Имущественный вычет, предусмотренный при продаже жилой недвижимости, целесообразно увеличить с 1 до 2 млн рублей, а имущественный вычет, применяемый в размере фактических расходов на приобретение или строительство жилья – увеличить с 2 млн до 4 млн рублей.

Кроме того, учитывая выводы, сделанные в постановлении Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 6-П, требовалось законодательно закрепить порядок получения имущественного вычета лицами, являющимися родителями (усыновителями, приемными родителями, опекунами, попечителями) и осуществляющими новое строительство или приобретение имущества в собственность своих несовершеннолетних детей.

В основных направлениях налоговой политики на трехлетний период был провозглашен переход от принципа предоставления налогоплательщику вычета применительно только к одному приобретаемому объекту имущества к принципу предоставления вычета вне зависимости от количества таких объектов¹.

В целях реализации этих направлений налоговой политики и была утверждена новая редакция ст. 220 НК РФ, которая применяется с 1 января 2014 г. Максимальный размер имущественного вычета при приобретении (строительстве) жилья остался прежним – не более 2 млн руб., а вот порядок его предоставления изменен².

С 1 января 2014 г. вступила в силу новая редакция ст. 220 Налогового кодекса РФ (Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 212-ФЗ). Она разрешает повторный имущественный вычет, но ограничивает его размер по ипотечным процентам. Эти поправки способны существенно снизить сумму НДФЛ, которую налогоплательщики будут возвращать после покупки жилья.

По новым правилам вычет (в пределах максимального размера) можно будет получить в отношении нескольких объектов (квартир, комнат и долей в них, земельных участков, предназначенных для индивидуального жилищного строительства или на которых расположены приобретаемые жилые дома или доля (доли) в них). То есть в случае, например, покупки квартиры стоимостью 1,7 млн руб. и комнаты стоимостью 500 тыс. руб. вычет можно будет получить по обоим объектам в общей сумме 2 млн руб. Ранее в такой ситуации вычет можно было получить или в размере стоимости квартиры (1,7 млн руб.), или в размере стоимости комнаты (500 тыс. руб.).

Кроме того, если вычет использован не полностью (менее 2 млн руб.), его остаток можно будет учесть в дальнейшем при приобретении другого жилья. В этом случае предельный размер вычета будет равен размеру, действовавшему в налоговом периоде, в котором у налогоплательщика впервые возникло право на вычет, в результате предоставления которого образовался остаток, переносимый на последующие налоговые периоды.

В новой редакции ст. 220 НК РФ решен вопрос с предоставлением вычета родителям, приобретающим жилье в собственность детей. Ранее налоговики нередко отказывали в предоставлении такого вычета. Теперь это право закреплено в ст. 220 НК РФ как в отношении родителей (усыновителей, приемных родителей), так и в отношении опекунов и попечителей.

Согласно новой редакции ст. 220 НК РФ при покупке жилья за счет кредитных средств предоставляются два вычета: один по фактическим расходам на приобретение (строительство) жилья, но не более 2 млн руб., а второй – в сумме фактически произведенных расходов на погашение процентов по целевым займам (кредитам), но не более 3 млн руб.

Еще одним путем совершенствования налогообложения может выступать предоставление права суммирования доходов несовершеннолетних, зависимых родственников и лиц, материально незащищенных, с суммами доходов самих плательщиков налога для наилучшей реализации прав субъектов

по вычетам и льготам. В настоящее время существует ситуация, когда налоговые льготы присущи строго определенному налогоплательщику, но по ряду причин он не всегда может их реализовать, так как не существует лично у него того дохода, с которого бы осуществлялись налоговые расчеты с учетом возможности налоговых льгот и вычетов.

Профессиональные налоговые вычеты предоставляются и по НДФЛ, а именно лицам, которые совершают свою деятельность (оказывают какие-либо услуги) по договору гражданско-правового характера. В таких случаях, как и для вышеуказанных лиц, размер налогового вычета будет напрямую зависеть от размера расходов, которые будут подтверждены также документально. В размере произведенных расходов получают профессиональный налоговый вычет и налогоплательщики, у которых получение дохода связано с авторскими вознаграждениями, в том числе в сфере открытий, науки, искусства и так далее.

Для получения профессионального налогового вычета необходимо подать заявление по окончании налогового периода.

Расходы, которые указываются для получения налогового вычета, составляются и контролируются самим налогоплательщиком. К расходам может быть отнесен и налог на имущество физических лиц, если объект используется при выполнении деятельности налогоплательщиком.

Для тех же предпринимателей, которые не могут подтвердить свои расходы, профессиональный налоговый вычет по закону составит 20% от дохода. Относится это ко всем налогоплательщикам, имеющим право на профессиональный налоговый вычет, например это могут быть доходы налогоплательщика от создания произведения искусства или литературы.

В России основными направлениями совершенствования налогообложения физических лиц должны стать снижение налогового бремени и совершенствование системы налоговых вычетов.

Пристатейный библиографический список

1. Зинькович С. Применение налоговых вычетов по НДФЛ // Финансовая газета. – 2014. – № 17.
2. Потапов А. Ю. Налог на доходы физических лиц: его сущность и регулирующая роль. – М., 2014.

1 Зинькович С. Применение налоговых вычетов по НДФЛ // Финансовая газета. – 2014. – № 17.

2 Потапов А. Ю. Налог на доходы физических лиц: его сущность и регулирующая роль. – М., 2014.

Расулова З. Д.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАЛОГОВОГО
КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования института налогового консультирования. Стратегия развития налогового консультирования должна быть направлена на согласование принципов деятельности и возможностей налоговых консультантов, на обеспечение баланса интересов бюджета и клиентов – участников делового оборота. В настоящее время появилась возможность создать нормативную правовую основу налогового консультирования и возможность развивать ее.

Ключевые слова: налоговое консультирование, налогообложение, налогоплательщик, нормативно-правовая регламентация, оптимизация.

Rasulova Z. D.
THE PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF TAX ADVISORY SERVICES IN THE
RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problems of legal regulation of tax advisory services. The strategy for the development of tax consulting should be directed to the harmonization of the operational policy and possibilities of tax consultants, balance of the budget and interests of clients – participants of the business turnover. Currently we have the opportunity to create a normative legal basis of tax advice and the opportunity to develop it.

Keywords: tax consulting, taxation, taxpayer, legal regulation, optimization.

Расулова З. Д.

Среди актуальных проблем становления налогового консультирования в России можно выделить следующие.

- отсутствие закона о налоговом консультировании;
- смешение налогового консалтинга с аудитом и адвокатурой. Иными словами, налоговым консалтингом часто занимаются аудиторы и адвокаты.

Как следует из рейтингов и исследований, основная часть выручки от оказания услуг по налоговому консультированию – это крупные клиенты из наиболее рентабельных отраслей (добывающая промышленность, ТЭК, машиностроение). Малый и средний бизнес очень ограниченно пользуется услугами налоговых консультантов. Практика показывает, что существенная часть вопросов, которые решаются в рамках налогового консалтинга, с точки зрения доли выручки, – это налоговые споры, налоговый аудит и сопровождение сделок по слиянию и поглощению.

В России мало компаний, которые могут сформулировать для налогового консультанта сложные вопросы в области налогообложения и бухгалтерского учета. И из них лишь часть компаний, которые могут за такие услуги платить. Как правило, налоговых консультантов привлекают крупные и средние компании.

На отдельных предприятиях вопрос снижения уровня уплаты налогов решается с помощью фирм-однодневок. Использование такого варианта оптимизации не требует услуг консультанта. В таких условиях ситуация, когда собственник или директор малой компании решит потратить деньги на налогового консультанта, является довольно необычной. Особую роль в налоговых схемах, направленных на уклонение от уплаты налогов, играют фирмы-однодневки. За последние 20 лет однодневки стали неотъемлемой частью отечественной экономики и используются практически повсеместно: по оценкам до 80 % всех проводок, отслеживаемых в ЦБ РФ, так или иначе связаны с однодневками.¹

Как правило, вопросы задают, когда попадают в сложные ситуации в силу налоговых проверок. Или в самом начале построения или обновления структуры бизнеса.

Отсутствуют ограничения организационно-правовых форм, которые может использовать налоговый консультант. Не рассматриваются ситуации, при которых использование некоторых организационно-правовых форм, например ОАО или ФГУП, может ограничить фактическую независимость налогового консультанта и привести к конфликту интересов.

Необходимо создать специальный государственный аппарат, который должен быть в каждом субъекте России для регулирования деятельности по налоговому консультированию.

Недостаточно обоснованным представляется предложение о введении понятия Налоговый консультационный пункт.

Исходя из определения налогового консультирования не следует однозначного ответа на вопрос, чьими интересами должен руководствоваться налоговый консультант в спорной ситуации (государства или клиента).

Вызывает опасение, что уровень государственного регулирования рынка налогового консультирования приведет к тому, что вместо налогового консультанта – помощника налогоплательщика, мы получим второго налогового инспектора.

Вопрос соблюдения конфиденциальности информации в налоговом консультировании проработан недостаточно. С одной стороны тайна консультирования устанавливается, однако ее раскрытие возможно по решению суда. Данная ситуация будет выделять лиц, обладающих статусом адвоката, от других игроков рынка налогового консалтинга. Такая ситуация априори закрепляет неравенство участников рынка налогового консультирования.

Попробуем разобраться в проблемах налогового консультирования более детально. Проблемы налогового консультирования постоянно обсуждаются на международных конференциях. Во многом, проблемы российского консалтинга в области налогообложения связаны с тем, что этот сегмент рынка услуг только начинает развиваться в России.

1 Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

Основная проблема на современном этапе развития – это отсутствие самостоятельного законодательного регулирования налогового консультирования.

Следующая проблема – это недостаток профессиональных высококвалифицированных кадров. Очевидно, что консультант должен обладать необходимым багажом знаний в той области, с которой он имеет дело – экономических, юридических, финансово – бухгалтерских, не говоря уже о знаниях в области налогообложения. Существует также проблема осуществления государственного контроля в сфере деятельности консультантов по налогам и сборам, которая заключается в том, что квалификационная характеристика специалиста утверждена Министерством труда и социального развития России, а государственный контроль за ее соблюдением, а также правила и стандарты налогового консультирования до сих пор не установлены.

Решение проблемы культуры консультирования, с одной стороны – невозможно без принятия соответствующего законодательства, а с другой стороны – является долгосрочным, стратегическим направлением.

В современных условиях налоговое законодательство предусматривает институт налогового представительства и консультирования, который позволяет обеспечивать квалифицированное предоставление правовой помощи налогоплательщикам при решении налоговых вопросов, начиная от частных консультаций и заканчивая защитой их прав и законных интересов в суде и налоговых органах.

Таким образом, на наш взгляд, принятие законодательства, регулирующего налоговое консультирование, является единственным верным шагом, способным послужить толчком к развитию отрасли налогового консультирования.

По нашему мнению, решением основной проблемы – отсутствие законодательного регулирования налогового консультирования является принятие ФЗ «О налоговом консультировании», а также разработка и создание нормативной базы о стандартах и порядке осуществления налогового консультирования. Стандарты налогового консультирования должны представлять собой основные, общие рекомендации, которые нуждаются в кодификации.

В настоящее время ведутся споры о необходимости разработки закона о налоговом консультировании. По мнению Черника Д. Г.: «Закон нужен для того, чтобы защитить налогоплательщика от недостаточно квалифицированного, недобросовестного налогового консультанта»².

Главная цель разработки законопроекта «О налоговом консультировании» – сформулировать правила организованного рынка консультационных услуг в сфере налогообложения.

Изучение законопроектов позволяет сформировать мнение о дискуссионности некоторых из содержащихся в них положений.

Прежде всего, нужно качественно улучшать налоговое законодательство, осуществлять назревшую налоговую реформу в сфере налогового консультирования, в связи с тем, что данная область консультирования достаточно быстро развивается и ей необходима нормативно-правовая регламентация.

По нашему мнению, законное налоговое консультирование должно быть разрешено специальной категории лиц-профессионалов, которые допускаются к этой деятельности на законных основаниях после получения соответствующего

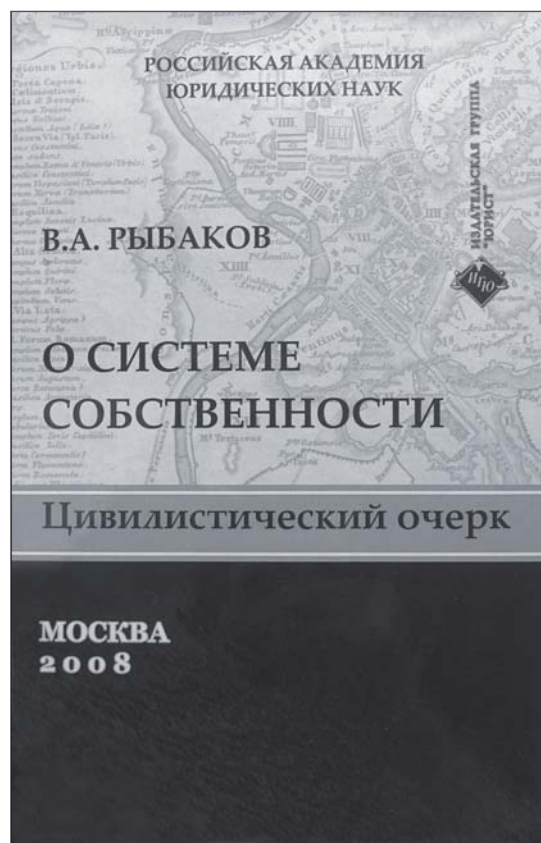
образования в высшем учебном заведении в рамках дополнительного, профессионального образования (повышении квалификации, профессиональная переподготовка, удостоверенные государственным образовательным документом).

Деятельность по налоговому консультированию осуществляется в целях содействия в своевременной уплате законно установленных налогов и обеспечения защиты прав и законных интересов участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах.

Сегодня налоговые споры являются самыми сложными по рассмотрению и возможным последствиям категорий дел. Поэтому роль специалиста, именуемого «хороший налоговый консультант», возрастает с каждым днем.

Пристатейный библиографический список

1. Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.
2. Черник Д. Г., Кириенко Л. С. Налоговое консультирование. – М.: Экономика, 2012.

2 Черник Д. Г., Кириенко Л. С. Налоговое консультирование. – М.: Экономика, 2012. – С. 54.

Сулейманова А. Ш.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЛОГА НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются правовые механизмы совершенствования налога на доходы физических лиц. Совершенствование подоходного налогообложения является одним из ключевых этапов реформирования налоговой системы на современном этапе. На современном этапе реформирования налоговой системы необходима разработка концепции налогообложения доходов граждан, которая должна учитывать специфические особенности государственной системы России.

Ключевые слова: налог на доходы, налоговое законодательство, налогоплательщик, налоговая нагрузка, налоговые вычеты.

Suleymanova S. A.

LEGAL MECHANISMS TO IMPROVE THE TAX ON INCOMES OF PHYSICAL PERSONS

The article discusses the legal mechanisms to improve the tax on incomes of physical persons. Improvement of income taxation is a key step in the reform of the tax system at the present stage. At the present stage of reforming the tax system it is necessary to develop the concept of taxation of income of citizens, which must take into account the specific features of the state system of Russia.

Keywords: income tax, tax laws, taxpayer, tax burden, tax deductions.

Налог на доходы физических лиц является прямым, федеральным, регулирующим налогом. Он действует на территории всей страны, взимается непосредственно с доходов налогоплательщика по единым ставкам, используется для регулирования доходов нижестоящих бюджетов в виде процентных отчислений по нормативам, утвержденным в установленном порядке на очередной финансовый год. Плательщиками данного налога выступают, исключительно физические лица: как резиденты, так и нерезиденты. Объектом налогообложения у налоговых резидентов выступает доход, полученный ими в налоговом периоде от источников, как в России, так и за ее пределами. В отличие от них для налоговых нерезидентов объектом обложения является доход, полученный исключительно из источников, расположенных в РФ.

В связи с противоречивостью публичных и частных интересов в сфере налогообложения, государство, защищая публичные (общественные) интересы, вынуждено применять специальный механизм взаимодействия с налогоплательщиками, который, в конечном счете, призван обеспечить надлежащее поведение каждого лица по исполнению им налоговой обязанности¹.

На современном этапе реформирования налоговой системы необходима разработка концепции налогообложения доходов граждан, которая должна учитывать, как мировой опыт, так и специфические особенности государственной системы России. Определим основные принципы подоходного налогообложения:

- распределение налоговой нагрузки необходимо осуществлять пропорционально полученными налогоплательщиками доходами;
- от обложения налогом освобождаются лица, чьи доходы равны или ниже прожиточного минимума;
- величина налога обязана быть такой, которая у физических лиц не подорвет стимулы к труду;
- наличие административных издержек – негативный фактор, наличие которого необходимо минимизировать.

Налогообложение в России имеет ряд объективных и субъективных трудностей:

1. отсутствие стабильной политики в области экономики и финансов;
2. недостатки налогового законодательства, заключающиеся в его запутанности и неоднозначности трактовки законодательных и нормативных актов;
3. невысоким уровнем дохода большей части населения;
4. наличие случаев массового уклонения от налогообложения.

Налог на доходы физических лиц также далек от совершенства. Так, учет и применение льгот по данному налогу достаточно сложны. В связи с этим, в него постоянно вносятся поправки и изменения, регулирующие порядок его исчисления и взимания.

Тем не менее, можно определить и положительные моменты: новая налоговая реформа, направлена на понижение налоговой нагрузки на налогоплательщика, значительно расширяется система льгот в подоходном налогообложении, включены вычеты (социальные, имущественные и профессиональные).

В настоящее время Налоговый Кодекс предоставляет право на применение социального налогового вычета по налогу на доходы физических лиц в части перечисленной налогоплательщиком сумм платы за свое обучение, при этом подобный вычет не применяется в части уплаты процентов по образовательному кредиту.

С 1 января 2014 года вступила в силу новая редакция статьи 220 Налогового кодекса РФ (Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 212-ФЗ). Она разрешает повторный имущественный вычет, но ограничивает его размер по ипотечным процентам. Эти поправки способны существенно снизить сумму НДФЛ, которую налогоплательщики будут возвращать после покупки жилья.

В п. 2 ст. 220 НК РФ установлено, что имущественные налоговые вычеты, в части реализации имущества предоставляются при подаче налогоплательщиком налоговой декларации в налоговые органы по окончании налогового периода. Целесообразно возложить обязанности по удержанию сумм налога на доходы на налоговых агентов, так как по окончании налогового периода большая часть потенциальных плательщиков налога на доходы самосто-

¹ См.: Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7. – С. 228-229.

тельно не представляют декларацию о доходах. Для привлечения данной категории к декларированию налоговому органу потребуются значительные трудозатраты, которые могут не компенсироваться суммами доначисленного налога на доходы физических лиц.

Ввести дополнительную статью в гл. 23 НК РФ «Особенности определения налоговой базы при осуществлении налогового контроля за расходами физического лица». Целесообразность введения данной статьи заключена в необходимости определения налогооблагаемой базы при наличии несоответствия крупных расходов физического лица его доходам.

Для повышения эффективности работы по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых правонарушений в части налогообложения физических лиц в п. 1 ст. 122 НК РФ, внести дополнение следующего содержания: «Неуплата или неполная уплата сумм налога в результате занижения налоговой базы, влечет взыскание штрафа в размере сокрытого (заниженного) дохода». Данная мера необходима для ужесточения налогового контроля в части налогообложения доходов физических лиц.

На сегодняшний день существует множество предложений по совершенствованию налога на доходы физических лиц. Одним из способов является изменение способа распределения налога между федеральным бюджетом, бюджетами субъектов и местными бюджетами – соответственно 50%, 30%, 20%.

По нашему мнению целесообразно введение четырехступенчатой шкалы подоходного налогообложения. Также предлагается внести изменения в отношении обложения налогом лиц, проживающих постоянно за пределами России, но являющихся нашими гражданами. При въезде в страну они должны будут заполнять декларацию с указанием предполагаемого работодателя и предполагаемого дохода, а при выезде передать эту декларацию представителям таможенной службы с указанием суммы фактического дохода. Если сумма фактического дохода окажется больше стоимости годовой минимальной потребительской корзины, то вместе с декларацией налогоплательщик должен передать справку об удержании налогов, выданную юридическим лицом – источником доходов. В случае если документы об уплате налогов не представлены, таможенная служба вправе решать вопрос о выезде из РФ налогоплательщика – физического лица в особом порядке.

Кроме того один из способов совершенствования налоговой системы в сфере налогообложения физических лиц – это включение его в состав региональных налогов и сборов и перечисление в соответствующие бюджеты по месту уплаты. При этом состав вычитаемых расходов будет определяться самим налогоплательщиком (произведенные им денежные и материальные затраты, прямо или косвенно связанные с профессиональной и (или) коммерческой деятельностью).

В рамках реализации концепции создания в Российской Федерации международного финансового центра был внесен ряд изменений в Кодекс, направленных на оптимизацию порядка налогообложения доходов физических лиц от операций с ценными бумагами и финансовыми инструментами срочных сделок. В Кодекс была включена новая редакция положений, регулирующих налогообложение операций физических лиц с ценными бумагами и финансовыми инструментами срочных сделок, что позволило, в частности:

– уточнить перечень расходов и порядок исчисления налоговой базы физических лиц по таким операциям, в том числе по операциям с ценными бумагами и инвестиционными паями паевых инвестиционных фондов;

– расширить перечень финансовых инструментов срочных сделок, расходы по операциям с которыми принимаются для целей налогообложения доходов физических лиц, полученных от операций с финансовыми инструментами срочных сделок;

– расширить перечень операций с ценными бумагами, расходы по которым принимаются для целей налогообложения доходов физических лиц, полученных от операций с ценными бумагами (за счет операций РЕПО и займа ценными бумагами);

– сократить число групп доходов физических лиц от операций с ценными бумагами и финансовыми инструментами срочных сделок, налоговая база по которым определяется отдельно;

– уточнить порядок налогообложения доходов физических лиц, полученных в виде материальной выгоды при совершении операций с ценными бумагами и инвестиционными паями паевых инвестиционных фондов;

– предусмотреть возможность переноса на будущие периоды убытков, полученных физическими лицами в результате совершения операций с ценными бумагами и финансовыми инструментами срочных сделок, обращающимися на организованном рынке.

Таким образом, внесенные изменения не только исключают пробелы налогового законодательства в отношении определенных видов операций физических лиц, но и способствуют устранению неопределенности. Отмечаются тенденции к сокращению числа групп доходов физических лиц от операций с ценными бумагами и финансовыми инструментами срочных сделок, налоговая база по которым определяется отдельно.

Пристатейный библиографический список

1. Залибекова Д. З. Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства // Евразийский юридический журнал. 2015. – № 7. – С. 228-230.

Ибрагимова Х. А.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 285 УК РФ.

Статья посвящена уголовно-правовому анализу объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Ключевые слова: должностные преступления, объективная сторона, использование должностным лицом своих полномочий, наступление последствий, причинная связь, противоправная деятельность.

Ibragimova Kh. A.

SOME ISSUES OF CRIMINAL LEGAL ANALYSIS OF THE OBJECTIVE ELEMENT OF THE CRIME UNDER THE ARTICLE 285 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RF

The article is devoted to criminal legal analysis of the objective element of the crime under the Article 285 of the Criminal Code of the RF.

Keywords: malfeasance, the objective element, the use by the official of the authority, ensuing of consequences, causality, illegal activity.

Объективная сторона преступления есть процесс общественно-опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемого с его внешней стороны, с точки зрения «последовательности развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»¹.

В ст. 285 УК РФ объективная сторона рассматриваемого состава сформулирована как «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние... повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства».

Другими словами, объективная сторона любого преступления характеризуется наличием, в общем виде, трех характерных признаков:

1. Деяние (действие или бездействие).
2. Преступные последствия.
3. Причинная связь между деянием и последствием.

Таким образом, объективная сторона рассматриваемого состава преступления выражается в следующих признаках:

1. Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы.

2. Наступление в результате этого последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан и организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

3. Наличие причинной связи между преступным деянием и наступившими последствиями. Применительно к должностным преступлениям следует установить связь между противоправным деянием должностного лица и наступившими последствиями в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

Возвращаясь к анализу конструкции ст. 285 УК РФ, мы хотим высказать несогласие с мнением некоторых ученых (которое, кстати, одержало верх в новом уголовном законе), которые считают, что под использованием должностных полномочий следует понимать такие действия должностного лица, которые вытекают из его служебных полномочий и были связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми это «должностное лицо наделено в силу занимаемой должности»².

В рамках УК речь должна идти об «использовании должностным лицом своих служебных полномочий», а не

об «использовании должностным лицом своего служебного положения». Не является таким использованием действия должностного лица, не связанные с его правами и обязанностями по службе, например, использование своего авторитета. Данный шаг законодателя нам представляется ошибочным, ибо он в какой-то степени легализовал так называемое «телефонное право». Нам представляется, что подобного рода действия должны находить самостоятельную уголовно-правовую оценку, а не рассматриваться при наличии необходимых условий в контексте института соучастия. И поэтому мы присоединяемся к мнению ученых, которые полагают, что использование должностным лицом своего служебного положения может иметь место не только в пределах его служебных обязанностей, но и в использовании своего авторитета, влияния вне пределов действия своих служебных обязанностей. Дело в том, что в криминологической литературе утвердилось мнение, согласно которому в структурах власти формируется «система определенных отношений» в чиновничьей среде как криминогенный фактор коррупции. Если в послевоенное время (сталинский и первая половина хрущевского периода) должностные преступления были направлены на решение простейших задач, простота которых была обусловлена особенностями политической и экономической жизни того периода, то особенно в последнее время все больше места в комплексе корыстно-должностных преступлений занимают деяния, подразумевающие усложненную процедуру и длительность сомнительных с точки зрения законности взаимодействий.

По мнению группы авторов, очень редко должностное лицо может извлечь незаконную выгоду из своего служебного положения, действуя изолированно, «не вовлекая в свою противоправную деятельность других людей, как это бывает при сокрытом от других присвоении не принадлежащих чиновнику средств»³.

Представляется важным далее отметить и то, что у законодателя, кроме оснований для оценки злоупотреблений должностными лицами, основанных на авторитете, влиянии последних (о чем было сказано выше), есть уже механизмы уголовно-правовой регламентации подобного рода действий. В этой связи вызывает некоторое недоумение половинчатость шагов законодателя при конструировании составов должностных преступлений.

В УК РФ законодательная модель состава ст. 290 допускает указанные в диспозиции действия «в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействия)

1 См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 9.

2 Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета. – 1998. – 19 февраля. – С. 5.

3 См.: Криминальная ситуация в России и ее изменения. – М.: Криминологическая ассоциация, 1996. – С. 80.

входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе»⁴.

С учетом изложенного очевидно, что действия должностного лица, связанные со злоупотреблением своим статусом, недостаточно обоснованно ограничены по сравнению с теми действиями, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность за получение взятки. Нам представляется это неправильным. В рассматриваемом аспекте статьи должны быть смоделированы аналогично. В этом смысле мы согласны с авторами, которые считают, что многие должностные злоупотребления останутся «вне пределов действий уголовного закона, и сфера уголовно-правовой борьбы с должностными преступлениями необоснованно сузится» и, более того, совершенные должностным лицом антисоциальные деяния, кроме непосредственно связанных со службой, могут совершаться и с использованием должностного влияния и должностных возможностей»⁵. Определенный софизм мы видим в том, что некоторые ученые, признавая возможность, когда «должностное лицо при совершении должностного злоупотребления использует не только полномочия по службе, но и служебный авторитет и другие возможные средства воздействия», предлагают его расценивать как «административный или дисциплинарный проступок, если в его действиях нет признаков иного состава преступления».

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что достаточно большая категория должностных злоупотреблений связана не столько со злоупотреблением своими непосредственными обязанностями по службе, сколько с реализацией возможностей того или иного должностного лица, основанных на личном авторитете, влиянии вне пределов своей компетенции и т.д. Следовательно, необходимо решить вопрос об уголовно-правовой регламентации подобного рода действий должностных лиц. Разумеется, это существенно расширяет состав, однако соображения целесообразности построения данного состава, исходя из приоритетов, связанных с формированием эффективных уголовно-правовых форм борьбы с коррупцией, заставляет думать именно в этом направлении. Вопрос не в том, следует ли в рамках статьи п. 3 расширять объем действий должностного лица, требующих при определенных условиях уголовно-правовой оценки; вопрос в том, в какой форме должна быть сформулирована уголовно-правовая регламентация действий должностного лица, непосредственно не связанных с его служебными обязанностями. Далее, приступая непосредственно к уголовно-правовому анализу объективной стороны рассматриваемого состава преступления, следует отметить, что данное преступление может быть совершено как в форме действия, активного использования должностным лицом своих полномочий, так и в форме бездействия, когда должностное лицо «сознательно не исполняет своих обязанностей (например, попустительствует преступлению)»⁶. Относительно данного положения в научных кругах демонстрируется полное единодушие. Возражения, касающиеся возможности осуществления объективной стороны ст. 285 УК РФ в форме преступного бездействия, были убедительно опровергнуты в ряде научных работ. Речь в данном случае идет об умышленном бездействии, а не о неосторожном, как при халатности.

Важно отметить, что при бездействии, т.е. неисполнении должностным лицом обязанностей по службе, трудно говорить об использовании полномочий; скорее, это будет неиспользование полномочий. В связи с этим представляется правильным предложение, которое вносили некоторые ученые, наряду с составом «злоупотребление служебным положением» (ст. 301): в Модельном уголовном кодексе для государств – участников СНГ предусматривалась «ответственность и за умышленное бездействие по службе (ст. 302)»⁷.

Представляется важным дать некоторые пояснения по этому вопросу с учетом изложенного выше предложения рассматривать злоупотребления в рамках данного состава несколько шире, чем это предусмотрено в законе, то есть не как «злоупотребление должностными полномочиями», а как «злоупотребление служебным положением».

Преступное бездействие отличается от такой формы противоправного поведения должностного лица, как действие, по характеру внешнего проявления, способу воздействия на правоохраняемый объект и специфике причинно-следственной связи. Особенность бездействия, таким образом, заключается в несовершении общественно-полезного действия, которое «должностное лицо могло и должно было совершить в силу возложенных на него правовых обязанностей»⁸.

Следовательно, если преступное действие в рамках расширенного понимания должностного злоупотребления предполагает не только нарушение непосредственных обязанностей должностного лица, но и совершение преступных действий, связанных с реализацией своего влияния и авторитета, то реализация преступного бездействия может быть связана с несовершением только тех действий, которые лицо должно было совершить по закону либо по специальному правилу.

Пристатейный библиографический список

1. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М., 1975.
2. Криминальная ситуация в России и ее изменения. – М.: Криминологическая ассоциация, 1996.
3. Криминология: Учеб. для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антоныя. – М., 2012.
4. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М.: БЕК, 1998. – С. 126.
5. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – М., 1999.
6. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960.
7. Модельный УК для государств – участников СНГ // Правоведение. – 1996. – № 1.
8. Петрожицкая Т. М. Уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебным положением по законодательству Республики Казахстан: Дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 1997.
9. Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета. – 1998. – 19 февраля.
10. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учеб. для бакалавров / В. В. Сверчков. – М.: Юрайт., 2012.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации. С приложением, указателем судебной практики и сопоставительной таблицей: Справочное издание. – Краснодар, 1997.
12. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н. Г. Иванов. – М.: «Экзамен», 2013.

4 Уголовный кодекс Российской Федерации. С приложением, указателем судебной практики и сопоставительной таблицей: Справочное издание. – Краснодар, 1997. – С. 174.

5 Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М., 1975. – С. 222.

6 Петрожицкая Т. М. Уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебным положением по законодательству Республики Казахстан: Дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 1997. – С. 34.

7 Модельный УК для государств-участников СНГ // Правоведение. – 1996. – № 1.

8 Уголовное право Общая и Особенная части: Учеб. для бакалавров / В. В. Сверчков. – М.: Юрайт., 2012. – С. 430.

Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются особенности классификации и типологии жертв преступлений против жизни и здоровья человека, учет специфических характеристик поведения потерпевших для их дифференциации.

Ключевые слова: жертва преступлений, типологические построения, специфические характеристики, потерпевшие с виктимным поведением, психическая аномалия, потенциальные жертвы.

Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A.

SOME ISSUES OF CRIMINAL LEGAL ANALYSIS OF CLASSIFICATION AND TYPOLOGY OF VICTIMS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

The article deals with the features of classification and typology of victims of crimes against human life and health, consideration of the specific characteristics of the victim's behavior for their differentiation.

Keywords: the victim of crime, typological construction, specific characteristics, victims with victim behavior, mental abnormality, potential victims.

Жертвой преступления признается любое физическое лицо, социальная общность, организация, которому преступлением причинен физический, материальный или моральный ущерб.

Жертвой преступления могут выступать как физические, так и юридические лица (социальные общности), которым непосредственно был причинен ущерб преступлением, девианты в преступлениях без жертв (первая жертва), а также члены семьи, близкие лица, родственники, иждивенцы первичных жертв (рикошетные жертвы).

Исследования ученых указывают на правомерность выделения в типологических построениях жертв тяжких телесных повреждений в самостоятельную типологическую группу, ибо и мотивация таких преступлений, и общая структура криминальной ситуации нередко существенно отличаются от ситуаций, наиболее характерных для убийств и изнасилований.

В свою очередь, типологическая характеристика жертв убийств нуждается в большей дифференциации, причем не только и не столько в силу личностных качеств жертв, сколько в силу своеобразия новых разновидностей таких преступлений, как убийство (например, заказные убийства, серийные убийства и т. д.).

С этой точки зрения, особый интерес представляют результаты специального исследования серийных сексуальных убийств.

По результатам этого исследования криминологи, психологи и психиатры пришли к следующей типологической классификации жертв серийных сексуальных убийств:

А. Потерпевшие, не способные самостоятельно оценить опасность предпреступной ситуации – в основном сюда относятся дети и лица с психическими отклонениями, если они оказываются вне сферы влияния лиц, обязанных их контролировать и защищать.

Б. Потерпевшие, способные сами адекватно оценить опасность ситуации, но не допускающие наступления криминальных последствий, поскольку преступники являлись их родственниками или знакомыми.

В. Потерпевшие – жители сельской местности, подвергнутые нападению в своих домах. Нередко корыстные преступления здесь (грабеж или разбой) перерастают в изнасилования, а затем и убийства.

Г. Потерпевшие, способные самостоятельно оценить опасность ситуации, но пренебрегшие безопасностью по другим, зачастую ситуативным (порой вынужденным) обстоятельствам (например, женщины, следующие поздно вечером по безлюдным местам без сопровождающих и т. п.).

Д. Потерпевшие, способные самостоятельно оценить опасность ситуации, но, тем не менее, своим поведением спо-

собствующие трагической развязке – в основном это женщины, не особенно разборчивые в установлении контактов с незнакомыми людьми, либо те, которые находились в состоянии алкогольного опьянения. Как показало исследование, среди жертв серийных сексуальных убийств значительно преобладают женщины, дети, а иногда и взрослые того и другого пола. При этом общим для всех преступлений, совершаемых сексуальными маньяками и убийцами, является множественность эпизодов и, соответственно, числа жертв, а также необыкновенная жестокость серийных убийц.

Столь специфические характеристики не могут быть распространены на всех жертв и вообще на все многообразие ситуаций, в которых совершаются убийства. В этом смысле традиционные, так называемые общеуголовные убийства, также образуют достаточно широкую палитру ситуаций, куда входят и бытовые конфликты, и убийства по неосторожности, и «случайные» убийства и, разумеется, корыстно-насильственные посяательства. Во всех этих ситуациях поведение потерпевших колеблется в весьма широких пределах от явно провоцирующего до абсолютно правомерного (например, в случаях необходимой обороны).

Как показывает практика, между двумя этими полюсами находится многообразие хотя и не противоправных, но так или иначе «неправильных» с моральной и нравственной точек зрения действий, порой составляющих административные деликты или неосторожное причинение вреда. Поэтому нередко лишь удача и случайное стечение обстоятельств решает исход конфликтной ситуации – кто станет жертвой, а кто убийцей (типичным примером является обоюдная драка, причем как затеянная самим потерпевшим, так и тем, кто в ходе ее стал убийцей).

Отсюда вытекают значительные трудности построения классификаций и типологии жертв такого рода убийств. Обычно они строятся по трем основаниям (признакам): а) личностному; б) поведенческому; в) по характеру отношений между жертвой и виновным в убийстве.

Так, по поведенческому критерию можно дифференцировать классификацию потерпевших.

• Потерпевшие, поведение которых направлено на противодействие правонарушителю. Этим лицам причинен физический, имущественный или моральный вред в связи с их действиями по пресечению преступлений. Указанные потерпевшие характеризуются в основном положительным поведением, отличаются высокими моральными качествами, добросовестным выполнением общественного и служебного долга (невиктимное поведение).

• Потерпевшие, действия которых не находятся в причинной связи с совершением преступления (нейтральное поведение).

• Потерпевшие с виктимным поведением (отрицательным, аморальным, рискованным, провокационным.) Под аморальным поведением понимается совокупность систематически повторяющихся поступков человека, противоречащих по содержанию существующим в нашем обществе нравственным нормам, принципам, идеалам.

По характеру отношений между жертвой и виновным в убийстве Ю. М. Антонян делит потерпевших на следующие группы: супруги и сожители; соседи; работавшие вместе с убийцей или как-то связанные с ним совместной деятельностью; совместно проводившие с ним досуг; лица, находившиеся с убийцей в близких отношениях; в товарищеских отношениях, наконец, лица, просто знакомые с преступником; лица, незнакомые с убийцей, которых преступник выслеживал для последующего нападения с целью ограбления и (или) изнасилования; «случайные» потерпевшие (нападающие на первого встречного или же, например, посторонние лица, убитые при уличной перестрелке между бандитами)¹.

Одним из важных оснований для разграничения типов связей между преступником и жертвой убийства и причинения вреда здоровью человека выступает характер социальных контактов, существовавших до совершения преступления между преступником и потерпевшим.

В этой связи в зависимости от степени близости, интенсивности и продолжительности отношений с преступником мы предлагаем разделить потерпевших на три группы.

К первой относятся лица, состоящие с преступником в различных отношениях родства, свойства, а также в фактических брачных отношениях. Так, Б-в, ранее неоднократно судимый, сожительствовал с Щ-вой в течение 9 лет, но из-за частых ссор ушел к другой. Щ-ва на почве ревности устраивала скандалы, мешая спокойному проживанию Б-ва, в результате чего 22.02.95 г. Б-в в своей квартире в ходе совместного распития спиртного, в ходе ссоры, нанес удар ножом Щ-вой в грудь, в результате чего она скончалась на месте происшествия².

Ко второй – знакомые: а) по месту жительства, месту рождения; б) по совместной работе, учебе, службе в армии, общественной деятельности, совместному проведению отдыха и досуга (туристы, рыболовы, спортсмены и т.п.); в) по случайным встречам на улице, в клубах, дискотеках и т.д.; г) в результате участия в преступной деятельности; д) иные знакомые. Эта группа характеризуется различными параметрами знакомства, которое может быть очное, заочное (например, по описаниям знакомых, по переписке); длительное, кратковременное; близкое (друзья, приятели и т.п.), поверхностное; обоюдное, одностороннее (когда лишь один знает другого или о другом); случайное и т.д.

В третью группу входят потерпевшие, не знакомые с преступником, встретившиеся с ним непосредственно перед совершением преступления либо на почве или в связи с исполнением своих служебных обязанностей (работники милиции, сторожа, инкассаторы, водители такси и др.) Кроме этого, полагаем, можно выделить особую группу потерпевших, не догадывающихся об умысле преступника на убийство их. В эту группу входят заказчики убийств. Они в большинстве случаев знакомы, но потерпевший сталкивается только с исполнителем.

Разумеется, из общего числа жертв убийств могут быть выделены наиболее специфические группы, куда входят лица, отличающиеся в силу различных субъективных и объективных факторов повышенной виктимностью или повышенной опасностью риска. К ним, в частности, относятся лица с психиче-

скими отклонениями, чье поведение зачастую носит провоцирующий характер, ибо они инициируют конфликт.

Сам факт присутствия психической аномалии, как известно, препятствует должной социализации личности, формированию необходимой сдержанности и взвешенности своих действий. С другой стороны, лица с психическими отклонениями обычно излишне доверчивы и восприимчивы, они объективно не способны адекватно оценить опасную ситуацию и потому чаще других становятся жертвами убийств.

Представляется также неправильным исключать рикошетных жертв и субъектов преступлений без жертв из совокупности объектов, охватываемых понятием «жертва преступления» по тем основаниям, что первые только опосредованно связаны с преступлением, а вторые, мол, сами своим поведением создали неблагоприятные последствия, приведшие к криминальному результату (например, преступления, связанные с немедицинским употреблением наркотиков).

Рикошетные жертвы испытывают такие же страдания и проявляют такие же симптомы психологических затруднений, как и первичные жертвы. Члены семей жертв убийств, партнеры и супруги изнасилованных женщин, родители ограбленных подростков, родственники потерпевших от краж и иных преступлений описывают сходные психологические «симптомы» от непрямой виктимизации, так же как и прямые жертвы.

Среди потенциальных и реальных жертв убийств исследователи выделяют, далее, группу лиц, которые по своему социальному и должностному положению, а следовательно, и по своему поведению обладают повышенной виктимностью, и потому вероятность стать жертвой убийств среди них выше³. Это чаще всего предприниматели, финансисты, лица, связанные с распределением финансовых средств, определенных заказов и т.п., а с другой стороны, просто состоятельные или весьма богатые лица: сюда же входят работники специфической сферы финансовой деятельности – инкассаторы, кассиры, контролирующие органы, наиболее часто в силу характера их работы контактирующие с преступниками или выполняющие специальные задания, а также военнослужащие, оказавшиеся в зоне конфликтов работники хранилищ.

Борьба за сферы влияния, войны за «территорию», битвы между «крышами» и разборки между бандитами сегодня, к сожалению, стали обыденным явлением, воспроизводящим и без того растущее число жертв насилия, и в эту борьбу оказываются втянутыми самые различные типологические категории реальных и потенциальных жертв насильственных преступлений.

Таким образом, глубокие психологические исследования личности потерпевшего и преступника дают возможность выявить причины конфликтной ситуации и наметить пути их преодоления, т.е. осуществить индивидуальную профилактику.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Потапов С. А., Шостакович Б. В. Серийные сексуальные убийства. Криминологическое и патопсихологическое исследование. – М., 1997.
2. Криминология: учебник для бакалавров под редакцией Ю. М. Антонян. – М., 2012.
3. Немчинов В. С. Избранные произведения. – М., 1967. – Т. 1.
4. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – М., 2002.
5. Уголовное дело № 1 -525 / Архив Федерального суда Советского района г. Махачкалы за 2005 г.
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. для вузов. / Н. Г. Иванов. – М.: Издательство «Экзамэн», 2013.
7. Урланис Б. Д. Общая теория статистики. – М., 1973.

3 Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – М., 2002. – С. 44.

1 См.: Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Потапов С. А., Шостакович Б. В. Серийные сексуальные убийства. Криминологическое и патопсихологическое исследование. – М., 1997. – С. 54–63.

2 Уголовное дело № 1 -525 / Архив Федерального суда Советского района г. Махачкалы за 2005 г.

Абдулмуслимова Л. Г.

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена уголовно-правовому анализу классификации и типологии жертвы преступлений с точки зрения разных авторов.

Ключевые слова: жертва преступления, виктимологическая характеристика, типология жертвы, стереотип поведения, конфликтные отношения.

Abdulmuslimova L. G.

REVISITING CLASSIFICATION AND TYPOLOGY OF VICTIM OF CRIME AGAINST LIFE AND HEALTH

The article is devoted to criminal legal analysis of classification and typology of victim of crime from viewpoint of the different authors.

Keywords: crime victim, victimological characteristic, typology of victim, behavioral stereotype, conflictual relations.

Жертва преступления выступает стержневым понятием виктимологии. Являясь одним из ключевых компонентов процесса виктимизации, жертва преступления и ее виктимное поведение выступают одним из главных объектов виктимологических исследований.

Достаточно полная, научно обоснованная классификация главного объекта виктимологических исследований, то есть жертвы преступлений, позволяет, с одной стороны, более целенаправленно вести научные разработки в этой отрасли, а с другой стороны – предметнее, с большими шансами на успех, намечать и осуществлять предупредительные, профилактические мероприятия в отношении тех граждан, личностные качества и поведение которых делают их более предрасположенными становиться жертвами преступлений.

Виктимологическая характеристика личности жертвы приобретает научную и практическую значимость только при определенной систематизации черт, свойств и социальных связей личности жертвы. Этим целям служат типология и классификация жертв преступлений. В виктимологической литературе по существу еще не проводилось разграничения между этими двумя понятиями. Интересен в этом плане подход Д. В. Ривмана, который предлагает рассматривать типологию как вид классификации. Он отмечает два уровня классификации – группировку и типологию¹. Между тем вопросы классификации и типологии достаточно глубоко исследованы в криминологической литературе.

Классификация преследует цель распределения статистической совокупности на определенные классы, разряды и категории².

В основании классификации, в зависимости от поставленных целей, могут лежать любые теоретически обоснованные критерии.

Классификация фактически способствует изучению не личности, как определенного рода целостности, а контингента лиц, подверженных стать (ставших) жертвами преступления. При этом устанавливаются особенности статистической распространенности в соответствующих контингентах жертв тех или иных виктимологически значимых признаков.

Типология выявляет и ранжирует наиболее существенные, закономерно (объективно) присущие только данному типу личности признаки, свойства и связи, которые в своей совокупности и образуют суть данного явления. Она фиксирует то главное, без чего нет и не может быть личности определенного типа. Типология, в отличие от классификации, выступает как «типологическая дифференциация сложных явлений, дающая возможность выделять более или менее однородные единицы и отбирать индивидуальные величины одного и того же вида»³.

В работах разных авторов содержатся различные основания для классификации жертв преступления. Так, Л. В. Франк предлагает следующую схему оснований классификации пострадавших. В зависимости от признаков преступлений, причинивших вред включаются в первую очередь преступления с одним общим объектом – потерпевшие в области половых преступлений, дорожно-транспортных и т. д. Далее исследование потерпевших от отдельных видов преступлений: убийства, мошенничества и т. д. Сюда же автор предлагает относить пострадавших по некоторым элементам субъективной стороны преступления (например, пострадавших от неосторожных преступлений, совершенных на почве мести, а также классификации по другим признакам состава преступления. Автор классифицирует также жертвы в зависимости от отношений к преступнику, по демографическим признакам, по нравственно-психологическим особенностям, по признакам различного рода «атипичности жертвы», а также по признакам поведения – агрессивные пострадавшие и агрессивные жертвы.

1. Агрессивные насильники общего плана подразделяются на:

- а) корыстных, поведение которых связано с нападением в целях завладения имуществом;
- б) сексуальных, поведение которых связано с нападением с целью совершения половых преступлений;
- в) хулиганов;
- г) негативных мстителей, поведение которых связано с нападением в ответ на негативное поведение других лиц;
- д) лиц психически больных с повышенной агрессивной возбудимостью;

2. Избирательно агрессивные насильники подразделяются на:

- а) агрессивных, поведение которых связано с нападением с целью завладения имуществом и направлено на определенное лицо;
- б) сексуальных, то есть совершающих нападение с целью совершения полового преступления в отношении конкретного лица;
- в) семейных деспотов, применяющих физическое насилие в отношении членов семьи;
- г) скандалистов, применяющих физическое насилие в отношении соседей, сослуживцев, знакомых;
- д) негативных мстителей, реагирующих нападением в ответ на негативное поведение не любого, а лишь определенного лица;
- е) лиц, психически больных с повышенной агрессивной возбудимостью в отношении не любого, а только определенного лица.

3. Агрессивные провокаторы общего плана подразделяются на хулиганов, негативных мстителей, лиц, психически больных, поведение которых агрессивны, но не связано с нападением.

4. Избирательно агрессивные провокаторы – это семейные деспоты, скандалисты, лица психически больные

1 Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – М., 2002. – С. 83.

2 Урланис Б. Д. Общая теория статистики. – М., 1973. – С. 67.

3 Немчинов В. С. Избранные произведения. – М., 1967. – Т.1. – С. 361.

с избирательной агрессивной реакцией. Агрессивные провокаторы общего плана сознательно создают конфликтную обстановку своим поведением, которое выражается в угрозах, клевете, приставаниях, оскорблениях и в другом. Избирательно агрессивные провокаторы направляют свое поведение не в отношении любых, а определенных лиц⁴.

Активные пострадавшие. В эту группу входят жертвы, поведение которых не связано с нападением или толчком в форме конфликтного контакта, но они активно способствуют причинению вреда самим себе. Они подразделяются на:

а) сознательных подстрекателей, обращающихся с просьбой о причинении им вреда;

б) неосторожных подстрекателей, поведение которых объективно в форме какой-либо просьбы иным способом толкает преступника на причинение вреда, но сам пострадавший этого не сознаёт;

в) сознательных самопричинителей, умышленно причиняющих себе вред;

г) неосторожных самопричинителей, вред которым причинен их собственными неосторожными действиями в процессе совершения иного умышленного или неосторожного преступления.

Инициативные пострадавшие – в эту группу входят лица, поведение которых имело положительный характер, но привело к причинению им вреда. Другими словами, это лица, положительное поведение которых обращает на них преступные действия причинителя вреда.

Пассивные жертвы – лица, не оказывающие сопротивления, противодействия преступнику по различным причинам. Они подразделяются следующим образом на:

а) объективно неспособных к сопротивлению – стабильно или временно, например, по возрасту, физической слабости, беспомощному состоянию;

б) объективно способных к сопротивлению, но не оказывающих его из-за трусости, боязни огласки, спасения собственной ответственности, нежелания ответственности причинителя вреда.

Некритичные жертвы – лица, проявляющие неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации. Некритичность может проявиться как на базе негативных (алчность, жадность), так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость) характеристик.

Некритичные жертвы могут быть также общего плана – некритично воспринимающие любые жизненные ситуации; избирательно некритичными – некритично воспринимающие лишь ситуации определенного содержания.

Нейтральные пострадавшие – поведение данных лиц никак не способствовало совершению против них преступления⁵.

Следует также различать потенциальных жертв (в отношении которых реального причинения вреда еще не произошло), реальных жертв (уже понесших ущерб), а также латентных жертв (реальных, но по тем или иным причинам оставшихся вне официального учета). Наиболее интересны для виктимологии латентные жертвы, намеренно избегающие огласки факта причинения им вреда.

С точки зрения своей «виктимологической биографии» жертва может быть пострадавшей один (однократно) и не сколько раз (повторная жертва, жертва-рецидивист), случайная (ситуативная) и предрасположенная (условно-виновная).

В рамках «агрессивного типа» выделяют мужчин двух перекрывающихся друг друга возрастных групп. В одной из них – от 20 до 40 лет – потерпевшие обрисованы как лица с низким культурным и образовательным уровнем, с примитивными интересами и потребностями, плохо оценивающие перспективы развития криминологической ситуации; они резки

и грубы, плохо владеют собой, склонны к злоупотреблению спиртным, охотно идут на конфликт и даже ищут ссоры.

Определяющий мотив поведения таких лиц – мстительность, корысть, сексуальные потребности. Многие из этих черт присущи и потерпевшим из возрастной группы от 30 до 50 лет, хотя они слабее в физическом отношении. С причинителем вреда они чаще находятся в стабильных отношениях, но нередко его агрессивные действия обращены и на незнакомых лиц. Особая разновидность этого типа – семейные деспоты, но даже их типология вариативна. Среди женщин – жертв агрессивного типа – Д. В. Ривман выделяет лиц в возрасте 20–35 лет, чаще всего замужних или имеющих сожителя, их культурный и образовательный уровень также низкий, употребление спиртных напитков неумеренное; они грубы и резки, намеренно идут на скандал и оскорбления, угрожают мужьям выселением и обращением в милицию; конфликтные отношения чаще всего достигают «пики», когда необходимость в материальной поддержке мужа отпадает.

Среди других женских типов жертв Д. В. Ривман особо выделяет «пассивный тип» – нередко это женщина легкого поведения, не скрывающая, а иногда и бравирующая своим образом жизни. Аналогичный тип потерпевшего характерен, по мнению указанного исследователя, и для мужчин – чаще всего более старшего возраста и более слабых физически, как правило, связанных с преступником родственными или другими стабильными отношениями. В силу этого они стремятся подыскать оправдание поведению преступника, тем более что нередко зависят от него материально. Криминологическая ситуация, которая, в конечном счете заканчивается убийством, обычно растянута во времени (тянется годами).

И, наконец, «инициативный тип» – мужчины-жертвы. Это, как правило, лица активного возраста, смелые и решительные, зачастую самонадеянные, готовые рисковать в целях защиты или пресечения преступления. Такого типа потерпевшие встречаются и среди женщин, однако чаще всего это лица, вовлечение или вмешательство которых в конфликтные ситуации связано с их профессиональной деятельностью.

Итак, в детальной классификации жертв, в описании их типологических признаков Д. В. Ривман, как уже отмечалось, акцентирует внимание на «нравственно-психологических особенностях» потерпевших, к которым он относит, однако, такие весьма разнопорядковые явления и психологические категории, как алкоголизм и наркомания, жадность, деспотизм, половая распущенность, агрессивность, грубость, трусость, жестокость, мнительность, пассивность, доверчивость, доброта, некритичность и т. п.

При всей ценности разработок Д. В. Ривмана, видимо, более точным будет установление определенных границ между собственно психологическими категориями, характеризующими личность жертвы, и теми характеристиками материальной среды, в которой эти личностные особенности проявляются в наиболее типичных ситуациях. Это тем более важно потому, что указанные явления далеко не во всех случаях типичны; как показывает практика, для жертв многих насильственных преступлений обстановка преступления не имеет с указанными явлениями ничего общего, а их нравственность и психологический облик являются вполне социально приемлемыми.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. для вузов / Н. Г. Иванов. – М.: Издательство «Экзамэн», 2013.
2. Криминология: Учеб. для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антоян. – М., 2012.
3. Немчинов В. С. Избранные произведения. – М., 1967. – Т. 1.
4. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – М., 2002.
5. Урланис Б. Д. Общая теория статистики. – М., 1973.

4 Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – М., 2002. – С. 43.

5 Там же.

Петров А. И.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫМИ ПРОИСШЕСТВИЯМИ

Причины и виновники дорожно-транспортного происшествия (ДТП) могут быть как очевидными, так и неопределенными. Расследование ДТП почти всегда сопряжено с неопределенностью вводных данных, с разночтениями ситуации в интерпретации разных свидетелей. Между тем, качество расследования преступлений против безопасности движения можно повысить, если придерживаться рекомендаций, изложенных в статье. Предлагается ранжировать все свидетельские показания по степени объективности (с учетом 6 признаков). Также предлагается классифицировать обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании наезда на пешехода (по 9 признакам). Еще одна возможность совершенствования процедуры расследования ДТП – учет и анализ особенностей личностей участников ДТП.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия (ДТП), расследование преступлений, связанных с ДТП, участники ДТП, виновники ДТП и их личностные особенности.

Петров А. И.

Petrov A. I.

ABOUT OPPORTUNITIES OF IMPROVEMENT OF INVESTIGATION QUALITY OF THE CRIMES CONNECTED WITH ROAD ACCIDENTS

The reasons and parties in fault for the road accident can be both obvious and uncertain. Investigation of road accident is always interfaced to uncertainty of introduction data, to situation different interpretations of different witnesses. Meanwhile, quality of investigation of crimes against traffic safety can be increased if to adhere to the recommendations stated in article. It is offered to range all testimony on objectivity degree (taking into account 6 signs). Also it is offered to classify the circumstances which are subject to establishment at investigation of accident of mowing down the pedestrian (by 9 signs). One more possibility of improvement of road accident investigation procedure is the record and the analysis of personal features of road accident participants.

Keywords: road accidents, investigation of the crimes connected with road accidents, participants of road accidents, parties in fault for road accidents and their personal features.

При установлении обстоятельств и причин дорожно-транспортных происшествий (ДТП) возможны самые разнообразные ситуации. Бывает, что причина и виновник ДТП абсолютно очевидны и расследование случившегося превращается в формальность; чаще процесс расследования усложнен отсутствием объективной информации.

Пример ДТП, расследование которого будет достаточно простым, приведен ниже.

В Тобольском районе Тюменской области 14.08.2015 г. произошло лобовое столкновение двух легковых автомобилей (Toyota Camry и ВАЗ-2114), в котором погибли четыре человека (27-летний водитель иномарки, 55-летний мужчина, управлявший ВАЗ-2114, и два его пассажира 53 и 54 лет). По данным УГИБДД УМВД России по Тюменской области, столкновение произошло по причине выезда иномарки на полосу встречного движения. В ходе осмотра автомобилей на месте происшествия сотрудники ГИБДД обратили внимание на спидометр в японском автомобиле, стрелка которого замерла на отметке 135 километров в час. Примечательна биография 27-летнего водителя иномарки – житель поселка Прииртышский Тобольского района, ранее уже был осужден за ДТП со смертельным исходом, совершенное им в состоянии опьянения. По его вине в 2012 г. погибли три человека. Суд назначил наказание в виде трех лет поселения. В мае 2015 г. его условно-досрочно освободили. Автомобиль, которым он управлял, ему не принадлежит. Владелец Toyota Camry утверждает, что оставил свою машину на станции технического обслуживания для замены масла, откуда она была угнана¹. Даже неспециалисту все ясно с личностью и действиями одного из участников ДТП, управлявшего Toyota Camry. Практика показывает, что достаточно

оперативно он будет посмертно обвинен в совершении преступления по ст. 264 (ч. 5 или 6) УК РФ.

Подобных, достаточно легких для расследования авто-транспортных преступлений в РФ совершается достаточно много, а целом уровень транспортной культуры населения в нашей стране невысок² и, что весьма не хорошо, устойчив во времени и практически не меняется уже в течение десятилетия³. Для очевидных виновников подобных приведенному примеру преступлений необходимо применять наказание более суровое, чем предусмотрено УК РФ в настоящий момент⁴.

Иногда же следователь сталкивается с ситуациями неопределенности, когда не ясно, что являлось причиной возникновения опасной дорожно-транспортной ситуации, впо-

1 ДТП в Тюменской области: выживших нет, виновник мог быть пьян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://72.ru/text/newsline/67333506977792.html>

- 2 Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6; Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3; Колесов В. И., Петров А. И. Использование ранговых распределений при анализе безопасности дорожного движения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участ. «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014; Петров А. И., Колесов В. И. Ранжирование регионов Российской Федерации по характеристикам автотранспортной аварийности: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
- 3 Петров А. И. Город. Транспорт. Внешняя среда. Устойчивость общественного транспорта городов в условиях неблагоприятного влияния внешней среды. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
- 4 Петров А. И. О необходимости внесения изменений в статью 264 Уголовного кодекса РФ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.

следствии переросшей в аварийную. Такую следственную ситуацию можно считать сложной (неблагоприятной). В зависимости от количества, характера и содержания формирующих факторов, сложные следственные ситуации дифференцируются на пять классификационных групп: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно неупорядоченные и комбинированные (смешанные). В той или иной мере все они прямо или косвенно связаны с информационной неопределенностью, недостатком исходных данных для принятия следователем оптимальных решений.

Главный для следователя вопрос, который одновременно является сложным: «Какова в этом виновность конкретного водителя – участника ДТП?»⁵. Обычно степень профессионализма следователя и привлеченных специалистов в расследовании ДТП играет весьма существенную роль. Обычно в таких ситуациях следователь прибегает к помощи экспертов-автотехников, которым ставится задача провести профессиональное исследование обстоятельств ДТП. Эксперты в своих изысканиях обычно пользуются отработанными методиками, учитывающими специфику происшествия, всю совокупность имеющихся исходных данных по конкретному ДТП, информацию о особенностях транспортных средств и особые характеристические данные о водителях. В результате экспертного исследования должны быть получены ответы на все поставленные следователем вопросы. По умолчанию считается, что эксперты-автотехники являются профессионалами и не могут ошибаться, а результаты автотехнической экспертизы являются корректными. На практике же весьма часто бывает, что эксперты могут ошибаться, что способствует принятию неверных решений следователями и, впоследствии, приводит к некорректным, не соответствующим проступку, решениям суда.

Особенно касается вышесказанное установления обстоятельств совершения наезда на пешеходов и привлечения виновных к ответственности. Наезд автомобиля на пешехода всегда сопряжен с неадекватными ситуации действиями водителя и пешехода, которые, скорее всего, взаимно совершают ряд роковых ошибок.

В расследовании причин наезда на пешеходов ключевая функция отведена свидетелям, которые могли бы быть очевидцами произошедшего и источниками той информации, которая впоследствии является исходной для проведения автотехнической экспертизы. При этом возникает проблема, которая зачастую является неочевидной. Суть проблемы – в легитимности свидетельских показаний и тех данных, на которых впоследствии строятся следственные версии.

Сегодня в практике работы следователя есть одна серьезная проблема – свидетельские показания разных очевидцев ДТП об одном и том же событии могут сильно различаться. Причем это касается не только субъективных показаний людей, но и вполне объективных свидетельств, например, записей авторегистраторов (качество, углы обзорности записи и т.п.).

В этой ситуации видится правильным ранжировать все свидетельские показания по степени объективности. При определении столь тонкой субстанции необходимо воспользоваться классификацией, предложенной С. В. Владимировым⁶. Будучи профессиональным следователем, он, на основании анализа более 250 уголовных дел, расследованных и рассмотренных в Самарской, Саратовской и Ульяновской областях, а также более 140 материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, разработал классификацию свидетелей ДТП с учетом различных признаков. Так, в качестве таких классификационных признаков он предлагает использовать: 1) отношение к группе участников

ДТП; 2) продолжительность запечатлевания события; 3) степень риска, которому подвергся свидетель; 4) адекватность восприятия ДТП; 5) наличие профессиональных навыков в области организации дорожного движения; 6) объем воспринятой информации.

Допустим, свидетелями наезда на пешехода было 8 человек, из них: пятеро – пешеходы, включая одного родственника, и трое – водители автомобилей, один из которых – участник ДТП. У всех были получены свидетельские показания. Анализ показал, что эти показания не во всем идентичны, причем у водителя-участника наезда на пешехода и родственника пострадавшего сильно отличались от общей массы. В случае проведения ранжирования свидетелей ДТП уже с учетом первого признака из 8 свидетельских показаний можно считать относительно объективными только 6. При анализе качества свидетельских показаний, например, с учетом профессиональной водительской подготовки свидетелей или объема запечатленной информации, из 6 свидетелей далее будут отсеяны еще 2–3. Таким образом, круг свидетелей сузится, а качество их информации – повысится. Это, разумеется, будет способствовать повышению степени объективности сбора информационных данных о механизме ДТП.

Также необходимо классифицировать и обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании наезда на пешехода. Сегодня в процессе осмотра места ДТП также собираются данные о факте произошедшего, но делается это не всегда системно, позже зачастую многие необходимые для корректного расследования данные отсутствуют. В этой связи предлагается всю информацию о произошедшем классифицировать на: 1) сведения, свидетельствующие о событии ДТП; 2) механизм ДТП; 3) дорожную обстановку, в которой произошло происшествие; 4) состояние транспортных средств; 5) последствия ДТП; 6) сведения о личности и психофизиологическом состоянии участников движения; 7) причины происшествия и обстоятельства, способствовавшие его наступлению; 8) требования Правил дорожного движения РФ, нарушенные водителем и (или) пешеходом, и их причинно-следственную связь с наступившими последствиями; 9) вину водителя и пешехода в произошедшем ДТП.

В ходе сбора следователем информации об обстоятельствах ДТП необходимо акцентировать внимание на субъективных впечатлениях свидетелей, которые пусть достаточно эмоционально, но часто весьма объективно могут сформулировать как версию произошедшего, так и причины, сформировавшие ДТП. В частности, свидетельские показания достаточно часто могут сформулировать те признаки, на основании которых можно сделать вывод о тех особенностях криминальных качеств личности водителей, что способствовали совершению ДТП.

Исследования А. Ю. Кравцова⁷ показали, что в качестве самых значимых личностных свойств, играющих роковую роль в совершении дорожно-транспортных преступлений, можно рассматривать импульсивность поведения, включая склонность к необдуманным решениям (в 11,25% случаев); ложно понятые производственные и антиобщественные, эгоистические личные интересы (в 73,45% случаев). Как указывает А. Ю. Кравцов⁸, «именно в объективной социальной среде происходит формирование негативных личностных свойств. Антиобщественная установка водителя детерминирована объективными факторами. Это, во-первых, поощрение противоправного поведения значимой для водителя социальной группой, когда ценности, разделяемые всем обществом, находятся в состоянии рассогласованности с ценностями значимой для водителя социальной группы. Во-вторых, встречающиеся хвастовство и бравада обусловлены стремлением водителей к самоутверждению в значимой социальной группе».

5 Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

6 Владимиров С. В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода: Автореф. дисс. канд. юрид. наук (специальность 12.00.09). – Владимир: ВЮИ ФСИН РФ, 2011.

7 Кравцов А. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города: Дисс. ... канд. юрид. наук (спец. 12.00.08). – М.: ФГКОУ ВПО «Академия генеральной прокуратуры РФ», 2014.

8 Там же.

По данным УГИБДД УМВД России по Тюменской области, в г. Тюмени из более чем 340 тыс. лиц, допущенных к управлению транспортными средствами, лишь около полутора сотен являются явными рецидивистами-нарушителями (более 20 случаев нарушений в год; в том числе – до 130 нарушений в год) правил дорожного движения (ПДД). Именно для этих водителей, склонных к систематическому криминальному нарушению ПДД, наиболее вероятна ситуация стать участниками тех ДТП, по итогам которых проводится уголовное расследование.

Исследования специалистов ТюмГНГУ⁹ показали, что при дифференциации всех участников ДТП на две группы – «пострадавшие» и «виновники» – можно найти лишь два принципиально важных различия между этими группами.

Первое различие – виновники ДТП чаще, чем потерпевшие, не имеют постоянной работы, многие из них – безработные. Так, в ДТП с жертвами, произошедших в Тюменской области в 2011 г., 72 % участников происшествий, признанных в ходе следствия виновными в ДТП, были безработными, и, наоборот, 65 % потерпевших имели постоянную работу¹⁰. Наверное, этот факт можно рассматривать как определенную характеристику особенностей личности водителя – виновника ДТП как человека, не склонного к исполнительской дисциплине, необходимой для успешной профессиональной карьеры.

Второе различие – уровень образования. Среди виновников уголовно-наказуемых ДТП (Тюменская область, 2011 г.) только 8 % имели высшее образование, а 41 % не имели законченного среднего образования¹¹.

Есть и обратные примеры, когда виновниками ДТП становятся водители, не склонные к криминальному поведению. Чаще это неопытные водители, у которых еще не в полной мере сформировался навык управления автомобилем. Следователи отмечают, что такие участники ДТП всячески помогают как следствию, так и потерпевшим (в том числе материально). Они никогда не пытаются мешать следствию необъективными показаниями, не скрываются от следователя. Разумеется, это не остается незамеченным следователем, и зачастую он более качественно, чем обычно, выполняет всю процедуру расследования ДТП.

Резюмируя, отметим следующие основные выводы.

1. Существует необходимость и принципиальная возможность в ходе расследования ДТП применять процедуру ранжирования исходной информации об обстоятельствах ДТП по степени объективности.

2. Предлагаем свидетелей ДТП классифицировать с учетом 6 признаков. Ценность их свидетельских показаний зависит от того, к какой классификационной группе относятся эти свидетели.

3. Необходимо также классифицировать и обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании наезда на пешехода (по 9 признакам). Это позволит повысить системность рабо-

ты следователя и не упустить из виду необходимую для корректного расследования преступления информацию.

4. Важнейшим обстоятельством, которое необходимо учитывать следователю в процессе расследования ДТП, является анализ особенностей личностей участников ДТП. Зачастую совершению ДТП способствует ряд криминогенных личностных свойств характера виновника происшествия.

Пристатейный библиографический список

1. Владимиров С. В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода: Автореф. дисс. канд. юрид. наук (специальность 12.00.09). – Владимир: ВЮИ ФСИН РФ, 2011.
 2. Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6.
 3. Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3.
 4. Колесов В. И., Петров А. И. Использование ранговых распределений при анализе безопасности дорожного движения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участ. «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
 5. Кравцов А. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города: Дисс. ... канд. юрид. наук (спец. 12.00.08). – М.: ФГКОУ ВПО «Академия генеральной прокуратуры РФ», 2014.
 6. Петров А. И., Колесов В. И. Ранжирование регионов Российской Федерации по характеристикам автотранспортной аварийности: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
 7. Петров А. И. О необходимости внесения изменений в статью 264 Уголовного кодекса РФ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7.
 8. Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
 9. Петров А. И. Город. Транспорт. Внешняя среда. Устойчивость общественного транспорта городов в условиях неблагоприятного влияния внешней среды. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.
 10. Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
 11. Петров А. И., Бальчугова Д. А. Качественный портрет участника ДТП: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
 12. Петров А. И., Бальчугова Д. А. Количественный и качественный анализ причин ДТП с ущербом для жизни и здоровья потерпевших: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
 13. ДТП в Тюменской области: выживших нет, виновник мог быть пьян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://72.ru/text/newsline/67333506977792.html>
- ⁹ Петров А. И., Бальчугова Д. А. Качественный портрет участника ДТП: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014; Петров А. И., Бальчугова Д. А. Количественный и качественный анализ причин ДТП с ущербом для жизни и здоровья потерпевших: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Петров А. И., Бальчугова Д. А. Качественный портрет участника ДТП: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014; Петров А. И., Бальчугова Д. А. Количественный и качественный анализ причин ДТП с ущербом для жизни и здоровья потерпевших: материалы 5 Всероссийской научно-практической конференции «Безопасность дорожного движения», 15 марта 2012 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

Евсикова Е. В., Жигулина В. В. ЗАЩИТНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ КАК ОСНОВНАЯ МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

В статье раскрывается сущность такой меры индивидуальной профилактики домашнего насилия, как защитное предписание, проводится анализ позиции законодателей Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Таджикистана в сфере предупреждения домашнего насилия и закрепления в соответствующем законодательстве такой меры. Автор выносит конкретные предложения по разработке соответствующего закона в Российской Федерации и закрепления в нем в качестве основной меры предупреждения домашнего насилия – защитного предписания.

Ключевые слова: домашнее насилие, предупреждение домашнего насилия, меры индивидуальной профилактики домашнего насилия, защитное предписание.

Evsikova E. V., Zhigulina V. V. RESTRAINING ORDER AS A BASIC MEASURE FOR PREVENTING DOMESTIC VIOLENCE

The essence of such measure of individual prophylaxis of domestic violence as restraining order is revealed in the article, the analysis of position of legislators of Belorussia, Kazakhstan, Moldova, Tadjikistan is conducted in the field of preventing domestic violence and securing such measure in the corresponding legislation. An author gives concrete suggestions on development of corresponding law in the Russian Federation and securing prevention of domestic violence as a basic measure in it.

Keywords: domestic violence, prevention of domestic violence, measures of individual prophylaxis of domestic violence, protective binding over.

Домашнее насилие является международной проблемой – глобальной проблемой, которая охватывает разные страны мира. Международная практика показывает, что гораздо легче отстаивать права потерпевших от домашнего насилия тогда, когда существуют отдельный закон в сфере предупреждения домашнего насилия. В зарубежных странах преступления сокращаются на 20–30 процентов после принятия соответствующего закона.

К сожалению, на сегодняшний день в Российской Федерации специальный закон против домашнего насилия отсутствует. Вместе с тем, основываясь на действующем законодательстве Российской Федерации, можно лишь частично защищать интересы жертв домашнего насилия.

Новеллой в сфере предупреждения данного вида правонарушений является такая мера, как защитное предписание, которое по своей юридической природе является альтернативной мерой принуждения, которая применяется вместо меры пресечения в виде административного ареста и меры уголовного наказания за совершенное преступление. Для выяснения сущности такой меры, как защитное предписание, в сфере предупреждения домашнего насилия обратимся к позиции законодателей отдельных стран, в которых существует специальное законодательство.

Так, 1 марта 2007 г. принят закон Республики Молдова «О предупреждении и пресечении насилия в семье»¹, который предусматривает такую меру защиты жертвы домашнего насилия, как защитное предписание, т.е. законный акт, которым судебная инстанция применяет меры защиты жертвы. В соответствии со ст. 15 данного Закона судебная инстанция в течение 24 часов с момента подачи заявления выносит защитное предписание, которым может оказать помощь жертве, при-

Евсикова Е. В.

Жигулина В. В.

менив к агрессору следующие меры: а) принуждение временно покинуть общее жилище или не приближаться к жилищу жертвы без решения каким-либо образом вопроса о праве на имущество; б) принуждение не приближаться к месту нахождения жертвы; в) запрет на общение с жертвой, ее детьми и другими зависящими от нее лицами; д) запрет на посещение места работы или проживания жертвы; е) принуждение участвовать в содержании общих с жертвой детей до разрешения дела; ф) принуждение возместить затраты и убытки, причиненные актами насилия, в том числе расходы на медицинскую помощь, а также на приобретение или ремонт имущества взамен уничтоженного или испорченного; г) ограничение в праве в одностороннем порядке распоряжаться общим имуществом; з) принуждение к участию в специализированных лечебных или консультационных программах, если такая необходимость определена судебной инстанцией как средство сокращения или ликвидации насилия; и) установление временного режима посещения своих несовершеннолетних детей; ж) запрет на хранение и ношение оружия. Указанные меры защиты применяются на срок до трех месяцев и могут быть отменены с устранением опасности, обусловившей их применение, либо продлены в случае поступления повторного заявления или невыполнения условий защитного предписания.

Также 4 декабря 2009 г. принят Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия»², который разраба-

1 Закон Республики Молдова «О предупреждении и пресечении насилия в семье» от 1 марта 2007 г. № 45-XVI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=22266.

2 Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года № 214-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.09.2014 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680.

тывался и проходил процедуру вступления его в силу более десяти лет и в настоящее время является основным законодательным актом, определяющим правовые, экономические, социальные и организационные основы деятельности субъектов профилактики бытового насилия.

Так, в соответствии со ст. 20 данного Закона к мерам индивидуальной профилактики бытового насилия относится и защитное предписание, которое выносится в целях обеспечения безопасности потерпевшего и при отсутствии оснований для производства административного задержания либо задержания в порядке уголовного производства начальником органа внутренних дел либо его заместителем, участковым инспектором полиции либо участковым инспектором полиции по делам несовершеннолетних с учетом мнения потерпевшего в отношении вменяемого лица, достигшего на момент его вынесения шестнадцатилетнего возраста, на тридцать суток с момента его вручения лицу, в отношении которого оно вынесено.

Следует отметить, что защитным предписанием запрещается совершать бытовое насилие, вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи. Нарушение защитного предписания влечет ответственность, установленную Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях. Лицо, в отношении которого вынесено защитное предписание, органами внутренних дел ставится на профилактический учет и за ним осуществляется профилактический контроль.

Интересно, что опрос сотрудников правоохранительных органов Республики Казахстан показал, что большинство полицейских считают защитное предписание эффективной мерой индивидуальной профилактики³.

Вместе с тем 19 марта 2013 г. принят закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье»⁴, который относит к индивидуальным мерам по предупреждению насилия в семье и защитное предписание, которое представляет собой документ, выдаваемый органами внутренних дел лицу, совершившему насилие в семье, или лицу, угрожающему его применением.

Так, в соответствии со ст. 21 данного Закона, основанием для вынесения защитного предписания является обращение по факту совершения акта насилия в семье или угрозы его применения. Защитное предписание выносится начальником или заместителями начальника отдела внутренних дел по месту совершения насилия в семье и выдается в течение 24 часов с момента совершения насилия в семье, либо с момента подачи заявления о факте совершения насилия в семье, либо угрозы его применения лицу, совершившему насилие в отношении члена семьи, на срок до 15 дней. Кроме того, на основании заявления потерпевшего или его законного представителя, срок действия защитного предписания по запросу начальника органа внутренних дел и разрешению прокурора может быть продлен до 30 дней.

Следует отметить, что защитное предписание в отношении лица, совершившего насилие в семье, может предусма-

тривать следующие требования: запрещение всякого рода насилия в отношении потерпевшего, осуществление вопреки его желанию поиска, слежки, посещения, переговоров и других отношений, ограничивающих права и свободы потерпевшего; рекомендация о своевременном возвращении в жилище; запрещение употребления спиртных напитков и одурманивающих веществ на период действия защитного предписания.

Кроме того, 16 апреля 2014 г. вступил в действие Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»⁵, который среди мер индивидуальной профилактики правонарушений называет защитное предписание.

Главная новация указанного Закона — это защитное предписание, предусмотренное ст. 31, т.е. установление гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определенных действий, которое применяется после вынесения постановления о наложении административного взыскания за правонарушение, совершенное по отношению к члену семьи, к гражданину: которому вынесено официальное предупреждение за правонарушение, совершенное по отношению к члену семьи (при этом защитное предписание применяется в течение года после объявления такого официального предупреждения, т.е. после первого правонарушения агрессору будет объявлено официальное предупреждение, а совершение аналогичного правонарушения в течение года является основанием для вынесения защитного предписания); в отношении которого осуществляется профилактический учет за совершение правонарушения по отношению к члену семьи.

Следует отметить, что действие защитного предписания ориентировано на два направления: например, жертва семейного насилия (в большинстве это, как известно, женщины) по своей инициативе покидает собственное жилище, уезжает с ребенком к матери, друзьям, обращается в кризисную комнату и т.д. В этом случае защитным предписанием агрессору запрещается предпринимать попытки выяснять место пребывания пострадавшего от насилия в семье, если жертва находится в месте, ему неизвестном; запрещается посещать места нахождения и пребывания пострадавшего; запрещается общаться с пострадавшим от насилия в семье, в том числе по телефону и посредством сети Интернет.

Другая ситуация — когда жертва семейного насилия не имеет возможности покинуть помещение, в котором проживает, но при этом очевидно, что нуждается в защите. В таком случае защитное предписание (с письменного согласия совершеннолетнего пострадавшего) обязывает гражданина, совершившего насилие в семье, временно покинуть общее жилое помещение и налагает запрет распоряжаться общей совместной собственностью.

Указанные запреты и обязанность устанавливаются руководителем органа внутренних дел или его заместителем на срок от трех до тридцати суток со дня объявления защитного предписания гражданину, в отношении которого оно вынесено.

По нашему мнению, защитное предписание — это важная и необходимая мера индивидуальной профилактики и предупреждения домашнего насилия, которая направлена на достижение конкретного результата — прекращение домашнего насилия в отношении жертвы, поскольку такая мера, как

3 Реализация Закона «О профилактике бытового насилия»: Отчет по правам человека. — Алматы, 2011. — С. 93 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amansauylyk.kz/files/otchet-nasilie.pdf>

4 Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье» от 19 марта 2013 г. № 954 (зарегистрировано Министерством юстиции Республики Таджикистан 28 марта 2013 года № 211). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=59053.

5 Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 04.01.2014 № 122-З [Электронный ресурс]. — Режим доступа: centr.minsk.gov.by/docs/opop/zakon_rb_122.rtf/.

официальное предупреждение, не только, как правило, не в состоянии остановить агрессора, но и, в худшем случае, способна привести к неожиданным неприятным последствиям. Поэтому применение сотрудниками органов внутренних дел такой меры, как защитное предписание, будет являться своевременной реакцией на противоправное поведение агрессора (при условии немедленного вынесения), что предупредит риск повторного совершения домашнего насилия.

Таким образом, разрабатывая соответствующий закон, необходимо иметь в виду, что потребности жертвы домашнего насилия должны всегда ставиться выше потребностей агрессора или удобства властей, в противном случае закон не будет работать. Целью закона о защите от домашнего насилия должно быть обеспечение защиты жертвы, а также гарантии того, что агрессоры будут лишены возможности совершить повторные акты насилия и привлечены к ответственности.

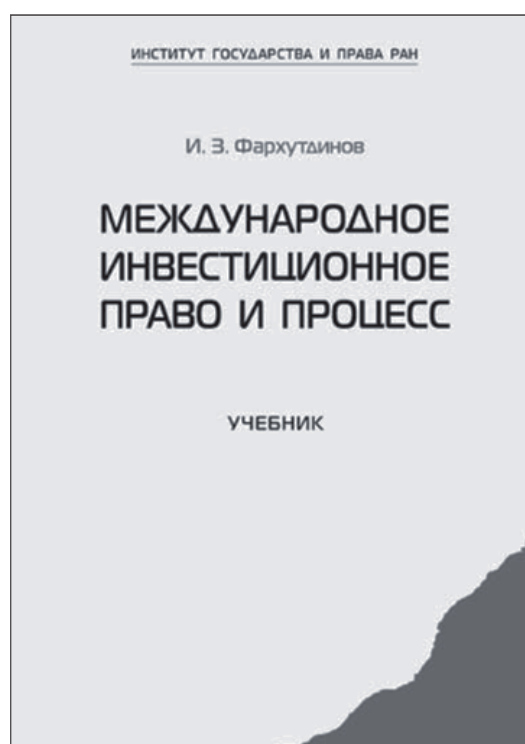
В связи с вышеизложенным, предлагаем обществу и государству направить все усилия на предупреждение домашнего насилия путем разработки и принятия соответствующего закона Российской Федерации «О предупреждении домашнего насилия», который будет закреплять в качестве основной меры предупреждения – защитное предписание, которое должно выноситься незамедлительно уполномоченным сотрудником органов внутренних дел на основании заявления жертвы или иных лиц, в том числе субъектов, осуществляющих предупреждение домашнего насилия, либо выявления факта совершения домашнего насилия, угрозы его совершения в отношении любого вменяемого лица, которое на момент его вынесения достигло 16-летнего возраста; совершило акт домашнего насилия; в отношении которого получены сведения о совершении акта домашнего насилия или подготовке таких действий; которое подлежит административной и уголовной ответственности за совершение акта домашнего насилия в соответствии с действующим законодательством.

Следует также предусмотреть, что защитным предписанием агрессору запрещается: 1) совершать любые действия, содержащие признаки домашнего насилия, или готовиться к совершению таких действий; 2) преследовать жертву (лицо, пострадавшее от домашнего насилия); 3) предпринимать попытки выяснять место пребывания жертвы домашнего насилия, если жертва находится в месте, ему неизвестном; 4) посещать места нахождения и пребывания жертвы домашнего насилия; 5) общаться с жертвой домашнего насилия, в том числе по телефону и посредством сети Интернет; 6) приобретать и использовать любые виды оружия, предусмотренные Федеральным законом Российской Федерации «Об оружии» (для чего предлагается внести соответствующие изменения в Федеральный закон Российской Федерации «Об оружии»). Одновременно (не позднее следующего дня) с вынесением защитного предписания в случае необходимости орган внутренних дел направляет запрос в суд для решения вопроса об обязывании агрессора: 1) участвовать в содержании общих с жертвой домашнего насилия детей до разрешения дела; 2) возместить жертве домашнего насилия материальный ущерб (затраты и убытки, причиненные домашним насилием, в том числе расходы на медицинскую помощь, возместить расходы на лечение и пребывание пострадавшего от домашнего насилия лица в кризисных центрах и иных центрах реабилитации жертв домашнего насилия и членов их семей, а также на приобретение или ремонт имущества взамен уничтоженного или испорченного и т.д.); 3) участвовать в специализированных лечебных или консультационных программах, если такая необходимость определена судебной инстанцией как средство

сокращения или ликвидации насилия. Одновременно (не позднее следующего дня) с вынесением защитного предписания в случае необходимости орган внутренних дел направляет запрос в суд для решения вопроса об ограничении агрессора в единоличном использовании совместного с жертвой домашнего насилия имущества.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Проблемы социализации детей и сирот, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период (социально-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7. – С. 295-297.
2. Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 г. № 214-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.09.2014 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680.
3. Реализация Закона «О профилактике бытового насилия»: Отчет по правам человека. – Алматы, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amansauilyk.kz/files/otchet-nasilie.pdf>
4. Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье» от 19 марта 2013 года №954 (Зарегистрировано Министерством юстиции Республики Таджикистан 28 марта 2013 года № 211). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=59053
5. Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: centr.minsk.gov.by/docs/opop/zakon_rb_122.rtf

Шахбанова Х. М., Изюмов И. В.

РАЗДЕЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА ПУБЛИЧНОЕ, ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОЕ, ЧАСТНОЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДАННЫМ КАТЕГОРИЯМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Актуальность темы выражается в том, что в настоящее время проблема деления права на публичное и частное приобретает все большее теоретическое и практическое значение. Она возникает при классификации действующего законодательства, в ходе теоретических исследований, имеющих целью совершенствование правового регулирования, при толковании правовых норм. Отличительной особенностью производств по так называемым делам частного и частно-публичного обвинения является то, что возбуждение таких дел допускается при наличии волеизъявления потерпевшего, а в случае примирения потерпевшего с обвиняемым они подлежат прекращению.

Ключевые слова: частное обвинение, публичное обвинение, мировой суд, уголовное преследование.

Shakhbanova Kh. M., Izyumov I. V.

SEPARATION OF PROSECUTION INTO PUBLIC, PRIVATE AND PUBLIC, PRIVATE, AND FEATURES OF PROCEEDINGS IN SUCH CATEGORIES OF CRIMINAL CASES

Relevance of a subject is expressed in the fact that now the problem of separation of law into public and private gains the increasing theoretical and practical value. It arises while classifying the current legislation, during the theoretical researches aiming at improvement of legal regulation, during interpretation of law. Distinctive feature of proceedings in so called cases of private and private and public prosecution is that initiation of such cases is permitted in case of will of the victim, and if the victim comes to terms with accused they are subject to the termination.

Keywords: private prosecution, public prosecution, the magistrate's court, criminal prosecution.

В основу классификации обвинения кладутся публичное и частное¹ начала. В соответствии с этими началами различаются его виды. Имеются два основных вида обвинения: публичное обвинение – когда идеальным субъектом преследования выступает общество или государство во имя отвлеченного блага и общественных интересов и частное обвинение – когда уголовное преследование осуществляется частным лицом, пострадавшим от преступления.

Старейшей форме уголовного процесса соответствует старейший вид обвинения. Он состоит в сохранении обвинения за отдельными частными лицами, потерпевшими от преступного деяния – этот вид обвинения называется частным². Указанный вид обвинения имеет два главных удобства. Первое заключается в том, что он значительно облегчает работу государственных органов. Второе – дает право удовлетворять естественные чувства обиды потерпевшего вследствие содеянного против него преступления.

Личная заинтересованность гарантирует надлежащую со стороны обвинителя энергичность в уголовном преследовании. Но этой разновидности уголовного обвинения присущи и недостатки. Ведь далеко не по каждому уголовному делу найдется потерпевший, способный возбудить уголовное преследование и вести его перед судом.

Для этого требуется и свободное время, и имущественные средства, и желание быть обвинителем. В современном публичном уголовном процессе частное обвинение играет незначительную роль и производится только по узкой категории уголовных дел. Главной причиной доминирования частного обвинения на раннем этапе развития уголовного процесса процессуалисты традиционно считают неразвитость и слабость исполнительных структур государства. Дела частного обвинения³ – это такие дела, возбуждение и производство по

которым полностью зависит от воли потерпевшего от преступного деяния.

К этой категории уголовных дел относятся составы преступлений: побои, легкий вред здоровью, оскорбление и клевета. Формой отказа от уголовного частного преследования, влекущего прекращение уголовного дела, является неявка без уважительных причин потерпевшего в суд. Хотя по ходатайству подсудимого дело в подобных случаях может быть рассмотрено по существу и в отсутствие потерпевшего.

Роль государства в лице мирового судьи сводится единственно к созданию условий для состязания сторон и разрешению уголовно-правового спора между частными лицами. По делам о преступлениях в форме дознания возможно проведение предварительного расследования только с согласия прокурора при наличии оснований. Дела частного обвинения рассматриваются и разрешаются мировым судьей. Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда.

Он обладает правом на дополнительное частное уголовное преследование наряду с прокурором. Таким образом, он определен в материально-формальном смысле. Процессуальный статус «потерпевшего» лицо приобретает с момента принятия мировым судьей его заявления. С момента принятия судом заявления к своему производству лицо, его подавшее, является частным обвинителем. Ему должны быть разъяснены права, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление.

Право частной собственности обуславливает диспозитивный характер правомочий собственника, которыми он наделен законом для защиты этого своего права. Государство не может принудить собственника к защите его нарушенного права частной собственности, поэтому публичное уголовное преследование в тех случаях, когда преступлением был нару-

1 Дорошков В. В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. – М., 2007.

2 Барышева В. В. Проблемы рассмотрения мировым судьей уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. – 2006. – № 1. – С. 6–9.

3 Виницкий Л. В., Шинкевич Н. Е. Изменение порядка производства по делам частного обвинения // Уголовный процесс. – 2007.

шен только частный интерес, должно производиться только для защиты прав и законных интересов собственника.

Уголовные дела частного обвинения могут возбуждаться и при отсутствии заявления потерпевшего, если преступление совершено в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами.

Приговор мирового суда может быть обжалован участниками процесса путем подачи апелляционной жалобы в течение десяти суток с момента провозглашения приговора. Апелляционная жалоба подается через мировой суд, постановивший приговор, и подлежит рассмотрению в районном суде.

Одним из видов обвинения в современном процессе является публичное обвинение⁴. Имеется несколько его разновидностей. Первая разновидность публичного обвинения – это должностное обвинение. В этом случае публичное уголовное преследование делается правом и обязанностью назначаемых государством должностных лиц.

Вторая разновидность, народное обвинение – это такая разновидность обвинения, когда гражданин, реализуя свое право на уголовное преследование любого преступления в публичных интересах, производит розыск и досудебную подготовку уголовного иска, а затем предъявляет этот иск в суд и поддерживает его там. Механизм народного обвинения основывается на том, что каждый гражданин как таковой пользуется правом и несет нравственную обязанность преследовать в общем интересе преступление, не имеющее к нему никакого отношения.

Можно говорить также о таком специфическом субъекте права на публичное уголовное преследование, как общественные объединения. Формы⁵ публичного обвинения – это процессуальные и организационные формы реализации прокурором функции обвинения на различных стадиях уголовного процесса.

Реализация функции обвинения всегда означает распоряжение прокурором своими процессуальными правами и выполнение им своих процессуальных обязанностей. Так что формы обвинения включают в себя и формы обвинительной деятельности прокурора, и способы реализации им своих полномочий: материального права на уголовный иск и процессуальных прав и обязанностей стороны в деле.

При прокурорском уголовном преследовании деятельность обвинителя состоит в собирании данных для обвинения перед судом. Прокурорское обвинение производится вполне или отчасти в порядке более или менее состязательном.

Досудебное уголовное преследование может осуществляться органами прокуратуры непосредственно и в опосредованной форме – как надзор за соблюдением законов органами предварительного следствия, дознания и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Далее прокурорское уголовное преследование осуществляется в форме разрешаемого судом состязания прокурора с обвиняемым.

Уголовное преследование по делам публичного и частного публичного обвинения начинается с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Публичное уголовное преследование прекращается или в связи с пре-

кращением уголовного дела, или в связи с прекращением уголовного преследования. Отказ от осуществления уголовного преследования обвиняемого является отказом официального органа уголовного преследования от реализации функции обвинения. Отказ органа уголовного преследования от публичного обвинения является основанием для прекращения уголовного дела.

Также защита подозреваемого может осуществляться с момента предъявления обвинения, или с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, или же с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения, а также иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится перечень дел частного публичного обвинения. Частно-публичное обвинение является не чем иным, как способом ограничения частного обвинения потерпевшего должностным обвинением прокурора. Право распоряжения обвинением по делам данной категории принадлежит частному обвинителю только частично: по его волеизъявлению уголовное дело возбуждается.

Уголовные дела о преступлениях возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но производство по таким уголовным делам ведется в общем порядке. Таким образом, после возбуждения уголовного дела по заявлению потерпевшего дальнейшее производство по данному делу осуществляется компетентными государственными органами независимо от воли потерпевшего, в обычном порядке.

Для суда и органов уголовного преследования основание создает только право, а не обязанность для прекращения уголовного дела. Поэтому суд и орган уголовного преследования вправе отказать сторонам в удовлетворении ходатайства о прекращении дела частного публичного обвинения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Аналогичным образом вправе поступить суд и орган уголовного преследования, если потерпевший отказался от своего заявления, ссылаясь на то, что он не желает осуждения и наказания обвиняемого.

Пристатейный библиографический список

1. Балакшин В. Проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Уголовное право. – 2008. – № 2.
2. Барышева В. В. Проблемы рассмотрения мировым судьей уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. – 2006. – № 1.
3. Винницкий Л. В., Шинкевич Н. Е. Изменение порядка производства по делам частного обвинения // Уголовный процесс. – 2007.
4. Дикарев И. Публично-правовые механизмы защиты прав личности в производстве по уголовным делам, подсудным мировому судье // Мировой судья. – 2009. – № 8.
5. Дорошков В. В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. – М., 2007.

4 Дикарев И. Публично-правовые механизмы защиты прав личности в производстве по уголовным делам, подсудным мировому судье // Мировой судья. – 2009. – № 8.

5 Балакшин В. Проблемы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 78–82.

Зайдова М. У., Кельбялиев К. Р.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ РОДИТЕЛЯ ОТ УПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ

Согласно Конституции РФ, международным актам и Семейному кодексу РФ обязанностью родителей является содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. На практике реализация этой нормы закона происходит неэффективно. Поэтому возникают некоторые проблемы.

Ключевые слова: ребенок, родитель, алименты, нетрудоспособный, несовершеннолетний.

Zaidova M. U., Kelbaliev K. R.

SOME ASPECTS OF MALICIOUS PARENT'S EVASION FROM PAYMENT OF CHILD SUPPORT

According to the Constitution, international instruments and the Family Code of the Russian Federation support of minor children or disabled children after the age of 18 is parents' responsibility. In practice, the implementation of this rule is ineffective. Therefore, some problems occur.

Keywords: child, parent, alimony, disabled, minor.

Часть 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста.

Суть данной проблемы заключается в стремлении лица уклониться от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. Статья 27 Конвенции о правах ребенка закрепляет право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Ответственность за обеспечение необходимых для развития ребенка условий возлагается приоритетно на родителей или других лиц, воспитывающих ребенка. Лишь в пределах своих возможностей в соответствии с национальными условиями необходимые меры принимает государство¹. Вместе с тем ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей.

Под содержанием (это понятие является общим для обеих частей диспозиции ст. 157 УК) понимается материальное обеспечение одним лицом другого за собственный счет. Содержание родителем своих детей, а равно — детьми своих родителей осуществляется, во-первых, в форме ведения с ним общего хозяйства и общего семейного бюджета; во-вторых, в форме регулярного предоставления определенных, необходимых для жизни материальных благ (денежных средств, продуктов питания, одежды и т.д.). Регулярные платежи денежных средств называются алиментированием, а сами средства — алиментами, которые уплачиваются в добровольном порядке, либо взыскиваются через администрацию по месту работы или получения пенсии, стипендии. Добровольный порядок уплаты алиментов не исключает права взыскателя в любое время обратиться в суд с исковым заявлением о взыскании алиментов и тем самым закрепить в судебном порядке эту обязанность по содержанию. Судебное решение о взыскании алиментов выносится по результатам гражданского судопроизводства и является способом принудительного осуществления права на получение содержания одним членом семьи с другого.

Однако уголовная ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов установлена только при регулировании алиментных обязательств родителей и детей. Это объясняется более тесными семейными узами, обусловленными их непосредственной взаимосвязью в течение значительной части жизни этих поколений. Для наступления уголовной ответственности за уклонение родителей от уплаты средств на содержание детей как несовершеннолетних, так и взрослых, но нетрудоспособных, в соответствии с ч. 1 ст. 157 УК необходимы два условия: уклонение от уплаты алиментов должно быть злостным и алименты должны выплачиваться по решению суда.

Злостность уклонения от уплаты средств на содержание детей выражается в систематическом и упорном уклонении от выполнения этой обязанности. Она может выражаться в сокрытии своего места жительства и места работы, а иногда в отъезде в неизвестном направлении, чтобы уклониться от выполнения возложенных судом на основании закона обязанностей.

Суды признают злостным уклонением от уплаты алиментов случаи, когда лицо в течение длительного времени без уважительных причин не оказывает помощи в содержании детей и его поведение свидетельствует о нежелании выполнять решение суда².

Родитель, лишенный родительских прав, и родитель, у которого ребенок отобран без лишения указанных прав, злостно уклоняющиеся от уплаты алиментов, не лишаются качеств субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК. Вопрос об уголовной ответственности указанных лиц должен решаться на общих основаниях. При отмене усыновления (удочерения) взаимные права и обязанности между усыновленным и усыновителем прекращаются, однако суд вправе обязать бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание несовершеннолетнего.

Данное преступление является наиболее распространенным среди всех посягательств на несовершеннолетних. Так, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Дагестан завершено расследование уголовного дела в отношении 47-летнего жителя города Каспийск. Он обвиняется в совершении преступления, предус-

1 Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1990. — № 45. — Ст. 955.

2 Бюллетень ВС РСФСР. — 1984 — № 2. — С. 12.

мотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей).

По версии следствия, обвиняемый, обязанный в силу ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации содержать своих несовершеннолетних детей, в том числе путем выплаты алиментов, установленных вступившим в законную силу решением суда от 23 марта 2005 г., будучи предупрежденным судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов, в период с марта 2005 по июль 2015 года меры к погашению задолженности по алиментам на содержание своей несовершеннолетней дочери не предпринял.

В результате систематического, на протяжении длительного периода времени злостного и умышленного уклонения обвиняемого от исполнения вступившего в законную силу решения суда, его задолженность по алиментам за указанный период составила около 600 тыс. рублей.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу. К великому сожалению, таких случаев очень много.

По данным правоохранительных органов с каждым годом растет количество неплательщиков и это связано с малоэффективностью санкции ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, за последние несколько лет в Российской Федерации их число составляло: в 2007 г. – 35948, в 2008 г. – 3538, в 2009 г. – 45421, в 2010 г. – 53855, в 2011 г. – 63513, в 2012 г. – 65817, в 2013 г. – 689672³.

В то же время есть все основания полагать, что статистические данные не соответствуют действительности, поскольку в отношении большинства злостно уклоняющихся от уплаты средств на содержание детей (родителей) уголовный закон бессилён, и в этой области проявляется его бездейственность.

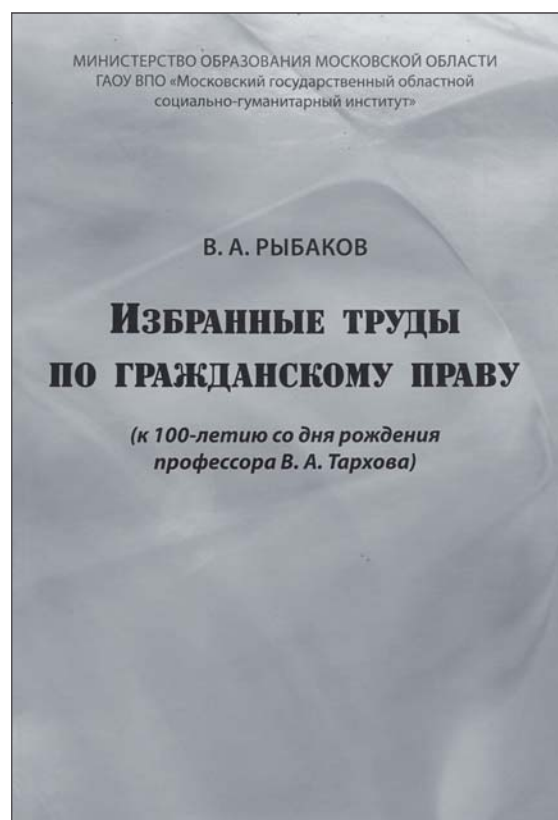
Еще одной острейшей проблемой остаются исполнение судебных решений о взыскании алиментов, а также отсутствие механизма взыскания и порядка уплаты алиментов, так как неуклонно растет число детей, живущих с одним родителем вследствие расторжения брака⁴.

Злостное уклонение от уплаты алиментов наказывается «исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на тот же срок либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года»⁵.

Чтобы данная норма уголовного законодательства начала эффективно действовать, нужно, по нашему мнению, в систему наказаний ввести другие, более суровые виды наказаний, или хотя бы увеличить размер уже существующего наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень ВС РСФСР. — 1984. — № 2.
2. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1990. — № 45. — Ст. 955.
3. Кантеева Е. В. Актуальные проблемы правоприменительной практики при выявлении и производстве дознания по преступлениям предусмотренным статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 5 (296).
4. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. — Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/6/>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015) // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

3 Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. — Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/6/>

4 Кантеева Е. В. Актуальные проблемы правоприменительной практики при выявлении и производстве дознания по преступлениям предусмотренным статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 5 (296).

5 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015) // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

Резяпов А. А.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ СВИДЕТЕЛЯМ

Обосновывается необходимость законодательного регулирования применения иных мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних свидетелей. Предлагается снять обязательство об обеспечении явки несовершеннолетнего свидетеля с его законных представителей. Применение привода к несовершеннолетним свидетелям допустимо вместе с его законным представителем при условии, что последний не смог обеспечить явку несовершеннолетнего. Раскрываются особенности наложения денежного взыскания на несовершеннолетних. Обосновывается мнение, что оно может быть наложено на несовершеннолетнего, достигшего возраста 16 лет при условии, что он имеет личный источник доходов.

Ключевые слова: иные меры уголовно-процессуального принуждения, несовершеннолетние, законные представители несовершеннолетнего свидетеля, свидетель, привод, денежное взыскание.

Rezyapov A. A.

USE OF OTHER COERCIVE PROCEDURAL MEASURES TO MINORS WITNESSES

The necessity of legislative regulation of the use of other coercive procedural measures of juvenile witnesses is substantiated. It is proposed to take away the obligation to ensure the attendance of a minor witness from his legal representatives. Applying of attachment to minor witness is acceptable, together with its legal representative, provided that the latter was not able to ensure the presence of a minor. The peculiarities of imposing monetary penalties on income is substantiated. The opinion that it can be imposed on a juvenile who has reached the age of 16, provided that he has a personal source of income is substantiated.

Keywords: other measures of criminal procedure compulsion, minors, the legal representatives of a minor witness, the witness, the drive, a monetary penalty.

При применении иных мер уголовно-процессуального принуждения возникает вопрос о возможности их применения в отношении несовершеннолетних свидетелей. Могут ли быть применены к несовершеннолетним свидетелям любая из иных мер уголовно-процессуального принуждения, либо некоторые из них? Имеются ли процессуальные особенности применения иных мер процессуального принуждения к несовершеннолетним свидетелям?

Обязательство о явке как иная мера процессуального принуждения согласно ст. 112 УПК РФ не имеет никаких возрастных ограничений для ее применения. В связи с этим возникает вопрос о корректности применения указанной меры к несовершеннолетним свидетелям. Несмотря на то, что законодатель, согласно ч. 4 ст. 191 УПК РФ, предусматривает обязательное участие психолога при производстве следственных действий с участием свидетелей, не достигших возраста 16 лет, но ничего не говорит об обязательном участии законных представителей, полагаем, что обязанность по обеспечению явки несовершеннолетнего свидетеля должна возлагаться на родителей и лиц их заменяющих, а также администрации детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний.

Родители и иные указанные лица несут ответственность за ребенка, они должны знать, что их ребенок является свидетелем по уголовному делу и приглашается для участия в следственных действиях, поэтому вопрос о явке несовершеннолетнего свидетеля должен быть согласован с его родителями или законными представителями. Отбирать обязательство о явке от несовершеннолетнего свидетеля полагаем недопустимым. Одновременно считаем целесообразным введение части 3 в ст. 112 УПК РФ, регламентирующей вопрос обязанности обеспечения явки несовершеннолетнего свидетелями его законными представителями. Полагаем, что законные представители не-

Резяпов А. А.

совершеннолетнего должны давать обязательство об обеспечении его явки.

В данном случае речь не идет о расширении участников, к которым применяются иные меры уголовно процессуального принуждения законным представителем, как предлагает Е. В. Марковичева¹, а предлагается возложение обязанностей на законных представителей, которые несут ответственность за поведение несовершеннолетнего.

Одной из наиболее распространенных мер процессуального принуждения является привод. Федеральным законом № 92-ФЗ от 04.07.2003 г. внесены изменения в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, согласно которых принудительный привод может применяться в отношении потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и (или) понятого.

Рассматривая вопросы в отношении возможности применения принудительного привода в отношении несовершеннолетних свидетелей, следует обратить внимание на то, что в ч. 6 ст. 113 УПК РФ законодатель указал круг лиц, которые не может быть применены указанная мера принуждения. К ним относятся: несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет, беременные женщины, а также больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом.

Указанная норма вызывает определенные возражения, поскольку ей нарушаются права несовершеннолетних. Фактически Законом установлено лишь одно ограничение относительно привода несовершеннолетних – не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до 14 лет. Каких-либо допол-

1 См.: Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: Автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011 – С. 16.

нительных гарантий защиты несовершеннолетних законом не предусмотрено, что на наш взгляд является неправильным².

Для сравнения: ч. 3 ст. 140 УПК Украины указывает, что привод не может быть применен к свидетелю, который является малолетним лицом, а также ребенком в возрасте от 14 до 18 лет.

Применительно к свидетелям представляется крайне странным и нецелесообразным применение привода в отношении несовершеннолетнего, достигшего возраста 14 лет. Приглашение несовершеннолетнего свидетеля предполагает несколько форм, в том числе и через родителей и лиц их заменяющих, соответственно, возникает вопрос: допустимо ли применение привода без их уведомления и согласия? При возращении законных представителей несовершеннолетнего свидетеля допустимо ли применение принудительного привода?

При возражении родителей, несовершеннолетний свидетель не может быть подвергнут приводу. Обязанность по обеспечению явки в указанном случае должна возлагаться на родителей. От них следует отбирать в установленной УПК РФ форме обязательство об обеспечении явки несовершеннолетнего. Если законные представители не выполняют обязательство, то следует выносить постановление о применении принудительного привода в отношении законного представителя и несовершеннолетнего. Подобный подход обеспечивает соблюдение прав несовершеннолетних.

Неоспоримо, что беременные женщины, в том числе имеющие статус свидетеля, не должны подвергаться принудительному приводу. Однако, женщина может иметь малолетнего ребенка, в том числе новорожденного или грудного. Возникает вопрос о возможности применения в отношении нее привода, Т. Е. Щенина предложила под уважительной причиной неявки рассматривать: «наличие несовершеннолетних детей дошкольного возраста, которых женщина, подлежащая приводу, воспитывает одна; болезнь несовершеннолетнего, требующего постоянного ухода за ним; наличие у лица на иждивении лиц, требующих постоянного ухода...»³.

В ч. 6 ст. 113 УПК РФ необходимо включить положение о недопустимости подвергать приводу женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 7 лет. В указанном возрасте ребенок полностью воспринимает состояние матери, поэтому подвергать его нервным стрессам, отлучая принудительно в целях уголовного судопроизводства даже на время от матери недопустимо. Подвергать ребенка приводу вместе с матерью представляется абсурдным, поскольку травма, который будет подвергнут ребенок, практически невозможна.

Понятие «больной, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом» вызывает определенные вопросы. Представляется, что врач должен удостоверять наличие заболевания у лица путем предоставления больничного листа или справки нетрудоспособности, которые должны выступать в качестве официального подтверждения невозможности подвергнуть лицо принудительному приводу. Наличие указанных документов не должно подтверждаться какими-то иными

медицинскими документами. При отсутствии медицинских документов, но при ссылке на тяжелое самочувствие следует вызвать врача, который удостоверит состояние человека, после чего следует решать вопрос о возможности применении принудительного привода. Диагноз заболевания, который послужит освобождением от работы или учебы, не должен приниматься во внимание, поскольку факт заболевания и нетрудоспособности подтвержден. Несовершеннолетний может ухаживать во время тяжелого заболевания за своим законным представителем, указанная ситуация должна препятствовать применению принудительного привода к несовершеннолетнему и его законному представителю.

Дискуссионным является вопрос о возможности наложения денежного взыскания на несовершеннолетнего свидетеля. Денежное взыскание применяется к участникам уголовного судопроизводства в связи с ненадлежащим выполнением ими возложенных законом обязанностей или нарушением порядка в судебном заседании. Исходя из оснований наложения денежного взыскания: ненадлежащее выполнение возложенных законом обязанностей, полагаем, что наложение денежного взыскания может применяться в отношении законных представителей несовершеннолетних свидетелей, которые не выполняют обязанности, указанные в ст. 56 УПК РФ.

Несовершеннолетних свидетелей можно условно подразделить на три группы в зависимости от процессуальных особенностей их участия в производстве по уголовному делу. Первую группу составляют малолетние (несовершеннолетние в возрасте до 14 лет) свидетели. Для указанной группы несовершеннолетних свидетелей характерно то, что они не несут уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Получение от них показаний предполагает участие педагога или психолога, а также согласие законного представителя. При возражении законного представителя допрос малолетнего свидетеля недопустим. Возникшая конфликтная ситуация может быть обусловлена желанием законного представителя защитить своего ребенка от возможного на него в последующем воздействия, однако данное право родителей является безусловным. Отказ малолетнего от дачи показаний и от явки в органы предварительного расследования или в суд не может повлечь за собой наложение на него денежного взыскания, поскольку решение в указанном случае принимает законный представитель. Применение данной меры к законному представителю несовершеннолетнего свидетеля недопустимо, поскольку он действует в целях обеспечения защиты малолетнего.

Вторую группу составляют несовершеннолетние свидетели в возрасте от 14 до 16 лет. Указанных свидетелей в зависимости от причастности к совершению преступления следует подразделить на две подгруппы:

- свидетели, которые были очевидцами преступления, либо обладают необходимой информацией о нем;
- свидетели, которые принимали участие в совершении преступления в группе лиц, но не являются субъектами данного преступления.

Независимо от того, к какой подгруппе относятся несовершеннолетние, они не могут быть предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Допрос свидетелей указанной группы может проводиться в отсутствие педагога или психолога. Участие законного представителя отдается на усмотрение следователя или дознавателя. Возникает вопрос о возможности наложения денежного взыскания на свидетелей данной группы при невыполнении ими установленных законом обя-

2 См.: Стежко Д. А. Применение к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства мер процессуального принуждения // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства: Сб. науч. ст. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013 – С. 236.

3 Щенина Т. Е. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных женщинами: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2001. С. 8.

занностей. В отношении свидетелей первой подгруппы предполагается недопустимость применения рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения. Во-первых, неявка указанных лиц может быть обусловлена элементарным чувством страха. Во-вторых, отказ может быть обусловлен позицией законных представителей. Отказ законных представителей в обеспечении явки несовершеннолетнего свидетеля не может повлечь применение к ним меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания, поскольку ими не было нарушено законодательство.

В отношении несовершеннолетних второй подгруппы полагаем, что допустимо применение рассматриваемой меры принуждения к их законным представителям. Несовершеннолетний знал о совершении им противоправного действия, в определенных случаях понимал, что не является субъектом преступления, но при этом шел на его совершение. Хотя он не может быть привлечен к уголовной ответственности, но в отношении него может решаться вопрос о применении принудительных мер воспитательного воздействия. В указанной ситуации полагаем, что при неявке несовершеннолетнего свидетеля, относящегося ко второй подгруппе, в отношении его законных представителей может применяться мера принуждения в виде денежного взыскания. Законные представители несут за подростка персональную ответственность и обязаны обеспечить его явку, в противном случае их поведение следует рассматривать как противодействие производству по уголовному делу.

Третья группа несовершеннолетних свидетелей – лица в возрасте от 16 до 18 лет. Они несут уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний и за отказ о дачи показаний. Подход законодателя практически исключил учет позиции законного представителя в отношении участия несовершеннолетнего в процессе расследования. Поскольку несовершеннолетний несет ответственность по ст. ст. 306 и 307 УК РФ, то он должен выполнять обязанности, возложенные на свидетелей, то есть являться по вызову и давать правдивые показания. Полагаем, что в случае неявки свидетеля по вызову следователя, дознавателя или суда на него может быть наложено денежное взыскание. Денежное взыскание может быть наложено только в случае, если несовершеннолетний имеет личный доход (зарплата, пенсия, стипендия), в противном случае наложение денежного взыскания представляется нецелесообразным. Использование указанной меры уголовно-процессуального принуждения позволит обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетних свидетелей в процессе производства по уголовному делу. В УПК РФ следует внести дополнения, определяющие порядок и основания наложения денежного взыскания на несовершеннолетних свидетелей.

Следует рассмотреть возможность применения к несовершеннолетним свидетелям таких мер уголовно-процессуального принуждения, как предупреждение о недопустимости поведения, нарушающего порядок в зале судебного заседания и удаление из зала судебного заседания.

Несовершеннолетний свидетель может присутствовать в зале судебного заседания после дачи им показаний по достижении возраста 16 лет. Согласно ч. 6 ст. 240 УПК РФ лицо, не достигшее возраста 16 лет, в зал судебного заседания допускается с разрешения председательствующего. Данное правило распространяется и на свидетелей. Соответственно в зале судебного заседания могут присутствовать после допроса только несовершеннолетние 16 и 17 лет. Полагаем, что в случае нарушения несовершеннолетним свидетелем установленных правил поведения в процессе судебного разбирательства,

председательствующий вправе сделать ему предупреждение, о чем должна быть сделана запись в протоколе. Если же было разрешено в зале судебного заседания находиться несовершеннолетним свидетелям, не достигшим возраста 16 лет, то в отношении них также может быть вынесено предупреждение в случае их ненадлежащего поведения. Удаление из зала судебного заседания несовершеннолетних свидетелей в связи с ненадлежащим поведением может применяться на общих основаниях.

Пристатейный библиографический список

1. Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: Автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
2. Стежко Д. А. Применение к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства мер процессуального принуждения // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства: Сб. науч. ст. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013.
3. Щенина Т. Е. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных женщинами: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2001.

Галушкин А. А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ

В настоящей статье автором рассматриваются некоторые особенности оперативно-розыскной методики раскрытия и расследования преступлений организованных преступных сообществ. Автор анализирует понятия «преступная организация», «преступное сообщество», «преступная группа». Анализируются некоторые вопросы оперативно-розыскной деятельности по преступлениям в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: ОРД, оперативная работа, ИКТ, проблематика.

Galushkin A. A.

SOME FEATURES OF THE OPERATIONAL SEARCH TECHNIQUE OF THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY THE ORGANIZED CRIMINAL COMMUNITIES

In the present article author considers some features of operational search technique of disclosure and investigation of crimes of organized criminal communities. Author analyzes concepts of criminal organization, criminal community, criminal group. Some questions of operational search activities on crimes in the sphere of high technologies are analyzed.

Keywords: search operations, investigation, work, ICT, problematics.

Галушкин А. А.

В Большом юридическом словаре преступное сообщество (преступная организация) определяется как «сплоченная организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях (ст. 35 УК РФ). Лицо, создавшее П.с. либо руководившее им, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство им в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, а также за все совершенные П.с. преступления, если они охватывались его умыслом. Другие входящие в П.с. лица несут уголовную ответственность за участие в нем в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали»¹.

Однако, по мнению некоторых учёных-правоведов, понятия «преступная организация» и «преступное сообщество» различны. Они отмечают, что «преступная организация имеет единую структуру, а преступное сообщество состоит из нескольких относительно независимых преступных организаций или организованных групп, объединённых общим стратегическим руководством»²³. Следует согласиться с целесообразностью подобного подхода.

Следует обратить, однако, внимание на присутствие в отечественной юридической науке термина «организованная преступная группа» (ОПГ). В соответствии с ч. «а» ст. 2 Конвенции против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) «организованная преступная группа означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода време-

ни и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». Очевидно, что есть ряд пересечений в понятиях определения понятий ОПГ, ОПС, ОПО, в связи с чем для целей настоящей статьи в дальнейшем будет применяться термин «ОПС».

В любом государстве оперативно-розыскная деятельность осуществляется в строгом соответствии с законом, «одно из неперемных условий оперативно-розыскной тактики производство всех действий, мероприятий, комбинаций, операций и т.п. на основе строжайшего соблюдения требований закона. Принцип законности наряду с другими общеправовыми принципами (уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина) тесно увязывается со специальными принципами (конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств достижения цели)»⁴.

В современных условиях активной миграции ОПС во многих странах состоят из граждан различных государств, владеют различными языками. Кроме того, следует обратить внимание, что зачастую подобные лица иммигрировали в страну незаконно, подчас по поддельным документам, в связи с чем у правоохранительных органов может не иметься информации об их прежней преступной деятельности или специальных навыках (служба в органах государственной безопасности, правоохранительных органов, армии).

Также следует обратить внимание на то, что с развитием информационно-коммуникационных технологий ОПС стали активно использовать их для совершения преступных деяний, координации преступной деятельности. ОПС зачастую стали значительно более глобальными и распределёнными (находящимися в разных регионах, а подчас и государствах).

1 Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. — М.: Инфра-М, 2003.

2 Иванов Н. Г. Групповая преступность: содержание и вопросы законодательного регулирования // Государство и право. — 1996. — № 9. — С. 69—71.

3 Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. — М., 1997.

4 Юрченко Ю. А. Основы оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // РУДН. — Режим доступа: <http://imp.rudn.ru/lectures/208/P6.htm>

Оперативно-розыскная деятельность может осуществляться как гласно, так и негласно. Некоторые государства стали использовать современные информационно-коммуникационные технологии в целях ведения наблюдения за лицами, которых они подозревают в терроризме, отмывании средств, полученных преступным путем, а также многих других потенциальных преступников.

Однако следует обратить внимание, что в основном подобная деятельность носит экстерриториальный характер, ведется за пределами государства-инициатора. При этом деятельность зачастую осуществляется с нарушением законодательства государства, в котором находится лицо, подлежащее разработке.

Зачастую подобная деятельность переходит в формат компьютерного шпионажа, выражающегося в несанкционированном получении информации с целью получения экономического, политического или военного превосходства, осуществляемого посредством взлома систем компьютерной безопасности с применением вредоносного программного обеспечения, включая «тройных коней» и шпионские программы, который может осуществляться как дистанционно, с помощью Интернета, так и путём проникновения в компьютеры и компьютерные сети предприятий обычными шпионами, а также хакерами⁵.

Тем не менее развитие информационно-коммуникационных технологий и распространение современных, в том числе и среди ОПС, свидетельствует о необходимости адаптации оперативно-розыскной методики раскрытия и расследования преступлений.

Подобную работу необходимо вести в строгом соответствии с законом. Для этих целей видится целесообразным разработать специализированную международную конвенцию или же адаптировать некоторые положения Конвенции против транснациональной организованной преступности.

Подобная работа невозможна без налаживания тесной работы между специализированными правоохранительными органами заинтересованных государств. Организация подобной работы представляется сложным процессом, нуждающимся в глубокой научной проработке.

Так как в процессе ведения оперативно-розыскной деятельности в ряде случаев эта работа может быть связана с работой со сведениями, составляющими государственную тайну, немаловажным является и информационное обеспечение международного сотрудничества с иностранными государствами с использованием сведений, составляющих государственную тайну⁶.

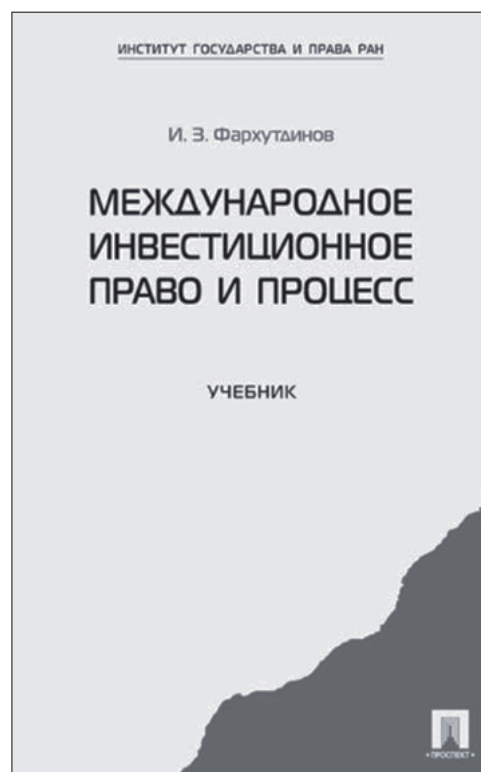
Следует обратить внимание, что значительная часть преступлений совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий, а зачастую даже полностью в сети Интернет, к примеру, интернет-казино, порно-сайты, ресурсы по продаже контрафактных товаров, наркотиков, людей, отмыванию доходов, полученных преступным путем и др.

Работа по пресечению подобной деятельности невозможна без выработки новых методов оперативно-розыскной деятельности, разработки нового законодательства, построения современного гражданского общества.

Построение гражданского информационного общества⁷⁸ является важной задачей, нераздельно связанной с вопросами предоставления государственных услуг⁹, необходимо дальнейшее совершенствование регулирования в области формирования и использования информационных ресурсов¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. — М., 1997.
2. Иванов Н. Г. Групповая преступность: содержание и вопросы законодательного регулирования // Государство и право. — 1996. — № 9.
3. Информационные ресурсы развития Российской Федерации. Правовые проблемы / [А. А. Антопольский, И. Л. Бачило, Г. В. Белов и др.; Отв. ред. И. Л. Бачило]; Рос. акад. наук. Ин-т государства и права. — М., 2003.
4. Messmer E. Cyber Espionage: A Growing Threat to Business [Электронный ресурс] // PCWorld. — Режим доступа: <http://www.pcworld.com/article/141474/article.html>

5 Messmer E. Cyber Espionage: A Growing Threat to Business [Электронный ресурс] // PCWorld. — Режим доступа: <http://www.pcworld.com/article/141474/article.html>

6 Галушкин А. А., Майстрович Е. В., Жуковец А. С. К вопросу об обеспечении защиты государственной тайны при международном сотрудничестве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 3. — С. 24–29.

7 Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. — 2008. — № 4. — С. 41–45.

8 Бачило И. Л. «Электронное правительство» и инновации в области государственных функций и государственных услуг // Информационные ресурсы России. — 2010. — № 1. — С. 13–17.

9 Бачило И. Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. — 2000. — № 4. — С. 42–44.

10 Информационные ресурсы развития Российской Федерации. Правовые проблемы / [А. А. Антопольский, И. Л. Бачило, Г. В. Белов и др.; Отв. ред. И. Л. Бачило]; Рос. акад. наук. Ин-т государства и права. — М., 2003.

Горкина Е. В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Статья посвящена анализу различных аспектов научной организации труда следователя. Автором рассматривается такое направление научной организации труда, как создание наиболее благоприятных условий для работы следователя. Данный аспект подразумевает совершенствование санитарно-гигиенических и эстетических условий труда, обеспечение служебных кабинетов и рабочих мест сотрудников более удобной мебелью, средствами криминалистической и организационной техники, а также новыми информационными технологиями, помогающими оптимизировать процесс расследования и облегчить труд следователя.

Ключевые слова: научная организация труда, следователь, автоматизированное рабочее место, оптимизация, расследование.

Gorkina E. V.

SOME ASPECTS OF THE SCIENTIFIC ORGANIZATION OF INVESTIGATOR'S LABOR

The article analyzes various aspects of the scientific organization of investigator's labor. The author explores such direction of scientific organization of labor as creating the most favorable conditions for the work of the investigator. This aspect implies the improvement of sanitary-hygienic and aesthetic labor conditions, outfitting the offices and workplaces of employees with more comfortable furniture, forensic tools and organizational techniques, as well as new information technologies that help to streamline the investigative process and to facilitate the work of the investigator.

Keywords: scientific organization of labor, investigator, workstation, optimization, investigation.

Горкина Е. В.

Научная организация труда (НОТ) следователя (дознавателя) представляет собой непрерывный процесс совершенствования форм и методов следственной деятельности, повышения производительности труда следователей, создания благоприятных условий для работы по расследованию преступлений, внедрения в деятельность следственных подразделений новых компьютерных и информационных технологий.

Понятие научной организации труда появилось еще в XIX в. благодаря американскому ученому Ф. У. Тейлору, изучавшему производственные процессы. В советском союзе сущность НОТ была впервые сформулирована в 1967 г. «В современных условиях научной надо считать такую организацию труда, которая основывается на достижениях науки и передовом опыте, систематически внедряемых в производство, позволяет лучше соединить технику и людей в едином производственном процессе, обеспечивает наиболее эффективное использование материальных и трудовых ресурсов, непрерывное повышение производительности труда, способствует сохранению здоровья человека...»¹. Данное определение безусловно не потеряло актуальности на сегодняшний день и непосредственно соотносится с деятельностью следователя по расследованию преступлений.

Одним из направлений научной организации труда является создание наиболее благоприятных условий для работы, что подразумевает совершенствование санитарно-гигиенических и эстетических условий труда, обеспечение служебных кабинетов и рабочих мест сотрудников более удобной мебелью, средствами криминалистической и организационной техники, а также, что немаловажно, новыми информационными технологиями, помогающими оптимизировать процесс расследования и облегчить труд следователя.

Факторы, определяющие условия труда следователя и дознавателя, можно разделить на следующие группы: санитарно-гигиенические, психофизиологические, эстетические, социально-психологические.

Санитарно-гигиенические факторы определяют внешнюю производственную среду. К ним относятся метеорологические условия производственной среды (микроклимат), шум, освещенность общая и местная, санитарно-бытовое состояние и обслуживание рабочих (служебных) помещений и др.

Психофизиологические факторы. Эти факторы обусловлены конкретным содержанием деятельности работника, характером его труда. К важнейшим психофизиологическим факторам относятся: физическая нагрузка, нервно-психическое напряжение, монотонность труда, ритмизация труда, рабочая поза, режим труда и отдыха.

Эстетические факторы. Производственная эстетика играет важную роль в создании благоприятных условий труда. Ее внедрение способствует формированию положительных эмоций у работника и повышению эффективности труда. К эстетическим факторам относятся: архитектурно-конструкторско-художественное оформление интерьера, служебного оборудования, оснастка рабочих мест, озеленение, применение функциональной музыки.

Социально-психологические факторы. Данный вид факторов характеризует взаимоотношения людей, сложившиеся в коллективе органа внутренних дел, их настроение и отношение к своей работе, стиль руководства коллективом органа и многие другие социально-психологические явления.

Немаловажное значение для продуктивной деятельности по расследованию преступлений является правильная организация рабочего места следователя.

Рабочее место следователя – это часть территории, на которой расположены элементы процесса деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, где следователь в определенных условиях осуществляет свою трудовую деятельность.

¹ Рекомендации всесоюзного совещания по организации труда (26–29 июня 1967 г.). – М., 1967.

Общие эргономические требования к рабочим местам и их безопасности и другие установлены государственными стандартами (ГОСТ), разработанными в 80–90 гг. XX в.

Рациональное оборудование рабочего места означает разгрузку работающего от излишних физических усилий в процессе работы. С учетом этого располагаются предметы и орудия труда на рабочем месте. Легко достать предмет труда можно тогда, когда он находится на доступном месте, будь то клавиатура компьютера или том уголовного дела, а поза работника и его движения удобны. В этой связи важное значение имеет рациональная планировка самого рабочего места. Она предполагает выявление наиболее и наименее удобных зон для выполнения трудовых операций и, в соответствии с этим, размещение всего необходимого для работы. Размеры рабочих зон во многом определяются конструкцией служебной мебели (письменными столами, рабочими креслами, сейфом, шкафами и др.). Эффективность их использования зависит от соблюдения правил размещения и применения оргтехники канцелярских принадлежностей, уголовных дел и т.д.

Согласно обоснованным научными исследованиями требованиям рабочее место следователя должно быть оборудовано с учетом следующих норм:

1. Должно соответствовать требованиям государственных стандартов (ГОСТов).

2. Оснащение рабочего места должно обеспечивать безопасность, удобство и работоспособность.

3. Сотрудник должен быть обеспечен достаточным количеством воздуха, света, окружен правильным сочетанием окраски интерьеров и помещений, их освещенности, с поддержанием нормального температурного и вентиляционного режима в помещениях.

4 Рабочее место должно организовываться с учетом различных шумовых помех, соблюдением требований к снижению уровня шума на рабочем месте.

5. Концентрации опасных и вредных факторов, воздействующих на следователя (дознателя) на рабочем месте (различные виды излучений от технических средств), не должны превышать установленных предельно допустимых значений².

К сожалению, как показывает практика и научные исследования, рабочие места следователей в большинстве территориальных подразделениях далеко не соответствуют этим требованиям. 70,2% рабочих мест сотрудников органов расследования преступлений не соответствуют научно-разработанным требованиям, в том числе безопасности труда, общим эргономическим требованиям, предъявляемым к производственной среде и др.³

Оптимизация, повышение скорости и качества работы следователя невозможны без применения в работе по расследованию преступлений информационных технологий, то есть информатизации процесса расследования. Информатизация должна обеспечивать достижение следующих целей:

– автоматизация процесса создания процессуальных документов, а также планов и графиков расследования; накопление и систематизация информации по уголовным делам;

– получение необходимой информации по уголовным делам из различных видов учетов ОВД;

– разработка автоматизированных методик расследования уголовных дел по отдельным видам преступлений;

– автоматизация контроля за соблюдением процессуальных сроков, выполнением планов⁴.

Основой реализации данных целей могут являться специально разработанные автоматизированные места следователя (АРМС).

АРМС представляет собой многоцелевой комплекс индивидуальных технических и программных средств, предназначенных для автоматизации и информационной поддержки процесса предварительного следствия, позволяющий организовывать и планировать рабочее время следователя, автоматизировать составление процессуальных и иных документов, обеспечивать получение, передачу и обработку любой необходимой для расследования справочной, методической и правовой информации, расположенный непосредственно на его рабочем месте, включенный в информационную сеть ОВД (локальную, территориальную, региональную).

В настоящее время существует целый ряд АИС и АРМ, которые можно эффективно использовать в следственной работе.

АРМ «Арсенал» предназначен для руководителей и сотрудников следственных аппаратов и дает возможность обеспечивать качественное ведение уголовных дел и повышать производительность труда сотрудников следственных подразделений. Он связывает между собой входящие в него информационные системы «Картотека уголовных дел», «Анализ показателей», «Доказательства», «Постановления», что позволяет формировать общее электронное досье. АРМ «Арсенал» постоянно развивается и совершенствуется. Разрабатывается интерфейс для обращения к компьютерным фототекам и дактоучетам, ведутся работы по интеграции АРМа со специализированными экспертными системами.

АИПС «Картотека уголовных дел» контролирует движение дел, соблюдение процессуальных сроков, количество и виды проведенных экспертиз, применение научно-технических средств и методов, деятельность сотрудников по профилактике преступлений, производит оценку качества их работы и нагрузки.

АИПС «Анализ статистических показателей» позволяет получать показатели следственной работы для их анализа при подготовке управленческих решений на уровне следственного управления.

АИПС «Доказательства» автоматизирует подготовку большинства процессуальных документов. Система осуществляет поиск информации по реквизитам протоколов допроса и зафиксированных показаний, а также анализирует материалы дел.

АИПС «Постановления» автоматизирует процесс подготовки постановлений о привлечении лица в качестве обвиняемого и обвинительных заключений, постановлений о прекращении, приостановлении уголовных дел и об отказе в возбуждении уголовного дела. Идеология системы разрабатывалась с привлечением наиболее опытных работников следственных подразделений.

2 См.: Можяева И. П. Научная организация труда в органах расследования преступлений: Учебно-практическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – С. 44, 55.

3 См.: Можяева И. П. Научная организация труда в органах расследования преступлений: учебно-практическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – С. 44, 55.; Токарева Е. В., Тришкина Е. А. Особенности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью дознавателя. Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.

4 См.: Информатика и информационные технологии в юридической деятельности: Учеб. пособие. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2011. – С. 117.

По результатам анализа научной литературы и практики работы подразделений по расследованию преступлений ОВД стоит констатировать, что реальное количество и качество технических и информационных средств, обеспечивающих рабочие места следователей (дознавателей), не соответствует ни нормам положенности, ни современным научным разработкам в этой области⁵. Большинство опрошенных следователей из территориальных подразделений различных регионов России, проходивших обучение на ФПК Волгоградской академии МВД России, пояснили, что об АРМС и различных информационно-поисковых системах им известно только понаслышке. В деятельности их следственных подразделений они не применяются. Большинство из опрошенных пояснили, что следователи обеспечены персональными компьютерами с ПО в виде текстовых редакторов и баз процессуальных бланков. Систематизацию, накопление информации по уголовным делам они ведут сами вследствие отсутствия специальных автоматизированных программ.

Таким образом, несмотря на то, что требования к рациональной организации рабочих мест следователей разработаны и утверждены еще в прошлом веке, разработан целый ряд вариантов АРМС и существует большое количество автоматизированных систем, по данному поводу написана масса научных трудов и методических рекомендаций, НОТС в данных аспектах, особенно в территориальных подразделениях ОВД России, оставляет желать лучшего. Работа по внедрению

современных положений НОТС должна продолжаться, на нее необходимо обратить пристальное внимание как в подразделениях регионального уровня, так и на уровне МВД России. А также необходимо продолжить внедрение разработанных АРМС и имеющихся АИС в деятельность ведомственных вузов с целью обучения будущих специалистов в области расследования преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюков С. Ю. Стешенко Ю. С. О некоторых проблемах профилактики преступлений в сфере предпринимательства. Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 4 (27). 2013: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2013.
2. Информатика и информационные технологии в юридической деятельности: учебное пособие. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2011.
3. Лихолетов А. А. Васильев Д. В. Субъективная сторона незаконных организации и проведения азартных игр. Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 3 (30). 2014: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2014.
4. Можаяева И. П. Научная организация труда в органах расследования преступлений: учебно-практическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2013.
5. Рекомендации всесоюзного совещания по организации труда (26–29 июня 1967 г.). – М., 1967.
6. Токарева Е. В., Тришкина Е. А. Особенности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью дознавателя. Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.

5 См.: Бирюков С. Ю. Стешенко Ю. С. О некоторых проблемах профилактики преступлений в сфере предпринимательства. Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 4 (27). 2013: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – С. 93.; Лихолетов А. А., Васильев Д. В. Субъективная сторона незаконных организации и проведения азартных игр. Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 3 (30). 2014: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2014. – С. 64.

Бондаренко Виктор Николаевич
доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также восемнадцать поэтических сборников. В том числе: монографии – «Из опыта философского исследования методологии и теории марксистского социализма» (Уфа, 1990); «Марксистская светская религия» (Уфа, 1994); «Методологические принципы гносеологической концепции классического марксизма» (Уфа, 1997); философские поэмы – «Диалог Сократа и Ф. Ницше» (Уфа, 2005); «Беседа Г. Гегеля и А. Шопенгауэра» (Уфа, 2006); «Книга перем» (Уфа, 2008); «Небесные беседы с Лао-цзы» (Уфа, 2010).

В.Н. Бондаренко

Полёт над бездной

Журавленко Н. И., Михайлова Я. С.

МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЕТА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИСХОДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

При проведении оперативно-розыскного прогнозирования преступлений экономической направленности самыми важными требованиями являются точность определения возможных последствий прогнозируемой противоправной деятельности и соответствие этой деятельности разработанным моделям. Одним из самых важных факторов, влияющих на соответствие прогнозируемой ситуации реальному развитию событий, является неопределенность исходов этих событий. Такая неопределенность возникает либо по причине неполноты имеющейся оперативной информации, либо из-за неточности разработанных математических моделей. В статье рассматриваются методы вычисления неопределенности исходов преступной деятельности с использованием сочетания различных математических инструментов – алгебры, логики, критерия оценки точности, теории случайных процессов, статистической проверки надежности модели и теории катастроф. Применение правильно подобранной комбинации таких инструментов позволит разработать наиболее точную модель, с помощью которой можно будет провести расчет неопределенности исходов выдвинутых версий преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскное прогнозирование, экономические преступления, расчет неопределенности.

Zhuravlenko N. I., Mikhailova Ya. S.

METHODOLOGY FOR CALCULATING THE UNCERTAIN OUTCOME OF ECONOMIC CRIMES IN CARRYING OUT OPERATIONAL INVESTIGATIVE PREDICTION

When carrying out quickly-search prediction of economic crimes the most important requirements are the accuracy of determining the possible effects of predicted illegal activity and compliance of this activity with models. One of the most important factors affecting the compliance of the predicted situation with the development of real events is the uncertainty of the outcomes of these events. Such uncertainty arises either due to the incompleteness of the available operational information, either because of the inaccuracy of the mathematical models. The article discusses methods of calculating uncertainty in the outcomes of criminal activity using a combination of different mathematical tools of game theory, algebra, logic, criteria for evaluating accuracy, stochastic processes, statistical testing of the reliability of the model and the theory of catastrophes. The use of a properly chosen combination of such tools will help to develop the most accurate model with which it would be possible to calculate the uncertainty of outcomes of produced versions of crimes.

Keywords: operational search forecasting, economic crimes, calculation of uncertainty.

Современное состояние мировой экономики, которое, казалось бы, достигло апогея своего развития, как никогда прежде подвержено разрушительному влиянию теневой экономики. Во всех странах мира экономическая безопасность является основополагающим условием естественного и полноценного развития государства, а подрыв её основ влечет разрушительные последствия, затрагивающие все институты общества. Наиболее важным условием обеспечения экономической безопасности является эффективная деятельность правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с экономической преступностью как в масштабах государства, так и на уровне отдельных отраслей экономики, регионов, предприятий. В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности правоохранительные органы используют оперативно-розыскную информацию и данные оперативно-розыскного прогнозирования. В случае неполноты или недостоверности таких данных под угрозой может оказаться успешность выполнения ими задач обеспечения экономической безопасности защищаемых объектов. Следует признать, что использование математических методов прогнозирования преступной деятельности далеко не всегда приводит к раскрытию преступных планов и последствий их реализации. Зачастую опыт и интуиция специалиста, расследующего преступление, могут дать гораздо более точные результаты. Несмотря на то, что математические методы, используемые для расчета прогнозных значений вероятности реализации различных версий совершения преступлений, со временем совершенствуются, расчет неопределенности в их исходах остается, как и прежде, самым сложным для вычисления. Основная проблема заключается в прогнозировании логи-

ки действий двух противоборствующих сторон – противоправной и правоохранительной. Преступники не хотят быть пойманными, а сотрудники правоохранительных органов для предупреждения нарушений закона исполняют свой долг по пресечению и раскрытию преступлений. Для выполнения оперативно-розыскного прогнозирования должна быть проведена предварительная обработка имеющихся оперативных данных и разработана математическая модель рассматриваемой преступной деятельности для более точного определения неопределенности прогнозируемых исходов ее осуществления.

Вначале, для понимания важности оценки неопределенности исходов, определимся с понятием версии преступления. Она представляет собой идеальную (мысленную) логическую модель познаваемого объекта, формирование которой проходит следующие три четко выраженные последовательные стадии:

1. Возникновение (выдвижение) версии.
2. Анализ (разработка) выдвинутого предположения и определение ряда следствий (обстоятельств, событий, фактов), логично вытекающих из этого предположения.
3. Практическая проверка предполагаемых следствий криминальных действий и сопоставление их с тем, что в результате проверки установлено в реальной действительности¹.

Наибольший интерес представляет вторая стадия формирования версии – анализ выдвинутого предположения. На

1 Криминалистика: Учебник / Лоер В. – April 12, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvglobal.by.ru/lows/crime/crime0.5/shtml>

этой стадии и производятся дополнительные математические расчеты, позволяющие определить характер последующих событий (исходов).

При этом на всех стадиях развития версии особое внимание должно уделяться изучению связей, возникающих между различными объектами в рассматриваемом преступлении. Эти связи могут различаться как по виду (природе возникновения), так и по степени воздействия, оказываемого на определенный объект (систему объектов). Они могут носить явный и неявный характер. К явным относятся очевидные связи, не вызывающие сомнений, например, подозреваемый – потерпевший, организатор совершения преступления – его исполнитель и т.п. К неявным относятся те связи, которые нельзя выявить с помощью тех или иных известных фактов, но существование которых в принципе возможно. Зачастую именно неявные связи подсказывают направления поиска в решении задач оперативно-розыскных действий, а также предопределяют разработку новых версий при осуществлении оперативно-розыскного прогнозирования².

Целью математического моделирования в ходе проведения криминологического анализа предполагаемой преступной деятельности является единичная численная интерпретация результатов предполагаемых действий или прогнозного горизонта значений. А исчисление неопределенности исходов выступает, скорее, как обособленная часть общего процесса исследования, как отдельное направление аналитической работы.

Теперь обратимся к самой природе неопределенности исходов преступлений в экономике. Такая неопределенность возникает в случае невозможности предсказания того или иного события (такое событие называется непредсказуемым). В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова говорится следующее: «Непредсказуемый – такой, что невозможно предсказать, или (о человеке) такой, поступки которого невозможно предугадать, предвидеть».

Событие в общеуголовной практике предполагает множество результатов и признаков преступного деяния. Стадии исследования преступного события можно охарактеризовать следующими способами:

- диагностика механизма и обстоятельств событий по их отображенным результатам;
- диагностика отдельных элементов деяния, его признаков – динамики, временных и пространственных параметров, условий, связей и т. д.³.

Для правильного определения неопределенности исходов (общего характера, либо по отдельным неизвестным параметрам) в выдвинутых версиях преступлений необходимо осуществить предварительное моделирование каждого элемента цепочки событий на языке математического описания. С этой целью могут быть использованы в определенной последовательности различные математические инструментари: алгебра логики, критерий оценки точности, теория случайных процессов, статистическая проверка надежности модели и теория катастроф.

Итак, допустим, что существует некоторая наиболее вероятная модель версии преступления (математический аппарат такой модели может быть любым, но при условии получения односложного результирующего показателя) и необходимо произвести операции оценочного характера. В первую очередь это касается общего понимания существенности расчетов. Как один из возможных вариантов – использование алге-

бры логики, которая предполагает определение возможности или невозможности того или иного события. В случае получения положительных результатов следующим шагом может быть оценка точности прогнозов. Обратим на неё более пристальное внимание.

Оценка точности прогнозов или проверка численного значения показателя в будущем на предмет достоверности подразумевает устойчивость динамики процесса в будущем, сохранение его характеристик, а также возможность или невозможность принять ту или иную гипотезу (при условии получения более одного результата в предыдущих расчетах).

Так, предположим, что некоторая случайная величина x имеет функцию распределения $p(x/v)$ где v – некоторый параметр. Рассмотрим процедуру проверки версии (нашего случая) относительно параметра v . Версия H_1 состоит в том, что $v = v_1$, а версия H_2 – в том, что $v = v_2$. Допустим, что верна версия H_1 – тогда получим решение в пользу H_1 с вероятностью не менее $(1 - I_{21})$, а если верна версия H_2 , то решение будет в пользу H_2 с вероятностью не меньше чем $(1 - I_{12})$. В данном случае I_{ij} есть вероятность принятия версии H_i , тогда как в действительности истинной является версия H_j . В качестве версии H_1 рассматривается версия принадлежности случайной величины x к первому классу $x \in \omega_1$, а версии H_2 – к классу ω_2 , $x \in \omega_2$. Отношение правдоподобия L_n имеет вид:

$$L_n = \prod_{i=1}^n \frac{P(x_i/H_1)}{P(x_i/H_2)} = \frac{P_n(x/H_1)}{P_n(x/H_2)}$$

Такой критерий позволяет решить, следует ли принять или не принять версию H_1 , когда L_n соответственно меньше или больше некоторой постоянной⁴. Если критерий позволяет принять версию, то следующим шагом в вычислениях может стать расчет неопределенности её исходов в нескольких возможных операциях. Обратимся прежде к формуле степени неопределенности в выражении негэнтропии, которая имеет следующий вид:

$$N = -\sum_{i=1}^N p_i \log_2 p_i$$

Эта формула была предложена в 1948 г. К. Шенноном. Ее называют также формулой абсолютной негэнтропии. Она аналогична формуле энтропии, только имеет отрицательный знак. Знак минус в правой части приведенного уравнения использован для того, чтобы сделать величину N положительной (поскольку $p_i \leq 1$, $\log_2 p_i \leq 0$, $\sum p_i = 1$). Понятие энтропии ввел немецкий физик-теоретик Р. Клаузиус в 1865 г. Сам термин происходит от греческого слова *entropē* – «замкнуть внутри» и в нашем случае может трактоваться как естественная «сила», которая движет систему от невероятного состояния к вероятному⁵. Теперь предположим, что есть событие x . Тогда неопределенность этого события будет принимать значения:

$$N(x) = -\sum_{i=1}^N p_i(x_i) \log_2 p_i(x_i)$$

Нас интересует также случай, когда есть события x и y , которые зависимы, и событие y приняло значение y_i . Тогда неопределенность события x становится равной:

2 Правовое, техническое и аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями: Монография. В четырех томах. – Т. 4. Аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И. М. Даукаев, Н. И. Журавленко, А. Н. Халиков, Е. Н. Яковец. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 309.

3 Указанная работа. – С. 295.

4 Рабочая книга по прогнозированию / И. В. Бестужев-Лада, С. А. Саркисян. – М.: «Мысль», 1982. – С. 271.

5 Экономическая кибернетика: Учеб. пособие; изд. 2-е / Донецкий национальный университет. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2003. – С. 73.

$$N$$

$$H_{yi}(x) = -\sum_{i=1}^n p_i (x_i/y_i) \log_2 p_i (x_i/y_i)^6$$

Как видно, эта модель достаточно проста, но не всегда существует возможность вычислить возможные состояния объекта. По этой причине следует прибегнуть к теории случайных процессов, а точнее, к марковским случайным процессам или же, как их называют, «процессам без последствия». Марковские случайные процессы характеризуются тем, что их вероятностные свойства в моменты времени $t > t_0$ полностью определяются состоянием процесса в момент времени t и не зависят от состояний процесса в моменты, предшествующие t_0 . Существенным является условие, что для задания n -мерной плотности вероятности марковского процесса достаточно задать лишь две функции — начальную и переходную плотность⁷.

В дальнейшем с целью адаптации полученных значений необходимо прибегнуть к методам проверки надежности модели. Если до этого мы рассматривали скорее динамические системы, то математический аппарат для определения степени надежности должен быть основан на методах проверки гипотез с точки зрения статичности. Рассматриваемая надежность математической модели измерения является характеристикой модели, оценивающей, насколько применим некоторый полученный результат, который ранее был определен в модели. Таким образом, надежность оценивает состоятельность модели в сравнении с результатом измерения. Основа измерений надежности заключается в задаче проверки статистической гипотезы о параметре нормального распределения проекции ξ_2 случайного вектора ξ на ортогональное дополнение к пространству: при верной гипотезе математическое ожидание ξ_2 равно нулю, а при верной альтернативе эта величина отлична от нуля. Для ее решения используется статистика:

$$\alpha(\xi) = P(\chi_{n-2}^2 \geq ||\xi_2||^2 / \sigma^2) = \int p(x) dx$$

$$||\xi_2||^2 / \sigma^2$$

Такая статистика трактуется как надежность модели [А, Σ], где χ_{n-2}^2 — некоторая случайная величина, которая контролируется распределением Пирсона хи-квадрат с числом степеней свободы (равным n_2) в размерности пространства. Особое значение имеет то, что статистика $\alpha(\xi)$ в случае верной гипотезы равномерно распределена на [0,1] (т.е. имеет плотность вероятности, равную единице на [0,1]), а если гипотеза неверна, то плотность распределения $\alpha(\xi)$ неограниченна в нуле, и надежность должна принимать преимущественно малые, близкие к нулю значения⁸. Если же наша версия в заданных моделях проходит и эту стадию проверки на предмет надежности, то далее может быть представлена уже непосредственно в общей модели, безусловно учитывающей фактор неопределенности события. То есть необходимо использовать модели, рассматривающие опять-таки динамические системы, но с учетом использования точек бифуркации. Дело в том, что точка бифуркации имеет свойство неопределенности и имеет несколько ответвлений режимов потенциального распределения, по которому пойдет вся динамическая система. С учетом предсказания выбранного режима (описанные выше механизмы расчета) и может быть выстроена общая модель. Например, посредством использования теории катастроф, которая позволяет учитывать все обозначенные факторы.

Математическая теория катастроф направлена на разработку математических моделей катастроф — самых разных явлений скачкообразного изменения функционирования системы в ответ на плавное изменение внешних условий, имеющих некоторые общие черты⁹. Теория катастроф может быть применима к анализу поведения системы, в которой рассмотрены все факторы потенциально совершаемого преступного деяния. Для этого должны быть определены признаки катастроф, выявлены критические точки как основной метод исследования скачкообразных изменений рассматриваемой системы в зависимости от плавного изменения ее параметров. Смысл в том, что в любой системе, на которую воздействуют различного рода факторы, происходят не только плавные, но и резкие (скачкообразные) изменения, что приводит к описанию свойств этих систем с помощью некоторой функции. В качестве такой функции и может быть использован результат выведенного нами механизма расчетов.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что приводимые в статье математические инструментари, используемые для вычисления неопределенности исходов, могут дать какие-либо стоящие результаты только при условии их последовательного использования. Спектр вычислений, производимых над данными, рассчитан на сложность природы непредсказуемости. Поэтому без использования дополнительного проверочного математического аппарата существует большая вероятность искажения вычисляемых параметров.

Таким образом, при осуществлении математического прогнозирования преступной деятельности в экономической сфере, могут быть использованы следующие последовательные стадии расчетов неопределенности:

1. Оценка точности прогноза версии.
2. Расчет неопределенности исходов в формулах негэнтропии и теории случайных процессов.
3. Проверка надежности модели.
4. Моделирование общего поведения системы посредством теории катастроф.

Пристатейный библиографический список

1. Криминалистика: Учебник / Лоер В. — April 12, 2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dvglobal.by.ru/lows/crime/crime0.5/shtml>
2. Математические модели нелинейной динамики; изд. 2-е, испр. / А.И. Чуличков — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003.
3. Правовое, техническое и аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями: Монография: В 4 т. — Т. 4. Аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И. М. Даукаев, Н. И. Журавленко, А. Н. Халиков, Е. Н. Яковец. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013.
4. Рабочая книга по прогнозированию / И. В. Бестужев-Лада, С. А. Саркисян. — М.: «Мысль», 1982.
5. Теория катастроф; изд. 3-е, доп. / В. И. Арнольд — М.: Наука, 1990.
6. Экономическая кибернетика: Учеб. пособие; изд. 2-е / Донецкий национальный университет. — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2003.

6 Там же. — С. 93.

7 Математические модели нелинейной динамики; изд. 2-е, испр. / А. И. Чуличков — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. — С. 227.

8 Там же. — С. 257.

9 Теория катастроф; изд. 3-е, доп. / В. И. Арнольд. — М.: Наука, 1990. — С. 8.

Кунбутаев Т. Н.-И.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассмотрены понятия и общая криминологическая характеристика экономической преступности России. На сегодняшний день экономическая преступность является одной из наиболее серьезных проблем в нашей стране, поэтому мотивы актуальности данной темы очевидны. Автор считает, что особенность социальной опасности современной экономической преступности заключается в вытеснении легитимных социальных норм и соответствующих социальных ролей в обществе их антиподами, воспроизводящими антисоциальные жизненные стандарты, установки, нормы и стереотипы поведения.

Ключевые слова: УК РФ, экономическая преступность, уголовно-правовое и криминологическое понятие.

Kunbutaev T. N.-I.

CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

This article discusses the concepts and general criminological characteristics of economic crime in Russia. Today, economic criminal activity is one of the most serious problems in our country, therefore, the explanation of the relevance of this topic is evident. The author believes that the peculiarity of the social danger of modern economic criminal activity is to supersede the legitimate social norms and appropriate social roles in society with their antipodes, reproducing anti-social living standards, attitudes, norms and behavioral stereotypes.

Keywords: Criminal Code of the RF, economic crime, criminal law, criminological concept.

Кунбутаев Т. Н.-И.

Виды преступности — это отдельные относительно самостоятельные структурные составляющие преступности, являющиеся предметом изучения криминологов. А. И. Долгова указывает, что криминологами было предложено множество оснований для выделения в общем массиве преступлений неких групп; это выделение может производиться как на основе формальных критериев (пол, возраст, основная мотивация преступника и т. д.), так и исходя из сферы общественной жизни, в которой проявляется преступность, которой она наносит ущерб (экономика, политика, государственное управление). Россия избрала рыночную стратегию реформирования экономики. Новый Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г., вступивший в действие 1 января 1997 г., впервые отдельную главу посвятил преступлениям в сфере экономической деятельности. В действующем УК имеется раздел «Преступления в сфере экономики», в который вошли три главы с 47 статьями. Раздел VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» состоит из трех глав:

– глава 21 «Преступления против собственности», включающая известные ранее виды посягательств на собственность (кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой и др.);

– глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», где наряду с новыми видами деликтов, такими, как, например, незаконное предпринимательство (ст. 171, а также ст. 171.1), незаконная банковская деятельность (ст. 172), незаконное получение кредита (ст. 176), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 174, а также ст. 174.1), содержатся традиционные: приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175), изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество) (ст. 186), контрабанда (ст. 188), налоговые и таможенные преступления;

– глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» также содержит новации, касающиеся злоупотреблений полномочиями в государственных организациях. В данной статье, в частности,

рассматривается одна из структурных частей преступности, включающая в себя совокупность всех совершенных в сфере экономики преступлений, посягающих на отношения собственности, правомерность предпринимательства и свободу экономической деятельности.

К экономическим преступлениям относятся преступления против собственности (гл. 21 УК) и преступления в сфере экономики (гл. 22 УК).

Экономическая преступность, иными словами, преступность экономической направленности представляет собой совокупность противоправных, общественно опасных, корыстных, причиняющих существенный материальный ущерб посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений.

Общепринятого уголовно-правового и криминологического определения понятия «экономическая преступность» в настоящее время не выработано, несмотря на его широкое использование в научном обороте. Понимание экономической преступности крайне неопределенно. Это, безусловно, ограничивает возможности конструктивного диалога с целью совершенствования и унификации законодательства по борьбе с данным явлением. Однако, с другой стороны, сложность самого явления, динамичное изменение криминальной практики в экономической сфере, значительные национальные различия в сочетании с плюрализмом исследовательских подходов, обусловленным методологией и личностными особенностями, не позволяет рассчитывать на окончательное решение этой задачи в принципе. Это связано не с несовершенством механизмов научного познания или неэффективной организацией научного общения, а с природой самой проблемы. Используя выражение М. Мамардашвили, ее можно рассматривать в качестве своеобразной «фиксированной точки интенсивности», то есть явления, смысл которого не проявлен до конца, не может быть проявлен до конца, но познание которого является

мощным стимулом для непрерывного поиска нового смысла. Вокруг таких понятий происходит особая интенсификация познавательных усилий.

Другой, связанный с предыдущим, аспект этой проблемы состоит в том, что полностью адекватное описание данной сферы действительности дать вряд ли возможно, не опираясь на некоторые априорные предположения и допущения, выбор которых опять-таки определятся как минимум личностными факторами и методологическими традициями.

Проблемы экономической преступности привлекают внимание исследователей на протяжении всей истории развития данного феномена.

Первоначальное понимание экономической преступности фактически сводилось к ее отождествлению с преступностью имущественной. В понятийном и методологическом аппарате правовой науки не находили адекватного отражения новейшие тенденции криминальной практики.

Начиная с Э. Сатерленда, который ввел в научный оборот понятие беловоротничковой преступности, никто из последующих криминологов не смог создать определение, способное придать изучаемому явлению более или менее четкие очертания. Так, известный шведский криминолог Б. Свенссон пишет, что понятие «экономическая преступность» не имеет четких уголовно-правовых границ и включает целый ряд явлений различного рода.

В соответствии с этим понятием, используемым государственными органами, ведущими борьбу с преступностью, к экономической преступности должна относиться прежде всего преступность, имеющая в качестве прямого мотива экономическую выгоду. Кроме того, она должна носить длящийся характер, осуществляться систематически и в рамках легальной хозяйственной деятельности, на основе которой возникают преступные деяния.

По данным обзора литературы выделяют следующий перечень экономических преступлений:

1. Преступления, выражающиеся в злоупотреблении капиталовложениями, которые причиняют ущерб компаниям, акционерам и т.д.

2. Преступления, состоящие в злоупотреблениях депозитным капиталом и причиняющие ущерб кредиторам, гарантам (сюда входят ложные банкротства, наносящие ущерб кредиторам; мошенничества в области страхования; махинации с субсидиями).

3. Преступления, связанные с нарушением правил свободной конкуренции (например, промышленный шпионаж, а также искусственное завышение или понижение цен, сговор о фиксировании цен, ложная реклама).

4. Преступления, состоящие в нарушении прав потребителей (выпуск недоброкачественной продукции, влекущей за собой причинение физического вреда потребителям; различные мошенничества, причиняющие материальный ущерб потребителям, и пр.).

5. Преступления, посягающие на финансовую систему государства (например, сокрытие прибыли, уклонение от уплаты налогов, нарушение контроля за торговлей и производством).

6. Преступления, связанные с незаконной эксплуатацией природы и причиняющие ущерб окружающей среде (например, загрязнение окружающей среды, нарушение положений о строительстве и др.).

7. Преступления, состоящие в махинациях в области социального страхования и пенсионного обеспечения, а также

преступления, связанные с сознательным нарушением правил техники безопасности, причиняющие материальный и физический ущерб рабочим и служащим.

8. Коммерческие взятки.

9. Компьютерные преступления.

При анализе результатов исследований экономической преступности, проведенных западными криминологами, необходимо еще раз подчеркнуть, что по своей квалификации они чаще всего являются социологами. Отсюда нечеткость в определениях, а зачастую — пренебрежение юридическими категориями, которые, собственно, и составляют базу для понимания исследуемого феномена. Узость подобного подхода связана с тем, что экономические преступления совершаются не только от имени и в интересах предприятия. До настоящего времени в ряде стран, в том числе в России, отсутствует уголовная ответственность юридических лиц.

В России при создании нового уголовного кодекса реализован широкий подход к определению преступлений, определяемых как экономические.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. – 1993. – № 4.
2. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997.
3. Лунеев В. В. Преступность XX века. – М., 1997.
4. Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993.
5. Мишин Г. К. Проблема экономической преступности (опыт междисциплинарного изучения). – М.: ВНИИ МВД России, 1994.

Минязева Т. Ф., Гамидов Р. Т.

ПРОБЛЕМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Терроризм характеризуется исключительным многообразием проявлений, что ставит перед наукой уголовного права и законодателем непростые вопросы четкого определения критериев отнесения того или иного преступного деяния к террористическим.

В статье анализируются подходы к установлению эффективности мер противодействия террористической деятельности.

Современная ситуация требует постоянного обновления, совершенствования и корректировки действующего антитеррористического законодательства с точки зрения устранения внутренних противоречий и пробелов, которые в нем имеются, с тем чтобы оперативно отвечать на вызовы террористических группировок и защищать людей от терроризма.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное преследование, законодатель, терроризм, изменение закона.

Minyazeva T. F., Gamidov R. T.

THE PROBLEM OF CRIMINOLOGICAL CONDITIONING OF CRIMINAL LAW ON TERRORIST ACTIVITIES

Terrorism is characterized by a wide variety of manifestations that confronts the criminal law science and the legislator with difficult issues of clear definition of the criteria for the assignment of one or another criminal activity to a terrorist one.

In the article approaches to establishing effective measures to counter terrorist activities are analyzed.

The current situation requires constant updating, improving and adjusting the existing anti-terrorist legislation from the point of view of removing inconsistencies and gaps that exist in it, in order to promptly respond to the challenges of terrorist groups, and to protect people from terrorism.

Keywords: criminal liability, criminal prosecution, the legislator, terrorism, change in law.

Установление уголовной ответственности за те или иные общественно опасные деяния должно быть обоснованным, отвечающим критериям криминализации деяний. Под этим понимается криминологическая обоснованность того или иного преступления в совокупности с возможностью его процессуального оформления и использования норм доказательственного права. Другими словами, деяние должно быть весьма распространенным, обладая высокой степенью общественной опасности, позволяющей отграничивать его от иных правонарушений. К примеру, Р. М. Акутаев предлагает разделить преступления на четыре категории в зависимости от характера и степени общественной опасности. К преступлениям первой категории (уголовные проступки) он относит умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок не свыше трех лет или иное более мягкое наказание. Автор считает, что в российском уголовном законодательстве просматривается некая «буферная» зона правонарушений, включающая, с одной стороны, преступления с наименьшей степенью общественной опасности (уголовные проступки), а с другой стороны, административные проступки, степень опасности которых, как выразился в одном из своих решений Конституционный Суд Российской Федерации, «тяготеет» к уголовно наказуемым деяниям. В предложенной Р. М. Акутаевым концепции выделяется самостоятельное понятие уголовного проступка, остальные категории получают цифровое обозначение¹. Уголовный проступок рядом ученых понимается как одна из категорий преступлений, находящаяся между

преступлениями небольшой тяжести и административными правонарушениями².

А. А. Герцензон отмечал, что первой линией социологического подхода к проблемам уголовного права является криминология. Им указывалось, что криминология является одной из форм применения конкретно-социологического метода в исследовании уголовно-правовых проблем. Но применение конкретно-социологического метода в науке уголовного права, по его мнению, не ограничивается лишь криминологическими исследованиями, ибо имеются и другие, не менее важные аспекты его применения³. На сегодняшний день не вызывает сомнения тот факт, что без криминологических исследований невозможно оптимальное функционирование системы мер борьбы с преступностью.

Отечественное уголовное право в настоящее время испытывает дефицит в криминологической информации. Это, в свою очередь, способствует самоизоляции уголовного права, а в законотворческом отношении благоприятствует принятию сомнительных решений, не только не способствующих подавлению общественно опасной активности, но и нередко стимулирующих преступное поведение, а также ставящих опасных правонарушителей в привилегированное положение, на что справедливо обращали внимание ряд исследователей⁴. Одно-

Минязева Т. Ф.

Гамидов Р. Т.

1 Акутаев Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 41–45.

2 Гамидов Р. Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве. Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 179–183.

3 Герцензон А. А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). – М.: Юридическая литература, 1970. – С. 17.

4 Милуков С. Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства: Дис. ... д-ра юрид. наук.

временно следует отметить, что проблема криминологически обоснованного законодательства появилась не сегодня. Еще в XVIII в. Ч. Беккариа отмечал, что «издаваемые законы служат орудием страстей незначительного меньшинства или порождаются случайной и мимолетней необходимостью»⁵.

Криминологические основания

Криминологические основания появления и существования норм уголовного права обладают двумя основными признаками: во-первых, они наряду с другими социальными явлениями выражают ту или иную степень опасности причинения вреда общественным отношениям в результате поведения определенной категории людей, во-вторых, в них находят объяснение причины такого поведения. При этом одни криминологические основания обусловлены другими. В. Д. Филимонов в связи с этим выделяет три уровня оснований норм уголовного права⁶.

На первом уровне находятся те явления общественной жизни, которые порождают антиобщественные свойства сознания. К ним относятся так называемые основные явления, определяющие причины преступности в стране. Они выражаются в существовании определенных негативных явлений в сфере общественного бытия и общественного сознания, во влиянии на сознание людей. Кроме того, к ним следует отнести и те условия общественной жизни, которые, хотя и не порождают антиобщественных свойств личности, тем не менее способствуют их формированию и закреплению в сознании людей.

Условия, способствующие совершению преступления, также относятся к обстоятельствам, которые могут служить криминологическим основанием дифференциации уголовной ответственности. Криминологии известно значительное количество условий, способствующих совершению преступлений. Но далеко не все они могут являться криминологическим основанием уголовно-правовой нормы, дифференцирующей уголовную ответственность. Такое значение они приобретают в тех случаях, когда обладают следующими особенностями: 1) оказывают на лицо провоцирующее воздействие; 2) уменьшают степень общественной опасности преступления и лица, виновного в его совершении; 3) облегчают совершение преступления.

На втором уровне криминологические основания выражаются в существовании определенных свойств человеческой личности. Среди этих свойств определяющее положение занимают антиобщественные свойства сознания, которые являются непосредственной причиной антисоциального поведения людей. Вместе с тем значение могут иметь и социально полезные свойства личности правонарушителя, а также те, которые не поддаются нравственной оценке (например, болезнь). Они учитываются в случае смягчения уголовной ответственности. Поэтому криминологическим основанием норм уголовного права является в целом личность виновных в совершении преступлений.

К этому же уровню криминологических оснований следует отнести и условия внешней среды, которые способствуют проявлению антиобщественных свойств человеческой личности в поведении, представляющем опасность для общества. Они оказывают влияние на количество преступлений, их структуру и динамику.

На третьем уровне криминологические основания норм уголовного права находят выражение в признаках, характеризующих состояние преступлений в обществе, их количество, структуру, динамику. Если ранее за такие деяния уже была установлена уголовная ответственность, то криминологическими основаниями новых норм будут данные, характеризующие состояние, структуру, динамику преступности.

Таким образом, при рассмотрении норм уголовного права, дифференцирующих уголовную ответственность, обнаруживается, что непосредственными их криминологическими основаниями являются состояние, динамика, уровень и структура преступности, а также признаки конкретного общественно опасного деяния. Некоторые особенности личности виновных и отдельные условия, способствующие совершению конкретных общественно опасных действий, могут оказывать влияние на содержание ряда правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность.

Личность преступника выступает на первый план, например, в случаях, когда определяется содержание норм, регулирующих вопросы освобождения уголовной ответственности. Исследования показывают, что в практической деятельности встречаются случаи, когда лица, совершившие преступления, перестают быть общественно опасными до их осуждения.

Кодекс в кодексе

О распространенности преступлений террористической деятельности, а в особенности в Северо-Кавказском регионе спорить нет необходимости. В условиях не ослабевающей террористической угрозы в России, при общем снижении количества зарегистрированных преступлений количество преступлений террористического характера в 2014 г. возросло на 70,5%⁷, и только в январе – июне 2015 г. зарегистрировано 752 преступления террористического характера (+39,8%) и 741 преступление экстремистской направленности (+33,0%)⁸. При всем этом законодатель продолжил расширение перечня преступлений «террористического характера». Закономерным итогом этого стало дальнейшее развитие своеобразного антитеррористического кодекса внутри Особенной части УК РФ путем дополнения главы 24 еще тремя казуальными статьями об ответственности: ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Причем две последние по сути являются текстуальными «дубликатами» соответствующих норм об ответственности за экстремистскую деятельность. Самое простое и одновременно заметное, что можно сделать при отсутствии реальных результатов – это сочинить очередной запрет⁹. Эти законы еще не успели сформировать правоприменительную практику, а уже в мае 2014 г. за эти преступления в разы усилены санкции, никак не согласованные ни с нормами УК РФ о террористической деятельности, ни с теорией уголовного права о санкциях в зависимости от конструкции состава преступления.

На сегодняшний день не меньше вопросов вызывает ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», в объективную сторону которой входит совершение таких деяний, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса. Фактически часть из перечисленных деяний охватывается понятиями подстрекательства и пособничества (ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ). Нельзя также не обратить внимание на грамматическое несовершенство данной нормы: «склонение» и «вербовка» кого и куда? В данной норме по-прежнему присутствует исключенное из уголовно-правового лексикона понятие «терроризм». Но больше всего вопросов вызывает включение в ст. 205.1 УК РФ

7 Статистический сборник «Состояние преступности за январь – декабрь 2014 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/604301/>

8 Состояние преступности – январь – июнь 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6167280/>

9 Ростокский А. В., Толпекин К. А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. – 2014. – № 18. – С. 31–34.

– СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2000. – С. 3.

5 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 88.

6 Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. – С. 22–23.

части 3 «Пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 настоящего Кодекса». Это совершенно избыточная норма, поскольку понятие пособничества раскрыто в ч. 5 ст. 33 УК РФ. Излишним также является включение в примечание к ст. 205.1 УК РФ примечания 1.1, в котором один в один повторяется понятие пособничества, данное в ч. 4 ст. 33 УК РФ¹⁰. В то же время за пособничество предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двадцати лет, которое является максимальным по данной статье, на целых пять лет превышает максимальное наказание за оконченный состав террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) и равно максимальному наказанию за террористический акт с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 205 УК РФ). Это противоречит принципу справедливости, который гласит, что наказание и иные меры уголовного-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). В конкретном примере, не отрицая общественной опасности пособничества в совершении преступлений террористического характера и важности борьбы с ними, нельзя ставить на один уровень реальных исполнителей и организаторов терактов и пособников, которые хотя и содействовали совершению преступления, но роль их была второстепенной.

Россия и Евросоюз. Международный опыт

Во всех странах Европы создается единая методика по борьбе с терроризмом и противодействием распространения экстремизма, принимаются единые нормы уголовного права, устанавливаются единые меры ответственности за эти преступления. Цель унификации заключается также в том, чтобы потенциальный террорист не мог найти возможность избежать наказания в европейской или любой иной стране мира.

Координатор Евросоюза по контртерроризму Жиль де Керков представил в Совете Евросоюза 17 января 2011 г. в Брюсселе План по противодействию терроризму, в котором было указано на необходимость гармонизации уголовного права государств. Основными из направлений деятельности в указанном плане были отмечены недопущение распространения идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде, обеспечение безопасности на транспорте, охрана критически важных объектов инфраструктуры государств. Особое внимание было обращено на проведение различного рода исследований по повышению безопасности и предупреждению терактов, расширение обмена информацией по проблемам борьбы с терроризмом и экстремизмом между странами.

Главы государств и правительств 28 стран на неформальном саммите ЕС 13 февраля 2015 г. приняли постановление о борьбе против терроризма в Европе и в мире после теракта против парижского еженедельника *Charlie Hebdo* и массовых выступлений граждан ЕС в защиту свободы выражения мнений. Лидеры стран постановили в целях безопасности граждан эффективнее использовать и совершенствовать механизмы обнаружения и обезвреживания террористов, в частности, «иностранных боевиков», то есть граждан ЕС, воюющих на стороне радикальных исламистов. Они призвали европейских парламентариев срочно принять закон о поименной регистрации пассажиров, сопроводив его необходимыми мерами защиты персональных данных граждан. В числе принимаемых мер – полное использование правовой базы Шенгенского соглашения для совершенствования контроля на внешних границах ЕС, временного восстановления его в отдельных случаях на внутренних, обмена информацией между правоохранительными органами стран союза, борьбы против нелегальной торговли огнестрельным оружием.

Все же большую озабоченность у властей ЕС вызывает именно участие граждан ЕС в военных действиях на стороне террористических группировок. Сенат (верхняя палата парламента) Франции принял 16 октября 2014 г. законопроект о борьбе против терроризма, который позволит запрещать потенциальным участникам террористических действий покидать территорию Пятой республики. Согласно документу, запрет на выезд из страны для граждан Франции может быть наложен, «когда есть серьезные основания предполагать, что кто-либо собирается поехать за границу с целью принять участие в террористической деятельности, военных преступлениях, преступлениях против человечности, или военных действиях на стороне террористических группировок, а также при условии, что (человек) может поставить под угрозу общественную безопасность по возвращении на территорию Франции».

В данном случае запрет вводится на шесть месяцев с возможностью продления до двух лет. У человека, попавшего под действие нового закона, будет изыматься паспорт и идентификационная карта личности¹¹.

Отдельно следует отметить, что 29 января 2014 г. было сделано совместное заявление России и Европейского союза, в котором отмечено, «что терроризм, несмотря на имевшиеся в последние годы успехи в борьбе с этим вызовом, продолжает оставаться одной из серьезнейших и постоянно эволюционирующих угроз глобальному миру и безопасности. В контексте набирающей темпы глобализации и расширяющегося использования передовых технологий терроризм быстро развивается, распространяется на все новые регионы мира, расширяется диапазон деятельности его сторонников». Россия и ЕС отметили, что будет продолжено укрепление сотрудничества и взаимодействия по линии Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и в формате Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (МАНИВЭЛ) в целях повышения эффективности совместных усилий по перекрытию каналов финансирования терроризма и противодействию отмыванию преступных доходов. Стороны будут поощрять на международном уровне принятие более энергичных усилий в целях полного отслеживания потоков финансовых средств, получаемых от их незаконного оборота, в том числе в офшорных юрисдикциях¹².

Развитие антитеррористического законодательства в США

Бюджет США на 2015 г. содержит акты, которые позволяют американским правоохранительным органам без решения суда арестовывать подозреваемых в связях с террористами (как иностранцев, так и граждан США) и допрашивать их без присутствия адвоката. Таким образом, ужесточаются не только формы и методы, используемые правоохранительными органами США в борьбе с выявленными или разыскиваемыми террористами, но также формы и методы в отношении лиц, лишь заподозренных в связях с террористами.

Отдельно также стоит отметить роль США в вопросах выявления и отслеживания деятельности террористических организаций в интернет-ресурсах.

Впервые США осознали важность выявления и отслеживания деятельности террористических организаций в интернет-ресурсах после трагических событий в Америке 11 сентября 2001 г. Уже через 6 недель после теракта был издан Закон о борьбе с терроризмом 2001 г. – Акт «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми

10 Гладких В. И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 34–38.

11 МИА «Россия сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141016/1028646047> (дата обращения: 25.06.2015).

12 Совместное заявление Россия – ЕС по борьбе с терроризмом. 28 января 2014 года [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1602 (дата обращения: 20.07.2015).

для пресечения и воспрепятствования терроризму» (USA Patriot Act), направленный на регулирование деятельности спецслужб по выявлению террористических группировок посредством отслеживания их активности, в том числе и в интернет-ресурсах. Закон позволил правоохранительным органам вести розыск подозреваемых в терроризме путем наблюдения за Интернетом с помощью разработанной и используемой ФБР системы онлайн-наблюдения «Carnivore», отслеживания web-страниц террористических организаций, проверки электронной почты лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. При этом при наличии чрезвычайных обстоятельств закон позволил вести розыск подозреваемых лишь с санкции прокуратуры и без ордера, выдаваемого судом¹³.

Кроме того, Акт направлен на борьбу с терроризмом при использовании террористами международных финансовых сетей для финансирования своей деятельности. Согласно этому закону банковские учреждения Соединенных Штатов Америки больше не могут непосредственно предоставлять корреспондентские счета иностранным банковским холдингам. В законе от банков также требуется предпринять меры для предотвращения использования корреспондентских счетов для косвенных банковских услуг такими банковскими холдингами. В дополнение к этому от банковских учреждений потребуется вести учет владельцев иностранных банков, которым они предоставляют корреспондентские счета, и агентов иностранных банков для вручения судебных повесток.

Статья 212 (ревизирующая ст. 2703 Титула 18 Свода законов США «Обязательное предоставление сообщений или документации потребителя») устанавливает обязанность провайдеров сети предоставлять оперативно-следственным органам информацию о потребителе своих услуг без судебного ордера о выемке, если ФБР утверждает, что таковая информация требуется для проведения санкционированного расследования международного терроризма.

Статья 216 Закона «Модификация полномочий, относящихся к использованию устройств по определению абонентов во время передачи исходящих или входящих сообщений» уполномочивает судью выдавать ордера на использование определителей телефонных номеров абонентов не только в пределах территориальной юрисдикции суда согласно прежней редакции ст. 3123 Титула 18 Свода законов США, но в любом месте в США.

Статья 213 Закона «Полномочие по отсрочке уведомления об исполнении ордера на обыск или выемку» значительно расширила круг условий, при которых сотрудники федеральных правоохранительных органов вправе проводить негласные обыски помещений во время расследования преступлений.

Сразу за принятием указанного Закона как в США, так и в других странах стали издаваться законодательные акты, регулирующие деятельность спецслужб по выявлению и пресечению деятельности веб-сайтов террористических организаций.

Результаты

По нашему мнению, дифференциация уголовной ответственности должна осуществляться с учетом тех криминологических реалий, которые существуют на данный момент, а также результатов научно обоснованного криминологического прогноза. Сложно толковать и вносить изменения и дополнения в уголовный закон в условиях происходящих реформ, не зная и не учитывая современного реального состояния преступности. В Российской Федерации как на уровне законодательства, так и на уровне подзаконных и иных нормативно-правовых актов требуется корректировка действующего антитеррористического законодательства с точки зрения устранения ряда внутренних противоречий и пробелов, которые в нем име-

ются. В рамках такой корректировки с учетом оправдаввшего себя в ряде зарубежных стран опыта необходимо внести изменения не в части расширения перечня преступлений «террористического характера», искусственно вычленив их из всей прочей организованной преступной деятельности но по признакам какой-то «идеологии», то особенной «дестабилизации безопасности общества и государства», то сопричастности террористов к каким-то «всемирным халифатам», а направить усилия на применение уже имеющихся законов. В уголовно-правовой литературе высказаны различные точки зрения относительно этого. А. В. Наумов, говоря о недостатках, имеющихся в действующем УК РФ, отмечает, что «они могут быть подразделены на две группы. В первую группу входят недостатки, относящиеся к социальной обусловленности уголовного закона и выражающиеся либо в существовании определенных пробелов в уголовно-правовом регулировании, либо (что чаще и имеет место) в излишней криминализации соответствующих деяний, объявленных на сегодняшний день преступлениями». Во вторую группу он включает недостатки, «относящиеся к изъянам техники уголовного закона»¹⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Акутаев Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. – 2013. – № 5.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004.
3. Гамидов Р. Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – № 1.
4. Герцензон А. А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). – М.: Юридическая литература, 1970.
5. Гладких В. И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. – 2014. – № 5.
6. Милюков С. Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства: Дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2000.
7. МИА «Россия сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141016/1028646047> (дата обращения: 25.06.2015)
8. Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2.
9. Ростокинский А. В., Толпекин К. А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. – 2014. – № 18.
10. Совместное заявление Россия – ЕС по борьбе с терроризмом. 28 января 2014 года // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1602 (дата обращения: 20.07.2015).
11. Солопченко Д. В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. – 2014. – № 6.
12. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981.

13 Солопченко Д. В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. – 2014. – № 6. – С. 52–55.

14 Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 271.

Баширова А. К., Юсупкадиева С. Н.
ОПОСРЕДОВАННАЯ ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ: ЗА И ПРОТИВ

В статье авторы рассматривают возможность проведения проверки показаний на месте без выхода на то место, где происходило исследуемое событие, исходя из того, что место, где предстоит проверить показания, может быть представлено не «вживую», а посредством его отображения на каком-либо материальном носителе.

Ключевые слова: следственные действия, проверка показаний на месте, показания, опосредованная проверка показаний на месте, следователь.

Bashirova A. K., Yusupkadiyeva S. N.
INDIRECT VERIFICATION OF TESTIMONY ON SITE: PRO ET CONTRA

In the article the authors consider the possibility of carrying out the check of testimony on site without visiting the place of the investigated event based on the fact that the place to verify evidence may be presented not "alive", but by displaying on any tangible medium.

Keywords: investigative actions, check of the testimony on site, testimony, the indirect verification of testimony on site, investigator.

Проверка показаний на месте (далее – ППМ) – следственное действие, лишь недавно легализованное в УПК, хотя и много десятков лет использовавшееся на практике, тактика которого подвергалась исследованию, в то же время нельзя утверждать, что все ее тактические возможности выяснены с исчерпывающей полнотой. Несмотря на то, что в ст. 194 УПК РФ достаточно четко определены цели и условия проведения проверки показаний на месте, на практике возникает немало проблем при осуществлении этого следственного действия.

Аксиоматический характер в теории и практике приобрело положение о том, что ППМ обязательно должно сопровождаться фактическим выходом на то место, где происходило исследуемое событие. В целом под местом понимается определенное пространство, пункт, где что-нибудь происходит, находится. Не возражая против подобной общей трактовки, которая дает абстрактное определение места, можно полагать, что она не ограничивает его лишь натуральной (физической) местностью.

Следует согласиться с Н. Власенко и В. Степановым в том, что трактовка ст. 194 УПК, ограничивающая понятие «места» лишь его натуральным «живым» физическим воплощением, не вполне обоснованна¹.

Анализ существующей практики показывает, что под местом понимается именно то место, где происходило исследуемое событие. Между тем, как указывалось выше, место того или иного события имеет свойство изменяться. Перефразируя известное философское изречение, можно сказать, что нельзя побывать на одном и том же месте дважды – всякий раз оно будет уже другим. Именно поэтому ч. 1 ст. 194 говорит о проверке показаний не на месте «исследуемого события», а на месте, «связанном с исследуемым событием», что суть не одно и то же.

Связь одного объекта с другим может носить не только физический, но и логический характер, проявляясь при этом в аналогии форм, размеров, технических характеристик. Например, при совершении преступления в автомашине, разрушенной впоследствии в результате дорожно-транспортного происшествия, проверка показаний лица, находившегося в момент совершения преступления в салоне этой автомаши-

ны, может быть проведена в салоне автомашины аналогичной модели. То же самое относится к другим транспортным средствам (самолетам, вертолетам, подводным и надводным кораблям), типовым строениям и другим объектам, объединяемым между собой близким типовым сходством, позволяющим проводить проверку показаний без ущерба для объективности и достоверности получаемой информации. Разумеется, степень конкретизации совпадающих характеристик аналога места и его прототипа зависит от обстоятельств дела.

Место может выступать не только в непосредственном, но и в опосредованном виде. Опосредованный – данный не непосредственно, а через посредство чего-нибудь другого. Иными словами, опосредование – это «отношение одного понятия (или объекта) к другому, мыслимое и познаваемое лишь через третье понятие (объект), так что последнее выступает в качестве основания для соотношения исходных; характеризует структуру какого-либо процесса или деятельности в плане достижения определенных целей или результатов»².

Предметным воплощением структуры опосредования выступает то или иное средство. Исходя из этого, полагаем, что место, где предстоит проверить показания, может быть представлено не «вживую», а посредством его отображения на каком-либо материальном носителе. Таким носителем является карта местности, фото-, видео-, киноизображение или изображение в трехмерной проекции на компьютере.

Основанием для такой постановки вопроса является правовой аспект: в статье УПК РФ, посвященной проверке показаний на месте, ничего не говорится о том, что проведение рассматриваемого следственного действия обязательно должно сопровождаться именно выходом (выездом) непосредственно на место (на наш взгляд, это одна из причин того, что законодатель отверг наименование, включающее указание на выход, выезд, что содержалось в многочисленных предложениях).

Использование опосредованных ППМ обуславливается потребностями быстрого раскрытия и расследования преступлений, так как следователь с их помощью получает информацию для выдвижения версий, планирования расследования и т.д.

1 Власенко Н. В., Степанов В. В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 9.

2 Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов. М., 1983. С. 459.

Н. Власенко и В. Степанов обоснованно рассматривают ситуации, когда проверка показаний, сопряженная с непосредственным пребыванием на месте исследуемого события, невозможна по объективным причинам. К таковым они, в частности, относят болезненное состояние лица, чьи показания планируется проверить, труднодоступность места либо опасность природных катаклизмов (сход лавин, затопление и т.п.), разрушение строения или транспортного средства. Кроме того, специфика ППМ придает этому следственному действию характер определенной исключительности, когда риск возникновения возможных негативных последствий оправдывается тем, что другие способы проверки показаний исчерпаны³.

Таким образом, в зависимости от условий расследования ППМ может проводиться непосредственно на месте, где происходили интересующие события, или опосредованно. В первом случае она осуществляется в натуральной (естественной) обстановке.

При опосредованном познании проверка может проводиться:

- по топографической карте;
- по фотографиям, по материалам киносъемки;
- по видеозаписи;
- путем компьютерного моделирования.

Проверку показаний на месте по топографической карте целесообразно проводить для выяснения маршрута следования, если: он включает в себя большие по протяженности участки местности; лицо вследствие болезненного состояния, ранения, иных причин (например, беременности) не может передвигаться; отсутствуют необходимые научно-технические средства; место труднодоступно и реальный выход туда создает угрозу для жизни и здоровья участников следственного действия (например, место затоплено вследствие половодья или наводнения; место расположено в высокогорной местности, куда трудно добраться или опасно там пребывать из-за возможности схода снежных лавин; место находится под водой, на болоте).

Подобные проверки могут проводиться в случаях, когда для достижения результата не имеют значения мелкие детали ландшафта, связанные с маршрутом. Лицо, показания которого проверяются, устанавливает его по иным приметам, содержащимся на карте (населенные пункты, дороги, лесополосы и т.д.).

В ходе проверки показаний на месте по карте лицо показывает маршрут и рассказывает о нем, указывает путь, по которому оно подходило к месту происшествия, удалялось от него, место, где происходили исследуемые события, место сокрытия похищенного, орудий преступления и т.д. Данные пояснения отмечаются им собственноручно при помощи условных обозначений на карте, которая впоследствии подписывается этим лицом, понятными, следователем, другими лицами, принимавшими участие в следственном действии, и приобщается к протоколу.

Указание лица на маршрут и другие важные обстоятельства позволит следователю получить наглядное представление о характере местности (в том случае, когда место неизвестно), о необходимых научно-технических средствах, которые понадобятся для ее исследования, что облегчит обнаружение места.

Было бы также неверным полагать, что опосредованный вид проверки показаний на месте может проводиться тогда, когда следователю это место неизвестно. Справедливо считается, что как бы ни были полны сведения о месте предстоящей проверки, они не могут заменить непосредственного восприятия следователем реальной обстановки до проведения опосредованной ППМ. Следователю важны показания⁴.

Причины, обуславливающие ППМ по фотографиям, материалам киносъемки, видеозаписи, компьютерному изображению, сходны с теми, которые характерны для проведения проверки показаний на месте по карте. При этом проведение ее возможно только тогда, когда известно место проверяемого события и его обстановка была зафиксирована путем фото-, киносъемки и видеозаписи.

Необходимость в проведении такого рода ППМ может возникнуть, в частности, когда обстановка места происшествия на момент предстоящей ППМ претерпела существенные изменения по сравнению с той, которая была во время совершения преступления. Восстановить ее не представляется возможным, но есть фото-, кино-, видеоизображения прежней обстановки.

Следует отметить, что осуществление ППМ в ситуациях, когда место выступает в опосредованном виде, не исключает возможности при возникновении благоприятных условий проведения в дальнейшем указанного следственного действия непосредственно на месте⁵.

Подготовка к проведению проверки показаний на месте по топографической карте, фотографиям, видеозаписи, киноматериалам, компьютерному изображению имеет свои особенности.

Перед началом проверки показаний следователю надлежит подобрать либо изготовить карту местности в увеличенном масштабе, чтобы можно было свободно различать имеющиеся на ней обозначения. На компьютере можно выбрать надлежащий масштаб и сделать распечатку на бумаге.

В ходе подготовки к проведению ППМ по фотографиям нужно изготовить фотографии интересующего места. Применяются правила судебной фотографии (методы панорамной, ориентирующей съемки). Могут быть использованы фотографии, сделанные в ходе осмотра места происшествия. Из этих снимков в необходимых случаях можно изготовить блоки, отражающие: пути подхода к месту, непосредственно место и т.д.

Перед началом ППМ с использованием компьютера нужно подготовить соответствующую программу. В других случаях следует подготовить необходимые технические средства для демонстрации видеозаписи, кинофильма, компьютерной программы. В ситуациях, когда следователь не обладает достаточными познаниями для работы с этой техникой, нужно приглашать специалиста.

Рекомендации, относящиеся к тактике проверки показаний на месте в натуральной обстановке (с выходом непосредственно на место), в большинстве своем применены и для осуществления проверки показаний на месте, где место выступает в опосредованном виде. Однако в последнем случае тактика следственного действия имеет и свои особенности.

В случаях проведения проверки показаний на месте по фотографиям, видеозаписи, киносъемке целесообразно иметь

3 Степанов В.В., Власенко Н.В. Актуальные проблемы тактики проверки показаний на месте // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов, 2001. № 5. С. 15-17.

4 Соя-Серко Л. А. Тактика проверки показаний на месте / Руководство для следователей / Под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. – М.: Инфра-М., 1998. – С. 358.

5 Степанов В. В., Власенко Н. В. Актуальные проблемы тактики проверки показаний на месте // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов, 2001. – № 5. – С. 15–17.

в наличии изображение, где это место было бы запечатлено с разных сторон (ракурсов) и расстояний, поскольку это может влиять на восприятие лицом увиденного. Если событие происходило на открытой местности (например, на лесной поляне), то человек, наблюдавший его с определенной точки, с другой точки то же самое место может не узнать.

Осуществление проверки показаний на месте с использованием компьютера предполагает наличие определенных программ. С их помощью создаются трехмерные модели ландшафта, обстановки помещения и изображаются действия человека на этой местности.

Перед тем, как реконструировать обстановку места происшествия, на экране компьютера можно наблюдать вид какого-либо предмета в трех проекциях: сверху, спереди и сбоку. Объект можно вращать, осматривая его с разных сторон. Перед тем как изобразить какой-нибудь предмет, задаются его необходимые габариты (параметры), цвет, предусматривается определенное освещение.

В зависимости от сложившейся ситуации реконструкция обстановки при помощи компьютера может быть проведена:

1) непосредственно в ходе осуществления проверки показаний путем пояснений самого проверяемого лица;

2) до начала проверки показаний может быть подготовлена реконструированная обстановка с помощью сведений, полученных следователем из протоколов осмотра места происшествия, допросов, материалов фото-, кино съемки, видео записи, а также путем привлечения специалистов, очевидцев и других лиц.

Факт реконструкции и способ ее осуществления должны быть отражены в протоколе проверки показаний на месте.

Полагаем, что в первом случае лицо, чьи показания проверяются, должно рассказывать об обстановке места происшествия, а с его слов следователь или специалист (либо само лицо, если имеет необходимые навыки) будет ее воспроизводить на компьютере. При этом ранее допрошенное лицо уточняет параметры, объясняет параметры, объясняет местоположение предметов в обстановке и т.д., сообщает о действиях, которые на этом месте оно совершало. На экране также обозначаются передвижения человека. Данный способ может применяться и когда место происшествия известно следствию, и когда неизвестно.

В ситуации, если место известно, обвиняемому, подозреваемому, потерпевшему и свидетелю оно может демонстрироваться в заранее реконструированном виде. Лицо, показания которого проверяются, в данном случае показывает расположение предметов, демонстрирует свои действия на месте. Совпадение или несовпадение пояснений лица с действительной обстановкой места события и результатами ранее проведенного осмотра может свидетельствовать о его осведомленности или неосведомленности как очевидца и участника события.

В случае если место следствию неизвестно, вывод о достоверности сообщаемой информации можно будет сделать только впоследствии, после проведения осмотра места происшествия или проверки показаний непосредственно на месте.

Таким образом, проведение проверки показаний на месте с использованием компьютера можно разделить на два этапа: воссоздание обстановки и проверка показаний.

Компьютерные программы, которые могут использоваться для рассматриваемого вида проверки, существуют, они есть в продаже в специализированных магазинах (например, «3D STUDIO MAX»; «Домашний архитектор» – воссоздается обстановка помещения; «Auto CAD» – создаются архитектурные модели).

План любого здания, помещения или участка местности может быть получен в тех регионах, в которых создан Единый цифровой территориальный кадастр.

В отличие от этих полноразмерных аналогов реальных мест, изображения на фотоснимках, планах, картах могут не позволить лицу, чьи показания проверяются, в полной мере интерпретировать отображенную на материальных носителях визуальную информацию о месте и дать о них правильные показания. Так, в случае проведения «опосредованной ППМ» на топографической карте местности от лица, чьи показания проверяются, может потребоваться знание топографии, картографии; любые же пояснения специалиста или следователя об особенностях рельефа и их обозначении на карте местности могут быть рассмотрены как наводящие.

Подводя итог сказанному, следует еще раз отметить, что проверка показаний на месте, регламентированная ст. 194 УПК РФ, может носить опосредованный характер, но только в случаях использования полноразмерных моделей-аналогов реальных мест. Такой подход не противоречит имеющейся норме закона в ее нынешней редакции.

Отказ от использования опосредованной проверки лишает органы следствия информации, имеющей значение для установления важных для дела обстоятельств. Возможность эффективного применения топографических и иных карт, видео-, кинофильмов, фотографий, компьютерных изображений доказана человеческой практикой в различных сферах деятельности (военное дело, архитектура и т.д.). Действительно, применительно к следственной деятельности она является нестандартной, а потому непривычной. Современные компьютерные технологии не вызывают сомнений в их научной обоснованности и практической целесообразности. С учетом этого нельзя согласиться с высказываемыми опасениями по поводу доказательственного значения результатов таких проверок показаний на месте.

Пристатейный библиографический список

1. Власенко Н. В., Степанов В. В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. – М.: Юрлитинформ, 2004.
2. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. – М., 1983.
3. Степанов В. В., Власенко Н. В. Актуальные проблемы тактики проверки показаний на месте // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов, 2001. – № 5.
4. Соя-Серко Л. А. Тактика проверки показаний на месте / Руководство для следователей/ Под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. – М.: Инфра-М., 1998.

Юсупкадиева С. Н., Зубаирова А. Б.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В своей статье авторы определяют понятие планирования расследования преступлений, а также раскрывают сущность, принципы и виды планирования расследования преступлений.

Ключевые слова: планирование расследования преступлений, принципы планирования, виды планирования.

Yusupkadiyeva S. N., Zubairova A. B.

THEORETICAL ASPECTS OF PLANNING THE INVESTIGATION OF CRIMES

In this article, the authors define the concept of planning the investigation of crimes, and reveal the essence, principles and types of planning crime investigation.

Keywords: planning the investigation of crimes, principles of planning, types of planning.

Одним из методов научной организации труда, позволяющим добиваться в короткий срок максимального эффекта при минимальных затратах физических сил и материальных средств, является планирование. Планирование, говоря в общем, — это мыслительный процесс по предвидению определенной практической деятельности, основывающийся на учете ее элементов, воздействия на них, а также заключающийся в организации предстоящей работы, осуществлении мероприятий по ее обеспечению для достижения конечных целей этой деятельности.

Планирование расследования преступлений, имея общие черты с планированием в других областях человеческой деятельности, тем не менее существенно отличается от этих видов планирования.

Планирование расследования — это мыслительная деятельность, направленная на определение возникающих в ходе следствия задач и отыскание конкретных путей их разрешения, результаты которой, как правило, отражаются в письменных планах расследования¹.

Главная особенность планирования следствия заключается в том, что в начале расследования, а иногда и значительно позже следователю бывают неизвестны весь объем и содержание предстоящей работы по конкретному делу. Поэтому планируется только направление будущей работы, в которой есть много неизвестных обстоятельств. В связи с этим планирование следствия представляет собой особо сложный творческий этап работы следователя.

Кроме того, хотя ряд факторов, входящих помимо события преступления в состав предмета доказывания, доступен непосредственному восприятию следователя и суда, в основном познание в процессе расследования носит опосредованный характер, что также является специфической чертой планирования следствия.

Правовой основой расследования всех видов преступлений является уголовно-процессуальный закон. Однако с его помощью нельзя решить всех организационных вопросов, возникающих в деятельности по расследованию, так как, с одной стороны, в законе невозможно предусмотреть всего многообразия организационных форм, с другой — организационные средства и методы различны по целям и содержанию. Так, для решения организационных вопросов расследования в одном случае нужно обратиться к положениям уголовно-процессуального закона, в другом — криминалистики, а в третьем — научной организации труда лиц, осуществляющих расследование преступлений.

В зависимости от содержания и задач средства и методы организации расследования могут использоваться в двух основных направлениях.

С целью создания необходимых условий успешной работы лиц, осуществляющих расследование преступлений. Сюда входят: обеспечение необходимым рабочим помещением, включа-

ющим соответствующее техническое обслуживание, средствами транспорта и связи; применение научно обоснованного режима работы, учета и отчетности, включающих календарные, сводные виды планирования, план деятельности региональных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, предусматривающий согласованные действия в случае чрезвычайных происшествий; меры профилактического характера и другие организационные мероприятия.

С целью непосредственного использования в процессе расследования различных фактических данных и обстоятельств, имеющих юридическое значение. К ним относятся: планирование расследования дела в целом и отдельных следственных действий; организационное обеспечение эффективного участия в производстве следственных действий лиц, привлекаемых для их проведения; исследование материальной обстановки преступления; сочетание следственных и оперативно-розыскных действий и др.²

Планирование расследования преступлений можно определить, как деятельность следователя, направленную на определение целей расследования и конкретных путей их достижения на каждом его этапе. Результатом планирования является план расследования, представляющий конкретную программу действий следователя, направленных на достижение намеченных целей.

Применительно к деятельности следователя по расследованию преступлений можно выделить несколько аспектов (видов) планирования.

По объему планирования: а) планирование работы следственного подразделения; б) планирование работы отдельного следователя (планирование отдельного следственного действия; планирование комплекса действий, направленных на выяснение отдельных обстоятельств дела; планирование расследования по конкретному делу; календарное или сводное планирование по всем делам, находящимся в производстве следователя).

В зависимости от срока действительности, охватываемого планированием: текущие и перспективные планы.

По степени конкретизации: схематические и детальные планы.

По форме: устные, письменные планы, графики и т.п. Следует сказать, что устные планы применяются в основном при планировании хода неотложных следственных действий, когда нет времени и условий для составления письменных планов.

Мы в основном будем говорить о планировании расследования конкретного преступления. Это основной вид планирования, от правильной реализации которого зависят и из которого вытекают все остальные его виды.

Нельзя отождествлять план с планированием расследования. Планирование представляет собой мыслительную деятельность следователя по поводу дальнейшего хода расследования. План же — только внешнее выражение внутренней

¹ Россинская Е. Р. Криминалистика. — М.: Норма, 2006. — С. 187.

² Криминалистика: Учебник / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. — СПб.: Лань, 2001. — С. 436.

умственной работы, естественно, полностью не отражающее весь творческий процесс работы следователя, передающее лишь основные этапы данного процесса. Недооценка этого обстоятельства приводит к упрощению самого планирования, сведению его к составлению планов, схем и т. п.

Различают цели, принципы, условия, содержание (элементы), этапы и формы планирования расследования.

Цели планирования заключаются в определении пути и содержания деятельности следователя на всех ее стадиях, обеспечении ее целеустремленности, полноты, объективности, всесторонности и быстроты, экономии времени, сил и средств, эффективного применения средств и приемов работы с доказательством. Разумеется, весь процесс планирования проникнут идеей строжайшего соблюдения законности. Нетрудно заметить, что цели планирования подчинены требованиям призматипов предварительного расследования³.

В основе планирования лежат такие руководящие начала или принципы, как индивидуальность, конкретность, реальность и динамичность. В криминалистической литературе принципы планирования расследования преступлений подробно рассмотрены в работах В. П. Антипова, Г. В. Арцишевского, Л. Я. Драпкина, А. М. Ларина, И. М. Лузгина, Я. Н. Пещак и др.⁴

Принцип индивидуальности планирования выражается в следующем. Расследование всякого преступления носит неповторимый характер. Нет двух преступлений одного вида, расследование которых было бы во всем совершенно идентичным.

Несмотря на то, что на начальном этапе расследование аналогичных преступлений может иметь общие черты, обусловленные способом совершения преступления, личностью преступника и тому подобными обстоятельствами, в дальнейшем их расследование всегда приобретет индивидуальные особенности. Следовательно, и планирование расследования каждого преступления будет иметь свои отличительные черты. Тут непригодны какие-либо шаблоны, где все мероприятия заранее оговорены и расписаны.

Принцип индивидуальности требует учета не только общих задач расследования, но и особенностей расследуемого преступления. Нарушение этого принципа, применение шаблона в планировании приводят к отрицательным последствиям. Следователь тем самым лишает себя возможности учесть все детали, которые могут иметь значение для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств расследуемого уголовного дела. Поэтому принцип индивидуальности планирования находит свое концентрированное выражение в персональной ответственности следователя за качество и сроки расследования каждого дела, находящегося в его производстве⁵.

Принцип динамичности означает, что процесс планирования сопутствует всему расследованию и носит непрерывный характер. По мере установления новых фактических данных следователь уточняет и дополняет план как в части стоящих перед ним задач, так и путей их решения.

Принцип динамичности планирования означает, что в зависимости от сложившейся ситуации, изменившихся обстоятельств, появления неизвестных ранее фактических данных план корректируется, изменяется, дополняется. Планирование расследования, таким образом, — это не застывшая схема, разрабо-

танная однажды и пригодная для всего расследования вплоть до его окончания, а гибкая, подвижная система, чутко реагирующая на любые изменения в сложившейся обстановке расследования.

Принцип реальности подразумевает обоснованность выдвигаемых версий, практическую возможность их проверки определенным путем и в намеченные сроки. Принцип реальности требует от следователя учитывать при планировании только реальные (обоснованные) версии, намечать выполнимые следственные и иные действия.

Принцип конкретности предполагает четкую постановку задач, выясняемых вопросов, намеченных мероприятий и условий их проведения. Принцип конкретности предполагает четкие формулировки задач расследования на каждом его этапе, составления перечня следственных и иных действий с указанием точных сроков их проведения.

Уже в первых работах по планированию фигурировало понятие условий планирования. Условия планирования — это совокупность определенных обстоятельств, факторов, знаний и умений, делающих возможным осуществление планирования. Такими условиями являются: наличие исходной (хотя бы минимальной) информации; правильная оценка сложившейся на данный момент планирования следственной ситуации, прогнозирование ее будущих изменений в результате производства планируемых следственных действий и иных мероприятий; учет реальных возможностей, сил и средств достижения планируемой цели. Многое здесь зависит от профессиональной подготовленности и опытности следователя.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика / Под ред. проф. Р. С. Белкина. — М.: Норма, 2009.
2. Антипов В. П. Планирование расследования в проблемных ситуациях. — М., 1983.
3. Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. — М., 1978.
4. Драпкин Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. — Свердловск, 1987.
5. Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования. — М., 1972.
6. Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. А. В. Аничина. — М.: ИНФРА-М, 2010.
7. Криминалистика: Учебник / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. — СПб.: Лань, 2001.
8. Ларин А. М. От следственной версии к истине. — М., 1976.
9. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М., 1970.
10. Пещак Я. Н. Следственные версии. — М., 1976.
11. Россинская Е. Р. Криминалистика. — М.: Норма, 2006.

3 Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика / Под ред. проф. Р. С. Белкина. — М.: Норма, 2009. — С. 478.

4 Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М., 1970; Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования. — М., 1972; Пещак Я. Н. Следственные версии. — М., 1976; Ларин А. М. От следственной версии к истине. — М., 1976; Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. — М., 1978; Антипов В. П. Планирование расследования в проблемных ситуациях. — М., 1983; Драпкин Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. — Свердловск, 1987; и др.

5 Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. А. В. Аничина. М.: ИНФРА-М, 2010. — С. 257.

Алиев Х. О., Зайдова М. У.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ КАК ОРГАНА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В РФ

Основателем прокуратуры в России является Петр I. Датой учреждения прокуратуры России является 12 января 1722 г. С тех пор произошли существенные изменения в организации и деятельности прокуратуры, менялся статус прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, Петр I, законность, государство, фискал, борьба с преступностью, права и свободы человека и гражданина.

Aliev Kh. O., Zaidova M. U.

HISTORICAL OVERVIEW OF THE DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AS A BODY OF PUBLIC PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The founder of the Prosecutor's Office in Russia is Peter the Great. The date of establishment of the Prosecutor's Office of Russia is January 12, 1722. Since then, there have been significant changes in the organization and functioning of the Public Prosecutor's Office, the status of the Public Prosecutor's Office has changed.

Keywords: Prosecutor's Office, Peter the Great, rule of law, the State, prosecutor, the fight against crime, human and civil rights and freedoms.

12 января 2015 г. исполнилось 293 года с момента учреждения в России государственного надзорного органа – прокуратуры. На всем протяжении исторического становления и развития российской прокуратуры ее статус претерпевал существенные изменения.

Истории становления и развития прокуратуры посвящено значительное количество научных работ, как специально изучающих настоящую проблему, так и рассматривающих ее в качестве составной части других проблем. При этом обращает на себя внимание тот факт, что из опыта прежней царской прокуратуры в советскую прокуратуру ничего перенести нельзя, так как эти прокуратуры имели принципиальные различия в своей организации, принципах построения, целях, задачах и деятельности. Правовая природа дореволюционной и советской прокуратуры была разной. Поэтому большинство работ по истории прокуратуры освещало ее советский период¹.

Исторический опыт показывает, что потребность в таком государственном органе, как прокуратура, с присущей только ей совокупностью задач, функций и полномочий становится особенно острой в периоды коренных преобразований в общественных отношениях, государственном устройстве. Петр I, искавший пути и средства ускорения преобразований, пришел к решению создать особый надзорный орган, способный «уничтожить или ослабить зло, проистекавшее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония». С этой целью Указом от 5 марта 1712 г. была учреждена должность генерал-фискала, который должен был «тайно проводить, доносить и обличать». Модель такой должности и службы была заимствована в Швеции. Однако сам Петр I вынужден признать, что чин фискала «тяжел и ненавидим». В результате дальнейших поисков и сопоставлений 12 января 1722 г. в России был основан государственно-правовой институт прокуратуры во главе с назначаемым государем генерал-прокурором

Зайдова М. У.

и его помощником обер-прокурором. Переход функций фискалов к прокуратуре объясняется присущими институту фискалитета недостатками. Впервые эту точку зрения высказал в конце XIX в. известный юрист Н. В. Муравьев².

При императрице Екатерине I и императоре Петре II роль и значение прокуратуры существенно снизились из-за проводимой ими политики, усиления роли других институтов власти, которые видели в прокуратуре ограничение своих полномочий. В последующем, в период правления Анны Иоанновны, произошло существенное развитие вертикали прокурорской власти.

В середине XIX в. правительство России осознало, что существующая судебная система себя изжила и становится тормозом общественного развития. В конце 430-х годов начинается усиленная разработка нового процессуального законодательства. В Судебных уставах 1864 г. прокуратура определялась как орган судебного надзора. Судебные уставы ограничили функции прокуратуры только «делами судебного ведомства», где прокуроры должны были осуществлять надзор за дознанием и следствием, надзор за исполнением законом при рассмотрении дел в судах, надзор за исполнением приговоров и решений судов³. Прокуратура строилась на принципах единоначалия и подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим.

После Октябрьской революции органы прокуратуры были ликвидированы. Надзор за законностью в данный период времени в той или иной мере осуществляли: ВЦИК, СНК, РКИ, НКЮ и его местные органы. В конце 1921 – начале 1922 г. по инициативе В. И. Ленина НКЮ РСФСР было подготовлено и вынесено на рассмотрение сессии ВЦИК Положение о прокуратуре, которое не было воспринято единодушно. Статус вновь образуемой прокуратуры воспринимался неоднозначно. В частности, были сильные высказывания против централизации от местных органов власти. Но данные противоречия

1 Гошуляк В. В. Исторический очерк развития прокуратуры как государственного органа, осуществляющего надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Право и политика. – 2003. – № 7. – С. 131

2 Там же. – С. 133.

3 Наказ министра юстиции генерал-прокурора Н. В. Муравьева чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов // Дореволюционные юристы о прокуратуре. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2001. – С. 238.

были преодолены благодаря усилиям В. И. Ленина, который обратился в Политбюро с известным письмом «О двойном подчинении и законности»⁴.

28 мая 1922 г. было утверждено Положение о прокурорском надзоре, на основе которого российская прокуратура вновь обрела широкие надзорные полномочия. Органы прокуратуры были включены в состав юстиции. Прокуратуру республики возглавил Народный комиссар юстиции⁵.

20 июня 1933 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была образована Прокуратура Союза ССР, а 17 декабря 1933 г. утверждено Положение о Прокуратуре СССР, которым упразднена Прокуратура Верховного Суда СССР. В годы Великой Отечественной войны статус прокуратуры не претерпел никаких серьезных изменений и оставался прежним. 24 мая 1955 г. указом Президиума Верховного совета СССР утверждено новое положение о прокурорском надзоре в СССР, в соответствии с которым прокурорская система объявлялась централизованной системой органов во главе с Генеральным прокурором СССР. Провозглашался независимый статус прокуратуры.

В Конституции СССР 1977 г. регламентации организации и деятельности прокуратуры была посвящена целая глава. Здесь закреплялось подчинение всех органов прокуратуры Генеральному прокурору СССР, определялось, что Генеральный прокурор СССР и все подчиненные ему прокуроры осуществляют высший надзор за законностью, провозглашался независимый статус прокуратуры от местных властей. На основании данной Конституции Верховным советом СССР 30 ноября 1979 г. был принят Закон «О прокуратуре СССР». Данный закон четко определил полномочия прокуроров по отдельным отраслям прокурорско-надзорной деятельности.

Поворотным пунктом в истории органов прокуратуры явилась реализация Постановления Верховного Совета РСФСР «Об образовании единой системы органов прокуратуры РСФСР». В соответствии с декларацией о государственном суверенитете РСФСР и со ст. 176 и 179 Конституции РСФСР на базе действовавших на территории России органов прокуратуры начал создаваться единая система органов прокуратуры, подчиненную Генеральному прокурору РСФСР. С этого момента Прокуратура СССР как самостоятельный государственный орган перестал существовать. Заметно ухудшилось качество раскрываемости и расследования преступлений⁶.

Был принят Закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации», который начал действовать с 18 февраля 1992 г. Этот закон трансформировал содержание и назначение прокурорского надзора в уголовном и гражданском судопроизводстве, отводя прокурорам роль «сторон» при рассмотрении судами уголовных и гражданских дел, одновременно сохраняя за прокурорами право опротестовывать незаконные и необоснованные судебные решения. Особое внимание в Законе уделялось правозащитной роли прокуратуры.

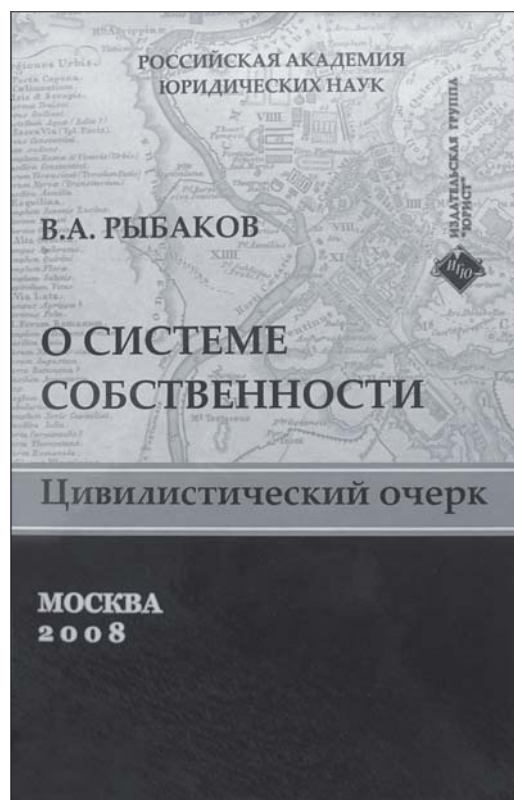
В Конституции РФ 1993 г., в отличие от ранее действовавшей, не стало главы о прокуратуре. Генеральный прокурор РФ не был включен в конституционный перечень субъектов законодательной инициативы.

В принятом в 1995 г. в новой редакции ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»⁷ подчеркивалось, что органы про-

куратуры образуют единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющую надзор за исполнением действующих на ее территории законов. В нее была включена отдельная глава, посвященная регламентации надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Предусмотрена функция координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. С 1999 г. в качестве самостоятельного направления прокурорской деятельности провозглашен надзор за исполнением законов судебными приставами. Предусмотрено такое правовое средство прокурорского надзора, как предостережение о недопустимости нарушения закона. Произошли немаловажные законодательные изменения, которые характеризуют уже современное состояние прокурорского права и прокурорского надзора в России.

Пристатейный библиографический список

1. Басков Л. И. Отечественная прокуратура в 1922–1996 гг. // Вестник МГУ. Серия 11, «Право», 1999.
2. Бессарабов В. Г. Динамика становления и развития российской прокуратуры // Право и политика. – 2001. – № 3.
3. Гошуляк В. В. Исторический очерк развития прокуратуры как государственного органа, осуществляющего надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. // Право и политика. – 2003. – № 7.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45.
5. Наказ министра юстиции генерал-прокурора Н. В. Муравьева чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов // Дореволюционные юристы о прокуратуре. – СПб., Юрид. Центр Пресс, 2001.
6. СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

4 Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 197.

5 Бессарабов В. Г. Динамика становления и развития российской прокуратуры // Право и политика. – 2001. – № 3. – С. 28.

6 Басков Л. И. Отечественная прокуратура в 1922–1996 гг. // Вестник МГУ. Серия 11, «Право», 1999. – С. 103.

7 СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

Алиев Х. О., Шахбанова Х. М

ЗАДАЧИ ПРОКУРАТУРЫ ПО КООРДИНАЦИИ БОРЬБЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В данной статье раскрывается координационная функция прокуратуры. Органы прокуратуры различных уровней выполняют роль координаторов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, организаторов процесса выработки и реализации согласованных с другими субъектами координации мер по выявлению, раскрытию, пресечению, расследованию и предупреждению преступлений, принятию мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Ключевые слова: прокуратура, координационная функция, борьба с преступностью, правоохранительные органы.

Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M.

TASKS OF PROSECUTOR'S OFFICE IN COORDINATION OF FIGHT OF LAW-ENFORCEMENT BODIES AGAINST CRIME

This article deals with coordination function of prosecutor's office. Bodies of prosecutor's office of various levels carry out a role of coordinators of law enforcement agencies' activities for fight against crime, organizers of process of development and realization of the measures for identification, disclosure, suppression, investigation and prevention of crimes, taking steps to eliminate the reasons and conditions promoting commission of crimes in cooperation with other subjects of coordination.

Keywords: prosecutor's office, coordination function, fight against crime, law enforcement agencies.

Координационная функция прокуратуры нормативно определена в ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Координационная деятельность направлена, прежде всего, на выработку эффективных мер воздействия на преступность посредством осуществления согласованных действий правоохранительными органами по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Координация позволяет, как отметила Е. Г. Князева, «объединить усилия в борьбе с преступностью, с тем чтобы достичь эффективных результатов в более сжатые сроки, правильнее наметить главные направления этой борьбы, вести ее целенаправленно и наступательно; охватить профилактической работой большее число объектов; лучше использовать возможности, которыми располагает каждый из органов, ведущих борьбу с преступностью; правильно распределить силы; установить надлежащие отношения между работниками этих органов; устранить разнородность и параллелизм в их работе; создать единый фронт борьбы с любыми преступлениями»¹.

Очень важное значение в такой координации имеет и борьба с непроступными правонарушениями, поскольку все они могут плавно перерасти в преступные действия.

Участниками координационной деятельности наряду с органами прокуратуры определены органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, органы таможенной службы и другие правоохранительные органы. Это положение обуславливает необходимость руководствоваться при осуществлении координации и соответствующими федеральными законами: «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ; «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; «О внешней разведке» от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ и др.

Координация предназначена для проведения комплексного анализа состояния законности, структуры и динамики правонарушений, прогнозирования тенденций и анализа выявления, расследования, раскрытия и пресечения правонарушений, определения основных направлений по их предупреждению. Согласованность усилий правоохранительных органов делает возможным обобщать практику применения законов по противодействию социальным проявлениям и готовить обоснованные предложения по повышению эффективности правоохранительной деятельности, совершенствованию её правового регулирования².

Приоритеты координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью предопределяются совокупностью объективных обстоятельств:

а) рост количества, особая опасность и низкая раскрываемость отдельных видов и категорий преступлений;

б) возникновение (в силу действия вновь сложившихся условий социального, экономического, политического и иного характера) новых видов, способов совершения преступлений, требующих мобилизации дополнительных и согласованных усилий по их раскрытию, нейтрализации и предупреждению;

в) неблагоприятные изменения в общей структуре совершаемых преступлений и обстоятельств, им способствующих или сопутствующих, даже при относительной стабильности их общего количества (увеличение доли участия в преступлениях несовершеннолетних, наркоманов, с применением огнестрельного оружия и т.п.).

Прокуратура в определенной степени обеспечивает взаимодействие органов представительной, исполнительной и судебной власти в сфере борьбы с преступностью. Полная реализация согласованных мероприятий позволит повысить эффективность работы правоохранительных органов по ряду направлений борьбы с преступностью, улучшить состояние межведомственного взаимодействия, будет способствовать устранению отдельных элементов разобщенности, влиять на качество расследования преступлений, осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, предварительного следствия и дознания³.

Борьба с преступностью – это самая важная и одна из главных целей всех правоохранительных органов. Поэтому данная цель конкретизируется в решении таких задач:

1) полное, быстрое реагирование правоохранительных органов по своевременному выявлению и пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

2) выработка конкретных способов и методов разрешения всех возникающих вопросов;

3) строгое соблюдение норм действующего законодательства, основанное на принципах законности, независимости и равенства субъектов координационной деятельности;

4) формирование стабильной правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Гамидов А. М., Иразханов С. А. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. Право. – Вып. 2.
2. Рамазанова Э. Т., Агабаданова Н. Р. Роль прокуратуры Российской Федерации в координации деятельности правоохранительных органов: проблемы и меры повышения эффективности // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 3.
3. Князева Е. Г. Понятие и задачи координации прокуратурой правоохранительной деятельности // Российский следователь. – 2013. – № 12.
4. Рамазанова Э. Т., Агабаданова Н. Р. Роль прокуратуры Российской Федерации в координации деятельности правоохранительных органов: проблемы и меры повышения эффективности // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 3. – С. 80.

1 Князева Е. Г. Понятие и задачи координации прокуратурой правоохранительной деятельности // Российский следователь. – 2013. – № 12. – С. 45–48.

2 Гамидов А. М., Иразханов С. А. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. Право. – Вып. 2.

Чечко О. Л.

ВЕДОМСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРОКУРАТУРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена изучению ведомственных нормативных актов прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции. Основное содержание исследования составляет анализ совершенствования приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации параллельно с развитием законодательства в указанной области. Автор приходит к выводу о том, что ведомственные нормативные акты прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции принимаются оперативно и отвечают требованиям действующего законодательства.

Ключевые слова: прокуратура, противодействие коррупции, коррупция, прокурорский надзор, нормативный акт, ведомственное регулирование, государственный орган, антикоррупционная экспертиза.

Chechko O. L.

DEPARTMENTAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION BY PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the study of departmental regulations of Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of combating corruption. The main content of the study is the analysis of the improvement of orders of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation in parallel with the development of legislation in this area. The author concludes that the departmental regulations of Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of combating corruption are taken promptly and meet the requirements of current legislation.

Keywords: prosecutors, anti-corruption, corruption, prosecutor's supervision, legal act, departmental regulation, the public authority, anti-corruption expertise.

Принятие Федерального закона «О противодействии коррупции»¹, Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»² и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»³ стало важным шагом Российской Федерации по реализации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции⁴ и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию⁵, ратифицированных в 2006 г.

Перечисленные законы дали определение термина «коррупция», задали основные направления имплементации положений международных актов в российское законодательство, создали эффективный инструмент профилактики и

раннего пресечения коррупционных правонарушений (антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов).

Вместе с тем, каким бы эффективным ни было законодательство, его реализация невозможна без ведомственных нормативных актов. Государственные органы, в полномочия которых не входит борьба с коррупцией, издавали нормативные акты, направленные на профилактику коррупции внутри самого органа.

В настоящей статье мы рассмотрим прокуратуру Российской Федерации как орган, осуществляющий противодействие коррупции как в форме профилактики коррупции, так и в форме борьбы с коррупцией.

Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01 октября 2008 г. № 196 «О совершенствовании организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции»⁶ стал первым системным ведомственным нормативным актом прокуратуры Российской Федерации в области противодействия коррупции. Он был издан во исполнение Национального плана противодействия коррупции на 2010—2011 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. Пр-1568.

Необходимо отметить, что прокуратура Российской Федерации и до 2008 г. имела внутренние нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции. В качестве примеров можно привести указания Генерального прокурора Российской Федерации от 12 августа 1996 г. № 49/7 «О мерах по усилению борьбы с коррупцией, прокурорского надзора за исполнением законодательства о государствен-

Чечко О. Л.

1 Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. — 2008. — № 52. — Ст. 6228

2 Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. — 2009. — № 29. — Ст. 3609

3 Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. — 2008. — № 52. — Ст. 6235.

4 Федеральный закон от 08 марта 2006 года № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СЗ РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1231.

5 Федеральный закон от 25 июля 2006 года № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // СЗ РФ. — 2006. — № 31. — Ст. 3424.

6 Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01 октября 2008 года № 196 «О совершенствовании организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

ной и муниципальной службе»⁷ и от 12 августа 1996 г. № 50/7 «О дополнительных мерах органов прокуратуры по обеспечению дисциплины в системе государственной службы»⁸, а также Приказ Генеральной прокуратуры от 28 марта 2007 г. № 53 «Об усилении борьбы с коррупцией и нарушениями законодательства о государственной и муниципальной службе»⁹.

Несмотря на наличие ранее изданных ведомственных нормативных актов, именно Приказ № 196 можно считать отправной точкой в развитии такого направления прокурорской деятельности, как противодействие коррупции. Именно в нем нашли отражение все возможности прокуратуры в данной сфере.

Приказом было обозначено приоритетное направление прокурорской деятельности — прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства в сфере реализации ключевых направлений государственной антикоррупционной политики и координация деятельности правоохранительных органов в этой сфере, что определило содержание документа.

Роль прокуратуры как координатора деятельности по противодействию коррупции прослеживается во всех разделах Приказа № 196. Так, Управлению Генеральной прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции поручено координировать деятельность подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции, в том числе по реализации мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции; прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур необходимо было активизировать работу координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, на которых обсуждать актуальные проблемы правоприменительной практики по борьбе с коррупцией; прокурорам городов и районов, другим территориальным, военным и иным прокурорам специализированных прокуратур было поручено сформировать из числа представителей правоохранительных и контрольно-надзорных органов постоянно действующие рабочие группы, на заседаниях которых рассматривать ход реализации соответствующих мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции.

Отдельно выделена обязанность прокуроров всех уровней повысить эффективность надзорных мероприятий в сфере противодействия коррупции, в том числе при проверке закупок для государственных и муниципальных нужд и государственных оборонных заказов. Кроме того, прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним прокуроры специализированных прокуратур обязаны средствами прокурорского надзора добиваться возмещения причиненного ущерба, в том числе подавать заявления в арбитражный суд.

В приказе также найдла отражение задача прокуратуры Российской Федерации по систематической оценке норма-

тивных правовых актов и их проектов на предмет коррупционности с использованием разработанных в Генеральной прокуратуре Российской Федерации соответствующих Методических рекомендаций.

Вместе с тем необходимо отметить, что на момент издания Приказа № 196 отсутствовали законодательно закрепленные определения понятий «коррупция» и «противодействие коррупции», не определены были полномочия различных органов по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных актов и их проектов, пределы проведения такой экспертизы, отсутствовал перечень коррупциогенных факторов. Это порождало определенные сложности в правоприменительной практике. Например, не была законодательно закреплена обязанность государственных и муниципальных органов по предоставлению проектов нормативных актов для проведения оценки на коррупциогенность.

Закономерным следствием стало издание Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции»¹⁰, который основывался уже не только на Указе Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы»¹¹, но и на Федеральном законе «О противодействии коррупции» и Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

В нем нашли отражение основные тезисы президентского указа, были реализованы главные поручения Президента, а также учтены положения указанных Федеральных законов.

В Приказе № 209 акцентировано внимание на участии в работе российской делегации в Группе государств против коррупции (ГРЕКО), способствовании реализации выработанных ею рекомендаций, а также проведении работы по обеспечению имплементации положений Конвенции ООН против коррупции. Подобный подход вполне обоснован, так как увеличение потока иностранных инвестиций обозначило транснациональность такого явления, как коррупция.

Расширение законодательной базы в сфере противодействия коррупции, в том числе принятие Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»¹², Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹³, а также издание Указа Президента РФ «О Национальном плане

7 Указания Генерального прокурора Российской Федерации от 12 августа 1996 года № 49/7 «О мерах по усилению борьбы с коррупцией, прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственной и муниципальной службе» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

8 Указания Генерального прокурора Российской Федерации от 12 августа 1996 года № 50/7 «О дополнительных мерах органов прокуратуры по обеспечению дисциплины в системе государственной службы» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

9 Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 марта 2007 года № 53 «Об усилении борьбы с коррупцией и нарушениями законодательства о государственной и муниципальной службе» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

10 Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 мая 2010 года № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции» // утратил силу // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

11 Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

12 Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СЗ РФ. — 2013. — № 19. — Ст. 2306.

13 Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные

противодействия коррупции на 2014—2015 годы»¹⁴, потребовало дальнейшего совершенствования ведомственных нормативных актов.

Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции»¹⁵ является действующим ведомственным нормативным актом прокуратуры в сфере противодействия коррупции. Новеллами данного Приказа являются положения о надзоре за исполнением требований законодательства о представлении служащими и иными лицами, на которых возложена эта обязанность, достоверных и полных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; о предотвращении и урегулировании конфликта интересов на государственной и муниципальной службе; о деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов.

В заключение статьи хотелось бы вернуться к вопросу проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов»¹⁶ стал специализированным внутренним актом в этой области. Он установил организационные основы проведения прокуратурой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, форму и содержание требования об изменении нормативного правового акта с целью исключения выявленных коррупциогенных факторов, порядок обращения с указанным требованием в орган, издавший нормативный акт, а в случае отклонения требования — порядок обращения в суд с соответствующим заявлением.

Помимо этого Приказ № 400 обязал прокуроров в пределах своих полномочий инициировать внесение изменений в законодательные акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в целях установления процедуры представления в органы прокуратуры для соответствующей проверки принятых нормативных правовых актов.

Вместе с тем Приказ № 400 установил сроки рассмотрения на предмет коррупциогенности актов федеральных органов и их должностных лиц, актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, территориальных органов, федеральных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, а также необходимость взаимодействия с иными субъектами антикоррупционной экспертизы, в том числе проводящими независимую экспертизу на коррупциогенность.

В рамках Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁷ антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов можно рассматривать как элемент надзора за исполнением законов, при этом как весьма действенный элемент.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в силу специфики деятельности и полномочий, прокуратура Российской Федерации имела ведомственные нормативные акты в области противодействия коррупции и до создания законодательной базы в этой сфере. Усиление внимания законодателя к проблеме противодействия коррупции было с готовностью принято Генеральной прокуратурой Российской Федерации, что выразилось в своевременном издании соответствующих внутренних нормативных актов.

должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. — 2012. — № 50. — Ст. 6953.

14 Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 года № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

15 Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 августа 2014 года № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» (в редакции Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01 июля 2015 года № 346) // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

16 Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2009 года № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

17 Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. — 1992. — № 39. — 18 февраля.

Юсупкадиева С. Н., Гамидов А. М.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

В статье авторы раскрывают большую роль и значение участия прокурора в судебном заседании для поддержания государственного обвинения по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, поддержание обвинения, судебное разбирательство, прокурорский надзор.

Yusupkadiyeva S. N., Gamidov A. M.

THE ROLE AND IMPORTANCE OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE TRIAL

In the article, the authors reveal a big role and the importance of the participation of the prosecutor in court to support the state prosecution in criminal cases of public and private-public prosecution.

Keywords: prosecutor, public prosecutor, maintenance charges, trial, public prosecutor's supervision.

Работа, проделанная органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, производящими следствие и дознание, может оказаться совершенно бесполезной, если в результате некавалифицированного поддержания государственного обвинения будет постановлен оправдательный приговор в том случае, когда собранные по делу доказательства дают все основания для вынесения приговора обвинительного.

Поддержание от имени государства обвинения в суде – одно из приоритетных направлений деятельности прокуратуры. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Без прокуроров немислимо рассмотрение в судах уголовных дел публичного обвинения и дел частно-публичного характера.

Участие прокурора в рассмотрении судами дел публичного, частно-публичного и частного обвинения подчинено цели обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Именно поэтому участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел следует рассматривать как гарантию обеспечения законности в уголовном судопроизводстве¹. Успешное решение этих задач зависит, прежде всего, от правильной организации деятельности прокуратуры на данном направлении надзора. К сожалению, многие прокуроры районов (городов) относят поддержание государственного обвинения к второстепенным участкам работы.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет прокурора как сторону обвинения в судебном процессе, равноправную с представителями стороны защиты. Однако сущность деятельности прокурора при рассмотрении в судах уголовных дел не позволяет говорить о том, что прокурор в судебных стадиях уголовного процесса выполняет задачи, сходные с задачами иных его участников.

Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ государственный обвинитель – должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу. Государственное обвинение могут поддерживать несколько прокуроров. Основной функцией прокурора, участвующего в рассмотрении судом уголовных дел, является, согласно п. 2 ст. 35 Закона о прокуратуре и п. 1 ст. 37 УПК РФ, осуществление

уголовного преследования, реализующегося именно в поддержании государственного обвинения.

Поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения – важнейшая часть возложенной на прокурора функции уголовного преследования как деятельности, направленной на изобличение лица, совершившего преступление, и привлечение его к ответственности².

Поддерживая обвинение, прокурор приобретает статус стороны в процессе уголовного судопроизводства, наделенной равными с другой стороной – защитой правами. Эти права определены, прежде всего, в ст. 246 УПК РФ. Согласно ее требованиям прокурор, участвующий в судебном разбирательстве и поддерживающий государственное обвинение, представляет доказательства и принимает участие в исследовании доказательств, высказывает свое мнение по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, представляет суду свои соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого. Из этого, по мнению М. Б. Смоленского и И. А. Жильцова, следует, что прокурор в судебном разбирательстве не осуществляет иных, кроме названных, функций, в том числе и функций надзора³. Мы с данным мнением не согласны, т.к. позиция прокурора в суде обуславливается необходимостью обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод личности, а также интересов общества государства, что и входит в предмет прокурорского надзора в целом.

Участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве – необходимое условие реализации конституционного принципа состязательности. Освобождение суда от обвинительной функции связано с возложением ответственности за доказывание обвинения на прокурора. Прокурор участвует в суде не в личном качестве, а как представитель государства, что налагает на него особые обязанности: содействовать всестороннему и объективному разрешению уголовного дела, реагировать на нарушения закона; отказаться от обвинения в случае, когда оно не нашло подтверждения в суде. Поддержание государственного обвинения в суде должно быть объективным, предполагающим выявление как уличающих, так и оправдывающих подсудимого обстоятельств. В силу принципа процес-

1 Оксюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. – 2010. – № 3. – С. 4.

2 Дупак О. Организация работы по обеспечению участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами // Законность. – 2014. – № 1. – С. 20.

3 Смоленский М. Б., Жильцов И. А. Прокурорский надзор: Учебник. – М.: Академцентр, 2013. – С. 204.

суальной самостоятельности государственного обвинителя его позиция в суде не связана выводами обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Прокурор поддерживает обвинение лишь в меру его доказанности. Именно прокурор по делам о преступлениях публичного и частно-публичного обвинения осуществляет от имени государства уголовное преследование, принимает меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления⁴.

В связи с этим прокуроры, участвующие в качестве государственных обвинителей, должны исходить из того, что участие в судебном рассмотрении дела является их важнейшей служебной обязанностью; прокуроры должны: повышать личную ответственность за правильность занимаемой позиции по основным вопросам рассмотрения дела; строго руководствоваться законами; быть гарантами соблюдения конституционных и процессуальных прав граждан, вовлеченных в судопроизводство; проявлять активность в исследовании доказательств; обеспечить объективность при осуществлении функции государственного обвинения, поддерживать обвинение лишь в меру его доказанности; реагировать на выявленные в суде грубые ошибки и нарушения законности, допущенные органами предварительного следствия и дознания; ставить перед судом вопрос о вынесении частного определения при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан органами предварительного расследования, а также по другим основаниям⁵.

Поддерживая государственное обвинение, прокурор представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания; предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных или государственных интересов. В то же время прокурор обязан отказаться от поддержания государственного обвинения, если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение. Закон предусматривает, что при отказе прокурора от обвинения уголовное дело (уголовное преследование) должно быть прекращено по соответствующим основаниям. Представляется, что это не совсем правильно: коль скоро отказ прокурора по мотивам, реабилитирующим подсудимого, заявляется уже в конце судебного разбирательства, то свое согласие с позицией прокурора суду следует формулировать не в виде постановления или определения, но в виде оправдательного приговора, указывая основания такого решения в его описательно-мотивировочной части⁶. А вот если отказ от обвинения связан с «техническими», нереабилитирующими основаниями, он может быть заявлен в любой момент, а суд, приняв отказ прокурора, прекращает уголовное дело или уго-

ловное преследование своим определением или постановлением⁷.

При определении статуса, прав и обязанностей прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела следует исходить из того, что поддержание обвинения для него – не самоцель, осуществление уголовного преследования логически вытекает из возложенных на прокурора обязанностей по надзору за исполнением законов, принятию мер к установлению их нарушений и привлечению виновных к ответственности.

Таким образом, прокурор реализует функцию обвинения в форме уголовного преследования и функцию надзора (наблюдения) за законностью постановленных судебных актов с целью проверки и пересмотра незаконных, необоснованных и несправедливых судебных решений⁸.

Участвуя в рассмотрении судами уголовных дел, прокурор реализует следующие задачи: обеспечение верховенства закона при осуществлении уголовного судопроизводства; вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора, постановления, определения по каждому уголовному делу; гарантирование прав и законных интересов участников судебного разбирательства; своевременное исполнение приговоров, определений, постановлений, выносимых судом, в соответствии с требованиями закона.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Обязателен ли для суда отказ прокурора от обвинения // Уголовный процесс. – 2010. – № 1.
2. Дупак О. Организация работы по обеспечению участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами // Законность. – 2014. – № 1.
3. Коржев С. Роль прокурора в неотвратимости уголовной ответственности за преступление // Законность. – 2011. – № 4.
4. Крюков В. Ф. Прокурор и его значение на проверочных стадиях уголовного процесса // Журнал российского права. – 2011. – № 2.
5. Оксюк Т. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. – 2010. – № 3.
6. Прокурорский надзор / Под ред. проф. А. В. Ендольцевой, проф. О. В. Химичевой М.: Юриспруденция, 2010.
7. Юсупкадиева С. Н., Алиев Х. О. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5 (84).

4 Коржев С. Роль прокурора в неотвратимости уголовной ответственности за преступление // Законность. – 2011. – № 4. – С. 14.

5 Прокурорский надзор / Под ред. проф. А. В. Ендольцевой, проф. О. В. Химичевой. – М.: Юриспруденция, 2010. – С. 171–172.

6 Юсупкадиева С. Н., Алиев Х. О. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5. (84). – С. 228–229.

7 Белкин Р. С. Обязателен ли для суда отказ прокурора от обвинения // Уголовный процесс. – 2010. – № 1. – С. 39.

8 Крюков В. Ф. Прокурор и его значение на проверочных стадиях уголовного процесса // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 105.

Магомедова Х. Х.

СООТНОШЕНИЕ НОТАРИАЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ФОРМ ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

В данной статье рассматриваются точки соприкосновения нотариата и суда в процессе защиты наследственных прав граждан на примере особого производства. Обосновывается необходимость передачи полномочий суда по установлению фактов, имеющих юридическое значение, нотариату путем расширения его компетенции с целью разгрузки судов и экономии времени граждан в процессе оформления наследственных прав.

Ключевые слова: нотариат, суд, особое производство, установление юридического факта, наследство, защита наследственных прав.

Magomedova Kh. Kh.

THE RATIO OF NOTARIAL AND JUDICIAL FORMS OF INHERITANCE RIGHTS PROTECTION

This article explores the points of contact of notaries and court in the process of the citizens' inheritance rights protection by the example of special proceedings. The necessity of the delegation of court power to establish the facts of legal significance to notaries by increasing their competence in order to lessen the courts' burden and to save the people's time in the process of registration of inheritance rights is substantiated.

Keywords: notary, court, special proceedings, establishment of the legal fact, heritage, protection of inheritance right.

Магомедова Х. Х.

Как гласит ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Формирование правового государства и гражданского общества непосредственно связано с созданием механизма гарантий прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающего высокую степень реализации прав и законных интересов, а также высокую степень их правовой защиты.

Право наследования гарантировано ст. 35 Конституции РФ. Наследование, подразумевающее переход имущества от наследодателя к наследнику, предполагает не только осуществление, но и защиту таких прав, которые возникли в результате открытия наследства. Каждый участник наследственных правоотношений имеет право на защиту своих прав, как путем обращения в суд, так путем защиты своих прав неюрисдикционными органами, например, нотариатом.

На всем протяжении своего исторического развития нотариальная и судебная системы имели неразрывную связь. Например, в ходе проведенной реформы в Российской империи в 1866 г. было принято Положение о нотариальной части, согласно которому нотариус признавался судебным чиновником. Губернский суд проверял квалификацию претендента, назначал нотариуса на должность, проводил проверку его работы. В уездах, где должность нотариуса была вакантна, нотариальные действия совершал мировой судья. В советский период нотариат входил то в систему органов юстиции, то в судебную. Только позднее данные правовые институты отделились, «но, несмотря на этот факт, между ними остались общие черты, в частности, это их назначение, которое раскрывается в правозащитной функции»¹.

В соответствии с действующим российским законодательством нотариат и суд являются самостоятельными и независимыми организационными системами, которые на деле все же имеют точки соприкосновения и своеобразное взаимодействие в своей деятельности. Говоря о соотношении нотариата и правосудия в защите наследственных прав, необходимо отметить, что их основной точкой соприкосновения в данном случае является особое производство – один из видов гражданского судопроизводства.

Как показывает статистика, в настоящее время значительно возросло количество обращений в суд за защитой на-

следственных прав. Не всегда, однако, речь идет о спорах о наследстве, которые рассматриваются в порядке искового производства (например, признание завещания недействительным). Возникают ситуации, когда защита наследственных прав осуществляется установлением юридически значимых обстоятельств. В данном случае защита наследственных прав осуществляется в порядке особого производства.

По мнению Э. М. Мурадян, особым судопроизводством как бы восполняется недостаточность компетенции нотариата для самостоятельного разрешения всего комплекса правовых вопросов в деле о наследовании. Можно сказать, что дела особого производства, нормированные правилами главы 28 ГПК РФ, имеют субсидиарное значение по отношению к нотариальному наследственному делу. Хотя вообще-то судебные процедуры в известном смысле по своим юридическим характеристикам не уступают нотариальным, а в плане соответствия фундаментальным правовым принципам и конституционному статусу субъекта права безусловно имеют превосходство судебных процедур².

Говоря о соотношении нотариальной и судебной форм защиты наследственных прав, необходимо отметить, что нотариальное производство имеет существенную общность с особым производством – одним из видов гражданского производства. Эта общность заключается в следующем:

1. Во-первых, в особом производстве, как и в нотариальном, отсутствует спор о праве, иначе, если возникнет спор, то дело подлежит рассмотрению в суде в порядке искового производства. Необходимо также отметить, что в особом производстве решаются не наследственные дела, а отдельные вопросы, которые возникают в наследственном деле у нотариуса, и до их выяснения судом нотариус не имеет права завершить наследственное дело. Поскольку разрешение этих вопросов находится вне компетенции нотариуса, заинтересованные лица обращаются в суд в порядке особого производства.

2. Во-вторых, распределение дел некоторых категорий между судом, в особом производстве, и нотариатом подвержено законодательным изменениям. Отдельные дела «кочуют» из нотариата в суд или обратно. Например, дела о признании лица безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим.

Цель особого производства состоит в выявлении и констатации тех или иных обстоятельств, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение у за-

¹ Ярик А. А. Нотариат и суд // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 3. – С. 12.

² Мурадян Э. М. О наследовании // Lex Russica. – 2004. – № 1. – С. 272.

явителя определенных прав или обязанностей. Сами права должны осуществляться вне рамок особого производства³.

Часть 1 ст. 262 ГПК в качестве одного из видов дел, рассматриваемых в порядке особого производства, называет установление фактов, имеющих юридическое значение. Установление юридических фактов является связующим звеном между нотариатом и судом, суд устанавливает факты, а нотариус их удостоверяет.

Перечень таких фактов содержится в ст. 264 ГПК. Статья 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате в качестве основных нотариальных действий также называет установление фактов, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций, а именно: факта нахождения гражданина в живых, факта нахождения гражданина в определенном месте.

В целях оформления наследственных прав в нотариальном порядке наиболее характерны следующие дела об установлении юридически значимых фактов:

– факта родственных отношений (п. 1 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ). Необходимость в установлении факта родственных отношений с наследодателем возникает тогда, когда отсутствуют документы, необходимые для их подтверждения (например, свидетельство о рождении, о браке). Нередки случаи, когда приходится доказывать отношения между дальними родственниками: двоюродными братьями и сестрами, двоюродным дедушкой (бабушкой) и другими. Установление данного факта способствует беспрепятственной реализации наследственных прав;

– факта нахождения на иждивении (п. 2 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ). Установление данного факта необходимо для получения обязательной доли в наследстве;

– факта принадлежности правоустанавливающего документа лицу, имя, фамилия или отчество которого не совпадает в документе с именем, указанным в паспорте или в свидетельстве о рождении;

– факта фактического принятия наследства в том случае, если наследство было своевременно принято путем совершения действий, свидетельствующих о фактическом его принятии. Это необходимо, чтобы получить свидетельство о праве на наследство по истечении срока, указанного в ст. 1154 ГК РФ. В качестве таких действий, в частности, могут выступать: вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания), обработка наследником земельного участка, подача в суд заявления о защите своих наследственных прав, обращение с требованием о проведении описи имущества наследодателя, осуществление оплаты коммунальных услуг, страховых платежей, возмещение за счет наследственного имущества расходов, предусмотренных ст. 1174 ГК РФ, иные действия по владению, пользованию и распоряжению наследственным имуществом. При этом такие действия могут быть совершены как самим наследником, так и по его поручению другими лицами. Указанные действия должны быть совершены в течение срока принятия наследства, установленного ст. 1154 ГК РФ;

– факта места открытия наследства и т.д.

Круг гражданских дел, в отношении которых применяется судебная форма защиты права в порядке особого производства, характеризуется отсутствием в них материально-правового спора между заинтересованными лицами. В особом производстве отсутствуют спорящие стороны с противоположными юридическими интересами. Такое производство можно назвать неисковым, односторонним⁴.

В исковых делах, в делах, возникающих из административно-правовых отношений, защита судом интереса представляет собой конечную цель, равнозначную защите субъек-

тивного права. В делах особого производства защита интереса служит промежуточным звеном для осуществления или приобретения субъективного права⁵.

Нельзя не признать, что нотариус, в отличие от суда, ограничен в средствах доказывания, он исследует лишь представленные ему бесспорные доказательства, но по существу деятельность его во многом подобна деятельности суда. Судебная и нотариальная формы защиты права отличаются лишь уровнем познания⁶.

Нотариус в отличие от судьи существенно ограничен в праве сбора доказательств помимо предоставленных ему обратившимися лицами. Возможность совершения нотариального действия нотариус оценивает исходя из содержания представленных документов и (или) на основе непосредственного восприятия фактических обстоятельств. Нотариус лишен возможности проверить достоверность содержания представленных документов (например, выписок из домовых книг, распорядительных актов о предоставлении земельных участков и т.п.), и их законность он оценивает прежде всего по формальным признакам⁷.

Сегодня нотариальные процедуры, за редким исключением, по сравнению с судебными, проще, лаконичней для их совершения, в отличие от судебных дел, и не требуют затраты большого количества времени.

Интересно мнение, что «развитие нотариальных органов способно стать важным элементом судебной реформы, поскольку разрешение одной из ключевых проблем судебной деятельности – обеспечение рассмотрения всех дел, отнесенных к их подведомственности, – невозможно без снижения нагрузки на судебные органы»⁸.

Проведя анализ фактов, которые могут быть установлены в порядке особого производства для защиты наследственных прав граждан, можно прийти к выводу, что было бы целесообразно и эффективно, в целях упрощения гражданского судопроизводства, снятия излишней нагрузки с судов и экономии времени, передать часть из них для установления нотариусам путем расширения их компетенции.

Пристатейный библиографический список

1. Алферов И. А. Нотариальная форма защиты и охраны права и законного интереса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
 2. Гражданское процессуальное право России / Под ред. М. С. Шакарян. – М.: «Былина», 1996.
 3. Гукасян Р. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970.
 4. Москаленко М. И. Организация правоохранительной деятельности по взаимодействию нотариальных и правоохранительных органов в городах федерального значения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
 5. Мурадян Э. М. О наследовании // Lex Russica. – 2004. – № 1.
 6. Треушников М. Современные проблемы гражданского и нотариального процесса // Нотариальный вестник. – 1998. – № 9.
 7. Чечот Д. М. Неисковые производства – М.: Юрид. лит., 1973.
 8. Ярик А. А. Нотариат и суд // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 3.
- 3 Чечот Д. М. Неисковые производства. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 17.
 - 4 Гражданское процессуальное право России / Под ред. М. С. Шакарян. – М.: «Былина», 1996. – С. 251.
 - 5 Гукасян Р. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – С. 34.
 - 6 Треушников М. Современные проблемы гражданского и нотариального процесса // Нотариальный вестник. – 1998. – № 9. – С. 36.
 - 7 Алферов И. А. Нотариальная форма защиты и охраны права и законного интереса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 29.
 - 8 Москаленко М. И. Организация правоохранительной деятельности по взаимодействию нотариальных и правоохранительных органов в городах федерального значения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

Поташник И. М.

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В настоящей статье автором рассматриваются некоторые вопросы защитной тактики адвоката по уголовным делам. Рассматриваются вопросы тактики как на стадии досудебного следствия, так и на стадии передачи дела в суд. Также рассматриваются вопросы сбора доказательств адвокатом и их юридической силы. В заключение автор отмечает, что особое значение имеет опрос потенциальных свидетелей и других лиц — участников процесса.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, защита, защитник, УК, УПК.

Potashnik I. M.

QUESTIONS OF PROTECTION TACTICS ON CRIMINAL CASES

In the present article author considers some questions of protective tactics of the lawyer on criminal cases. Questions of tactics both at a stage of the pretrial investigation and at the stage of submitting the case to court are considered. Also questions of collecting proofs by the lawyer and their validity are considered. In the summary author notes that poll of potential witnesses and other persons — participants of the process has special value.

Keywords: lawyer, legal profession, protection, defender, Criminal Code, Criminal Procedure Code.

Тактика защиты предполагает избрание адвокатом оптимальной позиции (показаны линии поведения защитника: нейтральная и атакующая). Защитник самостоятелен в определении тактики защиты. В то же время обвиняемому часто безразлично, какими способами будет отстаиваться правовая позиция. Поэтому защитник должен информировать своего подзащитного о предполагаемых тактических приемах, разъяснить их содержание, чтобы их применение не стало неожиданностью для обвиняемого и не ухудшило его положения.

Для преодоления психологического барьера в общении защитника и подзащитного существует методика контакта между адвокатом и клиентом, а также другими лицами в процессе оказания правовой помощи по уголовному делу в условиях затрудненного общения. Однотипные приемы защиты — формальное осуществление защиты без учета психолого-эмоциональных особенностей подзащитного, специфика доказательственного материала, отсутствие тактической гибкости, маневренности. Эффективность участия адвоката в следственных действиях до настоящего времени является недостаточной, поскольку существующий правовой механизм ограничивает адвоката-защитника в процессуальных правах на этой стадии.

Адвокат, изучая материалы уголовного дела, по окончании досудебного следствия обязан проверить: 1) имело ли место событие преступления; 2) содержат ли действия, которые вменяются в вину, состав преступления; 3) были ли соблюдены во время дознания и следствия требования УПК об обеспечении права подозреваемого (обвиняемого) на защиту; 4) нет ли в деле обстоятельств, которые тянут за собой закрытие дела или недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления; 5) предъявлены ли обвинения по всем установленным преступным действиям обвиняемого; 6) правильно ли квалифицированы действия обвиняемого по статьям уголовного закона; 7) соблюдены ли требования закона при составлении обвинительного заключения; 8) правильно ли избрана мера пресечения; 9) приняты ли меры к обеспечению возмещения убытков, причиненных преступлением, и возможной конфискации имущества; 10) выявлены ли причины и условия, которые способствовали совершению преступления, и приняты ли меры по их устранению; 11) соблюдены ли органами дознания или досудебного следствия требования УПК.

Следует отметить, что когда один и тот же защитник участвует и на стадии досудебного следствия, и в суде первой инстанции, то его состязательные возможности значительно выше, чем у прокурора. Это объясняется тем, что защитник принимал участие в следственных действиях и непосредственно из первоисточника воспринимал доказательственную информацию. Он также имел доверительные беседы с подзащитным, помимо его официальных допросов.

Кроме того, он предварительно, практически без ограничения во времени, имел возможность ознакомиться с материалами уголовного дела. Все это в совокупности существенно повышает возможности защиты в судебном разбирательстве. Однако есть неразрешимая проблема, с которой необходимо не только считаться, но и находить приемлемый и законный выход.

Уголовное дело существует в единственном числе. Вначале оно находится у следователя, который по сути его и формирует, потом — у прокурора, который осуществляет надзор за соблюдением законности при расследовании и утверждает обвинительное заключение для направления в суд. В итоге путь уголовного дела завершается в кабинете судьи.

Исходя из этого, перед судьей или судом на столе всегда лежат тома уголовного дела, а у прокурора в любом случае остается наблюдательное (надзорное) производство с копиями важнейших процессуальных документов. С чем же к защите приступает адвокат? У адвоката, особенно когда он вступает в процесс на стадии судебного разбирательства, нет ничего, кроме копии обвинительного заключения, если он получил ее у подзащитного.

Кроме того, законодательного уточнения требуют положения УПК РФ¹, регламентирующие объем материалов уголовного дела, с которыми вправе ознакомиться защитник после его допуска к участию в деле. Какие конкретно материалы дела, которыми обосновываются задержание подозреваемого, избрание ему меры пресечения и предъявление обвинения, следователь должен представить защитнику для ознакомления, в законе не указано. Такое положение дает возможность следователю по своему усмотрению определять, какими материалами обосновываются данные стадии уголовного процесса и какие материалы предоставить, а какие — нет.

1 Современные проблемы и тенденции адвокатуры: Учеб. пособие. — М., 2015.

Полная картина уголовного дела становится понятной после кропотливого изучения всех материалов, собранных по делу, для создания своего собственного адвокатского производства (досье). В адвокатском досье должны быть собраны и определенным образом систематизированы копии и выписки постановлений следователя, заключений экспертов, копии или выписки из протоколов следственных действий и другие документы, имеющие отношение к предъявленному обвинению. Безусловно, нет единого подхода к работе по формированию адвокатского досье, как не может быть единого подхода к работе над уголовным делом по формированию линии защиты.

Сформулируем некоторые рекомендации по подготовке материала. Так, накапливая материал и заносая его в производство, адвокат изучает, анализирует каждое доказательство, систематизирует их по основным узловым вопросам (лицевым счетам), темам, разделам. Именно эти аналитические данные станут основой защитительной речи. Цель этого накопления, анализа и систематизации материалов дела по основным узловым вопросам такая: 1) сконцентрировать доказательства, относящиеся к конкретному вопросу, в одном месте; 2) оценить каждое доказательство с точки зрения его значения в общей системе доказательств; 3) облегчить работу при анализе доказательств по конкретным вопросам; 4) установить главные, основные узловые вопросы темы, которые дадут основания для разработки генеральной позиции по делу; 5) разработать вопросы для допросов, определить тактику своих действий по различным процессуальным моментам; 6) подготовить необходимые ходатайства, заявления, жалобы; 7) предпринять самостоятельные действия для сбора дополнительных доказательств; 8) отработать план защитительной речи, ее разделы, установить связь между ними, расположить их в последовательную, логическую систему доводов адвоката.

Для того чтобы доказательства, относящиеся к конкретному событию, концентрировались вместе, практика привела к разработке системы узловых вопросов (лицевых счетов). В лицевом счете по мере изучения материалов дела концентрируются доказательства, мысли, идеи адвоката.

Подготовка материалов адвокатского производства (досье, дела) состоит из нескольких этапов. Можно предложить следующий примерный алгоритм: 1) открытие адвокатского производства; 2) беседа с лицом, обратившимся с просьбой заключить договор на защиту; 3) первая беседа со следователем (возможно, до встречи с подзащитным); 4) первая встреча с подзащитным; 5) изучение материалов дела, представленных прокурором в суд для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей; 6) накопление материалов во время участия в различных следственных действиях; 7) изучение материалов дела вместе с подзащитным после окончания досудебного следствия; 8) изучение обвинительного заключения; 9) подготовка к защитительной речи в судебном заседании; 10) критический анализ и, возможно, пересмотр подготовленной речи во время прений сторон; 11) постоянное изучение действующего нормативного материала; 12) самостоятельное собирание фактов адвокатом.

Хотя обязательно нужно учитывать, что собранные адвокатом доказательства не имеют статуса процессуального официального документа; это собственность — материальная или интеллектуальная — самого адвоката. Чтобы собранные факты стали доказательствами, они должны быть предъявлены следователю, прокурору, суду, которые решат вопрос об их значимости и необходимости приобщения к материалам уголовного дела.

Особое значение имеет опрос потенциальных свидетелей и других лиц — участников процесса. При таком опросе следует исключительно строго соблюдать закон, такт и этику. Недопустимо оказывать давление в любой форме на опрашиваемое лицо, а это лицо, в свою очередь, должно дать согласие на такой опрос. Результаты опроса могут быть, опять же исключительно с согласия опрашиваемого, оформлены письменно или даже записаны на диктофон².

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов В. Плюс открытость руководства // Российский адвокат. — 2005. — № 1.
2. Современные проблемы и тенденции адвокатуры: Учеб. пособие. — М., 2015. \

2 Анисимов В. Плюс открытость руководства // Российский адвокат. — 2005. — № 1.

Панченко В. Ю., Шушпанов К. С.

НЕПРАВОМЕРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В ИХ РЕАЛИЗАЦИИ: РАСПОЗНАВАНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ*

Статья посвящена проблемным вопросам квалификации тех или иных правовых ситуаций, имеющих место в правовой деятельности, в качестве ограничений прав человека и юридических препятствий в их реализации. Общим для ограничений и препятствий является признак наличия изъятий, сужения объема возможной правовой деятельности. Также обозначены основные критерии, служащие разграничению вышеобозначенных явлений: субъект, налагающий ограничение или чинящий препятствие, внешняя форма выражения такого ограничения или препятствия, общественно полезная цель и результат препятствия или ограничения, а также противоправность. Сравнивая указанные явления по большинству из упомянутых критериев в отдельности, авторы приходят к выводу о том, что возможно соответствие рассматриваемого явления всем признакам как ограничения, так и юридического препятствия в реализации права, что говорит о частичном совпадении объема исследуемых категорий в рамках многих отдельных признаков. В связи с этим любую конкретную правовую ситуацию при исследовании того или иного явления на предмет отнесения его либо к ограничениям прав, либо к юридическим препятствиям в их реализации, необходимо оценить с точки зрения всех перечисленных выше критериев для точного выявления его правовой природы. Кроме того, по отношению как к препятствиям, так и к ограничениям, можно выделить «собственные» способы защиты неправомерно ограниченного права либо такого права, реализация которого связана с преодолением тех или иных препятствий, а также собственные меры по предотвращению возникновения данных нежелательных правовых явлений, которые в значительной мере разнятся как по объему, так и по содержанию.

Ключевые слова: ограничения прав человека, юридические препятствия в реализации прав человека, преодоление юридических препятствий в реализации прав человека, правовое регулирование, правовая жизнь, теория права.

Panchenko V. Yu., Shushpanov K. S.

UNLAWFUL RESTRICTIONS OF HUMAN RIGHTS AND LEGAL BARRIERS IN THEIR IMPLEMENTATION: RECOGNITION AND OVERCOMING

The article is devoted to the problematic issue concerned with the subsumption of such legal situations as restriction of human rights and legal barriers in their implementation. Occurrence of expunging, narrowing of the extent of the possible legal activity is common to the restrictions and legal barriers. The main criteria used for the distinction between the above mentioned notions are also indicated: the subject, imposing restrictions or barriers, the external form of expression of restrictions and legal barriers, socially useful objectives, the results and unlawfulness. Comparing indicated phenomena by the reference to the mentioned criteria, the authors come to conclusion about partial concurrence of the extents of the pointed categories. In this context it is necessary to check any legal situations against all stated criteria for the purpose of identification of their real legal nature. Furthermore, with respect to both restrictions of human rights and legal barriers in the process of their implementation it is possible to extract their own remedies and preventive measures.

Keywords: restriction of human rights, legal barriers in implementation of human rights, overcoming legal barriers in implementation of rights legal regulation, legal life, law theory.

Реализация прав человека включает в себя, помимо прочего, устранение препятствий, которые возникают в процессе их осуществления¹. В то же время в процессе реализации того или иного права гражданин неизбежно сталкивается с внешними пределами такого права, именуемыми ограничениями. Ограничения прав человека возникают в связи с взаимодействием таких прав с другими правами и иными юридическими явлениями (интересы, принципы и др.), служат для цели установления баланса между указанными явлениями, и понимаются, несмотря на различия в формулировках, в основном как качественное и (или) количественное исключение либо су-

жение объема и содержания прав человека, осуществляемое государством путем правового регулирования².

В случае, если речь идет о правомерных ограничениях прав человека, разграничение их с юридическими препятствиями в реализации прав и законных интересов не вызывает особых затруднений.

Юридические (правовые) препятствия в реализации прав, свобод, законных интересов – это нормативно установленные и (или) юридико-фактические условия, осложняющие (затрудняющие либо блокирующие) процесс осуществления правовых возможностей (прав, свобод, законных интересов) конкретного субъекта права в конкретной ситуации, требующие от носителя прав и законных интересов дополнительных, нормативно незапрограммированных либо предусмотренных

Панченко В. Ю.

Шушпанов К. С.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 15-33-01354.

1 Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – С. 50.

2 См., напр.: Ягофарова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. – 2002. – № 4. – С. 6.

в установленном правом порядке реализации права, но несо-размерных, неразумных организационных, материально-технических, временных материальных и иных затрат (для устранения таких препятствий – *прим. авт.*)³.

Как следует из приведенного определения, юридические препятствия могут существовать как в форме норм права, так и в форме юридических фактов, порождающих необходимость применения правовых средств для их устранения. Как справедливо указывает А. В. Малько, «если между целью и результатом не было бы препятствий, тогда бы отпала необходимость в средствах; средства – реакция на конкретные препятствия»⁴.

Общим для рассматриваемых явлений является признак наличия изъятий, сужения объема возможной правовой деятельности. Однако природа такой деятельности применительно к каждому из них может отличаться. Так, если правомерные ограничения прав человека связаны с деятельностью законодательных органов власти по установлению, формализации и нормативному закреплению внешних пределов ограничиваемого права, то юридические препятствия в осуществлении права, коль скоро их существование возможно в форме юридических фактов, может быть связано с действиями любого субъекта права. Указанное позволяет выделить критерий субъекта для разграничения рассматриваемых понятий.

Говоря о субъектах, налагающих ограничения либо чинящих препятствия в реализации прав и законных интересов, можно в качестве отдельного критерия выделить внешнюю форму выражения таких ограничений и препятствий. Если ограничение прав человека, как правомерное, так и неправомерное, осуществляется государством путем правового регулирования, то внешним, материальным результатом такой деятельности государства будет являться норма права, формально закрепленная в соответствующем источнике права, как базовый элемент механизма правового регулирования. В процессе правового ограничения того или иного права формулируется общая модель поведения, свобода которого сужается по сравнению с максимально допустимым объемом свободы, при котором возможно существование и эффективная реализация данного права в отрыве от иных юридических явлений. В то же время юридические препятствия в реализации прав и законных интересов возникают на иных стадиях механизма правового регулирования. Они могут возникнуть на стадии определения специальных условий действия того или иного общего правила поведения и выразиться в юридическом факте. Они также могут возникать в правоотношении, на этапе индивидуализации интереса носителя права. Наконец, препятствия могут возникать на стадии реализации субъективного права и внешне выражаться в акте его реализации. Следует отметить, что если правовое ограничение прав человека, как указывалось, осуществляется всегда посредством правового регулирования, то в случае с юридическими препятствиями в реализации прав и законных интересов возможны ситуации, когда такие препятствия связаны с экономическими, политическими, социальными отношениями, не регулируемым правом, но на которые право распространяет свое влияние. Таким образом, юридические препятствия в реализации прав и законных интересов относятся к сфере правового воздей-

ствия, но не ограничиваются, как ограничения, правовым регулированием.

Также в качестве особенного при разграничении рассматриваемых явлений выступает цель деятельности и ее фактический общественно-полезный результат. Если правомерные ограничения прав человека устанавливаются для целей установления баланса различных прав и законных интересов участников правовой жизни общества, и, при должном юридическом профессионализме законодателя, достигают указанной общественно полезной цели, то юридические препятствия как правило либо изначально преследуют неправомерные цели, либо вообще не имеют таковых (в таком случае следует говорить о юридических препятствиях – «дефектах»⁵), в обоих случаях результатом наличия таких препятствий выступает осложнение процесса осуществления правовых возможностей субъекта права. Следует также добавить, что в случае с неправомерными ограничениями прав человека условие об общественно-полезной цели ограничения зачастую также выполняется. Те или иные ограничения чаще всего устанавливаются для целей достижения баланса между различными интересами различных субъектов права (чаще общества и государства), а их несоразмерность, непропорциональность, нецелесообразность и др., влекущие за собой неправомерность ограничения, чаще всего вызваны неправильной экспликацией либо неверным формальным закреплением законодателем внешних пределов ограничиваемого права, которые могут быть вызваны различными причинами, от чрезмерной пронизанности права неправовыми нормами и категориями морали, религии и пр., до недостатка профессионализма законодателя, владения им юридической техникой и т.д. Возникновение юридических препятствий в реализации прав и законных интересов также может быть вызвано тем, что принято называть «благими намерениями», но такая ситуация не является обычной.

Указанный выше критерий «общественной полезности» разводит понятие юридических препятствий в реализации прав человека с их правомерными ограничениями, но этот же критерий является причиной возникновения ряда трудностей при установлении их отличий от ограничений неправомерных. Так, по мнению А. В. Малько, «не является верным разграничение ограничений и иных правовых средств (например, стимулов) на законные и незаконные, соразмерные и несо-размерные, поскольку правовые средства, не соответствующие критериям законности и соразмерности, предъявленным к ним как самой сущностью правовых границ, так и нормами Конституции РФ и международных договоров, переходят в разряд препятствий, поскольку утрачивают свой общественно-полезный потенциал»⁶.

Из указанного положения может следовать тождество юридических препятствий в реализации прав человека с их неправомерными ограничениями. Похожий подход встречается и у А. А. Кондрашева, по мнению которого «ограничения могут устанавливаться в форме юридических препятствий для реализации права, когда эти препятствия устанавливаются в отношении тех или иных категорий лиц и затрагивают часть правомочий, входящих в состав соответствующего права»⁷.

5 См.: Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство. – 2013. – № 9. – С. 11.

6 Там же.

7 Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 44.

3 Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 10.

4 Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. – Sarbruken, 2011. – С. 207.

На наш взгляд, юридические препятствия к реализации прав человека нельзя считать ни формой их правомерного ограничения (по причинам, указанным выше), ни тождеством ограничений неправомерных. Рассматриваемые явления имеют различную правовую природу. Данный тезис является справедливым в том случае, если под ограничениями прав человека понимать исключительно ограничения правовые (что следует из приведенного в начале главы определения). Дело в том, что само предоставление неблагоприятных условий для реализации свободы субъекта и уменьшение объема его возможностей, т.е. ограничение прав и свобод в широком понимании, может осуществляться множеством способов: как через законодательство, так и непосредственно, путем прямого ограничения субъективного права. К примеру, право на неприкосновенность частной собственности может быть ограничено как законодательно, через налогообложение, так и непосредственно, если ограничение исходит из договора или решения правоприменительного органа. Таким образом, представляется необходимым разделение ограничений прав и свобод по способу ограничения на правовые и неправовые.

Более того, как правовые, так и неправовые ограничения прав и свобод могут по-разному относиться к закону (объективному праву). Можно привести примеры незаконных правовых ограничений. В Постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П Конституционным Судом РФ ряд положений постановления Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа» – о выдворении за пределы Чеченской Республики лиц, представляющих угрозу общественной безопасности и личной безопасности граждан и не проживающих на территории этой республики; о лишении аккредитации журналистов, работающих в зоне вооруженного конфликта, – признаны не соответствующими требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которым подобного рода ограничения прав и свобод человека и гражданина должны устанавливаться лишь федеральным законом, а не постановлением Правительства РФ⁸. За пределами ограничений прав человека как изначально правовых, находятся законные неправовые ограничения. Так, в правовой системе Англии и Уэльса существует институт гражданского задержания. Любой гражданин, явившийся свидетелем совершения или попытки совершения преступления, вправе задержать нарушителя, тем самым, произведя законное неправовое ограничение его субъективного права на свободу передвижения. Таким образом, выделение правомерных и неправомерных ограничений прав и свобод человека представляется обоснованным. При рассмотрении вопроса об ограничениях прав и свобод, авторы склонны рассматривать такие ограничения в узком смысле. Как правило, разрабатывая данную тему, они имеют дело лишь с той ее частью, которая укладывается в рамки правовых ограничений прав и свобод. Неправовые же ограничения, на наш взгляд, как раз переходят в разряд юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Таким образом, одной из функций понятия юридических препятствий в реализации прав и законных интересов является выделение неправовых (имеется в виду, не связанных с созданием норм объективного права) ограничений прав и свобод как отдельно юридического явления.

Правомерное ограничение права – это такое ограничение, которое, являясь внешним пределом по отношению к ограничиваемому праву, не выходит за рамки внутренних пределов такого ограничения по отношению к самому себе. При определении таких пределов необходимо, как, на наш взгляд, справедливо предлагает А. А. Ковалев, исходить из принципов:

1) принцип соразмерности ограничений их целям. Право может быть ограничено настолько, насколько это необходимо для достижения преследуемой цели;

2) принцип пропорциональности, требующий наличия причинной связи между действиями органов власти и целями, ради которых эти действия совершаются;

3) принцип необходимости предполагает, что из всех возможных средств достижения цели ограничения следует выбирать наименьшим образом воздействующее на защищаемые законом права;

4) принцип целесообразности, запрещающий всякое ограничение права за пределами целей такого ограничения⁹.

Следует полагать, что несоответствие любого рассматриваемого ограничения хотя бы одному из перечисленных принципов должно означать неправомерность такого ограничения. Таким образом, неправомерное ограничение права человека – это ограничение незаконное, не имеющее или несоразмерное общественно полезной цели ограничения, либо (и) не содержащее причинной связи между действиями властных органов, формирующими ограничение и его целями, или (и) в котором отсутствует объективная необходимость в связи с возможностью выбора иного, менее воздействующего на защищаемое законом право юридического средства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 6 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» ограничения права собственности, имущественных прав, а также свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости и быть соразмерны конституционно значимым целям защиты соответствующих прав и законных интересов и основываться на законе¹⁰.

На наш взгляд, есть все основания для расширительного толкования данной позиции и применения ее для всех ограничений прав и свобод.

Таким образом, представляется необходимым разграничение ограничений прав и свобод по наличию оснований в виде ценностей, подлежащих защите при ограничении прав и свобод – на обоснованные (целесообразные, соразмерные) и необоснованные (нецелесообразные, несоразмерные).

В практике Конституционного Суда Российской Федерации распространены случаи выявления законных (с точки зрения порядка принятия нормативных актов) несоразмерных ограничений¹¹. Заслуживают внимания интересные случаи, когда ограничение может быть, наоборот, незаконным сораз-

9 Ковалев А. А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. – М.: Статут, 2013. – С. 563.

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

11 См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1995 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 124 Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. «О государственных пенсиях в РСФСР» в связи с жалобами граждан Г. Г. Ардерикина, Н. Г. Попкова, Г. А. Бобырева, Н. В. Коцюбки» // СПС «КонсультантПлюс».

8 См. подр.: Витрук Н. В. Указ. соч. – С. 48.

мерным. Таковым, на наш взгляд, является рассмотренный ранее случай с выдворением за пределы Чеченской Республики представляющих угрозу обществу вооруженных формирований и лишением аккредитации журналистов, работающих в зоне вооруженного конфликта¹².

Нужно отметить, что такое разграничение фактически имеет место, хоть и не выражено в отдельную классификацию. Так, в указе о введении чрезвычайного положения, в условиях которого ст. 56 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения прав и свобод, должны быть приведены, помимо прочего, обстоятельства, послужившие основанием для введения чрезвычайного положения и обоснование необходимости введения чрезвычайного положения¹³.

Конституция РФ использует для обозначения неправомерных ограничений различные термины:

– умаление прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 55, ч. 2 ст. 55 Конституции РФ);

– отрицание прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 и 2 ст. 55 Конституции РФ);

– отмена прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ)¹⁴.

Поскольку каждый из перечисленных терминов обозначает выполнение различных действий, каждое из которых соответствует признакам ограничений прав человека, на наш взгляд, целесообразно считать указанные случаи формами неправомерного ограничения прав человека. Умаление предполагает установление меры свободы меньшей, чем необходимая с точки зрения основного содержания ограничиваемого права¹⁵. Отрицание выражается в игнорировании субъективных прав, приводящем к утрате содержания права как высшей ценности. Отмена – это официальное устранение из правовой системы того или иного права путем принятия изменений в законодательство¹⁶.

Н. А. Щеголева и А. С. Борисов помимо перечисленных форм неправомерного ограничения прав человека указывают также злоупотребление правом, что, на наш взгляд, не является обоснованным. Злоупотребление правом представляет собой выход за пределы осуществления субъективного права как формы его реализации. Такие пределы определяются самим носителем права по своему усмотрению для достижения своего интереса, и поэтому характеризуют основным образом субъективные аспекты правореализации¹⁷. Как указывает И. А. Карасева, зачастую именно злоупотребление правом является причиной мнимой конкуренции основных прав человека¹⁸ (т.е. речь идет об экспликации мнимых внешних пределов та-

ких прав). Наличие мнимых пределов основного права приводит к искажениям в процессе выявления и формализации (т.н. «экспликации») истинных таких пределов, приводя к различным дефектам в правовом регулировании. Таким образом, злоупотребление правом представляет собой юридический факт, осложняющий осуществление правовой возможности носителя права и требующий от него определенных действий, для устранения указанных осложнений, и удовлетворяет всем признакам юридического препятствия к реализации права или законного интереса человека. Тем не менее, можно предположить ситуацию, когда злоупотребление правом имело бы место со стороны законодательного органа при осуществлении правового регулирования, и повлекло за собой сужение объема и (или) содержания того или иного права человека. В данном случае рассматриваемое злоупотребление правом удовлетворяет также и основным признакам ограничений прав человека (пусть, возможно, и неправомерных, если не преследовались или не достигнуты общественно полезные цели), что приводит к выводу о том, что объемы понятий юридических препятствий к осуществлению и ограничений прав человека при рассмотрении их по данному критерию в отдельности являются частично пересекающимися.

Ни умаление, ни отрицание, ни отмена права как формы неправомерного ограничения права не могут быть тождественны препятствиям в реализации такого права. Поскольку понятие неправомерного ограничения права является видовым по отношению к понятию ограничения права, любое неправомерное ограничение требует соответствия признакам ограничения вообще. И если субъектом любого правового (пусть и неправомерного) ограничения является государство, осуществляющее правовое регулирование, а субъектом, чинящим препятствия в реализации права – любой субъект права, то надлежит сделать вывод о несоответствии объемов рассматриваемых понятий. По той же причине не считаем корректным рассмотрение препятствий как формы ограничений прав человека. Понятие, по своему объему являющееся более широким по отношению к другому понятию, не может по законам формальной логики являться по отношению к нему видовым.

В качестве иного критерия для разграничения рассматриваемых явлений можно выделить, исходя из самого термина неправомерного ограничения права, их неправомерность. В современной юридической науке понятие неправомерного (неправомерной деятельности, неправомерного поведения) принято рассматривать вместе с понятиями противоправного, правонарушения. И, несмотря на существование точек зрения, обосновывающих необходимость разграничения неправомерного поведения и правонарушения¹⁹, на наш взгляд, для целей данного исследования различия между указанными понятиями незначительны, тем более что их отождествление является в теории права общепринятым²⁰. Исходя из установленного статьями 21, 55 Конституции РФ запрета умаления, отрицания, отмены основных прав человека, являющихся формами их неправомерного ограничения, можно сделать вывод об объективной противоправности любого такого ограничения. В то же время в случае с препятствиями к реализации того или иного права, нет оснований говорить о неизбежности умаления, отрицания либо отмены такого права. Зачастую препятствия

12 См.: Постановление Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа» // СПС «КонсультантПлюс».

13 См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. Л. А. Окуньков. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: БЕК, 1996. – Ст. 56.

14 Рассолова Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 13.

15 Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / Отв. ред. В. А. Четвернин. – М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. – С. 31.

16 Рассолова Е. Ш. Указ. соч. – С. 20.

17 Малиновский А. А. Пределы субъективного права // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 95.

18 Карасева И. А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 13.

19 См., напр.: Харланова С. Ю. О разграничении неправомерного поведения и правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. – 2013. – № 1. – С. 44–45.

20 См., напр.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004. – С. 405.

представляют собой необходимость осуществления носителем права необоснованных, лишних, не связанных с природой самого права действий для осуществления такого права, что, тем не менее, не всегда является объективно противоправным. Разумеется, когда юридические препятствия чинятся вследствие, например, игнорирования исполнительным органом власти того или иного субъективного права, это образует собой его отрицание, так же прямо запрещенное Конституцией. Более того, в некоторых случаях учинение конкретных препятствий в реализации конкретных прав прямо запрещено законом. Так, ст. 380 ТК РФ прямо запрещает работодателю препятствовать работникам в осуществлении своего права на самозащиту трудовых прав²¹. Указанное свидетельствует о том, что и по данному критерию разграничения объема рассматриваемых понятий являются частично пересекающимися.

Различия между рассматриваемыми понятиями можно обнаружить и при исследовании способов защиты гражданина, пострадавшего от неправомерного ограничения своего права либо столкнувшегося с теми или иными препятствиями в его реализации. Так, если, как указывалось выше, любое ограничение права выражается в норме права, то единственным возможным способом защиты представляется использование установленного законом порядка оспаривания такой нормы. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены только федеральным законом, и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. Таким образом, данная конституционная норма установила закрытый перечень ценностей, подлежащих защите путем ограничения прав и свобод человека. Несоответствие, по мнению правообладателя, того или иного ограничения его права указанным ценностям служит основанием для проверки конституционности нормы федерального закона, содержащей такое ограничение, в порядке, установленном Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации»²². Так, содержащееся в ст. 124 Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в РСФСР» (ныне утратил силу) ограничение права, связанное с приостановлением выплаты трудовых пенсий во время лишения пенсионера свободы, по приговору суда было признано Конституционным Судом РФ не соответствующим ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так как для его введения не было оснований в виде тех ценностей, которые подлежат защите при ограничении прав и свобод человека и гражданина²³.

В случае же с юридическими препятствиями в реализации прав человека, защита таких прав выражается в осуществлении определенных действий по устранению таких препятствий. Спектр способов защиты при этом значительно более широк. Гражданские права защищаются способами, предусмотренными гражданским законодательством, в числе которых самозащита права, признание недействительным акта го-

сударственного органа или органа местного самоуправления, неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, присуждение к исполнению обязанности в натуре, возмещение убытков и др.²⁴. Устранение препятствий возможно также посредством деятельности независимых от государства институтов гражданского общества, оказывающих помощь гражданам: адвокатура, профсоюзы, СМИ и т.п.

Так, например, в соответствии со ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате²⁵, нотариат призван обеспечить защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законом нотариальных действий от имени Российской Федерации. Как справедливо указывает Т. Г. Калининко, защитой гражданских (как и любых других – *прим. авт.*) прав является, помимо прочего, деятельность по устранению препятствий на пути их осуществления²⁶. В рамках такой деятельности нотариусы осуществляют признание бесспорных прав и подтверждение бесспорных юридических фактов. Ряд норм ГК РФ предусматривает защиту нарушенного права путем совершения нотариусом исполнительной надписи. Так, в соответствии с п. 5 ст. 358 ГК РФ в случае невозвращения в установленный срок суммы кредита, обеспеченного залогом вещей в ломбарде, ломбард вправе продать это имущество в порядке, установленном законом о ломбардах. В ч. 3 ст. 12 Федерального закона «О ломбардах»²⁷ устанавливается, что обращение взыскания осуществляется на основании исполнительной надписи нотариуса. На аналогичной основе в соответствии с п. 3 ст. 630 ГК РФ осуществляется взыскание с арендатора задолженности по арендной плате по договору проката. Следует отметить, что нотариальная защита прав и законных интересов может осуществляться как посредством юридического подтверждения и закрепления гражданских прав в целях предупреждения их возможного нарушения в будущем (к примеру, нотариальное удостоверение договора об ипотеке), так и путем защиты уже нарушенного права (при выдаче исполнительной надписи, при предъявлении чека к платежу и удостоверении неоплаты чеков)²⁸.

Еще один пример деятельности институтов гражданского общества по устранению препятствий в реализации прав и законных интересов граждан – деятельность профессиональных союзов. Участие их в устранении юридических препятствий в реализации прав и законных интересов обусловлено правом профсоюзов на представительство и защиту социально-трудовых прав и интересов работников, предусмотренным ст. 11 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»²⁹. Так, например, на интернет-сайте Независимого профсоюза «Профсвобода» имеется информация о деятельности указанного профсоюза по представлению интересов работников. В рамках такой деятельности Профсоюз обратился в защиту прав С. С. Пигарева в Сургутский район-

21 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

22 Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

23 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1995 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 124 Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. «О государственных пенсиях в РСФСР» в связи с жалобами граждан Г. Г. Ардерикина, Н. Г. Попкова, Г. А. Бобырева, Н. В. Коцюбки» // СПС «КонсультантПлюс».

24 См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

25 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации № 4462-1 от 11 февраля 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».

26 Калининко Т. Г. Нотариальная защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц // Нотариус. – 2008. – № 1. – С. 8.

27 Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах» // СПС «КонсультантПлюс».

28 Калининко Т. Г. Указ. соч. – С. 10.

29 Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

ный суд с заявлением об установлении факта, имеющего юридическое значение, а именно факта принадлежности ему трудовой книжки. Указанный факт был установлен, в результате чего было устранено юридическое препятствие при оформлении документов С. С. Пигарева для получения трудовой пенсии³⁰.

Деятельность судов напрямую связана с устранением юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Суды общей юрисдикции регулярно рассматривают дела по исковым заявлениям об устранении препятствий в пользовании имуществом, квартирой, земельным участком, в общении с ребенком и т.д. Приказное производство, при котором судьей единолично выносится решение об истребовании имущества от должника на основании заявления о взыскании денежных сумм, а также особое производство, как уже рассматривалось выше, также могут являться формами устранения судом юридических препятствий в реализации прав и законных интересов.

Говоря о защите нарушенного права при его незаконном ограничении либо при наличии препятствий в его реализации, стоит упомянуть и о возможных способах предотвращения таковых. Ограничение прав человека – это сложная юридическая деятельность по экспликации внешних границ ограничиваемого права и их закреплению в источниках права. Для того, чтобы такая деятельность имела наибольший положительный эффект, достигала своих общественно полезных целей, необходима, прежде всего, тщательная теоретическая разработка вопроса о пределах прав человека, и ограничениях как их разновидности. Необходимо стремиться к повышению эффективности и качества правового регулирования, профессионализма законодателя путем работы над общественным правосознанием и правовой культурой, а также над качеством высшего юридического образования. Аналогичные меры способны значительно улучшить ситуацию и с юридическими препятствиями в реализации прав человека. Дополнительными мерами, ориентированными только на сокращение юридических препятствий, а также на упрощение порядка их устранения, могут являться тщательно продуманное дополнительное финансирование развития и деятельности уполномоченных государственных и муниципальных органов, основной задачей которых является защита правопорядка – суда, прокуратуры, государственных инспекций и пр., а также государственная поддержка деятельности специализированных институтов гражданского общества.

Резюмируя сказанное выше, понятия препятствий в реализации прав человека и их ограничений, в том числе, неправомерных, следует рассматривать в отдельности. Основными критериями для разграничения указанных явлений служат субъект, налагающий ограничение или чинящий препятствие, внешняя форма выражения такого ограничения или препятствия, общественно полезная цель и результат препятствия или ограничения, а также противоправность. Кроме того, по отношению как к препятствиям, так и к ограничениям, можно выделить «собственные» способы защиты неправомерно ограниченного права либо такого права, реализация которого связана с преодолением тех или иных препятствий, а также собственные меры по предотвращению возникновения данных нежелательных правовых явлений.

Сравнивая указанные явления по большинству из упомянутых критериев в отдельности, возможно соответствие рас-

сматриваемого явления всем признакам как ограничения, так и юридического препятствия в реализации права, что говорит о том, что в рамках многих отдельных признаков объемы рассматриваемых понятий являются частично пересекающимися. В связи с этим любую конкретную правовую ситуацию при исследовании того или иного явления на предмет отнесения его либо к ограничениям прав, либо к юридическим препятствиям в их реализации, необходимо оценить с точки зрения всех перечисленных выше критериев для точного выявления его правовой природы. Правильная квалификация при этом крайне важна для юридической практики, поскольку служит отправной точкой при выборе способа (способов) защиты нарушенного права или свободы человека.

Пристатейный библиографический список

1. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.
2. Калинин Т. Г. Нотариальная защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц // Нотариус. – 2008. – № 1.
3. Карасева И. А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 7.
4. Ковалев А. А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. – М.: Статут, 2013.
5. Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. Л. А. Окуньков. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: БЕК, 1996.
7. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / Отв. ред. В. А. Четвернин. – М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997.
8. Малиновский А. А. Пределы субъективного права // Журнал российского права. – 2005. – № 11.
9. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. – Sarbruken, 2011.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2004.
11. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3.
12. Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство. – 2013. – № 9.
13. Рассолова Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
14. Харланова С. Ю. О разграничении неправомерного поведения и правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. – 2013. – № 1.
15. Ягофарова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. – 2002. – № 4.

30 Суд, установив несколько юридических фактов, устранил препятствия к пенсии [Электронный ресурс] // Независимый профсоюз «Профсвобода». – Режим доступа: http://profsvoboda.do.am/news/sud_ustanoviv_neskolko_juridicheskikh_faktov_ustranil_prepjatstva_k_pensii/2013-09-07-124 (дата обращения: 23.07.2015).

Абдуллабекова А. Э.

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Важная роль в защите прав граждан отведена институту Уполномоченного по правам человека. В статье (на примере Республики Дагестан) рассматривается деятельность Уполномоченного по правам человека, роль и место данного института в системе правозащитных механизмов.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, Омбудсмен, Республика Дагестан, доклад, обращения, жалоба.

Abdullabekova A. E.

INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The important part in protection of the rights of citizens is assigned to institute of the Commissioner for Human Rights. In article (by the example of the Republic of Dagestan) activity of the Commissioner for Human Rights, a role and a place of this institute in system of human rights mechanisms is considered.

Keywords: Commissioner for Human Rights, Ombudsman, Republics of Dagestan, report, addresses, complaint.

Абдуллабекова А. Э.

Важное место в правовом механизме защиты прав и свобод человека и гражданина занимает институт Уполномоченного по правам человека, дополняя существующие способы защиты прав и свобод, не отменяя и не пересматривая компетенции государственных органов.

Должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 г. В феврале 1997 г. был принят Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

В соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», с Конституцией (Уставом), законом субъекта Российской Федерации может учреждаться должность Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации.

В Республике Дагестан институт Уполномоченного по правам человека был создан совсем недавно. Закон Республики Дагестан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Дагестан» был принят на сессии Народного Собрания Республики Дагестан в 2006 г. Сегодня эту должность занимает Омарова Уммупазиль Авадзиевна.

5 декабря 2014 г. была проведена третья встреча Президента России с региональными уполномоченными по правам человека, в рамках которой обсуждались вопросы дальнейшего развития института омбудсмена в регионах и основные направления их деятельности. Региональные уполномоченные, по мнению В. В. Путина, являются прямыми союзниками Президента Российской Федерации в работе по защите прав и интересов граждан. Глава государства отметил, что «здесь люди находят поддержку в защите своих социальных, трудовых, жилищных, экономических и политических прав. Уполномоченными накоплен огромный опыт работы с людьми, они знают, как действуют механизмы общественной поддержки, как объединить граждан для решения многих вопросов и насущных проблем»¹.

Уполномоченный по правам человека Республики Дагестан в рамках своей компетенции осуществляет рассмотрение обращений граждан на нарушение их прав в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

Деятельность Омбудсмена в республике сводится не только к работе с обращениями граждан. Это одновременно и просветительная деятельность, и работа по совершенствованию законодательства. Среди основных форм правового просвещения используются такие мероприятия, как публикация статей в печатных СМИ, участие в научных конференциях, выступление по телевидению, создание интернет-сайтов и т.д. Содействует правовому просвещению ежегодно проводимый Уполномоченным по правам человека РД совместно с Министерством образования и науки РД, Министерством по делам молодежи РД и Дагестанским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» конкурс работ среди школьников «Права человека – глазами ребенка». Цель конкурса – формирование у учащихся активной гражданской позиции, приобретение ими знаний в сфере защиты прав человека, а также навыков их применения.

Одним из основных направлений деятельности Уполномоченного республики является прием граждан, предоставление населению бесплатной юридической помощи. Уполномоченный в своей деятельности по правовому просвещению населения считает важным направлением использование информационных технологий.

Согласно ст. 11 Закона Республики Дагестан от 17 марта 2006 г. № 11 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Дагестан» Уполномоченный по правам человека ежегодно направляет доклад о своей деятельности главе республики и органам власти². Доклады позволяют проследить за ситуацией региона. Из года в год растет количество обращений. Так, если количество жалоб и обращений в 2012 г. составило

¹ <http://kremlin.ru/> Опубликовано в разделах: Новости, Выступления и стенограммы 16 августа 2012 года.

² Закон Республики Дагестан от 17 марта 2006 года № 11 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Дагестан».

вило 1135, то в 2013 г. – 1199, а к 2014 г. количество обращений возросло до 1264³. Это свидетельствует о возрастающем доверии граждан к институту омбудсмена в регионе. Здесь люди находят поддержку в защите своих социальных, экономических и политических прав.

Региональному Омбудсмену, как и в предыдущие годы, чаще приходилось заниматься вопросами восстановления нарушенных социальных прав граждан – 691 (55 % от общего числа жалоб), увеличение доли обращений этой категории составило 7,8% (в 2013 году – 51%). По-прежнему большое количество жалоб поступает в сфере нарушения жилищных прав граждан – 430 обращений.

Большое количество обращений касалось нарушений прав заявителей в области предоставления социальных гарантий при назначении и пересмотре пенсий, пособий, ежемесячных денежных выплат, оказании мер социальной поддержки, выдаче льготных удостоверений, установлении инвалидности и др.

На нарушения своих гражданских (личных) прав в жалобах указали 403 заявителя – 32 % от общего числа обращений (в 2013 году – 369). К сожалению, продолжают поступать жалобы на действия (бездействие) сотрудников правоохранительных органов. В 2014 г. их количество составило 280 (в 2013 году – 259). Среди них, по-прежнему, обращения, где граждане сообщают о похищениях их родственников вооруженными лицами в камуфлированной форме.

Нарушения экономических прав граждан явились поводом для 162 обращений. В частности, в 81 обращении поднимались вопросы нарушения права на труд и справедливое вознаграждение за труд. Речь в них шла о задержке (невыплате) заработной платы и предусмотренных законом надбавок к ней (33 обращения): работникам государственного и муниципального сектора (17), работникам частного сектора (16); проблемах трудоустройства (26); необоснованном увольнении с работы (22).

Особое внимание Уполномоченный уделяет рассмотрению коллективных обращений граждан республики. В основном эти жалобы касаются нарушения трудовых прав, улучшения инфраструктуры населенных пунктов, права на надежное жилищно-коммунальное обслуживание, жилищных проблем.

Из 1264 обращений, поступивших в 2014 г., 722 принято к рассмотрению, по остальным даны разъяснения, консультации, оказана квалифицированная юридическая помощь.

Обобщая итоги рассмотрения жалоб, Уполномоченный по правам человека представляет обществу выводы о ситуации в правозащитной сфере, выявляет системные проблемы, препятствующие осуществлению гражданами своих прав, вырабатывает и направляет должностным лицам и государственным органам республики рекомендации и предложения о возможных способах их разрешения. Ежегодный доклад Уполномоченного является механизмом опосредованного контроля за соблюдением прав человека в Республике Дагестан.

Необходимо отметить, что важна роль Уполномоченного по правам человека по совершенствованию законодательства. Так, в Законе Республики Дагестан «О социальной поддержке тружеников тыла и ветеранов труда» отсутствовали нормы о мерах социальной защиты, предоставляемых ветеранам воен-

ной службы, которые были предусмотрены федеральным законодательством и в соответствии с 122-ФЗ переданы в ведение субъектов Российской Федерации⁴. По инициативе Уполномоченного были внесены соответствующие изменения в нормативные акты Республики Дагестан и права указанных категорий граждан были восстановлены.

Уполномоченный выступает как посредник между гражданами и властью, озвучивая их проблемы и предлагая меры по их устранению. Эффективность разрешения проблем граждан напрямую зависит от конкретного, четко обозначенного реагирования чиновников на факты нарушений прав человека.

Необходимо отметить, что эффективность работы Омбудсмена республики зависит от сотрудничества с органами государственной власти. Органы государства и местного самоуправления, равно как и объединения граждан, предприятий, учреждений, организаций, должны оказывать ему необходимую помощь в предоставлении таких прав, как право на безотлагательный прием должностными лицами, беспрепятственное посещение органов публичной власти, присутствие на их заседаниях, направление актов реагирования в соответствующие органы и т.д. Омбудсменом были заключены соглашения о сотрудничестве с Прокуратурой, Министерством внутренних дел, Министерством юстиции, Управлением Федеральной миграционной службы республики и др. органами. Для повышения качества оказания юридической помощи населению Уполномоченным по правам человека Республики Дагестан заключены соглашения с рядом высших образовательных учреждений (ДГУ, ДГПУ, СКФ РПА).

Подводя итоги, можно сказать, что учреждение института Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан гарантирует более качественную защиту прав, поможет устранить пробелы в законодательстве и контроле над органами публичной власти, максимально приблизить состояние обеспеченности прав и свобод человека к международно-правовым стандартам.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Республики Дагестан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Дагестан» № 11 от 17 марта 2006 года.
2. Встреча с Уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/> Опубликовано в разделах: Новости, Выступления и стенограммы 16 августа 2012 года.
3. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан /Совершенствование законодательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dagombu.ru/>
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан в 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dagombu.ru/>

3 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан в 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dagombu.ru/>

4 Деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан / Совершенствование законодательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dagombu.ru/>

Зайдова М. У.

ЭВТАНАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Проблема эвтаназии сегодня все больше привлекает внимание. Среди ученых нет однозначного ответа на вопрос, разрешить ее применение или нет. В соответствии с Конституцией РФ каждый человек имеет право на жизнь. С религиозной точки зрения тоже не приветствуется эвтаназия.

Ключевые слова: эвтаназия, жизнь, смерть, Конституция, больной.

Zaidova M. U.

EUTHANASIA: APPLICATION PROBLEMS

The problem of euthanasia today attracts increasing attention. Among scientists there is no unambiguous answer to the question whether to allow its application. In accordance with the Russian Constitution, everyone has the right to life. From a religious point of view euthanasia is also discouraged.

Keywords: euthanasia, life, death, the Constitution, the patient.

Зайдова М. У.

Проблема эвтаназии на сегодняшний день является одной из самых обсуждаемых и насущных. Данная проблема возникла еще в глубокой древности. Уже тогда люди думали о том, как ускорить наступление смерти у неизлечимого больного с целью прекращения его страданий. Сам термин «эвтаназия» происходит от греческих слов «eu» – хорошо, благо и «thanatos» – смерть. Эвтаназия делится на два типа: активную (позитивную) эвтаназию – намеренное осуществление определенных действий по ускорению смерти страдающего безнадежно больного («метод наполненного шприца»: передозировка снотворного, смертельная инъекция) и пассивную (негативную) – намеренное прекращение мер по поддержанию и продлению жизни («метод отложенного шприца»).

В последние десятилетия мировая общественность активно обсуждает возможность легализации эвтаназии. Что же до российской правовой доктрины, то имеет место замалчивание проблемы эвтаназии. Лишь те люди, которые сами столкнулись с ужасом неизлечимой болезни, причиняющей невыносимые страдания, пытаются самостоятельно найти выход из такого положения. Ничего хорошего из этого, как правило, не получается.

В соответствии с Конституцией РФ каждому человеку принадлежит неотъемлемое право на жизнь, один из аспектов которого предполагает возможность самостоятельно распоряжаться ею, решать вопрос о прекращении жизни. Допустить возможность реализации этого права можно лишь путем эвтаназии. Обсуждение этой сложной и многогранной проблемы в обществе необходимо, но с учетом мнения специалистов в области права, медицины и других профессий с последующим подведением итогов.

Анализ норм права показывает, что эвтаназия запрещена и наказуема. Однако некоторые нормативно-правовые акты РФ опосредованно содержат нормы, которые приводят к латентному применению пассивной эвтаназии. Обязывая врача идти до конца в борьбе с болезнью пациента, закон в то же время предоставил право больному отказаться по собственному усмотрению от медицинской помощи. В ст. 14 Этического кодекса российского врача под пассивной эвтаназией понимается «прекращение лечебных действий у постели умирающе-

го больного. Врач обязан облегчить страдания умирающего больного всеми доступными и легальными способами»¹.

Подобное латентное разрешение эвтаназии содержит постановление Правительства РФ «Об утверждении правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, правил прекращения мероприятий и форм протокола установления смерти человека» от 20 сентября 2012 г. № 950: «Реанимационные мероприятия не проводятся... при состоянии клинической смерти на фоне прогрессирования достоверно установленных неизлечимых заболеваний или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимых с жизнью... Правила прекращения реанимационных мероприятий устанавливаются случаи, когда данные мероприятия прекращаются при признании их абсолютно бесперспективными»².

С принятием в 1993 г. Основ законодательства РФ «Об охране здоровья граждан»³ впервые в нашей стране положение об эвтаназии получило законодательное решение. В ст. 45 под недвусмысленным названием «Запрещение эвтаназии» было закреплено, что удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти «какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни», медперсоналу запрещается. Лицо, осуществляющее эвтаназию или побуждающее больного к эвтаназии, несет уголовную ответственность. В диспозиции статьи не учитываются никакие обстоятельства той сложной ситуации, которая в таких случаях встречается в жизни и с точки зрения гуманности входит в противоречие с нормами права. Безальтернативностью статьи 45 можно объяснить частые нарушения статьи и «незамечаемость» применения эвтаназии на практике.

«Декларация об эвтаназии» (октябрь 1987 г.), принятая Всемирной медицинской ассамблеей (далее – ВМА), гласит, что эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни па-

- 1 Этический кодекс российского врача: утв. 4-й конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994 г. – С. 14.
- 2 Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека: постановление Правительства РФ от 20 сент. 2012 г. № 950 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 39. – Ст. 5289.
- 3 Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) (ред. От 18.07.2011) // Рос. Вести. – 09.09.1993. – № 174.

циента даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких не этична, но это не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания⁴. Таким образом, ВМА, не одобряя активную эвтаназию, предусматривает и одобряет возможность применения пассивной эвтаназии.

В настоящее время мнения ученых разделились в отношении применения акта эвтаназии: есть сторонники и противники. Защитники эвтаназии ссылаются на тот факт, что поддержание жизни на стадии умирания или в вегетативном состоянии, осуществляемое с помощью передовых технологий, обходится слишком дорого. А именно — средств, которые тратятся на поддержание жизни в безнадежных ситуациях, хватило бы на то, чтобы лечить десятки, сотни других людей, болезни которых поддаются лечению. В то же время противники эвтаназии — не устают повторять, что современная цивилизация идет по пути оправдания самоубийства, что «помощь в совершении убийства» недопустима⁵.

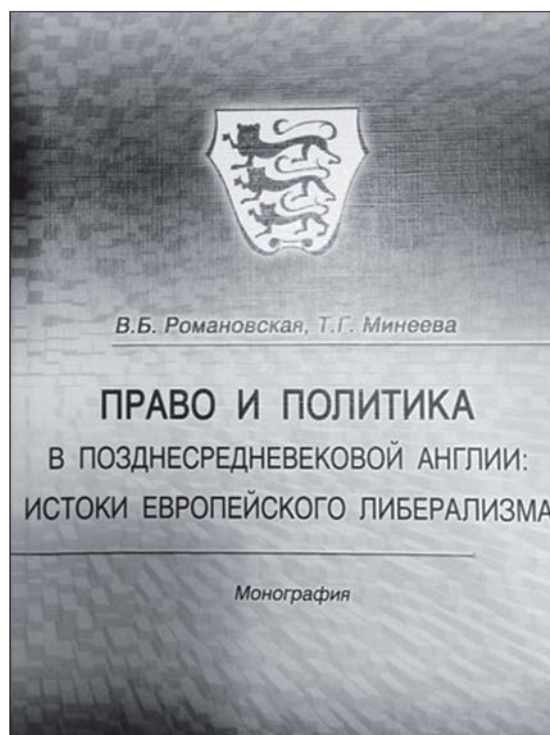
Ю. А. Чернышева предложила выделить эвтаназию в самостоятельный состав менее опасного вида убийства, при этом дополнить УК РФ специальной статьей, которая будет носить привилегированный характер, где отличием от простого преступления является объект преступления — жизнь неизлечимо больного человека⁶.

В. И. Акопов и Е. Н. Маслов считают, что необходимо однозначное правовое решение вопроса об эвтаназии с указанием недопустимости применения активной эвтаназии и перечня условий разрешения в исключительных случаях пассивной эвтаназии. Принятие такого решения и осуществление эвтаназии должно быть в строгом соответствии с порядком, который с учетом опыта других стран должен быть разработан юристами и медиками и утвержден соответствующими министерствами. Несмотря на то, что в настоящее время ни в какой форме эвтаназия в нашей стране не может быть разрешена, от легализации этой проблемы не уйти. Решение ее надо начинать с правового обеспечения и разработки порядка жесткого контроля за каждым случаем эвтаназии. А пока врачам надо помнить, что побуждение и осуществление любой формы эвтаназии в соответствии с законодательством Российской Федерации является преступлением. Отказ от медицинского вмешательства во избежание неоднозначной трактовки должен быть обоснован и правильно документально оформлен⁷.

Религиозный аспект, имеющий существенное значение для верующих больных, характеризуется однозначным решением рассматриваемой проблемы всеми конфессиями: жизнь, как бы тяжела она ни была, дается человеку свыше, что и лишает права насильственного ее прерывания.

Пристатейный библиографический список

1. Акопов В. И., Маслов Е. Н. Право в медицине. — М.: Книга-Сервис, 2002.
2. Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека: постановление Правительства РФ от 20 сент. 2012 г. № 950 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 39. — Ст. 5289.
3. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) (ред. От 18.07.2011) // Рос. Вести. — 09.09.1993. — № 174.
4. Сборник официальных документов Ассоциации врачей России: Врачебные ассоциации, медицинская этика и общемедицинские проблемы / Под ред. В. Н. Уранова. — М.: ПАИСМ, 1995.
5. Чернышева Ю. А. Уголовно-правовые вопросы причинения смерти потерпевшему по его просьбе (эвтаназия): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
6. Чикова С. С. Право на жизнь и право на смерть // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2013. — Т. 3. — № 2.
7. Этический кодекс российского врача: утв. 4-й конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994 г.

4 Сборник официальных документов Ассоциации врачей России: Врачебные ассоциации, медицинская этика и общемедицинские проблемы / Под ред. В. Н. Уранова. — М.: ПАИСМ, 1995. — С. 44.
 5 Чикова С. С. Право на жизнь и право на смерть // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2013. — Т. 3. — № 2. — С. 430.
 6 Чернышева Ю. А. Уголовно-правовые вопросы причинения смерти потерпевшему по его просьбе (эвтаназия): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
 7 Абопов В. И., Маслов Е. Н. Право в медицине. — М.: Книга-Сервис, 2002.

Самусевич А. Г., Мамедов Э. Ф.

КАЧЕСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

В статье выражен авторский подход к определению механизма обеспечения прав личности, в структуре которого качество законодательства рассматривается как фактор его эффективности. Авторами рассматривается правовой механизм обеспечения прав личности как динамичная система элементов, которые в своей совокупности достигают поставленных целей.

Ключевые слова: защита прав и свобод, общество, правовой механизм обеспечения прав и свобод личности, качество законодательства, термины.

Samusevich A. G., Mamedov E. F.

THE QUALITY OF LEGISLATION IN THE MECHANISM OF ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL

In the article the author's approach to determining the mechanism of ensuring the rights of the individual, in the structure of which the quality of legislation is seen as a factor of its effectiveness is offered. Legal mechanism of ensuring the rights of the individual is viewed as a dynamic system of elements, which work together to achieve objectives.

Keywords: protection of rights and freedoms, society, the legal mechanism of ensuring the rights and freedoms of the individual, the quality of legislation, terms.

В настоящее время проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина сложна и многопланова, о чем на страницах юридической литературы написано немало. Рассматривая данную тему, хотелось бы отметить, что авторы не ставят под сомнение выводы ученых, которые уже нашли отражение в виде монографий, статей, конференций, круглых столов и т. д. Как верно отмечено В. Ю. Анохиным: «Изучение правового механизма обеспечения прав личности все еще находится в стадии первоначальной разработки, когда особенно недопустима терминологическая путаница, способная повлечь в дальнейших исследованиях бесконечные дискуссии»¹.

Вместе с тем и от международных, и от российских общественных организаций и объединений мы все чаще можем слышать высказывания о несоблюдении в России прав человека и гражданина со стороны государства. В связи с этим, как видится, создание дополнительных гарантий реализации прав и свобод личности является приоритетной задачей государства на современном этапе развития. Если говорить обобщенно, то идея разработки правового механизма обеспечения прав личности высказывалась давно. Предмет нашей статьи – правовой механизм обеспечения прав личности, где качество законодательства представлено как критерий эффективности такого механизма.

Проблему усугубляет и то, что для нормального функционирования данного механизма пока не создана надлежащая качественная «законодательная среда». К таким размышлениям авторов натолкнул доклад Уполномоченного по правам человека Российской Федерации за 2012 год, в котором было отмечено, что в указанный период было издано множество «сырых» законодательных актов о правах и свободах человека. При этом Уполномоченным было выражено недоумение: «Чем руководствуется законодатель, принимая очевидно сырые законопроекты с непостижимой скоростью, но годами

задерживая другие, давно готовые, непонятно»². Из приведенного видно, что проблема назрела и ее необходимо решать, в том числе и с точки зрения совершенствования законов в сфере обеспечения прав и свобод личности.

Прежде чем мы сможем установить место и роль законодательства в структуре механизма обеспечения прав личности, необходимо определиться с самими этими понятиями. В целом, отечественная юридическая наука активно пользуется понятием «механизм» для объяснения функционирования и развития тех либо иных правовых явлений. Намерение авторов применить понятие «правовой механизм» оправдывается тем, что такой подход позволяет рассмотреть процесс по обеспечению прав личности с точки зрения его динамических характеристик, а также выявить в качестве структурного элемента законодательство, регулирующие общественные отношения в данной сфере.

Как известно, теоретическая разработка механизма обеспечения прав и свобод личности зачастую сводилась лишь к действию невзаимосвязанных между собой направлений государства и общества, соответственно, данный подход долгое время отрицательно влиял на всю систему мер обеспечения прав личности, так как носил статический характер и не предусматривал динамическое развитие этой системы. Парадокс состоит в том, что ученые до сих пор не могут определиться с понятием и содержанием механизма обеспечения прав личности. В последнее время в данный механизм стали включаться и такие структурные элементы, как государственные органы и общественные организации, реализующие данный вид дея-

Самусевич А. Г.

Мамедов Э. Ф.

1 Анохин В. Ю. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 2. – С. 44.

2 См. более подробно: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год // Российская газета. – 2013. – 29 марта. – № 6044.

тельности, и правовые средства и методы, с помощью которых достигаются цели процесса реализации прав и свобод, что позволяет говорить о функциональности механизма обеспечения прав личности.

Так, А. С. Мордовец в структуру механизма социально-правовой защиты прав и свобод личности включает общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии: общие, специальные (юридические) и организационные; процедуры; ответственность; контроль, включая международный³. Автор приходит к выводу, что такой механизм представляет собой систему средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения всех прав и основных свобод человека и гражданина, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности, и являющихся существенными для ее свободно и полного развития⁴.

В понимании Е. А. Выршиковой, механизм реализации прав – это система организованных право-обеспечительных мер комплексного характера с целью создания наиболее благоприятных условий для реализации прав человека, органически-связанная с внешней средой⁵.

Д. А. Авдеев предлагает рассматривать правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъекте Российской Федерации как «совокупность органов государственной власти субъекта Федерации, общественных организаций и используемых ими правовых средств, направленных на реализацию прав и свобод человека и гражданина»⁶.

По мнению А. Ю. Анохина, под механизмом государственно-правового обеспечения прав и свобод личности нужно понимать «комплексную процедуру (процесс) воплощения правовых предписаний в сфере прав человека в реальную действительность»⁷. Механизм обеспечения прав личности является сложным социальным явлением, единство и взаимосвязь элементов которого обуславливается общими тенденциями их функционирования⁸.

При этом представляется, что данный механизм целесообразно рассматривать с точки зрения двух взаимосвязанных подходов: статичного и динамичного. В статике механизм правового обеспечения прав личности можно определить как совокупность взаимосвязанных компонентов. Статическую сторону составляют: социальные нормы (нормативная основа); субъекты, объекты и характер связей между ними; гарантии; механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод; механизм юридической ответственности; механизм целеполагания, вне анализа и оценки которого нельзя ничего понять в управлении организационно-правовым механизмом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина; специфические организацион-

но-правовые средства (правовая культура, правовое сознание, законность, правопорядок)⁹.

Динамичный подход раскрывает деятельность системобразующих элементов, направленную на реализацию основных целей и задач этого механизма. Следует особо подчеркнуть, что действие механизма зависит непосредственно от отношения самой личности к своим правам и свободам, от степени ее социально-правовой активности¹⁰.

Помимо этого, как видится, можно вести речь о разделении всех элементов представленного механизма на *первичные* и *вторичные*. В качестве первичных элементов выступают многочисленные субъекты организационно-правового механизма (государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, негосударственные образования и др.).

В свою очередь, вторичными элементами являются те, которые носят вспомогательный характер и «обслуживают» первичные. Это не говорит о том, что эти элементы являются незначимыми или малозначимыми. В данном случае авторы имеют в виду, что именно первичные элементы либо создают вторичные (например, социальные нормы), либо влияют на их качественное состояние (механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод; механизм юридической ответственности; механизм целеполагания; специфические организационно-правовые средства (правовая культура, правовое сознание, законность, правопорядок)), т.е. от качества первичных элементов зависит качество вторичных, но не наоборот.

Встречаются и другие мнения ученых. Но даже из приведенного небольшого числа кратких положений многочисленных исследований рассматриваемого механизма видно, что все точки зрения интересны и дополняют друг друга. Это позволяет говорить об актуальности исследуемой проблемы и ее практической значимости.

Синтезируя мнения ученых, считаем, что наиболее перспективной представляется та структура механизма, в которую включаются следующие элементы: 1) нормативно-правовые акты и их государственно-правовое обеспечение; 2) специальные юридические процедуры, призванные обеспечивать, реализовывать и защищать права и свободы личности; 3) государственные органы, общественные объединения и организации, участвующие в этом процессе; 4) юридические гарантии, обеспечивающие правомерность процесса реализации прав и свобод личности и их охрану. Кроме того, в качестве системобразующих элементов механизма многие ученые выделяют правовую культуру, правовое сознание, законность и состояние правопорядка в стране, юридическую ответственность.

Предложенный вид правового механизма обеспечения прав личности включает в себя не только правовое регулирование и деятельность государственных органов и общественных объединений, но и позволяет эффективно решать проблемы совершенствования действующего законодательства об основных правах человека и гражданина. Полагаем также, что в качестве элементов подсистемы механизма обеспечения прав личности можно назвать: «механизм охраны», «механизм защиты», «механизм восстановления нарушенных субъективных прав», а также «механизм воспитания». Будучи самостоятельными механизмами и одновременно находясь в диалек-

3 Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ВШ МВД РФ, 1996. – С. 275.

4 Там же. – С. 85.

5 Выршикова Е. А. Совершенствование механизмов обеспечения прав личности // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 167.

6 Авдеев Д. А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004. – С. 15.

7 Анохин В. Ю. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 2. – С. 46.

8 Выходов А. А. Справедливость как принцип функционирования механизма обеспечения прав личности в современной России // Наука и практика. – 2014. – № 2 (59). – С. 37.

9 Киричек Е. В. Специфика структуры организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 23.

10 Там же. – С. 23.

тической взаимосвязи друг с другом, они создают целостную структуру механизма социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина.

Продолжая логичные рассуждения о качестве законодательства как о факторе эффективности механизма обеспечения прав личности, отметим, что под качественным законом в юридической литературе понимается «совокупность критериев закона, составляющих его сущность и уровень совершенства, обеспечивающего реализацию закона в сфере общественных отношений»¹¹.

Важным показателем качества закона на уровне системы законодательства, как видится, служит ее внутренняя согласованность и непротиворечивость. При этом юридическая техника рассматривается как совокупность правил, приемов, способов и средств разработки, оформления, систематизации, толкования и применения, наиболее совершенных по форме и содержанию законов¹².

Не противоречит этой концепции и точка зрения М. П. Прониной, отмечающей следующие критерии качественного законодательства: во-первых, нормы законов должны быть четко сформулированы; во-вторых, тесно связаны с другими нормативными актами в той сфере, в которой он будет действовать; в-третьих, обладать стабильностью, так как если закон не стабилен, возникают сомнения о его качестве¹³.

Следовательно, говоря о качестве законодательной основы в механизме реализации обеспечения прав личности, стоит отметить, что процесс совершенствования законодательного регулирования, с точки зрения его качества, может стать важным фактором для укрепления взаимодействия государства и общества в данной сфере.

Не стоит игнорировать и тот факт, что особую роль в повышении качества законодательства в механизме обеспечения прав личности играет и правовая экспертиза законопроектов, которая способствует формированию строгой системы законодательства и эффективности его положений путем выявления устаревших правовых норм, а также возможных противоречий и дублирований. Кроме того, в последнее время перспективным видится направление по организации общественной экспертизы нормативных актов, а также создание эксперт-сообщества для оценки деятельности тех или иных государственных решений органов государственной власти в режиме общественного контроля¹⁴.

Говоря о роли «качественного законодательства» в механизме обеспечения прав личности, как видится, необходимо исходить и из взаимосвязи законодательных (представительных) органов власти, на федеральном и региональном уровне, с основными правами человека. Данная взаимосвязь выражается в деятельности указанных органов по принятию качественных законов, обеспечивая тем самым не только эффективную реализацию прав и свобод, но и принуждая другие государственные органы не ущемлять в своей деятельности права граждан.

В заключение авторских размышлений хотелось бы подытожить, что эффективность функционирования правового

механизма обеспечения прав личности, в целом, зависит от совершенства его нормативно-правовой основы, регулирующей общественные отношения, связанные с установлением конституционных прав и свобод, обеспечением их соблюдения, охраны и защиты государственными органами.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев Д. А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004.
2. Анохин В. Ю. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 2.
3. Вырщикова Е. А. Совершенствование механизмов обеспечения прав личности // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2006. – № 8.
4. Выходов А. А. Справедливость как принцип функционирования механизма обеспечения прав личности в современной России // Наука и практика. – 2014. – № 2 (59).
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год // Российская газета. – 2013. – 29 марта. – № 6044.
6. Киричк Е. В. Специфика структуры организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2013. – Т. 13. – № 1.
7. Минюк Н. В. Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.
8. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ВШ МВД РФ, 1996.
9. Пронина М. П. Проблема терминологической точности, влияющей на качество современного российского законодательства // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22.
10. Состояние и перспективы развития в Иркутской области эксперт-сообщества и экспертной деятельности // О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2009 г. – первая половина 2011 г.: Доклад Общественной палаты Иркутской области. – Иркутск, 2011.

11 Минюк Н. В. Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 22.

12 Там же. – С. 23.

13 Пронина М. П. Проблема терминологической точности, влияющей на качество современного российского законодательства // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 234.

14 См. об этом более подробно: Состояние и перспективы развития в Иркутской области эксперт-сообщества и экспертной деятельности // О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2009 г. – первая половина 2011 г.: Доклад Общественной палаты Иркутской области. – Иркутск, 2011. – С. 51–57.

Ибрагимова А. Ш.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В РОССИИ

В данной работе проводится краткий анализ нормативно-правовых актов, посвященных проблемам противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации. Указываются основные положения законодательных актов, а также отображается правовая стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, терроризм, экстремизм.

Ibragimova A. Sh.

LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF COMBATTING RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM AND TERRORISM IN RUSSIA

In this paper a brief analysis of legal acts on the problems of extremism and terrorism in the Russian Federation is given. The main provisions of laws, as well as legal strategy to counter extremism and terrorism in the Russian Federation are indicated.

Keywords: legal act, terrorism, extremism.

Ибрагимова А. Ш.

За последние годы в Российской Федерации проблемы экстремизма и терроризма набирают серьезные обороты. Это требует пристального внимания со стороны органов государственной власти, создания необходимых законодательных актов для предотвращения подобных экстремистских проявлений, а также совершенствования уже имеющихся нормативно-правовых актов. Создание и совершенствование целой системы законодательства в данной сфере становится одной из приоритетных задач современного государства.

Основой правовой базы по проблемам противодействия любым формам экстремизма и терроризма является Конституция Российской Федерации, запрещающая пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, а также создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной расовой, национальной и религиозной розни (статьи 13, 29)¹.

Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» как специализированный нормативный акт, регулирующий порядок реализации государственной политики в данной сфере, определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом государственных органов и общественных объединений, а также ответственность организаций за террористическую деятельность.

При анализе российского законодательства в сфере противодействия экстремизму есть необходимость более подробно остановиться на Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Принципы противодействия экстремистской деятельности указаны в ст. 2 Федерального закона № 114-ФЗ, а именно: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; гласность; законность; приоритет мер, направленных на предупреждение

экстремистской деятельности; приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности (экстремизма); сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности. Основными направлениями противодействия экстремистской деятельности являются: принятие профилактических мер, в том числе: выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности; воспитательные и пропагандистские меры (ст. 3 Закона № 114-ФЗ). Профилактические меры, указанные в законе, в сфере противодействия экстремизму осуществляют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции.

Федеральные законы «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”», «О противодействии терроризму» закрепляют основные положения государственной политики противодействия всем формам экстремистской и террористической деятельности, устанавливают меры ответственности за их осуществление, а также предусматривают осуществление комплекса профилактических мер по предупреждению действий экстремистского и террористического характера².

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующий правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений, определяет важнейшие основания для ликвидации религиозной организации, запрета на деятельность религиозного объединения в случае нарушения ими законодательства.

Федеральный закон № 35 «О противодействии терроризму» был принят в марте 2006 г. Законом установлены основные принципы противодействия терроризму и борьбы с ним, ликвидации последствий терактов, а также правовые и орга-

1 Володина Н. В. Особенности экстремизма на религиозной почве // Безопасность Евразии. – 2011. – № 3.

2 Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм. – Махачкала, 2008. – С. 78.

низационные основы для использования Вооруженных сил РФ в борьбе с терроризмом³.

В ряде федеральных законах устанавливается: запрет на «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»; запрет на проведение агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду, призывы к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и нарушению целостности государства, пропаганду войны и иные формы злоупотребления свободой массовой информации, запрещенные федеральными законами; косвенный запрет на создание региональных политических партий, что призвано способствовать преодолению тенденций к национальному и религиозному экстремизму и сепаратизму; п. 5 ст. 6 запрещает «использовать наименование политической партии, оскорбляющее расовые, национальные или религиозные чувства»; запрет на использование средств массовой информации «в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости»⁴.

На принятие Россией международных обязательств в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом направлены законодательные акты, ратифицирующие международно-правовые документы о борьбе с терроризмом: Федеральный закон от 7 августа 2000 г. № 121-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма»; Федеральный закон от 13 февраля 2001 г. № 19-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом»; Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма»; Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» и др.

К указам и распоряжениям Президента Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом относятся: Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2001 г. № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»; указ Президента Российской Федерации от 17 июня 2003 г. № 680 «О центральных компетентных органах Российской Федерации, ответственных за выполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» и др.⁵.

Ряд постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации координируют деятельность федераль-

ных органов исполнительной власти по вопросам борьбы с терроризмом, например: Постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2002 г. № 880 «Об утверждении Положения о Федеральной антитеррористической комиссии»; постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2001 г. № 90 «О порядке осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористической акции» и др.⁶

В некоторых субъектах Российской Федерации приняты законы, определяющие правовые основы, формы и методы противодействия политическому и религиозному экстремизму, а также принципы ответственности граждан и организаций за политический и религиозный экстремизм⁷. Например: Закон Республики Дагестан от 16 сентября 1999 г. № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»; Закон Карачаево-Черкесской Республики от 4 мая 2000 г. № 6-РЗ «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР»; и др.

В феврале 2006 г. указом Президента РФ В. Путина создан Национальный антитеррористический комитет во главе с директором ФСБ РФ Н. Патрушевым. Комитет координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму.

Говоря системе законодательства в сфере противодействия экстремизму и терроризму необходимо отметить, что в целом в нормативно-правовых актах отображен достаточно полно перечень мер по борьбе с указанными явлениями, определены меры ответственности и т.д. Однако на практике видно, что не всегда указанные в законе меры противодействия экстремизму и терроризму используются в полном объеме. Это может быть связано с некоторыми причинами – недостаточная эффективность правоприменительной деятельности, пробелы в правовом регулировании и др., что в свою очередь требует дальнейшего совершенствования данной области законодательства с обязательным учетом российского и международного опыта борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев А. К., Арухов З. С., Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М., 2007
2. Володина Н. В. Особенности экстремизма на религиозной почве // Безопасность Евразии. – 2011. – № 3.
3. Павлов К. А., Сангаджиев Б. В. Правовое регулирование в сфере противодействия экстремистской деятельности // Всероссийский научно-практический журнал «История, философия, экономика и право». – 2013. – № 2.
4. Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
5. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм. – Махачкала, 2008.
6. Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 90.
7. Володина Н. В. Особенности экстремизма на религиозной почве // Безопасность Евразии. – 2011. – № 3. – С. 13.

3 Васильев В. Работа над законом о терроризме будет завершена в этом году // РИА «Новости». 18.10.2005.

4 Павлов К. А., Сангаджиев Б. В. Правовое регулирование в сфере противодействия экстремистской деятельности // Всероссийский научно-практический журнал «История, философия, экономика и право». – 2013. – № 2. – С. 15.

5 Алиев А. К., Арухов З. С., Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М., 2007. – С. 530.

Абдуллабекова А. Э., Каримулаева Э. М.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются вопросы модернизации системы правового воспитания в российских общеобразовательных учреждениях. Правовое воспитание школьников направлено на решение актуальных задач формирования уважения к правам и свободам других людей, высокого уровня правосознания и правовой культуры. Оно невозможно без организации школьной жизни в соответствии с нормами права, без создания в школе правового пространства. Однако вопросы формирования правового воспитания в современных условиях до сих пор являются недостаточно разработанными в научном и практическом плане.

Ключевые слова: право, правовое воспитание, правовое образование.

Abdullabekova A. E., Karimulaeva E. M.

PROBLEM OF FORMATION OF LEGAL EDUCATION IN MODERN SCHOOL

The article deals with the modernization of the system of legal education in the Russian educational institutions. Legal education of pupils is aimed at solving urgent problems of formation of respect for the rights and freedoms of other people, a high level of legal awareness and legal culture. It is impossible without the organization of school life in accordance with the law, without creating a legal space in the school. However, the issues of formation of legal education in modern conditions are still insufficiently developed in the scientific and practical terms.

Keywords: law, legal education, legal education.

В современных условиях одним из важнейших приоритетов модернизации системы воспитания в российских общеобразовательных учреждениях является развитие правового воспитания подрастающего поколения, которое направлено на решение актуальных задач по формированию уважения к правам и свободам других людей, высокого уровня правосознания и правовой культуры. Главной задачей общеобразовательного учреждения является обеспечение того, чтобы обучающийся при выходе из него знал свои права и мог использовать возможности правовой системы государства.

Проблема правового воспитания сегодня является одной из актуальных задач в построении правового и демократического государства. Она направлена на формирование в сознании молодежи демократических, правовых и моральных ценностей, устойчивых убеждений в необходимости и справедливости норм права. Правовое воспитание выступает основным средством формирования и повышения уровня правового сознания и правовой культуры граждан, инструментом духовного воспитания личности. От того, как будет осуществляться правовое воспитание молодежи, зависит, станет ли наше государство действительно правовым¹.

Термин «правовое воспитание» появился в XX в., но право всегда — как в авторитарных, так и в демократических обществах — считалось важным элементом воспитания гражданина. Понятие правового воспитания сегодня в науке имеет неоднозначную трактовку. Одной из важнейших методологических проблем является проблема определенности самого понятия «правовое воспитание». Ряд современных исследователей под правовым воспитанием в школе понимают систему, находящуюся в рамках образовательного процесса, которая организована на идее права. Эта система на-

правлена на формирование у школьников уважения к праву².

Ученые-юристы указывают на юридический аспект понятия «правовое воспитание». Например, Е. А. Певцова считает, что «правовое воспитание — это особый вид юридической практики, связанной со становлением в России правовой государственности». Представляется интересной точка зрения российского правоведа А. Ф. Никитина, который определяет сущность правового воспитания как «формирование правовых установок, отношений, мотивов деятельности в сфере, регулируемой правом». Правовому образованию способствует правовая пропаганда в средствах массовой информации, а также самовоспитание и самообразование». Особый интерес представляет определение правового воспитания, предложенное А. П. Семитко: правовое воспитание — это целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому. Нельзя не согласиться с мнением А. А. Черемисина, что правовое воспитание создает благоприятные условия для развития личности, «направляет энергию подростков в позитивное русло...»³.

Сегодня возникла необходимость повышения уровня правового воспитания именно подрастающего поколения, что вызвано возросшим значением роли права в государственной и общественной жизни общества. Еще А. С. Макаренко под-

Абдуллабекова А. Э.

Каримулаева Э. М.

1 Идирова И. В. Значимость правового образования в процессе формирования правовой культуры школьников // Право и образование. — 2008. — № 8. — С. 58–67.

2 Петрова Т. В. Правовое воспитание-приоритет современного российского образования // Право в школе. — 2009. — № 3. — С. 49–52.

3 Черемисина А. А. Становление и развитие правового образования и воспитания учащихся // Педагогическое образование и наука. — 2008. — № 10. — С. 35–40.

черкивал, что воспитывает буквально все: люди, вещи, явления. Именно в юношеском возрасте, когда формируются личностные установки человека, необходимо закладывать основы для становления человека, уважающего закон. Многие правовые ценности личность усваивает в процессе разнообразной социальной практики, через каналы общественного сознания. В решении задач правового воспитания граждан нашей страны важное место занимает формирование правосознания подрастающего поколения.

Несмотря на проводимые меры, правовое воспитание молодежи остается низким, и сегодня необходимо создать условия для повышения ее правовой активности. Знание права, воспитание в духе права должно идти с детства, с воспитания в семье, в школе, т.к. это есть необходимая составляющая всесторонне развитой личности. Недаром в древнем Риме, в период республики и демократии элементарное юридическое образование, как и воспитание, было частью общего образования. Тогда весь уклад римской жизни требовал общего знакомства всех и каждого с элементарными положениями права: весь народ принимал участие в политической жизни, весь народ призывался к обсуждению и решению законодательных вопросов.

В современной России ситуация иная. Нельзя сказать, что народ совершенно безграмотен в области права, нельзя сказать, что правовой нигилизм охватил полностью сознание наших граждан, но приходится констатировать, что уровень знаний основ юриспруденции основной массы населения недостаточен. Современная жизнь общества вносит свои коррективы в процессы образования и воспитания. Рост детской преступности, увеличение количества беспризорных, наркотическая зависимость подростков – все это заставляет искать новые пути разрешения возникающих проблем. Большинство школьников, не зная своих прав и обязанностей, становятся беззащитными и озлобляются, утрачивают веру в добро и справедливость.

Эффективное правовое воспитание невозможно без организации школьной жизни в соответствии с нормами права, без создания в школе правового пространства – это тот фундамент, на котором следует формировать современную правовую культуру участников образовательного процесса. Создание в школе правового пространства позволяет формировать у школьника социально значимые качества, необходимые ему в будущем для умения защищать свои права, быть законопослушным и проявлять правовую активность в необходимых ситуациях.

Одним из факторов правового воспитания является правовое просвещение. Оно способствует росту общей юридической культуры и образованности молодежи. Важная роль в области правового просвещения принадлежит школам и другим образовательным учреждениям. Работа этих учреждений должна быть организована в тесном сотрудничестве с родителями. Однозначно, что школа должна просвещать не только обучающихся, но и их родителей. Отсюда вытекает и тот факт, что главными целями правового просвещения должны стать вопросы повышения правовой грамотности родителей и формирования у них ответственности за воспитание своих детей.

Проблемы правового воспитания недостаточно разработаны ни на концептуальном, ни на практическом уровнях. Исследования, которые выполняются в данном направлении, не всегда соотносятся друг с другом. На сегодняшний день современное общество не получило фундаментальной программы правового воспитания. В отдельных регионах страны есть попытки создать такие программы, но они обычно не выходят за рамки эксперимента. При создании программ правового об-

учения воспитательный аспект чаще всего не прослеживается. В результате правовое воспитание сводится к передаче детям, подросткам чаще суммы, чем системы правовых знаний⁴.

Вводимые в школах курсы «Право», «Граждановедение», «Обществознание» и др. полностью не выполняют своего предназначения. Предлагаемые программы и учебники подобных курсов чаще всего не учитывают возрастные и индивидуальные особенности обучающихся. Преподавание осложняется и низким уровнем правовой подготовки учителей. В результате подростки получают правовые знания часто с фактическими ошибками. Ученик не в состоянии выявить ошибки педагога и зачастую получает извращенную правовую информацию. Учебники, учебные пособия и хрестоматии по праву также далеки от совершенства. Недостаточно изученным остается зарубежный опыт правового воспитания.

Сложность правового обучения и воспитания состоит еще и в том, что необходимо перевести ребенка от моральных представлений к правовым знаниям. В реальной жизни не всегда категории «законность» и «справедливость» совпадают. Дети чувствуют эту разницу особенно остро. Часто уже в подростковом возрасте формируется нигилистическое отношение к закону. Порой информация, полученная от родителей и учителей, расходится с реальной действительностью.

В конце, хотелось бы отметить, что в нормативно-правовых актах определены стратегии развития обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях. В них говорится о необходимости создания школьного исторического и правового образования, которое было бы нацелено на воспитание чувства патриотизма, гражданственности и способствовало бы формированию национального самосознания, уважения к историческому и культурному наследию народов России и всего мира, к исторической личности и правам человека.

Пристатейный библиографический список

- Идерова И. В. Значимость правового образования в процессе формирования правовой культуры школьников // Право и образование. – 2008. – №8.
- Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Проблемы социализации детей и сирот, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период (социально-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2015. - № 7. – С. 295-297.
- Петрова Т. В. Правовое воспитание-приоритет современного российского образования // Право в школе. – 2009. – № 3.
- Каландаришвили З. Н. Правовое воспитание и его актуальные проблемы в современном российском обществе // Право и образование. – 2009. – № 5.
- Черемисина А. А. Становление и развитие правового образования и воспитания учащихся // Педагогическое образование и наука. – 2011. – № 10.

4 Каландаришвили З. Н. Правовое воспитание и его актуальные проблемы в современном российском обществе // Право и образование. – 2009. – № 5. – С. 42–48.

Коровяковский Д. Г.

ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК

В настоящей статье автором рассматриваются особенности современной правовой глобализации как основы и непреложного условия развития систем образования и педагогических методик в обществе и государстве. На основе имеющейся информации автор обосновывает то, насколько все более взаимосвязанными становятся правовая глобализация и образовательные системы.

Ключевые слова: высшее образование, глобализация, право, педагогика.

Korovyakovskiy D. G.

LEGAL GLOBALIZATION AS CONDITION OF A DEVELOPMENT OF EDUCATION AND PEDAGOGICAL TECHNIQUES

In present article the author features of modern legal globalization as basis and an immutable condition of development of education systems and pedagogical techniques in society and the state. On the basis of the available information the author proves how more and more interconnected are a legal globalization and educational systems.

Keywords: the higher education, globalization, law, pedagogics.

Применительно к правовой сфере наиболее распространено употребление термина «интернационализация», означающего сближение политических и правовых систем государств, углубление их взаимовлияния и взаимодействия. Общая оценка этого процесса чаще всего положительная, поскольку он связывается в первую очередь с интернационализацией права государств под воздействием международного права, что имеет место во многих, хотя и не во всех, странах мира¹. В Российской Федерации это нашло свое проявление на конституционном уровне (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Вместе с тем открытость и вовлеченность в *мировое юридическое пространство* означает не только приобщение к благам и ценностям мировой цивилизации, но и все возрастающее давление, а подчас откровенное навязывание культурно чуждых идей, моделей и представлений.

При этом негативные последствия мирового неэквивалентного юридического обмена подчас оказываются много серьезнее, чем достигаемый положительный эффект. В связи с этим стал даже использоваться термин «юридическая экспансия»².

Поэтому оптимальным в условиях глобализации следует считать не одностороннее распространение³⁴ на правовую систему России принципов, идей, норм и практики «цивилизованных» государств, прежде всего принадлежащих к семье общего права, а происходящую, хотя и не в столь бурных темпах, уже не одно десятилетие и даже столетие конвергенцию правовых систем различных стран мира⁵.

Нельзя забывать о том, что с середины XX в. большинство капиталистических стран Запада, включая и Соединенные

Штаты Америки, и Европу, интегрировали в себя немалое число черт, которые традиционно связываются с социализмом.

Наиболее яркое тому подтверждение – формирование так называемого социального (социально ответственного) государства. В связи с этим в литературе высказывается мнение, что общество, сложившееся к концу XX в. в развитых странах мира и выступающее в качестве стартовой площадки для общества XXI в. в его начальной фазе, есть если и не конвергентное, то, по крайней мере, конвергирующееся общество⁶.

Правовая глобализация – это не развитие государств по единым правовым стандартам, навязываемым силовыми методами, не безропотное подчинение правовой доктрине одной державы или сообществу «золотого миллиарда». В процессы правовой глобализации постепенно вовлекается все более широкий круг государств. Они неравноценны в экономическом отношении и различны в правовом.

Эта ситуация легко может быть использована и используется для извлечения выгоды в пользу экономически сильных, преуспевающих государств. В связи с этим важно повышение значимости и авторитета международных органов ООН для утверждения равенства, равноценного партнерства участников экономических отношений, чтобы XXI в. не вернул мир в эпоху феодализма с его отношениями сюзеренов и вассалов⁷.

Специфика глобализации в правовой сфере состоит в том, что этот процесс проявляется и прослеживается в той или иной степени во всех структурных частях правовой системы страны, которая охватывает все ее компоненты как статической, так и динамической направленности. Речь идет в первую очередь о нормативной правовой базе, а также системе источников права и их соотношении. В связи с этим невозможно не отметить в качестве прогрессивной части правовой глобализации формирование единого образовательного пространства путем присоединения государств к Болонскому процессу⁸.

Правовая глобализация способствует обогащению педагогики как науки и универсализации педагогических методик и программ педагогики как учебной дисциплины,

1 Грудцына Л. Ю., Лагуткин А. В. Образовательные кластеры: модернизация высшего образования в России: Монография. – М., 2014.

2 Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.

3 Галушкин А. А. Организационно-правовые основы имплементации международного законодательства о гражданстве в правовую систему России и стран СНГ // Правовая инициатива. – 2013. – № 1. – С. 5.

4 Галушкин А. А. Организация нормативного регулирования вопросов гражданства в двусторонних договорах РФ и многосторонних договорах СНГ // Правовая инициатива. – 2013. – № 2. – С. 1.

5 Петров С. М., Грудцына Л. Ю. Власть и гражданское общество в России: взаимодействие и противостояние // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 25.

6 Баталов Э. Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 1. – С. 11.

7 Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма, 2007. – С. 11.

8 Альбов А. П. Соотношение философии и права // Право и политика: Сб. статей и тезисов преподавателей и аспирантов СЗАГС. – Вып. 1. – СПб., 2002.

поскольку сближение (снятие границ, устранение «замкнутости» и «закрытости») правовых систем государств, а значит – систем высшего юридического образования (Болонский процесс) и педагогических технологий юридического образования в высшей школе, неизбежно влияет как на педагогику юридического образования в целом и педагогические технологии в учебном процессе, так и на поведение субъектов педагогического процесса высшего юридического образования (преподавателей и студентов)⁹. Это влияние выражается в следующем:

– устранение ситуации, когда преподаватели и студенты разных стран (национальных образовательных систем) в общении друг с другом обнаруживают определенные несоответствия (различия) в применяемых к ним (студентам) или ими (преподавателями) педагогических технологиях;

– снятие т.н. «образовательных барьеров», отсутствие которых позволяет студентам начать получать высшее юридическое образование в одной стране, а окончить его в вузе другой страны; при этом должна быть гарантирована непрерывность процесса получения образования в высшей школе¹⁰.

Проявляется процесс глобализации и в ходе правотворчества и правоприменения, поскольку динамизм правовой

системы обеспечивается, с одной стороны, механизмом социальной обусловленности правотворческой деятельности, а с другой – социальными факторами правореализации.

Однако не меньшее воздействие оказывает глобализация и на правосознание людей. В подобных случаях мы сталкиваемся со своеобразным превращением глобализации как объективного процесса развития производительных сил в идеологию глобализма, проводником которой являются развитые страны, в первую очередь США¹¹.

Пристатейный библиографический список

- 9 Лагуткин А. В. Местное самоуправление как форма народовластия в Российской Федерации: Монография. – М.: Манускрипт, 1995.
- 10 Альбов А. П. Право как система свободы по учению Отцов и Учителей Церкви // Проблема теории и практики деятельности органов внутренних дел в условиях формирования правового государства: Материалы научной конференции докторантов, адъюнктов и соискателей. Санкт-Петербург, 19 декабря 1996 г. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996.

1. Альбов А. П. Соотношение философии и права // Право и политика: Сб. Статей и тезисов преподавателей и аспирантов СЗАГС. – Вып. 1. – СПб., 2002.
2. Баталов Э. Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 1.
3. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски / Редколлегия: Т. Т. Тимофеев, К. Денчев, Ю. С. Оганисян. – М.: Эмар, 2002.
4. Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.

- 11 Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски / Редколлегия: Т. Т. Тимофеев, К. Денчев, Ю. С. Оганисян. – М.: Эмар, 2002. – С. 35–36.

Кузнецова К. В.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ МАРКЕТИНГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В статье раскрывается проблематика прогнозирования потребностей в кадрах на современном этапе развития общества, прежде всего в молодых специалистах, и даются некоторые методические рекомендации по реализации модели прогнозирования потребности в подготовке квалифицированных рабочих и специалистов в образовательных учреждениях профессионального образования.

Ключевые слова: образовательная услуга, маркетинг, прогнозирование, потребность в специалистах.

Kuznetsova K. V.

FORECASTING IN THE MARKETING OF EDUCATIONAL SERVICES

The article reveals the perspective of forecasting needs for personnel at the present stage of development of society, and first of all for young specialists, and some methodical recommendations on realization of forecasting model of need for training of skilled workers and experts in educational institutions of professional education are made.

Keywords: educational service, marketing, forecasting, need for experts.

Современное образование характеризуется большим выбором и высокой конкуренцией предоставляемых образовательных услуг со стороны образовательных учреждений. Во многих регионах существует достаточно большое количество образовательных учреждений, которые предоставляют возможность получить высшее образование с выдачей государственного диплома по одинаковым специальностям. Сложившаяся ситуация требует от образовательных учреждений серьезных маркетинговых исследований рынка образовательных услуг, которые должны привести к совершенствованию управления образовательным процессом, методов поиска и набора абитуриентов и качественно изменению образовательных технологий¹.

Особое место в системе маркетинга образовательных услуг должно принадлежать прогнозированию потребности в специалистах с учетом потребностей производства². Прогнозирование потребностей в кадрах, прежде всего в молодых специалистах, на современном этапе представляется одной из важнейших проблем экономики как в плане развития научно-технического потенциала регионов, так и с позиций совершенствования деятельности вузов в условиях рыночных отношений.

Именно поэтому одним из ключевых направлений совершенствования структуры профессиональной подготовки специалистов должна стать разработка типовой методики и механизма прогнозирования потребности в кадрах, позволяющих разрабатывать профессионально-квалификационную структуру подготовки, определять её объёмы, а также способствовать оптимизации сети образовательных учреждений в регионе.

Сложность и глобальность поставленной задачи заключается в том, что данная методика должна обеспечивать: формирование предприятиями достоверного прогноза дополнительной потребности в кадрах, учитывающего не только замену выбывающих кадров, но и перспективы развития предприятия; корректировку органами государственного управления прогнозных данных работодателей с учётом перспектив развития отрасли и социально-экономического развития региона; увязку потребностей экономики с объёмами подготовки рабочих и специалистов в учебных заведениях.

Кроме того, сложность разработки прогнозов развития образования в регионе, как и стратегических разработок в

целом, заключается в том, что здесь речь идёт о прогнозировании развития социально-экономической системы, прямо и опосредовано взаимосвязанной со всеми другими сторонами жизни общества. При этом необходимо учитывать основные цели регионального развития: достижение высоких параметров экономического и социального развития, повышения уровня жизни населения³.

Вторая сторона проблемы заключается в прогнозировании развития профессионального образования с позиций реализации им функций развития трудового потенциала человеческого фактора производства путём подготовки специалистов. Задача прогнозирования размеров и структуры спроса на специалистов связана с общими потребностями оптимизации системы образования и повышения её эффективности. С теоретико-методологических позиций экономическая эффективность деятельности профессионального образования проявляется, прежде всего, в повышении производительности сложного труда, что достигается за счёт функционирования высококвалифицированных категорий совокупной рабочей силы, образуемой кадрами работников, получивших соответствующие образование и подготовку.

На наш взгляд, наиболее целесообразным методом прогнозирования может стать факторный метод, в соответствии с которым учитываются основные факторы, влияющие на спрос и предложение труда. Прогнозирование потребности в специалистах в этом случае будет производиться на основе изучения и анализа состояния и перспектив развития экономики, ожидаемых структурных сдвигов, демографических факторов и приоритетов, корреляции этих показателей со спросом на специалистов и определения тенденций его изменения.

В целях совершенствования формирования структуры профессиональной подготовки специалистов можно дать некоторые методические рекомендации по реализации модели прогнозирования потребности в подготовке квалифицированных рабочих и специалистов в образовательных учреждениях профессионального образования:

1. Ожидаемые сценарии социально-экономического развития региона и страны в целом. Формирование сценариев развития экономики необходимо осуществлять на основе анализа основных направлений и тенденций структурной перестройки и возможных альтернатив их реализации. В качестве исходной базы для формирования системы технико-экономических показателей,

Кузнецова К. В.

1 Кузьминов Я. И., Шувалова О. Р. Мониторинг экономики образования. Стратегии учреждений профессионального образования. Информационный бюллетень. – М., НИУ ВШЭ, 2012. – С. 13.

2 Прядко С. Н. Исследования рынка образовательных услуг как маркетинговый инструмент принятия плановых решений в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – №9 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/100-5093>

3 Сизова И. Ю., Кузнецова К. В. Теоретико-экономические аспекты формирования структуры профессиональной подготовки специалистов в условиях современной экономики. – Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2008. – С. 108.

характеризующих состояние и развитие экономики и социальной сферы в регионе, могут служить исходные макроэкономические показатели, определяющие основные направления структурной перестройки; статистические материалы Росстата и Минобрнауки России; возможные сценарии развития экономики России. Кроме того, необходимо использовать программу социально-экономического развития региона, программу занятости населения и ряд других региональных и отраслевых программы. Основная задача данного блока состоит в определении приоритетов и наиболее реалистичных сценариев развития экономики и социальной сферы региона.

2. Анализ и прогноз рынка труда. Данный этап представляет собой основу для определения необходимых объемов и профессионально-квалификационной структуры подготовки кадров. Обобщенный анализ информационно-статистических данных по показателям, характеризующим рынок труда, позволяет определить потребность в прогнозируемом периоде в объемах и профилях подготовки специалистов.

На уровне органа управления образованием анализ рынка труда предполагает оценку экономической ситуации региона, оценку состояния занятости населения и дефицита рабочей силы. На уровне образовательного учреждения на данном этапе необходимо провести анализ реальных и потенциальных партнеров и их интересов. Например, необходимо исследовать ту отрасль экономики, для которой готовит кадры конкретное образовательное учреждение. Следует собрать информацию о том, какими предприятиями, организациями и профессиональными ассоциациями она представлена; каким образом данная отрасль видится в стратегическом плане развития региона, каким потенциалом она обладает и на этой основе осуществить отбор предприятий, изучение их кадровой политики. При этом собирать информацию целесообразнее у крупных предприятий, которые оказывают значительное воздействие на ситуацию на рынке труда региона. Большую ценность представляет также информация об образовательных учреждениях всех форм собственности и уровней профессионального образования, реализующих профессиональные образовательные услуги для этой отрасли. Таким образом, появляется возможность проанализировать перспективы развития отрасли в конкретном регионе и перспективность подготовки для данной отрасли (количественный анализ оценки рынка труда, с точки зрения, образовательного учреждения).

В структуру прогноза рынка труда необходимо включать: анализ и прогноз занятости населения в целом по региону и по отраслям экономики; предложение рабочей силы; спрос на рабочую силу.

3. Ожидаемые демографические условия региона, которые определяются на основе анализа существующей демографической ситуации в регионе, а также на основе анализа изменений, происходящих в структуре, составе трудовых ресурсов и подготовке кадров. Следует отметить, что при анализе ожидаемых демографических условий региона необходимо учитывать сложившийся характерный для многих регионов отрицательный баланс населения в результате снижения рождаемости и роста смертности.

4. Ожидаемый объем инвестиций в различные отрасли. В данном блоке необходимо определить возможные объемы инвестиций в регионе. Кроме того, в данном блоке необходимо определить объемы инвестиций из различных источников инвестирования, в частности федерального бюджета, бюджета региона, бюджетов муниципалитетов, а также различные внебюджетные источники. При определении ожидаемого объема инвестиций в различные отрасли необходимо учитывать необходимость создания благоприятных условий для привлечения зарубежных инвестиций и стимулирования финансирования подготовки и переподготовки кадров.

Взаимосвязь между динамикой спроса на рабочую силу и динамикой инвестиций следует рассматривать через призму состояния системы рабочих мест и их технико-технологического уровня, который достаточно полно можно оценить на основе возрастных характеристик активной части основных производственных фондов. Средний возраст производственного оборудования в промышленности вырос за эти годы почти в 1,5 раза и составляет около 15 лет, при этом доля наиболее производительной

и технически передовой части рабочих мест сократилась более чем в три раза. Около 60% машин и оборудования промышленности эксплуатируется свыше 10 лет. Следствием технико-технологической отсталости производственного оборудования может явиться низкая гибкость производства, слабая конкурентоспособность выпускаемой продукции, малые прибыли, рост задолженности, трудности в получении кредитов, снижение объема инвестиций, что, в конечном счете, может привести к невозможности расширения и модернизации производства, к созданию новых физических и экономических рабочих мест а значит, к снижению спроса на рабочую силу. Таким образом, динамика инвестиций, непосредственно влияя на формирование системы рабочих мест, оказывает существенное влияние и на величину спроса на рабочую силу.

5. Предложение региональных органов управления образованием о потребности региона в специалистах на долгосрочную перспективу. Решение этой задачи должно осуществляться на основе периодического опроса руководителей профессиональных учебных заведений всех уровней, региональных советов директоров и аппарата администрации региона о предполагаемых масштабах и социальной ориентации населения на получение профессионального образования того или иного уровня, на основе предположений о развитии экономики, о путях эффективного использования научно-педагогического и материально-технического потенциала профессиональной школы.

6. Оценка возможностей образовательных учреждений профессионального образования по оказанию профессиональных образовательных услуг. Для выявления и оценки возможностей образовательных учреждений по предоставлению образовательных услуг различным категориям населения целесообразно использовать сводную информацию органов управления образованием, которая должна дать сведения о: профессиях и специальностях, которыми можно овладеть в образовательных учреждениях; профессиях и специальностях, которые пользуются повышенным спросом у населения; видах дополнительных образовательных услуг, которые могут предоставить образовательные учреждения и которые пользуются спросом у населения; контингенте обучающихся, их качественном и количественном составе.

На данном этапе необходимо провести сравнительный анализ профессий по которым ведется подготовка в профессиональных учебных заведениях, и профессий, которые востребованы и пользуются спросом на рынке труда. Таким образом, результаты сравнительного анализа данных позволяют уточнить прогнозы на подготовку квалифицированной рабочей силы в образовательных учреждениях и скорректировать планы приема обучающихся по объемам и профессионально-квалификационной структуре.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что представленный подход позволяет осуществлять комплексное прогнозирование с учетом всех основных факторов и показателей, оказывающих влияние на потребность в специалистах в регионе.

Пристатейный библиографический список

1. Шаммазов А. М., Бахтизин Р. Н. Приказано выжить, или способы адаптации государственного университета к рыночной экономике // Университетское управление: практика и анализ. – 2001. – № 2. – С. 61-65.
2. Кузьминов Я. И., Шувалова О. Р. Мониторинг экономики образования. Стратегии учреждений профессионального образования. Информационный бюллетень. – М., НИУ ВШЭ, 2012.
3. Прядко С. Н. Исследования рынка образовательных услуг как маркетинговый инструмент принятия плановых решений в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/100-5093>
4. Сизова И. Ю., Кузнецова К. В. Теоретико-экономические аспекты формирования структуры профессиональной подготовки специалистов в условиях современной экономики. – Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2008.

Нестерчук О. А.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются направления расширения прав на получение образования в контексте государственной политики развития высшей школы. В качестве условий соблюдения таких прав выделяется комплексная реализация и оптимизация непрерывности, доступности, качества, кадрового обеспечения высшего образования.

Ключевые слова: государственная образовательная политика, непрерывность образования, доступность образования, качество образования.

Nesterchuk O. A.

REFLECTION OF THE RIGHT FOR THE HIGHER EDUCATION IN MODERN STATE EDUCATIONAL POLICY

In article the directions of expansion of the rights to education in the context of a state policy of higher school development are considered. As conditions of observance of such rights complex realization and optimization of a continuity, availability, quality, staffing of the higher education are stated.

Keywords: state educational policy, continuity of education, availability of education, quality of education.

Нестерчук О. А.

Реальность такова, что современная образовательная политика в области высшего образования наряду с позитивными опытом, традициями и имеющимся административным и исполнительным потенциалом несет в себе противоречия и недостатки, которые не полностью обеспечивают ее соответствия растущим потребностям человека и запросам общества, нарушая при этом право на образование граждан.

С целью повышения конкурентоспособности системы высшего образования на рынке образовательных услуг значимым является расширение прав населения на получение высшего профессионального образования.

Отсутствие или ограничение права на получение высшего образования в обществе и сознании конкретного человека выступает одной из причин того, что именно здесь начинается «пробуксовывание» концепции и практики политики подготовки профессиональных кадров в вузах. Причины этого заключаются в концептуальном, организационном, качественном и кадровом несовершенстве сложившейся практики функционирования образовательной политики.

Осуществление прав человека на получение высшего образования в государственной образовательной системе складывается из совокупности ее компонентов, а также взаимосвязи между ними: политическое руководство – управление образованием, органы исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющие управление в сфере образования, подведомственные организации и высшие учебные учреждения; обеспечение учебного процесса – нормативно-правовые документы, методическое обеспечение, безопасность образования, финансирование образования, материально-техническая база; политическая деятельность государственной системы управления высшим образованием – проектно-программная, научно-инновационная, воспитательная, государственные услуги, социальная защита ППС и студенчества, международное сотрудничество, конкурсы, тендеры, выставки; обратная связь с населением.

С учетом современных требований населения к системе высшей школы расширение прав на получение образования в контексте государственной политики развития высшей

школы следует формировать по следующим основным направлениям:

- создание оптимальных условий для доступности качественного непрерывного образования;
- создание оптимальных условий для доступности высшего образования;
- создание оптимальных условий для повышения и поддержания высокого качества высшего образования;
- создание эффективной кадровой политики в системе высшего образования.

При создании условий для непрерывного образования показательным является то, что в настоящее время во всех развитых странах мира непрерывное образование – это основное стратегическое направление образовательной политики в развитии государства.

В России в соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «одной из основных задач инновационного развития является создание условий для формирования у граждан способности и готовности к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому»¹ как компетенции инновационной деятельности.

Первой задачей государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. также является «формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации»². С учетом зарубежного и отечественного опыта под созданием оптимальных условий для доступности

1 Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru> (дата обращения: 26.08.2015).

2 Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 № 2148-р [Элек-

качественного непрерывного образования следует понимать, с одной стороны, создание образовательных условий для постоянного профессионально-личностного и карьерного роста, с другой – создание системы intersubjectного взаимодействия институтов образования, а также вузов и различных предприятий, фирм, организаций как механизма непрерывного образования, обеспечение равновесия между традиционным и инновационным содержанием, видами формами и технологиями образования, типами образовательных учреждений, достижение целостности учебно-воспитательного процесса на различных образовательных уровнях.

Следующим важным направлением при расширении прав на получение образовательных услуг является создание оптимальных условий для доступности высшего образования.

В Федеральном законе «Об образовании»³ доступность высшего профессионального образования показывается как создание социальной поддержки и стимулирование обучающихся, а Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁴ одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности в сфере образования определяет доступность конкурентоспособного образования как фактор повышения социальной мобильности, уровня профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации.

Кроме того, политика доступности образования в целях объективности подразумевает полное информирование учащихся, абитуриентов, студентов о реальной востребованности специалистов на рынке труда, о качестве получаемого образования, введение и проведение единого государственного экзамена.

В целях соблюдения социального равенства реализуется комплекс социально-экономических мер по обеспечению доступности образования⁵, а именно создание системы государственного образовательного кредитования, субсидирования для расширения возможностей детям из малообеспеченных семей получать высшее профессиональное образование, последовательное увеличение суммарной величины академической и социальной стипендии и доведение ее до уровня прожиточного минимума; стимулирование создания для обучающихся фондов рабочих мест с неполным рабочим днем, отсрочки от призыва в Вооруженные Силы выпускникам средней (полной) общеобразовательной школы и выпускникам образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования для реализации ими права на поступление в учебные заведения соответственно среднего или высшего профессионального образования.

В Порядке приема граждан в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего профессионального образования политика доступности высшего образования выражается предоставляемыми воз-

можностями поступления в вузы для различных категорий абитуриентов. Так, на внеконкурсной основе при успешной сдаче вступительных экзаменов зачисляются в вуз категория абитуриентов социально-незащищенных, детей-инвалидов, военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а для граждан с ограниченными возможностями в рамках доступности получения образования определены особенности проведения вступительных испытаний.

Доступность образования также реализуется и в системе дистанционного образования, одной из целей которой в соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «предусматривается развитие механизмов непрерывного образования на базе сети Интернет»⁶.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года стратегическая цель государственной политики в области образования определяется как «повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина»⁷.

Политика доступности в сфере образования, с одной стороны, представлена как обеспечение равных условий доступа «государственных и негосударственных организаций, предоставляющих качественные образовательные услуги, к образовательной инфраструктуре и государственному и муниципальному финансированию»⁸. С другой, доступность рассматривается через повышение качества образования, формирование механизмов его оценки и востребованности образовательных услуг с участием потребителей, инновационное развитие и модернизацию системы высшей школы.

Так в Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 гг. повышение качества образования рассматривается как основа создания российской конкурентоспособной образовательной системы. Для решения одной из программных задач «Развитие системы оценки качества образования и востребованности образовательных услуг» определяются контрольно-измерительные мероприятия.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. дополняет и уточняет содержание формирования современной системы оценки качества образования, которое должно осуществляться «на основе принципов открытости, объективности, прозрачности, общественно-профессионального участия. Реализация задачи предусматривает разработку и внедрение национальной системы оценки качества образования, мониторинговых исследований в образовании, развитие участия в международных сопоставительных исследованиях качества образования и создание инфраструктуры по выработке решений по

тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 29.08.2015).

- 3 Федеральный закон от 26 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» // Министерство образования и науки РФ. Документы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 21.08.2015).
- 4 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] / Гарант. Мониторинг законодательства: информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal> (дата обращения: 06.09.2015).
- 5 Shchudlo S. A. Education as a factor of civil identity formation of modern Ukrainian studentship // Politbook. – 2012. – № 2. – С. 157–164.

6 Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru> (дата обращения: 26.08.2015).

- 7 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifar.ru> (дата обращения: 07.09.2015).
- 8 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifar.ru> (дата обращения: 07.09.2015).

повышению качества образования на основе результатов участия, расширение участия работодателей и общественности в оценке качества образования»⁹.

Создание оптимальных условий повышения качества профессионального образования включает следующие составляющие: взаимодействие с представителями бизнеса, промышленных, социальных отраслей, для которых готовятся специалисты, усовершенствование содержания и решение проблем высшего профессионального образования; интеграция образовательной, научной и практической деятельности; создание объективной независимой системы контроля за качеством получаемых знаний; развитие системы дистанционного образования; оптимизация непрерывного образования; дифференциация системы высшего образования; разработка и внедрение современных методов рейтингования образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Политика повышения качества высшего образования взаимосвязана с кадровой политикой в области высшего образования, которая формируется через отношение государства к решению проблем повышения уровня профессионализма преподавательского состава в рамках материального стимулирования и оптимизации системы повышения квалификации.

Кроме того, важно отметить, что для сопровождения расширения прав на высшее образование в целях оптимизации государственной политики необходимо:

- взаимодействие между образовательными учреждениями и учреждениями науки, культуры, промышленными предприятиями. Инициирование системой образования формирование регионального заказа на специалиста;

- превращение образовательной деятельности в реально протекающий исследовательский процесс сотворчества педагога и учащегося;

- осуществление подготовки педагогических кадров, воспитанных на понимании социокультурных традиций, способных сочетать педагогическую и научно-производственную деятельность;

- формирование общественного мнения о приложении личных усилий при получении образования как основы и необходимости не только для дальнейшего карьерного роста в профессиональной деятельности, но и повышения благосостояния общества, конкурентоспособности государства;

- создание позитивных социальных установок и стереотипов у населения в отношении системы высшей школы с помощью СМИ.

Перечисленные задачи позволят сформировать инструментально-функциональную ценность образования, при этом для их решения ведущая роль принадлежит властным структурам, СМИ, деятелям образования и культуры.

Таким образом, перечисленные линии воздействия на расширение и ограничение права на получение образования сами по себе являются достаточно традиционными активными и существенными характеристиками не только политики в области высшего образования, но и современного государства. Даже их формальное наличие позволяет определить, отвечает образовательная политика общественным и

государственным требованиям, потребностям в современных условиях или нет. Однако только комплексная реализация этих политических направлений на практике может сделать образовательную политику эффективной для собственных граждан и социальных групп.

Пристатейный библиографический список

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru> (дата обращения: 26.08.2015).
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 № 2148-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 29.08.2015).
3. Федеральный закон от 26 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» // Министерство образования и науки РФ. Документы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 21.08.2015).
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] / Гарант. Мониторинг законодательства: информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal> (дата обращения: 06.09.2015).
5. Shchudlo S. A. Education as a factor of civil identity formation of modern Ukrainian studentship // Politbook. – 2012. – № 2.
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // <http://minsvyaz.ru> (дата обращения: 26.08.2015).
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifar.ru> (дата обращения: 07.09.2015).
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifar.ru> (дата обращения: 07.09.2015).
9. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 № 2148-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 29.08.2015).

⁹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 № 2148-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 29.08.2015).

Пронин А. А. РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Российское законодательство о культуре характеризуется как способ государственного и муниципального управления сферой культуры. Делается вывод о его комплексности, разнообразии способов правового регулирования, появлении культурного права как одной из самостоятельных отраслей права РФ.

Ключевые слова: управление культурой, российское культурное право, законодательство о культуре, права человека в сфере культуры.

Pronin A. A. THE RUSSIAN LEGISLATION IN THE SPHERE OF CULTURE

The Russian legislation on culture is characterized as a way of the public and municipal management of the sphere of culture. The conclusion about its complexity, a variety of ways of legal regulation, emergence of the cultural law as one of independent branches of the law of the Russian Federation is drawn.

Keywords: management of culture, the Russian cultural law, the legislation on culture, human rights in the sphere of culture.

Пронин А. А.

Важнейшими целями деятельности как государственных органов, так и органов местного самоуправления в Российской Федерации является повышение уровня и качества жизни населения, в том числе посредством социокультурного развития территорий (решение проблем социума с помощью культуры).

Одним из основных способов достижения указанных целей выступает правовое регулирование, понимаемое как процесс целенаправленного воздействия органов государственной власти и местного самоуправления на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание.

Под управлением культурой мы предлагаем понимать правотворческую и исполнительно-распорядительную деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц по выработке и реализации политики государства по сохранению, развитию и распространению культуры.

Функционирование всех существующих инструментов управления культурой должно основываться на нормативной базе.

Эта база – правовое поле, в котором реализуется культурная политика современного Российского государства.

За более чем два десятилетия с момента принятия Конституции Российской Федерации сформировалась новая среда, органичной частью которой стало законодательство о культуре.

Действующее в России законодательство в сфере культуры можно разделить на две части: национальное законодательство и международные акты и соглашения. При этом российская Конституция (ч. 4 ст. 15) говорит о приоритете норм международного права над национальными: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹.

Международные акты (документы ООН, ЮНЕСКО, Всемирной туристской организации, Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, СНГ, Шанхайской организации сотрудничества) исходят из того, что права человека в сфере культуры вытекают из достоинства,

присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, а также право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных и художественных трудов, автором которых он является. Указанные документы признают право лиц с ограниченными физическими возможностями на безбарьерный доступ к культурной инфраструктуре; декларируют необходимость сохранения всемирного культурного наследия; говорят о поощрении терпимости и культурного многообразия, необходимости изучать языки, историю и культуру других стран, искоренять предрассудки; называют туризм мощным фактором обеспечения мира и укрепления дружбы и взаимопонимания между народами планеты; призывают государства к тесному сотрудничеству в сохранении культурных ценностей и культурном обмене, поощрении культуры мира и диалога между всеми цивилизациями².

2 Венская декларация и программа действий: [принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-й Всемирной конференции по правам человека] // Дипломат. вестн. – 1994. – № 3–4. – С. 45–63; Всеобщая декларация прав человека: [принята Ген. Ассамблеей ООН 10.12.1948] // Рос. газ. – 1995. – 5 апр.; Декларация прав ребенка: [принята 20.11.1959 резолюцией 1386 (XIV) на 841 м пленар. заседании Ген. Ассамблеи ООН] // Междунар. защита прав и свобод человека: сб. документов. – М.: Юрид. лит-ра, 1990. – С. 385–388; Декларация тысячелетия: [принята в г. Нью-Йорке 08.09.2000 резолюцией 55/2 на 8-м пленарном заседании 55-й сессии Ген. Ассамблеи ООН]. – (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ: [подписан в г. Копенгагене 29.06.1990]. – (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); Европейская социальная хартия (пересмотренная) (ETS № 163): [принята в г. Страсбурге 03.05.1996] // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 8. – Ст. 781; Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе: [подписан в г. Хельсинки 01.08.1975] // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXI. – М.: [Б. и.], 1977. – С. 544–589; Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников СБСЕ, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания: [подписан в г. Вене 15.01.1989] // Действующее международное право. – Т. 1. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. – С. 83–91; Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года пред-

1 Конституция Российской Федерации: [принята на всенар. референдуме 12.12.1993] // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

Таким образом, основное внимание международные соглашения уделяют правам и свободам человека в сфере культуры.

Остановимся подробнее на национальном законодательстве. В соответствии с Конституцией РФ оно подразделяется на федеральное законодательство, законодательство субъектов РФ, а также правовые акты органов местного самоуправления.

Определяющим источником правового регулирования сферы культуры в России является Конституция РФ. Нормы Конституции можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся нормы, провозглашающие права и свободы граждан в сфере культуры. Во вторую группу входят нормы, регулирующие трудовые отношения и имеющие общий характер. К третьей группе норм Конституции РФ относятся нормы, устанавливающие сферы ведения Российской Федерации («федерального центра») и ее субъектов, систему государственных органов, их компетенцию, в том числе в области культуры. Важное значение имеют положения Конституции РФ о прямом ее действии и применении на всей территории России (ч. 1 ст. 15)³. Принципы и правовые нормы Конституции действуют непосредственно, если: а) они не конкретизируются в иных отраслях права и б) в действующем законодательстве еще не отменены (не изменены) нормы, противоречащие конституционным установлениям.

Наряду с положениями Конституции РФ, закрепившей в ст. 44 право каждого на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, защиту интеллектуальной собственности, а также обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры⁴, в качестве правовой базы сохранения и развития культуры в России выступают Основы законодательства Российской Федерации о культуре, принятые Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1⁵. Наличие общего закона о культуре составляет важней-

шую особенность современного этапа развития российского законодательства о культуре. В соответствии с ч. 2 ст. 81.1, ч. 2 ст. 84.1, ч. 2 ст. 84.11 Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России от 12.04.1978 (в редакции от 10.12.1992) в Российской Федерации до 25.12.1993 (дата официального опубликования и вступления в силу действующей сегодня Конституции РФ) Основы законодательства представляли собой законодательный акт, устанавливавший основные принципы правового регулирования в определенной сфере общественных отношений⁶.

Основы законодательства РФ о культуре и сегодня продолжают играть роль активного центра отрасли законодательства, хотя в современной российской правовой системе их приоритет перед иными законодательными актами и не предусмотрен. Это достигается посредством закрепления принципов государственной культурной политики, общих для отрасли понятий, норм, определяющих основы статуса организаций культуры, правовое положение национального культурного достояния и культурного наследия народов Российской Федерации. В данном Законе также содержатся нормы, направленные на распределение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области культуры. Таким образом, Основы законодательства о культуре можно рассматривать в качестве своеобразной общей части законодательства о культуре, принципы и нормы которой конкретизируются и развиваются в законах, посвященных отдельным направлениям культурной деятельности⁷. Назовем только некоторые.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ устанавливает правовой режим охраны результатов интеллектуальной деятельности, в том числе произведений науки, литературы и искусства⁸.

Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» определяет особенности правового положения Музейного фонда РФ, а также особенности создания и правовое положение музеев⁹.

Федеральный закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» устанавливает принципы государственной политики в области кинематографии (признание кинематографии областью культуры и искусства, обязательным условием существования которой является развитие творческой, образовательной, производственной, технической, научной и информационной базы; ответственность государства за сохранение и развитие кинематографии; создание населению условий для доступа к произведениям кинематографии)¹⁰.

Федеральный закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» регулирует отношения, возникающие в процессе профессиональной деятельности архитектора по созданию архитектурных объектов

ставителей государств-участников СБСЕ, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания: [подписан в г. Мадриде 06.09.1983] // Действующее междунар. право. – Т. 1. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. – С. 79–83; Конвенция о правах инвалидов: [принята резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи ООН от 13.12.2006] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 29.10.2014); Конвенция ООН о правах ребенка: [принята 20.11.1989 резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи ООН] // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верх. Совета СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: [заключена в г. Минске 26.05.1995] // Дипломат. вестн. – 1999. – № 9. – С. 35–42; Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН] // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1994. – № 12; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: [принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН] // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1994. – № 12; Основные принципы обращения с заключенными: [приняты 14.12.1990 резолюцией 45/111 Генер. Ассамблеи ООН]. – (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); Парижская хартия для новой Европы: [принята в г. Париже 21.11.1990] // Действующее международное право. – Т. 1. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. – С. 42–54; Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств: [заключена в г. Страсбурге 01.02.1995] // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 11. – Ст. 1256.

3 Конституция Российской Федерации: [принята на всенар. референдуме 12.12.1993] // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

4 Там же.

5 Основы законодательства Российской Федерации о культуре: [утв. Верх. Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1] // Рос. газ. – 1992. – 17 нояб.

6 Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России: [принята Верх. Советом РСФСР 12.04.1978] // Ведомости Верх. Совета РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407; Ведомости Съезда народ. депутатов и Верх. Совета РФ. – 1992. – № 52. – Ст. 3051.

7 Социальное законодательство: науч.-практ. пособие: здравоохранение, образование, культура, наука, физкультура, спорт, пенсии, жилище / [Е. Г. Азарова и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: ИНФРА-М: Контракт, 2005.

8 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 22 дек.

9 О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федер. закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – 4 июня.

10 О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации: Федер. закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – 29 авг.

в целях обеспечения безопасной, экологически чистой, социально и духовно полноценной, благоприятной среды жизнедеятельности человека и общества¹¹.

Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» определяет политику государства в области формирования обязательного экземпляра документов как ресурсной базы комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов РФ и развития системы государственной библиографии, предусматривает обеспечение сохранности обязательного экземпляра документов, его общественное использование, устанавливает виды обязательного экземпляра документов, категории их производителей и получателей, сроки и порядок доставки обязательного экземпляра документов, ответственность за их нарушение¹².

Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» устанавливает принципы деятельности библиотек, гарантирующие права человека, общественных объединений, народов и этнических общностей на свободный доступ к информации, свободное духовное развитие, приобщение к ценностям национальной и мировой культуры, а также на культурную, научную и образовательную деятельность¹³.

Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» регулирует отношения в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ и других архивных документов независимо от их форм собственности, а также отношения в сфере управления архивным делом в РФ в интересах граждан, общества и государства¹⁴.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в РФ на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры¹⁵. Данный Закон почти полностью заменил Закон РСФСР от 15.12.1978 «Об охране и использовании памятников истории и культуры», сохраняющий свое действие лишь в части регламентации порядка реставрации, консервации и ремонта памятников истории и культуры; порядка установления зон охраны памятников истории и культуры республиканского и местного значения; согласования с органами охраны памятников проектов планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры; порядка производства земляных, строительных и других работ, а также

хозяйственной деятельности в зонах охраны памятников истории и культуры¹⁶.

Заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры – значит соблюдать и правила вывоза и ввоза культурных ценностей, установленные Законом РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»¹⁷.

Обязанность беречь памятники истории и культуры относится ко всем субъектам правоотношений и распространяется также на объекты, поступившие из-за границы и находящиеся на территории Российской Федерации¹⁸. Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»» указал, что к культурным ценностям, перемещенным в СССР в результате Второй мировой войны, относятся только те, которые были перемещены в СССР с территории Германии и ее бывших военных союзников в соответствии с приказами военного командования Советской Армии и распоряжениями других компетентных органов¹⁹.

В целях изучения и публичного представления исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий, как неотъемлемой части новейшей истории России, в России создаются центры исторического наследия Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий. Особенности создания и правового положения таких центров, их цели, задачи и функции, структура и порядок управления ими регламентированы Федеральным законом от 13.05.2008 № 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий»²⁰.

Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого русского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий. Поэтому ряд федеральных законов устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных народов РФ, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Это: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»²¹; Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»²². Федеральный закон от

16 Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15.12.1978 // Ведомости Верх. Совета РСФСР. – 1978. – № 51. – Ст. 1387.

17 О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 // Рос. газ. – 1993. – 15 мая.

18 О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации: Федер. закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1799.

19 По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П // Рос. газ. – 1999. – 10 авг.

20 О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий: Федер. закон от 13.05.2008 № 68-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 20. – Ст. 2253.

21 О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

22 Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Фе-

11 Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 29 нояб.

12 Об обязательном экземпляре документов: Федер. закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 17 янв.

13 О библиотечном деле: Федер. закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 2.

14 Об архивном деле в Российской Федерации: Федер. закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 43. – Ст. 4169.

15 Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» регулирует отношения в области народных художественных промыслов на территории РФ как неотъемлемого достояния и одной из форм народного творчества народов РФ. Закон декларирует, что сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов является важной государственной задачей²³. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» гарантирует развитие национальных видов спорта, исторически сложившихся в этнических группах населения, имеющих социально-культурную направленность. При этом сам термин «спорт» определяется законодателем как сфера социально-культурной деятельности²⁴.

Правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации как формы национально-культурного самоопределения, представляющей собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, определены Федеральным законом от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»²⁵. В соответствии с указанным Законом (ч. 2 ст. 1) национально-культурная автономия является видом общественного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация.

Государство гарантирует гражданам РФ осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав вне зависимости от их знания какого-либо языка (Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»²⁶).

Согласно положениям Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» соотечественники, проживающие за рубежом, вправе полагаться на поддержку РФ в осуществлении своих культурных прав, сохранении самобытности. В целях содействия соотечественникам в сохранении и развитии ими своего культурного наследия органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ: оказывают помощь культурным центрам, культурно-просветительским организациям, библиотекам, архивам, музеям, театрам, музыкальным и хореографическим ансамблям, художественным студиям, любительским творческим коллективам соотечественников; способствуют изучению культурного наследия соотечественников; содействуют всем видам культурного обмена между РФ и соотечественниками²⁷.

Содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с достижениями российской и мировой культуры является од-

ной из целей Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»²⁸.

Органы и учреждения культуры, досуга, спорта и туризма обязаны привлекать несовершеннолетних, находящихся в социальном опасном положении, к занятиям в художественных, технических, спортивных и других клубах, кружках, секциях, способствуют их приобщению к ценностям отечественной и мировой культуры (Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»²⁹).

Вопросы художественного образования и эстетического воспитания граждан регулируются Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³⁰.

С целью поддержки сохранения культурных ценностей и развития деятельности в сфере культуры и образования в области культуры и искусства в 2014 г. в России принят Федеральный закон «О меценатской деятельности»³¹.

Таким образом, массив специальных законов в области культуры сегодня охватывает широчайший круг вопросов, и законодатель уверенно встал на путь углубления специализации законодательства о культуре в соответствии с видами культурной деятельности. Практически по всем направлениям культурной жизни в Российской Федерации приняты специальные нормативные правовые акты, регулирующие особенности государственного воздействия в той или иной области. Сказанное составляет важнейшую особенность действующего российского законодательства о культуре: повышение роли закона в правовом регулировании культурной деятельности. В период с 1991 г. по 2015 г. было принято полтора десятка законодательных актов, непосредственно посвященных вопросам создания, сохранения, распространения и освоения культурных ценностей (в связи с этим в литературе уже высказывается мнение о необходимости разработки кодекса законов о культуре³²). Центральное место среди них занимают Основы законодательства о культуре. Наличие общего закона о культуре составляет другую особенность современного этапа развития российского законодательства о культуре (в результате многочисленных законодательных изменений Основы законодательства о культуре сегодня носят исключительно декларативный характер и фактически ничего не регулируют).

Однако не все проблемы, возникающие на практике, требуют отдельного закона. Поэтому органами государственной власти активно используются и другие правовые и организационные возможности. Например, в целях регламентации государственной поддержки театральному и цирковому искусства использован такой вид юридических (правовых) документов, как акты Правительства РФ. Так, в Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года, одобренной распоряжением Правительства РФ от 10.06.2011 №1019-р, определены основные направления развития театрального дела, а также механизмы и ожидаемые результаты реализации Концепции³³.

дерации: Федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.

23 О народных художественных промыслах: Федер. закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 2. – Ст. 234.

24 Конституция Российской Федерации: [принята на всенар. референдуме 12.12.1993] // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

25 О национально-культурной автономии: Федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ // Собр. за-конодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.

26 О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов и Верх. Совета РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740.

27 О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федер. закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 22. – Ст. 2670.

28 Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.

29 Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

30 Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

31 О меценатской деятельности: Федер. закон от 04.11.2014 № 327-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 45. – Ст. 6137.

32 Новое в законодательстве о культуре. Прогнозы, опасения, пожелания // Справ. рук. учреждения культуры. – 2010. – № 9. – С. 9–10.

33 Концепция развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г.: [утв. распоряжением Правительства РФ от

Развитие циркового дела и создание условий для его эффективного функционирования в соответствии с современными требованиями и условиями является целью Концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 02.04.2012 № 434-р³⁴.

Подобные акты функционально связаны с иными законами, прежде всего с Основами законодательства РФ о культуре, и непосредственно формируют отрасль российского законодательства о культуре. В комплексе они создают единый механизм регулирования культурной деятельности³⁵.

Важным подзаконным актом стали утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 в конце Года культуры в Российской Федерации Основы государственной культурной политики. Указано, что Основы – базовый документ для разработки и совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы культурного развития, а также государственных и муниципальных программ. Документом обосновывается необходимость выработки государственной культурной политики, определены основные понятия в данной сфере. Помимо этого, документ содержит цели государственной культурной политики, ее принципы и задачи в областях: культурного наследия народов России; осуществления всех видов культурной деятельности и развития связанных с ними индустрий; гуманитарных наук; русского языка и отечественной литературы; языков народов Российской Федерации; расширения и поддержки международных культурных и гуманитарных связей; воспитания поколений; просвещения; детского и молодежного движения; формирования информационной среды, благоприятной для становления личности; комплексного совершенствования системы управления; организационного, аналитического и информационного обеспечения разработки и реализации государственной культурной политики; ресурсного обеспечения разработки и реализации государственной культурной политики³⁶.

Фактически Основы государственной культурной политики сегодня задают ориентиры в законотворческой деятельности в области культуры – наряду с положениями международных соглашений, Конституции РФ и Основами законодательства о культуре.

Однако утвержденные Указом Президента РФ Основы государственной политики «базовым документом для разработки и совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы культурного развития, а также государственных и муниципальных программ» быть не могут, так как в качестве правовой базы сохранения и развития культуры в России сегодня выступают Основы законодательства Российской Федерации о культуре, принятые Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1³⁷ (и об этом в них говорится), в то время как Указ Президента – всего лишь подзаконный акт. И в соответствии

с ч. 3 ст. 90 Конституции РФ указы Президента РФ не должны противоречить федеральным законам³⁸.

По нашему убеждению, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 Основы государственной культурной политики при отсутствии в них ясных и конкретных механизмов реализации остаются лишь декларацией о намерениях, а не реально работающим документом, ориентированным на заявленные разработчиками цели. Для того чтобы указанный документ был действительно рабочим инструментом, необходимо разработать ясные и конкретные механизмы и источники ресурсов для его реализации.

Куда более действенным для развития культуры Российской Федерации могло бы стать принятие внесенного еще в 2010 г. депутатами Государственной Думы Е. Г. Драпеко, З. М. Степановой, а также В. М. Куцевым, Н. В. Расторгуевым, С. Ю. Захаровой, Г. П. Ивлиевым в период исполнения ими полномочий депутатов Государственной Думы проекта Федерального закона № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации», призванного возглавить и объединить группу отраслевых правовых актов Российской Федерации в области культуры³⁹.

Законопроект соответствует современному состоянию общества, уровню развития законодательной базы, отражает потребности граждан Российской Федерации и иных субъектов культурной деятельности. Принятие Федерального закона «О культуре в Российской Федерации» послужило бы реализации стратегических приоритетов развития общества и устойчивости этого развития, в том числе гармоничного развития человека, реализации его духовного потенциала, и, в конечном итоге, созданию условий для повышения качества жизни населения России.

Итак, массив специальных законов в области культуры сегодня охватывает широчайший круг вопросов, однако регулирования только специальными нормами недостаточно. Во-первых, многие отношения, возникающие при осуществлении культурной деятельности, не обладают спецификой и для них достаточно общих норм; во-вторых, влечение специальных норм в общее законодательство позволяет лучше понять особенности правового регулирования отношений в культуре и их место в системе правоотношений⁴⁰. Поэтому многие нормы, регулирующие отношения в сфере культуры, относятся к таким отраслям, как конституционное⁴¹, гражданское⁴², фи-

10.06.2011 № 1019 р) // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 25. – Ст. 3650.

34 Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 г.: [утв. распоряжением Правительства РФ от 02.04.2013 № 434 р] // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1807.

35 Социальное законодательство: науч.-практ. пособие: здравоохранение, образование, культура, наука, физкультура, спорт, пенсия, жилище / [Е. Г. Азарова и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: ИНФРА-М: Контракт, 2005.

36 Основы государственной культурной политики: [утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808] // // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7753.

37 Основы законодательства Российской Федерации о культуре: [утв. Верх. Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1] // Рос. газ. – 1992. – 17 нояб.

38 Конституция Российской Федерации: [принята на всенар. референдуме 12.12.1993] // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

39 Проект федерального закона «О культуре в Российской Федерации» // Справ. рук. учреждения культуры. – 2010. – № 10. – С. 6–28.

40 Социальное законодательство: науч.-практ. пособие: здравоохранение, образование, культура, наука, физкультура, спорт, пенсия, жилище / [Е. Г. Азарова и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: ИНФРА-М: Контракт, 2005.

41 Конституция Российской Федерации: [принята на всенар. референдуме 12.12.1993] // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

42 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 22 дек.; Гражданский кодекс РФ (часть вторая): Федер. закон от 26.01.1996 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; Гражданский кодекс РФ (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Гражданский кодекс РФ (часть третья): Федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145; Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федер. закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.

нансовое⁴³, земельное⁴⁴, трудовое⁴⁵, уголовное⁴⁶, административное⁴⁷ право.

Из сказанного следует, что законодательство о культуре имеет комплексный характер. Отсюда разнообразие способов правового регулирования сферы культуры: дозволения (например, нормы, гарантирующие права и свободы человека, народов и иных этнических общностей в области культуры); позитивные обязывания (правовые основы охраны и использования национального культурного достояния и культурного наследия народов Российской Федерации) и запреты (нормы, устанавливающие юридическую ответственность за нарушение законодательства о культуре). Вместе с тем наличие системообразующего Закона – Основ законодательства РФ о культуре – и значительного числа специальных законодательных актов позволяет говорить о появлении *культурного права РФ* как самостоятельной комплексной (синтетической) отрасли права⁴⁸, под которой нами предлагается понимать систему правовых норм, регулирующих на комплексной основе дозволений, позитивных связываний и запретов область общественных отношений по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей.

Пристатейный библиографический список

- Агошков А. В. Развитие российского законодательства о культуре (общий анализ) / А. В. Агошков, Г. К. Москаленко // *Вопр. культурологии*. – 2011. – № 11. – С. 70–77.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
- Венская декларация и программа действий: [принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-й Всемирной конференции по правам человека] // *Дипломат. вестн.* – 1994. – № 3–4. – С. 45–63.
- Всеобщая декларация прав человека: [принята Ген. Ассамблеей ООН 10.12.1948] // *Рос. газ.* – 1995. – 5 апр.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // *Рос. газ.* – 2006. – 22 дек.
- Гражданский кодекс РФ (часть вторая): Федер. закон от 26.01.1996 // *Собр. законодательства РФ*. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
- Гражданский кодекс РФ (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- Гражданский кодекс РФ (часть третья): Федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
- Декларация прав ребенка: [принята 20.11.1959 резолюцией 1386 (XIV) на 841 м пленар. заседании Ген. Ассамблеи ООН] // *Междунар. защита прав и свобод человека: сб. документов*. – М.: Юрид. лит-ра, 1990. – С. 385–388.
- Декларация тысячелетия: [принята в г. Нью-Йорке 08.09.2000 резолюцией 55/2 на 8-м пленарном заседании 55-й сессии Ген. Ассамблеи ООН]. – (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)
- Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ: [подписан в г. Копенгагене 29.06.1990]. – (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)
- Европейская социальная хартия (пересмотренная) (ETS № 163): [принята в г. Страсбурге 03.05.1996] // *Собр. законодательства РФ*. – 2010. – № 8. – Ст. 781.
- Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе: [подписан в г. Хельсинки 01.08.1975] // *Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. – Вып. XXXI. – М.: [Б. и.], 1977. – С. 544–589.
- Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // *Рос. газ.* – 2001. – 30 окт.
- Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников СБСЕ, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания: [подписан в г. Вене 15.01.1989] // *Действующее международное право*. – Т. 1. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. – С. 83–91.
- Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников СБСЕ, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания: [подписан в г. Мадриде 06.09.1983] // *Действующее международное право*. – Т. 1. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. – С. 79–83.
- Кодекс РФ об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // *Рос. газ.* – 2001. – 31 дек.
- Конвенция о правах инвалидов: [принята резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи ООН от 13.12.2006] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 29.10.2014).
- Конвенция ООН о правах ребенка: [принята 20.11.1989 резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи ООН] // *Ведомости Съезда нар. депутатов и Верх. Совета СССР*. – 1990. – № 45. – Ст. 955.
- Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: [заключена в г. Минске 26.05.1995] // *Дипломат. вестн.* – 1999. – № 9. – С. 35–42.
- Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России: [принята Верх. Советом РСФСР 12.04.1978] // *Ведомости Верх. Совета РСФСР*. – 1978. – № 15. – Ст. 407; *Ведомости Съезда народ. депутатов и Верх. Совета РФ*. – 1992. – № 52. – Ст. 3051.
- Конституция Российской Федерации: [принята на всенар. референдуме 12.12.1993] // *Рос. газ.* – 1993. – 25 дек.
- Концепция развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г.: [утв. распоряжением Правительства РФ от 10.06.2011 № 1019 р] // *Собр. законодательства РФ*. – 2011. – № 25. – Ст. 3650.
- Концепция развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 г.: [утв. распоряжением Правительства РФ от 02.04.2013 № 434 р] // *Собр. законодательства РФ*. – 2012. – № 15. – Ст. 1807.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 1998. – № 31. – Ст. 3823; *Налоговый кодекс РФ (часть вторая)*: Федер. закон от 19.07.2000 № 117-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 2002. – № 32. – Ст. 3340; *Налоговый кодекс РФ (часть первая)*: Федер. закон от 08.07.1998 № 146-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
- Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // *Рос. газ.* – 2001. – 30 окт.
- Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
- Уголовный кодекс РФ: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- Кодекс РФ об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // *Рос. газ.* – 2001. – 31 дек.
- Агошков А. В. Развитие российского законодательства о культуре (общий анализ) / А. В. Агошков, Г. К. Москаленко // *Вопр. культурологии*. – 2011. – № 11. – С. 70–77.

25. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН] // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1994. – № 12.
26. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: [принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН] // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 1994. – № 12.
27. Налоговый кодекс РФ (часть вторая): Федер. закон от 19.07.2000 № 117-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 32. – Ст. 3340.
28. Налоговый кодекс РФ (часть первая): Федер. закон от 08.07.1998 № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
29. Новое в законодательстве о культуре. Прогнозы, опасения, пожелания // Справ. рук. учреждения культуры. – 2010. – № 9. – С. 9–10.
30. О библиотечном деле: Федер. закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 2.
31. О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 // Рос. газ. – 1993. – 15 мая.
32. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
33. О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации: Федер. закон от 22.08.1996 № 126-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – 29 авг.
34. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федер. закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 22. – Ст. 2670.
35. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации: Федер. закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1799.
36. О меценатской деятельности: Федер. закон от 04.11.2014 № 327-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 45. – Ст. 6137.
37. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федер. закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – 4 июня.
38. О народных художественных промыслах: Федер. закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 2. – Ст. 234.
39. О национально-культурной автономии: Федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
40. О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.
41. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
42. О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий: Федер. закон от 13.05.2008 № 68-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 20. – Ст. 2253.
43. О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов и Верх. Совета РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740.
44. Об архивном деле в Российской Федерации: Федер. закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 43. – Ст. 4169.
45. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 29 нояб.
46. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федер. закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.
47. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
48. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.
49. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.
50. Об обязательном экземпляре документов: Федер. закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 17 янв.
51. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
52. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.
53. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15.12.1978 // Ведомости Верх. Совета РСФСР. – 1978. – № 51. – Ст. 1387.
54. Основные принципы обращения с заключенными: [приняты 14.12.1990 резолюцией 45/111 Генер. Ассамблеи ООН]. – (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).
55. Основы государственной культурной политики: [утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808] // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7753.
56. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: [утв. Верх. Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1] // Рос. газ. – 1992. – 17 нояб.
57. Парижская хартия для новой Европы: [принята в г. Париже 21.11.1990] // Действующее международное право. – Т. 1. – М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. – С. 42–54.
58. По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П // Рос. газ. – 1999. – 10 авг.
59. Проект федерального закона «О культуре в Российской Федерации» // Справ. рук. учреждения культуры. – 2010. – № 10. – С. 6–28.
60. Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств: [заключена в г. Страсбурге 01.02.1995] // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 11. – Ст. 1256.
61. Социальное законодательство: науч.-практ. пособие: здравоохранение, образование, культура, наука, физкультура, спорт, пенсия, жилище / [Е. Г. Азарова и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: ИНФРА-М: Контракт, 2005.
62. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
63. Уголовный кодекс РФ: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Касимова Д. М.

СТРАТЕГИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

В статье рассматриваются вопросы инвестиционного развития Северо-Кавказского региона. Автор подробно осветил проблемы инвестиционного развития Республики Дагестан. Территориальное развитие Российской Федерации в стратегическом плане ориентировано на обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для создания достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики при обеспечении политического и правового единства страны.

Ключевые слова: инвестиционное развитие, социально-экономическая политика, дотационная республика, стратегия, государственно-частное партнерство.

Kasimova D. M.

STRATEGY OF INVESTMENT DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The article deals with the investment development of the North Caucasian region. The author elaborated on the problems of investment development of the Republic of Dagestan. Territorial development of the Russian Federation in the strategic plan is focused on providing the conditions that allow each region to have the necessary and sufficient resources to create decent living conditions for its citizens, integrated development and competitiveness of the economy while ensuring political and legal unity of the country.

Keywords: investment development, socio-economic policy, endowment republic, strategy, public and private partnership.

Касимова Д. М.

Особое место в стратегии территориального развития страны занимает Северо-Кавказский регион. Это обусловлено прежде всего его современным геополитическим положением, историей освоения и исключительно сложным этническим составом населения. Развитие этого региона следует рассматривать как важнейшее средство обеспечения целостности государства, укрепления экономики России и ликвидации очагов политической напряженности. Объективно возникает необходимость в разработке такой политики развития субъектов РФ в составе Северо-Кавказского региона, которая, не нарушая целостности и единства российского государства, его экономического пространства, обеспечивала бы в русле инновационных преобразований устойчивые темпы роста экономики, адекватный рост уровня жизни местного населения, экологическую безопасность и, как следствие, стабилизацию общественно-политической жизни на Северном Кавказе.

Цели и задачи развития Республики Дагестан достаточно четко сформулированы в проекте «Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2020 года», но от постановки целевых установок до их реализации лежит длительная повседневная, кропотливая, согласованная деятельность всех заинтересованных сторон – власти, бизнеса, общественных организаций, различных слоев населения. Именно в условиях консолидации общества представляется возможным в реальном режиме времени добиться позитивных результатов: модернизировать экономику и вывести параметры ее функционирования на уровень отечественных и мировых стандартов, существенно повысить уровень и улучшить качество жизни населения Северо-Кавказского региона.

Тем более, такая позиция согласуется с федеральной региональной политикой. Территориальное развитие Российской Федерации в стратегическом плане ориентировано на обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для создания достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики при обеспечении политического и правового единства страны. Исходя из складывающейся хозяйственной ситуации внутри России, харак-

теризующейся переходом на инновационный путь развития, должны выстраиваться и направления развития и модернизации экономики Северо-Кавказского региона.

С точки зрения современной типологии многонациональный Дагестан относится к приграничным экономически недостаточно развитым с низким уровнем занятости депрессивным регионам аграрно-индустриального типа.

В настоящее время сохраняющееся депрессивное состояние экономики республики, сложная социально-политическая ситуация, утрата по многим позициям хозяйственной ориентации сдерживают развитие республики, которая продолжает оставаться в сильной финансово-экономической зависимости от федерального Центра. Достаточно отметить, что уровень дотационности консолидированного бюджета РД в последние годы в среднем составлял 76–78%.

Решение проблем модернизации лежит в плоскости привлечения инвестиций в реальный сектор экономики Дагестана. Однако в настоящее время достаточно высокие темпы прироста инвестиций в основной капитал не оказывают должного воздействия на подтягивание макроэкономических показателей до среднероссийского уровня. И дело не столько в глубине сложившегося под влиянием различных факторов изначального экономического отставания Дагестана, а в том, что финансовые средства в основной капитал расходуются зачастую не по назначению и без должного обоснования эффективности тех или иных инвестиционных проектов.

В современных условиях инновационных преобразований экономики повышение эффективности инвестиционного развития регионов, создание благоприятного инвестиционного климата становится одной из основных задач, которая включает выбор источников инвестиций, создание необходимой нормативно-правовой базы, определение органов, ответственных за реализацию инвестиционной политики и привлечение инвестиций, организацию работы с инвесторами и т.д.¹

1 Крупко С. Инвестиционная деятельность в субъектах Российской Федерации // Хозяйство и право. – 2010.

Инвестиционный климат в Дагестане во многом зависит от состояния и уровня диверсификации экономической среды, перспектив и тенденций экономического развития его территорий, степени развитости рыночных отношений, финансового рынка и рынка инвестиционных услуг, устойчивости и авторитетности власти, политической поляризации населения, уровня социальной напряженности.

В значительной степени на инвестиционную привлекательность региона влияет должное исполнение органами региональной власти своих полномочий в экономической, бюджетной, социальной и других сферах деятельности. Разработка и наличие специальных программ привлечения инвесторов, обеспечение инвесторам особых экономических условий, связанных с определенными льготами, в том числе по налогообложению, представляется для Дагестана ключевой задачей текущего момента и на последующую перспективу.

Не менее важным инструментом регулирования регионального развития и модернизации экономики являются свободные экономические зоны (СЭЗ). Цели создания СЭЗ следуют из их названий: зоны свободной торговли создаются в основном для интенсификации внешнеторговых связей, производственные зоны – развития производства за счет привлечения отечественных и иностранных инвестиций, технико-внедренческие – стимулирования развития наукоемких производств, коммерциализации научных разработок, сервисные – развития сферы услуг.

В последние годы в практике регулирования регионального развития много внимания уделяется вопросу развития государственно-частного партнерства (ГЧП). Актуальность ГЧП обусловлена прежде всего с позиций активизации инвестиционной деятельности в рамках разнообразных административно-правовых форм и конкретных вариантов реализации партнерских отношений между государством и бизнесом (контракты, аренда, лизинг, концессия как форма партнерства государства и частного бизнеса, соглашения о разделе продукции, совместные предприятия)².

Важнейшим элементом современной системы регулирования развития любого региона и Дагестана в частности в условиях инновационных преобразований экономики должны стать технопарковые структуры и информационно-технологические системы – ключевые элементы инновационного развития. Технопарковые структуры создают широкое поле деятельности для малого и среднего инновационного предпринимательства, являются эффективной организационной основой коммерциализации науки и ее связи с практикой.

В рамках формирования инновационной системы развития Дагестана представляется целесообразным также, помимо формирования и развития технопарковых структур, создать центры трансферта технологий. Эти центры, в которые должны войти представители соответствующих властных структур, бизнеса, вузовской и академической науки, предназначены для выявления непосредственно в научных организациях республики, и не только, коммерчески значимых результатов исследований и запуска их в инновационный цикл, на выходе которого должен появиться рыночно востребованный товар.

Также в Дагестане презентован инфраструктурный проект развития и поддержки инновационного бизнеса «ИнТех-Даг». Миссия Центра заключается в мобилизации усилий партнеров с целью обеспечения ускоренного развития инновационно-технологического предпринимательства студентов,

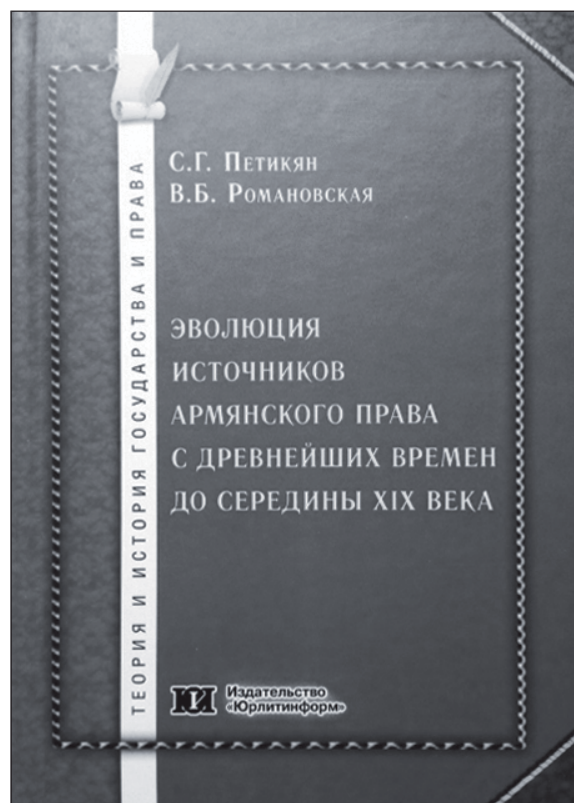
аспирантов и научных работников северокавказских вузов и эффективной реализации научно-исследовательского потенциала вузов.

То есть одним из стратегически значимых направлений развития и модернизации экономики Дагестана следует рассматривать изменения в инновационной сфере, в развитии современной конкурентоспособной экономики знаний.

Таким образом, современная практика регулирования регионального развития и модернизации экономики располагает широким арсеналом организационных форм, методов и механизмов стимулирования инвестиционной активности в различных сферах хозяйственной деятельности, рациональное использование которых позволит позитивно воздействовать на процессы социально-экономического обустройства Республики Дагестан.

Пристатейный библиографический список

1. Крупко С. Инвестиционная деятельность в субъектах Российской Федерации // *Хозяйство и право*. – 2010.
2. Сергеев И. В., Веретенникова И. И. Организация и финансирование инвестиций. – М., 2009.

2 Сергеев И. В., Веретенникова И. И. Организация и финансирование инвестиций. – М., 2009.

Ибрагимова А. Х. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

В статье рассмотрены сегодняшние проблемы формирования федерального бюджета, находящиеся в жесткой внешней финансовой зависимости, включая настоятельную предопределенность формирования международных резервов, в части Резервного фонда и Фонда национального благосостояния РФ, номинированных в иностранной валюте.

Ключевые слова: федеральный бюджет, налогообложение, бюджетный процесс, бюджетная система, бюджетная сбалансированность.

Ibragimova A. Kh. ISSUES OF IMPROVING THE FORMATION OF THE FEDERAL BUDGET

The article deals with the current problems of the federal budget formation that are in a tough external financial dependence, including the urgent predetermination of international reserves formation in the part of the Reserve Fund and the National Welfare Fund of the Russian Federation denominated in foreign currency.

Keywords: federal budget, taxation, budget process, budget system, the budget balance.

Ибрагимова А. Х.

Проблемами совершенствования федерального бюджета являются наличие системных рисков исполнения бюджета, связанных с замедлением темпов роста российской экономики, возможными кризисными явлениями на мировых товарных и финансовых рынках, высокой зависимостью экономики и бюджетной системы от внешнеэкономической конъюнктуры, ограниченностью внутренних финансовых ресурсов и недостаточным уровнем развития финансовой инфраструктуры.

Важнейшими для финансовых, контролирующих и правоохранительных органов должны стать системная работа, направленная на сокращение теневого сектора экономики и наведение порядка в системе учета и взимания налогов, таможенных и других платежей, поступающих от субъектов экономической деятельности¹.

Одной из наиболее актуальных проблем, которые приводят к риску недопоступления или к потерям доходов федерального бюджета, является уклонение от уплаты налогов и других обязательных платежей.

Значительные средства не поступают в федеральный бюджет в результате применения компаниями различных инструментов минимизации налогообложения с использованием как трансфертного ценообразования, так и торговых операций, проводимых через территории (государства) с низким уровнем налогообложения.

В дальнейшем при формировании федерального бюджета Правительству Российской Федерации следует уделить особое внимание решению следующих основных задач:

- обеспечение сбалансированности и устойчивости бюджетной системы;
- оптимизация структуры расходов федерального бюджета;
- развитие программно-целевых методов управления;
- принятие решений, обеспечивающих долгосрочную сбалансированность и прозрачность пенсионной системы;
- создание новых механизмов финансирования развития инфраструктуры;

– переход к формированию государственного задания на оказание государственных (муниципальных) услуг физическим и юридическим лицам на основе единого составного перечня;

– развитие налоговой системы и повышение ее конкурентоспособности;

– организация четкой системы межбюджетных отношений;

– повышение прозрачности бюджетов и бюджетного процесса.

К 2016 г. должен быть полностью завершен переход к построению федерального бюджета на основе государственных программ с четкими показателями результативности, а также возможности для общественного мониторинга их исполнения, являющейся важнейшей задачей при повышении эффективности бюджетных расходов.

В целях определения финансовых возможностей, условий и предпосылок для достижения ключевых целей, параметров и условий социально-экономического развития Российской Федерации в долгосрочном периоде, сформулированных в стратегических документах, решениях Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, необходимо ежегодное формирование долгосрочного бюджетного прогноза, в рамках которого определяются подходы к реализации бюджетной политики на долгосрочную перспективу, устанавливаются предельные расходы федерального бюджета на реализацию государственных программ и формируется система управления бюджетными рисками, позволяющая снизить вероятность возникновения дополнительных расходных обязательств. Для минимизации угроз несбалансированности бюджетов бюджетной системы Российской Федерации необходимо осуществлять прогнозирование основных характеристик бюджетов на основе «консервативного» варианта прогноза социально-экономического развития Российской Федерации. Этот подход позволяет не только повысить точность бюджетного планирования, но и предотвратить часть рисков, связанных с принятием дополнительных, не обеспеченных финансовыми ресурсами, расходных обязательств.

Обеспечению сбалансированности федерального бюджета будет способствовать снижение зависимости бюджетов го-

¹ Кокорев А. К., Кузык М. В. Повышение эффективности бюджетно-финансирования. – М.: СЕРРА, 2014. – С. 122.

сударственных внебюджетных фондов Российской Федерации от трансфертов из федерального бюджета.

С 1 января 2015 г. предусматривалась реализация отдельных мероприятий, направленных на повышение устойчивости бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации:

- постепенное повышение базы для начисления страховых взносов с 160% номинально начисленной среднемесячной заработной платы до 230%;

- стимулирование более позднего назначения трудовой пенсии;

- уточнение требований к минимальному страховому стажу (с 5 до 15 лет).

Для поддержания сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов планируется совершенствование правил дифференциации степени бюджетной самостоятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления посредством установления ограничений в зависимости от доли дотаций в собственных доходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, а не от применяемой в настоящее время в расчетах доли всех межбюджетных трансфертов субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям (за исключением субвенций и отдельных видов финансовой поддержки) в доходах соответствующих бюджетов.

Для субъектов Российской Федерации, являющихся получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, будут установлены ограничения по осуществлению внешних заимствований на международных рынках капитала и кассовому обслуживанию исполнения региональных бюджетов исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Одним из направлений реализации мероприятий по обеспечению сбалансированности и устойчивости бюджетов бюджетной системы Российской Федерации является совершенствование управления государственным долгом. В среднесрочной перспективе основной акцент по данному направлению будет сделан на поддержание умеренной долговой нагрузки (отношение государственного долга Российской Федерации к ВВП, не превышающее 15–20%), снижение расходов на обслуживание государственного долга (доля в общем объеме расходов федерального бюджета, не превышающая 10%) и развитие внутреннего рынка капитала.

Приоритетным направлением эмиссионной политики на внутреннем рынке капитала в планируемом периоде будет выпуск среднесрочных и долгосрочных государственных ценных бумаг. Эмиссия краткосрочных инструментов (до 1 года) рассматривается как исключительная мера, использование которой оправдано лишь в условиях крайне неблагоприятной рыночной конъюнктуры при отсутствии возможностей фондирования за счет эмиссии среднесрочных и долгосрочных государственных ценных бумаг.

На внутреннем долговом рынке будут реализованы и другие меры, направленные на создание наиболее комфортных условий для инвесторов, обеспечение регулярного, диверсифицированного по срокам предложения государственных облигаций, дальнейшее улучшение базы инвесторов за счет расширения линейки предлагаемых инструментов, повышение качества информационного сопровождения действий эмитента.

Будет продолжен мониторинг и оценка качества долговой политики субъектов Российской Федерации, по результатам которых будут выработаны меры, направленные на ограничение роста объема государственного долга субъектов Российской Федерации. Среди них можно выделить установление дополнительных ограничений к существующему предельному объему государственного (муниципального) долга, предельному объему заимствований субъектов Российской Федерации (муниципальных заимствований), по объему расходов на обслуживание государственного долга субъектов Российской Федерации (муниципального долга), а также дополнительные требования к повышению качества бюджетного планирования и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления за проведение неэффективной долговой и бюджетной политики.

Необходимо предусмотреть требования по представлению в законодательный (представительный) орган одновременно с проектом закона (решения) о бюджете субъекта Российской Федерации (бюджете муниципального образования) основных направлений долговой политики субъекта Российской Федерации (муниципального образования) на очередной финансовый год и на плановый период.

Более низкий посткризисный уровень располагаемых бюджетных ресурсов и необходимость сокращать дефицит бюджетной системы при возросших расходах социального характера делают невозможным сохранение существующей структуры бюджетных расходов, поэтому единственной возможностью обеспечения государственных услуг в нужном объеме, а также поддержки устойчивого экономического роста является повышение эффективности государственных расходов и корректировка их структуры в сторону увеличения «продуктивных» – при сокращении непродуктивных и низкоэффективных расходов².

Пристатейный библиографический список

1. Кокорев А. К., Кузык М. В. Повышение эффективности бюджетного финансирования. – М.: СЕРРА, 2014.
2. Суглобов А., Черкасова Ю., Петренко В. Межбюджетные отношения в Российской Федерации. – М.: Юнити-Дана, 2013.

² Суглобов А., Черкасова Ю., Петренко В. Межбюджетные отношения в Российской Федерации. – М.: Юнити-Дана, 2013. – С.120.

Расулова З. Д.

ОСНОВНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

В статье рассматривается одна из существенных слагаемых экономической преступности, которой является налоговая преступность, включающая, прежде всего, уклонение от налогообложения, которое в последние годы приобретает массовый характер и наиболее изощренные формы. Уход от уплаты налогов в современной России достигает таких масштабов, которые наносят серьезный ущерб экономической безопасности государства. Внимание, уделяемое налоговой преступности, обусловлено не столько ее масштабами, сколько тесной связью с другими преступлениями в экономической сфере. В условиях экономического кризиса отчетливо проявляется тенденция роста сокрытия налогоплательщиками прибыли (доходов), а также усиление воздействия криминального фактора на экономические отношения.

Ключевые слова: налогообложение, налоговая преступность, санкции, налоговая дисциплина, уклонение от уплаты налогов, налогоплательщик, налоговое право.

Rasulova Z. D.

KEY WORKAROUNDS FOR TAX EVASION

The article deals with one of the essential component of economic crime – the tax crime, including, in particular, tax evasion, which in recent years becomes widespread and obtains the most sophisticated forms. Tax evasion in Russia reached such proportions as to cause serious damage to the economic security of the state today. Attention to tax crime is attributed not so much to the extent of it as to the close ties to other crimes in the economic sphere. The economic crisis reveals a tendency of growing concealments of profit (income) by taxpayers as well as increased impact of criminal factor on economic relations.

Keywords: taxation, tax crime, sanctions, tax compliance, tax evasion, taxpayer, tax law.

Расулова З. Д.

В любые времена государство всегда было заинтересовано в создании и соблюдении правомерности налоговых отношений между налогоплательщиками и налоговыми органами. Эта заинтересованность позволяла пополнять доходную часть бюджета во всех уровнях власти. За нарушение правил поведения при возникновении налоговых отношений государство установило определенные санкции.

В любом государстве финансовый механизм закрепляет определенные права и обязанности за субъектами налогового права, устанавливая требования по уплате установленных налоговым законодательством налогов и сборов. Следовательно, налогоплательщик обязан следовать этим предписаниям и четко соблюдать законодательство о налогах и сборах. Уклонение от уплаты налогов является тяжким экономическим преступлением. Ответственность за уклонение от уплаты налогов имеет социальное основание, которое состоит в необходимости охраны общественных отношений в налоговой сфере.

Нарушение налоговой дисциплины затрагивает публичные интересы государства. Механизм сокрытия и неуплаты налогов напрямую связан с психологическими особенностями человеческого разума: налогоплательщик подсознательно готов сокрыть доход, т.к. не считает нужным уплачивать государству законно установленные платежи.

Однако многие причины уклонения от уплаты налогов имеют внешний характер. Так, нарушения налогового законодательства зачастую возникают из-за высоких налоговых ставок и низкого уровня жизни населения Российской Федерации. Несение ответственности за правонарушения в сфере налоговых выплат, кроме статей Налогового кодекса Российской Федерации, при определенных обстоятельствах также предусматривается административным или уголовным законодательством РФ¹.

Очень важно при квалификации налогового нарушения установление причинной связи между совершенным правонарушением и негативными опасными для общества последствиями, которые возникли в результате правонарушения. Если причинную связь установить не удастся, тогда становится невозможным привлечение к налоговой ответственности.

В объективной стороне налогового правонарушения определяют противоправные действия, если в них присутствуют действия или бездействие, содеянные в результате:

- действий налогового агента, плательщика налогов или других лиц;
- бездействия налогового агента, плательщика налогов или других лиц;

– наличия действий и бездействия – это противоправные действия со смешанной объективной стороной. К примеру, смешанным составом можно считать уплату не полностью или неуплату налога вследствие занижения налоговой базы, а также неверное начисление сумм налога, который нужно уплатить, когда перемещают товары через таможенную границу Российской Федерации; а также если индивидуальный предприниматель осуществляет деятельность, не зарегистрировавшись в налоговом органе.

1 января 2012 г. была дополнена глава 16 Налогового кодекса РФ, которой определяются виды налоговых правонарушений, а также ответственность за эти правонарушения; дополнения были внесены ст. 122.1, которая введена п. 35 ст. 1 Федерального закона № 321-ФЗ от 16 ноября 2011 г. «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков». Эта статья в качестве состава налогового правонарушения вводит факт сообщения участвующим в консолидированной группе налогоплательщиков неверных данных или несообщения данных ответственному

1 Ибрагимова А. Х. Правовая ответственность налоговых органов и налогоплательщиков при совершении налоговых преступлений //

налогоплательщику, что привело к неполной уплате или неуплате налога на прибыль предприятия ответственным участником. Подобные действия караются взысканием в виде штрафа в виде 20% от неуплаченной суммы налога.

В случае если подобные действия совершались лицом осознанно, то они квалифицируются как умышленные и караются штрафом в размере 40% от неуплаченной суммы налога. Для того чтобы наступила ответственность, нужно чтобы состав этого правонарушения был материальным, значение также имеют наступившие после этого последствия и объективная сторона этого правонарушения, выражающаяся в бездействии или действиях. Противоправные действия могут быть совершены как осознанно, так и по неосторожности, что касается субъективной стороны. А субъектом налогового правонарушения является участник консолидированной группы плательщиков налогов.

В последние годы на фоне общей тенденции по гуманизации уголовного законодательства в сфере экономики происходила и либерализация уголовной политики в области налогообложения. Наиболее существенным шагом в этом направлении стало принятие в 2009 г. Федерального закона 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В числе его новелл, прежде всего, нужно отметить то, что обязательным условием для отправки материалов налоговой проверки в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела является наличие вступившего в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (п. 3 ст. 32 НК РФ), при этом основанием для привлечения является установление факта нарушения решением налогового органа, вступившим в силу (п. 3 ст. 108 НК РФ).

На сегодняшний день уклонение от уплаты налогов является одним из самых распространенных и массовых правонарушений в Российской Федерации, так как оно сопряжено с построением отлично проработанных, высокоинтеллектуальных и законспирированных налоговых схем. В противовес тем, кто уклоняется от исполнения своего гражданского долга, современное российское государство повышает роль налоговых органов в правоотношениях с физическими лицами и организациями².

Кроме того, постоянно совершенствуются методики Федеральной налоговой службы по выявлению схем уклонения от уплаты налогов. Те налоговые инициативы, которые в последнее время проявляет Федеральная налоговая служба России, явно свидетельствуют об активизации борьбы налоговых органов с криминальными налоговыми схемами.

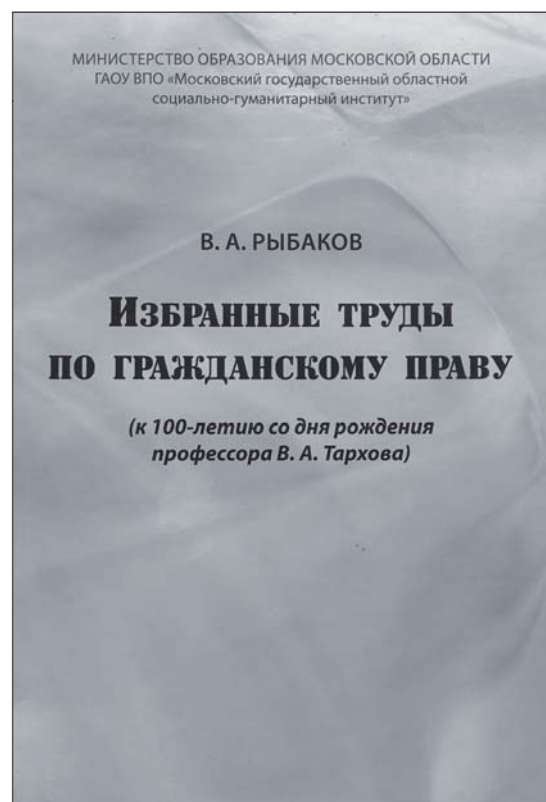
В связи с этим особую значимость приобретают меры, предпринимаемые государством для предотвращения налогового законодательства. Существует несколько способов борьбы с уклонением от уплаты налогов:

- совершенствование нормативно-правовой базы, дающее возможность закрыть вполне законные пути, используемые для уклонения от уплаты налогов;
- ужесточение санкций против нарушителей налогового законодательства;
- формирование современного комплекса организационных и правовых мер по предупреждению, контролю и пресечению ухода от налогообложения.

Финансовую безопасность можно обеспечить, создав определенные условия для работы финансовой системы, благодаря которым не будет возможности для незаконного использования финансовых средств, направления их и использования в незаконных областях. Организация экономических отношений должна обеспечивать накопление финансовых средств государства в таких размерах, которые позволят государству исполнять должным образом возложенные на него обязательства и стоящие перед ним задачи. Такие явления, как нестабильная финансовая система, плохо развитая инфраструктура рынка ценных бумаг, большой внутренний и внешний долг, неэффективная бюджетная и налоговая системы, упадок в сфере инвестиций, разбалансированное развитие макроэкономики и ее низкие показатели, являются большими рисками и угрожают финансовой безопасности страны.

Пристатейный библиографический список

1. Ибрагимов А. Х. Правовая ответственность налоговых органов и налогоплательщиков при совершении налоговых преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
2. Устинов А. А. Налоговых дел в судах стало больше // Российский налоговый курьер. – 2011. – № 19.

2 Устинов А. А. Налоговых дел в судах стало больше // Российский налоговый курьер. – 2011. – № 19.

Пирова Р. Н.
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются проблемы стоящие сегодня перед Российской Федерацией, связанные с системой налогообложения субъектов аграрной ниши отечественной экономики. При этом главным направлением движения должно быть снижение неясности изменений в модели налогообложения для производителей продукции сельского хозяйства.

Ключевые слова: налоговая модель, налоговая льгота, стимулирование инвестиционной системы.

Pirova R. N.
LEGAL MECHANISMS OF TAXATION OF THE AGRICULTURAL SECTOR

The article deals with the problems now facing the Russian Federation relating to the system of taxation of agricultural niches of the domestic economy. At the same time the main direction of movement must be to reduce the uncertainty of changes in taxation models for producers of agricultural products.

Keywords: tax model, tax exemption, encourage investment system.

Пирова Р. Н.

Главная задача налоговой модели в сельском хозяйстве на данном этапе – образование подходящих условий для экономического роста отрасли – всегда остается актуальной и фундаментальной. При этом главным направлением движения должно быть снижение неясности изменений в модели налогообложения для производителей продукции сельского хозяйства, а также налаживание ключевых принципов налоговой политики в сельском хозяйстве в контексте Государственной программы регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, продовольствия и сырья, и развития сельского хозяйства в целом.

Учитывая зарубежный опыт, специфику российского рынка, а также важность задействования стимулирующего аспекта налогообложения в сельском хозяйстве, можно предсказать несколько из ближайших тактических шагов (задач) развития налоговой политики в сельском хозяйстве:

- совершенствование ЕСХН;
- привлечение инвестиций в сегмент сельского хозяйства;
- экологическое налогообложение, стимулирование на более эффективное использование земельных ресурсов.¹

Мониторинг инструментов стимулирования инвестиционной системы аграрного налогообложения Российской Федерации, и особенностей протекания инвестиционных процессов в аграрной сфере отечественной экономики показал важность внесения следующих изменений для формирования благоприятного инвестиционного климата в АПК:

- использование налоговых льгот на инвестиции для единого сельскохозяйственного налога;
- усреднение налогов в течение нескольких лет для мелких предприятий;
- использование ускоренной амортизации для привлечения инвестиций в инновации, энергосберегающие и природоохранные технологии в сельском хозяйстве;
- внедрение налоговых льгот для промышленных и строительных предприятий, а также для компаний других отраслей, инвестирующих средства в развитие отрасли сельского хозяйства;

– снятие кредиторской задолженности по выплате налогов и обязательных платежей во внебюджетные социальные фонды для предприятий, в случае вложения финансов в реальные инвестиции;

– диверсификация налоговых льгот по продолжительности и размеру льготного периода в зависимости от количества инвестиций, периода окупаемости проекта и других видов инвестиций;

– увеличение количества производителей продуктов сельского хозяйства, для которых будут доступны повышающие амортизационные коэффициенты.

– для внедрения возможностей активного использования законодательной нормы налогового инвестиционного кредита существует вариант упрощения административного процесса его получения и применения;

– увеличения количества оснований для его выдачи;

– исключение ограничения суммы кредита 30% цены купленного организацией оборудования при техническом перевооружении производства или проведении НИОКР;

– повышение уровня информированности плательщиков налогов – потенциальных заемщиков о системе выдачи налогового инвестиционного кредита и вариантах его применения.

На наш взгляд современный вариант одновременного существования общей системы налогообложения и единого сельскохозяйственного налога является вполне оправданным, однако развитие этих двух систем налогообложения должно проходить по принципиально разным путям.

Общая налоговая система сейчас должна двигаться по направлению к многообразию используемых налоговых регуляторов, с целью организации максимально благоприятного климата для воплощения стимулирующей функции налогообложения. В этой ситуации самым оптимальным вариантом является установление высокого порога (по сравнению с действующим) необлагаемого налогами уровня дохода от сельского хозяйства, вместе с использованием всего имеющегося ассортимента мер налогового контроля для прибыльных и крупных производителей сельскохозяйственной продукции. Использование дифференцированных ставок по налогам даст возможность превратить их в эффективный инструмент косвенного управления в сельском хозяйстве.

1. Самылина Ю.Н. Налогообложение аграрного сектора: зарубежный опыт и отечественная практика // Тверской филиал МГУ. – 2014. – №4.

Единый сельскохозяйственный налог, наоборот, необходимо развивать по схеме максимального упрощения (упрощение учета, упрощение администрирования, легкость перехода и так далее). При этом имеется смысл найти возможность перейти с налогообложения прибыли к налогообложению земельных угодий. Подобная перестройка возможна только после того, как будут улучшены методики оценки земельных угодий в России.

Современная модель налогообложения аграрного сектора российской экономики имеет большое количество разных проблем, одной из которых до сих пор продолжает оставаться вполне ощутимая неопределенность в отношении понятия «сельскохозяйственные производители».

Определение сельскохозяйственных товаропроизводителей имеется в п. 2 ст. 346.2 НК Российской Федерации – это индивидуальные предприниматели и организации, выпускающие сельскохозяйственную продукцию, осуществляющие ее первичную и промышленную (последующую) переработку и реализующие данную продукцию, в случае, если в общем доходе от продажи товаров (услуг, работ) таких индивидуальных предпринимателей или организаций доля дохода от продаж произведенной ими сельскохозяйственной продукции, с учётом продукции ее первичной переработки, выпущенной ими из сельскохозяйственного сырья собственного производства или (и) выращенной рыбы, составляет не меньше 70 %.

Так как эта норма указывается в гл. 26.1 «Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей» Налогового Кодекса РФ, можно сделать вывод, что её задачей является только определение круга лиц, имеющих право на использование этого специального налогового режима.

В случае же установления правомерности использования отдельных налоговых льгот в целях выявления сельскохозяйственного товаропроизводителя нужно обращаться к другим законодательным правовым актам.

Следует указать и на проблемы, которые касаются возможности использования единого сельскохозяйственного налога субъектами аграрного сектора экономики. По ст. 346.2 НК Российской Федерации сельскохозяйственные товаропроизводители имеют право перейти на применение единого сельскохозяйственного налога только в том случае, если по результатам работы по окончанию календарного года, предшествующему году, в котором субъект подает просьбу по переходу на уплату ЕСХН, выручка от продажи сельскохозяйственной продукции (рыбы) была не менее 70 % общей выручки от продажи товаров (услуг, работ). По факту это означает, что на протяжении первого года работы сельскохозяйственные товаропроизводители не имеют никакой возможности использовать модель налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей. У многих специалистов и самих налогоплательщиков экономическая целесообразность такого исключения вызывает справедливые вопросы, учитывая то, что именно на первых этапах своей коммерческой деятельности сельскохозяйственные товаропроизводители больше всего нуждаются в помощи и поддержке. В связи неочевидностью этого момента, представляется важным разработать метод, который позволял бы использовать данный специальный режим налогообложения и в первый год коммерческой деятельности.²

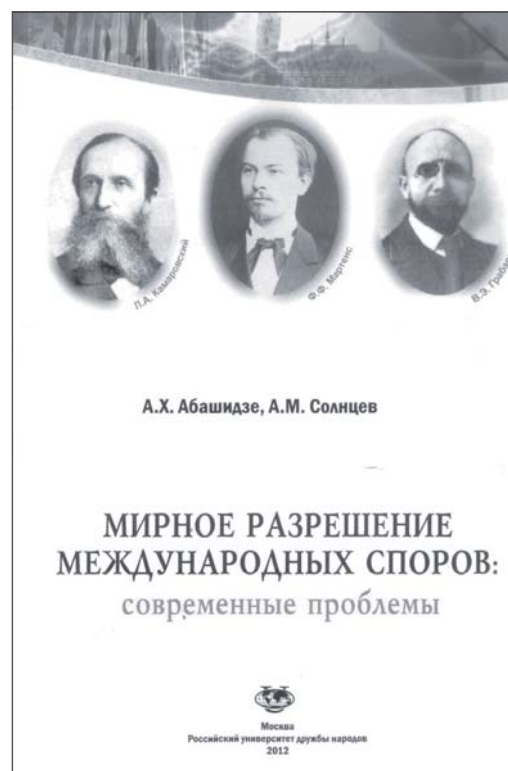
Модель перехода на специальный налоговый режим, который предусматривается ст. 346.3 НК Российской Федерации,

является не достаточно привлекательным для применения сельскохозяйственными производителями. Экономический субъект может получить право на использование ЕСХН в том случае, если доля выручки от продажи сельскохозяйственной продукции насчитывает не меньше 70 % от общего объёма всей выручки за отчётный период. Если по данному критерию будет несоответствие, выявленное по результатам деятельности за налоговый период, то закон обязывает предпринимателя перейти на общую модель налогообложения. В течение месяца после завершения налогового периода налогоплательщик должен осуществить перерасчет своих налоговых обязательств в соответствии с общей системой налогообложения, а также произвести оплату полученных сумм налогов.

С учётом возможных недостатков в процессе ведения налогового и бухгалтерского учета в сельском хозяйстве, период перехода с одного режима налогообложения на другой может оказаться достаточно трудным не только с фискальной точки зрения, но также и с организационной. Очевидно, что ставить в столь жесткие налоговые рамки производителей сельскохозяйственных товаров нет никакой необходимости.

Пристатейный библиографический список

1. Самылина Ю.Н. Налогообложение аграрного сектора: зарубежный опыт и отечественная практика // Тверский филиал МГУ. – 2014. – №4.
2. Никитина А.Х. Налоговые льготы для российских производителей сельскохозяйственной продукции // Налоги и налогообложение. – 2013. – №8.

2 Никитина А.Х. Налоговые льготы для российских производителей сельскохозяйственной продукции // Налоги и налогообложение. – 2013. – №8.

Мусина Д. Р., Соловьева И. А.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ
НА НЕФТЕПРОДУКТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрывается проблема регулирования ценообразования на внутреннем российском рынке нефтепродуктов. Описывается специфика данного товарного рынка, методы государственного регулирования, нормативно-правовая база. Особое внимание уделено методике расчета предельных оптовых цен, разработанной Комитетом по энергетической политике. Представлен результат исследования авторов на предмет соответствия фактических оптовых цен на нефтепродукты расчетным предельным ценам.

Ключевые слова: оптовая цена, розничная цена, ценообразование, нефтепродукты, государственное регулирование

Musina D. R., Soloveva I. A.
STATE REGULATION PRICING ON REFINING PRODUCTS IN THE RUSSIAN
FEDERATION

The article reveals the problem of regulation of pricing in the domestic market of oil products. In the article it was described the specifics of the commodity market, methods of state regulation, the regulatory framework. Particular attention is paid to the method of calculating the maximum wholesale prices developed by Energy Policy Committee. The authors presented the results of comparing the actual wholesale price with limit price.

Key words: wholesale price, retail price, pricing, petroleum products, government regulation

Вопросы ценообразования на нефтепродукты при поставках на внутренний рынок и на экспорт в условиях рыночной экономики, несомненно, являются прерогативой самих участников рынков. Вместе с тем перманентное повышенное внимание со стороны общественности и государственных регулирующих органов к вопросу ценообразования на внутреннем рынке нефтепродуктов обусловлено прежде всего сложившейся ситуацией на данном рынке, которая характеризуется постоянным повышательным трендом цен на продукцию нефтепереработки, несмотря даже на глобальное снижение цены сырья, олигопольным характером рынка, где вертикально-интегрированные компании (ВИНК) занимают свыше 90% оптового и свыше 50% розничного рынков, как следствие, трансфертным ценообразованием, созданием препятствий в доступе на рынок независимым участникам, а также систематическим нарушением антимонопольного законодательства¹. Яркой иллюстрацией последних двух фактов служат примеры краткосрочного повышения оптовых цен на нефтепродукты сбытовыми структурами ВИНК, что в свою очередь вынуждало независимых владельцев автозаправочных станций (АЗС) повышать розничные цены и, тем самым, делало их АЗС неконкурентоспособными, и волна нарушений антимонопольного законодательства: за 2008–2012 годы было рассмотрено более 450 дел на региональных рынках нефтепродуктов, касающихся необоснованного завышения компаниями розничных и отпускных цен в различных регионах страны.

Действующими методами государственного регулирования внутреннего рынка нефтепродуктов являются преимущественно методы прямого регулирования – экономические и административные. В частности, установление конкретных ставок акцизов на нефтепродукты относится к категории пря-

мых экономических методов регулирования, а установление штрафов за установление необоснованно высоких цен на нефтепродукты – к категории прямых административных методов². При этом экономические методы, как правило, направлены на решение экономических проблем, например, улучшение инвестиционного климата в отрасли, реструктуризация отрасли, формирование доходной составляющей госбюджета. В то время как административные методы призваны регулировать конкурентную среду в отрасли и на отдельных товарных рынках.

Действующая законодательная база, регулирующая деятельность участников внутреннего рынка нефтепродуктов в Российской Федерации, представлена такими нормативными документами, как Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федеральный закон № 45-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях». Летом 2014 г. Правительством РФ были утверждены федеральные законы, составляющие «четвертый антимонопольный пакет», которым устанавливаются четкие критерии признания цен монополично высокими.

Помимо нормативной документации некоторые компании по запросу ФАС разработали собственные рабочие документы, повышающие прозрачность ценообразования на рынке нефтепродуктов.

Мусина Д. Р.

Соловьева И. А.

¹ Презентация Д. Махонина «Антимонопольное регулирование рынков топлива – энергетического комплекса». http://fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_31197.html (дата посещения: 10.09.2015 г.).

² Мусина Д.Р. Ценообразование на рынке нефти и газа. Учебное пособие / Уфимский государственный нефтяной технический университет. – Уфа, 2009.

Таблица 1 – Расчет предельных цен на дизельное топливо

Показатель	2014 г.			
	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.
1 Средняя мировая цена, долл./т	923,5	920,5	879,8	457,0
2 Экспортная пошлина, долл./т	255,0	249,0	247,0	81,7
3 Курс рубля к доллару, руб.	35,0	35,0	36,2	55,0
4 Акциз, руб./т	5427,0	5427,0	5427,0	3450,0
5 Приведенная мировая цена, руб./т	33992,0	34136,8	33434,5	28428,0
6 Предельная отпускная цена НПЗ, руб./т	27194-40790	27309-40964	26748-40121	22742-34114
7 Фактическая отпускная цена НПЗ, руб./т	28806	28469	28132	24144
8 Фактическая отпускная цена НПЗ, руб./л	24,00	23,72	23,44	20,12
9 Предельная розничная цена, руб./л	27,84	27,52	27,19	23,34
10 Фактическая розничная цена, руб./л	29,2	30,7	31,5	32,1
11 Превышение фактической розничной цены над предельной, руб./л	1,36	3,18	4,31	8,76
12 Превышение фактической розничной цены над предельной, %	4,89	11,56	15,85	37,53

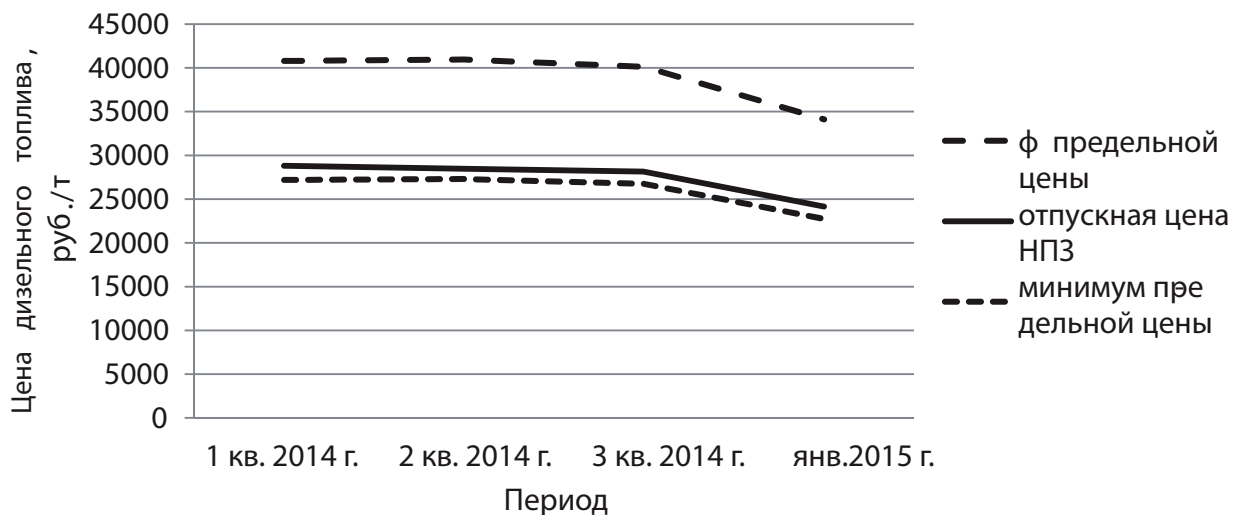

Рисунок 1 – Сравнение фактической отпускной цены башкирских НПЗ и интервала предельной цены на дизельное топливо

Рассмотрим, как формируются цены на нефтепродукты ПАО «Башнефть»³. Компания осуществляет оптовую реализацию нефтепродуктов на рынке РФ по следующим каналам: на биржевых торгах, через сбытовые общества, путем заключения прямых договоров поставки нефтепродуктов с третьими лицами. Производимые нефтепродукты компания распределяет по следующим каналам реализации: на биржевых торгах – не менее 10% от объема производимых нефтепродуктов; по прямым договорам третьим лицам оптом с НПЗ и мелким оптом с нефтебаз в регионах – не менее 20% от объема производства нефтепродуктов; дополнительно компания реализует не менее 10% по любому из вышеперечисленных каналов по собственному усмотрению; филиалам и сбытовым обществам реализует не более 60% от объема производства нефтепродуктов. При этом цены на нефтепродукты, поставляемые по прямым договорам, формируются исходя из значений следующих ценовых индикаторов: индексов цен внебиржевого внутреннего рынка;

биржевых индексов; экспортного паритета; приведенных к условиям сопоставимости по экономическим условиям сделок, включая приведение к базису поставки «франко-вагон станция отправления».

В последние годы вопрос разработки единой методики внутреннего ценообразования на внутреннем рынке нефтепродуктов активно обсуждается. В диалоге участвуют Министерство энергетики, ФАС, отраслевые организации и нефтяные компании. При этом главное – найти золотую середину – с одной стороны, не задушить свободное рыночное ценообразование, с другой стороны, сделать ценообразование прозрачным. Одной из заслуживающих внимание методик формирования цен на внутреннем рынке нефтепродуктов, по мнению авторов, является методика⁴, разработанная Комитетом по энергетике, которая рекомендует ФАС и сбытовым компаниям пользоваться расчетом предельных оптовых цен на нефтепродукты, формирующих некий «коридор» цен для участников оптового рынка. В продолжение проработки вопросов госу-

3 Порядок ценообразования и общие принципы реализации автомобильных бензинов на оптовых рынках на территории Российской Федерации. http://www.bashneft.ru/files/iblock/999/Procedura_FAS.pdf (дата посещения:10.09.2015 г.).

4 Позиция Комитета по энергетической политике о методике расчета цен на нефтепродукты. <http://www.cntd.ru/1000001073> (дата посещения:10.09.2015 г.).

дарственного регулирования нефтяной отрасли⁵⁶⁷ авторы проанализировали на примере ПАО «АНК «Башнефть», соответствовала ли в 2014 г. цена на дизельное топливо предельной цене, рекомендованной указанной выше методикой. Расчеты представлены в таблице 1, все показатели приняты на конец квартала, в четвертом квартале – на 01.01.2015 г.

Как видно из рисунка 1, фактическая отпускная цена башкирских заводов находится в рекомендованном методикой интервале предельной цены.

Вместе с тем, дальнейший расчет розничной цены, которая получена прибавлением к отпускной цене НПЗ торговой надбавки (принятой согласно данным Федеральной службы государственной статистики на уровне 16%) выявил значительное превышение фактических розничных цен над «предельными» – до 37,5% на начало 2015 г. Это свидетельствует о том, что методика Комитета по энергетике позволит ФАС контролировать не всю цепочку ценообразования ВИНК и компании будут обладать определенной свободой в формировании розничных цен. Подводя итог, хотелось бы отметить, что для того чтобы цены не были необоснованно высокими, необходимо создать реальную рыночную среду, подразумевающую здоровую конкуренцию за счет увеличения числа нефтеперерабатывающих заводов и повышения глубины переработки, формирующих предложение на рынке, и уменьшения числа посредников в розничной торговле.

Пристатейный библиографический список

1. Презентация Д. Махонина «Антимонопольное регулирование рынков топливно – энергетического комплекса». http://fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_31197.html (дата посещения: 10.09.2015 г.).
2. Бахтизин Р.Н., Верецагин А.С., Зайнетдинов Э.А. Нефть: история и политика. – Уфа, 2014.
3. Мусина Д.Р. Ценообразование на рынке нефти и газа. Учебное пособие / Уфимский государственный нефтяной технический университет. – Уфа, 2009.
4. Порядок ценообразования и общие принципы реализации автомобильных бензинов на оптовых рынках на территории Российской Федерации. http://www.bashneft.ru/files/iblock/999/Procedura_FAS.pdf (дата посещения: 10.09.2015 г.).
5. Гайсина Л.М. Социальная устойчивость российских нефтегазовых компаний в условиях кризиса // Вестник Башкирского университета. - 2011. – Т. 16. - № 4. – С. 1368-1371.
- 5 Мусина Д. Р., Соловьева И. А. Анализ экспортной политики РФ в сфере сбыта нефтепродуктов// В сборнике: Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика Сборник научных трудов по материалам 1 Международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», 2013.- С. 131-133.
- 6 Соловьева И. А., Макашева А. М. // Совершенствование экономического механизма государственного регулирования нефтегазового комплекса // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. № 2(7). С.1-19. <http://naukovedenie.ru/sbornik6/4.pdf> (дата посещения: 10.09.2015 г.).
- 7 Мусина Д.Р. Влияние налога на добычу полезных ископаемых на эффективность разработки нефтяного месторождения// Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 6 (74). – С. 69-76.

6. Бахтизин Р.Н., Верецагин А.С., Фурман А.Б. Битва за нефть. – Уфа, 2003.
7. Мусина Д.Р., Соловьева И.А. Анализ экспортной политики РФ в сфере сбыта нефтепродуктов// В сборнике: Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика Сборник научных трудов по материалам 1 Международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», 2013. – С. 131-133.
8. Соловьева И.А., Макашева А.М. // Совершенствование экономического механизма государственного регулирования нефтегазового комплекса // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. № 2(7). С.1-19. <http://naukovedenie.ru/sbornik6/4.pdf> (дата посещения: 10.09.2015 г.).
9. Мусина Д.Р. Влияние налога на добычу полезных ископаемых на эффективность разработки нефтяного месторождения// Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 6 (74). – С. 69-76.
10. Гайсина Л.М. Управление персоналом в российских компаниях нефтегазового комплекса: современные социальные приоритеты // диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук. - Уфа, 2009.

Гришин О. Е.

КОНСТАНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕХНОЛОГИИ РАЗРУШЕНИЯ

В статье анализируются некоторые подходы к пониманию константности политической системы. Это ее свойство рассмотрено в соотношении с устойчивостью и стабильностью, в противоположность вариативности и изменчивости. Сфокусировано внимание на технологиях разрушения постоянства политической системы при разных режимах и уровнях функционирования.

Ключевые слова: государство, политическая система, константность, вариативность, стабильность, жизнестойкость, устойчивость, политические технологии, технологии разрушения.

Grishin O. E.

CONSTANCY OF THE POLITICAL SYSTEM: TECHNOLOGY OF DESTRUCTION

The article analyzes approaches to understanding the constancy of the political system. This feature is considered in relation to sustainability, and stability, as opposed to the variability and volatility. The attention is focused on the technologies of destruction of constancy of the political system at different levels and modes of operation.

Keywords: state, political system, constancy, variability, sustainability, vitality, stability, political technologies, technologies of the destruction.

Гришин О. Е.

При исследовании политической системы, при раскрытии постоянства ее стабильного функционирования следует акцентировать внимание на алгоритмизированных способах и методах, позволяющих привести ее состояние к исходному или иному, как правило, позитивному качественному состоянию. Среди них выделяют достаточно эффективные технологии, направленные на восстановление функций политической системы и желательное оптимальное функционирование либо на дисфункционирование со стремлением к полному ее разрушению. В этой связи актуальным является изучение константности политической системы, особенно в контексте ее разрушения.

Константность (от лат. constantis) – постоянство, неизменяемость, напр. константность видов (в противоположность развитию), константность (неуничтожимость) субстанции¹. Субстанция (от лат. substantia – сущность) – в философском плане – нечто неизменное в противоположность меняющимся состояниям и свойствам; то, что существует благодаря самому себе и в самом себе, а не благодаря другому и в другом². С учетом пространственно-временных и иных характеристик (критериев) политическую систему, на наш взгляд, в определенной мере можно определить как субстанцию.

В свою очередь филологи отмечают дихотомию константность/вариативность, иногда употребляя и выделяя дихотомию стабильность/изменчивость, подчеркивающую понимание языка (в данном случае как системы) как динамического явления во временном пространстве³. Отталкиваясь от этого суждения, на наш взгляд, спроецируем его и на другие системы, в том числе и политическую.

Так, например, в контексте локальных политических систем В. Г. Ледяев, О. М. Ледяева⁴, М. А. Пономарева⁵, А. Е. Чирикова⁶ анализируют вариативность политических отношений. И. Г. Гомеров определяет критерии и способы сегментации состояний политической системы, выделяя уровни и компоненты состояний ее устойчивости и изменчивости⁷. Стабильность политической системы (ее элементов) рассмотрена в работах М. Г. Анохина⁸, Н. В. Ерофеевой⁹, Н. А. Трегубова¹⁰.

В научном сообществе в свое время было достигнуто согласие о том, что государство представляет собой «твердое ядро» политической системы, которое придает ему свой особый характер. Опустив слово «государство» из определения политической системы, было бы очень трудно четко отличить понятие политической системы от общества и других социальных систем¹¹. Некоторые политологи, говоря о государстве как ключевом элементе политической системы, выделяют его эффективность, оперируя термином «жизнестойкость». «...Цивилизационная модель эффективности (государства) на сегодняшний день показывает свою наи-

1 Константность // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 219.
2 Субстанция // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 440.
3 Лебедева А. А. Константность и вариативность как свойства языковой системы // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2014. – № 4. – С. 49.

4 Ледяев В. Г., Ледяева О. М. Легитимность и сила // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 11–18.
5 Пономарева М. А. Южные муниципалы в «центр-региональных» отношениях (вторая половина 1990-х – 2000-е годы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №5(11): Ч. 3. – С. 139–143.
6 Ледяев В. Г., Чирикова А. Е. Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С. 4–25.
7 Гомеров И. Н. Динамика политических систем: критерии сегментации базовых состояний // Политические институты и процессы. – 2014. – № 1. – С. 16–24.
8 Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1996.
9 Ерофеева Н.В. Современные информационные войны и их влияние на политическую стабильность государства // PolitBook. – 2015. – №2. – С.74-83.
10 Трегубов Н. А. Политическая система: принципы функционирования, условия стабильности, механизм трансформации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2008. – № 6 (106). – С. 107–111.
11 Rohe K. Politik. Begriff und Wirklichkeiten. – 2. Auflage. – Stuttgart, Berlin, Köln, 1994. – S. 129.

большую перспективность и жизнестойкость. Государства, имеющие в своей основе цивилизационную парадигму, обладают наибольшими шансами для эффективного развития и установления лидерских позиций»¹². Термин «жизнестойкость» близок по значению понятию «неуничтожимость». Также константность может трактоваться как устойчивость. Этому свойству политической системы посвящен определенный ряд работ, например М. Г. Анохина¹³, С. Э. Билюги, С. Ю. Малкова¹⁴, А. К. Сквикова. Последний исследователь, в частности, обращает внимание на диспропорции между заданным демократическим форматом в Конституции РФ и укреплением авторитаризма в результате выстраивания вертикали власти¹⁵. Существуют и другие методологические платформы исследования константности политической системы.

Политическая система – это динамический социальный процесс, который проходит в рамках отдельных сообществ, например, в государстве. Суть этого процесса заключается в обработке социальных импульсов для действия и политических решений. Из-за последовательности событий, явлений, цепей актов политической деятельности, возникают изменения, нарушающие либо восстанавливающие равновесие политической системы. В политической жизни мы сталкиваемся с постоянным процессом трансформации требований, поступающих со стороны окружения политической системы и, как правило, перетекающих в политические решения и действия¹⁶.

Политическая система может изменяться (процессы развития или стагнации) при константной тенденции искать поддержку своей стабильности. Сфокусируем внимание на понимании неуничтожимости политической системы. Для этого опишем ряд технологий разрушения политической системы, чтобы определить принципы сохранения ее постоянства.

Исследователи анализируют различные алгоритмизированные способы и методы частичного разрушения политической системы. Так, например, Г. И. Авцинова связывает это с экстремизмом, полагая, что отсутствие социальных лифтов, безработица, нарушение и несоблюдение закона на всех уровнях, социальная несправедливость и т.п. объективно формируют и несут потенциальную опасность для государства¹⁷. О. А. Нестерчук акцентирует внимание на использовании технологий информационно-психологического противоборства при принятии государственных решений с позиций устойчивости его манипулятивной функ-

ции массовым сознанием и поведением¹⁸. С. С. Жильцов же анализирует революционные трансформации в ряде постсоветских стран, выделяя при этом негативные изменения в политических системах этих государств¹⁹. М. А. Бочанов и Н. В. Проказина убедительно доказывают на примере Украины негативную роль олигархизации как фактора разрушения существующей политической системы²⁰. К. С. Даллакян, анализируя негативные стороны этноиммиграции, наглядно показывает отчужденность от участия в управлении национальным государством как элемент, способный навредить сложившейся политической системе²¹. Последнее мы наблюдаем в настоящее время в Европе. В данном процессе просматриваются некоторые алгоритмы. И, несомненно, негативный компонент в функционировании политической системы циклически вносят «нелегитимные» избирательные технологии²². Анализ показал, что существует несколько десятков технологий разрушения константности политической системы.

Таким образом, константность политической системы можно определить, как важное ее свойство, способствующее консервировать постоянство параметров ее функционирования в противовес развитию (позитивному или негативному). Основополагающими началами неизменяемости политической системы выступают:

- надежность, как свойство системы функционировать в заданных параметрах в конкурирующей среде определенный отрезок времени;
- адаптивность, как ее свойство частично изменять свои параметры с учетом поступательного движения в пределах прогнозируемых степеней свободы;
- неконфликтность в процессе взаимодействия элементов политической системы;
- регулятивность элементов политической системы;
- управляемость политической системы;
- автономность от других политических систем;
- преемственность политических элит;
- замкнутость принятия решений на единый центр.

Приведенный перечень принципов далеко не полон и требует своего дополнения.

Современная исследовательская политологическая задача состоит в дальнейшем изучении константности политических систем. Поводом для этого служат драматические события в бывшей Югославии, Ираке, Египте, Ливии, Украине, Сирии и т.п. Технологии разрушения постоянства политической системы необходимо изучать и для того, чтобы выработать эффективные средства защиты и борьбы с ними.

12 Понеделков А. В., Старостин А. М., Атоян Ш. М. Трансформация регистров эффективности государства: от социально-экономической к цивилизационной // *Власть*. – 2015. – № 6. – С. 45.

13 Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теорет.-прикладн. анализ). – М.: Агентство «Инфомарт», 1996.

14 Малков С. Ю., Билюга С. Э. Модель устойчивости / дестабилизации политических систем // *Информационные войны*. – 2015. – № 1(33). – С. 7–18.

15 Сквикова А. К. Институциональные преобразования в российской политической системе // *Управление мегаполисом*. – 2010. – № 4. – С. 131–136.

16 Донай Л. Технологизация политических процессов – путь в светлое будущее? или к хаосу? // *Youth. World. Politic.* – 2014. – № 2. – С. 74.

17 Авцинова Г. И. Молодежный экстремизм в современной России: политика противодействия // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. – 2012. – № 10(110). – С. 12–17.

18 Нестерчук О. А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // *PolitBook*. – 2015. – № 2. – С. 84–103.

19 Жильцов С. С. Революционные волны на постсоветском пространстве // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2005. – № 6 (42). – С. 7–13.

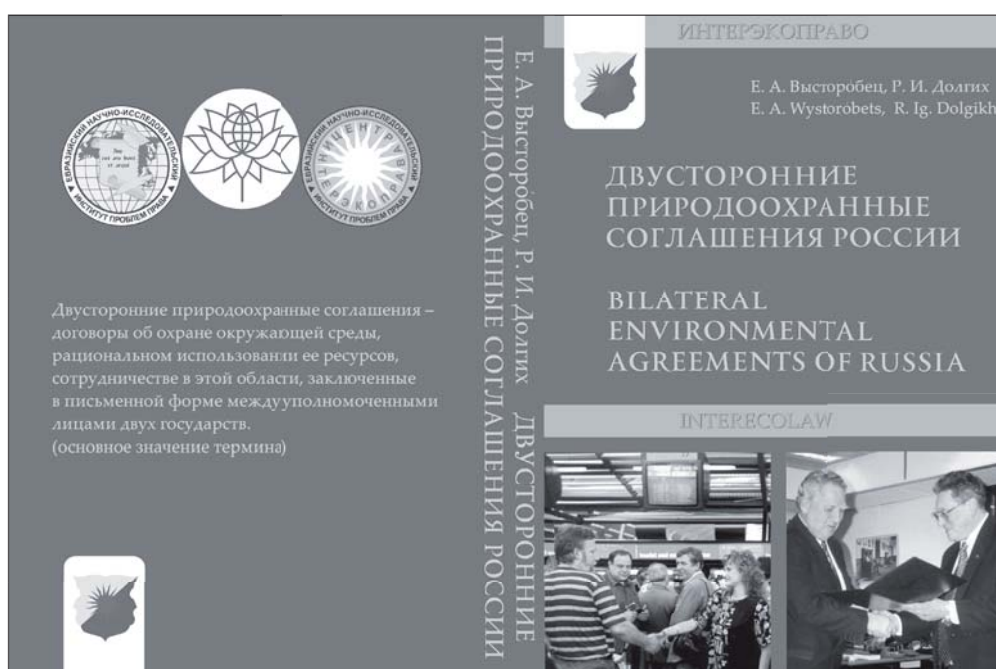
20 Бочанов М. А., Проказина Н. В. Политический процесс современной Украины – управление хаосом? // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2014. – Т. 6. – № 6-2(28). – С. 21–26.

21 Даллакян К. С. Этноиммиграция: сравнительный анализ // *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*. – 2014. – № 203. – С. 122–127.

22 *Власть. Политика. Технологии* // Под общ. ред. Ю. И. Матвеевко, М. Ю. Мизулина. – М.: ДиАр, 2002. – С. 241–250.

Пристатейный библиографический список

1. Константность // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.
2. Субстанция // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.
3. Лебедева А. А. Константность и вариативность как свойства языковой системы // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2014. – № 4.
4. Ледаев В. Г., Ледаева О. М. Легитимность и сила // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2.
5. Пономарева М. А. Южные муниципалы в «центр-региональных» отношениях (вторая половина 1990-х – 2000-е годы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5(11): Ч. 3.
6. Ледаев В. Г., Чирикова А. Е. Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. – № 3.
7. Гомеров И. Н. Динамика политических систем: критерии сегментации базовых состояний // Политические институты и процессы. – 2014. – № 1.
8. Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1996.
9. Ерофеева Н. В. Современные информационные войны и их влияние на политическую стабильность государства // PolitBook. – 2015. – № 2.
10. Трегубов Н. А. Политическая система: принципы функционирования, условия стабильности, механизм трансформации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2008. – № 6(106).
11. Rohe K. Politik. Begriff und Wirklichkeiten. – 2. Auflage. – Stuttgart, Berlin, Köln, 1994.
12. Понеделков А. В., Старостин А. М., Атоян Ш. М. Трансформация регистров эффективности государства: от социально-экономической к цивилизационной // Власть. – 2015. – № 6.
13. Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теорет.-прикладн. анализ). – М.: Агентство «Инфомарт», 1996.
14. Малков С. Ю., Билюга С. Э. Модель устойчивости / дестабилизации политических систем // Информационные войны. – 2015. – № 1(33).
15. Сквоиков А. К. Институциональные преобразования в российской политической системе // Управление мегаполисом. – 2010. – №4.
16. Донай Л. Технологизация политических процессов – путь в светлое будущее? или к хаосу? // Youth. World. Politic. – 2014. – № 2.
17. Авцинова Г. И. Молодежный экстремизм в современной России: политика противодействия // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 10(110).
18. Нестерчук О. А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. – 2015. – № 2.
19. Жильцов С. С. Революционные волны на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 6 (42).
20. Бочанов М. А., Проказина Н. В. Политический процесс современной Украины – управление хаосом? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т.6. – № 6-2(28).
21. Даллакян К. С. Этноиммиграция: сравнительный анализ // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2014. – № 203.
22. Власть. Политика. Технологии // Под общ. ред. Ю. И. Матвеевко, М. Ю. Мизулина. – М.: ДиАп, 2002.

Ибаев Р. К.

ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье раскрывается тот факт, что долгие годы социальное государство практически не создавалось, советское государство являло собой вершину справедливого государственного устройства, не нуждающегося в каком-либо научном обосновании. Также нельзя обойти стороной тот факт, что в данный момент социальное государство создается весьма медленными темпами, в условиях весьма противоречивого и не всегда удачного реформирования российской государственности.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, социальная защита, экономические реформы, социально-экономические права.

Ibaev R. K.

OBJECTIVES OF SOCIAL STATE BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article deals with the fact that for many years the welfare state was almost never being created, the Soviet state was the pinnacle of a just government, needing no scientific justification. In addition, one cannot ignore the fact that at present social state is being created in a very slow pace, under the conditions of a very controversial and not always successful reformation of the Russian state.

Keywords: social policy, welfare state, social security, economic reform, social and economic rights.

Ибаев Р. К.

В последние годы Россия развивалась с большими социальными издержками. Этот процесс развития проходил крайне сложно и противоречиво. Социальная политика развивалась по остаточному принципу, несмотря на взаимосвязь ее с экономической политикой. Теперь, когда экономика становится все более стабильной, складываются условия для осуществления целей и задач социального государства. Вот почему «для того, чтобы страна была богатой и сильной, надо все сделать для нормальной жизни каждого человека, человека, создающего качественные товары и услуги, создающего культурное достояние державы».

Статус социального государства Российской Федерации закреплен ст. 7 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г.

«Российская Федерация, — как гласит Конституция РФ, — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». С этого времени проблематика социального государства начала постепенно входить в научный и политический оборот.

Также актуальность данной статье придает тот факт, что долгие годы социальное государство практически не создавалось, советское государство являло собой вершину справедливого государственного устройства, не нуждающегося в каком-либо научном обосновании. Нельзя обойти стороной тот факт, что сегодня социальное государство создается весьма медленными темпами, в условиях весьма противоречивого и не всегда удачного реформирования российской государственности.

Становление новой системы демократии происходит в нашей стране с большими издержками: политическими, экономическими, а также человеческими. В стране процветают бедность, даже можно сказать нищета, сельские хозяйства разрушены, также разруха не обошла и многие отрасли промышленности, процветают казнокрадство, коррупция, теневые схемы хозяйствования, а также преступность. Постоянно растут цены на товары и услуги, однако заработная плата при этом не увеличивается, или увеличивается, но несоразмерно увеличенным ценам, месяцами может не выплачиваться заработная

плата, деградирует коммунальная отрасль — все это вызывает падение благосостояния, сокращает уровень и продолжительность жизни, что в свою очередь приводит к недовольству властями, к забастовочным выступлениям.

Итак, согласно Конституции, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В России охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный МРОТ, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Рассмотрим цели социального государства:

- сглаживание социального неравенства;
- помощь слабым (неимущим);
- влияние на распределение социальных благ по принципу справедливости (рост благосостояния);
- обеспечение равных и справедливых возможностей для развития личности.

Рассмотрим направления социальной политики:

- охрана труда и здоровья: цель — полная занятость населения независимо от пола, национальности; оплата обучения, переквалификации; пособия по безработице — ФЗ «Об основах охраны труда в РФ» от 17 июля 1999 г. — приоритет жизни и здоровья работников, государственное управление охраной труда;
- поддержка семьи, материнства, детства, отцовства, инвалидов и пожилых граждан, детей-сирот;
- установление социальных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты — ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» от 15 декабря 2001 г.; решение проблемы бедности, которая все больше перерастает в проблему нищеты.
- развитие системы социального обслуживания;

Принцип социального государства закреплен в ст. 7 Конституции РФ.

Назначение социального государства, согласно Конституции РФ, состоит в проведении политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Смысл принципа социального государства состоит в том, что оно стремится к некоторому уравниванию людей в их социальном положении за счет перераспределения государственных доходов (прежде всего, поступлений от налогов), сглаживанию негативного эффекта от имеющегося в обществе социального расслоения.

Основные конституционные характеристики данного принципа:

1) цели государственной социальной политики — обеспечение достойной жизни и свободного развития человека.

2) основные направления государственной социальной политики Конституция РФ также относит к основам конституционного строя.

3) реальность существования социального государства напрямую зависит от его материальных возможностей создания условий для осуществления провозглашенных целей обеспечения достойной жизни и свободного развития. Государство, постоянно находящееся в нестабильной экономической и политической обстановке, не может обеспечить и гарантировать принцип социальной государственности. Поэтому закрепленная в российской Конституции констатация того, что Российская Федерация — социальное государство, остается пока, к сожалению, всего лишь фикцией и ее надо рассматривать как цель, программную установку, к которой должно стремиться наше государство.

Следует отметить, что между социальным государством и конституционным требованием защиты личной свободы существует противоречие в российском государстве, впрочем, как и в любом демократическом государстве. Это противоречие возникает за счет вмешательства государства в личную жизнь граждан. Поэтому в социальном государстве удовлетворение желаний граждан возможно настолько, насколько это не противоречит сущности социального государства.

Одной из основных целей развития российского государства является построение социальной государственности. Однако на сегодняшний день наше государство находится только на начальном этапе построения такого государства. Необходимы новые формы социальной защиты граждан, для этого в стране проводится экономическая реформа, в задачи которой входит создание механизма рыночного хозяйства, опираясь на который можно найти такие формы и решить проблему социальной защиты граждан. Однако эти задачи решаются медленно.

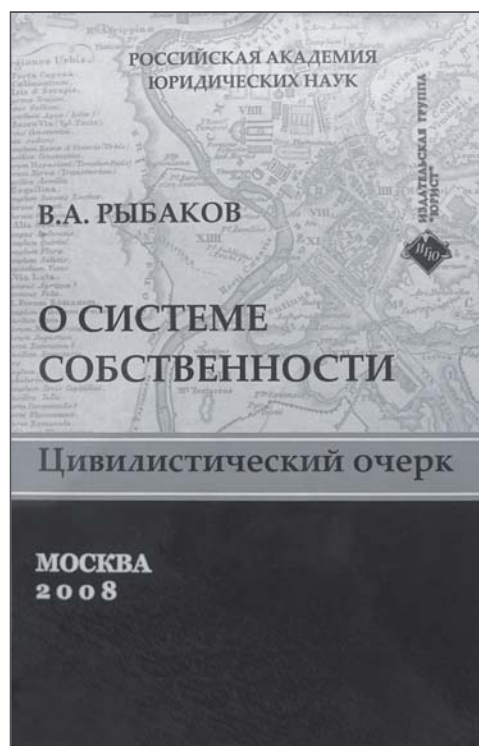
В результате этого проблема бедности остается неизменной, и, можно даже сказать, что перерастает в проблему нищеты. Постоянно растет количество граждан, пересекающих черту бедности. Все большее различие можно заметить между богатыми и бедными слоями населения. Расслоение населения носит стихийный характер, так как влияние государства на него практически незаметно. Структурная перестройка, конверсия оборонных производств, банкротства обостряют и без того сложную ситуацию с занятостью населения.

Также плачевное состояние с оплатой труда (цена труда ниже мирового уровня), в то время как цены на продукты близки к мировым — это обусловлено отсутствием социальной ориентации экономической реформы. Права граждан также нарушает несвоевременная выплата или неполная выплата заработной платы, а также пенсий и пособий, что стало практически традицией в нашей стране. Также снижается эффективность социального обеспечения населения.

Таким образом, о России как о социальном государстве вполне можно будет говорить только тогда, когда она добьется продвижения по рассмотренным выше направлениям, когда будут рассмотрены конституционные нормы, определяющие социально-экономические права человека в России.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Проблемы социализации детей и сирот, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период (социально-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 7. — С. 295-297.
2. Ибаев Р. К. Характер развития системы права и системы законодательства в отечественной юридической науке // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
3. Каслс Ф. Дж. Собака, которая не залаяла: экономическое развитие и послевоенное государство благосостояния // Pro et Contra. Человек в социальном государстве. Лето 2001.
4. Керимов Д. А. Социальное государство // Право и образование. — 2007. — № 3.
5. Клименко А. И. Контексты понимания категории «социальное государство» в юридической науке // Право и образование. — 2008. — № 11.
6. Крылова Е. Г. Социальное государство — конституционная характеристика правового государства // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2007. — № 2.
7. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система — общие вопросы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
8. Перевалов В. Д. Теория государства и права: Учебник. — М.: Высшее образование, 2008.

Лабыгина А. В.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ*

В представленной статье автор рассматривает динамику развития концепции «социального государства» в работах отечественных и зарубежных ученых, а также основные этапы ее нормативно-правового закрепления.

Автор обосновывает реальность данной стратегии развития отечественного государства прежде всего ее универсальностью.

Ключевые слова: социальное государство, гражданское общество, социальная политика, социальное развитие, социальное реформирование, социальный и экономический прогресс.

Labygina A. V.

THE INSTITUTIONALIZATION OF THE WELFARE STATE IN THE CONTEXT OF THE HUMAN RIGHT TO A DECENT LIFE: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

In the present article the author examines the dynamics of the development of the concept of "social state" in the works of domestic and foreign scientists, as well as the main stages of its legal confirmation.

The author substantiates the reality of such development strategy of the state, especially its versatility.

Keywords: welfare state, civil society, social policy, social development, social reform, social and economic progress.

Лабыгина А. В.

Согласно ст. 7 Конституции РФ: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека...»¹.

События последних десятилетий, происходящие в России, сделали очевидными общественный запрос на сильную социальную политику с одной стороны, с другой – отсутствие тривиального ответа на этот запрос. Стало более чем очевидно, что проблема правового обеспечения и реализации социальной политики государства неразрывно связана с его социальной функцией.

В настоящее время в правовой науке существуют различия в трактовке доктринальных основ концепции «социального государства», что естественным образом не может не оказывать влияния на реализацию данной концепции в нормативно-правовой и политической практиках. Именно отсутствие определенности в концептуальных началах во многом осложняет выбор тактики и стратегии развития России как социального государства.

Однако указанные проблемы не должны послужить основанием для отказа или ослабления развития Российского государства в данном направлении. Как справедливо отмечает ряд авторов, в том числе и Е. А. Лукашева, «социальное государство – одно из важнейших достижений человеческой мысли, впитавшее озарения древних мыслителей, деятелей эпохи Возрождения, блистательные концепции, возникшие в эпоху Просвещения»². Это «одна из великих идей цивилизационно-

го развития, сыгравшая неоценимую роль в предотвращении социальных конфликтов, гармонизации общественных отношений, установлении разумных параметров воздействия государства, общества и человека»³.

Понятие социальной государственности возникло в конце XIX – начале XX в. и было связано с новыми качествами государства, отличными от модели либерального правового государства.

Вопрос о взаимоотношения государства и человека в условиях свободной рыночной экономики нередко становился в центре противостояния представителей различных течений экономической и политико-правовой мысли буржуазного общества.

Сторонники теории индивидуальной свободы человека (А. Смит, С. Милль, Б. Констант, Дж. Локк) ставили ее выше равенства. Главным условием обеспечения такой «негативной» свободы они считали невмешательство государства в экономику.

Высокую ценность классического либерализма XVIII в. подтвердило развитие частного предпринимательства в буржуазных государствах и, в конечном итоге, упрочнение их экономической мощи.

Однако уже в конце XIX в. обнаружилось негативные последствия реализации идей либерализма и индивидуализма. Стали все ярче проявляться классовые противоречия в обществе, резкая поляризация между богатством и бедностью, что, в свою очередь, могло привести к социальному взрыву.

«По мере развития буржуазного общества понятие индивидуализма обеднялось, стало ассоциироваться со своеволием и эгоизмом. Гиперболизация индивидуальных потребностей и пристрастий неизменно приводит к нравственным и социальным деформациям общества, резкой противоположности и противоборству интересов различных его слоев и групп. Исчезает чувство их взаимосвязанности, ответственности и солидарности»⁴.

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научно-исследовательского проекта РГНФ, проект №14-33-01344 а2

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс».

2 Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография. – М., 2014. – С. 4.

3 См. там же. – С. 11.

4 См. там же.

Индивидуализм сформировал человека, «одержимого стремлением к выгоде, прибылям и богатству, сметающего на пути к ним все социальные помехи и нравственные ценности...»⁵.

Как уже ранее указывалось, в конце XIX, а особенно в начале XX в. представители либеральных течений стали ощущать кризис идей индивидуализма и классического либерализма. На фоне резкой поляризации общества и увеличения степени фактического неравенства людей, а также широкого распространения и признания марксистской доктрины, ориентированной на социалистическую революцию, происходило возрастание противоречий и напряженности в обществе. В связи с этим представителями нелиберальной идеологии было выдвинуто новое «позитивное» понимание свободы. По словам П. И. Новгородцева: «Положительное понимание свободы представляло собой целый переворот понятий, который знаменует новую стадию в развитии правового государства»⁶. Теперь органы государственной власти «должны не только воздерживаться; они должны действовать, и эта обязанность переводится в юридическую обязанность обеспечить обучение и гарантировать труд»⁷.

Таким образом, устанавливая новые параметры отношений между государством и человеком, утверждая достоинство личности, возникла идея социального государства, которая получила широкое развитие и признание во второй половине XX в.

Среди представителей отечественной дореволюционной мысли идея усиления социальной роли государства нашла поддержку в работах В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского.

Отечественными мыслителями была выдвинута идея «права человека на достойное существование, реализация которого связывалась с осуществлением социальных реформ»⁸.

Б. А. Кистяковский подчеркивал, что «с развитием социально-философского и юридического анализа в новых исторических условиях возникает убеждение в том, что наряду с гражданскими и политическими правами должны быть поставлены и права социальные, наряду со свободой от вмешательства государства в известную сферу личной жизни и правом на участие в организации и направлении государственной деятельности должно быть поставлено право каждого гражданина требовать от государства обеспечения ему нормальных условий экономического и духовного существования»⁹.

К спорам, ведущимся между буржуазными либералами (классическими и новыми) и консерваторами, активно подключился марксизм, используя в этих целях свои аргументы, резко не совпадающие ни со сторонниками, ни с противниками реформ. «В основе борьбы марксизма с реформизмом лежала идея о невозможности улучшить положение трудящихся при сохранении буржуазного строя... ибо реформы в

рамках буржуазного строя существенно изменить положение трудящихся не могут»¹⁰.

Несмотря на сложившееся противостояние, история опровергла марксистские идеи установления всеобщего равенства и справедливости путем революционного насилия. Однако поляризация мнений относительного того, должно ли государство устранять «несправедливость», порождаемую рыночными отношениями, сохранилась.

Тем не менее можно констатировать, что в результате длительного господства в политике и экономике большинства развитых государств идей крайнего индивидуализма и рыночной свободы со всеми негативными последствиями, с одной стороны, и упорного противостояния им идеи социального государства, с другой, стало очевидно, что «негативная свобода», «невидимая рука рынка» – не более чем «миф, который не может дать обществу ни справедливости, ни обеспечения достойной жизни человека, подрывая солидарность и сплоченность общества»¹¹.

Определение перспектив экономического и социального развития стало необходимым условием устойчивости общества и государства.

На смену традиционному идеологическому противостоянию сторонников «жесткого рынка» и сторонников «социального реформирования государства» приходят процессы конвергенции, стремление сбалансировать рыночные начала и государственную социальную поддержку, поскольку все более становятся необходимы действенные механизмы предотвращения конфликтов и раскола общества.

В связи с этим французский экономист П. Розанваллон отметил, что углубление социальных противоречий заставило пересмотреть нелиберальные позиции относительно минимизации роли государства в воздействии на экономику, которые «вышли из моды»¹².

В настоящее время идея социального государства получает все большее признание. Принцип социального государства и его неразрывная связь с социальными, экономическими и культурными правами в той или иной форме выражены в конституциях Германии, Франции, Швеции, Греции, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Турции и др. Он нашел свое воплощение в важнейших международных правовых документах – Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Ключевым является положение, сформулированное в п. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам». Данный принцип развит в п. 1 ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, обязывая государства к социальной ориентации их деятельности: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий

5 Хайек Ф. А. Индивидуализм истинный и ложный // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М., 2000. – С. 385–409.

6 Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. – М., 1909. – С. 340.

7 Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. – М., 1909. – С. 72.

8 Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. – М., 1909. – С. 310–353.

9 Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – М., 1998. – С. 288.

10 Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография. – М., 2014. – С. 4.

11 См. там же.

12 Розанваллон П. Новый социальный вопрос. – М., 1997.

жизни. Государства-участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии»¹³.

Таким образом, вопрос о необходимости социальной ориентированности государства, постепенном гарантировании прав «второго поколения» признается международным сообществом. Однако далеко не все государства сегодня могут реально обеспечить все важнейшие права этой группы. Основная причина – состояние экономики. Социальная функция может осуществляться в полном объеме лишь при высоком уровне экономического развития, позволяющем разумно перераспределить средства и ресурсы, сохраняя свободу рыночных отношений и предпринимательства.

В практике современных государств, даже высокоразвитых, существуют большие трудности, связанные с обеспечением социально-экономических и культурных прав. Так, например, в условиях частного предпринимательства, при котором государство не распоряжается трудовыми ресурсами, безработица неизбежна. Поэтому задача государства видится в минимизации ее неблагоприятных последствий: добиваться роста занятости; создавать новые рабочие места; выплачивать пособия по безработице.

Вышеперечисленные и множество других мер требуют постоянного внимания и содействия государства.

Идеи социальной государственности и гарантированности социально-экономических и культурных прав, в свою очередь, требуют стратегического плана социальной политики, социальных программ и постоянных усилий государства, гражданского общества и личности.

Как справедливо замечает А. Е. Лукашева: «Формирование социальной государственности – процесс непрерывный и постоянный, требующий реакции на вновь возникающие ситуации и в экономике и в политике, и в нравственности. Возможности государства в проведении социальных реформ не безграничны. Одни социальные проблемы слишком сложны, чтобы их решить законодательным путем, другие слишком тонки и неуловимы, а третьи во многом зависят от нравственных причин... Проявляя заботу о повышении социального статуса граждан, государству необходимо соблюдать меру, которая воспрепятствовала бы освобождению индивида от личной ответственности за свою судьбу и судьбы своих близких»¹⁴.

Опыт развития социальных государств запада показал, насколько трудно достигнуть баланса между рыночной свободой и воздействием государства на экономику.

Поиск баланса, позволяющего сочетать непрерывный экономический рост с расширением социальных функций государства – одно из наиболее важных направлений общественной мысли в современном мире, когда новые ситуации и гуманитарные идеалы не могут найти опоры в существовавших ранее доктринах. Отсюда и неугасающий интерес к идее «социального государства» в современной науке, где наряду с приверженностью к нелиберальным концепциям четко обозначаются подходы, основанные на стремлении утвердить в обществе принципы справедливости, проявляющиеся, прежде всего, в теоретическом обосновании курса социальных реформ, социальных программ государства, «социального качества жизни».

В контексте рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживает теория справедливости Дж. Ролза, которая отстаивает идею «государства благосостояния», соответствующие перспективы и социальную политику, основанную на перераспределении доходов, по возможности большего их выравнивания средствами, которые принимаются людьми сознательно и добровольно в результате общего согласия, договора»¹⁵.

Несмотря на некоторую утопичность и морализаторство, в котором упрекают Ролза теоретики неконсервативного толка, моральную направленность его теории «справедливости как честности» нельзя недооценивать, поскольку она ориентирует на решение острых проблем общества.

В целом, важно отметить, что поиск путей утверждения справедливости имеет давние традиции. Так, например, Л. Дюги в своей теории социальной солидарности, уже в начале XX в. считал, что пришло время гибкого и гуманного политического строя, охраняющего индивида. Этот строй должен покоиться на двух элементах: на понятии социальной нормы, обязательной для всех и объединяющей всех членов общества, и федерализме классов, организованных в синдикаты, которые будут соединены с центральной властью, обладающей функциями, не сводящимися к контролю и надзору, а имеющими положительные обязанности, связанные с оказанием помощи, обучением, страхованием от безработицы»¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о социальной роли государства – не только политический, юридический, но и нравственный, и потому сводить все проблемы взаимоотношений государства и гражданина к формальным юридическим аспектам нельзя.

В правовой науке существует устойчивое мнение о том, что возрастание роли государства в развитии экономики противоречит первоначальному замыслу правового государства как образования, ограничивающегося ролью «ночного сторожа», и потому ведет к отрицанию самой сущности правового государства.

В этой связи автор выражает свое согласие с позицией А. Е. Лукашевой, которая предлагает рассмотреть данную проблему исходя из сущности правового государства в единстве всех его признаков: приоритет прав человека; построение государственной и общественной жизни на принципе верховенства права; разделение властей; взаимная ответственность индивида и государства. Второе поколение прав человека, включаясь в систему приоритетов государства, обязывает его принимать меры по обеспечению этих прав. Обогащение каталога прав человека дает импульс развитию новых функций государства, новых направлений его деятельности.

Таким образом, социальное реформирование следует рассматривать как новую стадию развития правового государства, стремление преодолеть резкую поляризацию различных слоев общества, гуманизировать социальные условия жизни. Соотношение правового и социального государства, в свою очередь, следует рассматривать не как антитезисы, а как диалектику развития государства, признающего приоритет прав человека и определяющего в соответствии с этим формы и методы своей деятельности.

В настоящее время именно принципы правового государства, уже сформировавшиеся и вошедшие в реальную практику, помогают удерживать процесс становления социального

13 Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах»// СПС «КонсультантПлюс».

14 Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография. – М., 2014. – С. 19.

15 Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995. – С. 27.

16 Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. – М., 1909. – С. 72.

государства в определенных границах, не ущемляя свободы одних и не снимая ответственности за свою судьбу с других.

Ответственность государства за предоставление каждому гражданину прожиточного минимума, это лишь начальная стадия развития социального государства, и тем не менее даже она ведет к высокому объему социальных расходов современных развитых государств.

Дополнительные пособия по безработице, право на получение образования, жилье, доступ к культурным ценностям, возможны только в условиях высокоразвитой инновационной экономики, с одной стороны, и консолидации общества, устранения резких социальных неравенств, с другой, но очевидно, что даже эти условия не гарантируют социального благоденствия всех граждан.

Таким образом, развитие социального государства – не однолинейное поступательное движение, а сложный и противоречивый процесс, в котором есть свои успехи и неудачи, взлеты и падения. На уровень социальности государства немалое влияние оказывают политическая ориентация правительств, соотношение политических элит общества.

С другой стороны, проблемы социальной обеспеченности нередко играют решающую роль при проведении выборов в представительные органы, в предвыборной борьбе за пост президента и т.д. Поэтому социальное государство, задача которого – создание условий и принятие ответственности за реализацию прав человека «второго поколения», оказывает самое непосредственное воздействие на осуществление всего комплекса прав и свобод человека.

«Настоящие истинные цели государства... заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого, ценно всем людям. Государство само по себе есть пространственно самая обширная и внутренне всеобъемлющая форма... солидарности между людьми, и вместе с тем оно ведет к созданию и выработке наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности... Общее благо – вот формула, в которой выражаются цели и задачи государства»¹⁷.

Видится, что только в рамках концепции правового социального государства, цель которого – защита прав и свобод человека, обеспечение его достоинства, возможно проявление всеобъемлющей солидарности людей.

Современное социальное государство давно перешагнуло границы его понятий, назначения, функций, существовавших на ранних этапах его возникновения и развития. В момент институционализации социального государства в нормах международного права, а также в основных законах большинства развитых стран (вторая половина XIX в. – 90-е гг. XXв.) речь шла о минимальных социальных стандартах, цель которых – поддержать «социально слабые» слои населения, оказать им помощь в неблагоприятной жизненной ситуации.

В конце XX – начале XXI в., в связи с глобальными изменениями в характере экономики, инновационным характером ее развития, определившим необходимость инвестирования в человеческий капитал, социальное назначение государства видоизменяется. Большинство развитых стран важнейшее его назначение видят в обеспечении «социального качества жизни».

Указанное понятие основано на принципе человеческого развития, выдвинутом программой развития ООН в 1990 г. Именно нераздельность социальных, политических, граждан-

ских проблем была положена в основу концепции социального качества, которая, по мнению ряда авторов, представляет собой новый этап развития принципов социального государства.

Проведенный анализ показывает, что проблема усиления социальной роли государства сохраняет свою актуальность на протяжении не одного десятилетия. Причем она уже перешла из области исключительно теоретических изысканий в область нормативно-правового воплощения, и именно это определяет направления дальнейшего развития данной концепции.

Можно констатировать, что усиление роли государства, опирающегося на право, не отступающего от правовых принципов, формирование его социальной направленности в целях обеспечения достойной жизни каждого, признание высшей ценности прав и свобод человека, воспитание уважения к праву и закону – вот задачи, на которых необходимо сосредоточить усилия и решение которых поможет нормализовать ситуацию, обеспечить стабильность и устойчивое развитие российского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. – М., 1909.
2. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – М., 1998.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс»
4. Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России: монография. – М., 2014
5. Ледях И. А. Социальное государство и права человека (из опыта западных стран). Социальное государство и защита прав человека. – М., 1994.
6. Laufer H. Grundkonsens in der freiheitlichen Demokratie. – Koln, 1988.
7. Любашин В. Я. Эволюция государства как политического института общества. – Ростов н/Д, 2004.
8. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // СПС «КонсультантПлюс»
9. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. – М., 1909.
10. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. – М., 1997.
11. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
12. Хайек Ф. А. Индивидуализм истинный и ложный // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М., 2000.

17 Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – М., 1998. – С. 324.

Лебедев М. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РОССИИ

В статье анализируются проблемы политической модернизации в социальной сфере, а также вопросы демократизации политической системы современной России.

Ключевые слова: политическая модернизация, путь развития, легитимность власти, гражданское общество, государственная власть, политические партии, некоммерческие организации.

Lebedev M. V.

POLITICAL MODERNIZATION IN THE SOCIAL SPHERE OF RUSSIA

The article shows problems of the political modernization in the social sphere, as well as the questions of the democratization of the political system in contemporary Russia.

Keywords: political modernization, the way of the development, legitimacy of the power, civil society, state power, political parties, noncommercial organizations.

Лебедев М. В.

Современная теория политической модернизации выражает собой интеграцию государства и общества с преимущественной целью предложить обществу максимум демократической свободы по выражению своей позиции и своих интересов к власти.

Появление в нашей стране первых концепций политической модернизации относится к середине XX в.¹ Они представляли собой плавный переход от традиционных представлений социальной реальности к инновационному формату общественной жизни и политического взаимодействия общества и государства, предлагающему новые социальные ценности и возможности влияния на развитие страны. Самыми яркими исследователями, занимающимися этой проблематикой, являются представители американской школы по изучению вопросов развития теории политической модернизации².

В настоящее время в российском государстве, находящемся на переходном пути своего политического развития, встал вопрос о характере построения собственной политической системы. Страна находится на переломном этапе утверждения своего суверенитета и ищет эффективные пути становления государственности. Возникают новые политические институты и организации с целью усовершенствования государственной системы и придания ей наиболее благоприятной формы для поступательного развития российского общества. У России существует возможность развития и модернизации по своему собственному «особенному пути» развития³.

Процесс политической модернизации социальной сферы в современной России претерпевает глобальные изменения, связанные с перенесением западного опыта и приобретением своей политической культуры, а также видением и пониманием социальной реальности и основных закономерностей политической жизни нашими гражданами.

Находясь на своём модернизационном этапе развития, наше государство постоянно находится в стадии обновления с помощью появления новых социально-политических сил и политических групп влияния. Правящая властная элита страны очень неоднозначно принимает решения и действия политических оппозиционных группировок по кардинальному переустройству социальной жизни.

Самым главным индикатором и фактором устойчивости и стабильности российской политической системы служит уровень легитимности и степень доверия общества институту власти на законодательном общефедеральном уровне⁴. Население нашей страны с полной уверенностью в завтрашнем дне принимает наиболее конструктивные решения по системному реформированию собственной жизнедеятельности.

Индекс доверия людей политическим партиям и разнообразным коммерческим и некоммерческим организациям способен повышаться и понижаться только в зависимости от политической конъюнктуры и наработанных методик проведения диалога с социумом на равноправных условиях и общеприменимой для всех социальных страт Российской Федерации практики такого общения, как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях управления государственным режимом.

Нарастание глобальных социальных конфликтов во всех слоях российского общества порождает череду взаимосвязанных друг с другом политических кризисов на волне массового недовольства действующим политическим режимом. Действующая в настоящий момент государственная политическая элита в России должна слушать и слышать народные настроения и предложения по качественной трансформации и переосмыслению политической линии поведения нашими законодательными органами власти.

Таким образом, политическая модернизация в социальной сфере представляется нам в структуре многостороннего демократического развития Российской Федерации в дальнейшей перспективе⁵.

Уникальность положения нашего государства характеризуется в том, что:

- 1) происходит переориентация политических порядков на уровне всего государства;
- 2) демократизация политической системы происходила ещё до появления в нашей стране капитализма;
- 3) выполнение основных целей политической модернизации происходит при уяснении двух вопросов: переструктурирования старого политического режима и проведения

1 Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5. – С. 7.

2 Алмонд Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – М., 1992. – № 4. – С. 88–97.

3 Яшкова Т. А. Зарождение и становление идентичности в современной Российской Федерации // Politbook. – № 1. – С. 153–162.

4 Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство. Школа культурной политики. – М., 1996. – С. 115; Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство – бизнес – некоммерческие организации). – М.: ГУУ, 2002. – С. 6; Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. – М.: Наука, 2003. – С. 310.

5 Мерсиянова И. В. Тенденции развития гражданского общества (по результатам эмпирического исследования). – М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

социально-экономических реформ, намеренных произвести плавный переход к капиталистическим тенденциям;

4) демократический тип управления страной содержит в себе иерархизированную модель установления стабильной политической системы на территории всего государства;

5) действует стратегия перманентной политической модернизации в социальной сфере России;

6) западные ценности и нормы радикально отличаются от наших традиционных представлений и определений социально-экономической жизни⁶.

В нашем государстве интересы и предпочтения всех социальных групп граждан напрямую зависят от оценок государственных органов сложившегося конституционного строя и процессов приватизации государственной собственности отдельными частными коммерческими структурами. Такое деление на средний класс и бедные слои населения в материальном плане развития вступает в диссонанс с реалиями и представлениями западных стран об устройстве социальной жизни в Российской Федерации.

На данный момент в российском государстве демократические черты политической власти и государственных институтов характеризуются очень высокой степенью авторитарных тенденций государственных органов по отношению к действительной социально-политической ситуации⁷, продвижением интересов элиты с помощью политических технологий⁸.

Современной политической константой процесса политической модернизации социальной сферы России выступают разнообразные идейно-теоретические концепции и предложения по усовершенствованию и дальнейшему трансформированию социально-политического, а также и социально-экономического формата государственного управления страной в целом.

Новейшему ускоренному развитию социальной сферы Российской Федерации во многом способствуют такие государственные институты и организации, как: развивающееся гражданское общество, которое может и способно предложить свои рецепты по скорейшей модернизации нашего государства, а также эффективно повлиять на социально-политическую действительность в пределах всей страны.

Закономерным конечным итогом продуктивной работы гражданского общества России будет являться именно построение и продвижение на уровне государственного менеджмента той политической системы и того политического режима, которые в сущности своей будут представлять и продвигать парадигму общества нового уровня – с хорошо развитым средним классом в государстве. Нашим законодательным и исполнительным органам в перспективе своей необходимо стремиться к наиболее качественному построению развитого общества благоденствия и материального достатка в дальнейшем процессе своей жизнедеятельности.

Сам процесс поступательной политической модернизации характеризуется чётко очерченной политической системой глобальных вызовов и изменений, которые в дальнейшей перспективе могут являться мощным стимулом перехода от стран, находящихся на периферии своего социально-экономического государственного развития (Южная Америка, Африка), к реально развитым индустриальным странам (Западная Европа и США) с сильно выраженными социальными, политическими, экономическими, религиозными и культурными позициями на международной арене.

6 Никовская Л. И. Трансформация в России в контексте социального конфликта: в 2 ч. – М.: Ключ-С, 2004. – С. 432–442.

7 Оганисян Ю. С. Модернизация и политика в XXI веке / Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

8 Гордеев Л. И., Нестерчук О. А., Сквиков А. К. и др. Политика. Инновации. Технологии: монография // Под общ. ред. О. Е. Гришиной, Г. И. Авдиной, Л. И. Гордеева. – М.: НИИ общественных и политических наук, 2014.

Политическая модернизация социальной сферы России на настоящем этапе сможет модифицироваться и приспособиться к возникновению новых, как государственных, так и негосударственных организаций, поле деятельности которых в перспективе сможет адаптироваться к поступательной и плодотворной деятельности разнообразных социальных страт в призме их иерархического соподчинения и оперативного регулирования всех сфер жизни общества⁹.

Политическая модернизация социальной сферы России на современный момент представляет собой разнообразие многих типов и моделей самого этого процесса.

Резкое расслоение различных социальных групп населения нашего государства приводит к ещё большему увеличению люмпенизированных слоёв общества, в большинстве своём так и не привыкших к тем ценностям и нормам, которые перед ними в объективной ситуации поставила сама жизнь. Использование прежде действующих стереотипов мировоззренческого сознания народных масс в настоящих жизненных ситуациях не отображает в сути своей действительной картины реального взаимодействия всех ветвей государственной власти на общефедеральном, региональном и муниципальном уровнях государственного управления страной.

Сегодня в Российской Федерации немного поменялись правила игры.

Политическая элита на самых верхних этажах государственной власти стремится добиться своего признания путём метода и специфики проб и ошибок. На данном этапе развития наших политической системы и политического режима можно говорить о том, что действующая в стране современная политическая элита старается сохранить баланс во взаимодействии с различными социальными слоями и группами с тем смыслом, чтобы в действительности понять настроения, предпочтения и интересы разнообразных страт нашего российского социума.

Говоря непосредственно о типах политической модернизации социальной сферы России, наиболее предпочтительными вариантами скорейшего реформирования нашей социально-экономической и социально-политической жизни выступают следующие:

1) социально-мобилизационный тип общественных отношений с органами государственной власти нашей страны.

Этот тип представляет собой эффективное и продуктивное поступательное взаимодействие и общение друг с другом разных политических сил, групп и институтов по выработке наиболее приемлемых предложений и структурированных решений системного характера, действующих на современном этапе развития российского социума. Иначе говоря, такой формат плавного взаимодействия властной элиты и общественных слоёв нашего государства переходит в конечном итоге своём в стадию достижения взаимовыгодного паритетного компромисса на системном уровне общения властной государственной политической элиты и разнообразных общественных групп и слоёв нашей державы;

2) социально-информационный тип общественных отношений.

Этот тип характеризует чёткую информационно-коммуникативную структуру общения различных политических институтов, профсоюзных и некоммерческих организаций (НКО) в русле построения доверительного диалога государственной власти, политической элиты и простых граждан по вопросам государственного устройства, а также государственного суверенитета и поэтапного регулирования всех сфер жизни общества на мировом политическом уровне взаимодействия с дальнейшими перспективами такого формата общения;

9 Бронников И. А., Буренко В. И., Горбачев А. А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации: монография / Под ред. О. Е. Гришиной, А. К. Сквикова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

3) социально-исторический тип взаимодействия государства и общества.

Эта модель представляет собой историко-временную ретроспективу всех общественных внутривластных и внешнеполитических отношений стран по взаимному контролю и обеспечению безопасности границ государств в историческом контексте такого взаимодействия.

Это наиболее рациональный подход ко всему спектру проведения политических реформ в странах, которые в достаточной степени стремятся очень быстрыми темпами перейти от постиндустриального уровня своего социально-политического и социально-экономического развития к наиболее инновационному типу взаимодействия власти и общества, то есть к инновационному характеру государственной политики.

Исходя из вышеперечисленных типов, следует сделать вывод о том, что политическая модернизация социальной сферы России представляет собой комплексную инновационную систему общественных отношений. Эта система выражается в том, что все политические и государственные институты и организации, осуществляющие свою власть и влияние на социум и понимающиеся как высшая политическая элита нашего государства, способны и могут проводить в своих политических идеях и решениях линию более открытого, транспарентного (прозрачного) взаимодействия как с гражданским обществом, представляющим собой разнообразные виды социальных институтов, обществ, групп, то есть НКО, различных профсоюзов и студенческих молодёжных организаций, так и с различными социальными силами и органами, представляющими собой единый фундаментальный общественный организм и институт.

Только та социальная политика, производящаяся государством, является наиболее эффективной и системной, которая может и способна слушать и слышать свой народ, понимать и осознавать предпочтения и социальные интересы разнообразных социальных групп и организаций, имеет реальную силу и направленность на развитие всего социума в целом и поддержание общественной стабильности и благосостояния своих граждан.

Следовательно, Российская Федерация в настоящий момент представляет собой независимого политического актора и игрока на международной арене и стремится всё больше и больше укреплять свои политические позиции на внутривластном уровне. Гражданское общество в нашей стране постепенно становится всё более и более активным генератором идей и предложений по усовершенствованию и преобразованию общества и власти во всём государстве и рупором (транслятором, передатчиком) массовых общественных настроений и общественных предпочтений.

Соответственно, на дальнейшую перспективу Россия будет продолжать и впоследствии продуктивно развиваться и чётко координировать свои политические действия и решения, а государственные и политические институты, представляющие собой легитимный и структурированный конструкт проведения плодотворной социальной политики, будут и дальше совершенствоваться и развивать сам процесс политической модернизации социальной сферы Российской Федерации в целом.

Современное состояние социальной жизни нашего населения напрямую зависит от выстроенной в нашей стране государственно-политической вертикали власти. Наше будущее зависит от степени консолидации и интеграции усилий и действий политических органов и институтов на перспективу. Общий показатель легальности и легитимности политического строя в России должен выстраиваться путём достижения компромисса между негосударственными структурами управления социальной сферой жизни населения, государственными органами власти и, как отдельная компонента, бизнес-сообществами в системе соподчинения трёх властных ветвей: законодательной, исполнительной и судебной на глобальном уровне

поступательного развития действующей политической системы в Российской Федерации.

Одним из мощнейших социально-политических генераторов реального благосостояния нашего государства является такой автономный политический институт, как гражданское общество¹⁰. Только на высоком уровне диалога государственной власти и всевозможных политических ассоциаций, объединений, блоков, союзов возможно не критическое и поступательное развитие всей России в целом.

Гражданское общество является наиболее действенным катализатором и инструментом взаимодействия всех политических сил в нашем государстве. Это своеобразный рупор существующей политической действительности.

Таким образом, только с помощью гражданского общества возможно достигнуть консенсуса между государственными и негосударственными институтами в политической модернизации социальной сферы на всех трёх уровнях государственной власти: федеральном, региональном и муниципальном.

Пристатейный библиографический список

1. Растои Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5.
2. Алмонд Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – М., 1992. – № 4.
3. Яшкова Т. А. Зарождение и становление идентичности в современной Российской Федерации // Politbook. – №1.
4. Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство. Школа культурной политики. – М., 1996.
5. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство (государство – бизнес – некоммерческие организации). – М.: ГУУ, 2002.
6. Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. – М.: Наука, 2003.
7. Мерсиянова И. В. Тенденции развития гражданского общества (по результатам эмпирического исследования). – М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
8. Никовская Л. И. Трансформация в России в контексте социального конфликта: в 2 ч. – М.: Ключ-С, 2004.
9. Оганисян Ю. С. Модернизация и политика в XXI веке / Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
10. Гордеев Л. И., Нестерчук О. А., Сквикова А. К. и др. Политика. Инновации. Технологии: монография // Под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой, Л. И. Гордеева. – М.: НИИ общественных и политических наук, 2014.
11. Бронников И. А., Буренко В. И., Горбачев А. А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации: монография / Под ред. О. Е. Гришина, А. К. Сквикова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.
12. Заславская Т. И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 1999.

¹⁰ Заславская Т. И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 1999. – С. 149.

Мельников А. Г.
МИРОВОЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА:
КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

В статье осуществлен краткий анализ особенностей функционирования парламентов современных государств.

Ключевые слова: парламентаризм, представительные органы власти, функции парламента, монокамерализм, бикамерализм, компетенции.

Melnikov A. G.
WORLD EXPERIENCE OF PARLIAMENTARY DEVELOPMENT:
COMPARATIVE ANALYSIS

The article presents a brief analysis of the functioning of modern parliaments.

Keywords: parliamentary, representative bodies, the functions of parliament, monocameralism, bicameralism, competence.

Мельников А. Г.

Одной из признанных ценностей в современной системе государственной власти на нынешнем этапе является парламентаризм, занимающий особое место в демократическом правовом государстве и базирующийся на принципе разделения властей. Парламентаризм каждой конкретной страны демонстрирует специфику социально-исторического развития общества, практику национально-государственного строительства, опыт правовой и политической культуры. Он представляет собой систему организации и функционирования власти, как на государственном, так и на региональном уровнях.

Как показала историческая практика, именно парламентская модель построения властных отношений позволяет наиболее точно выявлять широкий спектр интересов различных социальных общностей и вырабатывать государственные решения, в той или иной степени соответствующие интересам большинства населения страны. Институт парламентаризма, как принято считать, начал свое качественное развитие в Англии. В XIII в. членами английского парламента были достигнуты первые ограничения абсолютной власти монарха. В XIX – начале XX вв. во многих государствах Европы и Латинской Америки начали функционировать представительные органы власти. В России парламентское учреждение появилось позже – после принятия манифеста от 17 октября 1905 г.¹

Маркером наличия института парламентаризма в политической системе того или иного общества можно считать наличие у парламента статуса и полномочий высшего представительного и законодательного органа. Классическим образцом парламентской системы, как мы уже отметили выше, является Великобритания. Верховенство английского парламента в системе разделения властей предполагает:

- верховенство законодательства;
- право утверждать государственный бюджет и устанавливать налоги;
- коллективную ответственность правительства перед парламентом;
- право утверждать судей;
- отсутствие других подобных конкурирующих властей².

В действительности парламентаризм представляет собой сложнейшее явление общественно-политической жизни, а также является одним из фундаментальных понятий политологии.

Парламенты в разных странах и разных политических системах работают по-разному, однако при этом они выполняют целый ряд общих функций. Американский исследователь Э. Хейвуд выделяет следующие общие для всех видов функции:

- законодательство;
- представительство;
- наблюдение и контроль;
- политическое рекрутирование;
- легитимация режима³.

В данном случае стоит отметить, что главным образом задача института парламентаризма во всех странах мира заключается, прежде всего, в поддержании взаимосвязи общества с системой государственного управления.

Парламенты различаются между собой по целому ряду признаков. Так, например, широко различаются по количеству членов. В Китае высшим органом государственной власти в соответствии с Конституцией государства является Всекитайское собрание народных представителей, избираемое сроком на пять лет, с численностью около 3 тыс. человек. Между тем, в законодательном собрании республики Науру с численностью населения 10 тыс. человек трудятся 18 депутатов, которые избираются путем всенародного голосования на три года.

Парламент назван представительным органом, так как в нем регионы страны и всё население имеют представителей – депутатов, которые выбираются или по одномандатному округу (голосование за политические партии), или по многомандатным (мажоритарным) округам, в каждом из которых население избирает своего кандидата. Также члены законодательных собраний могут быть не только избраны, но и назначены или даже могут унаследовать место (например, Парламент Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии).

Структура законодательных собраний также в различных странах различна. На эту особенность влияет исторический фактор. К примеру, в средние века сословно-представительные учреждения Западной Европы включали в себя представи-

1 Артунян Г. Г., Баглай М. В. Конституционное право: Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 315.

2 Цит. по: Керимов А. А. Специфика парламентаризма при различных формах правления // Известия Уральского федерального уни-

верситета. – 2012. – Т. 106. – № 3. – С. 33.
3 Хейвуд Э. Политология. – М., 2005. – С. 391.

телей духовенства, дворянства и «третьего сословия». Трехпалатная структура парламента функционировала во Франции (духовенство, дворянство, горожане), в большинстве княжеств западной части Германии, в Нидерландах, в королевствах Пиренейского полуострова⁴. В свою очередь высший орган окружного управления Швабского имперского округа (преимущественно территории современной федеральной земли Баден-Вюртемберг в Германии и региона Эльзас во Франции) состоял из пяти «скамей» – духовных князей (епископов), светских князей (князей, герцогов, маркграфов и ландграфов), прелатов (аббатов, пробстов, глав командорств и т.д.), имперских графов и имперских городов. Каждая «скамья» в свою очередь подразделялась на две курии: католическую и протестантскую⁵. Двухпалатная система (бикамерализм) впервые появилась в середине XIV в. в Великобритании. В Англии лорды стали заседать отдельно от представителей графств и городов, что и привело к возникновению двухпалатной структуры британского парламента⁶. Консервативно мыслящая верхняя палата обеспечивала защиту традиций, а нижняя палата была более демократичной, что в целом обеспечивало баланс интересов и компромисс между ведущими социальными группами средневековья. В современном мире парламентские учреждения, как правило, состоят из одной или двух палат.

Соотношения социальных и политических сил на исторической арене видоизменяли состав парламента в разных странах и способствовали поиску оптимальной структуры парламентского учреждения того или иного государства. Так, согласно Конституции США 1787 г. однопалатный конгресс конфедерации был заменен двухпалатным конгрессом федеративного государства⁷.

Среди стран, в которых функционируют однопалатные парламента, можно отметить Болгарию, Венгрию, Вьетнам, Германию, Данию, Израиль, Китай, Люксембург, Норвегию, Португалию, Финляндию, Швецию и др. Двухпалатные парламента действуют в Австралии, Бразилии, Бельгии, Индии, России, США, Франции, Швейцарии и др.

Вопрос о числе палат парламента вызывает множество порой противоречивых мнений и суждений. Американский исследователь Э. Хейвуд считает, что однопалатные парламента проще и эффективнее двухпалатных, особенно если речь идет о реагировании на нужды небольших и сравнительно солидарных обществ. Однако, как отмечает исследователь, двухпалатные парламента являются центральным принципом либерального конституционализма и реализуют идею сдержек и противовесов как внутри парламента, так и между законодательной и исполнительной властью⁸. В настоящее время двухпалатная система формирования парламента успешно функционирует и в федеративных, и в унитарных государствах. В федеративных государствах верхняя палата представляет субъектов федерации (США, Россия), а в унитарных государствах

она зачастую формируется по административно-территориальным единицам (Франция, Япония)⁹.

Отечественные исследователи проблем теории и истории политических институтов А. В. Макарин, А. И. Стребков с позиций объема и характера закрепленных конституцией законодательных компетенций, выделяют несколько видов высших представительных органов¹⁰:

– парламента с абсолютно неограниченной (абсолютно неопределенной) компетенцией. К таким относят парламента, для которых юридически не определяется перечень полномочий и они имеют право принимать законы о любых вопросах (Англия, Италия, Ирландия, Япония).

– парламента с абсолютно ограниченной (абсолютно определенной) компетенцией. Это тип парламента, для которых конституции и законы устанавливают точный перечень полномочий, по которым они могут принимать решения. Так, например, во французской Конституции 1958 г. «жестко» ограничен перечень вопросов, которые включены в компетенцию парламента, но одновременно предусматривается, что этот перечень парламентских полномочий может быть уточнен и дополнен органическим законом.

– парламента с относительно ограниченной (относительно определенной) компетенцией. В данных парламентах существует меняющаяся или подвижная компетенция. Подобный тип характерен для федеративных и децентрализованных унитарных государств. Ограничение здесь связано с наличием прав у субъектов федераций или иных территориальных образований (Индия, Испания, Малайзия, США, ФРГ), т.е. в тех странах, где имеется совместная компетенция союза и субъектов его составляющих.

Что касается развития компетенции российских представительных органов, основываясь на данной классификации, отечественные ученые обозначают следующие исторические периоды:¹¹

1) с октября 1905 г. по октябрь 1917 г. – парламент с абсолютно ограниченной компетенцией, по многим вопросам имевший лишь совещательный голос.

2) с октября 1917 г. по октябрь 1989 г. – период существования представительного органа с неограниченной компетенцией.

3) с конца октября 1989 г. по декабрь 1993 г. – переходный период.

4) с декабря 1993 г. по настоящее время – становление и развитие двухпалатного парламента с относительно ограниченной компетенцией, которое начинает свой отчет со дня вступления в силу Конституции Российской Федерации. Так, в Конституции Российской Федерации не установлен четкий перечень вопросов, подлежащих рассмотрению в Государственной Думе. В свою очередь ст. 106 Конституции Российской Федерации определяет список вопросов, подлежащий обязательному рассмотрению в Совете Федерации. Между тем норма, содержащаяся к указанной статье, не ограничивает в целом законодательную функцию российского парламента¹².

4 Булаков О. Н. Бикамерализм как структурная организация современного парламента // *PolitBook*. – 2013. – № 3. – С. 100.

5 Мазуров В. Ю. Некоторые особенности организации и функционирования имперских округов на примере Швабского округа (краткий обзор) [Электронный ресурс] // Научная сеть «Современное право». – Режим доступа: <http://www.sovtempnoeravno.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 25.06.2015).

6 Дзыбова С. Г. Бикамерализм как правовое явление: история и современность // *Вестник Адыгейского государственного университета*. – 2008. – № 2. – С. 172.

7 Макарин А. В., Стребков А. И. Теория и история политических институтов. – СПб., 2008. – С. 206.

8 Хейвуд Э. Политология. – М., 2005. – С. 397–398.

9 Дзыбова С. Г. Бикамерализм как правовое явление: история и современность // *Вестник Адыгейского государственного университета*. – 2008. – № 2. – С. 173.

10 Макарин А. В., Стребков А. И. Теория и история политических институтов. – СПб., 2008. – С. 206.

11 Ваксман В. Компетенция представительных органов государственной власти в дореволюционный и послереволюционный периоды развития России // *Право и жизнь*. – 2009. – № 127 (1). – С. 357–374.

12 Четвернин В. А. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий. – М., 1997. – С. 404.

Наряду с указанными моделями парламентов существуют и другие классификации. Так, например, на основе взаимоотношений между верховной представительной властью и правительством выделяются¹³:

- доминирующие парламенты (при данной модели парламенты играют ведущую роль в политической жизни страны, формируют и «жестко» контролируют правительство (Италия));

- автономные парламенты (парламенты данной модели в основном контролируют законодательный процесс и самостоятельны в своей деятельности, но не имеют сильных рычагов воздействия на правительство (Швеция, США));

- ограниченно автономные парламенты (для таких парламентов характерна конфронтация и постоянный поиск компромиссных решений между правительством и оппозицией (Англия));

- подчиненные парламенты (подобная форма парламента возникает в странах, когда исполнительная власть преобладает над парламентом, однако в такой ситуации парламент остается важным связующим звеном между центральной властью и регионами (парламенты Кении и ряда других африканских стран));

- полностью подчиненные парламенты (данная модель присуща исключительно авторитаризму, где реальным центром принятия важнейших государственных решений являются не парламенты, а партия и партийные комитеты (Верховные Советы в СССР, РСФСР и др.).

Федеральное Собрание Российской Федерации представляет собой пример ограниченного автономного парламента. По мнению отечественного исследователя М. Ю. Зеленкова, подобный статус определяется на основании сформулированных в Конституции Российской Федерации ограничений компетенции нижней палаты Федерального Собрания и реальных возможностей политического влияния¹⁴. Так, например, глава государства обладает правом роспуска Государственной Думы, в случае, если она трижды отклонила представленные Президентом кандидатуры на должность Председателя Правительства или выразила недоверие Правительству повторно в течение трёх месяцев (если в этом случае Президент не принял решение об отставке Правительства)¹⁵. Также Президент России имеет право вето на принятые законопроекты и право издавать указы, заменяющие «необходимые» и отсутствующие законы. Подобная ограниченность представительного и законодательного органа Российской Федерации обусловлена незавершенностью формирования в России полноценного парламентаризма.

Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – состоит из двух палат: Совета Федерации (верхняя палата) и Государственной Думы (нижняя палата). В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и от исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации¹⁶. Государственная

Дума состоит из 450 депутатов, которые избираются гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании¹⁷.

Однако, несмотря на то, что парламентаризм в России в 2005 г. отпраздновал столетний юбилей – россияне в целом не очень доверяют парламентским институтам и не считают, что они имеют реальную власть и влияние¹⁸. Так, например, массовые протестные выступления граждан прошедшие по всей России в 2011–2012 гг., наглядно демонстрируют нам, что российский парламентаризм не способен отражать интересы основных социальных групп в обществе. По мнению Ю. Н. Дорожкина, «для действительных преобразований, постоянного движения вперед, модернизации общества необходима стабильность, не исключающая, а предполагающая политическую креативность, современную политическую культуру, волю к переменам, устремленность в будущее. Это возможно лишь в открытой политической системе, где стабильность означает, прежде всего, реальную политическую конкуренцию, а не ее имитацию, стабильность, где меняются политические элиты, правящие партии в соответствии с новыми общественными потребностями, вызовами и угрозами»¹⁹.

Принцип разделения властей и разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами трансформировали систему парламентаризма на региональном уровне. Свободные демократические выборы должны были стать естественным конституционно-правовым процессом, обеспечивающим устойчивое взаимодействие избирателей с представительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Однако в результате контрреформы 2003–2004 гг. выборность властей всех уровней была устранена, а Федеральное Собрание де-факто стало юридическим отделом исполнительной власти, процесс принятия законов носит формальный характер и реализуется через полностью управляемое и лишённое даже декоративных признаков независимости «парламентское большинство»²⁰. На наш взгляд, институт регионального парламентаризма в рамках существующего властного дисбаланса должен трансформироваться и стать главным поручителем конституционных прав граждан на политическую власть и развитие российской демократии.

Резюмируя, можно отметить, что российский парламентаризм на сегодняшний день во многом основывается на формальном признании демократических основ взаимодействия государства, общества и личности. Институты российского парламентаризма, в отличие от западноевропейского, имеют ряд особенностей, определяемых спецификой исторических традиций развития российской государственности. Указанные традиции находят свое выражение в доминировании сильной авторитарной власти в политической системе, в традициях полиэтнического сосуществования и толерантности, слабом развитии гражданского самосознания россиян. Несмотря на указанные исторически обусловленные особенности парламентаризма в России, политическая система нашего

13 Зеленков М. Ю. Политология для юристов. – М., 2003. – С. 62–63.

14 Там же.

15 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014) ст. 111 // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

16 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014) ст. 95 // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

17 О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ, ст. 1 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12140155/#ixzz3eXJiOvMQ> (дата обращения: 30.06.2015).

18 Шестопал Е. Б. Образы власти в постсоветской России. Политико-психологический анализ. – М., 2004.

19 Дорожкин Ю. Н. Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. – 2012. – № 10. – С. 13.

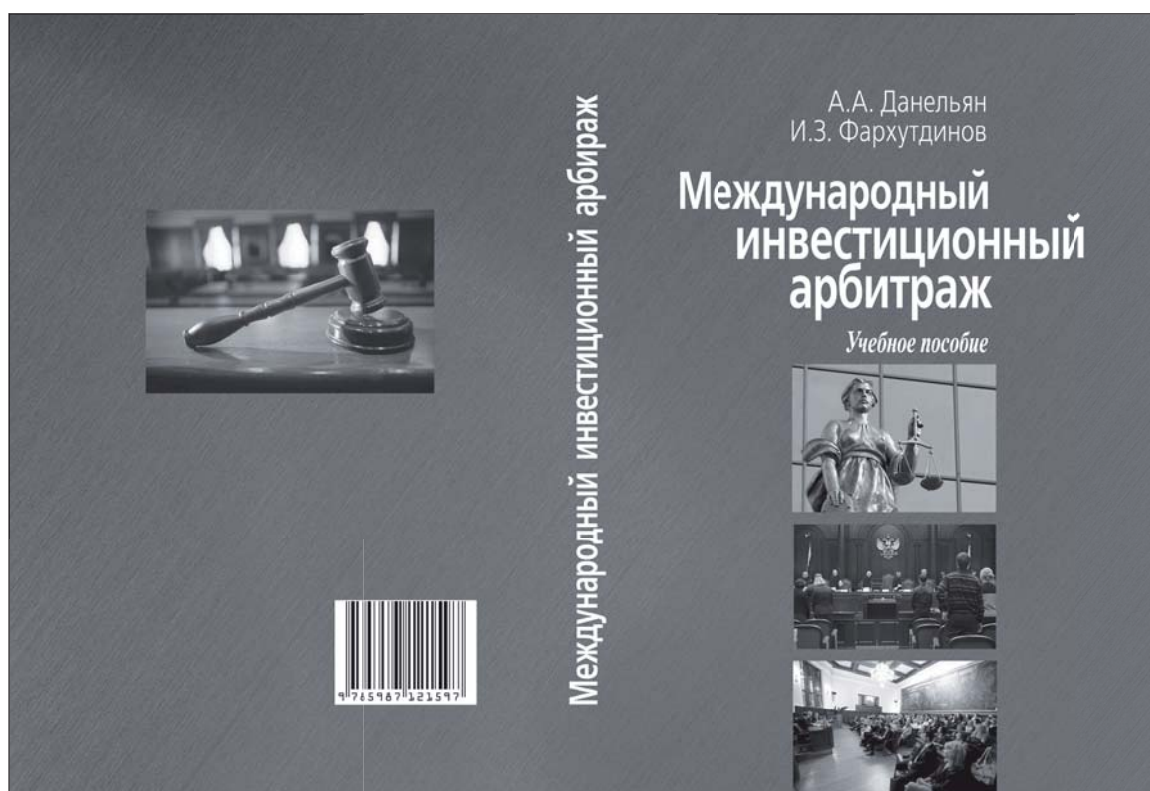
20 Дорожкин Ю. Н., Дунямалыев Т. Б. Этапы становления системы разделения властей в современной России // Власть. – 2013. – № 10. – С. 50.

государства, включающая в себя народное представительство, продолжает совершенствоваться, находясь в поиске наиболее адекватных и релевантных векторов развития.

Как общемировой феномен, парламентаризм имеет довольно богатую, насыщенную событиями историю. Вместе с тем в современном мире потенциал парламентской демократии остается высоким, и в поиске ответов на вызовы современности он способен сыграть важную роль.

Пристатейный библиографический список

1. Артунян Г. Г., Баглай М. В. Конституционное право: Энциклопедический словарь. – М., 2006.
2. Булаков О. Н. Бикамерализм как структурная организация современного парламента // PolitBook. – 2013. – № 3.
3. Ваксман В. Компетенция представительных органов государственной власти в дореволюционный и после-революционный периоды развития России // Право и жизнь. – 2009. – № 127 (1).
4. Дзыбова С. . Бикамерализм как правовое явление: история и современность // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 2.
5. Дорожкин Ю. Н. Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. – 2012. – № 10.
6. Зеленков М. Ю. Политология для юристов. – М., 2003.
7. Керимов А. А. Специфика парламентаризма при различных формах правления // Известия Уральского федерального университета. – 2012. – Т. 106. – № 3.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
9. Мазуров В. Ю. Некоторые особенности организации и функционирования имперских округов на примере Швабского округа (краткий обзор) [Электронный ресурс] // Научная сеть «Современное право». – Режим доступа: <http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 25.06.2015).
10. Макарин А. В., Стребков А.И. Теория и история политических институтов. – СПб., 2008.
11. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ, ст. 1 [Электронный ресурс]//Система ГАРАНТ.–Режим доступа: <http://base.garant.ru/12140155/#ixzz3eXJiOvMQ> (дата обращения 30.06.2015).
12. Хейвуд Э. Политология. – М., 2005.
13. Четвернин В. А. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий. – М., 1997.
14. Шестопап Е. Б. Образы власти в постсоветской России. Политико-психологический анализ. – М., 2004.

Замятин П. В. **РАЗВИТИЕ УРБАНИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В СССР**

В статье рассматриваются политический аспект градостроительства в советский период; советская система расселения как следствие рационализации промышленности, организации производственной деятельности. Анализируется масштабность городского строительства; градостроительное проектирование как элемент развития промышленных центров; проектирование новых городов с воспроизводством социалистических отношений; однобокость подхода. Градостроительство определяется как фактор концентрации и интеграции сфер деятельности, видов производства, поддержки социальных и демографических групп.

Ключевые слова: градостроительное проектирование, советская урбанистика и городская социология, концепция соцгорода, социалистическое расселение и размещение промышленности.

Zamyatin P. V. **THE URBAN CONCEPTS DEVELOPMENT IN THE USSR**

The article deals with the political aspect of urban development during the Soviet period; Soviet settlement system as a result of the rationalization of the industry, the organization of production activities. The scale of urban development; urban planning as part of the development of industrial centers; the design of new cities with the reproduction of socialist relations; one-sided approach are analyzed. Urban planning is defined as the factor of fields of activity, types of production concentration and integration, support for social and demographic groups.

Keywords: urban design, Soviet urban studies and urban sociology, the concept of socialist city, socialist resettlement and location of industry.

Рассмотрение советских концепций урбанизации актуально не только с исторической точки зрения. В отличие от западной урбанистики, социалистические подходы были реализованы с довольно острыми проблемами. Эти концепции инерционно воспроизводятся в современном территориальном планировании. При этом актуальны следующие вопросы: как функционируют и развиваются города; каковы взаимосвязи между развитием личности и территориальным пространством; каковы бытовые условия; как влияет на жителей качество городской среды; как учитывается общественное мнение населения; как функционируют сферы спорта, досуга и другое. Разработчики первого в СССР государственного плана исходили из идеи построения социализма на основе целенаправленного управления социальной активностью масс. Как расчетная единица планирования, население отрывалось от социальной составляющей. Ведущим в городском развитии был процесс строительства. Градостроительство как архитектурное направление традиционно в советское время и в современной России считалось инструментальным направлением проектировки и пространственного планирования целых городов, квартальных микрорайонов в рамках командно-административной системы управления или директивной экономики. Логика была примерно такой: существуют разные направления подготовки архитекторов, связанные с промышленной, жилой, ландшафтной архитектурой, и градостроительство — это одно из таких направлений. По сравнению с советским временем сегодня, чтобы спроектировать целый город с экстраполяцией на отдельные идеально скомпонованные здания и запустить их в строительную серию, архитектор должен быть ещё по совместительству инженером. Эта сверхконцентрация полномочий привела к затяжным межведомственным конфликтам между Госстроем, Минрегионразвития, Минтрансом и другими, регулируемыми инфраструктурно-строительную отрасль, органами федерального и регионального уровня. На Западе наибольшее развитие получила инфраструктурная, технологическая ветвь. Градостроительство решало задачи концен-

Замятин П. В.

трации и интеграции производства, социально-демографических групп. При этом социально-культурная и бытовая среда оставались зачастую вне поля зрения. Система общественного транспорта начинает уступать распространению личного, в связи с этим властям ряда крупнейших, наиболее автомобилизированных городов приходится разрешать множество организационных: бюджетных, логистических, демографических, экологических, правоприменительных проблем. Рассмотрение вопросов общественного планирования социальной ветви урбанистики здесь практически не развивается вплоть до принятия на международной конференции в Вене новых стандартов городского трафика и правил дорожного движения в 1962 г. Урбанизация как комплексная область научных исследований и практика не получила академического статуса. Тема урбанизации эпизодически возникала в различных научных областях, что не способствовало созданию отечественной школы урбанистики¹. Утверждалось, что проектирование и строительство являются лишь инструментами управления городской средой и не могут претендовать на приоритетность. Игнорирование объективных процессов вызывает деформации в функционировании городов, дискредитирует проектную мысль, тормозит создание полноценной среды городов. В 1958—1962 гг. были сделаны первые попытки использования бюджетов времени для решения отдельных урбанистических проблем — определения планировочной структуры городов, расчета и размещения учреждений обслуживания и др. Систематические исследования города велись Ленинградским зональным институтом типового и экспериментального проектирования, Ленинградской кафедрой философии АН СССР, позже — Институтом социально-экономических проблем АН СССР, десятками ведомственных проектных институтов. Основные усилия были сосредоточены на разработке политики реализации планов социального развития городов. Основным

1 История социологии (XIX - первая половина XX века) / Под ред. В. И. Добренькова. — М., 2003.

препятствием на пути скоординированного экономического и социального развития городов были узковедомственные интересы. Ориентируясь на проблемы, стоящие только перед производством, министерства и ведомства не хотели участвовать в решении социальных задач городов. В результате те нередко оказывались разорванными на небольшие населенные пункты без комплекса удобств, обеспечивающих эффективное использование трудовых ресурсов, рациональную организацию повседневного уклада жизни людей.

Теория размещения социалистической промышленности

В СССР была реализована урбанистическая концепция, определяющая подходы к градостроительному планированию. Это теория размещения социалистической промышленности (или концепция рационального размещения производительных сил), следствием которой была концепция социалистического расселения и идея соцгорода. В 1909 г. вышла «Теория размещения промышленности» А. Вебера. Одно из основных положений этой теории А. Вебера заключалось в нерасчлененности рабочего населения, прикреплении и размещении промышленности при капитализме. Построение социализма в СССР концептуально включало создание общегосударственной системы распределения населения, изделий, продуктов по территории страны с учётом планового производства: функция Госплана. Медленному эволюционному процессу развития дореволюционной России противопоставляется плановое хозяйство как государственное сосредоточение сил на главнейших отраслях. Практика построения социализма сопровождалась критикой капитализма основоположниками марксизма-ленинизма. Труд А. Вебера служит концептуальной базой, критикуя которую, основы концепции социалистического расселения формулируют сотрудники Госплана. Положение Госплана о промышленности как причине возникновения городов основывалось на антивеберовской позиции, несмотря на то, что в книге «Город» М. Вебера, брата А. Вебера, описаны и другие, кроме промышленности, причины появления городов². Капитализм неразрывно связан с отделением города от деревни. В результате территориального разделения труда к отдельным областям страны прикрепляются те или иные отдельные отрасли производства. Население целесообразно концентрировать при капитализме в крупных городах, как, соответственно, и новое производство. Высокое качество жилой среды, к которому привыкли квалифицированные рабочие кадры, складывается, как правило, в крупных городах и местах концентрации промышленности. Обосновывается идея обо всё более выгодном варианте строить новые промышленные предприятия, с возведением новых населенных пунктов, здесь же. Аргумент: целенаправленная переселенческая кампания требует несравненно больших затрат, нежели осуществление модели географического прикрепления. Теоретические постулаты планового социалистического расселения активно противостояли этим соображениям. Социализм связывался со стиранием границ между городом и деревней; районам запрещалось специализироваться на одной отрасли земледелия либо промышленности; население при социализме должно размещаться равномерно. В довоенной Европе приобретает популярность архитектурный модернизм за счёт сопряжения эстетической линии с планово-нормативной. В разных городах СССР: Тольятти, Набережные Челны,

Актау (Казахстан), Навои (Узбекистан), Ханты-Мансийск, Когалым — в рамках последнего десятилетия 1925—1935 гг. эстетического господства стилей конструктивизма, кубизма и брутализма и возникновения в 1956 году идей неоконструктивизма, неоклассицизма и минимализма разными архитекторами реализовывались модернистские идеи Ле Корбюзье. Для профессионального городского планировщика город должен восприниматься как цельный комплексный взаимосвязанный и взаимосвязанный организм. Человек, планирующий городское развитие, должен разбираться в экономике, управлении, рынке недвижимости не меньше, чем в сочетании архитектурных и эстетических решений. Он должен разбираться в логистике, транспорте.

Социалистическая система расселения. Концепция соцгорода

Утопический вектор, направленный на защиту крупного города, воплотил Ле Корбюзье. В 1920-е годы им был разработан небоскрёбный проект Лучезарного города-мечты, расположенного посреди большого парка. По мере приближения двадцать четыре небоскреба все яснее вырисовываются на фоне неба; слева и справа от прохожих на окраинах каждого отдельного участка находятся муниципальные и административные здания; замыкают пространство музеи и университетские корпуса. Весь город — это большой парк. Лучезарный город в своем названии, разумеется, отсылает к Городу Солнца Т. Кампанеллы, так Корбюзье так же, как все предыдущие утописты, разрабатывал некую социальную утопию. Это была утопия максимума индивидуальной свободы. Но он проектирует и материальную среду в ориентации на абстрактного индивида. Интересы и потребности этого абстрактного индивида можно описать с помощью набора санитарно-гигиенических и прочих нормативов. Один из таких нормативов достаточная инсоляция (солнечное освещение) всех комнат в этом городе. Поэтому у Ле Корбюзье слово лучезарный имеет, прежде всего, физический смысл. Идея города-мечты Ле Корбюзье оказала огромное влияние на развитие модернистской инженерно-строительной мысли в крупных городах. Его на все лады расхваливали архитекторы, и постепенно его проекты были реализованы в десятках проектов от государственных жилых массивов для малообеспеченных до комплексов офисных зданий. Ле Корбюзье попытался сделать планирование автомобильного движения неотъемлемой частью своей схемы. Большие скоростные односторонние магистрали он включил в проект схемы полос реверсивного движения. Он уменьшил количество улиц, потому что перекресток — враг транспорта. Для грузовиков предлагалось прорыть подземные улицы, и, разумеется, подобно проектировщикам Города-сада, пешеходов с улиц он постарался убрать и увести их в парки. Картина с ее броской символикой, нарисованная Ле Корбюзье, почти неотразимо подействовала на социалистических инженеров-проектировщиков, капиталистических девелоперов и мэров. Разработчики проектов Города-сада и последовавшие за их планами реформаторы жилищного строительства в духе реализации концепции возведения спальных микрорайонов неустанно пропагандировали идеи через ликвидацию как вида внутриворотового пространства укрупненного суперквартала, спроектированного как единое целое массива зданий, неизменности застройки и природно-ландшафтной сохранности газонной травы; что еще более важно, они с успехом внушали самоуправляющейся общественности, что всё это необходимые признаки гуманного, социально ответственного, функционального градостроительства. Сегодня практически все градостроители-проектировщики сочетают две эти мощные

2 Вебер М. Город. В: Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990.

образные концепции, используя в качестве жестких ориентиров в разнообразных пропорциях и вариантах их более изощренные комбинации. Если проанализировать сегодняшние проекты так называемого комплексного освоения территории, где предполагается выстроить новое жилое образование в чистом поле (как правило, на бывших сельскохозяйственных землях), то в большинстве проектов обнаружатся контуры утопии Ле Корбюзье: высотные башни, поставленные на зеленый газон. В результате приверженности утопиям, вместо того, чтобы развивать уникальное многообразие и сложность каждого города, проектировщики штампуют решения, уничтожающие уникальность. В результате города теряют устойчивость и способность к саморазвитию. С одной стороны, нормативы, взятые на вооружение в градостроительном проектировании, привели к улучшению состояния среды городов в санитарно-гигиеническом аспекте. Но сведение задачи проектирования города к этому очень важному, но сугубо материальному аспекту привело к разрушению социальных связей, невозможности в этой среде сформировать городское сообщество. Эта среда не создавала позитивные социальные процессы. Система расселения в СССР не являлась продуктом комфортного обустройства жизни, а выражала лишь рациональную в аспекте промышленности организацию производственной деятельности, разработку богатых мест залегания полезных ископаемых с учётом обороноспособности, недоступности для авиации вероятного противника, минимизации затрат военно-промышленного производства и другого. При таком подходе население, его интересы и предпочтения, культурный уровень и уклад жизни, традиции и обряды, верования и самоидентичность в расчет не принимались. А если и учитывались, то лишь как материал для переделки и приспособления под задачи функционирования производства. Соцгорода рассматривались в структуре централизованной власти как элементы концепции размещения промышленности и населения в СССР³. На обеспечение этого процесса были направлены жилищная политика, формы распределения рабочей силы, системы жизнеобеспечения, подготовки рабочих инженерных кадров, и другое. Строительство новых городов, организация жизнедеятельности сопровождалась преодолением стереотипов прежнего образа жизни. В СССР новые населенные пункты соцгорода и рабочие поселки возникали в логике, далекой от традиционного градоустройства, по правилам административно-партийного управления территориями и по законам искусственно формируемых в них контингентов населения (первоначально строго определенных по количеству и квалификационному составу). Советская теория градостроительства исходила из рассмотрения соцгородов, как пролетарских ядер промышленных районов, создаваемых на пустом месте. Концепция соцгорода утверждала основной формой сосуществования людей социально-трудовые коллективы (так называемые социальные машины, противостоящие жизненной укорененности своих членов вне организации). В результате этого социальная машина становится местом:

- а) распределения средств к существованию;
- б) получения благ (муниципальный или ведомственный детский сад, санаторий, районная поликлиника, региональная турбаза и так далее);
- в) организации досуга (красные дни календаря, банкеты, празднование дней рождения);

г) получения социальных льгот и привилегий (персональный автомобиль, жилище, продовольственные пайки);

д) включенности в социальные группы, формирования отношений по упрочению служебного положения, лидерства, продвижению по службе⁴. Распределительная система позволяла государству целенаправленно осуществлять гигантские строительные и реконструктивные программы. В рамках концепции рационального размещения производительных сил возникает конструкция: население как территориальный запрос производительных сил; аналогичность объемов жилищного строительства; планирование города с чистого листа, без учета сложившихся форм и механизмов самоорганизации городской жизни. Минимум школы, минимум отдыха, минимум чистоты, минимум укрытия. Жилье, соответствующее минимальному стандарту, стало считаться соответствующим нормам, «нормальным», т.е. произошла деградация качества жилья. Интересно, что в США полностью отказались от принципа минимума жизни при проектировании жилья. Но в эти же годы в СССР был дан старт реализации программы строительства малогабаритного жилья, базирующийся на этом принципе. В 1957 г. в Москве была организована выставка достижений американской промышленности. На этой выставке состоялась знаменитая кухонная встреча Н. С. Хрущева и Р. Никсона – около модели типовой американской кухни, представленной на выставке в натуральную величину. Никсон указал Хрущеву на ошибочность концепции малогабаритного жилья, так как там не будет места ни для каких бытовых приборов и устройств, что создаст пространственные ограничения на рост потребления. Люди не смогут покупать предметы домашнего обихода и мебели просто потому, что их некуда поставить. На американской выставке были представлены макеты домов, в проект которых заложено использование бытовых электроприборов, стиральной машины, гаража для машины с возможностью поставить там дополнительно газонокосилку и другие садовые машины. Потребление домохозяйств рассматривалось как основной локомотив роста американской промышленности на ближайшие годы. Советский Союз, к сожалению, пошел по пути минимума жизни с подходом тотального городского планирования, который критиковал Л. Мамфорд. С появлением «планировщика», который вводит некоторую отстраненную схему, называя это прогрессом, происходит регрессия, поскольку чей-то конкретный план начинает материализовываться, а не культурно-символическое наследие цивилизации. В современном мире это становится реальной угрозой, так как новые технологии позволяют реализовать чей-то план. В результате города теряют свою культурно-историческую функцию передачи культурно-символического наследия цивилизации. Главное качество хороших городов — чрезвычайно сложное постоянное разнообразие использования социальных и межэкономических способов поддержки среды. Составные части этого разнообразия могут очень сильно различаться между собой, но при этом дополняют друг друга, а не противоречат. В плохих городах нет этой сложной гармонии многообразия. Таким образом, должны быть реализованы культура и цивилизация, а не чей-то план.

Развитие советской градостроительной социологии

Развитие социологии города в советский период до 70-х гг., находясь в плену социальных утопий о построении идеального поселения, ограничивалось такими социальными вопросами, как обобществление быта и социалистическое расселение, облегчение бытового статуса женщин, преодоление

3 Глазычев В. Л. Девелопмент вчерашний и сегодняшний. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010.

4 Глазычев В. Л. Урбанистика. – М.: Издательство «Европа», 2008.

противоположности между городом и деревней. Внутренние противоречия и сложности урбанизации в социалистическом обществе, возникающие в силу её неравномерности, предполагалось разрешить на основе плано-регулируемого, пропорционального подхода. Используются понятия роста и развития. Прекращение размещения новых больших и мощных промышленных предприятий в крупнейших городах истолковывалось не как сдерживание роста промышленности, а как ограничение развития. Социальное развитие городов долгое время целенаправленно не осуществлялось. Планы городского хозяйства лишь формально охватывали и намечали развитие многих связей. А по сути, они были суммой тех вопросов, которые решались на уровне предприятий, учреждений и во многом определялись ведомственными интересами. Почему это случилось? Прежде всего, были допущены серьезные методологические ошибки. Не было учтено то, что город как социальная единица, как определенная структура закономерных связей существенно отличается от структуры таких связей, как на уровне общества, так и на уровне предприятия. Это послужило причиной серьезных просчетов, как в теории, так и на практике. Стало фактом нескоординированное, хаотичное развитие городов, когда усилия концентрировались только на городском хозяйстве. Даже в новых городах повторялись ошибки, которые допускались и 20, и 30, и 40 лет назад. Массовое жилищное строительство, начавшееся в 60-х гг., проектирование сотен новых городов и поселков на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке на фоне некоторой либерализации политического режима стимулировали прикладные исследования, направленные на обслуживание жилищной и градостроительной политики. Социальное развитие городов долгое время целенаправленно не осуществлялось. Планы городского хозяйства лишь формально охватывали и намечали развитие многих связей. А по сути, они были суммой тех вопросов, которые решались на уровне предприятий, учреждений и во многом определялись ведомственными интересами. Почему это случилось? Прежде всего, были допущены серьезные методологические ошибки. Не было учтено то, что город как социальная единица, как определенная структура закономерных связей существенно отличается от структуры таких связей, как на уровне общества, так и на уровне предприятия. Это послужило причиной серьезных просчетов, как в теории, так и на практике. Стало фактом нескоординированное, хаотичное развитие городов, когда усилия концентрировались только на городском хозяйстве. Даже в новых городах повторялись ошибки, которые допускались и 20, и 30, и 40 лет назад. Массовое жилищное строительство, начавшееся в 60-х гг., проектирование сотен новых городов и поселков на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке на фоне некоторой либерализации политического режима стимулировали прикладные исследования, направленные на обслуживание жилищной и градостроительной политики. На рубеже 60—70-х годов возникло понимание города не просто как уменьшенного общества, копирующего социальные, экономические, хозяйственные процессы, а как территориальной единицы, обладающей собственными закономерностями. Эпоха территориально-производственных комплексов (ТПК), масштабного освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири, появление на карте страны новых городов, как элементов ТПК 60—70-х годов, выдвинули задачи проектирования, учитывающего воспроизводство социалистических городских отношений⁵. Эти

вопросы обсуждали представители отечественной школы социологии города, воссозданной в XX в. при участии архитекторов О. Н. Яницкого и Л. Б. Когана. Главная их заслуга состоит в том, что в эпоху тотального господства индустриальных концепций урбанизации они обосновывали главенство социальных факторов в процессе урбанизации. Активность социологов, исследующих городские процессы в 60—70-х гг., совпала с процессом освоения новых территорий. Формирование городской среды в чистом поле по решению сверху опиралось на результаты многолетних исследований образа жизни населения ряда крупнейших городских центров, отдельных новых городов и агломераций. Урбанизация сегодня предстает перед нами как всемирно-исторический процесс интенсивного взаимодействия социального и пространственного начал политической среды в условиях их нарастающей хозяйственной концентрации и классовой интеграции. Это взаимодействие сопровождается постоянным усложнением и дифференциацией социальных и пространственных факторов, усилением их взаимовлияния в ответственном разрешении вопросов собственности. Не просто интенсивная управленческая деятельность власти и ее инфраструктурные результаты в той или иной сфере производства, науки и культуры, а городские социальные отношения являются вершиной, высшим результатом урбанизации. Предлагалось построить позицию горожанина, что означало осознание нашего собственного бытия в городской среде, самих себя как горожан. В начале перестройки исследуется такой аспект урбанизации, как процесс установления между потребностями и интересами различных частей общества определенных соответствий: личности и государства в ходе функционирования и развития городов, различных районов и территорий, как результат более широкого политического процесса демократизации. Утверждалось, что проектирование и строительство являются лишь инструментами управления городской средой и не могут претендовать на главенствующий характер в данном процессе. Когда переход к демократическим принципам городского самоуправления пока не произошёл, советскими планировщиками анализировалось, какими должны быть демократические принципы городской и градостроительной политики, демократические принципы управления городом, необходимость развития самоуправления⁶. Многолетние исследования механизмов образа жизни населения ряда крупнейших сложившихся городских центров, отдельных новых городов и агломераций взаимовлияния городской среды и человеческого фактора актуальны и сегодня, так как, к сожалению, градостроительная практика сегодня так и не смогла преодолеть зафиксированные еще в советское время проблемы, прежде всего, отождествление развития с ростом и игнорирование социальных процессов.

Заключение

Рассмотрение советских концепций урбанизации интересно не только с исторической точки зрения. В отличие от рассмотренных выше западных концепций урбанистики, социалистические концепции были во всей полноте реализованы на практике. Мы сегодня живем внутри этих реализованных концепций и вынуждены решать порожденные этими реализациями проблемы. Но важно знать эти концепции еще и потому, что, как ни удивительно, они продолжают воспроизводиться в современной деятельности территориаль-

5 Лаппо Г. М. Рассказы о городах / Оформление художника Е. В. Ратмировой. — Изд. 2-е, доп. и переработанное. — М.: Мысль, 1976.

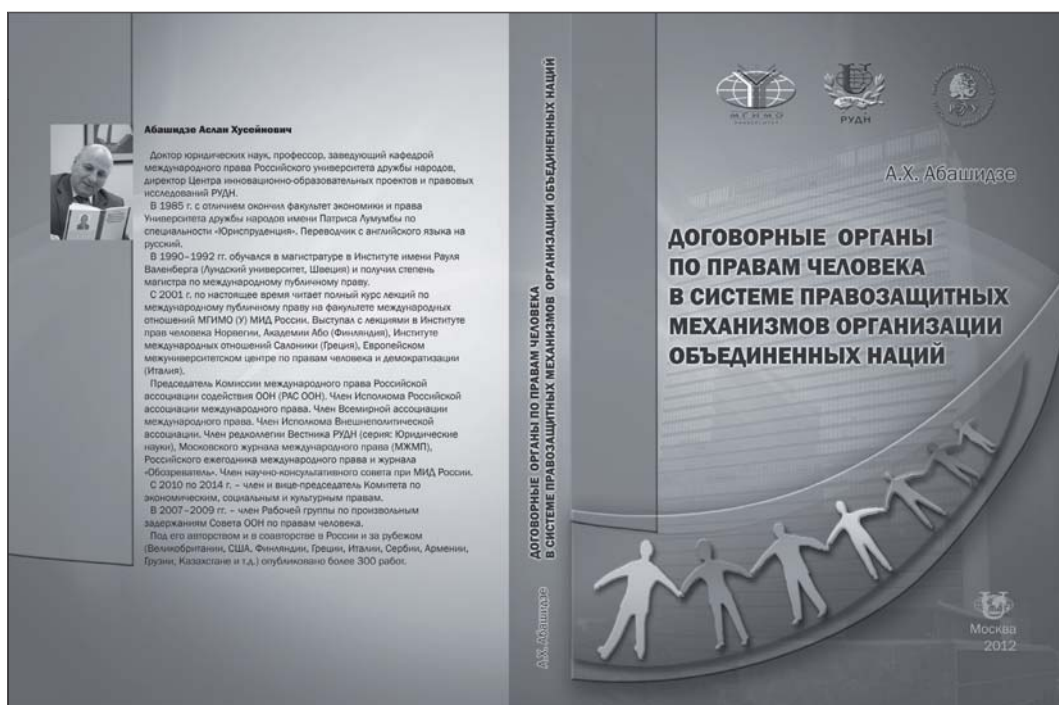
6 Польщиков И. В. Место и роль института местного самоуправления как неотъемлемой составляющей гражданского общества // Politbook. — № 4. — С. 153—162.

ного планирования. В XX в. сформировались две различные практики урбанистики. В Советском Союзе была построена тотальная практика директивного планирования, когда цели территориальных изменений вырабатывались в верхнем уровне государственного управления, и исполнялись на местном уровне. Эта практика, несколько замаскированная современными идеологическими лозунгами, без изменений перенесена в сегодняшнее время. Она, в терминологии Э. Фромма, является отчужденно-бюрократической практикой планирования, которая, под прикрытием общественных или государственных интересов, обслуживает частные интересы. В рамках этой практики социологическое направление в урбанистике отсутствует. Вторая, гуманистическая практика, опирается на потенциал самоорганизации людей и местное самоуправление, на культуру и традиции. Гуманистическая практика планирования учитывает, что общество политически структурировано по отношению к разным версиям будущего. Институт политики обеспечивает конкуренцию разных версий будущего. Институты права, собственности и рынка регулируют взаимодействия участников градостроительной деятельности. Перестройка ликвидировала базовые условия реализации тотальной практики планирования. Государственная монополия на целеполагание и на ресурсы реализации целей территориальных изменений сменилась множеством независимых носителей проектности, имеющих собственные цели и ресурсы их реализации на территории. Но необходимо констатировать, что реальная практика планирования, технологии, которые используют проектировщики, за двадцать постперестроечных лет не поменялись в своей сущности. Они поменялись формально, внешне. Главным показателем того, что технология городского планирования в России не изменилась, является то, что в проектах продолжает использоваться термин «население». Это означает, что в практике российской урбанистики так и не появилась социологическая составляющая, хотя на словах все время провозглашается, что город – это люди, что

цель планирования в повышении благосостояния населения и тому подобное. Социологическое направление в урбанистике – это инновация в практике российского градостроительства. Внедрение инноваций всегда сопровождается трудностями и сопротивлением не только людей, которые работают в этой области и не склонны что-то менять. В случае с градостроительным планированием и градостроительной деятельностью в целом внедрение инноваций означает развитие социальных институтов – институтов управления и политики. Данное публикационное исследование ставило целью показать, какие урбанистические концепции необходимо ассимилировать нашему российскому городскому планированию.

Пристатейный библиографический список

1. Вебер М. Город. В: Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990.
2. Глазыхев В. Л. Девелопмент вчерашний и сегодняшний. — М.: Фонд «Русский авангард», 2010.
3. Глазыхев В. Л. Урбанистика. — М.: Издательство «Европа», 2008.
4. История социологии (XIX – первая половина XX века) / Под ред. В. И. Добренькова. — М., 2003.
5. Лаппо Г. М. Рассказы о городах / Оформление художника Е. В. Ратмировой. — Изд. 2-е, доп. и переработанное. — М.: Мысль, 1976.
6. Польшиков И. В. Место и роль института местного самоуправления как неотъемлемой составляющей гражданского общества // Politbook. — 2012. — № 4.

Фаттахов Т. А., Николаюк Е. А.
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ КАК ФАКТОР РИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
МОЛОДЕЖИ

По оценкам самых разных специалистов, уровень смертности от внешних причин в России – один из самых высоких в мире. Уровень смертность мужчин в возрасте 15–29 лет во многом определяется смертностью именно от этого класса причин смерти. В 2012 году внешние причины обусловили 68% мужской и 50% женской смертности молодежи в возрасте 15–29 лет. В России в возрастной группе 15–29 лет смертность от дорожно-транспортных происшествий является ведущей среди всех внешних причин.

Уровень травматизма молодежи в результате дорожно-транспортных происшествий в России значительно выше, чем в европейских странах. В поисках причин этих различий авторами была выдвинута гипотеза о влиянии некоторых ценностных установок на рисковое дорожно-транспортное поведение молодежи. Цель данного исследования – выявить наличие или отсутствие связи между некоторыми ценностными установками молодежи и рисковым поведением.

Ключевые слова: молодежь, смертность, внешние причины смерти, ДТП, рисковое поведение, ценности.

Fattakhov T. A., Nikolayuk E. A.
VALUES ORIENTATIONS AS A FACTOR OF YOUTH'S RISK BEHAVIOR

In Russia the level of youth injuries in road accidents is much higher than in European countries. Searching for the reasons of such differences the authors put forward a hypothesis that some values influence risk traffic behavior of the youth. Relations between values orientations, on the one hand, and matrimonial, sexual and reproductive behavior, on the other hand, are investigated by many sociologists and demographers. However, there are few Russian and foreign researches related to the values and risk traffic behavior. Therefore, the aim of the study is to reveal the connection between youth values and risk behavior.

To achieve the aim the authors employed the statistics data of the Federal State Statistics Service and World Health Organization (WHO), and the data collected by the international survey – European social survey (6th wave, 2012).

The European Social Survey (ESS) 2012 standard questions about agrees or disagrees with the statements were used as basic values of the youth. Based on responses of people aged 15–29 the indexes of the values “security” and “benevolence” were calculated. Also in the analysis the information about people's attitude towards breaking the traffic laws and their estimation of the possibility to be caught were added from the ESS 2010. As an indicator of the road traffic injuries the standardized mortality rate due to the road injuries calculated by the direct method was applied.

Key words: youth, mortality, external causes of death, road traffic accidents, risk behavior, values.

Молодой возраст обычно является самым здоровым периодом жизни человека, когда он обладает наилучшим физическим состоянием и обретает многие когнитивные способности. Молодые люди уходят от опеки родителей, вступают в самостоятельную жизнь. Это может привести к многочисленным рискам для здоровья и жизни. В качестве примеров можно привести приобщение к курению, употреблению алкогольных напитков и наркотических средств. Данные Фонда «Общественное мнение» показывают, что люди, с одной стороны, осознают влияние самих людей на состояние своего здоровья: около 60% опрошенных считают, что состояние здоровья зависит, прежде всего, от самого человека, его заботы о своем здоровье. Но, с другой стороны, заботятся о своем здоровье, в первую очередь, пожилые люди. Молодые люди считают, что среди них больше тех, кто не заботится о своем здоровье¹. А именно в этот период жизни формируются и закрепляются привычки в образе жизни, питании и двигательной активности. В то же время именно в молодом возрасте резко

возрастает риск получения травм, поскольку они с большей вероятностью могут стать жертвами дорожно-транспортных происшествий или насилия².

В развитых странах именно на молодежь приходится наибольший риск травматизма и смертности от так называемых «внешних причин» (рис. 1).

К внешним причинам смерти относятся те причины, которые вызваны не болезнями, а различными внешними воздействиями. Они могут быть умышленными (убийства и самоубийства) или неумышленными (несчастные случаи, связанные с транспортным движением или вызванные огнем; утопления; отравления; падения), выделяют также повреждения с неопределенными намерениями³.

Фаттахов Т. А.

Николаюк Е. А.

1 Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 30 июня 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10984>

2 Щербакова Е. А. Молодежь мира: основные демографические тенденции // Демоскоп Weekly 2012. № 509-510 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/barom01.php>

3 Юмагузин В. Внешние причины смерти и продолжительность жизни в России // Демоскоп Weekly 2011. № 485-486 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0485/demoscope485.pdf>

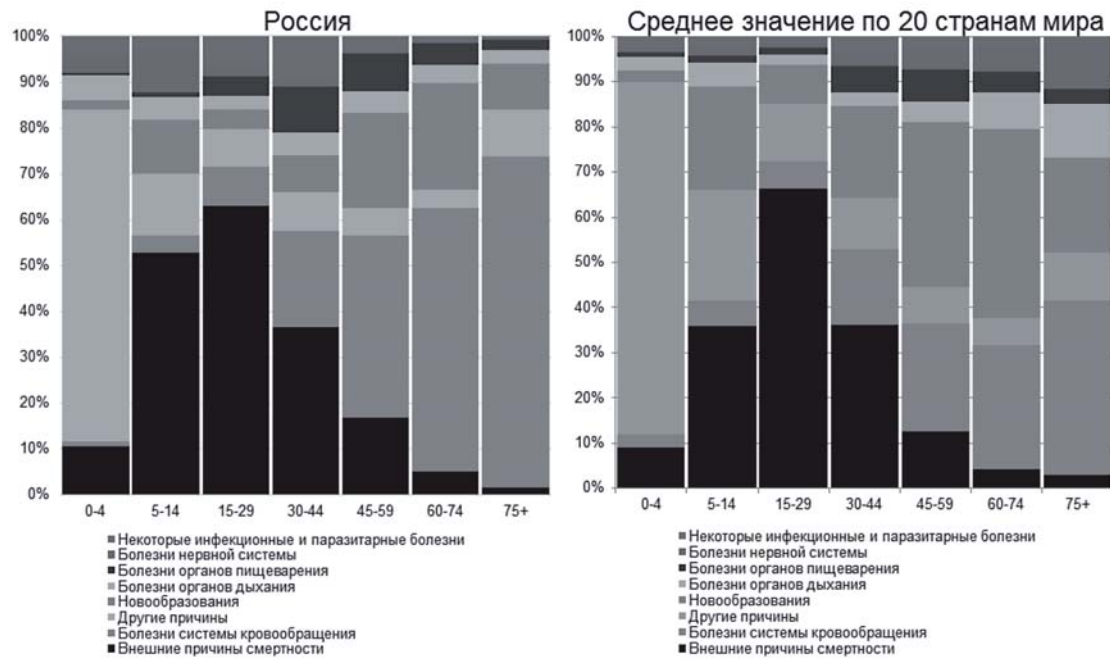

Рисунок 1. Структура смертности по основным классам причин смерти в России и 20 странах мира*, 2012.
 * Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, США, Финляндия, Франция, Швеция
 Источник: Росстат, WHO Mortality database (MDB).

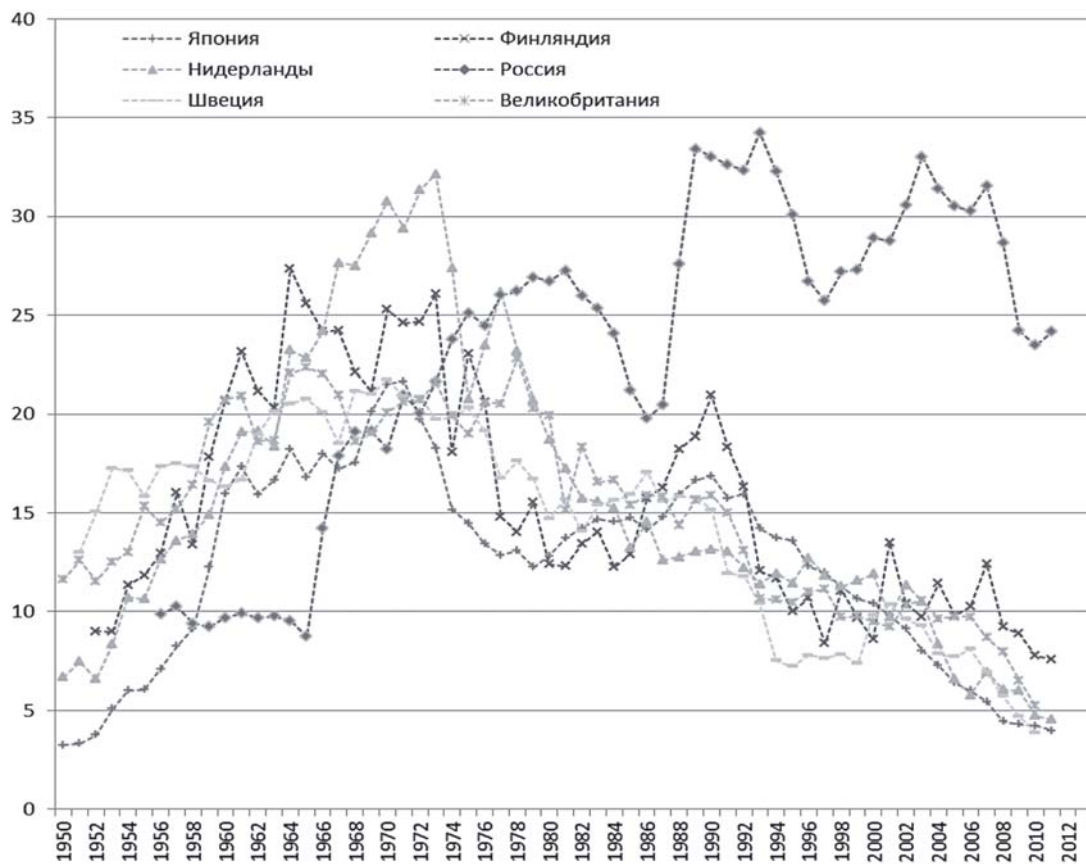

Рисунок 3. Коэффициент смертности от ДТП в возрастной группе 15-29 лет, 1950-2012гг. на 10000
 Источник: Росстат, WHO Mortality database (MDB).

Уровень смертности мужчин в возрасте 15-29 лет во многом определяется смертностью именно от этого класса причин смерти. В России в 2012 году внешние

причины обусловили 68% смертности в этой возрастной группе. В смертности женщин 15-29 лет внешние причины играют меньшую роль. В России в 2012 году они

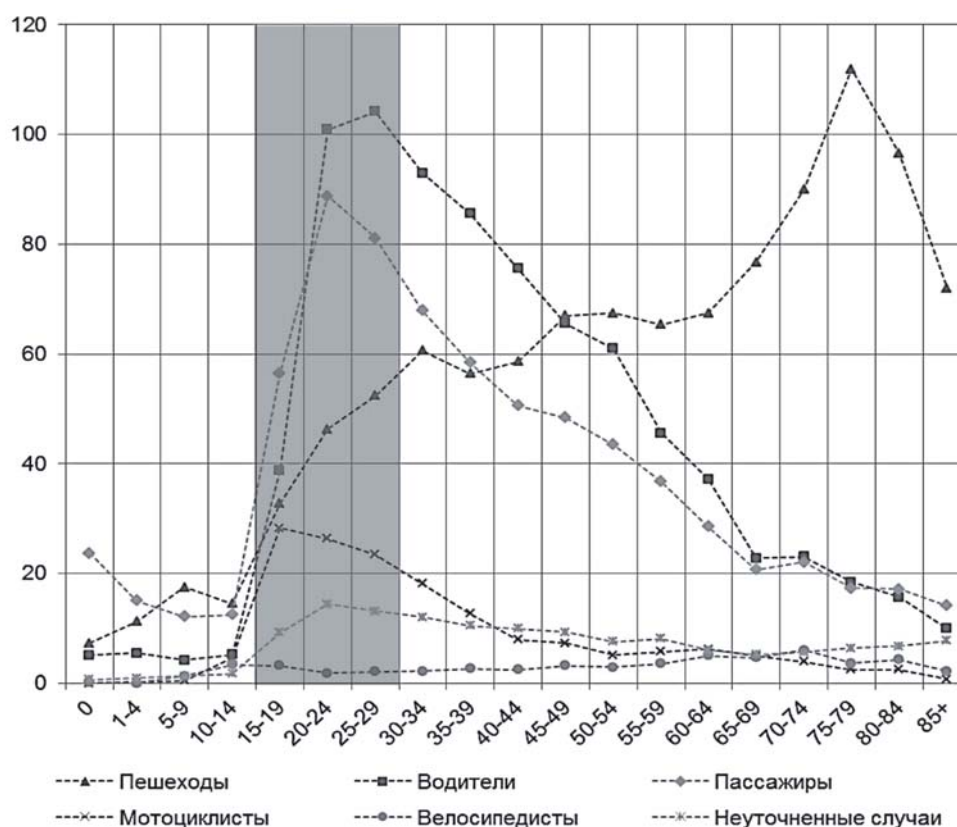

Рисунок 4. Возрастной профиль смертности от ДТП у разных категорий участников дорожного движения в России, 2011г. (на 1млн.)
Источник: Росстат.

обусловили около половины смертей женщин этого возраста⁴.

По оценкам самых разных специалистов, уровень смертности от внешних причин в России – один из самых высоких в мире. Основной причиной смерти в классе внешних причин является смертность от дорожно-транспортных происшествий. По данным Росстата с 1990 по 2011 год в ДТП погибло свыше 200 тысяч молодых людей в возрасте 15-29 лет, что составило почти треть от всех погибших в ДТП. Дорожно-транспортные происшествия – относительно молодая причина смерти. Убийства, самоубийства, отравления, утопления и т.д. существовали всегда, но о ДТП этого сказать нельзя, они – порождение новой техногенной эпохи⁵.

В России смертность от ДТП среди молодежи в относительных показателях намного выше, чем в большинстве развитых стран, и, в отличие от них, в России не наблюдается устойчивой долговременной положительной тенденции (рис. 3).

Имеющиеся данные по России показывают, что подверженность молодых водителей дорожно-транспортным происшествиям снижается с увеличением возраста, при котором можно получить права на самостоятельное управление транспортным средством; это говорит о том, что возрастные факторы играют определенную роль среди причин ДТП. Действительно, физическая и эмоциональная незрелость, а также

стили жизни, ассоциирующиеся с молодостью, способны увеличивать риск и тяжесть ДТП (рис. 4).

Причины, по которым возраст, пол и опыт образуют на дорогах столь разрушительную смесь у некоторых молодых людей, – а иные из них больше других склонны к риску, – весьма сложны. Здесь есть множество взаимодействующих факторов, в том числе физиологическое и эмоциональное развитие, личные особенности, социальные нормы, роль молодежи в обществе, индивидуальные социально-экономические обстоятельства, пониженные способности, сама задача управления автомобилем и стиль управления, к которому часто прибегают молодые начинающие водители. Высокому риску ДТП подвержены в особенности некоторые типы личности. Нормы в кругу общения, в том числе нажим сверстников и бунтарский акцент в молодежной культуре, могут сказываться на стиле вождения, как и примеры поведения, подаваемые кумирами. Алкоголь, наркотики, усталость, эмоции и такие отвлекающие моменты внутри автомобиля, как мобильные телефоны, – все это ослабляет водительские способности.

Проблема рискованного (самосохранительного, жизнеохранительного) поведения молодежи находится в центре внимания уже давно. В отечественной науке интерес к данному вопросу возник почти сто лет назад. Однако, в 1930-х гг. исследования были прекращены. Они возобновились только во второй половине XX века⁶. В последнее время немногочисленные исследования рискованного поведения молодежи были посвящены про-

4 Щербакова Е. А. Молодежь СНГ: штрихи к демографическому портрету // Демоскоп Weekly 2014. № 615-616 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0615/baom01.php>

5 Вишневский А. Г., Фаттахов Т. А. ДТП и смертность в России // Демоскоп Weekly. 2012. № 527-528 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0527/tema01.php>

6 Антонов А. И. Методы изучения самосохранительного поведения, ценностных ориентаций, установок к здоровью и продолжительности жизни. М.: Микросоциология семьи, 1998; Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и Статистика, 1984; Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

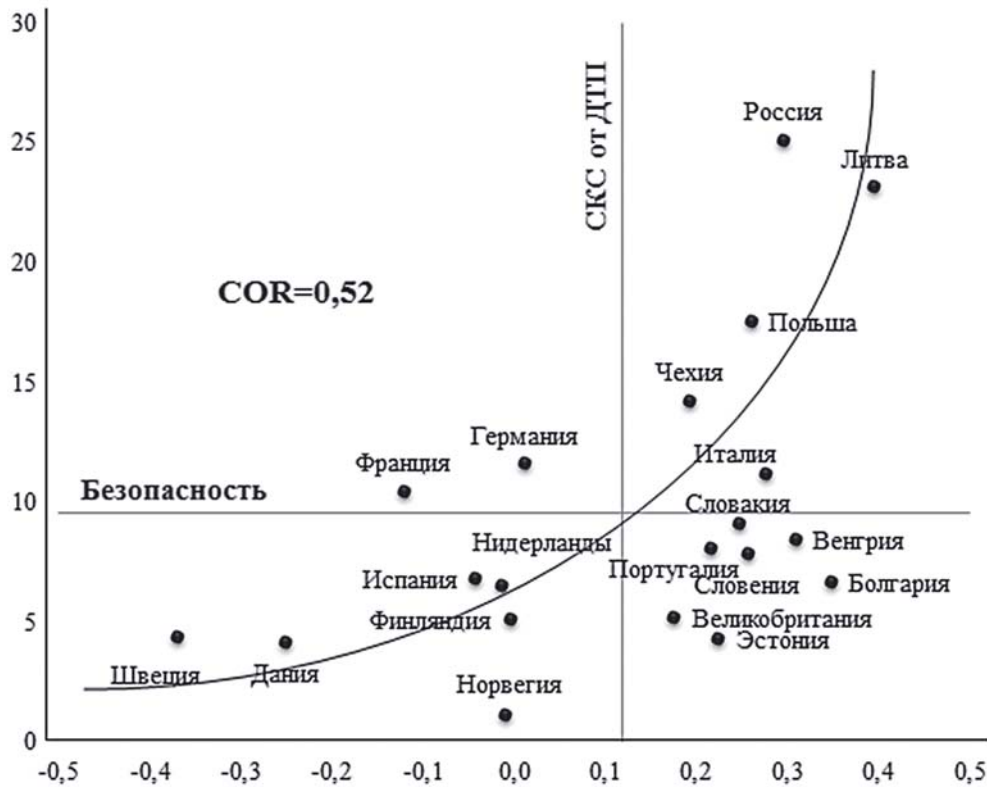

Рисунок 5. Связь между индексом ценности «Безопасность» и смертностью от ДТП (СКС)
 Источник: Росстат, WHO Mortality database (MDB); Европейское социальное исследование, (6 волна); Всемирная организация здравоохранения (2011-2012), люди в возрасте 15-29 лет.

блемам факторов состояния здоровья, изменению отношения к здоровью⁷, месту здоровья в ценностном мире студентов⁸.

Зарубежные исследования о рисковом поведении в основном рассматривают его в контексте изучения отношения индивида к своему здоровью, факторов состояния здоровья и смертности⁹.

По данным программы международного социального исследования (ISSP) 2011 года сравнительно больше российских молодых мужчин и женщин потребляют алкоголь и курят сигареты, чем молодежь в европейских странах. В Европе в среднем 3,7% людей в возрасте 15-29 лет потребляют алкоголь несколько раз в неделю или каждый день и 30% курят. В то время как 6% российской молодежи несколько раз в неделю или каждый день потребляет алкоголь и 39% курят. Это не только наносит вред здоровью, но и увеличивает риск ДТП. Определенные ценностные установки ограничивают наступление таких неблагоприятных событий, так как сформированные у людей ценности часто детерминируют человеческое поведение¹⁰.

В сравнительно недавних социологических работах отмечается глобальная тенденция общества к индивидуализации. В условиях индивидуализации появляется множество личностных стратегий поведения. Современному человеку приходится действовать в условиях неопределенности, адаптируясь

к внедрениям новых технологий и создавая новые формы рискового поведения¹¹.

Бек У. отмечает формирование общества риска, которое приходит на смену индустриальному обществу: «В XX веке многие желали приобрести новое изобретение техники - машину, это считалось статусом финансового достатка. Машин стало больше, их скоростные возможности выросли, что, в итоге, привело к повышению вероятности умереть в результате дорожно-транспортного происшествия»¹².

Коренные причины высокой молодежной смертности от ДТП в России связаны с долговременными особенностями развития российского общества. Во многих европейских странах, в последние десятилетия удалось добиться значительного снижения молодежной смертности, которое сопровождалось значимыми переменами в образе жизни. Россия же в основном оставалась в стороне от этих перемен, сама их необходимость не осознавалась или осознавалась недостаточно¹³.

Результаты Европейского социального исследования 2012 года показывают, что между базовыми ценностными установками молодежи и рисковым дорожно-транспортным поведением существует тесная связь. Ценностные ориентиры могут выступать в роли индикатора рискового поведения на дорогах и указывать на некоторые социальные конфликты и противоречия.

Базовыми ценностями для российской молодежи в сравнении с молодежью европейской являются власть, богатство, уважение, сохранение семейных традиций и ценностей, жизнь под

7 Гафиатулина Н. Х. Специфика отношения учащейся молодежи России к здоровью в социоструктурном контексте. Автореф. Канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

8 Козина Г. Ю. Здоровье в ценностном мире студентов // Социологические исследования 2007. № 9. С. 147-149.

9 Paula M. Lantz et al Socioeconomic factors, health behaviors, and Mortality. JAMA 279(21). 1998

10 Дубов И. Г. Ценности и поведение: анализ взаимосвязи // Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы. М.: Дом интеллектуальной книги. 2003. С. 182.

11 Омельченко Е. Л. От проблемного конструкта молодежного вопроса - к анализу молодежной повседневности. «Молодежь: Открытый вопрос». Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. С. 129.

12 Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 36

13 Вишневский А. Г. Сбережение народа или депопуляция России? Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010. С. 65.

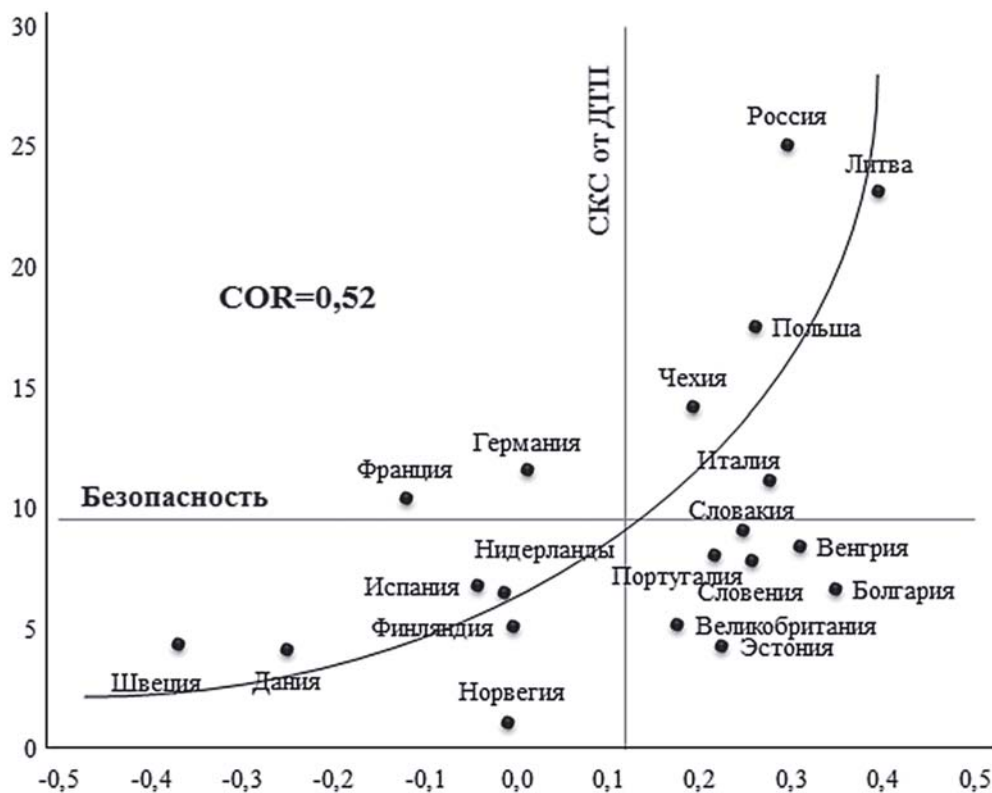

Рисунок 6. Связь между индексом ценности «Доброta» и смертностью от ДТП (СКС)
 Источник: Европейское социальное исследование (6 волна), Всемирная организация здравоохранения (2011-2012), люди в возрасте 15-29 лет.

защитой сильного государства, консерватизм. Российская молодежь не столь сильно поддерживает универсалистские взгляды, больше стремится к реализации своих индивидуалистических целей. Российская молодежь, характеризуется сильной ориентацией на «Самоутверждение», в ущерб «Заботе о людях»¹⁴. Структура ценностных ориентаций молодежи приводит к социальным противоречиям. Одно из противоречий заключается в важности защиты сильного государства при отсутствии доверия к государственным институтам¹⁵. Для молодежи оказывается недостаточными государственная регламентация и конвенциональный символический порядок, поэтому юноши и девушки создают собственные представления об опасном и рисковом поведении¹⁶.

Ориентация на государственные санкции, важность ценности защиты сильного государства при относительно низкой важности заботы об окружающих людях так же приводит к отрицательным последствиям рисковом поведения. На рис. 5 показана положительная связь между важностью такой ценностной ориентацией, как «Безопасность» и смертностью от ДТП.

Ценность «Безопасность» строится на основе высказываний о том, насколько важно жить в безопасном окружении, насколько важно, чтобы правительство или сильное государство могло защитить граждан. Но на дороге при повышенной рискованности в результате несоблюдения ПДД, государственная защита не работает. Так как молодые люди в России чаще склонны менять

свое поведение, не придерживаясь регламентированных правил поведения на дороге в отличие от многих молодых жителей Европы, ситуация неопределенности поведения увеличивается, люди не могут просчитать возможные варианты поведения водителей на дороге. Растет и риск попасть в ДТП.

Снизить последствия нарушений формальных правил могут неформальные правила поведения, основанные, прежде всего, на заботе об окружающих (пешеходах, пассажирах, других водителях), осторожности и отсутствии рискованности. И, как показывает рис. 6, ценность «доброта», (который аккумулирует в себе показатели отношения к окружающим людям) и смертность от ДТП имеют достаточно сильную обратную связь.

Молодые люди, ориентирующиеся, в первую очередь, на внешнюю защиту (государственных органов), а не на взаимопомощь и поддержку людей внутри общества, оказываются в условиях большей рискованности поведения, и, в итоге, большей вероятности попасть в ДТП и умереть в результате ДТП. Ценность не только собственной жизни, но и жизни других людей влияет на сокращение рисковом ситуаций среди населения. «Количество смертей, жертв — именно в силу того, что жизнь обладает ценностью — выступает своеобразной «валютой», посредством которой возможно измерение различных рисковом решений»¹⁷.

В общественном сознании российской молодежи долгие годы сохраняется общераспространенное убеждение, согласно которому нарушение ПДД — это нарушение водителя относительно государства (инспектора ДПС), но не перед другими участниками дорожного движения¹⁸. Молодые люди (стоит

14 Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности — 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт WP6/2010/03 Серия WP6 Гуманитарные исследования. М.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 253.

15 Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: РУДН, 2009. С. 49.

16 Фомина А. Безопасность в городе и молодежные практики: стратегии сопротивления или тотальный контроль // Рго Тело: молодежный контекст. СПб., 2013. С. 225.

17 Гаврилов К. А. Ценность жизни в рискологии: возможность социологического анализа // Риск: исследования и социальная практика. — 2011. С. 8

18 Блинкин М. Я., Решетова Е. М. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 162.

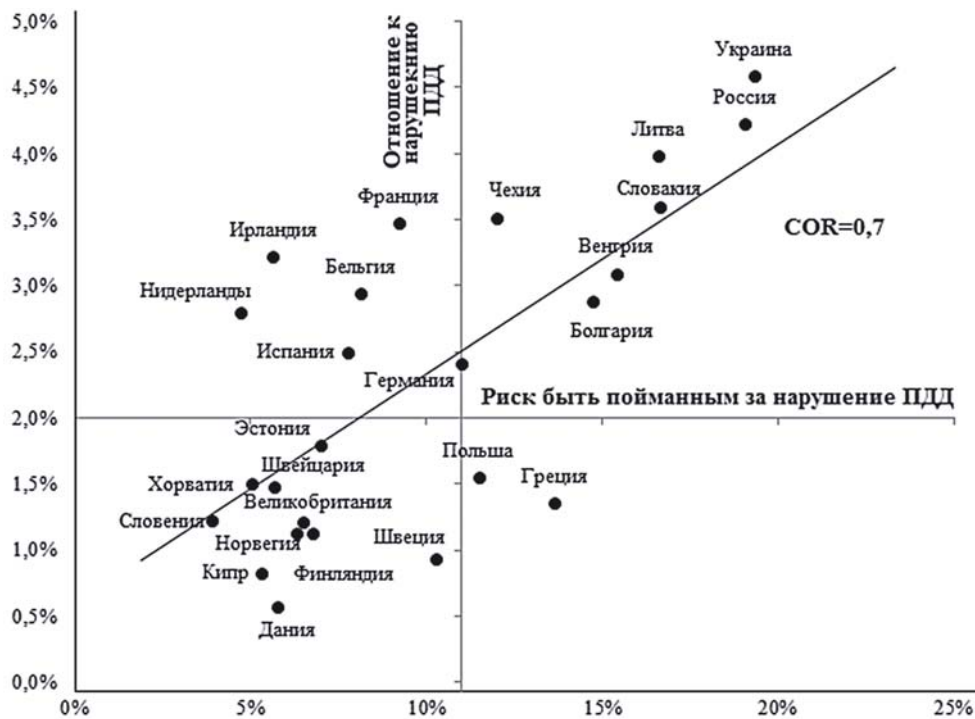

Рисунок 9. Связь между одобрением нарушать ПДД и быть наказанным за нарушение ПДД. Источник: Европейское социальное исследование, 5 волна, 2010, люди в возрасте 15-29 лет*.

учесть, что в данную возрастную категорию входит значительная доля неопытных водителей, недавно получивших права) опираются на логику соблюдения правил, поскольку так требуют государственные органы, а не потому что соблюдение правил сохранит собственную жизнь или жизнь окружающих людей.

Данные качественного исследования, проведенного в августе 2014 год в Угорском районе Костромской области подтверждают этот вывод: «Конечно, нет (документов, подтверждающих владение мотоциклом, как нет и водительских прав)... Если в городе ездить, там понятно, сотрудники нас примут. А тут давно уже нет сотрудников полиции, поэтому некому это пресечь» (муж, 20 лет)¹⁹. В современных деревнях не так много дорог или переулков, практически нет асфальтированной дороги, много ям, нет возможности разогнаться до большей скорости. В итоге, нет потребности в регулировании правил дорожного движения. Зная всё это, сельские люди могут и нарушают основные требования, предъявляемые к водителям: не пристегиваться ремнями безопасности, садиться за руль в нетрезвом состоянии, пользоваться транспортным средством без водительских прав. Нарушая эти правила, люди. Отсутствие санкций в сельской местности приводит к грубому нарушению правил дорожного движения. Так, в качестве одной из причин бросить пить, опрошенными указывались аварии: «Просто в аварию попал и всё, и я бросил пить» (муж, 25 лет)²⁰. Но не всем удается выжить в столь рискованных ситуациях. В деревне и

аварии случались, часто со смертельными исходами. Интервьюеры приводили примеры последствий несоблюдения правил: пьяный водитель задавил пешехода, пьяный водитель попал в яму и выпал из мотоцикла, пьяный водитель врезался в двери клуба. Но такие ситуации, по логике местных жителей, происходят только с другими людьми, их это не коснется. Так рассуждают и молодые, и люди постарше. Причина такой логики кроется в сохранении паттернов поведения старших поколений: «У меня дед постоянно пьяным ездил, как правило, обратно (с работы). Приезжал домой, трактор глушил, там всё делал, падал и спал. Больше ничего не мог, но как бы ехал по правилам, всё правильно. Приезжал и выпадал, не мог идти, а ехать мог» (муж, 20 лет).

Количественные данные международного Европейского социального исследования показывают, что такая логика нарушений правил свойственна не только жителям сельской местности, но и в целом молодому населению России. Люди в возрасте 15-29 лет из России, Украины, Литвы, Словакии отмечают, что низка вероятность быть пойманным за нарушение ПДД, что не склонны осуждать такое нарушение, как превышение скорости или езда на красный свет (рис. 11).

К сожалению, ценности – это достаточно устойчивая структура, которую сложно изменить. В обществах, где на высоких ступенях иерархии базовых ценностей находятся доброта, помощь и забота о других, наблюдается значительно меньшая подверженность рисковому поведению. Основанные на доверии отношения между членами общества увеличивают вероятность соблюдения обязательств без применения санкций²¹.

Выводы

В последние годы принимается множество законодательных инициатив в области безопасности дорожного движения.

19 Взаимодействие городских «дачников» творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом (на примере Угорского проекта в Костромской области). Исследование в рамках проекта Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», грант № 2014-002, 2014.

* По горизонтальной шкале отложены проценты людей, ответивших «совершенно невероятно» на вопрос «Пожалуйста, скажите, насколько вероятно, что вы будете пойманы и наказаны, если вы совершите такое нарушение ПДД, как превышение скорости или езда на красный свет?». По вертикальной оси отложены проценты людей, ответивших «совершенно не правильно» на вопрос: «Насколько неправильно совершить такие нарушения ПДД, как превышение скорости или езда на красный свет?»

20 Николаюк Е. А. Самооценка здоровья и самосохранительное поведение сельских жителей и дачников Костромской области // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2015. № 3.

21 Радаев В. В. Экономическая социология. Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С. 129.

Многие из них направлены на исправление поведенческих установок российских граждан. К ним можно отнести и антиалкогольное законодательство последних лет, и законодательство в отношении пассивной безопасности и многое др. Но, не смотря на это, молодежь, как основная возрастная группа риска на дорогах, остается без надлежащего внимания. Ни в первой, ни во второй Федеральных Целевых Программах по безопасности дорожного движения вопросы связанные с молодежью не поднимались.

Высокая смертность от ДТП говорит о том, что в России молодежь живет в среде враждебной и агрессивной по отношению к ним самим. В России нормальной практикой является взваливание ответственности за аварию на самого человека. Это характерно и для официального и для научного дискурсов, и для общественного сознания²² [Шурыгина И. Смертность российских детей от внешних причин // Демоскоп Weekly 2013. №537-538]. Негативные последствия рискованного поведения российской молодежи обычно приводят к применению государством определенных формальных и неформальных санкций. Ужесточение санкций, за нарушение институционально закрепленных правил поведения не приводит к изменению сложившейся ситуации.

Основная стратегия развитых стран в снижении уровня дорожно-транспортного травматизма долгие годы заключалась в том, чтобы сделать окружающую человека среду максимально безопасной, дружелюбной для него. Многие в данном вопросе определяется поведением самого человека, и поведением окружающих его людей, от того, как люди относятся друг к другу, и от отношения к своей и чужой жизни.

Изменение ценностных ориентаций – это сложный и длительный процесс, однако реализуемый. Возможной преградой на пути к положительным изменениям является ориентир на сохранение паттернов поведения, которые мешают российской молодежи инкорпорировать новые ценности, неформальную структуру правил, позволяющих снизить риски, существующие в современном обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов А. И. Методы изучения самосохранительного поведения, ценностных ориентаций, установок к здоровью и продолжительности жизни М.: Микросоциология семьи, 1998.
2. Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и Статистика, 1984.
3. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Блинкин М. Я., Решетова Е. М. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институты. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.
5. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
6. Вишневский А. Г. Сбережение народа или депопуляция России? Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010.
7. Вишневский А. Г., Фаттахов Т. А. ДТП и смертность в России // Демоскоп Weekly. 2012. № 527-528.
8. Взаимодействие городских «дачников» творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом (на примере Угорского проекта в Костромской области). Исследование в рамках проекта Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», грант № 2014-002.
9. Вялов И. С. Особенности формирования и управления самосохранительным поведением студентов (на примере студентов Российского Университета Дружбы Народов. Автореф. Канд. соц. наук. М., 2011.
10. Гаврилов К. А. Ценность жизни в рискологии: возможность социологического анализа // Риск: исследования и социальная практика. – 2011. С. 8.
11. Гафиатулина Н. Х. Специфика отношения учащейся молодежи России к здоровью в социоструктурном контексте. Автореф. Канд. соц. Наук. Ростов-на-Дону, 2007.
12. Дубов И. Г. Ценности и поведение: анализ взаимосвязи // Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
13. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт WP6/2010/03 Серия WP6 Гуманитарные исследования. НИУ ВШЭ, 2010.
14. Назарова И. Б. Здоровье и самосохранительное поведение занятого населения в России. НИУ ВШЭ. М.: МАКС Пресс, 2007.
15. Николаюк Е. А. Самооценка здоровья и самосохранительное поведение сельских жителей и дачников Костромской области // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2015. №3.
16. Омельченко Е. Л. От проблемного конструкта молодежного вопроса – к анализу молодежной повседневности. «Молодежь: Открытый вопрос» / Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.
17. Козина Г. Ю. Здоровье в ценностном мире студентов // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 147-149.
18. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005.
19. Росстат. Российский статистический ежегодник 2013. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 20.05.2015)
20. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: РУДН, 2009.
21. Фомина А. Безопасность в городе и молодежные практики: стратегии сопротивления или тотальный контроль // Pro Тело: молодежный контекст, Санкт-Петербург, 2013.
22. Шурыгина И. Смертность российских детей от внешних причин // Демоскоп Weekly 2013. № 537-538.
23. Щербаква Е. А. Молодежь мира: основные демографические тенденции // Демоскоп Weekly 2012. № 509-510.
24. Щербаква Е. А. Молодежь СНГ: штрихи к демографическому портрету // Демоскоп Weekly 2014. № 615-616.
25. Юмагузин В. Внешние причины смерти и продолжительность жизни в России // Демоскоп Weekly 2011. № 485-486.
26. Paula M. Lantz et al Socioeconomic factors, health behaviors, and Mortality. JAMA 279(21), 1998.
27. European Social Survey, 5 and 6 waves. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 20.05.2015)

²² Шурыгина И. Смертность российских детей от внешних причин // Демоскоп Weekly 2013. № 537-538 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0537/tema01.php>

Бондаренко Г. В. МЕТАФИЗИКА ПОБЕДЫ

В статье содержится философское обоснование истинности тезиса об исключительной роли Советского Союза и советского народа в достижении победы во Второй мировой войне 1941–1945 гг. С позиции философской онто-материалистической концепции мира и человека, представляющей собой также новую версию метафизики, названную автором «метафизикой Глубины», в статье раскрывается глубинно-метафизический смысл победы Советского Союза над нацистской Германией как преодоление действительным человеком идеологии господства и власти надчеловеческого человека над миром, базирующейся на основоположениях ложной по своей сути «метафизики Высоты», на протяжении веков исподволь управлявшей сознанием и поступками людей «западного мира». Предлагаемая в статье аргументация позволяет также обосновано опровергать и отвергать все плоские спекуляции на тему великой победы советского народа, имеющие целью принизить его роль в мировой истории.

Ключевые слова: онто-материалистическая концепция мира и человека, метафизика Глубины, метафизика Высоты, действительный человек, надчеловеческий человек, Советский Союз, нацистская Германия, победа.

Бондаренко Г. В.

Bondarenko G. V. METAPHYSICS OF VICTORY

This article contains philosophical justification of the validity of the thesis about an exclusive role of the Soviet Union and the Soviet people in achievement of a victory in World War II of 1941–1945. On the basis of the philosophical onto-materialistic concept of the world and the human being representing the new version of metaphysics called by the author also "metaphysics of Depth", the article deals with the deep and metaphysical sense of a victory of the Soviet Union over Nazi Germany as overcoming by the true human being the ideology of domination and the power of the overman human being over the world which is based on the principles of false "metaphysics of Height", which throughout centuries gradually operate consciousness and acts of people of "Western world". The argumentation offered in article allows to disprove and reject all trivial speculations on the great victory of the Soviet people aiming to belittle its role in world history.

Keywords: onto-materialistic concept of the world and the human being, metaphysics of Depth, metaphysics of Height, overman human being, Soviet Union, Nazi Germany, victory.

ЧАСТЬ I

Der Maulwurf Geschichte gräbt sich
langsam aber gräbt gut –

Крот истории роет медленно,
но роет хорошо.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831).

Мысль, содержащаяся в высказывании Гегеля, может быть передана следующим образом: «объективный ход истории, являющийся нам в крупных переменах жизни людей, должен объясняться как результат действия внутренней непрерывно целесообразно и целенаправленно действующей силы, незримой в суете обыденных дел, но обретающей свою реальность как в событиях возникновения и утверждения великих культурных, социальных, религиозных и политических образований, так и в процессах их вырождения и разрушения».

Другими словами, действия людей, консолидированных волей великих исторических личностей в «армию абсолютной идеи», являются победоносными и успешными лишь до тех пор, пока они согласуются с «объективной логикой саморазвития» лежащей в основании мира «субстанции» (абсолютная идея у Гегеля). Образно говоря, после достижения цели, к которой ранее был устремлен «крот истории», он приступает к рытью следующего, скрытого от людей, «хода» всемирной истории, для чего выбирает уже иные народы и возвеличивает уже иные исторические личности, оставляя исполнившие свою «историческую роль» народы в покое забвения, а их великих исторических личностей заставляя еще и пережить позор поражений.

Можно сказать, что Гегель своим диалектическим (и одновременно идеалистическим) учением не только определен-

ным способом объясняет мир и человека, но и *предостерегает* (хотя и не вполне последовательно) социально-культурную и политическую элиту своего времени, говоря об иллюзорности перед лицом объективной логики саморазвития абсолютной идеи цели достижения абсолютного господства человека над миром (и человеком как части мира, подчиненной его законам), его абсолютно-великой власти над ними. А именно такая цель декларировалась в эпоху Нового времени элитой капиталистического общества, видевшей в достижениях научно-технического прогресса *вечный гарант* все возрастающего величия человека, постепенно освобождающегося от гнета природных законов и потому все более обретающего статус *надчеловеческого человека*, превращающего общество (капиталистическое общество, конечно) в подобие *мирового Космоса*, прогрессивно «снимающего в себе» (но уже в формах *общественного бытия*, навязываемых *надчеловеческим человеком* миру и человеку) *чувственно-данный мир (природу)*. И тем самым выступающего в роли творца мира и человека.

Иначе, на мой взгляд, следует, в свете вышеприведенного высказывания Гегеля, оценить учение К. Маркса, которое также всем своим *материалистическим* содержанием отрицает идею абсолютного господства человека-творца над природой, то есть миром. Учение Маркса по своим исходным философским принципам есть диалектический материализм, утверждающий, что весь мир (в том числе и общество) развивается прогрессивно (от низшего к высшему) по одним и тем же *объективным* диалектическим законам саморазвития материи. То есть, надо полагать, *материя творит мир в вечном процессе саморазвития*. Исторический материализм, являющийся «составной частью» диалектического материализма, является одновременно и философией, обосновывающей устремления *исторических личностей* на деле (то есть практически) ис-

полнить роль «повивальной бабки», путем социально-политической революции способствующей рождению нового, коммунистического общества, представляющим собой такую (высшую) форму движения социальной материи, когда последняя, будучи на определенном этапе своего саморазвития, обретает возможность существовать в качестве *субъекта*, который сознательно и целенаправленно (то есть свободно!) исполняет свою деятельность исключительно по основанию объективной логики *саморазвития материи*, переводя тем самым объективную диалектику, законам которой подчиняется все в мире, в том числе и общество, из «царства слепой необходимости» в «царство вечной свободы», носителем которой и призвано стать коммунистическое общество, являющееся, по мысли Маркса, *действительным субъектом* материально-практической и познавательной деятельности.

Частью исторического материализма, как известно, является учение о *мировом пролетариате* как «могильщике» класса капиталистов, который, по убеждению Маркса, израсходовав полностью свой прогрессивно-исторический потенциал, теперь стал помехой на пути объективно-исторического процесса возникновения самой высокой по развитию общественно-экономической формации. Класс капиталистов стремится замедлить этот процесс, и даже (хотя это и тщетно!) повернуть его вспять. А потому *мировой пролетариат* должен не *предостерегать*, не *увещевать*. Ему, как материальной силе материально-исторического прогресса, предписано *на деле* исполнить «смертельный приговор, вынесенный Историей»: насильственно-революционным путем уничтожить отживший свой век паразитический класс эксплуататоров, иллюзорно мнящего себя в образе *надчеловеческого человека* – великого творца и великого властителя мира. Но мир не творится, учит К. Маркс, мир *естественно* возникает, существует и развивается по объективно-материалистическим законам диалектики, преодолевая все старое, мешающее неизбежному возникновению нового.

Такова теория. Теория, вне всякого сомнения устремляющая человека к поиску *действительной* сущности мира, *действительной* сущности самого человека, *действительного* смысла существования человека в мире, и *действительной* (по основанию разума) *меры* его деятельности, потому до сих пор не утратившая своей значимости не только для философии, которую Маркс вслед за Гегелем вывел на новый, диалектический, горизонт мировидения, но и для любого человека, не отказавшегося от разума, истины и свободы как основных *действительных* ценностей человечества. Хотя, замечу в этой связи, что Маркс в пылу борьбы с метафизикой и религией, полностью изгнал из философии и *дух человека-творца*, не заметив его тень за своим плечом.

Теперь очевидно, что всемирная история пошла не «по Марксу». Во-первых, пролетарская революция произошла не в капиталистически развитой Англии, как предрекал К. Маркс, а в капиталистически отсталой России. Во-вторых, несмотря на все усилия официальных советских идеологов, оказалось невозможным убедить суровых критиков в том, что Советский Союз и есть первая стадия (этап, форма) коммунистической общественно-экономической формации, *естественно* пришедшей в силу действия неумолимых объективно-диалектических законов развития на смену капиталистическому обществу: на самом деле Советский Союз являл собой *конструкт*, результат определенного рода успешной (!) созидательной и целенаправленной деятельности таких несомненно *исторических личностей*, каковыми были В. И. Ленин и И. В. Сталин, создавшие и превратившие коммунистическую партию и советское государство в мощные инструменты, сделавшие возможной на фундаменте коммунистического учения К. Маркса консолидацию мультикультурных народов царской России в единую общность «советский народ», представлявший собой *великий нечеловеческий концентратор* духовной и материальной энер-

гии этих народов, путем идеологии и практики коллективизма преодолевавшим любые проявления индивидуализма у советских людей. В-третьих, чрезвычайно быстро, по масштабам исторического времени, произошел распад Советского Союза, что было бы невозможным, если бы всемирная история шла в соответствии с объективными законами исторического материализма. Всякие досужие разговоры о предательстве партийных вождей или о хитроумии американских разведывательных служб или о привлекательности «американской мечты» (две курицы в кастрюле, два «Форда» в гараже) как о *главных* причинах распада Советского Союза следует, на мой взгляд, отбросить как пустую обывательскую болтовню. На ум скорее приходит «аргумент от крота истории»: Советский Союз *выполнил до конца свою историческую миссию и прекратил свое существование*, потому что всемирно-исторический процесс, представляющий собой, по моему убеждению, длящийся во времени *глубинно-внутренний* процесс постижения *действительного* мира, самопознания человека (постижение *действительного* человека) и постижения *действительного* смысла существования человека в мире, на переломе веков *должен был* обрести новую перспективу, реализация (актуализация) которой требует выхода на арену истории других народов (в том числе и единого народа России, освободившегося вследствие распада Советского Союза от *вынужденной* и одновременно *исторически-необходимой* формы *нечеловеческого* бытия в состоянии «советского народа») и других исторических личностей.

В связи с этим можно сказать, что у ныне живущих россиян есть все основания гордиться своим «советским» прошлым, своими «советскими» отцами и дедами: по основанию *действительной истории*, *глубинные* ходы которой и роет неутомимый крот истории, можно утверждать, что *действительную* победу во Второй мировой войне одержали Россия и единый российский народ, которые вследствие этой победы (в войне уже Отечественной для россиян) обрели перспективу своего существования в своем *действительно-мировом* статусе, то есть в статусе особой «(социо)-культурной формации» и особого «*действительного народа*».

Значения этих терминов и смысла, вкладываемого в слово «действительный», входящего в термины «действительный мир», «действительный человек», «действительная история», «действительный народ» получили свое раскрытие и оправдание в ходе изложения моей *онто-материалистической* концепции мира и человека в монографии¹, а также в достаточно объемных статьях². К этим работам я и отсылаю возможного читателя с надеждой, что ознакомившись с ними он поймет, почему в данной статье так часто (а некоторым может показаться, и назойливо) употребляю слово «действительный», входя в противоречие с канонами «изящного литературного стиля». Попутно замечу, что изложение даже «общепризнанных» философских идей – занятие неблагодарное. Дважды неблагодарным занятием является изложение содержания новой философской концепции. И многожды неблагодарным предприятием, особенно в нынешнюю эпоху, которую Ж. Маритен тактично, но с явно просматриваемым презрением,

1 Бондаренко Г. В., Гареев Э. С. Политическая культура России в зеркале науки и из зазеркалья философии. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 432 с.

2 Бондаренко Г. В. Об основаниях политики государств будущего в свете онто-материалистического понимания антропного принципа // Государство будущего: политико-правовой аспект: Статьи докладов и выступлений Международной научно-практической конференции. Уфа, 22 февраля 2012 г. – Уфа: Издательство «Нефтегазовое дело», 2012. – С. 52-62; Бондаренко Г. В. Метафизика Крыма: Антропный принцип как основание идеологии будущих государств (статья) // II Международная научно-практическая конференция «Государство будущего: политико-правовой аспект» / Сборник трудов. – Уфа, 2014.

отнес к эпохам «спекулятивного оскудения»³, излагать новую, онто-материалистическую по содержанию и метафизическую по духу, философскую концепцию мира и человека как *действительного* мира и как *действительного* человека. Ведь по существу автор данной статьи демонстрирует претензии, хотя и в иной версии, названной им «метафизикой Глубины», служить делу возрождения метафизики как таковой. И это тогда, когда англо-американские «мудрецы» XX века, апологеты иррационально – рациональной идеологии тотального «консюмеризма», после того, как вдоволь попинав «мертвого льва» (философское учение К. Маркса), на мой взгляд павшего в честной ратной борьбе, причем победившего *на деле* достойного противника – «метафизику Высоты», которой исподволь руководствовалась элита Запада, начиная с эпохи античности и заканчивая временем Второй мировой войны, так вот, эти «мудрецы» объявили *orbis et urbi* о своей победе над марксизмом, а заодно и над метафизикой вообще и о том, что теперь «вершинной философской мысли» следует считать *утилитаризм* и *прагматизм*, имея в виду которых, гениальный прозорливец Ф. Ницше писал в свое время: «мелочность духа, идущая из Англии, представляет нынче для мира великую опасность... Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе, которая не допустит в России господства английских трафаретов. Никакого американского будущего!»⁴.

Уточню, что «метафизика Глубины» в свете рассуждений о всемирной истории и о ее глубинно-внутренней «творческой силе» может быть названа также и «евангелием от *действительного* человека», ибо всемирная история с точки зрения онто-материалистической концепции (основанной на философско-модифицированном так называемом «антропном принципе»⁵) в конечном счете обуславливается и корректируется по ходу исторического процесса творческой деятельностью *действительного* человека, носителя разума как *такового*, метафизически пребывающего в каждом *индивидуальном* человеческом существе, каждый из которых опять же незримо, но реально, с момента своего рождения обитает в метафизическом пространстве особой (неизменной во времени) *культурной формации* (Восток, Запад, Россия) *вкуче со своим действительным* народом, и одновременно в соответствующем особенностям той или иной культурной формации (неизменном во времени) *типе* общества (восточное общество, западное общество, российское общество). Особенность каждой из этих особых культурных формаций (со своим особым *действительным* народом) и соответствующего типа общества обусловлена особенностью *действительной* творческой деятельности *действительного* человека как *субъекта* особого рода деятельности, объектом которой является непосредственно созерцаемый разумом метафизически существующий *этот действительный* мир, а целью – *возникновение* (не творение!) *будущего действительного* мира и *будущего действительного* человека. В такого рода *действительно-творческой* деятельности *действительного* человека и заключен, по разумению автора данной статьи, *действительный* смысл существования человека в *этом* мире – быть гарантом будущего *действительного* мира и *будущего действительного* человека. *Действительно-творческая* деятельность *действительного* человека *тройственна* и *триедина*. Соответственно, *тройственен* и *триединен* субъект творческой деятельности: а) субъект, интенционально устремленный к извлечению из завершающего свое существование этого *действительного* мира так называемых «онто-материалистических элементов неживых вещей мира» и их сохранению в пространстве определенной культурной формации; б) субъект, интенционально устремленный к извлечению из завершающего свое существование этого *действительного* мира так называемых «онто-материалистических элементов живых вещей мира» и сохранению их в пространстве определенной культурной формации; в) *соборный* субъект, интенционально устремленный к извлечению из пространств первых двух культурных формаций «онто-материалистических элементов неживых вещей мира» и «онто-материалистических элементов живых вещей мира» с конечной целью обеспечить их *естественное слияние* в пространстве третьей (соборной) культурной формации, завершающийся созданием нового *единства противоположностей*, который, как полагает автор и является *будущим действительным* миром.

Именно из уже *этого* *действительного* мира на определенном (думается, что на завершающемся) этапе его саморазвития, обусловленного диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, произойдет выход *будущего действительного* человека (как *синтез* противоположных полюсов единого). Что позволяет сказать, что *действительный* человек – это актуализация *субъектной* ипостаси *действительного* мира, ее отчуждение (освобождение) от *собственно* *действительного* мира («царства *действительной* необходимости»). Что позволяет, следовательно, также сказать, что возникновение *действительного* человека есть явление *действительному* миру *действительного* же мира, но в его особой *структурно-сущностной* самости, которая есть *действительная* сущность человека, обуславливающая *действительную* необходимость существования человека как *субъекта* разумно-творческой деятельности, совершаемой по основанию *сохранения* *действительного* мира путем его *самовоссоздания* (как мира будущего) в пространстве *культурных формаций*, *самовоссоздания* из бытийно-материальных элементов завершающего свое существование *действительного* мира *нынешнего*.

Именно из уже *этого* *действительного* мира на определенном (думается, что на завершающемся) этапе его саморазвития, обусловленного диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, произойдет выход *будущего действительного* человека (как *синтез* противоположных полюсов единого). Что позволяет сказать, что *действительный* человек – это актуализация *субъектной* ипостаси *действительного* мира, ее отчуждение (освобождение) от *собственно* *действительного* мира («царства *действительной* необходимости»). Что позволяет, следовательно, также сказать, что возникновение *действительного* человека есть явление *действительному* миру *действительного* же мира, но в его особой *структурно-сущностной* самости, которая есть *действительная* сущность человека, обуславливающая *действительную* необходимость существования человека как *субъекта* разумно-творческой деятельности, совершаемой по основанию *сохранения* *действительного* мира путем его *самовоссоздания* (как мира будущего) в пространстве *культурных формаций*, *самовоссоздания* из бытийно-материальных элементов завершающего свое существование *действительного* мира *нынешнего*.

Пристатейный библиографический список

1. Антропный принцип // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М.: Институт философии РАН и др. Т. I. – 2010. – С. 131.
2. Бондаренко Г. В., Гареев Э. С. Политическая культура России в зеркале науки и из зазеркалья философии. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 432 с.
3. Бондаренко Г. В. Об основаниях политики государств будущего в свете онто-материалистического понимания антропного принципа // Государство будущего: политико-правовой аспект: Статьи докладов и выступлений Международной научно-практической конференции. Уфа, 22 февраля 2012 г. – Уфа: Издательство «Нефтегазовое дело», 2012. – С. 52-62.
4. Бондаренко Г.В. Метафизика Крыма: Антропный принцип как основание идеологии будущих государств (статья) // II Международная научно-практическая конференция «Государство будущего: политико-правовой аспект» / Сборник трудов. – Уфа, 2014.
5. Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 107.
6. Nietzsche. Nachgelassene Werke. Unveröffentlichtes aus der Umwertungszeit. 2. Abt. Bd 13. – S. 353.

3 Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 107.

4 Nietzsche. Nachgelassene Werke. Unveröffentlichtes aus der Umwertungszeit. 2. Abt. Bd 13. – S. 353.

5 Антропный принцип // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М.: Институт философии РАН и др. Т. I. – 2010. – С. 131.

Атаева П. А.

СТРУКТУРА ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В данной статье рассмотрены проблемы толкования структуры философии права, рассмотрены концепции философии права, разработанные с позиций юриспруденции, при всех их различиях. Автор поднимает такие проблемы, как смысл, место и значение права и юриспруденции в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей.

Ключевые слова: философия права, общественные отношения, равенство, право свобода, право справедливость, европейская культура, государство и законы.

Ataeva P. A.

THE STRUCTURE OF THE PHILOSOPHY OF LAW

This article discusses the problems of interpreting the structure of the philosophy of law, discusses the concepts of philosophy of law, designed from the standpoint of jurisprudence, with all their differences. The author raises such issues as the meaning, place and importance of law and jurisprudence in the context of a philosophical belief, in the system of philosophical doctrine of the world, man, forms and norms of social life, of the ways and methods of knowledge, of the system of values.

Keywords: philosophy of law, public relations, equality, right to freedom, right to justice of the European culture, government and laws.

Атаева П. А.

В цивилизованном обществе право представляет собой форму общественных отношений. Эта форма должна регулировать фактические общественные отношения в рамках государства. Сущность права раскрывается через единство трех его принципов: право как формальное равенство, право как свобода, право как справедливость. В обществе равенство, свобода и справедливость могут иметь только правовой характер (всеобщий и равный для всех). Философия права или правовая философия — раздел философии и юриспруденции, который занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества.

В концепциях же философии права, разработанных с позиций юриспруденции, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы, направления и ориентиры исследования. Его философский профиль здесь не задан философией, а обусловлен потребностями самой правовой сферы в философском осмыслении.

Отсюда и преимущественный интерес к таким проблемам, как смысл, место и значение права и юриспруденции в контексте философского мировоззрения, в системе философского учения о мире, человеке, формах и нормах социальной жизни, о путях и методах познания, о системе ценностей и т. д.

Философия права — это одно из фундаментальных понятий европейской культуры.

По своей структуре философия права близка к структуре общей философии. В ней могут быть выделены следующие основные разделы:

1) онтология права, в которой исследуются проблемы природы права и его оснований, бытия права и форм его существования, связи права с социальным бытием и его местом в обществе; без четкого уяснения онтологической природы права, смысла и содержания понятия правовой реальности, знания основных форм бытия права невозможно понять феномен права в целом;

2) антропология права, в которой рассматриваются антропологические основы права, понятие «правовой человек»,

права человека как выражение личностной ценности права, а также проблемы статуса института прав человека в современном обществе, права человека в конкретном социуме, соотношение личности и права и т. д. В рамках такого раздела, как правовая антропология, рассматриваются вопросы об общем критерии правомерности, антропологические основы правопорядка в целом и прав человека в особенности;

3) гносеология права, в которой исследуются особенности процесса познания в сфере права, основные этапы, уровни и методы познания в праве, проблема истины в праве, а также правовая практика как критерий правовой истины;

4) аксиология права, в которой исследуется ценность как определяющая характеристика человеческого бытия, способ бытия ценностей, анализируются основные правовые ценности (справедливость, свобода, равенство, права человека и т. д.), их «иерархия» и способы реализации в условиях современной правовой реальности. К сфере интересов правовой аксиологии также иногда относят вопросы соотношения права с иными формами ценностного сознания: моралью, политикой, религией, а также вопрос о правовом идеале и правовом мировоззрении;

5) в структуре философии права можно выделить и прикладной раздел, в котором рассматриваются философские проблемы конституционного права (правовая государственность, разделение властей, конституционная юрисдикция), гражданского права (договор и уравнивание убытков и выгод, собственность), процессуального и уголовного прав и других отраслей права.

Философия права, ранее разрабатывавшаяся в рамках общей теории права в качестве ее составной части, постепенно оформляется в качестве самостоятельной юридической дисциплины общенаучного статуса и значения (наряду с теорией права и государства, социологией права, историей правовых и политических учений, отечественной и зарубежной историей права и государства).

Идея общего блага появляется в античном обществе. Ее выразителями были Демокрит, Платон, Аристотель, Цицерон. Развивали эту концепцию и в средние века (Фома Аквинский,

Гуго Гроций). Античные мыслители полагали, что политика является наукой о высшем благе человека и государства (полис). Государство является высшей формой общения людей. В нем человек достигает своей высшей цели, которой является благая жизнь. В государстве представлено высшее благо и справедливость, выражающие политическую природу человека. Все это носит естественно-правовой характер. Общее благо коренится в естественном праве и является выражением естественно-правовой справедливости. Государство является справедливым с позиций естественного права способом выражения и защиты блага всех членов социума, воплощением того, что есть справедливость и право. В государстве общее благо всех и благо каждого оказывается одним и тем же. Для реализации этой концепции нужны общая власть (государство) и общеобязательные законы (соответствующие требованиям естественного права и справедливости). Фома Аквинский в сочинении «Сумма теологии» утверждал, что закон должен выражать общее благо всех членов общества. Гуго Гроций отмечал в работе «О праве войны и мира», что государство является совершенным союзом свободных людей, заключенным ради соблюдения права и общей пользы. В работах «Оправдание добра» и «Критика отвлеченных начал» В. С. Соловьев писал, что задача правового государства заключается в осуществлении наибольшей общей пользы. Для этого государство должно возвышаться над всяким личным интересом, заботиться о пользе всех одинаково, то есть обеспечивать справедливость. Он доказывал необходимость того, чтобы свобода других, независимо от ее личного признания индивидом, всегда могла на деле ограничивать свободу индивида в равных пределах со всеми. Это требование принудительной справедливости, полагал он, привносится из идеи общего блага или общественного интереса. Реализация естественного права в позитивном праве может быть выражена, по мнению В. С. Соловьева, следующим образом: «Право есть исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага»¹.

Общее благо, государство и законы – необходимые формы выражения природы человека как социального (политического) и разумного существа. Общая социальность и разумность людей, лежащая в основе концепции общего блага, предполагает свободу и равенство людей как членов данного социального целого, как субъектов этого общего правопорядка. Общее благо – правовая модель выявления, согласования и признания различных противоречивых интересов членов общества как их блага, возможного с точки зрения единой для всех правовой нормы. Лишь согласованные на основе этой нормы различные интересы могут быть квалифицированы как благо индивидов и общее благо. Общее благо выражает объективно необходимые всеобщие условия для возможного совместного бытия всех членов данного сообщества в качестве свободных и равных субъектов и тем самым – всеобщие условия для выражения и защиты блага каждого.

Нередко при этом в поле философского анализа оказываются (в силу их фундаментальной значимости для теории и практики права) и более конкретные вопросы традиционной юриспруденции, такие, например, как: понятийный аппарат, методы и задачи юридических исследований, приемы юридической аргументации и природа юридического доказательства, иерархия источников позитивного права, совершенствование действующего права, правовой статус различных

общественных и государственных институтов, воля в праве, законодательство и правоприменительный процесс, правосубъектность, норма права, правосознание, договор, соотношение прав и обязанностей, правопорядок и правонарушение, природа вины и ответственности, проблемы преступности, смертной казни и т. д.

Философия права призвана выполнять ряд существенных общенаучных функций методологического, гносеологического и аксиологического характера как в плане междисциплинарных связей юриспруденции с философией и рядом других гуманитарных наук, так и в самой системе юридических наук.

Таким образом, право как сфера человеческой деятельности тесно связано с философией. Фундаментальные проблемы права, такие как справедливость, свобода и равенство, вина и ответственность и др., являются одновременно и важнейшими философскими проблемами, а их решение уходит своими корнями в решение основных философских вопросов о сущности человека и смысле его жизни, об онтологической структуре мира и способах его познания. Право, таким образом, по самому своему духу «философично», оно представляет собой «философию на практике», что, соответственно, предполагает и «философию в теории», роль которой и выполняет философия права.

В русле такого подхода в Европе утвердились идеи всеобщей свободы и правового равенства всех людей, неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, правового закона и государства. Круг лиц, на которых распространялась концепция общего блага, исторически изменялся. В Новое время, со становлением национальных суверенных государств, этот круг ограничивался рамками отдельных государств. На лиц, входивших в этот круг, распространялся принцип формального равенства и единство правопорядка. Современная интеграция европейских обществ в рамках Европейского союза также осуществляется на основе концепции общего блага. Но это уже новый, наднациональный способ интеграции и обеспечения общего блага.

Пристатейный библиографический список

1. Абукарова М. У. Политико-правовое учение Джона Локка в зеркале времени // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2.
2. Бондаренко В. Н. Онтологические пределы права (постановка проблемы) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10.
3. Бондаренко В. Н. Принципы философского постижения права // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 2.
4. Керимов Д. А., Версеянц В. С. «Философия права»: История и современность. – Изд-во «Мысль», 1990.
5. Кононович Л. Г., Медведева Г. И. Философия. – Ростов н/Дону, 1998.
6. Лосский Н. О. История русской философии. – М., 1991.
7. Мальковский Б. С. Учение Гегеля о государстве и современность. – М., 1989.
8. Нерсеянц В. С., История политических и правовых учений. – М., 1999.
9. Радугин А. А. Философия. Курс лекций. – М., 1996.
10. Соколова Н. Л. Философия. – Н. Новгород, 2004.

¹ Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л., 1990. – С. 452–453.

Белоногов Г. Е., Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю.
ЭКОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В XXI ВЕКЕ

В статье рассматривается связь между экологическими и социальными проблемами современной цивилизации. Актуализируется поиск интегративной мировоззренческой основы для осмысления сложившейся тяжелой экологической ситуации и возможных путей её преодоления.

Ключевые слова: антропологическая катастрофа, научно-технический прогресс, эволюция, ноосфера, новое экологическое мышление, философия выживания.

Belonogov G. E., Bondarenko A. V., Lukiyanov M. Yu.
ECOLOGY AS A PHILOSOPHY OF HUMAN SURVIVAL IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

The article examines the relationship between environmental and social problems of modern civilization. Updated search the integrative worldview framework for understanding the grave ecological situation and understanding ways to overcome it.

Keywords: anthropological disaster, technological progress, evolution, noosphere, new environmental thinking, a philosophy of survival.

С возникновением Homo Sapiens естественные процессы саморегуляции живой природы неуклонно стали уступать место социальным процессам развития производительных сил и производственных отношений, иными словами – человек сам создает мир, в котором живет. Насколько прочен и комфортен для его обитателей этот мир, каковы его перспективы? В первый век третьего тысячелетия человечество вступило в условиях разворачивающегося системного кризиса своего бытия, который охватывает все сферы социальной жизни: экономическую, политическую, духовную, волны которого способны создать разрушительный резонанс планетарного уровня.

На протяжении предшествующего XX века ведущие ученые и мыслители все чаще стали обращать внимание, на то, что в мире, созданном индустриальной цивилизацией, как снежный ком нарастают глобальные проблемы загрязнения окружающей среды, истощения почв, перенаселения, наступления пустыни, исчезновения целых популяций биологических видов, возникновения ядерной угрозы и т.д., которые, оставаясь нерешенными, в недалеком будущем приобретут масштаб антропологической катастрофы.

Исходя из реалий современности, можно констатировать, что природа обрела в человеке не только инструмент самопознания, но и механизм саморазрушения формируемых на протяжении сотен миллионов лет естественной эволюции сложнейших экосистем, где протекает тонко сбалансированный оборот вещества и энергии, нарушение которого ведет к их деградации и гибели.

У людей выработалось устойчивое потребительское отношение к окружающей среде, суть которого емко объяснил академик Н. Моисеев: «поскольку до самых последних веков доля того, что было необходимо человеку, составляла ничтожную часть того, что Природа могла дать ему безболезненно, то вполне естественно, что у человека возникло представление о том, что Природа – это некий бездонный резервуар, что он создан для человека и задача человека – использовать его в максимальной степени для своего блага»¹.

Наглядный пример инерции такого мышления приводит И. В. Черникова, справедливо заметив, что когда речь идет о современной эпохе научно-технического прогресса, наиболее употребимыми являются термины «завоевание»,

«обуздание», «освоение», «овладение», «покорение» и т.п., делая справедливый вывод, что при таком воинственном подходе с позиции обладания «природа начинает постепенно трансформироваться из «кладовой богатств» в «кладовую отходов», из «колыбели человечества» – в то, что мы наукообразно называем средой, неблагоприятной для жизни»².

В XX веке произошло множество экологических катастроф, повлекшие за собой смерть десятков тысяч людей и нанесших непоправимый ущерб экологии. Трагедия Чернобыля, массовое отравление химическими веществами в индийском городе Бхопале, взрыв нефтяной платформы Deepwater Horizon и выброс миллионов тонн нефти в мировой океан – немногие примеры таких катаклизмов. В мировом океане уже сейчас происходит настоящая глобальная экологическая катастрофа. В 80-х годах прошлого века образовались так называемые «мусорные острова» гигантской площади – от 700 тыс. до 1,5 млн. кв. км, состоящие из пластика. Общий объем мусора составляет более 100 млн. тонн. Мусорные острова представляют принципиальную опасность для птиц, обитателей океан, которые принимают пластик за еду. Пластиковые отбросы в Тихом океане являются причиной гибели

Белоногов Г. Е.

Бондаренко А. В.

Лукиянов М. Ю.

1 Пономарева В. И. Экология и власть, 1917-1990 / Сост.: В. И. Пономарева и др.; Вступ. ст. Н. Н. Моисеева; Консультант О. Р. Лацис. – М., 1999. – С. 6.

2 Черникова И. В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – С. 292. – 388 с.

более миллиона морских птиц в год, а также более 100 тысяч особей морских млекопитающих³.

Является ли такое отношение человека к природе, отличающееся с самоубийством, фатальной необходимостью, продиктованной высшей логикой развития социума? Может быть, здесь уместна аналогия с тем, как косяки тихоокеанского лосося идут на нерест, дабы уступить место в биологической нише новым поколениям своего вида? Или правы те философы, которые отстаивали за человеком право свободного выбора своей судьбы, поскольку людьми движут не столько животные инстинкты, но разум, позволяющий предвидеть не только непосредственные результаты реализации собственных действий, но и результаты, отдаленные во времени? Ведь если свободу мыслить как «возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества»⁴, то вряд ли большинство из людей захочет распорядиться ей так, чтобы оставить после себя безжизненную пустыню. Представляется, что одним из существенных моментов кризиса современной цивилизации является противоречие между, присущему виду *Homo Sapiens*, стремлением к закреплению своих творческих достижений в пространстве и времени, к усовершенствованию, приумножению накопленного культурного наследия и неразумным, недалеким вандализмом в методах его реализации.

Данное противоречие во многом затрагивает предметную область экологии. Это направление современной науки включает в себя изучение воздействия человеческой деятельности на окружающую среду, мир в котором он живет⁵. Именно к такой широкой трактовке экологического мышления применимо высказывание выдающегося русского ученого, стоявшего у истоков учения о ноосфере, В. И. Вернадского: «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может и должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте. Он, как и все живое, может мыслить и действовать в планетном аспекте только в области жизни – в биосфере, в определенной земной оболочке, с которой он неразрывно, закономерно связан и уйти из которой он не может. Его существование есть ее функция. Он несет ее с собой всюду. И он ее неизбежно, закономерно, непрерывно изменяет»⁶. При этом Вернадский считал, что практическое воплощение идеи ноосферы возможно лишь как «совокупный, коллективный разум человечества», с которым связана перестройка всей биосферы в соответствии с требованиями научной мысли, при осознании единства человека и природы⁷.

Однако, оптимизм Вернадского относительно того, что выход человечества на принципиально новый, рациональный этап своего развития на основе гармоничного взаимодействия природы и общества уже начался вызывает большой скепсис, если учитывать динамику потребления природных ресурсов. На примере самого распространенного энергоносителя – нефти, можно представить то расточительство, с которым человечество обращается с ценнейшими природными ресурсами. Выдающийся ученый Д. И. Менделеев, открывший один из фундаментальных законов мироздания, с горечью писал:

«Сжигать нефть, все равно, что топить печку ассигнациями». С 1960 по 1979 гг. добыча нефти выросла в 3 (!) раза – с 1,105 до 3,237 млрд. тонн и на текущий момент держится на уровне 3,9-4,2 млрд. тонн в год, при этом доказанные мировые запасы оцениваются в 225 млрд. тонн, потенциальные запасы в 480 млрд. тонн. Куда же тратится нефть? Прежде всего, происходит интенсивная автомобилизация, в 2010 году число автомобилей в мире перевалило за 1 млрд. штук, составляя в 1986 году «всего лишь» 500 млн. штук⁸. И это притом, что 1 автомобиль приходится на 7 жителей Земли, т.е. автомобили по-прежнему доступны меньшинству.

Одна из глубинных причин описанной драматической ситуации лежит в сфере современного материального производства и сложившихся в нем производственных отношений, где регулятором распределения материальных ресурсов выступает рыночная стихия, ведущая к концентрации добычи, переработки и сбыт полезных ископаемых в руках монополий ориентированных на получение сверхприбылей путем всевозможных спекуляций добываемым сырьем. Они тормозят разработку и внедрение ресурсосберегающих технологий, усугубляя проблемы экологии.

Повсеместно распространено так называемое запланированное или плановое устаревание – создание товара с неоправданно коротким сроком эксплуатации с целью вынудить потребителя делать повторные покупки, либо потребитель это делает под влиянием моды на товары. В итоге, промышленностью выпускается избыточное количество товаров. При использовании технологии устаревания, от идеи исчерпаемости природных ископаемых обычно предпочитают абстрагироваться. В случае переработки или изготовления обновленной продукции, снова требуется энергия и новые материалы⁹. Запланированное устаревание – один из значимых факторов экологического кризиса планеты.

Гигантские диспропорции между растущим производством товаров и ограниченным платежеспособным спросом порождают искусственное надувание последнего путем потребительского кредитования, которое поддерживает потребительский бум с сопутствующим расточительством природных ресурсов, уничтожением окружающей среды. Капиталистическая экономика не в состоянии сориентировать производство на удовлетворение базовых потребностей миллиардов людей, но порождает спекулятивные пузыри сверхпотребления в отдельных регионах планеты, которые неизбежно лопаются, порождая кризисы перепроизводства.

Так, революция в аграрных технологиях привела к резкому повышению производства продуктов питания, но сотни миллионов людей на планете по-прежнему страдают от голода и недоедания. Масштабы голода не вызваны ограниченностью земельных и прочих природных ресурсов. Наоборот, в мире имеет место перепроизводство продуктов питания, которые миллионами тонн гниют на складах, в торговых сетях, так и оставшись без конечного потребителя. Массовая дистрофия населения десятков стран «третьего мира» сопровождается проблемами ожирения в развитых капиталистических странах. Во всем мире голодает порядка 800 млн. человек – более 10 % населения планеты¹⁰. Количество голодающих, по статистике ООН снижается на 10-15 млн. человек в год, но проблема голода уже сейчас может быть решена полностью.

3 Oceanic «garbage patch» not nearly as big as portrayed in media [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://oregonstate.edu/ua/ncs/archives/2011/jan/oceanic-“garbage-patch”-not-nearly-big-portrayed-media>

4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Издательство: ООО «А ТЕМП», 2006. – С. 704.

5 Богданкевич О. В. Лекции по экологии. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. – С. 13.

6 Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – С. 46.

7 Воронин И. Н. Ноосферная концепция В. И. Вернадского: взгляд из 21 века // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 9. Выпуск 2. Часть 1. – Симферополь: КНЦ, 2013. – С. 36.

8 Количество автомобилей пересекло отметку в 1 млрд. штук. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/763398/>

9 Склянкин В. Запланированное устаревание. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://forum-msk.org/material/economic/9904736.html>

10 Число голодающих в мире снизилось до 795 млн. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://ria.ru/world/20140916/1024312318.html>

Каждый год в мире выбрасывается или теряется 1,3 млрд. тонн или треть всех производимых для потребления продуктов питания, говорится в исследовании Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). По результатам исследования стало известно, что промышленные и развивающиеся страны теряют примерно одинаковое количество продовольствия – 670 и 630 млн. тонн соответственно. Пищевые отходы представляют серьезную проблему для развитых стран, где розничные сети и потребители выбрасывают еще годные к употреблению продукты. На душу населения пищевые отходы потребителей составляют 95-115 кг в год в Европе и Северной Америке, при этом в Африке к югу от Сахары и в Южной и Юго-Восточной Азии показатель составляет 6-11 кг в год. В развивающихся странах 40 % потерь происходит в результате перевозки, хранения и последующей переработки. В развитых странах более 40 % потерь приходится на этапы розничной продажи и потребления¹¹. 40 % производимых в США пищевых продуктов оказывается на свалке (В одном только Нью-Йорке каждый день выбрасывается 123 тонны продуктов!). Этого количества продуктов достаточно, чтобы прокормить половину населения Африки. На производство продуктов, которые оказываются прямоком на свалках США, расходуется около 2% всей электроэнергии, вырабатываемой в стране¹². Не является исключением и Россия, где выбрасывается до 20 % продовольствия¹³.

Более того, продовольствие под разными благовидными предложениями целенаправленно уничтожается в многочисленных торговых войнах, поскольку дешевые импортные продукты, создают угрозу нормам прибыли «отечественным» производителям. Очевидно, что погоня за прибылью – движущий мотив капиталистического производства – ведёт в тупик всю систему мирового хозяйства, которая обречена на неизбежный крах, поскольку не находит ничего лучшего как уничтожать собственную продукцию в условиях массовой нищеты и растущей безработицы.

Таким образом, тезис В. И. Вернадского о начавшемся формировании «ноосферы» выглядит, мягко говоря, не вполне обоснованным, и реальная ситуация на планете скорее подтверждает пессимистичные прогнозы Д. Медоуза и его коллег, изложенных в книге «Пределы роста. 30 лет спустя», где утверждается, что современная цивилизация по-прежнему полным ходом движется навстречу всеобщей катастрофе¹⁴.

Направление хода общественного прогресса, развития производительных сил и производственных отношений определяется внутренней логикой законов социальной жизни. Общество не является простой суммой составляющих его индивидов, но представляет собой динамичную саморазвивающуюся систему, и в то же время роль конкретных людей в ней не сводится к исполнению социальных ролей на основе некоей программы поведения, сложившейся на данном историческом этапе. Каждый член общества потенциально способен внести творческий вклад в процесс созидания материальных и духовных основ дальнейшего становления человечества, осознанно включиться в напряженную работу по преодолению недоделанности условий социального бытия, недоделанности Человека на длительном историческом пути его становления.

Смысл жизни миллиардов людей на планете, в настоящий момент, сводится к производству прибавочной стоимости, их интеллектуальные возможности остаются либо невостребованными в условиях рыночно-монополистической экономики, либо используются столь же расточительно и нерационально, как расточаются невосполнимые природные ресурсы.

Между тем, определяющее значение в деле решения глобальных проблем современности будет иметь то насколько полно и глубоко будут раскрыты духовные ресурсы человечества. В этом направлении мыслил академик С. Капица, который, размышляя над проблемой взрывного демографического роста, пришел к выводу, что «Развитие человечества основано на способности интеллекта получать, осмысливать и передавать информацию и представления об окружающем нас мире, включая и мир самого человека. Если эволюция привела к появлению сознания, то сегодня само коллективное сознание может стать новым фактором эволюции человека и общества. Именно этим определяется место и значение науки в современном мире»¹⁵.

Говоря о значении науки как факторе человеческой эволюции, нельзя игнорировать и тот факт, что она сама как средство аккумуляции коллективного социального опыта человечества переживает глубокий институциональный кризис, охватывающий сферу её воспроизводства – систему образования. Если взять для примера ситуацию в России, то здесь под вывеской инновационной политики зачастую полным ходом идет виртуализация образовательного процесса, не всегда обоснованная, переходящая в его профанацию – отмечает О. И. Елхова. Одна из причин этого кроется в том, «что на сегодняшний день в условиях рынка инновационные циклы характеризуются краткосрочностью, прибыль нужно получить, чем скорее, тем лучше. В противоположность этому образование является областью долгосрочного инвестирования, образовательные циклы имеют долговременный характер, они преимущественно не окупаемы в краткосрочном отношении»¹⁶.

В итоге, современный выпускник вуза уже не имеет фундаментального образования, которое гарантировало бы ему реальную возможность его продолжения, специализации и конкретизации. Так, А. Ф. Кудряшев и О. И. Елхова отмечают, что подобного рода образование направлено «на формирование потребителей готовых знаний и материальных ценностей. В то время как производство научных знаний перемещается преимущественно за рубеж, российские ученые в лучшем случае будут довольствоваться теоретическими и практическими достижениями других стран»¹⁷.

Современная система образования в ходе коммерциализации все больше ориентируется на производство узких специалистов, в ущерб формированию у обучающихся универсального ценностно-гуманитарного видения своего творческого места в социуме. Имеет место дегуманизация воспроизводства не только высококвалифицированных специалистов, но и воспроизводства научных кадров, как структурного элемента науки. Частичный интеллект, лишенный ценностной духовной ориентации – удобный объект для манипуляций со стороны авторитарных иерархических структур, чьи конъюнктурные интересы зачастую противоречат объективным потребностям гармоничного развития общества. Предана забвению кантовская формула: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всяко-

11 ООН: в мире ежегодно выбрасывают треть продовольствия. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/134353/>

12 40% производимых в США продуктов оказывается на свалке. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/3144445/post131806078/>

13 Пятая часть покупаемых жителями округа продуктов попадает в отходы. Российская газета: экономика Северо-Запада. № 6242. 26.11.2013. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/26/reg-szfo/produktu.html>

14 См.: Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста. 30 лет спустя. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.

15 Капица С. П. Демографическая революция и будущее человечества. // В мире науки. – 2004. – № 4. – С. 82-91.

16 Елхова О. И. Инновации в вузе – от реального к виртуальному один шаг // Научно-информационный межвузовский журнал «Аспирантский вестник Поволжья». – 2010. – № 1-2. – С. 34.

17 Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. От человека-специалиста к человеку – потребителю. Alma mater (Вестник высшей школы). – 2015. – № 3. – С. 12-16.

го другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹⁸.

В последние годы многие корпорации формируют спрос на разработку систем искусственного интеллекта, которые в перспективе могли бы заменить интеллект человека в процессах производства. Бросается в глаза несуразность того, как рыночная стихия выстраивает приоритеты технологического развития. Спрос на искусственный интеллект порождается в условиях общества, где хронически остается совершенно невостребованным живой интеллект множества полных энергии молодых людей, в том числе с высшим образованием, готовых овладеть новыми знаниями и навыками и тем не менее вынужденных пополнять резервную армию труда, перебиваться случайными заработками, становиться рекрутами преступного мира.

В связи с приведенными выше примерами нерациональной организации социальных отношений в современном мире уместно говорить об актуальности социальной экологии, поскольку противоречия общества как субъекта экологических процессов оказывают непосредственное влияние на природную среду. Без учета этой зависимости невозможно дать адекватную оценку глобальных вызовов современности, выявить ключевые причины сложившейся тяжелой экологической ситуации и найти эффективные пути её преодоления. Необходимо новое экологическое мышление – система взглядов на природу и общество, которая отличалась бы комплексным интегративным подходом в понимании динамики их развития, с учетом глубокой причинно-следственной взаимообусловленности их проблем и противоречий¹⁹. По сути, речь идет о новой философии – философии выживания человечества в XXI веке. Многие, в качестве основы, экологическое мышление может почерпнуть из наследия мировой философской и научной мысли и, в частности, из идейного наследия русского космизма, одним из представителей которого был В. И. Вернадский.

Очевидно, что экологическая мечта Вернадского в своей практической реализации повсеместно наталкивается на, казалось бы, неразрешимые противоречия социального характера, порождающих порочный замкнутый круг. Выдающийся советский фантаст, ученый, мыслитель И. А. Ефремов в своем романе «Час быка» дал емкую картину круговорота страданий, через который проходит жизнь на планете в процессе стихийной эволюции своих форм: «Проходя триллионы превращений от безвестных морских тварей до мыслящего организма, животная жизнь миллиарды лет геологической истории находилась в inferно. [...] А человек, с его сильными чувствами, памятью, умением понимать будущее, вскоре осознал, что, как и все земные твари, он приговорен от рождения к смерти. Вопрос лишь в сроке исполнения и том количестве страдания, какое выпадет на долю именно этого индивида. И чем выше, чище, благороднее человек, тем большая мера страдания будет ему отпущена «щедрой» природой и общественным бытием – до тех пор, пока мудрость людей, объединившихся в титанических усилиях, не оборвет этой игры слепых стихийных сил, продолжающейся уже миллиарды лет в гигантском общем inferно планеты...»²⁰. В этих строках содержится и оптимистический жизнеутверждающий мотив, из них можно сделать вывод: какими бы неразрешимыми не казались противоречия, с грузом которых человечество переступило рубеж третьего тысячелетия, насколько бы ни были сложны глобальные проблемы, стоящие перед человеком разумным, именно его разум в сочетании с высокими нравственными идеалами дает надежду на преодоление всех трудностей и угроз планетарного масштаба на великом пути собственного становления и развития.

Экологическое мышление, экологический подход должен стать этапом теоретического коллективного осознания человечеством своей ответственности перед будущими поколениями, наследующими Землю, перед всей природой, породившей в муках эволюции мыслящий дух. Если XXI век не станет веком экологии, то XXII век для человечества может стать веком агонии посреди рукотворной пустыни.

Пристатейный библиографический список

1. Шаммазов А. М., Бахтизин Р. Н. Приказано выжить, или способы адаптации государственного университета к рыночной экономике // Университетское управление: практика и анализ. – 2001. – № 2. – С. 61-65.
2. Богданкевич О. В. Лекции по экологии. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. – 208 с.
3. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – С. 46.
4. Воронин И. Н. Ноосферная концепция В. И. Вернадского: взгляд из 21 века // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 9. Выпуск 2. Часть 1. – Симферополь: КНЦ, 2013. – С. 36-40.
5. Елхова О. И. Инновации в вузе – от реального к виртуальному один шаг // Научно-информационный межвузовский журнал «Аспирантский вестник Поволжья». – 2010. – №1-2. – С. 31-35.
6. Ефремов И. А. Час Быка. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 448 с.
7. Кант И. Сочинения. Т. 4. ч. 1. – М., 1965. – 544 с.
8. Капица С. П. Демографическая революция и будущее человечества. // В мире науки. – 2004. – № 4. – С. 82-91.
9. Количество автомобилей пересекло отметку в 1 млрд. штук. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/763398/>
10. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. От человека-специалиста к человеку - потребителю. Alma mater (Вестник высшей школы). – 2015. – № 3. – С. 12-16.
11. Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста. 30 лет спустя. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Издательство: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
13. ООН: в мире ежегодно выбрасывают треть продовольствия. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/134353/>
14. Пономарева В. И. Экология и власть, 1917-1990 / Сост.: В. И. Пономарева и др.; Вступ. ст. Н. Н. Моисеева; Консультант О. Р. Лацис. – М., 1999. – 428 с.
15. Прохоров Б. Б. Социальная экология. – М.: Академия, 2012. – 432 с.
16. Пятая часть покупаемых жителями округа продуктов попадает в отходы. Российская газета: экономика Северо-Запада. № 6242. 26.11.2013. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/26/reg-szfo/produkty.html>
17. Скланкин В. Запланированное устаревание. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://forum-msk.org/material/economic/9904736.html>
18. Черникова И. В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.
19. Число голодающих в мире снизилось до 795 млн. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://ria.ru/world/20140916/1024312318.html>
20. Oceanic «garbage patch» not nearly as big as portrayed in media [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://oregonstate.edu/ua/ncs/archives/2011/jan/oceanic-garbage-patch-not-nearly-big-portrayed-media>

18 Кант И. Сочинения. Т. 4. ч. 1. – М., 1965. – С. 270.

19 См.: Прохоров Б. Б. Социальная экология. – М.: Академия, 2012. – 432 с.

20 Ефремов И. А. Час Быка. – М.: Молодая гвардия, 1970. – С. 116.

Смакаев А. Ф.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОТРЕБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПРОТИВ ДУХА «ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА»

В статье исследуются противоречия в духовной жизни современного российского общества. Подробно рассматриваются потребности и нравственные ценности человека, перерастающие в потребительский «дух», который в итоге приводит к спаду духовной культуры самой личности человека.

Ключевые слова: противоречия в духовной жизни общества, потребительский дух, экзистенция человека, «внутренний мир» человека, духовная и социальная справедливость.

Smakaev A. F.

CONTRADICTIONS IN SPIRITUAL LIFE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: PERSON'S NEED VS SPIRIT OF «CONSUMERISM»

This article investigated the contradictions in the spiritual life of modern Russian society. The needs and moral values of a person escalated into a consumer spirit, which ultimately leads to the decline of spiritual culture of personality of a man are scrutinized.

Keywords: contradictions in spiritual life of society, consumer spirit, human existence, "inner world" of the person, spiritual and social justice.

Смакаев А. Ф.

В настоящее время не перестают существовать личности, которые поддерживают высокоидейные принципы. Они обращены к духу гуманной морали и убеждены в превосходстве «социального государства» над бездуховностью «массовой культуры» буржуазного общества, которое руководствуется узко-прагматическими целями. Однако, как только люди оказываются связанными с мотивацией практического поведения, то сразу же забывают о высокодуховных, нравственных принципах, а их идеологическая мотивация отходит, при этом, на задний план. В результате мотивами реальных решений людей оказываются, зачастую, частные и личные выгоды.

Люди, принадлежащие к современному социуму, в принципе, устремлены к разрыву между общими идеологическими и конкретными моральными установками. Эти установки образуют как бы два «автономных», но не связанных друг с другом мира¹. Идеологические установки, как правило, невосприимчивы к подлинной исторической и духовной динамике, а конкретные моральные и нравственные ориентиры чутко реагируют на духовные круговращения людей, на их творческие поступки и действия.

Экономические и социально-философские теории сегодня отделились от самих запросов жизни, от актуальной практической деятельности людей. Этой духовной болью пронизано не только наше общество, но и общество Запада.

Основным противоречием в духовной жизни российского общества является некое рассогласование между уровнем идеологии и уровнем социальной психологии; сама общественная психология означает, при этом, некое «отслаивание» социальной психологии от самих запросов жизни человека. В этом плане и развивается потребительский фон самих общественных идей, общественных, политико-идеологических, которые сегодня как бы «законсервировались» или пришли в состояние крайней стагнации. Эти идеи, в принципе, отстают от самого социально-экономического базиса общества. Сами потребности людей перестают выполнять свою культурно-прогрессивную и коммуникативную функцию, перестают служить основой духовного, нравственного и социального прогресса; эти потребности могут, в принципе, становиться тормозом духовного прогресса, поскольку они оказываются ориентированными на узко-прагматические интересы.

Разрыв между ценностями всего общества и устремлениями отдельного творческого индивида, зачастую, оказывается не осознанным самим человеком. Но при этом все же возникает расхождение между мыслями и словами, поступками и действиями, направленными на отдаленное будущее людей. Так, наблюдается некое несоответствие мыслей человека его поступкам. Слишком быстрый социальный и моральный прогресс наносит вред человеку; его потребности, перерастающие в чисто потребительский дух, наносят некую «рану» неуклонно возрастающей сегодня духовной культуре самой личности, а также обществу, которое в достаточной степени заинтересовано в личностных качествах любого лица.

В настоящее время в самой духовной жизни российского общества наблюдается противоречие, которое порождено субъективными и объективными причинами. Относительная неравномерность развития отдельных сфер духовной и нравственной жизни общества имеет дело с научно-техническими достижениями российской державы. Это, в основном, свидетельствует о достаточно высоких темпах становления самих научно-технических знаний.

Однако сам уровень морального сознания многих членов общества еще недостаточно высок; люди не подготовлены в нравственном плане к высотам научно-технической цивилизации. В наши дни существует немалое количество людей (образованных и духовно развитых), которые устремлены к высокой нравственности. При этом, наряду с интеллектуальной акселерацией нередко можно наблюдать весьма замедленное моральное взросление у многих молодых людей. Это явление отличается актуальностью. Так, существуют причины субъективного и объективного порядка, которые вызывают данные явления.

Когда сама молодежь оказывается устремленной к творческому труду, то и иные проявления социальной несправедливости оказываются следствием определенного падения интереса людей к общественным поступкам и деяниям. Современный рост бездуховности, снижение роли нравственных стимулов к творческому труду связаны с ростом психологии потребительства и духа иждивенчества. Люди, зачастую, довольствуются сухими схемами, их радость от обладания вещами замыкается на этих же вещах.

Сами противоречия в духовной жизни человека и общества касаются изменения «внутреннего» и «внешнего» миров. Сам субъект оказывается как бы «замутненным» именно

1 Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М.: Мысль, 1988. – С. 197.

для себя самого. Человеческое «самобытие», духовное бытие вообще просматривается как нечто, зачастую, невидимое. Противоречия в духовной жизни современного российского общества связаны с изменением внутреннего и внешнего мира человека. «Я», самосознание человека живет внутри; снаружи живут лишь вещи в пространстве и часто без нас. «Трансцендентальный субъект», как некое «универсальное сознание», оказывается замутненным именно для себя, а сам человек не может долго находиться в «самом себе» и «выглядывать» из самого себя как бы через «окно».

Потребительский дух, в этом плане, вырастает в некое сложное образование, когда человек как бы прорывается вовне, т.е. туда, где живут сами «вещи». Такой «дух» может обходиться и без человека, без нас самих, людей, которые осуществляют свою сущность, оказываясь «незамутненными» для самих себя. Даже если человек и хочет духовно рассмотреть самого себя, он при этом выступает не как предмет, а как некая духовная сущность, которая стремится избежать некой «дыры» в своем собственном созерцании мыслительных сил.

Духовная жизнь современного российского общества, выступая как «самобытие» вообще, в принципе, выпадает как нечто невидимое из любой сосредоточенности субъекта на окружающем его мире. Конечно, сам человек стремится прорвать мир «повседневности», что для него весьма «оптически» ощутимо. Но человек не узнает вещи и неуклонно наращивает свои потребительские способности. Он уподобляется, зачастую, тому оратору, который, запечатлевая себя в одинаковой мере с другими, также себя не видит. Человек в эпоху общества потребления оказывается больше нацеленным на самого себя, «нежели на Ты или Оно, находящихся вовне»².

Потребительский дух не может утверждать себя исключительно вовне. Сами потребности и интересы человека являются нечто внутренним. Они противоположны эгоистическим и альтруистическим элементам, но потребительский дух не связан, тем не менее, с волевыми моральными решениями, поскольку существуют «интровертные» натуры, которые далеко не всегда оказываются добрыми людьми. Потребительский дух, оказывающийся оппозиционным самой духовной, моральной жизни, занят, в основном, чувствами и рассудком простых людей.

Нам думается, что юность, связанная в этом плане с духом любви и свободы, направлена на преодоление духовного одиночества людей. Поэтому главным противоречием в духовной жизни выступает сама проблема объективности, которая связана далеко не с сухим и конформным обывателем, а с главным противоречием духовной жизни современного общества, в качестве которого выступает противоречие, связанное с экстравертным «здесь» и «теперь». Это противоречие не может пойти так далеко, что только и может доставлять достойные человека рассматривания самой «вещи», причем вдоль объективных, находящихся на достаточном расстоянии друг от друга духовных стен. Люди, при этом, не должны забывать о своих духовных возможностях для самого центра их «помещения» в нравственное бытие. И все же, характеризуя данную позицию, люди не могут в редком и чистом виде испытывать ограниченность «Intra» и «Extra». Люди, обычно, понимающие себя в экзистенциализме, напрашиваются на понимание своей «экзистенции», что, конечно же, предполагает их «самоконтроль». Люди не стремятся к тому, что не от них зависит; они стремятся к тому, что зависит не от нас. А «мы» есть как раз именно то, что составляет сущность духовного прогресса. Поэтому противоречия в духовной жизни современного общества реализуют себя в экзистенции, как не только «я», но и «мы» существования.

Само экзистенциальное сегодня оказалось несколько «размягченным», подвергшимся деформациям. Но, в прин-

ципе, все объективистски-построенное существует только как нечто «эпигонское», причем в копиях понимания самой «экзистенции». Сами противоречия духовной жизни являются обесцененными и обезличенными в эпоху технического прогресса. Однако, сама творческая доля духовности оказывается в настоящее время столь великой и, одновременно, столь малой, что в ней, практически, не остается совершенно никакого места для духовности отдельной личности.

Духовная жизнь человека связана с неким исчезающим, затухающим началом. Но, при этом, сам «трансцендентальный» взгляд на мир зачастую выступает как амбивалентное разногласие между духовной глубиной событий и тем тезисом, согласно которому мы можем лишь распахнуть границы событий, отвратить свои глаза от изобилия мира, но все же остаться в своей «келье» и со своим кусочком неба.

Сами противоречия в духовной жизни рождаются, возникают именно там, где сам человек начинает свой путь слишком рано. И все же, духовные противоречия «поддерживают» лишь дети. Им нравится быть экстравагантными, необычными. Они становятся зависимыми не только от вещей, но и от самих проблесков духовного страха, который, с одной стороны, устремлен к трансцендентной тоске, к будущему, которого никогда не было, а с другой, берется исправить даже самую гладкую «поверхность», где разыгрываются культурные события и процессы.

Все «гладкое», «совершенное» отталкивает нас, тем не менее, в точку невозврата. Эта «точка» означает все иначе созданное и само «хватает» нас за руку. Само духовное не только получает, приобретает свое «имя», но и само созидает язык, особенно устремленный вовне, причем, если это, чаще всего, касается самих чувств человека. Эти противоречия, возникающие в современной духовной жизни, в основном могут быть расценены в контексте идеи социальной справедливости и в контексте становящихся нравственных, духовных ценностей.

Сами акты социальной несправедливости ведут людей к чувству разочарования, к утрате самой веры в необходимость существующей действительности. Эти деформации человеческого и общественного сознания требуют больших идеологических и психологических усилий по их преодолению.

Сама ликвидация частной собственности на средства производства, имевшая место в Советском Союзе и странах так называемой «народной демократии», приняла формы, которые укоренились именно там, где начали господствовать «дух» бюрократизма, беззакония и нарушения самих принципов управления и контроля.

Основным противоречием в духовной жизни людей выступает сам процесс наблюдаемых нами сегодня явз реального бытия. Так, самая актуальная сегодня проблема социальной, духовной справедливости постепенно растворяется в абстрактной проблеме самого смысла существования человеческого рода, так что постепенно она переводится в сферу отвлеченного философствования.

Нам думается, что основное противоречие духовной жизни современного общества состоит в том, что люди хотя и ощущают актуальность стремления к духовной высоте, но тем не менее, сами духовные ценности как бы «растворяются» в абстрактной проблеме самого смысла существования человека. Люди, борющиеся за высокие идеалы, зачастую скатываются к духу потребительства, что, в принципе, означает господство отвлеченного философствования, безразличия, «индифференции» реального и идеального.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М.: Мысль, 1988.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.

2 Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 69/

Бирюков П. Н.

ПОЛИЦИЯ ЯПОНИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье раскрывается деятельность полиции Японии. Приводится ряд документов, которые в разное время регулировали деятельность полиции. Автор анализирует историю формирования и функционирования различных видов полицейских структур Японии. Всестороннему исследованию подвергаются современная структура полиции. Подчеркивается, что полиция выполняет как оперативно-розыскные, так и уголовно-процессуальные действия.

Ключевые слова: Япония, Министерство внутренних дел и коммуникаций, Комиссия общественной безопасности, Национальное полицейское агентство, региональные полицейские бюро, органы полиции в префектурах, Департамент столичной полиции, местная полиция.

Biryukov P. N.

THE POLICE OF JAPAN: GENERAL PROVISIONS

This article brings to light the activity of the law enforcement agencies in Japan. The author presents a number of documents which at different times have regulated the activity of Japanese Police. The article analyzes the history of the formation and operation of Japan's law enforcement agencies. The author subjects to comprehensive study the Japan's police present-day structure. The author notes that the police in Japan conducts both investigation/surveillance and criminal/procedural activities.

Keywords: Japan, the Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan, the National Public Safety Commission, National Police Agency, Organizations Attached to the National Police Agency, Regional Police Bureaus, Prefectural Police Organizations, Metropolitan Police Department; Community Police Activities.

Бирюков П. Н.

I. История и правовая основа деятельности полиции Японии

Современная история японской полиции началась в 1872 г., когда японское правительство отправило в Европу генерала Тошиоши Каваи (Toshiyoshi Kawaji) для изучения системы полиции европейских государств. Вернувшись в 1874 г., он учредил в рамках Министерства внутренних дел Токийский департамент полиции, а затем полиции в префектурах. Был создан и центральный аппарат. В таком виде полиция просуществовала до 1945 г. После Второй мировой войны система прошла реформу, целью которой было обеспечение демократического управления и политической нейтральности полиции под надежным административным надзором¹.

В ходе процесса демократизации была создана система, состоящая из общегосударственной и муниципальной полиции. С целью управления ими была учреждена Комиссия общественной безопасности² (далее – Комиссия).

Правовой базой деятельности Комиссии и указанных полицейских структур стали: Закон о полиции 1948 г. и Закон об исполнении полицией своих обязанностей 1948 г.

Закон о полиции 1948 г. имел эпохальное значение для демократизации полиции, однако не был свободен от недостатков. В частности, в законе предусматривалось одновременное существование муниципальной полиции и общенациональной полиции в сельской местности. Подобная ситуация означала неэффективность полицейских операций в силу территориальной привязки полицейских подразделений и отсутствия чёткого разделения полномочий между муниципальной и общенациональной полицией³.

В 1954 г. был принят новый закон о полиции⁴. Им было учреждено Национальное полицейское агентство (далее – НПА) и создана система полицейских подразделений, существующая по сей день.

В настоящее время японская полиция функционирует в рамках Министерства внутренних дел и коммуникаций⁶. Деятельность полиции регулируется законами о полиции 1954 г., об исполнении полицией обязанностей 1948 г.⁷ Отдельные нормы содержатся в других нормативных актах: УПК Японии⁸, Ювенальном кодексе 1948 г.⁹, Законе о борьбе с организованной преступностью 1991 г.¹⁰, Законе о местах содержания под стражей и обращения с задержанными и осужденными 2005 г.¹¹ и др.).

В качестве обязанностей полиции законодательство Японии называет: защиту жизни, личности и собственности; предотвращение и расследование преступлений; задержание подозреваемых в совершении преступлений, контроль за со-

1 См.: Бельсон Я. М. Полиция «свободного общества». – М., 1984. – С. 54.

2 The National Public Safety Commission (国家公安委員会) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npsc.go.jp>

3 См.: Ueyehara, Cecil H. The Subversive Activities Prevention Law of Japan: Its Creation, 1951–52. – Leiden: Koninklijke Brill NV, 2010.

4 The Police Act (Act No.162 of 1954) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.e-gov.go.jp/cgi-bin/idxsearch.cgi>

5 The National Police Agency (警察庁) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npa.go.jp>

6 The Ministry of Internal Affairs and Communications (総務省) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soumu.go.jp>

7 The Police Duties Execution Act (Act No. 136 of July 12, 1948) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=2229&vm=04&re=02>

8 The Code of Criminal Procedure (Act No. 131 of July 10, 1948, as last amended by Act No. 26 of April 27, 2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=2283&vm=&re=>

9 The Juvenile Code (Act No. 168 of 1948) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=1978&vm=&re=>

10 The Act on Prevention of Unjust Acts by Organized Crime Groups (Act No. 77 of 1991) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=1207&vm=&re=02>

11 The Act on Penal Detention Facilities and Treatment of Inmates and Detainees (Act No. 50 of May 25, 2005) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=02&vm=&id=142#en_ptcht1at2

блюдением правил дорожного движения; поддержание публичной безопасности и порядка.

В частности, в обязанности полиции входит предварительное расследование уголовных дел. В соответствии с УПК в случае, когда полиция официально получила сведения о совершённом преступлении, сотрудник полиции обязан проверить их, под руководством прокуратуры собрать доказательства и надлежащим образом их документировать. Однако полиция может расследовать не только преступления¹², но и некоторые другие деяния¹³. Полиция обладает широким кругом иных административных полномочий, направленных на поддержание порядка, указанных, например, в Законе о безопасности дорожного движения 1970 г.¹⁴

В случаях, прямо указанных в законе, правом на расследование некоторых преступных деяний обладают и другие органы власти, например, Береговая гвардия Японии¹⁵. Специальные нормативные акты ограничивают следственные полномочия подобных структур.

Закон о полиции закрепляет существование центральной полицейской организации для контроля за полицейскими подразделениями префектур и согласования их действий. Закон также наделяет полицию префектур правом на исполнение полицейских обязанностей, для защиты жизни, личности и собственности, а также для поддержания общественной безопасности и порядка в рамках предоставленной префектуре юрисдикции. Комиссия осуществляет надзор за деятельностью полиции как на общенациональном уровне, так и на уровне префектур.

Полиция тесно взаимодействует с местными органами власти для: предотвращения преступлений, контроля за найденным имуществом, воспитания несовершеннолетних, помощи населению во время катастроф, заботы о потерянных детях и беспризорных, предоставления населению иных услуг.

II. Структура полиции Японии

Высшее звено полиции Японии формируют Комиссия и НПА.

Председателем Комиссии является Министр внутренних дел и коммуникаций; остальные члены представляют японское общество. Члены Комиссии назначаются Премьер-министром с учётом мнения парламента на пять лет. Лица, которые в течение последних пяти лет проходили службу в полиции или прокуратуре, не могут быть назначены в Комиссию. Для поддержания политической нейтральности в Комиссию не могут входить более двух членов одной партии. Даже Премьер-министр не обладает правом давать указания Комиссии; тем самым обеспечивается ее политическая нейтральность. В настоящее время в составе Комиссии шесть человек.

Комиссия создаёт основные правила, координирует управление деятельностью полиции и устанавливает общие стандарты по тренировке, связи, идентификации преступлений, статистике и снаряжении. Комиссия назначает Генерального комиссара НПА и глав полиции префектур. Она осуществляет надзор за деятельностью полиции префектур через

НПА. Комиссия проводит свои встречи еженедельно; в случае необходимости заседает дополнительно.

Нижеприведенная схема иллюстрирует место Комиссии в системе государственного управления Японии.

НПА возглавляет Генеральный комиссар полиции, который назначается Комиссией с последующим утверждением Премьер-министром. Под надзором Комиссии Генеральный комиссар руководит работой Агентства, назначает работников центрального аппарата и управляет полициями префектур.

НПА: проводит полицейские операции в случаях, затрагивающих национальную безопасность; осуществляет обучение сотрудников; организует взаимодействие между полицейскими структурами и занимается совершенствованием управления органами полиции.

НПА придан ряд организаций, в т.ч. Национальная полицейская академия¹⁶, Национальный исследовательский институт полицейских наук¹⁷ и Штаб-квартира императорской гвардии¹⁸.

Национальная полицейская академия занимается, во-первых, подготовкой старших полицейских офицеров, а во-вторых, научно-исследовательской работой. Академия состоит из девяти департаментов, работники которых являются инструкторами или учеными. В академии также есть подразделения, которые занимаются повышением квалификации и обучением экспертов. В их числе: Высший институт для руководителей следственных подразделений, Исследовательский и тренировочный центр для расследования международных преступлений и полицейского взаимодействия, Исследовательский центр полицейской политики, Исследовательский центр полицейской информации и связи, Академия полицейской информации и связи, Исследовательский и тренировочный центр расследования финансовых преступлений, Исследовательский и тренировочный центр техник интервьюирования и внедрения.

Национальный исследовательский институт полицейских наук проводит исследования в сфере криминалистики и реализует разработанные методики расследования отдельных видов преступлений. Институт также проводит исследования в области предотвращения преступности несовершеннолетних, а также предотвращения ДТП.

Штаб-квартира стражи Императора эскортирует Императора и членов семьи. Данная структура также отвечает за безопасность императорского дворца и другой инфраструктуры. Она состоит из администрации императорской полиции и департаментов безопасности Императора и эскорта.

Организация НПА представлена на следующей схеме.

НПА подчинены семь региональных полицейских бюро. Они расположены в основных городах каждого географического региона. Департамент полиции Токио и Штаб-квартира полиции префектуры Хоккайдо изъяты из юрисдикции соответствующего регионального полицейского бюро. Возглавляемое Директором каждое региональное полицейское бюро осуществляет необходимый контроль за полициями префектур и предоставляет им необходимую поддержку. В каждом регионе функционирует региональная полицейская школа.

Организация полиции префектур. Закон о полиции предусматривает создание в каждой префектуре своей полицейской

12 The Penal Code (Act No. 45 of April 24, 1907) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?ft=2&re=02&dn=1&yo=penal+code&x=0&y=0&ky=&page=1>

13 См.: Cleary, William B. The Law of Criminal Procedure in Contemporary Japan. – Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers: HUSCAP, 1991. – P. 43.

14 The Traffic Safety Policies Act (Act No.110 of 1970) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?vm=04&re=01&id=944>

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kaiho.mlit.go.jp/e/index_e.htm

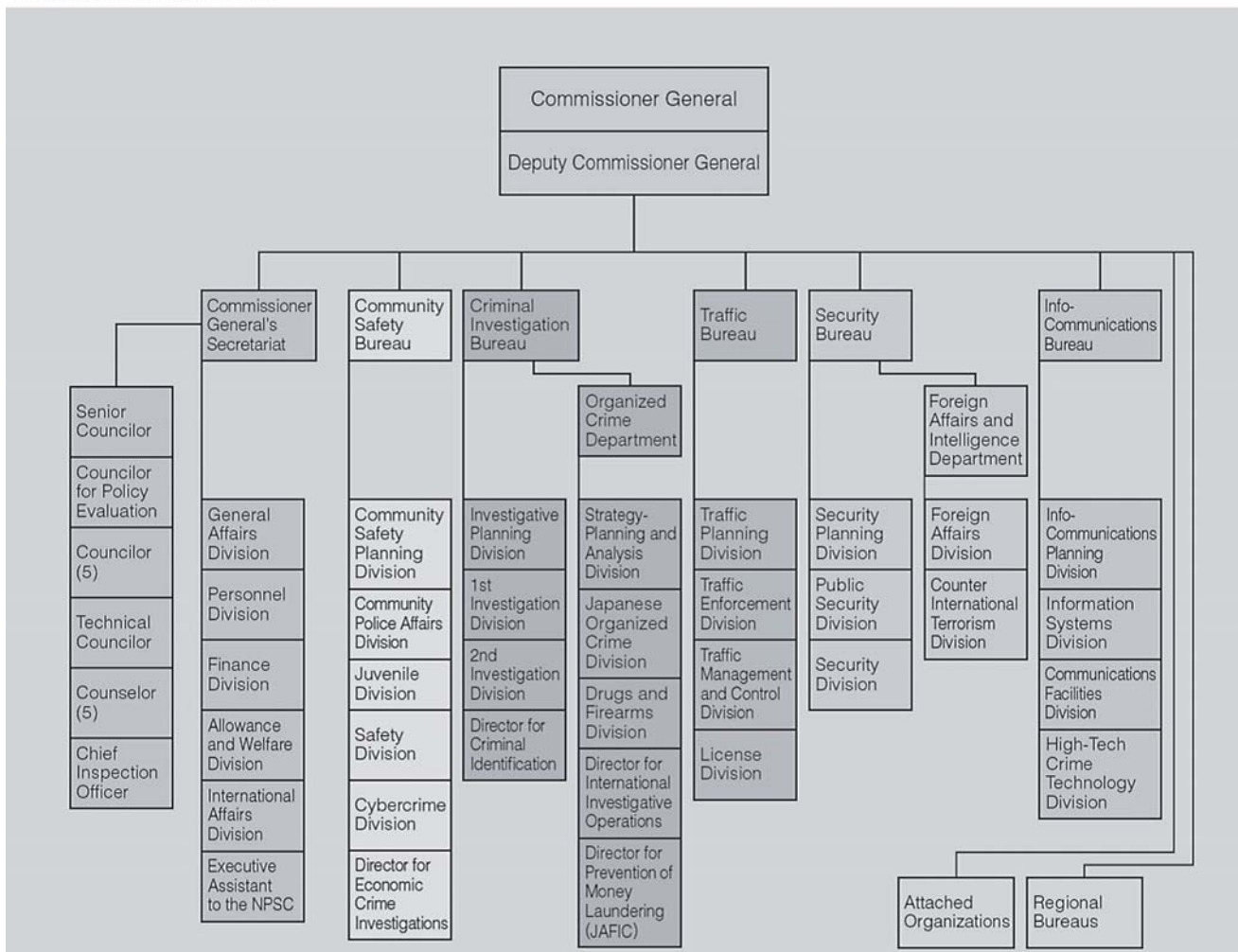
16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npa.go.jp/keidai/keidai-en.html>

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npa.go.jp/nrips/en>

18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npa.go.jp/kougu/toppage.htm>

Organization of NPA (2013)

организации, для исполнения полицейских обязанностей в рамках своей юрисдикции.

Комиссии общественной безопасности префектур подчиняются главам префектур. Комиссии осуществляют надзор за деятельностью полиции префектур. Они также занимаются выдачей лицензий на оружие, секс-индустрию, а также водительских удостоверений. Однако комиссии и органы власти префектуры не имеют права вмешиваться в расследование уголовных дел. В составе комиссий в разных префектурах от трёх до пяти членов. Запреты и ограничения к членству в комиссии предъявляются аналогичные требованиям в общенациональную Комиссию.

Департаменты полиции префектур и столицы выполняют функции общегосударственной полиции на местах. В каждой префектуре имеется собственное полицейское управление (так сказать, УВД). В Токио создан отдельный департамент полиции. Департаменты префектур и столицы обладают идентичными функциями и подразделениями.

Полиция муниципалитетов. Столичная полиция и полиция префектур создают полицейские округа, в каждом из которых функционирует отдельный полицейский участок. Участки тесно взаимодействуют с органами местного самоуправления¹⁹ и населением. С 1990 г. в Японии действует общенациональный Главный консультационный офис, который обслуживает единую для всей страны телефонную линию по консультационным услугам.

Полицейские участки руководят полицейскими отделениями (*Koban*) и полицейскими будками (*Chuzai-sho*). Они, как утверждают сами японские авторы, являются «сердцем» полиции²⁰. В полицейских отделениях и будках работают сотрудники муниципальной полиции²¹. Эти «японские городские» несут дежурство постоянно и являются первыми, кто реагирует на сообщения граждан. Каждая полицейская будка обслуживает свою территорию и является структурным подразделением полицейского участка.

Как правило, в участке работают несколько офицеров, в жилых кварталах создаётся рабочее место для одного сотрудника. Полицейские будки устроены таким образом, что сотрудники имеют возможность наблюдать за происходящим вокруг, что позволяет моментально реагировать на происшествие. Таким образом, наблюдая за местностью, у полицейских в то же время есть возможность заниматься рутинной работой по консультированию граждан, обработке найденных вещей и составлению отчётов. На настоящий момент в Японии существует приблизительно 6 200 полицейских участков и 6 600 полицейских будок. Эти структуры играют ключевую роль в поддержании безопасности «на районе».

Оборудованные радиостанциями патрульные машины имеются в каждом полицейском участке и полицейской будке. Офицеры полиции используют их как для патрулирования, так и для выездов на чрезвычайные ситуации. Они поддерживают связь с полицейским участком и центром связи полиции префектуры. Это даёт возможность оперативно и адекватно реагировать на чрезвычайные ситуации. В распоряжении муниципальной полиции также имеются вертолёты и катера.

Полицейские патрулируют подведомственную территорию пешком, на велосипеде или автомобиле. Офицеры проверяют подозрительных, предупреждают граждан о местах с высокой преступной активностью, дают рекомендации подросткам, заботятся о потерявшихся детях и лицах, находящихся в алкогольном опьянении²².

Офицеры муниципальной полиции регулярно посещают жилища и офисы на подведомственной территории. Они дают советы о предотвращении преступлений, собирают информацию о том, что беспокоит граждан, а также получают предложения по улучшению полицейской службы. Они собирают информацию о составе семьи и о том, как связаться с членами семьи в случае происшествий. Для предотвращения преступности несовершеннолетних многие офицеры обучают молодёжь различным видам спорта, а также другой деятельности включая рисование, каллиграфию и чайную церемонию. Для установления тесных связей с представителями общественности полиция участвует во многих культурных мероприятиях.

Кроме того, в стране существуют порядка 13 000 советов взаимодействия²³. Они состоят из представителей местных властей, занимающихся различными сферами общественной жизни. Члены совета имеют право на изучение и обсуждение аспектов жизни сообщества, для создания большей безопасности.

III. Полицейские ранги (звания)

В полиции Японии существуют следующие полицейские ранги: генеральный суперинтендант, старший комиссар, комиссар, помощник комиссара, суперинтендант, старший инспектор, инспектор, сержант, старший офицер полиции, офицер полиции. Высшей должностью в полиции является Генеральный комиссар НПА.

Недавно рекрутированные офицеры полиции посещают программы подготовки в полицейских школах префектуры. Сержанты и инспекторы проходят обучение в региональных полицейских школах, а старшие офицеры – в Национальной полицейской академии.

Офицеры полиции могут получить специализированное обучение, если этого требует занимаемая ими должность (например, в сфере криминалистики или иностранных языков).

Офицеры полиции должны обладать хорошими навыками дзюдо, кендо, техниками задержания и стрельбы. Тренировки по боевым искусствам и стрельбе проводятся регулярно.

IV. Компетенция сотрудников полиции

Сотрудник полиции может остановить и задать вопрос любому лицу, которого по разумным основаниям можно подозревать в совершении преступления, либо который может обладать информацией о преступлении или чьё поведение можно считать необычным. Полицейский может просить человека сопроводить его в ближайший полицейский участок или будку с целью опроса. Ни одно лицо не должно удерживаться физически, или приводиться в полицейский участок или будку силой, или быть принуждено отвечать на вопросы в отношении против его воли, если эти действия не осуществляются в порядке уголовного преследования. В соответствии с законом о содержании задержанных полицейский должен обыскать их на предмет обнаружения оружия²⁴.

19 Craig Parker L. The Japanese police system today. ME Sharpe, 2001. – P. 38–58.

20 Yoko Toyozaki, Stuart Varnam-Atkin, Sawada Gumi. – Are Japanese Cats Left-handed? // IBC Publishing. – 2008. – P. 19–21.

21 Ближайший российский аналог по функциям – участковый инспектор.

22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npa.go.jp/english/kyuuyou1/Police_Support_for_Crime_Victims.pdf

23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cupw.ca/index.cfm/ci_id/15106/la_id/1.htm

24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npa.go.jp/hakusyo/index.htm>

В случае если полицейский имеет разумные основания полагать, что лицо нуждается в чрезвычайной помощи и защите, полицейский должен предоставить ему защиту в любом подходящем месте, например, в полицейском участке, больнице, приюте и т.д. Речь идет о следующих категориях лиц: а) лицо, которое, может нанести травмы себе самостоятельно или иным лицам, или собственности, вследствие психического расстройства или алкогольного опьянения; б) потерявшие дети, больные, пострадавшие или не имеющие опекуна²⁵.

В случае если сотрудником полиции были приняты указанные меры, он должен в максимально короткий срок сообщить семье, представителям или другим заинтересованным лицам информацию о месте нахождения лица для скорейшей его передачи. В случае если ни один родственник, знакомый или иное заинтересованное лицо не найдены, полицейский должен немедленно привлечь соответствующие учреждения для охраны здоровья или любое другое государственное учреждение, ответственное за размещение таких лиц. «Полицейская защита» не может длиться свыше 24 часов. Вместе с тем данное положение не применяется в случаях, когда судом принимается решение о дополнительной защите лица. Такое разрешение выдается судьей по просьбе сотрудника полиции лишь в том случае, если судья сочтет существующие обстоятельства неотвратимыми; срок продления не должен в общей сложности превышать пяти дней.

В случае опасных ситуаций (стихийные бедствия, происшествия, разрушения инфраструктуры, ДТП, взрывов, появления бешеной собаки или в других ситуациях, которые создают угрозу для жизни и здоровья людей или причиняют серьезный ущерб собственности) полицейский должен оказывать необходимую помощь лицам, которые оказались на месте происшествия, а также должностным лицам, ответственным за обеспечение соответствующих объектов²⁶. В чрезвычайных случаях полицейский может удерживать или эвакуировать лиц, которые могут пострадать, во избежание вреда.

В случае если произошла ситуация, угрожающая причинением вреда жизни, здоровью и имуществу лиц, если офицер полиции считает неизбежным для того, чтобы предотвратить такую опасность, или уменьшить её последствия, он может входить на территорию любых земельных участков, строений, судов или транспортных средств. Менеджер или любое лицо, обладающее соответствующими полномочиями, в месте исполнения, гостинице, ресторане, железнодорожной станции или в любом другом месте с большим количеством клиентов, не вправе отказать офицеру полиции в посещении таких мест, в случае, если полицейский потребовал предоставления возможности посещения таких помещений в рабочее время с целью предотвращения какого-либо преступления, или опасности, создающей вред жизни, здоровью или имуществу других лиц. Полицейский информирует руководителя предприятия или лица с аналогичным положением о причине его посещения, и обязан предъявить документы, иденти-

фицирующие его личность. При этом, однако, полицейский не вправе вмешиваться в законное функционирование бизнеса заинтересованных лиц.

В случае если имеются разумные основания для задержания преступника или предотвращения побега, для самозащиты или защиты других лиц, или для подавления сопротивления, полицейский может использовать оружие, учитывая разумность и обоснованность таких действий в данной ситуации. При этом, однако, полицейский не должен причинить вред любому лицу, за исключением случаев, указанных в ст. 36 (самооборона) или ст. 37 (предотвращение вреда) УК.

Применение оружия, в частности, возможно:

а) в случае, если лицо, которое совершает преступление, или в отношении которого есть достаточные основания подозревать его в совершении преступления, при этом преступление является опасным, а лицо, совершившее его, подлежит смертной казни, пожизненному лишению свободы с исправительными работами, либо лишению свободы на срок не менее трех лет, и если данное лицо сопротивляется приказу полицейского или предпринимает попытку к бегству, оружие применяется при наличии разумных оснований полагать, что нет никаких других средств для предотвращения такого сопротивления или побега или для задержания;

б) в случае ареста лица в соответствии с ордером на арест, или выполнения привода в суд или содержания под стражей, если лицо сопротивляется приказам офицера полиции или принимает попытки к бегству, при наличии разумных оснований полагать, что нет других средств для предотвращения такого сопротивления или побега или для задержания.

Таким образом, в Японии отсутствует единый нормативный акт, регулирующий вопросы структуры полиции и ее деятельность. Функционирование японской полиции определено в законах 1948 г., 1954 г. и других. Вопросы участия полиции в оперативно-розыскной и процессуальной деятельности регулируются УПК и другими источниками.

25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npa.go.jp/english/syonen2/The_situation_of_child_protection_in_Japan.pdf

26 Takahiko Yasuda, Yusuke Takayama, Katsuhiko Soma. Police Policy Research Center. Activities of Japanese police in the Great East Japan Earthquake // Journal of International Criminal Justice Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aabri.com/manuscripts/131480.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБДУЛАЗИЗОВА Патимат Гасановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУЛЛАБЕКОВА Анжела Эльмирзаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУМУСЛИМОВА Лейла Гусейновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЗИЗОВА Пасихат Магомедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АКИМОВ Михаил Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Вениаминовна – аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов.

АЛИЕВ Хабибула Омарович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛИЕВ Шамиль Муртузович – соискатель кафедры международного права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

АНТОНОВ Владислав Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

АТАЕВА Патимат Атавовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

БАБАЕВА Джарият Гадживердиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Дагестанского государственного института народного хозяйства.

БАБАХАНОВА Мехрибан Эльдар гызы – преподавательница Азербайджанского университета языков, диссертант Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики.

БАШИРОВА Алина Камильевна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета.

БЕКИШИЕВ Абибула Алибекович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

БЕЛОВА Ирина Алексеевна – соискатель Тюменского государственного нефтегазового университета, специалист 1 категории отдела по обеспечению деятельности Главы администрации г. Тюмени, заместителей Главы администрации г. Тюмени Управления по обращениям граждан и делопроизводству административного департамента Администрации г. Тюмени.

БЕЛОНОВ Георгий Евгеньевич – соискатель кафедры философии и истории науки факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета.

БОГДАНОВ Вячеслав Владиславович – выпускник Марийского государственного университета.

БОЛТАНОВА Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент юридического института Томского государственного университета, доцент кафедры информационного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

БОНДАРЕНКО Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета, заместитель главного редактора Евразийского юридического журнала.

БОНДАРЕНКО Геннадий Викторович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

БЫШКОВ Павел Анатольевич – кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского университета дружбы народов.

ВИННИКОВА Ирина Владимировна – аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета.

ГАЛУШКИН Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального права Российского университета дружбы народов.

ГАМИДОВ Альберт Мефталиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета.

ГАМИДОВ Ринат Тажирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации.

ГОРКИНА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Волгоградской академии Министерства внутренних дел России.

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

ГУЗЕЕВ Юрий Андреевич – аспирант кафедры гражданского права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

- ГЮЛЬМАГОМЕДОВА Гюльзар Ахмедуллаховна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогообложения Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЕВСИКОВА Елена Витальевна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России, младший лейтенант полиции, член Ассоциации юристов Российской Федерации в Республике Крым, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственного Совета Республики Крым.
- ЕЛИСЕЕВА Екатерина Геннадьевна** – аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности.
- ЖИГУЛИНА Виктория Викторовна** – курсант 3 курса 331 взвода, рядовой полиции, Крымский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел России.
- ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- ЗАИДОВА Манарша Усманхановна** – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЗАЛИБЕКОВА Дайганат Залибековна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЗАМЯТИН Павел Васильевич** – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.
- ЗАНИБЕКОВ Мурат Магомедович** – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС).
- ЗУБАИРОВА Айшат Багавдиновна** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета.
- ИБАЕВ Рустам Камирович** – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ИБРАГИМОВА Аминат Хабибуллаевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухучет-1» Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ИБРАГИМОВА Асият Шамсудиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета народного хозяйства.
- ИБРАГИМОВА Ханича Алибуттаевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ИЗЮМОВ Игорь Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета.
- ИЛЮХИНА Ирина Борисовна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Орловский филиал).
- ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович** – доктор юридических наук, профессор кафедры экономического и финансового права Финансово-экономического института Таджикистана.
- КАБАНОВ Владимир Львович** – кандидат педагогических наук, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки Российской Федерации.
- КАРИМУЛАЕВА Эльмира Магомедовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения праву Дагестанского государственного педагогического университета.
- КАСИМОВА Джаминат Магомедовна** – старший преподаватель кафедры анализа финансово-хозяйственной деятельности и аудита Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- КЕЛЬБЯЛИЕВ Кельбяди Расулович** – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- КЛИМОВСКАЯ Ленера Робертовна** – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, исследователь Центра биомедицинской этики и права Левенского католического университета (Бельгия).
- КОНЕВА Александра Евгеньевна** – ассистент кафедры международного права Российского университета дружбы народов, аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов, магистр по правам человека и демократизации (Европейский межвузовский центр по правам человека и демократизации, Венеция, Италия).
- КОРНЕЕВА Ольга Валерьевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета.
- КОРОВЯКОВСКИЙ Денис Геннадьевич** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного права и организации таможенного дела Юридического института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).
- КРАСНОВА Виктория Александровна** – стажер-исследователь кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.
- КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и прав человека Московского педагогического государственного университета.
- КРОТОВ Андрей Владиславович** – кандидат юридических наук, докторант Южного федерального университета.
- КУЗНЕЦОВА Карина Викторовна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета.

- КУНБУТАЕВ Тимур Нурул-Исламович** – аспирант кафедры менеджмента, председатель по делам молодежи Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЛАБЫГИНА Анна Васильевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета.
- ЛЕБЕДЕВ Максим Викторович** – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.
- ЛЕЛЁТИНА Анастасия Валентиновна** – аспирант, член Российской ассоциации международного права.
- ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, ответственный редактор Евразийского юридического журнала.
- МАГОМЕДОВА Ханум Хакимовна** – аспирант кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета.
- МАГОМЕДРАСУЛОВА Раисат Багадуровна** – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- МАМЕДОВ Эльшан Фахрадинович** – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского национально-исследовательского государственного технического университета, заместитель председателя Молодежной организации Азербайджанского конгресса Иркутской области.
- МЕЛЬНИКОВ Александр Геннадиевич** – аспирант кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
- МЕЛЬНИКОВА Валентина Григорьевна** – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой информационного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, доцент юридического института Томского государственного университета.
- МИНЯЗЕВА Татьяна Федоровна** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Российского университета дружбы народов.
- МИРОНОВА Оксана Александровна** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- МИХАЙЛОВА Ирина Александровна** – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности.
- МИХАЙЛОВА Яна Станиславовна** – ассистент кафедры информационной безопасности Башкирского государственного университета.
- МУСАЕВА Асма Гаджиевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-прикладных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- МУСИНА Дилара Раисовна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- МУХТАРОВ Мухтар Гасанович** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского Государственного института народного хозяйства.
- НАЗАРЯН Гурген Саркисович** – аспирант кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.
- НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна** – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.
- НИКОЛАЮК Елена Андреевна** – аспирант институт демографии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».
- ОМАРОВА Хамисат Минкаилловна** – преподаватель кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета.
- ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.
- ПЕТРОВ Артур Игоревич** – кандидат технических наук, доцент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.
- ПЕТЮКОВА Оксана Николаевна** – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего по научной работе кафедры гражданского и арбитражного процесса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- ПИРОВА Рена Низамиевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ПИСЦОВ Анатолий Викторович** – ассистент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.
- ПОВАЛОВ Кирилл Александрович** – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ПОНАМОРЕНКО Владислав Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры денежно-кредитных отношений и монетарной политики и кафедры финансового права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- ПОТАШНИК Игорь Михайлович** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов.
- ПРОНИН Александр Алексеевич** – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Екатеринбургской академии современного искусства.

ПРОХОРОВ Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.

РАСУЛОВА Загират Дибиргаджиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогообложения Дагестанского государственного института народного хозяйства.

РАХЧЕВА Юлия Николаевна – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности.

РЕЗЯПОВ Артур Айратович – аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета.

САВЧЕНКО Светлана Антоновна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета.

САМУСЕВИЧ Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета.

СВЕТЛОВА Валентина Владимировна – аспирант Финансово-Технологической Академии г. Москвы.

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

СМАКАЕВ Азамат Фаритович – аспирант кафедры социальной философии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.

СМБАТЯН Анаит Сергеевна – кандидат юридических наук, старший эксперт АНО «Центр экспертизы по вопросам Всемирной торговой организации».

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович – кандидат юридических наук, научный сотрудник Аналитического центра Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, адвокат, член Адвокатской палаты г. Москвы.

СОЗЫКИНА Екатерина Эдуардовна – аспирант кафедры международного права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов.

СОЛОВЬЕВА Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

СТРУКОВ Константин Викторович – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

СУЛЕЙМАНОВА Айшат Шахрудиновна – преподаватель кафедры налогов и налогообложения Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.

ФАТТАХОВ Тимур Асфанович – стажер-исследователь института демографии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ХАМИДОВА Манзура Файзуллоевна – аспирантка кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета.

ЧЕРНИЧЕНКО Станислав Валентинович – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Президент Международно-правового клуба.

ЧЕЧКО Ольга Леонидовна – аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов.

ЧИКОТИНА Наталья Владимировна – начальник отдела правового обеспечения Счетной палаты Тюменской области.

ШАЙДУЛЛИН Расул Радикович – аспирант юридического факультета Университета управления «ТИСБИ».

ШИЯНОВ Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета.

ШУМАЕВ Виталий Андреевич – доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, профессор Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

ШУШПАНОВ Константин Сергеевич – юрисконсульт Фонда поддержки социально-экономического и регионального развития «РОСТ», магистрант Сибирского федерального университета.

ЮСУПКАДИЕВА Садикат Нурмагомедгаджиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ABOUT THE AUTHORS

ABDULAZIZOVA Patimat Gasanovna – Ph.D. in Law, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABDULLABEKOVA Angela Elmurzaeva – Ph.D. in History, associate professor of State and Law Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABDULMUSLIMOVA Leila Guseinovna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

AKIMOV Mikhail Yurievich – Ph.D. in Technical Sciences, associate professor of Motor Transport Operation sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

ALEKSEEVA Tatiana Veniaminovna – postgraduate student of Judicial Power, Law Enforcement and Advocacy sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

ALIEV Khabibula Omarovich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ALIEV Shamil Murtuzovich – competitor for a degree of the International Law sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University.

ANTONOV Vladimir Fedorovich – Ph. D. in Law, associate professor of International and Constitutional Law sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian Economical University.

ATAEVA Patimat Atavovna – Ph.D. in History, associate professor of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

AZIZOVA Pasikhat Magomedovna – Ph.D. in History, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

BABAKHANOVA Mehriban Eldar qizi – lecturer of Azerbaijan University of Languages, dissertator of the Academy of State Administration under the President of the Republic of Azerbaijan.

BABAYEVA Dzhavriyat Gadzhiverdievna – Ph.D. in Economics, associate professor of Management sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

BASHIROVA Alina Kamilevna – postgraduate student of Criminal Process and Criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University.

BEKISHIEV Khabibula Alibekovich – Ph.D. in History, associate professor of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

BELONOGOV Georgiy Evgenjevich – competitor of Philosophy and History of Science sub-faculty of the faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.

BELOVA Irina Alekseevna – competitor of the Tyumen State Oil and Gas University, specialist of 1st category of Department for Ensuring Activity of the Head of the Tyumen City Administration, the deputies of the Tyumen City Administration and the Office for Petitions and Records of the Administrative Department of the Administration of Tyumen.

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich – Ph.D. in Law, professor, Head of International and European Law sub-faculty of the Law Faculty of the Voronezh State University.

BOGDANOV Vyacheslav Vladislavovich – graduate of the Mari State University.

BOLTANOVA Elena Sergeevna – Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Tomsk State University, associate professor of Information Law sub-faculty of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

BONDARENKO Alexandr Viktorovich – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University, deputy Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal.

BONDARENKO Gennadiy Viktorovich – Ph.D. in Philosophy, associate professor, Head of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

BYSHKOV Pavel Anatoljevich – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, associate professor of Land and Environmental Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

CHECHKO Olga Leonidovna – postgraduate student of Law Enforcement and Human Rights Activities sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

CHERNICHENKO Stanislav Valentinovich – Honored Scientist of the Russian Federation, Ph. D. in Law, professor, President of the International Law Club.

CHIKOTINA Nataliya Vladimirovna – Head of the Regulatory Affairs Department of the Audit Chamber of Tyumen region.

ELISEEVA Ekaterina Gennadjevna – postgraduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna – Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Junior Lieutenant of police, a member of the Association of Lawyers of the Russian Federation in the Republic of Crimea, member of the Scientific Council on the Lawmaking under the Chairman of the State Council of the Republic of Crimea.

FASTOVICH Galina Gennadjevna – senior lecturer of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University.

FATTAKHOV Timur Asfanovich – research assistant of the Institute of Demography of the National Research University «Higher School of Economics».

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Mari State University.

GALUSHKIN Alexander Alexandrovich – Ph.D. in Law, associate professor of the Municipal Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

GAMIDOV Albert Meftalievich – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Process and Criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University.

GAMIDOV Rinat Tazhirovič – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Procedure sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

GORKINA Elena Vladimirovna – Ph.D. in Law, associate professor of Preliminary Investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

GRISHIN Oleg Evgenjevich – Ph.D. in Political Sciences, associate professor of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

GUZEEV Yuriy Andreevich – postgraduate student of Civil Law sub-faculty of the Finance University under the Government of the Russian Federation.

GYULMAGOMEDOVA Gulzar Akhmadullina – Ph.D. in Economics, associate professor of Taxes and Taxation sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

HAMIDOVA Manzura Faizulloevna – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University.

IBAEV Rustam Kamilovich – Ph.D. in Economics, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

IBRAGIMOVA Aminat Khabibullaevna – Ph.D. in Economics, associate professor of «Accounting-1» sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

IBRAGIMOVA Asiyat Shamsudinova – Ph.D. in History, associate professor of State and Law Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

IBRAGIMOVA Khanicha Alibuttaevna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of a National Economy.

ILYUKHINA Irina Borisovna – Ph.D. in Economics, associate professor of Economics and Finance sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Orel branch).

ISMAILOV Shavkat Mahmudovich – Ph.D. in Law, professor of Economic and Financial Law sub-faculty of the Financial-Economic Institute of Tajikistan.

IZUYMOV Igor Vladimirovich – Ph.D. in Law, associate professor of Sociology sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

KABANOV Vladimir Lvovich – Ph. D. in Pedagogy, Deputy Director of Department of state policy in the sphere of protection of children's rights of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

KARIMULAeva Elmira Magomedovna – Ph.D. in Pedagogy, associate professor of Theory and Methodology of Teaching the Law sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.

KASIMOVA Dzhaminat Magomedovna – senior lecturer of Analysis of Financial and Economic Activity and Audit sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

KELBALIEV Kelbali Rasulovich – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

KLIMOVSKAYA Lenara Robertovna – postgraduate student of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University, researcher of the Center for Biomedical Ethics and Law, Catholic University of Leuven (KU Leuven, Belgium).

KONEVA Alexandra Evgenjevna – assistant of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, European Master's Degree in Human Rights and Democratization (European Inter-University Centre for Human Rights and Democratization, Venice, Italy).

KORNEYEVA Olga Valerjevna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Mari State University.

KOROVYAKOVSKIY Denis Grigorjevich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Customs Law and Customs Organization sub-faculty of the Law Institute of the Moscow State University of Railway Communications (MIIT).

KRASNOVA Viktoriya Alexandrovna – probationer-explorer of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

KRIVENKIY Aleksandr Ivanovich – Ph. D. in History, professor, Head of International Law and Human Rights sub-faculty of the Moscow City Pedagogical University.

KROTOV Andrey Vladimirovich – Ph. D. in Law, doctoral student of the Southern Federal University.

KUNBUTAEV Timur Nurul-Islanovich – postgraduate student of Management sub-faculty, Chairman of youth affairs of the Dagestan State Institute of National Economy.

KUZNETSOVA Karina Viktorovna – Ph.D. in Economics, associate professor of Management and Marketing sub-faculty of the Orel State University.

LABYGINA Anna Viktorovna – Ph.D. in Law, associate professor of Civil and Criminal Law sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State Economic University.

LEBEDEV Maksim Viktorovich – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.

LELETINA Anastasiya Valentinovna – postgraduate student, member of the Russian Association of international law.

- LUKIYANOV Mikhail Yurjevich** – Ph.D. in Political Sciences, senior researcher of the Institute of Socio-Political and Legal Research of the Republic of Bashkortostan, executive editor of the Eurasian Law Journal.
- MAGOMEDOVA Khanum Khakimovna** – postgraduate student of the Civil Process sub-faculty of the Dagestan State University.
- MAGOMEDRASULOVA Raisat Bagadurovna** – senior lecturer of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MAMEDOV Elshan Fahraddinovich** – senior lecturer of State and Law disciplines sub-faculty of the Irkutsk National Research State Technical University, Deputy Chairman of the Youth organization of the Azerbaijani Congress of the Irkutsk region.
- MELNIKOV Alexandr Gennadjevich** – postgraduate student of Political Science, Sociology and Philosophy sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.
- MELNIKOVA Valentina Grigorjevna** – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Information Law sub-faculty of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, associate professor of the Institute of Law of the Tomsk State University.
- MIKHAILOVA Irina Alexandrovna** – Ph.D. in Law, professor of Civil and Entrepreneurial Law sub-faculty of the Russian State Academy of Intellectual Property.
- MIKHAILOVA Yana Stanislavovna** – assistant of Information Security sub-faculty of the Bashkir State University.
- MINYAZEVA Tatiana Fedorovna** – Ph.D. in Law, professor of Criminal Law and Procedure sub-faculty of the Law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- MIRONOVA Oksana Alexandrovna** – Ph.D. in Law, associate professor, Head of State and Law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- MUKHTAROV Mukhtar Gasanovich** – lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MUSAEVA Asma Gadzhievna** – Ph.D. in History, associate professor of State-Applied Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MUSINA Dilara Raisovna** – Ph.D. in Economics, associate professor of Economics and Management at the Enterprise of the Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- NAZARYAN Gurgen Sarkisovich** – postgraduate student of Political Sciences sub-faculty of the Russian Peoples' Friendship University.
- NESTERCHUK Olga Alexeevna** – Ph.D. in Political Sciences, professor of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.
- NIKOLAYUK Elena Andreevna** – postgraduate student of the Institute of Demography of the National Research University «Higher School of Economics».
- OMAROVA Khamisat Minkailovna** – lecturer of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- OSTAPOVICH Igor Yuryevich** – Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Gorno-Altaysk State University.
- PANCHENKO Vladislav Yuryevich** – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.
- PETROV Artur Igorevich** – Ph.D. in Technical Sciences, associate professor of Motor Transport Operation sub-faculty of the Tumen State Oil and Gas University.
- PETYUKOVA Oksana Nikolaevna** – Ph.D. in Law, professor, deputy head on scientific work of Civil and Arbitration Process sub-faculty of the Finance University under the Government of the Russian Federation.
- PIROVA Rena Nizamiyevna** – Ph.D. in History, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- PISTSOV Anatoliy Viktorovich** – assistant of Motor Transport Operation sub-faculty of the Tumen State Oil and Gas University.
- PONAMORENKO Vladislav Evgenjevich** – Ph.D. in Law, associate professor of Monetary Relations and Monetary Policy sub-faculty and of Financial Law sub-faculty of the Finance University under the Government of the Russian Federation.
- POTASHNIK Igor Mihailovich** – Ph.D. in Law, senior lecturer of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia.
- POVALOV Kirill Alexandrovich** – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- PROKHOROV Vladimir Vladimirovich** – Ph.D. in History, professor of State and Law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- PRONIN Alexandr Alexeevich** – Ph.D. in History, associate professor, leading researcher of the Ekaterinburg Academy of Contemporary Art.
- RAKHCHEVA Yuliya Nikolaevna** – postgraduate student of Civil and Business Law sub-faculty of the Russian State Academy of Intellectual Property.
- RASULOVA Zagirat Dibirgadzhevna** – Ph.D. in Economics, associate professor of Taxes and Taxation sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- REZYAPOV Artur Ayratovich** – postgraduate student of Criminal Process and Law-Enforcement Activity sub-faculty of the Udmurt State University.
- SAIDOVA Manarsha Usmanhanovna** – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- SAMUSEVICH Alexey Gennadjevich** – Ph.D. in Law, associate professor of State and Law Disciplines of the Irkutsk National Research Technical University.
- SAVCHENKO Svetlana Antonovna** – Ph. D. in Law, professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Tumen State University.

-
- SHAI DULLIN Rasul Radikovich** – postgraduate student of the Law Faculty of the University of Management «TISBI».
- SHIYANOV Alexey Vladimirovich** – Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Faculty of Law of the Southern Federal University.
- SHUMAEV Vitaliy Andreevich** – Ph.D. in economics, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Witte Moscow University, professor of Moscow State University of Railway Engineering.
- SHUSHPANOV Konstantin Sergeevich** – the legal counsel of the Fund for support of socio-economic and regional development «ROST», graduate student of Siberian Federal University.
- SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna** – Ph.D. in Law, professor of Civil and Entrepreneurial Law sub-faculty of the National Research University «Higher School of Economics».
- SMAKAEV Azamat Faritovich** – postgraduate student of Social Philosophy sub-faculty of the faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.
- SMBATYAN Anait Sergeevna** – Ph. D. in Law, Senior Expert of the WTO Expertise Center.
- SODIKOV Sharbatullo Dzhaborovich** – Ph. D. in Law, researcher of the Analytical center of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, lawyer, member of Moscow Chamber of Lawyers.
- SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich** – Ph. D. in Law, associate professor, Deputy head of International Law sub-faculty of Peoples' Friendship University of Russia.
- SOLOVYOVA Irina Anatoljevna** – Ph.D. in economics, associate professor of Economics and Management at the Enterprise of the Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- SOZYKINA Ekaterina Eduardovna** – postgraduate student of International Law sub-faculty of the National Research University «Higher School of Economics».
- STRUKOV Konstantin Viktorovich** – postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
- SULEYMANOVA Aishat Shakhrudinovna** – lecturer of Taxes and Taxation sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- SVETLOVA Valentina Vladimirovna** – postgraduate student of the Finance and Technology Academy, Moscow.
- VINNIKOVA Irina Vladimirovna** – postgraduate student of Financial Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- YUSUPKADIEVA Sadikat Nurmagometgadzhievna** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ZALIBEKOVA Dayganat Zalibekovna** – Ph.D. in economics, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ZAMYATIN Pavel Vasiljevich** – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.
- ZANIBEKOV Murat Magomedovich** – postgraduate student of Civil and Entrepreneurial Law sub-faculty of the Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS).
- ZHIGULINA Viktoriya Viktorovna** – cadet of the 3rd year, the platoon 331, private of the police of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich** – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Information Technologies in the work of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- ZUBAIROVA Aishat Bagavdinovna** – postgraduate student of Criminal Process and Criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University.